ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Литературные Памятники

Святой Егорий,
Русской державы покровитель.

Вячеславъ Ивановъ

Вячеслав Иванов

1866–1949

Скульптор А.С. Голубкина. 1914 г.

ВЯЧЕСЛАВ

ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

•

Издание подготовили

А.Л. ТОПОРКОВ, О.Л. ФЕТИСЕНКО,
А.Б. ШИШКИН

Научно-издательский центр
«Ладомир»
«Наука»
Москва

Ответственный редактор
А.Б. ШИШКИН

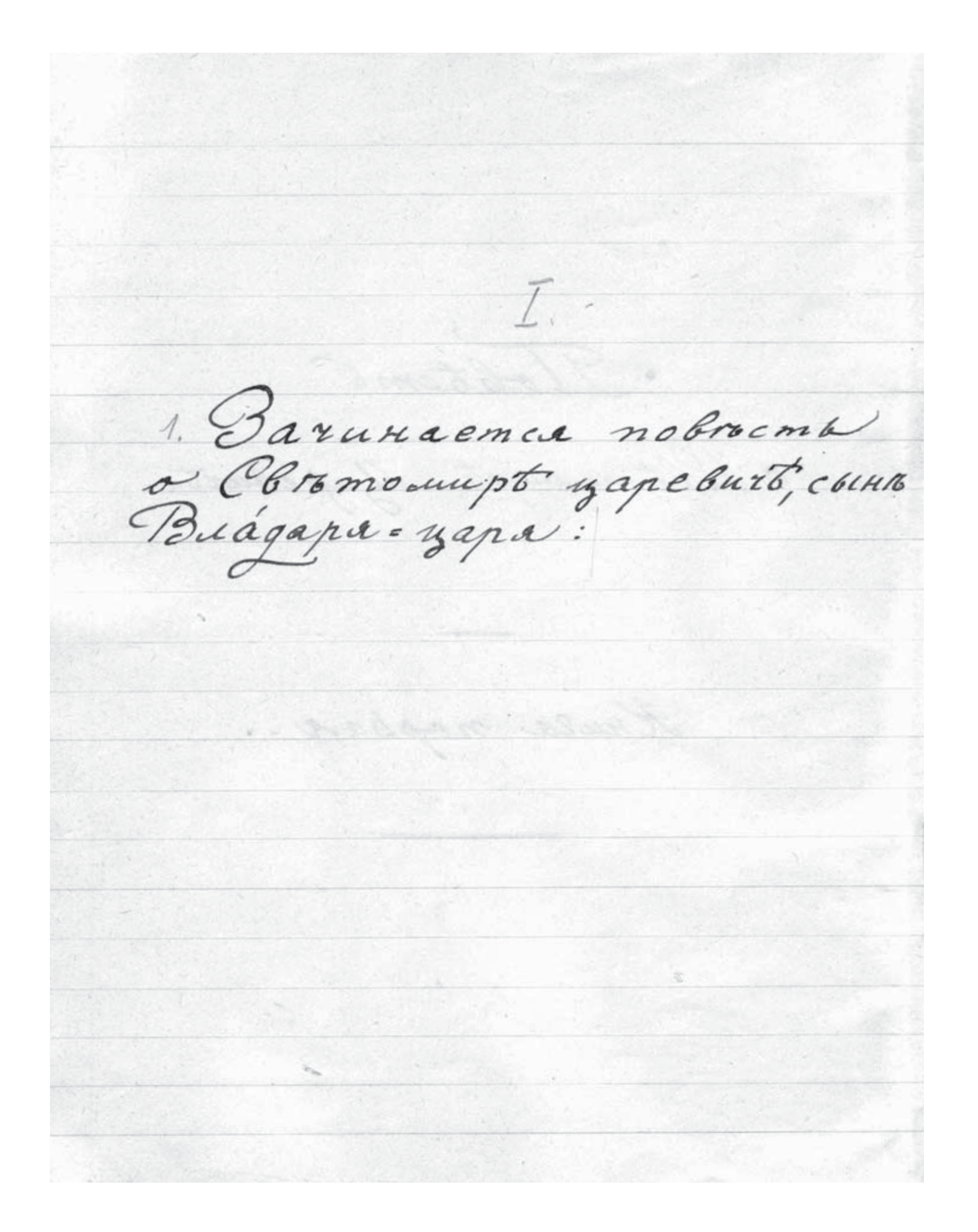
Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

ISBN 978-5-86218-532-4

ПОВЕСТЬ[1] О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ[2]

·

СКАЗАНИЕ[3] СТАРЦА-ИНОКА[4]


I.

1. Зачинается повѣсть о Свѣтомирѣ царевичѣ, сынѣ Вла́даря-царя:

Беловой автограф.
Книга первая, гл. I, стих 1. Чернила

КНИГА ПЕРВАЯ

I

1 Зачинается повесть о Светомире царевиче[1], сыне Вла́даря-царя:[2]

2 В белом царстве, христианском государстве[3], держал власть царь Володарь.

3 В его руке утвердилось державство[4] и возвеличилось, и простерлось владычество его на восток солнца и полдень, и запад, и полночь далече, и имя его наполнило вселенную;[5]

4 а народ работал на державу, и несла земля тяготы царства[6].

5 А сел государить Володарь в разруху и разоренье великое, и родину от супротивных целу отстоял, вскоре же и в вящей славе воздвиг,

6 не отчий в наследье прияв стол, но излюблен быв и показан и посажен Божиею милостию, церкви благословением и всея земли соборным изволением;

7 при явле́нных от Святого Егорья знамениях[7], яко восставший вождь в силе Егорьевой, отпрыск от кореня прозябший Господня Воина;[8] и не постыдило земли упование[9].

8 А допрежь того житие Володарево таково было.

II

1 Жива по̀ міру память: было у Егория у Храброго шесть лесных сестер[1], их же, во тьме неведения сидящих, брат по естеству светом Христовым просветил[2].

2 Сих вода́ми крещения убеленных жен непорочных[3] сыны и внуки, паче матернего наставления отцов и дедов бесоугодию и чарованию привершися и от святыя веры отступивши, – опричь единого Христова

исповедника, и того в юные лета замýчена[4], — братогубительным одержимы неистовством, в междоусобной распре друг друга мало не искоренили[5].

3 Один уцелел внучатый племянник Егорьев Горыня-богатырь с двумя сынами, от них же и Горынские князья пошли[6].

4 И прослыли те неключимые богатыри в молве Змиевым Семенем:[7] зачались, мол, — толковали простецы, — от потопа кровавого, как хлынула наземь полыньею кровь из утробы Дракона лютого[8], которого Божий посол Егорий благословенною стрелою пронзил[9].

5 И сии невегласы толико пустобредили[10], иные же иное измыслили нечестие: будто Егорьевы сестры, как в дубравах жили, змеиные стада пасли[11] и с демонами Змеевиками совокупились[12].

6 Оное же о Змиевом Семени слово в притчу, разумей, старые люди молвили, охуждаючи окаянство племени; молодые из присловья да порèкла нéбыль о пращуре Змие сплели[13].

7 Инò Горынских прозвание надоумило, от силы-де расплодились Змея Горыныча[14], как и в еллинских баснословиях сказуется зубов драконовых посев, чтò исполинов-извергов возростил.

8 Сим убо Кадмовым волотам подобно, своею же и те истребились яростью, брат брата боря́[15].

9 А раздорили из-за урочища малого, где чудотворную стрелу Егорий, пред живота кончиною, в сырỳ землю, мнили, вогнал; и кто, мечтали, ту стрелу добудет, всю землю себе под нóги покорит[16].

10 А в котором месте стрелы тайник, ни допрèдь не знавали, ни последѝ так и не доведались.

11 И заглох о стреле пòслух, и усмирилось древлее бесование, и сродников кровью политòе урочище быльем поросло.

III

1 Миновали века стародавние:[1] поредели темные леса да боры глухие, и зверье рыскучее от топора да плуга в дальние трущобы ушло, и в безлюдных местах города понастроились.

2 Было в те новые времена: оставалось от рода Горынских всего двое мужей — князь Давыд, веком из двоих старший, и князь Боривой[2], чтò друг друга и за родню не почитали, да и в глаза не видывали, сидючи Давыд в лесных угодьях, в серединной земле, близ оного кровавого урочища, именуемого Егорьевым, Боривой у степи окрайней;

3 а как сыновей, имени наследников, у них не было, издревле пресловутый — болезновали старцы памятливые, — вымирал род.

4 В тé поры оному князю Давыду Лазаревичу и княгине его Василисе Никитишне, из рода Микулиных, что вели себя от древлего богатыря Микулы Селяниновича[3], людям уже пожилым, боголюбцам и страннопримцам, даровал Бог первенца вожделенного, долгожданного, о нем же и повесть сия;

5 зане тому суждено в совете Господнем было землей володать, откуда и Володарѝ прозвище ему в годах приложилось[4].

6 Сына рождение матери еще в девичестве вещий знаменовал сон.

7 Снилось Василисе, будто гуляет она меж веселых подруженек по раздолью зеленому, да про себя думу думает: «И отколь красных девиц собралось такое множество? И в лицо ни единой, поди, не признáешь!»

8 Глядь, а навстречу ей, по-над лугом низехонько, плывет на воздусех, ровно челн по озеру, облак червлéный[5], и на том облаке, диво дивное[6], сам Свет-Егорий стоит, юноша красный в доспехах пресветлых, и копье лучевидное в руке держит[7].

9 И как наплыл на нее, водрузил ей копье-луч прямо в темя, и проник в нее луч сквозь все тело[8], и под тем она копьем под Егорьевым до самых грудей в землю вошла[9].

10 Перешепнулись подружки Василисины, как про сон тот сведали: «К могиле, знать, ей в сыру землю уход примнился».

11 А как посватался вскоре к Василисе князь Давыд, на сына рожденье толковали весть разгадчики: «через ее-де материнское чрево, оно же и есть Мать-Земля сама[10], хочет Егорий Святой в осталом своем роду новую славу явить».

12 И стала в супружестве Василиса ждать сына милого; но целых двадцать лет прошло и два года, а чета пребывала бесчадною[11].

IV

1 Бродила в Ильин день Василиса по дубравам окольным и набрела на заповедное урочище Егорьево.

2 Видит дуб старый, грозою опаленный, и родник под ним из земли бьет[1], по мху зеленому да по камушкам гладким разливается, плещется, на солнце играет.

3 Загляделась, залюбовалась Василиса на журчливый родник и востужила о своем бесплодии[2].

4 Окликнула ее старица прохожая[3] и говорит ей: «Почто тужишь? Сей дуб Егорьев, и родник сей Егорьев ключ[4]. Испей, по молитве, воды от источника[5] и ступай до грозы домой с миром»[6].

5 И, сказавши те слова, скрылася старица в дебри лесной.

6 Испила Василиса с молитвою воды ключевой студёной и пришла до грозы в дом свой, и в ту же ночь во чреве понесла.

7 Когда же родился младенец на Егорья вешнего[7] и наречен был над святою купелью, деду в честь, Лазарем[8], повелел Давыд:

8 ветхий, что над Егорьевым ключом, дуб срубить, и из комля цельный крест вытесать, и Святого Егорья образ в крест врезать, и сень из того же дуба соорудить, и поставить крест и сень над криницею[9].

9 И хвалили Бога родители обрадованные[10], и обновилась жизнь их, и ключом взыграла, словно давняя им вернулась младость[11].

V

1 Отрок же возрастал пригож и статен, телом не нарочито крепок, но упруг и гибок, и вынослив, и ловок; нравом пылок, но незлобив; мыслию высокомнителен, на язык воздержен;

2 в играх, охотах и ристаниях борз и смел; к учению книжному весьма горазд; в ответах сметлив и быстр;[1] родителям и старшим покорлив; с домочадцами и пришлыми людьми ласков.

3 И до тринадцатого года иным часом некое надмение без бахвальства являл и скорым, хоть и отходчивым, распалялся гневом.

4 А как пошел ему тринадцатый год и диковинное нечто промеж ребячьих затей ему приключилось, прежнее любоначалие то ли вовсе избыл, то ли обуздал и от благоуветливого и смиренномудренного обычая не уклонялся.

5 Приключилось же ему в игре от сверстников, княжьих и боярских детей, в цари выбрану быть[2], и повел он потешную рать в леса походом[3].

6 А родня его по матери, Васька Жихорь[4], из зависти всяческое ослушание и охальство ему чинил, и подражнял его и змеенышем поганым обзывал, и на кулачный бой, силою похваляяся, вызывал.

7 И сказал Лазарь: «Не подобно мне, царю, с тобою битися, инò тебя, крамольника, смертию казнить. Вяжи-ка его, дружина хоробрая!»[5]

8 И, сколь ни дюж был детинка, скрутили его лихие товарищи по рукам и по ногам и, под деревом оставивши одного, пò лесу рассыпались и над воплем его и ругательством издалече потешались,

9 как внезапно заглушил его клики вой волчий, и оробели ребята, и ужаснулись. Ринулся Лазарь, ног под собою не чуя, к месту, где Васька лежал, и видит:

10 оскалилась на отрока волчица лютая, и шерсть на ней от ярости вздыбилась[6], а самого не трогает, будто чего ждет; и, видючи Лазаря, бегущего на нее и возбраняющего ей, голову на выю вскинула и, взвывши, в чащу ушла[7].

11 Бросился Лазарь узлы на связне рубить, да тут же и забился в судороге, с пеною ỳ рта[8], и на недолгое время оцепенел.

12 Но не успела ватага оторопелая собраться и срядиться, в себя пришел и на резвы ноги вскочил, и весело мирился с Жихорем.

13 А тот его потàй убоялся, и николи с оного часа ему не грубил и не досаждал.

14 И велел Лазарь о приключившемся ничего дома не сказывать; нрав же свой оттоле на доброхотство и кротость преложил.

15 Также и в юношеский возраст вступив, благоразумия и целомудрия и добронравия образ носил.

16 А жил он в те лета уже не под кровом родительским, но отдан был отцом именитым военачальникам пòд руку, к ратному делу приобыкнуть, и от тех за воинскую доблесть изрядную похвалу имел.

VI

1 Прослышал князь Давыд, что у князя Боривоя дочь-красавица на выданье, и засылал в Боривоев дальний удел присных своих и искренних сватами[1] сказать ему:

2 «Челом тебе бьет Горынский родич, Давыд Лазаревич, и так говорит: у тебя товар, у меня купец; у тебя в дому душа-дéвица, а у нас удалой молодéц;

3 детей женитьбою, давай, род наш, славою великий и землями обильный, совокупим и всей земле оплотом поставим; кому иному и землю спасать, как не нашему роду Егорьеву?»

4 Нахмурился князь, ответа поджидая, нахохлился, нетерпеливые из-под бровей меча взоры; был он ростом невелик, сухощав, смуглолик, нос орлиный, глаза серые, острые.

5 А княгиня Василиса Никитишна день и ночь Богу молилась да вздыхала и напоследя̀х мужу открылася:

6 «Уж и ума я, свет мой, не приложу, на что сие прикинуть, — будто чей голос мне в уши без ослабы твердит: су́лена, да не су́жена, — су́лена, да не су́жена[2].
7 А и сон мне намедни приснился: вижу ее во сне, Боривоеву дочь, как живую, с глазами большими, темными, красивую да печальную; и лежит она будто окрай Лазаря на ложе пышном, а промеж ними булатный меч»[3].
8 Буркнул в ответ Давыд в сердцах: «Коли бы сны женские да сбывалися, давно бы тебе было в могиле тлеть, а не сына со мною прижить», — и поехал с любимым соколом на охоту.
9 Вернулись сваты и докладывали: «Принимал нас князь Боривой радушно и тебе с княгинею на почете благодарствовал.
10 А дочь моя, — сказывал, — за другого сговорена̀, за витязя доброго, его же я за сына воспитал, великую себе в бранях надёжу и подмогу.
11 Да и не к лицу, — говорит, — нам, говорит, степнякам-порубежникам, сторожевым земли оборонникам, с вами, вельможами, сво́иться: вы себе на лебяжьем пуху нежитесь, а мы в седлах ночуем.
12 У вас, ба́ют, стрела Егорьева в земле зарыта лежит, и не шело́хнется; а у нас калены̀ стрелы в тулах звенят[4].
13 А за то, — говорит, — я князя Давыда люблю, что горд и, как орел, в уединенном гнезде сидит[5], почестей и жалованных вотчин деля̀ с новыми людьми перед великим государем не угодничает».
14 Осерчал на родича князь Давыд Лазаревич, не любил, чтобы ему перечили, и сыну о сватовстве ни слова не сказал.

VII

1 Привязался в походах Лазарь к надёже-князю Симеону Игоревичу Управде.
2 Он же за ним, как за младшим братом, засматривал и в опасных делах, дабы по неопытности и рьяности не зарвался молодец, при себе попридерживал, уму-разуму учил; и на охоте, раз было дело, из-под бурой медведицы вызволил, еле жи́ва.
3 Слушался его во всем Лазарь совестливо, и крестами витязи поменялись[1].
4 Сей доблестный княжич, в детстве осиротев, воспитан был по соседству князем Горынским Боривоем.

5 Крут был меньшой Горынский, и дерзкосерд, и до браней охоч; и как окрай степи ордынской сидел, с нечестивыми измаильтянами в частых сечах рубился: грозой был неверным князь Боривой.
6 Отроком стремя ему Симеон держал; после же, чуть заслышит, что новая замя́тня насто́ит, со своими людьми на подмогу летел.
7 И обещал ему опекун, как из-под опеки его отпускал, дочь свою Гориславу в супруги; и мать деви́цы на смертном одре нареченных благословила.
8 Души не чаял князь Боривой в дочери единственной; возростил ее в бранном быту степною наездницей и полени́цею ласково величал[2].
9 Подруг у Гориславы не бывало[3], одиночество ей не докучало:[4] пò степи любила скакать, да травы степные собирать, да песни петь незнаемые, наговорные[5], и слыла в народе зна́харкою и веду́ньей, чтò в землю на семь пядѐй видит.
10 Отца крепко любила и одна его не боялась; а Симеона за старшòго брата уважать обыкла.
11 Храбр был в поле Симеон, сердцем же кроток и прост; а Гориславу гордою почитали люди и немилостивою, даром что недужных навещивала по всей округе и, какую хворь извести посулѝт, зельями вылечивала.
12 Торопил свадьбу жених; а невеста в ответ головой качала да все в дальнюю степь глядела очами грозными и горестными,
13 словно из-за края земли вести ль какой ждала, дива ль небывалого, — да, гляди, не на радость.

VIII

1 Пришатнулась лихая беда: не ждали, не гадали, как нагрянула степная орда;
2 князя в бою убила, княжье гнездо разорила, села и посады о́крест повыжгла, а Гориславу с девами и молодицами в полòн увела.
3 В те́ поры были Симеон и Лазарь в разъездах недальних вкупе и, как о набеге сведали, с отборною ватагой на выручку поскакали.
4 И настигла погоня полòн в диком поле, — в ханскую ставку увозили княжну похитчики, — и в кровавой сече поганых одолела, и полòн отняла.
5 Как волк в стае гончих дрался Лазарь[1], и шишак на голове его был рассечен; а сам уцелел. Но тяжело уранен был Симеон.

6 Уязвлен и окровавлен лежал Управда на поле победном, и темный облак ему очи застлал; через великую силу он речь держал, побратиму наказывал:

7 «Бога ради, бери ты, Лазарь, двух добрых коней, вези мою невесту в свою семью, к родителям твоим под опеку надежную.

8 До моего прихода ты мне ее береги; а не даст мне Господь целу и невредиму вернуться, женись на ней ты, коль полюбится. На то ты мне и крестовый брат».

9 И присягнул Лазарь Симеону крепкою клятвой завет держать, девицу беречь и, коль не судит Бог жениху живу остаться, взять ее за себя с охотою и любовию.

10 А как пошел за Гориславою и та перед ним покрывало подняла, оторопел Лазарь: тако̀й красы женской, нежной и грозной, в жизни не видывал.

11 И опустил глаза. А тут им коней подвели; и вскочили на коней оба, и в путь пустились.

IX

1 Долго бок о́ бок мчались и словом не перемолвились.

2 Когда же осталась за ними росная в сумерках степь и полный стал месяц над лесом, сошли с седел на привал.

3 И, сидючи у ручья под ракитою на ясной прогалине, вдруг звонко и протяжно запела Горислава жуткую песню, и́грищную, не по отце плач, не по женихе жаль:[1]

4 «Из-под бе́ла камня из-под ала́тыря[2]
Выдыба̀л млад змееныш яритися;
Из-под лю́та каменя горючего[3]
Выползала змея свадьбу правити,
Завивалася в кольца при месяце,
Зазывала на игры любовные[4]».

5 И сказал Лазарь: «Непутёвую ты песню поешь, не к добру кудесишь».

6 А она: «Горыниной силе волховвать, Егорьевой царевать. Наколдовала бы я тебе царство, да ты и без моих чар некогда царем будешь»[5].

7 Содрогнулся Лазарь и удивился, вспомнив матери сон, что̀ та ему, еще отроку, сказывала и на силы Егорьевой торжество в судьбе его грядущей прикидывала, и прошептал: «А ты как про то знаешь?»

8 Отвечала Горислава: «Вижу за тобой золоту стрелу»[6]. И запела опять:

9 «Улетай подале прочь, степно́й коршун,
Не подглядывай свадьбы змеиные!
Не вострие ты, разлучник, кривых когтей
Умыкну́ти змею во подне́бесье![7]
Как ужа́лит во́ра в пернату грудь,
Ужо̀ мертв падешь на сыру́ землю[8]».

10 Молвил Лазарь: «Неладные ты, красна де́вица, загадки, сдается, загадываешь;[9] да я-то хитрости женские домекать не охоч».

11 Она же в ответ: «Ужалить ужалю ненароком, на то я и змея Горынская[10], а лукавства женского во мне нет[11].

12 Без утайки скажу: люб ты мне, змееныш! Один на всем свете люб[12]. Кровь кровь кличет[13], чужой не хочет. Я тебе и в любови, и на царстве чета».

13 И возмутился духом от слов тех Лазарь, будто дремучие в нем колыхнулись омуты[14], и сладкое к ней потянуло желание; но тут же и злая в душе змеей шевельнулась ярость[15].

14 И собрался с силами, и утвердился в сердце своем, и сказал ей с укорою: «Бога ты не боишься; я же крест целовал брату моему крестовому тебя соблюсти»[16].

15 И перескочил через ручей, и бросил меч свой вдоль ручья, и молвил: «Как сей ручей нас разлучает и меч сей нас разделяет, так разделились пути наши».

16 И стала Горислава об-он-пол ручья и говорила: «Целованием ли двоих предать хочешь?[17] Выслушай слово мое.

17 Коль не выживет Симеон, тебе я сговорена: тебе меня сам он обрек, как и родители твои за тебя меня сватали.

18 А коль выживет да за мной придет, равно ему на свете не жить: грех на душу приму, а его изведу. Недаром ты мне булат подкинул.

19 Коль воистину соблюсти меня хочешь, соблюди ты душу мою. Полюбишь меня, — из плена змиева живую меня изведешь; мне будешь за Егория, и земле Егорьем себя покажешь[18].

20 Выдашь меня жениху постылому, — и его, и меня погубишь; да и сам ужо̀ змием станешь ползучим, как резвые ноги тебя не понесут»[19].

21 И вошла в ручей и, поднявши меч, к нему перебросила, и засмеялась: «Вот она загадка-то моя мудреная: на чем ты крест целовал? Ее ты, удалой мо́лодец, и разгадывай».

22 И воспалился в груди на нее Лазарь гневом лютым, но в меру гнева распалялось в нем и вожделение[20].
23 Ни слова в ответ не молвил, глаз на нее не поднял; молча на коней сели и на заре прискакали в посад знаемый,
24 откуда с надежными людьми послал Лазарь Гориславу к своим родителям, а сам назад в степь повернул. И путь держал к полку Симеонову.

X

1 Недугом знобим и палим, лежал Симеон под наметом в становище, и был промеж жизни и смерти немало дней, и переломилась немога на выжитье.
2 Бодрствовал ночью у одра его Лазарь, пониклый и унылый.
3 И прокрался в шатер кривой Чегирь, перебежчик из степной орды, что̀ в княжьем полку и за лазутчика был, и за знахаря, и на ухо Лазарю зашушукал:
4 «А и крепко спит, разлучник-от твой! А и дашь мне золотой казны, то николи не проснется».
5 Иссунул Лазарь из ножен меч и положил душепродавца на месте мертвым.
6 Очнулся спящий и, озираясь, о всполохе вопрошал. И не стерпел Лазарь и воскликнул в горе и гневе: «Мне он голову твою продавал».
7 Обнял Симеон Лазаря и ни о чем боле не допытывал.
8 Что ни день, тела в нем крепость на прибыль шла, души светлость на убыль.
9 Да и Лазарь, будто сам не свой, пасмурен бродил и хмур.
10 Когда же раненый и вовсе окреп, сели побратимы на ретивых коней и путь держали в родительскую Лазаря вотчину.
11 И на полпоприща остальной полк опередив, говорит по дороге Симеон Лазарю:
12 «Брат Лазарь, вещий мне ворон граял[1], что люба тебе стала Горислава больше брата твоего крестового».
13 Потупил очи Лазарь, помолчал и не́хотно вымолвил: «Ты, брат мой старшо̀й, мудрее меня: ин сам и рассуди, мне юному в научение, что̀ со мною с проводѝн тех содеялось.
14 Лютое некое, чую, одержит меня навождение. И любовь ли к ней эта лютость моя али ненависть, сам не ведаю»[2].

15 А Симеон ему: «В вас, Горынских, кровь кровь кличет, кровь кровь борет.
16 Лиха̀, брат, твоя прилука, да не лише тебя: ты и без Гориславы жив будешь. Я ж от тоски по ней, как в за́суху колос, иссохну».
17 Возгласил Лазарь: «Лихом тебе быть не хочу; у нее на себя лихо накличу».
18 Задумался Симеон и говорит: «Грех и соро̀м крестовым братьям не токмо о жене, но и о жизни тягаться.
19 Слушай, брат: и ты, и она из рода Егорьева. А есть на земле вашей святой кладязь, и кто из него воды напьется с молитвою, того, слыхать, Святой Егорий на добрый путь и во сне наставляет, и наяву приводит.
20 Как приедем в твои края, пойдем к тому колодцу вместе на богомолье да на суд Егорьев. Как Воин Христов рассудит и во сне покажет, с кем из нас Гориславе под венец идти, так тому и быть»[3].
21 Подумали, погадали и такову заповедь между собой положили.

XI

1 Как прибыли в Давыдовы земли, за́перво пошли витязи на урочище Егорьево и крест с криницею в дебри разыскали.
2 Сотворил молитву Симеон и, воды ключевой испив, навзничь лег под крестом, руки на груди сложив, как мертвец, и тихим вскоре сном забылся[1].
3 А Лазарь поодаль глядел, как он почивает, лицом светел и благообразен, и румянец на щеках похудалых заиграл, словно взошло перед ним во сне солнце утреннее[2].
4 Отступил тогда ангел от Лазаря, дабы предать его искусителю, и приступил к нему бес[3], и злобою ожесточал сердце его на Симеона, и раздражал его, мерзостное и остудное в уши ему влагая:
5 «Так-де будет пустосвят сей и на брачном ложе почивать с Гориславою, от любовных услад притомясь; и залюбуется невзначай жена покоренная на свет-негушку, супруга своего могутного да пригожего.
6 И змееныша подколодного, глядикась, припомнит, как тот его богатырской стопой в дорожный прах мимоходом втоптал, — припомнит да усмехнется»[4].
7 И подущал его бес: «Почто ты кривого Чегиря̀ убил? Ныне, коли сам меча не вынешь и не умертвишь спящего, любезною твоя Горислава добычею добытчику станет».

8 И не мог Лазарь взора отвести от Симеона почивающего, и подстрекал его бес: «убей» да «убей!»[5]
9 Тогда подошел ангел Лазарев к юноше и повернул его зà плечи лицом в другую сторону, дабы не видели очи его Симеона[6].

XII

1 Поникнул головою Лазарь и отошел под сени дубравные.
2 И вспомнилась ему Горислава на дубравной прогалине, как песни ему пела колдовские, зазывные и в очи ему зазывно глядела очами ласковыми и волшебными, и теми волшебными очами потаенные замыслы в сердце его читала;[1]
3 как вслух называла и надежно сулила, чего он и в заветной думе именовать не смел;
4 как в мужа тою ночью она превратила отрока, — да не в мужа токмо, а и впрямь не в кудесника ли самосильного?
5 Уж не на прельщение ли и пагубу души его таким его окрутила обаянием, такое навела на него наитие силы и дерзновения, что, мнится, дана ему на земле всякая власть:[2]
6 как наречешь, так и обречешь;[3] на что поглядел, тем и завладел; чего изволил, то и вымолил[4].
7 И, ровно хмель разымчивый, бросились ему в голову и будто по жилам огнем растеклись слова ее нежные и дерзкие: «Люб ты мне, змееныш; тебе я и в любови и на царстве чета».
8 И темною волной потянуло его к ней, грозной, желание неистовое, чтò грехом насытиться алчет, как лев снедью кровавой[5].
9 Тогда принял перед ним бес обличье Гориславы, будто невдалеке сидящей в заросли папоротниковой, и услышал Лазарь из уст ее сладких:
10 «Ты только на гибель его меня ради согласись; ведь единой мысли твоей и волки хищные повинуются»[6]. И озрелся Лазарь на Симеона.

XIII

1 И видит, из-за дерев выглядаючи: все спит Симеон, а над ним стоит матерой волк голодный, а за этим из-за густой чащи других волков глаза горят.

2 И слышит за собою Лазарь Гориславин тихий смех. И разъярился гневом внезапным на Гориславу, лютым, и ринулся с оружьем на зверя.
3 А зверь из глаз исчез, — будто его и не бывало; глядит на Лазаря кроткими очами Симеон, под крестом лежа, и тихо молвит: «Брат Лазарь, на кого ты ополчился?»
4 Бросил Лазарь булатный меч в сторону и говорит: «Волка прогнал. А ты какие сны видел?»
5 Ответствовал Симеон: «Видать ничего не видал, а слухом слышал, будто кует кузнец глубоко под землей тяжким молотом, кует да приговаривает:[1]

6 “Три венца кую[2],
Два зараз даю,
Третий один
После тяжких годин;
А и первый венец — жениха молодого,
А другой с ним — мученика Христова,
А третий, один, — царя земного”[3].

7 Не успел я и аминь сказать на первый венец, вожделенный, чтò с другим, светлейшим, вкупе дается, как ты меня разбудил».
8 Вскричал Лазарь: «Бери себе свою суженую, на счастье ль, на лихо ли, как Бог велит! Мне и без нее Егорий родич; ты же, и с ней под венцом, мне крестовый брат».
9 И бросился бежать прочь, как волк, перед сворою псов выпустивший из пасти добычу.
10 А бес ему вослед глумится: «А и лих ты, Лазарь-пролаза![4] Хитро домекнул, как и волчью утробу насытить, и овечьей шкуры с хребта не спустить[5].
11 Знает змееныш, что как токмо она душу свою погубит и мужа убьет, то к нему же придет полюбовницей. Самого Егорья объегорить изловчился:[6] и девки не прозевать, да и царский венец в придачу улучить. Ай да Лазарь-лазун!»
12 И ужаснулся Лазарь на то лукавство бесово, и отчаялся в спасении души своей.
13 И занемоглось ему в дороге: еле домой доплелся; дома же, всех отпустив, затворился в горнице своей, и лег на одр свой, и впал в забытье.

XIV

1 И привиделось Лазарю, будто стоит он в седой степи на белом камне отлогом[1] и пасет[2] с того высокого камня лобного[3] несметное овец стадо.

2 И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьем Свет-Егорий[4].

3 И запрещает волкам Егорий овец резать, иным же повелевает, назначая овцу или агнца или овна, и тогда хватает волк ловитву указанную и несет в стаю[5].

4 И будто машет Лазарь жезлом Егорию, и возбраняет ему, и сам дань отобрать сулит[6].

5 А Егорий в ответ: «Мне ты сам данью будешь: ныне за двоих выкуп[7], по долгом времени за всю землю оброк»[8].

6 И метнул Егорий копьем в Лазаря[9], и прошло копье сквозь чресла Лазаревы[10], и врос он в камень до чресл[11].

7 Пробудился спящий от сна и ощутил, что отнялись ноги его[12]. И заплакал Лазарь о своем убожестве.

8 И с той поры сиднем сел, жив и млад телом с головы до чресл, а ниже мертв[13].

9 И поднялся в дому великий плач, и сетование безутешное, словно живым Лазаря хоронили.

XV

1 Пришла Горислава из девичья терема к Василисе скорбящей и упала ей в ноги и говорила:

2 «Государыня-матушка, — ведь за мать родную ты сироте стала, — с повинной меня прими.

3 Чует сердце мое вещее, что за меня, окаянную, сын твой казнь принял».

4 Диву далась Василиса на слова Гориславины и почла ее за исступленную.

5 Та же без утайки рассказала, как полюбился ей провожатый Лазарь больше света Божьего, как ночью в лесу его соблазняла и супротив брата крестового на злобу и вероломство разжигала,

6 и как положила в сердце своем жениха убить, и как молила Лазаря душу ее пожалеть, жениху не выдавать, и как, ежели выдаст ее, кару на него наклика́ла.

7 «Вот», — говорила, рыдаючи, — «и накли́кала! Ведь все, почитай, догадались, куда, как приехали княжичи, первым делом пошли.

8 А и почто им было перво-на́перво на криницу идти? Не иначе, вестимо, как за судом за Егорьевым, чтобы Свят Егорий тяжбу их братнюю обо мне, о невесте, рассудил.

9 Вот он, из-за меня непотребной, и видим, каков-от вышел, Егорьев-то суд!»

10 Пожалела Василиса Гориславу, видючи ее и о Лазаре горе, и о злом своем умысле сердечное сокрушение,

11 и возблагодарила Бога за то, что сыну ее не токмо на беса одоление дал, но и временное, как уповала, испытание его грешной душе целением соделал.

12 Ибо верила слову Псалмопевца, что «не до конца прогневается Господь, нижѐ ввек враждует»[1]. И полюбила Василиса Гориславу.

XVI

1 Ушел Управда на ратную справу[1], Лазарь же сиднем сидел в дому.

2 И огорчился, и возроптал на Бога в сердце своем, и говорил матери своей:

3 «Вот, в Книге Царств читаю, что убил Давид-царь Урию, военачальника своего, мужа доброго, и жену его, Вирсавию, себе взял;[2] и утвердил Бог царство его, и рог его возвысил[3].

4 А я Гориславу поять не осмелился, Бога побоялся, брата крестового устыдился: ан и сижу сиднем. Царям, видно, совеститься не велено: им то не под стать[4].

5 А ты, матушка, снами доселе да гаданьями и сама обольщалась, да и меня морочила, славу мне и державу Егорьеву родовую сулила.

6 Думала сын твой Вла́дарь; а он, как наречен был Лазарем, таков и вышел: сиречь не Вла́дарь, а убогий Лазарь».

7 Отвечала Василиса: «Сын мой болезный, Богом изволенный, моими слезами вымоленный! Не столь меня телесная твоя скудѝ крушит, сколь духа уныние и ропот греховный.

8 Тело Бог и умертвить и оживить волен;[5] душу свою сам человек губит.

9 Веру, чадо, береги и с нею упование. Лазаря, и четверодневна во гробе, к жизни Христос воздвиг:[6] и ты, Лазарь, оживешь.

10 Рано ли, поздно ли, а Божье о тебе предназначение, чаю, исполнится. Недаром и рожденья твоего столько лет я ждала, веруя, что не вотще знамение о тебе мне дано было».

11 «Пойди к себе, матушка», — отвечал Лазарь, — «не докучай мне напрасно и раны моей сочащейся не береди».

12 Ушла княгиня в свой терем и горько плакала; и увидела ее Горислава плачущей, и говорила ей с дерзновением:

13 «Терпи, мать, и молись с надеждою неослабной. Что земля тучная колосу наливному, то надежда неослабная молитве доходчивой[7]. Великою радостью сии слезы твои обернутся[8].

14 Слышит сердце мое вещее, что не в кару и проклятие недуг сей на Лазаря наслан, но к силе и славе поздней[9]. Жертву Лазарь принес[10] и тою жертвою стяжал мощь[11].

15 Видела я, как тебя вижу, за его спиной золоту стрелу Егорьеву. И ранит стрела сия, и целит[12], и великого жребия знак есть. Ему наш род поднять дано; быть ему всея земли владыкою»[13].

16 Удивилась Василиса на те слова Гориславины и поведала ей сон свой девичий; и укрепились обе в уповании.

17 Князя же Давыда тем утешать не смели; неравно на бабьи бредни прогневается и еще пуще сердцем ожесточится.

18 И без того говорит: «Лучше бы сын мой умер, чем быть ему заживо мертвецом[14]. В темную тучу солнце рода нашего закатилось»[15].

XVII

1 Через год осенью, уж и до Филиповок незáдолго[1], приехал Симеон за невестою, и благословили его с Гориславою родители Лазаревы под венец идти.

2 Свадьбы у Горынских не играли, но прямо из-под венца повез новобрачный молодую жену по первопутку домой красным поездом.

3 Да не долго молодые жили вкупе. Два дня ходила Горислава в мужнином доме как обаянная; не ела, не пила, молчала да молилась часто.

4 А после третьей ночи поклонилась мужу в землю и со слезами взмолилась:

5 «Отпусти меня, государь мой, как уж и пост, гляди, зачинается, на богомолье дальнее по обету великому за спасенье твое и мое; и не токмо что к Святкам, а и до Светлой недели домой не жди»[2].

6 Скрепил сердце Управда и отпустил ее на хождение пешее с нищими богомольцами и странниками перехожими к дальним святыням.

7 И пошла скитаться Горислава зимою лютою по монастырям да пýстыням, и в стенах обителей святых проживала.

8 Когда же во чреве ее шевельнулся младенец, пождала еще и напоследя̀х надумала домой к мужу идти.

9 И уже приближалась с попутчиками к родным краям, как от встречных людей сведала, что гнезда Управдина и в помине нет:

10 все степным набегом пожженò и с землею срóвнено, и сам Управда живым в полòн взят.

11 Повернула Горислава в земли Давыда Горынского и в дому Давыдовом, как в семье родной, поселилась.

12 И подоспело уже ей время родов, когда весть пришла о кончине Симеоновой. Принуждаем был неверными Симеон отчей веры отречься и басурманский обычай принять.

13 Зане злобились на него и́здавна в орде за грозу Боривоеву[3] и, как несомненно знали, что Христа ради он и на лютую казнь пойдет, таковую ему и ковали погибель.

14 И умучен был в орде князь Симеон Управда за имя Христово.

XVIII

1 Как услышала про то Горислава, пришла к Василисе и простерлась перед нею наземь и, в грудь себя биючи со слезами, говорила:

2 «Ныне, государыня-матушка, как угодно было Господу Симеона к сонму преславных мучеников Своих сопричесть, выслушай, каково же было окаянство мое кромешное, и всю злобу мою змеиную познай.

3 Расскажу тебе, как меня, злодейку богоостудную, сатана искушал, как душу мою отчаянную, разбойную нà волос от конечной пагубы по краю водил и в бездну геенскую толкал.

4 Пошла я под венец, сердце скрепя, суда Егорьева ради, Егорьевой воле покорная.

5 А как осталась с мужем наедине, тут и вступило в меня навождение. Топор на него припасен держала за постелью брачной.

6 Две ночи, чуть он дремой забудется, за топором тянулась рукой; да, видно, сила Господня руку держала.

7 Не подымалась рука на неповинного, а сердце в груди, как зверь ярый в клетке, прядало. Всю руку я себе в те ночи зубами искусала, волчица бешеная[1].

8 На третью ночь встала я тихонько с постели, — а он спит, рóвно дышит, и губы приоткрылись, будто улыбаются, и румянец на щеках играет, — красивый такой.

9 Топор достала и совсем уж к удару изготовилась, да вдруг вижу, — Егорий ли сам очи мои отверз, твои ли тут молитвы помогли, Лазарево ли меня откупило страдание, —

10 вижу, матушка, на челе его светлый венец и будто кровь из-под венца на чело сочи́тся. И ужаснулось сердце мое, и умилилось[2].

11 Наутро, ни в чем ему не признавшись, запросилась я в дальнее богомолье, и он, видя трепет мой и тайную муку мою, не прекословя отпустил.

12 Долго я по святыням ходила, стужу и глад терпела, поклоны била, плоть свою нещадно казнила, грех свой тяжкий отмаливала.

13 Намедни говорит мне на исповеди отшельник некий, подвижник великий: “Отпускаю тебе властию, мне данною, грех пожелания и умышления твоего и обуреваемого естества твоего, по сердечному сокрушению твоему[3].

14 И благословляю тебя на подвиг материнства твоего, и благословенно будет дитя твое: мир оно в душу твою и многих прольет[4], отрадою тебе будет и прощением. И чаяние твое на ней свершится”.

15 Как сказал мне прозорливец таковы слова, надежда великая, словно заря в ночи, в душе моей воссияла».

16 Отвечала Василиса: «Сходи ты, дочь, помолись у источника Егорьева, чтобы дал тебе Святой благое от бремени разрешение, на мир и отраду и прощение всем нам[5].

17 Ибо тяжко почила на роде нашем десница Господня»[6].

XIX

1 Пошла Горислава на Егорьев ключ и молилась у креста над криницею.

2 И на молитве почувствовала, что наступил час ее, и обняла руками крест, на коленях стоючи; и схватили ее боли родильные, но не выпускала креста из рук, а как схватилась за него, все крепче держалась, доколе по муке недолгой не разрешилась от бремени.

3 И, родивши дочь, встала от креста через великую силу, и омыла младенца водою из кладязя[1], и, труд непомерный подъявши, и не глядючи на усталь смертельную, новорожденное дитя к Василисе донесла и на́ руки ей положила[2],

4 Сама же слегла, телом изнурена до измождения последних сил, душою воскресшая. И, светло возрадованная, говорила, плоти изнеможение перемогаючи, о младенце: «Родилась отрада моя»[3].

5 И нарекли дочь Симеона и Гориславы во святом крещении Евфросинией, что̀ значит: отрада; прозывать же обыкли завсегда Отрадою[4].

6 И когда окрестили Отраду, пришел ангел мирный к одру Гориславы и душу ее из уст вынул[5].

7 Родилась Отрада под Яблочный Спас, а под Успеньев день хоронили Гориславу;[6] и положили ее, по ее умолению, в заповедно̀й дубраве Егорьевой[7].

XX

1 Уж и третья весна расцвела с похорон Гориславиных, а все темен и хладен коснел Лазаря дух, как страна полунощная, и уста его замыкала обида.

2 Затворился в терему своем сидень и никого, опричь матери, на глаза к себе не пускал; разве князя-родителя во дни праздничные, и того с неохотой.

3 Думу ли про себя неотвязную думал, та̀к ли дремал душой: но Богу вовсе, почитай, не молился[1], книгам же божественным часами прилежал, не умиления ради, а научения;

4 инорядь из оных и княгине Василисе вслух читывал, как была она до писаний жадна.

5 Читал он ей так однажды про Давыда-царя повесть свою излюбленную[2] и, как дошел сказ до Вирсавии, внезапно возмутился духом и воскликнул:

6 «Не кори̇̀ меня ота̀й, матушка, за бесчувствие и окаменение сердца моего, что николи я ни Симеона, ни Гориславы ни слезою умильною, ниже словом не помянул.

7 Живой о живых жалеет, по мертвым плачет;[3] а я-то жив ли воистину, и сам того не ведаю.

8 Ровно в омут дремучий с головой затонул;[4] али на погосте лежу, с соседями переговариваюсь; и, мнится, мертвых на́шепты ближе слышу, чем ваши речи живые[5].

9 Потускнел, потемнел в очах моих свет солнечный, не радует сердца моего[6], и твой голос до меня доходит словно с того света.

10 Будто — знаешь, как нищие странники поют, — посадили меня в погреба глубокие, защитили щитами дубовыми, задвига́ли доска́ми чугунными, засыпа́ли песками рудожелтыми»[7].

11 Прервала речь его Василиса: «Так-то, сынок, о самом Свет-Егорье старцы поют перехожие. А и дальше поется стих:

12 “Как по Божию повелению,
По Егорьеву умолению,
Подымалися ветры буйные,
Разносили пески рудожелтые,
Раздвига́ли доски чугунные,
Разметали щиты все дубовые,
Выходит Егорий на вольный свет”».

13 Молвил Лазарь: «Вот в том-то и разница, что по Егорьеву, сказывают, умолению. И мне так прежде чаялось, как сила во мне жила: чего-де соизволил, то и вымолил.

14 А ныне ее мне, силы-то на хотение да умоление, отколь добыть? Сокрушил меня сильнейший меня[8] и силу мою из меня вынул.

15 Ушла из души моей силушка, как вода из пригоршни утекла. Не ноги у меня отнялись, а сила душевная. И при жизни душа моя в сень смертную низошла»[9].

16 А ему в ответ Василиса: «А чья она в тебе, сила-то, была? Не Егорьева ль? Егорий дал, Егорий взял[10], он ее тебе же и сохранит. На то ты и Егорьев родич».

17 Усмехнулся Лазарь: «Егорьева, — говорит, — сила царская. Стыдом да пощадою царство не наживается.

18 Сказывал я тебе о Давыде-царе: не так он, как я, поступал. Не такого, знать, и родича себе Егорий хочет».

19 Осерчала Василиса: «Полно, Лазарь, не криви ты душою! Не тем себе Давид царство добывал. И я, гляди, с тобою начетчицей стану[11].

20 А как он к Саулу в шатер ночью вошел и спящего погубить не восхотел[12], вот чем он себя царства достойным показал».

21 Задумался Лазарь, да и пуще принахмурился: «Хитра ты государыня-матушка, дитятко ненаглядное улещать, да ныне меня никáя лесть не берет.

22 Все одно мне стало: на царстве ли сидеть али сиднем за печкой. Не мани̓т мáна из сна-дремы. Отошла моя душенька в дальние места, незнáмые[13].

23 Помнишь, он же, царь Давид, траве усохшей человека уподобляет: что злак сельный, говорит, отцветет человек:[14] “яко дух прóйдет в нем, и не будет, и не познает ктому места своего”[15].

24 Такожде и мой дух тела своего былого не познаёт. Прошла через меня сила насквозь, и нет ее: остался злак сохлый да никлый»[16].

25 И отвернулся Лазарь лицом от матери на ложе своем.

XXI

1 С той поры перестал Лазарь с матерью беседовать и книг боле ни вслух, ни про себя не читал; и прошло так еще немало времени.

2 Только молчал, молчал сидень и говорит вдруг матери: «Уже давно, матушка, все сны мне снятся смутные[1]. Днем и не воспомнишь ясно, что̀ ночью привєрзилось.

3 Только во всех одно: брожу я будто по лугам каким-то, а окрест сумерки, и со мною Горислава.

4 И будто говорит мне: “Привольно тут нам друг с дружкой похаживать, как ты ныне по соседству обитаешь.

5 А вскоре тебя и совсем к себе уведу, в обитель мою таи́мую, на гостины долгие[2], и не прежде отпущу, как цвет обрадования моего на земле прозябнет”[3].

6 И многое будто мне поведать тщится, — таково мудро и важно глаголет, — и во сне будто все разумею; а проснешься, — коль и воспомнится что урывкою, не поймешь и сей же час запамятуешь.

7 А вот эти слова ее, хотя и не вразумительны они, и глухи слуху моему, а запомнились»[4].

8 Вздохнула Василиса и молвила: «Чаю, замолила грехи свои, страдалица, и верно за тебя ныне Бога молит.

9 Ты же, если бы и воистину в сень смертную низошел, в оной не останешься:[5] исхищен будешь чудом на вольный свет, как Иона изведен был из чрева ки́това, токмо ко Господу из преисподней воззови»[6].

10 Вскоре после того почали находить на Лазаря забытье глубокое и обмор непробудный;[7] месяцами бездыханен обмерший лежал, нетленному мертвецу подобен[8].

11 И так, в смерти жив и в жизни мертв, долгие годы цепенел[9].

11 И такъ, въ смерти живъ и въ жизни мертвъ, долгіе годы цѣпенѣлъ.

Беловой автограф.
Книга первая, гл. XXI, стих 11. Чернила

КНИГА ВТОРАЯ

I

1 В девятый раз чередой с похорон Гориславиных[1] проехал по лесам Егорий на белом коне; ласточек прикликал, росу спустил, скот в поле выгнал[2].
2 Земля озимое грела, цветами убиралась, щетился хлеб;
3 без памяти Лазарь лежал в покое своем, а в окно косящатое распахну́тое луга утренние, пахучие, весенним духом дышали.
4 И запел под окном звонкий голосок детский[3] славу ли некую богомольную, какими дети в большие праздники Христа славят, стих ли духовный, страннический, слуху приятный, сердцу умильный:

5 «Во темно̀м сыром бору[4]
Семь ключей повыбило[5].
На чисто̀й прогалине
Студенец серебряный, –
Студенец серебряный
Владычицы Дебренской»[6].

6 Перервался стих и сызнова зачинался:

«Во темно̀м сыром бору
Семь ключей повыбило:
Собирались семь ключей,
Сотекались семь живых
В кладезь Богородичен
Владычицы Дебренской»[7].

7 И открыл Лазарь глаза и прислушался; и уста замершие немо повторяли за голосом той песни желанной слова.

забытье глубокое и обморкъ
непробудный; мѣсяцами
бездыханенъ обмерший лежалъ
нетлѣнному мертвецу подобенъ.
И такъ, въ смерти живъ и
въ жизни мертвъ, долгіе годы
цѣпенѣлъ.

XXII. I

Въ девятой разъ чередой съ
похоронъ Гориславиныхъ проѣхалъ
по лѣсамъ Егорій на бѣломъ конѣ;
ласточекъ приклика́лъ, росу спустилъ,
скотъ въ поле выгналъ. Земля
озимое грѣла, цвѣтами убиралась;
безъ памяти Лазарь лежалъ въ покоѣ
своемъ, а въ окно косящатое, рас-
пахнутое, луга утренніе, пахучіе
весеннимъ духомъ дышали. И за-
пѣлъ подъ окномъ звонкий

Беловой автограф, с правкой.
Книга вторая, гл. I, стихи 1–3. 4 (начало).
Чернила, карандаш

8 Твердил голосок ангельский, уветливый:

«Во темно̀м сыром бору
Семь ключей повыбило.
Собирались семь ключей,
Сотекались семь живых[8]
На чисто̀й прогалине
В студенец серебряный».

9 И возжелал Лазарь из того студенца, в бору сокровенного, влаги напиться студеной, что из семи живых ключей стекается[9], и сладко было ему о тех чистых водах и тенистых древесах думать[10].

10 А песня протяжная лилась да лилась, переливчатая:[11]

«На чисто̀й прогалине
Студенец серебряный;
По заветну бе́режку
Шелкова муравушка, —
По заветну бережку
Владычицы Дебренской».

11 И, по роздыхе кратком, — словно кто на молитве воздохнул, — продолжалось пение:

«По заветну бе́режку
Мурава́ нетоптана,
По́ лугу нехо́жему
Травушка неко́шена,
Мурава шелко́вая,
Цветики лазо́ревы».

12 Внезапно умолкнул голосок, будто и на́долго; а потом опять, по-другому, затянул, ласково и жалостливо:

«Лазарь ты, Лазарь,
Убогий мой братец![12]
Пусти меня, Лазарю
Во светлую горенку!
Набрала я Лазарю,
Набрала убогому

„И, по роздыхѣ краткомъ, — словно кто на молитвѣ воздохнулъ, — продолжалось пѣніе:

„По завѣтну бе́режку
Мурава нетоптана,
По́ лугу нехо́жену
Травушка неко́шена,
Мурава шелко́вая,
Цвѣтики лазо́ревы."

Внезапно умолкнулъ голосокъ, будто и на́долго; а потомъ опять, по другому, затянулъ, ласково и жалостливо:

„Лазарь ты, Лазарь,
Убогій мой братецъ!
Пусти меня, Лазарю,
Во свѣтлую горенку!
Набрала я Лазарю,
Нарвала убогому
На лужайкѣ цвѣтиковъ,
Лазарю лазоревыхъ."

И проговорилъ Лазарь: „Кто ты?"

Беловой автограф.
Книга вторая, гл. II, стихи 11–12, 13 (начало).
Чернила

На лужайке цветиков,
Лазарю лазо́ревых»[13].

13 И проговорил Лазарь: «Кто ты?» Отвечал голосок под окном: «Отрада». — «Войди!» — молвил Лазарь.

II

1 И вошла в покой отроковица светлая и пригожая, и глянули на Лазаря из ее очей светоносных, словно из далинѝ далекой, из глубины глубокой, темные Гориславины очи[1].

2 И долу потупивши тихие вежды, длинными отененные ресницами, прямо и твердо подошла гостья нечаянная к одру болящего и нежною рукою рассыпала на грудь ему лесные цветы лазоревые;[2]

3 да тут же и застыдилась, отступила и поодаль стала, и лицо убрусцем прикрыла[3].

4 А он в смятении радостном, не ведал, явь ли то или сон. И стал вопрошать ее с ласкою; и отвечала ему отроковица твердо и истово.

5 И сошла с нее робость пома́лу, и в беседе тихой уже не сводила она с Лазаря очей своих ясных и важных.

6 Он же на те ответы ее, как в сновидении доводится спящему, и дивился в душе своей, и не дивился, будто иных и не ждал[4].

7 — «Кто тебя прислал, дитятко милое?» — спрашивал. — «Матушка». — «Где же сама-то осталась?» — «У криницы Егорьевой» —

8 — «Почто с тобою не пришла?» — «Она никогда в до́мы не ходит». —

9 — «Матушка по все дни со мною сидит». — «Твоя тò матушка, Василиса Свет-Никитишна, а я про свою говорю. Твоей матушке я внучка назва́ная, а дочка я Гориславина».

10 — «Знать, во сне ты, сиротка, родимую видела». — «Чудной ты, Лазарь: аль и тебя, скажешь, я во сне вижу?»

11 — «Умерла она, твоя матушка». — «Умерла, сказывают. Так что же, коль умерла? Она с живыми и не живет. А ко мне на криницу приходит».

12 — «Какова же она с виду-то, юже быти мниши блаженной памяти рабу Божию Гориславу? Красавица была твоя матушка».

13 — «Красавица и есть: ростом высокая, станом становитая, лебедушка величавая[5]. И глаза у нее большие, строгие, насквозь тебя видят, а ласковые: глядит на меня, будто солнышко греет.

14 И сама вся будто солнцем насквозь светится под алым платкòм, инò и зеленым»[6].

15 — «Что же она тебе говорит?» — «Мало ли что. Всего не перескажешь; да и не твоя то дума.

16 Вот и про то говорит, о чем я тебе пела. Только не всю я тебе песню спела: она длинная, а с тебя довольно.

17 А нынче говорит: “Набери цветов лазоревых, да Лазарю убогому и снеси от меня в подарочек: как он Лазарь, то и цветы ему к празднику лазоревые”.

18 Вот я их тебе и принесла». — «А какой сегодня праздник?» — «А Духов день»[7].

19 «И еще что наказывала?» — «А еще наказывала: “Скажи, коль обо мне спрашивать будет, что, мол, к себе его боле уводить не буду.

20 Довольно, говорит, его наставляла; пусть отныне о живых печалуется, на них силу копит, их ему упасать придется[8].

21 А ты, — говорит, — ему за меня отрадою будешь”. Вот и все, чтò про тебя мне наказывала».

22 И взял Лазарь цветы, и лицо ими прикрыл; и ручьями из глаз его полились легкие слезы, усладные;[9] и в тихое впал забытье.

III

1 Был Лазарь в забытьи обморочном весь день тот и всю ночь, и еще день и ночь, и день третий весь; а на третью ночь очнулся.

2 И озрелся в горнице, образны́ми лампадами озаренной, и увидел мать свою на коленях перед иконами, и позвал ее тихо: «Матушка! а матушка!»

3 И когда она подошла к его постели, проговорил: «В добрый час слово молвить! Чувствую в себе дыхание жизни новое и уповаю: миновал мо́рок.

4 Скорее бы уж утро рассвело: возжелала душа моя лучей солнечных и к вам на Божий свет из безвестной стороны вернулась».

5 И сказала Василиса: «Аминь!» и возблагодарила милость Господню, и пищи сыну вкусить дала, каравая пшеничного с медом.

6 И говорит ей Лазарь: «Наутро приведи ко мне дитя свое богоданное: видеть ее хочу, какова она, Отрада твоя. Горислава мне про нее во сне наказывала:

7 “Срок мне, — говорит, — на вольный свет тебя отпустить. Как вернешься, на́перво Отраду позови: тебе она за меня воистину отрадою будет”[1].

8 Так мне, помню, во сне Горислава заповедывала».

9 Отвечала Василиса: «Наутро к тебе с моею сироткою жалёной, внучкою назвáнной, приду; ты же теперь успокойся с Богом и до света усни».

10 И покоился Лазарь до света; а в ранний час отроков за княгинею посылал и дитя привести торопил.

11 И вошла к нему Василиса с Отрадою, и сказал отроковице Лазарь: «Во сне ли я тебя видел?» Она же молчала.

12 И еще сказал: «Матушка твоя, Горислава, в сновидении мне тебя издалече показывала, как ты у криницы лазоревы цветы собирала[2].

13 И будто говорит мне матушка твоя: “Цветики-то, гляди, она тебе собирает: как ты Лазарь, — говорит, — то и цветики тебе лазоревые”.

14 И будто слышал я издалече: песню ты пела таково заветную, словно ѝздавна ее знавал, да забыл. И ныне хочет вспомнить душа, какую ты, как цветы те рвала, песню пела[3], милую да умильную, — хочет и не может».

15 И глядел Лазарь на отроковицу, песни той от нее дожидаючи.

16 И сказала Василиса Отраде: «Спой, внучка, Лазарю песенки, какие знаешь». Но та молчала потупившись.

17 Опять заговорил Лазарь: «И ничего, мнится, нет в обличье твоем светлом и миловидном от матери; а как на тебя гляжу, кажется мне, будто она тут вот около меня стоит»[4].

18 И облобызал дитя со слезами. И увела Василиса Отраду, дабы Лазарь имел покой.

IV

1 Отошла от Лазаря сонная немочь, и вернулась ему бодрость душевная, и памяти твердость, и ясность разумения.

2 Купно и вера в сердце ожила: почàл молитвы помалу творить, и правило церковное блюсти, и в словеса боговдохновенные и в жития угодников Божиих вникать уже с некоею теплотою сердечною.

3 А по Отраде, и на малое время ее от себя отпуская, скучал: все на нее глядел, не мог наглядеться,

4 как она в его покое то ли какою забавою детской забавляется, то ли у окна за рукодельицем сидит степенно да пристально.

5 А то и сам с нею зачинал потешаться да гуторить, в игры ль играть домашние — в гусек, в чет-и-нечет, в шашки, в зернь[1].

6 Она же и сказки сказывать досужа была, и песни петь нарочито горазда, какие аль от прохожих странников слыхивала, аль и сама, гляди, сложила; и таково складно да ладно и слова придумывала, и напев выводила, что до умиления Лазарь теми песнями ее услаждался.

7 Давно перестала подружка ласковая робеть его и дичиться: куда тут, и за мамку ему бывала, играючи, а он ей за дитя малое;

8 а иным часом, ровно к брату старшому, ластилась; а то вдруг и подойти поближе не хочет, стáтится, исподлобья на него поглядывает, а глаза смеются.

9 Журила его тоже да корила, смеючись, за убожество: сиднем-лёжнем обзывала, байбаком ленивым, лесным боярином-лежебоком, чтò жиру зá лето нажил да лапу себе в берлоге и сосет, за всю зиму раз с боку на бок повернется, и то на солнцеворот[2].

10 И не в обиду то Лазарю было, а в утеху и веселье, будто и впрямь он потехи ради убогим притворился.

11 Обыкла с ним Отрада целые дни проводить, с утра у княгини в Лазарев терем просилась, а с дворовыми подружками играть не шла.

V

1 Миновала так зима и лето красное, пошел Отраде одиннадцатый годок, и зачала она Лазаря молить: «Научи да научи меня грамоте, читать и писать».

2 А Лазарь тому и рад был; и как оказалась отроковица весьма понятлива и памятлива, то по малом времени уже и Псалтирь разбирала, а минул год — и из других книг довольно прочла[1].

3 А чтò начитала, по-своему любила пересказывать: — «Смотри», говорила, «Лазарь, твердо ли я все упомнила, дóбре ли в толк взяла, так ли догадалась».

4 И дивились иною порой Лазарь и Василиса на речи ее замысловатые, будто и не детские[2].

5 Читали они, к примеру, в Книге Бытия, как Господь Бог прародителей наших за первый грех древлего ослушания покарал, Адаму смертию умереть назначал, Еве же и чад родить в муках[3].

6 И говорит Отрада: «Меньше в том казни было, — так разумею, — нежели милости. Коли дитя родить матери благо, — стало и помереть человеку не лихо.

7 Не убыль человеку смерть, а силы прибыль[4]. А что в болезнях матери детей рожать определено, то радости ее не отымает.

8 Так и с этою жизнью расставанье боль человеку и скорбь; но из этой скорби радость процвести должна[5] такая же, какая матери радость есть на дитя рожоное».

9 Сказала Василиса: «Добро тому, кто достойно преставится; но смерть грешника люта, и кого грехи тянут тяжкие, тому жизни конец суда начало».

10 Отвечала Отрада: «Бог милостив. Да ведь и дети тоже не всегда бывают родителям в утешение. Первый-то у Евы сын кто был? Каин![6] А и грехи многие, Божией Матери предстательством, замолить можно».

11 — «Разумница ты у меня, вся в матушку свою пошла», — молвила Василиса, — «и кто тебя сему научил?» Прошептала Отрада: «Вестимо, матушка».

12 Засмеялась княгиня ласково: «Как же она тебя в том наставлять могла, когда ты ее, страдалицы, Богом взысканной, сиротинка ты горькая, и не помнишь?»

13 Потупила очи Отрада, затулилася и ничего на все расспросы не отвечала.

VI

1 Сидела Отрада возле Лазаря, — шел ей тогда год тринадцатый, — и читали они опять ту же об изгнании праотцев из вертограда едемского повесть[1], и говорит Отрада:

2 «Внимай, убогий, да вникай: я тебе о земном рае стих спою[2], — чтò мне пустынька дубравная нашумела, поведаю»[3]. И запела:

3 — «Уж ты, Раю мой, Раю пресветлый[4],
Ты почтó еси мне заповедан?[5]
И куда ж от меня затворился,
Невиди́мою схимой покрылся?[6]
Али мною ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен
И цветешь в небеси на возду́сех,
А сыру́ землю си́ру покинул?[7] —
4 То не крины душистые пахнут[8],
То не воды журчàт живые, —
Говорит Адамовым чадам
Посхи́менный Рай, затворéнный:
— "Вы не плачьтесь, Адамовы чада:

Беловой автограф.
Книга вторая, гл. VI. «Песнь о Рае».
Чернила

Беловой автограф.
Книга вторая, гл. VI. «Песнь о Рае».
Чернила

Я не взят от земли на нéбо,
Не восхи́щен к престолу Господню
И родимой земли не покинул.
А цвету я от вас недалече,
За лазоревой тонкой завéсой:
Ту завéсу лазореву знает,
Кто насытил сердце слезами[9].
5 Где проходит Божия Матерь
По земле святыми стопами,
Там окрѐст и я простираю
Добровонные сени древесны;
Там бегут мои чистые воды,
Там поют мои райские птицы;
Посреди же меня Древо Жизни[10],
Древо Жизни – Пречистая Дева”»[11].

6 – «Знаю», – сказал Лазарь, – «мне в тот рай Богородичен не вступить;[12] а послушать тебя сердцу утеха и некое о Земле-Матери упование[13]. Отрадою ты мне юдоль сию слезную озаряешь».

7 Сказала в ответ Отрада: «Так оно и есть, Лазарь, как я пою. А Егорья Божия Матерь любит. Он перед Нею по земле на белом коне едет, а Пречистая за ним идет[14].

8 Он – Ее слуга; ты же – слуга Егорьев. И тебя Матерь Божия пожалеет».

9 «Знаю ныне», – воскликнул Лазарь, – «что̀ оно, то словечко твое, значило, что̀ ненароком ты про матушку свою проронила: от нее-де наставляема была в том, что̀ от наших очей, как оный твой рай, сокровенно.

10 Воистину, отрадою ты мне из голубой той скинии, слезным покрывалом завѐшенной, послана́[15].

11 Воспомнилось мне, когда ты стих свой о рае недальнем пела, ясно воспомнилось: не во сне я тебя тогда с лазоревыми цветами видел[16].

12 Наяву ты мне их сюда, недужному, приносила от Гориславы совестью утешною, и песню ту наяву мне пела заветную, милую.

13 Не таись, Отрада, скажи мне, что так и было; как ныне припомнилось, и спой мне еще ту самую песню».

14 Взглянула на него Отрада очами далекими, Гориславиными, и, ничего не сказавши в ответ, убежала.

VII

1 В то лето переменился Отрады нрав и обычай. Реже и не на́долго Лазаря навещать стала.

2 Иной раз, заупрямившись, и на зов не шла, и тем своим норовом его, как дитя малое, до слез доводила.

3 Повадилась с девками дворовыми прокудить[1], с пастушонками сельскими в шалые игры играть.

4 Удержу ей не было: на коней необъезженных вскакивала, быков бодливых в стаде дразнила.

5 Расходится, — ей и не перечь: в буйственное некое входила отчаянье, после же в унынье глухое и тоску безутешную.

6 Приводила ее тогда Василиса насильно к Лазарю: как он взглянет на нее пристально, она и притихнет; а улыбнется ласково, — и она вся тихим светом засветится[2].

7 Уж и Писание вместе реже читывали. Сидит раз Отрада у Лазаря, виноватая, пристыженная: в тот день она и добрую княгинюшку непокорливостью прогневала.

8 И читают они в Евангелии, что Христос из Марии Магдалины семь бесов изгнал;[3] и говорит вдруг Отрада:

9 «Тебя-то, Лазарь, Матерь Божия пожалеет, — мне так и матушка говорила, — а вот я у тебя дурная, грешница злая. Я и на тебя, убогого, в душе гневаюсь».

10 «За что же ты на меня-то осерчала, дитятко?» — говорит Лазарь: «али я тебя чем обидел?»

11 Отвечала Отрада: «Не обидел еще, а ужò обидишь!» — и залилась слезами горючими. А Лазарь дивился.

12 «Скажи мне», — говорит, — «чтò у тебя на душе, Отрадушка». А она в ответ:

13 «Придет, знаю, такое времечко, — да уж и ждать его не долго, не за горами она, волюшка твоя вольная:

14 укрепишься ты мыслями, и мышцами, и жилами, и жизнию, и всем составом своим душевным и телесным;[4] мертвою водою тебя Егорий обрызнул, вскоре и живою окропит[5].

15 С постели воспрянешь, богатырем могутным обернешься, как Илья Муромец, чтò тоже не мало годков за печкою сиднем сидел;[6] сядешь на добрà коня, славу себе добывать уедешь.

16 А на меня, сироту, и не взглянешь; да я еще и летами мала. На царевне на заморской женишься, на Василисе премудрой; а свою Отраду забудешь».

17 Засмеялся Лазарь, да и запечалился: «Гляди», — говорит, — «как бы мне сиднем век свой не завековать.

18 А вот ты скоро подрастешь, замуж тебя выдадут за княжича удалого, да такого пригожего, что ни в сказке сказать, ни пером описать: ин ты меня и забудешь».

19 «Нет, убогий!» — тихо Отрада молвила: «я за него замуж не пойду; в монастырь пойду и там за тебя молиться буду. Только грешница я великая:[7] не знаю, молитвы-то мои доходчивы ли будут».

20 Засмеялся Лазарь: «Какие же на тебе грехи такие, дитя ты малое?» Воскликнула Отрада истово и горестно:

21 «Во всем тебе, Лазарь, повинюсь; как на духу откроюсь. Приходила ко мне матушка на криницу; а ныне, вот уже год, почитай, целый, и боле, меня оставила; и стала я самой себе словно чужая.

22 В последний раз, как я ее видела, вся в белом она была и еле видна сквозь туман утренний, солнышком просвеченный, и не распознать было, на нее глядючи, близко ли она тут стоит, далече ли[8].

23 И долго матушка, и таково ласково, на меня глядела, а напоследя̀х сказала: “Отныне тебе сама Пречистая матерью будет, коли сердце чистое соблюдешь”.

24 Слышь, Лазарь, сердце чистое. А разве чистое у меня сердце? С тех пор, как нарочно, бес ко мне и пристал.

25 Чего, чего мне лукавый не нашептывает: сказать зазорно. На колдовство и срамоту подущает.

26 “Сотрѝ, — говорит, — змею в пыль, с рудо́ю-кровью смешай, да разденься перед Лазарем до́нага, да попляши, да тою кровью его и сбрызни;[9] как встрепаный вскочит и тебя одну любить будет”.

27 А чаще убиться велит: ты, говорит, проклятая; сердца нечистотою и себя, и Лазаря погубила; одно тебе осталось — руки на себя наложить[10].

28 Покинула меня, сироту, матушка, да и Матерь Божия не приходит. А я Ее и не зову. Давно уже Пречистой молиться перестала».

29 «Почему же», — спросил Лазарь, — «со мною ты столь часто Матерь Божию поминаешь, на Нее уповать учишь, а сама, бесу на поживу, Ей не молишься?»

30 Отвечала Отрада сквозь слезы: «Ах, Лазарь, Лазарь! Как же я Ей молиться стану? Ведь о тебе об одном вся молитва моя.

31 А вдруг бы Она меня и послушалась, и исцелила бы тебя; а ты бы на́ ноги встал, в стремя ногу, да и был таков.

32 Поколе ты убогий, весь ты мой тут. Не хочу тебя отпустить. С силою собраться не могу; а, знаю, должна.

33 Вот отчего и Пречистой не молюсь, грех на душу беру. Лучше согрешить хочу, нежели тебя лишиться[11]. Познай меня, грешницу злую, погубительницу твою!»

34 И убежала, как зверек дикий от ловца, в перепуге и смятении.

VIII

1 Спокойнее с того дня стала Отрада и благоразумнее, и буйство ее шалое утихло; с подружками играть зачала в игры девичьи, только прежней ясности ее веселой да ласковой как не бывало.

2 Задумывалась иным часом и нá людях; в глушинỳ одна уйти норовила, песни свои про себя распевать, чтобы люди не слышали.

3 Училась усердно, но о божественном не заговаривала. Читали же они с Лазарем, окроме священных книг, и цветники[1], и повести разные: на списки харатейные Лазарь казны не жалел[2].

4 И пытала его Отрада о многом, в чем и сам он несведом и недотошлив был: о колесниц небесных коловращении, и о всем естестве и стихиях и земли основаниях, и о всякой твари, и о племенах человеческих.

5 Так оба тихо и ладно, ровно брат и сестрица-разумница, за книгами сиживали, особливо вечерами зимними.

6 Только говорит однажды Отрада Лазарю: «Не добро, Лазарь, что ты от людей загородился, словно очурался. Хоть бы странников послушал, как они о своих странствиях — и в Святую Землю иные хаживали — повествуют:

7 какие диковины видовали, какие небывальщины слыхивали, басни жидовские и кощуны эллинские;[3] и прилыгают вестимо, а послушать занятно; а и правды много сказывают».

8 Потакнỳл Лазарь нéхотя, а через день, другой и сам чужие лица повидать, голоса чужие услышать возжелал; а странников захожих у княгини был полон двор.

9 И стал он их иным часом к себе зазывать да выспрашивать, откуда родом, да как дòма жили, страдỳ стрáдили, да где бывали, чтò на свете видали, о местах хождения и свычаях иноземных,

10 и чтò на земле широкой деется, и чтò в христианском народе молвится, как люди труждаются, о чем плачутся, на что уповают, чего домогаются; о чудесах же и знамениях причитать да воздыхать, да сказания отреченные пересказывать возбранял.

11 И сетованиям их внимая о туге мiрской и разрухе земской, о набегах да разгромах да властей утеснениях, о нищете сельской и многих земель запустении, усмехался Лазарь горько и говаривал, головою покивая:

12 «Пришла беда, отворяй воротà: то ли еще будет? До света кончины, как вы там, богомолы, с богомолками вашими суесловите, мню — далекò; а царства православного конечной погибели[4], как пить дать, дождемся».

13 И смущалися странники, и недоумевали: почто сидень, коли не впрямь из ума выжил, в избе сидючи, горшую беду накликáет.

14 И отпускал их Лазарь с досадою в сердце и на их юродство, и на царства (как про себя думал) разорителей, пастырей-волков хищных[5].

15 «Ужо вы», — говорил, — «люди добрые, идите-ка себе с Богом! Матушка вам угощенья понапасла, — море, чай, разливанное».

IX

1 Вздумал по некоем времени Лазарь и посетителей именитых, чтò к Горынским, знатности их и хлебосольства ради, по соседству ли аль и нарочно из дальних вотчин, наезжали, также и былых своих соратников, чтò к старому князю наведывались, на пир и беседу звать.

2 Стольничал с ними да чашничал, лебедей рушил, романеей запивал[1].

3 За гостьми и старик, хозяин ласковый, к сыну жаловал, даром что на него, неповинного, хмурился за его убожество; согбен был князь Давыд горем-обидою, а старинной спеси и в горе не избыл.

4 И от вельможных гостей Лазарь те же, чтò и от смердов, сетования на крутые времена и нестроение государства и на разруху земскую слышал; а и сим на словах печальникам в лицо, будто злорадствуя, свое твердил:

5 «То ли еще, государи-братцы, будет! Ин и лихо к добру. Коль не принудят нас гости незваные за ум взяться, — помните слово мое, — никакòво нам не сдобровать: сами себя разладом да неурядицею погубим[2].

6 Коли в конец примучены не будем, прочной не сколотим избы, крепкого не построим царства».

7 И на те его слова иные гневались, иные же Лазаря не токмо плотию мнили расслабленным, но и в уме поврежденным. Он же, их занозу и кичливость примечая, нàзло им пущим прекословием свой норов тешил:

8 «Царь надобен земле, да такой, чтобы лише ворога пришлого князей да бояр примучил. Крепкое нам потребно самодержавие, а князьям тому самодержцу холопам быть»[3].

9 Тут и князь Давыд, осерчав, прю с Лазарем затевал: горою стоял за удельных князей власть. — «И в кого ты таков у меня уродился, что своего же рода честь и славу забыл?» — в сердцах на сына щетинился.

10 А Лазарь в ответ: «Не нам, Горынским, змею многоглавую, Идрою именуему[4], прикармливать: сами свое племя усобицею предки наши изгубили. Се, и Омир оный еллинский изрек: “не добро многоглавие, един глава да будет”[5]».

11 И расходились гости, над сиднем потешаючись: «Начетчиком, сидючи, стал; поди, и чернокнижником: всех окаркал.

12 Омира некоего к ночи поминает: а сей кто таков есть? — сам ли Вельзевул али какой шу́тов прихвостень?»[6]

X

1 Жил в недальней лавре священномонах Мелетий, родом грек, и книги церковные правил[1].

2 Сей муж, пресловутый книжностию и писаниями, не токмо в еллинских словесных хитростях измлада искушен был от философов и витий цареградских, но и в Италии и в Галлии путешествуя по церковным надобам и в греческих словесах охочих наставляя, с первыми земель тех совопросниками обращался[2] и наречия оных разумел.

3 Книг же мних тот с собою привез множество несметное. И загорелся Лазарь от мудреца того иметь наставление; и поусердствовал сына ради князь Давыд Мелетия в гости залучить.

4 И похвалил Мелетий рвение Лазарево, и своего ученика излюбленного учителем ему приставил, по имени Епифания;[3]

5 его же на Святой Горе из младых иноков словенских изыскал[4] и неотлучно при себе держал, в странствиях многих и трудах келейных подручником.

6 Был Епифаний веком не старше Лазаря, телом щупл и тощ, трудолюбец и воздержник, ликом благообразен, но длиннонос и никл, в беседе смирен и тих, мыслию изощрен и прозорлив, книжной мудрости кладязь.

7 Поучал он Лазаря грамоте еллинской[5], последи же и латынской, и упражнял его спервоначала в баснях Есоповых, по сем и в книгах церковных, и в творениях святоотеческих, и в предложениях Евклидовых, и в Аристотелевых суждениях[6].

8 А пил Лазарь учение, как земля сухая росу[7]. И как то ли Мелетий сам у Горынских неделями гащивал, то ли Епифания к ним на́долго присылал, года, почитай, за три сидень изрядно в науках понаторел.

9 Но, плавая по морям премудрости[8], о пристанях сам рассуждал, куда путь править: не всему равно прилежал, себе потребное избирая.

10 От превыспренних умствований отвращался, наипаче же вперял мысль в судьбы царств и мужей преславных деяния, народоначальников и военачальников и правителей, и в домостроительство государственное, и в кесарей законы, и в уставы правосудия.

11 И как во всем, по исследовании и вникновении, за свое суждение держался, помалу и в состязания с наставниками своими вступать осмелился.

12 Укорял Мелетий латынян, что правого обычая не держат[9], да и в рассуждении вещей божественных блуждают и совращаются; причину же сего шатания в том полагал, что, осуетившись мыслию, от Платонова богомудрия отступили и прилепились к Аристотелю[10].

13 Вопречь ему Лазарь говорил: «О правиле веры судить не моего скудоумия дело; а что Аристотелю паче послушествуют, разумно творят.

14 В премірное Платон простирается;[11] посему и смерти предварением любомудрие именует[12], и песни лебединой уподобляет[13]. Но коли в жизни смерть предварит мудрец, на земле будет, лебедю подобно, хромец.

15 Таковым ли лебедям, незримого, что, мнят, на небе видели, взыскующим, долу же горнее низвести не могущим, государствовать?[14] Стагирит же по земле ходить учит, как и ученики его ходунами нареклись[15].

16 Не вышних слав умозрением, яко мле́ком духовным, младенческую в нас память питает[16], но к действенному целей исполнению мужескую мощь движет.

17 Градовладык Платон воспитать тщился втуне; Аристотель же великого воспитал вселенной владыку»[17].

18 Отвечал Мелетий с огорчением: «Долга твоя рацея[18], да зрение коротко. По недоуке твоей, наипаче в писаниях отеческих, и по суете мысленной превратно умствуешь и криво судишь».

XI–XII

1 То словопрение слышав, говорит Епифаний наедине Лазарю: «Высокомудрствуют греки и надмеваются мыслию, а веры живой не имут.

2 Видел я своими очами их распрю и братоненавистничество, и лютость, и лукавство, и хлад сердечный[1]. Не устоять державе их ветхой, подобно Риму первому.

3 А кто по ним наследие правой веры приимет и царство православное, яко некий третий Рим, в міре обновит?[2]

4 Не мы ли, днесь немощные по детскому неразумию нашему и озорству̀?

5 Два к тому средства есть: и первое средство царёвой власти крепость самодержавная; а другое средство — от латынской ереси и от фряжей и немцев стена непроходимая[3].

6 Лазутчиков искусных посылать надлежит к еретикам лукавым да выведывать, что̀ и нам пойдет на потребу, подобно как евреи в сорокалетнем по пустыне странствии в землю обетованную соглядатаев засылали;[4] а кто с неверными общается, анафема да будет».

7 Отвечал ему Лазарь: «От наследства славы и державы не откажемся, коли поднять таковое силы хватит, — ежели, сиречь, крепкое у себя на́перво созиждем царство.

8 А стена твоя мне не по́ сердцу: нечего нам от чужих людей хорониться, словно красной девице в терему, — не равно и век проневестимся.

9 Случится — побьемся, доведется — и на мировщину пойдем; а промеж ладов да драки, гляди, и ума невзначай от соседей лихих наберемся.

10 Вот греки себя всех превыше мнят, всех-де они и мудрее, и благолепнее; и стеною от варваров застенились.

11 А поколе на том жили из века в век, нового добра не наживаючи, варвары-то их велелепие мало не перещапили. Как первый Рим сии разорили, так и второй ужо погромя̀т, да и сокровище его зарытое в лихву пустят»[5].

12 Уклонился от спора Епифаний, очи потупил да в книгу уставился; а помолчав, молвил: «Знаешь ли ты, князь, что̀ есть ороскопия?»[6]

13 Отвечал Лазарь: «Гадание есть о судьбе человека по светилам небесным, како на небе стояли в его рожденья годину. Только не даю я сему искусству веры: что за дело, мыслю, живой ризе Божией до дел человеческих[7], и не первее ли судьбы воля наша?»

14 Сказал Епифаний: «Склоняют звезды, но не принуждают; дольнее же во всем горнему сообразовано. На тебя, князь, я таковое гадание учинил и светил устав о тебе исчислил».

15 Засмеялся Лазарь: «Ан ты и звездочет выходишь: недаром ты еще и до по́стрига монашеское в міру житие вел. А чего ради? Не иначе, смекаю, как тайнокнижия ради и чарования. А вместны ли календы сану иноческому[8], смотри сам. Исчисление же свое мне ужо̀ покажь».

16 Отвечал Епифаний: «Тебе того не постичь. А что̀ про тебя увидал, прямо скажу, и слово мое твердо: на роду тебе писана великих деяний слава; быть тебе всея земли нашея государем»[9].

17 Затаил Лазарь сердца смущение и смеючись ответствовал: «Твоими бы устами мед пить. А и есть медок, да засечен в ледок[10].

18 Да и мед ли еще, что̀ ты пророчишь, надвое сказано. А уж коли быть мне по слову твоему автократором, ин тебе подо мною патриархом быти».

XIII

1 Ночей не спала Василиса Никитишна: все о сиротке, внучке своей названой, думами да страхами сердце крушила. Шестнадцать лет Отраде исполнилось; красавицею девушка вырастала.

2 Налюбоваться вдоволь не могла княгиня на косы ее червонно-русые, тяжелые, на головы наклон царственный, будто под ношею невидимой золотого венца с то́роками, на повадку ее своеобычную, и горделивую, и покорную, на взор прямой, как вежды стыдливые вскинет, глаз правосудных, светоносных;[1]

3 наслушаться не могла вдосталь голоса ее верного, из уст нежных и молчаливых, зарево́ю заве́сою затворенных.

4 Но с годами и юродство некое в ней обличалось: на́ люди ее не дозовешься, не докликаешься; беседы не слышит, невпопад отвечает; иным часом будто с кем говорит, кого одна видит; из дому пропадает, по нетореным тропам скитаючись.

5 Сватать ее старики задумывали; она ж, как на то обиняками намекнут, сама не своя делалась, будто умом исступлялась.

6 В скит женский, что̀ на соседней земле в лесу стоял, жить просилась, к игумене Мелании по́слушницей, к старице строгой, Василисной сестре двоюродной: Василисина родня тот скит основала.

7 И недоумевала княгиня, как ей Отраду детоводительствовать, как думу ее разговорить. А старый князь на сватовстве стоял, молодых князей да бояр в дом зазывал, жениха доброго девице высматривал.

8 Препиралась с ним Василиса, неволить девушку не соглашалась; да и знала, что легче реку от устья к истоку повернуть, чем ей насупротив идти; в монастырь же ее отпустить за великое горе почитала.

9 Ктому и за Лазаря было матери боязно: бодрился сидень единой Отрады утешением; ее не видючи, неровен час, опять закручинится и погаснет душой.

10 И как те мысли ее Лазарь догадкою больше, чем из открытых речей, проведал, говорит он матери:

11 «Не крушись ты за нее, матушка, и ни в чем ей перечить не моги. В мать свою норовом она уродилась. Жизнь у нее отнять можно, а нрав ее переломить нельзя. Как сама решила, так тому и быть, на горе ли, на радость ли позднюю».

12 И чуяло Василисино сердце, что его, Лазаря, правда; и мужеством его в душе Василиса утешилась.

XIV

1 Пришла к Лазарю Отрада и говорит ему: «Пора мне, убогий, от тебя уходить. Позвала Владычица.

2 В монастырь иду жить, тебя міру отмаливать. И доколе не отмолю, из обители не выйду.

3 А исцелит тебя Пречистая, приду на тебя взглянуть, как ты на коня сядешь и поедешь землю слобожать, себе славы искать.

4 На сем, Лазарь, и прощай до поры, до времечка. Прости, Христа ради, коли в чем тебе согрубила».

5 Сказал Лазарь: «На грусть-тоску ты меня, убогого, покидаешь».

6 Отвечала Отрада: «Не то бы мне слово от тебя да слышать, не твоим бы устам таково молвить.

7 Сам себя, Лазарь, знаешь: силы в тебе наросло — на семерых хватит. Сам чуешь: по жилочкам та силушка твоя богатырская так живчиком и переливается.

8 А как и на ногах укрепишься, всей земли нашей будет мало, чтобы разгуляться ей на просторе, силушке твоей напасенной. Прости, желанный: даст Бог, и еще свидимся вскоре».

9 А Лазарь ей: «Была ты мне, Отрада, за дитя милое, за сестрицу желанную; душу мою ты мне вернула.

10 А ныне скажу: коль и вправду по слову твоему сбудется, что Господь мне, расслабленному, грехи отпустит и велит взять одр мой и ходить[1], и восстану я опять, Отрада моя, добрым витязем, не инàче ты мне будешь как невестою сýженой».

11 Вскинула Отрада нежные очи, далекие, и молвила: «Нет на то, Лазарь, моей воли, ежели не будет мне повеления свыше.

12 Как я̀ тебя люблю, ни одна душа тебя тàк любить не будет. Но лучше мне черницей в келейке остаться, за тебя молитвенницей.

13 Ибо надлежит тебе от меня далече уйти, и меня забыть, и только поздно, поздно воспомнить. Меньше слез пролью, тебя в келлии дожидаючи, чем с тобою живучи в міру.

14 Но чтò нам, сердечный, о днях грядущих гадать? Не на все ли в жизни воля Божия?»

15 И поклонилась Отрада Лазарю в пояс, и вышла, не оглядáючись, из светлицы; и вскоре в женском скиту при старице-игуменье служкою поселилась.

XV

1 Гонец за гонцом прилетали с вестями недобрыми: подымалася туча грозовáя;[1] вся, что ни есть, великим походом двинулась на православную землю агарянская сила неуклонимая;[2] не сдобровать и княжьим землям, кровавой бани не избыть[3].

2 Слег от удара дряхлый князь; Лазарь в руки почин взял. Звал на помогу боярина Василья Жихоря, Василисина внучатого племянника.

3 Ваську у Горынских недолюбливали; был он силач приземистый, коренастый, скуластый, узкоглазый, хитрый да хищный, как зверь лесной.

4 Давал [Жихорю] Лазарь наказы тайные, отпускал ему золотой казны уйму из кладовых княженецких, слал его в ханскую ставку от Горынских челом бить несметным выкупом.

5 Поехал Жихорь смеючѝсь в орду и вернулся с ярлыками жалованными, с грамотами вольготными, да и гостинцы Лазарю от хана привез:

6 камки китайской[4], да ковров персидских, да саблю кривую, кáменьем изукрáшену самоцветным; а ктому и выкупа добрую часть неистрáчену.

7 Миновала Горынских гроза; и то другие князья им в измену вменили. И полегли костьмѝ многие в неравном бою, а своих уделов не отстояли.

8 И разорили неверные христианскую землю, и покорили ее под нóги свои, и тяжкими данями обложили, и баскаков по градам поставили;

9 и схлынула громада назад в сте́пи, иные же полчища не́где грады и веси грабить остались.

10 А Лазарь в своих землях Жихорю управу дал, пригрозив его повесить, коль неправду чинить будет и людей сельских поборами и обидами притомит.

XVI

1 Держал тайный совет великий государь с митрополитом Софронием и с духовником своим, архимандритом Варсонофием (прибыл по вызову государеву старец-игумен из дальних ските́в) и, тяжко воздыхая, так говорил святителю:

2 «Знает помыслы мои сей старец, и тебе, владыко, внутреннее мое открою. Им же образом желает елень на источники водные[1], так измлада взыскует душа моя уединения иноческого и мира келлии молчаливой[2].

3 Не по моим раменà власти бремя, и плечи мои под ба́рмами царскими согнулись[3]. Повержено лежит во прахе царство, и моей ли нищете разваленную храмину восставить нову?

4 “Озлоблен бых и смирихся до зела, весь день сетуя хождах”[4]. Вожделею, отцы, венец обменить на схиму; но государство разоренное на кого оставлю?

5 Нет у меня сына-престолонаследника, и меж родных и кровных моих приемника державы достойного не вижу. Кто в лихую годину землю управит, меня же, грешного и смиренного, ангельский образ приять отпустит?»

6 Молвил Варсонофий, седые нахмурив брови: «О том не пещùсь и не малодушествуй; позвал тебя, яко мытаря̀, Господь — за Ним, покинув мы́тницу, и последуй[5].

7 Не властителей управою народ, еже Господне достояние есть, спасается, но молитвою подвижников. Из стен скитских, Богу труждаяся, у́нее землю упасешь, нежели на позорище славы земной лицедействуя.

8 Ты на престоле царевать мнишь, а Бог тебе наперекор распоряжается. Сказано: “Не спасается царь многою силою”[6].

9 Ты крамольнику голову рубить приказал и оглянуться не успел, как у него на плечах другая выросла, а снятая на другом туловище сидит, и двое на тебя восстали заместо единого.

10 Не земной царь на земле державствует, а Небесный[7]. Откажись от міра, проти́ву рожнà не прú;[8] довольно тебе сидеть на седалище губителей[9].

11 Вели всем міром на собор собираться: пускай себе пó сердцу владыку выберут, как ведают сами; не твоя то печаль».

12 Сказал святитель: «Не добре ты, отче, советуешь. Коль уйдет с престола державец, державы преемника по себе не назначив, злая будет по всей земле смута[10], усобица кровавая и конечная царству погибель.

13 Сам государь должен ставленника своего земле указать, а нам ему в том деле пособить надобно. Святой Церкви, подобно древлему Самуилу-пророку, надлежит избранника Божия обресть[11], и молитве церковной тут наипаче силу свою явить во спасение людям.

14 Чаю, и без нашего умышления человеческого Божиим чудом недоумение сие разрешится. Пойдем, отче, к великому пустыннику Парфению[12] и с оным духоносным старцем, под печатью тайны церковной, совещаться будем».

15 Угодно было то слово игумену суровому, ибо воистину праведным Парфения почитал. И молил великий государь, отпуская советников:

16 «Потщитесь, отцы святые, земли многострадальныя ради, мужа изыскать, свыше укрепленного на подвиг спасения; я же его за сына возлюблю, и ставленником моим сей будет».

XVII

1 Шла по весне ранней Отрада лесною проталиной и видит: в стрету ей из чащобы бурый медведь[1].

2 Остановилась и крестным знамением себя осенила; и слышит из чащи голос старческий: «Не бойся, красная де́вица! Добрый он у меня, хозяин-то, и тебя не тронет»[2].

3 И вышел из-за дерев старичок в скуфейке и в епитрахили; а лицо у него кроткое и свежее, округлое, и бородка малая, седенькая[3].

4 И стала перед ним Отрада на колени и молвила: «К тебе прихожу, преподобный отче Парфение, смущение мое на духу исповедать».

5 И отвел ее старец на лужайку сухенькую и, голову ей епитрахилью покрыв, над нею склонился, и рассказ ее долгий прилежно выслушал, и разрешил ее, и благословил.

6 И присовокупил отпуская: «Не смущайся же сердцем, чадо, и не устрашайся, но дерзай и Господа благодари. Ибо не враг рода человеческого суетными тебя мечтаниями искушает,

7 но воистину возлюбила тебя Сама Владычица и тебе вoóчию милосердый взор Свой на тебя устремила. И, чаю, молитвам твоим благое исполнение будет. Иди в дом твой с миром»[4].

8 И пошла Отрада прочь, дабы вернуться в обитель свою, возрадованная и укрепленная; но опять окликнул ее старец и сказал ей:

9 «Иди, Отрада, в дом Лазарев и скажи матери его: молит тебя, госпожа благочестивая, смиренный старец Парфений, повели слугàм с утрà в Егорьев день недужного сына твоего, ни на немощь его, ни на ненастье, коли случится, не глядючи, из терема на Егорьеву криницу нести, где по водосвятии и молебен о здравии его спет будет.

10 Ты же Пречистой неустанно молись, с великим любви дерзновением. А идучи от меня, коли гостей повстречаешь, путь им ко мне покажи; а хозяина-то пусть не пужаются. Иди, сердечная, с Богом».

11 И вящим Отрада окрылилась упованием; вскоре же в лесу черноризцев повстречала с митрополитом и с игуменом и поклонилась им до земли; и, вопрошаема от них, тропу им к Парфениевой келлии показала, и медведя, коль из дебри выйдет, не пужаться наказывала.

12 Сидел Парфений на пороге хижины своей, когда подошли митрополит и игумен с черноризцами, и, завидев их, встал с порога и до земли им поклонился; и гости ему земным поклоном ответили; после же облобызал их.

13 И, оставив иноков вне келлии, святителя Софрония и старца Варсонофия под кров свой пригласил, и сказ их тайный благоговейно выслушал, и речь им таковую держал:

14 «Поститься будем, братие, и молиться усердно дней семь; последѝ же будет святого Егорья день, земли нашей блюстителя незримого, от него же и ныне помощи чаем.

15 С утра в день тот выйдем церковным чином на криницу крестóвую, чтò отселе недалече, в заповеднòм урочище Егорьевом, чудотворною всенародно почитается и святы́ню некую таит несомненно[5].

16 Дерзай, малое стадо;[6] занè аз, недостойный, твердое имею упование, что на оном святом месте Господь знамение некое явит во спасение міру».

17 И послушались митрополит и игумен слóва Парфениева, и пошли со своими черноризцами в скит ближний, и там постились и молились семь дней.

XVIII

1 Когда пришла к Василисе Отрада с наказом старцевым, встретила ее та в слезах, шепчучи: «При смерти Лазарь; седьмой день в огневице горит, и все лише огнь пылает».

2 И, наказ уведавши, воскликнула: «До Егорьева-то дня сын мой, гляди, Богу душу отдаст».

3 Сказала Отрада: «Не умрет раньше повеленного; но чтò предрек старец прозорливый, то и сбудется». И, укрепивши веру ее, в обитель свою отошла.

4 Лазарю же на девятый день полéгчало. И проснулся он в одну из ночей и опамятовался; и воспомнилось ему, что Егорьев день, почитай, на дворе, то ли уже минул, и что жил он на свете целых сорок лет[1].

5 И жизнь свою, втуне отцветшую, пожалел без ропота и, тихие слезы во тьме лия, Бога молил душу его взять и в селениях мира упокоить.

6 И забылся на том дремóю, и мнил себя сызнова младенцем малым и слабым, и не было в душе его ни тревоги, ни желания, но доверчивость и покорливость детская, и надежной защиты сладость[2].

7 И грезилось Лазарю, будто держит его в ласковых лапах сизый орел мощный[3] и носит его над землею, как буря:[4]

8 то высокò взмóет в поднéбесье, так что сердце в груди захолонёт[5], то над лугом низко кружѝт, вот-вот на мураву мягкую младенца сложит[6], то вдруг опять взовьется за óблаки[7], и закружи́тся у Лазаря голова, и в очах потемнеет.

9 И думает он про себя: «Коли ввысь меня возьмет, сие есть смерть, а наземь положит — жизнь», — и ничего не боится, привольно ему между небом и землею летать, и жить ли, умереть ли — равнò добрó.

10 И видит Лазарь внизу криницу Егорьеву, и себя, мужа, видит, под крестом лежащего, чистого и белого[8], белою плащаницей покрыта, мертву подобна;[9] и сидит над ним Отрада и говорит:[10] «Ныне водою из семи ключей омыт сей[11], и чист весь[12], и достоин земле предан быти».

11 И при сих словах умер во сне Лазарь, и к яви пробудился[13], и видит — день чуть брезжится, и слышит — чу, под окном опять, как некогда в сновидении ль, наяву ли то было, голос милый, Отрадин, заветную, забвенную песню поет.

12 И мыслит: «Вот она смерть — Отрады песня заветная, забвенная».

13 И шелохнуться, и дохнуть, робкий, не смеет, чтобы певчей птицы райской не спугнуть, нежных чар Отрадиных, словно нитей света тонко-

го, не перервать. Но по-новому старинную песню, желанную, поет Отрада:

14 «Во темно̀м сыром бору[14]
Семь ключей повыбило.
На чисто̀й прогалине
Студенец серебряный.
По-над яром хижинка,
Поодаль лачужинка[15].
15 Не святой затворничек
В келье затворяется:[16]
Затворилась Схимница
Под схи́мой лазоревой[17].
Выглянет — повызвездит
По̀ синю подне́бесью[18].
16 Хижинка безвестная —
Царицы Небесныя[19],
Девы неневестныя[20],
Владычицы Де́бренской.
Живет Матерь Де́бренска
За старцем-обручником[21].
17 А старцу-обручнику,
Ду́хову послушнику,
Го́ренка молельная —
Церковь самодельная,
Почивальня райская —
Ветхая лачужинка».

XIX

1 Умолкла певунья. Окликнул Лазарь Отраду; но, приглядевшись, не ее увидел, а старичка в скуфейке и епитрахили, с лицом кротким, округлым, опушенным бородкою малою, седенькой.
2 И молвил посетитель: «Исповедуйся в грехах своих, сыне, и Таин Христовых приобщись». И возрадовался Лазарь, и подумал, что еще не умер, но умирает.
3 И исповедался перед гостем со слезами легкими и смирением сладким; и мнилось ему, не его те грехи, но другого, ему порученного и им небрегомого, но омытого от них чьею-то сильною молитвою[1].

4 И причастил его старец милостивый, и благословляя сказал: «Ныне же и Отраду узришь, та́инственно тебе обрученную, и чадо свое, родиться имущее непорочно; и мир Господень с тобою пребудет до его рождения»[2].
5 И не было уже в покое старца; но, как дым кадильный, наполнила покой с благоуханием тонким голубизна очам сладостная[3], и выступила из той голубизны на мгновение ока Отрада, и младенец был на руках у нее[4].
6 И воззрел младенец на Лазаря очами темными, далекими; но все покрыла волна голубая[5].
7 И смесились мысли Лазаревы в восторге блаженном, и сошли на него покой нерушимый и забвенье целебное.

XX

1 Ясным утром в Егорьев день принесли на носилках Лазаря, в забытьи лежащего, на криницу Егорьеву, и мать его с немногими домочадцами вместе пришла; старому же князю, мало что после удара оправился, путь тот был не под силу.
2 Совершили у криницы богослужение митрополит Софроний и священномонах Варсонофий и схимонах Парфений, с малым иноков клиром.
3 И положили иноки Лазаря взнак под крест, и руки его крестообразно по земле разопнули[1]. И по окроплении его святою водою вынули крест дубовый из гнезда в срубе и приложили к недужному и поверх тела держали, доколе священнослужители молебный чин правили[2].
4 И по снятии креста содеялось чудо великое: глубоко воздохнул спящий и потянулся и члены расправил;[3]
5 и, вперив очи разверстые на Парфения, возле стоящего, и на старцеву руку опираяся, на ноги восстал прям и к небу взор устремил, и просветилось лицо его светом духовным[4].
6 После же колени преклонил, и слезы обильные пролил, и на время немалое долу челом в молитве безгласной приник[5].
7 Окрест же чуда свидетели, коленопреклоненные благоговейно, в трепете и ужасе безмолвствовали и очам своим, дивучѝся, не верили[6].
8 И, восстав, огляделся Лазарь и, приметив поодаль меж деревьев Отраду, руки к ней простер[7]; она же из очей исчезла.

9 И приблизился Лазарь к матери своей, онемелой от радости и в бессилии на пригорке сидящей, и склонился главою на грудь ее, и в слезах старицу лобызал.

10 И повелел Парфений за собою Лазаря на носилках нести до дубравы отшельничества своего, и окрай раменья слуг с носилками отпустил[8], наказав им на третье утро привести к тому месту коня княжичу, Лазарю же указал за собою в дебрь идти.

11 И держал его старец в келлии своей до третьего утра, моляся с ним и его наставляя; отпуская же его, таковое заповедовал:

12 «Собери скоро, княже, ратных людей полк изрядный и повели святой крест от криницы Егорьевой перед полком нести[9], и на град заречный иди, агарянами осажденный, и воинство их, чудодейственного креста победною силою вспомоществуемый, прогони[10].

13 И коли встретится тебе другое неверных полчище, от битвы не уклоняйся; и дана тебе будет помощь свыше.

14 Последи же с крестом и полком в стольный град шествуй и великому государю пред светлые очи предстань и служить ему верою и правдою присягни, и что тебе повелит не обинуяся сотвори. И исправит Господь пути твои[11]».

XXI

1 Еще держался град осажденный; но противу нового приступа не выстоять было стенам ветхим и немногому осталому воинству.

2 А с вечера и пóроки к раскатам прикатили поганые, и токмачѐй и лестниц наволокли[1].

3 Всю ночь народ, с князем и княгинею в соборной церкви моляся, стенал и плакал. Каждый наутрие общую чашу пить готовился[2] и, душу покаянием очистив и Промыслу Божию себя поручив, не столь о своей голове тужил и скорбел, сколь о жен и дев от врага поругании, о чад и старцев избиении мечом безбожных; но и отчаиваясь мыслию, сердцем недомысленного избавления чаял.

4 Заняла бойницы христолюбивая рать, за церкви Божии, за жен и детей до смерти постоять укрепилась.

5 Бодрствовал город, кровавого рассвета дожидаючи;[3] но и заря не занялась, как стражи незапно заслышали за вражьим станом дремучим топот конский и клики воинские и гласы трубные и возглашаемое Егорьево имя, в стане же дрогнувшем гул смутный и вой[4].

6 И воспрянули духом ратники, и выбежали из ворот с бодрым рвением, и ударили на агарян, ужасом пораженных и в диком смятении бегущих.

7 И растеклось полчище нечестивое прочь от города, повсюду гонимое и иссекаемое нещадно. И неудобь было в ночном побоище своих от врагов отличить, точию по кликам победным: «С нами честной крест и сила Егорьева»[5].

8 О полдень вошли в город Лазарев полк и войско градское; притомились вои от сечи жестокой и погони рьяной; и пета была в соборе хвала Господу.

9 Пополудни же Лазарь совет держал с князем и боярами; и положили по слову его заутра в поход идти

10 наперерез другому полчищу агарянскому, домой в стѐпи влачащемуся с добычею многою, дабы не совокупились с оным бегущие и, укрепившись, не обратились на город.

XXII

1 На закате солнечном прискакали к Лазарю в стан два латника-исполина в забралах железных под схимами[1], и сказал старший:

2 «Богу во Святой Троице слава![2] Шлет тебе, господине, преподобный старец Парфений благословение, и в бою нам с тобою стоять велит, лицà же и имени не открывать, и уста по сей речи молчанием затворить». И сказал младший богатырь: «Аминь».

3 И поклонился Лазарь схимникам до земли, и укрепился духом; заутра же полки на полдень повел. И на заре пятого дня завидели передовые в степи неверных стан и обоз несметный.

4 И, поставив крестоносцев с крестом на холм, первыми солнца лучами озаренный, повелел Лазарь в рога трубить.

5 И соступились вои, и была сеча великая и лом копейный[3], и крови ручьи потекли[4].

6 И устремились на единоборство Лазарь и вождь силы агарянской, и вознес на него Лазарь копье свое, и вздыбился под вождем конь устрашенный и вбок шарахнулся, и всадника с седла скинул, и копытом убил[5].

7 На Лазаря же первых наездников басурманских, телом огромных и видом страховитых, наскочила ватага[6].

8 И покрыли Лазаря от вражьих ударов двое латников под схимою ангельской, и палицами железными и бердышами семерых поганых с седел сшибли мертвыми ли, живыми ли на потоптание конницы.
9 И смутилось все полчище измаильтянское и побежало, преследуемое и избиваемое, и оставило на поле побоища добычу награбленную и полòн великий дев и жен и отроков христианских.
10 И сосчитал Лазарь под вечер войско свое и не досчитался половины; не было между оставшимися и обоих схимников.
11 Под крестом ночевали, утром же падших хоронили; а схимников и между мертвыми не нашли.

XXIII

1 После сея победы двинулся с полком своим Лазарь, чудотворным крестом предшествуемый, в государев стольный град[1].
2 И встречена была святыня крестными ходами и звоном колокольным и всенародным ликованием; и хвалил народ Господа и святого Егория, Лазаря же яко Егорьева посланника славил.
3 И обнял великий государь Лазаря перед всем народом, и лобызал его со слезами, и возгласил: «За сына мне сей муж от Бога послан».
4 И поведал святитель Софроний о святого Егорья чудесных знамениях, на избраннике его явленных по молитве церковной;
5 но уже и до того слова святителева крылатым слухом о сидня исцелении, и града избавлении, и полчища агарянского одолении земля полнилась.
6 И повелел земле великий государь на собор собираться;[2] и когда собрались князья, и бояре, и лучшие земские люди посадские и городские[3], молил православных его, великого государя, с престола отпустить на труд иноческий в ангельском образе,
7 ставленником же своим на престол царский, с благословения церковного, Лазаря именовал.
8 И выбрал собор Лазаря великим государем[4], и молил его величаться Вла́дарем; народ же его Володарём прозвал[5].
9 И венча̀н был на царство Володарь.

XXIV

1 Слал Володарь сватов царских по Отраду: да благословят родители его сироту-княжну с ним, великим государем, под венец идти, коли ее на то воля будет.
2 Вызвали старики Отраду из обители и на дивном даре милости Господней богоданной внучке здравствовали. Она же отвечала:
3 «Велико и чудесно воистину милосердие Божие о нас и преизбыточное молитв наших о Лазаре исполнение.
4 Но дабы радость моя была совершенна, вопрошаю Ангела моего[1], не лучше ли мне отойти от міра ко Владычице моей, Лазаря исцелившей и на подвиг общего спасения укрепившей, нежели с возлюбленным сердца моего быстротечную жизни сладость и славу земную делить».
5 И молила Отрада семь дней терпеть, и после семи дней говения и размышления ответ дать обещала.
6 И, в терему уединившись, духоносному старцу своему с верным слугою таковую грамотку посылала:
7 «Преподобному старцу Парфению грешная раба Божия Евфросиния радоватися о Господе желает и челом бьет смиренно. Смилуйся, отче, и замышления сердца моего благослови.
8 Прислал по меня Лазарь сватов; мне же супругою и государынею быти не изволится, паче же инокинею за него по гроб труждатися постом и молитвою, понеже ныне в опасный лес вступает соблазнов мірских и засад диавольских.
9 Благослови, отче, Царице моей и Владычице единой служить и Христовою невестою благообразное девство блюсти[2]. Возлюбила я паче міра Пречистую и с Нею неразлучно пребыть вожделенная сердцу моему сладость.
10 Ей, разреши, старче великий, недостойной рабе твоей постриг приять и от суеты мірской затвориться. Сим и Лазарю удобнее благопоспешествовать уповаю; за него же вся молитва моя. От подвига же в міру страдального дщерь твою духовную, молю, освободи». Звал в ответ Отраду старец Парфений заутра к себе в пустынь.

XXV

1 Пришла рано Отрада на место пустынножительства Парфениева; но затворена была келлия, и не было старца окрест в бору.

2 И, дожидаючись его, на молитву стала и молилась до изнеможения сил.

3 Уж и солнце на притине стояло, и прилегла Отрада, от поста и умиления усталая, под деревом, и сморила ее дрема.

4 И предстала ей в видении Царица Небесная с Христом Младенцем, и будто говорит ей: «И ты своего младенца принеси с Моим поиграть»[1].

5 Воспрянула от сна Отрада и видит Парфения, руки свои над нею простершего, и устремилась к нему, и край рясы его со слезами и трепетом лобызала.

6 И сел старец на траву и прослезился, она же у ног его лежала простертая; и плакали оба долго[2].

7 И молвил старец:[3] «Чадо милое, не угодно Промыслу Господню, дабы чаша сия тебя миновала[4].

8 Иди к Лазарю без трепета, яко Рахиль на ложе Иаковле[5], и гласу земного естества твоего в смиренном дерзновении последуй.

9 Непорочен жених твой, светел и чист весь;[6] из семи ключей водою живою ты его омыла[7]. И непорочен будет союз ваш пред Лицом Господним, и ангел Его меж вами стоять будет всечасно; почему и сын ваш наречется Серафимом[8].

10 Сей родитися имать на духовное некое міру откровение и целение; Лазарю бо мірская держава уготована, ему же духовная[9].

11 Дерзай убо, дщи, понеже и сим послушанием твоим Господу и Пречистой Матери Его послужишь[10].

12 И как некогда дух твой цветом благоуханным на небеси, тако на земле ныне дольнею радостию преизбыточною жизнь твоя процветет[11].

13 После же и скорбь иметь будешь;[12] но и скорбь сия сына твоего благословением обратится в радость[13].

14 Сам, освятивший брак оный в Кане Галилейской[14], брачную чашу супружества вашего да освятит».

15 И прошептала Отрада: «Се, раба Господня»[15], и по исповеди и Тайн Христовых причащении, сердцем смирившись, возвратилась в дом свой. И возложил святитель Софроний венцы брачные на Владаря и Отраду; и царицын венец Владарь на главу ее возложил. А через год родился в супружестве счастливейшем у родителей благочестивых сын, нареченный во святом крещении Серафимом;

16 в міру же благословил старец Парфений именовать царевича Светомиром.

Беловой автограф с правкой карандашом.
Книга вторая, гл. XXV (последний лист).
Рукой Вяч. Иванова фиолетовым карандашом — дата:
16 июня 1929 г.

КНИГА
ТРЕТЬЯ

I

1 Дееписателям царства державных дел память беречь и гласить славу;[1] им Вла́даря на войне и в мире пот поведать:[2]

2 Борения трудные и изнеможения, и новую свыше силу; годины Господней превратность и конечное государева стяга торжество;

3 Царств бусурманских покорение, княжьей измены и крамолы боярской одоление, на властей и посадников буйных управу; уделов развал, единовластья укрепу;

4 Брани и договоры соседские, уставы земские, и градостроительство, и кораблестроительство многое;

5 Законов и нравов преложение, наук и художеств изощрение[3], и всего домостроительства государственного образ новый.

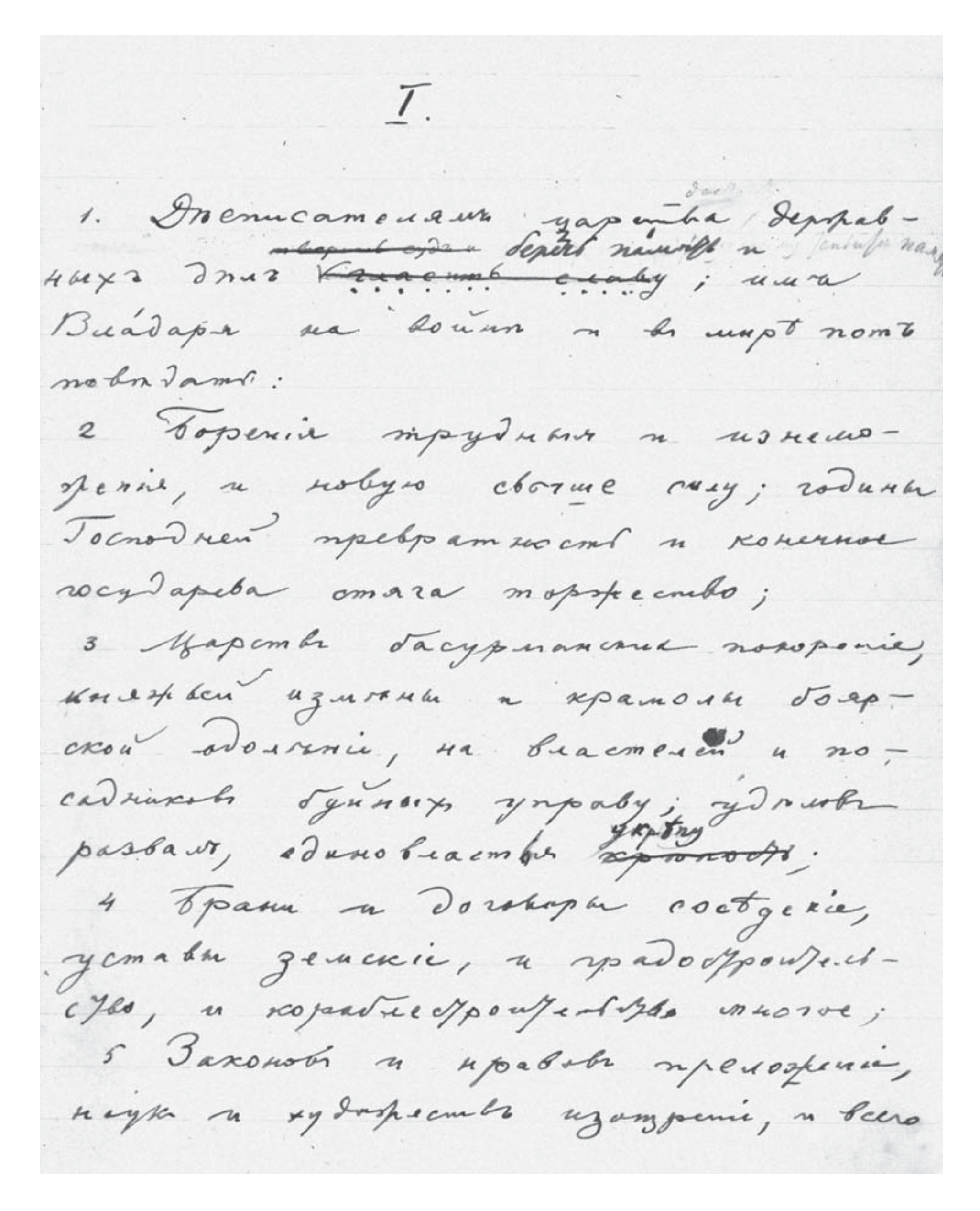
6 Нам же Промысла Божия в житии Володаревом водительство, и благодати духовной в царевом сердце изначала воссияние, последи ущерб, с ним убо и державы обмирщение;

7 Наипаче же Светомирова на земле подвига, и пытаний и страстей многих начало повествовать надлежит.

II

1 Родился Светомир на староселье Горынском в обедни Рождества Пресвятыя Богородицы, по тридневном окрай земли великом побоище, в утро победы пресветлой[1],

2 Ее же и ныне люди помнят, и в оное время, со слезами благодарения взывая ко Господу, тако славили: «Днесь сокрушил еси злобы агарянской столп, и свет Лица Твоего знаменовася на нас»[2].



I.

1. Дееписателямъ царства держав-
ныхъ дѣлъ беречь память и славу; имъ
Влáдаря на войнѣ и въ мірѣ потъ
повѣдать:

2 Боренія трудныя и изнемо-
женія, и новую свыше силу; годины
Господней превратность и конечное
государева стяга торжество;

3 Царствъ бусурманскихъ покоренія,
княжьей измѣны и крамолы бояр-
ской одолѣнія, на властей и по-
садниковъ буйныхъ управу; удѣловъ
развалъ, единовластья укрѣпу;

4 Брани и договоры сосѣдскія,
уставы земскія, и градостроитель-
ство, и кораблестроительство многое;

5 Законовъ и нравовъ преложенія,
наукъ и художествъ изощренія, и всего

Беловой автограф с правкой. Книга третья, гл. I.
Чернила

3 И сказал Владарь: «Победоносен сын мой земле явися»[3]; и восхотел чадо Егорием нарещи, во имя Егория Победоносца[4].

4 Но отписала мужу Отрада: «Не вмени, господине мой, в ослушание, яко прежде, нежели гонцу от тебя приспешити, нарек старец Парфений младенцу во святом крещении над купелию водною из криницы Егорьевой имя райское Серафим, в міру же Светомиру зватися благословил,

5 Во исполнение великих о сыне твоем знамений, яже аз смиренная в сердце слагаю; и такова, разумей, воля о нем Господня, святый же Егорий с нами и родом нашим и землею нашею вовек».

6 Молвил Владарь: «Мниху подобает Серафиму именоватися, сыну же моему по мне царевать указано, а не грехи мои замаливать; ин воля Божия о нем да исполнится»[5].

7 И повелел отай Епифанию звездогадание о младенце учредить; и отповедь слал Епифаний письменами тайными:

8 «Предивно светил обстояние над колыбелию сына твоего, но по инообразию чину естества неудобь исповедимо.

9 Аще же и погребен, из гроба жив восстанет[6], силодейственна стрела Егорьева в деснице его»[7].

10 Горел сердцем Владарь в дом возвратиться и увидеть отроча с матерью его, но зимовал с войском в походе.

III

1 На крестопоклонной седмице вступил Владарь, крестом победомощным предшествуем, с полком единым в престольный град[1], и тамо суды судил и расправу чинил недолгое время с кротостию;[2]

2 А из престольного града понес крестным ходом древо чудотворное водрузить на место его над криницею Егорьевой.

3 И упредил на последнем поприще государь шествие крестоносное, и прискакал со двумя гриднями к рамени дубравной рано; и оставив гридней с конями у рамени, один пошел на криницу[3].

4 И напала на него грусть-тоска в дебри зимней, промеж сугробов снежных и черных нор;[4] и мнил видеть округ себя гробы разверстые и тьмы могильной зевы[5].

5 И воспомнил Управду замучена, и Гориславину младость загублену, и искушение свое от беса дубравного, и долгую сидня немочь;

6 Ныне же и звездогадание темное о сыне возлюбленном, с колыбели уготованном к погребению.

7 И сказал в сердце своем: «Помогает земле Егорий рукою раба своего, сам же отвержен есмь с потомством моим и на горе рожден».

8 Ибо не было креста сильного на месте его над криницею застылою, и не было силы в сердце Владаря[6], и молитва на устах его как желчь и полынь[7].

9 И присел от устали на пень мерзлый, и дремою мгновенною обаян был; и предстала ему Горислава, в одеянии черном, и власы ее были белы.

10 И подумал Владарь: «порошею звездною власы ей запорошило»;[8] она же простерла ему рукописание и молвит: «читай свиток звездный»[9].

11 И читает Владарь рукописание слово за словом, и звучат словеса в душе его на распев похоронный:

12 «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим[10].

13 Учися, рабе, оправданиям Господним, земле судити и правдовати право[11].

14 О Серафиме же не рыдай, яко болий тебя[12], на престоле славы сидяща[13].

15 И стрела Егорьева в руке его не ранит...»[14] И при том слове молоньей белой снега убелило[15].

16 И воспрянул Владарь от света внезапного и озрелся; но по той молонье сумрак омглил дубраву[16].

17 И воротился, шатаючись, на тропу свою; но вышел из мрака волк и преградил ему путь[17].

18 И поднял на него государь жезл свой, зверь же не убоялся.

19 И сказал зверь человечьим голосом: «Сын твой болий тебя[18], его и послушаюсь».

20 И еще сказал: «Ты міра сего державу зиждешь, а он ту державу упразднит[19].

21 Явно пророчество: рано умрет иноком, и стрелу с собою унесет, ангельскою схимою одеян, во град горний».

22 И узнал Володарь беса дубравного, и воздвиг на него крест свой наперсный; и пропал бес[20].

23 И будто позвал Владаря голос Отрадин издалеча: «Лазарю, Лазарю!» И возрадовался Владарь, как отрок малый, в лесу заблудший, оклик заслышав родимый.

IV

1 Вошел Владарь в терем женский и, став у дверей покоя Отрадина, прислушался: тихо пела Отрада, дитя баюкала:[1]

2 «Светомире мой, дитятко светлое,
свете мирный, тихо дремли!
Ты ж расти в сонном, сила Егорьева,
на обрадованье земли!

3 Промеж моря и моря острá гора,
на полýгоре Божий храм[2].
Колыбель во храме хрустальная:
я Пречистой тебя отдам.

4 Ты, светла сестра, ты, бела гора[3],
в колыбелечку сон мани!
Ты, свята пчела, золота стрела[4],
во хрустальноей с ним усни!

5 От возгорья по долу зеленый сад
до синя моря вертоград.
Из ладьи выходит Пречистая[5],
навещает свой вертоград[6].

6 Осенит колыбельку Пресветлая, —
баю, свете мой, почивай! —
Вынет душеньку, белу горлицу,
унесет в невиди́мый край[7].

7 Как вернется во храм девья странница, —
баю, сыне мой, тихо дремли! —
Встанешь витязем в силе Егорьевой
на обрадованье земли».

8 Переступил Владарь порог покоя и увидел Отраду сидящую и двух младенцев, спящих на лоне ея — одного полного и румяного, другого бездыханну подобна[8], — и ужаснулся.

Беловой автограф. Книга третья, гл. IV (начало).
Чернила

9 Ибо узнал сына своего, облаком смерти повита; и лицо его как пепел тусклый, как усопшего мощи.
10 И в тот же час узрел над ним на мгновение ока его же, младенца малого, прямо стоящего в хитоне пресветлом и в диадиме ясной, и луч стреловидный в руке его, лицо же его смугло[9], и очи как зеницы орла, разбужена молнией[10].
11 И преклонил перед ним Владарь колени, младенец же пробудился радошен и потянулся за крестом золотым государевым[11], и воскликнула Отрада в веселии: «узнал родимого Светомир».
12 И благословил отец отроча великим благословением родительским, на веки нерушимым, и лобызал младенца и матерь его; она же, смеючись, ворковала:
13 «Ненароком нагрянул на нас ясен сокол; двоих стерег, троих накрыл, тайные дела наши все проведал»[12].
14 И вопрошал Владарь: «Кто сей, Светомиров молочный брат?» И отвечала Отрада:
15 «Была у меня, девчонки, подруженька из сельских дивчат, таково меня любила; песни мы с ней вместе по рощам складывали.
16 Вышла замуж за доброго молодца, а он за тобой в поле пошел, жену непраздну в селе оставил, в бою великом голову под твоим стягом сложил.
17 Сиротой Глеб на свет родился, а там и мать молодая, не докормивши сынка, с тоски зачахла, сердешная. Я же сироту круглого ко своей груди взяла, светику нашему богоданному брата молочного прилучила».
18 И кликнула Отрада мамок и положила им обоих младенцев на руки, а мужа повела в затвор иконный.

V

1 Молитву сотворивши, стали перед иконами и заглянули друг дружке в очи[1].
2 И пролил Владарь слезы на лоно Отрадино и все ей поведал, что̀ о сыне их ненаглядном давно страхом и трепетом и недоумением дух его смущало;[2] и ободрила его Отрада,
3 И наставляла: «Не смущайся о нем: на великое и святое сын наш рожден, еже и совершит непреложно».

4 И доверила ему нечто о знамениях Господних, при рождении его бывших, и говорила:
5 «Как поднесли мне новорожденного к постели моей, видела я ангела его, над ним стояща, ликом смугловата, диадимою светлою украшена, и луч в руке его;
6 И отверз уста свои, и явственно слышала я из уст его слово: “Радуйся, мати Светомирова”»[3]. Тогда доверился в сердце Владарь Промыслу о младенце Господню.
7 И возрадованный и укрепленный духом, вышел к людям, идущим во сретенье креста чудотворного;[4] и, водрузив крест на место его у криницы и дела земские управив, вернулся в ратный стан.

VI

1 Явно в те лета благословение Божие на Владаре почило: присмирели помалу супостаты иноплеменные, и тишина была по всей земле, и с уделами княжьими дружество, в дому же государевом мир и любовь.
2 В годовщину первую Светомирова рождения, перед близким мужа с поля брани возвратом, вопрошала Отрада старца Парфения, почто и в любови супружеской по келейном житии духом тоскует:
3 Не исполнено ли ею послушание материнства и нельзя ли де ей на остальной век, от брачного сожительства отрешившися, целомудрия обет в міру блюсти тайно.
4 И вручил ей старец Парфений сосудец каменный со святою водою из криницы Егорьевой, и заповедывал на́строго:[1]
5 «Береги воду сию до Благовещенья, а в оный великий праздник за другою приди, ко мне ли аль и в обитель ближнюю, и таково правило на́предь держи неуклонно.
6 Когда войдет к тебе в опочивальню муж твой, испей воды сия и ему дай испить; и ежели свежа будет и светла и сладка вода, как родник живой, благословенна встреча ваша, и ложе свято.
7 Когда же тепла и мутна и затхла на вкус, то неугодна Господу встреча ваша, и греховно вожделение. Но поколе студена влага и тиною блатною не отдает, о разлуке плотской с милым сердца твоего и не думай.
8 Ныне же и сновидение твое, что̀ в ночь сию видела, сказывай; ибо знаю по лицу твоему, когда тебя видение свыше посетило».

9 Отвечала Отрада: «Читаешь ты в душе моей, как в книге отверстой, отче, и ничего мне от тебя не утаить;[2] да и таить не хотела, что воистину посетило меня под утро видение чудное и душу мою смутило.

10 Снилось мне, будто росток растет лавровый из чрева моего[3] и будто птица золотоперая, зарекрылая, Финисту подобна[4], окрест ростка кружит, гнездо на юном и зыбком свить норовит, да не может.

11 И будто прыснул из того же корня, чтò во чреве моем, другой побег, и быстро возрос, и осенил первый;[5] и дивлюсь я будто в мысли сонной, что не лавр отрасль сия, но óсокорь белая, сребролистная;[6] а Финист-птица тому и рада.

12 Стала на óсокори свивать гнездо горючее, и села в гнездо, и воспалил его луч незапный, и дотла спалило полымя состав ея прежний[7], и обновилась юность ея[8], и прочь упорхнула Финист-птица[9].

13 А пожар обнял все древо и росток первый у корня его, и остался на чреве моем от того пожара золы бугор; а росточек мой лавровый через пепел пробился, окреп, зазеленел, разветвился[10], маковицею щегловитою с облаками-парусами плывет[11], и звезды небесные сквозь ветви его как жолди золотые мерцают»[12].

14 Сказал старец: «Ни о чем ни в час сей, ни впредь не гадай и не тужи, тайн Господних не выпытывай, без оглядки иди, куда ангел благий путь твой правит.

15 Любовь и согласие будут у тебя с супругом твоим до поры, когда Господь отзовет тебя на делание умное[13]. А годика через два и дитя новое, духозарное у тебя родится, Светомиру в укрепление и воцеление, ангелу его в подмогу, во исполнение тайного о нем Господня совета благоприятного».

16 И пошла Отрада от старца обрадованная, и стала ждать мужа с любовию смиренною и упованием.

17 И длилась жизнь ее счастливая, доколи на третий год не родилась у них дочь в повечерие воскресного дня, при радугах ясных по грозе великой, и нарекли ее родители по грецким святцам Фотинией, а по нашему говору Зареславою[14].

VII

1 Приехал из округи своей на поклон за клобук святительский Епифаний, в епископы хиротонисàн[1] предстательства ради государева, и пытал наедине радетеля державного, в бородку скудорослую ухмыляючись:

Епископ
Рисунок Вяч. Иванова.
Черновой автограф. Карандаш. [1928] г.

2 «Скоро ли, великий государь, по слову твоему, повелишь мне смиренному над всею землею нашею патриарху быти?»

3 Усмехнулся и Владарь, ответ держа: «Не прежде, вестимо, по тому же слову моему, нежели сам автократор буду».

4 Зашушукал Епифаний: «А пора сему настоит, и ветер попутен. Тишина в земле твоей, и вороги твои с силами не собрались. Куй, господине, железо, покуда горячо.

5 Сам оглядись, понаведайся, из каких мест ос повыкурить. Разошли по тем местам подстрекателей, чтобы князей и вольные города к мятежам разжигали.

6 Чуть где зашевелилась крамола, туда и нагрянул, виновных казнил, колокола вечевые посымал, уделы и богатства под свою государеву руку взял.

7 Так-то доколе в разделении не токмо на тебя, а и друг на дружку шипят, и души̇ главы гидрины поодиночке».

8 Сказал Владарь: «Лукавый плевелы сеет. А коль и глушат плевелы поле, полоть их до жатвы не велено».

9 Потупился Епифаний. «Прости, — говорит, — милостивец ласковый рачителя неблаговременна, коню ретиву подобна. Видит хозяйское око, когда дергать, когда и жечь на потребу[2]. Да и то сказать: были бы тенета понаставлены, а на ловца зверь и сам бежит»[3].

10 И, пождав малое время, сызнова речь повел: «А что время настоит, в том не звезды меня молчаливые, а людские вести, щебетуньи перелетные, удостоверяют.

11 Вот уж и родня твоя кесарская, того гляди, пожалует с дарами и почестями из Рима глаголема нового, что древлего ветше, дружбы ищучи да подмоги твоей, государя единоверного, не нынче-завтра единодержавного, царским вскоре, по их усердной молитве, украшена саном».

12 Пуще развеселился Владарь: «С какого гнезда, подвижниче богомысленный, те птицы, вестовщицы заморские, на твои скворешни залетели?»

13 Отвечал Епифаний: «Высоко то гнездышко над синим морем висит, под самым под венцом палат цареградских. А о родне своей, государь, аль и впрямь николи не слыхивал?»

14 Молвил Владарь: «Уж не о Горынском ли Радивое, что̀ в юные лета от отца, грозы-Боривоя, бежал, с вольницей разбойничьей, бают, до Царя-града догуливал, да княжество свое родовое на службу наемную у греков обменял?»

15 Подхватил речь Володареву Епифаний: «Да на той на службе наемник-то оный, буй-родич твой... (а припомни-ка, государь, ведь и Ксенофонт древний, полководец и деяписатель достославный, с воинством еллинским у Кира-варвара наемником был[4], — аль забыл, господине, уроки Епифаньевы?) —

16 Радивой-то, говорю, свет-Боривоевич Горынский с полком своим варварским, нам единоплеменным, у еллинов одряхлелых такову силу забрал, что и кесаря, врагами с престола согнана и как зверь травима, наследственную державу утвердил, и дочь его от первого брака, красавицу, люди молвят, да бесоугодницу, себе в супруги взял, и ныне над василевсом самим, почитай, власть держит.

17 Умерла царевна молодая в родах, дитя женска пола Радивою оставила. Твоему Светомиру была бы кесарева внучка по годам сверстницей. Радославой зовут ее в отчем дому, а греки Варварой.

18 Ныне же кесарь в бездетном браке живет с царицею Зоей, родною своею племянницей, — Еленой прекрасной прозвали царицу[5], молодую бабку Радославину, — и на единой Радивоевой мощи держится супротив крамолы внутренней и агарянского на царство натиска».

19 Нахмурил брови Владарь, задумался и отпустил Епифания милостиво, примолвив: «Что же? Подойдет година — Радивою пособим. А и пора бы пути наши к синю морю мечом порасчистить».

20 И по отъезде Епифаньевом восвояси призвал боярина Жихоря, подручника своего, и настрого ему наказывал во все глаза глядеть, по ненадежным городам и посадам разведчиков ловких поразослать, заставы укрепить и верным да смышленым людям под надзор дать, с кем кто из князей и посадников через потайных клевретов стакнуться норовит, выслеживать.

VIII

1 Не с ветру вестил Епифаний гостей чужеземных: сама-то родня не пожаловала, а посольство прибыло цареградское, все в парчах и оксамитах:[1]

2 Протоспатарии, и протопресвитеры, и логофеты, и патрикии, и протосикриты, и протонотарии[2], и диаконы в носилках червленых и колымагах изукрашенных;

3 И стратиоты, и слуги с дарами в скрынях чете державной, и ефиопы со зверьми заморскими в клетках позлащенных детям государевым на забаву.

4 Слал кесарь послание братолюбивое владыке земли единоверной и бармы освященные чекана древнего, раменам во укрепление, власти труд Атлантов подъявшим[3].

5 И доспех тот, по оглашении хирографа кесарского[4], возложили в палате попы приезжие на плечи Владарю, при пении гласов молебных и воскурении фимьяна.

6 Когда же отпели молебен, приближился ко Владарю муж исполин, вельможа знатный, главный постельничий кесарев, звездочет и евнух, по имени Симон Хорс;[5]

7 И вручил Владарю Хорс от присного своего, пресветлейшего князя Радивоя, епистолию, родичу достолюбезному надписану, и за́стег хламидный в дар из камней самоцветных, вид имущий змия, стрелу в пасти держаща: такового-де змия на щитах прадедовских видывал Радивой[6].

8 И вопрошал Владарь скопца о здравии Радивоевом и дщери его малой, и присовокупил: «Ведомы всем языкам слава его и могущество его, а все диву даюсь, почто родовой удел покинул службы ради в краю чужом».

9 Отвечал тот: «Гадал Радивой, что смоет пучина удел его окрайний, и не прогадал;[7] а нашей Атлантиды скорого конца не чает»[8].

10 Удивился Владарь: «От ромея ли сие слышу? А и где ты, гость из страны чужедальной, по-нашему разглагольствовать толико преуспел?»

11 Ответ держал собеседник: «Сказано: с еллином еллин, со скифом скиф[9]. А словенской речи мне ли не разуметь, земли Богумиловой[10], — она же и Епифаньева родина, — старожилу?

12 Сказать тебе нечто имею, великий государь, да не на людях. Митроносцу новому, искреннему моему, накажи о беседе нашей вскоре промыслить, коли твоему величеству изволится».

13 И возжелал Владарь беседы со скопцом тайной; а Епифаний наутрие: «К отцу Мелетию», — говорит, — «к наставнику и старцу моему, Хорс собрался. Не заблагорассудится ли и тебе, государь, недужного в обители его навестить купно с иными из гостей заморских?

14 А ему и тебя, державца, принять честь преславная, и соплеменников именитых угостить медом лаврским, наипаче же своего красноречия медом, то-то радость будет».

15 И назначил Владарь в один из дней тех ехать поездом малым в лавру.

IX

1 Сокотали соро́ки греческие в книгохранилище Мелетьевом, Владарь же по́сторонь сидел, в хартии ум вперив, а Епифаний ему за плечо заглядывал, при на́добе толковник подручный.

2 И как слово было о плодах уединения, кстати ввернул: «Не досуг ли господину молитвенника своего келлию смиренную посетить, духовных услад моих некогда вертоград затворенный?

3 Поднесь ее про себя держу под замка̀ми крепкими; ей же и башенка моя заветная о́бок присуседилась, звездочету удоба».

4 И повел его ходами да переходами сводчатыми до двери железной и, покоец келейный разомкнув, книгочия паче нежели подвижника затвор, тайничком, прикровенным за книжницею, на лестничку крутую, улитою, в стене монастырской.

5 И на верхнем колене лествичном оставил его одного перед завесою горницы, откуда кандил огонь просвечивал и сладким веяло ладоном, примолвив: «Хорс тут».

6 Огляделся Владарь во храмине круглой, пещерке подобной, шелками по притолоку завешенной, верху зографом предивно расписанной по круглому своду[1].

7 Зрелась в небе свода Дева светозарная на престоле выспреннем;[2] долу главу преклонила и венец к ногам уронила в созвездие Скорпия;[3] окрест зодии горние по окаему выведены, со Скорпием купно двенадесять, и над главою Девы Телец[4].

8 А на скате свода, в нижнем поясе, по сферокружию лазореву, седми властелей синклит, и над каждым звезда в диадиме его, и на подножиях престолов имена седми планит[5].

9 Сидел у поставца под пятисвещником возжженным Симон Хорс, в рясе черной и в клобуке низком черном, и каменье самоцветное в пригоршне перетряхивал, а в другой руке батожок золотой держал[6], уста же его неслышные речи шептали.

10 Нескоро очи важные вскинул и навел их, как зеркала темные, на чело пришельца; и поднялся огромен, как лев ленивый, и показал молча на седалище пышное, уготованное гостю.

11 Сам же поодаль стал супротив сидящего, прям, и прикоснулся жезлом к одной из курильниц благовонных, округ расставленных, и дыма тонкого облак между ним и гостем повис[7].

12 И примнилось Владарю, будто воочию растет волхв превыше роста человеческого[8] и ноги его не касаются плит;[9] а голос ровный, как дальний звон, отгулом меди сонной отдается в колоколе свода.

X

1 И возгласил Хорс: «Великий государь, не мои словеса в уши твои влагаю, но светил владычных суд».

2 И, сказав сие, обратил жезл свой вниз, словно недрам земным расступиться приказывал, и падали слова его, как переплески бадьи грузной в колодце:

3 «Горынский змий клада глубинного держатель. Как тянет камень магнитный железо, так стрела Егорьева, в земле твоей погребенная, Кефер-Малхут[1]».

4 И при последнем слове воздвиг жезл и уставил его на царицын венец в темени свода.

5 Сказал Владарь: «По-жидовски ли, по-ведовски ли, не разумею и, что̀ слово сие знаменует, не вем».

6 Обвел Хорс жезл свой, очи сомкнув, округ головы трижды, словно бы струи, свыше текущие в чаше невиди́мой мешал;[2] после же на Владаря воззрился и знак перед ним тайный жезлом знаменовал; и оперев жезл на треног медный, куревом дымящийся, вопрошателю ответствовал:

7 «Знаменует слово, тебе доверенное, света и силы от всех иерархий и архонтов небесных стечение в единый венец славы и державы земной[3].

8 Низведен свет Девы Пресветлой долу и по земле рассеялся, и тьма объяла его[4]. Но душа царственная, нарицаемая по-еллински *василикѝ психѝ,* аки львица алчущая, взыскует свет сей, мшелом, сиречь тленным естеством полоненный[5], воедино совокупить.

9 Собрать желает душа царственная свет рассеянный во единое средоточие и сосуд славы[6], да паки Дева в конце времен венец свой небесный целокупен приимет и землю прозрачну соделает, яко смарагд и сапфир и кристалл непорочный; перстное же и темное да в ничтожество возвратится, к царю тьмы[7].

10 Кефер — земли венец, из премiрных лучей созданный; и кто его на главу возложит, над землею воцарится, яко бог[8]».

11 Воскликнул Владарь: «Зми́я ли древнего лестию меня обольщаешь?[9] Языки неверные кесаря за бога чтили[10]. Верным же заповедано кесарево кесареви воздаяти, Божие Богови»[11].

12 Ответил Хорс: «Речено сие бысть, егда бе кесарь князь мiра сего, во зле лежаща, и царя тьмы образ[12]. Светоносный кесарь грядет; и будет: елико кесарева Божия суть, и елико Божия, кесарева»[13].

13 Молвил Владарь раздумчиво: «Христопротивно слово твое. Свет Христов просвещает всех[14]. Как же у людей свет отыму, в души посеянный, дабы венец мой всем один светил? Антихрист есть, кто Христов мiру дар себе помыслит хищением присвоить.

14 И не человек ли кесарь? Смертный же человек втуне сокровище сбирает. Идет по нем наследник его и собранное расточит. Коли блуден, любодейцам да пьяницам раздарит;[15] коли свят, нищим раздаст. Нетленное сокровище на земле собирать человеку достоит»[16].

15 Отвечал Хорс: «Нетленен Кефер, и всякий все, что имеет, тебе принесет в дар, чтобы от тебя одаренным быть. Расточительство же света многоглавие и безначалие возрощает; времен свершение таковая лжеблагостыня замедлить может, но устава небесного преложить не может.

16 А наследник твой еще и во гроб спрячется от стрелы Егорьевой, ему в удел назначенной, она и в гробу его настигнет и из гроба воздвигнет; аще и Кефер отринет, сама Дева Света венец свой на себя наденет и в него вселится[17] и во образе Белого Царя[18] Царь-Девица восцарствует над всею землею»[19].

17 Отвечал Владарь: «Паучьи тенета плетешь, звездочет[20], из лучей ризы Божьей;[21] мне же не заумное умствовати надлежит, но земле правдовати право»[22].

18 А Хорс ему: «Так и поступай, государь! Единое памятуй: разум державный. В мiр ты послан, о мiрском и пецись[23]. Не богоумствуй, не богомольничай, не веледушествуй, не милосердствуй паче разума державного. Пастыре же духовные твоего стада пастухи да будут[24].

19 Вестями темными вскоре в том научен будешь, после же и испытаниями тяжкими. Но я с тобой буду стоять в грозу. И прояснится небо.

20 На Царьград парус правь: туда твой путь звезды кажут. В Царьград Девы венец из Вавилонского древлего царства принесен[25], но тускл ныне, ибо свет свой расточил. На тебе венец оный воссияет, и имя кефера будет: Третий Рим»[26].

21 И опять коснулся Симон Хорс жезлом золотой курильницы, и встал облак дыма густого во храмине и сокрыл волхва.

22 И схватил руку Владаря Епифаний и вывел его из храмины.
23 И сказал Владарь: «Какому богу поклоняется ересиарх сей?»
24 А Епифаний ему: «Не ересь учение его, но тайное знание, Церковию сокровенное от внестоящих, яко да не соблазнятся»[27].
25 Отвечал Владарь: «Полно, так ли? Ладаном сладким капище свое закурил, а дух Христов из молельни выкурил»[28].
26 И уехали гости иноземные восвояси.

XI

1 Обиделись князья на Владаря за почет цареградский и роптали: «С греками царевать над нами хочет. Лучше нам нехристей данниками быть, нежели своего брата холопьями».
2 Сыскало око государево подпольные княжьи ковы, и вызвал к себе князей тех Владарь, и угощал братолюбиво, келейне же обличил и пристыдил, и усовестил ласкою; и, умилившися, крест целовали на верность великому государю.
3 Но и года не минуло, как новую Жихорь накрыл измену: посланцев княжьих в орду, гостьми торговыми обрядившихся, изловил, и сии под пыткою владык своих, бесова содружества искателей, назвали; инде же и грамоты посыльные перенял.
4 И препоясался Владарь противу иродов тех, с врагами рода человеческого на родину соумысливших, походом идти; но горшим удержан был лихом.
5 Не хляби водные хлынули потопом из бездны разверстой, — собрались орды басурманские во едину орду под началом воителя лютого[1] и все христианство изгубить потекли от страны восточной.
6 Разослал гонцов Владарь по вся князи и города, крайняя-де подошла година за крещеную землю верою и правдою постоять; и строго наказывал отовсюду собираться полкам на Верховое Располье;[2] а который град пеших людей и конных к межеречью не выставит, тот град разорить грозил.
7 Ковнодеев же и ковостроителей имена всенародно объявил, и от таковых вероломцев отшатнуться заповедовал.
8 «Уповаю», — писал, — «на Пресвятую Богородицу, яко стену нерушимую:[3] сия незримо нас оградит, аще и сами ревность о вере явим и плотною станем стеною противу силы вражьей».

9 А в своих областях, правитель благоразумный, не в канун лихолетья, но еще за лета благоденствия и тишины промыслил бе отборных мужей, от сохи взяв, ратному делу обучать.
10 Ктому и новые опоследь не единожды учинял наборы и тем воинство испытанное загодя приумножил знатно.
11 Обаче в настоящей нужде и туге великой семью и святыни и сокровища палатные и ризничные в северные монастыри дубравные далече услал на тот конец, ежели Господним попущением престольного града не отстоять будет.

XII

1 В поход снаряжаясь, молил митрополита государь крест славный паки поднять от криницы Егорьевой, да во знамя победное воинству в новом будет бою.
2 Но с недоумением скорбным извинялся владыка: не могли-де крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест.
3 Умыслил в той печали Епифаний другой крест соорудить, Егорьеву во всем подобный, и нести перед воинством; и не изволил сего Владарь.
4 Митрополита же престарелого на покой отпустил, и на его место Епифания посадил.
5 По молебствии в поле и по окроплении воинов святою водою, двинул Владарь полки свои на Верховое Располье; а сам с немногою конницею вперед на разведку поскакал.
6 И ни один на пути его город отрядов ему на подмогу не выслал; и на межеречье урочном пустело по край чистое поле.
7 Положил Владарь ждать до третьего дня, благо на восточном краю за степью еще не чернелась саранча адова[1].
8 И пришли от иных городов гонцы с отказными письмами: особь, дескать, за себя хотим битися на местах.
9 От иных же и ополчения, с бору да с сосенки набраны, в разброд приволоклись, дрянной люд, воры да шатуны.
10 И сии ропот и уныние окрест сеяли: нечего-де посещению Господню противиться, несметна супостатов сила, плетию обуха не перешибешь.
11 И распустил их Владарь, и подале угнал, зная, что при первой сшибке повернут тыл да обоз ограбят.

Черновой автограф.
Гл. XII (окончание) и гл. XIII (начало). Чернила

XIII

1 Под вечер второго дня ехал Владарь один об-он-пол реки, по степному плоскому берегу, а за нашим, крутым, заря догорала[1].
2 И видит на вечернем зареве двух всадников богатырских в забралах под схимами; и спустились всадники с кручи до самой воды[2].
3 Узнал, дивясь, Владарь заступников своих в оный первопобедный день, с убиенными поминаемых, и поскакал во сретение к речному броду.
4 И, пересягнув через реку в брод, осадил коня на островище прибережном и воскликнул громким голосом: «Благословенно пришествие ваше!»
5 И ждал с трепетом гласа ответного, яко вести ангельской, через проток узкий.
6 И возгласил схимник старшо̀й: «Единому Богу во Святей Троице слава!»[3] Отозвался младший: «Аминь».
7 И паки возгласил первый: «Благословение тебе шлет, господине, преподобный старец Парфений и возвестить велит: будева оба с тобою стояти, аще и ты с нама станеши, схимою шлем повив, воин убо и мних смиренный.
8 Доселе, крестом сопутствуем, губителей полки гоняше; аггела тьмы изженеши вкупе со тмами его, аще сам станеши во крест жив[4].
9 Сия бо есть Белого Царя тайна: белая поверх венца схима. Такого венца взыщи[5].
10 Сие же и силы Егорьевой исполнение, и Христова на земле царства зачало[6]».
11 Аминем то слово другой повершил. Владарь же возмутился и восскорбел духом, и лицо епанчою покрыл;[7] но по недолгом безмолвии явил лик ясен и ответствовал твердо:
12 «Вем, отцы, яко Христос с нищею братиею по міру скитается[8], и мір его не прият[9].
13 Но не довлеет к тому дыхание жизни моея и воскриление духа моего[10], во еже царство преложити в Церковь[11] и расщеплено древо составити цело[12].
14 Сыну моему нечто сему подобное предрекают, яко болий мене, чают, имать быти; аз же, и пекийся, не могу приложити возрасту моему локоть един.
15 Недоразумеваю тайны сея, юже глаголеши Белого Царя тайну быти: како от міра отрекшийся мір управити может?[13]
16 Мышлю убо: унее ми невегласу быти, нежели вождю ведому[14].

17 Аще бых вас послушал, путьми безвестными блуждал бых слепо, сноброду подобен; не след мне таковое пытати[15].

18 Коемуждо закон дан противу силы его: мне убо мірщитися и злобы мірския понести.

19 Не горазд властодержец послушествовати, нижѐ волк выти аллилуию; аз же Егорьева стада волк есмь[16], и со мною вождь волчий[17]».

20 И поклонился схимникам, они же благословили его и, повернувши коней, скрылися во мгле сумеречной.

XIV

1 Разретивилась удаль молодецкая в лихой схватке плечи поразмять; но отступление объявил Владарь и почал свои полки выводить из чужих уделов: своя-де каждому воля, своя и доля[1].

2 Не хотели за всю землю купно постоять, пусть одни с гостьми ждаными самосильно управляются; угодой-то навряд поладят, а и сладить не сладят: один всему будет конец, да не его то дело.

3 И воистину: ни окупом богатым, ни пособничеством изменническим себя от огня и меча, и граба, и полона не уберегли; а которые поздно обороняться надумали, и застенились, и окопались, пущим изгибли разором.

4 И потоптаны лежали поля; и где жилья были, дымились пожарища смрадные да тел груды тлели; и валялась по придорожью волчья сыть[2].

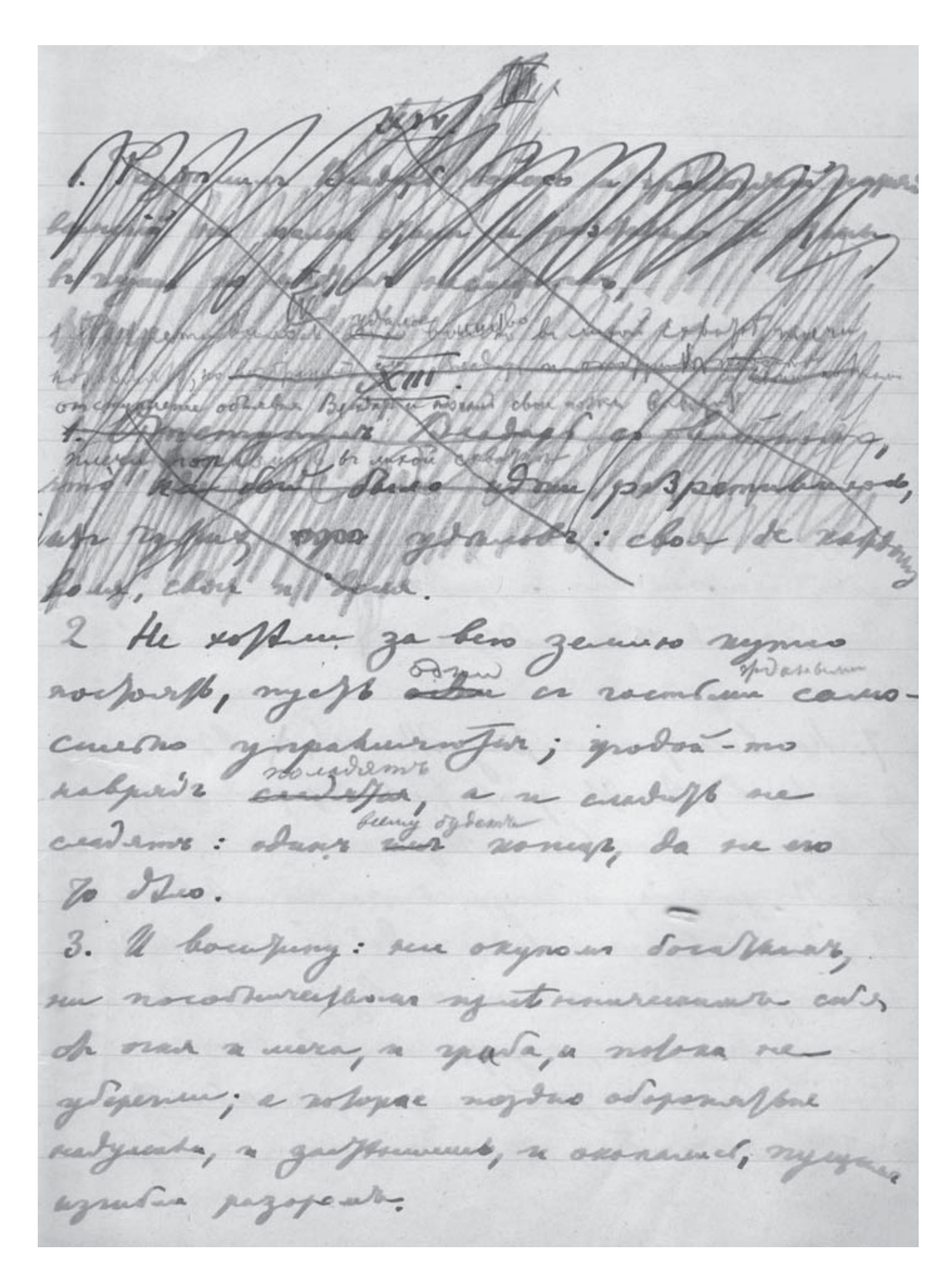
5 Повыходили волки из дальних дебрей и промеж развалин зарыскали стаями и на самих налетчиков коновязи и становища ночные наскакивали — таково осмелели.

6 Стоял Владарь на подступах к округе града престольного и рассудил было град без боя сдать: победы не чаял, а войско берег.

7 Но воспеперечил тому Жихорь, врага в поле встретить уговаривал; ропота в воинстве беречься наказывал, и в народе уныния, и неурядицы по местам.

8 «Не столь им победа надобна», — говорил, в исступлении некоем взирая на Владаря, — «сколь ты сам, неустрашимый воин Божий; доколе твой щит перед собою видят, крепко уверяются, что не до конца погибнут.

9 Да и то сказать: изволочилась, за легкою добычей гонючись, сила басурманская; сколько их тягунами в степные приволья утекло[3]!



Перечерненный беловой автограф.
Гл. XIV (начало). Чернила, карандаш

10 Им в наших лесных угодьях раздолья нет; коль и засядут где, долго не усидят; не гони их батогами хан да не нудь острасткою, разбежались бы скопами во все стороны». И послушался того совета Владарь.

11 Не скоро приближались узкоглазые, а как замельтешили окрай поля, им излюбленного, передовые конницы, навстречу им рати повел.

12 И напилось то поле крови басурманской[4] и христианской поровну; и как гадал Владарь, так и содеялось: первые врагов полчища разнес и прогнал, града же отстоять не возмог и увел осталое воинство в боры.

13 Но и Жихорево слово оправдалось превыше чаянья: пошла по всей земле молва, что с Владарем Свят-Егорий стоит и великие чудеса над ним являет, и воспрянуло земли упование.

14 Ибо в самый разгар побоища, как окружила Владаря силачей агарянских ватага, отколь ни возьмись, впились в них зубами волки бешеные и во мгновение ока ужаснувшихся истерзали.

15 И прослыло то поле после битвы оной, в коей волки с христианами соратничали, Волчьим Полем[5].

XV

1 Разделил Владарь все войско и громоздкий наряд воинский на малые станы и расставил те станы в глухой полосе по местам несмежным: врага дразнить не хотел бранным на юру скопищем[1], и по кровавой сече изрядным.

2 Но по дебрям зверя травить не охочи были степные наездники, лесной тесноты они чурались: веселила их пажитей ширь, и далеких словенских городов манила слава.

3 Пограбивши престольный град и купно с полоном девьим именитых уведши заложников, на запад прохлынула орда;

4 Некрепкая сидеть осталась в кремле засада с приставами ханскими, новых ради поборов.

5 А в те Володаревы станы по немногом времени повалила, под Жихоревым присмотром, удалая повольщина с крестами, из дуба, по наставлению Епифаньеву, сооруженными наподобие креста прославленного, что̀ на кринице Егорьевой.

6 Владарь же те ополчения пришлые в неурочные дни, то и дело, навещивал и за ратным новиков обучением у хорунжих опытных[2] строго-на́строго наблюдал.

7 Исподволь крепло по лесным урочищам христолюбивое воинство и росло, как в снежную зиму сугроба обвал, покатившийся с крутосклона в долину.

8 Не было в ту пору у Владаря ни своего угла, ни пристанища неизменного; под чужой кров входил ночевать оглядаючись;[3] лазутчиков стерегся и наймитов, по его душу разосланных.

9 В борах скитался поутру селянином-дровосеком, ввечеру прохожим странником; инорядь и холопом езживал с челядью воевод доверенных.

10 Но долго ли, коротко ли, а и тому крутому времечку конец подошел: озрелся Владарь во все концы, как орел с поднебесья[4], и воочию увидел, что за него вся земля стоит.

11 Вышел из берлоги травимый зверь, и рыком округу огласил, и когти могутные показал.

12 Первая была единодержавцу забота: воевать пошел города крамольные и вотчины изменничьи, и разгромил их нещадно, и под свою владычную руку забрал.

13 А там и на престольный град двинулся, засаду вражью и приставов изрубил, измену из града вымел и стал в поле поджидать хмельных гостей с чужого пира веселого[5].

14 А те с похмелья не такой встречи ждали: хлеба-соли, пива да браги, а не строя копейного.

15 Вдосталь по свету нашаталися; шли да шли, покуда в дальнем краю на рожон не напоролись: тогда надвое раскололась орда.

16 Одна половина прямым путем ушла в степи южные; другая старой назад потянулась дороженькой: гадала у престольного града ставкой стать, на всем готовом пожить, в отдыхе и приволье понежиться;

17 а потом и в новый пуститься путь, в родимые просторы, заречные, мест ищучи для поселения оседлого своею ордой, своим великому хану подоброчным княжеством, а то и царством.

18 Наголову разбил их под столицею Владарь, и добрую полона часть с добычей взял, и заложников, всех почитай, вернул, и до Верхового Располья, отсталых избивая, преследовал.

19 А прошло малое время — новые затеял походы; в заречные степи посылал военачальников, и целых два царства ордынских в трехлетие завоевал[6].

XVI

1 Было во дни: объезжал митрополит новый, на святках дальние пу́стыни; поехал с Епифанием и Владарь, митрополичьим обрядився служкою, обитель навестить, где с милыми чадами укрывалась Отрада.

2 Невзначай желанный гость пожаловал; а она еще от ворот монастырских завидела монашка смиренного в тулупишке заиндевелом, в скуфейке россомашьей заснѐженной, и навстречу ему полетела, и на шею кинулась, ряженого святочного головой выдала.

3 «А светик-то наш», — загуторила на радостях, — «в моей опочивальне к обедне идти приоделся, только что не обут; сейчас к тебе выйдет». — «Пойдем к нему», сказал Владарь.

4 Приотворила Отрада дверь келлии сводчатой, просторной, а он из-за ее плеча весь покой светлый оглянул и видит:

5 Посереди постели широкой, драгоценною камкою покрытой, отроча тихорадный сидит в темно-лазоревом кафтанчике, серебряными звездочками усеянном[1].

6 Сидит — пряменьким станом из белых шелков, словно кораблик малый из волнистого моря, выныривает, — и тому, что про себя в уме держит, улыбается.

7 Лицом худощав и смугловат, но пригож и благообразен вельми, а солнце из-за бора вставшее, в кудрях темно-русых, с проборцем расчесанных, золотом играет.

8 Вскинул, будто опамятовался, очи живые, темно-голубые, на дверь притворенную и звонко позвал: «Подь сюды, тятя!»

9 И возрадовался в сердце Владарь великою радостию, что сына, некогда хилого, видит здорова и весела, и что младенец — диво дивное! — его и в чужом обряде, и еще за порогом келлии признал, а истиннее сказать: угадал, да ктому и отцом ныне величает, зане допрежь того, лепеча, Азею, сиречь Лазарем, именовать обык.

10 Склонился над сыном Владарь, а тот, развеселясь, ему с головы скуфейку смахнул и волосы и́сперва гладить, а там и трепать почал, непонятные слова, ровно из сказки или песни какой, приговаривая:

11 «А и зелен дуб, уж ка̀к зелен да густ, ветру насквозь не пролезть. А в дубу том солнышко спрятано»[2].

12 Вынул из-за ворота Владарь на солнце червонный наперсный крест и говорит: «Глянь, какой блеск ясный!»[3] А ребенок в ответ, раздумчиво: «Не такое то солнышко».

13 И опять засмеялся: «Обернись, тятя, серым волком, вези меня в тридесятое царство». Вскочил на мягкие шелка босыми ножонками и на отца полез; а тот его на плечи себе посадил, и ну с ним по горнице бегать.

14 Радуется дитятко, кричит: «Глебушка, выходи! Полно тебе из-за двери высматривать. Подивуйся, как Иван-царевич на сером волке ездит»[4].

15 Выбежал Светомиров молочный брат, месяцами не боле как четырьмя его постарше, зато и ростом повыше и телом крепче, тихим очей светом приятный и ликом миловидный. А Светомир ему: «Давай, Глеб, на дуб полезем!»

16 И встать отцу на плечи ножками совсем было изловчился;[5] еле его отец придержал и на пол спустить хотел, а Глеб, ровно мамка, сильными ручонками подхватил и на ковры поставил.

17 Сказала Отрада строго: «Расходился ты что-то, Светомир! На постель садись; я тебя в сапожкѝ сафьяновые обую, в малиновые»[6].

18 А на ухо мужу: «Завсегда он таков: наяву сны видит; и где что ему померещится, туда и тянется. Глаз да глаз за ним надобен. Дерево ли ему середи бела дня приснится, взлезть на сук хочет: на что ни попало взберется сук тот достать, — того и гляди, наземь сверзится. Благо мой Глебушка от него ни на шаг не отходит, куда ступать не след — не пускает.

19 Тем временем привела мамка Зареславу круглолицую и румяную, — «с очами Отрадиными правосудными», подумал Владарь, — со взглядом важным и строгим, а повадкою ласковою и доверчивой; поднял ее на руки отец и понес, а Отрада Светомира за руку повела в молельную.

XVII

1 Стали на молитву все четверо перед большою иконою Покрова Богородицы; но не успел Владарь и Трисвятое дочитать, как вскочил Светомир и ко образу подбежал и за плат Царицы Небесной ручонками уцепиться норовил.

2 Обняла ребенка мать и подле него на колени стала, а он под ее покрывало голову спрятал и сестру кличет: «Сюда иди, Зорька!» И покрыла детей своим убрусом Отрада[1].

3 А сынок из-под плата уж одним глазком на отца выглядывает, в прятки играет, молитвословие перебивает: «Тютю, тятя!.. Ищи нас, не сыщешь; под покров ушли — поминай, как звали... А ты под дубом сиди, солнышко в дубу стереги!»

4 Но постучал за дверью послушник и, вошед, с поясным поклоном докладывал, что преосвященный владыка во храме государя с семьею дожидается, божественное служение начинать.

5 Пошли все в церковь, а в церкви за службою, как отворили царские врата, нашел на Светомира столбняк[2]. Наставить хотел сына Владарь, когда на колени становиться положено; но окоснелым его увидел и бесчувственным; омертвел лик его, будто восковым стал, и очи, широко раскрытые, остеклели[3].

6 И искусился о нем, и подумал: «Взят ныне дух его из тела его. Но в горняя восхищаемый не чужаком ли на земле будет? Как таковому над людьми царствовать?»

7 Когда же, по окончании литургии воскресной, панихиду запели по воинам, на Волчьем Поле живот свой положившим, и в руках у всех свечки затеплились, — свет заиграл на лице Светомировом, и милое ожило лицо, и спина, как у всех молящихся, вперед принагнулась, как бы в благоговейном неком послушании, будто за свечой потянулась и уж не рука свечу держит, а сия ведет за руку человека к престолу Божию[4].

8 И подумал Владарь: «Наш токмо народ так свечи держит. А Светомирова свеча будто всех ведет[5]. Кому, как не таковому, и царствовать?»

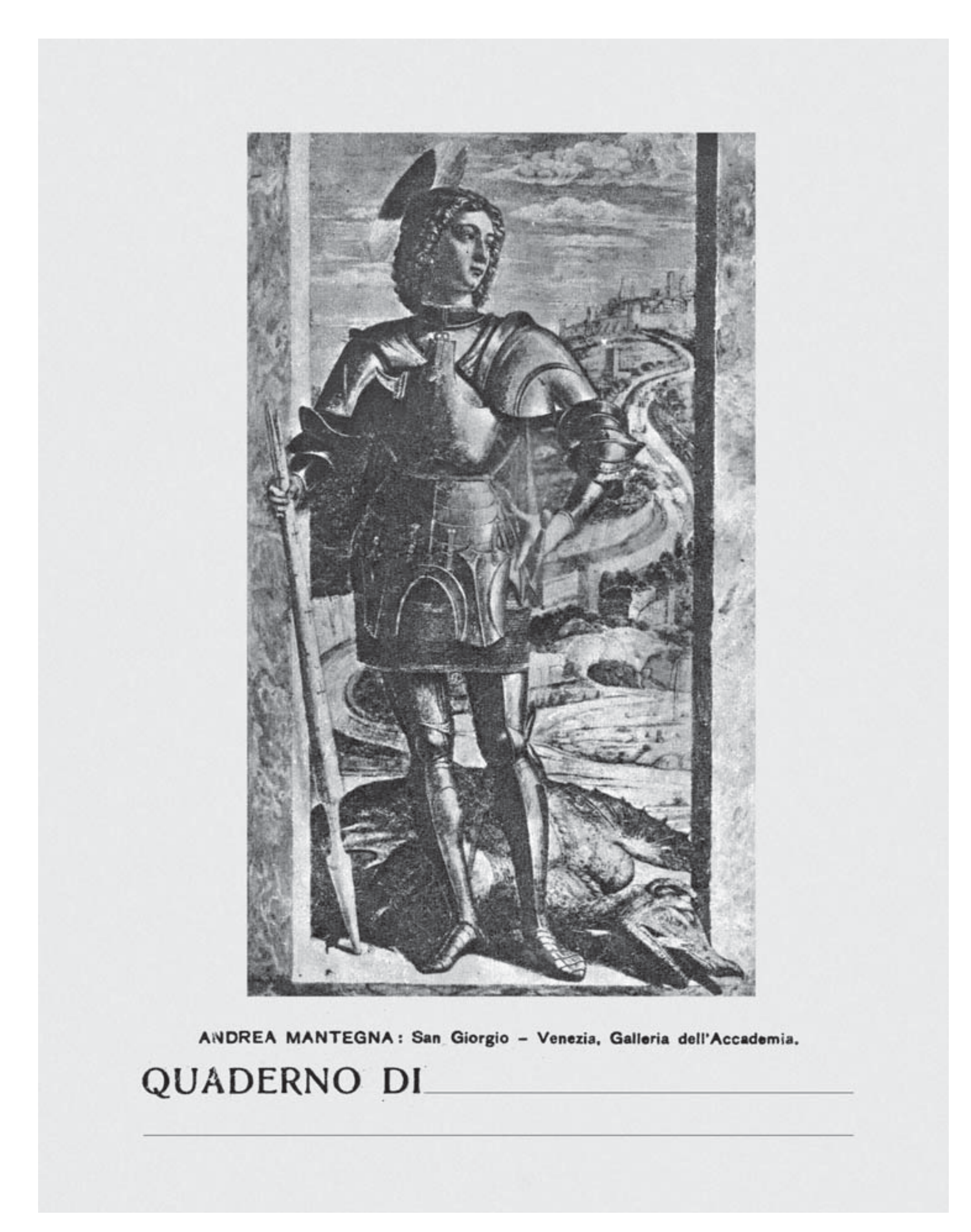
9 Сказал по обедне про те думы свои Отраде, а та ему: «Крепче верь, Владарь! Явно, что на Светомировом челне ангел Господень у кормила стоит. А куда кораблику плыть, как ни гадай, не догадаешься[6].

10 Дело ему в жизни от Бога задано. А жизнь, наша ли, его ли, путей извилинами Лавиринфу по<до>бна. И нить, в блужданиях безысходных спасительная, едина есть: вера»[7].

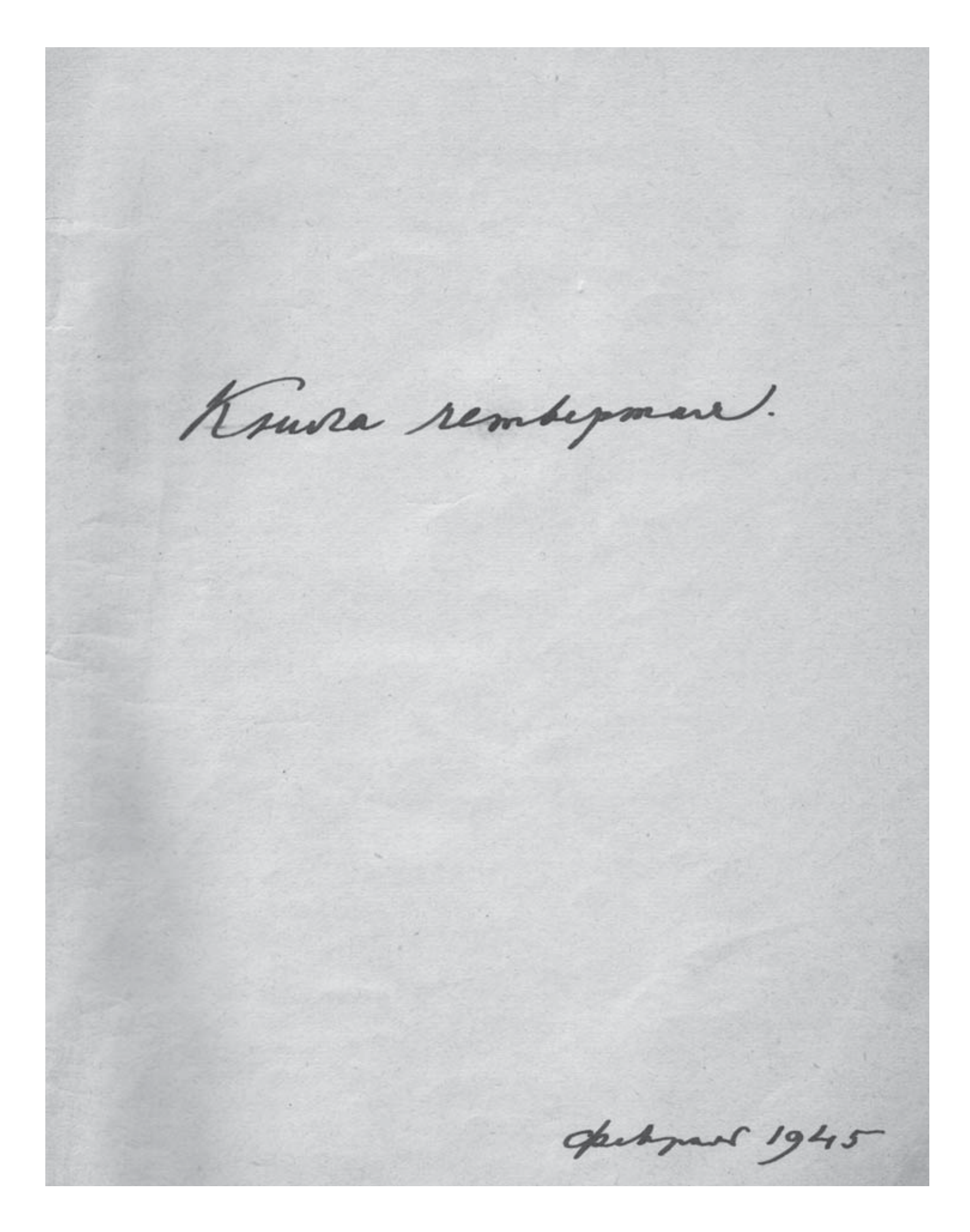
11 Но не долго супруги друг с дружкой беседовали: по монастырской трапезе праздничной опять в сани сели Епифаний со своим служкою и пустились в темные боры.

Беловой автограф.
Книга третья, гл. XVII, стих 11. Чернила

Беловой автограф
Книга третья, гл. XVII, стих 7—10. Чернила



Св. Георгий
Худ. А. Мантенья (1431–1506). Ок. 1446.
Обложка тетради с текстом Книги четвертой



Беловой автограф.
Книга четвертая (титульный лист). Чернила

Беловой автограф.
Книга четвертая, гл. I (начало). Чернила

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

I

1 Царевал Владарь в силе и славе, как солнце на небе, к притину текущее над отребьем черных туч[1].

2 И дивились советники думные, почто ныне, чего допрежь и в грозные времена не бывало, помрачилось чело его и обычай стал суров и немилостив.

3 «Вестимо», шептались, «без обид и утеснений и тягот земских царство не строится. Сия ли у него на сердце камнем лежит забота? Али вести тайные, и с соседями нелады? Али сына юродство?

4 А с соседями, как ни ловчись, пива не сваришь: разбойничать охоча лыцарская ватага задорная. Без изъяна мечи на них надобны. Да и к поморью пора настоит пробиться».

5 Говорила мужу Отрада: «Что ты, свет мой, невесел ходишь? Да и от меня будто прячешься, грусть-печаль ко мне во терем нести не изволишь? Вместе бы поговорили, вместе бы умом пораскинули, как в міру жить и Бога не забыть? Я ли тебе не советчица уветливая?»[2]

6 Отвечал Владарь: «Какая ты мне советчица? Разве совесть советчицей бывает?[3] Запрет положить ея дело, а советовать не станет, как сподручнее кесарю у Бога оттягать добро Божие: мое, дескать, добро сие, сиречь кесарево, а Тебе и Своего богачества довольно[4].

7 Бог спорить не будет, и Свое, пожалуй, уступит: да на что мне добро то, чтò я у Бога оттягал, коли Бог от меня отступился? Неблагословенно то стяжание.

8 Каждому человеку совесть от Бога дана, и знает совесть один закон — Божий. А кесарю, видно, еще и другая совесть купно с венцом доставалася: та, с какою он на свет родился, за Бога тяжбу ведет, а та, с какою на царство венчался, за царство».

9 Возгневилась на то слово Отрада. «Бесу», молвила, «поклоняется всяк мний ся превыше смертного человека быти. Един Бог на небеси, едина и совесть в людях.

10 Ея же заповедь, властителям данную, мать моя тебе в сновидении, на звездном свитке написану, показывала: “Учися, рабе, оправданием Господним, во еже земли судити и правдовати право”[5]. Довлеет тебе сие исполнити».

11 Возразил Владарь: «Легко слово молвится: исполни; да не так дело делается[6]. Говорили мне на Верховом Располье чернецы-воины: схимою венец покрой; не пошел перед тобою крест, сам стань во крест жив[7].

12 А мне во крест жив стать не изволилось; зато я власти крест на могутные плечи взвалил, да невмоготу иным часом берéмя[8]. Власть бо воистину крест есть, за все, что ни деется на свете зла, несомый»[9].

13 Отвечала Отрада: «Два бремени предложены были тебе на выбор; ты сам тягчайшее избрал, а удобоносимое презрел. И схимники святые тебя на таковой подвиг благословили.

14 Не уразумевал дух твой, что легкое иго венец посхимненный;[10] понеже не ты под схимою правиши корабль царства, но за тобою стоящий сильный ангел Божий;[11] о себе же не мниши ничесоже; и с Богом не состязаешься, ни гордыни кесаревой, ни двуедушия кесарева непричастен».

15 Заворчал Владарь: «Почто же старец Божий, внутренняя моя ведый и пути мои к державству управивый, таково меня искушал?»

16 Ответствовала жена: «Посылает Бог в мiр делателей на подвиг свободный, и, дабы в свободе послушествовал Пославшему его, на распутье приводит[12]. Верховое Располье тебе распутьем было;[13] там ангел молнией озарил пред тобою путь и путь[14].

17 Аще хощеши совершен быти и силу имаши времен исполнение упредити, благо тебе сулил: стрелою Егорьевой, яже не ранит, вооружишися и ею землю непостижимо спасеши.

18 Аще ли нѝ, железною схимою схимил: трудом велиим труждатися должен и искушатися даже до зева адова, и неустанно ся бороти и, препобеждая, спасатися, якоже и ныне страждеши[15].

19 А сын твой за тебя недовершенное совершит».

20 Восстенал Владарь: «О сыне-то нашем наипаче и сокрушаюся. Шепчутся люди: слабоумен подрастает наследник Владарев. Середь бела дня снобродит. Жихоря ивушкой зовет и, как увидит, сядет к нему под ноги, ровно под дерево, да свою “Ивушку зеленую” затянет».

21 Засмеялась Отрада: «А как почивать ложится, постельку белую гладить почнет, — и с нами как перед путем дальним прощается[16]: сейчас, говорит, от вас на единороге белом в тридесятое царство ускачу»[17].

22 Сказал Владарь: «Знахарством бы каким его от мечтательной прелести отвадить»[18].

23 Задумалась Отрада: «Помнишь о младенцах реченное, яко ангелы их на небесах выну видят лице Отца их Небесного[19]. Дабы Светомир того боговидения измлада причастен был, ангел его до времени зрелище мiра сего пред ним прикрывает. Будет пора: все увидит купно и земным зрением, и ангельским».

24 Примолвил, уходя, Владарь: «Ты вот сосудец свой каменный, Парфением тебе врученный, соблюдаешь. А у меня свой сосудец есть, твоему подобный: совесть моя. И вода в нем давно замутилась»[20].

25 Воротила его Отрада: «А моя вода — отведай-ка сам! — все чиста и свежа. Ничего ты не бойся: сама тебя отпущу, когда пора настанет». И жили оба в супружестве согласном до поры до времени.

II

1 Предстал пред государевы очи Епифаний в клобуке белом с алмазным крестом[1] и в панагии многоценной[2], за нарочитые во дни нашествия заслуги пожалованной, и, скорбно восстенав, речь повел:

2 «Како преходит слава века сего[3], днесь, великий государь, своими очами известитися можеши.

3 Молебники древле, как в писаниях еллинских показано, с ветвями белыми к олтарям богов своих прибегали и капищ оградою от гонителей жестоких спасалися: такожде ныне, в ограде твоего могущества ищут убежища и к тебе молитвенные руки простирают тоея же достославной земли изгнанники, беглецы из палат цареградских, кораблекрушения великого живые останки.

4 Дожидается на сенях клича твоего Радивой великий, кесаря в Бозе почившего зять и престолонаследник, врагами ослепленный и с престола согнанный, слепец нищий, Велисарий новый[4], сопутствуемый дщерью малолетнею и Хорсом, тебе ведомым, вчера вельможею, ныне странником перехожим.

5 Царица же овдовелая на пути приютилась в обители Мелетиевой и в стенах монастырских заточиться твоего молит соизволения. Все, государь, в кратком слове тебе поведано».

6 Сказал Владарь: «Мнишь ли, вития благоувещательный, что без моего повеления Жихорь одну часть славянской дружины Радивоевой на моем дворе, а другую часть у монастыря того, где царица вдовствующая поселилась, почетною стражею поставил? Пришли ко мне на беседу недолгую земляка твоего, ересиарха».

7 Вошел в палату огромный Хорс[5] поступью льва ленивого[6], и вопросил его Владарь: «Что же твои чары, волхв, ни тебя, ни друзей твоих не спасли?»

8 Отвечал неторопливо скопец с усмешкою: «Тайновидец не чародействует, и от того, что̀ в вышнем совете положено, никая ворожба не спасет.

9 Мне же и спасаться-то на земле не от чего. Мiрского не вожделею, и мiр не ищет души моей[7]. Странником и пришельцем везде пребуду[8].

10 Довольно лет у кесаря погостил, доколе скала его в море не рухнула. Ныне малое время у тебя погощу, доколе вся их Атлантида надмившаяся не снидет в пучину».

11 Еще вопросил Владарь: «Как же возгорелся пожар?» Опять улыбнулся Хорс, ответ держа: «Давно в сухой ветоши искра тлела: диво, что дотоле не вспыхнула».

12 Помолчал, и как бы нехотя продолжал речь, скупо слова роняя: «Кесарь, поздно преставившийся, когда в бессилии и любострастии старческом истлевал, Радивоя зятя, что долгие годы за него кесарствовал, к державству приобщил и престола наследником объявил, Рима языческого подражая владыкам, и кесарев венец древлечтимый ему передал[9].

13 Но и глаз закрыть не успел на вечный покой, как нареченного кесаря заговорщики подстерегли и по бесчеловечному ромейскому обычаю ослепили: как ни грозён, мнили, а все же слеп не воцарствует.

14 Жизни же и венца у Радивоя не отняли: в пору подоспела дружина верная и злодеев убила.

15 Высок дух Радивоя, а не суждено ему было царствовать, поелику не царственна душа его ночная и солнцу не послушествует, но, как море, подвижна и неукротима и наипаче возлюбила безначалие.

16 Ненавидела чернь городская, заодно со знатью служилою, присельника-деспота с его спирою варварской[10], и еще кесаря не отпели, как на истребление чужеземной рати устремилась, мятежными легионами поддержана, и на стогнах града многую силу славян перебила, ея же остатки к тебе с Радивоем спаслись.

17 А вожаки смуты прежних кесарей потомка некоего, возрастом юного и волею слабого, на престол позвали, уповая при таковом царе, окружных областей раздачею, долгий мир купить с державою агарянскою, из-за моря надвинувшеюся на дряхлый град.

18 Знаю, государь: будет тебя вдова кесарева на великий поход подстрекать, ты же и перстом не двигнеши, яко правитель благоразумный. Твое от тебя не уйдет, а ты, с цареградским венцом в сокровищнице твоей, и дома сидючи нового Рима автократор будешь»[11].

19 Сказал Владарь: «С почетом царским проводите до палаты моей и ко мне введите кесаря нареченного, возлюбленного родича моего Радивоя».

III

1 Введен был в палату под руки митрополитом Епифанием и духовником своим, архимандритом греческим, Радивой, муж сухощавый и статный, главою пониклый.

2 Ваянию изящному из мрамора пожелтелого подобно было лицо его благосклонное, и замкнуты вежды.

3 Брада же посе́дая по обычаю грецкому убрана̀, и власов черносеребряных пряди на лбу схвачены золотым начельником диадимы узкой[1].

4 Одет он был в далматику пурпура темного и посох высокий в левой руке держал, черного дерева, златоконечный[2].

5 Воззвал ко входящему Владарь: «Добро пожаловать, брат мой! Милости Владарь просит!» И воспрянув с места своего, устремился к нему радушно и обнял его, и лобызал трижды, и, Епифания отстранив, повел его с духовником на средину палаты, к уху его преклоняясь с речью приветною:

6 «Не гостем ты под кров сей входишь, Радивой преславный, но домохозяином, родичу твоему равномощным, и совладыкою.

7 Бери себе хором сих половину, какая полюбится, и дружины своей при себе держи, сколько изволится. Вскоре же и о подворье полку твоему промыслим».

8 И, сказав слова сии, отступил, ожидая ответа; Радивой же, чело воздвигнув, знак дал рукою окольным своим, позади стоящим с дьяками и боярами думными.

9 И приблизились к нему протонотарий, посох взявший из руки Радивоевой, и два иеродиакона со скрынею[3], ваяниями изукрашенною из кости слоновьей; благословил скрыню архимандрит и по молитвословии кратком отверз.

10 И вынул из скрыни Радивой царский венец велелепный, светилами крупными взыгравший честного ка́мения самоцветного; и, вознося то диво предивное, возгласил громко:

11 «Се нового Рима венец, древле освященный. Кесарь его мне дал, престола наследником меня поставив.

12 Ныне же аз, Радивой, князь Горынский, Константина града кесарь нареченный, тебе, родичу моему Владарю, князю Горынскому, престольного града сего и всея земли сея единодержавцу, отдаю венец сей в дар и в родовое наследие, кесарского в веках преемства залог[4].

13 Сим венцом венчавыйся, нового Рима автократор будеши; аз же от сего владения и владычества добровольно и непревратно отступаюся и от престолонаследия кесарева за себя и потомков моих на вечные времена отрекаюся. Аминь».

14 Взял Владарь венец из рук Радивоевых и, держа его в руках своих и крест на венце благоговейно облобызав, речь такову держал:

15 «Не во владение приемлю от тебя венец сей осиротелый, но на хранение и соблюдение, яко опекун сокровище, его же взыскати имать в день свой владелец православный, Богом указанный.

16 А тому не быть, чтобы я подарком приязни дружней на царство венчался, а не даром Божией милости.

17 Не трону святыни, мне порученной, доколе сама меня не призовет. Егда же неложно уверюся, яже един воистину призван есмь венец сей на главу мою возложити и аще не бых на то дерзнул, силу его расточил бых и погубил, тогда сам себя на царство венчати имам венцом сим, яко единыя милости Божией даром.

18 Ныне же вложите венец в хранилище его и положите скрыню под запоры надежные в сокровищницу царскую; все же, днесь реченное и содеянное, запишите и свидетелей подписями скрепите, и ту харатею в сокровищнице престольной опечатану берегите[5] купно со скрынею. И тако да будет».

19 И передав митрополиту скрыню с венцом, отпустил Владарь всех, опричь Радивоя.

IV

1 Когда же остались оба с глазу на глаз, вопросившему Владарю, почто от венца отрекся, отвечал Радивой:

2 «Как на солнце, я на сей венец подолгу зорил: не оттого ль и ослеп?

3 Ныне же, когда в руки взял его и вознес, мнилось мне, что солнце угасшее возношу, мертвое бремя[1].

4 И благословенны ослепившие меня: они покой пролили на очи мои и похоть очей моих убили[2].

5 Не вожделею более міра, ни того, что в міре[3]. Солнца ночного предо мной заря занимается[4].

6 На дневное солнце воззрился я некогда очами жадными и ослеп. Тебя же слава его не ослепит, ибо в вашей вотчине стрела Егорьева, и стрела та венец кличет.

7 А мы окрайники Горынские, в сестер Егорьевых уродились: долго в нас мятежится и колдует сила ночная и змеиная, поколе внезапу не пронзится лучом Христовым; и тогда голубицею обернется змея»[5].

8 «Люб ты мне, Радивой», — молвил Владарь — «тем, что с сестрою твоею, Гориславою, сходствуешь».

9 «Любила тебя Горислава», — отозвался Радивой. А Владарь ему: «От кого ты про то знаешь?»

10 «От нее самой», — слепец отвечал, — «она снов моих частая гостья. Али, коль так повернуть хочешь, от снов моих: они менее меня, чем люди, обманывали».

11 «Коли так», — сказал Владарь, — «то и слепота тебе не в слепоту».

12 «Одно ей в укору скажу», — молвил Радивой, — «хотел бы Отраду твою земными глазами увидеть.

13 А племянник мой внучатый и сейчас, мнится, предо мною стоит. Про него люди мне сказывали, что наяву снобродит. На меня, старца темного, отрок светлый похож: как я, слеп, и как я — зряч. С ним и без глаз мы друг друга увидим».

14 Молвил Владарь: «Дружною мы заживем семьею, коли дочери твоей мои дети приглянутся». Воздохнул при том слове Радивой.

15 «Порченая дочь моя, по моим ли, по матери ли своей грехам. И смотрит, в стороне стоя, ангел ея, — будто чего дожидается, — как бесы в ней друг друга борют».

16 Попрекнул его Владарь: «О младенце невинном так говорить негоже. Оба, даст Бог, в разум придут: и мой Светомир, и твоя Радислава».

17 Задумался Радивой: «Никто как Бог[6]. Поживем, пождем. В тучи рода нашего вышки уперлись: мало ли чего еще в жизни нашей будет?

18 Недолго я у тебя, Владарь, поживу. Зовет душа на дальнее препоясаться странствие. А коли знать хочешь, куда мой путь лежит, от тебя, друже, не утаю.

19 В Индею, глаголемую Белую[7], к Попу Ивану[8] в гости меня тянет, разумения духовного там понабраться, дабы на том свете не вовсе невегласом предстать мудрецам оным, обузу плоти снявшим, о коих Сократ беседует в сладкоречивом Федоне Платоновом[9].

20 Но завтрашний день о себе печется. Благословляю братолюбие твое, и день сей, и час сей со всеми дарами его; ты же меня на отдых в покои мои отпусти».

21 И пошел Владарь сказать жене радость свою о друге нечаянном.

V

1 Шли со всех концов города стар и млад подивиться на Жар-птицу залетную, молодую вдову кесареву, как въезжать будет гостьею на государев двор, как на красное крыльцо выйдет с народом здороваться.

2 И воистину было на что заглядеться: такова была красавица, что впрямь, по присловью, ни в сказке сказать, ни пером описать. Да не всем та краса пришлась пò сердцу.

3 Осанкою прямая царица, пристойную по супруге покойном жаль и взором являла потупленным, и вдовьим одеянием под багряницею царскою; но не дума унылая в очах златокарих читалась, а игра и лесть и нега женская, лукавство и притворство.

4 Да и за то еще люди пожилые, старозаветные, чужеземку обессудили, что волосы свои червонные из-под диадимы на плечи распустила; и держала те легкие кудри змеистые поднизь жемчужная, сиречь сетка золотая тончайшая, по частым узлам скрепленная бурмитскими зернами[1].

5 Корили втихомолку бояре заодно и Владаря: «На себя при ней непохож: ромеем прикинулся. По-ихнему с нею лотошит[2] да пересмеивается; Епифания, толмача, подзывает нечасто: и без толковника шутки шутить столковалися».

6 Принята была царица Зоя в дому Владаревом с почестями невиданными, и трон ее воздвигнут повыше седалищ царских, Радивою и Владарю уготованных.

7 И, на том троне сидючи, слово обратила гостья к хозяину: «Премудра и преславна была царица Савская, когда Соломонову мудрость испытать пришла[3]. Я же и разумом скудна, и земли моей не владычица ныне, а изгнанница, и не мудрость испытать прихожу, а милость Соломона нового; но той, великой, подобно и я, скудоумная, загадку тебе, государь, загадаю.

8 Где сие чудо, скажи, было видано: на востоке солнце встало[4], а на север потекло?»[5]

9 Откликнулся в лад ей Владарь: «И не с юга возблистало, а по всей земле светло».

10 Воскликнула Зоя: «Догадался ты, вижу, что на тебя я загадала, на твое царство северное»[6].

11 Молвил Владарь: «Коли пифиею еллинскою[7] царица Савская обернулась, прорицание благовещее приемлем. Ныне же мою енигму разреши[8]:

12 Елены призрак отдан был Парису Приамиду, ее ж Египта царь укрыл, коли верить Еврипиду[9]. Где, скажи, на земле сей Египет?»

13 Отвечала Зоя: «Себя ты египетскому царю приравнял, а меня Елене непорочной. Знать, и до тебя молва дошла, что Еленою меня, бедную, в Царь-Граде люди ославили[10]. Одно забыл, что, когда египетский царь Елену в своем царстве спасал, муж ее под Илионом за нее ратовал; за меня же некому сражаться, за вдовицу безмужнюю. Подумай-ка на досуге, да иное про меня сложи баснословие».

14 Засмеялся Владарь: «Переклюкала ты меня, царица[11]. Но дабы не вовсе мне от того египетского опекуна разнствовать, жалую я тебе, недалече от стольного града, вотчину, и неотъемлемо та вотчина за тобою останется, ежели и в Царьград возвратишься со славою. Хоромы тебе там воздвигнутся, и в них ты жить будешь царицы достойно, а не в стенах монастырских заточницей».

15 Ответствовала царица: «Благодетельствуешь ты меня, брат мой по сану, паче меры. Но не приспело ли время государыню супругу твою посетить? Не изволишь ли проводить меня в ее терем?»

16 И пошли в Отрадин терем Владарь с царицею Зоею, и с митрополитом Епифанием дядя Отрадин, Радивой.

VI

1 Ввечеру, после провод царицы, нежно ее уласкавшей и щедро одарившей паволоками и узорочьем[1], из привезенных ларцев повынутыми на выбор, какие на глаз приглянутся, напала на Отраду печаль-тоска, и простершися без слов пред иконою Богородичной, горючими она заливалась слезами.

2 Постучал вдруг у дверей терема Радивой, приведенный двумя отроками, и позвал ее, и вставши с молитвы, навстречу ему она поспешила, слезы отираючи, со словами уветливыми:

3 «Рада я тебе, свет мой, дядя родимый, рада-радешенька. Утешил меня возврат твой в тишину мою тéремную, словно матушка моя с тобою пришла».

4 Молвил слепой: «Да так оно, как ты говоришь, и выходит. Вздремнул я на часок, а матушка твоя мне и приснись. — Проведай, говорит, племянницу, — плачется ко мне Отрада моя, — и кручину ее молодую разговори. — О чем же ты, дитятко, закручинилась?»

5 Прошептала Отрада: «Светомиру с вечера что-то неможется; вот и я приуныла».

6 Покачал головою слепец, помолчал и заговорил с расстановкою: «Отчего ты приуныла, сама не ведаешь.

7 Чует сердце, что прежняя тропка на край пришла, а новая дороженька не видится. Елеем молитвенным светильник питай веры неослабной и упования бесстрашного.

8 Гориславино то слово: чем бы ангел Господень тебя ни посетил, спасется сын твой».

9 Испугалась Отрада. «А Зареслава моя?» — воскликнула — «а Владарь? Почто об них умолчала?»

10 «За Светомира молитва дочка твоя Зареслава», — в ответ услышала, — «а Владарь бодро дело вершит, ему положенное».

11 «Об нем-то я и раздумалась», — через силу признавалася: «об нем-то и расплакалась. Как увидела я царицу приезжую, тут и подумала: вот такая бы красавица писаная, молодая вдовица порфироносная, моему Владарю чета была, а не я, смиренная, день и ночь взыскующая келлии молчаливой! Чтò я имела, все ему отдала, ничего себе на черный день не оставила».

12 «Коль на исповедь стала, все говори», сказал Радивой.

13 Пуще Отрада смутилась: «Так-то я рассуждаю по разуму, а сердце Владаря не отдает. Да будто и другой голос слышу, — а откуда он, не разберу, — что от прелести мiрской искушаемого оберечь наказывает».

14 Ответствовал Радивой: «Сама знаешь, что без тебя он, неровен час, ожесточиться может и отчаяться. Живи с ним в любви супружеской, доколе Бог тебя не позовет.

15 А позовет, не противься; зову последуй, ни его, ни себя не жалеючи, и всех тем послушанием спасешь. А вот и Владарь в дверях стоит».

16 Ускользнула Отрада в покои свои, лицо заплаканное студеною водою освежить и сына проведать; да и в сосудец свой каменный, в опочивальне хранимый, заглянула: впервые то было, — не светлела в сосудце вода замутнелая.

17 Вышла из опочивальни и сказала: «Горит во сне Светомир, занедужился. Пойду над ним всю ночь сидеть. Простите, родимые!»

18 И повел Владарь Радивоя из терема.

VII

1 Сидела Отрада у изголовья отрочате недужного: краснухи лихой по дворам ходило поветрие, к нему и пристала немочь.

2 Метался в жару Светомир и вслух бредил о пла́менях алых да о змейке красавке, что в огне живет; Зойкою ее прозвал, и догадалась мать, что царица Зоя в пурпуре ярком саламандрою ему примерещилась[1].

3 Она давеча приголубить его хотела, а он, смеючись, прочь отбежал, к Радивою прижался; а в бреду Зойку к себе манит, очень уж красовита.

4 А потом вдруг как всполошится да вскинется, мать кличет: бредится ему, что сестра змейку поймала, а та ее укусить хочет.

5 Но притухла через мало дней огневица[2], и затих больной. Отлегла забота от сердца Отрадина, а само-то горе тут как тут.

6 Вдруг Зареслава слегла, — та же и к ней болезнь прилипла, — и на третий денек Богу душу отдала.

7 Пошел Радивой к Отраде удрученной и бессловесной, и матери горемычной советовал: «Уединения скорбь твоя просит; уезжай из дома.

8 И Светомира с собой увези в ту обитель дальнюю, чтò от нашествия вражьего вас укрывала. Мир там Господень, и тишина дубравная. Туда к вам и Зареслава придет: Светомирову жизнь она своею кончиною искупила».

9 Так и поступила Отрада; а Владаря в северные пределы воинская тревога позвала, соседей драчливых с крепкими ратями вторжение.

10 Светомир же в благорастворении воздуховном той пустыньки здороветь после болезни стал, и расти приметно, и телом со дня на день крепнуть; а о Зареславе долгое время и не вспоминал вовсе, даже до странности.

11 Последи же внезапно, с молочным братом играючи, сестру позвал, словно бы она от него и не отлучалась, и новые с нею забавы почал выдумывать; неспособно было Глебушке за мечтанием его поспевать.

12 И явно было всем, к Светомиру приближающимся, что тем среди дня сновидчеством здравое в нем разумение затмилось непробудно[3].

VIII

1 Молебны пелись благодарственные о победе на севере новой и славной, когда пронеслась весть: пал Царьград[1].

2 Воцарился нехристь на месте святе, и прекратилися службы церковные, и лики священные на древних сводах мелом забелены[2].

3 Прибыл Владарь в палаты кремлевские в доспехах ратных и не долго думал, что̀ предприять надлежит.

4 Рассылал глашатаев во все концы, и послов отряжал в чужия края, да услышат все князи и владыки земные слово его:

5 «Понеже христианский в новом Риме престол упразднися, аз, Владарь, православный царь, Константинова сана приемлю наследие и священным венцом кесарским, в мои руки милостию Божиею спасенным, во время благопотребное венчаться имам»[3].

6 И сие урядив, на север полетел войну кончать.

7 Когда же утвердил мир и пределы царства до поморья раздвинул[4], не на краткую побывку, а на житье вернулся в престольный град и предстоящего на царство венчания день недальний провозвестил.

8 И почали собираться к нему отовсюду посольства с дарами и поздравлениями; и от самого Иоанна Пресвитера посольство было возвещено, уже на полпути станом ставшее в степях закаспийских.

9 Был же оный Иоанн Пресвитер всей вселенной диво, владыка могучий великого царства христианского за пустынями непроходимыми, промеж индийских колдунов и драконов китайских.

10 И много предивного повествовали о царстве том: не умолкала молва хвалебная о властителя благочестии, и о советников его богомудрии, и о народа житии богоугодном и преизобильном, и о баснословных страны той чудесах.

11 И пребывали все в ожидании торжества неслыханного; а за ту пору в дому государевом недоброе приключилось.

IX

1 Писал Отраде Владарь из престольного града о делах державных: о ветхого царства конце и нового кесарства зачале в стране полнощной;

2 А домой не звал и о скоропоспешном к войску возврате не поминал: сама, думал, про войну разумеет, что куется железо, поколе не остыло.

3 Она же тоскою и думою по нем истомившися, налегке с сыном в обратный путь собралась и, дома не нашедши домовладыки, в терем тихий от всех, опричь Радивоя, затворилась.

4 Затворницею жила в ту пору и царица-скиталица в обители гостеприимной: еще не воздвиглися ей хоромы обещанные. В келлии сидючи, о гибели отечества слезы лила, и не в радость ей было торжество Владарево, но в сугубую обиду.

5 Злобились и шипели на рекомого самозванца гости греческие: «Неверные у нас царствующий над всею вселенною град отняли, а варвары единоверные и святыню венца его украли». Вторила им и царица, как в глаза Владарю ни льстила.

6 Но инако мыслили из думных бояр величества царского рачители: «Прячет от людей сына-юрода государыня, а всем явно, что несмыслен растет[1] и царства великого по отце управить не может. Не жилец он на сем свете, аще ли и жив будет, пострига и заточения не убежит.

7 Да и сама-то, сердешная, в монастырь смотрит, а не на ложе царево. Женился бы наш Владарь на гречанке-красавице и не имя токмо кесарево, но и потомство восстановил».

8 Не доходил рокот пучины людской в ограду терема[2], где слепец богомысленный душою отдыхал, внучка веселого на коленях пестуя.

9 Лепетал ему про свое Светомир то звонким голоском, то на ухо, а он к тому и свое прибавлял, и невесть куда в мечтаниях старый да малый на ковре-самолете залетали.

10 А Глебушка в свои игры играл у ног Отрадиных, — пелены церковные та на пяльцах по ризничным образцам расшивала[3], — а Радислава, как лесной зверек, по темным уголкам пряталась, нелюдимая.

11 Глаз горящих со Светомира не сводила, ревнивая, — вот-вот, того и жди, на горло ему прянет дикою кошкою, — а как взглянет на нее отрок глазами невинными, робела и опадала.

12 И вспоминалось Отраде, как в детские лета буйство темное на нее находило, а взглянет на нее, бывало, Лазарь убогий, смирялось сердце ее и утихал гнев.

13 Подозвал было однажды дочку Радивой со Светомиром поиграть, а та как взвизгнет: «Не хочу водиться с твоим юродивеньким!» Судороги у нее по лицу пошли, и как бешеная ринулась вон из терема.

14 Проводивши в опочивальни детей, возвращалась к слепому Отрада в слезах: опустелая мелькнула перед ней колыбелька Зариславина. А он ей опять и опять о Светомире:

15 «Услада мне с благословенным сыном твоим в парении мысленном на первозданную тварь Божию дивоваться.

16 Ведь всякая, что̀ ему видится, диковина — слоны ли с гору косматые, с клыками, что деревья, гнутыми, киты ли — острова плавучие, — древеса ли тысячествольные, звезды ли, кольцами света опоясанные, — все сие воистину аль и поныне на свете есть, али по сказаниям памятным в оны веки было[4].

17 И никая тварь, что̀ ему в духе видится, глада и ущерба не знает: теплом и светом свыше питается, дыханием жизни веселится.

18 А и досада меня берет: сколько я сказок затейных знаю, а ни одной ему сказать нельзя: ни Бабы-Яги, ни Кощея не пужается, ни злой мачехи козней не разумеет. Тороками ангельскими уши его завешены от словесе лукава»[5].

19 Отвечала Отрада: «Владычицу Пречистую изначала возлюбил Светомир; оттого и рай на земле видит».

X

1 Исстари у Горынских на Егория Теплого семейный справлялся праздник; и придумали дворовые люди в день тот царевичу поднести гостинец.

2 Навалили горой на большое блюдо долбленое с резными украсами пряников медовых, коврижек узорных, жемков[1], леденцов, малинок, петушков, цветной смоквы, орешков золоченых — всякой, что ни есть, сласти — и понесли под присмотром Жихоря дар в палаты.

3 А Светомир, как завидел то море разливанное, руками всплеснул, Глебушку за собою тянет: «Такого живника, Глеб, мы с тобою не видывали!» Смеется, радуется, а сластей не отведывает.

4 «Спасибо», говорит, «за ласку, за утеху, люди добрые! И где вы столько поналовили зверья ползучего, гадов диковинных, жаб толстобрюхих, бородавчатых, пауков мохнатых-крещатиков, и клещей, и слизней, и червия кольчатого, извилистого?[2] Кишмя кишат. Не трогай восьминожки, Зоренька: щупальцем присосется.

5 Мне вот, какую хочешь, живую тварь в руки взять нештò, а в рот противно. Глянь-ка: всколыхнулась куча, зашевелилась. А и смрад какой от чудищ да гнили болотной пошел! Уйдем к себе, Зорька, игры наши доигрывать!»

6 Обнял одной рукой за плечи сверстника, а другую будто к сестричке протянул, и выбежал с Глебушкою вон из палаты.

7 А люди в палате, смутившись и потупившись, стояли как в землю вкопанные; иные будто и обиделись.

8 Но громко захохотал Жихорь: «А и забавник же царевич! Морочить недогадливых любит. Отменно над нами подшутил, над простецами потешился. На выдумки замысловатые куда как горазд!» И подарок незадачливый на свой двор отнести приказал.

9 А у себя дома, как настала глухая ночь и вся челядь уснула, вышел на черное крыльцо и ну гостинцы с блюда пригоршнями раскидывать, дворовым псам на жратву; и сожрали снедь псы, и до света поиздыхали.

10 Пошел заутро Жихорь на стряпную государеву расспросити, кто те отборные сласти, царевичу балованному неугодные, стряпал; и двоих сластелей, похвалив, с собою увел, царице-де греческой в таковых искусниках великая надоба.

11 Так всем во услышание объявил, а на деле обоих в потайной посадил застенок.

12 И, допытавшись, кто из вельможных людей подкупом их на злодеяние обольстил, отай лютою смертию казнил[3].

13 Когда же возвратился домой Владарь, обо всем государю донес; и положили оба то дело в строгой тайне держать, ниже государыню о том не извещать и никому о содеянном покушении ни словом, ни иносказанием не намекать;

14 виновников же умысла нарочитыми милостями взыскивать, а слухи глухие и толки праздные то ли издевкою, то ли и угрозою тушить.

15 Но молва свое знала; качали головой свидетели происшедшего на выходе в приемной палате и пророчили, что безумствующему царевичу рано ли, поздно ли не сдобровать.

XI

1 Не ведал о Жихоревом сыске Радивой; но аки вещий слепец Тиресий, прорицатель еллинский[1], стал пред владыкою и провещал: «О спасении Светомировом промыслить настает нужда».

2 Нахмурился Владарь и нехотя откликнулся: «Аль и ты мне о Локустах домашних бреднями докучать пришел»[2].

3 Ответствовал Радивой: «О ядосмесительстве в дому до сих слов твоих не слыхивал; но и того стеречься благо.

4 Притчею во языцех царевич содеялся[3]. Ропщут люди: юродивому ли наследовать царство? с младенчества ли умоисступленному в зрелые лета державствовать? бредоброду ли, путями сна ходящу, близкое от дальнего отличить не могущу, в руки дадим государства кормило?

5 Рвут и мечут бояре думные, о благолепии и крепости престола пекутся. Гадаю: и такие о славе твоей найдутся печальники, что сына твоего извести за благое дело почтут».

6 Серчал Владарь, ворчал: «Охрану умножим, ищеек спустим, заговорщиков выследим». Речь продолжал Радивой:

7 «Но не о спасении токмо, а такожде и о воцелении Светомировом промыслить велит земного нашего странствия разум. Мужеского и мудрого в мір детоводительства душа его богопамятливая просит.

8 Довольно ему по райской околице шататься, благо что ангел с мечом двупламенным невинное дитя бáлует[4].

9 Довольно ему небесные письмена по складам разбирать, пора и в наши хартии вникнуть, первее же всего пора пространства познать и времена, и пределы, и числа.

10 Увести, говорю, Светомира надлежит из матерней кущи отрадной, что̀ пустынею духовною окружена стоит, покровом Богородичным от смертоносных смерчей хранима.

11 Услать его надлежит к мужам прозорливым и боголюбивым, души блуждающей врачевателям и направителям, благоразумным наставникам в дальние земли, в чужие края, с поводырем надежным, он же и мне, слепцу убогому, за поводыря будет».

12 Сказал Владарь: «Хорса, содружника твоего, речь из уст твоих слышу. Еретику ли и чернокнижнику сына доверю?»

13 В ответ ему Радивой: «Воистину Хорс тебе сей совет дает и царевича путеводить вызывается, но сам к тебе с тем прийти не дерзнул. “Коль и благоволил бы, — говорит, — великий государь меня выслушать, недоходчивы слова мои до сердца его”.

14 Не чернокнижию Хорс привержен, но волхвованию именуему белому. Ересь же на нем что рубаха Нессова:[5] к телу прилипла и палит его пламенем; не отлепить ее, не скинуть, на чужое тело не надеть.

15 Такожде и Светомирова одежда белая навек его облекла[6]. Скорее сын твой волхва уврачевать возможет, нежели сей его огневицею духовною заразить».

16 Задумался Владарь и нескоро молвил: «Заблуждается душе своей во вред Хорс; звездам поклоняется и с князем міра сего державство над міром делить хочет, в искупление же природы человеческой кровию Христовой и всех ко Христу привлечение не верует.

17 Но поелику дано ему ведение, что сильнее тьмы свет[7], Светомиру служить будет. И в годину крайнюю сына моего доверить ему соглашусь, сердце скрепя и при твоем в странствии сопутничестве. А страдалица-то наша что на то скажет?

18 Прозвенят о том слова мои в ушах ее, как удар топора по древу[8]. Ты к ней за меня пойди, и бережно ее надоумь, и сторожко испытай, и плачущую утешь.

19 Ведь нам-то она Отрада; но из страдания отрада ее благоуханным крином расцветает[9].

20 Пойди к ней, советник добрый, и на чем вы с ней положите, про то сказать мне вернись. Мне же про себя думать думу великую».

21 И с тем отпустил Владарь родича своего Радивоя.

XII

1 По немногих днях пришел слепой к Владарю и так об Отраде поведал:

2 «Вхожу поутру к ней в терем и чувствую: взор она на меня устремила светозарный, пристальный, как небо ясное, — сквозь облак слепоты моей взор тот мне в душу проник, будто читает она в душе моей[1], — и молвила тихо:

3 “Знаю, почто, родимый, ты ныне здесь. Уводи нас, куда сам изволишь, токмо его спаси!”

4 И едва я уста раскрыл говорить ей, рукою заградила уста мои и на колени склонилась пред Ликом Пречистой с рыданием; а по молитве встала и обняла меня, и за ответом прийти наказала под вечер третьего дня.

5 Поспешила в пустыньку, что̀ за криницею Егорьевой в заповедном бору, дабы наутрие спозаранку сходить оттуда к старцу своему за советом и благословением.

6 На третий день дождался я вечера и в терем опять стучусь; ждала меня сердешная и про старца стала рассказывать. И что̀ мне она доверила, тебе слово в слово перескажу.

7 “Изрек”, говорила, “преподобный по исповеди таковы слова: "Возвести, царица благочестивая, Радивою возлюбленному, что приветствует его во Христе смиренный старец Парфений;

8 и благословляет-де Радивоя Парфений послушествовати гласу ангельскому, глаголющему в сердце его: Возьми отроча и беги в страну чужую, и пребудь с ним в стране той, доколе не умрут ищущие души младенца"[2].

9 Восстенала я, услышавши слово сие, что как оружие острое грудь мою пронзило, и уста мои грешные, ропотливые, пролепетали: "А я что?"

10 Ответствовал старец, и словно оружие то в груди моей повернул[3], но и льдину сердца моего упорного и мятежного как в огне растопил: "Мир ти, дщи! Еще ли не до конца возлюбила покорствовати Богу? Не сама ли от міра отречься домогалась?

11 Дважды родится человек по таинственному глаголу Христову[4]. А жене и другое наказано: дважды в муках родить человека, грядущего в мір[5].

12 И первее из лона своего темного, земле подобно, плод изводит, и отторгается от естества ее плод ее на свет солнечный и в свете міра сего лик свой являет; но еще держит мать сына в лоне своем душевном, после же и от душевного лона ее отлучается странник, грядущий в мір[6].

13 Вскоре тебе, от міра уходящей, силы небесные великое пошлют испытание веры твоей: очей свидетельство обличить в обмане[7], и ушей извещение во лжи, и надгробное рыдание претворити в песнь[8]. Претерпевый же до конца, той спасен будет"[9].

14 И рыдающую меня у ног его воздвиг старец, и приголубил, и напутствовал словом: "Положися на Господа, Он и сына твоего, и мужа плещма Своими осенит, и под крыле Его надеешися[10].

15 Ныне же уготовайся к венчанию священному на царство, и сие вменится тебе в послушание. Тако бо подобает нам исполнити всякую правду"”»[11].

16 Умолк Радивой; и воздохнул из уст Владаревых Лазарь Отрадин: «Аминь».

XIII

1 Положил в сердце своем Владарь отпустить сына с Радивоем в дальнее странствие; но как и без того про царевича смутня плелась, услать его из семьи, словно бы в изгнание, стыдился народа.

2 И не имея духа новую в книге судеб повернуть страницу, внезапно, как в день оный рождения Светомирова, воспомнил о звездогадании[1].

3 А перед ним, тут как тут, в дверях стоит и крестным себя осеняет знамением звездочтец его испытанный — в годину глухую немощи и безвестия провозвестник мощи и славы, тогда убо простой черноризец, ныне же его милостями взысканный священноначальник, вызванный им великого ради замышления церковного и державного.

4 Ласково взглянул на него Владарь, а тот и земли под собою не взвидел от радости, заслышав из уст государевых долгожданное слово:

5 «Старинный днесь твоему преосвященству долг плачу; балагурил, помню, с тобою убогий сидень: аще всея земли нашея автократор буду, ин тебе подо мною патриарху быти.

6 Днесь, святыя церкве опекун сый в міру и защитник, воздвигаю под сению престола моего престол патриарший и тебя, верного о церкви и царства рачителя, жезлом власти сея священныя жалую, о чем и указ подписан[2]».

7 Заикнулся было, вдруг оробев, Епифаний о соизволении, на то дело потребном, патриарха вселенского, а Владарь ему, упреждая словеса многие: «И о том во благовремение промыслено!

8 Благословил хирографом цареградский изгой церкви нашей самостояние и своеземным патриархом возглавление;[3] о другом и не помышляет, токмо бы ему бездомному вселенским по старине величатися.

9 Достоит убо тебе, со мною единомысленну и единосоветну, у духовного кормила стояти. Под твоим началом стадо словесное, под моим пажить[4]. И на сем исполать возглашаю первый твоему святейшеству»[5].

10 И обнялись оба, лобызая друг друга целованием мира в плечо по обряду священнослужителей, сослужащих во храме.

11 Благодарствовал тогда возносимый возносящему его и обетовался, каковым допрежь себя являл в препобежденных испытаниях, такожде и в новом ристании с державной колеи не сворачивать.

12 «Виданное ли дело», — говорил, — «чтобы царем благочестивым зачинаемое, аще воистину сей есть Бога чтитель, святоотеческим уставам перечило?»

13 Прервал на сем слове речь его властитель нетерпеливый: «Каноны-де канонами, а законы законами; временны-де уставы, и детоводители в срок отпускаемы бывают, и переменчивы времена.

14 Но не о том ныне» — примолвил, — «забота: чин восшествия твоего на престол первосвятительский управити потщися, да честно̀ от Попа Ивана посольство сретеши в благолепии патриаршем. Я же перед священным на царство венчанием говеть собрался в Пустыньку Егорьеву».

15 За отпуск принял слова сии Епифаний, но удержал его Владарь, перед собою сидяща, и, лицо рукою застенив, молчал долго; после же тихо молвил:

16 «Дума крушит меня о сыне моем. В инобытии некоем и в инови́дении пребывает. И кто его от мести міра сего убережет? Как птица со стрехи кидается[6], так он пустоту под ногами воздушную за твердь мнит».

17 Прошептал собеседник его, будто некую тайну вверял, еще тише: «Не в помощи ли Вышнего сын твой живет? И не сказано ли о таковом, что ежели и с высоты низринется, ангелы Божии на руки его подхватят?»[7]

18 Возвысил голос Владарь: «Новое ты мне об нем, да и обо мне купно, учини звездогадание». И, как тот безмолвствовал: «Аль и сие каноны твои днесь тебе возбраняют?»

19 «Возбраняют, государь!» — отвечал патриарх. — «С тех пор как епископский сан приял, судеб Божиих по звездам не пытаю».

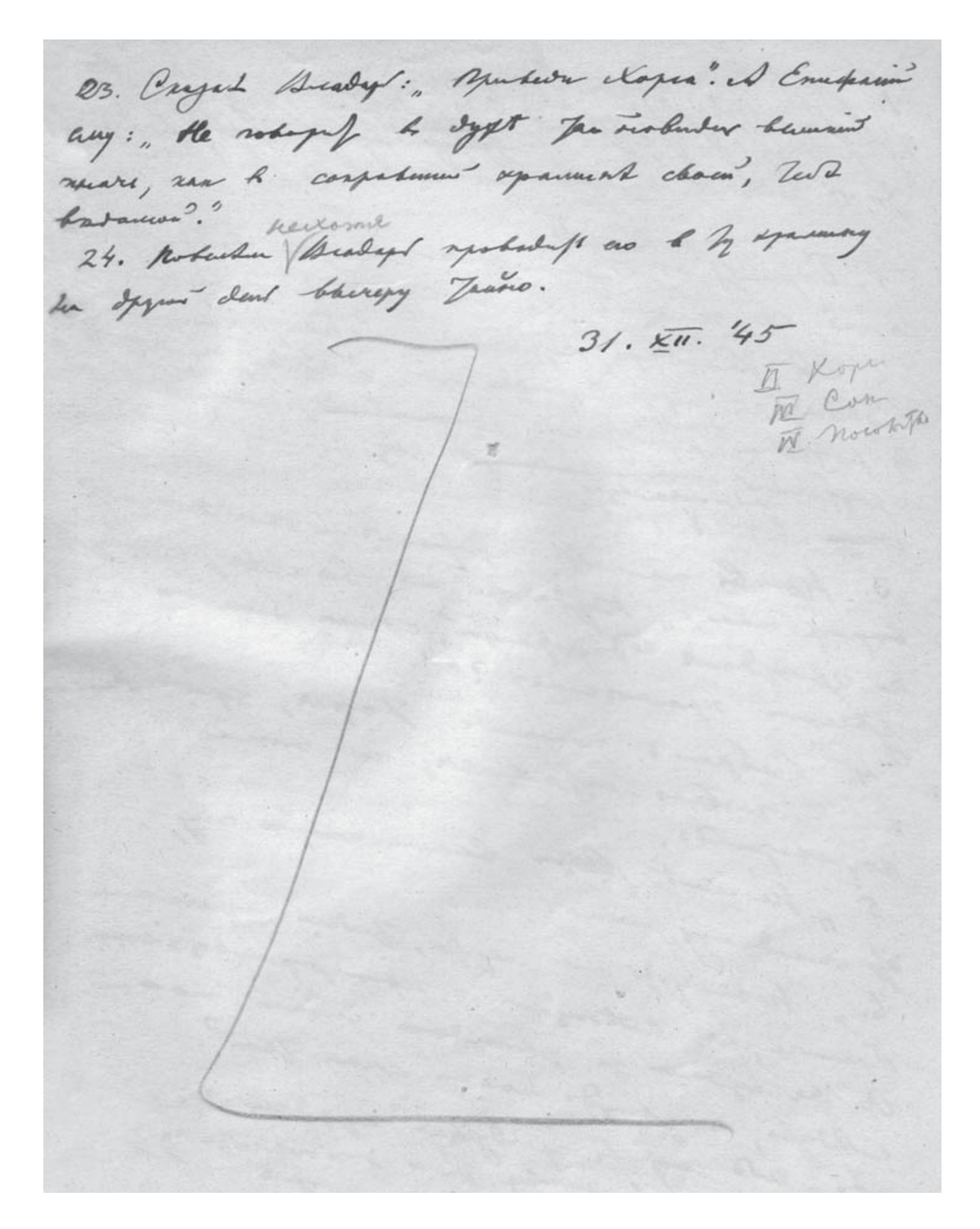
20 И было лицо его бесстрастно, как лик единого от сонма святых отцов, какие в облаке пишутся на изображениях Никейского собора[8].

21 Нахмурился повелитель; и видя Епифаний досаду государеву, благодушно ухмыльнулся в бородку поседелую и с лукавым промолвил простосердечием:

22 «Да и то сказать, господине: елуру ли, сиречь коту домашнему, передо львом коготки казать?[9] Мне ли толковать письмена звездные пред лицом великого моего в том искусстве учителя, он же еженощно светила о тебе вопрошает?»[10]

23 Сказал Владарь: «Приведи Хорса». А Епифаний ему: «Не говорит в духе тайновидец великий иначе, как в сокровенной храмине своей, тебе ведомой».

24 Повелел нехотя Владарь проводить его в ту храмину на другой день ввечеру тайно.


23. Сказал Владарь: „Приведи Хорса“. А Епифаний ему: „Не говорит в духе тайновидец великий иначе, как в сокровенной храмине своей, тебе ведомой“.
24. Повелел нехотя Владарь проводить его в ту храмину на другой день ввечеру тайно.
31. XII. '45

Беловой автограф.
Книга четвертая, гл. XIII (конец). Чернила, карандаш

XIV

1 Бормотал невнятное Хорс в дыму курений и каменье самоцветное перед светильниками пересыпал.

2 А Владарь, куревом обаянный, насупротив сидючи, на игру ворожейную глядючи, кристалл простой в россыпи приметил, как вода светлый, словно со дна кладезя прозрачного кольнул его в сердце острия золотого мгновенный луч.

3 Но в память пришел и, дрему отрясая, с ворожбитом разговор зачал: «Куда же ты, волсве, по звездам путь держащий, сына моего завести умыслил?»[1]

4 Собрал камение Хорс, кристалл перед гостем оставив, и тихо возговорил: «Не мне вести сына твоего, но ему, отрочати малу, меня.

5 Поведут его мужи, тобою излюбленные, со слепцом-прозорливцем; я же вослед их пойду за звездою моей, яже есть сын твой.

6 Сему бо в грядущем сужден Кефер, днесь чело твое осиявый. Аз же кто есмь, смиренный? Не Кефера ли служитель на земле?»

7 Паки вопросил царь: «Как отпустить дерзну сына моего перед лицом народа моего в чужие края с воинами чужими, и что про уход его люди скажут?»

8 А волхв, будто и не к нему, а про себя вслух: «Да то самое и скажут, что давеча Епифаний обронил: ангелы-де Божии на руки его подхватили».

9 Помыслил в сердце Владарь: «умрет сын мой», и вдруг увидел в глубине кристалла, перед ним положена, гроб хрустальный и сына своего, не отрока, а юношу, в гробу лежащего со стрелою светлою в десной руке[2].

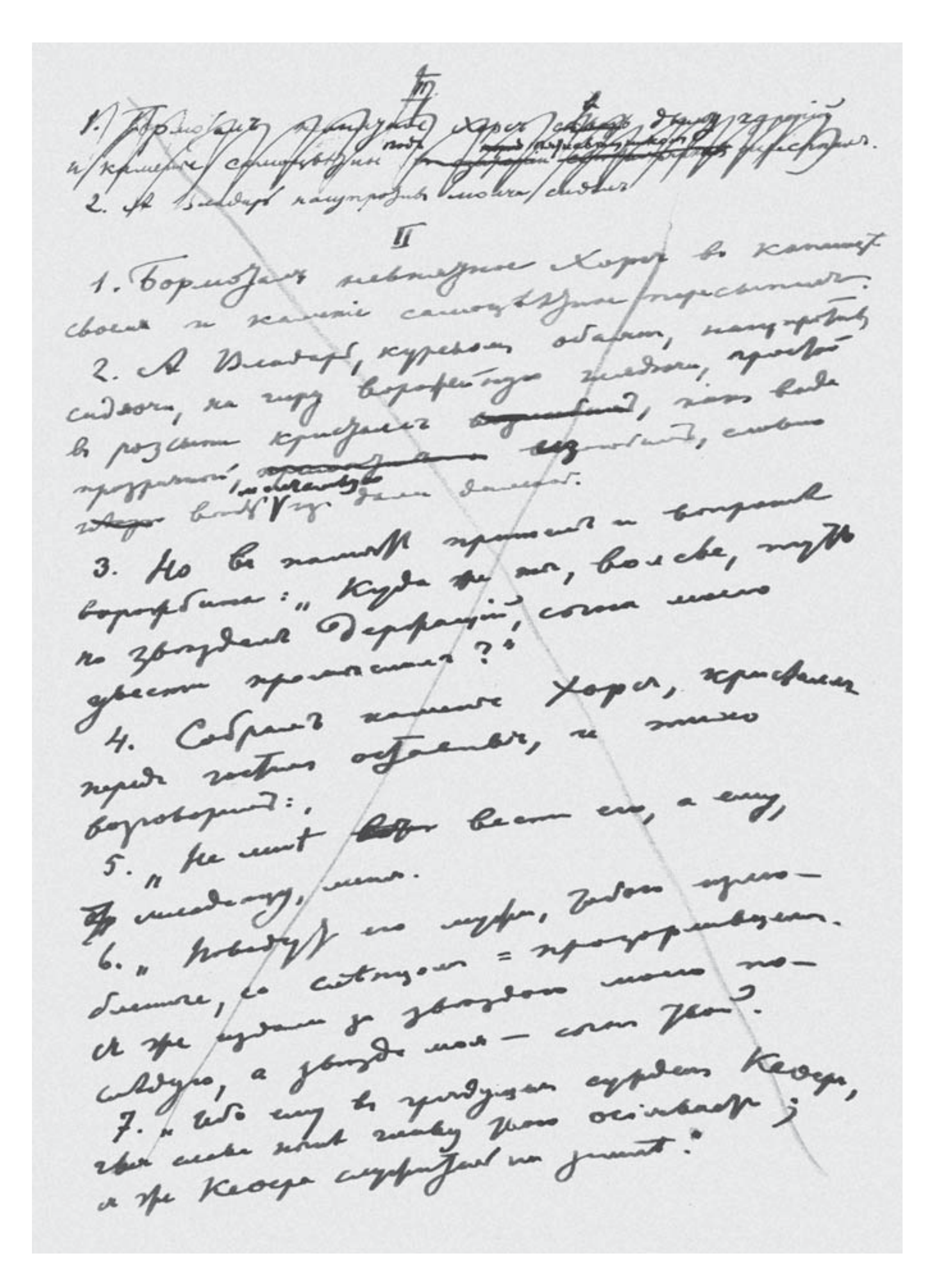
10 И, болию пронзен, в третие вопросил: «Отпустив сына моего, увижу ли его еще на земле?»

11 В ответ вещун: «Ты сказал. Во славе Егорьевой паки его увидишь и венец твой восхощешь на голову его возложить; он же пройдет мимо.

12 И будет тяготеть венец твой на главе твоей, доколе не превратится в круг огненный; тогда призовешь сына твоего, и он снимет с тебя обруч палящий, и возложит на чело свое как венок весенний».

13 И увидел себя Владарь в кристалле, как в сновидении дальнем, стояща в седой степи на белом камне отлогом и пасуща с высокого камня лобного несметное овец стадо[3].

14 И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьем солнцезарным Свет-Егорий; а он своим железным жезлом Егорию



Перечерненный беловой автограф.
Книга четвертая, глава XIV (по первоначальной нумерации).
Чернила, карандаш

машет и возбраняет ему волков в стадо пускать, и сам дань отобрать обещается[4].

15 И вспомнил Владарь слово Егорьево в сновидении: «мне ты сам данью будешь». И сказал в сердце своем: «Ныне я за всю землю оброк»[5]. И, укрепившись духом, прислушался к волхву говорящему:

16 «Не надобно тому звездогадание, кто здесь слышит, как дух его инде беседует с духами міров иных.

17 Ничего боле звезды тебе возвестить не имеют: взирают на деяния твои, как свидетели, делу непричастные, и безмолвствуют, как судии, полукругом сидящие, доколе длится тяжба.

18 Слово было тебе дано; от тебя мір ожидает слова[6]. Как наречешь, так и обречешь; на что поглядел, тем и завладел; чего изволил, то и вынудил[7].

19 Пустынно самодержавца одиночество[8]. Покинут тебя милые твои;[9] один будешь в седой степи с белого камня лобного несметное пасти овец стадо. Чего молил, то и вымолил[10].

20 Мне же, послу к тебе от архонтов звездных[11], обещайся по уходе моем храмину сию и все подходы к ней наглухо замуровать, чтоб и следа не осталось от Хорса-волхва».

21 Вынул, прощаясь, Владарь сапфир драгоценный из цепи своей и Хорсу в обмен дал за кристалл памятный.

XV

1 Как некогда Симеон Управда, Божия суда взыскавший в сонном видении, так и Владарь ныне, видения вещего взыскатель, воды ключевой с молитвою испил из криницы Егорьевой и навзничь лег у ручья, руки на персях сложив крестом.

2 Но не слеплял вежд его сон и, жмурясь на сверканье текучих струй сквозь ресницы смеженные, мнил он видеть, как в кристалле оном, прозрачный гроб и юношу со стрелою светлою в гробу хрустальном[1].

3 И в мыслях о том зраке неотступном сморила его дрема полуденная, и привиделась ему Горислава юная в девьей красе чародейной, какою впервые предстала ему, юноше-ратнику, и мнилось, шепчут уста ее нецелованные: «Милый, милый!»

4 И воскликнул во сне Владарь: «Николи бы с тобою не расстался, все бы глядел на тебя не нагляделся!» А она ему: «Связана моя душа с твоею. Уведу тебя на луга мои цветистые, в сумерки светлые, незакатные; там с тобою будем миловатися, нецелованными устами шептатися».

5 Подумал про себя Владарь: «Уж не опять ли Егорий стрелою в меня метит, в забытье дремное меня ввергнет и в изнеможение?» Отвечала на мысль его Горислава:

6 «Не твоя ль она, сила Егорьева, и тебе ли ее бояться? Собралась она клубом округ венца твоего, ровно гроза в ясном небе[2], а как возложишь венец на главу твою, пронижет тебя змеею молнийною из недр земных насквозь до темени[3].

7 И замрет жизнь твоя здесь на короткий срок, а в моем царстве взыграет; а как отпущу тебя из моего царства, богатырем на земле царевать будешь».

8 Воздохнул Владарь: «Горько мне с тобою разлучаться, горе и в сей мір ворочаться. Отойдет от меня Отрада моя, и сын мой уйдет далече. Одинокого меня люди бóжить будут, как истукан огромный на камне голом»[4].

9 Устремила на него взор Горислава и молвила: «А на чем мы с тобою спознавалися? Не купно ли царевать загадывали? Не сам ли ты променял Гориславу на стрелу Егорьеву?»

10 Вскричал Владарь: «Не отдам тебя ныне за жизнь мою!» И руки, воспрянув, простер, чтобы схватить ее; но ее уже не было.

11 Сонно колыхались над ним сени лесные, солнечным проткáны светом. И чу! милых голоса веселые из дебри донеслись, его окликали.

12 И вышла из дебри Отрада светлая, а перед нею Светомир, смеючись, верхом ехал на сером волке[5].

13 Говорила Отрада: «Волк нам тропку загородил, а Светомир к нему потянулся. А зверь добрый ну ему руки лизать. И сел на него Светомир наездником»[6].

14 Кричал отрок отцу: «Возьми меня с собой на войну!» — «А чем», — спросил отец, — «ты меня на войне оборонять будешь?»

15 Отвечал Светомир: «Вон тот, что на страже стоит у креста под сенницей, копье свое мне даст золотое. Да не скоро то будет[7].

16 Говорил мне по дороге волк, что далече, далече меня унесет, и не раньше я домой вернусь, чем большой выросту».

17 Сказал Владарь: «Так, видно, тому и быть. Ныне же волка отпусти да ко мне садись на плечи. Я тебе за серого волка буду».

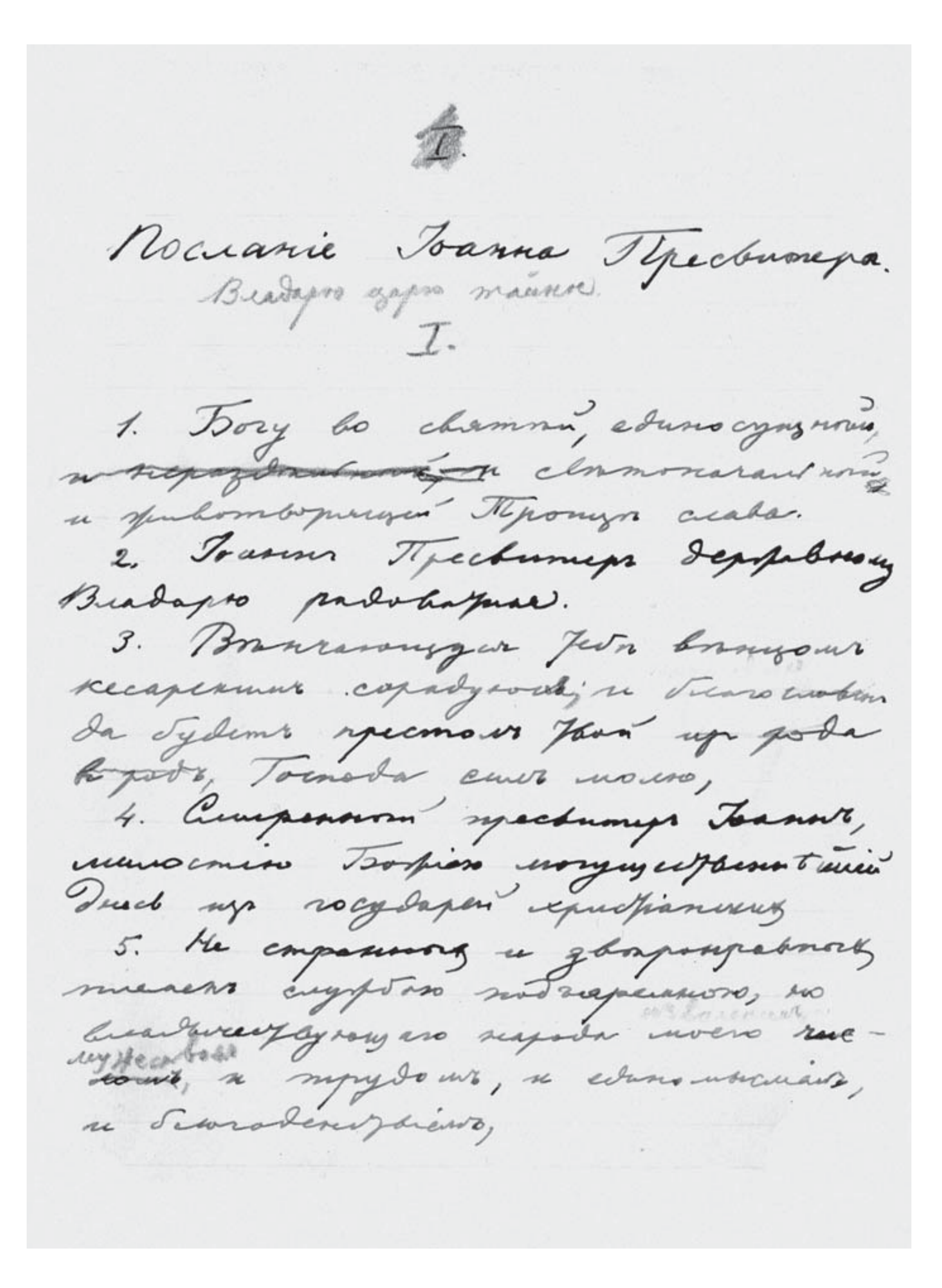
18 И тронулись в обратный путь трое, когда же ко вратам обители приближались, встретили старца Парфения, к Отраде пришедшего в монастырь на беседу духовную.

19 И, поручив Светомира матери, умолил Владарь старца удалиться с ним в перелесок ближний, говоря: «Исповедался я у тебя давеча во грехах моих, а одного, тягчайшего, тебе не сказал».
20 И когда склонился к нему в уединенном месте старец, молвил Владарь: «Смерти желал я сыну моему».
21 И разрешил его отец духовный: «Не вменится тебе во грех жестокая ревность твоя и противочувствие твое: зане воистину сына своего любишь боле себя, славу же дела своего боле сына.
22 Но поелику столь крепко окольчужился дух твой, что дана тебе свыше власть: как наречеши, так и обречеши, — себя самого на скорбь обрек: в мертвых живого сына поминать будешь».
23 И проснулся Владарь у криницы Егорьевой.

XVI

1 Прибыло в те дни посольство жданное на конях и верблюдах, пресвитеров иноплеменных дванадесять и с ними полк малый воинов черноризцев, —
2 Смуглоликие мужи, благообразные, важные, в куколях монашеских на колпаках железных[1] с обмотом понизу из шелка шафраножелтого, —
3 В кольчугах под рясами черными, с кривыми саблями и самострелами и щитами крестовыми, в железо одеты, в железо обуты.
4 Нагородили становища шатров черных за городом, с церковью походною под беловерхим наметом посреди стана, и там заночевали.
5 А наутро, ранние у себя отпевши обедни, пошли двенадцать с хоругвию при несметном народа стечении в соборный храм и встречены были в притворе патриархом в церковном облачении,
6 А по торжественном в соборе служении проведены в палаты царские, куда к тому часу свезена была на верблюдах из стана многая кладь.
7 И разложили в палате дары многоценные царю и семье царской и царевым присным и в ризницу патриаршую: чего, чего не навезли, устали дьяки записывать, иное и поименовать не умели, —
8 Убранства и украсы и ризы и утвари священные, камением самоцветным и жемчугами осыпаны, изделия изящные из меди, и серебра, и злата, и електра, и ебена, и ивория[2], и крепкого древа пахучего,
9 Паволоки красы невиданной, и ковры, и шкуры пестрые зверей и змей диковинных, и масла душистые, и смолы добровонные, и сосуды пиршественные, и богатое оружие.

10 После же званы были на патриаршее подворье к трапезе, и патриарх, гостей угощая, по-гречески с ними беседовал, они же, как в пищи и питье воздержны, так и в речах были не многоглаголивы.
11 На прощание же молили его проводника им дать в места уединенные, где отшельник благочестивый, по имени старец Парфений, спасается: имеют-де наказ к нему от Иоанна Пресвитера.
12 И на другой день с утра сели двенадцать на коней, провожаемы мнихом из греков и двумя своими воинами с нарядом шатровым, и путь держали в пустыньку Егорьеву.
13 И поставили шатры на дворе обители, Владарь же в одежде игумена заезжего ужинать с ними вышел и вопрошал их с ласкою греческой, как они в краю чужедальном о смиренном пустынножителе прослышали.
14 Отвечали послы: «Ведают святые святых по всему лицу земли, и наши отшельники издавна вашего чтут. Держимся символа веры апостольского и святых общение исповедуем, оно же не токмо между міром дольним и оным, но и в сем круге земель ежечасно невидимо свершается»[3].
15 Выехал Владарь с женою и сыном наутро в престольный град, а послы, крестом и духовенством из обители предшествуемы, пошли в дебрь и, обретши жилище Парфениево, до земли отшельнику поклонились и вручили от Иоанна Пресвитера в дар частицу мощей, в их стране почиющих, святого апостола Фомы, просветителя Индии[4].
16 Коленопреклонен принял Парфений дар и долго над ним плакал; после же встал и надел ризу по сану своему и понес мощи перед собою, примолвя: «Недостойна хижина моя таковую святыню вмещать».
17 И пошел за крестом с мощами в руках в обитель Егорьеву, сопровождаем послами и духовенством, и, вошед в церковь обители, поставил ковчежец на престол алтарный.
18 Когда же вернулись послы в столицу, принимал их в доме своем Владарь с почетом царским, и они вручили ему в скрынице драгоценной за семью печатями послание, писанное рукою Иоанна Пресвитера[5].
19 И в том послании услышал Владарь повеление Господне.


I.

Посланіе Іоанна Пресвитера.

Владарю царю тайно

I.

1. Богу во святѣй, единосущной, ~~и нераздѣльной~~ и свѣтоначальной и животворящей Троицѣ слава.

2. Іоаннъ Пресвитеръ державному Владарю радоватися.

3. Вѣнчающуся тебѣ вѣнцомъ кесарскимъ сорадуюся, и благословенъ да будетъ престолъ твой изъ рода въ родъ, Господа силъ молю,

4. Смиренный пресвитеръ Іоаннъ, милостію Божіею могущественнѣйшій днесь изъ государей христіанскихъ

5. Не странныхъ и звѣронравныхъ племенъ службою подъяремною, но владычествующаго народа моего числомъ, мужеством, и трудомъ, и единомысліемъ, и благоденствіемъ,

Беловой автограф.
Книга пятая (начало). Чернила, карандаш

КНИГА
ПЯТАЯ

ПОСЛАНИЕ ИОАННА ПРЕСВИТЕРА[1]
[Послания часть первая]

I

1 Богу во святей, единосущней, светоначальней и животворящей Троице слава[1].
2 Иоанн Пресвитер державному Владарю — радоватися[2].
3 Венчающуся тебе венцем кесарским сорадуюся, и благословен да будет престол твой Господа сил молю,
4 Смиренный пресвитер Иоанн, милостию Божиею единый от народоправителей христианских,
5 Могущ сый не странных и звероподобных племен службою подъяремною, но владычествующего народа моего числом и трудом, и мужеством, и единомыслием,
6 Ктому и земель пространных неоскудным плодоношением, и руд горных и камения самоцветного изобилием, веселящим ли око солнечное или в недрех сокровенным.
7 Послушествуют мне христолюбивых царей двоенадесять, и трие от них при мне живут в митрополии державы нашея, споспешествующе ми советом и смотрением, прочии же над треми другими частями царства поставлены, по три царя в каждой части[3].
8 Причти к сим и господарей язычествующих, под нашу руку волею приставших и окраинныя области держащих, их-же к водам крещения не хощем нудити[4].
9 Писах же сие не в похвальбу, но да не останешися о нас в неведении, егда многообразный помыслиши состав на земли Церкве Христовы,
10 И взаимодейственни да будут в богозданнем согласии все уди Единого Тела.
11 Достоит бо тебе испéрва благонадежну быти, яко мы от правого исповедания единыя святыя, соборныя и апостольския Церкве[5] и от пре-

дания святоотеческого, аще и многими ересьми прельщаеми, николиже есмы ни в мале не отступили;

12 Якоже и сам о том известитися можеши словесным испытанием послов моих, саном священства мне равных.

13 Отсельници есмы новыя Трои, еже Византии имя тайное есть по сказанию древлему[6].

14 Отрасль хвалимся быти царственного Константиня града, далече процветшая прежде распри с Римом первым[7],

15 О ней-же изволися нам ничесоже ведети, Господа благодаряще, яко хитона Спасителева, не швена, свыше исткана цела (Ев<ангелие> от Иоанна 19, 23), не предерохом ниже разделихом[8].

16 Ныне же, брате добролюбивый, о жительстве нашем и законе, и свычаях, последи о себе недостойнем, и о святынях наших сокровенных нечто повем.

II

1 Лежит земля наша, именуемая Белая Индия[1], промежду языки идолотребники и заградою первозданною гор ледовитых и пустынь, аки пещь распаленных, яже нас и от булата щитит Бахметова, и от раздора христианска уединяет.

2 Противу же оных языков ветхия славы заграждения не имамы, ниже взыскуем; искони бо многобожию безбожну и высокопарению мысленну, купно же и чаромутию привержени сущи, ктому и князей роскошеством и растлением, подлых родом нечистей твари приравнением ослаблени, ни духа воинска, ни совета и согласия не имут, никако убо всею громадою на ны подвигнутися помышляют,

3 Убоявшеся некогда отпора нашего Чингисхану непобедимому и равночестныя с Великим Моголом мировщины[2].

4 Наезды же и опустошения, по манию местных владык, особь и розно творят, и та полчища мы пешим строем и конники и варваров свирепых подмогою за степи восточныя и погория прогоняем.

5 В нарочитых походах и сам военачальствую, из башни скородвижныя, слоном белым носимыя[3], боище сюду и овуду озирая и лук напрягая, зверие же из зверинцев моих, тигрия и панфири, укротительми спущено, окрест прядает и обставшу вражию рать устрашает.

6 Сице не корысти ради, ни в обиду соседем, на брань ополчаемся; но и в мирныя времена опасно ходим.

7 Перелазит заставу горную и к нам приблудитися ищет исчадие неприязненное: гимнософисты, сиречь нагомудрецы, рекомые, бесстыдства и безначалия и безнадеждия учители[4], и чародеи, очей обаятели, и чаротравници, и блудодеи[5], обезиян любострастных гнуснейшии,

8 И пламени, из недр земных изрыгаема, богомольцы, бесонеистовым в нощи плясанием геенский огнь мрачный мнящии славити, похулители стихии чистыя, и инии всяческа толка слуги диаволовы.

9 Ловит народ душегубителей и заводит в дебри и пропасти земли, белу волку (молвят людие), лжам судии, во снедь[6], и единорогом белым, целомудрия стражем, на прободение, и грифом белым, огня ревнителем, на поклевание[7].

10 Сицева докука соседская; в пустынях же помяну сухое море[8] на месте столпа Вавилонского[9] и реку, в то море текущую и не иссякающую, песка сыпучего, ветром волнуему и стремиму в русле безводнем[10].

11 И таково диво мужие праведнии возвестиша; обаче самовидческо ли возвестиша свидетельство, иносказание ли, еже богопротивныя гордыни неослабное знаменует в духе столпотворение, не вемь.

12 Елика же странничествующии бают о негде за пустынями обитающих наездницах ли мужеубийцах[11], о исполинех ли, един глаз во лбу имущих, другий же в темени[12], о Пигмеях ли меньших телом, неже детца малая, земледелех кротцых, птицами исклюваемых[13],

13 И елика иная сего рода неподобная расписывают, сами ни Псоглава[14], ни Полкана — конечеловека трезве не видевше[15],

14 Соние и баснословие суть, из рода в род предаваема и украшаема, и что есть в онех баснях искони мечтание, что же и правда древляя, не изследих.

15 Отвращает бо ся от суеверия муж, истинная и явная по вся дни зряй чудеса[16].

III

1 Кольми достовернейшее извествуется о пустыне, на полнощь от нас простершейся до гор железных Гога и Магога![1]

2 В тех гор кольце — гласит предание — Александр, царь македонский, заключил есть на долгие веки оклятвою крепкою жестокое племя и бесное, воспламеняемо в звездные сроки таковою яростию, яко само ся в родичах истребляет.

Перечерненный беловой автограф.
Книга пятая, гл. III. Чернила, карандаш

3 Но кольми губительнее на ся ярятся, тольми род их множае расплождается: блюдет их, толкуют старцы, сила небесная на день судный, егда изыдут из затвора своего, по пророчеству, Гог и Магог примучити вселенную[2].

4 Мы же супротив по предгорию стражбища и острожцы сооружихом; и елижды посреде нас Божиим попущениим, бесовым наущением содеется грех тяжк и осудят законопреступника судии народнии на казнь, Железныя Врата стрещи неключимаго посылаем.

5 И, глядя нераскаянный на туземцев дерзость и лютость, веселится духом и в грехолюбии ожесточается; своих отбегает, забеглым волком пристает, огрызаяся, к рыскучей новых свояков стае и с нею звериным обычаем живет, сырым мясом питаяся, ино и людоедствуя[3].

6 Спасаемый же, зла мерзость воплощену узрев, содеянный грех изгасити ревнует и с нашею кустодиею противу рода окаянного ратоборствует[4].

7 Не втуне извергов род на крепости наши зубы скрежещет, мы же по вся лета лов деем по их убежищам и связней полон мног в наши места на воинску потребу уводим.

8 И – диво пречудное! – мужи, даве бесов игралища, под началом умным страшливы ходят и покорливы, и в боях биются добре, и в станех не мутят и не бесчинствуют;

9 Наставления же, еже о Бозе и о душе человечестей и о гресе, не разумеют, скопцы диаволовы, и в уряде мирнем телом хиреют даже до истощения смертного.

10 Того ради, по службе недолзей, отсылаеми бывают в притоны своя, да плотию живи будут.

IV

1 Ту убо бесчеловечие нáго и образ Божий в человецех затмен, семо же взор обращь на языки ветхия, пример видиши надмения богоотметна, вкупе Лик Божий и человека лик упразднивши; мы же верою живем и спасаемся, и ущедрил есть Отец Небесный достояние Свое.

2 И, озирая мысленно простор, нам в обитание данный, воспоминаю великий оный остров, волною морскою покрытый древле[1].

3 Загражден бывше, по свидетельству Платонову, от ветров хладных гор венцем превыспренним, и слонов многоядных стада по острову блуждаху сыта.

4 И елика суть благовония, и корение целебное, и зелие доброе, и цветие дивное, древеса же смолоточивыя и плодов сочная сладость, вся в дар несеше земля острова жителем в изобилии неоскуднем.
5 Такожде и к нам пришедый путник, дивяся, речет: «Нигде, ниже в чертозех и цветницех царевых, обонял есмь благоухания, яже зде веют;[2]
6 Николи, прежде нежели сея страны достигнути, толь прозрачны видел пелены воздушныя, ни гор белоризиц, превыше Кавказа вознесшихся, величия равна, ни таковые кринов красы, ни луны днесветлыя, солнцу соперницы;
7 Ни ликов пернатых не слышал пения райска, еже зде слышу под ваиями древес столпных, над кровом ли широколиственным едина древа многоствольна; ни зверей дивиих нощию рыкания мощна, ни громных гласов рокота мусикийска[3]».
8 Но дабы памятовал человек о мече пламеннем, Едема врата стрегущем[4], и в сем саду услад бегати имать и пестрохвоста лютого, и ящера, в иле спяща, и змия-удава, и жал смертоносных, и вихремощных воздушных хищников[5].
9 Не терние зде, не волчцы изращает земля чадом Адамовым, ин расточает благостыню;[6] и самим преизбытком силы раждающия задушила бысть человека самостояние, аще бы в поте лица своего не борол ю[7].
10 И мы естества силе не поклонихомся, ниже в лень косну, ни в негу растлительну, ни в деторазумие варварско не впадохом, обаче коемуждо делу полезну и достохвальну с усердием прилежати препоясахомся, яко да и в малем совершени будем.
11 Всякаго же совершенства единый верный вождь есть: богомысленный труд, добротворный.

V

1 Всяко лето путешествую, не ближния токмо, но отдаленнейшия местодержания посещая, грады же и веси, да повсюду глас народный услышу, во еже суд и ряд сотворити во благовремении[1].
2 Жальбу на царей исследую, не взирая на лица, и которого царя не возлюбиша всем міром, отпускаю в его вотчину и от родичей его другого на стол сажаю, надежна мужа и советна. Богу же и народу угодна.
3 Прю вечевую и новины со стариною стязание о премене устава ветхого по совести решаю и предузрению, вразумляя буев научением и увещанием, и сего наипаче блюдяся: еже не препнути духа жива.

4 О завете отцев, во внуцех живе, ревную, не о костех погребенных; свободу же не умалити поставлен есмь, но урядити.
5 Свободь бо есть всяк, во Христа крестивыйся, и на Христов лик взирая, свободныма ногама, камо-же хощет, шествует, якоже и речено есть о Христу вернем: «и внидет, и изыдет, и пажить обрящет[2]».
6 И разно управляются области царства, по своему кийждо нраву и обычаю; но аще и образом жития разнствуют, в единении соборнем и строе согласием волею пребывают.
7 Веселятся убо о пришествии моем, и, понеже не леть есть дары правителю приносити от правителя одаряемым, в угождение мне игрища устрояют и кола[3], и лики гусельныя, и лицевыя действа.
8 Наипаче же поощряю юных состязания в беге, и прядании, и копьеметании, и борьбе, и стрельбе, и пении, и стихословии[4].
9 Изощреннейших призываю и посреде их разбор творю, особне же в учении книжнем преуспевающих испытую; отборных убо вяща наставления и искуса ради, родителей ублажив, с собою увожу в землю срединную, о ней же абие имамь глаголати[5].

VI

1 Ущедрена есть свыше земля, юже срединную именуем, пред всеми частями царства[1]. Свидетельство же тому: не лютуют в ней звери дивии, не жалят гады ядовитые, ни лихо зелие не растет[2].
2 Но тучнеет по крутодолом дальним древо масличное и веселит холмогория добре возделана Вакх ли, у еллинов славимый, мест сиих древний гость, Ной ли, из ковчега исшедый, первовиноградарь[3].
3 От избытка убо земли срединныя не скудеют и на дальних торжищех царства вино и елей.
4 Ограждает ю̀, яко-же ров непролазный твердыню, коловратный поток, в русле глубоцем текущий, не вод самотечных без истока, без устия, а некоего веяния премірна, еже нельзя смертному во грудь вдохнути и не умрети.
5 Ведется от пращуров имя потоку Фисон; бе же Фисон река, из сада Едемска текущи в страну, златом и бдолахом и ониксом изобильну[4].
6 Мнят убо: и доднесь струи едемстия, под землю ушедшия по изгнании Адамове, сквозь расселины коры каменныя в онем русле дышут.
7 И в подкрепление приводят тако мнящии злата и камения самоцветна добычу, в песце русла среброзарнем ископаему[5]. Творят же то по-

слушание старцы наши, дыхание прекращати обыкши в умном делании.

8 Аще ли кий злочестивый на дно снидет хищения ради, изметает его на сходище ветр бурный задохшася.

9 Но и вброд преити поток ветреный не все могут:[6] проницает бо, подобно некоему огню тонку, весь состав человека и всякую в нем изжигает немощь и нечисть, даже до испепеления плоти растленныя.

10 И стекается множество к лествицам широким, из каменя асвеста, рекше вапна, созижденным, низводящим ко броду;[7] и видят овии, идеже броду быти, синину прозрачну, овии облак багрян, овии нить яропламенну[8]. Обаче сон и мара суть, елика видят, не имать бо зрака поток воздушный[9].

11 И простии сердцем, осенившися крестным знамением, небоязненно одеяни погружаются даже до выи в быстрину безвидну и веселыми ногами на он пол пребродят[10].

12 Инии же, грехи воспомянувше многия, не дерзают, и смиренне прочь отходят говения ради и покаяния; по мале же времени, устроивши душу, с миром возвращаются и, бодро ступающи, на брег радощами восходят[11].

13 Иных же не пускает бес ко сходищу, страшением пужает и яростию обуевает, и трясет, и корчит, и биет о ступени каменныя; и тии измождени ближними уносими бывают.

VII

1 Приветством и ласкою сретают пришельцев жители; всем постлано ложе и трапеза уготована, по градам в богатых странноприимницах, на селе в общежитиих земстих[1].

2 Возделывают землю срединную содружества семейств, в общении живущих труда и прибытка.

3 И́на же всяко, аще ли туне, аще ли трудом добыто, стяжание толкуют общее Христовы братии достояние быти, и своя не рекут елика имут.

4 Сим, тако учащим, пришельцев число немалое единодушествует, прекословит множайшее, глаголюще: «Новщина есть и безмерие[2], и любве живыя преложение в закон мертв».

5 Укреплени убо и наставлени бывше, кийждо противу силы его, в добротолюбии, возвращаются посетители, мир несуща в домы своя.

6 Путешествуют же путьми мощеными и тропами осененными удобне, святыя обители наши обхождающи, чудотворными иконами и источники целебны прославленныя, художества лепотою украшенные.

7 Но и в глухия яруги[3] заблудший путник нечаянное обретает покоище в частых вертепех отшельничьих и при церквах подземных.

8 Зане любы народу нашему клиров гласы, к Солнцу Правды возносимыя[4] из глубыни каменныя, и свещ запрестольных мерцание под толщею гор издолбленных.

9 И умиляются людие за службою подземельною, поминающе Иоанново слово о Боге Слове, яко Свет есть, во тьме светящься, и тьма Его не объят[5].

10 Днесветлым же церквам по земли нашей несть числа:[6] идеже бо раздолие уветливо и травник простран, красуются на солнце и маковицы пестроцветныя, крестовоздвижницы златозарныя, аки плодове небытнии посредь зелена вертограда[7].

11 Обаче суров на поле кремнистем, прозванием Львине, стоит Данилов скит[8], созданный над гробом пещерным пророка Даниила; тамо богомольцы говети стекаются по особну правилу скитску.

12 И со страхом и трепетом вступают людие в Лавру Белую[9], идеже мощи почивают апостола Фомы, просветителя Индии[10].

13 Есть бо поведь, яко лихою лжею согрешивый сретити имать округ сея Лавры Волка Белого, лжам судию, и смертию умрети[11].

14 Соборная же всея земле срединныя церковь храм есть кремлевой Пресвятыя Богородицы и апостола Ивана Богослова, именуемый Лествичный, о нем-же по тонку поведати надлежит:

VIII

1 Рдеется воссиявшу солнцу, превыше столпостен моих и теремных царских промежду обема вознесенна, скала велия, единокаменна, руды чермныя[1], в долготу протяженна, верху плоска, из средоградия восходящим благоприступна, отпредь с езера приближающимся прямостоящи стремна.

2 Вышеград, гречески Акрополь, именуем темя сие, кремль бо есть державного града нашего самозданный[2].

3 Жесток бе камень; обаче предков труд, к тому приложився, стропотная исправи, и ущербленная содела равна, и бысть скалы повершие острогато во простор гладок от края до края стремнинного.

Перечерненный беловой автограф.
Книга пятая, гл. VII (конец) и гл. VIII (начало).
Карандаш

4 Днесь же и загражден есть двор скользок над упадьми стенными сквожнятым с прозоры мрамором,

5 И лествицы нань ведут от стогн градских двема восходома широкия, в той-же скале темно-багряней истесаны и стоборием мраморным окрай лепо остолплены[3].

6 С обою полу двора издревле еста агалмата медна поставлена: два зрачна из меди лита всадника всеоружна и острием копийным в ребра прободена, имуща кийждо на главе шлем, на лице же в забрала место сударец гробный, а в деснице ваие победное.

7 Щита же крестовна коленом коневым остависта прислонена. И никтоже в народе сказати умеет, чии еста подобия сии, искони именуема Два Свидетеля[4].

8 И за единым Свидетелем ризницы медновратныя пестрятся стены, поясов чредою обряжены мрамора бела и порфирна камене ценна; и церквице место есть внутрь ея с приделы, идеже священници варят миро. Верху же высится звонница со звоны серебряными и колоколы тяжеломедными.

9 За друзим же Свидетелем Духова церковь медновратная, в шатре крова отверстием, под ним же купель в скале издолблена, глаголема Иордань.

10 Подале и трапезная палата таковым же образом созиждена; ту в праздники великия по начальному обычаю вечери любве правим.

IX

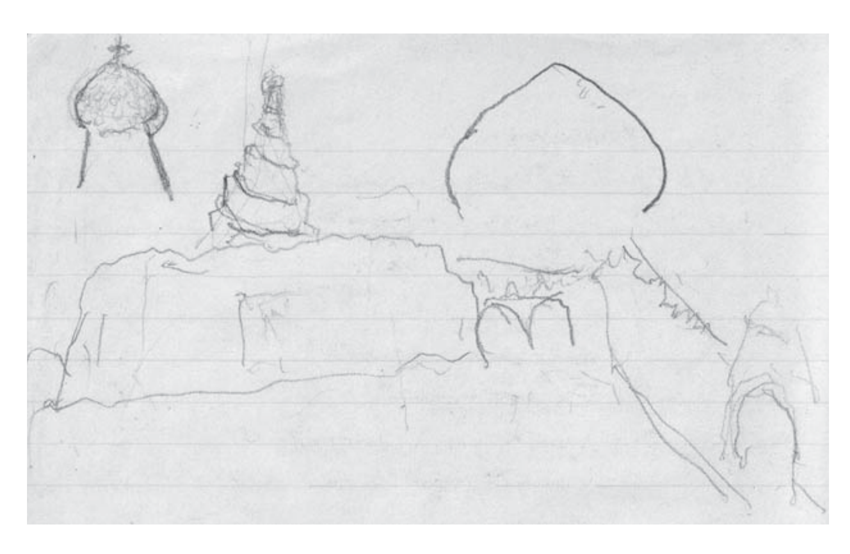
1 Перед скалою и храмом столпным синее озеро плещется, парусами пестримо; и столь велик разлив его, что градов об-он-пол око не видит, токмо окаем снежный горбов горных.

2 По холмам прибрежным в рощах храмины и обиталища изящне созиждены всяческой мудрости хитрецем и уметелем со ученики и любопослушники, домы студитские, и училища, и книгохранилища[1].

3 Не софистикии тамо лесть плетут, но здраво учительствуют, в своем каждый пределе, и словолюбцы-книжники, и риторы, и любомудры, и естествослови, природы пытатели, и звездозорцы, столпники доброхотные.

4 А умодельникам и технитам свои дворы уготованы, такожде и зографам, и зодчим, и мусикиям; а борцам юным поприща, глаголемые палестры, а конникам — ристалища[2].

«И лествицы нань ведут от стогн градских двема восходома широкия...»
Рисунок Вяч. Иванова к главе VIII Книги пятой. Карандаш



Рисунки Вяч. Иванова к Книге пятой.
Черновой автограф. Карандаш

5 Где пространнее ширится озеро, морю подобно, остров уединенный красуется древесами широкосенными и зданий многостолпных блистанием над зерцалом водным.

6 Отдан тот остров богомудрия наставникам, священномонахам и ученикам, послушникам, без пострига блюдущим устав иноческий.

7 У каждого ученика, богомудрию прилежаща, келлия светлица приятная и книжна хранильница; и пред нею вертоградец малый, обоюду остененный, на устоях каменных висит над озером[3].

8 И в том вертоградце возращает и хранит ученик свой цвет излюбленный, его же светом и дыханием помалу приводится к вящему воображению в уме духоносном тайны творения и к соприкосновению с силами ангельскими[4].

9 Внегда войти в келлию наставничу, разжигает ученик жаровню и благовоний зерна в нее сыплет; вошедшему же на коленях стоя исповедуется и рукописание вручает.

10 Зане обыкает чернилом и тростию запечатлевать на хартии, елика из книг научився, познал и уразумел и в чем усомнило; и сии записи наставник, взором объяв, ученику оставляет, потребное присовокупив и яснейшее научение.

11 Но аще и видение некое имел ученик или озарение мысленное, и новым возмнил усладитися света, и сие письменам со тщанием доверити понуждается; наставник же, аки судия прозорливый надмения ли духовного или прельщения, не часто ту рукопись приемлет благосклонно, обаче же с презрением хладным или с гневом ярым ее раздирает и в жаровню разожженную ввергает.

12 Есть на том острове и неверных общежитие, где обитают и язычники, и еретики, алкание Бога истинного не до конца угасившие в томлении и воздыхании духа неизреченном, так что и перейти могли через поток Фисон в серединную нашу землю:[5]

13 Сакиамуния и Конфуция последователи, и Корана начетчики, и манданы, и манихеи, и гностики, и офиты[6], и ерметики, и иные духовными омраченные бельмами.

14 И позволено ученикам богомудрым посещать их и с ними беседовать; если же кто теми беседами соблазнится и в шатание веры впадет, изгоняют того настоятели и на окраину царства отсылают, где тако заблуждающиеся совместно живут и свои капища невозбранно строят[7].

15 На озеро глядят ворота стен моих, глаголемые «Игрищные», зане через них проходят борцы юные, и бегуны, и дискометатели, и стрельцы,

и плясуны на двор мой палестренный, где состязаются в силе и проворстве и ловкости.

16 А двор тот, в окружении столпов ониксовых, прилежит дворцу моему, созижденному из камня оникса; и сила камня того укрепляет мышцы и бодрит дух состязающихся[8].

17 Неподалеку, среди садов моих, на скале башня высотою ступеней ста сорока семи высеч<енная> из камней разных многоценных, и как маяк сияет верным издалеча[9].

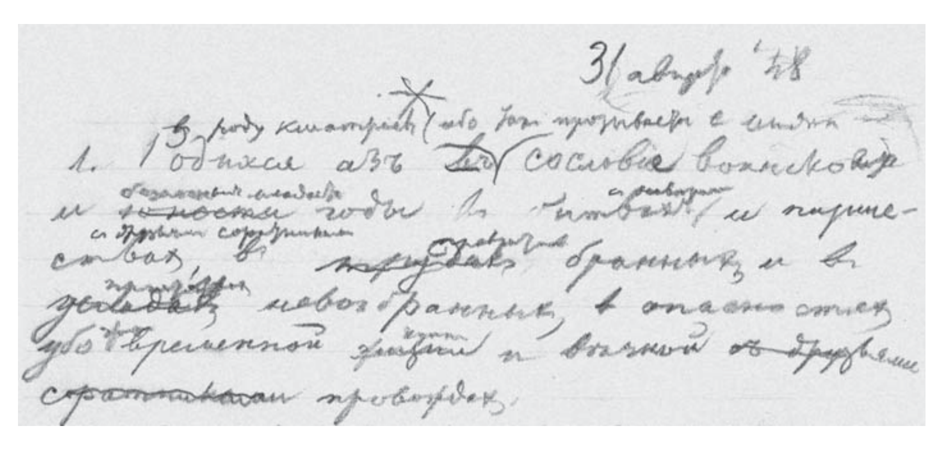
18 Встроены во храм, на скале выспрь возведенный, семь церквей[10]; три церкви подземныя и четыре надземныя; и в преисподнюю церковь, Воскресенскую, и в верховую, Успенскую[11], токмо Запечатленным доступ, о них же особьне скажу[12].

Послания часть вторая

...аще в твоем житии не бых исповедания[1].

X

1 Родихся аз в сословии воинстем, в роду кшатриев[1], сиречь войников, из старыя Индии некогда пришедшем на зов Господень и святое крещение приявшем.



Черновой автограф. «Послание Иоанна Пресвитера».
Вторая часть (начало). Карандаш

2 Беспечально младость провождах: бияся в ратех с идущими на ны, а во дни мирны веселяся с удалыми соратники, в превратностех бранных и приятностях невозбранных, в небрежении убо временным жизне и вечным.

3 Случилось же мне, в полку ристающу, приближитися воеводе неустрашну, старцу мниху, иже бе страны нашея правитель, рекомый ексарх[2], и благолепие старца узрев, уязвлен бе любве жалом ко Отцу моему сущу на небесех, и сердца моего ожесточение ужасѐ мя.

4 И приступив старцу рех: «Жалость по доме Отчем снедает мя; потрудитися восхотех в вертограде Его; приими мя яко единого от наемник Его».

5 Рече старец: «Еда возлюбил еси Господа Бога твоего всем сердцем твоим, мыслию <твоею> (Матф. 22, 37), и всею душею твоею, и всею крепостию твоею (умом, Марк 12, 30)?»[3] Отвечах аз: «Отца взыскую, якоже сын блудный»[4].

6 И взemь с собою в землю срединную, предаде мя ексарх под начало старцу подвижнику молчаливу, иже наказа ми плоть измождати постом и молитвою и поклоны, и в нощи бдением молебным, во дни же и древосечьца труждением.

7 Во всем послушествовах старцу моему бессловесно и боязненно, и времена забых, и годин скоротекущих не счетох.

8 И по долгом искусе молчания возглагола старец и повеле ми топор и мотыку оставити и чтению книг божественных прилежати; и учаше мя Писание и догматы веры унее разумети, наипаче же от умного делания николи не престати.

9 И мимотекшу тако довольну времени, срете мя в церкви молящася нощию, и, помолився со мною и исповедав мя, рече: «Понеже в духе помалу возрастаеши, прииде час, да великую земле нашея увидети тайну.

10 Царство Иоанново есть, и держит ю не правитель видимый, но с нами зде пребываяй апостол Христов Иоанн».

11 Аз же ужасься вопросих: «Како может с нами жити во славе небесней живый, в соборе апостольстем?»

12 Отвеща старец: «Писано есть: Петр виде ученика, его-же любляше Иисус, вослед идуща, иже и возлеже на вечери на перси Его[5]. Сего видев Петр, глаголе Иисусови: “Господи, сей же что?” Глагола ему Иисус: “Аще хощу, да той пребывает, дондеже прииду, что в тебе?[6] Ты по Мне гряди”».

13 Памятуя же, яко о себе повествует, приписа пишущий, да не мнят его бессмертна быти: «Не рече Иисус, яко не умрет, но: аще хощу тому пребывати, дондеже прииду, что в тебе?»[7]
14 Аще убо и у́мрет, но жив на земли пребудет, и дано бысть исполнение слову сему[8]. В теле бо прославленнем общее всех воскресение упреди[9], земле же богоносныя ктому не остави, якоже и ученик оный, Кресту предстояй, по завещанию Спасителеву с Материю Божиею пребысть[10].
15 И суть посреде нас, иже и осязати его и видети сподобишася, и сии рекутся Запечатленнии; печать бо Духа Свята рука Иоаннова на них наложи; от них же и аз есмь, слуга Господень».
16 Преклонь колене со страхом и трепетом, пиях словеса старцеви, яко злак росу; обаче, умолкшу ему, о нищете моей и недостоинстве моем возрыдах. Той же воздвиже мя и облобыза мя, глаголя: «Дерзай, чадо![11] Не ѹ҆ явися, что̀ будем»[12].
17 И абие, яко чадце мало утешено, возрадовахся зело и возвеселихся, еже близ быти Иоанну, и воскрилися дух мой, даже до исступления. Но утиши мя старец, сорадуяся ми, и укроти движение нестройно словом уветливым, и отпуская мя рече: «Изыди с миром и в тишине на ложе твоем опочи».
18 И исшед из церкве, воззрел на звезды небесныя и умилихся, и найде на мя тишина благая[13].

XI

1 Паки глагола ми старец: «Вонми, сыне, слову новому, и поведанное в сердце соблюди. Достоит бо тебе и сказание знаменовательное слышати, еже о начале и кончине царства сего велию в прообразех возвещает тайну.
2 Ходит по всей земли Мати Божия, и рай первый окрест Ея цветет; переди же едет всадник светлый: Георгий имя ему[1].
3 Бе Иоанн в горах мрачных моляся и сетуя о чадех Адамовых спасения своего, Иисус-Христом бывша, не ведущих. И прииде утешить его Благодатная, и, простерши руку свою на Георгия, рече:
4 «Сий юный обитель тебе под Моим покровом устроит, царство верных, в нем-же незримо воцаришися и верних многих любовию спасеши».
5 Глагола апостол: «Прочии же что?» Отвеща Владычица: «И в тех вселишися, и и́но царство ти будет, егда сие в горняя прейдет»[2].

6 И утешися Иоанн и рече Георгию: «Архистратиг воинств небесных десницу твою да укрепит»[3]. И зача той стрелы метати на восток солнца и запад, и полдень, и полнощь далече[4].
7 И где те стрелы легли, оплоты незримые воздвигаются, их-же никая сила изрыти не возможет, и положены быша пределы царства[5], не преступные внешним на долгии веки.
8 И рече Матерь Божия: «Ныне огради нами в новозданной стране сей область внутреннюю, в ней-же токмо кроткии и чисти сердцем и прохождением Духа бурна испытанные обитати будут, и каждый зверь дивий и каждый стебель сельный добр будет, и каждое дыхание восхвалит Господа»[6].
9 Тогда сел Георгий на коня белого и копие пламенеющее к земле склонил, и помчался на коне, копием бразду ведя по земле глубокую, и превеликую округу обвел, яже есть земля наша срединная[7].
10 И в иных местах почву копием прободал, и вырывалась там из расселины волна воздушная от Фисона реки, под браздой текущей, и наполнилась вся бразда быстротекущим потоком эфира чистого из сокровенных недр Едема первого. И обтецает с тоя годины землю нашу река эфира премірного.
11 И возвращься Георгий, и рече Богородице: «Се, Мати Божия, дело соверших, еже дала еси мне, да сотворю.
12 Правы сотворих стези Твои[8], и напредь земли Твоея, сохраняя, не оставлю»[9].
13 И рече Иоанн: «Глагола нам Сын Твой: “в дому Отца Моего обители многи суть”[10]. На сей же земле богострадной едина ли обретается святым обитель? И не мнози ли суть кротцы и чисти сердцем, иже в места сии прийти не возмогут?»[11]
14 Отвеща Матерь Божия:[12] «Не тужи, Иоанне. Будет и иная страна святым, егда исполнятся сроки, и обитель нашу инде сотворим[13], сия же земля отыдет в покой Господень.
15 Сыне Георгие, почто сестер твоих в земле полнощной, в дубравах темных оставил еси? Тамо оне, во мраке неведения сидящи, со древами срослися[14] и волчим млеком младенцев своих питают[15].
16 Иди и сам просвети их благодатию святого крещения, и всю землю ту и все в ней живуще, и дубравы те окрести[16]. Естество не премени, но и волков Слову Божию научи.
17 И не прежде изыди из страны оной, неже стрелу свою в недрах ея оставиши: обретет ее некогда избранный, и ею места те и народ свой всем племенам на спасение*,

* Здесь предложение обрывается. (*Примеч. ред.*)

Черновой автограф. Книга пятая, гл. XIV
(по первоначальной нумерации; начало). Карандаш

XII

1 По сем внезапу нападе на мя ужас греховного корене моего[1], и внутренняя скверна моя помыслу испытующу сицева обличися, якоже мало не впасти ми в горший грех, еже есть уныние.

2 И бия перси своя, совесть вопрошах, како от слов старцевых абие не убегох ниже сокрыхся, обаче в чертог брачный восшел есмь в одеянии небрачне[2], облаку святых приближился[3], смраден и сра́мотен сый.

3 И мышлю: бес бе, за безмерие и безнадежие мое послан мучити мя, иже, подобие плоти моея приемь, образ мой показа нага и пьяна, и растленна, и гнусна, и ругашеся ми, аки во скит заблудшу из блудилища, и укоряше мя, почто, от него отлучься, особь утвердехся самовольно[4].

4 И приступив ко мне требоваше, да вниду дыханием в ноздри его, и паки едино будема[5]. Аз же возгорехся гневом при слове том и силу крестную призвах с упованием, и исчезе призрак.

5 Толкаше во дверь мою старец и, вошед в келлию, рече: «Не ведаши ли, яко днесь тридесять лет исполнишася жития твоего; начаток убо деяний твоих день сий да будет. Отпускаю тебя из-под начала моего; отпуская же тебя на единоборство с князем міра сего, не повеление тебе даю, но благословение[6], во еже, аще совет мой возлюбиши, первее убо оженитися, последи же сана священнического взыскати. Дерзай, чадо, яко время приспе и уже и ексарх тебя зовет на некое дело».

6 Глагола ми ексарх: «Вооружися в бой и возьми под руку твою сотню конников с проводником испытанным: прискакати настоит к некоему кастелю уединенному окрай пустыни персидской[7], прежде неже вселится вонь сила вражия.

7 Спасается в стенах тех сирота гонимая, царевна Параскева праведная, с девами христолюбицами, сама возрастом юная, старица мудростию и муки крестныя претерпением: убиены быша отец и два брата ея за имя Христово.

8 Гонение же воздвиже брат отчев: сей, щедрот великого всея земли оныя государя взыскуя, наипаче же диадимы братнея, святого крещения отречеся, неверных закону присягнув. Ктому и некоему владыке радетелю, Параскевы прекрасныя вожделеющу, угождая, деву, под рукою родичи сущу, отдати обещася. Тем убо, сыне, исхитити ю̓ из зева адова не укосни».

9 Единовременне рать наша и спира вражия, злодеем предводима, к острожцу малому приближишася, и воскрича чрез поле, гласом зычным военачальник: «Прочь за рубеж, шайка разбойничья! Вем, почто пришли есте: царевну украсти и земли ея присвоити».

10 Отвещах аз: «Именем Георгия, его же копия крещением, повелеваю тебе: отыди от стен святых, христопродавче!» Ярым распалися гневом и меч воевода обнажи; аз же нань устремихся, и щит его сулицею раздробих, и самого из седла испихнух, и наземь повержену шлем на главе мечом разрубих, главы же не повредих.

11 Возгоревшуся же свару воинску, во прахе простертый, малодушен сый и боязлив: «Гоните коней, кметы!»[8] возопи: «к войску возвратимся и полки приведем, за сим бо сила идет великая». И погнаша коней борзи и утекаша.

XIII

1 Возведе на мя представша очи своя царевна[1], и мняшеся ми зрети синь прозрачну и множество светов в ней, и множество ликов, некогда знаемых[2], и ее самое узрех в духе, стоящу у подножия креста Христова[3].

2 И рече ми: «Благословен приход твой во спасение нам, витязю Господеню из царства Иоаннова». И яко аз безмолвствовах, паки рече: «Почто на мя дивишися?

3 Почитаю ангела моего, святую Параскеву, и ея ты душу сквозь мою видиши;[4] ей-же дано бысть Христовы страсти лицезрети и Ему священнотайне сораспятися»[5].

4 И найде на мя по молитве мгновенной дерзновение, и возгласих: «Не прежде спасешься на земли (на небесех бо уже спасена еси), неже под

рукою мужнею будеши, ибо ныне под рукою брата отчева пребываеши опасно.
5 Иди за меня, аз же за отца тебе и за брата буду». И вопроси дева: «Како сие будет, поелику единый мне Жених, Его же сретаю, Христос Иисус есть?»[6]
6 Отвещах убо и рек: «Ниже аз брака хощу, да плотию брачуся, и обое нерушимый обет принесеми в девстве сожительствовати, аще и нарицаемися от людей муж и жена».
7 И отпусти мя рекущи: «Господня раба есмь, и якоже указано ми свыше будет, тако сотворю»[7]. И исшед помышлях в себе, в том свете синем душу мою омывая чисту:[8] «Не мню Жених быти, но друг Женихов»[9].
8 И внезапу уведех, яко тоя благостыня в сердце лиющияся рекою небесною николи не избуду[10].

XIV

1 Кастеля защитников вооружих и рати нашей придадех; дев же и домочадцев на вельбудов посадих с достоянием царевниным; царевна же на вельбуда бела златообуздана вседе.
2 И отъидѐ поезд царевнин, путь держа в серединную землю, мы же на ночь в кастеле водворихшися, и наутрие тем же путем последовахом, во еже поезд ограждати с тылу.
3 Но не бысть за нами погони, не преуспе предатель, восвояси пришед, на землю нашу поход воздвигнути, и поднесь сохранила Параскева царство свое в пределах державы нашей.
4 Егда же приближашеся поезд к царствующему граду нашему, догнах аз, ратников моих упредив, путешественницу, покрывалом белым одéяну и на вельбуде белом, аки в зыбке колеблему; но на слово приветствия моего молчаше царевна.
5 Сошедшема же наю наземь в садах ексарховых, в сретение изыде ексарх и с ним запечатленных двое; и рече единый, на царевну указуя: «Се невеста твоя», и другой, к царевне обращься: «Сей есть жених твой».
6 И простре мне та руку свою, и обручили ю̀ со мною запечатленные, и в церковь ведоша, идеже на брак девственный повенчена быхом. И дана бысть Параскеве с девами ея обитель в башне из кости слоновыя[1], мне же в келлиях, близь лежащих.

7 Вскоре же яша мя запечатленных шесть и изведша в места пустынныя рекша: «Взойдем, труждающеся, на крутизны сия и узрим обитель Иоаннову».
8 И помыслих в себе: «Никто же, разве орли горние сéмо обитати может». Воздвигахуся бо окрест, едина на другую налегающе, скал неприступных с остриями и обрывами громады, око ужасающия теснотою дикою[2].
9 И внезапу узрех в глубине ущелия, расселине узкой и мрачной подобна, свод округлый и соразмерный, в скале иссеченный и изящными украшенный с высоты донизу изваяниями листия и цветов и плодов, и одесную свода Агнца изображением с титлом Христовым, слева же сердца, семью мечами пронзенна[3], а в венце свода орла паряща[4].
10 И преступихом праг камня белого и внидохом во мрак пещерный;[5] и на мгновение ока оглядехся в церкви круглыя и светлыя, но абие сомкнув очи и на колени в молитве упав, восхищен был в духе камо не вем[6]. Памятую токмо яко перста мироточива касание и руку кропильну на плечи моя и на главу мою нисхождение[7].
11 И изведоша мя братия за праг до преддверия, и лобызаша мя глаголюще: «Днесь имя тебе Иоанн; запечатлен еси Духа Свята печатию, и священник стал Бога Живаго, и поставлен правити землею нашею державно[8]. Достоин, достоин, достоин»[9].
12 И возвратихомся запечатленных седмь;[10] последи же и самого любови апостола лицезрети удостоен бых[11] в отсиянии некоем славы его[12].

XV

1 Царицу именуют Параскеву людие и за святую почитают, меня же не супруга ей быти гадают, но обручника и блюстителя; и праве сие рекут, блаженства же, от избытка ея текуща в лоно блюстителево, не ведят[1].
2 Но и сами часть имут в благостыни ея, и прикоснутися желают покрывалу ея, да укрепятся и утешатся и в домы своя принесут отраду и мир.
3 И тоскующие в разлуке с милыми и об отошедших плачущие, яко Рахиль о чадех[2], яко не суть, чудесно утешены бывают: приподыме пред ними покрывало свое, и на мгновение ока увидят скорбящие лицо любимое и весть некую в сердце приимут[3].
4 И пред слепыми лик свой открывши, зрение тем не единожды возврати; еже тако ли случашеся или ни, аз не вем, Бог весть.

5 В пяток же великий, до зари из обители своея исшедши, по дальним дорогам боса ходит и, где на пути отдыхает, народу сопровождающу о страстях рече Господних с силою самовидческою; и на тех местах церкви воздвигают во имя ангела ея — святыя Параскевии Пятницы.

6 Но и сказанное довлеет, дабы ты ведал, каковый вождь на путях моих мне ниспослан есть, яко Раф<а>ил архангел Товии[4].

XVI

1 Се великое, брате добролюбивый, поведах и тайное, сие же под печатию молчания, да никому не открыши,

2 Токмо боголюбивой царице, боголюбезней Отраде, от Господа тебе посланной во спасение, и слепцу великому и славному, родичу твоему Радивою, иже и Светомира ко мне приведет, зане сын твой с любовию за ним последует.

3 Аз же и посольство к тебе нарядих и послание сие написах не братолюбием токмо движимый, но и по приказанию свыше, да заповедаю ти сына твоего в царство Иоанново отпустити, идеже и воцелен, и возрощен, и воспитан и укреплен будет на дело великое, еже избран есть да совершит.

4 Извести хотят в дому твоем слабоумного, того, кто умудрен снов памятию предмiрною; но спасется, и царство, еже строишь, обличье даст упованию земли; под Иоанновым прикровением мiру сохранен будет.

5 Размыслите убо о словесех моих, друзи любезные и боголюбивые, и дерзайте Вседержителя волю исполнити, Ему же подобает честь и хвала во веки веков. Аминь.

ДОПОЛНЕНИЯ

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

СКАЗАНИЕ СТАРЦА-ИНОКА

Стихотворения.
Наброски, планы, подготовительные материалы

— СТИХОТВОРЕНИЯ —

<I>

Во темно̀м сыром бору
Семь ключей повыбило.
На чисто̀й прогалине
Студенец серебряный.
По-над яром хижинка,
Поодаль лачужинка.

Не святой затворничек
В дебрях затворяется:
Затворялась Схимница
Под схимой лазоревой.
Выглянет — повызвездит
По́ синю поднебесью.

Хижинка безвестная —
Царицы Небесныя,

Беловой автограф.
Стихотворение «Во темно̀м сыром бору...». Чернила

Девы неневестныя,
Владычицы Дебренской.
Живет Матерь Дебренска
За старцем Обручником.

А старцу Обручнику,
Духову послушнику,
Горенка молельная –
Церковь самодельная,
Почивальня райская –
Ветхая лачужинка.

<II>

<ПЕСНЯ СВЕТОМИРА>

Редакции

1

Ты, Гора ли поднебесна,
Пустынька моя чудесна
Белолицая сестра,

Подымалась ты, остра,
Из пучины из кипучей,
Занавешивалась тучей,
В белы схимилась снега;

Моет море берега
Сине море в берег плещет,
День и ночь оно трепещет,
И печалится, и ждет,
Скоро ль Гостьюшка придет.
Час настанет – вал отхлынет,
Гладь лазорева застынет
И прильнет волна к волне:
Богородица в челне
Светозарном выплывает,
Окрест гору обтекает <.>

2

Ты, Гора ль моя, Гора поднебесна,
Пустынька родная, чудесна[*]
Обитель безвестная, Богу невестная.
Ты Гора ль моя, гора
Белолицая сестра,
Подымалась ты, остра,
Из кипучего[**] сребра
Из пучины из кипучей,
Повивалася над кручей[***]
В золотые полога[4*]
В белы схимилась снега;
Моет море берега[5*]
Сине море в Гору плещет,
День и ночь оно трепещет,
И печалится, и ждет,
Скоро ль Гостья приплывет.
Час настанет — вал отхлынет,
Гладь лазорева застынет
Ластится волна к волне:
Богородица в челне
Светозарном выплывает
Мимо понт переп<лывает>[6*]
Звоном чиста серебра
«Радуйся», гудит Гора[7*],
«Неневестная Невеста».
Пресвятая это место
Излюбила искони
Здесь мои сгорают дни[8*]

[*] *Вариант правки*: Пустынька родная, безвестна
[**] *Вписано поверх раннего*: шипучего
[***] *Было*: Занавешивалась тучей | Застыдилась Солнца, крылась / Повилась стыдливой тучей
[4*] *Было*: Прикрывалась строга | В золотые пологa
[5*] *Строка была зачеркнута, затем зачеркивание отменено.*
[6*] *Было*: Окрест гору обтекает; *слово* окрест *вписано поверх вычеркнутого слова* потом <?>.
[7*] *Было*: «Радуйся», поет Гора
[8*] *Было*: Здесь веду младые дни / Здесь хочу скончать я дни / Здесь свои скончаю дни

Здесь и വековать мне радость[*]
Каждый час — медвян<а> сладость
Каждый день[**] мол<итвы?> рай
Море синее играй[***]
Млей <?> стыдливо ключ нагорный
Кипарис, вершиной черн<ой>
Убирайся Божий град[4*]
В синекудрый виноград <.>

Любезные братья! [Выйдя из сей] Покинув сень дубравы
[Все трое возне<сем>]
Вознесем согласно Промыслителю славы

3

Ты Гора ль моя, гора
Белолицая сестра,
Подымалась ты, остра,
Из шипучего костра[5*]
Из пучины из зыбучей,
Повивалась по-над кручей
В золотые пологa,
В белы схимилась снега.

Рвется бык, склонив рога:
Море моет берега.
Буйной пеной в Гору плещет[6*],
День и ночь оно трепещет,
И тревожится <?>[7*], и ждет,
Скоро ль Гостья приплывет.
Час настанет — вал отхлынет,
Гладь лазорева застынет;[8*]

[*] *Было*: Здесь состариться мне радость
[**] *Вписано поверх слова* час
[***] *Было*: Ты / Солнце / Луч играй —
[4*] *Было*: Убирайся вертоград
[5*] *Было*: Из кипучего сребра
[6*] *Было*: Буйной лавой в Гору хлещет
[7*] *Было*: И печалится
[8*] *Далее зачеркнута строка*: Ластится волна к волне

В несказанной тишине
Богородица в челне
Светозарном выплывает,
Понт окрай переплывает.
«Радуйся», поет Гора
Звоном чиста серебра,
«Неневестная Невеста!»
Пресвятая это место
Излюбила искони:
Тут мои сгорают дни,
Тут завековать мне радость.
Каждый час — медвяна сладость,
На Горе и в сердце рай.
Море дикое* играй
Звонко лейся плеск нагорный**
Кипарис безмолвствуй черный***
Убирайся, Божий сад,
В синекудрый виноград.

Сладко петь мне, но блаженнее молчу
Не скучаю и[4*] по светлому мечу
Не тоскую, что порфиры не влачу[5*]
На четыре ветра[6*]
Как олень над водопадами скачу[7*]
В вертограде гроздье синее топчу

Словом славлю, но дыханием люблю
Ни о чем я[8*] старца Авву не молю[9*]

---

* *Исправлено; было*: синее.
** *Было*: Лейся звонко ключ нагорный
*** *Было*: Кипарис, <*1 нрзб.*> взносимый черный
[4*] *Исправлено; было*: и
[5*] *Было*: Не верну <я> послушания свечу.
[6*] *Стих не дописан и не вычеркнут.*
[7*] *Далее в новой строке зачеркнуто*: В / Сине
[8*] *Далее зачеркнуто*: тут
[9*] *Далее зачеркнуто*: Виноградье, красно зеленье, [мое] давлю | Что велит, тому послушливо [внемлю] люблю | И послушствовать

4

Светомир
(*Топчет виноград.*)

Островерхая Гора, поднебесная,
Девья, Духова ль пустынька чудесная,
Богоданная родина, безвестная!
Тебе я, млад царевич, обручился;
Тебя ради от міра отлучился.

Ты Гора ль моя, Гора,
Белолицая сестра,
Подымалась ты, остра,
Из шипучего костра,
Из пучины из кипучей,
Золотой венчалась тучей,
В алы крылась пологà,
В белы схимилась снега.

С ревом бык, склонив рога,
Поражает берега:
То не белый бык бушует —
Бездна темная тоскует.
Гору пеной море моет,
Ходит, хлещет, хляби роет,
Роет, ропщет, воет, ждет:
Скоро ль Гостья приплывет?
Час настанет, — вал отхлынет,
Понт лазоревый застынет
В несказанной тишине:
Богородица в челне
Светозарном выплывает,
Мимо понт переплывает.
«Радуйся», — поет Гора
Звоном чиста серебра, —
«Неневестная Невеста!»

Пресвятая это место
Излюбила искони.

Тут мои сгорают дни;
Тут завековать мне радость.
Каждый вздох — медвяна сладость,
На Горе и в сердце — рай.
Море дикое, играй!
Лейся звонко, ключ нагорный!
Кипарис, безмолвствуй, черный!
Убирайся, Божий сад,
В синекудрый виноград!

Я ни славы, ни державы не хочу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Не грущу и по булатному мечу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Сладко петь мне; но блаженнее молчу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Как олень над водопадами, скачу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Иго легкое я, пóслушник, влачу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Свечку ярую Пречистой засвечу,
Ко Причастной Чаше гроздий натопчу.

5

Сочи, октябрь 1916

Островерхая Гора, поднебесная,
Девья, Духова ль пустынька чудесная,
Богоданная родина, безвестная!
Тебе я, млад царевич, обручился;
Тебя ради от міра отлучился.

Ты Гора ль моя, Гора,
Белолицая сестра,
Подымалась ты, остра,
Из шипучего костра,
Из пучины из кипучей,
Золотой венчалась тучей,

В алы крылась пологà,
В белы схимилась снега.

С ревом бык, склонив рога,
Поражает берега:
То не белый бык бушует —
Бездна темная тоскует.
Гору пеной море моет,
Ходит, хлещет, хляби роет,
Роет, ропщет, воет, ждет:
Скоро ль Гостья приплывет?
Час настанет, — вал отхлынет,
Понт лазоревый застынет
В несказанной тишине:
Богородица в челне
Светозарном выплывает,
Мимо понт переплывает.
«Радуйся», — поет Гора
Звоном чиста серебра, —
«Неневестная Невеста!»

Пресвятая это место
Излюбила искони.
Тут мои сгорают дни;
Тут завековать мне радость.
Каждый вздох — медвяна сладость,
На Горе и в сердце — рай.
Море дикое, играй!
Лейся звонко, ключ нагорный!
Кипарис, безмолвствуй, черный!
Убирайся, Божий сад,
В синекудрый виноград!

Золотая медуница,
Что ты вьешься вкруг чела,
Неотвязная пчела?
Знаю, знаю: ты жилица
Заповедного дупла,
Где лежит моя стрела,

Где волшебная хранится
Золота моя стрела.
Все поешь мне самогудно,
Что лежит стрела подспудно:
Ей бы с ветром полетать,
Ей бы в небе проблистать,
Ей бы жало окровавить,
Богатырский лук прославить.
Жалит грешника пчела:
Ты молчишь, моя стрела!
Не нужна твоя мне сила:
Ты мне службу отслужила, —
В скит меня перенесла,
Где поют колокола.
Ты не втуне мне досталась,
Втуне с иноком осталась.

Я ни славы, ни державы не хочу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Не грущу и по булатному мечу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Сладко петь мне; но блаженнее молчу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Как олень над водопадами, скачу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Иго легкое я, по́слушник, влачу:
Виноградье, красно зеленье, топчу.
Свечку ярую Пречистой засвечу,
Ко Причастной Чаше гроздий натопчу.

<III>

<КОЛЫБЕЛЬНАЯ СВЕТОМИРУ
Первая редакция>

Светомире мой, дитятко светлое,
Свете мирный, тихо дремли!
Ты ж расти во сне, сила Егорьева
На обрадованье земли!

Середь моря стоит остра гора,
На возгорье Успеньев храм;
Колыбель во храме хрустальная —
Я Пречистой тебя отдам.

Ты, светла сестра, ты<,> бела гора,
В колыбель его сон мани;
Ты, свята пчела, золота стрела,
Во хрустальноей с ним усни.

По низовью горы зеленый сад,
До синя моря вертоград.
Из ладьи выходит Владычица,
Навещает свой вертоград.

Осенит колыбельку Пресветлая, —
Баю, свете мой, почивай, —
Вынет душеньку, белу горлицу,
Унесет в невидимый край.

Ты вернись, душе горлица, девою,
Баю, сыне мой, сладко дремли,
Встанешь витязем в силе Егорьевой
На обрадованье земли.

Комедія

о славныхъ мужахъ
Владарѣ и Боривоѣ
и Владаревѣ сынѣ Свѣтомирѣ.

2 Мая/20 Апр 94.

Комедія

о великихъ мужахъ Владарѣ и Боривоѣ
и о сынѣ Володаревомъ Свѣтомирѣ.

2 Мая / 21 Апр 94

Титульные листы «Комедии...»
с двумя вариантами названия. Чернила

Наброски, планы, подготовительные материалы

План «Комедии...»

Комедия
о славных мужех
Владаре и Боривое
и Владареве сыне Светомире.

———

2 мая/20 апр<еля> <18>94

Комедия
о великих мужах Владаре и Боривое
и о сыне Володаревом Светомире.

2 мая/21 апр<еля> <18>94

Из тесной ограды монастыря герой, после долгого *сидения*, выходит на волю (*Калики перехожие*), выдерживает искус в міре духов (*ночь на Ивана Купалу*), является к царю, встречает там своего брутального двойника, соперничает с ним и вырывает у него влияние на царя, совершает государственные дела, губит (сделавшись орудием в руках двойника) некоторую возлюбленную и ее замок и землю, освобождает народ, борется с народными мятежами и наконец утрачивает власть, которая переходит к двойнику, воцарившемуся над страной при помощи хитрых козней и народной воли. — Святогор. —

Во второй части поэмы герой блуждает в области высших идеалов человечества, возвращается на родину, ведет борьбу с двойником, который имеет за себя народ. Исход борьбы??

Последние сцены — загробный мір. Синтез средневековых западных и восточных представлений.

———

Народ убивает царя-освободителя.

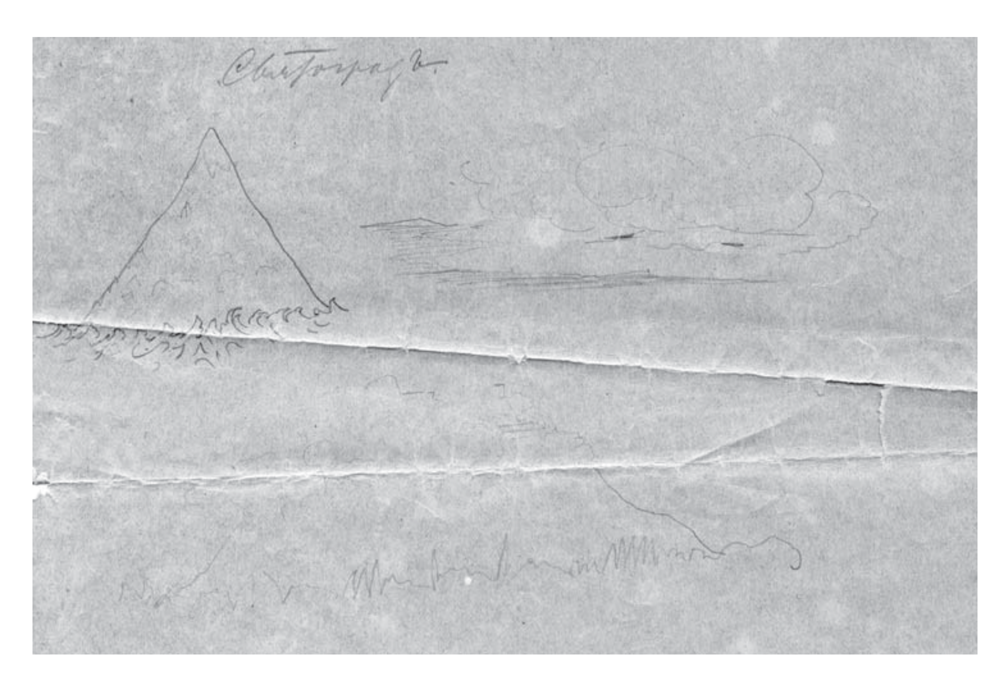
29/17 апр<еля> <18>94

<СВЕТОМИР НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Ранние наброски>

<1>

Острая Гора
Христофор
Церковь Невиди́мая
Сергиева Пустынь.
Китеж.
Индейское Царство. Лилиф
Пустынь Дебренская.
Святоград.



Острая Гора, тучи над морем, скит в ограде
Рисунок Вяч. Иванова.
Черновой автограф

Острая Гора

Светомир виноградарь — поет о Горѐ — топчет виноград — играет со Стрелой — убегает на вершину.

Никита, Дорофей, Парфений выходят из леса, благодарят Бога, беседуют* о Светомире, под пение вещей птички засыпают.

Торжество на Острой Горе во время их сна.

Встреча Аввы, трапеза, омывание ног Светомира, изложение посольства, исповедь Светомира.

Горе посланцев — решение Аввы. Испытание. Посланничество Светомира.

<2>

Светомир топчет виноград, пляшет и поет: об Острой Горе, вокруг которой плавает порою челн Богородицы; о ее винограднике, порученном ему Аввою, чтобы единолично изготовлять из него для церкви Аввы евхаристическое вино; о радости своего послушничества.

Он увенчивается розами и вынимает из дупла кипарисного лук и золотую стрелу. Играет с ними. Поет о стреле. Чудотворную и живительную силу чрез смерть, ею наносимую, имеет стрела. Куда же ему пустить ее? Разве в красное солнце, чтобы оно умерло и по-новому засияло. Но нельзя угасить льна тлеющего; нельзя и трости надломленной переломить. Сослужила Стрела ему свою службу, перенесла его в Богородичную пустынь**, на Острую Гору. Не захотел он доставить ею себе царство, так и да будет.

Взбегает на гору, завидев оттуда челн Богородицы, и, как горный олень, сбегает обагренными <?> тропами <?> по стремнине на другой край горы, скрывшись из вида.

Три коленопреклоненные странника, присутствовавшие при этой сцене [невидимо] втайне от Светомира, выходят из чащи и делятся своими наблюдениями и догадками.

Это подлинно царевич, которого они ищут. Пение птички. Они засыпают. Звон и торжество на Горе. Пробуждаются. Перед ними старый*** монах.

Они изъясняют ему, что пришли просить Авву о благословенном вине. Авва перед ними. Он ведет их трапезовать в кущу.

Рассказ об осаде Святограда.

---

* *Вписано поверх*: говорят

** *Было*: в обитель

*** *Вписано поверх слова* молодой.

Острая Гора.
Христофор.
Церковь незримая
Китеж-Град.
[Индейское царство.
Сергиева пустынь.]
Индейское Царство
Лилиф
Сергиева Пустынь
Матерь Дебренская
Святоград.

ЗАПИСИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТЕМОЙ ПОРЧИ

обморочить
портить, порча
обаять — привести в недвижность, страх и трепет.
«бес с тобой играет на пагубу тебе» (Летопись <?>)
напущение бесовское
Недугу потухать. Дати недуг недужныя.
Ворон коркун

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ К КНИГАМ ТРЕТЬЕЙ И ЧЕТВЕРТОЙ

<1>

Новый ордынский хан идет на Вл<адаря> <походом. Владарь> встречает его с войском, но князья не присылают ему войска, перейдя на сторону хана, и Вл<адарь> принужден отступить. Крест не хочет идти.

У стен престольного города Вл<адарь> разбит, вследствие княжеской измены, отдает столицу и спасается с небольшим войском на север. Семья еще раньше отослана в дальний северный монастырь.

Находясь в последней крайности, Вл<адарь> видит перед собою Хорса, который обнадеживает его и советует, за невозможностью добыть Егорьев крест, соорудить новый и с ним выступить. Все стекаются под знамена Владаря, и он восстановляет свое положение, вернув себе столицу и прогнав басурман.

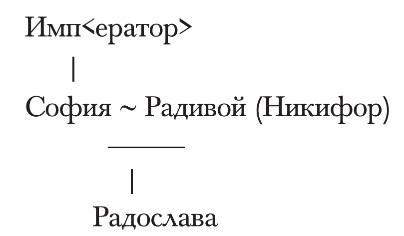
Начинается пора сурового и жестокого царствования с помощью Жиряты, Епифания и Хорса. Отрада возвращается с сыном ко двору, но счастье кончилось, вода в Парфениевом сосудце уж не свежа, Отрада хиреет, подрастающий сын имеет признаки слабоумия и юродивости. Приближенные желают ее пострига, устранения сына от престолонаследия и нового брака Владаря.

Вл<адарь> одерживает большую победу на севере и распространяет державу до моря. Виз<антия> предлагает ему царский венец и установление патриаршества. Епифаний делается патриархом.

Епифаний советует воспользоваться благоприятным временем, чтобы сокрушить уделы. Для этого надлежит вызвать восстание князей и народправств ненадежных: они куют ковы и замышляют ударить на Владаря в союзе с язычниками[*] и иноверцами[**]. Владаря не страшит война ни внешняя, ни междоусобная, ибо с ним чудотворный крест. Правда, он в руках духовенства, но[***] князь от духовенства зависимый. Напоминает обещание Володарево. Предупреждает о прибытии Хорса из Византии и условии византийского признания[4*] церковной самостоятель<ности> — укрепл<ении> — единодержавия.

<2>

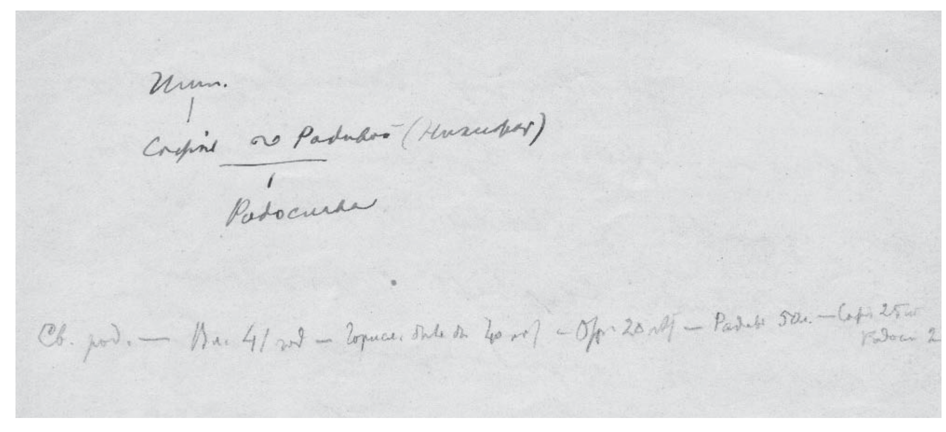
Родословная Радославы и исчисление возраста героев



Св<етомир> род<ился>. — Вл<адарю> 41 год — Горисл<аве> было бы 40 лет. — Отр<аде> 20 лет — Радиво<ю> 50 л<ет>. — Софии 25 лет, Радосл<аве> 2 г<ода>.

---

[*] *Вписано над зачеркнутым*: агарянами.
[**] *Перед этим зачеркнуто*: немцами.
[***] *Далее зачеркнуто*: возможно.
[4*] *Далее начато и зачеркнуто*: Вл<адаря>.



Набросок к Книгам третьей и четвертой
Черновой автограф

ПЛАНЫ ПОВЕСТИ

«Повесть о Светомире царевиче»

Черновой план

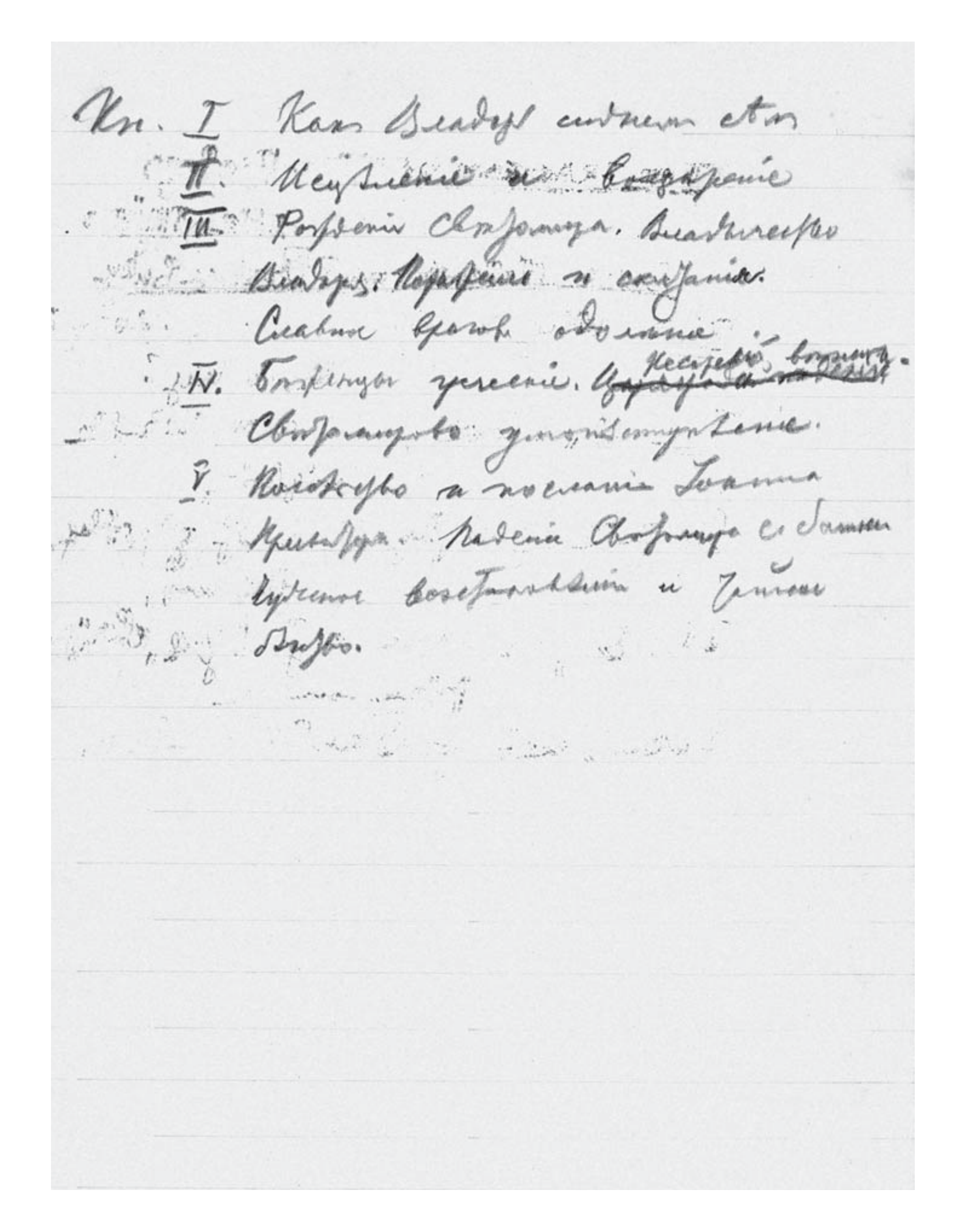
Кн. I. Как Владарь сиднем сел
II. Исцеление и воцарение
III. Рождение Светомира. Владычество Владаря. Поражение и скитания*. Славное врагов одоление.
IV. Беженцы греческие**. Кесарей венец. Светомирово умоисступление.
V. Посольство и послание Иоанна Пресвитера. Падение Светомира с башни. Чудесное восстановление и тайное бегство.

Планы «Повести о Светомире царевиче»

<1>

Книга I. Лазарь и Горислава
II. Отрада
III. Слава, падение и окончательное утверждение державы.

* *Исправлено*; *было*: скитание.
** *Далее зачеркнуто*: Царяграда падение.



Кн. I Как Владарь сиднем сел
II. Исцеление и воцарение
III. Рождение Светомира. Владычество Владаря. Поражение и скитания. Славное врагов одоление.
IV. Беженцы греческие. ~~Царяграда падение~~ Кесарей венец. Светомирово умоисступление.
V. Посольство и послание Иоанна Пресвитера. Падение Светомира с башни. Чудесное восстановление и тайное бегство.

Черновой план
Карандаш

Книга IV. Счастливое царствование, византийские беженцы, кесарев венец, умопомрачение Светомира
V. Владарь кесарь. Покушение на жизнь Светомира
Решение отослать его. Утверждение патриаршества. Хорс и сновидение Владаря. Посольство от И<оанна> Пресвитера
VI. Послание Иоанна Пресв<итера>
VII. Уход Свет<омира>

<2>

План продолжения Книги пятой (впоследствии четвертой)

II. Хорс
III. Сон
IV. Посольство

ПОДСЧЕТ КОЛИЧЕСТВА ГЛАВ

Книга	I	глав	21	стр. 1
"	II	"	24	стр. 36
"	III	"	16	стр. 86
"	IV	"	12	

ЗАПИСИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Отрада вышивает церковные *воздухи*.
Церкви на *двери пустят* (старец духо<вный>)
Бысть *в иступи ума* (Соломония)
Едва *во ум прихождшем* (Св<етомир>)
Бывши ей аки мертв<ой> — каталепсия (Св.)
Паче же рещи
богоотметное писание
в *одночасье*
пристужение его (приставала к нему)
необычно
Слезы из *ожженных* очей
осклабиться (улыбнуться)

опоздниться
старообычный
дорога *прямоезжая*
в богатом снаряде, в золотых монистах, в жемчужной поднизи
роду-племени исподлечный <?> человек
падун — водопад
«Мана манит, да Бог хранит». На него мана находит — он галлюцинирует.
манный — подверженный галлюц<инациям>
ману пускать — знаться с нечистой силой
Что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.
Чадо (во чреве) провещилось.

ВЫПИСКИ О СВВ. ПАРАСКЕВЕ ПЯТНИЦЕ И ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

28 октября — св. вмч. *Параскевы* Пятницы

При Диоклетиане, в г. Иконии (Ликаония), дочь хр<истианских> родителей, род<илась> в пятницу. Наследница родителей, проповедует христианство, злоба жрецов. Судьи поражены красотою Параскевы. Истязания. Тело отделяется от костей. Явление в темнице Ангела с орудиями страстей Христовых. Они исцеляют Мученицу. «Встань, Служительница Христова, приобщившаяся Его страданиям!» Правитель приказывает повесить ее на дереве и жечь факелами, а потом обезглавить. В России молитвы и храмы. На изображениях худощавая, высокая, в лучезарном венце. Чудотворные иконы и крестные ходы.

Псков — Троицкий собор. Чугуево (Харьк<овской губ.>) — Никольская церковь. Село Липовый Рог (Нежин<ского уезда>). Хлыстово (Тамб<овской> епарх<ии>). Поречье (Смол<енской губ.>). Новгород — церковь П<араскевы> Пятницы — 1165 г. на Ярославовом Дворище. Придорожная часовня; столбы «пятницы» на перекрестках.

«Всесвятое и непорочное мучение* принесши, яко вено пречестное** бессмертному Жениху Христу, ангельское ликостояние возвеселила еси и победила еси демонския козни».

---

* *Написано после зачеркнутого начала того же слова.*
** *Перед этим то же слово было начато с опиской.*

св. Параскева преподобномученица — 26 июля

св. Параскева Петка болгар<ская> <—> 14 окт<ября>

П<араскева> П<ятница> и брат Евфимий г. Епиватос (Пават, Баядос) между Силивр<ией> и К<онстантино>п<о>л<ем>, инокиня в Царьграде, ц<ерковь> Покрова, через 5 лет в Иорданской пустыне, наконец опять на родине. Погребена как неизвестная странница. Труп моряка*, найденный в ее могиле. Мощи в Константинополе, потом в Трнове, потом в Яссах.

---

23 мая преп. Евфросинии, княжны Полоцкой, игуменьи обители Спаса. В міре Предслава, правнука Владимира Святого, дочь Святослава (Георгия) Всеславича Полоцкого. Слава ее премудрости и красоты. Иночествует при Софийской церкви в Полоцке. Отец дает ей место на сельце для обители Спаса. В 1130 г. Мстислав Киевский изгнал Всеславичей; изгнанники в Константинополе, где сестра их замужем за Алексием Комнином, престолонаследником. Впоследствии вернулись дом<ой>, после военной службы у греков. Основ<ала> Богородичный монастырь (мужской). Путешествие в Палестину. † в Иерусалиме 1173 г.

1178 <г.> перенесение мощей в киевские Феодосиевы пещеры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫПИСКА К КНИГЕ ПЯТОЙ

Об Иоанне Пресвитере

Kampers. Alexander d<er> Große und die Idee des Weltimperiums in Prophetie und Sage.

* *Вписано над зачеркнутым*: разбойника.

ЗАПИСЬ АРХИТЕКТУРНОЙ И ДЕКОРАТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Поясы
Индовы
Обронные резные изображения на камне
Шлемообразная глава Дмитриевск<ого> собора
Стоборие советное (стоборъ)
    Столпостен отвсюду утвержденн<ых>
    столпограждение
скважныя скважнятой foramica
остолпление περίστυλος portiens
преддверие, преддворие προπίλαιον, πρόθορον, προδώδων <?>
сканная работа — филиграни
насечка золотом и серебром по раскаленному железу
утверда falerum <?> утворъ ornatus
гридня satellitem domus
Четыре утверды выспрь возведенныя
Пряженцы и сканцы
Ипподром

ОГЛАВЛЕНИЕ И ПОДСЧЕТ СТИХОВ КНИГИ ПЯТОЙ

I.	Вступление	16
II.	Соседние царства	10
III.	Пустыни пограничные	15
IV.	Гог и Магог	10
V.	Белая Индия	10
VI.	Объезды страны	10
VII.	Фисон-река	12
VIII.	Серединная земля	12
IX.	Площадь перед Столпным Храмом	—
X.	Озеро	—
XI.	Палаты Иоанна Пресвитера	—
XII.	Откровение об Апостоле Иоанне	18

XIII. Сказание о св. Георгии 17*
XIV. Царевны Параскевы освобожде<ние> 10
XV. Невесты явление 8
XVI. Брак и обет;** Запечатствование, священство, на власть поставл<ение> 11
XVII. Царица*** Параскева[4*].
XVIII. Иоанна Пресвитера завет 5

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПО ГЛАВКАМ КНИГИ ПЕРВОЙ «ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» И НАБРОСКИ ПЛАНА ДВУХ АКТОВ ДЛЯ СЦЕНИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. В белом царстве... [2]

2. [{6} Сестры Егорье<вы>] 6 сестер Егорьевых крещение, междоусобие, Горыня. Дракон, змеи, исполины. Стрела. «Быльем поросло».

3. Новые времена. Давыд Горынский, Боревой (Горынский). Сон Василисы. Свадьба. Проходит 22 года.

---

4. Василиса у родника (Ильин день). Старица. Гроза. Видение Лазаря. Криница и Крест.

5. Володарь растет. Волчица. Жихарь. Походы.

6. Сватовство князя Давыда. (Сокол). Отказ.

* *Далее зачеркнуто*:

XIV–XVI. Брак, обет, запечатствование, священство, поставление в правители царства
XVII. Царица Параскева.
XVIII. Завет Иоанна Пресвитера Владарю царю.
XIV. Царевны Параскевы освобождение
XV. Невесты явление
XIV. На подвиг посланничество 10

** *Далее зачеркнуто*: XVII.

*** *Исправлено; было*: Царевна.

[4*] *Далее зачеркнуто*: целительница.

7. Дружба<.> В<олодарь> и Симеон. Кресты. Обручение с Гореславой. Нрав Гореславы. Откладывание свадьбы.

8. Орда. Плен Гореславы. Освобождение. Рана Симеона. Поручение Гореславы. Первая встреча и отъезд.

9. Сцена у ручья. Песнь змеи. Пророчество. Возвращение.

10. Симеон под шатром. Чигирь. Искушение. Возвращение. Объяснение.

11. Криница. Сон Симеона. Отход ангела и подход беса к Володарю. Искушение. Ангел.

12. Сени дубравные. Воспоминание о Гореславе. Власть и сила. Вожделение. Образ Гореславы.

13. Волк над Симеоном. Пробуждение. 3 Венца. Бегство Лазаря. Бес сзади. Отчаяние. Болезнь.

14. Сон Лазаря. Камень, стадо, волки при Егории. Копье. Паралич. Плач в дому.

1-ый акт

I<.> Битва
II<.> Сцена у ручья
III<.> Искушение

15. Гореслава у Василисы.

16. Симеон уходит на войну*. Лазарь и Василиса говорят о Давиде. Плач Василисы, утешение Гореславы.

17. Через год. Приезжает Симеон и увозит Гореславу. После 3-ьей ночи** Гореслава уходит на богомолье.

Возвращение к мужу, потом к Горынским. Мученичество Симеона.

18. Исповедь Гореславы перед Василисой.

19. Гореслава у креста, рождение Отрады. Преображение. Смерть Гореславы (Успение).

20. Лазарь. Чтение книг с Василисой. Вирсавия.

21. Лазарь. Сны. С Гореславой на лугу. Забытые на долгие годы.

[22.]

---

* *Было*: Симеон на войне.

** *Было*: На 3-ью ночь

2-ой акт

I <.> Лазарь и Василиса
Василиса и Горeслава
Приезд Симеона, благословение, уезд.
II<.> 3-ья ночь* в спальне. Утро. Уход на богомолье.
III<.> Василиса и Гор<еслава> у дуба. Горeслава одна.
Рожденье Отрады.

---

22. 9 лет спустя. Лазарь без памяти. Весна. Песнь протяжная, переливчатая Отрады. «Во темном сыром бору...» Лазарь просыпается и зовет.
23. Входит Отрада. Цветы от Гориславы <*так*!>. (Духов день).
24. Обморок 3 дня. Улучшение. Василиса. Потом Вас<илиса> и Отрада.
25. Улучшение. Память, молитва. Отрада с Лазарем.
26. 2 года спустя. Лазарь учит Отраду грамоте.
27. Отраде 12 лет. Песнь о Рае.
28. Перемена нрава Отрады. Объяснение с Лазарем. Исповедь.
29. Отрада притихает. Уединяется. Чтение. Богомольцы.
30. Лазарь зовет друзей, родственников. Политика.
31. Милетий и Эпифаний. Занятия с Лазарем.
32. Эпифаний и Лазарь. Политика и церковь. Гороскоп. Автократ и патриарх.
33. Отраде 16 лет. Скит.
34. Разлука с Лазарем.
35. Татары. Болезнь старого князя. Призыв Жиряты. Сделка с татарами. Жирята управляющий.

---

36. Совет государя с митрополитом и духовником. Царь хочет постричься. Отправляются к Парфению.
37. Отрада на поляне; встреча с медведем и Парфению <*так*!>. Исповедь. Встреча с посланными и уход в дом Лазарю <*так*!>. Разговор Парфения с посланными.
38. Отрада в доме Лазаря. Лазарь болен. Улучшение. Орел. Мир. Утро. Песнь Отрады.

* *Было*: Ночь

39. Парфений и исповедь. Голубизна и видение Отрады с младенцем.
40. У криницы Лазарь. Богослужение. Крест над Лазарем. Чудо. Молитва. Парфений берет Лазаря.
41. Осада города татарами. Отчаянье. Освобождение. Лазарь входит в город. Молебен в соборе. Совет.
42. 2 Латника под схимой. Битва. Нападение на Лазаря. Латники освобождают его. Победа. Исчезновение схимников.
43. Вход в столицу. Царь обнимает Лазаря. Собор. Царь уходит. Венчание Володаря.
44. Сватовство Лазаря. 7 дней оттяжки. Письмо Отрады Парфению.
45. Отрада у Парфения. Молитва, усталость и сон. Парфений. Пророчество. Возвращение Отрады. Свадьба. Рождение Светомира.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.Л. Топорков

«ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ОТ ЗАМЫСЛА ДО ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ

«Повесть о Светомире царевиче» (далее — Повесть[1]) — последнее крупное произведение поэта-символиста, мыслителя и филолога Вячеслава Ивановича Иванова (1866—1949) — занимает в его творческом наследии особое место. Написанная высокохудожественной «стихоподобной» прозой с включением отдельных стихотворных фрагментов, Повесть выделяется среди сочинений поэта своей формой, объемом и характером сюжета. Произведение стилизовано под средневековую повесть или житие и включает сказочные и легендарные мотивы.

Вяч. Иванов работал над Повестью в период своей жизни в Италии, с перерывами примерно 21 год — с 1928 по 1949-й. К несчастью, ему не было суждено завершить свое произведение. Из задуманных им девяти или двенадцати книг Повести автор успел создать только пять. Однако и в таком незаконченном виде сочинение является выдающимся литературным произведением и своеобразным духовным завещанием мыслителя и поэта.

Повесть увидела свет в 1971 году в первом томе брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова (см.: Иванов 1971—1987/1: 255—369). К сожалению, текст не был должным образом подготовлен и сопровождался минимальными комментариями, которые мало что могли разъяснить читателю в этом сложном произведении. В 1995 году Повесть была включена в том избранных сочинений писателя, составленный С.С. Аверинцевым (см.: Иванов 1995б: 459—589); текст был перепечатан с брюссельского издания, дополнительной сверки с рукописями не производилось. В настоящем издании Повесть впервые публикуется в соответствии с современными эдиционными принципами на основе рукописей Вяч. Иванова, сохранившихся в его Римском архиве. В тексте устранены многочис-

---

[1] Имеются в виду только книги 1—5, принадлежащие перу Вяч. Иванова. Книги 6—9, написанные О.А. Шор, мы будем именовать «продолжением» Повести, заключая это слово в кавычки, ибо ответ на вопрос, в какой мере данный текст действительно можно считать продолжением первых пяти книг, не является очевидным.

ленные опечатки и иные искажения автографа, впервые увидят свет черновые редакции Повести, восстановлена ее творческая история. Публикация сопровождается научным комментарием, статьями и основными датами жизни и творчества поэта.

В брюссельском собрании сочинений за пятью книгами Повести, написанными Вяч. Ивановым, были помещены еще четыре книги, принадлежащие перу О.А. Шор (см.: Иванов 1971–1987/1: 371–512), ближайшей сотрудницы поэта и его собеседницы на протяжении многих лет. Характерно, что в оглавлении тома весь текст был обозначен как одно произведение, а в самом сочинении книга шестая, написанная О.А. Шор, следовала непосредственно за Книгой пятой, созданной Вяч. Ивановым, и тот факт, что данные тексты написаны разными авторами, вообще не был оговорен. Подобная ситуация, когда в издании появилось произведение из двух частей, созданных разными людьми, породила впоследствии большую путаницу: не все читатели это понимали, а вопрос о том, в какой мере «продолжение» О.А. Шор соответствует замыслам Вяч. Иванова, до сих пор остается дискуссионным.

Несмотря на то, что поэт написал только первые пять книг задуманного им сочинения, Повесть представляет собой в определенном отношении вполне самодостаточное произведение, которое не нуждается в каком-либо продолжении. Главный герой первых четырех книг Повести, несомненно, Владарь, а не Светомир. Сюжетная линия, связанная с Владарем, в целом имеет завершенный характер: она включает историю его юности, болезни и исцеления, любви к Гориславе, а позднее – к Отраде, приход к власти, победы над врагами и подготовку к венчанию на царство.

Завершенными выглядят и линии Гориславы и Отрады. Горислава удаляется в иной мир, оставив Владарю вместо себя свою дочь. Отрада же проходит путь от буйного подростка до праведной жены и матери, которая живет интересами мужа и детей.

Книга первая начинается с рождения Владаря, а Книга вторая заканчивается предсказанием старца Парфения о появлении на свет Светомира. В первых двух книгах Владарь проходит мистическую инициацию: сначала он погружается в многолетний сон, подобный смерти, а потом «воскресает», женится на Отраде и становится великим государем. Горислава умирает в Книге первой, а в Книге второй появляется ее дочь Отрада, которая станет женой Владаря и матерью Светомира. Славянская страна, в начале Повести погруженная в хаос политической раздробленности и беззащитная перед врагами, в конце Книги второй одерживает победу над кочевниками и получает сильного великого князя. Таким образом, и линия государственная, и линии главных героев – Владаря и Гориславы – в первых двух книгах очерчены достаточно четко и вполне закончены. Завершенный характер первых двух частей отмечал и сам Вяч. Иванов и в 1930–1931 годах предполагал издать их отдельно в переводе на немецкий язык. Характерно, что после написания этих книг писатель на несколько лет, по существу, приостановил работу над Повестью.

Книга третья начинается рождением Светомира, а четвертая заканчивается приездом посольства из Белой Индии, с которым в будущем Светомир отправится в страну пресвитера Иоанна. Действие этих книг переносится в столицу славянского государства. На первый план выходят взаимоотношения с Царьградом, из которого сначала прибывает посольство, а потом и изгнанные Радивой с императрицей Еленой. Владарь укрепляет свою власть и после падения Царьграда готовится к венчанию на царство. Рождается Светомир и через несколько лет становится ясно, что мальчик растет необычным ребенком. После покушения на Светомира и разговора с Радивоем Владарь принимает решение отправить сына в Белую Индию. Таким образом, третья и четвертая книги в сюжетном плане также достаточно закончены.

Книга пятая представляет собой своего рода вставку – «Послание Иоанна Пресвитера». Оно не связано напрямую с основным действием Повести и отличается от остального текста и с точки зрения стиля, и по своему содержанию. Послание написано особым архаизированным языком. Частично оно посвящено описанию Белой Индии, а частично – истории жизни пресвитера Иоанна. И место действия, и персонажи в Книге пятой иные, чем в предыдущих четырех. В одной из последних ее глав излагается предание о Богородице, апостоле Иоанне и св. Егории. Этот эзотерический миф объясняет появление Егория и его чудесной стрелы в славянской земле. Таким образом, Книга пятая композиционно «закольцована» с началом Повести.

Вопрос об общем замысле Вяч. Иванова важен для понимания не только всего задуманного писателем произведения, но и написанных автором первых пяти книг Повести в частности. Этот план в целом может быть реконструирован, однако для этого следует привлекать не столько «продолжение», написанное О.А. Шор, сколько другие источники (например, изложение содержания Повести в книге С.К. Маковского «Портреты современников», см.: Маковский 1955).

Повесть на первый взгляд достаточно проста для восприятия и доступна для «наивного» читателя: текст событиен и историчен, сюжет его развивается динамично. Горислава, Владарь и Отрада ведут себя как герои романа: влюбляются, совершают дурные поступки и затем мучаются угрызениями совести, меняются под влиянием обстоятельств, принимают сложные решения в конфликтных ситуациях и т. д.

Вяч. Иванов стилизует произведение под средневековое сочинение, ориентируясь на жанры воинской повести, жития, неканонической легенды, а также на сказку и рыцарский роман (см.: Венцлова 1988: 27–29). Стихотворные вставки Повести напоминают русские духовные стихи. Книга пятая в жанровом отношении следует за своим образцом – «Посланием пресвитера Иоанна» и его древнерусской версией – «Сказанием об Индийском царстве».

Познакомившись с Повестью в рукописи еще до публикации текста, Ф.А. Степун отметил, что в ней

> <...> чувствуется отчетливое присутствие русского духа. Кажется, что античность, Средневековье, Возрождение забыты, вытеснены мистически познаваемой Русью. <...> Несмотря на архаический язык, из содержания явствует, что этот «роман» некоторым образом подспудно связан с современностью. Я полагаю, что написанный ритмизованной прозой «роман» Иванова можно рассматривать как стилистически и содержательно «отстраненную» автобиографию и портретную галерею русской истории».
>
> Степун 2012: 229–230

В Повести мы видим ситуацию, когда на протяжении одного поколения сменяются несколько исторических эпох, которые в реальности заняли столетия. Хотя название страны, в которой живут Владарь и Светомир, не упоминается, очевидно, что речь идет о Московской Руси. Об этом говорят и сам язык Повести, насыщенный фольклорной фразеологией и узнаваемыми цитатами из древнерусских книжных памятников, и имена персонажей, и политические отношения страны с Византией и Ордой, и многочисленные бытовые и исторические реалии: во время нашествия Владарь отправляет семью, святыни и сокровища «в северные монастыри дубравные» (см.: III.11.11[2]); с войны он возвращается «в палаты кремлевские» (см.: IV.8.3) и т. д.

Вяч. Иванов создал своеобразную сказку о русской истории. Одно из самых существенных отличий такой версии от реальной в том, что в ней нет места для смутного времени: переход власти к Владарю и смена правящей династии осуществляются мирным путем. Великий князь отрекается от престола и своей волей передает его Лазарю, а народное собрание утверждает последнего в роли великого государя.

По мнению С.С. Аверинцева, в образе Владаря соединяются «образы московских государей от Калиты и Дмитрия Донского до Иоанна III и далее» (Аверинцев 1995: 24). При этом ученый отмечал «глубокую нетривиальность ивановской фантазии на темы русской истории, выразившуюся в особом внимании к царствованию Иоанна III», — великой поре, которая включала «и обретение независимости, и решающий шаг к централизации Руси через победу над Новгородом, и приглашение итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти, и брак с наследницей династии Палеологов (особенно подробно тематизированный в “Повести о Светомире царевиче”), и многое другое» (Аверинцев 2002б: 17, примеч. 12).

[2] Цитаты из Повести даются по тексту наст. изд. Первая, римская, цифра обозначает книгу, вторая, арабская, — главу, третья и последующие арабские — номер стиха.

В Повести прямо названо только одно историческое событие, имеющее точную дату: падение Константинополя в 1453 году (см.: IV.8.1). В принципе могут быть идентифицированы и некоторые другие факты. Например, рождение Светомира совпало с победоносным сражением, под которым подразумевается Куликовская битва[3].

Есть в Повести и аллюзии на исторических личностей. Например, иеромонах Мелетий, грек по происхождению, учился в Константинополе, а потом путешествовал по Италии и Франции, откуда привез целую библиотеку. В образе Мелетия «без труда угадывается преподобный Максим Грек, принесший на Русь византийские традиции с Афона и возрожденческие из Италии» (Громов 2008: 278). Имя любимого ученика Мелетия — Епифания — является аллюзией на Епифания Премудрого (вторая пол. XIV — первая четв. XV в.) — инока Троице-Сергиева монастыря, автора житий Сергия Радонежского и Стефана Пермского и других произведений. Упоминание в Повести о том, что Мелетий Епифания «на Святой Горе из младых иноков словенских изыскал» (см.: II.10.5), перекликается с фактами биографии Епифания Премудрого, который бывал на Афоне. С.С. Аверинцев справедливо писал о том, что в Повести Вяч. Иванов «с большой непринужденностью ткёт славянское “плетение словес” в духе Епифания Премудрого» (Аверинцев 2008а: 18).

Для произведения характерно сочетание всеобщего и личного, архетипического и строго индивидуального. Читателю предоставляется возможность увидеть в Повести занимательную историю о приключениях ее героев или осмыслить текст как опыт мистического проникновения в мир сакральных христианских ценностей. За внешней простотой и незатейливостью сюжета в сочинении Вяч. Иванова скрываются неисчерпаемые мистические глубины, автобиографические признания, зашифрованные послания и пророческие предвидения, незаметные на первый взгляд.

Такая жанровая неопределенность создает предпосылки для сложной игры с ожиданиями аудитории и нарушениями этих ожиданий, с категорией правдоподобия / неправдоподобия, с различными рамочными конструкциями, «чужим словом» и т. д. В этом смысле полижанровый характер текста соответствует другим особенностям Повести, написанной необычной «стихоподобной» прозой с обильным включением церковнославянской лексики. Подобные литературные структуры, в которых категории рода и жанра не заданы изначально, предоставляют особые возможности для проявления писательского мастерства и способствуют живости читательского восприятия.

По-видимому, Вяч. Иванов задумал свою Повесть как своеобразный христианский эпос с опорой на Библию и русскую книжную и фольклорную традицию или как стилизацию под средневековое сочинение. Произведение поддается раз-

[3] См. примеч. 1 к III.2.1 (с. 580 наст. изд.).

личным интерпретациям (см.: Венцлова 1988: 28–29). Оно может быть истолковано как:

(1) сказка с элементами исторического повествования;

(2) «роман воспитания» с мотивами сказочной фантастики;

(3) произведение, которое не укладывается в существующую классификацию литературных жанров и образует свою собственную жанровую разновидность, как «Божественная комедия» Данте или «Война и мир» Л.Н. Толстого;

(4) историософское сочинение о русской идее и миссии Руси / России;

(5) опыт мистического постижения сверхъестественного мира, которое дается человеку в сновидениях и видениях, вызванных экстатическими состояниями;

(6) своеобразная мистерия, основанная на переосмыслении и воспроизведении евангельского рассказа о воскрешении Лазаря в духе антропософской концепции Рудольфа Штейнера;

(7) исповедь поэта, в которой в «прикровенном» виде изложена его биография и семейная история;

(8) духовное завещание Вяч. Иванова (см.: Кошемчук 2003; Кошемчук 2006: 630–639).

Как модернистский «неомифологический» текст Повесть может быть поставлена в один ряд с романом Германа Гессе «Степной волк» («Der Steppenwolf», 1927) и романом-тетралогией Томаса Манна «Иосиф и его братья» («Joseph und seine Brüder», 1933–1943) (см.: Венцлова 1988: 29).

У современного читателя сочинение Вяч. Иванова скорее всего будет ассоциироваться с произведениями в жанре фэнтези из-за сочетания сказочных мотивов и квазиисторического повествования, элементов социальной утопии и рыцарского романа.

Повесть во многом ориентирована на иконографические (живописные) и музыкальные (оперные) традиции. Многие ее фрагменты обращены к визуальному восприятию и представляют собой сновидения героев, описания икон или божественных видений[4]. В соответствии с этим важную роль играют мотивы зрения, слепоты и прозрачности.

В произведении присутствуют стихотворные вставки: в основном это песни, исполняемые Гориславой и Отрадой. Повесть связана многочисленными перекличками с операми Р. Вагнера[5] и со «Сказанием о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н.А. Римского-Корсакова.

Планы и наброски Вяч. Иванова, сохранившиеся в его Римском архиве и публикуемые в настоящем издании, свидетельствуют о том, что на определенном

[4] См. работы С.Д. Титаренко об «иконологии» Повести (см.: Титаренко 2010; Титаренко 2012: 597–640).

[5] См. статью Д.М. Магомедовой на с. 233–254 наст. изд.

этапе писатель рассматривал свое произведение как оперное либретто или даже обдумывал планы двух сочинений подобного рода: одно — по первым двум книгам Повести, а другое — по мотивам так и не написанных им частей (см. с. 158–160, 168–171 наст. изд.). В 1916 году поэт сочинил стихотворение «Виноградарь», которое было задумано как песня Светомира, и, по-видимому, тогда же или несколько позднее набросал план первого акта оперного либретто, в котором действие происходит в монастыре на Острой Горе, а главным героем является Светомир (см. с. 158–160 наст. изд.).

Среди бумаг Римского архива имеются также записи, свидетельствующие о том, что уже после написания первых двух книг Повести Вяч. Иванов планировал сочинить драматическое произведение и даже бегло изложил сам или продиктовал дочери содержание двух актов (см. с. 168–171 наст. изд.). Вероятнее всего, дочь поэта композитор Лидия Иванова предполагала создать оперу, главными героями которой должны были стать Лазарь, Горислава и Отрада.

Повесть соотносится с несколькими литературными традициями: библейской (ветхо- и новозаветной), античной (древнегреческой и латинской), средневековой (итальянской, германской и древнерусской), романтической и реалистической (немецкой и русской) и символистской (русской) начала XX века.

Можно сказать, что Вяч. Иванов писал Повесть так, как он создавал свои эссе: в постоянном диалоге со своими «вечными спутниками», с мировой литературной традицией. Среди произведений, которые входят в интертекстуальный фон Повести, Книга Бытия и Псалтирь, Четвероевангелие и особенно Евангелие от Иоанна, послания апостола Павла и Апокалипсис, «Исповедь» Блаженного Августина, «Послание пресвитера Иоанна», «Цветочки» Франциска Ассизского и его жизнеописания, «Божественная комедия», «Новая жизнь» и «Монархия» Данте, «Гейнрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», опубл. 1802) Новалиса, «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885) Ф. Ницше, «Слово о полку Игореве» и «Сказание о Мамаевом побоище», житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым, «Борис Годунов» (1825) и стихи А.С. Пушкина, романы Ф.М. Достоевского «Идиот» (1867–1869), «Преступление и наказание» (1865–1866) и «Братья Карамазовы» (1879–1880), трактаты Вл. Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» (опубл. 1889) и «Три разговора» (1900), его поэма «Три свидания» (опубл. 1898) и ряд стихотворений, поэзия и драмы А. Блока.

Выбор цитируемых текстов определялся, с одной стороны, колоссальной эрудицией Вяч. Иванова (переводчика и знатока древних и средневековых поэтов, преподавателя церковнославянского языка, комментатора Псалтири и Нового Завета и т. д.), а с другой — художественными особенностями Повести, такими как стилизация «мозаичного» средневекового текста, ориентация на универсальные символы, попытка синтезировать традиции античности, Библии и славянской культуры, а также Восточного и Западного христианства.

В произведении Вяч. Иванова цитата является не только отсылкой к первоисточнику, но и знаком принадлежности к определенной традиции. Общая закономерность такова, что выдержки из памятников древности (Библия, античная литература) включаются в Повесть, пройдя через последующие тексты: от Данте до Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева и от Блаженного Августина до П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.

Весьма часто Вяч. Иванов предлагает собственные интерпретации цитируемых фрагментов из Книги Бытия, Евангелия от Иоанна или Апокалипсиса, причем эти толкования могут опираться не только на христианскую экзегетическую традицию, но и на идеи гностиков или Р. Штейнера.

Многие эпизоды и мотивы Повести могут быть возведены не к одному, а к целому ряду источников. Например, сон Лазаря, в котором он видит, как его несет по небу орел, восходит к мифу о Ганимеде, к сцене из «Божественной комедии» Данте и к ряду поэтических текстов самого Вяч. Иванова. Песня Гориславы о змеé и соколе имеет столь же сложный генезис: широко известный мифологический мотив о совместном полете сокола или орла и змеи, эпизод из «Так говорил Заратустра» Ницше и стихи Вяч. Иванова.

Как и полагается современному автору, создающему стилизацию средневекового текста, Вяч. Иванов придает своей Повести архаичную форму, но при этом наполняет ее актуальным содержанием. Основной парадокс произведения связан с противоречием между внешней организацией, ориентированной на древнерусскую литературу и фольклор, и психологией персонажей, близкой героям Ф.М. Достоевского. Например, образ Гориславы, которая пытается навязать свою любовь Лазарю и даже собирается зарубить топором своего мужа Симеона Управду, совершенно немыслим в древнерусской книжности. Здесь, правда, был известен образ «злой жены», но он трактовался с осуждением и сатирически. В плане литературной традиции Горислава ближе всего к Настасье Филипповне из романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Кроме того, героиня имеет вполне узнаваемый жизненный прототип в лице Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, что отчетливо прослеживается при сравнении Повести с перепиской поэта и его второй жены (см.: Топорков 2011б).

Образ Отрады также напоминает не персонажей древнерусской литературы или фольклора, а Беатриче, какой она представлена в «Новой жизни» Данте, и Февронию из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Жизнеописание Владаря отчетливо спроецировано на историю евангельского Лазаря, однако тот факт, что Вяч. Иванов представляет историю своего героя как серию умираний и воскрешений, а его путь ко Христу – как череду падений и заблуждений, сближает образ с традицией, восходящей к «Исповеди» Блаженного Августина, а в России представленной в романах Ф.М. Достоевского.

Общей чертой ряда произведений, составляющих литературный фон Повести, является то, что их создатели оказывались на сломе разных исторических эпох и воплощали этот тектонический сдвиг в своей личности и творчестве. Апостолы Иоанн и Павел обосновывают христианство, переосмысляя традицию Ветхого Завета. Блаженный Августин соединяет культурное наследие античного мира с христианскими ценностями. Используя средневековую форму видений загробного мира, Данте в своей «Божественной комедии» выступает как носитель нового ренессансного мироощущения. Новалис прокладывает путь в романтический период. Ницше является одним из создателей новоевропейского индивидуализма. Достоевский как христианский мыслитель и художник передал в своих романах трагизм наступающей безрелигиозной поры. «Повесть о Светомире царевиче» также возникает на границе разных эпох и цивилизаций – между востоком и западом Европы, между сказочным славянским царством и реалиями Второй мировой войны, между обломками античного гуманизма и «новым Средневековьем», в которое погрузились Россия и Европа в 1920–1930-е годы.

От апостолов Иоанна и Павла к Блаженному Августину и Данте прослеживается определенная линия христианской мистики. Все они имели личный опыт мистического экстаза, который описали в своих сочинениях. Можно сказать, что апостол Павел, Блаженный Августин и Данте каждый по-своему смогли преодолеть в себе ветхого Адама и достичь просветления во Христе. Такой путь мистического посвящения в Повести наиболее последовательно проходит Владарь, однако нечто подобное можно увидеть и в судьбах Гориславы и Отрады. К обретению Христа в произведении Вяч. Иванова движется и славянская страна, которая побеждает тьму вражеского нашествия и находит во Владаре своего Жениха.

История замысла Повести[6]

Первоначальный замысел произведения о Владаре и Светомире возник у Вяч. Иванова за несколько десятилетий до того, как он приступил к работе над Повестью. В апреле 1894 года поэт записал следующий план[7]:

> Из тесной ограды монастыря герой, после долгого *сидения*, выходит на волю (*Калики перехожие*), выдерживает искус в міре духов (*ночь на Ива-*

---

[6] Первую редакцию данного очерка см.: Топорков 2012: 30–50. Для наст. изд. он значительно расширен и уточнен благодаря новым материалам из Римского архива Вяч. Иванова, обнаруженным О.Л. Фетисенко и А.Б. Шишкиным.

[7] Данную запись впервые обнаружил и опубликовал Г.В. Обатнин (см.: Обатнин 1994: 33). См. также: Титаренко 2012: 600.

на Купалу), является к царю, встречает там своего брутального двойника, соперничает с ним и вырывает у него влияние на царя, совершает государственные дела, губит (сделавшись орудием в руках двойника) некоторую возлюбленную и ее замок и землю, освобождает народ, борется с народными мятежами и наконец утрачивает власть, которая переходит к двойнику, воцарившемуся над страной при помощи хитрых козней и народной воли. — Святогор. —

Во второй части поэмы герой блуждает в области высших идеалов человечества, возвращается на родину, ведет борьбу с двойником, который имеет за себя народ. Исход борьбы??

Последние сцены — загробный мíр. Синтез средневековых западных и восточных представлений.

Народ убивает царя-освободителя[8]. 29/17 Апр. <18>94[9].

ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 118–118об.

Приведенной записи предшествуют титульные листы с двумя вариантами названия: «Комедия о славных мужех Владаре и Боривое и Владареве сыне Светомире. 2 мая/20 апр<еля> <18>94» (ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 116) и «Комедия о великих мужах Владаре и Боривое и о сыне Володаревом Светомире. 2 мая/21 апр<еля> <18>94» (Там же. Л. 117). Все эти материалы имеют обложку с пометой «Faustus» (Там же. Л. 115) и датой: «Пасха 1894 г., Рим» (Там же. Л. 115об.).

На момент совершения записи план, по-видимому, находился на стадии формирования и не был еще вполне ясен самому автору. Например, он не знал, чем закончится борьба между героем поэмы и его «брутальным двойником». Бросается в глаза, что проекты заглавия и изложение самого замысла не вполне соответствуют друг другу. В вариантах титульного листа произведение названо «комедией», а в плане — «поэмой». В обоих заглавиях фигурируют Владарь, Боривой и сын Владаря Светомир, но в записи сюжета нет ни одного из этих имен, и действует один главный герой, о родственниках которого ничего не сообщается. Непонятно даже, как зовут данного персонажа: Владарь, Светомир, Боривой или как-то иначе. Стоит отметить, что проекты титулов и план произведения записаны на отдельных листах, и с точки зрения хронологии план предшествует титулам, хотя в рукописи листы с заглавиями располагаются, наоборот, впереди.

Приведенный выше план «Комедии...» носит лаконичный характер, и некоторые его указания нуждаются в расшифровке. Долгое *сидение* героя и его последующий выход на волю как-то соотносится с образами *калик перехожих*. По-видимому, имеются в виду эпизоды из былин об Илье Муромце: Илья сначала

[8] Данная формулировка может быть навеяна покушением народовольцев на государя Александра II 1 марта 1881 г.

[9] Курсив (в рукописи — подчеркивание) Вяч. Иванова.

был калекой и сидел сиднем долгие годы; потом пришли калики перехожие и дали ему напиться вина, после чего к богатырю вернулась сила, он встал и отправился совершать подвиги. Эта ситуация упоминается и в Повести, в словах Отрады Владарю: «С постели воспрянешь, богатырем могутным обернешься, как Илья Муромец, что̀ тоже не мало годков за печкою сиднем сидел; сядешь на добра̀ коня, славу себе добывать уедешь» (II.7.15).

Помета «Святогор» отсылает к русским былинам, однако не вполне ясно, какой именно сюжет о Святогоре имеется в виду, поскольку их по меньшей мере два и оба могли быть значимыми для Вяч. Иванова: «Святогор и тяга земная», «Святогор и Илья Муромец» (смерть Святогора).

Членение задуманного произведения на две части, которые значительно отличаются друг от друга, и блуждание героя «в области высших идеалов человечества» (см. с. 157 наст. изд.) связывают данный набросок с замыслом Вяч. Иванова 1880-х годов: «Фауст. Русские варианты общечеловеческой легенды» (см.: Вахтель 1993: 266)[10]. Явно не случайно то, что эти материалы вложены в обложку с пометой «Faustus». В декабре 1887 года Вяч. Иванов начал писать стихотворную драму о русском Фаусте, в которой герой, в частности, видит вдали купальский костер; текст обрывается на второй сцене, и можно предположить, что персонажа ждал впереди «искус в мире духов» (см. с. 157 наст. изд.), как и героя «Комедии...». «Русский Фауст» также пытался дать свободу своему народу и испытал его неблагодарность:

В мои поместия к крестьянам удивленным
С доверчивой любовью я пришел;
Народ хотел я знать освобожденным,
Забытым прежний произвол.
Я отпускал рабов, давал рукою щедрой —
И успокоился, лишь тяжко разорен.

Вахтель 1993: 271

Обозначение жанра произведения как «комедии» может быть связано с пушкинским «Борисом Годуновым», который первоначально имел названия: «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» и «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» (см.: Пушкин 2009: 704, 714). С произведением А.С. Пушкина соотносится и ряд сюжетных перипетий плана «Комедии...»: герой «совершает государственные дела <...> борется с народными мятежами и наконец утрачивает власть, которая переходит к двойнику,

[10] На то, что замысел 1894 года перекликается с «русским Фаустом» — другим неосуществленным проектом поэта, — первым обратил внимание Г.В. Обатнин (см.: Обатнин 1994: 33).

воцарившемуся над страной при помощи хитрых козней и народной воли» (с. 157 наст. изд.). Затем персонаж «освобождает народ», который тем не менее поддерживает его «брутального двойника»; заканчивается все тем, что «народ убивает царя-освободителя» (см. с. 157 наст. изд.). Очевидно, что сюжетный план «Комедии...» весьма напоминает сквозной конфликт «Бориса Годунова» между Борисом и Димитрием Самозванцем.

Наконец, и название произведения, и мотивы посещения загробного мира, и идея дать «синтез средневековых западных и восточных представлений» (см. с. 157 наст. изд.) связывают замысел Вяч. Иванова с «Божественной комедией» Данте.

Поразительно, что между первыми набросками плана Вяч. Иванова и началом его воплощения прошло 34 года. Если вспомнить к тому же, что работа поэта над Повестью растянулась на 21 год, то перед нами уникальный случай, когда замысел занимал писателя в общей сложности на протяжении 55 лет. При этом план 1894 года трансформировался, обрастал реалиями, впитывал в себя жизненный опыт автора.

Вообще при знакомстве с данной записью и другими планами и набросками Вяч. Иванова создается впечатление, что у писателя было несколько замыслов повести о Владаре и Светомире, частично пересекавшихся друг с другом и находившихся в смысловом поле нескольких тем, к которым поэт возвращался неоднократно: «русский Фауст», «Церковь Невиди́мая», пресвитер Иоанн и Индейское царство, Китежская легенда и др.

К идее создания произведения о Владаре и Светомире Вяч. Иванов вернулся в Женеве в начале 1900-х годов. Об этом свидетельствует, в частности, дневниковая запись М.М. Замятниной 1902 года:

> Сейчас Вяч<еслав> нет-нет да и подойдет к «Богатырям»[11], и все в нем бродит и пенится его «Володарь» со «Светомиром». Сегодня в детском уютном местечке он еще набрасывал некоторые черточки будущего содержания. Интересная будет драма-поэма в народном духе и для народа, для широкого распространения доступная.
>
> Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/2: 441[12]

В приведенной записи представляют интерес несколько моментов: во-первых, главными героями произведения по-прежнему остаются Владарь (Володарь) и Светомир; во-вторых, будущее сочинение как-то связано с образами

[11] «Гравюра с картины В.М. Васнецова, висевшая у Ивановых <...> Была прислана М.М. Замятниной в Англию в 1900 г. <...>» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/2: 447, примеч. 2).

[12] Впервые данный фрагмент опубликовал Г.В. Обатнин (см.: Обатнин 1994: 33).

былинных богатырей и предназначено для широкого распространения. При этом Вяч. Иванов черпает свое вдохновение, разглядывая известную картину В.М. Васнецова. Жанр задуманного произведения («драма-поэма в народном духе») указывает на то, что на этом этапе сочинению еще предполагалось придать драматическую и стихотворную форму (не исключено, что драма могла быть частично написана в стихах, а частично в прозе, как драмы У. Шекспира и «Борис Годунов» А.С. Пушкина).

Заметка М.М. Замятниной от 17/30 июня 1902 года подтверждает интерес Вяч. Иванова к данному сюжету:

> Затем Вячеслав говорил о «Володаре». Ключ к нему — он «всечеловек», и он должен кончить трагическою смертью — вытекающею отсюда с необходимостью.
>
> Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/2: 446[13]

Вяч. Иванов пользуется здесь словом *всечеловек*, восходящим к знаменитой речи Ф.М. Достоевского о Пушкине: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» (Достоевский 1984: 147. Курсив Ф.М. Достоевского). Это слово встречается позднее в поэзии Вяч. Иванова[14]. В Повести сообщается, что Владарь выучил греческий и латынь, овладел античной и византийско-православной книжностью (см.: II.10.7). Возможно, это в какой-то мере делает его «всечеловеком». Таким образом, определенная связь между замыслом 1902 года и окончательным текстом Повести существует, однако восстановить ее в деталях трудно.

Краткие записи М.М. Замятниной не позволяют судить о том, каким виделось Вяч. Иванову в 1902 году развитие действия Повести. Интересно, что в первой заметке говорится о Володаре со Светомиром, а во второй — об одном Володаре. По-видимому, этот персонаж занимал в замысле поэта центральное место.

[13] Впервые опубликовано Г.В. Обатниным (см.: Там же: 33–34). По поводу этих записей М.М. Замятниной авторы комментариев к изд. переписки Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал справедливо замечают: «Трудно сказать, насколько замысел был определен в 1902 году, но упоминание имен ее (Повести. — *А.Т.*) героев, как кажется, весьма существенно» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/2: 447, примеч. 3).

[14] Например, в сонете «Эли Мойше, ты с эллином был эллин...» (1923), посвященном М.С. Альтману: «Мертвел утес, но жезл его рассек: | Алатырь бьет струею среброзмийной. | Найди себя: кто весь, — *всечеловек*» (Альтман 1995: 10. Курсив мой. — *А.Т.*); в стихотворении «Сверстнику» (1928), посвященном Е.В. Аничкову: «Старина, еще мы дюжи мыкать | По́ свету скитальцев русских долю, | В рубище *всечеловеков* кликать | Духов День, Финиста-птицу, Волю» (Иванов 1995а/2: 119. Курсив мой. — *А.Т.*).

Г.В. Обатнин обратил также внимание на то, что имя «Светомир» встречается в первоначальных редакциях стихотворения Вяч. Иванова «Озимь» (1904). В частности, в последнем варианте черновой редакции, не вошедшем в окончательный текст, говорилось: «Что канет в глубь, затянет вир | Жди: в мире встанет Светомир» (Обатнин 1994: 34). Под «Светомиром» здесь подразумевается солнце[15]. Контекст употребления этого слова в данном случае никак не связан с сюжетом Повести и с образом ее героя. Можно предположить, что Вяч. Иванову просто понравилось само имя «Светомир», которое он сначала ввел в стихотворение, а потом исключил из него в процессе правки текста.

Тематически Повесть связана со стилизациями духовных стихов, которые Вяч. Иванов сочинял с начала 1900-х годов. В свою первую книгу лирики «Кормчие звезды» поэт включил раздел «Райская мать» с эпиграфом из «Стиха об Иоасафе-царевиче и Пустыне» (см.: Иванов 1995а/1: 91). Этот духовный стих является одним из источников песни Отрады о земном рае, а переводная повесть о Варлааме и индийском царевиче Иоасафе — один из важнейших интертекстуальных ориентиров Повести в целом.

В дневнике 1902 года поэт сделал запись:

> Читаю св. Бернарда. Хотелось бы установить мне связь Богоматери и Древа Жизни. <...> Итак, в лирической форме, в ряде сонетов сказать то, что я знаю (не тем знанием, которое может быть выражено в прозе) о неумирающем Рае и Древе Жизни, о Мире и Девстве, de Mariano Civitatis Dei semine et fulcro[16].
>
> Иванов 1971–1987/2: 771

К теме таинственной взаимосвязи Богородицы и Древа Жизни Вяч. Иванов в своем творчестве возвращался неоднократно (см.: Топорков 2012: 332–333), хотя задуманный им «ряд сонетов» так и не написал. Замысел 1902 года воплотился в завершающих словах стиха, который Отрада поет Владарю. От лица Рая в нем говорится: «Посреди же меня Древо Жизни, | Древо Жизни — Пречистая Дева» (II.6.5).

[15] См. в стихотворении Вл. Соловьева «На том же месте» (1898):

И призраки ушли, но вера неизменна...
А вот и *солнце* вдруг взглянуло из-за туч.
Владычица-земля! Твоя краса нетленна,
И *светлый богатырь* бессмертен и могуч.

Соловьев 1974: 125.
Курсив мой. – *А.Т.*

[16] О Мари́иных роде и опоре Града Божьего (*лат.*).

По меньшей мере два текста из раздела «Райская мать» в книге «Кормчие звезды» стилизованы под русские духовные стихи: «Под древом кипарисным» и «Стих о святой горе». Последний был включен О.А. Шор в ее «продолжение» Повести (см.: Иванов 1971–1987/1: 490–491), что, возможно, соответствовало пожеланиям Вяч. Иванова. В одном из планов произведения о Светомире фигурирует «Церковь Невиди́мая» (см. с. 158 наст. изд.) — центральный образ «Стиха о святой горе».

В третьей книге лирики Вяч. Иванова «Cor ardens» имеется раздел «Эпические сказы и песни» (см.: Иванов 1995а/1: 386–400, № 356–359). Включенное в него стихотворение «Сон Матери-Пустыни» с подзаголовком «Духовный стих» (Там же: 386, № 356) имеет параллель в Повести — сон Отрады о древе, вырастающем из ее лона (см.: III.6.10–13).

В 1915–1916 годах поэт сочинил два стихотворения, связанные тематически с планами произведения о Владаре и Светомире. В ночь на 10 января 1915-го Вяч. Иванов пишет в Москве стихотворение «Владычица Дебренская», которое было опубликовано им в газете «Раннее утро» 10/23 мая 1918 года (см.: Иванов 1995а/2: 218–219; 360 (примеч.)). В первой редакции текст составляли четыре строфы по шесть стихов каждая; позднее автор прибавил еще пять строф и включил стихотворение в Книгу вторую Повести как песню Отрады, разбив его на две части. Во «Владычице Дебренской» есть образы семи ключей и студенца в темном бору, которые стали лейтмотивами произведения.

В октябре 1916 года в Сочи Вяч. Иванов работал над стихотворением «Виноградарь». Ранняя редакция включала 53 стиха и была опубликована в той же газете «Раннее утро» 21 апреля / 4 мая 1918 года (см.: Иванов 1995а/2: 224–226, 361 (примеч.)). Позднее поэт внес в текст небольшую стилистическую правку и приписал еще 22 стиха, которые вставил между стихами 41 и 63. В полном виде «Виноградарь» был опубликован впервые в первом томе брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова, в составе «продолжения» Повести (см.: Иванов 1971–1987/1: 497–499).

Трудно сказать, сразу ли сочинял Вяч. Иванов эти стихотворения с намерением впоследствии включить их в Повесть или они рождались спонтанно, в силу того, что поэт последовательно разрабатывал определенную топику, связанную со славянской темой, образами и поэтикой духовных стихов.

О.Л. Фетисенко обнаружила в Римском архиве писателя несколько редакций стихотворения «Виноградарь», которые публикуются в настоящем издании (см. с. 147–154 наст. изд.). В редакции 1916 года произведению предшествует запись: «Светомир (*Топчет виноград.*)», а последующий текст, таким образом, предстает как песня, которую исполняет Светомир (см. с. 151 наст. изд.). Из содержания ясно, что поет «млад царевич», который при этом топчет виноград, а вино предназначается для причастия. Можно провести параллель со стихотворе-

нием Вяч. Иванова «Моление св. Вячеславу» (1917), в котором, обращаясь к своему святому покровителю Вацлаву (Вячеславу) Чешскому, поэт писал:

Как некогда ты сам у вышеградских башен
Сок гроздий выжимал для литургийных брашен,
Так сопричастникам божественную Кровь
Для общей вечери воскресной уготовь!

Иванов 1995а/2: 645.
Курсив мой. – *А.Т.*

Имеется в виду эпизод из жития св. Вацлава, который «тайно от других трудился по ночам над изготовлением просфор и вина для церковных служб» (Никольский 1909: XI)[17]. Впервые «Моление св. Вячеславу» было опубликовано в статье Вяч. Иванова «Духовный лик славянства» (1917), причем автор отметил, что «в стране св. Вячеслава, который, по легенде, своими руками возделывал священный виноградник и выжимал гроздия для литургийного Таинства, жажда причащения Крови Христовой знаменует духовное самоопределение целой чешской народности» (Иванов 1971–1987/4: 671). В стихотворении из «Римского дневника 1944 года» св. Вячеслав назван и «виноградарем», и «владарем», хотя согласно замыслу Повести виноградарем должен был стать Светомир, а не Владарь:

Ликуя, топчет спелый грозд
Багряный Вресень, *виноградарь*,
Мой запевало Кормчих Звезд
И старины про то, как Владарь

Землей владал. В полудни, бос,
С кривым ножом, в ночи с Весами,
Стоит Сентябрь, сбиратель гроз
Под золотыми небесами.

Стоит над ними, в небе слав,
Заклан, земли славянской владарь,
Мой ангел, юный Вячеслав,
Причастной Чаши виноградарь.

Иванов 1995а/2: 191.
Курсив мой. – *А.Т.*

[17] Об этом также см. в не опубликованной пока рукописи С.Д. Титаренко «“Житие Вячеслава Чешского” и традиции агиографии в “Повести о Светомире царевиче” Вячеслава Иванова».

В материалах Римского архива Вяч. Иванова О.Л. Фетисенко также были обнаружены планы произведения о Светомире, которые впервые публикуются в настоящем издании. Фрагмент, озаглавленный «Острая Гора», начинается словами: «Светомир виноградарь – поет о Горѐ – топчет виноград – играет со Стрелой – убегает на вершину» (см. с. 159 наст. изд.). Очевидно, что данный план связан со стихотворением «Виноградарь». Вполне вероятно, что он должен быть датирован тем же, 1916 годом, к которому относится работа поэта над «Виноградарем».

Трудно сказать, ясно ли в 1915–1916 годах автор представлял себе, как свяжутся впоследствии образы стихотворений «Владычица Дебренская» и «Виноградарь». О.А. Шор пишет о творческих поисках Вяч. Иванова, основываясь, вероятно, и на его собственных рассказах, и на знакомстве с рукописями писателя:

> И вот в разгар Первой мировой войны в Москве ночью на 10-ое января 1915 г. написался стих о Богородице, «Владычице Дебренской» и Иосифе, старце Обручнике. <...> Осенью 1916 г. поехал в Сочи. Ему мерещился образ царевича-послушника; он толчет виноград для причастного вина; монастырь, острая гора, море; в челне – Богородица... Царевич поет[18]. В. И. записал его песнь. Узнал имя его – Светомир. То было в октябре. <...> В. И. не видел, не понимал связи между Студенцом серебряным и Светомиром. Шли года.

Дешарт 1971: 220

Обнаруженные планы и фрагменты в совокупности со свидетельством О.А. Шор дают основания предполагать, что в 1915–1916 годах Вяч. Иванов обдумывал новый замысел произведения о Светомире, который не имел почти ничего общего с планом 1894 года, кроме самого имени «Светомир». Сообщение О.А. Шор о том, что поэт «узнал» имя Светомира только в 1916 году, не соответствует действительности, так как оно уже присутствовало в записи 1894-го. Однако вполне вероятно, что, рассказывая О.А. Шор о творческой истории своего произведения, Вяч. Иванов не посчитал нужным сообщать ей о замысле 1894 года или просто забыл о нем. Если рукописи «Виноградаря» и планов произведения об Острой Горе хранились в Римском архиве и были доступны О.А. Шор в период ее работы над биографическим очерком о писателе, то рукописи 1894 года находились в России и, естественно, остались неизвестными Ольге Александровне.

Можно предположить, что образ Светомира-виноградаря сформировался в 1915–1916 годах, причем Вяч. Иванов воспользовался именем, которое фигури-

[18] Рассказ О.А. Шор настолько близок публикуемому фрагменту Вяч. Иванова, что, вероятно, рукопись поэта была у нее перед глазами, когда она писала эти слова.

ровало ранее в его планах 1894 и 1902 годов. Как уже говорилось выше, в набросках титулов 1894 года фигурирует сын Владаря Светомир, однако в самом плане сочинения он не упоминается и отождествить с ним героя произведения не удается.

Среди материалов, опубликованных О.Л. Фетисенко, имеется два почти идентичных плана, в которых фигурируют: «Острая Гора», «Христофор», «Церковь Невиди́мая», «Сергиева Пустынь», «Китеж», «Индейское Царство», «Пустынь Дебренская», «Святоград» (с. 158–160 наст. изд.).

Под «Сергиевой Пустынью», по-видимому, подразумевается обитель св. Сергия Радонежского — Троице-Сергиева лавра. Запись «Китеж» подразумевает легенду о городе, затонувшем в озере и существующем только на дне его и в отражении на воде. «Индейское Царство» явно связано с фольклорным образом Индии, Повестью об индийском царевиче Иоасафе и духовным стихом об Иоасафе и Пустыне. Может быть, на этом этапе сюжет мыслился как паломничество Светомира по разным святым местам. Не исключено, что перед нами не запись плана задуманного произведения, а перечень легендарных и реальных топосов, которые автор хотел так или иначе затронуть в своем сочинении.

Упомянутый выше набросок имеет ряд перекличек с Повестью и со стихотворениями Вяч. Иванова. «Пустынь Дебренская», очевидно, соотносится со стихотворением «Владычица Дебренская». «Церковь Невиди́мая» перекликается со «Стихом о Святой Горе», описывающим, как монахи строят невидимую церковь. «Индейское Царство» соответствует Белой Индии, устройство которой описано в Книге пятой Повести.

За планом следуют два варианта начального фрагмента самого произведения. По наблюдениям публикатора, второй отрывок записан позже, чем первый (см. с. 159–160 наст. изд.). Он более развернутый и содержит моменты, отсутствующие в первом наброске, который, однако, охватывает больше эпизодов. Последний озаглавлен «Острая Гора», то есть он соответствует первому пункту плана и, по-видимому, должен был открывать все произведение в целом.

Отметим, что в этой записи нет явных пересечений с планом 1894 года. Отсутствуют в нем Владарь, Горислава, Отрада, и вообще нет никаких женских образов. Светомир предстает как взрослый человек, а не ребенок, каким он рисуется в Повести в третьей и четвертой книгах.

С точки зрения формы и жанра фрагмент больше всего напоминает оперное либретто: Светомир поет, все действие происходит на фоне одной декорации, место действия обозначено обобщенно (Острая Гора, персонажи «выходят из леса» и т. д.). Можно предположить, что перед нами план первого действия оперы. Его сюжет, по-видимому, такой: царевич Светомир живет в монастыре на Острой Горе и топчет виноград для причастного вина. Его разыскивают три странника; под пение птички путники засыпают, и, пока они спят, на Острой Горе происходит какое-то торжество; проснувшись, путешественники видят старого монаха, который приглашает их к трапезе; затем повествуется об осаде Святограда; странники излагают цель своего посольства; Светомир рассказывает о своей жизни. Далее, вероятно, Светомир покидает монастырь и отправляется в странствие.

Подспудно некий замысел произведения об исторических судьбах России существовал в сознании Вяч. Иванова и в 1920-х годах. Возможно, что с этим проектом связаны слова поэта из письма к О.А. Шор от 27 июня 1925 года: «<...> я писал бы большую, важную, оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, — если бы я видел в духе Россию и теперь; но это зрение у меня отнято...» (Иванов — Шор 2001: 192).

Возвращение к старому замыслу в 1928 году, по-видимому, стимулировалось новым положением, в котором Вяч. Иванов оказался в Италии. После отъезда из СССР 28 августа 1924 года поэт некоторое время жил в Риме и искал себе службу. Одиннадцатого сентября 1926-го он писал дочери о своей будущей работе в Колледжо Борромео в Павии: «<...> Слава Богу, меня зовут в Павию, с ноября по май. Предполагавшихся лекций не будет, их вообще отменили, а буду я попросту обучать студентов немецкому языку на первых порах, а там остальное будет видно <...>» (Избранная переписка 2008: 463).

Оказавшись в относительно благополучном материальном положении с запасом свободного времени Вяч. Иванов попытался переосмыслить свой личный опыт и исторический путь покинутой им родины. Характерен в этом отношении цикл из четырех лекций о русской религиозности и русской культуре, который писатель прочитал в Павийском университете 24, 26, 28 и 31 января 1927 года. По свидетельству дочери поэта, «к этим лекциям Вячеслав усердно готовился. Читал много книг о русской истории, о истории русской Церкви» (Иванова 1992: 171).

Во второй половине 1920-х годов в размышлениях Вяч. Иванова о России и славянском мире появляются новые черты, отмеченные таким чутким современником поэта, как С.К. Маковский:

> Мыслями о России было полно его римское одиночество, — когда же и мечтать о России, как не из прекрасного далека? Но эти мечты не были только воспоминаниями о снежном пути, о странничьей тропе с «веригами и кандалами». Во время римского изгнания своеобразно выкристаллизовалась «русская идея» Вячеслава Иванова, целое историософическое построение. Можно даже сказать — эсхатологическое построение... Думая о покинутой родине, покинутой безусловно, — приняв итальянское подданство, он переменил вскоре и христианское свое исповедание, сделался католиком, — Вячеслав Иванов поверил в мистическое будущее именно России, или — вернее сказать — не России, а мира, преображенного русским ощущением святости. Перестав оглядываться на античное прошлое, на европейское Средневековье, на Воз-

рождение, он увидел, когда захотел заглянуть далеко в будущее, над землей русское солнце — русское, хоть и ставшее вселенским.

Маковский 1955: 297–298[19]

Кроме того, во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов Вяч. Иванов стремится интегрироваться в европейскую литературную и интеллектуальную жизнь. Выходят в свет на немецком языке брошюра поэта «Русская идея» (1930)[20], книга «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932)[21], статьи на немецком, французском и итальянском языках в журналах «Corona», «Hochland», «Vigile», «Il Convegno» и др. Параллельно печатается в переводах на европейские языки знаменитая «Переписка из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона: в 1926 году появляется немецкий перевод в журнале Мартина Бубера «Die Kreatur», в 1930-м — французский перевод в журнале «Vigile» (отдельное издание в 1931-м), в 1932-м — отдельное издание на итальянском языке, в 1933-м — испанский перевод в журнале «Revista de Occidente»[22].

Вяч. Иванов приступил к работе над Повестью в ночь с 27 на 28 сентября 1928 года (см.: Иванов — Шор 2001/3: 375). Он написал Книгу первую осенью 1928 года в Риме; над Книгой второй работал в Павии и закончил ее 16 июня 1929-го[23]. Первые шесть или десять глав Книги третьей были написаны в Павии в 1930–1932 годах. После переезда в Рим в 1934-м Вяч. Иванов работал с перерывами над главами 11–17 Книги третьей в 1936–1939 и в январе 1945 года (см.: Иванова 2002а: 300–301, № 3). Автограф Книги четвертой имеет авторские датировки с февраля по декабрь 1945 года (см.: Там же: 301, № 4). Автографы Книги пятой датируются периодом с 28 августа по сентябрь 1948 года (см.: Там же: 301, № 5, 6). По свидетельствам О.А. Шор и дочери поэта Л.В. Ивановой, Вяч. Иванов продолжал свой труд над произведением до последних дней жизни (см.: Иванов 1971–1987/1: 856; Иванова 1992: 287)[24].

О начале работы писателя над Повестью О.А. Шор рассказывает:

---

[19] Подробнее об этом см.: Бёрд 1997; Искржицкая 2003.

[20] В основу статьи «Die Russische Idee» (1930) лег выполненный Е.Д. Шором перевод на немецкий язык статьи Вяч. Иванова 1909 г. «О русской идее» (см.: Символ 2008: 85).

[21] В основе книги Вяч. Иванова о Достоевском лежат его статьи «Достоевский и роман-трагедия» (1914) и «Лик и личины России» (1917), которые были переработаны и расширены автором.

[22] См. описание переводных изданий «Переписки» в изд.: Иванов — Гершензон 2006: 168–171.

[23] См. описание рабочей тетради Вяч. Иванова с автографом двух первых глав Повести (см.: Иванова 2002а: 300, № 1).

[24] Подробнее о хронологии работы Вяч. Иванова над Повестью см. с. 257–261, 269–276 наст. изд.

В. И. любил горячее римское лето. <...> В 1928 г. он в Рим приехал после университетских экзаменов <...> Гуляя по террасе, мы много молчали, много говорили. В. И. все пытался сообщить что-то точное о мучившей его, не могущей родиться «поэме». Он знал уже: золотая стрела; она носит и кормит; имеет всякую власть; она в руках Светомира; готова служить; он не умеет, не смеет ей приказывать; уходит в монастырь; стрелу свою прячет в расщелину дуба. О дубе этом еще раньше были написаны стихи — добавочные, строки к песне царевича на «острой горе». Мастер, «кудесник» языка не умел найти словесной плоти для своих видений. Чего он только не испробовал — даже силлабический стих: не то, не то. Время летело. Лето кончилось.

Двадцать восьмого сентября утром В. И. сказал мне весело и смущенно: «Я начал писать». И прибавил после короткого молчания: «Это — проза». — «Проза?!» (До тех пор он не стихами писал только статьи и научные книги.) — «Да, проза особая, а все же проза; в этом-то и разгадка. Повесть о Светомире Царевиче рассказывает келейник... Сказанье старца-инока...» — «Того самого старца?» — «О, нет. Тот вершит судьбами царства. А этот просто записывает что видит и слышит». — «Летописец?» — «Пожалуй». В. И. задумался: «Может быть, он и не один... Но, что ж так говорить. Не лучше ли прочесть?» Он прочел написанное за ночь: две главки. Прочитанное меня поразило своей необычностью, показалось значительным, убедительным; язык с налетом старины, по-особому ритмичный, ни на чей язык не похожий. «Как хорошо!» В. И. улыбнулся: «Что Бог даст!»... <...>

В течение последнего месяца в Риме В. И. писал легко, в непрестанном радостном подъеме. К концу каникул оказалась готовой вся первая книга.

Дешарт 1971: 220–222

Вяч. Иванов завершает работу над Книгой первой Повести 16 июня 1929 года. Первоначально она включала 45 глав и объединяла тексты, которые позднее были разделены на первую и вторую книги. В письме к О.А. Шор от 19 июня 1929 года писатель рассказывал: «О себе: 16 июня в воскр<есенье> окончена и вписана в тетрадку 1-я Книга Ахинеи[25]. 45 глав. В 40-й сидень исцелен, в 43 выбран царем, в 45 — родился Светомир! Знаю, что эти преждевременные роды Вас испугают, но мать чувствует себя хорошо» (Иванов — Шор 2001/3: 373). Можно отметить, что работа над первыми двумя книгами Повести заняла около девяти месяцев (см. письмо Вяч. Иванова от 3 июля 1929 года на с. 196–197 наст. изд.). Работа же над следующими тремя растянулась в общей сложности на 19 лет!

---

[25] «Ахинея» — шутливое название Повести.

После 19 июня 1929 года О.А. Шор посылает Вяч. Иванову тетрадку, чтобы он «скорее начал бы вписывать в нее 2-ую часть[26]» (Иванов — Шор 2001/3: 375). Тем не менее работа над Книгой третьей у писателя явно не заладилась. Во всяком случае, в последующих письмах он ничего на эту тему не сообщает.

Можно предположить, что Вяч. Иванов планировал объединить два замысла, которые до этого были связаны друг с другом лишь отчасти или вовсе существовали раздельно. Это, во-первых, сюжет о Владаре и, во-вторых, о его сыне царевиче Светомире, причем о второй линии нам известно больше, чем о первой. Между тем хронологически рассказ о Владаре должен идти первым, и именно к его написанию и приступил Вяч. Иванов в 1928 году. Эта работа явно захватила писателя, он «писал легко, в непрестанном радостном подъеме» (см.: Дешарт 1971: 222). В первых двух книгах Повести Вяч. Иванов воплотил воспоминания о своем мистическом пути, о любви к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и ее дочери Вере, переживания своего духовного родства со св. Георгием Победоносцем и волками. Если первая сюжетная линия была почти полностью отражена в Повести, то вторая давалась автору с большим трудом. Возможно, это объясняется не нехваткой времени, а недоработкой самого замысла. Если Владарь и Горислава являлись подлинными героями, то образ Светомира вполне мог остаться схематичным. Паломничество и общение с праведниками и героями древности предполагало совсем другого читателя, нежели описание любовных страстей и трагических переживаний, которыми наполнено жизнеописание Владаря. В этом смысле мнение О.А. Шор и Д.В. Иванова о том, что поэт написал только незначительную часть своего сочинения, является заблуждением. Вяч. Иванов создал именно то произведение, какое он мог создать, оставаясь великим художником и мыслителем, и не написал того, что могло бы превратить его текст в собрание аллегорических эпизодов.

В процессе работы первые книги Повести разрослись и приобрели такое значение, какое, вероятно, не отводилось им в первоначальном замысле. Вяч. Иванов вдохновенно писал о пути Владаря к посвящению, его взаимоотношениях с Гориславой и Отрадой, включая в текст дорогие воспоминания о пережитом и наделяя героев чертами своих близких. Не случайно эта часть произведения была написана в краткие сроки и сразу после этого автор задумался о переводе ее на немецкий язык и частичной публикации. Первые две книги Повести и сегодня производят такое впечатление, как будто они созданы на одном дыхании.

В письме к О.А. Шор от 3 июля 1929 года поэт делится своими творческими планами:

> Прежде всего сердечно благодарю Вас за вторую тетрадку — дар, несомненно, преждевременный и наводящий на превратные мысли, а именно: не о второй книге Ахинеи, а о новой переделке первой. Впрочем, это не очередная забота, ибо не то вовсе теперь на уме. А Светомир-то, в самом деле, оказывается, родился через 9 месяцев, без 12 дней, по точному счету (но это, скорее, возвещение о его рождении; а к некоторым обстоятельствам оного автор еще вернется во 2-й книге, уже ему посвященной) <...>.
>
> Иванов — Шор 2001/3: 376

[26] Если исходить из последующего деления Повести на книги, речь идет о Книге третьей.

Речь идет о второй книге, которая впоследствии стала Книгой третьей. По-видимому, первоначальный план состоял в том, что главным героем этой части будет Светомир, однако в окончательном тексте протагонистом становится Владарь, а Светомир появляется только в отдельных эпизодах.

В письме к О.А. Шор из Давоса от 29 июля 1929 года Вяч. Иванов излагает свои размышления об образах Повести:

> Да, я думаю об Ахинее, но попытка проникнуть в ее ущелья и перевалы далеко не так легка и крылата, как наше путешествие. Пробираешься в густой туман, в облака, и из них вырисовываются чудовищные Hörner[27]. Как, напр<имер>, мое новейшее, глубоко огорчающее меня открытие, что Володарь должен чувствовать вражду к Светомиру (horrible dictu, und wie hässlich[28]), — *ревность*, — по тысяче причин, из коих ближайшая та, что сын разлучает его с Отрадой.
>
> Иванов — Шор 2001/3: 380.
> Курсив Вяч. Иванова.

В августе 1929 года поэт читает Повесть в Давосе Э.К. Метнеру. В письме к О.А. Шор от 12 августа 1929-го он описывает впечатление слушателя: «Последний в восторге от Ахинеи (это был с моей стороны опыт) <...>» (Иванов — Шор 2001/3: 382). Можно предположить, что особое внимание Э.К. Метнера должна была привлечь столь важная для произведения Вяч. Иванова и для самого Э.К. Метнера волчья тема.

В 1929-м, восьмого ноября, Вяч. Иванов сообщает из Павии О.А. Шор об отсутствии продвижения в работе над Повестью: «Светомир, в самом деле, должно быть, целуется со звездами, ибо пребывает в бессрочной отлучке» (Иванов — Шор 2001/3: 389).

В письме к Д.В. Иванову из Павии от 23 марта 1930 года писатель благодарит сына за ценные подарки:

[27] Горы (*нем.*).

[28] Страшно сказать (*лат.*); и как безобразно (*нем.*).

<...> Благодарю тебя за поздравление в письмеце милом, и за подарочки дорогие. Альбом старинной росписи церкви Св. Георгия в Ränzüns[29] — прелесть, и очень замечательная вещь. Я знаю, что ты думал, как полезны эти картины для моей Ахинеи: и ты не ошибся. И не только история св. Георгия, но и все другое — очень вдохновительно и мифологическими деталями изображенных легенд, и стилем. Сердечное тебе спасибо.

Иванов — Димитрий и Лидия 2008: 590–599

Хотя альбом, присланный Вяч. Иванову сыном, пока не найден, в настоящее время несомненно, что речь идет о церкви Св. Георгия, расположенной в кантоне Граубюнден (Graubünden) на юго-востоке Швейцарии неподалеку от деревни Rhäzüns[30]. Эта церковь, основанная в X веке, знаменита своими готическими фресками 14-го столетия. Показательно внимание поэта к визуальным образам и старинной иконографии, мифологическим мотивам росписей и их стилистическим особенностям. Вероятно, в процессе работы над Повестью Вяч. Иванов черпал вдохновение, рассматривая изображения, в которых запечатлелись легенды о св. Георгии Победоносце, Божьей Матери, земном рае и др.

В открытке от 25 августа 1930 года О.А. Шор неожиданно написала поэту, что ей открылась история жизни Светомира: «К тому же Светомир преследует. Всю биографию свою (неожиданную) рассказал Птице[31] до самого момента получения стрелы. Но об этом, пожалуй, лучше не говорить до встречи. Впрочем, как хотите» (Иванов — Шор 2001/3: 419, примеч. 1).

В ответном письме из Давоса от 29 августа 1930-го писатель отмечает:

Несравненный друг мой, я очень взволнован Вашим таинственным сообщением, что Вам открылось то, что от меня спрятано за непроницаемыми завесами, — вся история Светомирова отрочества. Я долго колебался просить Вас, чтобы Вы мне рассказали это в письме, — вполне оценивая все преимущества устной передачи с сопровождающими ее расспросами и неожиданными дополнениями и разъяснениями; но почему-то мне кажется, несмотря на доводы рассудка и сентиментальности, прелесть перешептаться об этом с глазу на глаз, — и вовсе не от чрезмерного нетерпения, которого поощрять не следует, — что я должен быть осведомлен об этом теперь же и что плодотворнее выносить это до нашего свидания в душе. Поэтому подаю свой голос за немедленное сообщение; но Вы властны решить вопрос, как Вам внушит та сила, которая дает Вам видеть «meine schwankenden Gestalten»[32] за меня.

Иванов — Шор 2001/3: 418

[29] При публикации данного письма в 2008 году это слово было прочитано как Runjung, что помешало идентифицировать церковь, о которой пишет Вяч. Иванов. При цитировании письма в наст. изд. слово заменено в соответствии с рукописью.

[30] Приносим благодарность Герде Панофской за расшифровку названия деревни Ränzüns.

[31] Птица — еще одно домашнее прозвище О.А. Шор.

Приведенная переписка очень важна для истории создания Повести и ее «продолжения». Она выразительно рисует творческие взаимоотношения между О.А. Шор и Вяч. Ивановым. Во-первых, из письма поэта видно, что у него на тот момент не было четкого плана продолжения произведения. Во-вторых, О.А. Шор считала возможным сочинять сюжетные ходы Повести за ее автора. В-третьих, возникает вопрос: не записала ли она в своем «продолжении» ту самую версию «Светомирова отрочества», которую сама же сочинила в 1930 году? В таком случае данный текст может оказаться еще дальше от замыслов Вяч. Иванова, чем это представляется сегодня.

Не позднее июня 1930 года писатель начинает прорабатывать вопрос о переводе Книги первой (вернее, двух первых книг) Повести на немецкий язык. Он пишет об этом 10 июня 1930 года Бернту фон Гейзелеру, сыну Генри фон Гейзелера, переводчика на немецкий язык «Тантала» Вяч. Иванова:

Нижеследующее я говорю доверительно, лишь Вам одному. До последнего времени я не писал художественной прозы. Однако полтора года тому назад я затеял большое поэтическое произведение в прозе, которое должно состоять по меньшей мере из 9 книг (*libros*) — каждая по 60–70 страниц, — из коих сейчас готова лишь первая. Но поскольку этот фрагмент сам по себе закончен (это, собственно, рассказ о том, как отец моего героя достиг высшей власти в некоей сказочной стране, символически изображающей Россию), то я мог бы, пожалуй, решиться опубликовать его в достойном немецком переводе в качестве образца как по форме, так и по содержанию абсолютно нового, стилизованного под Средневековье романа-легенды и жития святых. Райнхольду фон Вальтеру, возможно, по плечу эта задача: художественно постичь и передать старинный стиль повествования, в которое вплетено также некоторое количество мистических песен в народном тоне. Я настаиваю на том, что старинная патина должна остаться, что язык перевода должен отличаться от современного весьма и весьма — причем не меньше чем в оригинале. Эта задача необычайно сложна, и

[32] Мои изменчивые образы (*нем.*). Цитата из «Посвящения» к «Фаусту» Гёте: «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten <...>» («Вы снова здесь, изменчивые тени <...>», *пер. Б. Пастернака* (у Гёте — букв. «образы»)).

практически такое предложение, пожалуй, неисполнимо... Так что — *конфиденциально*!

Поджи 2008: 692—693; оригинал — на нем. языке.
Курсив Вяч. Иванова.

В письме к Л.В. Ивановой из Павии от 17 июня 1931 года Вяч. Иванов сообщает о новых планах относительно немецкого перевода Книги первой Повести. Такой перевод предложил осуществить издатель Г. Штейнер[33] для журнала «Corona»:

> Потом он (Г. Штейнер. — *Ред.*) очень соблазняет дать им, за повышенную плату (чтобы заработать тысячи две марок сразу) 1-ую книгу Ахинеи, и мне кажется, что это хорошо, п<отому> ч<то> в немецкой одежде она будет почти столь же недоступна и неизвестна русским, как если бы лежала в ящике моего письменного стола, и, кроме того, будущая русская публикация будет уже благодаря форме абсолютною новинкой. Прибавь еще, что им нужны фрагменты, а не целое, а именно одна 1-ая книга их лучше всего устраивает, но отнюдь не исключает и продолжения у них же. Я разрешил Штейнеру переговорить об этом с Метнером, кот<орый> понимает мои стихи и худож<ественные> намерения и владеет нем<ецким> языком, м<ожет> б<ыть>, лучше других, ничего не смыслящих в старом стиле. Друг Нашимбене[34], идеалист, однако — и это можно было угадать — против первого опубликования моей поэмы, о кот<орой> почему-то высокого мнения, по-немецки — ему кажется это профанацией, а деньги он презирает столько же, сколько я их жажду, как кислорода для нашей подводной лодки, путешествующей под полярными льдами.

Избранная переписка 2008: 607[35].

В 1934 году писатель вынужден был по возрасту оставить работу в Колледжо Борромео и возвратиться в Рим. После неудачи с получением должности профессора во Флорентийском университете он назначен профессором церковнославянского языка в русской католической семинарии Руссикум, а позднее — профессором старославянской грамматики в Папском Восточном институте: «<...> Иванов начал читать курс церковнославянского языка в Руссикуме 11 февраля

[33] Штейнер Герберт (1892—1966) — редактор швейцарского журнала «Corona», который в 1933—1943 годах выходил в Мюнхене.

[34] Имеется в виду Э.К. Метнер (1872—1936).

[35] Проект немецкого перевода был осуществлен только частично, см. об этом: Wachtel 1995: 275—282; текст опубликован в изд.: Wachtel 1995: 283—300.

1936 г., и его лекции проходили регулярно по вторникам. Его занятия посещали почти все студенты Руссикума» (Поджи 2008: 646). По свидетельству дочери поэта Лидии, «лекции в Восточном институте давали повод читать священные тексты, возвращаться к любимому церковнославянскому языку — что было и плодотворно для никогда не забываемого “Светомира”» (Иванова 1992: 249).

Ректор Руссикума о. Филипп де Режис направляет 20 января 1938 года Папе Пию XI письмо с рассказом о работе Вяч. Иванова над Повестью и просьбой поддержать писателя материально, чтобы дать ему возможность завершить свое сочинение:

> Святейший Отец,
> По зрелом размышлении, я дерзаю представить Вашему святейшеству следующее дело. Речь идет о русском изгнаннике, профессоре Вячеславе Иванове, весьма известной фигуре в русской литературе, о котором известнейший философ Николай Бердяев написал, что «это наиболее знаковая личность русской культуры последнего века, а возможно, и всей русской культуры в целом». Convegno посвятил ему целый выпуск. Он обратился в католичество и пребывает практикующим католиком уже 15 лет[36]. Он является итальянским гражданином уже два года. Преподавал в университете Павии. Когда ему исполнился 71 год, он переехал в Рим, где живет в данный момент с дочерью на улице Монте Тарпео, 61, в очень скромных условиях. Он бы хотел опубликовать произведение, в котором в форме повести или романа он раскрыл бы свою концепцию жизни и религии и которое стало бы его духовным завещанием, проистекающим из автобиографии. Труд, замышляемый Ивановым, должен иметь большой отклик в истории русской мысли и был бы связан с книгой Владимира Соловьева La Russie et l’Église universelle («Россия и Вселенская Церковь»). На данный момент проф. Иванов делает все, чтобы исполнить свое намерение, но, с другой стороны, существует препятствие, из-за которого его осуществление весьма затруднительно, а именно отсутствие длительной и постоянной финансовой поддержки, типа пенсии, что смогло бы освободить его от всей другой работы по переводу и редактированию, которую в настоящий момент он вынужден выполнять для поддержания своего существования. Помощь, которую он искал в различных местах, оказалась незначительной и кратковременной. Осмеливаюсь поэтому представить Вашему Святейшеству свой проект, в убеждении, что речь идет о

[36] Более точное число лет — 12 — приведено ниже в письме самого Вяч. Иванова к Папе (см. с. 202 наст. изд.).

большом апостольском деле. Я предложил бы предоставить проф. Иванову материальное вспомоществование из «фонда Руссикума», поскольку он уже получает от меня гонорар (30 лир за одну лекцию), как преподаватель славянского языка моим студентам. Преподавательский труд, который он ведет, оправдывал бы эту помощь в виде постоянного пособия, указанного выше. Если есть возможность повысить ежемесячную сумму, получаемую Руссикумом, с 21. 250 лир до 22. 000 лир, то разница (750 лир), была бы предоставлена проф. Иванову.

Поджи 2008: 693–694; оригинал — на итал. языке.

Кардинал Доменико Мариани, стоявший во главе управления финансами Святого Престола, сообщает Филиппу де Режису 7 февраля 1938 года о выделении Вяч. Иванову ежемесячного пособия в размере 750 лир (см.: Поджи 2008: 693–694). В письме к Папе Римскому от 19 февраля 1938-го поэт благодарит за предоставление ему финансовой поддержки:

До меня дошло известие, что Ваше Святейшество удостоили меня ежемесячным пособием, обеспечив мне таким образом возможность посвятить мои последние годы продолжению и заключению работы над обширным трудом, задуманным мною как духовное завещание поэта и христианского мыслителя с намерением воззвать к замутненной и опустошенной душе русского народа, которая ingemiscit et parturit usque adhuc («стенает и мучится доныне»: Рим 8, 22), прося ее обрести незапятнанный взгляд на свое истинное положение и судьбу в Церкви Христовой.

Я расцениваю отеческую милость Вашего Святейшества, что невыразимым образом животворит и укрепляет мою душу, как заповедь не медлить, а следовать с еще большим рвением по пути моего досточтимого учителя Владимира Соловьева, чье личное побуждение направило меня к акту исповедания католической веры, совершенному мной двенадцать лет тому назад в базилике Святого Петра перед алтарем Святого Вячеслава, покровителя моего и всего славянского народа.

Поджи 2008: 695–696; оригинал — на итал. языке.

В 1944 году поэт создает цикл «Римский дневник». В стихотворении «Ликуя, топчет спелый грозд...», помеченном 8 сентября, фигурирует ста́рина «про то, как Владарь | Землей владал» (Иванов 1995а/2: 191). В завершающем же сборник стихотворении, датированном 31 декабря 1944 года («Прощай, лирический мой год!»), Вяч. Иванов пишет о желании вернуться от стихов к «баснословию», то есть к работе над Повестью (см.: Иванов 1995а/2: 206). В своих воспоминаниях Л.В. Иванова рассказывает:

Заключительные стихи Римского дневника вводят нас в последний период жизни Вячеслава, период, посвященный роману «Светомир».

О чем задумалася Дева,
Главой склонившись на копье,
Пойдем гадать. Ее запева
Ждет баснословие твое.

Все мысли, вся работа до самого последнего дня жизни были направлены на «Повесть о Светомире царевиче». Наряду с Вячеславом, им была всецело поглощена и жила им также и Ольга Александровна. Вячеслав охотно разговаривал о своем романе также с близкими и даже далекими друзьями. Он читал отрывки его, делился своими творческими трудностями. По правде сказать, у него в Риме было очень мало русских друзей, проявляющих искренний интерес к его литературной деятельности и способных следовать за ее ходом; однако он ценил и уважал тех, кого ему посылала судьба. Таким образом, часто устраивались интимные чтения, где два или три слушателя посвящались в последние приключения романа. <...> Последний эпизод романа, написанный самим Вячеславом, — это письмо Иоанна Пресвитера. Здесь, однако, дело шло не о простом, естественном языке, а о форме языка совершенно своеобразной, над которой Вячеслав долго, упорно работал. Это был труд его самых последних дней.

Иванова 1992: 287

О.А. Шор отмечает хронологическую соотнесенность работы над Повестью с военными событиями:

В. И. продолжал писать роман и в Павии, и после 1934 г. в Риме. Писал медленно; не торопил, не вызывал видений грядущих событий в жизни Светомира; записывал, когда они представали. К началу войны были окончены три книги. Война прервала писание романа: ведь весь он был сказанием о «грешнице святой», имя которой не упомянуто — о России. В конце 1944 г. исход войны был уже ясно виден. И Муза призывает поэта обратиться от стихов к роману, который она называет «баснословием».

В 1945 г. В. И. опять стал писать «Повесть» и писал ее тихо-тихо до последнего дня своей жизни. Он успел закончить книги — четвертую и пятую, но всего романа кончить не успел.

Дешарт 1971: 222

О последних днях писателя его дочь Лидия вспоминала: «Вячеслав лежал в постели, тихий, гармоничный, всем интересовался, на все радовался, с полной ясностью, даже, может быть, с повышенной деятельностью ума, и работал до последнего дня над своим Светомиром» (Иванова 1992: 296).

Планы продолжения Повести

Согласно первоначальному замыслу Вяч. Иванова, Повесть должна была состоять то ли из девяти, то ли из двенадцати книг. Данные об этом, к сожалению, разнятся. В письме к Б. фон Гейзелеру от 10 июня 1930 года поэт писал, что его произведение будет состоять «по меньшей мере из 9 книг» (см.: Поджи 2008: 692). Однако О.А. Шор в примечаниях к брюссельскому собранию сочинений Вяч. Иванова сообщает о планах писателя, согласно которым его Повесть «будет состоять из двенадцати книг» (см.: Иванов 1971–1987/1: 854). Свидетельство автора, конечно, заслуживает большего доверия, однако и сообщением О.А. Шор не следует пренебрегать, поскольку она много лет была в контакте с поэтом и, несомненно, зафиксировала то, что от него самого услышала. Расхождение в числах может быть обусловлено тем, что планы писателя менялись с течением времени. Нужно также учитывать, что при работе над рукописью границы между книгами сдвигались. Отметим, кстати, что «продолжение», написанное О.А. Шор, включает четыре книги: таким образом, сама Повесть и ее «продолжение» в сумме составляют девять книг, что соответствует числу, указанному Вяч. Ивановым в его письме 1930 года.

В набросках и планах Повести, обнаруженных О.Л. Фетисенко в Римском архиве Вяч. Иванова и публикуемых в настоящем издании, есть отдельные заметки, относящиеся к книгам, которые автор не успел написать. Один из планов заканчивается эпизодами, о которых говорится в шестой книге, созданной О.А. Шор: «Падение Светомира с башни. Чудесное восстановление и тайное бегство» (с. 162 наст. изд.). Аналогичным образом в другом наброске за Посланием Иоанна Пресвитера следует: «Уход Свет<омира>» (с. 164 наст. изд.). Общая логика сюжета подсказывает, что Светомир отправится с Хорсом в страну пресвитера Иоанна и пройдет там некий путь посвящения. По дороге ему и его спутникам придется преодолеть реку Фисон и выдержать какие-то испытания. В ряде эпизодов произведения встречаются предсказания будущих событий: например, говорится, что сын Владаря будет лежать в хрустальном гробу и его еще при жизни будут считать мертвым.

Важнейший источник для реконструкции замысла Вяч. Иванова – книга С.К. Маковского «Портреты современников» (1955). С.К. Маковский (1877–1962), известный поэт, искусствовед и издатель, посетил Рим уже после смерти Вяч. Иванова. В своем очерке о поэте он довольно подробно пересказал Повесть,

которая еще не была опубликована к тому времени, и изложил со слов О.А. Шор замыслы автора. В частности, С.К. Маковский сообщает:

> О.А. Шор прочла мне по рукописи этой повести почти всё, что успел написать Вячеслав Иванов, и рассказала вкратце со слов самого автора то, что должно было следовать, но чего он написать не успел. К сожалению, не успел он очень многого! Написано, как я уже упомянул, меньше половины всего задуманного произведения. А именно: повесть по замыслу состоит из двух частей более или менее одинакового размера, но второй части не написано вовсе, даже набросков, схемы от руки автора не сохранилось. Первая часть закончена приблизительно на три четверти: в конце ее важнейшие для хода действия эпизоды остались проектом. Однако О.А. Шор знает отчетливо, что и как должно было следовать, – всё доверенное ей поэтом она для памяти записывала. Вячеслав Иванов знал, что сил не хватит ему на литературную обработку замысла, оттого и посвящал в него своего друга с тем, чтобы когда-нибудь О.А. Шор схематически изложила окончание «Повести».
>
> Ольга Александровна, дочитав мне последние страницы рукописи, рассказала остальное так, как слышала из уст поэта; о «второй части» сообщила скорее только общий план, – подробности, видимо, не были еще выработаны автором. Но не в них дело.
>
> Маковский 1955: 298–299

В рассказе С.К. Маковского привлекают внимание сведения о том, что «повесть по замыслу состоит из двух частей более или менее одинакового размера» (Там же: 298); при этом вторая часть существовала скорее в виде общего плана, без детализированной проработки. Автор очерка не знает о каких-либо рукописных материалах Вяч. Иванова, относящихся к «продолжению» Повести, однако сообщает, что О.А. Шор «всё доверенное ей поэтом <...> для памяти записывала» (Там же: 298). Он говорит о желании писателя, «чтобы когда-нибудь О.А. Шор схематически изложила окончание “Повести”» (Там же: 298), но не пишет ни о том, что поэт завещал О.А. Шор завершить Повесть, ни о том, что Ольга Александровна предполагала создать ее «продолжение». Продолжим цитировать С.К. Маковского:

> «Повесть» предстояла Вячеславу Иванову как органическое целое. Сам поэт считал «Светомира» *трудом всей своей жизни*, – отдельные места (как, например, песенка героини в первой части) сложились еще двадцать лет тому; уже тогда рисовалась ему, хоть и смутно, последовательность событий, и если повесть не родилась раньше, то потому

лишь, что Вячеслав Иванов долго не находил *формы выражения*. Пробовал — и стихами с рифмой, и белым стихом... Всё казалось не то. Лишь за рубежом обрел он желанную форму: прозаический сказ в духе, пожалуй, летописного сказания, с разделением на неравной длины строфы, которые соединяются в главы.

По наитию вдруг сложилось начало, и тогда всё дальнейшее естественно улеглось в слова <...>[37]

Язык этого сказа — как видите — нельзя сказать, чтобы былинным был, народно-сказочным или церковным, или подражал языку какого-нибудь из памятников русской письменности. Нет — это язык свой, ивановский, хоть и народнозвучащий, с архаизмами, сокращенными прилагательными, иногда с богослужебными славянизмами. Встречаются в нем и «аки» и «токмо», и «допреж», и «зане» и пр., но тут колорит придают не столько эти ушедшие из обычного словаря слова и словечки, сколько ритмическая интонация фразы, по большей части короткой и с дактилическим окончанием, с прилагательными, следующими за существительными, с баюкающей, почти стихотворной певучестью.

Автор захотел придать этой напевной (сказительной) прозе строфной вид; каждая фраза начинается с красной строки и строфы снабжены (в последней редакции) порядковым номером, как в Евангелии. Невольно после каждой такой строфы останавливаешься, чтобы взять дыхание для следующей. Очень напомнило мне превосходное чтение О.А. Шор напевную речь сказительницы былин, которую мне довелось слышать еще в России, хотя в «Светомире» строфа поет едва-едва, а в былинном сказании одна и та же простейшая каденция ритмически однообразно повторяется с начала до конца. Впрочем, «Светомира» можно читать и как написанную в строку прозу...

«Повесть о Светомире царевиче» — рассказанный миф о некоем государстве, о судьбе его княжеской династии в лице — сначала родителей Серафима-Светомира, затем его самого: в детстве, до первой его мнимой смерти и мнимого воскресения; затем — в годы отрочества, когда он был взят на воспитание некиим пресвитером Индийской земли Иоанном, после чего скитался по миру до второй, подлинной, смерти, и наконец должен был он, Серафим-Светомир, просиять после второго, чудесного воскресения в образе Царь-Девицы и утвердить свое благословенное царствие.

[37] Здесь С.К. Маковский приводит первую главку Повести (см.: I.1.1–8), затем продолжает свои рассуждения.

Имена героев, — многие сочинены по образу сказочно-народных, как Володарь, Боривой, Горислава, Отрада, Радослава и т. д., — придают рассказу характер традиционно-русский. Это впечатление еще усиливается от ссылок на всякие события, войны с нехристями, княжеские междоусобия, как бы заимствованные из «Слова о полку Игореве» или из житий святых и занесенных к нам легенд, приобретших фольклорный отпечаток. Но о каком-либо уподоблении этого мифического царства и его судеб — России, русской истории, говорить не приходится. Русская вековая действительность — только смутный, художественно-вдохновительный фон, хотя местами и чудятся намеки на русскую, очень русскую историческую канву. Смысл повести — общечеловеческий и, может быть, эсхатологический, насколько дозволено судить о «Светомире», не имея перед глазами всего текста. Его символика охватывает будущность всего человечества на апокалиптической «новой земле». Католик Вячеслав Иванов в конце своего религиозного пути пришел к социальной мистике Иоанновых пророчеств, небо низошло на землю и воскресший из мертвых Светомир, сказочный Царь-Девица, — завершение сложного универсального мифа.

Вот развитие этого мифа <...>.

Маковский 1955: 299–301. Курсив С.К. Маковского

Далее на четырех с половиной страницах С.К. Маковский пересказывает содержание пяти книг Повести и, наконец, доходит до того места, на котором Вяч. Иванов остановился:

Рукопись обрывается на середине Иоаннова письма. Остальное вспоминаю со слов О.А. Шор, поневоле очень кратко, может быть и не всегда с безукоризненной точностью.

Еще до коронования Владаря прекрасная Зоя стала кружить ему голову, в то время как Отрада, тяжко переживавшая убожество сына-царевича, после смерти второго ребенка (дочери) всё больше думала о монастыре.

Во время процессии коронования Светомир стоял у окна терема, рядом с неразлучным молочным братом своим, и, узнав во главе шествия мать, бросился к ней навстречу через окно, не сознавая разделявшего их пространства. С ним, удерживая его от падения, упал и брат-охранитель, прикрыв его своим телом. Оба остались недвижимыми на земле, но погиб-то лишь молочный брат; сам Светомир, на него упавши, только надолго чувств лишился; все подумали, однако, что убиты оба, и обоих похоронили. Один Парфений-монах догадался, что Светомир жив, и вывел его ночью из гробницы. А Серафим не только

ожил, но от толчка при падении вдруг выправился и всё разуметь стал. И решил Парфений отправить мальчика на обучение к мудрейшему Иоанну, в далекой Индии Пресвитеру.

В рукописном виде имеется еще длинное письмо этого баснословного пресвитера к Владарю, с очень примечательными мудрствованиями, написанное в духе старинных русских грамот, но о жизни Серафима под опекой этого таинственного иерарха ни слова не сохранилось.

По рассказу О.А. Шор, — после отправления сына в Индию Отрада сейчас же постриглась и вскоре умерла, а Владарь много позднее вступил в брак с молодой вдовой, бывшей византийской царицей Зоей, и продолжал свои ратные подвиги. Время шло, рос Серафим и мужал вдали от родины, и было ему в некий день свыше указано вернуться и ждать у родной криницы свершения Егорьева чуда. Так и сделал Серафим, и когда пришел к кринице, ударила в дерево молния и расщепила его и повалила, а на месте его увидел царевич Егорьеву стрелу. Владение этой стрелой давало ему всемогущество: что ни пожелает — всё исполнится. Но одновременно получил он и пророческий дар — видеть заранее всё, что за собой повлечет осуществление желания. И каждый раз так горестны были, в этих пророческих образах, последствия осуществленных желаний, что никак не мог Серафим согласиться ни с одним.

Тогда началось его странствование по белу свету и встречи в заморских далях с разными мудрецами. Всех пытал он о том, как использовать ему великую власть от стрелы Егория? Никто ответить не мог. Скорбел Серафим и продолжал свое странствие, пока не нашел убежища в монастыре уединенном на острой, у моря, горе и стал там жить послушником... И вот видит однажды: по морю ладья плывет, Богородица в лодке стоит, а за Нею видны Горислава и Отрада. Тут умилился Серафим и, обратясь к Богородице с горячей молитвой, отдал Ей в руки стрелу Егория. Но стрела была поручена Егорием ему, Серафиму-Светомиру, и не вправе был он отдать ее самовольно никому, ниже самой Царице Небесной. И, оставшись на земле без всякой воли и силы, он умер — на сей раз уж настоящей смертью и в хрустальном гробу положен был в храме (о чем и пророчествовала колыбельная Отрады).

Но и эта вторая смерть оказалась не окончательной. Воскрес Серафим-Светомир — в преображенном виде, в образе Царь-Девицы, владыки праведного, умудренного ведением потустороннего мира, и просияло его государствование на очищенной от зла земле...

Мне представляется, что самым увлекательным в этих ненаписанных главах оказался бы рассказ о встречах Светомира с мудрецами, в поисках случая сказать, пользуясь всемогуществом стрелы Егория: да будет так! Ведь это почти тема Фауста: «Остановись, мгновение!» Что касается заключительной части, то, вероятно, она вылилась бы в попытку символического описания того «рая на земле», который в конечном счете является осуществлением социальной мечты не только в безбожном, но и в мистическом «плане».

Маковский 1955: 305–307

В заключительной части своего очерка автор размышляет об идее «Тысячелетнего царства» и образе Царь-Девицы, привлекая стихотворение Я.П. Полонского «Царь-Девица» и комментарии к нему В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. В частности, С.К. Маковский отмечает:

Что касается самого образа Царь-Девицы — то это вопрос сложный, требующий для своего выяснения исторического, филологического и философского углубления, со ссылками на теоретические труды Вячеслава Иванова, — их я не касаюсь. Во всяком случае, между понятием «вечной женственности» у Гёте и хотя бы Владимира Соловьева — разница существенная. К кому из них ближе Вячеслав Иванов? <...> Вячеслав Иванов, мне думается, только конкретизировал это мистическое понятие, придав Царь-Девице образ Правителя на преображенной земле.

Маковский 1955: 308–310

В приведенных фрагментах наиболее ценный характер имеет изложение сюжета той части Повести, которую не удалось написать Вяч. Иванову. При этом мы узнаем, что ни о жизни Светомира при дворе пресвитера Иоанна, ни о его беседах в царстве мертвых, по-видимому, не сохранилось каких-либо ясных указаний автора. Таким образом, можно предположить, что эти обширные эпизоды «продолжения» являются плодом творчества самой О.А. Шор.

Рассказ о мнимой смерти Светомира и его путешествии в царство пресвитера Иоанна, обретении золотой стрелы, жизни в монастыре и сне в хрустальном гробу соответствует «продолжению» О.А. Шор. Однако читатель узнает и о том, что должно было последовать дальше. «Продолжение», написанное Ольгой Александровной, завершается тем, что Царь-Девица пробуждает Светомира ото сна: он встает из хрустального гроба и видит, что в руках у него золотая стрела; герой приказывает стреле отнести его в родную сторону; прибыв на место, он встречает апостола Иоанна, который его благословляет, и св. Георгия, дающего ему белого коня.

В версии С.К. Маковского, ситуация рисуется по-другому: «<...> небо низошло на землю и воскресший из мертвых Светомир, сказочный Царь-Девица, —

завершение сложного универсального мифа» (Там же: 301); «Воскрес Серафим-Светомир — в преображенном виде, в образе Царь-Девицы» (Там же: 307); Вячеслав Иванов придал «Царь-Девице образ Правителя на преображенной земле» (Там же: 310). Такое развитие событий ранее было предсказано в Повести Симоном Хорсом (см.: III.10.16).

Таким образом, очерк о Вяч. Иванове дает нам возможность оценить замысел писателя не на основе «продолжения» О.А. Шор, в котором все-таки многое додумано, а в версии, более приближенной к планам автора.

Ольга Александровна полагала, что, дописывая Повесть, она выполняет предсмертную волю поэта. О своем последнем разговоре с ним и последующей работе над «продолжением» она рассказала во введении к первому тому брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова:

> За два часа до смерти он сказал мне: «Спаси моего Светомира». — «Что это значит?» — «Допиши сказание». Я ужаснулась: — «Этого я не могу, не умею». Он смотрел на меня строго, почти сурово: — «Допиши. Ты все знаешь. Я помогу». Он вздохнул. Помолчал. «Спаси моего Светомира». И больше ничего не сказал...
>
> Я собрала все, им написанное, все разбросанные листочки, все зачеркнутые страницы. Изучила источники, о которых он хотя бы вскользь упоминал. Через три года начала писать. Первая трудность: язык. Но он точно предвидел: форма летописи подсказывала решение: другой век, другой летописец. Под язык В. И. подделываться было бы совершенно нелепо и невозможно. Он помогал. Через пятнадцать лет я, наконец, «сказанье» дописала. Приказ исполнила. Спасла ли Светомира? Кто себе судья?
>
> Дешарт 1971: 222–223

По словам О.А. Шор, существовали какие-то записи поэта, относящиеся к тем книгам Повести, которые сам он не успел написать. К сожалению, эти материалы до сих пор не обнаружены. Архив О.А. Шор, хранящийся в Римском архиве Вяч. Иванова, в настоящее время находится в стадии обработки; не исключено, что упоминаемые наброски еще будут найдены в будущем.

Вполне вероятно, что Вяч. Иванов предполагал являться своей собеседнице после смерти и помогать ей записывать Повесть, как некогда покойная Л.Д. Зиновьева-Аннибал якобы представала перед ним и диктовала тексты, которые он записывал посредством автоматического письма[38]. Слова поэта, переданные О.А. Шор: «Я помогу!», явно соотносятся с ее собственными: «Он помогал». Д.В. Иванов сообщает: «Смерть с любимыми ее (О.А. Шор. — *А.Т.*) не разделяла; с усопшими духовного общения не теряла, верила в их присутствие и помощь» (Иванов 1979: 692).

[38] См. об этом: Обатнин 2001; Титаренко 2007.

Среди материалов Римского архива Вяч. Иванова сохранилось письмо О.А. Шор к Д. и Л. Ивановым, отосланное из Рима 26 августа 1967 года. В этом ценном документе, который публикуется в настоящем издании впервые, содержатся важные подробности, касающиеся интересующего нас эпизода:[39]

> Было это 16 июля после 12 часов. Постель Пуфи[40] стояла еще на обычном месте возле стены. Я к нему подошла; он смотрел куда-то вдаль и, не глядя на меня, сказал: «Много мне нужно сказать тебе». Я ждала, но он молчал. Потом стал смотреть на меня, точно даже всматриваться, и сказал: «Спаси моего Светомира».
>
> — Что это значит?
>
> — Допиши роман, не смей печатать его, не дописав.
>
> — Пуфи! Этого я не умею, не смею.
>
> Лицо его было строго, почти сурово; вдруг что-то, какая-то полуулыбка, что-то милое, детское, почти шаловливое его осветило: «Не бойся, я тебе помогу».
>
> Кто-то вошел в комнату. Мы стали его устраивать, передвинули постель ближе к воздуху и свету. Он молчал. И, помните, пред самой смертью в три часа пополудни сказал: «Откройте окно; душно»...
>
> Три ночи, что я провела с ним, я изо всех сил старалась припомнить и скорее записать все его планы, предположения, намеки насчет будущего в романе, судьбы героев, воспитания Светомира. Он сам еще многого не знал. Было целых три ночи, потому что, как Вы помните, из-за каких-то технических задержек и Воскресенья, его хоронили 19 июля, в тот самый час, в который мы с ним за шесть лет до того из нашего окна смотрели на первую бомбардировку Рима, — Верано, когда бомбою разрушена та самая могила, в которую через шесть лет его опустили.
>
> Три года — ничего. Я не только не знала, что писать, но не могла себя заставить перечитать написанное Пуфенькой.
>
> Пуфи сдержал свое обещание: когда я начала писать, он стал мне помогать, и в малом, и в большом. Стрелу и грозу на кладбище Вы помните. Было еще много другого...
>
> <...> Неужели Вы могли бы хотя бы отдаленно предположить, что я посмела бы подумать об окончании Пуфиного творения, если б не имела от него не во сне, а наяву прямого, строгого приказа?

[39] Благодарим А.Б. Шишкина за предоставление данного текста.

[40] Пуфи — домашнее прозвище Вяч. Иванова.

Но Пуфи сказал: «Спаси моего Светомира». У меня теперь мучительное, дикое сомнение: спасла или погубила? Степун говорит: «Как Вы ухитрились? Он бегает, растет, совсем живой!» Так ли это? Вот главный вопрос к Вам. Всюду я педантично в отношении идей следовала высказываньям Пуфи. Уверена, что додуманное мною — в его духе. О св. Николае он ничего не говорил. Но тут у меня нет сомнений. Я следую Житию, подчеркиваю только приказ свыше служить людям на земле. Это Пуфи, наверное, принял бы. О чем мы с ним никогда не говорили — это о Моисее. Сие есть Птичья додумена (*так*!). Но мне чудится, что и это совсем в его духе. Вот это второй вопрос к Вам. Третий: не длинна ли девятая книга? Та часть, где Светомир спит. Если найдете возможным сократить философскую часть так, чтобы от сокращений она не перестала быть понятной, «более длинной от укороченья», то скажите, что там лишнее. Это главное. А затем язык и всё прочее. Очень важно то, что не доходит до читателя; об этом я не могу спрашивать, т.к. этого не вижу, иначе исправила бы сама.

РАИ. Оп. 2. К. 2. П. 27. Л. 7–15

Анализ содержания Повести, очерка С.К. Маковского и «продолжения», написанного О.А. Шор, позволяет составить представление об общем замысле Вяч. Иванова, но мало дает для понимания именно первых пяти книг, созданных самим писателем. Следуя по стопам С.С. Аверинцева, мы полагаем вполне возможной публикацию Повести без ее «продолжения». Кроме того, издание данного текста в серии «Литературные памятники» было бы совершенно неуместно: если сама Повесть представляет собой выдающееся произведение, художественные достоинства которого вряд ли могут быть оспорены, то «продолжение», принадлежащее перу О.А. Шор, не выдерживает критики с художественной точки зрения и представляет интерес исключительно как один из источников для реконструкции замысла поэта. В то же время в тексте Ольги Александровны содержатся ценные указания на символическое содержание отдельных образов, связанных с гностико-каббалистическим пластом текста: О.А. Шор расшифровывает и проясняет некоторые намеки, рассеянные в произведении и рассчитанные на эрудированного знатока, но не всегда понятные обычному читателю.

С.С. Аверинцев обратил внимание на наличие определенных параллелей между Повестью и романом Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген» и высказал предположение, что такому «знатоку и любителю Новалиса сознательно или бессознательно припоминалось, как друзья немецкого романтика посмертно издали его “Гейнриха фон Офтердингена”, приложив перечень тем, которые по его замыслу должны были последовать» (Аверинцев 2002а: 119).

Как известно, роман Новалиса состоит из двух частей; первая из них («Ожидание») была полностью написана автором, а вторая («Свершения») — только

начата. О том, каким был замысел писателя, известно из краткого пересказа другого немецкого романтика, Людвига Тика. Быть может, желание Вяч. Иванова заключалось в том, чтобы О.А. Шор сделала для его Повести то же, что осуществил Людвиг Тик для произведения Новалиса, то есть дала бы краткое изложение авторского замысла и тем самым сохранила бы его для потомков. Даже если Ольга Александровна передала буквально последние слова поэта, есть сомнения, что, обращаясь к ней с просьбой «дописать роман» (см. с. 211 наст. изд.), он предлагал ей заняться сочинением обширного произведения, додумывая новые сюжетные ходы и новых персонажей.

Текст, созданный Вяч. Ивановым, имеет открытый финал. Вовсе не обязательно, чтобы все намеченные в нем линии получили продолжение, все пророчества сбылись и все концы связались друг с другом. Подобная открытая структура, которая может домысливаться читателем на основе общей логики развития сюжета, характера конфликтов и отдельных намеков, имеющихся в тексте, не менее привлекательна, чем тот вариант «продолжения», что написала О.А. Шор. В качестве параллели можно привести другие литературные произведения, которые не имеют сюжетного завершения, но при этом воспринимаются как вполне самодостаточные, например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина или первый том «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

Сошлемся на сходные наблюдения Томаса Венцловы:

> Мифические символы в «Повести», постоянно вступая в новые и новые связи, создают бесконечно меняющийся контур, как в многомерном калейдоскопе. По мысли Иванова, их окончательный смысл не может быть высказан человеческим (и, вероятно, даже ангельским) языком; окончательное состояние мира «Повести» выходит за пределы всякого опыта. Именно поэтому «Повесть о Светомире царевиче» обладает единственным в своем роде литературным статусом. Она закончена — и не закончена; необходимо должна быть завершена — и завершена быть не может.

Венцлова 1988: 247

Действительно, Повесть в значительной степени имеет профетический характер, на что указывает и обилие библейских цитат, и форма произведения (графически текст оформлен как текст Библии), и его стилистика (часть сочинения написана высоким стилем с многочисленными архаизмами). Можно предположить, что Вяч. Иванов сознательно предпринял попытку создать своеобразную «русскую Библию».

О возможности и значимости такого рода теургического творчества поэт говорил в Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 года в своем выступлении по поводу доклада С.Н. Булгакова о Ф.М. Достоевском:

> Иногда мне кажется, что Достоевский оставил нам какие-то веды и что из этих вед начинается наша настоящая мудрость о нас самих и о Боге. <...> Пушкин тоже дал нам величайший завет, но все же, что подлежит, собственно, истолкованию — это именно, конечно, Достоевский, а не Пушкин, потому что в Пушкине все это слишком имплицировано, все то, что он знал и предугадал о России, а в Достоевском это уже разъяснено, как в некоей русской Библии, так что нам остается ее только читать и понимать.
>
> ВИАМИ 1999: 64

Далее Вяч. Иванов утверждает, что постановка Художественного театра («Николай Ставрогин») «не что иное, как начаток действительно некоей русской мистерии» (Там же: 64). Оба термина — «русская Библия» и «русская мистерия» — вполне могут быть отнесены к «Повести о Светомире царевиче».

Профетическое значение произведений Ф.М. Достоевского, по Вяч. Иванову, таково, что их чтение приводит человека к обретению веры и мудрости и, в конечном счете, к духовному возрождению. Характерны в этом смысле слова поэта из приписки к «Автобиографическому письму», посланному С.А. Венгерову в мае 1917 года: «Я говорил, что мы, представители творчества келейного, мыслим и творим "про запас" для будущего, предуготовляя в духе народу-пришельцу горницу убранную[41], и что дело наше постольку нужное дело, поскольку оно организует народную душу» (Обатнин 2000: 163).

[41] «предуготовить убранную горницу» — отсылка к эпизоду Евангелия, в котором Христос посылает учеников найти комнату для Тайной вечери (см.: Лк. 22: 12; Мк. 14: 15).

Ю.Б. Орлицкий

ОСОБЕННОСТИ РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ»

Незавершенную «Повесть о Светомире царевиче» (далее — Повесть) можно рассматривать как своеобразный синтез основных направлений творчества Вяч. Иванова: от «чистой» символистской лирики до философии и даже политологии[1]. Представляется, что наиболее отчетливо эта синтетичность проявилась в ритмическом строе произведения, написанного так называемой версейной (строфически упорядоченной) прозой[2] с использованием широкого спектра стиховых элементов, на которых мы в первую очередь и сосредоточим наше внимание.

Но прежде всего следует сказать несколько слов о соотношении стиха и прозы в творчестве поэта, а также в его рефлексиях по этому поводу, которые, следует признать, достаточно неоднозначны.

С одной стороны, в 1905 году Вяч. Иванов писал С.А. Венгерову:

> Я теоретически понял, что *поэтическая речь, по своей природе, ищет дифференцироваться от речи прозаической* (*как мы и наблюдали это во все*

[1] В связи с этим нельзя не вспомнить, что писал в 1937 г. Вяч. Иванов по поводу перевода «Слова о полку Игореве», выполненного Р. Рильке: «Конечно, не один лишь вкус эпохи повлиял на оправу поэтического сокровища: форма произведения также определялась и политическими целями. Нужно было должным образом указать князьям на гибельные последствия их враждебных сепаратистских настроений и на срочную необходимость создать прочный союз под началом Киева против азиатских кочевых племен, живших у южного морского побережья. Чисто лирическое произведение не годилось для того, чтобы стать носителем такой чёткой программы» (Ivanow 1937: 665. Оригинал — на нем. языке. Благодарим А.Л. Топоркова за возможность ознакомиться с данным переводом). Очевидно, что в этом высказывании отразились и мысли поэта о своем собственном «слове» — «Повести о Светомире царевиче».

[2] Подробнее об этом типе прозы см.: Орлицкий 2002: 177–219.

эпохи расцвета поэзии); <...> *что истинному русскому стиху, каким он необходимо станет, роднее древняя гиератичность нашего забытого слова или лубочная простота нашей старинной песни и сказки, нежели совершенная общепринятая речь нашего образованного общества...*

Переписка 1990: 90–91. Курсив Вяч. Иванова

С другой стороны, он регулярно обращается к понятию «эполира» — эквиваленту немецкого «das Lyroepische», в котором акцентируется генетическая и сущностная близость двух этих литературных родов в противоположность драматическому[3]. Поэт апеллирует к нерасчлененности эпоса и лирики в архаические времена: «<...> место позднейшего эпоса занимала до Гомера поминальная эполира, плачевные "славы" <...>» (Иванов 1994а: 70). Он также упоминает «хоровые эполирические кантаты Стесихора» (Там же: 225) и «агонистические формы эполиры, вроде, например, буколиазма» (Там же: 229), хотя при более развернутой характеристике понятие «эполира» выступает у него в значении, близком к современному «лироэпика»:

> Эпос по Платону, смешанный род, отчасти повествовательный, или известительный, — там, где певец сообщает нам от себя о лицах действия, о его обстановке и ходе самих событий, — отчасти подражательный, или драматический, — там, где рассказ рапсода прерывается многочисленными и длинными у Гомера монологами или диалогами действующих лиц, чьи слова в прямой речи звучат нам как бы через уста вызванных чарами поэта масок невидимой трагической сцены. Итак, по мысли Платона, лирика и эполира, с одной стороны, обнимающая все, что говорит поэт от себя, и драма — с другой, объемлющая все то, что поэт намеренно влагает в уста других лиц, суть два естественных и беспримесных рода поэзии, эпос же совмещает в себе нечто от лирики и нечто от драмы. Эта смешанная природа эпоса объяснима его происхождением из первобытного синкретического искусства, где он еще не был отделен от музыкально-орхестического священного действа и лицедейства.

Иванов 1987а: 409

[3] Указано нам К. Лаппо-Данилевским; ср. приведенную в его недавней статье запись полемики Вяч. Иванова с А.Н. Веселовским по поводу исторической последовательности появления эпоса и лирики: «Начало эпоса Веселовский рисует как эпический речитатив с лирическими порывами; начало эпоса в синкретическом действе не эпос, а эполира; очень древние остатки эпоса суть образцы эполиры» (Лаппо-Данилевский 2011: 109).

Понятие «эполира» применяется Вяч. Ивановым и к литературе Нового времени: так, в статье о романе в стихах А.С. Пушкина он прямо соотносит с этим межродовым явлением «Чайльд-Гарольда» Дж. Байрона и через него опосредованно — «Евгения Онегина»: для английского романтика, по мнению Вяч. Иванова, слово «роман» «звучало еще отголосками средневековой эполиры» (см.: Иванов 1987б: 324). Таким образом, поэт настаивает на единстве эпоса и лирики.

К совмещению стиха и прозы в рамках одного текста Вяч. Иванов обращается в связи с творчеством Данте. Сначала он переводит третью главу из книги «Новая жизнь», включающую сонет, окаймленный двумя прозаическими фрагментами, — им поэт начинает свою статью «О границах искусства» (1913), а затем задумывается над природой будущего перевода «Божественной комедии», которая «должна была предстать по-русски в двух переложениях: стихотворном и прозаическом и, кроме того, сопровождена примечаниями переводчика» (Шишкин 1997: 512–513). Пример подобной поэтико-герменевтической работы, предпринятой Вяч. Ивановым в середине того же десятилетия, мы находим в его опыте переложения микеланджеловского сонета: за подробным прозаическим толковательным переводом следовал философский и филологический комментарий.

Вообще переводы всегда были для Вяч. Иванова площадкой для опробования разных новаций, в том числе и на границе стиха и прозы. Так, в своей статье «Две стихии в современном символизме» (1908) он помещает собственный, выполненный в форме прозаической миниатюры перевод стихотворения «Соответствия» («Correspondances») Ш. Бодлера (автора знаменитых «Стихотворений в прозе» («Petits poèmes en prose», 1869)):

> Природа — храм. Из его живых столпов вырываются порой смутные слова. В этом храме человек проходит чрез лес символов; они провожают его родными, знающими взглядами.
>
> Подобно долгим эхо, которые смешиваются вдалеке и там сливаются в сумрачное, глубокое единство, пространное как ночь и как свет, — подобно долгим эхо отвечают один другому благоухания, и цвета, и звуки. <...>
>
> Есть запахи свежие, как детское тело, сладкие, как гобой, зеленые, как луга; и есть другие, развратные, пышные и победноторжествующие, вокруг распростирающие обаяние вещей бессмертных, — таковы амбра, мускус, бензой и ладан; они поют восторги духа и упоения чувств.

Иванов 1994б: 151, 153

Напомним, в тексте статьи произведение разбито на две части, причем в первую попадают два катрена, а во вторую — два терцета данного сонета. При

этом важно, что другие стихотворения французского символиста Вяч. Иванов переводит стихами, но поэзию немецких классиков Гёте и Шиллера – прозой[4].

Очевидно, что перед нами здесь – не обычные подстрочники, а полноценные художественные произведения, выполненные по законам прозаического перевода стихотворных текстов, существовавшим в первой половине XIX века наряду со стихотворными (вспомним хотя бы переводы А.А. Шишкова и П.А. Катенина из Петрарки, П.А. Вяземского из А. Мицкевича и А.А. Григорьева из Гейне)[5]. Кстати, позднее Вяч. Иванов переводит свои сонеты на итальянский язык также своего рода «пограничной» формой – свободным стихом (см.: Иванов 2011: 90).

К прозаической миниатюре, представляющей собой своеобразный эквивалент лирического стихотворения в прозе, поэт обращается и в оригинальном творчестве. Так, недавно были опубликованы его ранние (1887 г.) прозаические этюды: при этом собственно художественные, лирические фрагменты перемежаются в черновых тетрадях поэта с философскими и культурологическими размышлениями (см.: Из ранней прозы 2011; Приложение 2011). К этой же форме, очевидно, можно отнести и широко известные «Спорады» (опубл. 1909) поэта. Как относительно самостоятельные миниатюры в прозе можно рассматривать и главки эссе «Anima» (см.: Иванов 2009).

Наконец, стоит упомянуть прозаические наброски, сохранившиеся в архиве поэта. Г.В. Обатнин расценивает их как «совершенно особые записи замыслов произведений – когда прозаический текст уже заключает в себя всю образность будущего стихотворения» (Обатнин 1994: 32). В качестве примера исследователь приводит «запись замысла, воплощенного в стихотворении “Покорность”:

> В остальном мы чужды. Ты живешь долее меня, и мой век, летучий и эфемерный, как гонимый осенним ветром листок, ты, конечно, переживешь. Зачем же я люблю тебя мгновенной любовью? Зачем ты приветствуешь меня участливым взором? Так мы проходим, уединенные, как ты, дети творения, друг мимо друга, готовые любить и [не] успевая любить. Только что мы любили, встреча кончается, мы простираем руки вослед уходящих теней, и любовь наша охладевает в одиночестве, лишенная <?> пищи. И тогда любим, не можем любить вполне, не можем достигнуть предмета любимого, как бы близко он ни был, и утолить любви не можем. И потому наше краткое счастье омрачается грустью неудовлетворенности, но и оно не долго, и оно проходит, и

[4] Один из них (из «Вильгельма Мейстера» Гёте) см.: Иванов 1994б; другие – в собрании переводов Вяч. Иванова (см.: URL: http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10633; дата обращения: 25.03.2015).

[5] См. также появившееся в конце XIX в. полное собрание стихотворных произведений Дж. Байрона в прозе. Подробнее об этом см.: Орлицкий 2012: 261–271.

> наступает разлука. Любовь не утоляет, но обращается в отраву, мучительно разрушающую сердце. Покорность, покорность!»
>
> Обатнин 1994: 32

Представляется, что процитированный текст можно рассматривать не только как черновик, но и как вполне самостоятельное произведение, написанное в чрезвычайно популярной в то время форме прозаической миниатюры.

Следы стиховой культуры нетрудно обнаружить и в Повести. Прежде всего, это включение в ее текст стихотворных фрагментов, причем достаточно объемных. Это шесть песен, исполняемых в основном героинями: три – в Книге первой (песня Гориславы, состоящая из двух частей, подземный стих кузнеца, а также фрагмент духовного стиха о Егории, который цитирует Василиса), еще две – в Книге второй, и одна – в третьей. Можно увидеть, что по мере взросления автора песни уходят из повествования.

По природе своей эти вставные произведения – стилизация фольклорных жанров, в основном – духовных стихов;[6] они нерифмованные (четыре из шести); одна песня написана тоническим стихом, одна – раешным, остальные – силлаботоникой, с рядом характерных для фольклора отступлений в сторону тоники. Такова наиболее известная «Песня о Рае», которую Вяч. Иванов публиковал вне Повести[7] (это трехстопный анапест с рядом отступлений и окказиональной рифмовкой):

3 – Уж ты, Раю мой, Раю пресветлый,
Ты почто́ еси мне заповедан?
И куда ж от меня затворился,
Невиди́мою схимой покрылся?
Али мною ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен
И цветешь в небеси на возду́сех,
А сыру́ землю си́ру покинул?» –
4 То не крины душистые пахнут,
То не воды журча̀т живые, –
Говорит Адамовым чадам
Посхи́менный Рай, затворе́нный:

[6] Фольклорные и древнерусские источники и параллели Повести основательно и убедительно проанализированы в изд.: Топорков 2012.

[7] Согласно свидетельству О.А. Дешарт, «По просьбе Джовани Папини В<ячеслав> И<ванов> сам перевел стихи о рае для его журнала – «Frontespizio», где они и появились в сентябре 1930 г. В 1934 г. перевод В. И. был напечатан среди других его стихотворений в «Il Convegno», в № 8–12 <...>» (Иванов 1971–1987/1: 856).

— «Вы не плачьтесь, Адамовы чада:
Я не взят от земли на нéбо,
Не восхи́щен к престолу Господню
И родимой земли не покинул.
А цвету я от вас недалече,
За лазоревой тонкой завéсой:
Ту завéсу лазореву знает,
Кто насытил сердце слезами.
5 Где проходит Божия Матерь
По земле святыми стопами,
Там окрѐст и я простираю
Добровонные сени древесны;
Там бегут мои чистые воды,
Там поют мои райские птицы;
Посреди же меня Древо Жизни,
Древо Жизни — Пречистая Дева».

П.6.3–5[8]

Обратим внимание на авторскую расстановку ударений в приведенном тексте: они встречаются и в прозаической части Повести, то есть Вяч. Иванов специально думал о том, как будет произноситься его произведение. В связи с этим следует особо рассмотреть гипотезу Е.М. Верещагина, который отмечал:

> «Повесть о Светомире», вершинное произведение великого русского поэта Вячеслава Иванова, написана особой ритмической и архаичной прозой. Повесть предназначалась для прочтения вслух, но ключ к ее произнесению утрачен. Действительно, явно не подходит привычное для нас чтение с паузацией по периодам, обусловленным синтаксическим членением текста.
>
> Верещагин 2006: 101

Приняв во внимание обстоятельства жизни Вяч. Иванова, автор статьи высказывает предположение, что поэт мог ориентироваться на прочтение Повести расскáзной погласицей, используемой старообрядцами при чтении Пролога.

Однако, как ни привлекательна предложенная известным лингвистом гипотеза, принять ее полностью мешает именно форма Повести: начиная от предложенной им авторской расстановки ударений до игнорирования ивановской практики деления текста на строфы-строки, далеко не всегда предполагающие

[8] Подробнее об этом см.: Топорков 2012: 330–453.

«паузацию по периодам, обусловленным синтаксическим членением текста» (Там же: 101).

Как уже говорилось, в Повести Вяч. Иванов последовательно обращается к версейной строфе. Понятие «версе» принадлежит к числу достаточно новых в отечественной науке. В западном литературоведении под версе понимают круг явлений, связанных первоначально с переводами и переложениями, а затем и с авторскими произведениями, ориентированными на модель библейского «стиха». При этом важно иметь в виду, что переводы Библии в Новейшее время последовательно выполнялись прозой, опыты же наиболее плодовитых авторов версе — У. Уитмена, П. Клоделя, С.-Ж. Перса — традиционно трактуются как стихотворные произведения (см.: Полянский 1968). Это явное противоречие обходят и авторы статьи о версе в «Новой принстонской энциклопедии поэзии и поэтики» Т. Броган и К. Скотт: последовательно заключая понятие «библейский стих» в кавычки, они отказываются от определения природы современного версе и говорят только о его конкретных авторских вариациях в американской и французской поэзии XIX–XX веков (см.: NPE 1993: 1352–1353).

Между тем вопрос о том, стихами или прозой написана Библия, — давний и с трудом поддающийся разрешению. В последнее время исследователи вновь склоняются к мысли, что все-таки основой Писания был стих: в частности, это находит отражение в новейших библейских переводах, в том числе и на русский язык. Тем не менее, наиболее убедительно выглядят аргументы, высказанные известным русским библеистом Акимом Олесницким в знаменитой работе «Рифм и метр ветхозаветной поэзии»: ученый говорит о двух типах библейских текстов — поэтических и полупоэтических — и о трех разновидностях используемого в них метра: дидактическом, лирическом и пророческом.

При этом он утверждает,

> <...> что песни древнееврейские делятся по куплетам; что объем куплетов приблизительно выдерживается в одной и той же песне один и тот же с меньшею свободою сокращения и расширения...; куплеты алфавитных псалмов даже слишком строго выравниваются; объем строф в различных песнях бывает различен и простирается в поэтических отрывках от двух до осьми стихов включительно, а в полупоэтических до двенадцати и более.
>
> Олесницкий 1872: 587

Характеризуя же «дидактический метр» Притчей и Книги Иова, ученый называет его «одним из видов полного поэтического метра», добавляя: «Это строго равномерный, правильный, спокойный метр» (Там же: 587).

Принципиальная вариативность версе (в отличие от стиха) позволяет использовать контраст длины строк, выделять ритмически ключевые фрагменты. Приведем пример из синодального перевода Книги Бытия на русский язык:

1 Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?
2 И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,
3 только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.
4 И сказал змей жене: нет, не умрете,
5 но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.
6 И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.
7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

Быт. 3: 1–7

А вот еще более упорядоченный (то есть близкий к стиху) фрагмент из Нового Завета:

1 Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.
2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:
3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.
11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.
12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Мф. 5: 1–12; синодальный пер.

Возможно, что под прямым воздействием Библии версе как способ организации речи оказался в центре художественной практики и теоретических дискуссий многих русских писателей. Мы предлагаем определение версе как формы строфически организованной прозы, для которой характерен, во-первых, малый

объем всех или подавляющего большинства строф, во-вторых, их относительная упорядоченность по объему и, в-третьих, тенденция большинства строф к синтаксической завершенности, формально — к совпадению с одним предложением. Кроме того, версейные строфы иногда нумеруются. Наконец, в версе чаще, чем в другой прозе, встречаются параллелизмы (в основном анафоры). Разумеется, все четыре названные признака этой формы носят относительный характер и позволяют говорить в каждом конкретном случае лишь об определенном приближении к некой идеальной модели версейной строфы.

Теперь следует сказать еще об одной черте версейной прозы: об отсутствии в ней главного структурного признака стихотворной речи — двойной сегментации текста, т. е., применительно к нашему случаю, самой возможности разрыва и переноса фразы в следующую строку, что достаточно часто встречается в стихе и почти никогда — в прозе. Однако уже в Библии мы сталкиваемся с двумя типами строф, не соответствующих этому условию: некоторые стихи включают только часть большого предложения, продолжающегося в следующей строфе, другие же, напротив, могут состоять из нескольких коротких.

Интонационная незамкнутость, встречающаяся в библейском стихе, обнаруживается также у Данте и, что особенно важно для нас, в ряде его прозаических переводов на русский язык, авторы которых старались точно следовать сегментации оригинала.

Например, в «Чистилище», переведенном М.А. Горбовым метрической прозой в 1898 году, достаточно часто границы строф и предложений могут не совпадать, в других же случаях строфа может содержать два и более предложений (примеры приводятся из Песни третьей):

25 И не успел еще наставник мой ни слова произнесть, как первое из белых превратилось уже в крылья. Тогда он, ясно признавая мореходца,
28 вскричал: «Скорей, скорее преклони колена, — се Божий Ангел; руки перед ним скрести; отныне зреть лишь таковых богоподручников ты будешь!
<...>
37 А той порой, чем более и боле приближался божественный пернатый к нам, тем становился светозарней, так что глаза мои вблизи его уже не выносили,
40 и я потупил их; а он пристал ко брегу с своей ладьей, столь быстроходною и легкой, что даже дна ее вода не закрывала.
43 Небесный рулевой стоял в ней на корме и весь, казалось, был запечатлен блаженством; внутри ж ладьи сидели призраки: их боле ста в ней было,

46 и «Во исходе Израилеве от Египта» — со всем, что далее начертано
в псалме, — они единым голосом все вместе пели.

Данте 1898: 424

В оригинальном творчестве первое приближение к версейной строфике осуществил уже А.Ф. Вельтман в своем переложении «Слова о полку Игореве» 1836 года, существенно переделанном и переизданном в 1863 году. Достаточно часто прибегает к версе в некоторых — далеко не всех — своих «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенев.

В русской литературе начала XX века, наряду с французской литературной традицией, поддержанной в это время появлением переводов Ш. Бодлера, А. Рембо, С. Малларме, П. Клоделя, Ш. Пеги, С.-Ж. Перса (см.: Балашов 1988; Багно 1991), можно выделить еще ряд несомненных источников строфической формы Повести. Например, тесно связанные с моделью библейской строфы произведения авторов, профетическая претензия которых очевидна: Ф. Ницше и У. Уитмена.

Вот как выглядит первая часть одной из версейных анафорических глав «Заратустры» в наиболее популярном в начале XX века переводе Ю.М. Антоновского:

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою — а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она в большей мере есть тот узел, на котором держится напасть.

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздает ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Ницше 2007: 15–16

Ф. Ницше оказал, как не раз было показано, определяющее влияние на формирование творческой манеры такой ключевой фигуры русского авангарда, как А. Белый (см.: Силард 1973). С именем последнего связано, в свою очередь, активное внедрение в русскую прозу стихового элемента на разных уровнях ее структуры.

К этой же традиции, вне всякого сомнения, примыкает и «Зверинец» В. Хлебникова, как известно, впервые прозвучавший на Башне Вяч. Иванова. Версейная ориентация характерна также для ранней прозы А.М. Ремизова и «лирического богословия» А.М. Добролюбова, который нередко использовал версейную строфу в своих прозаических миниатюрах 1890-х годов.

Другим источником — также безусловно ориентированным на библейский ритмический прообраз — выступает псевдобиблейский свободный стих У. Уитмена, в подражание которому русские поэты и прозаики нередко обращались именно к версейной прозе, а не к стиху (например, Дмитрий Майзельс).

В этом же ряду следует упомянуть также сложившийся в русской прозе начала XX века так называемый «стиль короткой строки», непосредственную генетическую связь которого с традицией скандинавского импрессионизма убедительно доказывает Н.О. Нильссон (см.: Нильссон 1993). Профетическая функция версейной строфы во многом определяет также ее использование в практике литературных и художественных манифестов начала XX века, например, футуристов, лучистов, К.С. Малевича, О.В. Розановой, Н.А. Удальцовой, Н.Н. Евреинова; к этой же традиции парадоксальным на первый взгляд образом примыкают безусловно версейные по своей природе тексты революционных манифестов и листовок.

С другой стороны, свое безусловное влияние на атомизацию и автономизацию строфы начинает оказывать киномышление, в том числе и через практику киносценариев — в этом смысле очень показательна версейность прозы Д. Вертова и ориентированность на версе ранних опытов Е.И. Габриловича.

Именно на таком разнообразном фоне возникает Повесть, более 90% текста которой написано соразмерными версейными строфами протяженностью 1–3 строки. При этом, как показала О.Л. Фетисенко, и версейные строфы, и нумерация появляются в ней достаточно поздно, только в 1949 году. Достаточно высока здесь также доля строф из одного предложения, а около 5% — даже меньше предложения (что встречается, кстати, и в библейском «стихе»).

Важной отличительной чертой ивановского версе является анафоризация строф — как в Библии, у Ф. Ницше и В. Хлебникова. По этому поводу А. Грек, в частности, заметила:

> Не будучи принадлежностью собственно церковнославянского языка, «и-присоединительные» конструкции, на библейскую окраску которых указывал В.В. Виноградов, в общей церковнославянской основе текстовой ткани послания выступают одним из ярких ее элементов. В качестве примера можно указать на синтаксис XIV-й главы послания. Здесь из 12 строф целых 7 строф, т. е. чуть больше половины, начинается с «и-присоединительной» конструкции — см.:
>
> *И* отъиде[9] поезд царевин... (2),
> *И* простре мне та руку... (6),
> *И* помыслих в себе... (8),
> *И* внезапу узрех... (9),
> *И* преступихом праг... (10),
> *И* изведома[10] мя братия... (11),
> *И* возвратихомся... (12)
>
> Грек 2001: 196

Исследовательница также утверждает: «Вся “Повесть о Светомире царевиче”, но ее пятая книга в особенности, отличается архаичностью в высшей степени <...>» (Там же: 186).

На фоне указанной закономерности особенно заметны исключения, которые тоже легко возвести к библейскому стиху — отдельные строфы, состоящие из нескольких кратких (чаще всего диалоговых) предложений и напротив — сверхдлинные, занимающие две и более строф подряд, например:

> 3 Венчающуся тебе венцем кесарским сорадуюся, и благословен да будет престол твой Господа сил молю,
> 4 Смиренный пресвитер Иоанн, милостию Божиею единый от народоправителей христианских,
> 5 Могущ сый не странных и звероподобных племен службою подъяремною, но владычествующего народа моего числом и трудом, и мужеством, и единомыслием,

[9] В наст. изд.: «И отъидѐ поезд царевнин <...>».

[10] В наст. изд.: «И изведоша мя братия <...>».

> 6 Ктому и земель пространных неоскудным плодоношением, и руд горных и камения самоцветного изобилием, веселящим ли око солнечное или в недрех сокровенным (V.1.3–6).

Таким образом, упорядоченная вариативность версейной строфики, используемой Вяч. Ивановым в Повести, безусловно отсылает читателя к разным частям Писания. Тут есть смысл вспомнить главку «Склад и строй Псалмов» из ивановского предисловия к римскому изданию Псалтири, где поэт отмечает принципиальный характер ее разнородности:

> Псалмы принадлежат разным родам лирики и потому различествуют по форме. Большая часть из них — стихотворения монодические, т. е. назначенные для произнесения нараспев одним голосом при струнном сопровождении. Другие, напротив, — хоровые гимны, благодарственные и праздничные, или хоровые «плачи». В некоторых чередуются голос певца и ответы хора. В иных, каждый ритмический период, более или менее длинный, замыкается одним и тем же припевом. В иных начальный стих повторяется и в конце, замыкая собою весь псалом. В так называемых «алфавитных» псалмах, начинающихся с первой буквы-Алеф, каждая новая строфа вводится следующею буквою <...>.
>
> Псалтирь 1950: IX

Показательно и то, что Вяч. Иванов пишет в своей заметке о «Слове о полку Игореве» — еще одном несомненном источнике Повести, тексте, принципиальная неупорядоченность которого тоже оказывается для поэта значимым ориентиром:

> И всё же в буквальном смысле произведение нельзя назвать песней: это не песнь, выстроенная по балладному типу, и не похожая на былину эпическая кантилена в стихах — напрасны все попытки уложить причудливые ритмы в одну, пусть даже самую гибкую, схему. Ритмический рисунок, во многих местах нарушающий прозаическую норму, скорее подходит для псалмического пения и к тому же плотно насыщен отзвуками традиционных напевов. Такие особенности структуры свидетельствуют о факторах, обозначивших культурные перемены переходного времени: о дряхлости героического эпоса, который в тотальном стремлении к педантизму и конвенциональным нормам становился окаменелым, и о еще не определившемся желании заменить изжившую себя поэтическую форму новой, более эффективной, в самой сущности которой уже было бы заложено стремление к повествовательной прозе. Такое стремление должно было ощущаться уже при создании этой формы, при первой же попытке ее опробовать. Такой

попыткой и явилось «Слово», что, впрочем, не означает, что его форма сразу же отмела в сторону свою окаменелую предшественницу, героическую поэзию.

Характерная новизна «Слова», на которую указывает и сам ее автор, в сущности, заключалась в отказе от лирических элементов в пользу исторических фактов, в исключении слишком смелых лирических отклонений, однако, самое главное, в стремлении подражать в языке и в выстраивании фраз классическому примеру старославянского библейского языка. Это последнее и привело к распаду строфики и метрической структуры, признаки которых при этом всё же проблёскивают в некоторых местах текста. Тот, кто описывает военный поход, отклоняется от напевного изложения, «пронизывающего его тело», весьма неохотно, оглядываясь при этом на традицию. Однако упорного следования традициям предков мы у него не наблюдаем.

Ivanow 1937: 662

Еще одним активнейшим способом внесения в прозу Повести стихового начала оказывается метризация прозаического текста; доля слоговых групп, охваченных силлабо-тоническим метром, колеблется в разных главах четырех первых книг от 30 до 40%; в Книге пятой в силу ее жанровой специфики (стилизованное «Послание Иоанна Пресвитера») метризация чуть ниже 30%. Это достаточно высокий показатель на фоне современной Вяч. Иванову прозы, позволяющий говорить о целенаправленном введении метра. Кроме того, следует отметить достаточно равномерную метризацию текста Повести (в отличие от чисто функциональной метризации сильных позиций, например, в прозе Б.А. Пильняка или Е.И. Замятина), а также разнообразие возникающих в ней метров (чаще всего — двусложниковых (преимущественно ямбических), использовавшихся в XIX веке (например, у А.Ф. Вельтмана и Н.С. Лескова), и исключительно трехсложниковых — у Андрея Белого). В отличие от большинства предшественников и современников, Вяч. Иванов вводит в свою прозу все разнообразие метров. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из Книги первой, где в семи идущих подряд строфах встречаются все пять традиционных метров; метрические отрезки выделены курсивом, их природа обозначена в конце строкоподобных отрывков:

2 *В белом царстве*, *христианском государстве* (Х 6), держал власть царь Володарь.

3 *В его / руке утвердилось державство* (Я 1+5) и возвеличилось, и простерлось владычество его на восток солнца *и полдень*, *и запад*, *и полночь далече*, *и имя его* (Амф 5) наполнило вселенную;

4 *а народ работал на державу*, (Х 5) // *и несла земля тяготы царства*. (Ан 3)

5 А сел государить Володарь в разруху и разоренье великое, *и родину от супротивных целу отстоял* (Я 1+5), вскоре же и в вящей славе воздвиг,

6 *не отчий в наследье прияв* (Амф 3) стол, но излюблен быв и показан и посажен Божиею милостию, церкви благословением *и всея земли соборным изволением* (Х 6);

7 при явлéнных от Святого Егорья знамениях, яко восставший вождь в силе Егорьевой, отпрыск от кореня прозябший Господня Воина; *и не постыдило земли упование* (Амф 4). (I.1.2–7).

Можно увидеть, что в приведенном фрагменте (как и во всей Повести) встречаются все пять силлабо-тонических метров, однако определенное преимущество отдается двусложникам, более соответствующим естественному ритму русского языка; причем метрически фрагменты чаще помещаются в сильные позиции текста: начало и конец строф и предложений.

Характерным для прозы Повести оказывается использование коротких метрических фрагментов, сопоставимых по длине со стихотворной строкой; более длинные метрические цепи тоже встречаются, но крайне редко. Приведем примеры:

> *Недугом знобим и палим*, / *лежал Симеон под наметом в становище*, / *и был промеж жизни и смерти* // немало дней, и переломилась / немога на выжитье (Амф 3 + 4 + 3) (I.10.1);
>
> *Уж и третья весна расцвела с похорон Гориславиных*, / *а все темен и хладен коснел* // *Лазаря дух*, *как страна полунощная*, // и уста его замыкала обида (Ан 5 + 3 + Дак 4) (I.20.1).

Еще одна характерная особенность метризации текста — несомненное предпочтение, отдаваемое Вяч. Ивановым грамматически завершенным силлабо-тоническим фрагментам: почти все они представляют собой предложения или целостные фразы: «Лютое некое, чую, одержит меня навождение» (I.10.14); «Брат Лазарь, на кого ты ополчился?» (I.13.3); «Когда же во чреве ее шевельнулся младенец <...>» (I.17.8); «<...> Лазарь-пролаза! Хитро домекнул, как и волчью утробу насытить <...>» (I.13.10) и т. п.

Интересно, что в ранних редакциях Повести ритма в отдельных фрагментах было еще больше, например:

> *было*: и слава имени его наполнила вселенную (ямб) —
> *стало*: и имя его наполнило вселенную;

было: Глядь, а навстречу низехонько ей (дактиль) —
стало: Глядь, а навстречу ей, по-над лугом низехонько, плывет.

При этом Вяч. Иванов-теоретик настаивал, что в прозе никаких «компонентов стиха» (в первую очередь метра) быть не должно:

> Водораздел между поэзией и прозой? (задан вопрос). — Не надо, чтобы в ритмической прозе попадался бы стих, даже компонент стиха. Аттические ораторы уже гиатуса не позволяли себе; и вообще, все законы поэзии действуют и в прозе.
>
> Проза имеет свой темп. Ницше дал правило относительно периода: говори такой период, который ты можешь произнести с трибуны, иначе как стилист не годишься (Гаспаров 1994: 104).

Это мнение напрямую перекликается с оценкой А. Олесницким «искусственности» стихотворных переложений Писания по сравнению с прозаическим переводом М. Лютера:

> <...> совершенно излишня заботливость некоторых немецких переводчиков выдерживать в переводах стопы немецкой просодии. Красивая и плавная проза Лютерова перевода заключает в себе гораздо больше внушительности, даже эффекта, чем все эти версификации.
>
> Олесницкий 1872: 592

Достаточно часто метризация текста в Повести сопровождается паронимизацией, то есть наличием в нем звуковых повторов, организованных по принципам стихотворной эвфонии:[11] «<...> вою вскинула и, взвывши, в чащу ушла» (I.5.10); «И настигла погоня полòн в диком поле» (I.8.4) и т. п.

[11] Известно, что звуковая инструментовка стиха занимала Вяч. Иванова-теоретика; так, в статье 1925 г. «К проблеме звукообраза у Пушкина» он писал: «Если новейшее исследование видит общую норму и другой, кроме ритма, организационный принцип стиха во внутренней спайке его состава при посредстве звуковых соответствий и поворотов, то в стихе Пушкина наблюдение обнаруживает высокую степень такой организованности, вместе с чисто классическим стремлением не делать нарочито приметным просвечивающий, но как бы внутрь обращенный узор звуковой ткани.

Это общее явление, которое прежде всего имеют в виду, когда говорят о так называемой “инструментовке стиха”, уместно рассматривать как “прием” лишь поскольку речь идет о сознательном применении технических средств художественной выразительности. Но корни его лежат глубже, в первоначальном импульсе к созданию неизменной и магически-действенной, не благозвучием (в нашем смысле), а нерасторжимым созвучием связанной и связующей волю богов и людей словесной формулы, какою в эпоху, еще чуждую художества, является стих в его исконной цели и древнейшем виде заклинания и зарока» (Иванов 1971—1987/4: 343).

Звуковая инструментовка текста Повести достаточно насыщена и сложна по структуре и необязательно сопровождается метром: так, нередко встречаются достаточно длинные цепочки аллитерируемых слов и пересечения звуковых рядов. Ср.: «Живой о живых жалеет» (I.20.7); «<...> светоносных, словно из далинỳ далекой, из глубины глубокой <...>» (II.2.1); «<...> укрепишься ты мыслями и мышцами, и жилами, и жизнию <...>» (II.7.14); «<...> и лютость, и лукавство, и хлад <...>» (II.11—12.2). Нередко аллитерируются однородные члены предложения: «очами грозными и горестными» (I.7.12); «заветную, забвенную» (II.18.11) и т. п.

В ряде случаев можно говорить также о появлении в тексте Повести рифмы, которая чаще всего тоже возникает при однородных членах. Такие окказиональные созвучия (гомеотелевты) нередко встречаются и в прозе, так что их появление не означает ее тяготение к стиховой модели, особенно в произведении, стилизованном под древнее сказание: «<...> жили, страдỳ стрáдили <...>» (II.8.9); «Стольничал с ними да чашничал» (II.9.2); «После же колени преклонил // и слезы обильные пролил <...>» (II.20.6); «<...> превратно умствуешь и криво судишь» (II.10.18) и т. п. Многие созвучия и рифмы возникают в цитируемых или изобретенных самим поэтом загадках и пословицах.

В связи с этим интересно вспомнить мнение, неоднократно высказываемое Вяч. Ивановым о стиховой рифме и ее эволюции. Так, уже в «Спорадах» он пишет:

> Онемелая и неподвижная, в смысле внешних проявлений своего внутреннего полнозвучия, лирика ищет оживить свои условные гиероглифы усилением и изощрением рифмы. Энергия рифмы несет непосильный труд — вызывать столь острое раздражение звуковой фантазии «читателя», чтобы это раздражение стало равнодействующей подъемов и вибраций музыкально воплощенного ритма.
>
> Освобождение и реализация ритма приведут — можно надеяться — к тому, что Рифма, прежде «резвая дева», ныне истомленная нимфа, как ее «бессонная» мать — Эхо, будет играть у наших лирических треножников приличествующую ей вторую роль.
>
> * * *
>
> Рифма уже заняла почетное место — место, быть может, наиболее упроченное за нею в будущем, — внутри стиха. Стих, как таковой, скоро будет, согласно своей природе, определяться только ритмом — а

> «колон» (χώλου) играть с рифмой. Ритм же в структуре стиха будет опираться, прежде всего, на созвучия гласных.
>
> Запас рифм ограничен и уже почти истощен; ритмические богатства неисчерпаемы.
>
> Иванов 1994в: 79

Примерно то же говорил поэт и в своих лекциях 1909 года: «Вячеслав. Вся будущность поэзии в ритме, а рифма не играет большой роли. [Может быть] Рифма не будет упразднена, а будет отодвинута в колон — Рифма будет внутри стиха» (Гаспаров 1994: 93) — то есть именно так, как это происходит в тексте Повести!

Как можно увидеть, звуковые эффекты в прозе Повести чаще всего образуются там, где автор использует параллелизмы разного рода и объема. Кстати, сам Вяч. Иванов в предисловии к римскому изданию Псалтири писал:

> Ритмика псалмов доныне не поддается точному определению. Господствующим приемом гимносложения является антифонный «параллелизм» — парное сочетание двух перекликающихся, как звук и отзвук, предложений, из коих второе в новых словах подтверждает мысль или развивает образ первого (примеры: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей — и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое»; «Хвали, душа моя, Господа — и все внутреннее мое Имя святое Его»).
>
> Псалтирь 1950: IX

Аналогичные построения часто встречаются и в Повести; при этом важно помнить, что их использование в художественной речи далеко не всегда говорит о стихотворной ориентации последней, но всегда — о построении речи по риторическим моделям.

Мы ограничились здесь лишь кратким перечислением стиховых (то есть собственно ритмических) черт Повести, желая показать, что «духовное завещание» поэта написано уникальной по своей природе прозой, в которой количество способов внесения «стихового элемента» (термин Ю.Н. Тынянова) и их интенсивность не имеют себе равных в русской литературе XX века, за исключением, может быть, нарочито (и при этом достаточно монотонно) метризованной прозы Андрея Белого: Вяч. Иванов же выбирает другой путь, более органичный и эффективный в плане воздействия на читателя.

Д.М. Магомедова

ВАГНЕРОВСКИЙ СЛОЙ В «ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Проблема источников «Повести о Светомире царевиче» (далее — Повесть) в настоящее время получила серьезную разработку в процессе подготовки Малого академического собрания сочинений Вяч. Иванова[1]. Прежде всего необходимо отметить фундаментальную монографию А.Л. Топоркова (см.: Топорков 2012)[2], а также работы С.С. Аверинцева, Т. Венцловы, А.Г. Грек, С.Д. Титаренко, С.Н. Доценко, А.Б. Шишкина, Р. Бёрда и др.[3]. Однако большинство названных трудов сосредоточено на древнерусских, славянских книжных и фольклорных источниках. Лишь в статье Т. Венцловы содержится указание на типологическое родство замысла Повести с романами Т. Манна «Иосиф и его братья» («Joseph und seine Brüder»,1933–1943) и Г. Гессе «Паломничество в страну Востока» («Die Morgenlandfahrt», опубл. 1932). В той же работе среди источников произведения Вяч. Иванова названа легенда о св. Граале: это подтверждается «продолжением» О.А. Шор, в котором описана встреча Светомира с рыцарем Круглого стола Галаадом, единственным искателем реликвии, сумевшим взять чашу в руки (вместе с ним в легенде названы Парсиваль и Бохор). Там же изложен один из вариантов легенды о св. Граале[4]. В монографии А.Л. Топоркова упоминаются Библия, «Исповедь» Блаженного Августина, «Божественная комедия» Данте, тетралогия Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» и др.[5].

---

[1] Подробнее об этом см.: Малое академическое собрание сочинений Вяч. Иванова: В 12 т. URL: http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10631#_ftn1 (дата обращения: 15.04.2015).

[2] Благодарю А.Л. Топоркова за возможность ознакомиться в рукописи с его комментарием к Повести; см. с. 475–692 наст. изд.

[3] См.: Аверинцев 2008б; Венцлова 2012; Грек 2001; Доценко 1996; Титаренко 2010; Фетисенко 2008; Шишкин 1988.

[4] См.: Иванов 1971–1987/1: 445–459.

[5] Подробнее об этом см. с. 476–481 наст. изд.

Особое внимание в научной литературе уделено сопоставлению темы волков / пастырей в Повести Вяч. Иванова и переработки легенды о Вельзунгах в вагнеровских музыкальных драмах[6]. Поэтому обсуждать этот вопрос здесь излишне, хотя он является очень важной частью «общего текста» «Кольца нибелунга» и «Повести о Светомире царевиче». Необходимо только подчеркнуть, что, в отличие от неукрощенной языческой стихии, воплощенной в роде Вельзунгов у Р. Вагнера, в произведении Вяч. Иванова пастырем волков является святой Егорий, таким образом язычество оказывается покорено христианской силой. Роль несущих возмездие силам зла волков в сюжете Повести требует особого внимания: в отличие от вагнеровских музыкальных драм, где волки-предки лишь упоминаются, у Вяч. Иванова они появляются неоднократно и вмешиваются в развитие событий: разговаривают с героями Повести, вместе с войском Владаря участвуют в битве с иноверцами и т. п.

Значение вагнеровского влияния на замысел, сюжет, мотивный комплекс и, в конечном счете, на идеологическую основу Повести требует внимательного изучения. Тема «Вяч. Иванов и Р. Вагнер» (как и более широкая – «Музыкальная эстетика Вяч. Иванова») заслуживает серьезного монографического исследования. До сегодняшнего дня она рассматривалась лишь в контексте театральных утопий Вяч. Иванова, его теории «всенародного» синтетического искусства, переходящего в религиозное действо[7] (изложена в статьях «Ницше и Дионис» (1904), «Вагнер и Дионисово действо» (1905), «Предчувствия и предвестия» (1906), «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (1914), «О веселом ремесле и умном веселии» (1907), «Эстетическая норма театра» (1916) и др.). Для Вяч. Иванова Р. Вагнер действительно был одной из ключевых фигур мировой культуры, одним из проповедников и отчасти создателей синтетического искусства мистериального типа; его имя в статьях Вяч. Иванова упоминается среди провозвестников синтетической культуры будущего, наряду с Ф.М. Достоевским, В.С. Соловьевым, М.А. Врубелем. Однако в этом аспекте речь идет только о Вагнере-теоретике, а не о художественном воздействии вагнеровской музыкальной драмы на творчество русского поэта. Задача этой статьи – продемонстрировать значимость драматургии Р. Вагнера для самого масштабного эпического произведения Вяч. Иванова, завершившего его творческий путь.

Примечательно, что сохранились наброски оперного либретто дочери поэта Лидии Ивановой на сюжет Повести, в первых же строчках которого угадываются вагнеровские персонажи: «Дракон, змеи, исполины» (РАИ. Оп. II. К. 2. П. 27. Л. 4–6об.[8]). В набросках 1916 года самого Вяч. Иванова три монаха – Никита,

[6] См.: Топорков 2012: 93, 227, 239, 242, 385, 435.

[7] См.: Glatzer-Rosenthal 1984; Рицци 1993; Bartlett 1995; Cymborska-Leboda 1997; Магомедова 2005.

[8] Выражаем благодарность О.Л. Фетисенко, ознакомившей нас с этим источником.

Дорофей и Парфений «выходят из леса, благодарят Бога, беседуют о Светомире, под пение вещей птички засыпают» (с. 159 наст. изд.) Эпизод очевидным образом отсылает к сцене из Второго действия музыкальной драмы «Зигфрид» («Siegfried», 1857), где Зигфрид на опушке леса перед пещерой Фафнера слышит песню вещей птички: она рассказывает о кладе, предостерегает героя от Миме и призывает его к спящей Брингильде.

Как показывает сопоставительный анализ материала, наибольшее значение для Повести имели поздние оперы Р. Вагнера: тетралогия «Кольцо нибелунга» («Der Ring des Nibelungen», 1848–1874), «Парсифаль» («Parsifal», 1882) и, в меньшей степени, «Тристан и Изольда» («Tristan und Isolde», 1857–1859). Сюжетно пять написанных Вяч. Ивановым книг приблизительно соответствуют первым двум операм из «Кольца нибелунга», где дана предыстория главного героя – Зигфрида, рассказ о рождении и гибели его родителей, возникновении Валгаллы, а также важнейших для всей тетралогии магических предметов – золота-кольца, меча Нотунга и копья Вотана. В Повести герой Светомир уже рожден (в Книге второй), но до конца Книги пятой остается ребенком, его становление и деятельность впереди. Кроме того, по меньшей мере в двух из названных произведений Р. Вагнера («Кольцо нибелунга» и «Парсифаль») разворачиваются два варианта эсхатологического мифа о судьбе европейской гуманистической культуры.

Роль последних музыкальных драм Р. Вагнера в его творчестве во многом сходна с ролью Повести в творческой биографии Вяч. Иванова. В обоих случаях речь идет о попытке создать профетический миф о судьбе, в первом – западноевропейской (Р. Вагнер), во втором – русской и – шире – славянской культуры (Вяч. Иванов). Свой замысел каждый из художников вынашивал десятилетиями, внося в него существенные коррективы. В обоих случаях заметна установка на синтез искусств, нашедшая убедительное художественное воплощение у Р. Вагнера. Вяч. Иванов в Повести весьма заметную роль отводит песням, которые поют героини – Горислава, Отрада, Василиса (мужских поющих голосов нет, если не считать подземного кузнеца, который не поет, а «приговаривает»). В обоих случаях есть и неявное стремление к выходу за пределы искусства в область религиозного жизнетворчества.

Р. Вагнер назвал оперу «Парсифаль» «драмой-мистерией», замысел же Повести во многом соответствует типу «сверхтекста» – произведения, «стирающего грани между искусством и жизнью, непосредственно и глобально изменяющего мир. В пределе речь может идти об *эсхатологической* концепции текста: с его завершением, по авторскому замыслу, наступает своего рода “конец света”, преображение жизни по новым законам» (Магомедова – Тамарченко 1998: 24). Правда, в отличие от Р. Вагнера, который опирался на готовые национальные мифологические нарративы и уже существующий средневековый европейский эпос («Песнь о нибелунгах», «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха), перед Вяч. Ивановым стояла задача не реанимации, не

реконструкции, а *конструирования* национального мифа с привлечением десятков древнерусских и славянских источников, как фольклорных, так и книжных: «Слово о полку Игореве», фольклор (былины, духовные стихи), летописные сказания, жития, Голубиная книга, «Сказание о Мамаевом побоище», Библия, гностические легенды, средневековый эпос. Одновременно использованы и западноевропейские источники, однако способ их включения в мифопоэтическую Повесть — повествование об архетипе национальной исторической судьбы России — подлежит осмыслению.

Для наглядности сопоставительного анализа повести Вяч. Иванова и тетралогии Р. Вагнера представляется необходимым дать хотя бы самое схематичное изложение содержания последней.

> Во вводной музыкальной драме «Кольца нибелунга» — «Золото Рейна» — изображается исток грядущей мировой катастрофы: нарушение вселенской целокупности, изначальной органической цельности мироздания (*нем.* «Urzustand»). Первый шаг совершает нибелунг Альберих. Узнав от Дочерей Рейна о золоте, хранящемся в водах реки (символ Первосвета), и о том, что оно дает богатство и власть над миром, но взять его может лишь тот, кто решится отвергнуть любовь, Альберих произносит слова проклятия и завладевает золотом. С помощью своего брата — уродливого карлика-кузнеца Миме — Альберих превращает золото в кольцо и надевает его на палец. Теперь он добывает сокровища в земных недрах, подчинив себе обитателей подземного мира. В той же первой драме происходит и второе нарушение первобытной мощи и цельности, олицетворенных в образе священного Мирового Ясеня. Верховный бог Вотан отторг от Ясеня ветвь и превратил ее в копье (по формулировке А.Ф. Лосева — «орудие его отъединенно-индивидуальной воли и, следовательно, насилия» (Лосев 1968: 160)), отдав за это глаз. Вотан связан с мирозданием «договорами» — их нарушение повлечет за собой гибель вселенной. Отъединившись от мирового целого, он строит с помощью великанов Фафнера и Фазольта прекрасный дворец — Валгаллу — для богов и героев, погибших в сражениях; дворец этот тоже олицетворяет мощь и власть над миром. Но, в нарушение договора, Вотан отказывается отдать гигантам богиню молодости Фрейю. Хитроумный и коварный бог огня Логэ предлагает исполинам взамен золото; с помощью копья Вотан отбирает у Альбериха кольцо, и тот произносит проклятие всем его будущим владельцам. Наказание немедленно сбывается: Фафнер убивает брата, становится единоличным обладателем клада, прячет его в пещеру и превращается в дракона, стерегущего свое богатство.

> Согласно предыстории второй драмы, «Валькирии», Вотан вступает в связь с богиней земли Эрдой. От этой связи рождаются девять дочерей-валькирий — помощниц героев. От Эрды Вотан узнает, что незаконное отъединение от мировой Бездны неизбежно влечет за собой гибель всего его мира. Однако он пытается обойти судьбу и создать мощного свободного героя, который, ничего не зная о «договорах» и вселенских законах, может найти некий спасительный путь и защитить мир от уничтожения. Под видом странника Вельзе (имя, означающее «Волк») он соединяется с земной женщиной, и она рождает от него двух близнецов, Зигмунда и Зиглинду. В залог победы будущего героя Вотан вонзает в ствол Ясеня свой меч: исторгнуть его может только тот, кому он предназначен, — т. е. Зигмунд. Разлученные в детстве близнецы встречаются в доме мужа Зиглинды, Хундинга, взявшего ее в жены насильственно. Между братом и сестрой вспыхивает непреодолимая экстатическая страсть, и Хундинг вызывает Зигмунда на поединок. Зигмунд извлекает меч из ствола дерева, он готов побеждать. Вотан сначала поручает своей любимой дочери, валькирии Брингильде, защитить Зигмунда. Однако жена Вотана Фрикка напоминает, что нарушение семейной морали — это нарушение «договоров», на которых держится мир. Вотан нехотя подчиняется. Брингильде запрещают помогать Зигмунду, но она продолжает его защищать. Тогда в битву вмешивается сам Вотан: его копье разбивает в осколки меч Зигмунда, и герой гибнет. Ослушавшуюся Брингильду отец изгоняет из Валгаллы, лишает бессмертия и усыпляет на вершине скалы, окружив кольцом огня. Прорваться через это препятствие и разбудить валькирию сможет только герой, не знающий, что такое страх.
>
> В третьей драме — «Зигфрид» — появляется новый свободный герой, сын Зигмунда и Зиглинды. Его мать умерла, он воспитан карликом Миме, который надеется с его помощью победить Фафнера и добыть себе клад нибелунгов. Миме безуспешно пытается сковать из осколков меча Зигмунда новое оружие для Зигфрида. Однако это может сделать только герой, не ведающий страха. Зигфрид, узнав о тайне своего рождения, сам кует для себя меч, убивает дракона Фафнера, а потом и Миме, пытавшегося его отравить. В руках у него кольцо нибелунга. Случайно вкусив крови убитого дракона, он начинает понимать язык зверей и птиц, слышит о спящей Брингильде и освобождает ее. На этот раз копье Вотана разбивается о меч Зигфрида. Рождается свободный союз героя и мудрой девы. Новый герой свободен от всяких «договоров» и утверждает собственную волю; кольцо же он надевает на палец Брингильде.

В начале заключительной драмы «Гибель богов» в рассказе вещих Норн рисуется предсмертное состояние Валгаллы. По приказу Вотана высохший, утративший живую силу священный Ясень срублен и превращен в поленницы дров, окруживших Валгаллу. Иссох бьющий у его корней священный родник. Вотан и сонм богов и героев ожидают гибели. Зигфрид отправляется в странствия и попадает в страну Гибсхундов. Ее правитель Гунтер становится для Зигфрида побратимом. В замке находится и мрачный Хаген, рожденный от незаконной связи матери Гунтера и Альбериха. Ненавидящий весь род Зигфрида, Хаген опаивает героя волшебным напитком, убивающим память. Зигфрид забывает о Брингильде, женится на сестре Гунтера Гутруне, а Брингильду добывает в жены Гунтеру, отнимает у нее кольцо и доставляет в замок. Увидев кольцо Брингильды на пальце Зигфрида, Гунтер подозревает его в измене. Убеждены в предательстве героя и обе женщины, Брингильда и Гутруна. С согласия Брингильды и Гунтера Хаген коварно убивает Зигфрида на охоте; однако перед этим под воздействием еще одного волшебного напитка к Зигфриду возвращается память, и он вспоминает о своей истинной любви к Брингильде. Последняя же бросается в его погребальный костер, от которого загорается и Валгалла, гибнут боги и герои. Разлившиеся воды Рейна принимают в себя разрушенный мир, а с ним и кольцо с руки Зигфрида: восстанавливается изначальное единство мирового бытия.

Обратим внимание прежде всего на общие символические образы, организующие мифологическое пространство «Кольца нибелунга» и Повести. Центром мира и в тетралогии Р. Вагнера, и в произведении Вяч. Иванова является мировое древо и живоносный родник у его корней. У Р. Вагнера – Ясень, у Вяч. Иванова, в согласии со славянскими традициями, – дуб. В обоих произведениях мировое древо – символ первобытной мощи, стихийной мудрости и изначальной мировой цельности. Вотан отдает свой глаз за глоток вещей воды из родника и, нарушая живую целокупность Ясеня, делает себе копье из его ветки. Копье Вотана в тетралогии Р. Вагнера – символ власти над миром, но в то же время и символ ограниченности этой власти: на нем начертаны руны «святых договоров» – законов, по которым существует отъединенный мир. Таким образом, копье, сделанное из ветви Ясеня, – воплощенное отпадение индивидуума от мировой жизни, от вечной мудрости. Вокруг Ясеня в опере «Валькирия» выстроен дом Хундинга, в его стволе спрятан меч Вотана (Вельзе), который завещан его сыну Зигмунду. У Ясеня в доме Хундинга происходит любовное соединение Зигмунда и Зиглинды: «Ты и сестра мне! Ты и жена мне! Цвети же, Вельзунгов род!» (Вагнер 1911: 34). И именно копье Вотана разбивает на осколки меч Зигмунда в битве с Хундингом, оружие, оторванное от живого целого, теперь несет не жизнь, а смерть.

Уже в опере «Зигфрид» Странник-Вотан, упоминая о Ясене в диалоге с карликом Миме, бросает: «Сохнет ствол, – древка мощь не прейдет!» (Первое действие; Вагнер 2001: 216). Однако Зигфрид своим мечом разбивает копье, лишая Вотана всевластия. О судьбе же погибающего Ясеня и иссыхающего родника у его корней поют норны в прологе к «Гибели богов» (в переводе В.П. Коломийцова – «Закат богов»):

Послал Вотан героев в рощу,
Велел Ясень мертвый свалить и рубить его на поленья...
И Ясень пал. Высох навеки родник... <...>
Я вижу зал, твердыню богов;
Средь героев священных в сонме бессмертных
Молча Вотан сидит.
Стеной высокой клети дров,
Словно цепь, зал окружают: то ясень когда-то был!
Если костер вспыхнет ярким огнем,
Если пожар пышный охватит дворец, –
Бессмертные боги встретят свой печальный закат...

Вагнер 1912: 13

Неправое отпадение индивидуума от мирового целого приводит к гибели и Мировой Ясень (изначальную стихийную гармонию), и мир богов и героев.

В Повести аналогичную роль играют дуб и криница у его корней («<...> дуб старый, грозою опаленный, и родник под ним из земли бьет <...>» (I.4.2.)) – у славянских народов именно он зачастую почитался как мировое древо[9], древо жизни. Об этом дубе говорится: "Сей дуб Егорьев, и родник сей Егорьев ключ» (I.4.4.). С молитвой выпив воды из родника у его корней, «во чреве понесла» Владаря его мать Василиса (см.: I.4.6.).

После рождения Владаря его отец Давыд отдает приказ: «ветхий, что над Егорьевым ключом, дуб срубить, и из комля цельный крест вытесать, и Святого Егорья образ в крест врезать, и сень из того же дуба соорудить, и поставить крест и сень над криницею» (I.4.8). В Книге второй этот крест по благословению старца Парфения несут перед войском, и оно одерживает победу. Однако в Книге третьей второй поход Владаря лишен помощи креста, причем, как замечает А.Л. Топорков, «ситуация изображается таким образом, как будто крест сам отказался идти перед войском» (Топорков 2011а: 116): «<...> не могли де крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест» (III.12.2).

---

9 См.: *Топорков А.Л.* Дуб // Славянская мифология 1995: 171; *Петрухин В.Я.* Мировое древо // Славянская мифология 1995: 261–262.

Гибель мирового древа и высыхание животворящего родника в «Кольце нибелунга» предвещают гибель миру богов и героев. В Повести срубленный дуб — мировое древо — не погибает, а преображается в крест, который при этом обретает свойства живого существа, обладающего собственной волей. Один и тот же мотив у Р. Вагнера и Вяч. Иванова имеет совершенно противоположное значение: в одном случае — гибель древа и его мира, в другом — христианское его преображение и новая жизнь.

Р. Штейнер в лекциях о Р. Вагнере (1905), развивая миф о мировом древе (священном дубе), связывал его с религией друидов:

> Мудрецами, которые раскрывали мировые тайны народам, жившим в северной и средней Европе, были друиды. Слово «друид» означает «дуб». Когда говорится, что немцы справляли богослужение «под дубом» («unter Eichen». — *Д.М.*), это означает не то, что богослужение проходило под сенью дуба, а то, что оно проходило под руководством друидов. И когда говорится, что Бонифаций «срубил дуб», это означает, что ветхое («alte». — *Д.М.*) богослужение друидов было преодолено христианством.
>
> Штейнер 1905

Обращает на себя внимание эпитет «ветхий», который в Повести характеризует срубленный дуб. Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что лекции Р. Штейнера о Р. Вагнере могли быть знакомы Вяч. Иванову через А.Р. Минцлову, М.В. Сабашникову, М. Волошина, Андрея Белого, В.В. Бородаевского[10].

В современной научной литературе сходная интерпретация вытесывания креста из дуба содержится в работе Т. Венцловы:

> Егорьев источник — место, где сходятся пространственно-временные нити повести и наиболее непосредственно проявляется сакрально-мифологический пласт (ср. в этой связи Опасную Часовню, осененную *дубом*, в легенде о Граале). То, что из дуба над источником — мирового древа — вытесан *крест* <...>, очевидным образом обозначает смену язычества христианством, точнее, просветление языческой символики христианской верой.
>
> Венцлова 2012: 193. Курсив Т. Венцловы

[10] О влиянии антропософских идей Р. Штейнера на посвятительные мотивы в Повести см.: Топорков 2012: 168–172. См. также текст под 12 октября 1912 г. в разделе «Основные даты жизни и творчества Вяч. Иванова», с. 729–730 наст. изд.

Необходимо назвать еще два сквозных мотива «Кольца нибелунга», нашедших отражение в Повести. Первый — меч Нотунг. В тетралогии Р. Вагнера меч является символом утверждения самодовлеющей героической воли, обреченной в конце концов на крушение и гибель. Второй — золото, дающее власть над миром ценой отказа от любви. В Повести Вяч. Иванова оба эти символа объединены в образе золотой стрелы[11]. У Р. Вагнера меч должен принадлежать избранному герою. В «Валькирии» меч спрятан в стволе Ясеня, и извлечь его может только тот, кому он предназначен. По мысли Вотана, этот избранник, свободный от договоров, может стать спасителем мира: «<...> нужен герой, | Лишенный нашей защиты, | Отвергший законы богов. | Только он может дело свершить, | Что спасло бы бессмертных, | Но что богу свершить не дано» (Вагнер 1911: 40). В «Зигфриде» осколки меча способен сковать лишь герой, не знающий, что такое страх. Золотая стрела в Повести Вяч. Иванова дает безграничную власть, как и золото Рейна у Р. Вагнера. Однако она же поражает дракона, как Нотунг в «Зигфриде». Святой Егорий оставляет ее в недрах славянской земли, и, по слову Матери Божией, ее обретет «избранный, и ею места те и народ свой всем племенам на спасение» (V.11.17). Таким образом, два сквозных вагнеровских символа — меч и золото — не просто объединены в образе золотой стрелы, но и переосмыслены в аспекте христианской этики.

Подобная полемическая трансформация происходит с еще одним важнейшим, общим для сюжетов «Кольца нибелунга» и Повести мотивом змееборства. Зигфрид убивает дракона Фафнера по наущению карлика Миме, чтобы узнать, что такое страх. Победа делает его обладателем кольца, дающего власть и золото, а также волшебного шлема, который позволяет менять облик человека. Кроме того, слизнув с меча кровь убитого дракона, Зигфрид начинает понимать язык птиц и зверей. Но проклятие, заключенное в кольце, заранее обрекает героя на гибель.

Мотив змееборства в Повести Вяч. Иванова прежде всего связан с актом создания христианского мира сакральным покровителем земель Владаря — святым Егорием (Георгием Победоносцем). Битва св. Егория с драконом отнесена в Повести к легендарной древности, к событиям «абсолютного прошлого»:

> 4 И прослыли те неключимые богатыри в молве Змиевым Семенем:
> зачались, мол, — толковали простецы, — от потопа кровавого,
> как хлынула наземь полыньею кровь из утробы Дракона люто-

[11] Ср. соображения А.Л. Топоркова, усматривающего в данном образе, с одной стороны, «параллель к золотому кольцу из тетралогии Вагнера», с другой — аналогию с мотивом св. Грааля (см.: Топорков 2012: 385).

го, которого Божий посол Егорий благословенною стрелою пронзил. <...>

6 Оное же о Змиевом Семени слово в притчу, разумей, старые люди молвили, охуждаючи окаянство племени; молодые из присловья да порѐкла нѐбыль о пращуре Змие сплели.

7 Инò Горынских прозвание надоумило, от силы-де расплодились Змея Горыныча, как и в еллинских баснословиях сказуется зубов драконовых посев, чтò исполинов-извергов возростил (I.2.4, 6–7).

Происхождение рода Горынских князей восходит к победе св. Егория над драконом. Они родились благодаря тому, что змий был побежден, но вобрали в себя кровь убитого чудовища и так или иначе связаны с ним. Ни о какой власти над миром, проклятии или обретении клада речи в Повести нет. Эти мотивы, за исключением темы проклятия, связаны с другим символом — золотой стрелой св. Егория.

Для главных героев Повести змееборство приобретает символический характер: змеиная, демоническая кровь становится источником не только внешних, но и опасных внутренних духовных и плотских соблазнов, искушений, которые надлежит преодолеть. Речь идет прежде всего об эпизодах искушения Владаря, также имеющих соответствия в музыкальных драмах Р. Вагнера. Особенно важна сцена с Гориславой, которую Владарь везет от раненого жениха-побратима под опеку к своим родителям. Эта сцена описывается дважды и по-разному: сначала во сне Василисы, потом в реальности. Мотиву искушения находим соответствия в трех музыкальных драмах Р. Вагнера. Наиболее близок этому эпизоду Повести оказывается первый акт «Тристана и Изольды», где Тристан сопровождает Изольду к своему другу и повелителю королю Марку и поддается искушению под влиянием любовного напитка. Аналогия прослеживается и в конце первого действия «Гибели богов», где потерявший память Зигфрид везет свою жену Брингильду, не узнавая ее, невестой к своему побратиму Гунтеру. При этом в обоих случаях, как и Горислава у Вяч. Иванова, героини Р. Вагнера в какой-то степени владеют колдовскими чарами, искусством врачевания. Герой же, и у Вяч. Иванова, и у Р. Вагнера в «Гибели богов», сопротивляясь соблазну, кладет меч между собой и невестой.

Нужно отметить, что у Р. Вагнера в обеих драмах поступки персонажей мотивированы действием волшебного зелья, меняющего их представления о чести. В «Тристане и Изольде» любовный напиток, выпитый по ошибке вместо яда, лишает героев воли и способности выбора между любовью и честью. В «Гибели богов» Зигфрид действует под влиянием зелья, лишившего его памяти. Он убежден, что поступает благородно, когда помогает Гунтеру добыть невесту и при этом не касается ее, призывая меч Нотунг в свидетели своей порядочности. Однако на деле герой, сам того не подозревая, совершает двойное предательство: и по отношению к Брингильде, нарушив данный ей обет, и по отношению к побратиму, когда клянется, что никогда не посягал на Брингильду. Эта невольная двойная измена стоит ему жизни и предвещает финальную катастрофу. О третьей сцене искушения — в музыкальной драме «Парсифаль» — будет сказано особо (см. с. 245, 249–250 наст. изд.).

Искушение же Владаря Гориславой в Повести — поединок между чувственным влечением и честью — заканчивается победой над соблазном: Лазарь после душевной борьбы отказывается от Гориславы, а позднее и от искушения убить ее спящего жениха. В сцене соблазна в Повести можно уловить отсылки не только к «Тристану и Изольде» и «Гибели богов», но и к любовной сцене между Зигмундом и Зиглиндой в первом действии «Валькирии». И герои Р. Вагнера, и персонажи Повести — из рода Волков (в драмах Р. Вагнера именуемых Вельзунгами), а Горислава и Владарь-Лазарь, как уже говорилось, несут в себе и кровь дракона-змея, они — дважды кровная родня «из рода Егорьева» (см.: I.10.19).

Сцена соблазна начинается с песни Гориславы о змеиной свадьбе: «Выдыбàл млад змееныш яритися; <...> | Выползала змея свадьбу правити» (I.9.4). Далее, в диалоге с Владарем-Лазарем звучит мотив единой крови: «<...> люб ты мне, змееныш! <...> Кровь кровь кличет, чужой не хочет» (I.9.12). То же повторяет и жених Гориславы Симеон: «В вас, Горынских, кровь кровь кличет, кровь кровь борет» (I.10.15). Этой теме в «Валькирии» посвящен весь финальный дуэт Зигмунда и Зиглинды («Невеста-сестра спасена своим братом»; «Сестру родную вместе с мечом ты нашел!»; «Ты и сестра мне, ты и жена мне, — Цвети же, Вельзунгов род!» (Вагнер 1911: 39)). Присутствует в этом эпизоде и мотив спасения героини от нежеланного брака: Зиглинда насильственно взята в жены Хундингом; Горислава называет жениха и мужа «постылым» и даже в первые дни супружества прячет топор, намереваясь убить его во сне. В «Валькирии» залогом освобождения героев и их воссоединения становится меч Нотунг, оставленный Вотаном в стволе Ясеня в доме Хундинга.

Однако герои Р. Вагнера не воспринимают свой союз как греховный, следовательно, для них нет искушения и соблазна: любовь, страсть и счастье самоценны, они выше насильственного брачного союза и стирают границы между «законным» и «незаконным», между праведностью и грехом. О том, что они нарушили принципы нравственности, во втором действии оперы напоминает Вотану его жена, хранительница семейного очага Фрикка: они разрушили брачный союз Зиглинды и Хундинга («брак священный осмеян» (Вагнер 1911: 38)) и совершили кровосмешение («<...> пала сестра в объятия брата! Где же и когда меж кровными брак совершался!» (Там же: 38)). Именно по настоянию Фрикки Вотан вынужден отказать в помощи Зигмунду во время поединка с Хундингом и разбить меч героя своим копьем, охраняя власть «договоров».

В Повести самоценность страсти, ее верховенство над законами чести отстаивает Горислава. Лазарь-Владарь же мечется между вожделением и яростью: «<...> и сладкое к ней потянуло желание; но тут же и злая в душе *змеей* шевельнулась ярость» (I.9.13. Курсив мой. — *Д.М.*). Весьма показательно, что и ярость связана со «змеиной» природой, она так же органична для героя, а не навязана отчужденными законами. Преодоление соблазна в Повести прежде всего связано с христианскими представлениями о чести: «Бога ты не боишься; я же крест целовал брату моему крестовому тебя соблюсти» (I.9.14). Как и у Р. Вагнера, в данном эпизоде очень важна роль меча: «И перескочил через ручей, и бросил меч свой вдоль ручья, и молвил: “Как сей ручей нас разлучает и меч сей нас разделяет, так разделились пути наши”» (I.9.15).

Отвергаются и полемически переосмысляются Вяч. Ивановым и тристановская тема непреодолимой страсти, и зигфридовская тема беспамятного предательства. Лазарь в обоих эпизодах вспоминает о том, что «крест целовал брату моему крестовому» (I.9.14). Он избегает соблазна, но впадает в длительную болезнь, своего рода епитимью за несовершенный, но помысленный грех.

В чем же смысл такой полемической трансформации основных сюжетных коллизий и мотивов «Кольца нибелунга» в Повести Вяч. Иванова?

Концепцию тетралогии Р. Вагнера выразительно сформулировал А.Ф. Лосев:

> Неудачу мира, основанного на индивидуалистическом самоутверждении, Вагнер рисовал на манер романтизма в мифологических и абсолютизированных образах. <...> Трагизм неудавшейся культуры он стал изображать в душераздирающих картинах погони за золотом, кровавых исторических и космических преступлений, безумного напряжения человеческой борьбы за всеобщее счастье и невозможности достигнуть его личными усилиями. И, наконец, перед ним предстала мировая катастрофа в результате этих усилий мирового возмездия и гибели всего индивидуального, которое напрасно мучилось и страдало, напрасно испытывало восторги после мнимых побед и потрясающим образом погибало в роковой и неохватной мировой бездне.
>
> Лосев 1968: 141–142

Историософская концепция Повести выглядит, таким образом, прямым антиподом «Кольцу нибелунга». Если мир, основанный на индивидуалистическом самоутверждении, обречен, то мир, преображенный и просветленный христианством, этикой жертвенности, самоотречения, побеждает смерть. Как предсказано Светомиру, он должен восстать из гроба и спасти от гибели вселенную (в «продолжении», написанном О.А. Шор, Светомир действительно воскресает).

Однако очень важный для Повести Вяч. Иванова мотив болезни (временной смерти), посланной властителю за совершенный грех или хотя бы помысел, в «Кольце нибелунга» отсутствует. Зато он является одним из центральных мотивов последней музыкальной драмы-мистерии Р. Вагнера «Парсифаль», в которой варьируется сюжет о священном Граале. В противоположность «Кольцу нибелунга», основная тема «Парсифаля» не трагическая катастрофа, а искупление и возрождение.

> Действие «Парсифаля» развивается в двух пространствах. Одно из них — сакральный центр мира, замок Монсальват («мое спасение»), где издавна хранились две святыни: чаша Грааля, из которой Христос пил во время Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал Его кровь во время казни, а также копье, которым Он был пронзен на кресте. Монсальват охраняют рыцари, однако попасть в их число, и даже просто найти к замку дорогу, увидеть его, может только тот, кто чист сердцем и помыслами и способен пройти путь духовных и земных испытаний. Второе пространство — сад злого волшебника Клингзора у границ Монсальвата. Клингзор когда-то сам пытался проникнуть в Монсальват и даже оскопил себя, чтобы освободиться от соблазнов. Однако духовное целомудрие для него так и осталось недоступным, и он не был допущен в замок. Теперь чародей окружил его садом, в котором девушки-цветы пытаются соблазнить и погубить идущих в Монсальват рыцарей. Особую роль в мире Клингзора играет волшебница Кундри. Совершив в древности страшный грех — осмеяв Спасителя, — она обречена подчиняться власти Клингзора и в то же время жаждет искупления. По злой воле чародея она заманивает в волшебный сад рыцарей Грааля и соблазняет их. Ее чарам поддался сам король Монсальвата, хранитель Чаши и Копья Афмортас: обнимая девушку, он выронил Копье, которым тут же завладел Клингзор и ранил им короля. Амфортас долгие годы страдает от незаживающей раны, исцелить которую может только Копье, нанесшее ее. В часы, когда Кундри свободна от чар злого волшебника, она искренне раскаивается и пытается вылечить короля, служит рыцарям Грааля, однако все средства бессильны. Амфортас получает предсказание: спасение придет от святого простеца, мудрого любовью. В Монсальват приходит странный юноша: сын рыцаря-крестоносца Гамурета, погибшего на Востоке, и его жены Херцеляйде («Сердечная мука»; в русском либретто (см.: Вагнер 1910б: 16. *Пер. В. Коломийцова*) она названа Горюшей), он воспитан матерью вдали от людей, в лесу, и ничего не знает о мире. Увидев однажды рыцарей, юноша захотел стать похожим на них и отправился на их поиски. Он не знает ни своего происхождения, ни имени родителей, ни своего собственного. В Монсальвате герой становится свидетелем трапезы, перед которой рыцари причащаются. Хранитель Чаши Амфортас должен

совершать обряд Причастия — только он поддерживает жизнь в его престарелом отце Титуреле. Однако каждый раз, когда это происходит, Амфортас испытывает страшные мучения. Парсифаль ничего не понимает в происходящем, цепенеет во время Причастия, и его изгоняют из Монсальвата: он слишком глуп. Через несколько лет, уже став воином, юноша вновь возвращается и попадает в сад Клингзора. Кундри, по приказу чародея, пытается соблазнить его, однако герой преодолевает искушение и одерживает победу над Клингзором: когда тот пытается бросить в юношу Копье, оно зависает над Парсифалем и само идет в его руки. Вернувшись в Монсальват, герой исцеляет Амфортаса, совершает обряд крещения над Кундри и, став королем, открывает Чашу, над которой появляется белый голубь, — искупление совершилось.

О важности легенды о Граале в Повести, в том числе и о ее связи с образом больного правителя, уже неоднократно говорилось в работах Т. Венцловы, С.Д. Титаренко, А.Л. Топоркова (см.: Венцлова 2012, Титаренко 2010, Топорков 2012). Однако указаний на оперу Р. Вагнера как воплощение данной темы в названных исследованиях нет.

Между тем намек на легенду о Граале в связи с рождением Владаря есть уже в Книге первой Повести. Загадочный сон, в котором Василису вгоняет в землю копье-луч святого Егория и который через двадцать два года оказывается сбывшимся предсказанием о рождении сына, начинается с появления юноши Егория, плывущего на облаке:

8 Глядь, а навстречу ей, по-над лугом низехонько, плывет на воздусех, ровно челн по озеру, облак червлéный, и на том облаке, диво дивное, сам Свет-Егорий стоит, юноша красный в доспехах пресветлых, и копье лучевидное в руке держит.

9 И как наплыл на нее, водрузил ей копье-луч прямо в темя, и проник в нее луч сквозь все тело, и под тем она копьем под Егорьевым до самых грудей в землю вошла (I.3.8–9).

Этот сон толкуется непосредственно в тексте. Сначала он воспринимается как предвестие скорой смерти: «К могиле, знать, ей в сыру землю уход примнился» (I.3.10). Затем — как пророчество о рождении ребенка: «через ее-де материнское чрево, оно же и есть Мать-Земля сама, хочет Егорий Святой в осталом своем роду новую славу явить» (I.3.11).

В этом эпизоде Повести переплетаются мотивы из двух вагнеровских опер. Святой Егорий появляется во сне Василисы так же, как посланец Грааля Лоэнгрин предстает в одноименной опере во сне Эльзы, а затем и наяву, чтобы защитить честь девушки:

...В *оружьи светлом* рыцарь
Явился мне тогда...
Мой взор красы столь чистой
Не видел никогда!
Златой рожок на цепи
И *меч, как солнца луч*...
Так он с небес спустился, —
Прекрасен и могуч[12].

Вагнер Р. Лоэнгрин / пер. В. Коломийцова
URL: http://www.wagner.su/book/export/html/306;
дата обращения: 26.04.2015

В то же время вхождение по грудь в землю напоминает явление вéщей богини земли Эрды в «Золоте Рейна» — первой драме тетралогии «Кольцо нибелунга»:

В стороне, в расселине скалы, загорается голубоватое сияние: в ней внезапно появляется Эрда, встающая из земных недр до половины роста. Волны длинных черных волос обрамляют ее величественный образ.

Эрда

(*Простирает руку в сторону Вотана, предостерегая его.*)

Бойся, Вотан! Бойся!
Страшный перстень брось!
В бездну тьмы,
В мрачную гибель
Ввергнет он тебя!..
<...>
Слушай! Слушай! Слушай!
Все бытие — тленно!
Закат богов
В сумерках брезжит...
Совет мой — перстня беги!

Она медленно погружается в землю по грудь; тем временем голубоватое сияние начинает меркнуть.

Вагнер 1910а: 96–97

[12] Совпадающие с Повестью мотивы выделены (курсив мой. — *Д.М.*).

Однако смысл данного мотива у Р. Вагнера и Вяч. Иванова прямо противоположен. Эрда не входит в землю, а выходит из ее недр, чтобы произнести пророчество не о рождении, а о близкой катастрофе и гибели богов.

С оперой «Парсифаль» Повесть связывает несколько существенных элементов. Во-первых, отделенное от профанического мира сакральное пространство — Монсальват в «Парсифале» и Белая Индия в Повести. В обоих произведениях они расположены в горной местности, и добраться до них, даже просто подойти к их стенам, дано не каждому. В «Парсифале» Гурнеманц в первом действии говорит: «Ведь известно, | Что к Граалю путь закрыт для грешных» (Вагнер 1910б: 12). В Повести также подчеркивается недоступность Белой Индии для чужаков:

> 1 Лежит земля наша, именуемая Белая Индия, промежду языки идолотребники и заградою первозданною гор ледовитых и пустынь, аки пещь распаленных, яже нас и от булата щитит Бахметова, и от раздора христианска уединяет (V.2.1).

При этом непосредственное окружение этой священной местности — не просто чужое, но крайне враждебное. В «Парсифале» — это волшебный сад чародея Клингзора, в котором рыцарей подвергают искушению плотью, и те из них, кто не устоял, уже не могут войти в Монсальват. В произведении же Вяч. Иванова говорится:

> 7 Перелазит заставу горную и к нам приблудитися ищет исчадие неприязненное: гимнософисты, сиречь нагомудрецы, рекомые, бесстыдства и безначалия и безнадеждия учители, и чародеи, очей обаятели, и чаротравницы, и блудодеи, обезиян любострастных гнуснейшии,
>
> 8 И пламени, из недр земных изрыгаема, богомольцы, бесонеистовым в нощи плясанием геенский огнь мрачный мнящии славити, похулители стихии чистыя, и инии всяческа толка слуги диаволовы (V.2.7–8).

Упоминаемые чародеи, чаротравницы и блудодеи — точное описание сада Клингзора в опере. Кроме того, в обоих произведениях это сакральное пространство — место, где главный герой должен пройти инициацию и найти свое предназначение. Можно предположить, что это пространство полемически противопоставлено обреченной на гибель Валгалле в «Кольце нибелунга».

Во-вторых, «Парсифаля» и Повесть Вяч. Иванова связывает образ больного властителя, чей недуг — прямое следствие недостаточной твердости героя перед искушением плоти. Правда, у Вагнера Амфортас — правитель Монсальвата, и

болезнь является источником постепенного разрушения его царства. В Повести Лазарь-Владарь находится вне Белой Индии, его состояние важно для его земель, но не оказывает никакого воздействия на центральное священное пространство; Белая Индия остается неизменной. Исцеление Амфортаса совершается Парсифалем, сумевшим устоять перед искушением и вернуть священное копье. Излечивает короля то же самое копье, которым рана была нанесена. Некий аналог данного мотива присутствует и в Повести. Горислава пытается утешить Василису: «Видела я, как тебя вижу, за его спиной золоту стрелу Егорьеву. И ранит стрела сия, и целит, и великого жребия знак есть» (I.16.15). Однако в реальном сюжете у Владаря собственный путь к спасению с неопределенным финалом. Его возрождает отчасти любовь Отрады, отчасти — путь собственного покаяния, духовного очищения, образования, молитв. Окончательное же физическое исцеление вершится не стрелой (она и не ранила Лазаря!), а сном у креста над Егорьевой криницей с раскинутыми крестом руками — там, где бес дубравный искушал Лазаря убить спящего Симеона или хотя бы не мешать его убийству: то, с чего началась болезнь, ее и уничтожает. Заслуживает внимания, что в трактате «Anima» Вяч. Иванов вспоминает легенду об исцеляющем копье Грааля, намеком, лишь отсылая к преданию, но не называя его, и именует это врачующее орудие «стрелой»:

> Роковой может быть только стрела любви, которая, как святое копье античной и христианской легенды, и смертельно ранит, и совершенно исцеляет (и, по энтузиастическому восклицанию суфи Джеллаледдин-эль-Руми, «лишь опьяненный Богом знает, как убивает любовь»). Это есть смертельная молнийная стрела любящего поверх противоположности между Творцом и творением, возносящего любимого через врата смерти к высшей жизни».
>
> Иванов 2009: 36–37

Эпизод искушения Лазаря соответствует искушению Парсифаля. Соблазнительницы — Горислава в Повести Вяч. Иванова и Кундри в «Парсифале» — сходны в своей двойственной природе. Обе они сочетают в себе демоническое разрушительное начало с глубоким раскаяньем в совершенном грехе и порожденном ими зле. Кундри когда-то соблазнила Амфортаса, но в те моменты, когда ее воля не подавляется злыми чарами Клингзора, она пытается служить рыцарям Монсальвата, живет в непрерывных муках и не может умереть. Горислава уходит на покаяние и умирает, дав жизнь Отраде[13], которая еще ребенком становит-

---

[13] Не претендуя на безусловность этого сопоставления, приведем все же реплику Амфортаса из первого действия оперы, в котором упомянута «отрада»: «В святых струях | И я найду отраду <...>» (Вагнер 1910б: 6).

ся для больного Лазаря посредницей между миром живых и миром мертвых, между ним и душой Гориславы.

Безусловное сходство есть и между героями — Парсифалем и Светомиром. О Парсифале в предсказании Амфортасу сказано: «Любовью мудрый, простец святой: жди его — он избран Мной» (Вагнер 1910б: 13). Впервые появившись в Монсальвате, он удивляет тем, что не знает ни своего имени, ни происхождения, ни окружающего мира: его мать после смерти мужа-крестоносца воспитывала ребенка в уединенном лесу, стараясь уберечь от судьбы отца. Однако на литургии в храмовом зале, когда Амфортас, испытывая страдания, причащает рыцарей, Парсифаль «судорожно хватается за сердце», «стоит без движения, словно в оцепенении» (Там же: 26), и Гурнеманц изгоняет его из Монсальвата: «Да ты, я вижу, только глуп! <...> впредь лебедей ты в покое оставь! Ищи-ка, гусенок, гусей» (Там же: 27).

Светомир с детства кажется юродивым и даже слабоумным[14] и тоже воспитывается матерью в уединении, но не в языческом лесу, а в женском тереме, затем, во время войны, в монастыре. И несмотря на то, что отец его жив, он, как и Парсифаль, долго его не видит (см.: III.16.9), хотя и сразу узнает при встрече. Аналогично сцене оцепенения Парсифаля в храме поведение Светомира во время литургии в Книге третьей:

> 5 Пошли все в церковь, а в церкви за службою, как отворили царские врата, нашел на Светомира столбняк. Наставить хотел сына Владарь, когда на колени становиться положено; но окоснелым его увидел и бесчувственным; омертвел лик его, будто восковым стал, и очи, широко раскрытые, остеклели.
>
> 6 И искусился о нем, и подумал: «Взят ныне дух его из тела его. Но в горняя восхищаемый не чужаком ли на земле будет? Как такового над людьми царствовать?» (III.17.5–6).

Правда, одновременно говорится об особой проницательности Светомира, его способности видеть «ангельским зрением», — Парсифалю такой дар дается только после преодоления искушения в саду Клингзора, когда герою открывается изнутри страдание Амфортаса:

Парсифаль

Амфортас!
Он ранен! — Я понял! —
Меня жжёт эта рана!

[14] Ср.: «Шепчутся люди: слабоумен подрастает наследник Владарев» (IV.1.20); «Ропщут люди: юродивому ли наследовать царство?» (IV.11.4).

О, слёзы, слёзы!
Жалобным воплем
из глуби сердца рвутся они! —
О! — О!
Страдалец! Царь несчастный!
Я видел эту рану...
Вот ранен я и сам!
Здесь... Здесь!

(*Кундри глядит на него с изумлением и страхом, а он продолжает в совершенном экстазе.*)

Нет, нет! Я не в тело ранен!
Алым потоком кровь не бежит!
Здесь! Здесь — в сердце огонь!

Вагнер 1910б: 43

Этот тип героя, как у Р. Вагнера, так и у Вяч. Иванова, полемически противопоставлен герою зигфридовского типа, в котором свободное самоутверждение индивидуальной воли доведено Р. Вагнером до предела и трагического исхода.

Названные параллели не исчерпывают всех соответствий между вагнеровскими музыкальными драмами и Повестью, как и возможностей различных интерпретаций этих совпадений. Однако и продемонстрированные здесь общие сюжетные ситуации, мотивы, типы героев позволяют утверждать, что вагнеровский слой для произведения Вяч. Иванова столь же существенен, как и древнерусские и славянские источники. Косвенным дополнением к сопоставительному анализу текстов является запись в дневнике М.М. Замятниной от 17/30 июня 1902 года, делающая очевидной синхронность ранних замыслов Повести с чтением Вяч. Ивановым вагнеровских трактатов (скорее всего, это был трактат «Произведение искусства будущего» (1850)):

> <...> Вячеслав читал Лидии и переводил для меня сделанные им выдержки из Вагнера. Выдержки, в кот<орых> говорится о «grande Art», о народе-творце и вдохновителе, о трагедии к<а>к о единственно могутной выразительнице в ясных образах мифов народных.
>
> О том, что трагический герой должен освободиться от эгоизма и приобщиться общему через необходимо вытекающую смерть, на кот<орую> герой сам идет. Отсюда возникновение трагедии из тризны — прославления смерти героя. <...> Вяч<еслав> добавляет: вся религия христианства есть тризна жертвенной смерти Спасителя (обедня выражает это). <...>

> Затем Вячеслав говорил о «Володаре». Ключ к нему — он «всечеловек», и он должен кончить трагическою смертью — вытекающею отсюда с необходимостью».
>
> Дневник Замятниной 2009: 445–446[15]

За четверть века этот замысел претерпел значительную трансформацию. В противоположность «Кольцу нибелунга», и в «Парсифале», и в Повести намечается иной финал — не конец мира, а его спасение и искупление в христианской жертвенности. В «Кольце нибелунга» трагическая измена героя, не выдержавшего испытания и вставшего на ложный путь, влечет за собой гибель вселенной. В «Парсифале» аскетический подвиг «чистого сердцем простеца» заканчивается победой над злом и конечным искуплением и преображением мира. В произведении Вяч. Иванова очевидны полемика с «Кольцом нибелунга» и диалог-согласие с «Парсифалем».

В заключение — самый сложный аспект рассматриваемой проблемы: в чем смысл скрытого диалога с Р. Вагнером в «Повести о Светомире царевиче»?

Представляется, что на рождение этого диалога повлияли два фактора.

Первый связан с событиями Первой мировой войны, в годы которой Вяч. Иванов продумывает историософский аспект проблемы «Россия и Европа», и в особенности — «Славянская и германская цивилизация». Показательно, что в те же годы в его творческом сознании получает новое развитие и замысел Повести: как отмечают авторы комментариев к настоящему изданию, в 1915–1916 годах появляется ряд связанных с будущим произведением поэтических текстов: песня Отрады, песня Светомира («Виноградарь», «Светомир (*Топчет виноград.*)»), «Утренние чары», а также прозаические наброски[16]. Продумывая создание архетипического образа национальной русской, славянской истории, Вяч. Иванов неоднократно противопоставляет ей германскую цивилизацию, полемизируя с немецким ученым В. Оствальдом. В противоположность предложенной последним схеме развития всемирно-исторического процесса («стадный» этап — этап индивидуализма — этап «организации», синтезирующий черты предшествующих этапов на высшей ступени), Вяч. Иванов в статье «Легион и соборность» (1916) отвергает и «самочинность» индивидуализма («Разлюбив Бога, личность возлюбила себя, себя возжелала — и себя погубила» (Иванов 1971–1987/3: 257)), и обезличивающую организацию. Подобным нежизнеспособным началам в работах этого времени противопоставляется соборность, зачатки которой Вяч. Иванов усматривал в славянской культуре. В статье «Польский мессианизм как живая сила» (1916) он еще раз противополагает славянскую и германскую ветви культуры:

---

[15] См. также с. 187 наст. изд.

[16] См. с. 145–154, 159 наст. изд.

> <...> славянство же хочет быть соборностью, на любви основанным союзом и духовным общением, «собранным духом» свободных народных личностей. Без Христа славянское чувство предназначенности на вселенский подвиг обращается в расовое притязание, внутренне бессильное и несостоятельное, и самое грядущее объединенное славянство — в принудительно организованный империалистический коллектив. Мы должны беречься ошибки германцев, вины давней и вырастающей из самих корней их духовного бытия, поистине вины трагической: убиения личности в культе безличного народного я.
>
> Иванов 1971–1987/3: 660–661

Противопоставление германской и славянской ветви европейской культуры с апелляцией к идеологическому осмыслению творчества Р. Вагнера в годы перед Первой мировой войной и на всем ее протяжении неоднократно встречалось в русской историософской публицистике. Так, С.Н. Дурылин сетовал, что в современной Германии языческие герои «Кольца нибелунга» затмевают «Парсифаля»:

> В Германии Вагнера чтут первее всего как творца щедродушного, сильного и торжествующего Зигфрида. В нем, служителе великолепного меча, обладателе кольца власти, а не в Парсифале, служителе смиренной чаши, заключено подлинное современное мифомышление немецкого народа <...> Эта сокровенная ткань народной души современной Германии, такая, какова она в условиях эпохи, выявлена Вагнером во внегреховном язычестве Зигфрида.
>
> Дурылин 1913: 12

Еще в большей степени это оценочное противопоставление славянства и германства нашло воплощение в статье известного филолога И.А. Шляпкина «Немецкое зло» (1915):

> Грозные предпосылки настоящего германского одичания можно было найти уже давно в германской литературе, этом обычном зеркале народного характера. Черты эгоизма, гордости, жадности, лживости ради выгоды, непримиримой злобы, мстительности этих индогерманцев (термина «индоевропейцы», как известно, немцы не признают) проглядывает и в Эдде, и особенно в Песне о Нибелунгах. Таковы добывание Рейнского золота, губящего своих владельцев, подвиги Зигфрида, убившего своего учителя-кузнеца, начавшего бранить своего ученика за разрубленную наковальню; обман Брунгильды при помощи шапки-невидимки; изменническое убийство самого Зигфрида содействием всем

> ему обязанного короля Гунтера и прославленного героя Хагена; кровавое мщение Кримгильды... А герои славянской расы Илья Муромец, Марко Кралевич, как и романские Роланд и Сид, бьются за родину, стоят за бедных и убогих, и если среди французских витязей оказался изменник Ганелон, то в русском народном эпосе предатели совершенно отсутствуют: ведь и Алеша Попович (богатырский образ которого извращен скоморохами после XIV века) допускает обман только в битве с сильным врагом и симпатиями былин не пользуется. Даже прославленный рыцарь св. Грааля Парциваль в поэме благочестивого Вольфрама фон Эшенбаха пишет: «Не снисходи к смиренным» (Sei zur Demuth nicht vollig gut).
>
> Шляпкин 1915: 13

Вагнеровский культ в гитлеровской Германии, очевидно, только способствовал полемической направленности Повести Вяч. Иванова по отношению к концепции «Кольца нибелунга».

Второй фактор, способствовавший рождению диалога, — присоединение Вяч. Иванова к католичеству без отречения от православия в 1926 году. Поэт начал систематическую работу над текстом Повести во вторую годовщину этого события, 28 сентября 1928 года. Примечательно, что именно после этого присоединения он обращается к умопостигаемому образу святой Руси и погружается в глубокие архаические пласты древнерусского и старославянского языка, как будто воплощая в самом главном своем творческом замысле мысль о «двух легких» — католичестве и православии, — которыми надлежит дышать христианской Церкви и в особенности славянской культуре. Можно предположить, что образ Светомира-царевича возник как своего рода русский вариант Парсифаля, позволяющий славянской ветви европейской культуры вести равный диалог с западноевропейской историософской традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Повесть о Светомире царевиче» (далее — Повесть) впервые была опубликована в первом томе брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова (см.: Иванов 1971—1987/1: 255—369). Текст сопровождался небольшими примечаниями О.А. Шор, в которых сообщались сведения о хронологии работы автора над Повестью и о стихотворениях, включенных в ее текст (см.: Там же: 856). Во введении к изданию, также написанном О.А. Шор, несколько страниц были посвящены истории создания произведения (см.: Дешарт 1971: 220—223). За пятью книгами Повести были помещены еще четыре книги, принадлежащие перу О.А. Шор (см.: Иванов 1971—1987/1: 371—512). В настоящем издании так называемое «продолжение», созданное Ольгой Александровной, не воспроизводится*.

Ссылки на брюссельское собрание сочинений Вяч. Иванова в настоящем издании даются сокращенно: «Иванов 1971—1987», далее через косую черту следует номер тома, после двоеточия — страницы.

В 1995 г. Повесть (без ее «продолжения») была включена в том избранных статей Вяч. Иванова, составленный С.С. Аверинцевым (см.: Иванов 1995б: 459—589). Текст был перепечатан с брюссельского издания, дополнительной сверки с рукописями не производилось. Том сопровождался краткими примечаниями С.С. Аверинцева (см.: Там же: 662—663).

Настоящее издание целиком опирается на материалы Римского архива Вяч. Иванова и стало возможным благодаря единству устремлений А.Б. Шишкина как хранителя архива и исследователей, понимавших острую необходимость подготовки нового издания Повести.

Сохранены некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации, в частности, написание названия произведения («Повесть о Светомире царевиче») без дефиса.

Для наиболее полного восприятия творчества Вяч. Иванова нужно представлять круг его общения, а также совокупность текстов, которые он читал. Вяч.

---

* О соотношении Повести Вяч. Иванова и ее «продолжения», написанного О.А. Шор, см. с. 204—213 наст. изд.

Иванов был не только поэтом и мыслителем, но и историком, филологом, переводчиком, литературным критиком, журналистом, глубоким знатоком древнегреческой, латинской, русской, итальянской, немецкой, французской, английской и других европейских литератур. Он свободно объяснялся на немецком, французском, английском и итальянском, владел древнегреческим и латынью, изучал санскрит. Поэт писал стихи на русском, немецком, итальянском, греческом и латыни.

Среди «вечных спутников», которых Вяч. Иванов читал, изучал и переводил, Гомер, Геродот, Аристофан, Еврипид, Эсхил, Сафо, Алкей, Овидий, Гораций, Вергилий, Блаженный Августин, Франциск Ассизский, Данте, Петрарка, Сервантес, У. Шекспир, И.-В. Гёте, Ф. Шиллер, Дж. Байрон, Новалис, Э.-Т.-А. Гофман, Г. Флобер, Ф. Ницше. Из русских писателей XIX в. ему были наиболее близки А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой.

Поэт поддерживал личные и творческие контакты с такими литераторами, как А.В. Амфитеатров, И.Ф. Анненский, К.Д. Бальмонт, Андрей Белый, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, М. Волошин, сестры Аделаида и Евгения Герцык, М.О. Гершензон, З.Н. Гиппиус, С.М. Городецкий, А.М. Горький, С.Н. Дурылин, Б.К. Зайцев, М.А. Кузмин, С.К. Маковский, Д.С. Мережковский, Э.К. Метнер, А.М. Ремизов, В.В. Розанов, В. Хлебников, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, Г.И. Чулков и др. Общался Вяч. Иванов и со многими мыслителями своего времени (Н.А. Бердяев, М. Бубер, С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, Ф.А. Степун, П.А. Флоренский, С.Ф. Франк, Лев Шестов, В.Ф. Эрн); дружил и состоял в переписке с выдающимися учеными-гуманитариями (Е.В. Аничков, С.А. Венгеров, Этторе ло Гатто, И.Н. Голенищев-Кутузов, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский, К. Крумбахер, М.И. Ростовцев, М.Н. Сперанский и др.).

Описи книг московской библиотеки Вяч. Иванова свидетельствуют о широком круге его интересов и, в частности, об увлечении фольклором и древнерусской литературой. Здесь находим издание «Слова о полку Игореве», подготовленное Ф.Е. Коршем (1909), его же работу «О русском народном стихосложении» (1897), «Русскую хрестоматию» Ф.И. Буслаева (1917?), сборник «Стихи духовные: Словеса золотыя», составленный Е.А. Ляцким (1912), книги Е.В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (1903–1905. Ч. 1–2) и «Язычество и Древняя Русь» (1914), его же статью «Из прошлого калик перехожих» (1913), издания русских былин, сербских и русских песен (см.: Обатнин 2002: 276–323 (№ 155, 293, 535, 729, 735, 817, 889, 914, 1124, 1283, 1351, 1432)) и др.

Среди книг, хранившихся в римской квартире поэта:* воспроизведение первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. (см.: Слово 1920), Лаврентьевская летопись (см.: Летопись 1897), «Народные русские сказки и легенды» А.Н. Афанасьева (см.: Афанасьев 1922/1–2), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (см.: Даль 1880–1882/1–4), «Пословицы русского народа» В.И. Даля (см.: Даль 1904/1–4), хрестоматия по народной словесности В.В. Сиповского (см.: Сиповский 1912), сборник народных песен П.В. Шейна (см.: Шейн 1877), «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей» под редакцией Н.В. Гербеля (см.: Гербель 1871), книга Л. Нидерле «Быт и культура древних славян» (1924) и др.

* Описание этой библиотеки доступно в Интернете, см.: URL: http://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/in_russian/ (дата обращения: 24.02.2015).

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ
Сказание старца-инока
Редакции и варианты

Истоки замысла Повести восходят еще к 1894 г.*, первый поэтический текст, связанный с ним (песня Отрады – «Во темно̀м сыром бору...»), появился в 1915 г. – в ночь на 10 января.

В ночь на 13 января было написано другое стихотворение, также находящееся в образном пространстве будущей Повести, – «Утренние чары» («Я пришла к тебе боса...»). Оно будет опубликовано в том же 1915 г. в августовской книжке «Русской мысли» – в составе цикла «Лебединая память» (см. также: Вяч. Иванов 1971–1987/3: 489). Не случайно Вяч. Иванов вновь обратился к нему в 1949 г. в тетради с черновиками «Послания Иоанна Пресвитера». Беловые автографы песни о Владычице Дебренской и «Утренних чар» находятся рядом в рабочей тетради 1915 г., содержащей и указание на даты создания стихотворений: см.: РАИ. Оп. I. К. 5. Тетр. 10. Л. 4 об., 5. (Структурные единицы в описях РАИ – картоны, содержащие папки или тетради. Далее соответственно: К., П., Тетр.)

Осенью 1916 г. сложена песня царевича Светомира, топчущего виноград на Острой горе. Под названием «Виноградарь» стихотворение будет опубликовано в 1918 г. в пасхальном номере газеты «Раннее утро», см.: Раннее утро. 1918. 4 мая/21 апр. № 79. С. 2. Отдельно записанные строфы о пчеле-медунице датированы 1916 г.; осенью 1929 г.** Вяч. Иванов «присоединил» их к «Виноградарю».

Песня Светомира и прозаические наброски на сохранившемся черновике (см.: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 17) – на сегодняшний день единственные известные авторские источники, относящиеся к продолжению повести, которое Вяч. Иванов не успел написать. О «раз-

* См. с. 157 наст. изд.

** Дата указана О.А. Шор (см.: Иванов 1971–1987/1: 857).

бросанных листочках» упоминала О.А. Шор, доказывая обоснованность своего продолжения Повести (см.: Иванов 1971–1987/1: 222). Однако данные черновики так и не были обнаружены к настоящему времени. «Зачеркнутые» же «страницы» (см.: Там же: 222), сохранившиеся в архиве, относятся к первым пяти книгам. Всего же, по замыслу Вяч. Иванова – в передаче О.А. Шор (см. сноску 4 на с. 259 наст. изд.) – их должно было быть двенадцать. Автор продолжения закончила свой труд девятой книгой. О том, что произведение будет состоять «по меньшей мере из 9 книг», Вяч. Иванов 10 июня 1930 г. писал Б. фон Гейзелеру*.

Работа над Повестью началась 28 сентября 1928 г., в день св. Вячеслава Чешского (в день именин Вяч. Иванова по григорианскому календарю** и через полтора года после его присоединения к Католической Церкви). Первые главы к этому времени уже вполне оформились в мысли поэта. Поэтому и двигалась работа очень быстро – от первых набросков карандашом*** до белового автографа 45 глав в тетради, подаренной О.А. Шор. Но дальше в обращениях к Повести неоднократно наступали долгие перерывы – первый, возможно, между 1932 и 1936 гг., второй – между 1939 и 1944 гг. В последние дни августа 1948 г. дописываются главы XII–XV Книги пятой, в первые две недели сентября пишется вторая часть «Послания Иоанна Пресвитера». Повесть, как известно, осталась незавершенной. Название «Повесть о Светомире царевиче» зафиксировано только в машинописных копиях, хотя, по воспоминаниям О.А. Шор, оно возникло еще 28 сентября 1928 г. Подзаголовок менялся: на сохранившейся отдельно обложке одного из экземпляров машинописной копии карандашом, рукой Вяч. Иванова, над зачеркнутым «Книга первая» подписано: «Повествование старца-инока» (см.: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 27. Л. 7), в другом экземпляре (рукой О.А. Шор) и в первой публикации повести: «Сказание старца-инока».

Практически без утрат сохранились все рукописи 1928–1949 гг. Не удалось пока обнаружить лишь два упоминаемых О.А. Шор черновых автографа (см.: Иванов 1971–1987/1: 856): Песни о Рае (1 января 1929 г.; впервые опубл. в 1930 г. в итальянском переводе) и колыбельной Светомира (январь 1932 г.). Самый ранний черновик последнего текста не найден до сих пор. В явно перебеленном виде, но с правкой, колыбельная оказалась записанной в тетрадь О.А. Шор, содержащую первую редакцию ее книги «Мнемология» (см.: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 2. Л. 93об.; тетрадь начата в феврале 1930 г.).

* Цит. по: Поджи 2008: 692.

** Сам он забыл об этом празднике, ему напомнил знакомый бенедиктинский монах; Вяч. Иванов был поражен совпадением. О.А. Шор в рассказе об этой сцене не точна. Она справедливо упоминает о том, что Вяч. Иванов в России праздновал именины 4 марта, но ошибается, говоря, что праздник 28 сентября не известен ни в России, ни в Чехии (ср.: Иванов 1971–1987/1: 222). Это не так. Вяч. Иванов просто мог не помнить о втором (на самом деле – основном) дне памяти своего небесного покровителя. Этот день празднуется и теперь 11 октября по новому стилю (28 сентября по старому) в Русской и в других Церквах, придерживающихся юлианского календаря, 28 сентября – в Католической Церкви и в Церквах, перешедших на новый стиль.

*** Здесь и далее «карандашом» означает – простым (графитным), не цветным карандашом.

Имеющиеся автографы легко выстраиваются в хронологической последовательности, поскольку почти все тетради, за исключением самых ранних, датированы. Однако при ближайшем рассмотрении разобраться в этой последовательности довольно сложно. Вот лишь несколько примеров: после многочисленных черновиков* в 1929 г. появился беловой автограф (см.: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 1), впрочем, тоже не лишенный обильной правки; затем О.А Шор весьма неспешно сняла с него рукописную копию (см.: Там же. П. 2). Работа продвигалась медленно, поскольку переписчица была занята тогда собственной книгой «Мнемология» и при этом жила в Риме; Вяч. Иванов же большую часть года проводил в Павии. В сделанную рукописную копию поэт внес несколько поправок – исправил ошибки переписчицы; однако потом вернулся к собственному беловику и, словно забыв о существовании вычитанной им копии, начал правку в нем, несмотря на то, что эта тетрадь была более старой**. Из беловых блокнотов не раз вырывались и вырезались листы (и, напротив, подклеивались полоски, вырезанные из других рукописей); хотя эти фрагменты также сохранились в достаточном количестве, порой трудно установить последовательность черновых вариантов. Это связано с одной особенностью Вяч. Иванова: правка у него часто идет по кругу, для поэта характерно возвращение к уже отвергнутым ранее вариантам. Небольшой сегмент текста мог претерпеть десяток изменений, но в них мы найдем несколько тождественных вариантов, чередующихся с другими.

Отдельные блоки произведения автором не переставлялись (решившись «записывать»*** Повесть, он, по-видимому, хорошо представлял план первых частей и не отступал от него), но неоднократно менялось членение текста на книги, главы, а позднее и стихи4*. Так, завершенная в 1929 г. Книга первая была впо-

* Вяч. Иванов писал карандашом, часто стирал написанное и писал поверх стертых строк, делал множество исправлений, зачеркивал готовый фрагмент и на соседней странице начинал работу снова.

** По мнению А.Б. Шишкина, рукописная копия могла быть предназначена исключительно для личного пользования О.А. Шор, поэтому Вяч. Иванов и не возвращался к ней в дальнейшем.

*** Используем здесь выражение О.А. Шор (см.: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 1. Л. 2).

4* По словам О.А. Шор, Вяч. Иванов решил, что его новое произведение «будет состоять из двенадцати книг. Книги – из неравного числа глав» (Иванов 1971–1987/1: 854, примеч. 221). При этом она уточняла: «“книги” и “главы” следует понимать в средневековом смысле этих слов» (Там же). Подобное свидетельство позволяет нам использовать для обозначения выделенных автором минимальных сегментов Повести (это может быть одно предложение или несколько, иногда лишь часть фразы) термин «стих», упо-

следствии (в 1936–1939 гг., т. е. при возвращении к «Светомиру» после первого долгого перерыва в работе, или еще позднее — в 1945 г., когда была окончательно завершена следующая книга*) разделена на две части. Тогда же законченная к этому моменту Книга вторая была переименована в третью. Несколько раз сдвигались границы четвертой и пятой книг, начало последней смещалось всё дальше, и в итоге Книга пятая стала включать в себя только Послание Иоанна Пресвитера. Точно такие же процессы можно наблюдать и в разграничении глав.

Что же касается разбивки текста на стихи (когда каждый получает свой номер и начинается с нового абзаца), она появилась далеко не сразу — только в беловом автографе Книги третьей (первоначально — второй), т. е. в 1930 г.; в первых же частях была добавлена позднее — не ранее, чем первая книга была разделена на первую и вторую. Не лишним будет еще раз пояснить, что в 1930-е годы была изменена только «графика» (хотя, конечно, за новым оформлением рукописи стоит огромный смысл — ориентация на Св. Писание), а не ритмический строй текста, не его фразировка. *Мерность* этого текста не мешают расслышать даже строки, записанные в подбор.

Номера стихов были подставлены карандашом, а там, где граница стиха пришлась на середину предложения, были введены разделяющие косые черты. В границах стихов и нумерации происходило множество правок и замен (иногда по два-три раза в одном и том же сегменте текста), что было связано и с многочисленными позднейшими вставками новых фрагментов.

Возникают трудности с установлением точной датировки исправлений. Перебеленный черновик покрывался несколькими слоями правки — почти одновременной с первоначальной записью и более поздней. Беловой автограф быстро переходил в черновой, так нарастало количество разнообразной правки, и если правка чернилами — ранняя и поздняя — отличима на глаз, то карандашную датировать значительно сложнее. Делалась ли она по завершении всей работы или какого-то ее этапа (напр., по завершении Книги четвертой автор мог вернуться к первым трем книгам и пересмотреть их) либо параллельно с работой над «ближайшей» книгой — установить это без исследований рукописей при помощи специальной аппаратуры не представляется возможным.

Внимательное изучение сохранившихся в Римском архиве Вяч. Иванова документов показало, что невозможно выделить единый источник (напр., беловой автограф или авторизованную машинописную копию) для *всей* «Повести о Светомире царевиче». Казалось бы, существуют машинописные копии пяти завер-

---

требляемый по отношению к библейским текстам. В позднейших рукописях «Светомира» Вяч. Иванов и оформляет нумерацию стихов так, как это делается в изданиях Библии: «верхним индексом», без точки после цифры.

* А.Б. Шишкин не согласен с данным предположением, полагая, что разделение первоначальной первой книги на первую и вторую произошло не позднее 1939 г.

шенных книг. Однако, во-первых, авторизованы из них далеко не все, а во-вторых, они относятся к разному времени: не все из них прижизненные (есть копии, переведенные на не принятую Вяч. Ивановым новую орфографию, которые непосредственно предшествовали публикации Повести в брюссельском собрании сочинений и относятся к середине 1960-х годов).

Авторизованные экземпляры: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 22–25. Это м/п копии первых четырех книг; в п. 26 (опись РАИ) авторизация копии поставлена под сомнение составителями описи, что более чем справедливо: карандашная правка в данном экземпляре принадлежит исключительно О.А. Шор, наиболее обильна она на л. 23 и 30. Следует подчеркнуть характер авторизации в указанных экземплярах. Это не творческая правка, но исправление опечаток копистки (причем не фронтальное, а выборочное), а также простановка ударений, которая могла быть сделана и О.А. Шор при сверке с автографом; ей же принадлежит и большинство исправлений собственных опечаток (при этом множество их так и осталось неисправленными). Пожалуй, единственный пример, в котором соединены исправление погрешностей и создание нового варианта, присутствует в прижизненной машинописной копии Книги третьей. Вяч. Иванов сначала исправил опечатку «стража по̲латинская» на «стража па̲латинская», затем перечеркнул оба слова и надписал карандашом: «стратиоты» (см.: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 24. Л. 16). По характеру почерка это исправление можно датировать второй половиной 1940-х годов. В брюссельское собрание сочинений эта поправка не вошла, а в настоящем издании внесена в основной текст.

В-третьих, не стоит забывать о том, что «Повесть о Светомире царевиче» — незавершенное произведение. Беловой автограф Книги пятой обрывается на восьмой главе. В черновиках данная книга завершена, но перебеленные фрагменты разбросаны в тетради между черновыми вариантами, а не идут подряд (автор вновь и вновь возвращался к особенно трудно дававшимся ему главам — биографии Иоанна Пресвитера и описанию столицы его царства). Готовя текст к изданию, О.А. Шор сделала примечание в машинописной копии: «Дальше по черновикам» (РАИ. Оп. II. К. 2. П. 26. Л. 14). Мы последовали за ней и постарались выявить среди черновых записей наиболее перебеленные (итоговые) варианты отдельных глав. При этом выяснилось, что прочтения О.А. Шор (как это оказалось и в других случаях*) были далеко не всегда точны, а в нескольких наиболее трудных местах она отступала от текстов автографов, создавая фактически собственный текст**. Следовательно, принимать подготовленную О.А. Шор машинописную копию за источник для установления основного текста повести невозможно.

---

* Может быть, именно из-за этого Вяч. Иванов и предпочел в свое время работать с собственной более ранней тетрадью, нежели вносить новую правку в авторизованную копию своей помощницы, о чем уже было сказано выше.

** См., напр.: Иванов 2008б: 299.

Не может быть использован в качестве источника и текст первой публикации произведения, расходящийся уже не только с автографами, но даже и с машинописными копиями. Таблицы, сопоставляющие текст брюссельского издания (см.: Иванов 1971—1987/1) с беловым автографом и основными машинописными копиями, начала составлять сотрудница Рукописного отдела ИРЛИ РАН Л.Н. Иванова (1948–2006). Списки выявленных ею опечаток и неточностей заняли много страниц и при сверке, предпринятой для настоящего издания, оказались еще далеко не полными (таблицы не опубликованы, хранятся в ИРЛИ). Мы сочли необходимым начать текстологическую работу с чистого листа, не отмечая каждый раз очередную неточность первой публикации, чтобы не перегружать издание пространным перечнем этих погрешностей. Однако в своде вариантов отмечены все существенные разночтения с машинописью (не опечатки!), а также те варианты машинописных копий, которые введены в основной текст (наиболее важный случай связан с тем, что из белового автографа были вырезаны листы, которые в настоящее время не найдены, и машинописная копия является единственным источником для целого фрагмента главы). В нашем издании предложен заново выверенный по всем имеющимся на сегодняшний день источникам текст, отличающийся от брюссельской публикации весьма значительно: в частности, он освобожден от многочисленных неверных прочтений архаичных слов и грамматических форм* и снабжен восстановленными по автографу ударениями.

Отметим, что Вяч. Иванов, следуя греческой и церковнославянской орфографии, различал так называемые восходящие и нисходящие ударения и лишь изредка допускал неточности: «отъидé» вместо правильного «отъидè» (см.: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 5. Л. 29об.), «ужасé» вместо «ужасè» (Там же: 33об.). В нашем издании эти немногочисленные случаи исправлены. Нужно сказать, что ударения Вяч. Иванова порой носят авторский характер. Так, в том же примере со словом «отъиде» («отыде») по нормам церковнославянского языка следовало бы поставить ударение не на последнем слоге, а над «и».

---

* Так, в Книге пятой вместо «звероподобных племен» (*БА*) в брюссельском собрании сочинений читаем: «зверонравных племен» (Иванов 1971—1987/1: 352); вместо «окраинные области» в редакции О.А. Шор – «окрестные области» (Там же: 352); вместо «святыя Параскевии Пятницы» в брюссельском собрании сочинений – «святе Параскевии Пятницы» (Иванов 1971—1987/1: 368). В девятой главе Книги первой вместо «хитрости женские домекать» в редакции О.А. Шор прочитано: «домогать» (Иванов 1971—1987/1: 265), а в семнадцатой главе Книги второй вместо «с игуменом» копистка воспроизводит ложную архаическую форму «с игуменем» (Иванов 1971—1987/1: 197). Данный ряд можно было бы продолжить, однако это представляется нецелесообразным: характер выявляемых ошибок связан с тем, что Ольга Александровна не была текстологом и поэтому упреков за искажение текста Повести не заслуживает.

Приведем лишь несколько примеров восстановления текста по беловому автографу. В представленных ниже таблицах разночтения для наглядности выделены жирным.

1. Случай явного осовременивания текста: замена архаичного полногласного варианта приставки «вос» на соответствующее современной норме «вс» и употребление «нейтрального» (невыразительного) слова «приснилось» вместо непонятного рядовому читателю глагола «приверзилось».

Книга первая. XXI.2	
Беловой автограф (см.: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 1. Л. 34об.)	Иванов 1971—1987/1: 277
Днем и не **вос**помнишь ясно, что̀ ночью **приверзилось**. (*До авторской правки здесь было*:) Днем и не припомнишь ясно, что̀ ночью снилось. В прижизненной м/п копии (см.: К. 2. П. 22. Л. 37) текст совпадает с беловым автографом, только над словом «что» нет ударения.	Днем и не **вс**помнишь ясно, что̀ ночью **приснилось**.

Исчезнувший в печатном варианте древний глагол «приверзиться» содержит в себе очень важные коннотации: здесь и значение «пригрезилось», «померещилось», и в то же время, возможно, — значение, синонимичное слову «приразилось» (ср.: «приражение вражие»), «нашло на меня»; значение, подчеркивающее, что сонное видение «*насылается*» на человека, а не «принадлежит» ему.

2. Выявляются в брюссельском собрании сочинений и разночтения с беловым автографом и прижизненными м/п копиями, не имеющие обоснования в известных нам источниках. В приведенном ниже примере особенно характерно уточнение: «Кира младшего».

Книга третья. VII.15	
Беловой автограф (см.: К. 1. П. 3. Л. 1) и прижизненная м/п копия (см.: К. 2. П. 24. Л. 15)	Иванов 1971—1987/1: 313
<...> Ксенофонт древний, полководец и дееписатель достославный <...> у **Кира варвара** наемником был <...>	<...> Ксенофонт древний полководец **и любомудр** и дееписатель достославный <...> у **варвара, Кира младшего**, наемником был <...>

3. Показателен случай неверного прочтения авторской правки копиисткой: О.А. Шор заметила в беловом автографе вставку слова, но прочла его не совсем точно, а также пренебрегла тем, что в строке зачеркнуто слово «знак», и в итоге создала «свой» вариант:

Книга третья. VIII.7	
Беловой автограф (см.: К. 1. П. 3. Л. 16)	Машинописная копия (см.: К. 2. П. 24. Л. 18) и Иванов 1971–1987/1: 314
(*Было до правки*:) таковой де знак на щитах (*После авторской правки*:) такового де змия на щитах	<...> таковой де змеиный знак на щитах <...>

Обычное для текстологической справки описание источников в их линейной последовательности затруднено постоянным изменением границ составных частей Повести, на что уже указывалось выше. Приведем еще один поясняющий пример: после завершения черновой редакции Книги первой (в границах *итоговой* Книги первой; см.: Оп. II. К. 2. П. 7) появляются черновики продолжения (в момент появления они относились к Книге первой, теперь же их надо описывать уже как первые черновики Книги второй) — несколько редакций восемнадцатой главы (позднее — двадцатой), затем создается черновая редакция последующих глав*. Только после этого возникает полный беловой автограф (основной источник для нынешних первой и второй книг: Там же. П. 2). Описать все это «подряд» чрезвычайно затруднительно, потому что на каждом шагу потребуются новые пояснения-напоминания о том, что разбивка книги на части изменилась.

В связи с огромной внутренней подвижностью при внешней образно-фабульной неизменности текста Повести был избран, возможно, непривычный для академической текстологии путь: дать описание источников не произведения в целом, но каждой книги отдельно. Ниже следует перечень имеющихся источников, представленный в виде таблицы, а за ним — более развернутая характеристика тех же материалов. Избранная Вяч. Ивановым форма (с делением текста на стихи) подсказала и способ подачи вариантов в данном разделе: описание «движения» каждого стиха в последовательности вариантов. Также указываются номер книги и главы. При необходимости перед текстом вариантов определенной главы дается мини-преамбула, в которой перечисляются редакции данной главы с указанием их архивного адреса. В этом разделе приводится и вся правка в беловых автографах, и текстовые несовпадения с машинописными копиями (не считая, повторим, опечаток и их исправлений). Основной текст подготовлен к публикации по беловым рукописям. В каждом из беловых автографов, что

* См. таблицу «Источники текста» на с. 266–269 наст. изд.

важно отметить, есть свой слой авторской правки, и все первоначальные варианты также учтены в нашем своде. Из машинописных копий в основной текст включено несколько мест, и все эти случаи объяснены (см. варианты Книги второй: III.17; XI.15; XX.6–7; а также фрагмент главы X Книги третьей, присутствующий только в прижизненной м/п копии).

Поскольку в ранних автографах разделения на стихи не было, а затем их границы менялись, в подаче черновых вариантов мы исходим из окончательного членения текста, показывая в случае необходимости все формальные несовпадения в номерах стихов, границах стихов, глав и книг. В тех местах, где разбивка на стихи была особенно подвижной и невозможно разорвать тот или иной фрагмент, за единицу принимается не один стих, а несколько (напр., «2–8»). Чтобы избежать путаницы в подаче стихов разной протяженности из черновых вариантов (существует довольно много примеров того, что на одном листе записаны два или даже три варианта начала главы, каждый из которых обрывается на новом месте), после номера варианта в скобках указывается не только сокращенное наименование редакции или рукописного источника (как во всех остальных случаях), но и лист рукописи. Данный подход должен быть удобен для читателей, которые смогут, с одной стороны, легче представить себе весь набросок целиком, избежав путаницы с «соседним» текстом с того же листа, а с другой стороны — проверить наше прочтение по рукописям, представленным на сайте Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме (см.: URL: www.v-ivanov.it (Дата обращения: 17.12.2014)).

Сегменты текста, совпадающие с итоговым вариантом, не приводятся. Для обозначения выпущенных частей используется знак ~ (тильда). И основной текст, и варианты печатаются по современной орфографии с сохранением некоторых авторских особенностей («кладязь», «навождение», «не сдобровать», и т. п.) и принципов старой орфографии. Так, в Книге пятой, написанной еще более архаичным, нежели в других частях, языком, важно было сохранить формы склонения прилагательных, причастий и местоимений («оне», «ея», «сея страны», «лицевыя действа», «под землю ушедшия»; особенно важно это в склонениях прилагательных женского рода: «единыя, святыя, соборныя и апостольския Церкве», «ветхия славы», «богопротивныя гордыни»; встречаются такие случаи и в других книгах: «земли нашея»), а также ориентированное на церковнославянский язык слитное написание частицы «же» с местоимениями и наречиями (только в отличие от церковнославянского Вяч. Иванов часто использует дефис: «о ней-же»*, «их-же», «камо-же», «той-же»; без дефиса обычно пишется у него «якоже» (но встречается и «яко же»), «идеже»; раздельно: «его же», «сия же», «на сей же»). Кроме того, сохранено смыслоразличительное написание слов «мир» и «мір» и производных от них. Вместо буквы «фита» используется «ф» («панфири» (пан-

* Это написание у Вяч. Иванова неустойчиво, встречается и раздельное «о ней же» (см.: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 6. Л. 8).

теры), «Лавиринф» (лабиринт), «Лилиф» (Лилит), «логофеты», «Кефер»), вместо «ижицы» — «и» («перста мироточива»). Окончания прилагательных мужского рода на «аго» исправлены по современной норме (исключение сделано только для словосочетания «Бога Живаго»), унифицировано написание окончания именительного падежа множественного числа на «-цы» (у Вяч. Иванова встречалось два варианта: «богомольци» и «богомольцы», «скопци», но «стрельцы», «нагомудрецы» и т. д.), написание на «-ци» оставлено лишь для палатализованных окончаний, в тех случаях, когда форма единственного числа заканчивается не на «ц», а на «к» (священник — священници, отсельник — отсельници, чаротравник — чаротравници). В некоторых случаях в формах множественного числа это важно для различения рода существительного (в единственном числе, например, было бы не «чаротравница», а «чаротравник»). Написание слов «рассамашья», «пастушёнки», «крапильня» приведено в соответствие с современными нормами орфографии; однако сохранено двойственное написание имени библейского царя Давида («Давид» — «Давыд»).

Список условных обозначений, использованных в разделах «Дополнения» и «Редакции и варианты», см. на с. 805 наст. изд.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Номер источника текста	Архивный адрес	Тип источника	Датировка
Книга первая			
1	РАИ. Оп. I. К. 5. П. 32. Л. 80об., 81–80	Черновые наброски карандашом	[1928]
2	Там же. Оп. II. К. 1. П. 7. Л. 1–52	Черновой автограф фиолетовым карандашом; правка чернилами и синим карандашом	[1928–1929]
3	Там же. П. 8. Л. 1–8	Черновой автограф главы 18; листы вырваны из блокнота П. 7	[1928–1929]
4	Там же. П. 1. Л. 1–35об.	Беловой автограф с правкой	1929
5	Там же. П. 2. Л. 2–29об.	Копия О.А. Шор с правкой автора	1929–1934
6	Там же. К. 2. П. 22	Машинописные копии	Не ранее 1935

Номер источника текста	Архивный адрес	Тип источника	Датировка
Книга вторая			
1	РАИ. Оп. I. К. 5. Тетр. 10. Л. 4об.	Черновой автограф Песни Отрады	Ночь на 10 января 1915
2	Оп. II. К. 1. П. 10. Л. 1	Беловой автограф Песни Отрады	Не ранее 10 янв. 1915
3	Там же. Оп. II. К. 1. П. 9	Черновой автограф главы 20 (1 и 2 по итог. нумер.)	[1928–1929]
4	Там же. Оп. I. К. 5. Тетр. 9	Черновой автограф	[1929]
5	Там же. Оп. II. К. 1. П. 1. Л. 35об.–71	Беловой автограф	1929
6	Там же. П. 2. Л. 30–64	Копия О.А. Шор с правкой автора	Не ранее 1929–1934
7	Там же. К. 2. П. 23	Машинописные копии	Не ранее 1934–1935
Книга третья			
1	РАИ. Оп. II. К. 2. П. 20. Л. 2	Черновой набросок	1929–1930
2	Там же. К. 1. П. 11	Перебеленный фрагмент	1929–1930
3	РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 2. Л. 93об.	Черновой автограф колыбельной Светомиру	1932
4	Там же. Оп. II. К. 1. П. 3	Беловой автограф с правкой	1930–1939; янв. 1945
5	Там же. П. 12–15	Черновые автографы (на листах, вырванных из б.а.)	1932 (?)
6	Там же. К. 2. П. 24	Машинописные копии (одна из них — с правкой автора)	1930-е — 1940-е Копия сделана до разделения Книги первой на первую и вторую

Номер источника текста	Архивный адрес	Тип источника	Датировка
7	Оп. II. К. 3. П. 35	Машинописная копия колыбельной Светомиру	[1944]
Книга четвертая			
1	РАИ. Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 1–30об.	Черновой автограф	[1944] – не позднее января – нач. февраля 1945
2	Там же. К. 1. П. 4	Беловой автограф с правкой	1945–1946
3	Там же. К. 2. П. 25	Машинописные копии	
Книга пятая			
1	РАИ. Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 31–45	Черновой автограф	1945–1946
2	Там же. П. 5	Черновой автограф	1948
3	Там же. П. 6	Беловой автограф с правкой (неоконченный)	1948–1949
4	Там же. П. 26	Машинописные копии	Не ранее 1948–1949
Песня Светомира («Виноградарь», «Светомир (*Топчет виноград.*)»)			
1	РАИ. Оп. II. К. 2. П. 17 Л. 1–1об. Л. 2–3об.	Черновой автограф. Стихотворение в двух редакциях и прозаические наброски	1916 (?)
2	Там же. Оп. I. К. 5. Тетр. 8. Л. 1–3	«Светомир (*Топчет виноград.*)» Беловой автограф	Октябрь 1916
3	РАИ. Оп. I. К. 1. П. 5. Л. 92	Ред. А («Что поешь ты, медуница...») Черновой автограф	1916
4	Там же. Л. 93	Ред. B («Золотая медуница...»)	1916

Номер источника текста	Архивный адрес	Тип источника	Датировка
5	Там же. П. 18. Л. 1–1об.	Черновой автограф Копия О.А. Шор	Датировка не установлена (не ранее 1929 г.)
6	Там же. Л. 2–3; Там же. П. 19. Л. 1	Машинописная копия; с рукописной вставкой (беловой автограф) «Золотая медуница ~ Втуне с иноком осталась»	1929 (?)

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Книга первая

1. Ранние наброски карандашом (РАИ. Оп. I. К. 5. П. 32. Л. 80об., 81–80), датируются предположительно 1928 г., находятся в одном из рабочих блокнотов. Содержат три варианта начала повести, без заглавия, без разделения на стихи. Нижний левый край л. 80об. оторван. Датировка основана на указании О.А. Шор о времени, когда Вяч. Иванов начал «записывать» свою Повесть: «Пуфи начал записывать “Песнь о Стреле” 28 сентября 1928 г.» (Там же. П. 1. Л. 2).

2. Ранняя редакция (*ЧА-1*; Там же. Оп. II. К. 1. П. 7. 52 л.). Датируется предположительно 1928–1929 гг. Источник представляет собой черновой автограф карандашом в блокноте без обложки. Заглавия нет; текст не разделен на стихи. Содержит 18 глав (соответствуют позднейшим 20 главам), номера глав обозначены арабскими цифрами. Л. 1–3 оторваны и приложены.

3. Черновой автограф (Там же. П. 8). Датируется предположительно 1928–1929 гг. Шесть (а не пять, как сказано в описи РАИ) вариантов главы 18 (впоследствии ее номер – XX) записаны на листах, вырванных из того же блокнота (*ЧА-1*). Разделение на стихи отсутствует. Записи на л. 1–1об. сделаны «химическим» (лиловым) карандашом, остальные – простым. На л. 1об. и 3об. присутствуют рисунки (л. 1об. – голова кошки и женская фигура, л. 3об. – фигура епископа).

4. Беловой автограф (*БА*) чернилами с правкой и вставками чернилами и карандашом (Там же. П. 1). Авторская датировка: 31 марта – 16 июня 1929 г. Тетрадь в картонном переплете, обтянутом лидерином. С данного автографа была снята рукописная копия О.А. Шор (о ней см. с. 259 наст. изд.), а уже после этого (в 1939 г. или не ранее 1945 г.) в нем появилась авторская правка карандашом (в копию она не вносилась). Машинописные копии делались также с данного *БА* (до разделения Книги первой на первую и вторую). Деление текста на

стихи произошло позднее — не ранее 1930–1940-х годов (скорее всего, не ранее 1939 г., когда была завершена Книга вторая, впоследствии третья). В первой редакции Книги первой в *БА* 45 глав. Нумерация глав начиная с *БА* используется арабская. После разделения на две книги 21 глава осталась в Книге первой (см. л. 4–35об. [с. 1–64 (авт. паг.)]), 25 глав составили Книгу вторую (см. л. 35об.–71). К моменту этого разделения уже была написана Книга вторая, которая после описанной операции стала именоваться третьей.

Первый стих первой главы появляется только в *БА*. Он подписан позднее рукой О.А. Шор на л. 2об.; номер главы и стиха проставлены еще позднее карандашом; соответственно на л. 4 номер главы I перечеркнут. В копии О.А. Шор этот же стих подписан ею также на отдельном листе: см.: П. 2. Л. 3об. Глава XXI имеется только в *БА*. Вероятно, *ЧА* этой главы (в *ЧА* ее номер был бы 19) утрачен. Предполагаем это на основании того, что продолжение нумерации в *ЧА* было: 20, 21 (XXII и XXIII по нумерации *БА*) и т. д.

На л. 1 тетради с *БА* — герб Московского царства. Под ним запись рукой Вяч. Иванова: «Святой Егорий, русской державы покровитель». На л. 2 в верхнем углу рукой О.А. Шор: «31-ого марта 1929 г. Светлое Христово Воскресение. Рим». В нижнем углу — иероглифы и изображение фламинго*, транскрипция псевдонима О.А. Шор (О. Дешарт — dšrt), образованная от транскрипции египетского иероглифа «фламинго»: dšr**, о которой ей сообщил Вяч. Иванов; дважды повторенное слово ЕТНΨΙ (возможно, образованное от греческого ετήσιος — ‘ежегодный’) и запись с указанием дня, когда Вяч. Иванов «начал записывать» Повесть (28 сентября 1928 г.). Дата 31 марта 1929 г. может означать день, когда была начата эта тетрадь (т. е. когда в нее стал переписываться текст первых глав). Закончена тетрадь в день свв. ап. Петра и Павла. См. запись лиловым карандашом на л. 71 (приведена ниже, в описании источников Книги второй).

5. Копия О.А. Шор в тетради (Там же. П. 2). Датируется: [1929] г. — 21 ноября 1934 г. Нумерация глав еще «сплошная», нет разделения на первую и вторую книги. Разделения на стихи также нет. Правка автора сделана карандашом и включает в себя как корректуру неверных прочтений, так и собственно авторскую правку. Карандашная правка в *БА* делалась позднее, чем была закончена эта копия, по-видимому, одновременно с разбивкой на стихи. К тетради с копией О.А. Шор автор уже не возвращался. На л. 2 в нижнем углу запись карандашом рукой Шор: «Пуфи начал записывать “Песнь о Стреле” 28 сентября 1928 г. | Первая книга была кончена 16 июля 1929. | Фламинго кончил переписывать ее 21 ноября 1934 г.» (Там же. П. 2. Л. 2).

* Фламинго — домашнее прозвище О.А. Шор. Возможно, вся запись обозначает: «Пуфи и Фламинго». Пуфи — прозвище Вяч. Иванова.

** См.: Иванов — Шор 2001: 345.

6. Машинописные копии с перемежающимися листами первого и второго экземпляра (Там же. П. 22). Датируется: не ранее 1934–1935 гг. Правка чернилами и карандашом (вероятно, рукой О.А. Шор) — исправление опечаток, проставление ударений. Номера глав в первом экземпляре были отпечатаны на машинке с красной лентой. Копия была сделана до разделения Книги первой на первую и вторую: об этом свидетельствует то, что в продолжении были позднее изменены номера глав (см. описание источников Книги второй).

Печатается по *БА*.

Книга вторая

1–2. Черновой и беловой автографы стихотворения «Во темно̀м сыром бору...». Датированы 10 января 1915 г.; в измененном виде стихотворение вошло в первую главу Книги второй (сначала — внутри Книги первой): РАИ. Оп. I. К. 5. Тетр. 10. Л. 4об.; Оп. II. К. 1. П. 10. Л. 1. На обороте белового автографа запись рукой ребенка: «Я иду китай город | клуч у рукомойника» (Оп. II. К. 1. П. 10. Л. 1об.).

3. Черновая редакция главы 20 Книги первой (*ЧА-1.2*), которая затем была разделена на главы 20 и 21 (XXII и XXIII нумерации *БА* Книги первой), а впоследствии стала первой и второй главами Книги второй (Там же. Оп. II. К. 5. П. 9). Номер главы 21 подписан синим карандашом. Разделения на стихи нет. 2 л.

4. Черновая редакция (*ЧА-2*). Блокнот с отсутствующей верхней обложкой (Там же. Оп. I. К. 5. Тетр. 9. 35 л.). Датируется приблизительно 1929 г. Содержит главы 22 и далее Книги первой (первоначально); нумерация соответствует разделению на главы самой ранней редакции. В одну из глав входит песнь о затворенном Рае, которая, согласно указанию О.А. Шор, написана 1 января 1929 г. Разделение на главы 23 и 24 сделано позднее синим и красным карандашом. Глава XXVI написана голубым карандашом. Глава XL (в *БА* ей соответствует гл. XXII) дана в 11 вариантах разной протяженности. На л. 28 — беловой автограф с правкой; окончание этого фрагмента (л. 29) соответствует уже следующей главе. Далее в этой же тетради следуют черновики переводов из И.-В. Гёте («Прометей» и «Парии»), также датируемые 1929 г.

5. Беловой автограф (*БА*) с правкой чернилами и карандашом (Там же. Оп. II. К. 1. П. 1. Л. 35об.–71). Тетрадь 1929 г. (см. описание источников Книги первой; с. 269–271 наст. изд.). Вторая половина Книги первой (с гл. XXII) стала Книгой второй. Тетрадь завершена в день свв. ап. Петра и Павла. На л. 71 запись: «Павия, 16 июня 1929». Номер главы XXXII ошибочно не исправлен на XI. В связи с этим Вяч. Иванов затем принял окончание длинной римской цифры за XII, из-за чего происходит сдвиг нумерации (гл. XIII).

6. Копия О.А. Шор (см. описание источников Книги первой; с. 269–272 наст. изд.).

7. Машинописная копия, сделанная с *БА* до разделения Книги первой на первую и вторую (Оп. II. К. 2. П. 23; эта копия представляет собой продолжение м/п копии в п. 22, о чем свидетельствует и продолжающаяся пагинация). Два экземпляра, второй неполный. Перед главами I–IX стерты (в некоторых местах зачеркнуты или выскоблены) прежние номера и вписаны новые. Правка Вяч. Иванова (исправление опечаток, замена «Жиряте» и «Жихарю» на «Жихорю») и О.А. Шор (исправление опечаток).

Печатается по *БА*.

Книга третья

1. Черновой карандашный набросок первой главы (*ЧА-3.1*). Последний стих не дописан. Датируется: 1929–1930 гг. РАИ. Оп. II. К. 2. П. 20. Л. 2. Разделение на стихи отсутствует.

2. Тот же фрагмент, перебеленный с правкой; лиловым карандашом (*ЧА-3.2*). Листок из блокнота: Там же. Оп. II. К. 1. П. 11.

Разделение на стихи отсутствует. В п. 11 цифра «1» (в середине первой строки, по центру) означает скорее номер главы.

3. Черновая редакция колыбельной Светомиру (Оп. VII. К. 2. П. 2. Л. 93об.). Автограф карандашом (беловой с правкой) в тетради О.А. Шор «Мнемология».

4. Беловой автограф (*БА*; Оп. II. К. 1. П. 3), датируется 1930–1932 гг. Источник с небольшой карандашной правкой, переходящий в позднейший (законченный в 1936–1939 гг.) – со значительной правкой чернилами и карандашом и с вклейками; на л. 24об. в январе 1945 г. карандашом написан новый вариант начала главы XIV (авторская датировка: «Январь 45»; более подробно об этом фрагменте см. пункт 5.4; с. 273 наст. изд.). Тетрадь в лидериновой обложке. Первоначально это была Книга вторая (на л. 3 – титульном листе – заглавие исправлено карандашом). Присутствуют номера стихов: до середины главы IV они писались в строке, затем приподнялись над строкой (поскольку в серии «Литературные памятники» «верхним индексом» принято маркировать примечания, номера стихов даны в настоящем издании в виде цифр, привязанных к основанию строки). Глава IV разделилась на IV и V; далее произведено изменение нумерации глав. Главы I–III датированы 1930–1931 гг. (помета рукой О.А. Шор карандашом в правом верхнем углу л. 4). На л. 8 в правом верхнем углу карандашом помета рукой О.А. Шор: «Январь 1932». На главе VI заканчивается рукопись начала 1930-х годов (это противоречит указанию О.А. Шор, что в Павии было закончено не шесть, а десять глав (см.: Иванов 1971–1987/1: 856)), становится значительно больше правки. В главах VII и VIII разбивка на стихи последовательно изменена при карандашной правке. Нет разделения на главы IX и X, которое имеется в машинописи; отсутствует фрагмент, источником которого являются только м/п копии (П. 24. Л. 22–24 [с. 20–22 (паг. м/п копии)]; л. 59–62 [с. 19–22 (паг. м/п копии)]), – окончание стиха 6 – стих 26 итоговой нумерации. Начиная с главы XI номера стихов снова пишутся в строке. Возможно, здесь первоначально уже начиналась следующая книга (на тот момент именуемая третьей). На л. 21 в правом верхнем углу рукой О.А. Шор (карандашом): «Закончено на Monte Tarpeo 1936–39» (это записано поверх стертой карандашной записи). На л. 22 была глава II (следующей книги), затем исправлено на XII, X подписано карандашом. Оглавление, записанное на л. 2об. карандашом (см. раздел «Наброски, планы, подготовительные материалы»; с. 162, 164 наст. изд.), по-видимому, следует датировать уже 1945 г. (здесь явно более «поздний» почерк, чем в первой части тетради). После главы IX из *БА* вырезаны листы, на которых были записаны черновые варианты следующих глав; некоторые из них сохранились отдельно (см. ниже п. 5).

5. Черновые наброски глав XI–XIII (Оп. II. К. 1. П. 12–15). Страницы вырезаны из *БА*.

5.1. П. 12: незавершенная глава XI (соответствует главам XI и XIII – до стиха 11 итогового варианта), перечеркнутый беловой автограф с обильной правкой на л. 1об.–2об. (далее: п. 12). Продолжение есть в п. 15 (см. с. 273–274 наст. изд.), но с другой нумерацией стихов.

5.2. П. 14: то же (далее: п. 14). Автограф карандашом. Левый край листов утрачен при вырезании из блокнота. Стихи 1–6 перечеркнуты. Стих 6 здесь – в двух вариантах. «Вклиниваются» стихи, относящиеся к следующей главе итогового варианта. На л. 2 со стиха 6 начинается новый вариант. Со стиха 8 текст относится уже к следующей главе итогового варианта.

5.3. П. 13: зачеркнутый фрагмент глав XI–XII, л. 1–1об. (далее: п. 13). Черновой автограф чернилами; перечеркнуто крест-накрест; несколько слоев правки. Начинается со стиха 8. Начало новой главы (то, что в п. 12 было стихом 8 главы XI) обозначено здесь как глава II (номер вписан карандашом). Это служит еще одним подтверждением тому, что в *БА* с главы XI предполагалось начать Книгу третью (нынешняя третья была в 1930-е годы второй). Ср.: в главе XII в *БА* «X» подставлено карандашом.

5.4. П. 15: черновые наброски стихов 10–14 (л. 2) и 19–23 (л. 1) (соответствуют стихам 10–20 главы XIII итогового варианта), а также стихов 1–4 главы XIII (соответствуют стихам 1–5 главы XIV) (далее: п. 15). Л. 1 – перечеркнутый беловой автограф. Л. 2об. – карандашом. Левый край листов частично утрачен при вырывании из блокнота. Черновой вариант начала главы XIII (в нынешней нумерации XIV) был вырван из тетради с *БА* (см.: п. 15, л. 2об.). Затем в *БА* появился полный текст главы. В 1945 г. на л. 24об. карандашом подписано три варианта первого стиха. Один из них стал итоговым. До 1945 г. это была глава XIII. После л. 24–24об. вырезано еще четыре листа. До 1945 г. в этом месте начиналась «тог-

дашняя» третья книга – гл. IV; с нынешнего стиха 11 начиналась глава V. Далее (уже в 1945 г.), возможно, предполагалось выделить из последних глав начало четвертой книги.

6. Первый экземпляр машинописной копии с правкой автора и О.А. Шор чернилами и карандашом (Оп. II. К. 2. П. 24), сделанной до разделения книг (на обложке – л. 1 – было первоначально: «Книга вторая»; исправлено карандашом). На с. 6 (л. 7 по описи) первого экземпляра м/п есть помета рукой О.А. Шор: «январь 1932» (скорее всего, это просто перенесение в м/п копию даты из БА, где дата также проставлена рукой копиистки). На л. 23 стерто заглавие: «Глава девятая». На с. 23 (л. 25 по описи; л. 26 – второй экземпляр той же страницы) – начало главы XI (стихи 1–5) зачеркнуто (соответствует стихам 1–6 итоговой нумерации). По нашему мнению, это промежуточный вариант главы, в *БА* есть позднейший. Итоговый вариант главы XI см.: Там же. Л. 27–28 [с. 23–24 (паг. м/п копии)].

6.1. Второй экземпляр машинописной копии (Там же. Л. 59–62 [с. 19–22 (паг. м/п копии)]. Это более полный вариант главы X. Здесь есть стих 26, а стих 25 отличается от варианта первого экземпляра м/п.

7. Машинописная копия с небольшой правкой карандашом – другая редакция колыбельной Светомиру (Оп. II. К. 3. П. 35). Здесь нет ни названия, ни указания, к какой книге относится текст, ни разделения на стихи. Копия отличается от недавно выявленной черновой редакции из тетради О.А. Шор.

Печатается по *БА* с отдельными уточнениями по м/п копии (П. 24).

Книга четвертая

1. Черновая редакция (*ЧА-4*). Черновой автограф карандашом в блокноте большого формата, вложенный в обложку от другого блокнота. Первый лист (или несколько листов) вырван, начинается с главы II (Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 1–30об.). После главы VII (л. 7об.) – стихотворение «Проф. Уго Паоли». Глава IX начата на л. 8, т. е., возможно, раньше, чем глава VIII (см. л. 9; здесь текст этой главы, кроме номера, взят в скобки). На л. 8 девятая глава обрывается на стихе 9, а ее окончание (стихи 8–16) записано на л. 9–10. Этот вариант зачеркнут. Позднее (при правке *БА*) именно со стиха 8 девятой главы Вяч. Иванов хотел начать новую главу. Тем не менее нельзя исключить, что было и наоборот: сначала появился текст на л. 9–10, потом автор зачеркнул его и вернулся на л. 8. На л. 8 есть также записи, относящиеся к другой главе. Глава X существует в шести вариантах, стихи 1–2 – в семи, часть вариантов – неоконченные (см. л. 11, 12, 14, 15, 16–16об.; на л. 15 и 16 номер главы исправлен на III); глава XI – в трех вариантах (см. л. 13, 17–17об., 19; последний вариант: стихи 4–12). На л. 17 рядом два номера главы: XI. IV; третий вариант начинается со стиха 4 (без окончания). Глава XII – в двух вариантах (см. л. 18, 20; последний: стихи 6–11). На л. 18 встречаются два стиха под номером 10. После главы XI (см. л. 21) начиналась Книга пятая (сейчас – главы XIII–XVI Книги четвертой). На л. 21 указано: V книга; на л. 22 – Книга V. Глава I (XIII итоговой нумерации) имеется в трех вариантах (см. л. 21 (стихи 1–9); 22–23, 24; л. 23об.: варианты стихов 15–20). Глава II (XIV): три черновых варианта начала главы (см. л. 24) и две черновые редакции (см. л. 24–24об.): незавершенная (до стиха 12, стихи 6–23 в ней зачеркнуты) и полная (см. л. 25–25об.). Имеется два зачеркнутых незавершенных варианта начала главы XVI (первоначально – четвертая глава Книги пятой) (стихи 1–6 – л. 28; стихи 1–12 – л. 29, нижняя часть которого оторвана) и полный черновой вариант (см. л. 30–30об.). После главы III (XV) в тетради следует зачеркнутый черновой набросок статьи «О Дневниках Т.Л. Сухотиной» (л. 27–27об.)*.

2. Беловой автограф (*БА*) со значительной правкой чернилами и карандашом (Оп. II. К. 1. П. 4. 68 л.). Тетрадь в бумажной обложке с репродукцией картины А. Мантенья «San Giorgio». Датируется: февраль 1945 г. – не ранее 31 декабря 1945 – [Январь 1946]. На титульном листе дата: Февраль 1945 (см. л. 2). На л. 52 (после главы XII) дата: 28 сентября 1945. На л. 56 (после главы XIII) дата: 31. XII. '45. На л. 2об. записан План книг – до книги VII (см. раздел «Наброски, планы, подготовительные материалы»; с. 162, 164 наст. изд.). В итоге то, что в данном автографе разделено на книги четвертую и пятую, стало единой Книгой четвертой. После главы IV в *БА* предполагалось разделение на книги. Стерто: Книга <*1 нрзб.*>. Номер главы VI был зачеркнут карандашом и рядом с ним подписано: II; рядом с номером главы VII стерто карандашное: III. Затем новую книгу автор захотел начать с нынешней главы VIII (далее есть стертые номера глав: I, II). Когда в конце сентября Вяч. Иванов в своей работе дошел до глав, с которых начинается нынешняя Книга пятая, он исправил I на XIII, т. е. «присоединил» последующие главы к Книге четвертой. После главы XIII (которая была сначала первой главой Книги пятой) на л. 56 карандашом записан краткий план следующих трех глав (см. раздел «Наброски, планы, подготовительные материалы»; с. 162 наст. изд.). Имеется несколько вариантов начала главы XIV. Листы 56об.–57 перечеркнуты голубым карандашом.

3. Машинописная копия с незначительной правкой О.А. Шор (Оп. II. К. 2. П. 25). Три экземпляра.

Печатается по *БА*.

---

* Статья опубликована посмертно в нью-йоркском «Новом журнале» (см.: Новый журнал. 1953. Кн. 32. С. 288–295); см. также: Иванов 1971–1987/4: 603–611. Об истории ее создания см.: Иванова 2002б: 38–46 (здесь же, на с. 41–44 публикуется один из черновых вариантов статьи).

Книга пятая

1. Черновая редакция (из бывшего окончания Книги четвертой; *ЧА-4.5*; РАИ. Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 31–45; в том же блокноте, что и *ЧА-4*). Датируется: декабрь (?) 1945 г. – август 1946 г. Главы V–VI (Книга пятая первоначально начиналась раньше; см. в описании источников Книги четвертой; с. 274–275 наст. изд.) даны в нескольких вариантах. Соответствуют по содержанию I–VI главам *БА*. На л. 42об. 20 августа 1946 г. начато письмо к М. Харари* на английском языке, после которого вырван лист. На л. 46 записи о свв. Параскеве Пятнице и Евфросинии Полоцкой (см. раздел «Наброски, планы, подготовительные материалы»; с. 165–166 наст. изд.). На л. 47 наброски стихотворения «О плоть, меня сжигающий хитон...» и статьи «О Дневниках Т.Л. Сухотиной» (карандашом).

2. Черновой автограф (*ЧА-5*; Оп. II. К. 2. П. 5). Датируется 1948 г. Тетрадь без обложки, расшитая (58 л., 14 л. чистые). Начиная с главы IX (см. л. 18об.) есть даты: 28 августа – 15 сентября 1948 г. Глава VIII существует в восьми вариантах. Есть вырезанные листы. В конце тетради – стихотворения «Утренние чары», «Гармония сфер», «Лепечет жизнь, как живая волна...», перевод с латыни молитвы на праздник Непорочного Сердца Марии, наброски и рисунки к Повести**.

3. Беловой автограф (*БА*), неоконченный, с правкой; главы I–VIII (Оп. II. К. 2. П. 6). Датируется: 1948–1949 гг. Тетрадь в бумажной обложке.

4. Машинописная копия (Оп. II. К. 2. П. 26). Датируется: не ранее 1948–1949 гг.

Печатается по *БА*. Начиная с гл. IX – по перебеленным автором главам из *ЧА-5*.

Источники Песни Светомира, относящейся к несозданному продолжению Повести, описаны на с. 693–694 наст. изд.

* М. Харари возглавляла лондонское издательство «Harwill Press», в котором в 1950 г. был напечатан английский перевод дневника Т.Л. Сухотиной-Толстой. Именно для этого издания Вяч. Иванов готовил свое предисловие, по каким-то причинам не вошедшее в книгу. Л.Н. Иванова в своей статье указала на более позднее письмо поэта к английской издательнице – от 22 апреля 1949 г. (см.: Иванова 2002б: 40).

** См. нашу публикацию «Из последних стихотворений Вяч. Иванова» (см.: Иванов 2008б: 309–312).

Книга ПЕРВАЯ

I

1 *До БА отсутствует; в БА вписано на отдельном листе рукой О.А. Шор. В копии О.А. Шор – также на отдельном листе.*

2 *ЧА-1 совпадает с БА*

<1.> *К. 5. П. 32. Л. 80об.*

В некотором царстве, в христианском государстве, держал власть царь Володарь

<2.> *Там же*

В некотором царстве [достохвальном] / В некоем {благочестивом} царстве, христианском славном государстве власть держал Володарь самодержец

<3.> *Там же. Л. 81*

В некотором царстве, в христианском государстве, держал власть царь Володарь

3 <1.> *Л. 80об.*

Под его рукой утвердилось царство и [возросло] / {распространилось}, и возвеличилось; и слава имени его наполнила вселенную;

<2.> *Там же*

именем [пот<ому?>] прозывался Владарь<.> <Под> его рукой царство окрепло <и возр>осло <и> возвеличилось. Слава <имени его напол>нила вселенную делами <?>

<3.> *Л. 81*

Под его рукой / державой* окрепло [{то}] царство [{и возросло}] и возвеличилось, и слава имени его наполнила вселенную;

ЧА-1

В его руке утвердилось державство и возвеличилось; и простерлось {владычество его} на восток солнца и полдень, и запад, и полночь далече; и имя его наполнило вселенную; [А сел государить]

4 <1.>

и народ его земли нес тяготы царства.

<2.>

<А> народ на державу труждался, <{и несл>а} земля [несла] тяготу царства.

<3.>

народ же, на земле {труждаяся}, нес тяготу державы / царства / державы.

* *Оба варианта зачеркнуты, не выбран ни один.*

ЧА-1 совпадает с БА; *копия О.А. Шор*
тяготы́
5 <1.>
А сел царевать Володарь в годину разрухи {великой} [и пагубы конечной], и страну от конечной пагубы освободил, вскоре же и [прославил] к вящей славе воздвиг,
<2.> *Там же*
<А> как сел {он} царевать, была година <раз>рухи и пагубы конеч<ной>. И от той {страну} освободил [Володарь, а вскоре]. Вскоре же и к вящей славе
Текст обрывается
<3.> *Л. 81*
[[А сел на престол владычества / {державы} не по родовому строительству державного] / А сел Володарь на державство [, труждаючись в страде подневольной даже до истощения и туги великой.]]
ЧА-1
А сел государить Володарь в разруху и разоренье великое, и родину от [супротивной силы] / {супротивных} целу отстоял, вскоре же и в вящей славе воздвиг,
6 <1.> *Л. 80об.*
не в родовое наследство / не по наследству в роду приняв державу, но излюблен быв и {показан} [на царство] / {в цари} милостию Божией и церковным благословением и изволением всенародным [А житие] из княжичей захудалого рода Егорьева,
<2.> *Л. 81*
А сел на царство не по наследству в роде, а по избранию, милостию Бож<ией> и церкви благословен<ием> и изволением всенародн<ым>, и тем <?> от конечной погибели царство оберег, княжич быв захудалого рода Егорьева,
ЧА-1
не [отеческий] / {отчий} в наследье прияв стол, но излюблен быв и показан и посажен Божиею милостию, церкви благословением и всея земли соборным изволением / произволением
7 <1.> *Л. 80об.*
чей корень шел <от> самого Егория Храброго.
<3.> *Л. 81об.*
что корень вело от одной из сестер Егория Храброго.
ЧА-1
[как] / [{явление же было этому}] и от* Святого Егория явленные не-

* *Было зачеркнуто, затем восстановлено.*

кия знамения [{и}] надежною почтены были* за избранника порукою, зане воцарялся муж [от кореня] / {из племени} Господня Воина; и не обмануло земли упование.
БА
при явле́нных от Святого Егорья знамениях, яко восставший вождь в силе Егорьевой, [последний побег] отпрыск от кореня {прозябший}** Господня Воина; и не [обмануло] / {постыдило}[4*] земли упование.
8 <1.> *Л. 80об.*
Житие же Володарево допрежь того <таково было.>
<2.> *Л. 81, 80*
А житие Володарево таково было.
Был у {млада} Володаря [во] крестовый брат, из того же кореня Егорьева, именем Симеон, и был [тот большой] сей обручен невесте
ЧА-1 совпадает с БА

II

2 *ЧА-1*
бесоугодие и чарование [возлюбили / возлюбивши] / бесоугодию и чарованию {привершися} и от святыя веры отступив / отступивши, братогубительным одержимы неистовством[5*]
БА, *было*
бесоугодие и чарование возлюбивши и от святыя веры отступивши
3 *ЧА-1*
С двумя сыновьями / двумя сынами, от них же {и} Горынские
4 *ЧА-1*
И прослыли оные неключимые ~ Змиевым семенем[,] ~ как хлынула наземь [потопом] / {полыньею}
5 *ЧА-1*
{И иные так пустобредили;} иные же иное ~ с демонами-змеевиками
6 *ЧА-1*
[А то исчадие] / {Оное же} о змиевом семени ~ из присловья [аль] / {да} порекла
7 *ЧА-1*
Змея Горыныча ~ и в еллинских баснословиях [повествуется про] / {сказуется}

* *То же.*
** *Вставка карандашом.*
4* *То же.*
5* *Правка здесь и до конца главы сделана голубым карандашом.*

8 *ЧА-1*
Сим подобно, своею же и те ~ боря; а раздорили

III

1 *ЧА-1*
[Прошли] / {Миновали} века

2 *ЧА-1*
Было в те новые времена: [одному из двоих осталых князей Горынских] оставалось от рода Горынских всего двое мужей, князь Давыд и князь Никита, что̀ и за родню друг друга не почитали,

БА, было
князь Давыд, возрастом из двоих старший

БА
да и в глаза [друг друга] не видывали, сидючи [тот] / {Давыд} ~ [этот] / {Боривой}* у степи окрайней [, и за родню друг друга не почитали.]

3 *ЧА-1*
и как сыновей, имени наследников, не имели оба, славный <?> вымирал род.

БА
старцы [мнилось] {памятливые}

В копии О.А. Шор: мнилось — *вставка*

4 *ЧА-1*
князю Давыду, по отчеству Лазаревичу, и княгине его Василисе, людям уже пожилым ~ дал / даровал Бог первенца, которому на роду

4–5 *ЧА-1*
которому на роду писано было землей володеть, откуда и Володаря прозвище

БА, было
которому на роду писано было землею володеть

над зачеркнутым было подписано: о нем же и повесть сия; Сему бо суждено было; *затем* было *стерто*

Копия О.А. Шор: сему бо суждено было в совете Господнем

Итоговый вариант в БА (Зане тому) *подписан карандашом значительно позже, судя по характеру почерка* (*возможно, в конце 1940-х годов*); *слово* суждено *зачеркнуто, но восстановлено нами как необходимое по смыслу.*

7 *ЧА-1*
Видела себя {во сне} Василиса средь веселых подруженек на зеленом

* Вставки — карандашом.

лугу: «и откуда — {думала} — красных девиц собралось [столько] / такое множество? и в лицо иных не признать / признаешь».

БА
Гуляет она [средь] / {меж}* веселых подруженек

8 *ЧА-1*
Глядь, а навстречу ей по-над лугом плывет / Глядь, а навстречу низехонько ей / Глядь, а навстречу ей по-над лугом низехонько плывет ~ а на том облаке-челне сам Свет-Егорий стоит и копье-луч прямо в темя; и проник {в нее} луч

9 *ЧА-1*
и под тем она копьем {под} Егорьевым ~ в землю ушла / вошла.

10 *ЧА-1*
Перешепнулись подружки, как про сон услышали: «К [смерти] / {могиле}

БА
про сон тот [услышали] / {сведали}**

11 *ЧА-1*
на сына{-богатыря} ~ в захудалом своем роду

12 *ЧА-1*
пребывала бездетною.

БА
бездетною / бесчадною***.

IV

1 *ЧА-1*
Бродила [под] / {в} Ильин день

2 *Копия О.А. Шор*
дуб стародавний

ЧА-1
по камушкам {гладким} разливается, на солнце играет: загляделась

3 *ЧА-1*
загляделась Василиса на тот родник

В БА было так же.

4 *ЧА-1*
Испей, помолясь, от источника

* *Вставка карандашом.*
** *То же.*
*** *Исправлено карандашом.*

БА
Испей, [помолившись] / {по молитве}*, воды

5 *ЧА-1*
И, сказав те слова, скрылась старица

6 *ЧА-1*
и [вернулась] / {пришла} ~ и в ту же ночь [плод] {во чреве}

7 *ЧА-1, было*
Когда же родился на Егория младенец

8 *ЧА-1*
и из сердцевины того дуба

БА
и из [сердцевины того дуба] / {комля}

ЧА-1
и {Св.} Егорья

9 *ЧА-1*
и {ключом} взыграла

V

1 *В ЧА-1 здесь не было разделения на главы.*

ЧА-1
А отрок возрастал пригож и статен, нравом пылок, но незлобив, мыслью высокомнителен, на язык воздержен,

2 *ЧА-1*
в играх и ристаниях не столь силен, сколь ловок и прыток, к учению ~ горазд, в ответах ~ быстр, родителям ~ покорлив, с домочадцами

В основном тексте ЧА-1 в следующем предложении находим соответствие стихам 15 и 16 итогового варианта (см. с. 11 наст. изд.).

3—14 *В ЧА-1 — четыре черновых варианта (л. 11об., 12об.)*

<*Вариант 1.*> *Л. 11об.; зачеркнутый вариант*
[И [от седьмого года жизни до двенадцатого больше] / {в раннем отрочестве / [больше]} [высокомни<тельности>] / надмения и [распальчивости / {воспылания} и ярости являл, нежели после] / надмению {подвержен был и ко вспыль<чивости> и строптивости и необузданности [являл] / {уклонялся}, нежели [ныне] {с} года двенадцатого}, как [приключилось ему в играх детских] необычайное некое происшествие {в детской игре} с ним приключилось]

* *Вставка карандашом.*

<*Вариант 2.*> *Там же; зачеркнутый вариант*
[И [в раннем отрочестве больше] / {до двенадцатого года} {бесу} надмения {более} подвержен был и [от обычной был] ко вспылу и строптивости и необузданности {чаще} от обычного благоприятства / обычной благоприязни и [послушания] / {покорности} уклонялся, нежели с двенадцатого года]

<*Вариант 3.*> *Там же*
И до [года] двенадцатого {года} бесу надмения более подвержен был и [от] ко вспылу и [строптивости] / {властности} и необузданности от кротости и послушания чаще уклонялся, нежели после года двенадцатого, как нечаянное нечто в детской затее с ним приключилось. [Игра] Играл он со сверстниками, {княжьими и боярскими детьми,} [в войну] и был в игре царем выбран, и повел их, будто на войну, в глубь леса дальнего, а брат его двоюродный, Василисин племянник, Васька Жирята, отрок злонравный, Лазарю {по}завидовал, и всякое ослушание ему творил, и ругался над ним

<*Вариант 4.*> *Л. 11об., 12об.*
И до [{воз<раста>}] [двенадцат<ого>] тринадцатого <года> бывало {от кротости и благонравности и послушания уклонял<ся>}, инорядь пред сверстники [возносился] / {возношение являл} и любоначалие / возношение и любоначалие являл и {на священн<иков> и чадово<дителей> <?> нередко <?>} свирепостью распалялся; а как пошел ему тринадцатый год и нечаянное нечто и чуду подобное {происшест<вие>} в затеях детских ему приключилось, [николи то ли от] тогда греховных страстей то ли избыл, то ли в сердце затаил, токмо от (*текст обрывается*)

А приключилось ему избрану быть [от де<тей>] в игре от сверстников, детей княжеских и боярских, в цари, и повел он [войско] потешный полк в темный лес походом; а родня его Васька Жирята, отрок злонравный, ему завидовал, ругался над ним и змеенышем его называл и на бой кулачный вызывал. И сказал Лаз<арь>: «не подобает мне, царю, с тобой битися, но [велю] тебя, [как ослушника и] крамольника / крамольного {слугу}, смертию казнить». И повелел полку своему Ваську связать; и как ни был он [крепок] могутен, связан был [от<рок>] по рукам и ногам и положен под дубом; и один покинут.

3—4 *БА, было*
гневом; а как пошел

6 *В БА* Жихорь *вписано карандашом над зачеркнутым*: Жирята

В копии О.А. Шор над Жихорь *карандашом написано*: Жирята

и подражнял его и *вписано в БА над выскобленным в строке; после* змеенышем *зачеркнуто*: его

12 *БА, было*
мирился с Жирятою.
В копии О.А. Шор Жирятою *вписано над строкой карандашом*
15–16 *ЧА-1*
добронравия [образец сверстникам собою являл] / {образ носил}. А жил Лазарь в те лета ~ именитым воеводам / военачальникам под руку, [дабы] ~ и от тех за воинскую доблесть* изрядную похвалу имел.

VI

В ЧА-1 это гл. 5 (*здесь две главы с одинаковым номером*).
1–2 *ЧА-1*
Прослышал князь Давыд, что у князя Никиты [есть] дочь красавица ~ и [слал] засылал в Никитин дальний удел сватов сказать ему: «У тебя товар, у меня купец; [у тебя девица красная, у меня удалой молодец; и оба мы Горынские]
БА, было
присных своих и искренних содружников
3 *ЧА-1*
Детей женитьбою [{великий}] / {давай}** род наш распавшийся / распалый [соединим / {снова <?> выве<дем>}] соберем и всей земле {надежным} оплотом воздвигнем / восставим; кому иному {и всю} землю спасать, коли не нашему роду Егорьеву?»
БА, было
обильный, соединим
4 *ЧА-1*
Нахмурил брови / Нахмурился князь, ответа дожидаючи, нахохлился, словно сизый орел, нетерпеливые окрест {из-под бровей} меща взоры; [низок] / {ростом} был {он невелик}, сухощав, смугловат, с носом орлиным, с глазами серыми, острыми.
5 *ЧА-1*
А княгиня Василиса усердно {Богу} молилась и {через дней немало} говорит мужу
От слов и говорит *до конца листа написано более жирным карандашом; тем же карандашом сделана и правка на этом листе* (*л. 13об.*).
6 *ЧА-1*
«Не знаю, князь, что сие значит, что голос тайный в сердце моем говорит про Никитину дочь {неужли} <?>, что она [де [Лазар<ю>] / и сужена] Лазарю нашему {и сужена, она же} и заповедана.

* *Над строкой подписан вариант*: на воинской доблести; *первый вариант не вычеркнут.*
** *Вписано поверх* великий.

7 *ЧА-1*
Да и сон [вижу] намедни приснился: вижу ее как живую, с глазами темными ~ и лежит она окрай Лазаря
8 *ЧА-1*
Ответствовал Давыд в сердцах: «Коли бы сны женские правду вещали, давно бы тебе в сырой могиле почивать, а не со мной сына нажить». И поехал
9 *ЧА-1*
Вернулись сваты и говорят: «Принимал нас князь [Никита с чарой] / {радушно} и тебя [на добром] {здравит и на честном}* слове благодарствует.
10 *ЧА-1*
А дочь моя, говорит, другому помолвлена, витязю доброму, его же я за сына [себе], в бранях с погаными, возрастил.
11 *ЧА-1*
Да и не след нам, говорит, степнякам, окрайным земли [{ст<ражам>}] оборонникам, [от] с вами, вельможами, родниться. Мы на седлах ночуем, а вы на пуху нежитесь.
12 *ЧА-1*
У вас стрела Егорьева в земле зарыта лежит, а у нас стрелы в колчанах звенят.
БА, было: в колчанах звенят; тулах *вписано карандашом*
13 *ЧА-1*
что горд {и живет уединенно,} и за почестями да вотчинами с новыми людьми у великого государя не прислуживается».
14 *ЧА-1*
Обиделся князь Давыд, не любил, чтобы ему перечили.

VII

В ЧА-1 данная глава имела номер 5, что, скорее всего, ошибка.
В БА ошибка при проставлении карандашом номеров стихов: *после 7 идет 12* (*и т. д.*). *Исправляем на 7, 8 и т. д.*
1–3 *ЧА-1*
Управде; за брата старшо̀го его почитал, и крестами витязи поменялись.

* *Правка лиловым карандашом; текст главы* (*см. л. 14об.*) *— простым.*

1—2 *БА, было*
Управде; он же его, как младшего брата любя ~ не зарвался добрый молодец
Копия О.А. Шор, после карандашной правки:
и в опасных делах добра молодца, дабы не зарвался, при себе попридерживал
4—5 *ЧА-1*
Сей княжич, в детстве осиротев ~ Горынским Никитой. [Горд] Был князь Никита муж гордый и гневонеистовый, и до браней охоч
БА
Крут был меньшой Горынский, и [гневонеистов] / {дерзкосерд}
5 *ЧА-1*
с нечестивыми агарянами в частых сечах рубился. Отроком
БА
С нечестивыми [агарянами] / {Измаильтянами}*
В копии О.А. Шор сохранился первый вариант
6 *ЧА-1*
что новая [передряга затевается] / {замятня подымается}
БА
На подмогу [поспешал / спешил] / {летел}**.
7 *ЧА-1*
И обещал ему князь Никита в супруги дочь свою, Гориславу; и мать ~ одре [сговор] нареченных благословила.
8 *ЧА-1 и первоначально БА*
Души не чаял отец
В БА князь Боривой *вписано карандашом*
ЧА-1
в странном ее воинстем быту степною наездницей, и поленицей, ласкаючь, прозывал.
Копия О.А. Шор и первоначально БА
в бранном ее возростил быту
9 *ЧА-1*
Подруг Горислава не знавала, одиночества не боялась / Подруг у Гориславы не {бывало}, одиночество {ей} не {докучало} ~ и слыла в народе колдуньей / ведуньей, {что в землю на семь пядей видит.}
10–11 *ЧА-1*
видит. Храбр ~ а Горислава надменна и немилостива. Симеона же за брата {старшого} [почитать] / {уважать} обыкла.

* *Вписано карандашом.*
** *Вписано карандашом.*

БА
немилостивою, [хотя] / {даром} что недужных [и] навещивала
12 *ЧА-1*
очами [прекрасными] / {грозными}

VIII

В ЧА-1 это гл. 6.
1 *ЧА-1*
Приключилась / Пришатнулась лихая беда
2 *ЧА-1*
князя [Никиту] в бою убила, {княжье} гнездо [его] разорила ~ с [женами и девами] / с {девами и [молодыми женами]} / с девами и молодицами
3 *ЧА-1*
были Симеон и Лазарь на [дальних] разъездах {недальних} вкупе, и как весть [{до них}] о набеге дошла / и как весть о набеге {уведали}
Копия О.А. Шор и первоначально БА
о набеге уведали
4 *ЧА-1*
полон в [степи] / {диком поле} (в ханскую ставку Гориславу везли {похитчики}), и в кровавой
4—6 *ЧА-1*
отняла. Но тяжко уранен
БА
отняла. [Но тяжело уранен был Симеон.]
В копии О.А. Шор тяжело *исправлено на* тяжко
Как волк ~ победном *вписано в БА карандашом*
8 *ЧА-1*
живым вернуться ~ На то [мне] [{ведь}] {мне} ты и крестовый брат».
9 *ЧА-1*
Симеону крепко / крепкою {клятвой} ~ а коль не судит Симеону Бог / и коль не судит {Бог} {жениху} живу [уцелеть] / {остаться}, взять ее себе женой / взять ее за себя с охотою
10 *ЧА-1*
за Гориславой
10–11 *ЧА-1, копия О.А. Шор и первоначально БА*
не видывал; и опустил глаза.

IX

В ЧА-1 это гл. 7.

1 *ЧА-1*
и круглый стал месяц
БА
и [круглый] / {полный}* стал

3 *ЧА-1*
И, сидючи на ясной прогалине
В БА у ручья под ракитою *вписано карандашом*

4 *ЧА-1*
Из-под белаго камня, под ала́тыря / Из-под бела каменя ала́тыря
Выползал {млад} змееныш яритися;
Из-под люта камня / каменя горючего
Молодая змея, {да} свадьбу правити

6 *ЧА-1*
некогда будешь царем / царем будешь

7 *ЧА-1*
сказывала, и прошептал

13 *ЧА-1*
Улетай {уж} ты прочь, [вор,] степной коршун, ~
Не востри {ты}, разлучник, кривых когтей
Умыкнуть змею [{да}] во поднебесье / Умыкнуть {добычу} во поднебесье!
Как ужалит / ужалю в пернату грудь,
Упадешь {ты}, мертвый, на сыру землю.
БА
во пернату грудь / в пернату грудь
Упадешь мертв / Ужо мертв падешь

14 *ЧА-1*
загадки загадываешь

15 *ЧА-1*
«Жалить ужалю ненароком

17 *ЧА-1*, *копия О.А. Шор и первоначально БА*
сладкое к ней его потянуло

18
Копия О.А. Шор: Но собрался
ЧА-1
с укорой

---

* *Вписано карандашом.*

18–20 *ЧА-1*
соблюсти». Говорит Горислава: «Целованием
БА, *было*
Говорит ему Горислава
И перескочил ~ говорила *вписано в БА карандашом*
Копия О.А. Шор
и говорит

21–22 *ЧА-1*
сговорена; [{ин} кому нарек, тому и обрек] / {тебе меня сам он обрек}. А коль выживет ~ изведу. Коль воистину
БА
Недаром ~ подкинул *вписано карандашом*

23 *ЧА-1*
изведешь. Мне будешь Егорием / за Егория, и земле Егорием
БА
будешь Егорием / за Егория, и земле Егорьем

24 *ЧА-1*
погубишь. Да и сам ~ как [праведные] / {резвые} ноги тебя не понесут». И засмеялась: «Вот она загадка{-то}

25 *В БА до* перебросила *вписано карандашом*

26 *ЧА-1*
И распалился [отай] / {в груди} на нее ~ но с гневом лютым в нем / но в меру гнева распалялось в нем и [желание] / {вожделение}.

27 *ЧА-1*
не молвил; {глаз на нее не поднял;}

28
И путь ~ Симеонову. *в ЧА-1 отсутствует*; *вписано в БА карандашом*

X

В ЧА-1 это гл. 8.

1 *ЧА-1*
[Раненый] / {Уязвлен} лежал под шатром Симеон на поле побоища, и был промеж жизни и смерти немало дней, и преломился недуг на выжитье.
БА, *было*
Уязвлен лежал под шатром Управда на поле побоища / Недугом знобим и палим, лежал Симеон под наметом [походным]
В копии О.А. Шор есть рукописная правка, было по первому варианту, потом над строкой карандашом вписано: намётом в становище.

2 *ЧА-1*
Лазарь, [с лицом] пониклым и унылым / пониклый и унылый
Далее не начиналось новое предложение, а продолжалось через точку с запятой (так первоначально было и в БА и осталось в копии О.А. Шор).

3–4 *ЧА-1*
что̀ в княжьем стане ~ и на ухо Лазарю зашептал: «[Вишь, / {Слышь}] {А и} крепко спит, разлучник-то твой! Коли дашь мне золотой казны, николи не проснется».
БА
в княжьем [стане] / {полку}* ~ разлучник-то / разлучник-от
копия О.А. Шор и м/п копия: разлучник-то

5 *ЧА-1*
И выхватил Лазарь из ножен меч, и положил душепродавца тут же мертвым.
БА
[Выхватил] / {Иссунул} Лазарь

6 *ЧА-1*
Воспрянул от сна Управда и, озираясь, вопрошал о приключившемся. И не стерпел Лазарь, и вскричал в горе и гневе

7 *ЧА-1*
и не о чем больше его не пытал.
БА, было
и не о чем боле его не допытывал

9 *ЧА-1*
словно сам не свой, [сумрачен] / {пасмурен} бродил и [пасмурен] / {хмур}**.

10 *ЧА-1*
Когда же больной и вовсе окреп ~ на [ретивых] коней и тронулись на родину, путь держа

11–12 *ЧА-1*
И, подалее провожатых опередив, говорит Симеон Лазарю ~ вещий мне ворон поведал

13 *ЧА-1*
Помолчал Лазарь долго и молвил / вымолвил: «Ты, брат мой старшой, меня мудрее. Так поди рассуди и мне, юному, расскажи / {сам} рассуди, {да} и меня, юного, научи, что̀ со мною содеялось.
БА
[Помолчал] / {Потупил очи} Лазарь, [потупившись] / {помолчал} и не́хотно вымолвил ~ мудрее меня: [так, поди] / {ин} сам и рассуди

* *Вписано карандашом.*
** *Вписано поверх* пасмурен.

Копия О.А. Шор
так, поди

14 *ЧА-1*
Лютое некое, вижу, владеет мной навождение. ~ али ненависть, не ведаю сам».

17 *ЧА-1*
Воскликнул Лазарь

18 *ЧА-1*
«Стыд и грех

19 *ЧА-1*
Егорьева; а есть на земле вашей святая криница, и кто из нее

20 *ЧА-1*
Пойдем туда вместе на богомолье да на суд Егорьев: как он рассудит и во сне покажет, за кого Гориславе идти
В копии О.А. Шор вставка после на суд Егорьев:
И положим между собой такову заповедь:
В м/п эта вставка не вошла.

21 *ЧА-1*
И на том между собой положили.
БА
Подумали, погадали и [на том] / {такову заповедь} между собой положили.
Копия О.А. Шор
Подумали, погадали и на судьбу идти [между собой] положили.

XI

В ЧА-1 это гл. 9.

2 *ЧА-1*
руки сложив, как мертвец

3 *ЧА-1*
на щеках похуделых [проступил] / {заиграл}

4–5 *ЧА-1*
Отступил [в то мгновение] / {тогда}* ангел от Лазаря, чтобы / дабы предать ~ и раздражал его, говоря: «Так будет пустосвят

5–6 *ЧА-1*
пригожего; неровен час, и змееныша подколодного вспомнит, как тот его, богатырской стопой шагая, мимоходом во прах дорожный втоптал, — вспомнит да усмехнется».

* *Вписано карандашом.*

БА, было
пригожего; и
7 *ЧА-1*
Ныне, коли не вынешь меча / коли сам меча не вынешь ~ добычей добытчику станет».
8 *ЧА-1*
от Симеона спящего ~ «убей, да убей!»
9 *ЧА-1*
чтобы не видели очи его Симеона.
Далее шесть страниц вырвано.

XII

В ЧА-1 это гл. 10.
1—2 *ЧА-1, копия О.А. Шор и первоначально БА*
сени дубравные; и вспомнилась
2 *м/п копия*
потаенные письмена
5 *ЧА-1*
Уж не на прещение ли, не на пагубу ли душе его, таким его обаяла обаянием, такое [наитие] вдохнула в него наитие силы
БА
таким его [вооружила] / {окрутила} обаянием, такое [вдохнула в него] / {навела на него} наитие*
7 *ЧА-1*
И, ровно хмель разымчивый
10 *ЧА-1*
согласись; а уж я тебе помогу». И озрелся

XIII

В ЧА-1 это гл. 11.
1 *ЧА-1*
И видит Лазарь, из-за дерев ~ волк, голодный
2 *ЧА-1*
за собой Лазарь

* *Правка карадашом.*

3 *ЧА-1*
исчез, будто его и не бывало; глядит на Лазаря {кроткими очами} Симеон
4 *ЧА-1*
А ты в снах что видел?»
5 *ЧА-1*
не видал; слышал только — [будто в глуби земной, кузнец] {будто} кует кузнец под землей глубоко
6 *ЧА-1, копия О.А. Шор и первоначально (до карандашной правки) БА*
Два купно даю
Четвертая строка в БА была: После темных годин; *впоследствии карандашом вписан новый вариант.*
8 *ЧА-1*
на лихо ль, как Бог велит. ~ под венцом, {мне} крестовый брат».
9 *ЧА-1*
как волк, выпустивший перед сворой псов из пасти добычу.
10 *ЧА-1*
вслед глумится: «А и лих ты [змееныш] / {Лазарь-пролаза}!
11 *ЧА-1*
что лишь только она душу {свою} погубит ~ полюбовницей». И ужаснулся
Копия О.А. Шор
самого Егория
12 *ЧА-1*
на те слова бесовы, и отчаялся [в добре и спасении] / в силе добрых дел и в правде Божьей и в спасении души своей.
13 *ЧА-1*
ему в дороге; еле домой доплелся и, всех отпустив, затворился

XIV

В ЧА-1 это гл. 12.
1 *ЧА-1*
стоит он в седой степи
БА, было
в степи {серой}
2 *ЧА-1*
мимо волков хищных многое множество
3 *ЧА-1*
овец [пожирать] / {резать} ~ хватает волк снедь указанную

5 *ЧА-1*
за двоих выкуп, в старости за всю землю
7 *ЧА-1*
Пробудился Лазарь от сна
7–8 *ЧА-1*
убожестве, и с той поры
БА, было
убожестве; и с той поры

XV

В ЧА-1 это гл. 13.
1 *ЧА-1*
упала ей в ноги, говоря
4 *ЧА-1*
И диву далась ~ и почла ее {за} исступленную.
5 *ЧА-1*
как полюбился ей Лазарь
6 *ЧА-1*
положила в сердце жениха убить ~ душу ее пожалеть, и как, ежели выдаст
7 *ЧА-1*
догадались, [что] / {куда}, как приехали
8 *ЧА-1*
А почто им было
9 *ЧА-1*
каков вышел, [Свят-]Егорьев суд».
Копия О.А. Шор
каков он вышел
10–11 *ЧА-1 и первоначально БА*
сокрушение, и возблагодарила
11–12 *ЧА-1*
одоление дал, но и немощь его грешной душе целением соделал. И полюбила

XVI

В ЧА это гл. 1.
2 *ЧА-1*
в сердце своем; и так говорил Василисе, матери своей

3 *ЧА-1*
и взял жену его, Вирсавию; и утвердил
4 *ЧА-1*
устыдился. Ан и сижу
5 *ЧА-1*
снами доселе да гаданьями себя {морочила, да} и меня обольщала
7 *ЧА-1*
Не столь меня телесная твоя немочь / немóга крушит
9 *ЧА-1*
воздвиг. И ты, Лазарь
11 *ЧА-1*
отвечал Лазарь, — «раны моей напрасно не береди».
12–14 *ЧА-1*
Пришла Василиса в терем ~ и увидела ее Горислава плачущей, и утешала ее, говоря: «Слышит сердце
14 *В БА* Жертву ~ мощь *вписано между строк*
15–16 *ЧА-1*
земли владыкой». И удивилась Василиса
17 *ЧА-1*
и еще [хуже] / {пуще}
18 *ЧА-1*
чем заживо мертвецом быть / чем быть ему заживо мертвецом
Это и следующее предложение (В темную ~ закатилось».) *вписаны позднее, чем остальной текст.*

XVII

В ЧА-1 это гл. 15.
1–3 *ЧА-1*
Через год благословили родители Лазаревы Симеона с Гориславой под венец идти; / Через год осенью ~ [вернулся] / {приехал} Симеон за невестой, благословили его и Гориславу под венец идти; {свадьбы ~ не играли}, а прямо из-под венца уехали молодые домой / повез новобрачный молодую жену по первопутку домой красным поездом, да не долго {молодые} вместе жили. Два дня ходила ~ как [безумная] / {обаянная}
3 *Копия О.А. Шор и первоначально БА*
поездом; да не долго
4 *ЧА-1*
После третьей / {А} после третьей

5 *ЧА-1*
государь мой, {как уж и пост, гляди, зачинается,} на богомолье {дальнее} {по обету великому} за спасение твое и мое {и не токмо / не то что к Святкам, а и до сам<ой> Пасхи / {Светлой Недели}* домой не дожидайся}

6 *ЧА-1*
с [деревенскими] / {нищими} богомольцами

7 *ЧА-1*
И [стала] / {пошла} скитаться Горислава {зимою лютою} по монастырям

8 *ЧА-1*
младенец, пождав еще время немногое, надумала

9–10 *ЧА-1*
с богомольцами-попутчиками в родные края, как по дороге сведала, что усадьбы мужниной [больше] и в помине нет, — все степным набегом опустошено и выжжено, — а сам Управда пропал без вести.

11 *ЧА-1*
Повернула путь Горислава в земли Давыда Горынского, и в дом Давыдов пришедши, там, как в семье родной поселилась.

12 *ЧА-1*
И приблизилось уже время родов, когда весть пришла о Симеоне. Полоненный неверными, принуждаем был Симеон от Христа отречься

БА
от [Христа] / {отчей веры} отречься

13 *ЧА-1*
злобились на него в орде издавна за крепкую князю Никите подмогу, и гибель ему ковали, несомненно зная, что за отчую веру он и на лютую казнь пойдет.

БА, *было*
злобились ~ за Боривоеву грозу и, как несомненно знали, что за отчую веру он и на лютую казнь пойдет, таковую ему погибель и ковали.

XVIII

В ЧА-1 это гл. 16.

1–2 *ЧА-1*
пришла к Василисе, сокрушаясь сердцем и, в грудь себя со слезами бия, так говорила: «Ныне, государыня — моя матушка, как Господь Симеона к избранному сонму святых мучеников Своих сопричислить

* *Написано поверх* Пасхи.

благоволил и тако міру явил, благоволил, / соприч<есть> ныне явил, послушай

3–4 *ЧА-1*
как душу мою мало не до конца погубил. Пошла

4 *ЧА-1*
Егорьевой воле [послушествуя] / {покорная}.

5–7 *ЧА-1*
тут на меня и напало беснование. Топор ~ за постелью брачной; две ночи, едва [он] дремой забудется, за топором тянулась рукой, — да, видно, сила Господня руку держала, не подымалась [на него / злодейская] рука на невинного, а сердце яростное как зверь в клетке билось и прядало; всю руку я себе

Копия О.А. Шор и первоначально БА
держала, — не подымалась

8–9 *ЧА-1*
с постели и, топор достав, уже / совсем* уже и к удару изготовилась, да {вижу вдруг} — Егорий ли сам помог / тут был, по твоим ли молитвам за <Лазаря> / Егорий ли сам очи мои отверз, твои ли {тут} молитвы помогли, али Лазарево [ли] меня откупило страдание

Копия О.А. Шор и первоначально БА
красивый такой, — топор достала

10 *ЧА-1*
на челе спящего [золот<ой> ве<нец>] светлый венец и будто кровь из-под венца на чело [каплет] / {сочится}.

11 *ЧА-1*
На [другой <день>] утро ~ не прекословя меня отпустил.

12
Долго я ~ ходила, {стужу и глад терпела, поклоны била,} плоть свою {нещадно} казнила

13 *ЧА-1*
говорит мне на исповеди отшельник великий

13–14 *ЧА-1, копия О.А. Шор и первоначально БА*
твоему, и благословляю

14–15 *ЧА-1*
и благословенно [да] будет дитя твое ~ и прощением». И как сказал [мне] те слова старец прозорливый, надежда мне великая, как заря в ночи, воссияла».

БА, *было*
сказал мне старец

* *Вписано поверх* уже.

17 *ЧА-1*
ибо тяжелый, воистину, родовой грех всех нас бременит / ибо лежит на роду нашем гнев Господень. / ибо почила на роде нашем десница Господня».
Копия О.А. Шор и первоначально БА
всем нам; ибо

XIX

В ЧА-1 это гл. 17.
2 *ЧА-1*
что наступает час ее ~ на коленях [перед ним] стоя / {стоячи; и схватили ее боли родильные}, но не выпускала креста [из рук] / {из рук св<оих>} не выпускала креста, а она держала<сь> за крест
3 *ЧА-1*
И, родив / родивши дочь ~ омыла младенца в кринице ~ и усталость преодолевая перемогая смертельную / и [{не}] {не глядючи на} усталость смертельную, новорожденное дитя к Василисе принесла / донесла
3–4 *ЧА-1*
положила, сама же слегла, телом [истощившись до конца] / {изнурившись}, душою воспрянув / воспряла.
4 *ЧА-1*
изнеможение [препобеждая] / {перемогаючи}, о младенце: «родилась отрада моя».
5 *ЧА-1*
дочь [Гор<иславы>] Симеона и Гориславы во св<ятом> крещении [Отрадою] Евфросинией
6–7 *ЧА-1*
И когда окрестили Отраду, душу Гориславы из уст ее ангел мирный вынул / пришел ангел мирный к одру Гориславы и душу ее из уст вынул. [А] родилась ~ хоронили Гориславу, и положили ее, по ее умолению, в дубраве пустынной, в урочище Егорьевом.

XX

В ЧА-1 это гл. 18.
2 *ЧА-1*
разве князя-родителя на розговенье под великие дни
3–4 *ЧА-1*
То ли думу про себя неотвязную думал, то ли дремал душой; Богу, почитай, не молился, а книгам божественным временами прилежал

4 *ЧА-1*
как была она писаний слушать охоча / до писаний жадна.
5 *ЧА-1*
про Давида-царя повесть {свою} излюбленную и как дошла речь / дошел сказ до Вирсавии, внезапно возмутился [{был <?>}] духом
6 *ЧА-1*
«Не кори меня в мыслях ~ {ни} слезою умильною ниже словом [добрым] не помянул.
8 *ЧА-1*
с головой затонул; {в глухом подвале лежу; из гроба с соседями переговариваюсь,} и, мнится
9 *ЧА-1*
Темен в очах / {Потускнел, по}темнел в очах моих свет солнечный, {не радует сердца моего}
10 *ЧА-1*
как странники {нищие} поют, — {одолели меня злые вороги,} посадили [меня] в погреба глубокие
11 *ЧА-1*
Отвечала Василиса: «Так-то, сынок, о самом Свет-Егории / Свет-Егорье
13 *ЧА-1*
«Вот [она] и разница [то] / {в том-то} и разница, что ~ умолению. И со мной / мне так [бывало] / {прежде чаялось}, как сила во мне жила: чего [думалось] / чего-{де} соизволил
14 *ЧА-1*
А мне ее [ныне] / А ныне мне ее
15 *ЧА-1*
И при жизни [, мнится,] душа моя в смертную [сень] / сень смертную низошла».
16 *ЧА-1*
Егорий дал, Егорий взял, тебе же ее и сохранит. / Егорий дал, Егорий взял, {он ее} тебе же и сохранит.
17 *ЧА-1*
пощадой
18 *ЧА-1*
Говорил я тебе о Давиде-царе
19 *ЧА-1*
Осердилась Василиса: «Не криви ты, Лазарь душой!
БА, было
Осердилась Василиса: «Не криви ты, Лазарь, душою!
Исправлено карандашом.

Копия О.А. Шор
«Полно, Лазарь, не криви душою!
ЧА-1
царство добывал.
БА, было
царство добыл; *исправлено на* добывал
20 *ЧА-1*
к Саулу в шатер отай вошел
21 *ЧА-1*
матушка, сыночка ненаглядного / дитятко ненаглядное
22 *ЧА-1*
места, незнаемые.
Так же и в м/п копии; *БА*
места, незна́мыя.
23 *ЧА-1*
траве усохшей {человека} уподобляет
24 *ЧА-1*
тела своего былого {более} не познаёт.
25 *ЧА-1*
И отвернулся [Лазарь] лицом

ЧЕРНОВЫЕ
ВАРИАНТЫ НАЧАЛА ГЛАВЫ 18

<*Вариант 1.*> *Оп. II. К. 1. П. 8. Л. 1–1об.*; *край листа оборван*
Сидел Лазарь [сиднем двадцать два ли года и еще два] / [злобен и мрачен / озлоблен] угрюм и мр<ачен> / и три [год<а>] почесть года и [видеть] никого, опри<чь> родителей, к себе не пускал, {да} и тех, особ<енно> же отца, [принимал] / {допускал} не часто. Богу не молился, книги же священные и [душеспасительные] / {богомольные} читал прилежно {, но без умиления}. А по прошествии трех лет и т<ех> товарищей, что [порой] / {в гос<ти>} к Горынским наезжали, принимать стал, {на пиры звать} и со странниками захожими [откеле <?> / важи<ваться?>] [{откеле кто}] иногда разговаривать. И выспрашивал у всех дотош<но> {<о> том <?>}, что {и как} в государстве деется, что в христианском народе м<олвится> и как ежели <?> о туге да страде мiрской лихое вед<ал,> усмехался злобно да приговаривал: [то ли еще <будет,>] «идет беда, отворяй ворота; то ли еще будет». И за то <на> него обижались, иные же [сла<боумным?>] его [пов<режденным?> умом] почи<тали> [, кот<орый> не] не токмо плотию расслабленным, но и мыслями тоже почи<тай?> <сво>им <?> дружине<?>-товарищам

{не раз} говаривал < > [< > воля] / {ради, а то}: не ноги у меня отнялись, <а> воля, братцы. Как воля во мне <бы>ла, здрав бы я был в тот же час / тем же часом. <А> она, волюшка-то моя, еще не < > значит, оттого и сиднем сижу, <жит>ь не хочется. Видно не затем <?> <его> не в здравом уме почитали.

<*Вариант 2.*> *Там же. Л. 2*

[18

Сидел Лазарь, затворясь, и никого, опричь матери, да родителя, и того [{по великим дням токмо}] весьма и весьма с неохотою / Затворился Л<азарь> и к себе никого не допускал, опричь матери, да по великим дням родителя {своего}, и того [не] с неохотой и сидел в уединении, лет до трех; книги божественные читал, не умиления ради, а научения, и Богу не молился. После же трех лет зачал товарищей ратных и иных гостей, кои в дом Горынских наезжали, на пир-беседу звать, также и с захожими странниками* [о том допрашивать,] где бывали да что видали / повидали, допрашивать, о [землях и городах] / {местах хождения}, да что́ на свете деется, что в мiру молвится, а про чудеса да знамения [сказывать] / {поминать} да сказания благочестивые пересказывать возбранял с досадою]

<*Вариант 3.*> *Там же. Л. 3*

[18

Затворился от людей сидень и никого [к себе не пускал опричь [{милой}] матери на глаза] опричь матери на глаза не пускал; [да] / {разве} по великим дням князя родителя [своего] [к себе] допускал, и того с неохотой. [Молчал, да] Про себя [свою] грустную** думу думал, [аль / {или}] книги божественные читал, не умиления ради, а научения; инорядь и вслух княгине, как была [она] / та священных писаний слушать охоча.]

<*Вариант 4.*> *Там же. Л. 4*
Затворился от людей сидень [{в своем терему}] и никого, опричь матери к себе на глаза не пускал / у себя на глазах не терпел, разве в великие дни князя родителя [принимал] [{пускал}] {допускал}, да и

* *Исправлено, было*: странников.
** *Было зачеркнуто, затем восстановлено.*

то с неохотою. Темен и хладен был дух его, как страна полунощная и [уста замкнуты] уста [заграждены] молчали. Крепкую про себя невесть о чем думу думал [если / умом же перестал]. {Молиться не молился.} Книги божественные читал прилежно не умиления ради, а научения, инорядь и вслух {княгине} Василисе, по ее умолению. Прошло время немалое с той поры, как похоронили Гориславу, и читал Лазарь вслух Василисе повесть свою излюбленную о Давиде царе, и восскорбел духом, как зашла речь о Вирсавии, и говорит: «Не мни, родимая, что сердцем я окаменел, понеже ни о Гориславе, ни о Симеоне не прежде слова не вымолвил, ни после николи / ни о Симеоне ни слова не вымолвил, ни слезы не пролил, не окаменел

<*Вариант 5.*> *Там же. Л. 4—4об.*

18

Затворился Лазарь и к себе не допускал никого, опричь матери любимой да [родителя] по великим дням родителя своего, и сего с неохотой. И [так] сидел так в уединении лет {почитай} до трех, да книги божественные читал не умиления ради, а научения, Богу же не молился. А[*] после [трех] лет трех начал товарищей ратных и иных гостей, что в княжий дом наезжали, на / в[**] свой терем на пир-беседу звать; также и странников захожих допрашивать, любопытствуя, где бывали, что на свете видали, о местах хождения [да пр] и что по земле делается, и что в христианском міру молвится; про чудеса же и знамения поминать да благочестивые сказания пересказывать с досадою возбранял. И слыша и от перехожих людей, и от гостей именитых о [туге] нестроении в царстве и туге да страде мірской, усмехался порой, будто злорадствуя, и говорил: «Пришла беда, [отворяй ворота] то ли еще будет! [А то и к лучшему.] / {Ин и лихо к добру.} Коль не примучат нас гости незваные, сами себя измучим разделением, и крепкого царства не построим!» И на те слова инии гневались, иные же Лазаря в уме поврежденном мнили. А он, как нарочно; и другое странное [товарищам прямо / прямо товарищам] содружникам сказывал, будто похваляясь: «Не ноги у меня отнялись, а воля, братцы, кабы воля во мне из оцепенения вышла, здрав бы я был тем же часом. Ибо как человек изволит, — который человек изволит силу

[*] *Было* , а.
[**] *Написано поверх* на.

<*Вариант 6.*> *Там же. Л. 5—5об.*

Затворился от людей сидень и никого к себе не допускал, опричь матери, да по великим дням родителя своего, и сего с неохотой. [И говорит] Книги божественные читал прилежно, не умиления ради, а научения; и был дух его [мрачен] как страна полнощная, темен и хладен, и уста замкнуты[*]. [И не раз по / по времени] Прошло так время немалое [со дня кончины] с того дня, как похоронили Гориславу, и говорит Лазарь матери своей: «Не мни, матушка, что сердцем я окаменел, поелику ни Гориславу, ни Симеона ни простым я словом не вспомнил, слезы не пролил, ни почит<ай?> николи не поминаю[**]. Живой живым живет, о мертвых плачет. А жив ли я воистину, и того {сам} не ведаю. Свет Божий {стал} темен в очах моих, [и отошло от меня] голос твой слышу словно с того света. Будто посадили меня в погреба глубокие, защитили щитами дубовыми, задвигали досками чугунными, засыпали песками рудожелтыми». Говорит Василиса: «Так-то, сыне, о самом Свят-Егории калики поют перехожие. А и дальше поют: “как по Божественному да повеле<нию> по Егорьеву умолению, подымались ветры буйные, рассыпали пески рудожелтые, раздвигали доски чугунные, разметали щиты все дубовые, выходит Егорий на вольный свет”». Говорит Л<азарь>: «[Одолел] {Сокрушил}[***] меня {некто}[4*] сильнейший меня и силу мою из меня вынул. Не ноги у меня отнялись, а сила душевная отнята / отнялась. {И [душа моя] при жизни [сошла] / {низошла} душа [живая] в сень смертную...»} Говорит ему Василиса: «А чья [та] / {она}, сила{-то} была? Не Егорьева ль? Егорий ее вынул, Егорий и сохранит тебе же. На то ты и Егорьев родич». [Дерзай, чадо, и веруй».] Возразил Лазарь: «Егорьева сила царская. [А я [как<ой>] тебе не царь.] Стыдом да пощадой [в ц<ари?>] царская сила не наживается. Говорил я тебе о Давиде-царе, не так он, как я, поступал. Не такого, значит, родича себе Егорий хочет». Прекословит Василиса: «Не тем царь Давид себе царство добыл. И я, гляди, тоже в Писаниях начетчица. А как он в Саулов шатер отай пришел

[*] *Было*: духом же мрачен был, и уста его замкнуты
[**] *Было*: поелику ни о Гориславе, ни о Симеоне николи ни прежде не горевал, ни после николи не поминал, ни прежде
[***] *Вписано голубым карандашом.*
[4*] *Вписано голубым карандашом.*

XXI

2 *БА, было*
Днем и не припомнишь ясно, что̀ ночью снилось.
Исправлено карандашом.
В брюссельском собрании сочинений (*см.*: *Иванов 1971—1987/1*)
Днем и не вспомнишь ясно, что̀ ночью приснилось.
5 *БА, было*
И не прежде тебя отпущу
8 *БА, было*
«Чаю, замолила она
9 *БА, было*
только ко Господу
Исправлено карандашом.

Книга ВТОРАЯ

I

Первоначально это была гл. XXII Книги первой. Номер стиха зачеркнут.
1 *ЧА-1.2*
И в девятой чреде / В девятый раз чередой с похорон Гориславиных проехал {по лесам} Егорий на белом коне [по лесам, и проснулись леса, русалок]
2 *ЧА-1.2*
Земля яровое грела, [Лазарь заживо мертвым] / {цветами убиралась}.
БА, было как в ЧА: Земля яровое грела; *исправлено карандашом*
3 *ЧА-1.2*
Без памяти {Лазарь} лежал {живой мертвец}, в покое своем
В БА вторая вставка не вошла.
4 *ЧА-1.2*
славу ли некую богохвальную / похвальную, душеумилительную, [из тех] какими дети в [светлые] / {большие} праздники Христа славят, стих ли духовный, богомольный ~ умильный:
5–7 *ЧА-1.2*

Во темно̀м сыром бору
Семь ключей повыбило.
На чисто̀й прогалине
Студенец серебряный.

И открыл Лазарь глаза и прислушался; и уста [замершие] / {дрогнувшие} немо твердили за голосом
8 *ЧА-1.2*
Пел голосок ангельский ~

На чисто̀й прогалине
В студенец серебряный,
В кладязь Богородичен
Владычицы Дебренской.

9 *ЧА-1.2*
студенца, в [дебрях] / {бору} сокровенного воды / влаги* напиться ~ и темнолистых / тенистых древесах думать.
10–11 *ЧА-1.2*
А песня не прерывалась, вольно лилась, протяжная, переливчатая:

~
Шолкова муравушка.
По́ лугу нехо́жену
Мурава некошена,
Мурава шелковая,
[Лазоревы цветики]
Цветики лазоревы.

12 *ЧА-1.2*
а потом вдруг опять по-другому ~

Пусти меня, Лазарю,
Во светлую горенку.

II

В ЧА-1.2 разделения на главы не было, сделано позднее синим карандашом. В БА первоначально это была гл. XXI Книги первой. Номер главы зачеркнут.
1 *ЧА-1.2*
И вошла в покой отроковица [{светлая, робкая и милая}] светлая да

---

* *Вписано поверх* воды.

пригожая, [почитай еще младенец,] и глянули на Лазаря из [очей] ее голубых очей [будто] / {словно} из далины

2 *ЧА-1.2*

И долу потупивши [словно] / {будто} монашка смиренная, тихие вежды ~ и нежною рукой положила ему на грудь цветы [лесные] / {лесные} цветы лазоревые

3 *ЧА-1.2*

отступила и [от ложа {Лазаря}] / отступила {от Лазаря} [подале] / {поодаль стала}, и лицо [платком] / {убрусцем} прикрыла.

4–5 *ЧА-1.2*

А [Лазарь, возрадовавшись,] / А {он, в смятении радостном,} не ведал, явь ли то или сон [, — и молчал. А потом собрался с духом]. И стал вопрошать ее с ласкою; [она же ответствовала неторопливо, раздельно] / {и отвечала ему отроковица} твердо и истово; и сошла с нее робость по-малу, и в беседе {тихой} [с Лазарем]

5 *ЧА-1.2*

не сводила она с [него] / {Лазаря}

7 *ЧА-1.2*

«Кто тебя прислал? [матушка — отвечала отроковица:] / {дитятко милое? — спрашивал}. — «Матушка»

9–10 *ЧА-1.2*

матушка, княгинюшка Василиса; так мне она бабушка. А я про свою говорю, про Гориславу Свет-Никитишну». — «Знать, во сне ты, сиротинка / сиротка, родимую видела».

12 *ЧА-1.2*

с виду-то, [ее же / юже] юже быти мниши [быти в Бозе почившую] блаженной памяти

13 *ЧА-1.2*

«Красавица и есть: большая, величавая. И глаза у нее большие, ласковые: глядит на меня

БА, *было*

Красавица и есть: большая, лебедушка величавая.

Исправлено карандашом.

Копия О.А. Шор

Красавица и есть, большая, станом становитая.

14 *ЧА-1.2*

насквозь светится под [фатою алой] / {алым платно̀м}

17–18 *ЧА-1.2*

к празднику лазоревые». — «А какой сегодня праздник?»

19–20 *ЧА-1.2*

«Скажи-мол, что его к себе больше уводить не буду: довольно его наставляла; пусть ныне о живых печалуется, на них силу копит, их ему [золотой стрелой] упасать придется.

В БА говорит *вписано карандашом.*

21 *ЧА-1.2*

отрадой будешь».

22 *ЧА-1.2*

слезы легкие, усладные; и в [легкое] тихое впал он забытье, и на устах [у обмершего] уснувшего детская застыла улыбка.

III

В ЧА-2 это гл. 22 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXIV. Номер главы зачеркнут.

1–2 *ЧА-2*

на третью ночь проснулся и озрелся в горнице, [тусклыми] / {образными} лампадами озаренной

БА, *было* (*и осталось в копии О.А. Шор*)

очнулся и озрелся

2–3 *ЧА-2*

матушка!» и, когда она подошла к его ложу, молвил: [«Возрадуйся] / {«В добрый час молвить,} родимая!

3 *ЧА-2*

и [ведаю] / {уповаю}

4 *ЧА-2*

Скорее бы утро рассвело: возжелала душа моя [солн<ца?>] / {свет} лучей солнечных и к вам на Божий свет из преисподней вернулась».

БА

Скорее бы {уж}* утро

5 *ЧА-2*

«Аминь» и [Бога] возблагодарила {милости Господни}, и пищи сыну вкусить дала.

6 *ЧА-2*

И говорил

8 *ЧА-2*

Горислава [внушила] / {заповедывала}

* *Вписано карандашом.*

9 *ЧА-2*
с моею сироткою болезной, внучкою назва́нной, приду; [как же] ты уж успокойся с Богом
10 *ЧА-2*
а, проснувшись, отроков за княгинею посылал и дитя привести опять наказывал.
12 *ЧА-2*
«Матушка твоя Горислава
13 *ЧА-2*
как ты Лазарь,{говорит}
14 *ЧА-2*
пела милую да умильную, — хочет да не может».
16 *ЧА-2*
молчала, потупившись.
17 *ЧА-2*
в обличьи твоем
ЧА-2 и копия О.А. Шор
тут вот живая стоит».
БА, было
будто она тут вот стоит».
около *вписано в БА на полях карандашом*
меня *восстановлено по м/п копии*
17 *ЧА-2*
чтобы дать Лазарю покой.

IV

В ЧА-2 это гл. 23 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXV. Номер главы зачеркнут.
3 *ЧА-2*
Отраду же и на малое время от себя отпуская, [досадывал] / {роптал}: все на нее глядел, наглядеться не мог
5 *ЧА-2*
зачинал с нею ~ домашние, ~ в [камушки] / {зернь}
6 *ЧА-2 и первоначально БА*
и напев подбирала
В БА правка карандашом
7–8 *ЧА-2*
Давно перестала девочка робеть его и дичиться: куда тут, {ино ему} за мамку [ему инорядь, играючи,] бывала {играючи}, а он ей за дитя малое; а иной час [к нему, как], {ровно} к брату старшому, ласкалась да ластилась; а то вдруг и подойти поближе не захочет, исподлобья глядит, словно сердится, а очи голубые смеются.
9 *ЧА-2*
Журила его [порой] {тоже} да корила, смеючись, за убожество; сиднем-лёжнем обзывала, байбаком ленивым, [медведюшкою] {лесным барином}-лежебоком, что̀ жиру за́ лето нажил, да лапу {себе} в берлоге и сосет, за всю зиму раз с боку на бок повернется, [да] и то на солнцеворот.
10 *ЧА-2*
будто и впрямь [с нею играючи, он] / {он потехи ради} убогим притворился.
11 *ЧА-2*
целые дни провождать; [а] с утра у Василисы

V

В ЧА-2 это гл. 24 Книги первой. Разделение на главы сделано позднее синим и красным карандашом. В БА первоначально — гл. XXVI. Номер главы исправлен.
1 *ЧА-2*
и стала она ~ научи меня, Лазарь, грамоте
2–3 *ЧА-2*
И почал ее Лазарь учить; и как была она весьма понятлива и памятлива, то по малом времени уже и Писание [с Лазарем] разбирала; а что̀ прочла, по-своему любила пересказывать: «Смотри», — говорила, — «Лазарь, хорошо ли я все в толк взяла, так ли догадалась».
4 *ЧА-2*
И дивились иной раз Лазарь и Василиса на [те догадки] / {речи} ее замысловатые
5–7 *ЧА-2*
Читали они, к примеру, однажды из Книги Бытия, как Господь Бог [первороднѣый>] прародителей наших наказывал, Адаму смертию умереть назначал, а Еве и чад в муках родить; и говорит Отрада: «Меньше в том казни было, так разумею, нежели милости. Коли дитя родить матери радость, то и помереть человеку не горе. А что в муках матери
5–6 *ЧА-2*
в муках родить; и говорит
В БА было и осталось в копии О.А. Шор
родить в муках; и говорит Отрада

8 *ЧА-2*

Так и с земною {жизнью} / {жизнью} земною расставанье человеку скорбь, но из той скорби радость должна быть такая же

9 *ЧА-2*

Сказала Василиса: «Добро тому, кто достойно преставится; а на ком грехи лежат тяжкие, тому кончина не в радость будет».

10 *ЧА-2*

А и дети тоже не всегда родителям утешение; бывает и горе [»]. А и грехи многие, Божией Матери предстательством, замолить можно». —

11 *ЧА-2*

научил?» — «А матушка».

12 *ЧА-2*

«Как же она тебя {в том} наставлять могла, когда ты ее, сиротинка горькая, и не помнишь?»

13 *ЧА-2*

Потупила очи Отрада, [словно] запечалилась

БА, было

Потупила очи Отрада, застенилася

Исправлено карандашом.

VI

В ЧА-2 это гл. 24 (в первоначальной нумерации — до появления на л. 2об. нового разделения на гл. 23—24); прежде номер главы был 23, затем изменен на 24; должно было быть после этого исправлено на 25, но это сделано не было. В БА первоначально это была гл. XXVII. Номер главы зачеркнут.

1 *ЧА-2*

подле Лазаря (шел ей тогда год [уж] двенадцатый), и читали они опять ту же об изгнании праотцов

В копии О.А. Шор так же: праотцов

2–3 *ЧА-2*

я тебе о земном рае стих спою».

«Уж ты Раю мой, Раю пресветлый!

3–4 *ЧА-2*

«Уж ты Раю мой, Раю пресветлый!
Почто еси мне заповедан?[*]
Ты почто мне, Раю, заказан,
Почто затворен издревле?
Али мною ты, Раю, погублен?
Али взят от земли на нéбо
И цветешь высоко на воздусех[**],
А сыру-землю сиру покинул?»
То не крины душистые пахнут,
То не воды журчат живые, —
Говорит Адамовым чадам
Пресветлый Рай, утаенный:[***]
«Вы не плачьтесь, Адамовы чада!
Я не взят от земли на нéбо,
Не восхищен к престолу Господню
И родимой земли не покинул,
А цвету я от вас недалече
За лазоревой тонкой завесой[4*].

6 *ЧА-2*

а слушать тебя сердцу утеха и некое о [Мате<ри>] Земле-Матери упование. ~ юдоль [земную] / {нашу слезную} озаряешь».

7 *ЧА-2*

Молвила Отрада: ~ А Егория

8 *ЧА-2*

А ты — слуга / Ты же слуга

9–12 *ЧА-2*

«Слушай, Отрада!» — воскликнул Лазарь: «воспомнилось мне, как ты стих о рае сокровенном пела: не во сне я тебя тогда с лазоревыми цветами видел, наяву ты мне их сюда приносила от Гориславы, и песню ту

---

* *Справа лиловым карандашом*: Ты почто еси мне заповедан / Почто еси мне заповедан | Ты почто ж от меня затворился | Невиди́мою схимой покрылся

** *Было*: И цветешь на воздусех Господних,
Справа лиловым карандашом начато: гов<орит?> <?> <где <?>>

*** *Справа лиловым карандашом*: Посхи́мен<ный> рай затворенный.

4* *Справа лиловым карандашом*: Ту завесу лазореву знает | Кто насытил сердце слезами.

11 *БА, было*
видел; наяву
Копия О.А. Шор
видел, наяву
13 *ЧА-2*
скажи мне, что я не брежу, и спой ты мне еще ту самую песню!»
14 *ЧА-2*
ничего в ответ не сказав

VII

В ЧА-2 это гл. 25 Книги первой (должна быть — 26); 5 написано поверх 4 / 5. В БА первоначально — гл. XXVIII. Номер главы зачеркнут.
1—2 *ЧА-2, первоначально БА и осталось в копии О.А. Шор*
стала; иной раз
2 *ЧА-2*
и тем [своенравием] своим норовом
3 *ЧА-2*
с детьми дворовыми
4—5 *ЧА-2*
дразнила; страха не [знала] / {ведала}. Ровно бешеной [стала] / {обернулась}: ей и не перечь. В гнев входила неистовый; себя в ярости не помнила; а потом подолгу рыдала и билась в судорогах: ровно порча какая с ней приключилась.
6 *ЧА-2*
Приводила ее ~ как он на нее взглянет строго, она и притихнет; а как улыбнется ей ласково, и она вся
7 *ЧА-2*
И Писание вместе
7–8 *ЧА-2, было до правки*
у Лазаря, так набуянивши, что и добрую княгинюшку прогневала, а потом угомонившись, и вдоволь наплакавшись;
Там же после правки
у Лазаря, виноватая, пристыженная (в тот день и добрую княгинюшку {она непокорливостью} прогневала), и читают они
В БА было и в копии О.А. Шор осталось
прогневала), и читают
В БА скобки зачеркнуты, исправлено на: прогневала. И читают
9 *ЧА-2*
пожалеет, мне так и матушка говорила, — а вот я дурная

10 *ЧА-2*
на меня{-то}
10–11 *ЧА-2*
обидел?» — «Не обидел еще, а ужо обидишь». И залилась слезами
11–12 *ЧА-2*
дивился. «Скажи
12–13 *ЧА-2*
Отрадушка!» Отвечала Отрада
13–16 *ЧА-2*
времечко, да уж и ждать-то {его} недолго: [ты] укрепишься / укрепишься {ты}, с постели встанешь, богатырем славным будешь, как Илья-Муромец, что тоже за печкой {годами} сиднем сидел, сядешь на добра́ коня, славу да державу добывать уедешь, а на меня и не взглянешь;
14 *БА, было*
мертвою водою тебя Егорий окропил, вскоре и живою обрызнет.
14–15 *В БА было и осталось в копии О.А. Шор*
окропит; с постели
15–16 *БА, было*
уедешь, а на меня
16 *ЧА-2 и первоначально БА*
женишься, на Царь-Девице
В БА исправлено карандашом.
ЧА-2
на Царь-Девице. А свою Отраду
17 *ЧА-2*
«Гляди, Отрада, как бы мне сиднем век не завековать.
18 *ЧА-2*
за княжича, прекрасного, ин ты меня и забудешь». / за княжича, прекрасного {такого}, что ни в сказке сказать, ни пером описать; ин ты меня и забудешь».
19 *ЧА-2*
«Нет, я замуж не пойду. В монастырь пойду, за тебя буду молиться. / Нет, я {за него} замуж не пойду. В монастырь пойду {и там} за тебя буду молиться. Только ~ не знаю, [будут ли] молитвы-то мои доходчивы ли будут».
20 *В БА* Засмеялся Лазарь *вписано карандашом (в ЧА-2 не было)*
20–22 *ЧА-2*
«Какие же на тебе грехи, дитя малое?» — «Во всем тебе, Лазарь, призна́юсь. Приходила ко мне матушка на криницу; а ныне, вот уж с год целый, почитай, и более, меня оставила. В последний раз

22–31 *ЧА-2*
вся в белом {, белом} она была [и не в<идно?>] и еле видна сквозь туман [золотой утренний], / {солнышком просвеченный}, и {далече ли она, близко ли тут, нельзя было понять; и} ласково на меня глядела долго, и благословила, и говорит: “Отныне тебе Пречистая матерью будет, если сердце чистое соблюдешь”. А разве чистое у меня сердце-то? {Чего только мне бес не нашептывает! Убиться велит.} Покинула меня матушка, да и Матерь Божия не приходит. А я Ее и не зову. [Перестала] Давно уже Пречистой молиться я перестала». — «Почему же ты мне столь часто о Матери Божией говоришь, на Нее уповать учишь, а сама Ей не молишься?» — «Ах Лазарь, Лазарь! Как же я [м<олиться>] ей молиться стану? Ведь о тебе {одном} вся молитва моя. А {вдруг} Она бы меня и послушалась, и исцелила бы тебя; а ты бы на резвые ноги вскочил

22 *БА, было*
и не домекнуть было
распознать *вписано на полях*

24 *БА*
бес ко мне и [приступил] / {пристал}*.

32 *ЧА-2*
тебя отпускать / отпустить. С силой собраться не могу. А знаю

33 *ЧА-2, первоначально БА и осталось в копии О.А. Шор*
не молюсь, и грех на душу беру
ЧА-2
чем тебя лишиться. ~ погубительницу твою».

34 *ЧА-2*
И убежала, рыдаючь, Отрада, как зверек

VIII

В ЧА-2 это гл. 26 Книги первой (должна была бы быть 27), в БА первоначально — гл. XXIX. Номер главы зачеркнут.

1–2 *ЧА-2*
Спокойнее [стала с той поры] / {после той исповеди стала} Отрада и благоразумнее, и гневливость ее по-малу [прошла] / {утихла}, и с подружками играть зачала в игры девичьи; только прежней беспечности ее веселой да ласковости как не бывало. Задумчива бывала иной раз и нá людях; далече одна уходить любила и песни [себе] свои {в полях да лесах} распевать, чтобы люди не слышали.

---

* *Вписано карандашом.*

3–4 *ЧА-2*
опричь священных книг, и Цветники, и Пчелу, и Физиолог, и Хронографы; ибо Лазарь отовсюду списки собирал, на книги казны не жалеючи. И вопрошала его Отрада о многом, в чем он {и} сам себя невегласом почитал: о [круговращении] светил небесных {коловращении} и о всем естестве и стихиях, и о земли основаниях, [о горах и пустынях и пропастях земли] / {и о мире ея} и о пучинах морских, и о зверях и гадах и {рыбах,} птицах, и о племенах человеков / человеческих, и о [народах] / {временах} древних, [и ныне живущих, и о землях чужеземных] и о царствах земных.

3 *В БА* харатейные *вписано карандашом.*

5–10 *ЧА-2*
Так оба тихо да ладно [за] / {они, ровно брат и сестрица-разумница, за} книгами сиживали, особливо вечерами зимними; только говорит однажды Лазарю Отрада: «Не ладно, Лазарь, что ты от людей вовсе [уединился] / {затворился}; хоть бы странников послушал, [каково] / {как} они про свои хождения — и в Святую Землю иные хаживали — рассказывают, какие диковины [будто] видывали, какие небыли слыхивали; коль и прилыгают, а послушать занятно; а и правды много сказывают». А странников прохожих у княгини Василисы был полон двор. И согласился Лазарь нехотя, а потом и сам чужие лица повидать, голоса чужие послушать возжелал. И стал он иной раз странников к себе зазывать да выспрашивать, откуда родом да как дома жили{-работàли}, да где бывали, что на свете видали, о местах хождения и свычаях иноземных, и чтò на земле широкой деется, и чтò в христианском народе молвится, [на что] как люди труждаются, на что плачутся

5–6 *В БА было и осталось в копии О.А. Шор*
зимними; только
В БА стих 6 начинался сперва со слов «Не добро, Лазарь

6 *БА, было*
повествуют, какие

7 *БА, вставка карандашом*
басни жидовские и кощуны эллинские

11 *ЧА-2*
И слыша ото всех о туге мiрской ~ головой покивая

12 *ЧА-2*
то ли еще будет! ~ а царства православного кончины

13 *ЧА-2*
И смущались странники, и недоумевали: почто сидень, — аль будто из ума выжил, в избе сидючи? — горшую беду каркает.

Копия О.А. Шор
накликивает.
14 *ЧА-2*
в сердце своем ~ и на царства (как про себя думал) губителей — пастырей — волков {лютых}.
15 *ЧА-2*
«Ну», говорил, «идите с Богом; матушка вас [угостит на славу».] угощенья понапасла — море, чаю, разливанное».

IX

В ЧА-2 это гл. 28 Книги первой (*Вяч. Иванов вспомнил о сдвиге нумерации после правки*), *в БА первоначально — гл. XXX. Номер главы исправлен.*
1–3 *ЧА-2*
Вздумал со временем Лазарь и гостей именитых, что̀ к Горынским, знатности их и хлебосольства ради, по соседству ли, аль и нарочно из дальних вотчин, наезжали, также и былых своих товарищей ратных, что к старому князю наведывались, на пир и беседу звать; с ними и старик-хозяин ласковый, горем-обидою согбенный, а старинной спеси и в горе не избывший, к сыну жаловал, хоть и хмурился на него, неповинного, за его убожество.
2 *БА*
{Стольничал с ними да чашничал,}* лебедей [с гостьми] рушил
в копии О.А. Шор с гостьми *не зачеркнуто*; *в м/п копию* с гостьми *не вошло*
3 *БА*
[С ними] / {За гостьми}** и старик
4–5 *ЧА-2*
И от сих гостей Лазарь те же сетования на крутые времена, на [кр] нестроение государства и разруху земскую слышал; и сим печальникам в лицо, будто злорадствуя, свое твердил: «То ли, государи-братцы, еще будет! ~ Коли не принудят нас гости незва́ные за ум взяться, — помните слово мое, — нам не сдобровать: сами себя разделением погубим.
6 *ЧА-2*
примучены не будем, {прочной не сколотим избы,} крепкого не [сколотим] / {построим} царства».

* *Вписано карандашом.*
** *Вписано карандашом.*

7–8 *ЧА-2*
И на те слова его иные гневались, иные же мнили Лазаря не токмо плотию расслабленным, но и в уме поврежденным. [А он] / Он же, гостей досаду и кичливость примечая, на зло им пуще прекословил: «Царя нужно земле, да такого, чтобы [горше] ворога пришлого {лютее} князей да бояр наших примучил. Крепкое нам потребно самодержавство, а князьям тому самодержцу [слугами] / {холопами} быть».
8 *В БА было и осталось в копии О.А. Шор*
да такой, чтобы ворога пришлого лише ~ самодержцу холопами
Исправлено карандашом.
9 *ЧА-2*
прю с [сыном] / {Лазарем} зачинал: за древних родов [честь] / {власть} горою стоял. «И в кого ты таков {у меня} уродился, что [и] своего же рода {честь и} славу забыл?*» — в сердцах [сыну] на сына [кричал] / {щетинился}.
БА, было
за древних родов власть
удельных князей *вписано карандашом, первый вариант не вычеркнут*
10 *ЧА-2*
сами свой род усобицею мы изгубили. ~ изрек: Не добро ~ един главою да будет».
11 *ЧА-2*
«Начетчиком, сидючи, сделался, мало что не чернокнижником. {Всех окаркал.}
12 *ЧА-2*
Омира некоего [{не к лицу}] {к ночи} поминает. А сей кто таков есть? Сам ли Вельзевул, али какой оного прихвостень?»**

X

В ЧА-2 (*л. 8–8об.*) *это гл. 29 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXXI. Номер главы исправлен.*
1 *ЧА-2*
в недальнем монастыре / в недальней обители / в недальней лавре

* *Сначала была точка*
** *Исправлено*; *было*: А что он, Омир-то? Вельзевул, что ли?» али какой его прихвостень?». *Вторые закрывающие кавычки, скорее всего, появились позже*; *при этом кавычки после* что ли? *не вычеркнуты.*

1–2 *ЧА-2*
книги церковные правил, муж, пресловутый книжностию и писаниями, [он же / ибо] поелику не токмо в еллинских словесных хитростях измлада искушен был от начетчиков и витий цареградских
2–3 *ЧА-2, первоначально БА и копия О.А. Шор*
разумел; книг же
мних тот *вписано карандашом в БА*
4 *ЧА-2*
своего ученика в наставники / наставником ему
5 *ЧА-2*
и трудах [научны<х>] келейных
6 *ЧА-2*
возрастом Лазаря не старше ~ длиннонос и сутул, в обращении смирен и тих,
В БА на полях после Лазаря *карандашом написано*: Храбр <?>
БА, было
повадкою смирен
7 *ЧА-2*
Поучал он Лазаря грамоте еллинской и упражнял его спервоначала в баснях Есоповых, по сем и в творениях святоотеческих, и в предложениях Евклидовых
8 *ЧА-2*
И пил Лазарь учение ~ года за три, почитай, сидень
Первоначально в БА стих 8 *начинался от слов* И как то
9 *ЧА-2*
сам {о пристанях} рассуждал
БА, было
себе наипаче потребное
9—10 *ЧА-2*
избирая; от высоко превыспренних умствований
В БА было и сохранилось в копии О.А. Шор
избирая; от превыспренних умствований
10 *ЧА-2*
в судьбы царств и {в} мужей преславных деяния ~ в кесарей закон
11 *ЧА-2*
в состязания с учи́телями своими
12 *ЧА-2*
причину же [того] / {сего} шатания в том особливо полагал, что от Платонова любомудрия отступили
13 *ЧА-2*
На что Лазарь возражал: «О правиле ~ а что Аристотелю паче Платона послушествуют

14–16 *ЧА-2*
Сей превыше земли взирает, в премірное простирается; посему любомудрие смерти предварением именует. Коли же смерть предварит мудрец, на земле будет хромец. Стагирит же оный по земле ходить учил; посему и любомудрствовал походя, как и ученики его ходунами себя нарекли. Цель нашу он не в небесный / небесных слав созерцании, а в земных деяниях полагает. Платон мудрецам земли державу вверил; а те горнего взыскуют, что̀, мнят, на небе видели, а небо долу низвести не горазды.
15 *БА, было*
Таковым ли лебедям, того, что, мнят, на небе видели, взыскующим, но горнее долу низвести не могущим
Исправлено карандашом; на небе *зачеркнуто карандашом, потом восстановлено*; долу же *вписано карандашом над зачеркнутым*: но.
17 *ЧА-2*
Градовладык Платон воспитать не умел, Аристотель же великого воспитал народов владыку». И на те Лазаревы слова Мелетий немалую досаду имел.
18 *БА, было*
да коротко зрение
БА
и {по} суете мысленной ~ [не право] / {криво} судишь
Исправлено карандашом.

XI

В ЧА-2 (л. 7–7об.) это гл. 30 Книги первой. В БА первоначальный номер гл. (XXXII) ошибочно не исправлен на XI. Далее из-за этого происходит сдвиг нумерации (следующая глава обозначена как XIII, что сохранено и в м/п копиях, и в первой публикации (правда, здесь гл. XI названа «XI—XII»), и в настоящем издании).
1 *ЧА-2*
«Высокоумствуют Греки
веры живой *в ЧА-2 подчеркнуто карандашом*
2 *ЧА-2*
их [раздор] / {распрю} ~ и хлад сердечный, и нестроение царства великое / и ветхого царства разруху. Не устоит держава их дряхлая
3 *ЧА-2*
наследие [веры] правой / правой веры примет ~ в міре [воздвижет] / {обновит}?

5 *ЧА-2*

Две нам к тому нужны силы: и единая от них есть самодержавие, и другая от латынской прелести и от Франков и иных неверных стена непроходимая.

В БА было и сохранилось в копии О.А. Шор: от Фряжей

Исправлено карандашом.

6 *ЧА-2*

Лазутчиков искусных надлежит посылать к ним да выведывать, [что̀ у них деется,] что̀ и нам на пользу пойдет, — подобно как Евреи в сорокалетнем по пустыне странствии лазутчиков в землю Ханаанскую посылали / засылали, — а кто с ними [водится да / {единения ради}] общается, анафема да будет».

БА, было

в землю, им обетованную

В копии О.А. Шор им *не зачеркнуто*

7 *ЧА-2*

«От наследства державы не откажемся, коли [взять] / {поднять} ее силы хватит, коли еще крепкое, сиречь, царство у себя [{царство}] потщимся созиждеть царство / ежели, сиречь, крепкое у себя потщимся наперво соделать царство.

8 *ЧА-2*

не по̀ сердцу. Нечего нам от чужих людей хорониться, ровно красной девице в терему: ино и век девкой вековать будет.

9 *ЧА-2*

Случится — побьемся, случится — и мировщину справим / на мировщину пойдем. А тем временем и ума, гляди, от соседей лихих наберемся.

10–11 *ЧА-2*

Вот Греки себя [пре] всех превыше мнят, всех-де они и мудрее и благолепнее; а поколе на том жили из века в век, варвары-то их, почитай, перещеголяли / их велелепие мало не перещеголяли. Как первый Рим варвары разорили, так, гляди, и второй поразграбят, да и сокровище {его} зарытое в [оборот] / {лихву} пустят».

11 *В БА было и осталось в копии О.А. Шор*: перещеголяли; *исправлено карандашом*

12 *ЧА-2*

Ничего в ответ не сказал Епифаний, только очи потупил да [носом] в книгу уставился ~ ороскопия».

13 *ЧА-2*

«Вестимо, [гада<ние>] ороскопия есть гадание о судьбе человека по расположению светил небесных, како стояли на небе в час его рождения / в его рождения годину. Но не даю я астрологам веры: что за дело, мыслю, звездам, что на ризе Божией сияют, / что за дело, мыслю, живой ризе Божией до дел человеческих?

15 *ЧА-2*

выходишь: не втуне я тебя волхвом прозвал. {Недаром ты для колдовства еретического еллинского <?>, раньше пострига в монахи пошел.}* А вместно ли то сану иноческому, сам гляди. А исчисление твое ужо покажь». —

БА

«Ан ты и звездочет выходишь: не даром [я тебя волхвом прозвал, как] ты еще и до по́стрига, [волхвования ради манихейского,] монашеское в міру житие вел. А вместно / вместны ли [тайнокнижие] {[и] / [да] календы}** сану иноческому, смотри сам.

В копии О.А. Шор не зачеркнуто; в м/п копию зачеркнутые места не вошли.

Копия О.А. Шор

А вместно ли чернокнижие

м/п копия:

«Ан ты и звездочет выходишь: не даром еще и до пострига монашеское в міру житие вел. А чего ради? Не иначе, смекаю, как тайнокнижия ради и чарования. А вместны ли календы сану иноческому, смотри сам.

А чего ~ чарования *восстанавливаем по м/п копии.*

16 *ЧА-2*

не постичь, а что уведал

17 *ЧА-2*

Смутился Лазарь, но смущение затаил / утаил и смеючись ответствовал: «Твоими бы устами [да] мед пить. А и есть медок, да засечен в ледок. Да*** и мед ли еще ~ сказано. [Ино так, значит, тому и быть.] А уж коли быть мне по слову твоему автократором, {ин} тебе подо мной патриархом быть».

XIII

В ЧА-2 это гл. 31 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXXIII (*об ошибке в сдвиге нумерации после разделения на две книги* *см. с. 271 наст. изд.*).

* *Вписано карандашом.*

** *Вписано карандашом; справа на полях вписано карандашом*: Календы.

*** *Вписано на полях; разделения на предложения не было.*

1 *ЧА-2*
не спала Василиса: все о сиротке ~ [Шестнадцатый год шел] / {Семнадцатый год шел} Отраде, красавицею вырастала девушка.

2–3 *ЧА-2*
золоченого / золотого венца с тороками, [злато] на повадку ее своеобычную, и горделивую и покорную, на взор прямой, как вежды стыдливые вскинет, глаз правосудных, не горящих, но светящих лучами, {что} от зеницы по радуге расходились и расширялись, мерцая, к ободу; наслушаться вдосталь ее голоса верного

4 *ЧА-2*
невпопад ответствует; иной раз будто

5 *ЧА-2*
она ж, как [про то заслышит, на долг<о?>] на то обиняками намекнут, сама не своя делалась, будто умом иступлялась, того и гляди наземь упадет в судорогах.

6 *ЧА-2*
В обитель женскую / скит женский, что [недалече в лесу что] на соседней земле в лесу стоял, жить просилась, к игуменье Мелании послушницей, к старице строгой, Василисиной сестре двоюродной (Василисина родня тот скит основала).

7 *ЧА-2*
И [не знала] недоумевала княгиня, как ей Отраду детоводительствовать, как ее разговорить да развлекать.

8—9 *ЧА-2*
[Перечила ему] / {Препиралась с ним} Василиса ~ что [перечить ей нельзя] / {легче реку от устья к истоку повернуть, чем ей насупротив идти}; в монастырь же ее отпустить за великое горе почитала, да и за Лазаря было матери боязно: бодрился сидень единой Отрады утешением; ее не видючи, неровен час — {опять} затоскует и [опять] погаснет душой.

11 *ЧА-2*
«Не крушись ты [об ней] / {за нее} ~ она норовом уродилась. ~ так тому, значит, и быть

12 *ЧА-2*
и мужеством его в душе утешилась.

XIV

В ЧА-2 это гл. 32 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXXIV. Номер главы исправлен.

3 *ЧА-2*
приду на тебя взглянуть, как ты удалым молодцем обернешься, на коня сядешь да из дому уедешь землю слобожать, себе [славы добыть] / славу искать.

4 *ЧА-2*
до времечка; прости Христа ради, коли чем тебе досадила».

5 *ЧА-2*
[Отвечал] / {Сказал} Лазарь: «[На тоску да печаль] / На грусть-тоску ты меня, убогого, покидаешь».

6 *ЧА-2*
«Не твоим бы устам то слово молвить.
БА, было
«Не то бы слово мне слышать, не твоим бы устам таковое молвить».
Копия О.А. Шор: таковое молвить

7 *ЧА-2 и первоначально БА*
Сам себя знаешь, Лазарь.
ЧА-2
[Живчиком силушка по жилушкам переливается.] / По жилочкам силушка так живчиком / {Сам чуешь:} по жилочкам та силушка твоя богатырская так живчиком и переливается.

8 *ЧА-2*
А как и вовсе телом укрепишься, всей земли нашей тебе мало

10 *ЧА-2*
сбудется и Господь мне, расслабленному, грехи отпустит и велит мне взять одр мой и ходить, и восстану я {опять}, Отрада моя, добрым витязем, {не иначе} ты мне будешь

11–12 *ЧА-2*
не будет мне {на} то повеления свыше. Как я тебя люблю, ничья душа так тебя / ничья тебя душа так любить не будет. Но лучше мне {черницей} в келлии {тесной} за тебя молиться и позднего твоего возврата дожидать / поджидать.

13 *ЧА-2*
уйти, и забыть меня надолго / меня забыть,
ЧА-2
в келлии дожидаючи
В БА было и осталось в копии О.А. Шор: дожидаючись
ЧА-2
с тобой живучи

14 *ЧА-2*
Но что нам, Лазарь, о днях грядущих гадать? На все на земле воля Божия».

15 *ЧА-2*
не оглядаючись, из терема. И вскоре
В БА было и осталось в копии О.А. Шор: из терема; и вскоре

XV

В ЧА-2 это гл. 33 Книги первой, в БА первоначально — гл. XXXV. Номер главы исправлен.

1 *ЧА-2*
с вестями, одна другой лише: подымалася туча грозная ~ агарянская сила[*]

2 *ЧА-2*
Слег от [горя] / {удара} дряхлый князь; Лазарь в руки [почин] / {управу} взял. Послал по молодого боярина Василья Жиряту, Василисина внучатого племянника[**].
В БА Жихоря *вписано карандашом над зачеркнутым*: Жиряту
В копии О.А. Шор здесь и до конца главы XV осталось: Жихаря

3 *ЧА-2*
Жиряту у Горынских не долюбливали: был он силач [,] приземистый, коренастый, скуластый, узкоглазый, хитрый и / да[***] хищный

4 *ЧА-2*
несметным откупом / выкупом
В БА ошибочно не исправлено: Жиряте

5 *ЧА-2*
Поехал Жихорь, смеючись, в орду и вернулся с ярлыками {жалованными}[4*] вольготными

6 *ЧА-2*
да шашку кривую, камением [самоцвет<ным>] изукрашенную самоцветным.

7 *ЧА-2*
другие же князья им то в измену вменили / и то другие князья им в измену вменили; и полегли [от них] / {костьми} многие

---

[*] *Над невычеркнутым* агарянская сила *подписан лиловым карандашом вариант*: рать неуклонимая.

[**] *Исправлено лиловым карандашом*; *было*: Посылал за молодым боярином Васильем Жирятою, Василисиным внучатым племянником; боярином Васильем *и* Василисиным *ошибочно не исправлено.*

[***] *Вписано поверх* и.

[4*] *Вписано лиловым карандашом.*

8–9 *ЧА-2*
данями обложили, и назад в степи ушли.
В БА от слов и баскакам *вписано карандашом*

10 *ЧА-2*
коль неправду чинить будет да смердов поборами и обидами притомит.

XVI

В ЧА-2 (*л. 13–13об., 14–15, 16*) *это гл. XXXVI Книги первой, начало которой — в четырех вариантах* (*до этого — нумерация арабскими цифрами*). *В БА первоначально — также гл. XXXVI. Номер главы исправлен.*

1 <*Вариант 1.*> *ЧА-2, л. 13*
[Держал тайный совет великий государь с митрополитом своим и с духовником своим, старцем Варсонофием, [прибывшим из] — прибыл [старец из дальних скитов на государев] из дальних скитов на вызов государев [старец] / {подвижник-старец} — и так говорил Святителю:]

<*Вариант 2.*> *Там же*
Держал тайный совет великий государь с [епископом] / [митрополитом] / {архипастыр<ем>} {стольного града своего митрополитом Софронием} и [старцем] / {со старцем архимандритом} Варсонофием, духовником своим, [вызванным] / {прибывшим} из дальних скитов. И говорил, тяжко воздыхая, святителю:

<*Вариант 3.*> *ЧА-2, л. 14*
Держал тайный совет великий государь с митрополитом Софронием и с духовником своим, старцем Варсонофием, вызванным из скитов дальних / дальних скитов; и, тяжко воздыхая, так говорил святителю: / и так говорил он святителю, тяжко воздыхая:

<*Вариант 4.*> *ЧА-2, л. 16*
Держал тайный совет великий государь с {архипастырем стольного града своего,} митрополитом Софронием, и с духовником своим, [архимандритом / игуменом] / {старц<ем>} Варсонофием (прибыл [старец суровый] / {игумен} на вызов государев из дальних скитов)
БА, было
с духовником своим, старцем Варсонофием

2–3 <*Вариант 1.*> *ЧА-2, л. 13*
[«Ведает {сердце мое} сей старец, а тебе, владыко, [заветную] внутренняя моя открою. [Тяжко] / {Не по моим раменам} власти бремя, и

нести [его мне] / {оное} долее {немощному} невмоготу стало. Повержено и разорено царство, и мне ли [подобает] {воздвигнуть} и управить? Жаждет издавна душа моя, как олень на источники водные, уединения иноческого и мира вожделенного в келлии молчаливой.]

<*Вариант 2.*> *Там же. Л. 13–13об.*
«Знает душу мою сей старец, и тебе, владыко, внутренняя моя открою. Не по раменам моим власти бремя, и {плечи мои под} барма<ми> царскими <согнулись> [плечи мои изнурились / изнемогли]. Повержено [царство,] {лежит} в прахе [лежит], и моей ли нищете [его] / {низверженну<ю> из развали<н> храмину [державу] целу} восставить?

<*Вариант 3.*> *ЧА-2, л. 14*
«Знает сей старец помыслы мои, и тебе, владыко, тайное мое открою. Как олень на источники водные, так искони тянется душа моя к одиночеству иноческому и мира взыскует келлии молчаливой. / Как тянется олень на источники водные, так измлада взыскует душа моя одиночества иноческого и мира келлии молчаливой. Не по раменам моим немощным власти бремя / Не по силам моим власти бремя / Не по раменам моим власти бремя, и плечи мои под бармами царскими [изнемогли] / {согнулись}. Повержено лежит во прахе царство, и моей ли нищете [разрушенную] / {разваленну<ю>} храмину восставить нову?
В БА было и в копии сохранилось: Как тянется олень
Исправлено карандашом.

4–5 <*Вариант 1.*> *ЧА-2, л. 13–13об.*
Озлоблен бых и смирихся до конца; весь день сетуя хождах. Искони, яко олень на источники водные, так страждет дух мой уединения иноческого и ищет келл<ии> молчалив<ой.> {Ныне наипаче} вожделею, {недостойный?} с престола [славы] / {моим <?> попущением <?> обесславленного} сойти и смиренную в месте приять схиму. Но кому государствование передам? Кто землю в лютую годину упасет? Нет у меня сына, престолонаследника, и из ближних мне кровных достойного преемника не вижу. Кто меня ангельский образ приять отпустит, кто землю управит и [управлен <?>] меня <?> исправит и народ христианск<ий> на правый ведет путь?

<*Вариант 2.*> *ЧА-2, л. 14*
Нищ есмь и смирихся до конца; весь день сетуя хождах. Вожделею, отцы, венец обменить на схиму; / По схиме тоскую, отцы, но государство разоренное на кого оставлю? Нет у меня сына {ни} престолонаследника, и меж родных и из кровных моих / и кровных моих и сродников достойного приемника не вижу. Кто в лихую годину землю

управит, меня же, грешного и смиренного, ангельский образ приять отпустит?»

4 *В БА было и осталось в копии О.А. Шор*: Обнищах и согбен бых до конца.
Исправлено карандашом.

6 *ЧА-2, л. 14*
Сказал Варсонофий, старец суровый / Сказал Варсонофий, седые нахмурив брови: «О том не пещись {и не малодушествуй}, а позвал тебя{, яко мытаря,} Господь, за Ним, [{оставив}] {покинув мытницу,} и последуй.

7 *ЧА-2, л. 14об.*
Не властителей управою народ спасается, но молитвами подвижников. ~ лицедействуя.
БА, было
на позорище славы земной втуне лицедействуя

8–9 *ЧА-2, л. 14об.*
а Господь наперекор тебе распоряжается. Ты крамольнику голову рубить приказал, а глянь у него на плечах другая выросла, а снятая на другом туловище сидит, и два на тебя ворога восстали взамен единого.

10 *ЧА-2, л. 14об.*
довольно сидел на седалище губителей.

11 *ЧА-2, л. 14об.*
Вели людям на собор собираться: пускай себе [всем] царя по сердцу изберут, как сами ведают, не твоя то печаль».

12 *ЧА-2, л. 14об.*
Сказал митрополит: «Не ладное ты, отче, великому государю советуешь. Коль уйдет с престола, {преемника по себе} не назначив, великая будет по всей земле смута и распря, междоусо<бица> / смута и усобица / смута и усобица кровавая, и наступит разруха / и наступит погибель конечная / и конеч<ная> настанет царству погибель.

13–14 *ЧА-2, л. 15*
земле показать / указать, и / а нам ему в том деле пособить надобно. Дерзай, старче! Церкви, подобно древл<ему> Самуилу пророку, надлежит избранника Божия обресть*, и молитве церковной тут {наипаче} чудотворную {свою} силу [{міру}] явить на спасение міра. Чаю, и без нашего [человеч<еского>] умствования [дело сие разрешится]

* *Было*: <1.> Тут молитва церковная силу свою явить непреложно Церкви, надлежит избранника Божия обресть, как Самуил древле Израилю двух царей / Самуилов подвиг подъемля дерзн<овенно> / подражая дерзновенно
<2.> Церкви дело избранника Божия обресть

человеческого ~ Пойдем {с тобой}, отче, к великому пустыннику Парфению и с духоносным старцем [о сем] {под печатью} в церковной тайне {о сем деле} совещаться будем».

15 *ЧА-2, л. 15*

И угодно было то слово [Варсонофию] / {игумену}, ибо истинно святым [он] Парфения он почитал.

БА, было

ибо воистину святым

16 *ЧА-2, л. 15*

И молвил великий государь ~ земли многострадальной ради, мужа указать

В БА стих 16 начинался сперва от слов И молил

XVII

В ЧА-2 это гл. 34 Книги первой (л. 12, 15об.; на л. 15об. — карандашом, вероятно, одновременно с правкой на л. 12), в БА первоначально — гл. XXXVII. Номер не исправлен.

1–2 *ЧА-2*

видит ей в стрету из чащи медведь, остановилась / и видит в стрету ей из чащобы [{бредет}] медведь. Остановилась и [осенила себя] крестным знамением себя осенила; и слышит из чащи [{за дерев<ом>}] голос старческий: «Не пужайся, {красная} девица! [Он] / {Ручной он} у меня

Исправлено карандашом.

В БА бурый — *вставка карандашом.*

3 *ЧА-2*

И вышел из-за деревьев старичок в скуфейке и [епитрахи<ли>] в епитрахили, [и стала перед ним Отрада] с лицом кротким и свежим, округлым, с бородкою малою седенькой.

4 *ЧА-2 и первоначально БА*

«К тебе пришла, преподобный старче Парфение, смущение мое тебе на духу исповедать».

5 *ЧА-2*

Отвел ее старец на лужайку сухенькую и голову ей епитрахилью покрыл, склонился над ней и рассказ ее долгий выслушал[*],

[*] *Исправлено карандашом; было*: Покрыл ей голову старец епитрахилью и рассказ ее долгий, склонившись к ней, выслушал

6–7 *ЧА-2*

«Не бойся, чадо, и не смущайся сердцем, но дерзай и Господа благодари. Не враг рода человеческого [тебя] суетными тебя мечтаниями искушает, но возлюбила тебя воистину сама Владычица и милосердые очи на тебя устремила. И чаю ~ исполнение будет, {станет <?> же он [весел] <?> / {свят}[*] и [весел и телом чист] / {чист}[**], как отрок, цве<тущий> <?> весн<ою> <?> в юн<ом> <?> теле своем. Да благословит Господь путь твой»}[***].

8–9 *ЧА-2*

И пошла Отрада в {дом княж<ий?>}[4*] обитель свою, возрадованная и укрепленная;[5*] но еще окликнул ее старец и сказал ей: «Пойди, [чадо] / {Отрада}, в дом [свой] / {Лазарев} и [скажи госпоже его / скажи госпоже / {моли<т>} / что молит] скажи матери его: молит тебя, госпожа {благочестив<ая>}, старец смиренный Парфений, [с утра] / {повели [немощного] слугам} с утра в Егорьев день [больного] / {недужного} сына твоего, ни на немощь {его}, ни на ненастье, коли случится, не [взираючи] / {глядючи}, [с немногими е<го?>] на Егорьеву криницу нести; [там я] [{на заре}] воду святить [{будет}] приду / и воду освятить приду, и тою святою водой больной окропится / окроплен {будет}, и за здравие его [вкупе с] родителя помолимся. [Иди с миром.] {Молебен будет спет}.

10–11 *ЧА-2*

с [упованием] великим любви дерзновением. А идучи от меня, коли встретишь иноков, путь ко мне покажи, и хозяина-то пусть не пужаются». И вящим

11 *ЧА-2*

И вящим Отрада окрылилась упованием, вскоре же в лесу черноризцев повстречала с митрополитом и старцем Варсоноф<ием>, и поклонилась им до земли, и на вопрош<ание> их путь им к Парфен<ию> указала, и о медведе, дабы / чтобы не пугались коли встретят его издалече <?>, наказывала.

12 *ЧА-2*

Парфен<ий> же вернул<ся> к келлии своей и сел на пороге; и когда

[*] *Написано поверх* весел <?>.

[**] *Написано после и поверх зачеркнутого.*

[***] *Два последних предложения вписаны карандашом над и под зачеркнутым*: Иди, сердешная, с миром.

[4*] *Вписано карандашом над строкой.*

[5*] *Исправлено карандашом; вместо точки с запятой была точка. Глава здесь заканчивалась. Было*: И пошла Отрада в свою обитель, возрадованная и укрепленная

подошли к кел<лии> митрополит и Варсоноф<ий> и черноризцы, встал с порога и в землю им поклонился, и гости ему в землю поклон сотворили

БА, было

земным поклоном ответствовали

13 *ЧА-2*

И оставив [чернори<зцев>] иноков вне келлии, [митр<ополита>] Софрония и В<арсонофия> к себе взял и благоговейно их выслушал и так им отвечал

ЧА-2 окончание главы отсутствует (*впоследствии стихи 14—17*).

XVIII

В ЧА-2 это гл. 38 Книги первой (*л. 17* (*соответствует стихам 1—3*), *17об.* (*соответствует стихам 1—9*), *19*; *все лиловым карандашом*; *л. 18 — песня Отрады*), *в БА первоначально — гл. XXXVIII. Номер главы исправлен.*

1 *ЧА-2*

<1.> *Л. 17*

Когда пришла Отрада к Василисе с наказом старцевым, [лежал Лазарь, огневицею мучим, уже дней] в слезах ее встретила княгиня словами:[*] «при смерти [был] Лазарь; дней семь, [почитай, / почит<ай>,] как в огневице лежит, и все лише [недуг] горит[**]».

<2.> *Л. 17об.*

Пришла к Василисе[***] Отрада с наказом старцевым и встретила ее [княгиня] / {та} в слезах, [словами] / {шепчучи}: «[Молись, чадо.] При смерти Лазарь. Седьмой день [он] / в[4*] огневице мечется, и все лише [недуг] / {жар} пылает[5*]».

<3.> *Л. 19*

Когда пришла к Василисе Отрада с наказом старцевым, встретила ее та в слезах, шепчучи: «При смерти Лазарь. Седьмой день в огневице мечется, и все лише пылает жар».

[*] словами *вписано над строкой*; *было*: встретила ее княгиня и сказала: «Занемог Лазарь и дней семь, почитай, в огневице мечется; *предполагался вариант*: «Тяжко занемог.

[**] *Далее было начато* (*по краю листа*): нед<уг> <?>.

[***] *Было*: Когда пришла к Василисе; *исправлено*: Пришла в; потом в (*над строкой*) *зачеркнуто, а зачеркивание* к Василисе *отменено*.

[4*] *Вписано поверх* он.

[5*] *Было зачеркнуто, над этим вписано и зачеркнуто*: горит; *первое зачеркивание отменено*.

2 *ЧА-2*

<1.> *Л. 17*

И, выслушав наказ, перекрестилась и сказала: «Как [говорит] повелел старец великий, так и [поступим] / {сотворим}, коль до того дня больной душу не отдаст Богу».

<2.> *Л. 17об.*

Когда же наказ услышала, воскликнула: «[Повеление старца великого сотворю, коли [прежде больной / сын] доживет сын мой до Егорьева дня.] «Не скоро будет Егорьев день, а сын мой того и гляди душу Богу отдаст / а {до того} сын мой Богу душу отдаст».

<3.> *Л. 19*

[Когда же] И наказ [услышав,] уведавши, воскликнула: «Не скоро будет Егорьев день / До Егорьева-то дня сын мой Богу душу отдаст».

3 *ЧА-2*

<1.> *Л. 17*

[И возмутилась / Сказала] / {Отвечала} Отрада: «— [Как сказал старец, так] Крепко верь: как сказал старец, так и сбудется», и возвратилась в обитель свою.

<2.> *Л. 17об.*

[Отвечала] / {Сказал<а>} Отрада: «Не умрет раньше повеленного. Ничего не бойся, ибо как сказал старец великий, так и сбудется». И укрепивши ее верою, возвратилась в обитель свою.

<3.> *Л. 19*

Сказала Отрада: «Не умрет раньше повеленного; но [что] / {как}[*] сказал / что предрек старец великий, то и сбудется». И укрепивши ее верою, в обитель {сво<ю>} возвратилась;

4–5 *ЧА-2*

<1.> *Л. 17об.*

Лазарь / Лазарю же вскоре полегчало. И проснулся он [ночью] / {в ночи} и опамятовался; и вспомнил, что [через] скоро будет Егорьев день, и {, коли до дня того дожить,} сорок лет ему [минет / исполнится] / {минет}, и пожалел жизнь свою [недугом / скудою] / {неможеством} загубленную, {без ропота,} и [взмолился Богу] со слезами {умиления} Бога молил душу его взять.

<2.> *Л. 19*

Лазарю же [вско<ре> / через / по] дня через три полегчало. Проснулся недужный в ночи и опамятовался: скоро будет / настанет Егорьев

[*] *Вписано поверх* что.

день, и сорок лет [возраст] ему минет; и пожалел жизнь свою бесплодно / втуне отцветшую без ропота и {тихие} слезы [умиления] / во тьме [тихие] лия, Бога молил душу его взять.

В БА было и осталось в копии О.А. Шор

сорок лет; и жизнь свою

6–9 *ЧА-2*

<1.> *Л. 17об.*

И забываясь дремой, грезил Лазарь, будто опять он младенец слабый[*], и держит его ласково в крепких лапах сизый орел мощный, и как буря носит[**], — то [ввысь] взмоет в поднебесье, то [низко] / {снизясь}[***] над землею кружит; {вот-вот на луг мягкий положит, да вдруг опять взовьется за облаки, и в очах у Л<азаря> потемнеет;} и [знает] / {ведает}[4*] Лазарь, что коли ввысь его возьмет, это смерть, а коли наземь спустит, это жизнь, и ничего не боится — привольно ему в когтях крепких, {только голова кружится,} и доверие в сердце младенч<еском>, жить ли, умереть ли, все к добру.

<2.> *Л. 19*

И забывшись на том дремою, грезил Лазарь, будто опять младенцем стал малым и слабым и нет у него в душе ни тревоги, ни желания, но доверчивость и покорливость детская, и [радость защиты] защиты надежной сладость. И мнилось ему, будто [ласково] держит его в [крепких] / {ласковы<х>} лапах сизый орел мощный и как буря {над земл<ею>} носит — то взмоет в поднебесье, так что сердце [у Л<азаря>] / {в груди} захолонет, [и в очах потемнеет,] то [вот-вот на луг мягкий] над [{мягк<им>}] лугом низко кружит, вот-вот на мягкую мураву уронит, то {вдруг} опять взовьется за облаки, и закружится у Л<азаря> голова и в очах потемнеет. И будто ведает Лазарь: что [в поднебесье смерть, а долу жизнь,] и что коли ввысь его возьмет, это смерть, а наземь положит — жизнь, и ничего не боится, привольно ему [лета<ть> / промеж жизни и смерти] / {меж небом и землею} летать, и жить ли, умереть ли равно добро.

БА, было

возьмет, это смерть ~ привольно ему меж небом

10 *ЧА-2, л. 19*

И видит Лазарь внизу под ним [крест и] криницу Егорьеву, и себя, взрослого, видит, под крестом лежащего, чистого и белого, и белою

---

[*] *Автор начал исправлять на* слабенький, *но вернулся к первому варианту.*

[**] *Было*: и держит его в лапах сизый орел, и [над землею] / {по воздуху} носит.

[***] *Написано поверх* низко.

[4*] *Написано поверх* знает.

плащаницею покрыта, и мертву подобна. И сидит над <ним> Отрада, и говорит: «Ныне из семи ключей омыт и чист весь, и достоин земле предан быти».

11 *ЧА-2*

И при тех словах умер во сне Лазарь, и пробудился, и видит: день чуть брезжит, и чу<,> слышит под окном голос милый

БА, было

день чуть брезжит ~ опять, как некогда то в сновидении

12 *ЧА-2*

И мыслит: «вот она смерть — песня Отрадина, заветная, забвенная».

13 *ЧА-2*

И шелохнуться, и дохнуть не смеет, дабы песню желанную не перервать, не спугнуть певчей птицы райской. Но по-новому старую песню поет Отрада

15 *Оп. I. К. 1. П. 10. Л. 4об. и Оп. II. К. 1. П. 10. Л. 1*:

Не святой затворничек
В дебрях затворяется:
Затворялась Схимница

ЧА-2, л. 18:

Не святой затворничек
В келье затворяется,
Затворилась схимница ~
[По́ небу лазореву.] По́ синю подне́бесью.

16 *ЧА-2*

Хижинка безвестная
Царицы Небесныя, ~
Со старцем-обручником.

БА, было

Со старцем-обручником

17 *ЧА-2*

[Хижина / Горница] / Горенка молельная

Почивальня райская *в ЧА-2 вписано между строк*

XIX

В ЧА-2 номер главы не указан; л. 20 — черновик лиловым карандашом, л. 21 — простым. В БА первоначально — гл. XXXIX. Номер главы исправлен.

1 *ЧА-2*

<1.> *Л. 20*

[Умолкла певунья.] Голос умолк. Пождал Л<азарь> и окликнул Отраду. [Тихо дверь отворилась, но не девушка вошла в покой, а старец [простой]] / {И некто в покой вошел. Пригляделся Л<азарь> и увидел старичка}, в скуфейке и епитрахили, с лицом [{смирен<ным>}] округлым, [обр<амленным>] опушенным бородкою [короткой] / малой, седенькой.

<2.> *Л. 21*

Голос умолк. Окликнул Л<азарь> Отраду; но приглядевшись {не ее} увидел [на / в покое ста<рца>], а старца в скуфейке и епитрахили, с лицом кротким, округлым, опушенным[*] бородкою малою, седенькой.

В БА было и сохранилось в копии О.А. Шор: Голос замолк.

В БА исправлено карандашом.

2–4 *ЧА-2*

<1.> *Л. 20*

[И подойдя к Ла<зарю> молвил старец: / {Спросил}] {Приблиз<ился> <?> [при] посетитель тихо. И глядел на посетителя Л<азарь>, он же, к одру подойдя, молвил тихо:} «Исповедуй, [мне] / {сыне}[**], грехи свои и Таинств Христовых приобщись». И подумал Лазарь / И {обрадов<ался> Л<азарь> и} подумал, что он еще не умер, но умирает, и [возрадова<вшись> / радуясь приходу старца] исповедал [ему] / {старцу} грехи свои со слезами [сокрушен<ными>] / {легкими} и смирением сладким, и мнилось ему, не его те грехи, но [чужие] другого человека, ему порученного [, но] / {и} им небрегомого, но свыше {уже} спасенного помимо его желания; и причастил его старец {милостивый}, и удаляясь сказал ему / и отходя от него сказал: «Ныне же и Отраду, тебе та́инственно / та́инственно тебе обрученную, узришь, и чадо свое, непорочно рожденное».

<2.>

И молвил посетитель: «Исповедуйся в грехах твоих и Таин Христовых приобщись». И возрадовался Л<азарь> и подумал, что еще не

[*] *Написано поверх*: окаймленном.

[**] *Написано поверх* мне.

умер, но умирает, и исповедался перед гостем со слезами легкими и смирением сладким, [бу<дто>] и мнилось ему, будто не его те грехи были, но другого, ему порученного и им небрегомого, но уже омытого[*] от них [чьим-то предстательством] чьею-то сильною молитвою / любовию и молитвою / сильной молитвою. И причастил его старец милостивый, и [удаляясь] / {благословляя} сказал: «Ныне же и Отраду увидишь, та́инственно тебе обрученную, и чадо свое, имущее родится / родится имущее непорочно; и мир Господень с тобою пребудет до его рождения.

БА, было

Таинств Христовых ~ умирает; и исповедался

5–7 *ЧА-2*

<1.>

И не было {более} в покое старца; но словно [фимиам] / {дым}[**] кадильный, наполнился покой благоуханием и голубизно<й> неизреченной, и вышла на мгновение ока из той голубизны сладкой Отрада, и на руках у нее был младенец {светлый}, и взглянул младенец на Лазаря темными очами, далекими, и потонули в голубой волне ослепит<ельной> Отрада и младенец, и смесились мысли Лазаревы в восторге блаженном, и [забылся Лазарь] / {низошли на н<его>} покой[***] [{глубокий}] {нерушимый} и забвение целящее.

<2.>

И [возле] {не было} уже в покое старца, но, как дым кадильный, наполнила покой голубизна очам сладостная, и выступила из той голубизны на мгновение ока Отрада, и младенец на руках [ее] / {у}[4*] нее, и увидел Л<азарь> очи младенца темные, далекие, и {опять} все покрыла голубая волна / {волна} голубая, и смесились мысли Л<азаревы> в восторге блаженном, и низошли на него покой нерушимый и забвение целебное.

В БА было и осталось в копии О.А. Шор

и младенец на руках у нее, и воззрел ~ волна голубая, и смесились

была *вписано в БА карандашом*

[*] *Написано после того же зачеркнутого.*

[**] *Вписано поверх* фимиам.

[***] *Вписано над не зачеркнутым, но подчеркнутым*: сон.

[4*] *Написано поверх ее.*

XX

В ЧА-2 номер главы не указан, в БА первоначально — гл. XXXX (номер исправлен), в копии О.А. Шор — гл. XL. В ЧА-2 (л. 20об.) текст первого стиха записан в конце предыдущей главы; л. 22–22об. — простым карандашом; правка здесь — более твердым простым карандашом и синим карандашом.

1 *ЧА-2*

<1.> *Л. 20об.*

В Егорьев день / Ясным утром в Егорьев день совершилось чудо великое. Принесли на носилках Лазаря, в забытьи лежащего, на Егорьеву

<2.> *Л. 22*

Утром в Егорьев день [совершилось] / {содеялось} чудо неслыханное. Принесли на носилках Лазаря, в забытьи лежащего, на криницу Егорьеву, и мать его с немногими домочадцами вместе пришла; [отцу же, [хотя с одра болезни вставшему]] / {старому же князю, мало что после удара оправился}, трудный путь был не под силу / давно путь тот был не под силу*.

2 *ЧА-2, л. 22*

[Совершали / Служи<ли>] / Правили у криницы служение молебное [митрополит / святитель] святитель Софроний со священномонахами Варсонофием и Парфением и с малым иноков клиром.

В БА первоначально совпадало с итоговым вариантом ЧА-2; Совершили *вписано поверх стертого*: Правили

м/п копия:

Справили службу над криницей по чину митрополит Софроний и священномонах Варсонофий и схимонах Парфений с малым иноков клиром.

3 *ЧА-2*

[И когда окропили больного святою водой,] {И} положили [его] / иноки** {Лазаря}*** навзничь4* под крест5*, {и руки его крестоообразно по земле распростерли / простерли6*} и вынувши крест [из сруба] тяжелый из дубового сруба, [возложили на Лазаря] / {приложили его к больному} с молитвами / молитвою.

В БА было и осталось в копии О.А. Шор: навзничь под крест; *в БА этот вариант не вычеркнут, а взят в скобки.*

В БА первоначально было разделение на стихи после разопнули; *было (и осталось в копии)*: разопнули, и по окроплении

БА, было

вытащили крест ~ и приложили оный к недужному

м/п копия

и руки его по земле распнули; и по окроплении его ~ доколе попы молебен пели.

4–5 *ЧА-2*

И по снятии креста разверз очи [больной] / спящий / И по снятии креста глубоко воздохнул спящ<ий> и очи разверз и устремил их на Парфения, [и члены расправил и с земли] [около] / {возле}* стоящего, и расправил члены свои, и на руку старца опершись, {на ноги восстал прям}** и взор к небу поднял***, и лице его светилось светом необычайным / и просветил<ось> лице его светом духовным.

В БА ошибочно не исправлен номер стиха 6 на 5

м/п копия

Когда же приподняли древо над головою спящего, и сей за ним приподнялся, охватив ствол руками; и когда воздвигнут был крест, и Лазарь стоял под ним на ногах прям.

5 И глубоко воздохнув, пораскрыл спящий очи и к небу взор устремил, и просветилось лицо его светом духовным.

6–7 *ЧА-2*

[И став на колени / опуст<ившись> на колени] / После же колени преклонив, слезы {обильные} {и искренние}4* пролил, и в молитве пламенной надолго челом долу приник / и в молитве на время немалое долу челом приник. Окрест же стоящие в благоговении и ужасе, безмолвствовали и очам своим, дивучися, не верили5*.

В БА не исправлены номера стихов. Восстановлено по м/п копии.

БА, было

коленопреклоненные в благоговении

м/п копия

---

* *Правка твердым простым и синим карандашом.*

** *Написано поверх* его.

*** *Подписано синим карандашом; было (во вставке снизу)*: Л.

4* *Исправлено из*: на землю; *над строкой зачеркнута вставка*: с руками крестообразно простертыми.

5* *Сначала было*: крест; *потом исправлено на*: крестом Егорьевым; *потом это отменено.*

6* *Исправлено синим карандашом.*

* *Написано поверх* около.

** *Вписано над зачеркнутым*: встал на ноги; *первоначально вставка была*: встал бодро (*т. е. было бы*: опершись, на ноги встал бодро).

*** *Было*: и поднял очи на небо / к небу.

4* *Вписано под строкой синим карандашом.*

5* *Было*: безмолвствовали дивясь и очам своим не веря, безмолвствовали.

7 А окрест чуда свидетели

8 *ЧА-2*

И встав на ноги огляделся Лазарь и увидев Отраду, поодаль [коленопреклоненную] {меж деревьев [глядящую] на него глядящ<ую>}, руки свои к ней простер; она же исчезла.

9 *ЧА-2*

И подошел Лазарь к матери своей и прильнув к ней, в слезах ее лобызал.

м/п копия

И приближился

10 *ЧА-2*

И повелел старец нести Лазаря на носилках до дубравы, где обитал, [после ж<е>] и на опушке отпустил слуг с носилками {и повелел привести на опушку [через три дня после] на третий день Л<азарю> коня,} и Лазарю указал за собою идти.

11–12 *ЧА-2*

И держал его Парфе<ний> в келлии своей дня три, и молился с ним и втайне его наставлял, отпуская же сказал: «Собери ратных людей [немало, но и не / полк] полк изрядный, и повели {святой} крест криничный впереди полка нести, и иди на град недальний, агарянами осажденный, и воинство их, {верою и мужеством и} чудотворного креста {святою} помощию, прогони.

БА, было

и воинство их, [верою и молитвою и доблестью воинскою, наипаче же] чудодейственного креста

В копии О.А. Шор и в м/п копии зачеркнутого текста нет.

м/п копия

и воинства их, чудотворного креста победною силою

13 *ЧА-2*

И ежели встретит<ся> тебе иное неверных полчище, от [правой] битвы не уклоняйся.

14 *ЧА-2*

Последи же со крестом и полком в стольный град и великому государю [челом бей] перед светлые очи предстань и служить ему верою и правдою присягни, и что тебе {тот <?>} прикажет оному {слову <?>} следуй без прекословия».

БА, было

Последи же шествуй

XXI

В ЧА-2 это гл. 40 Книги первой; сохранилось одиннадцать редакций этой главы (разной протяженности), на л. 24–25 и 28 номер главы не указан; на л. 26–27: XL. *В БА первоначально – гл. XLI. Номер главы зачеркнут.*

1–3 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23*

Едва держался город осажденный, и всю ночь князь и княг<иня> и жены и старцы и немногие воины в соборной церкви молили<сь>, к мученичес<ким> венцам приготовляясь, ибо на заре ведали, что неверные уже и лестницы и токмачи изготовили, на стены полезут.

<2.> *Л. 24*

Из последних сил держался осажденный город, но [и тех не оставалось] [наутро ждали приступа / ждал приступ и не уповал устоять / не имея упования приступ / {не надеясь <?> выстоять / устоять}] не выстоять было заутра приступа.

<3.> *Л. 24*

Последние часы держался град осажденный; и [ночь целую] / {глубоко заполночь} [князь* и княгиня с детьми] и весь {градский} народ {с князем и княгин<ей>} в соборной церкви молились {и плакали}, венцы мученические приять готовились / готовясь, ибо ведали, что [на заре неверные] / {неверные} уже и лестницы и токмачи припасли и с утра на стены полезут.

<4.> *Л. 24*

Последние часы держался град осажденный, и [поздно заполночь] / {всю ночь} весь народ градс<кий> с князем и княгине<ю> в соборной церкви плакал**, {заутра кажд<ый>} мученическую кончину встретить готовяся, ибо ведомо было, что и лестницы и токмачи припасли с вечера неверные и чуть день забрезжит на стены супостаты полезут, и не выстоять было граду приступа.

<5.> *Л. 24*

Последние часы держался град осажденный. Всю ночь народ градский с князем и княгинею в соборной церкви молился и плакал. Каждый заутра мучениче<скую> кончину [приять] встретить готовился.

---

* *Не вычеркнуто ошибочно; дальше появляется во вставке, поэтому мы вычеркиваем здесь.*

** *Было*: молился и плакал / плакал и стенал; *над строкой зачеркнута вставка*: и каждый.

С вечера неверные и лестницы, и токмачи припасли, [чтобы] / {дабы}[*] чуть день забрежит на стены лезть, и не выстоять было немногому осталому войску приступа.

<6.> *Л. 25*

Из последних сил держался град осажденный, но уже не [уповал спастись] имел надежды спасения. Всю ночь народ градский с князем и княгинею в соборной церкви молился и плакал. Каждый заутра мученичес<кую> кончину встретить готовился. С вечера у стен [неверные] и лестницы и токмачи [кото<рые>] припасенн<ые> лежали: ведомо было, что рано [на утро] зау<тро> полезут супо<статы> на бойницы, и не выстоять было немногому осталому воинству / осталому войску града приступа последнего / последнего приступа.

<7.> *Л. 25*

Еще держался град осажденный, но уже не имел надежды заутра выстоять приступ[**]. Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви молился и плакал: каждый [заутра] к мучениче<ской> кончине готовился. С вечера лестницы, токмачи, — у стен врагом заготовлены / лежали заготовлены; ведомо было, что лишь день забрезжит на стены {супостаты} полезут.

<8.> *Л. 26*

Едва держался город / град осажденный, но ведал, что нового приступа не выстоит[***]. Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви молился и плакал / молился стеня и слезя / молил о чуде спасения / молился о чуде. [Каждый наутро мученической кончины себе / себе кончины ждал, женам {и дочеря<м>} поругания, чадам меча. Каждому день грядущий лютую смерть сулил, женам <*так*! *должно быть*: жен> и дщерей поругания, чад малых мечем иссечения] Каждый {себе} наутрие мученической [себе] кончины ждал, о жен и дев поругании, о малых чад погублении[4*] стенал и плакал, [чуда чая нечаянного] но и [в чаянии] отчаявшись, нечаянной пощады чая

<9.> *Л. 26*

Едва держался град осажденный и нового приступа выстоять заутра

[*] *Написано поверх* чтобы.

[**] *Было*: не имел надежды на спасение / надежды заутра приступ выстоять.

[***] *Было*: осажденный, и не имел уже надежды спасения / и на спасение уже не надеялся / и спасения заутро уже не чаял / ждал / ведал; *в новом варианте* нового приступа *вписано над зачеркнутым*: заутра.

[4*] *Было*: жен и дев поругания, малых чад погубления.

не мог. Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви [{сетуя и}] <молился> {и плакал}[*]. Каждый наутрие к мученической кончине готовился; {о беде немин<учей>}, о жен и дев поругании, о малых чад иссечении [неминучем] сердце {крушил и} стенал и плакал. Но и в самом отчаянии {Ангелов Божиих укреплением} нечаян<ной> пощады чаял[**].

<10.> *Л. 27*

Едва держался град осажденный: противу нового приступа [ветхим] / {не выстоять было} стенам {ветхим} и немногому оставшему воинству. [Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви молился,] А[***] уже с вечера и пóроки к раскатам враги прикатили, и токмачи и лестницы приволокли, башни громить, на стены лезть {заутра} снаряжались / снаряжаючись. Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви молился и плакал. Каждый наутрие общую чашу пить мысли трезвеньем [{трезвеньи}], во грехах покаянием готовился[4*], менее о своей доле / о своего живота кончине / менее о своей кон чине скорбя и стеня, нежели о дев и жен {от врага} поругании, о малых чад и старцев {хилых} избиении неминучем / иссечении мечом безбожным. [Но и в самом отчаянии нечаянную пощаду] Но и отчаяваясь мыслию / помыслом, {от ангела молитвою укрепляясь,} сердцем нечаянной [пощады / помощи] пощады чаял.

<11.> *Л. 28*

Едва держался город осажденный: против нового приступа не выстоять было [ветхой] ограде ветхой и немногому оставшему воинству. А с вечера и пòроки к раскатам прикатили поганые, и токмачи и лестницы приволокли, башни громить, щиты долбить, на стены лезть снаряжаючись. Всю ночь народ с князем и княгинею в соборной церкви [скорбел и] молился и плакал. Каждый наутрие общую чашу пить готовился, не столько о своей голове [стеня / плача] / {скорбя} и стеная, сколь о жен и дев {от врага} поругании, о малых чад и {немощных} старцев избиении мечом безбожным; но и отчаиваясь мыслию, сердцем нечаянной {от Господа} пощады чаял.

В БА до карандашной правки было

Едва держался город осажденный; противу нового приступа не вы-

[*] молился *в строке зачеркнуто, но должно быть восстановлено по смыслу.*

[**] *Было исправлено на* чаял пощады; *потом автор вернулся к первому варианту.*

[***] *Было*: а.

[4*] *Было*: Каждый общую чашу пить готовился.

стоять было стенам ветхим и [поределому] / {немногому} оставшему воинству.

Копия О.А. Шор

оставшему воинству.

В БА в стихе 3 взят в скобки и зачеркнут текст Каждый наутрие ~ избавления чаял.

В копии О.А. Шор и в м/п копии не зачеркнуто; *в м/п копии пропущена середина фразы*: и, душу покаянием очистив ~ избиении мечом безбожных;

4–7 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23*

И чуть забрезжил свет, усеяли воины стены градские, [что<бы>] не чтобы отразить набег, но дабы до последнего защищаючись умереть, и зашевелил<ась> сила вражия, когда на конях в первых лучах солнца завидела полк Лазаря, крестом предшествуемый; и смутились неверные, и снявши осаду бежали.

<2.> *Л. 25*

Чуть свет забрезжил усеяли воины стены, не отразить супостата уповая, но в честной брани готовясь голову сложить. И зашевелилась сила неверная, когда в первых лучах солнца показались на конях крест и полк Лазарев. И ободрились {град<ские>} воины и вдарили / ударили, из врат выбежавши / выбежав с криком победным, и [смутня] напал ужас на агарян, и [они] побежали они в трепете и смят<ении>.

<3.> *Л. 25*

Заняты были бойницы осталым воинством: не отразить {противн<ика>} уповали воины, но головы сложить ревновали за церкви [правос<лавные>] Божие, {за} жен и детей.

<4.> *Л. 27*

Заняла бойницы христолюбивая рать [головы положить], за церкви [Христов<ы>] Божии и за народ православный [изготовилась] до смерти постоять препоясалась. Бодрствовал город, кровавого утра дожидаючи; но и заря не занялась, как послышали незапно стражи за {вражьим} станом дремучим [конский] топот конский и клики воинские с трубным гласом / с гласом трубным и возглашаемое Егорьево имя, во стане же [смя<тенном?>] / дрогнувше<м> гул [и] смутный и вой, и узнали помогу христианскую. И воспрянули духом града защитники и вбежали из ворот с яростию, и ударили на врага, ужасом пораженным и в см<ятении>

<5.> *Л. 28*

Заняла бойницы христолюбивая рать, [головы сложить] / {до смерти постоять <?> [до]} за церкви Божии [и народ православный] за град

отчий и жен и детей укрепилась. Бодрствовали православные*, кровавого утра дожидаючи; но и заря не занялась как незапно заслышали стражи / стражи заслышали за {вражьим} станом дремучим топот копыт и клики воинские и гласы трубные и [победно] возглашаемое Егорьево имя, в стане же дрогнувшем гул смутный и вой[,]. И воспрянули духом ратники и выбежали из ворот с яростию и ударили на агарян, в ужасе и смятении бегущих. И отхлынуло / расхлынуло во все стороны полчище нечестивое {прочь от города}, гонимое и {[жестоко] нещадно} иссекаемое и неудобь было в [драке] / ночной свалке своих от врагов отличить, точию по [словам проглашаемым] / {кликам победным}: «С нами честной крест и сила Егорьева».

4 *Копия О.А. Шор*

христианская рать

6 *БА*, *было*

с ярым рвением

После Агарян *в БА зачеркнуто*: в

БА, *было*

ужасом пораженных и бегущих в диком смятении

8–10 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23*

И вошел Л<азарь> в город и укрепивши

<2.> *Л. 28*

В полдень вошли в город стольный Лазарь с полком своим и войском градским; [усталые] притомились воины от сечи жестокой и рьяной погони; [к закату] и пето было в соборе Господу благодарение. К закату же солнечному держал Лазарь совет с князем и боярами; и порешили заутра в поход идти наперерез другому полчищу измаильтянскому, домой в степи влачащемуся с добычею многой**, дабы не совокупились с оным [остатки тех] бегущие и укрепившись не [возринулись] обратились на город.

9 *БА*, *было*

вспять не обратились на город.

* *Было*: Бодрствовал город / Бодрствовали православные; *потом автор вернулся к первому варианту*, *затем — снова ко второму*.

** *Было*: домой в степи влачащему добычу многую из градов сожженных и ограбленных.

XXII

В ЧА-2 это окончание предыдущей главы Книги первой (*40*), *в БА первоначально — гл. XLII. Номер главы зачеркнут.*

1–2 *ЧА-2*

<1.> *Л. 28–29*

И прискакали на закате солнца к Лазарю два латника мощных под схимами, и лица их были покрыты; и сказали богатыри Лазарю: «{[Во святей] / Богу Троице слава!} Благословение тебе{, княже,} с нами прислал старец Парфений и [помогать тебе в бою] и в бою тебе пособить заповедывал[*], после же к нему возвратиться; [и имен / имен же не сказывать, и / и молчани<ем> ост<аваться?>] / {а имен наших[**] тебе не сказывать} уста же, после / и уста, по сей речи к тебе, молчанием затворить[***]. Аминь».

<2.> *Л. 29*

На закате солнца прискакали к Л<азарю> два латника-исполина в шлемах, схимою покрытых[4*], и на лицах у них были забрала[5*]. И сказал старший богатырь: «Богу Троице слава. [Прислал нас к тебе] / Шлет тебе, господине, преподобный старец Парфений [с его] благословение, и в бою нам тебя ограждать велит[6*], [имена же наши] / {после же в обитель вернуться}, а имена наши утаить, и уста, по сей речи, молчанием затворить (*текст обрывается*)

2–3 *В БА стих 3 начинался сперва от слов* И сказал

3 *ЧА-2*

И поклонился ~ И на третий день завидели они в степи стан неверных / неверных стан несметный, и обоз.

В БА стих 4 начинался сперва от слов И на заре

4 *ЧА-2*

И поставив крестоносцев на холме, первыми лучами озаренном, [дал Лазарь знак] повелел Лазарь зачать бой[7*].

---

[*] *Было*: и в бою тебе помочь заповедывал / пособить велел; *потом выбран промежуточный вариант*: *отменено зачеркивание* заповедывал.

[**] *Было*: а имен же наших.

[***] *Далее зачеркнуты закрывающие кавычки.*

[4*] *Было*: в шлемах покрытых схимою; *над зачеркнутым* крытых (*приставка осталась не зачеркнутой*) *зачеркнута вставка*: плечам.

[5*] *Было*: и на лицах забрала были / и лица были не видны под забралами / и на лицах были забрала.

[6*] *Было*: и в бою тебя охранять нам повелел / и в бою нам с тобою стоять велит.

[7*] *Предложение вписано между строк.*

ЧА-2 было

первыми утренними лучами

5 *ЧА-2*

И соступились [станы,] вои, и была сеча [великая] / {ярая} и лом копейный, {и крови ручьи поте<кли>}.

6–8 *ЧА-2*

И устремились друг на друга Лазарь и вождь силы[*] бусурманс<кой>, и вознес Лазарь на него копье свое, и вздыбился конь под вождем и [{вскинул} {вбок}[**] шарахнулся, [от] и всадника с седла скинул[***], и растоптан был бусурманс<кий> вождь, копытом убит;[4*] на Лазаря же [ворогов] / {первых удальцов}[5*] наскочила[6*] ватага; и покрыли [схи<мники>] Лазаря от {вражь<их>} ударов схимники и бердышом и палицею семерых поганых положили на месте.

7–8 *БА, было*

на вид страховитых

В БА было и сохранилось в копии О.А. Шор

наскочила ватага; и покрыли

9–10 *ЧА-2*

И [побеж<ало>] дрогнуло неверных полчище, и побежало, {и} добычу оставило на бранном поле.

XXIII

В ЧА-2 это окончание главы, начало которой соответствует итоговым гл. 21–22. В БА первоначально — гл. XLIII. Номер главы зачеркнут.

1–2 *ЧА-2*

После сей победы пошел Л<азарь> с полком своим, чудотворным крестом предводим<ым> в стольный град, и встречен был [ду<ховенством>] крестным ходом и звоном колокольным и всенародным ликованием.

---

[*] *Вписано лиловым карандашом над начатым и зачеркнутым*: измаи<льтян>; *в строке не исправлено*: бусурман; *следует читать как* бусурманский.

[**] *Вписано лиловым карандашом.*

[***] *Вписано лиловым карандашом*; *в следующей строке не вычеркнут предыдущий вариант*: сбил.

[4*] *Исправлено лиловым карандашом*; *было*: растоптан ~ копытами конницы.

[5*] *Вписано лиловым карандашом.*

[6*] *Было*: наскочили на.

В БА было и осталось в копии О.А. Шор
стольный град, и встречена

3 *ЧА-2*
И обнял [его] царь Л<азаря> перед всем народом и возгласил: «Сей есть от Бога мне[*] за сына послан».

4–5 *ЧА-2*
И поведал святитель Софроний народу о [чудесах] Св. Егорья знамениях чудесных[**], [явленных <?>] на избраннике его явленных по молитве церковной; [но молва о Лазаре уже к] но уже [обо всем] до того обо всем знали, молва гремела.

6–7 *ЧА-2*
И повел<ел> великий государь земле собором собираться; и когда собрали собор, молил [на] людей его, государя, {с престо<ла>} отпустить на труд иноческий в образе ангельском, ставленником же своим {с благосло<вения> церков<ного>} на престол царский Лазаря именовал.

БА, было: выборные земские люди; *исправлено карандашом*; посадские и городские *вписано на полях* (*в копии О.А. Шор отсутствует*).

8–9 *ЧА-2*
И выбрал собор Лазаря[***] царем, и именовал его Вла́дарем; и венчан был {Владарь} на царство.

XXIV

В ЧА-2 номер главы не указан. Л. 30 — начало главы лиловым карандашом, л. 31–32 — чернилами. В БА ошибочно не исправлен номер главы (*оставлен первоначальный — XLIV*), *л. 35 — начало главы фиолетовым карандашом; л. 32об. — набросок к этой главе* (*соответствует стихам 7–10 БА*).

1 *ЧА-2*
<1.> *Л. 30*
Слал Володарь [послов] {сватов царских} к родителям своим по Отраду, и сироту-княжну[4*] за него, [царя, выдать из<волили>] великого государя, выдать молил[5*], коли ее на то воля будет.

[*] *Было*: Сей мне от Бога.
[**] *Было*: о Егорьевых чудесах.
[***] *Было*: И выбран был Лазарь.
[4*] *Было*: чтобы внучку свою приемную / и сироту-княжну, ими опекаемую.
[5*] *Было*: выдать изволили.

<2.> *Л. 31*
Слал Владарь сватов царских [в дом] по Отраду: [и молил] челом бил родителям своим, [дабы] сироту-княжну, от них опекаемую, за него, всея земли государя, замуж выдать, коли ее на то воля будет.

<3.> *Л. 35*
Слал новый государь в родительский дом свой по Отраду: да благословят родители его сироту-княжну с ним, великим государем, под венец идти, если ее на то будет воля.

2 *ЧА-2*
<1.> *Л. 30*
И вызвали князь Д<авыд> и княгиня В<асилиса> Отраду из обители и с дивною и неизреченною милостью Божией ее поздравляли. Отрада же отвечала:

<2.> *Л. 31*
И вызвали [князь Д<авыд> и княгиня В<асилиса>] родители престарелые Отраду из обители ее и на дивном и неизреченн<ом> даре Господнем внучке своей богоданной здравствовали[*]. Отрада же отвечала:

<3.> *Л. 35*
И вызвали кн. Д<авыд> и кн<ягиня> В<асилиса> Отраду из ее обители и на дивном даре милости Госп<одней> неизреченной богоданной внучке здравствовали.

3–4 *ЧА-2*
<1.> *Л. 30*
«Велико и чудно {воистину милосердие Божие и} исполнение молитв наших; но дабы радость моя была совершенна, еще не ведаю, не лучше ли мне отойти от міра к Владычице моей, Лазарем / Лазаря исцелившей и на подвиг спасения укрепившей, нежели с возлюбленным сердца моего земную славу делить[**]».

<2.> *Л. 31*
«Велико и чудно воистину милосердие Божие и преизбыточное молитв наших о Лазаре исполнение. Но дабы радость моя была совершенна, вопрошаю [сердце мое] ангела своего[***], лучше ли мне согласно души моей [зову] желанию [неложному / немолчному] неодолимому, отойти от міра ко Владычице моей, Лазаря исцелившей и на подвиг спасения укрепившей, нежели с возлюбленн<ым> сердца моего быстротечную сладость и славу земную делить».

[*] *Было*: и с дивною и неизреченн<ою> милостью Господней поздравляли.
[**] *Было*: земную делить славу.
[***] *Было*: была совершенна, не ведаю, не лучше ли.

БА, *было*

не лучше ли мне внутреннему желанию души моей последовать и отойти от міра ~ быстротечную радость и славу земную

5–6 *ЧА-2*

<1.> *Л. 30*

И молила Отрада семь дней терпеть[*] и после семи дней обещала ответ царю дать и уединилась в терему сво<ем> (*текст обрывается*)

<2.> *Л. 31*

И молила Отрада семь дней терпеть и после семи дней говения и размышления обещала ответ царю дать; и уединилась в терему своем. И посылала[**] Отрада с надежным слугою пустынножителю Парфению грамотку[***], в ней же писано было:

БА

ответ [царю] дать

В копии О.А. Шор не зачеркнуто, в м/п копии зачеркнутого текста нет.

7 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23об.*

Преподобному старцу Парфению грешная и недостойная раба Божия Евфросиния челом бьет. Смилуйся, отче, и сердца моего умышление благослови.

<2.> *Л. 32*

Преподобному и духоносному старцу Парфению грешная [и недостойная] раба Божия Евфросиния [челом бьет, здравия и] благодати Господней вящего и блаженного <?> преизобилования желает и челом бьет смиренно. {Смилуйся, отче, и сердца моего [желание] / {умышление}[4*] благослови.}

8 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23об.*

Шлет по меня Лазарь сватов, мне же не супругою его и царицею быть изволится, но в келлии скитской за него по гроб молиться, труж<даясь?>.

<2.> *Л. 32*

Прислал по меня Лазарь сватов, мне же не супругою его и [царицею] /

---

[*] *Было*: <1.> семь дней наедине ей <?> / терпеть / в даль<ней> <?> / ждать ее реш<ения>

<2.> семь дней думать и говеть / подождать.

[**] *Было*: писала; *после вставки* посылала *зачеркнуто*: отрока.

[***] *Было*: И писала Отрада пустынножителю Парфению грамотку и с надежным отроко<м> / слугою.

[4*] *Вписано поверх* желание.

земли государыне<ю> быти изволится, но в келлии иноческой за него по гроб труждаться [молитвенным подвигом] / {блаженн<ыми>} молитвами

9–10 *ЧА-2*

<1.> *Л. 23об.*

Возлюбила я паче міра Пречистую, и с Ней единой пребыть мне вся <?> сладость[*]. Благослови, старче великий, постриг приять и от міра затвориться: тем и Лазарю унее пособить [мне <?>] уповаю, за него же все молитвы мои. От подвига же мірского, молю, рабу твою и дщерь духо<вную> многогреш<ную> <?> освободи».

<2.> *Л. 32*

и Царице моей и Владычице сми<ренно> служить и благообразное[**] девство соблюсти. Возлюбила я паче міра Пречистую и с Нею неразлучно пребыть [вящая] / {вожделенная} сердцу моему сладость. Благослови, старче великий, меня недостойную постриг приять и от {суеты} мірской затвориться; тем [же] и Лазарю унее [помочь] / {поспешествовати} уповаю, за него же вся молитва моя. От подвига же в міру страдального рабу твою и дщерь духовную, молю, освободи». И повелел ей в ответ старец Парфений наутро к нему {в пустынь} прийти.

В м/п копии последнее предложение гл. XXIV выделено в стих 11.

XXV

В ЧА-2 (л. 33–34) номер главы не указан, в БА первоначально — гл. XLV. Номер главы зачеркнут.

1 *ЧА-2*

Пришла Отрада к Парфениевой келлии / Пришла рано Отрада в бор глухой / Пришла рано Отрада в дебрь пустын<ную> Парфениеву, но затворена была келлия, и не было старца [вблизи] / {окрест} в бору.

2 *ЧА-2*

и молилась до изнеможения.

В БА стих 2 сперва начинался от слов Уж и солнце

3 *ЧА-2*

Уже и солнце на притине стояло, и села Отрада, {от поста и умиления} усталая, под деревом

---

[*] *Было*: и ей служить единой мне по сердцу.

[**] *Было*: и с Царицею моей и Владычицею неразлучною пребыть.

БА, было
и села Отрада
Стих 3 начинался в БА от слов И предстала
4 *ЧА-2*
И явилась Отраде в сновидении Царица Небесная с Христом Младенцем, и будто говорит ей: «Что ж ты своего младенца не принесла с Моим поиграть».
БА, было
в сновидении
Исправлено карандашом.
Стих 4 начинался в БА сперва от слов Воспрянула от сна
5 *ЧА-2*
И проснулась Отрада и видит старца Парф<ения>*, коленопреклоненного [возле нее] / {и плачущего} и руки свои над нею простершего, и [устр<емилась> / лобызала] / {устремил<ась> к нему, и} край ризы его во слезах [облобыз<ала>] / {с трепетом} лобызала.
В БА было и осталось в копии О.А. Шор
край ризы
Исправлено карандашом.
Стих 5 начинался в БА от слов И сел старец
6 *ЧА-2*
И начал старец плакать и / И проговорил старец / И сел старец и прослезился, она же на земле перед ним лежала; и плакали
Стих 6 начинался в БА от слов И молвил
7 *ЧА-2*
И сказал старец: {«Чадо милое, не угодно Промыслу Господню, [чтобы] / дабы} миновала тебя** чаша сия {духу страдальному}. [Но земн<ому> / замуж отдай / отдать тебя надлежит. Не бойся.]
8 *ЧА-2*
Иди {же} к Лазарю без трепета и гласу естества твоего земного / земного естества твоего последуй.
В БА стих 8 начинался от слов Непорочен
9 *ЧА-2*
Чист жених твой ныне [и светел и омыт], из семи ключей оных омыт. И светел будет союз ваш от Господа, и ангел Его меж вами стоять всечасн<о> будет; почему и сын ваш Серафимом наречен будет.
В БА стих 9 начинался от слов Сей родитися
10 *ЧА-2*
на духовное {некое} міру откровение [и] / {и направ<ление> <?>}, ибо

* *Было*: и видит: стоит над.
** *Было*: не может миновать тебя; миновать *ошибочно не исправлено.*

Лазарю {мірская} держава духовно [заказана] / {суждена}, [и не им роса небесная на землю низойдет] ему же духовная.
В БА стих 10 начинался от слов Дерзай убо
11 *ЧА-2*
Дерзай убо, чадо, ибо и сим послушанием твоим Господу послужишь.
В БА после Господу *начато и зачеркнуто*: по<служишь>
Стих 11 начинался в БА от слов И как
12–13 *ЧА-2*
И, как некогда цветом духовным на небеси, так {на земле} ныне дольною радостию избыточествующею жизнь твоя процветет.
В БА стих 12 начинался от слов После и скорбь; *стих 13 — от слов* Сам, освятивший
14 *ЧА-2*
Благословен брак ваш, как Господь наш И<исус> Х<ристос> брак в Канне Галилейской благословить изволил. Аминь.
Стих 14 начинался в БА от слов: И возложил
15–16 *ЧА-2*
И пошла Отрада в дом свой / И по исповеди и причащен<ии> Христовых <Таин> пошла Отрада в дом свой [и себя* не узнавала] с сердцем новым на подвиг новый. И выехал Владарь к Отраде и на царство ее венчал. [И через го<д>] и
В БА перед венец Владарь *зачеркнуто*: и царицын; *в копии О.А. Шор не зачеркнуто. В м/п копии отсутствует текст* и царицын венец Владарь на главу ее возложил. *Восстанавливаем зачеркнутое как необходимое по смыслу.*
В БА было и осталось в копии О.А. Шор
И родился через год
Исправлено карандашом.

Книга ТРЕТЬЯ

I

1 <1.> *ЧА-3.1*
Дееписателям царства державных дел творить суд и гласить славу; им Володаревы на войне и в мире труды поведать [и бранного счастья превратность, и конечных побед торжество / и изнеможение, и конечных побед торжество, и многие борения же и бранные победы, и завоевания] [зем<ли> уставы и законы, {и нравов преложение,} и

* и себя *ошибочно не вычеркнуто.*

княжьей крамолы усмирение и всего домостроительства государственного [преложение и новый] образ новый]

<2.> *ЧА-3.2*

Совпадает с <1.>, но вместо Володаревы *здесь*: Владаревы

В БА после Дееписателям царства *стерта карандашная вставка*: достоит

В БА гласить славу *зачеркнуто, затем восстановлено*; *перед этим стерта вставка*: память беречь; *зачеркнута вставка*: творить суд и; *в сохраненной вставке было первоначально*: беречь память; *потом изменен порядок слов* (память беречь), *а сама вставка вписана поверх прежней, написанной карандашом, окончание которой не стерто*; *эта первоначальная вставка читается*: беречь и подвигу ратному творити память

2 <1.> и <2.>

борения же и изнеможения, и конечных побед торжество,

3–5 <1.> *ЧА-3.1*

и [врагов] многих земель завоевание, и договоры [мирные и] соседские и уставы земские, и княжеской крамолы усмирение, и законов и нравов преложение, и всего домостроительства государственного образ новый.

<2.> *ЧА-3.2*

и [многих земель] / племен и царств до четырех морей завоевания, и договоры соседские, и уставы земские, [и градостроительство, и] княжьей [и боярской] крамолы боярской обуздание, и [царской власти утверждение и возвышение] / монархии / единовластия утверждение, и законов и нравов преложение, и градостроительство, и кораблестроительство, и всего устроения / домостроительства / устроения государственного образ новый.

В БА укрепу *вписано карандашом и обведено над зачеркнутым*: крепость

6 <1.> *ЧА-3.1*

Нам Промысла Божия в жизни Володаревой руководительство / путеводительство и благодати духовной в душе его вначале вознесен<ие> <?>, после же потемнение и державной воли обмирщение,

<2.> *ЧА-3.2*

Нам же ~ воссияние, после же и потемнение / помрачение и [царской] державы обмирщение,

7 <1.> *ЧА-3.1*

наипаче же Светомиров

<2.> *ЧА-3.2*

наипаче же Светомирова подвига, и посланничества с испытаниями и опасностями многими / в міру, и испытаниям и опасностям многим начало повествовать настоит.

БА, было

и испытаний и страстей

Начиная со следующей главы единственный источник текста — БА (*исключение*: *другая редакция Песни Отрады, гл. IV*).

II

6 подобает *вписано карандашом над зачеркнутым*: достоит

м/п копия

Осерчал было Владарь: «мниху де подобает ~ замаливать». Но тут же и умирился: «ин воля Божия о нем да исполнится».

7 *м/п копия*

И повелел оттай Епифанию, хоть и чурался кудесья, звездогадание о младенце учинить

8 *Было*

по иносущию прозреваемого

Исправлено карандашом и обведено.

III

3 *Было*

к рамени дубравной; и оставив

IV

Номера стихов 2—7 подставлены позднее карандашом. Начиная со стиха 8 номера стихов исправлены.

3 *Было*

Промеж двух поморий остра гора

Исправлено карандашом и обведено.

2–7 *ЧА колыбельной Светомиру* (*из тетради О.А. Шор*) *см. на с. 154—155 наст. изд.*

М/п копия с неизвестного автографа:

Серафиме, дитя мое светлое,
свете мирный, тихо дремли.
Ты растешь во сне, сила Егорьева,
на обрадованье земли.

Промеж моря и моря остра гора,
на полугоре Божий скит.
В том скиту домовина хрустальная:
жизнь обетную тайно* хранит.

Ты светла сестра, ты, бела гора,
в колыбель его сон мани**,
Ты свята пчела, золота стрела,
во хрустальноей с ним усни***.

От возгорья по долу зеленый сад,
до синя моря вертоград.
Из ладьи выходит Пречистая,
навещает Свой вертоград4*.

Осенила гробницу Пресветлая, —
тихо, свете мой, почивай.
Душу вынула, белу горлицу,
унесла в невидимый край.

Вот вернулась во скит5* девья странница, —
Ты Владычице тихо внемли6*. —
Встанешь витязем в силе Егорьевой
на обрадованье земли.

18 *Было*
и передала им обоих

V

Разделение на гл. IV—V в этом месте появилось во время карандашной правки. До проставления стихов в песне Отрады нынешний стих 1 был стихом 12 гл. IV.

* *Было*: тихо.
** *Было*: манишь (*выскоблено бритвой*).
*** *Вписано карандашом поверх стертого*: успишь.
4* *Совпадает с БА.*
5* *Вписано карандашом поверх слова*: храм.
6* *Было*: Светомире, Вошедшей внемли.

1 *До карандашной правки было*
И, сотворивши молитву, стали
В м/п копии
стали супруги
2 *Исправлено карандашом, было*
лоно Отрадина
давно — *вставка карандашом*
4 бывших — *вставка карандашом*

VI

1 и с уделами княжьими дружество — *вставка карандашом*
2 *Было*: по келейному житию; *исправлено карандашом*
6 *Было*: Когда войдет к тебе муж твой в опочивальню; *исправлено карандашом*
10 *Было*: росток растет кипарисный; лавровый *вписано карандашом над невычеркнутым первым вариантом*
11 *Было*: что не кипарисно древо темное; лавр *вписано карандашом*
12 *м/п копия*
состав птицы прежний
13 *Было*: росточек мой кипарисный; лавровый *вписано карандашом*
14 *Было*: ни ныне, ни впредь; в час сей *вписано карандашом*; *перед* час *зачеркнуто*: сей
15 *В м/п копии стих 15 начинается от слов* А годика через два

VII

1 *Было*
Приехал из епархии своей во дворец благодарить за клобук ~ радетеля державного, в бороду [тощую] реденькую ухмыляючись
4 *Было*
Зашептал Епифаний: «А время сему
пора *вписано карандашом*
5 *Было*
Сам знаешь, из каких мест нехитрое дело ос повыкурить.
6 *Было*
Где зашевелится крамола, туда и нагрянешь, виновных казнишь, колокола вечевые посымаешь, уделы и богатства под свою государеву руку возьмешь.

м/п копия
под свою государеву руку забрал.
9 *Было*
а на ловца и сам зверь бежит
10 *Было*
сызнова речь держал: «А что время настоит, не звезды меня в том молчаливые, но людские вести, стрекотуньи перелетные
12 *Было*
«С какого — вопрошал, — гнезда те птицы, вестовщицы заморские, во твои скворешни прилетели?»
14 *м/п копия*
Уж не о Горынском ли Радивое городишь околесицу, о шатуне непутевом, что безусым парнем от отца, грозы-Боривоя, бежал
15 *Было*
Продолжил речь ~ полководец и доблестный дееписатель
м/п копия
Ксенофонт древний, полководец и любомудр и деeписатель достославный, с воинством еллинским у варвара, Кира Младшего наемником был
15–16 *Разделено на стихи при карандашной правке, далее — исправление нумерации стихов карандашом.*
18 *Было*
и [басурманских] / агарянских на царство набегов
Исправлено карандашом.
19 *Было*
Принахмурился Владарь ~ Что же? Прийдет година — Радивоя поддержим. А и пора была бы
пособим *вписано карандашом*
20 *Было*
И когда уехал Епифаний, Призвал боярина Жиряту ~ наказывал во все глаза глядеть, не зевать, по ненадежным городам и посадам лазутчиков хитрых разослать ~ людям под надзор поставить ~ через потайных клевретов сговаривается, выведывать да выслеживать.
Жихоря *вписано карандашом*

VIII

В этой главе — правка карандашом (за единственным исключением).
1 *Было*
коли сама родня и не пожаловала, посольство прибыло

2 *Было*
Протоспатарии, и протопресвитеры, и патрикии, и протонотарии, и диаконы
и протосикриты *вписано в БА карандашом*; и логофеты *вписано Вяч. Ивановым в м/п копии карандашом.*
3 *В м/п копии (л. 16) над зачеркнутым* стража палатинская *вписано карандашом рукой Вяч. Иванова*: стратиоты
Было
чете царственной
4 *м/п копия*
Слал Василевс
Было
державства труд Атлантов
5 *Было*
при гласах хвалебных
6–7 *Было*
приближился ко Владарю вельможа знатный ~ по имени Симон Хорс; и вручил ему от присного своего ~ родичу достолюбезному надписано и застежку хламидную ~ таковой де знак на щитах
вельможа знатный *было зачеркнуто карандашом, потом восстановлено*
До карандашной правки здесь не было разделения на стихи; следующий стих был при правке сначала обозначен 6а; после надписану *планировалось разделение на стихи.*
м/п копия
приблизился ко Владарю муж рослый зело ~ таковой де змеиный знак на щитах
8 *Было*
о здравии Радивоя ~ и присовокупил: «Велики, ведаю, слава его
12 *Было*
о беседе нашей промыслить
13 *Было*
а Епифаний тут как тут ~ Не благоизволишь ли и ты, великий государь, навестить недужного в обители его
тут как тут *зачеркнуто до карандашной правки*
До карандашной правки не было разделения на стихи перед нынешним стихом 1
14 *Было*
медом лаврским, наипаче же медом красноречия своего еллинского

IX

Перед этой главой зачеркнут вариант ее начала, с номером VIII; здесь тоже был номер VIII, он зачеркнут, а нынешний подписан карандашом.

1 *В зачеркнутом варианте было*

а Владарь [поодаль] / [{же в стороне}] / {посторонь} сидел ~ а Епифаний же [{ему}] из-за плеча ему в книгу заглядывал, [теми же словами] / подручный толковник / толковник подручный.

3 *Было*

держу за замками

4 *Было*

на лествицу крутую

5 *Было*

на верхнем колене лествицы ~ откуда кандила [свет] / [{огнь}] / кандил огонь

6 *БА*

пещерке подобной, пòнизу шелками окрест / {по притолоку [шелками]} / {шелками} по притолоку завешенной

7 *Стих записан на наклеенной поверх первого варианта бумаге из такой же тетрадки; в первоначальном варианте были вставки, виден край одной из них*: где конец их

8 *БА*

седми [старцев] / [{владык}] / {властелей} синклит, и над челом каждого старца / и над каждым звезда ~ имена семи / седми планит.

9 *Было*

Пересыпàл в пригоршне каменья самоцветные / каменье самоцветное ~ Симон Хорс ~ перетряхивал, в другой же руке батожок золотой держал.

Нынешнее окончание стиха; от слов уста же *вписано карандашом.*

10 *Было*

Очи важные вскинул

Стихи 9 и 10 написаны на подклеенной полоске бумаги.

11 *Было*

округ храмины расставленных

12 *Было*

не касаются плиты; слова же его тихие, как дальний звон, отгулом меди сонной отдавались в колоколе свода.

Далее в м/п копии начинается новая глава — X (в БА за IX, с другой нумерацией стихов, следовала гл. XI). Номера стихов, соответствующие нумерации X главы в м/п копии, проставленные карандашом, появляются в БА только со стихов 16 (должен был быть 17, но ошибочно остался неисправлен) и 17 (18) — соответственно: 5 и 6 по новой нумерации.

X

В БА глава с таким номером отсутствует.

1 *В БА это стих 13 гл. IX*

И возгласил ~ «Великий государь, не мое [слово] / мой {голос} в уши твои влагаю, но светил [небесных] / {владычных} суд».

2 *В БА это стих 14 гл. IX.*

Было

жезл свой вниз, как бы в недра земные [приникнув взором] / [{глядя}] / {проникая взором}, и молвил

Окончание стиха вписано между строк карандашом; далее разделение на стихи 14—15 — карандашом.

м/п копия

в колодезь

4 *В БА это стих 16 гл. IX. Номер стиха* 14 *был исправлен на* 16.

Было

и при сем слове

5 *В БА это стих 17 гл. IX (в м/п копии ошибочно остался неисправленным*: 16). *Слева карандашом подписано*: 5.

Было

«По-[жидовски] ли / По-[{еврейски}] / По-жидовски ли, по-[ведовски] ли / по-[{чародейски}] ли / по-ведовски ли, {равно} не разумею

6 *В БА это стих 18 гл. IX (В м/п копии ошибочно не исправлено*: 17). *Слева карандашом подписано*: 6.

БА

Обвел Хорс жезл свой* [трижды окрест] / {очи сомкнув, округ} головы своей {трижды}, [очи возведя на изображения архонтов небесных,] словно бы струи, свыше текущие, в чаше невиди́мой мешал; после же [склонил взор] / [{взор устремил}] на Владаря воззрелся ~ куревом дымящийся,

После слов взор устремил (*л. 19об.*) *вырезан лист.*

После слов куревом дымящийся, *ниже на расстояние двух строк справа — волнистая линия; далее (после л. 20) вырезано шесть листов, на которых были черновые (карандашные и перебеленные чернилами) варианты следующих глав; эти варианты сохранились отдельно. Рукописный источник окончания главы и новой (в иных границах) гл. X, имеющейся только в м/п копии, не обнаружен.*

25 *В первом экземпляре м/п копии (л. 24)*

Ладаном сладким затвор свой закурил, а дух Христов из него выкурил».

---

* *Было зачеркнуто, затем восстановлено.*

26 *Есть только во втором экземпляре м/п копии* (*л. 62*).

XI

См. описание источников — П. 12—14, с. 273 наст. изд.

М/п копия с правкой (*П. 24. Л. 25*): *в ней перечеркнут вариант начала главы*: *стихи 1—5* (*соответствуют стихам 1—6 БА и других м/п копий*).

1 *В п. 12, 14 и в указанной м/п копии совпадает с БА.*

2 <1.> *П. 12. Л. 1*

[Сыскал смуту подпольную Жихарь и донес Владарю; звал смутьянов Владарь на почестный пир и братолюбиво угощал, после же наедине каждого уличил и пристыдил, и крест ему на верность князья целовали.]

<2.> *П. 14. Л. 1*

Совпадает с <*1.*>. *Стих вписан поверх стертого варианта.*

<3.> *Зачеркнутый вариант из м/п копии, л. 25*

[И проведал о тех смутьянах Жихорь, и донес Владарю; сей же звал их к себе на почестный стол и братолюбие им явил, а после обличил их наедине и пристыдил, и крест ему на верность князья целовали.]

БА, было

келейне же уличил

Исправлено карандашом.

и, умилившися *вписано над зачеркнутым*: по мировщине

3 <1.> и <2.>

[В ту пору новый хан поход великий снаряжать зачал. И изловил Жихарь гостиных людей ряженых с письмами в орду, и те под пыткою ковостроителей объявили.]

<3.> *Зачеркнутый вариант м/п копии*:

[Тою порою новый хан поход великий снаряжать зачал и поймал Жихорь гостиных людей ряженых с письмами в орду, и те под пыткою измены ковостроителей объявили.]

В БА Вяч. Иванов три раза переписывал начало стиха, вернувшись в итоге к варианту: Но и года не минуло; *промежуточный вариант*: как около года

БА, было

как новую Жихорь накрыл крамолу ~ гостьми торговыми обряженных в орду изловил ~ содружества искателей, объявили

4—5 *В* <*1.*>*—*<*3.*> *это стих 4.*

<1.> *П. 12. Л. 1*

[Собрался Владарь на уделы и народоправства крамольные с войском

идти, суд и расправу держать, измену повыполоть, да не успел: не саранча тучей / тучею степь облегла, шла из-за степи вражья сила несметная.]

<2.> *П. 14. Л. 1*

измену выполоть ~ [подошла к окраинам] / {шла из-за степи вражья} сила несметная

Стерт вариант — 2 строки.

<3.> *Зачеркнутый вариант м/п копии*

[Собрался Владарь на уделы и народоправство крамольное с войском идти, суд и расправу чинить, предателей покарать, да не успел: не саранчи туча степь облегла — подошла к окраинам царства неверных сила несметная.]

БА

4 (*с абзаца*) И препоясался Владарь [на] / {противу} иродов тех, с врагами рода человеческого [стакнувшихся] / [{съякшавшихся}] / [{что}] с врагами рода человеческого {на родину [и веру пагубу земле] соумысливших}, походом идти; [положив в сердце своем самих смертию казнить, уделы же их под свою руку взять;] но горшим удержан был лихом.

5 (*с абзаца*) Не хляби {водные} потопом хлынули / хлынули потопом из бездны разверстой, — [соединилися / {совокупилися}] / {собралися} орды басурманские во единую / едину орду ~ христианство [положить / {искоренить} / {истребить}] {изгубить} потекли от страны восточной.

6–7 *В* <*1.*>*—*<*3.*> *это стих 5.*

<1.> *П. 12. Л. 1об.*

[Разослал повсюду гонцов, наказывал городам [ополченья отрядить на межеречье урочное] / {ополчаться к подвигу}; а который град пеших и конных людей [на подмогу] / {к межеречью} не двинет, тот град разорить грозил.]

<2.> *П. 14. Л. 1*

[Разослал [Вл<адарь>] {повсюду} гонцов [{Владарь}], наказывал городам [воинский набор двинуть] / {ополченья отрядить} на межеречье урочное; <а> который град пеших людей и конных на подмогу не [вышлет / {отрядит}] / {двинет}, тот град разорить грозил.]

<3.> *Зачеркнутый вариант м/п копии*

[Разослал Владарь гонцов, наказывал всем городам воинские наборы двинуть на межеречье урочное, а какой град пеших людей и конницы на подмогу не вышлет, тот град разорить грозил.]

6 *БА*

[Слал] / {Разослал гонцов} Владарь по вся князи и города, {крайняя

де подошла година} за крещеную землю верою и правдою постояти / постоять{;} [увещавая;] и строго наказывал отовсюду [ополченья двинуть навстречу / [{против}] орды к межеречью] / [{ополчившись}] {собираться полкам} на Верховое Располье; а который град пеших людей и конных {к межеречью} не [вышлет] / {выставит}, тот град разорить грозил.

7 *БА, было*

Козноделев же и ковостроителей измену всенародно объявил

8–10 *В* <*1.*>, <*2.*> *и* <*3.*> (*П. 14. Л. 2*) *это стих 6, в* <*4.*> (*п. 13*) — *стихи 8–10, в* <*5.*> (*п. 13, второй вариант*) — *стих 3 гл. II* (*стих третий вклинился в эту главу, скорее всего, ошибочно, потому что он не связан с ее содержанием, а далее идет текст, соответствующий гл. XII итогового варианта*).

<1.> *П. 12. Л. 1об.*

[А и сам, содеянных дел похвалою не льстясь, загодя до грозы промыслил отборных мужей, от сохи взяв, ратному делу обучать; ктому и новые опоследь повелел наборы, и тем воинство, в боях испытанное, зело приумножил.]

<2.> *П. 14. Л. 1об.*

[Сам же, новых людей от сохи взяв / еще задолго до грозы от сохи взяв и ратному делу [изрядно] / {помалу} обучив, полки свои, в боях испытанные, нарочито преумножил.]

<2а.> *Там же; второй вариант этого стиха, записанный ниже стиха 7*

[Но и сам не скуден был [силами] / {ратною силой}, поелику задолго до грозы промыслил [новых] / {отборных} людей от сохи брать по выбору и ратному делу обучать / от сохи [ставить] / {взяв} [ратному] / {военному} делу обучать.]

<3.> *П. 14. Л. 2*

[А и сам [не {зело} скуден был силою ратною, понеже задолго], / {содеянных дел похвальбою не льстясь, загодя} до грозы промыслил отборных людей, от сохи взяв, [воинскому] / {ратному} делу обучать; ктому и новые наборы {опоследь} повелел, и тем воинство, <в> [прежних] боях испытанное, [нарочито] / {знатно} умножил.

Далее зачеркнут стих 7 («*Митрополита же...*»); *текст см. на с. 364 наст. изд.*

<4.> *П. 13, слой до правки — стих 8*

Уповал Владарь на всея земли дружный отпор силе вражьей, а и сам еще в лета благоденствия и тишины, содеянных дел похвалою не льстясь, (промыслил отборных мужей, от сохи взяв, ратному делу обучать), ктому и новые опоследь учредил наборы и тем воинство, в боях испытанное, загодя приумножил.

<4а.> *То же — после правки, стихи 8–10*

[8 (*с абзаца*) «Уповаю», {— писал, — на Пресвятую Богородицу, стену нерушимую; уповаю же и} на всея земли дружный отпор силе вражьей.
9 Но присловье памятуя: «На Бога уповай, а и сам не плошай», издавна еще в лета благоденствия и тишины, не в канун лихолетия, но содеянных дел похвалою не льстясь, промыслил {в своих областях} отборных {молодцов}, от сохи взяв, ратному делу обучать.
10 (*с абзаца*) Ктому и новые опоследь {не единожды учинял} наборы и тем воинство, в боях испытанное, загодя приумножил*.]

<5.> *П. 13, второй вариант, подписанный внизу л. 1; здесь это стих 9*

[А в своих областех, по [слову] / {присловию}: «На Бога уповай [и] / {а [и]} сам не плошай», не в канун лихолетия, но еще в лета благоденствия и тишины [{загодя}] упромыслил отборных мужей, от сохи взяв, ратному делу обучать.]

8 *БА, было*

на Пресвятую Богородицу, стену нерушимую, яже незримо нас оградит, а еще и сами потщимся стеною стать противу силы вражьей».

9–10 *БА, было*

9 (*с абзаца*) А в своих областях, по присловию: «на Бога уповай, а и сам не плошай», не в канун лихолетья, но еще в лета благоденствия и тишины промыслил отборных мужей, от сохи взяв, ратному делу обучать.
10 (*с абзаца*) Ктому и новые опоследь не единожды учинил наборы и тем воинство, в боях испытанное, загодя преумножил знатно.

11 *В* <*1.*> — <*3.*> *это стих 7, в* <*4.*> (*п. 13*) — *стих 11* (*исправлено из 10*).

<1.> *П. 12. Л. 1об.*

Совпадает с БА, но перед на тот конец *стоит запятая; в БА добавлены слова*: в настоящей нужде и туге великой

<2.> *П. 14. Л. 1об.*

[Обаче семью и домочадцев и [все сокровища] / {святыни прославленные и сокровища из палат государевых и ризниц храмовых} в северные монастыри лесные далече услал, на тот случай, ежели [Божиим] / {Госп<одним>} попущением ниже престольного града отстоять не удастся / престольного граду не отстоять будет.]

<3.> *П. 14. Л. 2*

[Обаче семью и святыни и сокровища палатские и ризничные в север-

---

* загодя *было зачеркнуто, над этим зачеркнута вставка*: нарочито; *потом появился вариант*: приумножил загодя; *затем автор отменил зачеркивание в первом варианте, а зачеркнул второй*.

ные монастыри <ду>бравные далече услал, на тот случай, <е>жели Господним попущением престольного града не отстоять будет.]

<4.> *П. 13. Л. 1*

[Обаче [в] / по* настоящей нужде семью и святыни и сокровища палатские и ризничные в северные монастыри дубравные далече услал, на тот конец, ежели Господним посещением престольного града не отстоять будет.]

XII

В п. 12 и п. 14 — это окончание гл. XI, в п. 13 — начало гл. II. В БА это также до 1939 (?) г. была гл. II.

1–2 *В <1.> и <2.> это стих 8 гл. XI, в <3.> (П. 13. Л. 1) — стих 1–2 (сначала разделения на стихи здесь не было; это был стих 12 гл. XI). В <2.> изначально это был стих 7.*

<1.> *П. 12. Л. 1об.*

[Митрополита же молил крест славный паки поднять от криницы Егорьевой, но с недоумением горестным повестил владыка: не могли де крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест.]

<2.> *П. 14. Л. 2; написано поверх стертого варианта*

[Митрополита же молил крест победный [<победон>осный <?>] паки поднять от криницы Егорьевой; но [в смущении горестном] / с [{трепетом и скорбию}] / {недоумением и горест<ию>} повестил [отказ владыка] / {святитель отказ}: [что]** не могли {де} крестоносцы [могутные дре<во>] сильные [священное древо] / {истягнуть древо} из гнезда <е>го [исторгнуть], не пошел крест.]

Выше, над стихом 7 («Обаче семью...») есть зачеркнутый вариант этого стиха, носивший номер 7 (одно слово не читается из-за того, что при вырезании из блокнота был утрачен левый край листа):

[Митрополита же просил крест поднять < > от криницы Егорьевой]

<3.> *П. 13. Л. 1*

[Митрополита же молил крест победный паки поднять / {1 В той великой туге} молил Митрополита {Владарь} крест победный паки поднять от криницы Егорьевой [; но] / {. 2} Но в недоумении скорбном повестил владыка; не могли [де] крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест.]

---

* *Вписано поверх* в.

** *Стерто.*

Исправлено карандашом.

БА, было

1 (*с абзаца*) В поход снаряжаясь государь митрополита молил / молил митрополита государь крест победный паки поднять от криницы Егорьевой и перед войском нести да во знамя воинам будет в бою.

2 (*с абзаца*) Но в недоумении скорбном [вестил] / {ответ дал} извинялся владыка: не могли крестоносцы сильные истягнуть древо

3 *В <1.> и <2.> это стих 9 гл. XI, в <3.> (П. 13) — стих 3*

<1.> *П. 12. Л. 2*

[Озлобился сердцем Владарь; Епифаний же наущал его другой крест соорудить ~ и не изволил того Владарь.]

<2.> *П. 14. Л. 2*

[И озлобился сердцем Владарь; Епифаний же <на>ущал его {то ли железом {у криницы} орудовать, то ли} новый крест соорудить (*далее как в <1.>*)]

После не изволил того *зачеркнуто*: дела <?>

<3.> *П. 13. Л. 1об.; первоначально это был стих 12 (13) гл. XI*

Озлобился сердцем Владарь (*далее как в <1.>*)

БА, было

[Озлобилось сердце государево]; Епифаний [же наущал] / [{увещевал}] / {Наущал в той скорби} Епифаний другой крест соорудить ~ нести перед воинством; и не изволил того Владарь.

4–11 *В <1.> и <2.> это стих 10 гл. XI, в <3.> — 4–10 (без окончания); стих 4 вписан карандашом (сначала с номером 13а); стих 5 был 13, потом исправлено на 14 и т. д.; новые номера стихов подписаны карандашом.*

<1.> *П. 12. Л. 2*

[Но с немногою конницею выехал вперед на разведку; и ни единый град на пути его ни [отрядов] / [{ополчения}] / {отряда}, ни [вестовых] / {посольства} не выслал, и [полки] / {ополченья} союзные не пришли к межеречью: пустело по край чистое / чисто поле.]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*

[Но с конницею немногою, воинству предшествуя, выехал к межеречью на разведку; и ни единый град на пути его ни ратных людей, ни посольства к нему не выслал, и полки союзные не пришли: пустело покрай [земли] чистое п<оле.>]

<3.> *П. 13. Л. 1об.*

[4 (*с абзаца*) Но на то не взирая, {престарелого} митрополита на покой услал, {и} на место его посадил Епифания.

5 (*с абзаца*) Двинул полки свои на Верховое Располье сам же / [{и}] сам

[{же}] / {и} сам [{упредив их}] {пока те шли,} с немногою конницей / конницею поскакал [вперед] / {вперед} поскакал на разведку.
6 (*с абзаца*) И ни один город на пути его / И ни один на пути его гор<од> отрядов ему на подмогу не выслал; и на межеречье урочном пустело покрай чистое поле.
7 (*с абзаца*) Положил Владарь ждать до третьего дня, благо на восточном краю еще не чернелась за степью саранчи агарянской туча. / благо на восточном краю за степью еще не чернелась адова саранча.
8 (*с абзаца*) И прибыли от иных городов отказные письма: что / отказные письма; особь дескать за себя битися будут на местах.
9 (*с абзаца*) От иных же и ополченья в разброд приволоклись, [наскоро набран<ные> с бору да с сосенки] / ополченья, {с бору да с сосенки набраны,} в разброд привлеклись, {дрянной люд}, воры да шатуны.
10 (*с абзаца*) И сии ропот и уныние окрест (*текст обрывается*)]

4 *БА*, *было*
Но митрополита престарелого на покой услал

8 *БА*, *было*
[И прибыли о<т>] / И пришли от иных ~ за себя хотят битися на местах.

10 *БА*
И сии ропот и уныние окрест сеяли: [сеяли] нечего де каре Господней / {посещению} Господню противитися / противиться, [и] {несметна супостатов сила,} плетию обуха не перешибить / перешибешь.
После окрест сеяли: *в БА вырезан лист с текстом стихов 10* (*окончание*) *— 19*, *номер следующего стиха в основном тексте* (*11*) *исправлен из* 20.

11 *БА*
И распустил их Владарь [во свояси] {и подале разогнал / угнал}

XIII

В п. 12 — стихи 11—17, 11 (*так!*); *в П. 14. Л. 1об. — стих без номера, в П. 14. Л. 2 — стихи 11—17, в П. 15. Л. 2 — стихи 10—14, в П. 15. Л. 1 — стихи 19—23.*

1—2 *В <1.> и <2.> это стих 11 гл. XI.*
<1.> *П. 12. Л. 2*
[Ехал на боевом коне об-он-пол реки [пустынной] Владарь один {по закате солнечном}, сумно [глядючи на запад червленый,] и видит [на] / {при} вечернем зареве двух всадников-исполинов в забралах железных под схимою.]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*
[Сумен ехал об-он-пол реки по закате солнечном Вла<дарь> один; и видит на вечернем зареве двух [ведомых] латни<ков->исполинов, в забралах железных под схимою.]

БА
1 (*с абзаца*) Под вечер второго дня ехал [{на коне}]* Владарь один [вдоль] / {об-он-пол} реки [порубежной], по степному ~ заря догорала.
2 (*с абзаца*) И видит на [закатном] / {вечернем} зареве двух ~ спустились всадники с кручи [и остановили коней окрай воды] / {до самой воды}.

3 *В <1.> это стих 12 гл. XI.*
<1.> *П. 12. Л. 2*
[И признал{, дивяся,} спаспешников, некогда посланных ему во спасение и с убитыми / убиенными поминаемых, и поскакал к броду; они же остановили коней окрай воды.]
<2.> *П. 14. Л. 2об.*; *вписано между строк*
[И признал спаспешников, некогда посланных ему во спасение, и живот свой, якоже мнили, на брани положивших, и возрадовался дивному чуду [и воскликнул: «Благословенно] пришествие ваше»; они же остановили коней окрай воды.]

БА
Узнал {, дивясь,} Владарь [спасителей] / {заступников} своих ~ и поскакал [{дивясь, / радуясь,}] во сретение [их] к речному броду.

4—5 *В <1.> и <2.> это стих 13 гл. XI.*
<1.> *П. 12. Л. 2*
[И, в брод достигнув островца прибрежного, воскликнул: «Благословенно пришествие ваше», и [придержав] / осадив коня, слушал речь их через проток узкий.]
<2.> *П. 14. Л. 2об.*; *первоначально было стихом 12*
[[Он же переехал] / {А он, повернув ко<ня>, перескочил} реку вброд до островища прибрежного, {воскликнул: «Благословенно пришествие ваше»,} и слушал речь их через поток узкий.]

БА
4 (*с абзаца*) И [перемахнув] / {пересягнув} через реку ~ воскликнул [громким голосом] / громко / громким голосом: «Благословенно пришествие ваше!» [И ждал гласа ответного, яко вести ангельской]
5 (с абзаца) И ждал с трепетом гласа

---

* *Стертая вставка.*

6 *В <1.> и <2.> это стих 14 гл. XI* (*в <2.> — его начало*); *в <3.> — начало стиха без номера* (*П. 14. Л. 1об.*).

<1.> *П. 12. Л. 2об.*

[И возвысил голос схимник, с виду старшòй, и молвил: «Единому Богу во Святей Троице слава<!>». И другой заключил: «Аминь».]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*; *первоначально это был стих 13*

[И сказал латник, с виду старшòй: «Единому Богу во Святей Троице слава!]

<3.> *П. 14. Л. 1об.*; *написано поверх стертого варианта*

[И возвысил голос схимник, с виду старшой, и говорит: «Единому Б<огу> во Св<ятей> Троице слава».]

БА

И [возвысил голос] / {возгласил} схимник [с виду] старшòй [и молвил]: «Единому Богу во Святей Троице слава!» [И другой повторил / Другой же примолвил / Примолвил младший] / Отозвался младший: «Аминь».

7 *В <1.> это стих 15 гл. XI*, *в <2.> — окончание стиха 14*; *в <3.> — из стиха без номера* (*П. 14. Л. 1об.*)

<1.> *П. 12. Л. 2об.*

[И говорил опять первый: «Благословение тебе, господине, слал Парфений старец / старец смиренный Парфений и возвестить заповедовал: будева {оба} с тобою стояти, аще и ты с нами станешь, {воин и мних}, [схимою повив шелом железный / шлем [покрыв] / {облачив}.]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*

[Благословение тебе, {господине,} посылает старец Парфений и сказать велит: будема / будева с тобою стоять / стояти, аще {и ты} с нама станешь / станеши.]

<3.> *П. 14. Л. 1об.*

[«Благословение тебе, господине [посылает / слал] / [{шлет}] / {слал} П<арфений> ст<арец> и [сказать велел] / {возвестить заповедал}: «Будева с тобою стояти, аще ты с нами станеши, схиму прияв на шелом железный]

Все это — от начала ненумерованного стиха — вписано поверх стертого варианта.

БА

И [говорил опять] / [{сказал}] / [{вещал}] / {паки возгласил} первый: «Благословение тебе, господине, посылает старец смиренный Парфений / Благословение тебе шлет, господине, преподобный старец Парфений и возвестить велит: будева оба ~ станеши, схиму [прием] / схимою {шлем повив}

8 *В <1.> это стих 16 гл. XI*, *в <2.> — 15—16*; *в <3.> — продолжение ненумерованного стиха.*

<1.> *П. 12. Л. 2об.*

[Доселе, крестом сопутствуем, [побеждах вражия полки] / {полчища губителей} гоняше; аггела тьмы изженеши купно со тмами его, аще и сам станеши во крест жив.]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*; *первоначально это были стихи 14—15*

[15 (*с абзаца*) «[Доныне] / {Поднесь} ты, крестом сопутствуем, побеждал, светлейшую одержишь победу, ежели сам [на чело крест примешь / крест] станешь в крест жив.

16 (*с абзаца*) «Да яко [наши шлемы] / {сии [харалужия] шлемы} схимою покровены / покрыты, тако и твой [венец] государев {шелом} схимою ангельскою покровен будет.]

<3.> *П. 14. Л. 1об.*

[Доселе ты крестом сопутствуем [{криницы Егорьевой}]*, побеждал: светлейшую победу одержишь, аще сам станеши во гроб жив.]

БА

«Доселе, крестом [предшест<вуем>] / сопутствуем, губителей [скопища] / {полки} гоняше; аггела тьмы изженеши купно / вкупе со тмами его

9–10 *В <1.> и <2.> это стих 17 гл. XI*; *в <3.> — ненумер.*; *в <4.> — 10.*

<1.> *П. 12. Л. 2об.*

[Сия бо есть Белого Царя тайна: белая поверх венца схима. Сие же и силы Егорьевой исполнение, и Христова на земле царства зачало».]

<2.> *П. 14. Л. 2об.*; *вписано позднее внизу листа*

[Сия есть белого царя тайна и силы Егорьевой в оном исполнение: белая поверх венца схима. Хочеши ли державу Христом [на земле] основать, не медли ей.]

<3.> *П. 14. Л. 1об.*

[Сия бо есть царя Белого тайна [и силы Егорьевой исполнение]: белая поверх венца схима. Сие же {есть} и силы Егорьевой исполнение [якоже в сыне твоем возсияет; еже] и царства христианского первоначало, и [сыну твоему] путь, сыну твоему [заповеданный] / {предначереченный}, приготовленный. Аще же тако [мыслиши] / волиши, естеству земному соприлежати <?>, [страданий] / [{греха}] / {зла и воздаяния} не избудеши купно с народом земли подвластным. [Ныне же избери [подвиг] / {путь} отречения богоносящи как] Нам же достоит за [мір] / тебя, в міру подвизающегося, молитися нелено<стно>]

---

* *Стертая вставка.*

<4.> *П. 15. Л. 2*

«Сие же есть и силы Егорьевой ис<п>олнение, и Христова на земле царства начало».

В БА после стиха 9 вырезано два листа.

11 <1.> *П. 12. Л. 2; по нумерации стихов данного фрагмента это должен был быть стих 18 гл. XI, однако поставлен номер, совпадающий с БА — 11; следовательно, этот стих мог быть вписан позднее*

[И другой речь его аминем повершил. А Владарь воскорбел духом, и закрыл [{плащом}] / {епанчою} лицо свое, но по малом времени поднял главу и ответствовал твердо:]

<2.> *П. 15. Л. 2*

Аминем то слово другой инок <п>овершил. Владарь же возмутился духом <и> сокрыл под плащом лицо свое; <н>о по недолгом молчании явил <л>ик ясен и держал ответ твердо:

12 <1.> *П. 14. Л. 1об.*

Ответствовал Владарь:

<2.> *П. 15. Л. 1; здесь это стих 19*

[«Вем, яко Христос с нищею братиею по міру скитается, и мір Его не прият.]

<3.> *П. 15. Л. 2*

(*начало совпадает с БА*) и мір Его не [познал есть, и не приял Его мір] прият.

13 <1.> *П. 15. Л. 1; здесь это стих 20*

[«Но не довлеет дыхание жизни моея, во еже расщеплено древо составити цело.]

<2.> *П. 15. Л. 2*

«Но не довлеет к тому дыхание <ж>изни моея, во еже царство преложити <в> церковь и расщеплено древо составить <це>ло.

14 *П. 15. Л. 2*

«Сыну моему нечто сему подобное <предр>екают, яко болий мене, чают, имать <венец>; аз же недоразумеваю тайны сея, <како> от міра отрешившийся мір упра<вити> может.

15–17 *Есть только в БА*

17 *Было*

путьми незнаемы блуждал

Исправлено карандашом.

18 *В П. 15. Л. 1 это стих 21, совпадающий с БА. Там и первоначально в БА было*: мірщитися; *затем в БА исправлено*: мірщитися

19 *П. 15. Л. 1 (здесь это стих 22)*

[«Не горазд державец послушествовати, <н>иже волк выти аллилуию. Аз же Егорьева <с>тада волк есмь».]

21 *П. 15. Л. 1 (здесь это стих 23)*

[И поклонился инокам, они же благословили его и повернули коней и скрылись во мгле сумеречной.]

XIV

Черновой вариант начала — карандашом на вырванном листе с оборванным краем (П. 15. Л. 2об.). Полный текст главы — в БА. В 1945 г. на л. 24об. карандашом подписано три варианта первого стиха, один из которых стал итоговым. До 1945 г. это была гл. XIII. До 1945 г. (?) здесь была гл. IV «тогдашней» третьей книги, в нынешнем стихе 11 начиналась гл. V.

1–2 *В <1.> это стих 1.*

<1.> *П. 15. Л. 2об.*

Отступил Владарь со всем войском до мест, к стольному граду ближних, оставив не свои грады без помощи: зане ему подмоги не прислали, пусть-де с неверными ладят ли, тягаются ли, как сами ведают.

<2.> *БА, л. 25; начало гл. XIV, исправлено на* III

[Разделил Владарь войско и громоздкий наряд воинский на малые станы и расставил те станы в глуши по местам несмежным,]

<3.> *Там же; начало гл. XIII, с правкой 1945 г.*

[Отступил Владарь с войском, чтò [{плечи поразмять в лихой схватке}][*] на бой идти разретивилось, из чужих [при<делов>] / уделов: своя де каждому воля, своя и доля.]

<4.> *Там же; начало гл. IV; вариант 1945 г., карандашом*

[Разретивилось [было] войско / {удалое} воинство в лихой схватке плечи поразмять; но [возбранил им Владарь и отступить повелел / отступил со всеми полками] отступление объявил Владарь и почал войско свое выводить]

2 *БА, было*

пусть с гостьми самосильно управляются; угодой-то навряд сладятся, а и сладить не сладят: один им будет конец

Исправлено карандашом.

3 *В <1.> П. 15. Л. 2об.; здесь это стих 2*

Но те ни откупом, ни покорством себя от поте<рь?> и разграбления не оберегли; а которые силою надумали противиться или застенением огородитися, пущим изгибли разор<ом.>

БА, было

и меча, и гроба

[*] *Зачеркнутая карандашная вставка.*

4 *В <1.> это стих 3*:
И догола опустошена была земля и потоптана / и {поля} потоптаны, и где жил<ье> было, [обуглены дымились] пепелища / {чернели} пепелища {смрадные}, и груды тел гнили, и усеяны были урочища волчьей снедью.
5 *В <1.> это стих 4*:
И вышли волки из дальних дебрей, и бродили меж развалин стаями, и на самих истребителей [станы] / коновязи и становища по ночам [набегали / накидывались] / набегали.
БА, было
промеж развалин рыскали стаями ~ становища ночные наскакивали [{накидывались}]* — таково [осмеевчали] / {осмелели}.
6 *БА, было*
и задумывал град без боя сдать
Исправлено карандашом.
7 *БА, было*
Но воспеперечил тому Жихорь и врага в поле встретить
9 *БА, было*
позловолочилась, за легкою добычей
До 1945 г. разделение на стихи 9—11 было иным, далее сдвиг нумерации.
10 коль ~ не усидят *вписано над строкой карандашом*
11 *Стих 11* (*бывший стих 10*) *начинался со слов* Послушался / И послушался; *перед этим зачеркнута вставка*: Коль и засядут где в недобрый час, долго не усидят.
Было
Послушался его Владарь / {И} послушался совета Владарь
того *вписано карандашом*
После того как здесь было сделано разделение на стихи, отсутствовавшее первоначально, тут был обозначен стих 1 гл. V. Номер главы при карандашной правке зачеркнут.
12 *Было*
в боры глубинные.
14 *Было*
как окружили Владаря отборные наездники и силачи агарянские, отколь ни возьмись, наскочила на тех бешеная матерых волков стая и во мгновение ока ужаснувшихся истерзала.
При первоначальной правке 1945 г. это был стих 5, следующий — 6.

* *Стертая вставка.*

XV

Зачеркнутый вариант начала главы (*далее*: *ЗВ*) *— стихи 1—3, после чего вырезан лист.*
В итоговом варианте номер главы исправлен из XIV; *стерт написанный рядом карандашом номер* I.
1 *В ЗВ после правки стих совпадает с основным текстом*; громоздкий *вписано карандашом над зачеркнутым*: весь; на-юру — *вставка*
2 *В ЗВ*
[Но не до того было степным наездникам: не боров теснота их манила, а пажитей ширь и далеких словенских городов слава / А по дебрям зверя травить степные наездники и не мнили, лесной тесноты {они} чурались: [звала] / {веселила} их пажитей ширь [{да}] и [далеких / богатых] далеких словенских городов манила слава.]
Правка чернилами и карандашом.
3 *В ЗВ*
Пограбивши престольный град и с полоном [несметным] / {девьим} именитых увели заложников.
Правка карандашом.
В итоговом варианте БА: купно — *вставка карандашом*
3–4 *До 1945 г. не было разделения на стихи, далее сдвиг нумерации.*
6 *Было*
в неурочные времена
7 по лесным урочищам *вставка карандашом*
8–9 *Не было разделения на стихи.*
Было
скитался с вечера селянином-дровосеком, наутро прохожим странником
После доверенных. *зачеркнута вставка — разделение на главы, начало новой гл.* XVI—XVII.
10 *Было*
а и крутому тому времечку
за него *вписано карандашом над зачеркнутым*: с ним
11 *После этого стиха в 1945 г. предполагалось выделение новой гл.* II.
12 *Было*
Первая была единодержавца забота
их нещадно *вписано карандашом*
13 вражью *вставка карандашом*
15 *Было*
покуда не наткнулись в дальнем краю на [отпор сильный] / {отражение} сильное

16 на всем готовом пожить *вписано чернилами, но позднее, чем основной текст*
Было
в отдыхе и приволье пожить
17 своею ордой *вставка чернилами*
18 под столицею *вставка чернилами*
Было
и до Верхового Располья, избивая, преследовал
19 *Было*
А через год опять / А прошло лето единое — малое время — новые затеял походы и заречные степи прошел, и целых два царства ордынских {в [пятилетие] / трехлетие} завоевал.
Далее зачеркнуто
18 (*с абзаца*) Но те деяния воинские не [доточно] / {подлинно} / доподлинно нам, инокам, ведомы; да и [не велено / {запретно}] / {не подобно} от міра ушедшему, аще не летописанию прилежит, о делах мірских не в меру / {паче} меры любопытствовать.
19 (*с абзаца*) Мы же, [как] / {что} о Светомировом младенчестве [предание некое из дней первых умилительное] повествуется / {свидетелями дней тех} повествуется / свидетели дней тех повествуют, [то предание] [{с умилением}] в житие его [вписать / {сохранить} с умилением потщимся] / то в житии его [{сохранить}] / [пересказать] / {в памяти сохранить} потщимся.

XVI

Исправлялось в 1945 г.; предполагалось, что это гл. III (этот номер был вписан карандашом и зачеркнут)
1 *Было*
Было в те дни скитальчества государева объезжал Епифаний дальние пу́стыни; и с ним Владарь, митрополичьим обрядившийся служкою, поехал обитель навестить
После поехал *зачеркнута карандашная вставка*: на святках
Исправлено карандашом.
2 *Было*
Невзначай желанный гость пожаловал; а та ~ в скуфейке [мерлушчатом / мерлушчатой / меховой] / россомашьей, снегом заснѐженной
После Невзначай *зачеркнута карандашная вставка*: к ней
м/п копия
в скуфейке меховой
3 *Было*
лепетала на радостях

4 *Было*
из-за плеча ее покой светлый
5 *Было*
драгоценной камкою (*исправлено сразу*)
Было
сидит в синем кафтанчике
6 *Было*
в уме держит, будто улыбается.
7 *Было*
Личиком худощав и смугловат ~ на кудрях темно-русых
8 *Было*
очи живые, темно-голубые под ресницами длинными
9 *Было*
И возрадовался Владарь великою в сердце радостию ~ и что [тот] сын — диво дивное! — его и в чужом обличье ~ допрежь того Азею
10 *Было*
Склонился над младенцем Владарь
10–11 *Ударения в этих стихах поставлены карандашом.*
12 *Было*
Вынул из-за ворота Владарь червонный наперсный крест и говорит: Глянь, ясность какая!
13 *После* тридесятое царство» *было разделение на стихи, которое Вяч. Иванов то отменял, то возвращал.*
Было
Вскочил на шелка босыми ножками
15 *Было*
молочный брат месяцами [{разве}]* четырьмя его постарше, но и ростом повыше ~ [очей светом приятный] / [{отрок, лаской приветно<й> / тихим светом глаз нежных}]** ~ «Давай ныне, Глеб, на дуб полезем!»
16 *Было*
И встать отцу на плечи ножками изловчился; еле его отец придержал, а Глеб ~ на ковры поставил.
18 *Было*
туда и клонется. Глаз да глаз за ним нужен. Дерево ли ему приснится, взлесть на сук хочет на что ни попало за ним карабкается, — того и гляди, наземь сверзнется. Благо от него Глебушка ни на шаг не отходит, в пустое место лезть не пускает.

---

* *Зачеркнутая вставка карандашом.*
** *То же.*

XVII

Первоначально здесь не было разделения на главы: это было продолжение предыдущей главы; позднее предполагалось, что это гл. IV; номера стихов исправлены карандашом.

3 под покров ушли — *вставка карандашом. Первоначальная (стертая) вставка начиналась словами*: а мы

Было

А ты дуб стереги!

4 *Было*

Но постучал [в дверь] / у двери послушник

5 *Первое предложение вписано над строкой*; в церкви *вписано над зачеркнутым*: там; *в первоначальном варианте вставки было*: За службою наставить

Было

когда коленопреклонение положено

6 *Было*

И смутился духом и подумал

После будет? *зачеркнуто*: люди

7 *Было*

принагнулась, в благоговейном неком послушании, будто за свечой устремилась, будто не рука свечу держит

10 *Было*

А жизнь, наша ли, его ли, оному Лавиринфу древнему путей извилинами по<до>бна.

11 *Было*

по монастырской трапезе праздничной в сани сели митрополит со своим служкою

Книга ЧЕТВЕРТАЯ

I

Черновой автограф этой главы не сохранился.

4 *Было*

разбойничать охота лыцарской ватаге задорной. ~ Да и к поморью пора настоит добраться.

Исправлено карандашом.

5 *После* не изволишь? *предполагалось разделение на стихи, стерто; до конца главы был сдвиг в нумерации стихов, затем автор вернулся к первому варианту.*

7 Неблагословенно {то} стяжание.

8 *Было*

другая совесть с венцом досталася: та, с какою {он} на свет родился

После досталася / доставалася *планировалось разделение на стихи.*

9 *Над* поклоняется *стерт вариант*: служит; *после* человека *зачеркнута вставка*: возмнивый

Было

едина и в людях совесть.

Между 9 и 10 первоначально не было разделения на стихи.

10 *Было*

тебе мать моя ~ Довольно с тебя сие исполнити».

11 *Было*

сие исполни

После чернецы-воины *зачеркнуто*: что схимою шелом покрыли

Между 11 и 12 первоначально не было разделения на стихи.

12 *Было*

крест на плечи взвалил, и не в моготу иной раз бремя. Ибо власть воистину крест есть, за все зло, что ни деется [в міру] / {в міре}

13 *Было*

«Два бремени тебе предложены были на выбор; ты сам выбрал тягчайшее, а удобоносимое отверг.

14 *Было*

посхимненный; не ты бо под схимою правиши судьбами царства, но [чрез тебя] / [{за твоими плечами стоящий}] / за тобою стоящий крепкий ангел Божий

После стихов 14—15 карандашом перечеркнут вариант стихов 15—16 (исправлено карандашом из 14 и 15):

15 (*с абзаца*) Возроптал Владарь: Почто же старец преподобный, ведый сердце мое и пути мои по державству изначала управивший, схимою меня искушал?»

16 (*с абзаца*) Ответствовала жена: Дабы ты {себя} познав и {власти тщету, [и [мыслию / мыслями] в духе]}, не превозносился {мыслию}:* слово о схиме не иное что значит, нежели [сие]**: [{на распутии своем был}]***

Итоговый вариант стихов 15—16 написан карандашом (л. 60б.).

16 *Было*

Посылает Бог в мір делателя своего на подвиг свободный и, дабы

* *Исправлено карандашом, было*: Дабы ты познал себя и не превозносился. Мышлю:

** *Зачеркнуто карандашом.*

*** *Стертая вставка.*

свободно послушествовал Пославшему его, рано ли, поздно ли его на распутье приводит.

17 *До карандашной правки это было окончание стиха 15 (16).*
сулил *вписано карандашом; после* спасеши. *зачеркнуто*: Аще же нѝ,

18 железною схимою схимил *вставка карандашом*
Между 18 и 19 первоначально не было разделения на стихи.

20 *Было*
Воздохнул Владарь: «О сыне нашем ~ слабоумен наследник Владаря. Середь бела дня снобродствует. ~ будто под дерево, и глазами перед собой, будто в воду, уставится; «Ивушка, ивушка зеленая моя» — напевает.
После напевает *зачеркнута карандашная вставка*: запоет.

21 *После* почнет, — *карандашом зачеркнуто*: единорог белый, видишь ли, ему грезится / [{видится}]*, и не в игру, не в потеху, а со слезами на глазах / [{прослезясь}]** со мною
Далее вставка карандашом: и с нами как.

22 *Было*
от немочи снобродной вылечить

23 *Было*
Помнишь, что о младенцах реченное, что ангелы их на небесах выну видят лице Отца Небесного.
яко *вписано карандашом над зачеркнутым* что
После прикрывает. *планировалось разделение на стихи.*

24 *Было*
уходя от нее

25 *Было*
Вернула его Отрада: «А моя вода ~ сам! — чиста и свежа.

II

1 *ЧА-4*
Предстал пред государевы очи Епифаний в клобуке белом и панагии драгоценной, за нарочитые во дни нашествия заслуги пожалованной, и, восстенав скорбно, речь повел:
БА, было
в панагии драгоценной.

2 *ЧА-4*
днесь, великий государю, своима очима известитися можеши.

* *То же.*
** *То же.*

БА, было
государю

3 *ЧА-4*
«Молебники древле{, у еллинов,} с ветвями белыми к олтарям богов свои прибегали и капищ оградою от гонителей жестоких спасалися: такожде ныне, в ограде твоего величества ищут убежища и к тебе молитвенные руки простирают еллинской земли изгнанники, беглецы из палат цареградских, кораблекрушения великого живым останкам подобны.
БА, было
как в лицедействах еллинских ~ к олтарям богов своих мнимых прибегали ~ такожде ныне ~ ищут убежища* ~ руки простирают еллинской земли изгнанники
Исправлено карандашом.
тоея же достославной *вписано над зачеркнутым*: еллинской, *поверх стертого*: достославной и <*1 нрзб.*>

4 *ЧА-4*
«Дожидается на сенях слова твоего родич твой Радивой, престолонаследник кесаря в Бозе почившего, врагами ослепленный и с престола согнанный, слепец нищий, сопутствуемый дщерью
БА, было
Дожидается на сенях зова твоего родич твой, кесаря в Бозе почившего престолонаследник
Исправлено карандашом.

5 *ЧА-4*
приютилась в обители Мелетиевой, в стенах монастырских, и тамо заточиться

6 *В ЧА-4 текст обрывается на слове* дружины; *дальше, по-видимому, вырван лист*
В БА после на моем дворе *карандашом зачеркнуто*: у красного крыльца

7 *БА, было*
Огромный и спокойный вошел в палату Хорс

8 *Зачеркнутый вариант стиха в БА*
Отвечал скопец: «Мне-то не от чего было спасаться. Мiрского не ищу, и мiр не ищет души моей.
В итоговом варианте БА было
Отвечал скопец с улыбкою / улыбаючись

10 *БА, было*
доколе вся Атлантида в пучину не обрушится».

* *Было исправлено на* убежища ищучи; *затем исправление стерто.*

11 *БА, было*
диво, что доселе не вспыхнула».
12 *БА, было*
зятя, что долгие годы за него кесарствовал, престола наследником объявил, и царства венец древлечтимый ему передал
Исправлено карандашом.
13 *БА, было*
Но и глаз еще не закрыл ~ подстерегли и бесчеловечно (таков уж у Ромеев обычай) ослепили / и с бесчеловечием, ромеям свойственным / и по бесчеловечному ромейскому обычаю ослепили ~ все же слепец не воцарствует.
Далее было отменено, а потом восстановлено разделение на стихи 13—14.
15 *БА, было*
«Случилось же сие, понеже не суждено было Радивою царствовать / Высок дух Радивоя, а [нет] не суждено было царствовать ~ но, как море, неукротима возлюбила безначалие.
16 *БА, было*
«Ненавидела и чернь городская, и знать служилая
17 *БА, было*
«А черни вожаки / А вожаки черни ~ при таковом царе, в мире зажить с какими ни понадобится уступками / с какими потребуется данями ~ с державою агарянскою, из-за моря надвинувшейся
18 *БА, было*
подстрекать, да ты не послушаешься, яко державец благоразумный
19 *После этого стиха в БА вырван лист; в начале следующего листа зачеркнут стих 7, относящийся уже к следующей главе, значит, она начиналась на зачеркнутом листе; этот вариант будет приведен ниже (см. с. 381 наст. изд.).*

III

1 *ЧА-4 и первоначально БА*
духовником своим, иеромонахом греческим
2 *ЧА-4*
по обычаю грецкому [завита] / {убрана}, и волос черно-серебряных пряди
БА, было
и волос
Исправлено карандашом.
4 *ЧА-4*
и в руке держал золотоконечный черного дерева посох.

5 *ЧА-4*
Воскликнул, приветствуя входящего / Воскликнул входящему / Воскликнул [{во сретение}] / [{навстречу}] входящему / Воззвал ко входившему / входящему Владарь ~ Милости Владарь просит! И, подошед, обнял его и трижды облобызал, и [паки слово держал приветливое] / {Епифания отстранив,} вывел его с духовником на средину палаты, речь держа приветную.
БА
Воззвал ко входящему Владарь радушно: «Добро пожаловать, брат мой! Милости, Владарь, прошу! И воспрянув с места своего, [подошел] / {устремился} к нему [спешно] / {радушно} и обнял его ~ и, Епифания [заместив] / {отстранив}*, повел его с духовником на середину палаты, речи ведя на пути приветные
7 *ЧА-4*
«Бери себе палат сих половину, какая излюбится, и дружины своей при себе держи, сколько изволится. Вскоре же и о подворье полку твоему промыслим».
БА
Бери себе [палат] / {хором} сих половину, какая возлюбится / излюбится
8 *ЧА-4*
Простер десную руку Радивой, как бы утвердить хотел речь Владареву, и стан выпрямив, и чело воздвигнув, знак дал рукою окольным своим, позади стоящим с дьяками и боярами думными.
БА
И, сказав слова сии, отступил, {ожидая ответа}; Радивой же [руку десную простер, как будто речи Владаря удержать хотел, и] чело воздвигнув
9 *ЧА-4*
Выступили по тому знаку [из задних рядов] протонотарий, взявший посох из рук Радивоевых, и два иеродиакона со скрынею, ваяниями изукрашенною из креста <?> / кости слоновьей. И благословил иеромонах скрыню и по кратком молитвословии отверз.
БА, было
И приступили к нему ~ кости слоновьей; и благословил святыню иеромонах
10 *ЧА-4*
И вынул из скрыни Радивой [и вознес в руках своих] царский венец велелепный, взыгравший светилами многоцветными / самоцветными

---

* *Вставка карандашом.*

камней драгоценных, крупных и дивных, и вознося венец {во всеувидение}, возгласил:

БА

И вынул из скрыни Радивой [диво дивное —] царский венец велелепный, светилами {крупными} взыгравший честных камней самоцветных / честного камения самоцветного; и, вознося [венец] / {то диво предивное}, возгласил / провозгласил / возгласил громко:

В итоговом варианте автор сомневался в ударении в слове камения, *поэтому их стоит два — на* а *и на* е*.

11–13 *В ЧА-4 это стих 11*

«Се Рима нового / Се нового Рима венец древледержавный / древлеосвященный. Кесарь мне его дал, кесарю нареченному, ныне же аз, Радивой, князь Горынский, {Константиня града кесарь нареченный} тебе, Владарю [Горынскому князю] Горынскому, {прирожденному народа сего и земли сея единодержавному}, в дар даю и [завладение] в родовое на [века] / {вечное время} наследие [и всем] и сана [, что правители] {преемство и власти кесарской}. Сам же от сего владения и владычества отступаюся и от престолонаследия цареградского (*далее как в БА в стихе 13*)

В БА первоначально не было разделения на стихи 11 и 12.

12 *БА*

земли сия / сея единодержавцу, отдаю венец сей в дар и в родовое на вечные времена [{веки}] наследное / наследие [{вековечное}], во еже преемнику тебе быти сана священного и власти кесарской / {[тебе] кесарского в веках преемства залог}.

13 *БА, было*

отступаюся и от престолонаследия кесарева {в твою пользу} за себя и потомков моих

Исправлено карандашом.

14 *В ЧА-4 это стих 12*

Принял Владарь венец из рук Радивоевых и крест на нем благоговейно облобызал, и [держа] / {вознеся} венец в руках своих, [таковое слово] / речь такову держал:

БА, было

и крест с венцем с благоговением облобызав

Исправлено карандашом.

15 *В ЧА-4 это стих 13*

«Не [на] / {во} владение приемлю венец сей {осиротелый}, но на хранение яко {опекун} сокровище, [за ним же владелец в час свой имать] / его же взыскати в [час] / {день} свой владелец [законный] / православный, Богом указанный.

* *В тексте Повести, публикуемом в основном разделе наст. изд., слово* камения *дается с одним ударением — на* а *— по церковнославянской норме (см. с. 98 наст. изд.).*

16 *В ЧА-4 это стих 14, на котором здесь и заканчивается глава (далее вырвано около 5 листов)*

Николи того не будет, чтобы я даром / подарком приязни дружеской на царство венчался, а не даром милости Божией.

17 *БА*

[пока] / {доколе}* сама меня не [изберет и не вознесет] / призовет. Егда же неложно уверюся ~ на главу мою возложити и аще того не дерзну / аще не бых на то дерзнул, силу его расточу и погублю / расточил бых и погубил, тогда сам себя на царство [венцом сим]** венчати имам {венцом сим}***, милостию Божией мне данным / милости Божией даром.

18 *БА*

под запоры [хорошие] / надежные [и печатями моими] в сокровищницу [{мою}] царскую; все же ~ и свидетелей подписями [с приложением печати государственной] скрепите, и ту [грамоту] / {харатею} в сокровищнице престольной {опечатану} берегите купно со скрынею. И так / тако да будет».

19 *БА*

опричь Радивоя [с ним же наедине остался беседовать].

IV

1–2 *В ЧА-4 это стих 1*

Вопросившему Владарю, почто от венца открекся, отвечал Радивой: «Как на солнце, я на сей венец подолгу зарился: не оттого ль и ослеп?

2 *В БА* зорил *вписано карандашом над зачеркнутым*: заглядывался

3 *В ЧА-4 это стих 2*

будто солнце угасшее [над міром] возношу

4 *В ЧА-4 это стих 3*; убили *вписано после зачеркнутого*: умерла

5 *В ЧА-4 это стих 4*

в міре. Солнца ночного во мне [забрезжило] заря занимается

6 *В ЧА это стих 5*; *он почти совпадает с БА*; некогда *здесь — вставка*; *разночтение*: Тебя же солнце века сего не ослепит

* *Вписано поверх зачеркнутого.*

** *Зачеркнуто карандашом.*

*** *Вставка карандашом, обведенная чернилами.*

7 *В ЧА-4 это стих 6*
«[Мы же] / {А мы,} степняки Горынские, в сестер Егорьевых уродились: мятежится и колдует сила ночная и змеиная, покуда вдруг не пронзится лучом Христовым, и голубицею обернется змея».
БА, было
покуда вдруг не пронзится
9 *Текст ЧА-4 и БА совпадает; в ЧА-4 (стих 7)* От кого *вписано над зачеркнутым:* А.
10–11 *В ЧА-4 это стих 9 (текста, соответствующего стиху 11, здесь нет)*
«От нее самой», — молвил слепец: «она снов моих частая гостья. Али, коли так повернуть хочешь, от снов моих про все то знаю; сны же мои меньше меня, чем люди, обманывали.
БА, было
коли так
12 *В ЧА-4 это стих 10*
За одно на слепоту ропщу: хотел бы Отраду ~ увидеть.
13 *В ЧА-4 это стих 11*
<1.> (*зачеркнутый вариант*)
«А Светомир твой светлый, доколе младенец, на меня, темного, тем похож, что, как я, слеп и, как я, зряч: мы с ним и без глаз друг друга увидим».
<2.> (*второй вариант*)
«А с нею и Светомира твоего светлого, о коем люди мне сказывали, что наяву снобродит. На меня, темного, вижу, похож: как я слеп, и как я зряч. С ним [мы] и без глаз мы друг друга увидим.
БА
А с нею и [Светомира твоего богоданного] / племянника моего внучатого. О не<м> / Про него люди мне сказывали ~ снобродит. На меня, {старца} темного, {отрок} светлый похож
Исправлено карандашом.
14 *В ЧА-4 это стих 12; здесь было*
«Дружною мы, Радивой, заживем семьей
После правки совпадает с БА
15–17 *В ЧА-4 это стих 13 (текста, соответствующего стихам 16–17, здесь нет):*
«За грехи мои, {да} и матери своей, Радислава семью одержима бесами, и смотрит ангел ее — будто чего дожидается, — как те бесы друг друга борют.
17 *БА, было*
В тучи наши вышки уперлись
18 *В ЧА-4 это стих 14:*
«Но недолго я у тебя, Владарь, погощу: на странствие дальнее [душа] зовет душа препоясаться. А коли [ты] знать хочешь, куда мой путь лежит, от тебя{, друже,} не утаю.
БА, было
«Не надолго я у тебя, Владарь, погощу.
19 *В ЧА-4 это стих 15:*
«В Индею, глаголемую Белую, меня тянет, [святости там и мудрости] / [силы] / {разумения духовного там понабраться}, сколько душа вместит, дабы на том свете не вовсе невегласом предстать мудрецам оным, о коих Сократ беседует в бессмертном «Федоне» Платоновом.
БА
к Попу Ивану в гости — *вставка карандашом*; обузу плоти снявшим — *вставка карандашом, первый вариант которой был*: оброки плоти снявшим
20 *В ЧА-4 это стих 16, которым заканчивается глава*
«Но завтрашний день о себе печется. Благословляю милость твою и день сей, и час сей, и все дары его
21 *В БА стих вписан карандашом; после* Владарь *зачеркнуто*: к Отраде; о друге нечаянном *вписано поверх стертого*: о том, что приобрел друга.

V

В ЧА-4 (л. 4) сохранился невычеркнутый вариант первых трех (здесь — четырех) стихов этой главы.
1 <1.> *ЧА-4, л. 4*
Собирался стольного града честной [народ] / {люд} {от мала до велика} на [заморскую] Жар-птицу {залетную} подивоваться / подивиться, на молодую вдову кесареву, как она на двор государев {гостьей} въезжала, [а] / {как} потом и с красного крыльца народу кланяла<сь>.
<2.> *ЧА-4, л. 5*
Совпадает с БА.
2 <1.> *ЧА-4, л. 4*
2 (*с абзаца*) Да и было, на что заглядеться: [говорится про такую красу в присловии] такова всем краса ее показалась, что, какой в присловии [молвится], ни в сказке сказать, ни пером описать.
3 (*с абзаца*) Да не всем {у нас} та краса по нраву пришлась, по сердцу; говорили {про нее}, наипаче старики: глазам услада, душе досада.
<2.> (*ЧА-4, л. 5*)
И подлинно было на что {глазам} заглядеться: такова / таковою краса ее всем показалась, какой про присловью ни в сказке сказать, ни пером описать нельзя. Да не всем та краса [по нраву] / пришлась пò сердцу.

БА

И воистину было на что [глазам] заглядеться: такою всем показалась красавицею, что по присловию / такая была красавица, что впрямь по присловью

3 <1.> *ЧА-4, л. 4*

4 (*с абзаца*) Величаво вступала и милостиво, прямая царица; [и скорбь] / {жаль} по муже являла и в одеянии вдовьем, и в очах [опущенных] / потупленных; но не жаль в очах [сверкала] / {золотокарих читалась}, а [нега женская] / игра и ласка и нега женская, и лукавство, и притворство.

<2.> *ЧА-4, л. 5*

3 (*с абзаца*) Осанкою прямая царица была, и вдовью по супруге жаль пристойно являла / и пристойную по супруге жаль являла и взором являла потупленным [и являла], и вдовьим одеянием черным под пурпуром [царственным] / {царским}; но не жаль читалась в очах златокарих, а игра и ласка и нега женская, и лукавство и притворство.

БА, было

Осанкою прямая царица была и пристойную по супруге покойном жаль являла и взором потупленным, и вдовьим одеянием черным под царским пурпуром; но не грусть или дума унылая в очах златокарих читалась, а игра и ласка и нега женская, лукавство / с лукавством / лукавство и притворство.

4 <1.> *ЧА-4, л. 5. зачеркнутый вариант*

[Да и то еще люди [степенные] / {пожилые, благонравия женского блюстители} в {красавице} чужеземной обессудили, что власы ее из-под диадимы пышной свободными ручьями [словно злата] текучего золота струился {на плечи ей} струился [на плечи] в {золотой} сетке [невидимой], скрепленной по всем узелкам жемчужинами р<*слово не дописано*>]

<2.> *ЧА-4, л. 5*

Да и за то еще люди пожилые, скромности женской блюстители, в красавице чужеземной обессудили, что волосы ее червонные из-под диадимы пышно-блистательной изобильными струями текучего золота на плечи раскинуты были в тончайшей золотой сетке, по частым узлам скрепленной бурмитскими зернами.

БА

Да и [на том] / {за то} еще люди пожилые, старины блюстители / старозаветные[*], жену чужеземную / чужеземку обессудили, что волосы

[*] *Исправлено карандашом.*

свои червонные из-под диадимы [светозарной] на плечи распустила; и держала те [струи текучего золота] / {легкие кудри змеистые} {поднизь жемчужная, сиречь} сетка золотая тончайшая, по частым углам скрепленная зернами бурмитскими / бурмитскими зернами[*].

5 *ЧА-4*

«А Владарь с ней», — ворчали бояре, — «на себя стал непохож: Ромеем обернулся угодливым. По-ихнему лопочет, да пересмеивается, Епифания, греческой молвы толковника, подзывает редко».

БА

Корили [про себя / промеж собою] / {втихомолку} бояре [{на пир к царице званные}][**] заодно и Владаря: «На себя при ней непохож стал / На себя стал непохож / На себя при ней непохож: Ромеем [тонкоребрым, лицедей,] прикинулся. По-ихнему ~ Епифания, [греческой молвы толковника] / {толмача}, подзывает нечасто: [и / и без него {в пору} столковалися шутки шутить] и без толковника шутки шутить столковалися».

После слова прикинулся *при карандашной правке предполагалось разделение на стихи.*

6 *ЧА-4*

с почестями неслыханными, и трон ее выше воздвигнут, нежели седалища Радивоя и самого Владаря.

БА

и трон ее [превыше] воздвигнут превыше / повыше[***] седалищ {царских}[4*] Радивоя и самого Владаря / Радивою и Владарю уготованных[5*].

7 *ЧА-4*

И [заговорила, на] / {обратил<а>} царица, на том троне сидючи, {слово} ко Владарю: «Премудра была [царица] / владычица Савская и во славе царица над землею аравийской, когда пришла древле {с дарами} к престолу Соломонову. Я же и разумом не мудра, и земли моей не владычица ныне, а изгнанница; но ей подобно к престолу пришла, хоть и без даров богатых, к Соломону новому, почему и загадку ему, как она, загадать вздумала».

БА

И, на том троне сидючи, слово к нему гостья обратила / слово обратила гостья к хозяину: «Премудра ~ Я же и разумом не мудра / Я же и

[*] *То же.*

[**] *Стертая вставка.*

[***] *Исправлено карандашом.*

[4*] *Вставка карандашом.*

[5*] *Исправлено карандашом.*

разумением скудна / Я же и разумом скудна, и земли моей [ныне] не владычица ныне ~ но той {, великой,} подобно {и я, скудоумная,} загадку тебе, государь, загадаю.

Исправлено карандашом, кроме зачеркивания в строке.

8–9 *В ЧА-4 это стихи 8—10, в иной последовательности по сравнению с БА*

8 (*с абзаца*) Отвечал ей Владарь: «{Еще* и тем ты, царица, похожа на [цар<ицу>] гостью Савскую, что} залетела ты в наши края, как [птица-феникс] / {феникс пти<ца>}, что в аравийской земле жила и, когда на костре сгорала, к новой жизни и славе обновлялася. [Загадай же, царица [свою] загадку / загадку свою.]

9 (*с абзаца*) «Скажи, государь, что сие значит?» — молвила Зоя: «на востоке солнце встало, а на север потекло».

10 (*с абзаца*) В лад ей [отве<чал>] / отозвался Владарь: [«Где ни станет на притине, будет] / {«Стал притином край полнощный, а по} всей земле светло».

9 *БА, было*

«Стал притином север злату / север солнцу стал притином, а по всей земле светло».

Исправлено карандашом.

10 *В ЧА-4 это стих 11*

Воскликнула Зоя: «А ведь я на тебя эту загадала: [на] о северном царстве твоем подумала».

11 *В ЧА-4 это стих 12*

Отвечал Владарь: «Коли пифиею ~ обернулась, на прорицании [боговещем] / {вожделенном} приемлем. Ныне же мне черед {загадку} загадывать:

12 *В ЧА-4 это стих 13*

[Елены призрак в Илион Приамов сын похитил]
«Елены призрак отдан был в объятья Приамида;
Ее ж Египта царь берег, по слову Еврипида».
[Что сей Египет, царица, значит]
Кто [сей] Египта царь, и где сей Египет?»

БА, было

«Елены призрак отдал бог в добычу Приамиду, ее ж Египта царь берег, коли верить Еврипиду. Где на земле сей Египет?»

13 *В ЧА-4 это стих 14*

приравнял, а меня, бедную, Елене; [ибо так меня] слыхивал, вижу, что

* *Вписано позже, чем вся вставка.*

так меня молва цареградская обзывает. Да одно ты забыл, что египетский царь Елену в своей земле спасал, муж ее под Илионом за нее сражался; я же вдова безмужняя. Новое обо мне* / про меня сложи баснословие».

БА, было

в Цареграде ославили.

После этого предполагалось разделение на стихи.

14 *В ЧА-4 это стих 15*

«Вижу», усмехнулся Владарь, «что ты меня, царица, переклюкала. Но дабы не вовсе от того египетского опекуна разнствовать, жалую я тебе, недалеку от стольн<ого> гра<да>, вотчину [в родовое владение], что за тобою навсегда останется, ежели ты и в Царьград со славою [вернеш<ься>] / возвратишься; там ты жить будешь царицы достойно, а не в стенах монастырских заточницей».

БА, было

и что неотъемлемо за тобою останется ~ со славою. Хоромы тебе там воздвигнутся, и [жить] в них ты

После со славою *предполагалось разделение на стихи.*

15 *В ЧА-4 это стих 16, которым заканчивается глава*

Отвечала царица: «Благодетельствуешь ты меня, государь, паче меры. Ныне же государыню, супругу твою, посетить сердце просит. Не поведешь ли меня в ее терем?»

БА, было

посетить? Не проводишь ли меня в ее терем?

16 *БА, было*

с царицею Зоею, и с Епифанием Радивой.

VI

1 *ЧА-4*

нежно ее обласкавшей и щедро одарившей уборами многоценными и оксамитами, какие из ларцев привезенных / из привезенных ларцев {на выбор} вынуты / повынуты, цветом [тоньше] / {наилучше} к лицу пришлись, напала на Отраду тоска смертельная и, пред образом Пречистой моляся, слезами она заливалась горючими, —

БА

нежно ее [обласкавшей] / {уласкавшей} и щедро одарившей [уборами и оксамитами] / {паволоками и узорочьем}, из привезенных ларцев

* *Вариант не вычеркнут.*

повынутыми на выбор, какие [лучше к лицу придутся] на глаз приглянутся, напала на Отраду тоска смертная / печаль-тоска, и простершися пред образом Пречистой, слезами она без слов заливалась горючими / простершися без слов пред иконою Богородичной, горючими она заливалась слезами.

Исправлено карандашом.

2 *ЧА-4*

Когда постучал в ее терем / постучался к ней Радивой, приведенный {в терем} двумя отроками, и, отерев слезы, [с радостью] {бросилась} она {ему} навстречу [ему побежала] {со словами}:

3 *ЧА-4*

«Рада я тебе, свет мой, дяденька / дядюшка, {радешенька}, будто матушка моя с тобою / тобой пришла».

4 *ЧА-4*

Молвил [ей] {тихо} Радивой: «Она-то меня и послала к тебе в сновидении. “Закручинилась, говорит, моя Отрада / Отрада моя, — пойди, разговори сию”. О чем же ты, дитятко, закручинилась / О чем же, дитятко, взгрустнулось?»

5 *ЧА-4*

{[Отвечала] / Прошептала Отрада}: «Светомиру [как почивать пошел] / {с вечера} будто занеможилось; вот я и приуныла».

6–8 *В ЧА-4 это стих 6*

{Покачал головою слепец:} «Отчего ты приуныла [и] сама не ведаешь. Видно, чует сердце, что прежнее на край пришло, и новое зачинается / прежняя тропка на край пришла, а дорожка не видится новая / новая дорожка не видится. Утверди, говорит мне Горислава, Отраду мою в вере неослабной и в уповании: {что бы ни случилось,} спасется она и сын ее».

7 *БА*, *было*

Елеем молитвенным веры неослабной светильник питай и упование бесстрашное.

Правка чернилами и карандашом.

8 *БА*, *было*

как бы тебя Господь ни посетил

9–10 *В ЧА-4 это стих 7*

«А Зарислава», — воскликнула Отрада, — «а Владарь? почто / Почто о них умолчала? О Владаре наипаче и [болит] / тоскует* сердце мое». «Что ты?» спросил Радивой.

* *Вписано поверх* болит.

9 *БА*

{Испугалась Отрада}. «А Зареслава моя?» — воскликнула [Отрада в тревоге]

10 *БА*, *было*

«Цветет твоя Зареслава, а Владарь с честию дело вершит — в ответ услышала, — *вписано чернилами*; *остальная правка — карандашом.*

11–12 *В ЧА-4 это стих 8*

Любовалась я на красоту [царицы] / Зои и думала: такая красавица, да ктому и [царица] / владычица порфироносная, Владарю была бы [чета] / супругою достойною, я же смиренная, келлии монастырской день и ночь взыскую, [сильному] / единодержавцу могучему не чета.

БА

красавица {писаная} ~ ничего {себе} на черный день

После чета была *предполагалось разделение на стихи*; себе — *вставка.*

13 *В ЧА-4 это стих 9*

«Так мне [ум] / рассудок мой говорит, а сердце Владаря не отдает. Да и совесть от прелести мiрской оберечь его наказывает.

14–15 *В ЧА-4 это стих 10*

«Сама знаешь», ответствовал Радивой, «что без тебя он ожесточится и затоскует. Живи с ним в счастии супружеском, доколе Бог тебя не позовет. А позовет, Богу не противься, [и ничего] зову [не колеблясь] последуй, ни его ни себя не жалея, и всех тем послушанием спасешь. А вот и Владарь в дверях стоит».

14 *БА*, *было*

неровен час, ожесточится и отчается.

Исправлено карандашом.

16 *В ЧА-4 это стих 11*

[Убежала] / Ускользнула Отрада в опочивальню свою, [глаза заплаканные] / лицо заплаканное освежить, да и в сосудец свой каменный заглянула: в первый раз то было: не светлела

В БА студеною водою — *вставка карандашом.*

17–18 *В ЧА-4 это стих 12*, *которым заканчивается глава*

Вышла из опочивальни Отрада и сказала: «Горит ~ занедужился, буду у его колыбели всю ночь сидеть. Простите, родимые». И повел Владарь Радивоя из терема.

Далее зачеркнут номер стиха 13.

VII

В ЧА-4 (*л.* 7) *есть зачеркнутый вариант первых пяти стихов, соответствующих стихам 1–6 БА*

1 <1.>
[Сидела Отрада над сыном недужным: в жару метался Светомир. Краснуха [к нему прикинулась]: меж дворовых детей ходило поветрие, к нему и перекинулось.]
<2.>
Сидела Отрада над сыном недужным: краснухи {злой} меж дворовых детей ходило поветрие, к нему и [прикинулась немочь] / {пристала зараза}.

2–3 <1.>
[2 (*с абзаца*) Все бредил вслух об алых пламенях, да о змейке красивой, что в огне живет. Зойкою {саламандру} звал, [и] [{понимала}] / {и догадалась Отрада, что} царица греческая ему вспоминалась / вспоминается; {намедни она} приласкать его [она] хотела, а он прочь отбежал; а в бреду змейку {Зойку} к себе [манил, уж / кличет] / {манит}, – уж очень красивая.]
Здесь автор забыл сделать разделение на стихи (*далее идет стих 4*).
<2.>
2 (*с абзаца*) Метался в жару Светомир и вслух бредил об алых пламенях, да о змейке-красавице, что в огне живет. Зойкою саламандру звал, и догадалась мать, что царица греческая {, порфироносица,} ему вспоминается.
3 (*с абзаца*) Намедни она приласкать его хотела, а он от нее, смеючись, прочь отбежал, к Радивою [на колени уселся] / {прижался}. А в бреду [змейку] / Зойку к себе манит, очень уж красива.

4 <1.>
[А потом вдруг [{закричит}] / испугается, [и кричит] / {мать кличет}: [Зарислава ему представляется] / {пригрезится ему}, будто змейка [ее] / {Зариславу} укусить хочет, а она змейку поймать хочет / а та ее ловит, за ней бежит, вот и поймала:]
<2.>
А потом [вдруг в испуге] / {как} закричит, {задрожит в испуге}, мать кличет: грезится ему, что Зариславу-сестру змейка укусить [норовит] / {хочет}, а та ее ловит, – вот и поймала.
БА, *было*
А потом вдруг как впугнется да всполошится, мать кличет

5–6 *В ЧА-4 это стих 5*
<1.>
[Но прошла огневица, и затих больной; отлегла от сердца печаль, а тут Зарислава слегла / слегла Зарислава, – и она в той же болезни; да не долго томилась, Богу душу отдала.]

<2.>
Но [прошла] / отпылала огневица, и затих больной. Отлегло у Отрады от сердца, вдруг Зарислава слегла, – тою же загорелась болезнью / та же к ней прикинулась болезнь, – и [через] / на третий денек Богу душу отдала.
БА: через мало дней – *вставка карандашом*.
После стиха 6 в БА предполагалась при карандашной правке новая глава (*IV*).

7–8 *В ЧА-4 это стих 6*
Сказал Радивой Отраде, удрученной и онемелой: «Уединения скорбь твоя просит. [Удались и] Увези Светомира с собой увези в ту обитель дальнюю, где в мире и тишине [недав<но>] от нашествия вражьего недавно спасалась».

8 *БА*
в ту обитель дальнюю, [где]
Туда ~ искупила *в БА вписано карандашом*, *предполагалось – как новый стих*.

9 *В ЧА-4 это стих 7*
Так и поступила горемычная. А и Владарь вскоре на север [выле<тел>] полетел к войскам тамошним, [могучих] / {строптивых} соседей вторжение отразить.
В БА Отрада – *вставка карандашом*.

10 *В ЧА-4 это стих 8*
Светомир же, по болезни, крепнуть стал со дня на день телом, и расти, и здороветь. А о Зареславе первое время и не вспоминал
БА, *было*
в благорастворении воздуха той {благословенной}* пустыньки ~ долгое {время}

11–12 *В ЧА-4 это стих 9*
После же вдруг разговаривать с ней стал, и смеяться, и в игры играть, – трудно было Глебушке за ним вспоминать. И явно было, что сновидчество его наяву здравое разумение затмевает [беспробудно] / непробудно.
Далее вырван лист.

11 *БА*
<1.> (*зачеркнутый вариант*)
[Последи же внезапно разговаривать с ней стал / с нею заговорил, словно игру с нею затеял: трудно было Глебушке за мечтанием его поспевать.]

---

* *Стертая вставка.*

<2.>
В итоговом варианте БА было
новые с нею игры потешные затевать почал
12 *БА*
<1> (*зачеркнутый вариант БА*)
[Но по сему мимолетному явно стало, что тем сновидчеством Светомировым здравое вещей разумение затмилось непробудно.]
<2.>
И явно было [{одумалось} <?>][*] ~ что тем [его] среди дня сновидчеством здравое {в нем} разумение затмилось непробудно.
Исправлено карандашом.

VIII

В ЧА-4 текст этой главы взят в скобки.
В БА над номером главы стерто карандашное
Глава <*1 нрзб.*>

I

1 *ЧА-4*
Молебны пелись [благодарственные] / {хвалебные} о победе новой
БА, было
Молебны пелись хвалебные о победе новой, когда пронеслась весть
Исправлено карандашом (возвращен первый вариант ЧА); вставки сделаны карандашом.
2 *ЧА-4*
и прекратились службы [божественные] / {церковные}, и лики священные {древние} на сводах [церковных] мелом забелены.
3 *ЧА-4*
Прибыл Владарь {в палаты кремлевские} в доспехах ратных [в престольный град] и не долго думал что {предпринять} надлежит [предпринять / сотворить].
4 *ЧА-4*
послов отряжал к соседям дружественным, во еже услышити всем языкам слово его:
БА, было
послов отряжал в земли дружеские
Исправлено карандашом.

[*] *Стертая вставка*; явно было *было зачеркнуто карандашом.*

5 *ЧА-4*:
«Понеже [христианский в Цареграде] / {христианский} престол [{цареградский}] упразднися, аз, Владарь, православный царь, [кесарева] / {Константинова} сана наследие приемлю и древним венцом кесарским ~ венчатися имам».
6 *ЧА-4*:
И сотворив сие, к воинству / И сие сотворив, на север полетел войну кончать.
7 *ЧА-4*:
Когда же кончил войну мировщиною ~ предстоящего на царство венчания [срок] / {день} недальний предвозвестил.
БА, было
Когда же [кончил] / повершил войну и превозмогла / Когда же утвердил мир
8 *ЧА-4*
И почали собираться отовсюду [посольства] / {посланники} с дарами и приветствиями, и от самого Иоанна Пресвитера [из земли чужедальней] посольство было возвещено, уже на полпути станом ставшее в степях [приморских] / чужедальных.
БА, было
в степях Каспийских.
Исправлено карандашом.
9 *ЧА-4*
всей вселенной диво: владыка христианского царства великого за пустынями непроходимыми, промеж Индии колдовской [и языческой] и драконов китайских.
БА, было
в соседстве индийских колдунов
Исправлено карандашом.
10 *ЧА-4*:
И много предивного повествовалось о царстве том: {ходила молва} и о властителя благочестии, и о советников его священномудрии, и о народа богоугодном житии / житии богоугодном и довольном, и о баснословных
БА, было
советников его священномудрии
11 *ЧА-4*
И пребывали все в ожидании {нетерпелив<ом>} торжества ~ в дому государевом [неладное] / {недоброе} приключилось.

IX

В БА номер главы был перечеркнут карандашом, рядом было подписано: II.

1 _ЧА-4_

Писал Отраде Владарь в свое время из престольного града о кончине царства восточного и нового кесарства начале в стране полнощной;

_БА_

Писал Отраде Владарь из престольного града о делах державных, [о победе одержанной] [и] / {о} ветхого царства конце и нового кесарства начале / зачале* в стране полнощной;

2 _ЧА-4_

[А] / {Но} домой не звал и о скоропоспешном возврате {своем} к войску не помянул ~ куется железо поколе раскалено.

3 _ЧА-4_

Она же, тоскою по нем и думою томима, налегке с сыном в путь собралась и, в дом свой воротившись и домовладыки не нашедши, в терем свой ~ затворилась.

БА, было

Она же тоскою по нем и думою истомившися

4 _ЧА-4_

<1.> (_до правки_)

Затворницею жила в ту пору и царица греческая, все еще в лавре гостеприимной, — зане в вотчине жалованной палаты еще не воздвиглися, и [в келлии сидючи] по славе отеческой, в келлии сидючи, плакала; воцарение же Владарево не утешение было ей, а в сугубую обиду.

<2.> (_после правки_)

Затворницею жила в ту пору и царица-изгнанница в лавре гостеприимной, — еще не воздвиглися палаты жалованные. Плакала, в келлии сидючи, по славе отеческой, и Владаря воцарение не в [{отраду}] / утеху ей было, а в сугубую обиду.

В БА после хоромы обещанные _предполагалось разделение на стихи_; торжество _вписано карандашом над зачеркнутым_: воцарение.

5 _ЧА-4_

Злобились и глумились гости греческие: «Агаряне у нас царствующий град отняли, а варвары единоверные и святыню венца его». Такожде и царица про себя думала, как в глаза Владарю ни льстила.

_В БА_ всею _вписано карандашом._

6 _ЧА-4_

Но инако мыслили из бояр думных хитрейшие: «Прячет сына Отрада втуне: всем ведомо, что неразумен растет и царства великого по отце управить не может. Не жилец он на этом свете; а аще ли и жив ~ не убежит.

_В БА_ величества царского _было сначала зачеркнуто карандашом, над строкой вписан, а потом стерт вариант_: могущества царского.

7 _ЧА-4_

«[Шла бы али в монастырь] А и сама по тихой воздыхает обители, не по ложу цареву. Женился бы Владарь наш на гречанке ~ восстановил».

БА, было

«Ведь и сама-то, сердешная

После этого стиха предполагалось начать гл. III. Номер следующего стиха (_8_) _был исправлен на_ 1.

8–9 <1.> _ЧА-4, л. 8; стих 8_

Отдыхал душою Радивой в терему отрадином, Светомира на коленях держа и за [снами]* его причудливыми следуя мечтами, и на ухо друг с другом оба порою мечтали.

<2.> _ЧА-4, л. 9; зачеркнутый вариант начала стиха и невычеркнутое начало нового варианта; низ листа оторван_

[8 (_с абзаца_) Не доходили пересуды людей в ограду терема светлого; отдыхал в нем ду<шою>]

8 (_с абзаца_) Не доносился ропот

<3.> _ЧА-4, л. 1; зачеркнутый вариант_

[8 (_с абзаца_) Неслышен был рокот пучины людской в [ограде терема] / {уюте затвора}, где душою отдыхал Радивой, [держа на коленях] внучка веселого на коленях пестуя.

9 (_с абзаца_) Рассказывал {ему} про свое Светомир то громко, то шепотком на ухо, а слепой к тому свое [вставлял] / прибавлял, и не весть куда оба в мечтаниях на ковре-самолете залетали.]

9 _БА, было_

и не весть куда залетали оба в мечтаниях на ковре-самолете.

10 <1.> _ЧА-4, л. 8; здесь это стих 9, на котором в данном варианте и обрывается глава_

А Глебушка у ног Отрады играл, когда та на пяльцах вышивала узорочье пестрое; а Радислава, дитя, как лесной зверек, из темного уголка [поотай]** на [Владаря] Светомира глядела черными глазами, неотходными

---

* _Исправлено карандашом._

* _Стерто._

** _То же._

<2.> *ЧА-4, л. 10; зачеркнутый вариант*
[А Глебушка один играл у ног Отрадиных, — узорочье та на пяльцах вышивала, — а Радислава, как дикий зверек / как зверек лесной, по углам, где потемнее, пряталась.]
БА, было
[узорочья] / [{платья и пелены}] / {пелены церковные} та на пяльцах вышивала
Исправлено карандашом.

11 *ЧА-4, л. 10*
[Глаз горящих не сводила со Светомира, — так вот, жди, и прянет ему на горло / вот-вот, того и жди, на горло ему прянет дикою кошкой, — а как взглянет на нее отрок светлый, робела и опадала.]

12 *ЧА-4, л. 10*
[И вспоминалось ~ буйство некое на нее находило, а как посмотрит на нее, бывало, Лазарь {сидень}, смирялась ярость ее и гнев утихал.]

13 *В ЧА-4 этот стих подписан в самом конце л. 10 (внутри зачеркнутой главы), а первоначальный вариант стиха 13 — претекст позднейших стихов 15—16*):
Подзовет [ее] ласково дочку Радивой, — опять закорежи<тся> и вскинется: «Не хочу с твоим нещечком водиться — крикнет и [убежит] вон из горницы убежит.
БА
Подозвал {было} однажды дочку Радивой ~ ринулась [она][*] вон

14 *Аналога этого стиха в ЧА-4 нет.*
БА, было
Проводивши детей, возвращалась к слепому Отрада в слезах; опустелою увидя колыбельку
Исправлено карандашом.

15–17 <1.> *ЧА-4, л. 10; здесь это стихи 13—14, зачеркивания сделаны до того, как была зачеркнута вся глава*
[13 (*с абзаца*) Говаривал [потом слепой пл<емяннице>] / {наедине} Радивой племяннице: «Весело мне со Светомиром по белу свету гулять: ведь все те диковины, что ему [снятся, таковы] видятся, таковы же и взаправду есть / таковы же и взаправду на свете есть или древле были. 14 И так он всякую тварь, что очами не видится, видит — и [зверей полевых невиданных неслыханных], гадов морских, и ящеров крылатых, и чертоги пещерные, и [слонов, и носорогов] древеса [много<ствольные>] рощам подобные [многоствольные], что всяку тварь питают, райскую [знает] / {видит} радость.]

[*] *Зачеркнуто карандашом.*

<2.> *Там же. Л. 10*
[13 (*с абзаца*) Говаривал потом слепой наедине {любимой} племяннице: «Услада мне со Светомиром по белу свету гулять. Ведь все {, почитай,} диковины, что ему видятся, взаправду на свете есть, али, по преданиям памятным, в древние века были, а он их словно зограф некий описывает.
14 (*с абзаца*) «И всякая [та] тварь, что он {хоть} очами и не видел, а душою видит — и слоны мохнатые, с клыками как деревья, каких уж более и в помине нет, и ящеры крылатые, и носороги, и киты морские, и птички-мотыльки, и чертоги пещерные, и древеса рощам подобные, многоствольные / тысячествольные, и звезды, кольцами света опоясанные, — всякая тварь, какая ему видится, радостию радуется / свету небесному радуется, ничего не алчет, райским питается воздухом, райским веселием веселится.]

15 *БА, было*
с благословенном сыном твоим непрестанно на первозданную тварь Божию в видениях дивоваться.
Исправлено карандашом.

16 *БА, было*
киты ли, острова плавучие, древеса ли тысячествольные, звезды ли певучие, кольцами
Исправлено карандашом.

18 *В ЧА-4 (л. 10) это стих 15*
[«А и досада меня берет: сколько я сказок знаю, а ни одной ему сказать нельзя: ни Бабы Яги, [али] / {ни} Кощея [ужасно<го>] не боится; чего злая мачеха хочет / ни злой мачехи козней не разумеет. Тороками ангельскими его уши завешены от злобы лукавой».]
БА, было
ни Кощея не боится
Исправлено карандашом.

19 *В ЧА-4 (л. 10) это стих 16*
[Отвечала Отрада: «Владычицу Пречистую изначала возлюбил Светомир; оттого и рай {на земле} видит».]
БА, было
«Пресвятую Владычицу изначала возлюбил
Исправлено карандашом.

X

В БА номер главы был зачеркнут, рядом подписано: III; *на л. 15 и 16 ЧА-4 то же*: X — *зачеркнуто, написано*: III.

1–2 <1.> *ЧА-4, л. 11*
1 (*с абзаца*) Исстари повелось в государевой семье Егория Теплого праздновать, и [захотели] / {вздумали} дворовые люди в день тот [пряники да жемки да сласти / {блюдо с} / блюдо резное с пряниками да жемками да сластями затейливо разукрашенное / [Светомиру] / {царевичу} блюдо резное поднести с пряниками да жемками да [сластями] печением сладким, затейливо изукрашенными.
2 (*с абзаца*) И вышел к ним Светомир поставец принять — а в стороне Жихорь стоит, — и руками вскинул, диву дается:

<2.> *Там же*; *вариант*
1 (*с абзаца*) Исстари в [доме] / {семье} Горынских Егория Теплого день справляли, и вздумали в день тот люди дворовые царевичу гостинца / гостинец поднести.
2 (*с абзаца*) Красовались {горой} пряники медовые {и коврижки узорн<ые>}, и жемки и леденцы и петушки [крашеные] / {узорные} {на блюде резном / на деревян<ном> блюде с резными украсами}, и как увидел ту гору Светомир, — а поодаль Жихорь стоял, — руками всплеснул.

Над строкой (*над стихом 1*) *написано*: малинки (*название еще одной сладости*).

<3.> *ЧА-4, л. 12*; *зачеркнутый вариант*
[1 (*с абзаца*) Исстари у Горынских повелось Егория Теплого день справлять / Егория Теплого праздновать, и вздумали в день тот дворовые люди царевичу поднести гостинцы.
2 (*с абзаца*) Пестрели горой на деревянном блюде с резными украсами пряники медовые и коврижки узорные, жемки да леденцы, да малинки, [да] орешки золоченые, яблочки румяные, [всякая] постила ягодная, всякая сласть.]

<4.> *Там же*
1 (*с абзаца*) Исстари Егория Теплого день Горынские за семейный праздник справляли; и надумали в день тот люди дворовые царевичу поднести гостинец.
2 (*с абзаца*) Навалили горой на блюдо [деревянное] выдолбленное с резными украсами пряников медовых и коврижек узорных, жемков да леденцов, да петушков, да малинок, да орешков золоченых, да смоквы ягодной — всякой, что ни есть, сласти, — и понесли блюдо в палаты под надзором Жихоря.

<5.> *ЧА-4, л. 14*; *зачеркнутый вариант*
[1 (*с абзаца*) Исстари на Егория Теплого семейный у Горынских справлялся праздник; / Как исстари у Горынских повелось Егория Теплого в семье / семейственно / всею семьею / семейно праздновать, и придумали в день тот люди дворовые царевичу поднести гостинец.
2 (*с абзаца*) Навалили горой на [большое] блюдо долбленое с резными украсами пряников медовых и коврижек узорных, жемков да леденцов, да петушков, да малинок, да смоквы цветной {и ягодной}, да золотых орешков / да орешков золотых / да орешков золоченых, всякой, что ни есть, сласти — и [притащили] / {понесли} блюдо в палаты под присмотром Жихоря.]

<6.> *ЧА-4, л. 15*
1 (*с абзаца*) Исстари у Горынских [в семье] повелось Егория Теплого {по-семейному} праздновать; и придумали дворовые люди в день тот царевичу поднести гостинец.
2 (*с абзаца*) Навалили горой на блюдо долбленое с резными украсами пряников медовых, коврижек узорных, жемков, леденцов, малинок, петушков {сахарных}, цветной смоквы ягодной, орешков золоченых — всякой, что ни есть, сласти — и понесли под присмотром Жихоря [блюдо] / {дар} в палаты.

<7.> *ЧА-4, л. 16*
1 (*с абзаца*) Исстари у Горынских повелось Егория Теплого всею семьею праздновать; и придумали дворовые люди в день тот царевичу поднести гостинец.
2 (*с абзаца*) (*совпадает с итоговым текстом варианта <6.>*)

1 *БА*, *было*
Исстари на Егория Теплого семейный справлялся / правился праздник

2 *БА*, *было*
с резными украсами [леден<цов>]

3–9 <1.> *ЧА-4, л. 11*; *стихи 3–4*
3 (*с абзаца*) «Откуда вы», говорит, «столько жаб красивых, и паучков, и червия извилистого понабрали? Отойди прочь, Зоря / Зорька, неравно [укусит] вопьется нетопырь. [Да и я] А я вот, [не боюсь, рукою] что хочешь рукою возьму, мне не боязно, а есть живого не стану. А лучше, Зорька, вместе уйдем — дым от блюда валит удушливый».
4 (*с абзаца*) И прочь отбежал, а Жихорь велел {те} гостинцы на свой двор нести, и на дворе от всех отай [псам те гостинцы бросил / [{отдал}]; и издохли псы.] псу отдал и пожрав, пес издох.

<2.> *Там же*; *стихи 3–5*
3 (*с абзаца*) «Откуда вы», говорит, «жаб столько / столько зверья смешного <?>, жаб разлапых, да паучков мохнатых, и / да червячков кольчатых, да нетопырей-слепышей набрали? [Отойди] / {Не трогай, кле-

ща}, Зарислава, [клещ] неровно в пальчик вопьется... [Да и [дух] / [дым] / пар [душит] / от них идет. [Пойдем] / Убежим, Зорька, прочь. Я вот] Я так ничего не боюсь. [Все что хочешь] / Любого гада в руки возьму. А в рот живого не возьму / А есть живого не стану. Пойдем прочь / Прочь пойдем, Зорька, дым от них душный идет».
4 (*с абзаца*) И убежал прочь Светомир, а Жихорь [блюдо] те сласти / то блюдо к себе [на двор] / {в дом} нести повелел.
5 (*с абзаца*) И вышед один на двор свой, пригоршнями те сласти псу кинул, и сожрал сласти пес, и издох.

Далее вырван лист.

<3.> *ЧА-4, л. 12*; *стихи 3–6*; *в стихах 1–2 — это вариант <4.>*
3 (*с абзаца*) А Светомир, как увидел то море разливанное, руками всплеснул и воскликнул: «Откуда вы столько гадов диковинных набрали / понабрали, жаб да пауков, да клещей, да червия извилистого? [Отыми ручку] / [{Отойди}] / Отыми ручку, Зорька: неравно вопьется нетопырь. [Я вот / Мне вот не боязно, [люб<ое> / что хочешь / любую живую тварь] живое в руки взять, а есть такого гостинца не стану. А и [смр<ад>] дым [смра<дный>] от них смрадный идет. [Убеж<им>] Побежим-ка прочь в наши игры играть.]
4 (*с абзаца*) «Мне вот, какую [хочешь / ни вздумаю] / {хочешь}, живую тварь в руки взять не боязнь, а есть такого гостинца не стану. Уйдем-ка мы [с тобой, нашу] / {к себе, Зоря, нашу} игру доигрывать!»
5 (*с абзаца*) И сам [про<чь>] вон из палаты выбежал, а в палате все, смутившись, стояли как вкопанные. И повелел Жихорь блюдо с [гостинцем] / {почестным даром} на свой двор нести.
[6 (*с абзаца*) А на дворе своем, всех слуг выслав, бросил гостинцы двум псам; и пожрав их, издохли псы.]
6 (*с абзаца*) А у себя на дому, как [вечеро<м>] на дворе стемнело, [кинул] выкинул всю снедь с блюда дворовым псам, и пожрав издохли псы.

<4.> (*ЧА-4, л. 14, зачеркнутый вариант*; *стихи 3–4*)
[3 (*с абзаца*) [Как увидел] Светомир то море разливанное, руками всплеснул: «Такого / Глянул Светомир {на} то море разливанное, руками всплеснул, Глебушку к себе тянет: «Такого {де} зверья мы с тобой, [Глеб] / {брат}, не видывали!»
4 (*с абзаца*) «Благодарствуйте, [— говорил], други ласковые! И откуда вы тьму такую понабрали гадов диковинных, жаб толстобрюхих, бородавчатых, паучищ мохнатых, червия кольчатого извилистого? Руки прочь, Зорька: неравно вопьется клещ.]

Разделения на стихи сначала здесь не было; *после* клещ *не вычеркнуто*: 4 «

<5.> *ЧА-4, л. 15*; *стихи 3–7*
3 (*с абзаца*) А Светомир, как увидел то море разливанное, руками всплеснул, Глебушку за собою тянет: «Видал ли ты, Глеб», — говорит, — «столько зверья ползучего? Спасибо за ласку, [да] / {за} потеху, люди добрые.
4 (*с абзаца*) И откуда вы такую / таковую тьму набрали гадов диковинных, жаб лупоглазых, брюхастых, бородавчатых, [да] пауков / паучищ[,] мохнатых [тенетолюбивых, да клещей], да [скорпиев] / {слизней да клещей}, да червия кольчатого извилистого? Не тронь [слизняка] / {восьминожки}, Зорька / Зоренька, неравно [вопьется {клещом}] / {щупалом присосется}.
5 (*с абзаца*) «Мне вот, какую [хочешь] / {ни вздумал}, живую тварь в руки взять / руками схватить нештò, а в рот [не приму] / [{принять}] / {взять} {противно}. [А и] зашевелилась / Зашевелилась куча / Глянь, как зашевелилась, а и смрад какой пошел, как зашевелилась вся куча / а и смрад какой пошел, не продохнешь. [Побежим / Пойдем] / Убежим к себе, Зоренька / Зорька, наши игры / игры наши доигрывать!»
6 (*с абзаца*) [И обняв за плечи] / Обнял одною рукою Глебушку, а другую будто к сестричке протягивает, и выбежал [с ним] / {с Глебом вон} из палаты, [где] / {а окрест ее} [вокруг люди] все в {вели<ком>} смущении {потупившись}, стояли как в землю вкопанные. [И [велел / повелел] / {приказал} Жихорь [блюдо с почестным даром] / дар незадачливый] И стал Жихорь смеяться, будто пошутил над ними царевич играя да как замысловато потешил / скоморох изрядный, и подарок незадачливый на свой двор нести повелел.
7 (*с абзаца*) [А как ночь настала / А как ночь глубокая настала / А как настала глубокая ночь] / А в дому своем [ночью, пока домоч<адцы>], как настала ночь [и уснули / и уснул весь [дом / челядь] / дом] и вся челядь уснула, вышел {потихоньку} на черное крыльцо и почал [те] гостинцы {с блюда} пригоршнями {раскидывать на отраву} дворовым псам [на отраву]; и пожрали снедь [их] псы, и [к утру] / {до света} издохли.

<6.> *ЧА-4, л. 16*; *стихи 3–8*
3 (*с абзаца*) А Светомир, как увидел то море разливанное, руками всплеснул, Глебушку за собою тянет: «Такого живника, Глеб, мы с тобою не видывали!»
4 (*с абзаца*) «Спасибо за ласку да потеху, люди добрые! И откуда вы столько понабрали гадов диковинных, жаб лупоглазых, брюхастых, бородавчатых, пауков мохнатых-крещатиков, и клещей, и слизней, и червия кольчатого, извилистого? Кишмя кишат. Не тронь восьминожки, Зоренька, щупальцем присосется!

5 (*с абзаца*) [Я] / Мне* вот, какую хочешь, живую тварь в руки взять нештò, а в рот противно. Глянь, как вся куча / Глянь-ка, колыхнулась вся куча, зашевелилась; а и смрад {какой} [пошел] от чудищ болотных {пошел}, не продохнешь. [Убежим] / Уйдем** к себе, Зорька, игры наши доигрывать!»

6 (*с абзаца*) Обнял одной рукою Глебушку, а другую будто к сестричке протянул, и вон из палаты со сверстником выбежал. А люди в палате, потупившись, в смущении стояли, как в землю вкопанные.

7 (*с абзаца*) Вдруг Жихорь захохотал: «А и забавник же царевич! Как над нами подшутил, потешился / распотешился, замысловатый выдумщик / на замысловатые выдумки куда горазд». И подарок незадачливый на свой двор отнести приказал.

8 (*с абзаца*) А у себя дома, как настала глухая ночь и вся челядь уснула, вышел на черное крыльцо и {ну} гостинцы с блюда пригоршнями раскидывать дворовым псам на жратву; и пожрали снедь псы, и до света подохли.

Разделения между нынешними стихами 3 и 4 сначала не было.

3 *БА*, *было*

а сластей не берет.

5 *БА*, *было*

Мне вот, какую хошь, живую ~ Глянь-ка: заколыхалась куча

8 *БА*, *было*

Вдруг громко захохотал Жихорь: «А и забавник же царевич! Людей морочить любит. ~ На выдумки замысловатые куда горазд!»

10–12 <1.> *ЧА-4*, *л. 11*; *стих 5*

Тогда проведал Жихорь, кто сласти стряпал, и сластелей двух будто бы {на двор} к царице греческой вызвал, на деле же в застенок посылал и [пытал с] допытывал от них с пристрастием, [кем на] кто их на злодеяние наущал, и наустителя боярина имя спознав, злодея казнил.

<2.> *ЧА-4*, *л. 12*; *стихи 7–8*

7 (*с абзаца*) А на другой день, поразведав, кто те сласти стряпал, двух сластелей, похвалив, [увел] с собою увел, будто бы [их] / {таковых искусников} к царице греческой [их послать] / {отрядить} хочет. На деле же в тайном застенке [пытать] запер.

8 (*с абзаца*) И допытавшись [у них], [кто их к злодейству наущал [{и подкупил}] / {злодеев наустил}], кто из бояр, думая царевича извести, злодеев подкупил, смертию [злодеев] / {обоих отай} казнил.

* *Вписано поверх* Я.

** *Вписано поверх* Убежим.

<3.> *ЧА-4*, *л. 15*; *стихи 8–9*

8 (*с абзаца*) Тогда пошел Жихорь на государеву стряпную / Пошел тогда Жихорь на стряпную государеву и, разведав, кто царевичу сласти стряпал, двух сластелей с собою увел, — таких де искусников царице греческой на службу отрядить не зазорно, — / таких де искусников к царице греческой / в таких де искусников царице греческой на службу надоба, на деле {же} в тайный застенок запер /запер застенок.

9 (*с абзаца*) И допытавшись, кто из вельможных людей подкупом их на злодейство наустил, обоих отай казнил.

<4.> *ЧА-4*, *л. 16об.*; *стихи 9–10*

9 (*с абзаца*) Пошел с утра Жихорь на стряпную государеву расспросити, кто те сласти царевичу стряпал; и двоих сластелей, похвалив, с собою увел; царице-де греческой в таких искусниках надоба; на деле же у себя в потайной застенок заключил.

10 (*с абзаца*) И допытавшись, кто из вельможных людей подкупом их на злодеяние {наустил и} прельстил, обоих отай повесил.

10 *БА*, *было*

в таковых искусниках надоба.

Между стихами 10 и 11 первоначально не было разделения.

13–15 <1.> *ЧА-4*, *л. 11*; *стих 6*

Когда же воротился домой Владарь, обо всем приключившемся государю донес; и повелел ему то дело [в тай<не>] до времени в тайне держать и никому про то ничего не намекать.

<2.> (*ЧА-4*, *л. 12*; *стих 9*)

Когда же вернулся Владарь, о всем приключившемся государю донес, и повелел ему Владарь то дело до времени в тайне держать и никому про то, особливо же виновнику умысла, ничем не намекать.

<3.> (*ЧА-4*, *л. 15*; *стих 10*)

Когда же вернулся Владарь, о всем государю донес; и положили оба то дело до времени в великой тайне держать и никому {на то не намекать}, особливо же виновникам умысла [ни на что не на<мекать> / обнаруженное покушение не намекать / [ни на что] / на покушение содеянное, ни словом, ни видом / и шептанья про то подпольные тушить], им же и почести нарочитые оказывать, а молву досужую о покушении содеянном когда насмешкой, когда и угрозой тушить.

<4.> *ЧА-4*, *л. 16об.*; *стихи 11–12*

11 (*с абзаца*) Когда же вернулся домой Владарь, обо всем государю донес; и положили оба то дело до времени в строгой тайне держать и ничем никому на [покушение содеянное] / {приключившееся} не намекать;

12 (*с абзаца*) [особливо же] {а} виновникам {же} умысла нарочитое оказывать доверие, слухи же / доверие и благоволение, а слухи глухие и подозрения, и {толки да} пересуды праздные то ли издевками, то ли и угрозою тушить.

Первоначально не было разделения на стихи 11—12.

13 *БА, было*
не намекать,

XI

В ЧА-4 содержатся три варианта этой главы, с вариативностью первых стихов. На л. 17 рядом два номера гл.: XI, IV; *третий вариант — со стиха 4* (*без окончания*). *В БА номер главы был зачеркнут карандашом, подписано*: IV

1 <1.> (*ЧА-4, л. 11*; *как окончание главы X, стих 7*)
Не ведал и Радивой о злоумышлении, а поступил как (*текст обрывается*)

<2.> (*ЧА-4, л. 12*; *как окончание главы X, стих 10*)
Не ведал о злоумышлении и Радивой, а поступил как будто о всем извещен был. Пришел к Владарю и говорит {ему}: «О спасении Светомира промыслить надлежит».

<3.> (*ЧА-4, л. 13*)
1 (*с абзаца*) Не ведал о приключившемся Радивой, а так поступил, как будто обо всем извещен был.
2 (*с абзаца*) Пришел ко Владарю и говорит ему: «О спасении Светомировом промыслить нужда». *Окончание этого стиха см. ниже.*

<4.> (*ЧА-4, л. 13*; *вариант начала главы*)
1 (*с абзаца*) Не ведал о приключившемся Радивой; но слепцу вещему Тиресию {прорицателю} подобно, стал пред владыкою и возгласил / провозгласил: «О спасении Светомировом промыслить нужда настоит / настоит нужда».

<5.> (*ЧА-4, л. 17*)
1 (*с абзаца*) Не ведал о [приключившемся] Жихоревом сыске Радивой; но аки вещий оный слепец, Тиресий, прорицатель, владыке предстал / прорицатель еллинский, стал перед владыкою и провозвестил: «О спасении Светомировом промыслить настоит нужда».

2 <1.> (*ЧА-4, л. 13*; *окончание стиха 2*)
(*с абзаца*) А Владарь ему: «Аль и ты мне о Локустах домашних докучать хочешь?»

<2.> *Там же*; *вариант*
(*с абзаца*) Отозвался, нехотя и нахмурясь, Владарь: «Аль и ты мне о Локустах домашних докучать пришел?»

<3.> (*ЧА-4, л. 17*)
совпадает с БА

3 <1.> (*ЧА-4, л. 13*)
Отвечал Радивой: «О ядосмесительстве в доме [твоем] до сих слов твоих не слыхивал, а и того беречься надлежит.

<2.> *Там же*; *вариант*
Ответствовал Радивой: «О ядосмесительстве в дому твоем доселе не слыхивал* / мне слышать не привод<илось>; но и того остеречься [не лихо] / {благо}.

<3.> (*ЧА-4, л. 17*)
Ответствовал Радивой: «О ядосмесительстве в дому до сих слов твоих не слыхивал; а и того стеречься благо.

БА, было
я не слыхивал

4–11 <1.> (*ЧА-4, л. 13*; *стихи 4—5*)
4 (*с абзаца*) «Ропщут и [в палатах и по задворкам] бояры и челядь на царевичево [безумие] / {юродство и разума потемнение}, воочию явное, о престоле {твоем} и державе новой печалятся, и приметно некие [царевича] извести [желают] вожделеют.
5 (*с абзаца*) Удалите его (*текст обрывается*)

<2.> (*ЧА-4, л. 17*; *стихи 4—7*)
4 (*с абзаца*) «Смущаются и [суесловят] / {ропщут} домочадцы, рвут и мечут бояре думные, о престоле твоем пекутся, о державе новой печалуются: всем де явно, да, почитай, притчею у народе стало / да, почитай, уж и в народе притчею стало юродство царевича.
5 (*с абзаца*) Зазорно и опасно наследника с малого возраста умоисступление. Зазорно {, мнят,} и опасно [нареченного самодержца] такого с младых ногтей умоисступленного самодержца грядущее. Гадаю, и такие славы твоей / величия твоего ревнители найдутся, что извести младенца за благое дело почтут».
6 (*с абзаца*) «Но не о спасении токмо, а и о воцелении Светомировом промыслить [надлежит] / {велит земного нашего странствия разум}. Довольно ему по райским предгориям / по райской околице шататься, благо ангел с двупламенным мечом [благословенное] / {невинное} дитя милует. Довольно ему небесные хартии читать, пора и в наши [бого-

* *Вариант не вычеркнут.*

данным / памятки] / {письмена памятные} умом вникнуть, первее же [времена и] пространства познать {и времена и сроки}, и пределы, и числа.

6 (*с абзаца*) «Увести надлежит Светомира из матерней кущи отрадной, [божественным покровом охраняемой среди пустыни] Богородичным [осененной] покровом {ограждаемой}, среди пустыни / посреди сей пустыни духовной, смертельными обуреваемой смерчами.

7 (*с абзаца*) «[Увести] / {Услать} его надлежит к мудрым и боголюбивым мужам, души человеческой врачевателям, малых наставителям, в дальние земли, в края чужие, с поводырем надежным, он же и мне, слепцу убогому, за поводыря будет».

Не было разделения на стихи 4—5, повторен номер стиха 6.

<3.> (*ЧА-4, л. 19*; *стихи 4—9*)

4 (*с абзаца*) «Притчею во языцех стал царевич юродивый. / Притчею во народе царевич соделался. Ропщут люди: с детства [{ли}] умоисступленному {как} в зрелые лета мудрым содеяться самодержцем? Рвут и мечут бояре думные: о [славе] доброй славе и крепости престола печалуются. Гадаю, и такие державства [новосозданного] ревнители найдутся, что извести наследника твоего за благое дело почтут.

<*Над строкой вписан вариант*: с детства ли [юродивому] наследовать царство, умоисступленному державствовать? Бредоброду ли, путями сна ходящу, близкого от дальнего отличить не могущу, [у кормила государства стоять?] в руки дать госуд<арства> кормило>

5 (*с абзаца*) Серчал Владарь: «Охрану умножим, ищеек пустим, заговорщиков уследим».

6 (*с абзаца*) Продолжал {речь} Радивой: «Но не о спасении токмо, а такожде и о воцелени Светомировом [промыс<лить>] пещися велит земного нашего странствия разум. Мужеского и премудрого {в мір} водительства / детоводительства душа его богопамятливая желает.

7 (*с абзаца*) «Довольно ему по райской околице шататься, благо что ангел с мечом двупламенным невинное дитя милует. Довольно ему небесные хартии по складам разбирать, пора и в наши письмена вникнуть, первее же пространства познать и времена, и пределы и числа.

8 (*с абзаца*) «Увести, говорю, надлежит Светомира / Светомира надлежит из матерней кущи отрадной, что посреди пустыни дубрав стоит, покровом Богородичным от смертоносных смерчей хранима.

9 (*с абзаца*) «[Послать] / {Отослать} его надлежит к мужам прозорливым и боголюбивым, души человеческой ревнителям, благоразумным наставникам в дальние страны, в чужие края с поводырем надежным, он же и мне, слепцу убогому, за поводыря будет.

6 *БА*, *было*

ищеек пустим / напустим

Исправлено карандашом.

8 *В БА не было до карандашной правки разделения на стихи 8—9.*

9 *БА*, *было*

Довольно ему небесные хартии по складам разбирать, пора и в наши письмена вникнуть

Исправлено карандашом.

12 <1.> (*ЧА-4, л. 17*; *стих 8*)

Сказал Владарь: «Хорса, друга твоего, речь слышу из уст твоих; Хорсу ли, еретику и чернокнижнику, сына доверю?»

<2.> (*ЧА-4, л. 19*; *стих 10*)

Сказал Владарь: «Хорса, дружка ли твоего, речь слышу от уст твоих. Еретику ли и чернокнижнику сына доверю?»

13 <1.> (*ЧА-4, л. 17*; *стих 9*)

В ответ ему Радивой: «Воистину Хорс тебе сей совет дает и царевича в надежные обители увести вызывается. Но, не [имея] дерзая о том заговорить с тобою, мне поручил. — Коль и соизволил бы меня государь выслушать, все равно, говорит слова мои, по своему навыку, в копья бы принял.

<2.> (*ЧА-4, л. 19*; *стих 11*)

В ответ Радивой: «Воистину, Хорс мне сей совет дает и царевича путеводить вызывается, но сам тебе с тем [советом] предстать не дерзнул: “Ты”, говорит мне, “на ту мысль государя наведи, мои же он слова, когда бы и выслушать благоизволил, в копья бы принял”.

БА, *было*

Да и коли благоволил / Коли бы даже благоволил бы

Исправлено карандашом; *после этого стиха вырван лист.*

14–15 <1.> (*ЧА-4, л. 17*; *стих 10*)

Ересь же его, подобно рубахе Нессовой, к плоти жирной прилипла, {огнем ее пожирает,} и на другого ту рубаху {горючую} надеть ему не дано. Скорее Светомир его уврачевать возможет, нежели он Светомира заразит. В одежду белую сей облечен на сей век и грядущий».

<2.> (*ЧА-4, л. 19*; *стих 12*)

«Белому волхвованию Хорс предан. Ересь же его на нем яко рубаха Нессова, к плоти тучной прилипла и [лютым огнем] ею огнь свой лютый питает. Не отлепишь рубахи горючей от тела, на чужое тело не наденешь. Скорее Светомир его уврачевать [его] / Скорее сын твой его уврачевать возможет, нежели [от него] заразу приять. В одежду белую сей облечен / В одежду белую облечен Светомир, в неснимаемую».

БА, было
не отлепишь ее, не скинешь, на чужое тело не перекинешь.

16 *ЧА-4, л. 17; стих 11*
Задумался Владарь и нескоро молвил: «Заблуждается Хорс душе своей во вред; звездам поклоняется, и с князем міра сего о державстве над міром сим через тяжбу водится / державу над міром поделить хочет, а в искупление человека кровию Христовой и в привлечение всех ко Христу не верует.
БА, было
Заблуждается Хорс душе своей во вред
Исправлено карандашом.

17 *ЧА-4, л. 17об.; стих 12*
Но поелику дано ему ведение, что сильнее тьмы свет, Светомиру служить [хочет] / {будет}, и доверить ему младенца в годину крайнюю [льзя / {не запретно}] / благоразумно, особенно при твоем сопутничестве. Но что-то о всем задуманном скажет Отрада?
К последним двум стихам есть ранний вариант, записанный на л. 8, без номера стиха
(*с абзаца*) Заблуждаешься ты, душе своей во вред, Хорс; звездам поклоняешься, и князя міра сего чтишь, а в искупление человека кровию Христовой и привлечение его во Христа не веруешь. Но поелику дано тебе ведение, что сильнее тьмы свет,

18–21 <1.> *ЧА-4, л. 17об.; зачеркнутый вариант; стихи 13–14*
[13 (*с абзаца*) «Мои слова в ушах ее [{Отрадиных}] прозвенят, как удар топора по древу. [Пойди к ней] / Поговори с ней исподволь ты, и [расспроси ее / {побеседуй с ней}] сторожно и боязно, и надоумь ее, и испытай, и утешь [ибо много она страдала и много страдать имать].
14 (*с абзаца*) «И потом приди {ко} мне сказать слово ее, я же думу долгую думать буду». И отпустил Владарь Радивоя.]

<2.> *Там же*
13 (*с абзаца*) «Мои слова в ушах ее [{страдалицы}] прозвучат как удар топора по дереву. Поговори с ней [исподволь] / {за меня} ты, сторожно и бережно; и надоумь ей / ее, и испытай, и утешь. Ибо нам она Отрада, а сама {же} страдалица.
14 (*с абзаца*) «А потом ко мне [приходи] приди сказать слово ее; я же думу долгую думать буду». И отпустил Владарь Радивоя.

18 *В БА не было разделения на стихи 18–19.*

20 *БА, было*
и на чем с ней положишь, про то сказать ко мне приди.
Исправлено карандашом.

21 *После этой главы в БА вырезан лист.*

XII

В ЧА-4 (*л. 18*): XII. [IV.] V; *в БА номер главы был зачеркнут карандашом и подписано*: V.

1 *ЧА-4, л. 18*:
Пришел [на третий день] / {по немногих днях} к Владарю Радивой {и так} об Отраде поведал:

2–3 *ЧА-4, стих 2*:
«Вхожу я к ней {рано утром} в терем, [говорил,] а она [в] / на* меня взор светозарный, как тихое небо вскинула, — мнилось, сквозь слепоту / слепоты моей облако [непроглядное] я взор тот {душою} увидел, — и {тихо} молвила: "{Знаю,} почто ты здесь ныне, родимый! Уводи нас, куда [хочешь] / {знаешь}, только / токмо его спаси!"

2 *БА*
«Вхожу {поутру}

4–5 *ЧА-4, стих 3*:
Немного мне ей сказать привелось, молиться стала Пречистой / на колени опустилась перед Ликом Пречистой со слезами обильными, и / а по молитве встала и обняла меня, и отпустила со словами: "[Вернись] / {Иди} восвояси, родимый, и на третий день [ко мне вернись. Сходит<ь>] / {вернись} за ответом. Сходить я должна к старцу своему и его благословения испросить".

6 <1.> (*ЧА-4, л. 18; стих 4*):
«А как [вернулся] / {пришел} я {к ней} на третий день, рассказывать мне стала о старце с умилением, и [то я тебе] что говорила, слово в слово тебе перескажу.
<2.> (*ЧА-4, л. 20; стих 6*):
«А как постучался я к ней в срок положенный, рассказывать мне стала о старце с умилением, и что̀ говорила, я слово в слово тебе перескажу. Через день, как стемнело, опять в терем стучусь, и что она мне тогда рассказ<ала>
Последнее предложение вписано позднее.

7–8 <1.> (*ЧА-4, л. 18; здесь ошибочно стоит номер 7, должен быть — 5; стихи* <*5.*>*–6*)
7 (*с абзаца*) «Изрек мне», говорила, «преподобный Парфений {по исповеди} таковы слова: Скажи, царица, благочестивая, Радивою возлюбленному: Так говорит Господь:
6 (*с абзаца*) «Возьми младенца и беги с ним в страну чужую; и пребудь с ним в стране той, доколе не умрут ищущие души младенца». {При-

* *Вписано поверх* в.

ветст<вуй> от меня, старца смиренного, Радивоя [см<ирившегося?>] прославленного и смирившегося и скажи ему: тебе и попутчики приближаются, которые и младенца в странствие дальнее с собою возьмут.}

<2.> (*ЧА-4, л. 20*; *стих 7*):

«Изрек», говорила, «преподобный [Парфений] {по исповеди} таковы слова: Скажи, царица благочестивая, Радивою возлюбленному, [благословение тебе посылает] / {что приветствует его во Христе} смиренный Парфений и ангельскому гласу послушествовати благословляет: глаголющу в сердце его: “Возьми младенца и беги с ним в страну чужедальнюю, и пребудь в стране той, доколе не умрут ищущие души младенца”.

В БА первоначально не было разделения на стихи 7—8.

8 *БА*

И [{что}] благословляет {де}* {Радивоя Парфений} послушествовати гласу ангельскому глаголющему [{якоже и сам весть}]** в сердце его: Возьми отроча и беги [с ним] в страну чужую, и пребудь {с ним}

9 <1.> (*ЧА-4, л. 18*; *стих 7*)

«И вырвалось слово из уст моих, — ибо словно оружие вошло в душу мою: “А я что?”

<2.> (*ЧА-4, л. 20*; *стих 8*)

«Словно оружие острое, [пронзили те слова] / яко вонзились те слова в сердце мое / пронзили те слова сердце мое, и уста мои грешные [восстенали] / {возроптали}: “А я что? Не вещал ли ангел оный: возьми Младенца и матерь Его?”

10–13 <1.> (*ЧА-4, л. 18*; *стихи 8—11*)

8 (*с абзаца*) [Дважды] «Ответил мне старец, словно то оружие в груди моей повернул: “Дважды родиться должен человек, по таинственному глаголу Христову.

9 (*с абзаца*) “А жене и другое наказано: дважды должна родить сына {, грядущего в мір}: {вначале} из лона плотского извести [грядущего в мір] / {чадо на свет} [из восприявшей его и воспитавшей], после же из лона душевного отпустить [грядущего] / {странника} в мір.

10 (*с абзаца*) “Тебе же самой не в мір идти суждено, но от міра уйти”.

10 (*с абзаца*) “Ныне же предстоит тебе великий веры подвиг: очами взирать и [ныне видеть явно] обличить очи в неправде, а ушами слышать и свидетельство его отринуть; “Заупокойную” с людьми петь, а в сердце воскресения день восславить.

* *Вставка карандашом.*

** *Зачеркнуто карандашом.*

11 (*с абзаца*) “Помни, [жено] / {чадо}, мучится жена, когда рождает, и когда родит [страх] забывает муку от радости, что родился человек в мір”.

<2.> (*ЧА-4, л. 20*; *стихи 9—11*)

9 (*с абзаца*) «Ответствовал мне старец, и словно оружие то в груди моей повернул: “Внемли, дщерь! Дважды родиться должен человек, по таинственному глаголу Христову. А жене и другое назначено: [должна {в муке}] дважды родить человека, грядущего в мір.

10 (*с абзаца*) И первее из лона [плоти своей чадо] {земного} изводит {росток} на свет, после же из лона душевного отпустить {должна} странника в мір. [И дважды, рождая, страждет] Тебе же не в мір {идти} суждено, но от міра уйти.

11 (*с абзаца*) “Вскоре силы небесные цельного потребуют от тебя отречения и великого подвига веры:

Далее здесь вырвано несколько листов, один — в это время, другие, возможно, ранее.

10 *БА, было*

упорная и мятежная

Исправлено карандашом.

12 *БА*

лик свой являет; [после же]

14–15 *ЧА-4, л. 18*; *стих 12*:

«И рыдающую меня у ног его приголубил старец и словом напутствовал: “Положись на Господа, Он [и тебя]* и сына и царя упасет и спасет. Ныне же к венчанию на царство [готовься] / уготовайся, ибо надлежит тебе исполнить всякую правду”

14 *БА, было*

Он же и сына твоего, и мужа спасет.

15 *БА*

в послушание. [Подобает бо испол<нити>]

16 *ЧА-4, л. 18*; *стих 13*

Так говорила Отрада, тебе же для внушения <?>». [И] Отвечал Вл<адарь>: «Еще я срок свой не додумал».

БА, было

и воздохнул [{Лазарь}] / Владарь, — вернее же сказать из уст Владаревых воздохнул Лазарь

После этой главы в БА вырезан лист.

* *и ошибочно не вычеркнуто.*

XIII

В ЧА-4 здесь начиналась Книга пятая. Эта глава в ЧА существует в двух вариантах (*первый*: *стихи 1—9*); «*внутри*» *второго варианта — есть два варианта последних стихов этой главы. Стихи 21—24 существуют только в беловой редакции.*

В БА стерто карандашное название главы, номер исправлен карандашом (*Было*: I).

1 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
Положил в сердце Владарь отпустить сына с Радивоем [в Радивоем] ~ про царевича басня плелась [немалая] / {неладная}, услать (*далее как в БА*)

<2.> (*ЧА*, *л. 22*)
про царевича басен плелось немало (*далее как в БА*)

БА, *было*
как и без того про царевича [басен плелось немало] / смутни молва плела

2 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
И трепеща повернуть новую в книге судеб страницу, внезапно (*далее как в БА*)

<2.> (*ЧА-4*, *л. 22*)
Совпадает с БА

3 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
А перед ним, тут как тут, звездочет его, в переменах жребия [{земного}] и испытаний, в годину немощи [некогда силы] / {и безвестия мощи} провозвестник и славы, тогда простой черноризец, ныне милостями его взысканный священноначальник, вызванный им [вящего ради возвышения] / {на совет и решение} по великому делу церковному и державному.

<2.> (*ЧА-4*, *л. 22*)
А перед ним, тут как тут, {на пороге стоит и крестным себя осеняет знамением} звездочет его испытанный: [в давние сумерки / лета] в годину давнюю / в давнюю годину немощи и безвестия мощь он пророчил и славу, — тогда простой черноризец, ныне милостями его взыскуемый архипастырь / милостию его митрополит, вызванный им великого [для] / {ради} [дела [{ради}] {замышления} церковного {и державного}]{церкви и царству на пользу}.

БА, *было*
звездочет его испытанный, — в годину давнюю немощи и безвестия мощь он пророчил и славу / мощи проповедник и славы, тогда простой черноризец, ныне его милостию митрополит / ныне его милостями взысканный священноначальник

Исправлено карандашом.

4 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
Ласково [взглянул] / {воззрился} на него Владарь, и земли под собою не взвидел Епифаний от радости, услышав (*далее как в БА*)

Первоначально между стихами 4 и 5 не было разделения.

<2.> (*ЧА-4*, *л. 22*)
Ласково взглянул ~ а тот и земли под ногами не взвидел от радости, услышав / слыша наконец из уст (*далее как в БА*)

БА, *было*
Весело взглянул на него

5 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
«Настоит мне ныне {забота крепкий} обет держать; {рех бо} егда всея земли автократор буду, инò тебе (*далее как в БА*)

<2.> (*ЧА-4*, *л. 22*)
«[Пора мне, отче Епифание, завет давний держать / Пора мне, преосвященный] / Старинный днесь твоему преосвященству обет держу: [рех бо егда] балогурил бо есмь единожды, аще (*далее как в БА*)

БА, *было*
[Старый] / Стародавний днесь ~ балогурил бо единожды / балогурил я, помню, / балогурил я с тобою, убогий сидень

Исправлено карандашом.

6 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*)
«Воздвигаю под сению престола моего [обет <?>] престол патриарший, о чем днесь и указ [выдан] / {пишется}, и тебя, жезлом архисвятительским / первосвятительским жалую, яко верховный церкви опекун и защитник / заступник».

<2.> (*ЧА-4*, *л. 22*)
«[Воздвигаю под сению престола моего] {Днесь}, яко святыя церкви {в міру} опекун и защитник, {воздвигаю под сению престола моего} престол патриарший, и тебя, {аки} верного [о церкви и царстве] радетеля / верного {и мудрого веры и родины} рачителя, жезлом [первосвятительским] / {власти сея священныя} жалую, о чем и указ [подписан / пишется] / подписан».

БА, *было*
«[Днесь, яко] / {Аз}, святыя церкви в міру сый опекун и защитник, воздвигаю ~ и тебя, яко верного

7–10 <1.> (*ЧА-4*, *л. 21*; *стихи 7—9*)
7 (*с абзаца*) Потупил смиренно очи Епифаний и молвил: «Потребно на то, государь, благословение патриарха вселенского».

8 (*с абзаца*) Усмехнулся Владарь: «И [о том] / {о сем}, святый отче / отче святый, промышленно. Благословил беженец цареградский церкви нашея самостояние и своим патриархом возглавление. Многие лета кормила духовное со мною в согласии держати да укрепит и вразумит Всевышний твое святейшество».
9 (*с абзаца*) И обменялись оба целованием мира, [приложившись устами] облобызавши друг друга в плечо.

<2.> (*ЧА-4, л. 22–23*)
7 (*с абзаца*) Заикнулся-было, вдруг оробев, Епифаний о потребном на дело сие соизволении патриарха вселенского, но прервал его Владарь, молвя / Епифаний о соизволении, на то дело потребном, патриарха вселенского, а Владарь ему, [длинную речь / многоглаголание {речь праздную} упреждая] / упреждая словеса многие: «И о сем во благовремении промышлено»
8 (*с абзаца*) «Благословляет / Благословил хирографом цареградский беженец церкви нашея самостояние и своеземным патриархом возглавление, [Тем убо тебе достоит под моим [крылом] / {началом} тебе достоит [в нерушимом теперь мире] под моим престолом духовное [правило] / {кормило} держати. Исполаети первый возглашаю [на сем] твоему святейшеству!] уже о другом не помышляет, токмо бы вселенским бездомному величатися.
9 (*с абзаца*) «[Дерзай, Епифание, достоит] / {Достоит} убо тебе, со мною единомысленну / единосоветну, у духовного кормила стояти. Под твоим началом стадо словесное, под моим пажить. [Тако с тобою помедлив] И на сем исполаети возглашаю первый твоему святейшеству».
10 (*с абзаца*) И обменялись оба целованием мира, по обряду священнослужителей / сослужащих на божественных службах, [лобызаючи друг друга в плечо] / {приложась устами каждый к плечу друг<ого>}.
Между стихами 7 и 8 первоначально не было разделения.

8 *БА, было*
токмо бо выну вселенским, бездомному, величатися.

9 *БА, было*
со мною единосоветну

10 *БА, было*
И обнялись оба, лобызаючи друг друга в плечо.
Исправлено карандашом.

11 *ЧА-4, л. 23*
Благодарствовал тогда ~ и [обетовался ему] / {обещался}, яко / якоже в препобежденных испытаниях верою и правдою за него стоял и ему сподвизался, такожде (*далее как в БА*)

БА, было
каковым в препобежденных себя явил испытаниях
Исправлено карандашом.

12 *ЧА-4, л. 23*
зачинаемое, ежели {сей} воистину [есть] Бога чтитель, со святительскими уставами разладило / со святоотеческими не согласовалось уставами?»
В БА сей есть *вписано справа на полях.*

13 *ЧА-4, л. 23*
Прервал на сем слове речь его [Владарь с некиим нетерпением промолвя] / {державец нетерпеливый}: «Законы / Каноны канонами, а законы законами; временны уставы {многие, как и детоводители в срок отпускаемы}, и изменчивы времена.
Далее разделение на стихи изначально отсутствовало.
БА
властитель [нетерпеливый / строптивый] / нетерпеливый: «Каноны ~ временны уставы многие, как и детоводители в срок отпускаемы
Исправлено карандашом.

14 *ЧА-4, л. 23*
«Ты же чин возведения своего в сан первосвятительский / восшест<вия> твоего на место первосвятительское ускорити потщися, [чтобы могли оных с востока] / {дабы послов [оных] пресловутых} от Попа Ивана [приспешающих, в патриаршьем [всрети] / во сретение выйти] в патриаршем {встретить благолепном} облачении. А сам я уединиться и говеть собрался перед священным на царство венчанием [в пустын<ьке>] / Ибо сам я перед священным на царство венчанием говеть хочу в пустыньке Егорьевой / удаляюсь в пустыньку Егорьеву».
БА, было
«Но не о том ныне забота. Абие чин возведения твоего на место первосвятительское ускорити потщися ~ Я же ~ говеть удалюся в Пустыньку Егорьеву».
Исправлено карандашом.

15–16 <1.> (*ЧА-4, л. 23*; *стих 15*)
За отпуск принял слова сии Епифаний, но удержал его Владарь и, закрыв рукою лицо, в долгое погрузился безмолвие; последи же сказал тихо / молвил тихо / тихо молвил: «Дума крушит меня о сыне моем».
Первоначально «Дума ~ моем» *было написано в отдельной строке как стих 16, затем зачеркнуто и подписано к стиху 15.*

<2.> (*ЧА-4, л. 23об.*)
15 (*с абзаца*) За отпуск принял слова сии Епифаний, но Владарь удер-

жал его перед собою сидящего / насупротив сидяща, и [закрыв] лицо рукою застенив долго молчал, после же тихо молвил:
16 (*с абзаца*) «Дума крушит меня о сыне моем. В инобытии пребывает и в инови́дении. {А кто его убережет?} [Ведь], как птица / Как птица со стрехи кидается, так он [с любого края низринуться хочет и, того и гляди, сверзится, не рассуждая высоты».] твердию под ногами пустоту мнит».

БА

15 (*с абзаца*) За отпуск ~ но удержал его [при себе] Владарь, {перед собою сидяща,} и [закрыв] лицо рукою, в долгое погрузился безмолвие / в долгом застыл безмолвии / лицо рукою {застенив, молчал долго}; после же тихо молвил: [«Дума крушит меня о сыне моем».]
16 (*с абзаца*) «Дума крушит ~ В инобытии некоем пребывает и в инови́дении / и в инови́дении пребывает. И кто его ~ так он пустоты под ногами зияние за твердь прозрачную почитает / пустоту под ногами воздушную за твердь мнит».

17 <1.> (*ЧА-4, л. 23; стих 16*)
Ответствовал собеседник его: «Не в помощи ли Вышнего живет сын твой? И не ведаешь ли / И не сказано ли о таковом, что есть ли / ежели и с высоты сверзется / сверзится, Ангелы Божии {на руки свои} его подхватят и поддержат? / его подхватят?»

<2.> (*ЧА-4, л. 23об.*)
Ответствовал патриарх, еще тише: «Не в помощи ли Вышнего живет сын твой? ~ на руки свои его подхватят».

БА, было

Отвечал собеседник его

18 <1.> (*ЧА-4, л. 23; стих 17*)
{Прислушался к тому слову Владарь, а сам в свою гнул:} «Новое ты мне об нем, да и обо мне, учини звездогадание! Аль и сие каноны твои днесь тебе возбраняют?»

<2.> (*ЧА-4, л. 23об.; ошибочно повторен номер стиха 17*)
Сказал Владарь: «Новое мне об нем, да и обо мне самом, сотвори звездогадание. Аль и сие каноны твои днесь тебе возбраняют?»

БА

[Сказал {ему}] / {Возвысил голос} Владарь ~ И, как тот безмолвствовал [, [примолвил] / {воскликнул} нетерпеливо]: «Аль и сие

Исправлено карандашом.

19–20 <1.> (*ЧА-4, л. 23, 24; стихи 18–19*)
18 (*с абзаца*) «Возбраняют, государь!» отвечал патриарх: «со дня рукоположения моего в архипастыри светила постичь не дерзаю / светил [на небе стояние] небесных безмолвие постичь не дерзаю».

[19 (*с абзаца*) И было лицо его недвижно и бесстрастно, будто он с иконы сошел / как иконописный лик единого из сонма / в сонме святых отцов вселенского собора.]

<2.> (*ЧА-4, л. 23об.*)
19 (*с абзаца*) «Возбраняют, государь», отвечал патриарх. «Со дня [рукополож<ения>], как в епископы рукоположен, звездных не пытаю письмен».
20 (*с абзаца*) И было лицо его, (*текст обрывается*)

БА

19 (*с абзаца*) «Возбраняют ~ не пытаю». [20 Нахмурился повелитель; и в]
20 (*с абзаца*) И было лицо его {бесстрастно}, как лик единого [из свя<тых>] от сонма святых ~ на изображениях [Никейского / первого вселенского] / Никейского собора.

21 *В БА* благодушно — *вставка карандашом.*

24 *В БА* нехотя — *вставка карандашом.*

XIV

Три черновых варианта начала главы (л. 24) и две черновые редакции: незавершенная (до стиха 12, стихи 6–23 в ней зачеркнуты) и полная. В БА также есть два зачеркнутых черновых варианта начала этой главы, которая первоначально была второй (по другой нумерации — третьей) главой Книги пятой.

1–2 <1.> (*ЧА-4, л. 24*)
[1 (*с абзаца*) Сидел Хорс в облаке восточных курений / Бормотал невнятное Хорс в дыму курений и камни самоцветные пересыпал; а Владарь, насупротив сидючи, кристалл светлый {меж ними} заприметил [в россыпи] и все ждал, когда сей опять [мелькнет,] из россыпи вынырнет.
2 (*с абзаца*) И мнилось ему, будто в дали далекой тот кристалл ему кажется.]

<2.> *Там же*
[1 (*с абзаца*) Бормотал [Хорс] невнятное Хорс в дыму курений / в мерцании светильников и в дыму курений [а Владарь] и{, чары дея} камни самоцветные пересыпал.
2 (*с абзаца*) А Владарь, насупротив сидючи, кристалл некий прозрачный в той россыпи выглядывал: негаданное мерещилось ему светлого кристалла в дали далекой.
3 (*с абзаца*) И вопросил Владарь]

Между стихами 1 и 2 первоначально не было разделения; *Было*: пересыпал; а Владарь.

<3.> *Там же*

[1 (*с абзаца*) Бормотал невнятное Хорс в мерцании светильников и в дыму курений и, мефомантии, сиречь камнегадания, прилежа, самоцветные камни пересыпал.

2 (*с абзаца*) А Владарь, насупротив сидючи, {простой} кристалл [некий] прозрачный в россыпи [выглядывал / высматривал*] / заприметил, покуда на мгновение ока мелькнет; исстари виденное и неразгаданное мельтешило ему того светом кристалла в дали далекой.]

<4.> *Там же. Л. 24*

[1 (*с абзаца*) Бормотал невнятное Хорс в мерцании светильников, в дыму курений и, чары дея, самоцветное каменье пересыпал.

2 (*с абзаца*) А Владарь, насупротив сидючи, [из того каменья] простой [кристалл при<метил> / заприметил] в россыпи кристалл выглядел [{приметил}], как вода прозрачный, и покуда [в россыпи] мелькал, выжидал, [будто легкою дремой обаянной,] будто [знамения ж<дал>] / [{высм<атривал>}] / [чаяния в той светлости [темной] / вести] / знака [заветного] светлого из дали далекой.

<5.> (*ЧА-4, л. 25*)

1 (*с абзаца*) Бормотал невнятное Хорс при мерцании светильников, в дыму курений / в мерцании светильников, сквозь дым курений, и камение самоцветное перед светильниками пересыпал.

2 (*с абзаца*) А Владарь{, куревом отуманенный,} насупротив сидючи, простой кристалл в россыпи повыглядел, как вода прозрачный, и {все} возврата выжидал, [словно знак чаял / мнилось куревом обаянному, что заветный мелькнет ему] не мелькнет ли ему в той светлости заветный знак из дали далекой.

<6.> (*БА, зачеркнуто чернилами*)

[III

1 (*с абзаца*) Бормотал невнятное Хорс сквозь дым курений / в дыму курений и камение самоцветное [в озарении светильников] / {[перед] / под пятисвещником}

2 (*с абзаца*) А Владарь насупротив молча сидел]

<7.> (*БА, перечеркнуто голубым карандашом*)

[II

1 (*с абзаца*) Бормотал невнятное Хорс в капище своем и камение самоцветное пересыпал.

---

* высматривал *ошибочно не вычеркнуто.*

2 (*с абзаца*) А Владарь, куревом обаян, насупротив сидючи, на игру ворожейную глядючи, простой в россыпи кристалл [возлюбил], как вода прозрачный, [приметил] возлюбил словно [говор] весть печальную из дали далекой]

В БА номер гл. (XIV) *вписан карандашом. Было*: II.

2 *БА, было*

кристалл простой в россыпи многозрачной приметил, словно со дна кладезя прозрачного кольнул его в сердце золотого острия мгновенный луч.

3 <1.> (*ЧА-4, л. 24*)

[И вопросил Владарь: «Куда же ты, волхв, по звездам путешествующий, сына моего завести умыслил / увести промыслил?»]

<2.> (*ЧА-4, л. 25*)

И вопросил {, опамятствовав,} Владарь волхва: «Куда же ты, волхв / волсве, путь по звездам держащий, сына моего завести замыслил / промыслил?»

<3.> (*БА, перечеркнуто голубым карандашом*)

[Но в память пришел и вопрошал ворожбита: «Куда же ты, волсве, путь по звездам держащий, сына моего увести промыслил?»]

БА

с ворожбитом разговор зачал / в разговор вступил / разговор зачал

Далее было разделено на стихи (*при карандашной правке — отменено*).

4–6 <1.> (*ЧА-4, л. 24–24об.*)

[4 (*с абзаца*) Бросил Хорс кристалл из кучи камней перед лицо Владаря и [ответствовал прекратив причитания], немотную ворожбу [прекратив] / {оставив}, ответствовал:

5 (*с абзаца*) «Не мне его вести, а ему меня. [Поведут] / Мужам, тобою излюбленным [он тобою довере<н>], ты его довериршь и слепца прозорливого попечению. Я же издали за звездою последую, а звезда моя — сын твой».

6 (*с абзаца*) «Ибо ему в грядущем Кефер, иже днесь на главе твоей, я же Кефера служитель».]

<2.> (*ЧА-4, л. 25*)

4 (*с абзаца*) Собрал каменье Хорс, кристалл перед гостем оставив, и тихо возгóворил: «Не мне вести его, а ему{, отроку,} меня.

5 (*с абзаца*) «Поведут его мужи, тобою излюбленные, со слепцом прозорливым. Я же издали за звездою моею / за моею звездою последую, а звезда моя есть сын твой.

6 (*с абзаца*) Ибо ему в грядущем сужден Кефер, что ныне чело твое осивает; я же Кефера служитель на земле».

<3.> (*БА, перечеркнуто голубым карандашом; стихи 4—7*)
[4 (*с абзаца*) Собрал каменье Хорс, кристалл перед гостем оставив, и тихо возговорил:
5 (*с абзаца*) «Не мне [вести] вести его, но ему, [отр<оку>] / младенцу, меня.
6 (*с абзаца*) Поведут его мужи, тобою излюбленные, со слепцом-прозорливцем. Я же издали за звездою моею последую, а звезда моя — сын твой.
7 (*с абзаца*) Ибо ему в грядущем сужден Кефер, чья слава ныне главу твою осиявает; я же Кефера служитель на земле».]

4 *В БА до карандашной правки после* возговорил *было разделение на стихи*; но *вписано над тем же зачеркнутым после того, как была отменена вставка*: обаче.

6 *БА, было*
Кефер, яже днесь чело твое осиявает.

7 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[Опять вопросил Владарь: «Как же отпущу сына моего перед лицом народа с чужими людьми в края чужие, и что̀ скажут люди».]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
Паки вопросил царь: «Как [же] отпустить дерзну сына моего перед лицом народа моего с чужими людьми в края чужие / с людьми чужими в чужие края, и что про уход его люди скажут?»
<3.> (*БА, зачеркнутый вариант; здесь это стих 8*)
Паки вопросил царь: «Как отпустить дерзну сына моего перед лицом народа его в чужие края с воинами чужими, и что про уход его люди скажут?»

8 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[Отвечал волхв: «То же скажут, что давеча ты слышал от Епифания: что ангелы Божии на руки его подхватили».]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
Ответствовал волхв: «{Да} то самое и скажут, что̀ давеча ты от Епифания слышал: ангелы де Божии на руки его подхватили».
<3.> (*БА, зачеркнутый вариант; здесь это стих 9*)
В ответ волхв: «Да то самое и скажут, что (*далее как в <2.>*)
БА
А волхв [как] будто и не к нему ~ «Да то [слово, воистину,] / {самое} и скажут

9 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[«Умрет сын мой», подумал Владарь, и [ув<идел>] вдруг увидел в глубине кристалла гроб [стекля<нный>] хрустальный, и юношу, сына своего, в том гробу [со стрелою] лежаща, со стрелою золотою в десной руке.]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
Помыслил в сердце Владарь: «умрет сын мой!» и вдруг увидел в глубине кристалла прозрачный гроб из хрусталя горного и сына своего, не отроча, но юношу, в гробу лежащего со стрелою светлою в десной руке.
<3.> (*БА, зачеркнутый вариант; здесь это стих 10*)
Помыслил в сердце Владарь: «умрет сын мой», и вдруг увидел в глубине кристалла хрустальный гроб и сына (*далее как в <2.>*)
Далее в новой строке: 11
БА, было
перед ним лежаща ~ юношу, в гробу опочивша

10 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[И воскликнул Владарь: «Отпустив сына, увижу ли его на земле?»]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
И стеснилось сердце Владарево лютою скорбию, и в третие вопросил он, воскликнув: «Отпустив сына моего, увижу ли его еще на земле?»

11 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[«Увидишь», ответствовал волхв, «мимоидуща во славе Егорьевой. И видя его в той славе, захочешь возложить венец твой на главу его, он же пройдет мимо.]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
В ответ вещун: «[Ты] сказал: “Во славе Егорьевой паки его увидишь; и видя его (*далее как в <1.>*)
БА, было
паки его увидишь и восхощешь венец твой возложить на главу его

12 <1.> (*ЧА-4, л. 24об.*)
[«И останется венец твой на главе твоей до времени, когда превратится в пламень, и тогда [освободит] / избавит тебя сын твой от круга пламенного,]
<2.> (*ЧА-4, л. 25*)
«И тяготеть будет венец твой на главе твоей до времени, когда превратится в пламень; тогда снимет его с главы твоей сын твой и избавит тебя от круга пламенного».
БА, было
доколе не превратится в круг пламенный; тогда опять восстанет перед тобою сын твой и снимет обруч палящий, и возложит на чело свое как венок весны.

13 *ЧА-4*, *л. 25*
И увидел себя Владарь в кристалле, как в сновидении давнем, стоящим в седой степи на белом камне отлогом и пасущим с того высокого камня лобного несметное овец стадо.
БА, *было*
как в сновидении дальнем (*далее было как в ЧА-4*)
14 *ЧА-4*, *л. 25*
И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьем Свет-Егорий; а он машет своим жезлом Егорию и возбраняет ему волков в стадо пускать, и сам дань отобрать обещается.
БА, *было*
копьем солнечным
15 *ЧА-4*, *л. 25об.*
И вспомнил Владарь слова Егорьевы в сновидении: «Мне ты сам данью будешь». ~ И укрепился / укрепившись духом
16 *ЧА-4*, *л. 25об.*
[И прислушался] «Не надобно тому звездогадания, [кому на земле слышать дано, как {инде} беседует дух его с духами міров иных] кто здесь слышит, как дух его инде беседует с духами міров иных.
БА
«Не надобно тому звездогадание, [чей]
17 *ЧА-4*, *л. 25об.*
«Тебе же отныне, [{великий} государь] / {владыко}, ничего звезды [не скажут] / {возвестить не имеют}, [безмолвствуют, как судьи]. Взирают на деяния / Взирать будут на дела твои {безучастно}, как свидетели, и [безмолвствуют] / {безмолвие хранить}, как судии, на судилище великом / великом судилище, доколе длится тяжба.
Далее разделения на стихи изначально не было.
БА, *было*
«Ничего тебе звезды возвестить не имеют: взирают на дела твои, как свидетели, и безмолвствуют, как судии, полукругом сидящии, пока длится тяжба.
18 *ЧА-4*, *л. 25об.*
Слово было тебе дано; от тебя [единого] міp ответного ожидает слова. Как наречешь, так и обречешь; на что поглядел, тем и завладел; чего изволил, то и вынудил.
19 *ЧА-4*, *л. 25об.*
«Пустынно самодержавца одиночество. Покинут тебя [и сын твой, и Отрада твоя]. Один будешь [с камня лобного] в серой / седой степи с белого камня лобного несметное пасти овец стадо. Чего ты изволил, то и вымолил».

20 *ЧА-4*, *л. 25об.*
«Мне же, [смиренному] послу к тебе от архонтов звездных, обещайся по уходе моем храмину сию и все подходы к ней наглухо замуравить, чтобы и след Хорса пропал / чтобы и след пропал Хорса волхва».
21 *ЧА-4*, *л. 25об.*
[21 (*с абзаца*) И покинул Владарь Хорса дружелюбно.]
21 (*с абзаца*) И Вынул / Вынул, прощаясь, Владарь изумруд драгоценный из цепи своей и Хорсу в обмен дал [на] / за кристалл памятный.
Далее в ЧА вырвано пять листов.

XV

В ЧА-4 и первоначально в БА это третья глава Книги пятой.
1 *ЧА-4*
Как некогда ~ ныне, на сновещание надеясь у криницы Егорьевой / сновещания домогаясь, молитву сотворил {у криницы Егорьевой}, воды ключевой испил и навзничь лег, руки {на персях} сложив крестом.
2 *ЧА-4*
Но не льнул к веждам / Но не тягчил вежд / Но не слеплял вежд его сон и, жмурясь на сверканье текучих струй сквозь ресницы смеженные, мнил он видеть ~ и юношу со стрелою светлою лежащего в гробу хрустальном.
3 *ЧА-4*
И когда размышлял, как знамение / предзнаменование / знамение сие на сыне его могло бы исполниться / на сыне его оправдаться могло бы, сморила его дрема полуденная, и представилась ему Горислава юная, в красе [нежной и грозной] чарой, какою впервые {, трепетный и суровый отрок,} ее увидел, и, мнилось, шептали уста ее нецелованные: «Милый, милый!»
БА, *было*
впервые предстала ему в оные года
4 *ЧА-4*
И воскликнул во сне Владарь: «Никогда бы я с тобою не расставался, все глядел бы / все бы глядел на тебя — не нагляделся!» А она, [будто], мнилось / будто в ответ [ему] шепчет: «Опять [гляди,] уведу тебя на луга мои цветистые, в сумерки светлые незакатные: [друг на дружку] там с тобой будем миловаться, устами нецелованными шептаться».
В БА этот стих был вписан карандашом и обведен; Связана ~ с твоею *вписано карандашом между строк после обводки остального.*

5 *ЧА-4*

Подумал про себя Владарь: «{Видно,} опять Егорий стрелою (*далее как в БА*)

Отвечала ~ Горислава *вписано позднее*.

6–7 *ЧА-4*

[6 (*с абзаца*) «Собралась вокруг венца твоего сила Егорьева, и как возложишь на главу венец, прострелит тебя змеиная молния из недр земных насквозь до темени, и замрет жизнь твоя на краткий срок.]

6 (*с абзаца*) «Не твоя ли сила Егорьева? И тебе ли ее бояться? Собралась ~ в ясном небе, и {как возложишь венец на главу свою}, пронижет тебя змеею струя молнийная / змеею молнийною из [земных] недр / недр земных насквозь до темени. [, и замрет]

7 (*с абзаца*) И замрет жизнь твоя [здесь от] здесь на короткий срок, а в моем царстве взыграет; а как отпущу тебя из моего царства, богатырем [за] / на земле царевать будешь».

8 *ЧА-4*

[«На что мне сюда вороч<аться>] Вздохнул Владарь: «На что мне снова ворочаться? Отойдет от меня Отрада моя, и сын мой уйдет далече. [Одиноко] Одинокого {люди} божить будут, как истукана [превыспреннего] / {огромного} на камне голом».

9 *ЧА-4*

Отвечала Горислава: «А на чем мы с тобою спознавалися? Не купно ли царевать загадывали? Да променял ты / Не променял ли ты / Но променял ты Гориславу на стрелу Егорьеву».

10 *ЧА-4*

[Воспрянул] / {Воскликнул} Владарь [и кр<икнул>]: «Не отдам тебя больше за жизнь мою» и воспрянул / воспрянув, {руки [вы<тянул>] простер}, чтобы схватить ее. А ее уже не было.

11 *ЧА-4*

[11 (*с абзаца*) [Весел<ые>] Отрады и Светомира голоса веселые из дебри лесной его окликали.]

11 (*с абзаца*) [Лениво] / {Сонно} колыхались над ним сени лесные, солнечным протканы светом. И чу, милых голоса веселые из дебри донеслись, его окликали.

12 *ЧА-4*

И вышла из дебри Отрада светлая, а перед нею Светомир, смеючись, {верхом} [{сидит}] на волке ехал.

Далее на обороте листа вверху оставлено место.

13 *ЧА-4*

тропу загородил ~ А волк добрый

14 *ЧА-4*

А отрок кричал отцу: «Возьми меня с собой на войну!» Спросил отец: «А чем ты меня на войне оборонять будешь?»

Далее первоначально разделения на стихи не было.

15 *ЧА-4*

Отвечал Светомир: «Вон то<т>, что на страже стоит [под сенницей,] у креста под сенницей, стрелку мне даст [светлую] золотую. (*Далее как в БА*)

16 *ЧА-4*

что далече, далече[, далече] унесет меня, и не раньше [я дом<ой>] вернусь (*далее как в БА*)

17 *ЧА-4*

Ответил Владарь: «Так ~ да мне садись на плечи. (*Далее как в БА*)

18 *ЧА-4*

И пошли / тронулись трое в обратный путь к обители, и когда же к вратам приблизились, встретили старца Парфения, [на беседу] {к Отраде} пришедшего на беседу духовную.

19 *ЧА-4*:

И отдав Светомира матери, умолил ~ в лесок соседний, говоря: «Исповедал я давеча грехи своя, да одного (*далее как в БА*)

БА, было

в перелесок соседний ~ тягчайшего, тебе не открыл».

20 *ЧА-4*

в уединении старец

21 *ЧА-4*

Ответствовал Парфений: «Не вменится тебе во грех сия ревность твоя и противочувствие твое: зане воистину [больше] сына своего [больше] любишь боле себя, славу же дела своего боле сына.

22 *ЧА-4*

«Но [как] / {поелику} дух твой окольчужился [чарами власти] таково крепко, что ~ власть: "[че<м>] / {как} наречеши, так и обречеши" (*далее как в БА*)

XVI

Первоначально это была четвертая глава Книги пятой. В ЧА-4 есть два зачеркнутых незавершенных варианта начала главы (стихи 1–6 на л. 28; стихи 1–12 на л. 29, нижняя часть которого оторвана) и полный черновой вариант.

1–3 <1.> (*ЧА-4, л. 28; стихи 1–4, третий не выделен*)
[1 (*с абзаца*) Прибыло наконец посольство священственное купно и [воинское] / {бранное}, на конях и верблюдях, мужей духовных [и важных] двенадцать, с малым полком чернorизцев-воинов, —
2 (*с абзаца*) Молчаливцы смуглоликие и важные, в колпаках железных [черным шелком обтянутых с крестами серебряными и над челом повитых шелком над чалмами белого шелка или желтого] на клобуках черных крестовых, с обметами над челом из белого шелка и желтого, —
4 (*с абзаца*) В кольчугах [харалужных] под черными рясами, с кривыми у пояса мечами, с колчанами за [плечами] / {спинами} и самострелами, в сапогах железных.]
<2.> (*ЧА-4, л. 29; стихи 1–4*)
[1 (*с абзаца*) Прибыло [наконец в те поры] / {в те поры} жданное посольство из чужедальних стран от боголюбивого владыки-пресвитеря, на конях и верблюдах, —
2 (*с абзаца*) Духовного сана мужей, числом [двенадцать] / {дванадесять}, и с ними полк малый воинов-черноризцев, —
3 (*с абзаца*) Молчаливцы смуглоликие и важные, [благолепные и благообразные,] в клобуках [черных с крестами серебряными] / {монашеских} на колпаках [железных] / {харалужных} [над челом] / {понизу} повитых обметами из белого шелка и шафраноцветного, —
4 (*с абзаца*) В кольчугах под черными рясами, с [мечами] кривыми {саблями} у [{чеканного}] пояса / у поясов {чеканных}, с колчанами [за спиною] / {заплечными} и самострелами, [в сапогах железных / в железо одеты, железом обуты] [с] / со {щитами} крестовыми [щитами, с поножами] {и} железными поножами.
<3.> (*ЧА-4, л. 30*)
1 (*с абзаца*) Прибыло в те дни посольство жданное на конях и верблюдах, [мужи духовного сана, числом двенадцать] / {пресвитеров иноплеменных дванадесять}, и с ними полк малый воинов-черноризцев, —
2 (*с абзаца*) Смуглоликие [молчаливцы, великорослые,] / {мужи, благообразные,} важные, в куколях монашеских, [поверх колпаков харалужных] / {на} колпаках {железных} с обмотом понизу из [белого] шелка [и] шафраножелтого, —
3 (*с абзаца*) В кольчугах под рясами черными; с кривыми саблями и самострелами и щитами крестовыми, в железо одеты, в железо обуты.
4–11 <1.> (*ЧА-4, л. 28; стихи 5–6*)
[5 (*с абзаца*) Шатры поставили чернокосмые за городом, и церковку [по] {себе} посреди стана под наметом шатровым {соорудили}, двенадцать же набольших [при] наперво к обедне {в собор} прошли, где патриархом приветствованы были;
6 (*с абзаца*) А из собора [все пошли] / {приведены бы<ли>} в палаты царские, и там дары положив царю и свите царевой и патриарху — изделия драгоценные из золота и камнев самоцветных, и {масла} благовонные и курения.]
<2.> (*ЧА-4, л. 29; стихи 5–6*)
[5 (*с абзаца*) Шатры [поставили] из чернокосмых шкур за городом поставили / поставили за городом, и церковку посереди стана под наметом шатровым соорудили; {а} набольших двенадцать перво-наперво к обедне в собор пошли, где патриарх[ом приветствованы были] / патриарх {им приветное держал слово}.
6 (*с абзаца*) [После же] / {А из собора} / После же в царские палаты приведены были и там дары царю и семье царской и патриарху оставили — изделия драгоценные из [золота и] офирского злата и каменья самоцветного, и масла благовонные, и курева аравийские и индейские.]
<3.> (*ЧА-4, л. 30*)
4 (*с абзаца*) Шатров черных стан / становище нагородили за городом, с церковкою походною под беловерхим наметом посереди стана, и там заночевали.
5 (*с абзаца*) А наутро, [по ранней о<бедне>] раннюю у себя отпевши обедню / ранние у себя отпевши обедни, пошли двенадцать с хоругвию {при несметном народа стечении} в соборный храм, и встречены были в притворе патриархом с крестом* в облачении церковн<ом> / в церковн<ом> облачении.
6 (*с абзаца*) И после торжественного / {по} торжественном в соборе служении проводил в палаты царские, куда к тому часу свезены были на верблюдах из стана многие клады.
7 (*с абзаца*) И разложили в палате дары многоценные царю и семье царской и царевым присным и в ризницу патриаршую: чего, чего не навезли, — устали дьяки записывать [{и как именовать их не знали}], {иное и именовать недоумевали}.
8 (*с абзаца*) Изделия изящные из меди и сребра и злата и електра, и ебена, и кости слоновой, {и крепкого древа [пряного и душистого] пахучего,} и руб самоцветных, и камения честного, и жемчуга,
9 (*с абзаца*) Ктому {невиданной красы} ткани [и парчи], и ковры, и шкуры зверей диковинных, [и кожи змеиные и крокодильи,] и масла

* С крестом *было зачеркнуто, а затем восстановлено.*

драгоценные, и курения в смолах и зернах добровонных, и сосуды священные, и богатое оружие.

10 (*с абзаца*) После же званы были [послы] на патриаршее подворье к трапезе и вкушали ухи стерляжьей, [и] яств рыбных, [и] фиников заморских / заморских фиников; с [сотом] / {яствoм и} соты медвяной отведали; патриарх же / {а} патриарх с ними [беседовал] по-гречески беседовал, они же, как в пище и питии воздержны, так и в речах были не многоглаголивы.

11 (*с абзаца*) Прощаяся же с патриархом, молили его проводника им дать в места уединенные, где отшельник [великий] / {благочестив<ый>}, по имени старец Парфений спасается. {«Имеют де к нему [поручение] / [{наказ важный}] / поручение от Иоанна Пресвитера».}

7 *БА*, *было*

иное и наименовать не умели

12 <1.> (*ЧА-4*, *л. 29*; *стихи 7—8*)

[7 (*с абзаца*) После же сели на коней и путь держали в обитель Егорьеву, куда на вызов их старец Парфений пришел, и вручили старцу частицу мощей Фомы апостола, понеже в их стране те мощи почивают.

8 (*с абзаца*) И сопровождала / провожала их в пути несметная то́лпа, они же на частых остановках литии [запе<вали>] пели на своем наречии.]

<2.> (*ЧА-4*, *л. 30*)

И на другой день с утра [путь держали] / {сели} двенадцать {на коней}[*], [с проводником] / {провожаемы} мнихом из греков, и двумя своими воинами, с нарядом шатровым, и путь держали в пустыньку Егорьеву.

13–14 <1.> (*ЧА-4*, *л. 29*; *стихи 9—12*)

[9 (*с абзаца*) [И когда верн<улись>] / [И вышел к ним Владарь] / [А у ворот обители встречал их Владарь] / {И по [вручении] святого дара Парфению, вышел к ним Вл<адарь> из уединения своего} и приветствовал их по-гречески, они же ему в золотом ларце запечатанном послание [вручили] / {передали} от Иоанна Пресвитера.

10 (*с абзаца*) И спрашивал их Владарь, как проведали они в земле чуждей о старце Парфении, отшельнике молчаливом; они же ответствов<али:>

11 (*с абзаца*) «По символу апостольскому веруем в общение святых, и таковое воочию совершается по всему лицу вселенной».

12 (*с абзаца*) [И предложена была гостям трапеза, они же] И трапезо-

[*] *Было*: на коней двенадцать

вали гости с Парфением хлебом пшеничным и медом сотовым, {после же} и финиками из кладовой царской.]

<2.> (*ЧА-4*, *л. 30об.*)

13 (*с абзаца*) И поставили шатры на дворе обители, Владарь же с ними в одежде инока заезжего к трапезе вышел и вопрошал их с ласкою греческой, как они {в краю чужедальном} о [старце Парфен<ии>] смиренном старце Парфении прослышали.

14 (*с абзаца*) Отвечали послы: «Ведают святые святых {по всему лицу земли}[*] ~ Держим символ веры апостольской ~ оно же не токмо в мiрах иных, но и в сем мiре воочию свершается».

15 *ЧА-4*, *л. 30об.*

Выехал Владарь наутро с [отр<оком>] женою и сыном в престольный град, а послы, крестом предшествумые, пошли в дебрь и обретши жилище Парфениево поклонились ему до земли и [частицу] {от Иоанна Пресвит<ера> в дар принесенную}[**] мощей св. Апостола Фомы, Индеи просветителя, в их стране почиющих, [вручили в дар от Иоанна Пресвит<ера>] / {частицу вручили}.

БА

до земли ему поклонились

Исправлено карандашом.

16 *ЧА-4*

И опустился перед мощами Парфений на колени с благоговейным трепетом и долго над ними плакал; встав же, надел ризу священничес<кую> и понес (*далее как в БА*, *но со строчной*: недостойна)

17 *ЧА-4*

И пошел за крестом [обратно] {с мощами в руках} в обитель Егорьеву, провожаемый [двен<адцатью>] послами, [в] и, пришед, [положил их] / {сложил ковчежец} в алтаре обители.

БА, *было*

и, пришед, поставил ковчежец на престол обители.

18 *ЧА-4*:

Когда же вернулись [послы] / {двенадцать} в столицу, принимал их Владарь с великими почестями как послов царских, и вручили ему послы [{запечатанную}] скрынницу драгоценную / драгоценную скрынницу {[за / под] за семью печатями} с посланием от Пресвитера Иоанна.

Далее вырвано семь листов.

19 *Есть только в БА.*

[*] *Вставка была зачеркнута, затем восстановлена.*

[**] *Было*: {в дар от Иоанна Пресвитера принесенную}.

Книга
ПЯТАЯ
Послание Иоанна Пресвитера

[Послания часть первая]

I

Первоначально это была пятая глава Книги пятой (*П. 16. ЧА-4.5, л. 31—32*); *название появляется в ЧА-5* (*фраза* Владарю царю тайное *подписана позднее карандашом*) *и меняется в БА*. В *ЧА-4.5 содержатся два варианта этой главы; в первом — стихи 1—10 зачеркнуты*. В *ЧА-5 — правка карандашом*.

1 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Писал Владарю Поп Иван (с греческого словеса его прелагаем): «Богу во святей единосущней и нераздельней {и светоначальней} и животворящей Троице слава.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стихи 1—2*)
1 (*с абзаца*) Писал Владарю Поп Иван (с греческого словеса его прелагаем):
2 (*с абзаца*) «Богу во святей единосущней и нераздельней, и светоначальней, и животворящей Троице слава.

<3.> (*ЧА-5*)
Богу во святей, единосущней, [и нераздельней, и] светоначальней [,] и животворящей Троице слава.

2 *В <1.> и <3.> совпадает с БА (но в БА — тире перед* радоватися); *в <2.> (ЧА-4.5, л. 33) — это стих 3.*

3 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Венчающуся тебе венцом кесарским сорадуюсь и благословен да будет престол твой, из рода в род, Господа сил молю, —]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33*)
Здесь это стих 4, не выделено запятыми из рода в род; *в конце — запятая.*

<3.> (*ЧА-5*)
Венчающуся тебе венцом кесарским сорадуюсь, / сорадуюся; и благословен да будет престол твой [из рода в род,] Господа сил молю,

4 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Смиренный пресвитер Иоанн, {милостию Божиею} могущественнейший ныне из государей христианских.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33*)
Здесь это стих 5; начало как в <1.>, далее: могущественнейший из государей

<3.> (*ЧА-5*)
Начало как в <1.>, далее
могущественнейший днесь из государей христианских.

5 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Не странных и зверонравных племен {силою}[*] подъяремною, но владычествующего народа моего числом и трудом и доблестьми, и единомыслием, и благоденствием,]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 6*)
Не странных и зверонравных племен данями и службою подъяремною, но владычествующего народа моего числом и трудом и доблестьми, и единомыслием, и благоденствием,

<3.> (*ЧА-5*)
Не странных и зверонравных племен службою подъяремною, но владычествующего народа моего [числом] / {изволением и мужеством,} и трудом, и единомыслием, и благоденствием,

6 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Ктому и земель необозримых богатством и дивами многими, откровенными ли оку солнечному или в недрах[**] сокровенными.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 7*)
Ктому и земель необозримых плодоношением изобильным, и сокровищами, и дивами, веселящими ли око солнечное или в недрах утаенными.

<3.> (*ЧА-5*)
Ктому и земель необозримых неоскудным плодоношением ~ изобилием, веселящего / веселящим ли око солнечное или в недрах сокровенного / сокровенным.

7 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Послушествуют мне [двенадцать] христианских царей [двенадцать] / {двоенадесять} и {трое} от них [трое при дворе служат] / {сподружники {при} мне и советники,} другие же над тремя частями царства поставлены, по три царя в каждой части;]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 8*)
Послушествуют мне христианских царей двоенадесять, и трое от них сподружники при мне и советники, другие же над тремя частями царства поставлены, по три царя в каждой части;

---

[*] *Вписано поверх стертого*: работою <?>.
[**] в недрах *было зачеркнуто, затем восстановлено.*

<3.> (*ЧА-5*)
Послушествуют мне [семь]* христианских царей двоенадесять, и трое от них при мне, в серединной земле [сподружники] {живут пособники ми} и советники, [другие] / {прочие} же над тремя [окружными / {остальными}] {другими} частями царства (*далее как в <1.>*)

8 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[Причисли к сим и язычествующих [шесть царей] / {господарей малый сонм}, {под нашу руку [своею] волею приставших и} окраинные области держащих, их-же к водам крещения нудить не хотим.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 9*)
Причисли к сим и господарей язычествующих малый сонм, под нашу руку волею приставших и окраинные области держащих, их-же к водам крещения нудити не хотим.

<3.> (*ЧА-5*)
Причисли / Причтем к сим и господарей язычествующих [малый сонм], под нашу руку волею приставших и окраинные области держащих, их-же к водам крещения нудити не хотим.

9 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[А писано сие не в похвальбу, но дабы ты не был о нас в неведении и живым имел пред собою многочастный образ Церкви Христовой на земле пространной,]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 10*)
совпадает с <1.>

<3.> (*ЧА-5*)
Писано же сие не в похвальбу, но дабы ты не был о нас в неведении и живым имел пред собою многочастный образ Церкви Христовой / многообразный {состав} Церкве Христовыя на земле пространной.
БА, было
егда обозрети в духе помыслиши многообразный состав

10 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
[И да взаимодейственны будут в богоизволеном согласии отдаленнейшие члены единого Тела.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 33; стих 11*)
совпадает с <1.>.

<3.> (*ЧА-5*)
И взаимодейственны да будут в богоизволенном согласии отдаленнейшие члены Единого Тела.

* *Зачеркнуто до карандашной правки.*

11 <1.> (*ЧА-4.5, л. 31*)
Ибо наперво достоит тебе благонадежну быти, яко мы от правого исповедания единыя, святыя, соборныя и апостольския Церкве* и от предания святоотеческого николи же ни вмале не отступили, —

<2.> (*ЧА-4.5, л. 34; стих 12*)
Начало совпадает с <1.>, далее
святоотеческого, аще и ересьми {многократно} искушаеми, николи же ни в мале не отступили,

<3.> (*ЧА-5*)
Достоит бо тебе наперво / исперва благонадежну быти, яко мы от правого исповедания и апостольския Церкве и от предания святоотеческого, аще и [многократно / многообразными] многими ересьми {чужевейными} чужевейными искушаеми, николиже [есмы] ни в мале не отступили / отступихом,

12 <1.> (*ЧА-4.5, л. 32*)
Как и сам о том известиться можешь словесным испытанием послов моих, по сану священства и благодати рукоположения мне равных.

<2.> (*ЧА-4.5, л. 34; стих 13*)
совпадает с <1.>

<3.> (*ЧА-5*)
Как и сам о том известиться можешь словесным испытанием послов моих по сану священства / саном священства [и благодатию рукоположения] мне равных.

13–14 <1.> (*ЧА-4.5, л. 32; стих 13*)
«Отсельники мы Новой Трои, [ей же древлее слово Царьград уподобляет] / {сиречь, по древлему речению, Византии царственной,} {Константинова} Рима {отрасль,} далече процветшая прежде распри [первосвятителям неугодной] / {поздней} с Римом Петровым,

<2.> (*ЧА-4.5, л. 34; стих 14*)
«Отсельники мы Новой Трои, из пепла восставшей, яже Византия тайна есть по сказанию древлему; и {царственного} Константинова {убо} Рима отрасль, далече процветшая прежде распри [, нами оплаканной] с Римом Петровым,

<3.> (*ЧА-5*)
13 (*с абзаца*) «Отсельники есмы [мы] Новой Трои, из пепла восставшей / восставшея, яже Византии тайна есть по сказанию древлему [; ино сказание же оставлено ей],

* *Было*: единой, святой, соборной и апостольской Церкви

14 (*с абзаца*) «Отрасль хвалимся быти царственного Константинова Рима, далече процветшая [за пять веков] прежде распри [, поднесь не угасающей] с Римом первым;

Здесь первоначально не было разделения на стихи, как и в <1.>; далее нумерация исправлена.

15 <1.> (*ЧА-4.5, л. 32; стих 14*)

«О [ней же] / {коей распре} изволися нам ничесоже ведети; тем убо хитона Господня нешвена, свыше исткана цела не предерохом ниже разделихом.

<2.> (*ЧА-4.5, л. 34*)

«О коей распре изволися нам ничесоже ведети, Бога благодаряще, {яко} хитона Спасителева нешвена, свыше исткана цела не предерохом, ниже разделихом.

<3.> (*ЧА-5*)

О коей распре изволися нам ничесоже ведети, Господа благодаряще, яко хитона Спасителева, не швена, свыше исткана цела (Иоанн. 19, 23) не предерохом [ниже разделихом].

16 <1.> (*ЧА-4.5, л. 32; стих 15*)

«Ныне же, [и] брате мой о местах наших, и законе и свычаях нечто повем.

<2.> (*ЧА-4.5, л. 34*)

«Ныне же, брате добролюбивый[*], о местах наших и законе и свычае нечто повем.

<3.> (*ЧА-5, л. 5*)

Ныне же, брате добролюбивый, о [местах наших и законах] / о {жительстве} нашем и законе {же} и свычаях [нечто повем], {и о святынях [неизреченных] / {сокровенных} нечто повем}[**].

II

Первоначально это была гл VI. В *ЧА-5 это продолжение гл. I (V); нумерация стихов здесь менялась. Существует восемь вариантов начала этой главы.*

1 <1.> (*ЧА-4.5, л. 32*)

[Лежит наша страна, глаголемая Индея Белая, промеж царств {великих} [языческих[*]] {лжемудрию и бесоноправству приверженных, и гор ледовитых и пустынь} [бескрайних] распаленных.]

[*] *Было исправлено на* добротолюбивый; *затем вставка слога стерта.*

[**] *От* и о святынях *вписано карандашом.*

<2.> *Там же; вариант 2*

[Лежит наша страна, Белая Индея именуемая, промеж великих царств, [суемудрию и] многобожию безбожному {и суемудрию, и чарованию} приверженных, и льдов вечных на горах подоблачных, и пустынь [пещи подобно распаленных] / {распаленных[**]} [яко пещь / огненней] пещи подобных огненней.]

<3.> (*ЧА-4.5, л. 34*)

[Лежит наша земля, Белая Индея именуемая, промеж языков, многобожию безбожну и мечтанию мысленну приверженных, и льда вечного по хребтам горным, и пустынь, аки пещь огненная, распаленных.]

<4.> (*ЧА-4.5, л. 35*)

Лежит наша страна, Белая Индея именуемая, промеж языков, многобожию безбожну и высокопарению мысленну {и чарованию} приверженных, и горных гребней ледовитых, и пустынь, аки пещь распаленных.

<5.> (*ЧА-5, л. 3об.; карандашом, зачеркнутое*)

[Лежит наша страна, глаголемая Белая Индия, промежду языки неверными и богозданною гор снежных и пустынь, яко пещь распаленных, заградою.]

<6.> *Там же; карандашом*

Лежит наша страна, глаголемая Белая Индия, промежду языки идолопоклоннически и заградою первозданною льдов горных и пустынь, аки пещь распаленных, яже ны аще ли же от меча Бахметова, аще ли от раздора христианска заграждает.

<7.> *Там же. Л. 5об.; карандашом*

Лежит наша страна, прозываема в молве Белая Индия, промежду языки идолопоклоннически и заградою вековечною льдов горных и пустынь, аки пещь, распаленных, яже нас и от меча Бахметова, и от раздора христианска заступает.

<8.> *Там же. Л. 5; до карандашной правки это был стих 16*

Лежит наша страна, [Белая Индея именуема,] / {глаголемая Индея Белая}, промеж языков, многобожию безбожну и высокопарению мысленну и чарованию / чаромутию приверженных, и горных гребней ледовитых, и пустынь, аки пещь распаленных.

[*] *Стерто; далее стерто еще два слова.*

[**] *Исправлено; было:* воспаленных.

2–3 В *ЧА это стих 2.*

[И те {хитрые} нехристи всею громадою воевать нас не смеют, [достославную] памятуя [оборону] нашу от Чингизхана могучего / [{достославный}] / [{древний ратный}] памятуя {отпор} [против / против <?>] / памятуя {отпор} наш Чингизхану {мощный} и равночестную с ним мировщину.]

<1.> (*ЧА-4.5, л. 32*)

<2.> *Там же*; *вариант 2*

[И те языки [языческие ни] / {ветхие ни совета} и согласия [{вкупе}], ни духа воинского не имуть, и [сопротив <?> полком] {вкупе} воевать нас не смеют, памятуя [достославный] отпор наш Чингизхановым полчищам и равночестную с Великим Моголом {глаголемым} мировщину.]

<3.> (*ЧА-4.5, л. 34*)

[И тех языков царства ветхие ни духа воинского, ни согласия не имут, и купно противу нас ничтоже могут, зело убоявшися некогда отпора нашего Чингизхану, воителю непобедимому, и равночестной с Великим Моголом глаголемым мировщины.]

<4.> (*ЧА-4.5, л. 35*)

Начало как в <3.>, далее

противу нас подвинуться не помышляют, убоявшися некогда отпора нашего Чингисхану непобедимому, и равночестной с Великим Моголом глаголемым / глаголемым Моголом мировщины.

<5.> (*ЧА-5, л. 3об.*; *карандашом, зачеркнуто*)

[Языци же тии, искони многобожию безбожну и высокопарению мыслену, еще же и чаромутию, привержени суще, ни духа воинска, ни согласия не имут.]

<6.> *Там же*; *карандашом*

От языков же онех заграждения не имамы, ниже взыскуем; искони бо многобожию безбожну и мудрованию превыспренно (*текст обрывается*)

<7.> *Там же. Л. 5об.*; *карандашом*

От языков же онех заграждения не имамы, ниже взыскуем; искони бо многобожию безбожну и мудрованию превыспренну (*текст обрывается*)

<8.> *Там же. Л. 5*; *до карандашной правки — стих 17*

И тех языков царства ветхие ни духа воинска, ни согласия не имут, и [купно] / {вси скопом} противу нас подвигнуться не помышляют, убоявшися некогда отпора нашего Чингисхану непобедимому и равночестной с Великим Моголом мировщины.

4 *Во всех вариантах ЧА-4.5 это стих 3.*

<1.> (*ЧА-4.5, л. 32*)

[Набеги же и вторжения особь и розно творят, и [так] те полчища мы стрелков наших [силою] / {строем} и конницею и варваров свирепых и [в бою искусных прогоняем в степи палящие] [подмогою] / {яростию} в степи ли, в горы ли прогоняем.]

<2.> *Там же*; *вариант 2*

Набеги же и [вторжения] / {нашествия} особь и розно творят,

Далее вырван лист.

<3.> (*ЧА-4.5, л. 34*)

[Набеги же соседские и вторжения зарубежные особь и розно творят, и те полчища мы пешим строем и конницею и варваров свирепых подмогою за степи восточные и горы полуденные прогоняем.]

<4.> (*ЧА-4.5, л. 35*)

Набеги же разбойничьи и вторжения зарубежные особь и розно творят; и те полчища мы пешим строем и конницею и варваров свирепых подмогою за степи восточные и перевалы южные прогоняем.

<5.> (*ЧА-5, л. 5*; *до карандашной правки — стих 18*)

[Набеги же разбойные и] {Неминучие же [при] самочинных владык соседских} вторжения [по окраинам] {и опустошения порубежные} особь и розно творят; и те полчища мы пешим строем и конницею / кон{скою силою} и варваров свирепых подмогою за степи восточные и перевалы южные прогоняем.

5 <1.> (*ЧА-4.5, л. 35*; *стих 4*)

В нарочитых походах и сам военачальствую, бой озирая и лук напрягая с башни скородвижной, на хребтах носимой упрягом слонов белых, а тигры мои и парды, укротителями спущены, {округ прядают и} вражью обставшую рать устрашают.

<2.> (*ЧА-5*; *до карандашной правки — стих 19*)

В нарочитех походах и сам военачальствую, [бой озирая и] / {поле битвы озирая и} (*далее как в <1.>*)

6 <1.> (*ЧА-4.5, л. 35*; *стих 5*)

Так не корысти ради, ниже в обиду соседям воинствуем; но и в мирные времена опасно ходим.

<2.> (*ЧА-5*; *до карандашной правки — стих 20*)

Было как в <1.>; воинствуем *зачеркнуто*, *вписано карандашом*: на брань ополчаемся

7 <1.> (*ЧА-4.5, л. 35; стих 6*)
Перелазит заставу горную и к нам приблудитися тщится исчадие сатанинское: гимнософисты, сиречь — наго-мудрецы, рекомые, бесстыдства и беззакония и конечного отчаяния учители, и кудесники, очей обаятели, и блудоведцы, естества извратители,

<2.> (*ЧА-5; до карандашной правки — стих 21*)
Перелазит заставу горную и к нам приблудитися ищет исчадие [сатанинское] / {неприязненное}: гимнософисты, сиречь наго-мудрецы рекомые, бесстыдства и беззакония / без{началия} и [конечного отчаяния] / {безнадеждия} учители, и кудесники, очей обаятели и блудоведцы / блудо{учители}, [естества извратители,]

8 <1.> (*ЧА-4.5, л. 35; стих 7*)
И пламени, из недр бьющего, поклонники, бесонеистовым в ночи плясанием преисподней власть и геенский огнь мрачный мнящие славити, охулители стихии чистой, — и иные всяческа толка слуги диаволовы.

<2.> (*ЧА-5; стих 7, до карандашной правки — стих 22*)
Начало как в <1.>, далее
геенский огнь мрачный [{умыслившие}] мнящие славити, похулители стихии (*далее как в <1.>*)

9 <1.> (*ЧА-4.5, л. 35; стих 8*)
Ловит народ душегубителей и заводит в дебри глухие и пропасти безысходные, белу волку (люди молвят), лжам судии, во снедь, и единорогам белым, целомудрия стражам, на прободение, и коршунам белым, огня ревнителям, на поклевание.

<2.> (*ЧА-5; до карандашной правки — стих 23*)
Было как в <1.>, затем безысходные *зачеркнуто, карандашом вписано*: земли.

10 <1.> (*ЧА-4.5, л. 36; стих 9*)
Из пустынь же упомяну токмо сухое море над полем столп Вавилонского и <*стерто 2 слова*> реку, в то море текущую и не иссякающую, песка сыпучего, ветрами волнуему и стремиму в русле безводном.
Далее идут стихи 10—17 — текст, который перешел потом в следующую главу.

<2.> (*ЧА-5*)
Столько о соседской докуке [{плакался}] / {Но уже досыта аз} о соседской докуке [{плакахся}] / Но уже досыта аз соседской докуки {ради плакахся; надежнее нас пустыня оберегает}. Из пустынь же [у] помяну [токмо] сухое море над [полем] / {равниною} столпа Вавилонского (*далее как в <1.>*)

11 *ЧА-5 (стих 10, до карандашной правки — 25)*:
И сие диво поныне видимо; об иных же пустынях, и землях, за ними лежащих, молва идет по преданию ветхому, и таков ли и поднесь образ оных, не вем.
После правки там же:
И таково диво странники видели о других же пустынях, и землях за ними кромешных, разное бают странники перехожие по преданию ветхому, аз же не известихся.

12–15 <1.> (*ЧА-4.5, л. 37; стихи 18—19*)
18 (*с абзаца*) О иных пустынях* {[запустелых] / {и} землях, за ними лежащих} молва идет по преданию ветхому: инде мнят жен наездниц царство лежит / жены наездницы {обитают и} паленицам воительницам [повинуются] / {послушествуют}, инде же мужи, один глаз во лбу имущии, а другой на темени, инде же пигмеи кроткие, ростом невелички, аки младенцы малые, земледелы же добрые, налетают на них [вран<ы>] птицы поклевучие и [истребляют их, убивают] их беззащитных губят.
19 (*с абзаца*) Овии же, идет молва, из них / Овии же из них, идет молва, на тех птиц охотиться снаряжаются {палицами железными} [и возвращаются с добычею,] но [то] / {как} о том известия не вем, [и] о нашей стране поведу речь. [Но] унее {же} Платону [многогла<големому>] / Платон за меня [скажет] / {поведует}, он же, остров атлантов, Посидоний именуемый, [как изограф пишет] показывает.

<2.> (*ЧА-5, л. 8; перечеркнутый карандашом стих 26 по первоначальной нумерации*)
[Инде, повествуется, жены наездницы воинствуют, предводимые царицами паленицами; инде же люди живут, один глаз во лбу имущие, а другой в темени; инде же и Кинокефалы рекомые, сиречь псоглавы, и [{Китоврасы [глаголемые, или] / {сиречь} Полканы, полу-мужи сущи, полу-кони, и Пигмеи малые, ростом аки младенцы лет пяти,}] и Пигмеи малые, земледелы кроткие, часто от птиц долгоклювых изгубляемы, [аки мыши полевые], {противу коих станами выступают храбры}. И сие тако молвится[,]{; а сколь в том правды, сколько вымысла, не сужу}]
В *ЧА-5 это стихи 11—13, в варианте <4.> — 11—14.*

<3.> (*ЧА-5, л. 7об.; карандашом*)
[(*с абзаца*) Инде, повествуется, жены наездницы воинствуют, предводимы царицами паленицами; инде же исполины живут, один глаз [на] /

---

* пустынях *было зачеркнуто, затем восстановлено.*

{в} челе имущие, другой в темени; {12} инде же и Кинокефалы, сиречь псоглавы, и полканы, полу-мужи сущи, полу-кони; {13} инде же и пигмеи, ростом, аки детца малыя, земледелы кроткие, от птиц долгоклювых изгубляемы, еда же в пещерах каменных не запрячутся]

От слова еда *стерто; далее стерт стих*:

12 (*с абзаца*) И сие тако в народе молвится; а что̀ в том правды, не испытах, не исследовах.

<4.> *Там же; стихи 11–14; стих 11 вписан поверх стертого*

11 (*с абзаца*) Инде, повествуется, амазоны-воительницы за царицами-вождевицами на конях ристают и мужей покоряемых истребляют; инде же исполины лютуют, один глаз во лбу имущие, другой в темени;

12 (*с абзаца*) Инде же и Кинокефалы {живут}, сиречь Псоглавы, и Полканы, полу-мужи сущи, полу-кони;

13 (*с абзаца*) Инде же {и} Пигмеи, ростом аки детца малыя, земледелы кроткие, от птиц долгоклювых, долгоногих / долгоногих, долгоклювых изгубляемы, [по]кровом спасаемы[е] пещерным.

14 (*с абзаца*) И сие тако в народе молвится; а что̀ в том искони мечтание, что̀ и поднесь правда, не исследовах.

Далее не было разделения на главы (*шли стихи 27 и т. д.*). В *ЧА-5 номер главы подставлен карандашом.*

12 *БА, было*

наездницах мужеубийцах, о исполинех, един глаз во лбу имущих, другий же в темени, о Пигмеях меньших, неже детца малая, земледелех

13 *БА*

И елика иная {сего рода} неподобная

14 *БА*

в онех {баснях}

III

В *ЧА-4.5 это стихи 10 и следующие из гл. II; в ЧА-5 — стихи 27 и последующие* (*по первоначальной нумерации*).

1–2 <1.> (*ЧА-4.5, л. 36; стих 10*)

О другой пустыне скажу, от наших краев на полночь простершейся / простертой до гор железных Гога и Магога; в них же Александр, {царь} Македонский, заклятием крепким запер жестокое племя и бесное,

<2.> (*ЧА-5, л. 8; до правки — стихи 27–28*)

1 (*с абзаца*) Достоверное [же тебе поведаю] [{известительское <?>}] о [той] / {иной} пустыне {поведаю}, [что] от наших краев на полночь простирается / простершейся до гор железных Гога и Магога.

2 (*с абзаца*) В том железном кольце, {по преданию от прадедов идущу}, [запер] / {заключил} Александр, царь македонский, [заклятием] / {оклятием} крепким жестокое племя и бесное, воспаляемо в звездные сроки таковою яростию, что само себя в родичах истребляет.

3 <1.> (*ЧА-4.5, л. 36; стихи 11–12*)

11 (*с абзаца*) Воспаляемо в звездные сроки таковою яростию, что само себя в родичах истребляет и пожирает; но чем убийственнее на ся ярятся, тем род их множае распложается.

12 (*с абзаца*) Сберегают их силы небесные на день судный, егда изыдут, по пророчеству, {Гог и Магог} из темницы своей, примучити вселенную.

<2.> (*ЧА-5, л. 8; до правки — стих 29*)

Но [чем] / {кольми} убийственнее на ся ярятся, [тем] / {тольми} род их множае расплождается: [сберегают] / {соблюдают} их [{во очию}] {очевистне (видимо)} силы небесные на день судный, егда изыдут, по пророчеству, из [темницы своей] / {затвора} Гог и Магог, примучити вселенную.

4 <1.> (*ЧА-4.5, л. 36; стих 13*)

Мы же супротив {их} стражбища и остроги по предгорию {по}воздвигали; и когда случится в земле нашей {Божиим} попущением, {бесовым} наущением грех тяжкий и порешат судии народные, что неключим законопреступник и казни достоин, Железные Ворота стеречь его посылают на испытание.

[(*с абзаца*) Достоверное тебе о той пустыне]

<2.> (*ЧА-5, л. 9; до правки — стих 30*)

Мы же супротив их стражбище и остроги / острожцы по предгорию / пригорию [повоздвигали] / {понаставили}; и [когда содеется в земле нашей] {еда} Божиим попущением, бесовым наущением {содеется у нас} грех {нарочито} тяжкий и решат судии народные[,]{:} [что] {«} неключим законопреступник и казни повинен<»>, Железные Ворота стеречь / стеречи его посылают на испытание.

БА

судии народнии {на казнь}

5 <1.> (*ЧА-4.5, л. 36; стих 14*)

[«И нераскаянный убо, увидев на поселении туземцев дерзость и лютость, веселится, и в грехолюбии ожесточается; своих отбегает, {хищников кочевья взыскует} и, прибеглому сильному волку подобно, к рычащей стае, огрызаяся, пристает, и в злотворении {с хозяевами,

чуженин,} стязается, и сожительствует с ними по обычаю зверску сырым мясом питаяся от добычи общей.]

<2.> (*ЧА-4.5*, *л. 36*; *стих 14*, *перебеленное*)

И там убо нераскаянный, видя туземцев дерзость и лютость, веселится, аки саламандра в огне, и в греходюбии ожесточается; своих отбегает, прибеглым волком {огрызаяся}, к рыскучей пристает, [огрызаяся {стае}] новых свояков стае* и [, в злотворении стязаяся,] звериным с ними живет, сыроядец, обычаем.

<3.> (*ЧА-5*, *л. 9*; *до правки — стих 31*)

И там убо нераскаянный, видя туземцев дерзость и лютость, веселится духом и в греходюбии ожесточается; своих отбегает прибеглым волком {пристает}, огрызаяся, к рыскучей [пристает] новых свояков стае и звериным {обычаем} с ними живет [, сыроядец, обычаем.] {и сырым мясом питается, а в ину пору и людоедствует.}

6 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 36*; *стих 15*, *зачеркнуто*)

[«Добрый же, воочию зла узрев образ звериный, в сокрушении сердечном содеянный грех изгасити ревнует.]

<2.> (*ЧА-4.5*, *л. 36*; *стих 15*, *перебеленное*)

Спасаемый же, воочию зла мерзость узрев, содеянный грех изгасити ревнует и с нашею кустодиею противу окаянного племени ратоборствует.

<3.> (*ЧА-5*, *л. 9*; *до правки — стих 32*)

Спасаемый же, воочию зла мерзость узрев, содеянный [{лежащий на душе}]** грех {свой} изгасити ревнует и с нашею [кустодиею] / с нашими противу окаянного племени [усердно ратоборствует / {в поле идет}***] {ратоборствует}.

7 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 37*; *стих 16*)

Мы же по вся лета единожды великие ловы деем по их убежищам и, поелику [не токмо] / {духа силою паче нежели} оружием изощренным [, но паче духа силою дикую мощь одолеваем,] {превозмогаем}, полки связней даве свирепых, под началом же {умным} страшливых и покорливых на воинскую [службу] / {потребу к нам окруживши} уводим.

<2.> (*ЧА-5*, *л. 9—10*; *до правки — стих 33*, *19*)

[И] / {Но втуне} те изверги на крепости наши [втуне] зубами [в злобе] /

---

* стае *было зачеркнуто, затем восстановлено.*

** *Стертая карандашная вставка.*

*** *То же.*

зубы скрежещут; мы же по вся лета великий лов деем по их убежищам и, поелику не столь оружием изощренным, сколь духа силою превозмогаем, связней {звероподобных} полки на воинскую потребу [с собою] в наши земли уводим.

БА, *было*

Но втуне те изверги / извергов {род}

8–10 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 37*; *стих 17*)

И бьются те мужи {дики} в боях изрядно, [и мятежи не воздвизают] {и в станах вои<нских?> не мутят, не мятутся, не бесчинствуют}; [но] / {а} слова Божия {и наставления} не разумеют, и телом хиреют в земле нашей и [немоществуют] даже до истощения смертного; тем убо по [ус] службе единолетней отсылаемы бывают в места свои, да паки живы будут.

В *ЧА-4.5 далее следуют стихи 18—19* (*текст см. с. 441 наст. изд.*).

<2.> (*ЧА-5*, *л. 10*; *до правки — стихи 34—35*)

8 (*с абзаца*) И, — диво [достоино, яко] {пречудное! —} мужи, даве бесов игралища, под началом умным страшливы ходят и покорливы, и в боях бьются [отменно] / {добре}, и в станах не мутят и не бесчинствуют.

9 (*с абзаца*) Наставления же о душе человеческой и о грехе не разумеют, диавола чтуще [за Бога] / диавол{ом отемнены}, и в странах наших хиреют телом, даже до истощения смертного; тем убо по службе недолгой отсылаемы бывают в места свои, да паки {плотию} оживут. {10 (*с абзаца*) Таковой пример смерти духовной поставил пред нам [Бог] / {Господь} воспитания нашего ради и научения и в вере укрепления.}

Последний стих вписан карандашом.

IV

В *ЧА-4.5 это было продолжение предыдущей главы* (*собственно — гл. II*); *в ЧА-5 сперва — продолжение гл. II* (*III*), *затем здесь началась новая глава* (*первоначально III*), *номер которой вписан карандашом.*

1–2 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 37*; *см. стихи 18—19 на с. 441 наст. изд.*)

<2.> *Там же*; *стих без номера — после незавершенного стиха 22*; *начало стиха — в двух вариантах, первый из которых не вычеркнут*

(*с абзаца*) Промеж таковых пустынь {диких} и {славных} оных царств, без Христа живущих,

(*с абзаца*) Промеж {убо} таковаго {запустения и} бесчеловечия и таковаго безнадеждия повапляна {ветхих} царств оных, без Христа {по

Божеству} тоскующих [в славе лжемудренной,] в мудровании лживее и [высокомысленном] / {чудоде<йственном?>} плоти томлении; лежит земля наша, ее-же, мысленно озирая, вспоминаю Платона словеса об острове Посидонии, последнем Атлантиды останке,

<3.> (*ЧА-4.5*, *л. 38*; *стих 36*)
Промеж убо таковаго запустения и бесчеловечия нага и такового безнадежия поваплена [ветхих царств оных] / {мудрости превратной}, без Христа [по Божестве] тоскующих / тоскующей [в мудровании лживе и чудодейном, плоти томлении] / {по Бозе живе}, лежит страна наша, ее же мысленно озирая, вспоминаю словеса Платоновы о Посидонии, [последнем Атлантиды останке] / {пучиною поглощенной}.

<4.> (*ЧА-4.5*, *л. 39*; *зачеркнутый вариант*; *стих 36*)
[Промеж убо таковаго запустения и бесчеловечия нага и оного безнадеждия поваплена [превратной / {издревле совратившейся}] {ко всебожию уклонившейся} мудрости, без Христа тварь милующей, а человека угашающей, богоспасаема / богохранима лежит земля наша, ее же мысленно озирая, вспоминаю слова Платоновы о [Посидонии, взятой пучиною водною] / {незапамятной Атлантиде};]

<5.> (*ЧА-4.5*, *л. 40*; *стих 36*)
Промеж убо таковаго запустения и бесчеловечия нага и оного безнадежия поваплена {мудрости ветхой}, ко всебожию уклонившейся [мудрости] / {и Отца не ведущей}, без Христа тварь милующей, а человека угашающей, богохранима лежит земля наша, ее же озирая, вспоминаю Платоновы словеса об Атлантиде незапамятной:

<6.> (*ЧА-5*, *л. 10*; *перечеркнуто карандашом*; *до правки — стих 36*, *исправлено на* 1)
[Промеж убо таковаго запустения и бесчеловечия нага и оного {безверия и} безнадеж[д]ия поваппленна [мудрости] {богоотметной} ветхой {мудрости}, ко всебожию уклонившейся и Отца забывшей, без Христа милующей]

<7.> (*ЧА-5*, *л. 12*; *карандашом — поверх стертого, перебеленный вариант*)
1 (*с абзаца*) Промеж убо [таковаго] бесчеловечия нага и богоотметного мысли надмения, купно Божий и человека лик упразднивша, крестною силою спасаемся, достояние сущи Господне.
2 (*с абзаца*) И мысленно озирая данный нам в обитание простор велелепный, воспоминаю словеса Платоновы о счастливом том острове, волною морскою покрытом древле.

3–4 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 37*; *стихи 20–22*)
20 (*с абзаца*) «Укрывали остров от хладных веяний горы, коим по высоте и величию не было подобных на земле.

[21 (*с абзаца*) И таково было на нем [всякого произрастания] / всяческой {пищи} изобилие, что и прочим тварям [на горах и высотах и в удолиях и в реках <?>] на всех и на <вся?> в долах живущих, в реках и озерах, долинах <?>, но и слоны [на реках] многоядные, их же на острове водилось множество, находили]
[21 (*с абзаца*) Щедро питала земля всякую земнородную и водяную тварь, и слонов прожорливых стада [бродили] во множестве бродили сыты.]
22 (*с абзаца*) В сих пределах

<2.> (*ЧА-4.5*, *л. 38*; *стих 37*)
«Укрывали остров от {суровых и} хладных ветров горы, коим по высоте и величии не было подобных на земле / на земле подобных. Щедро питала {[на нем] там} [земля] / {почва его} всякую земнородную и водяную тварь, и слонов прожорливых стада во множестве бродили {по острову} сыты. И все благовония[, какими ни услаждается обоняние,] {земли}, и {корни} целебные*, и злаки {тучные}, и деревья, источающие смолы, и плоды {сочные, душистые}, и цветы чудесные, священный остров, тогда еще озаряемый солнцем, рождал в изобилии [неиссякаемом] неискоренимом.

<3.> (*ЧА-4.5*, *л. 39*; *зачеркнутый вариант*; *стих 37*)
[«Укрывали остров от ветров хладных горы, коим по высоте и величии подобных {под солнцем} не было [на земле]. Щедро {там} питала [там почва] / {земля} всякую земнородную и водяную тварь, и слонов прожорливых стада на воле бродили сыты. И всякие, что ни есть, благоухания, и корни целебные, и злаки [тучные], и древеса [, ис<точающие>] смолоточивые, и плоды [сочные, душистые], и цветы [чудесные,] священный рождал остров, тогда еще озаряемый солнцем, в изобилии [неистощимом] / {неиссякаемом}».]

<4.> (*ЧА-4.5*, *л. 40*; *стих 37*)
«Укрывали остров от ветров хладных горы, им же по высоте и величии не было под солнцем подобных. Щедро питала {на нем} земля всякую земнородную и водяную тварь, и слонов прожорливых стада бродили на воле сыты. И всякие, что ни есть, благоухания, и коренья целебные, и злаки, и деревья смолоточивые, и плоды, и цветы чудесные священный рождал остров, тогда еще озаряемый светом солнечным, в изобилии неиссякаемом».

<5.> (*ЧА-5*, *л. 12*; *стихи 3–5*)
3 (*с абзаца*) «Заграждали его», — свидетельствует, — от ветров хладных высочайшие на земле горы.

* *Далее ошибочно не вычеркнуто*: корни.

4 (*с абзаца*) (*Три слова стерты, новый вариант на этом месте не вписан*) корм всякой земнородной и водной твари, и слонов прожорливых стада на воле бродили сыты.
5 (*с абзаца*) И всякое, что ни есть, благовоние, и корни целебные, и злаки добрые, и древеса смолоточивые, и плодов сочную сладость, и цветов красоту священную рождала земля на том острове в изобилии неоскудном».

БА

несеше земля {острова жителем}

5–8 <1.> (*ЧА-4.5, л. 38; стих 38*)
Ныне у нас все сие увидишь и изведаешь — и {обаяешь} благоухания, каких ни в садах царских, ни в палатах пиршественных не обонял, и древес невиданных, смолы {источающих}, и цветов и громов мусикийских говор, и луны днесветлой, солнца соперницы, купно же и тигра лютость, и змей {злость}, и хищных птиц вихревую мощь.

<2.> (*ЧА-4.5, л. 39; зачеркнутый вариант; стих 38*)
[Ныне же [все сие] / {сию нашу <?> благостыню} у нас обретешь и [{впервые}] {исперва} изведаешь: — [и благовония {ароматы}] {и благовония}, их же ни в садах царских, ни в палатах пиршественных не обонял, и {цветов чудесных весну неувядаему, и птиц райских пение в кущах,} и древес невиданных наитие [сны навевающее, и цветов [{чудесных весну неувядающую}] весенних обаяние сладостное,] и птиц райских пение, и громов мусикийских [говор] / {глас} и луны днесветлой [с солнцем соревнование] / солнца {соперницы} [{обаяния несказанную силу}], но такожде и [губителей] пестрохвостов {губителей}, и [злобных тварей] чудовищ чешуйчатых, и вихремощных пернатых хищников [неугасимый] / {изначальный} на Адама согрешившего гнев.]

Далее стих 39 (*см. с. 449—450 наст. изд.*).

<3.> (*ЧА-4.5, л. 40; стих 38*)
Такожде днесь небес благостыню восхвалит к нам пришедый странник, исперва уведевый и благовония, коих ни в садах царских, ни в палатах пиршественных не обонял, и цветов негою обаяющих весну неувядаемую, и птиц райских в кущах древес невиданных пение, и громов мусикийских гласы, и луны днесветлой, солнца соперницы, силу, но, да памятует о немощи своей человек, и пестрохвоста-губителя, и ползучих гадов чешуйчатых, и вихремощных пернатых хищников неумирающий на Адама согрешившего гнев.

<4.> (*ЧА-5, л. 12—12об.; стихи 6—8*)
6 (*с абзаца*) Такожде преизбыточную небес благостыню восхвалит и наших мест достигший путник, впервые испытав и изведав в стране нашей и воздушных веяний ароматы, каких и в [царских; ни в чертогах пиршественных] {царских садах ли}, ложницах ли не обонял, и лугов росных весенний цвет неувядаемый,
{7} (*с абзаца*) И птиц райских (как и в стихе духовном о нашей родине поется) архангельски гласы в сенях ли древес многоствольных, под опахалами ли ваий превыспренних, и громов мусикийских рокот, и луны днесветлой, соперницы Солнцевой, силу.

Далее зачеркнуто начало стиха, который здесь обозначен как 6: «*Во всякое лето...*», *см. с. 450 наст. изд.; затем следует стих 8.*

8 (*с абзаца*) Но да памятует человек о мече пламенном, едемскую сладость преградившем, познáет путник и в сем саду услад изгнания кару: {9} и / И пестрохвоста губителя, и змия удава, и жал смертоносных ужас, и вихремощных воздушных хищников вековечный на Адама согрешившего гнев.

Здесь заканчивается глава.

7 *БА, было*

Ни ликов пернатых слышал пения

9–11 В *ЧА-4.5 текст отсутствует. ЧА-5, л. 11об. — отдельный набросок карандашом; номера стихов те же, что и в БА.*
9 (*с абзаца*) [Не скупа у нас земля] Не терна {убо} и волчцы [{у нас}] изращает, [богатства] / {прельщения} расточает {земля наша} сынам Адамовым; и аще бы не борол ее {в поте лица} труженик, человек, силою своею превозмогла бы над ним и самым изобилием задушила.
10 (*с абзаца*) Мы же неразумному естеству не поклонихомся, в немощь первобытную и деторазумие варварское не впадохом, в {художестве и} умении преуспехом; {плоть смиряем}, духом возвышаемся;
11 (*с абзаца*) И всему сему вождь и глава богомысленный труд добротворный.

9 *БА*

человека {самостояние}

10 *БА*

ни {в} негу

V

В *ЧА-4.5 это окончание предыдущей главы* (*есть только в перебеленном варианте, л. 40*); *в ЧА-5 разделение на гл. IV—V более позднее.*

1–2 <1.> (*ЧА-4.5, л. 39; зачеркнутый вариант; стих 39*)
[Шесть месяцев и боле в году провождаю в [объездах царства и по

всем областям творю] / {путешествии по святыням и градам и селениям царства и творю повсеместно} ряд и лад]

<2.> (*ЧА-4.5*, *л. 40*; *стих 39*)

Шесть и боле месяцев в году путешествую по* святыням и градам и селениям царства и повсеместно творю суды и ряды. На царей жалобы разбираю, не взирая на лица; и которого царя народ не взлюбил, отсылаю к его родичам и другого из оных на того место поставляю, надежного мужа и народу угодного.

<3.> (*ЧА-5*, *л. 12об.*; *это начало стиха идет в гл. IV после стиха 7*; *зачеркнуто*)

[6 (*с абзаца*) Во всякое лето месяцев не менее шести по царству путешествую]

<4.> (*ЧА-5*, *л. 12об.—13*; *здесь сначала был стих 9*, *затем здесь начата глава V*; *номер стиха исправлен*)

1 (*с абзаца*) По всяко лето / По вся лета [месяцев не менее шести] по царству** путешествую, отдаленнейших местодержаний посещая [святыни] и грады людные, и селения уединенные, да всюду известны услышу народа глас и во благовремение сотворю суд и ряд.

2 (*с абзаца*) Жалобы на правителей разбираю, не взирая на лица; и которого царя народ не взлюбил, отсылаю в его вотчину и из родичей его другого на стол сажаю, надежна мужа и советна, Богу и народу угодна.

1 *БА*, *было*

но дальние местодержания

2 *БА*, *было*

и из родичей его

3–6 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 40*; *стих 40*)

И между вечем и старшинами разрешаю несогласия об уставах новых и утверждаю лад [наипаче памятуя, что свободь есть Христа исповедающий дух] предания отчего дух спасая, не букву, и наипаче памяту<я> да свободь есть Христа исповедающий и свободен ходет в дому отчем, [и] свободи<тся> же {от всего} и изыдет вон и возвратится потом <?> / потом <?> возвратится к Отцу. И разно управляются части царства, по своему каждая нраву и обычаю.

<2.> (*ЧА-5*, *л. 11*; *отдельный*, *зачеркнутый еще до карандашной правки набросок*, *границы его нумерации* (*44—47*) *свидетельствуют о том*, *что*

* *Над* по *полустертая вставка*: объезжая <?>; *по-видимому, планировалась правка*: объезжая святыни *и т. д.*

** по царству *было зачеркнуто*, *затем восстановлено.*

здесь могли быть вырваны листы; *стих 47 зачеркнут уже при карандашной правке*)

[44 (*с абзаца*) И вечевые распри, и между міром и старшинами споры об уставах новых и [разумной] {обветшалого} премене обычая разрешаю научением и убеждением {и тако: лад утверждаю}, да не препну духа жива,

45 (*с абзаца*) Тщася предания отчего дух спасати, не букву харатейную и выну твердя в совести моей, яко свободь есть Христа исповедующий и свободен ходит в дому Отчем, аще ли же и вон изыдет, паки возвратится в дом. И разно управляются части царства, по своему каждая нраву и навыку.]

<3.> (*ЧА-5*, *л. 13*; *стихи 3—5*)

3 (*с абзаца*) Распри вечевые и новины со стариною споры о премене устава ветхого решаю по совести и предузрению, умиряя стязающихся увещанием и научением и того наипаче блюдяся, да не препну духа жива.

4 (*с абзаца*) Лик отцев спасая в памяти предания [{стародавнего}]* жива, а не личину истлевшую, и непрестанно [памятуя] / {о том помышляя}, яко свободь всяк во Христа крестившийся и свободень ходит в дому Отчем.

5 (*с абзаца*) И разно управляются части царства, по своему каждая нраву и свычаю; но аще и разнствуют образом жития, равне о единстве крепком ревнуют {и о соборном согласии} богозданного строя.

3 *БА*, *было*

не препну

5 *БА*

и {на Христов лик взирая,} ~ речено есть {о Христу верным}

7–9 <1.> (*ЧА-4.5*, *л. 40*; *стих 41*)

Празднуют пришествие мое игрищами и состязаниями юношества в беге и ристании и [прыгании] прядании и копьеметании и в борьбе и в стрельбе и в искусствах мусикийских.

<2.> (*ЧА-5*, *л. 11*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 46—47*; *в стихе 47 — правка карандашом*, *он зачеркнут уже после этой правки*)

[46 (*с абзаца*) Празднуют же, веселяся, люди пришествие мое игрищами и состязаниями юных в беге и ристании и прядании и копьеметании, и в борьбе, и в стрельбе, и в искусствах мусикийских.

47 (*с абзаца*) И отборных юношей и дев увожу с собою, родителей убедив и одарив, в серединную землю, изощрения ради и совершения

* *Стертая вставка.*

в науках и художествах и богомудрии и [житии] / {деянии} духовном, [по призванию и дарованию, {проявившемуся несумненно} в душе юной] {по дарованию врожденну и призванию влекущу}.]

<3.> (*ЧА-5, л. 13–13об.*; *стихи 6–10*)

6 (*с абзаца*) И веселятся люди о пришествии моем, а даров нести мне не смеют, сами от меня одаряемы. И правят мне в потеху игрища всенародные, и зрелища, и лицевые действа.

7 (*с абзаца*) И [возвещаются глашатаями состязания юных] {юности состязания} в беге и ристании и прядании и копьеметании, и в борьбе и стрельбе, и в хорах и пляске, и в {иных} искусствах мусикийских.

8 (*с абзаца*) {Аз же} творю юных избор, и по испытании отборных юношей и девиц с собою увожу, родителей убедив и одарив, в серединную землю изощрения ради и совершения в науках {ли} и словесах книжных, в рукомеслах {ли} и в художествах;

9 (*с абзаца*) {Такожде убо в} любомудрии, и в богомудрии, и в делании умном: {на свой} каждого путь {направляя} по дарованию прирожденну и призванию влекущу.

10 (*с абзаца*) А о серединной земле, юже на последи помянух, особь скажу.

8 *БА*

Наипаче {же} поощряю

VI

В ЧА-4.5 на л. 41 только один стих (*причем зачеркнутый*) *относится к этой главе, там это был стих 42 гл. II*; *далее есть другие варианты* (*также из гл. II*) *с разной нумерацией*: *51–55*, *49–55*, *49–50*; *в ЧА-5 первоначально это была гл. IV*.

1 <1.> (*ЧА-4.5, л. 41*; *зачеркнутый вариант*; *стих 42*; *часть правой стороны вверху утрачена* (*край листа оборван*), *лакуны частично поддаются восстановлению*)

[[Нисходит] / {Окропляет незримо} роса небесная [на] серединную землю, и [почиет на ней] мир Господень {на ней опочил}. Нет в ней ни зверей лютых <ни змей> ядовитых, ни произрастаний смертоносных, и [прочь] / {далече} бежит < > всякий питающий злое изволение в сердце своем, [люди же] < > добролюбцы же паломниками приходят во множестве на < > и возвращаются обрадованными и укрепленными в селения свои.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 43*; *зачеркнутый вариант*; *стих 49 — в двух вариантах*)

[49 (*с абзаца*) Благословенна свыше [земля] земля наша серединная

перед всеми {другими} частями царства; [и] свидетельство же тому: не [водятся] / {рыщут} в ней звери лютии, не полз<ают>

49 (*с абзаца*) Благословенна земля наша серединная превыше других частей царства. Свидетельство же тому: [не рыщут по лесам и зарослям ее] не лютуют в ней звери рыскучие, не ползают змеи ядовитые, ни злак не растет смертоносный.]

<3.> (*ЧА-4.5, л. 45*; *стих 49*)

Благословенна земля наша серединная превыше других частей царства. Свидетельство же тому: не [водятся / {рыщут}] водятся в ней звери лютые, [не ползают] ни {злые удавы, ни} змеи ядовитые, [и земля] {не растет} и зелие смертоносное [не растет].

<4.> (*ЧА-5, л. 14*)

1 (*с абзаца*) Ущедрена свыше земля наша серединная пред всеми частями царства. Свидетельство же тому: не лютятся / лютуют в ней звери дивии, не пресмыкаются гады ядовитые, ни лихо зелие не растет.

2–3 <1.> (*ЧА-4.5, л. 43*; *стих 50 — в двух вариантах*)

[50 (*с абзаца*) А произрастают [в ней едино] / {по холмам ее} виноградие и {древо} масличное, столь изобильно, что и от избытка ее

50 (*с абзаца*) А [возращают] / {веселятся} холмы ее лозою виноградною и древом масличным, и от избытка ее другие части царства всяческими и невиданными [земли] инде земли произрастаниями богатыми, [в достатке] опричь сих двух, благопотребные плоти вино и елей.]

<2.> (*ЧА-4.5, л. 45*; *стих 50*)

Но веселят холмы ее [лоза] / {едино лоза} виноградная и древо масличное, и посылает она от избытка [своего в другие части царства всяческими земли произрастаниями, опричь сих двух, богатые] {всему царству довольно} вино и елей.

<3.> (*ЧА-5, л. 14*)

2 (*с абзаца*) Но тучнеет в ней по крутодолам окольным древо масличное; веселит холмогория добре возделанные Вакх {первовиноградарь, а по нашему Ной, мест} сих древний гость; и от избытка ее не скудеют и на дальних торжищах вино и елей.

Далее знак — вставки; *следующий стих — после знака вставки*, *с л. 13об.*, *см.* *с. 452 наст. изд.*

2 *БА*

Вакх ли, {у Еллинов славимый,}

3–13 <1.> (*ЧА-4.5, л. 42*; *стихи 51–55*)

51 (*с абзаца*) Обтекает серединную землю река эфирная и [лазурью] синевою небесною ее ограждает. И той реки истоков никто не видел

и не знает, откуда стремительного потока зачинается коловращение, старцы же слыхивали {в ранние годы от пращуров}, что истекла та река из райской реки Фисон, в Писании упоминаемой и по грехопадении Адамовом взятой под землю.

52 (*с абзаца*) [Не вода] {И} тою рекою {не вода} течет, но некий тонкий лазоревый пламень, человека не [палящий и не луч] / {опаляющий и не} сожигающий, [и не] но весь состав его немучительно проницающий {и оживляющий} и всякую в нем истребляющий нечисть и немощь; и сух выходит на берег перешедший [в брод] глубокую бродом реку сию, но в новые хочет облещися одежды, нечисты мнятся ему те, кои на том берегу окажутся.

53 (*с абзаца*) Течет река Фисон в ложе широком и глубоком по нехоженому полю, часто усеянному [разным<и>] камнями самоцветными и речным жемчугом; их же [служки] послушники наши [освященные] на дне собирают ради украшения святых Божиих церквей и {ради} сокровищниц наших обогащения, щедро награждающие за дни благие. Кто же хищения ради нырнуть в реку дерзает, мертв обретается [на то<м>] об-он-пол.

54 (*с абзаца*) Стоит на том берегу башня великая, и на поприще от нее другая башня, обе с вратами широкими, едина мужам уготована, а едина женам, входящим в серединную землю, а перед каждою башнею стоит брод, покрытый большим ковром и <*1 нрзб.*>[*] висит над землей, и переходит тем бродом в землю серединную великое множество людей, и на всех у нас припасены одежды.

55 (*с абзаца*) Овии же войти в реку духа не имуть, и отходят, дабы постом и поклонами очиститься.

На обороте — черновик письма к М. Харари от 20 августа 1946 г. (*начало*); *далее вырван лист.*

<2.> (*ЧА-4.5*, *л. 45*; *стихи 51—53*)

51 (*с абзаца*) И далече отбежит от нее всяк имый злое изволение в сердце своем; доброЛюбцы же и ко святыням паломники во множестве стекаются на гостеп<риимное> наше радушие и возрадованные возвращают<ся> в домы свои.

52 (*с абзаца*) Обтекает серединную землю по краю лазорева<я> река Фарнас и коловращением стремительным {чистой} стихии горней ее ограждает.

53 (*с абзаца*) И никто не знает реки той истока, повелось же от пращуров предание, что {дыханием движима} райской реки Фисон, по грехопадении Адамовом взятой под землю

[*] *Слово почти стерто.*

54 (*с абзаца*) (*текст обрывается*)

<3.> (*ЧА-5*, *л. 13об.—15*; *стихи 3—12*)

[3 (*с абзаца*) Явно же и силы небесной чудо неслыханное невиданное округ земли серединной ограждаемо кольцо.]

3 (*с абзаца*) Опоясана серединная земля выну-действенным чудом: непрестанное силы небесной окрест движение богохранимую остеняет.

4 (*с абзаца*) [Обтекает] / {Овевают} [всю серединную землю] {ветры рея} в ложе глубоком [сребродонном] не вод живых реянье кружное, без устья, без истока {самотечное,} но некоего ветра [не воздушного] / {премiрного} ток быстровейный и коловращением стремительным стихии горней, ее же невозможно смертному вдохнув не умрети, аки твердыню непрелазный ров, ограждает.

4 (*с абзаца*) Повелось от пращуров имя потоку: Фисон. Ведомо же из Книги Бытия: изливалась Фисон-река из Едема в страну, иде же бе злато и бдолах и оникс.

5 (*с абзаца*) Мнят убо: и поднесь дыхание струй едемских, под землю ушедших по изгнании Адамовом, сквозь расселины коры каменной благословенные пажити овевает.

6 (*с абзаца*) И в подкрепление тому приводят злата и камения самоцветного добычу, за нею-же старцы наши, дыханию повелевати обыкшие в делании умном, с лопатами, сходят на пески среброзарные, сокровище ископати ищучи на украшение святых церквей.

7 (*с абзаца*) Аще ли кто хищения ради на дно снидет, изметает того на сходище вихрь ефирный задохшася.

8 (*с абзаца*) Зане бурно дует в полом русле широком и светлом, хлад ли некий тонкий, огнь ли безвидный, беспламенный, {безболезненный,} насквозь проницающий весь состав человека и изжигающий в нем всяческую немощь и нечисть, даже до испепеления плоти растленной.

9 (*с абзаца*) И видят [{душевным}][*] пришельцы, {душевным оком воззревше / душевным воззревше оком}, со ступеней широких над бродом нисходящую белую лествицу, овие [{душевным оком узрят}][**] в синеву прозрачну, овии в облак багрян, овии же в кипь яропламенну.

10 (*с абзаца*) И простие сердцем, осенившися крестным знамением, небоязненно досягают брода и, погрузившися по шею в поток ветреный, веселыми ногами восходят на оный брег, уцеленные и обновленные.

[*] *Стертая вставка.*
[**] *То же.*

11 (*с абзаца*) Иные же, прежде прохождения воспомнивши грехи, содеянные ими мысленные, в безмолвии прочь отходят говения ради и покаяния и, устроивши душу, с миром возвращаются и бодро на он пол преходят, возрадованные о спасении.
12 (*с абзаца*) А иных не пускает бес к переправе, но мучит их ужасом и яростию, и трясет, и корчит, и бьет о ступени каменные; и замертво те одержимые ближними уносимы бывают.

Далее, на л. 15об., вычеркнуто четыре стиха: они приведены в вариантах следующей главы (см. ниже).

9 *БА*
состав человека {и} всякую

VII

1–9 <1.> (*ЧА-5, л. 15об.*; *зачеркнутые стихи 13–16 из гл. VI*)
[13 (*с абзаца*) Обитаема же и возделываема серединная земля общежитиями семейств христианских, даром Божиим и братии Христовой добром почитающих всякое достояние и своим не называющих того, чем владеют.
14 (*с абзаца*) И повсюду обретают в ней гости пришлые привет братский и ласку, и приют и пропитание, кии же и приселиться хотят, в общины приемлются труда праведного и трудовой благостыни.
15 (*с абзаца*) И не токмо хожеными тропами удобе гости путешествуют к лаврам нашим, иконами чудотворными и иными силы Господней явлениями прославленных и художества лепотою украшенным, якоже невеста пред женихом украшается убранством брачным;
16 (*с абзаца*) Но и в нелюдимые яруги забредший странник нечаянное находит пристанище и укрепление в частых пустынькак и вертепах отшельничьих и в неприметных оку прохожего церквах подземельных.]
<2.> (*ЧА-5, л. 16–16об.*)
1 (*с абзаца*) Любовь и ласку повсюду пришельцы видят: всем / все / всем постлано ложе и стол накрыт [{находят}] по городам в богатых странноприимницах, на селе в общежитиях сельских.
2 (*с абзаца*) Возделывается серединная земля союзами семейств христианских, и живут те союзы в общении труда и прибытка.
3 (*с абзаца*) Иные же и всякое имение общим Христовой братии достоянием почитают и своим не называют, чем кто владеет.
4 (*с абзаца*) И просятся из пришельцев некоторые к нам приселитися; множайшее же число, крепости и утешения набравшися, возвращаются в домы свои.

5 (*с абзаца*) И не токмо по большим дорогам и по тропам хоженым удобе гости путешествуют к лаврам нашим, иконами чудотворными и художества лепотою прославленным;
6 (*с абзаца*) Но и в глухие яруги забредший путник нечаянное обретает пристанище в частых пустынькак и вертепах отшельничьих и в неприметных оку церквах подземельных.
7 (*с абзаца*) Возлюбил народ наш церкви пещерные и клиров гласы, к Солнцу Правды возносимые из недр глубинных, идеже праведные / {тела} праведных почивают, и свеч запрестольных мерцания под [навесом] / {сводами} скал издолбленных.

10–14 *ЧА-5, л. 16об. – 17*; *стихи 8–12*:
8 (*с абзаца*) Дневные же церкви неисчетные, где ни раскинулось раздолье ровное, на солнце играют искрометными ма́ковицами, пестроцветными, подобными плодам баснословным посреде вертограда земного.
9 (*с абзаца*) Наивяще чтутся в земле серединной Фомина лавра, рекомая Белая, в ней же мощи [почивают] / {хранятся} Фомы апостола, Индии спасение благовестивша.
10 (*с абзаца*) И с трепетом входят в [ограду] / {стены} ее люди, глаголюще: «Аще кто лжец есть, в стенах сих незапною смертию умрети имать».
11 (*с абзаца*) Такожде со страхом Божиим, яко под некое осенение тайны, вступают вернии и во храм столпный Матери Божией и Ивана Богослова, что̀ над скитом запечатленных.
12 (*с абзаца*) Встроены во храм тот, на скале* выспрь возведенный, семь церквей: три церкви подземные и четыре надземные: и в преисподнюю церковь, Воскресенскую, и в верховную, Успенскую, токмо Запечатленным доступ, о них же особне скажу.

11 *БА*
стоит {Данилов} скит

14 *БА*
есть {кремлевый}

VIII

Черновые варианты начала главы:
<1.> (*ЧА-5, л. 17*; *зачеркнутый вариант начала главы*; *стихи 1–2*)
[1 (*с абзаца*) Близ воздвиглися столпостены {из камня} порфирна

* *Далее вырезана страница.*

[камня] / {сложены}, садов моих неисходимых и палат высоковерхих ограда.
2 (*с абзаца*) И белеется за стенами окрай {палат} башня исто́нчена [из] кости слоновыя, сопряженная с храмовою скалою переходом беломраморным на устоях дуг крепкозданных.]

<2.> *Там же. Л. 37*; *зачеркнутый вариант*, *без номеров главы и стихов*; *вписано поверх стертых шести строк*
[(*с абзаца*) Есть посреде
(*с абзаца*) Лежит промеж моими хоромами и парками царей
(*с абзаца*) Высится посреде царствующего града нашего громада камня чермна от предь стремна сзади отлога]

<3.> *Там же. Л. 37об.*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 1–3*
[1 (*с абзаца*) Возвышается, промежду лежаща, над стенами садов моих и {стеною} теремов царских скала протяженна, камене [цветом] чермна, верху плоска, сзади отлога, от предь [стремна] же с езера едущу видится стремна.]
[1 (*с абзаца*) Возвышается над стенами садов моих и садов царских, промеж обема воздвигшися, скала протяженна каменя чермна, верху плоска, отпредь, с езера видима, стремна, сзади отлога.
2 (*с абзаца*) И на высоте тоя скалы, кремля каменна, двор гладок, и лепо остолплен, и ступени мнози ведут нань из града {двумя всходами} по склону отлогу, из тоя же скалы истесаны и мрамором обставлены стоборием.
3 (*с абзаца*) А посреде двора храм оный [столпный] выспрь поднят аки столп витой о пяти пряслах, в основании обхода по кругу великий; уступы уметообразными кверху [съу] съужайся до главы шлемныя, златоверхий крестозарн<ый>]

<4.> *Там же. Л. 38*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 1–3*
[1 (*с абзаца*) Воздвигается над столпостенами моими и троих царей, промежду [воздвигшийся] {обема лежащи}, скала велия [камени] чермна, длиною протяженна, верху плоска, сзади отлога, отпредь, с езера {идущу} видится стремна. И
2 (*с абзаца*) И на высоте [тоя скалы] {тоего} кремля незыблема уравнена целина каменная и двор гладок [ширится] / {лежит} [и] лепо остолплен, снизу же от стогн града ведут нань [ступени многи] двема всходы по склону отлогу / по склону отлогу двема всходы ступени [многи] / {широкие}, из тоя же скалы истесаны и [стоборием] / {столпами} мраморными [ограждены] обставлены.
3 (*с абзаца*) А посреди двора выспрь поднимается храм оный, столпу подобен витому улитообразно, о пяти пряслех, у подножия [зело велик] обходом по кругу зело велик, кверху сужаяйся уступами до главы [шлемовидной] / [{очищен<ной> <?>}] / {шлемной} златом неоцен<енным> <?> крытыя, крестоверхия.]

<5.> *Там же. Л. 38*; *стихи 1–2*
1 (*с абзаца*) [Возвышается над столпостенами] / {Возносится превыше} столпостену садов моих и теремов царских, [промеж] / {между} обема лежащи, скала {камена} чермна, верху плоска, сзади отлога, отпредь с езера идущу видима стремна, акрополь, сиречь кремль, есть града державного.
2 (*с абзаца*) Уравнено бысть повершие острогато [целина дика] и двор по скале [чермной] [{склонной} <?>] {целой} простреся гладок, [окрай] лепо остолплен; и ведут нань от стен градских двема всходома по склону отлогу ступени многи, из тоя же скалы чермныя истесаны и [мраморным] столпием мраморным обставлены.

<6.> *Там же. Л. 38об.–39*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 1–5*
[1 (*с абзаца*) Вознесена превыше столпостену садов моих и теремов царских, между обема лежаща, скала велия камене чермна, долготою протяженна, верху плоска, сзади отлога, отпредь с езера идущу видима стремна, акрополис, сиречь кремль, есть града нашего священнодержавного.
2 (*с абзаца*) Уравнено бысть повершие целены каменныя, и [скала острогата] соделася [верху] {остогато темя} двор гладок, лепо остолплен; [и] / {а} ведут [{же}] нань от стогн градских двемя всходома по склону отлогу ступени многи, из тоя же скалы чермныя истесаны и столпием мраморным обставлены.
2 (*с абзаца*) Уравнено бысть повершие острогато и соделася двор гладок, и ведут нань от стогн града двема восходома [лествицы широки] по склону отлогу лествицы широкия, из тоя же скалы чермныя источены и мрамором белым лепо обложены.
4 (*с абзаца*) А посреде двора храм оный соборный воздвижеся, столпу подобен улиты завоями <?> извиту о шести пряслех над нижнею церковию круглою и превеликою выспрь сужаяйся уступы широкими до подглавия столпна и клобука, {шелома островерха, чешуею} червонною {крыта} крестовного.
5 (*с абзаца*) И коеждо прясло свою церковь вмещает; седмь убо церквей суть в соборнем храме надземных, две же и подземных, в недрех скалы иссеченных; и нижний от надземных Благовещения, верховный же Успения.]

<7.> *Там же. Л. 39–39об.*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 1–4*
[1 (*с абзаца*) Рдеется [во озарении солнечнем] {возсиявшу [явлене] солн-

цу}, превыше столпостен моих и теремных царских промеж обема*
[{посреде обеи<х>}] вознесена, скала велия, единокаменна, руды чермныя, в долготу протяженна, верху плоска, {не крута} сзади отлога, опредь же [с востока идущему путнику видима] {лучем утренним прямо стоящи} стремна.
2 (*с абзаца*) Вышеград {гречески акрополис}, еже есть сказаемо кремль, именуем место сие, [еже есть сказаемо срединныя [{суще}] темя града священнодержавного] природное суще {столицы нашея} темя.
3 (*с абзаца*) Егда же и человека труд к тому приложися, {в лепоту [украсися запустение] пременися дикость,} стропотная скала преложишася в правая, и бысть повершие острогано в двор гладок от края стремнинна до края, [сквозною мраморною огражден] / {сквозным окладен мрамором} с прозором.
4 (*с абзаца*) И лествицы нань широкие ведут от стогн градских по склону двема восходы, из тоя же скалы чермныя источены и стоборием мраморным многоцветным остолплены.]

<8.> *Там же. Л. 40–40об.*; *стихи 1–5*
1 (*с абзаца*) Рдеется возсиявшу солнцу, превыше столпостен моих и теремных царских посреде обою вознесенна, скала велия, единокаменна, руды чермныя, в долготу протяженна, верху плоска, [сзади от стогн градских / {сзади}] {из средоградия} восходящим удобоприступна, отпредь [стремна] {с езера приближающимся прямостоящи стремна}.
2 (*с абзаца*) Вышеград, гречески Акрополис / Акрополь, именуем темя сие, {Кремль бо есть}, [еже есть царства нашего / {рекше державы} нашея незыблемый кремль] самозданный.
3 (*с абзаца*) Жесток бе камень, обаче прадедов <*далее стерта строка*> скалы повершие острогато во двор гладок, от края до края стремнинного, сквожнятым [днесь] остенен мрамором с прозоры.
4 (*с абзаца*) И лествицы нань ведут от стогн градских по склону широкие, двема восходома, из тоя-же скалы [чермныя] / {темно-багряныя} истесаны и стоборием мраморным [многоцветным по краю лепо] {окрай} остолплены.
5 (*с абзаца*) На обою рогу двора поставлены еста агалмата медна, два всадника вооружена, глаголема Свидетеля, имуща кийждо на главе шлем, на лице же не забрало, но убрусец гробный а в [руце] деснице ваие победное.

---

* промеж обема – *было зачеркнуто, затем восстановлено.*

Далее л. 41–54 и лицевая сторона л. 55 чистые.
В БА (л. 10) стерто два стиха следующей главы; начало прочитывается:
1 Вознесена превыше столпостен моих <...>
8 *БА, было*
и церквица внутри ея с приделы
9 *В БА после* медновратныя, *стерто полторы строки.*
После стиха 10 заканчивается текст белового автографа карандашом. В м/п копии на л. 14 после этого
Дальше по черновикам:
(*с абзаца*) К VII (?). Встроены во храм тоже, на скале выспрь возведенный, семь церквей; три церкви подземны и четыре надземныя; и в преисподнюю церковь, Воскресенскую, и в верховную, Успенскую, токмо Запечатленным доступ, о них же особьне скажу.
В ЧА-5 этот фрагмент действительно относится к гл. VII, но, как и в брюссельском собрании сочинений, он помещен в конце гл. IX (стих 18), после которой и следует рассказ о «запечатленных».
Для гл. IX–XVI за основной источник приняты перебеленные гл. ЧА-5 (хотя и в них есть правка); далее приводятся варианты ЧА-5.

IX

Источник основного текста: ЧА-5, л. 17–19. В ЧА-5 (л. 17) первоначально не было разделения на гл. VIII и IX: нынешний первый стих IX главы был третьим стихом гл. VIII и т. д.; номера стихов исправлены.
8 *ЧА-5, л. 17*
возращает и орошает ученик свой цвет излюбленный ~ к вящему воображению [и напечатлению] в уме
9 *ЧА-5, л. 18*
благовоний зерна в нее [бросает] / {сыплет}; вошедшему
10 елика из книг научивыйся / научився, познал и уразумел {и в чем усомнился}; и сии записи ~ оставляет, {[дальнейшее] потребное} присовокупив [потребное изъяснение] {и яснейшее} научение.
11 Но [и] аще {и} видение ~ мысленное [такожде и сомнение], {и новым возмнил усладитися свето<м>}, и сие письменам {со тщанием} доверити понуждается; наставник ~ с гневом [разжегшимся] / {ярым} ее раздирает
14 *Далее (ЧА-5, л. 19) первоначально начиналась гл. X, затем стихи 1–3 были перенумерованы в стихи 15–17.*
15 глядят стен моих ворота / ворота стен моих
16 И двор тот, окруженный сто<л>пами [из камня оникса] / {в} окруже-

нии столпов {ониксовых}, прилежит дворцу моему, [построенному <?>] созижденному

17 Неподалеку ~ на скале {высокой} [{стоит}] возвышается башня {высотою} ступеней ста сорока семи {высеч<енная>} из [разных] камней {разных} многоценных, [на и / той башне выс<окой>] и как маяк сияет верным издалеча.

Далее зачеркнут номер стиха 4.

м/п копия

ступеней ста сорока семи, сопряженная с храмовой стеною переходом беломраморным на устоях дуг крепкозданных.

Данный текст взят из другого фрагмента (гл. VIII, стих 2) на л. 17.

18 *ЧА-5 на л. 33 после стиха 18*

ПОСЛАНИЯ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...аще [своего жития]
{в} своем житии не бых исповедания

X

Источник основного текста: ЧА-5, л. 33—35.

1–2 <1.> (*ЧА-5, л. 19об.; вариант начала главы, номер стиха отсутствует*)

Родихся аз в сословии воинском, в роду кшатриев, сиречь воинов, [издавна ко Христову стаду] из старой Индеи приспевших на зов Господень {[<*1 нрзб.*>] некогда в [<*1 нрзб.*>] сие приявших}. И, меч посребренный нося, беспечально младые лет<а> провождах.

<2.> *Там же. Л. 20; стих 1*

Родихся аз [в] сословии воинов / {в роду кшатриев (ибо так прозывается в Индее} сословие воинское) и [юности] / {беспечные младости} годы в битвах {с неверными} и пиршествах {с друзьями соратниками}, в [трудах] / {превратнос<тях>} бранных, и в [усладах] / {приятностях} невозбранных, в опасностях убо {жизни} временной [жизни] {купно} и вечной [с друзьями соратниками] провождах.

<3.> *Там же. Л. 33*

Здесь номер главы был первоначально: XII (*потом* II *стерто*).

3–7 <1.> (*ЧА-5, л. 20—20об.; стихи 2—5*)

2 (*с абзаца*) Но увидев однажды в строю копейном земли нашея правителя, ему-же дано было прежде меня бразды царства держати, старца святого на коне в [оружии] / {доспехе} харалужном и шеломе под схимою, внезапно уязвлен бых тоскою {детскою} по [Боге забытом] / {небесном Отце} и [сердечным о грехах моих сокрушением] / {страхом о грехе моем}.

3 (*с абзаца*) И подошед к нему рех: «Омый мя и приими в число витязей Господних». Он же: «Любиши ли Господа Бога твоего всем сердцем твоим {и всею душею тво<ею>} и всею крепостию* [{душею}] твоею и всем [разумением] / {помышлением} твоим». И отвещах аз: «Аминь».

4 (*с абзаца*) И уведен я был в землю серединную и предан в послушание / послушником {под начало} некоему старцу строгому и молчаливому, единому из Запечатленных, о коих дотоле не ведах ничесоже.

5 (*с абзаца*) В постах и {молитвенных} бдениях и всяческом изможедении плоти [спасался] / {усердствовал} я у старца моего в повиновении [безгласном, в усердии ревностном] {богославном, ни о чем ином не помышляя}, так что и времена забыл, а лет [быстротекущих] / {протекающих} не считал, старец же {с безмолвствующим} безмолвствовал.

<2.> *Там же. Л. 33об.—34*

Стих 3 написан поверх стертых строк, три из которых читаются:

<вне>запу уязвлен бых любве жалом ко Отцу моему сущу на небесех, и сердца моего ожесточение ужасé мя.

5 Рече старец: «Еда возлюбил еси Господа Бога твоего всем сердцем {мыслию (Матф. 22, 37)} твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею {умом (Марк 12, 30)}?» Отвещах аз: «Отца взыскую, якоже сын блудный».

м/п копия:

всем сердцем твоим (Матф. 22, 37), и всею душею твоею, и всею крепостию твоею (Лука 12, 30)?»

6 И взем [мя]** с собою в срединную землю / землю срединную, предаде мя {ексарх} под начало ~ молитвою [непрестанною] и поклоны [земными], и в нощи ~ труждением.

В м/п копии карандашная правка — порядок слов изменен: в срединную землю

8–15 <1.> (*ЧА-5, л. 20об. — 21; стихи 6—15*)

6 (*с абзаца*) Но в некий день отверз уста свои и зачал [говорить мне о тайнах] {учить меня [тут <?>]} о {тайнах} домостроительства [и] тайнах Божиих [и, сказав <?> / прописав <?> такое <?> наставление] и даже труд мой в винограднике оставить повелел, дабы досуг иметь на {святых книг чтение и} размышление и созерцание***.

---

* крепостию *было зачеркнуто, затем восстановлено.*

** *Стерто.*

*** и созерцание *вписано над тем же зачеркнутым.*

7 (*с абзаца*) Долго ли коротко так я умному деланию прилежал, только [говорит мне] / {призвал меня} старец [: «Ныне] {в час полнощный в церковь и по исповеди провещал: Ныне} как ты [никако духом созрел] / {помалу возростаеши}, открою тебе великую о земле нашей тайну.
8 (*с абзаца*) Держит нашу землю не екзарх, его-же очами видеши, но сам, с нами [невидимо] живущий в некоем замке страны нашей, и токмо Запечатленным видимый апостол Христов Иоанн.
9 (*с абзаца*) Я же {возмутяся духом}, в недоумении {прорещи дерзнул}: «Авва, [что глаголеши] {«Невместимое} умом [невмещаемое простым], {[авва] простым есть, авва, испугало меня}! Но [в] когда сей обитает с другими апостолы во славе райской?»
10 (*с абзаца*) Отвечал старец: «Егда Господь наш И<исус> Х<ристос> Петру первоапостолу [предуказал, какою] / {назнаменовал, коею} смертию он прославит Бога, вопросил [сей] / {Петр} его о Иоанне, близ стоящем: «Господи, [а] сей {же} что?»
11 (*с абзаца*) {Читаем в Евангелии Иоанновом:} «Глагола ему Иисус:* аще хочу, да той пребывает, дондеже прииду, что в тебе? ты по мне гряди». Изыде же слово сие в братию, яко ученик той не умрет. И не рече ему Иисус, яко не умрет»
12 (*с абзаца*) Не вотще, сыне, слово то изыде в братию. Но не втуне и Евангелист легковерным наказует: «И не рече [ему] Иисус, яко не умрет».
13 (*с абзаца*) Всем дано смерть вкусити; но едина всех смерть. Умре Лазарь, и воскрешен бысть, и по воскрешении с не умершими поживе. {14} [Такожде] и Иоанн {же}, аще и преставился, [(** о нем же] умучен быв, якоже в [житиях святых] / {мартирологиях} повествуется, тела вещественного милость сложи и в [совершеннейшую] / {тончайшую} облечен ризу, только тем видимой, в них-же тело духовное до зрения вещей невидимых возросло.
15 (*с абзаца*) Земли же и в сем теле не покинул, как некогда [Матерь] Марию благодатную по Спасителеву на кресте слову, остался, понеже Земля богоносная — Матерь Божия.
<2.> *Там же. Л. 34–35*
8 веры унее разумети, [и] / {наипаче же} от умного делания николи {же} не престати.
9 в церкви {молящася}

* *Далее перед* аще хочу *должны открываться кавычки, однако в автографе они отсутствуют.*
** *Закрывающая круглая скобка в автографе отсутствует.*

12 *Было*
на перси Его;
14 {но жив} на земли [в теле] пребудет, и дано бысть ~ по завещанию Спасителеву [в третий день воскресшаго] с Материю Божиию пребысть.
м/п копия
с Материю Божией
15 И суть посреди {нас иже и} осязати его и видети [возмогша] / {сподобишася}, [духовное, о коем Павел апостол учаше, верою есть <?> да узрения вещей невидимых;] и сии рекутся Запечатленнии; [коими / кии,] печать ~ Господень».
16–18 <1.> (*ЧА-5, л. 21–21об.*)
16 (*с абзаца*) И повергся аз на колени перед старцем, объятый трепетом, и воззвах: «Узрят ли очи мои того, иже возлеже на вечери на перси Христовой?» И обнял меня впервые старец и облобызав меня глагола: «Не ỳ явися, чтò будем».
17 (*с абзаца*) И продолжил речь старец и сказывал: «В духе благочестия Божии возросших и предъизбранных призвает к себе Апостол и печатию дара Духа Святаго самоперстно знаменует; и сии именуются Запечатленнии.
18 (*с абзаца*) И землю нашу окормляти посылаются, и о благочестнем народа нашего житии пещися, единый же от них и державу власти {по апостольскому велению} приемлет.
<2.> *Там же. Л. 35*; *зачеркнутый вариант*; *стих 16*
[И пав на колени, возрыдах, глаголя: «Увы мне, дара сего недостойну». И лобзание даде ми старец, и рече: «Не ỳ явися, чтò будем. Иди с миром, сыне, и на ложе твоем опочи».]
м/п копия (*стихи 15–21*):
15 И суть посреде нас иже и осязати и видети сподобишася, и сии рекутся Запечатленнии; печать бо Духа Свята рука Иоаннова на них наложи;
16 И землю нашу окормляти посылаются и о благочестием <*опечатка. должно быть*: благочестнем> народа нашего житии пещися, единый же из них и державу власти по апостольскому велению приемлет.
17 И повергся аз на колени пред старцем, объятый тревогой, и воззвах: «Узрят ли они мя?»
18 И сказал старец: «От них же и аз есмь, слуга Господень».
19 Со страхом и трепетом, приях <*возможно, опечатка*; *должно быть*: пиях> словеса старцеви, яко злак росу; обаче, умолкшу ему, о нищете моей и недостоинстве моем возрыдах. Той же воздвиже мя и облобыза мя, глаголя: «Дерзай, чадо! Не ý явися, чтò будем».

20 И абие, яко чадце мало утешено, возрадовахся зело и возвеселихся, еже близ быти Иоанну, и воскрилися дух мой, даже до исступления! Но утиши мя старец, сорадуяся ми, и укроти движения нестройно словом уветливым, и отпуская мя речи <*опечатка*, *должно быть*: рече>: «Изыди с миром и в тишине на ложе твоем опочи».
21 И исшед из церкве воззрел на звезды небесныя и умилихся, и найде на мя тишина благая.

XI

Источник основного текста: *ЧА-5*, *л. 36–36об.*

1 <1.> (*ЧА-5*, *л. 21об.*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 1–2*)
[[1 (*с абзаца*) И усердствовать аз принялся в подвиге духовном, воспламенен быв извещением оным даже до]
1 (*с абзаца*) Возгореся дух мой радостию [нечаянною] / {неизреченною} о присутствии промежду нами перстными оного {сожителя} небесного, и [воз<ревновах>] паче возревновах аз о подвиге духовном даже до исступления.
2 (*с абзаца*) Старец же паки призва [мя для помощи] {в нощи к алтарю} и {по испо<веди>} возглагола: «И иную о земле нашей [узнаешь] / {познай} тайну.]

<2.> *Там же. Л. 22–22об.*; *стихи 1–2*
1 (*с абзаца*) Возгоресядух мой радостию неизведанною, {предвкушения райского блаженства подобною} о присутствии близком промежду нами перстными оного великого и возлюбленного сожителя навек в теле прославленном, и паки возревновах о подвиге духовном даже до исступления.
2 (*с абзаца*) И паки призва меня старец в нощи к алтарю и по исповеди тихим шепотом поведа: «И иную великую о земле нашей приими в сердце тайну.

<3.> *Там же. Л. 36*; *здесь это обозначено как начало гл. XIII*; *зачеркнутый вариант*; *стих 1*
[Вскоре паки глагола ми старец: «Достоит тебе и ину тайну ведети, яже в сказании о начале и конце земле нашея прообразы возвещается:]

<4.> *Там же. Л. 36*; *беловик*, *принятый за основной текст*

2 <1.> *ЧА-5*, *л. 21об.*; *зачеркнутый вариант*; *стих 3*
[Ходит по земле Матерь Божия, и рай первозданный окрест Ея дышет, а перед нею на коне едет святый Георгий.]

<2.> *Там же. Л. 22об.*; *стих 3*
«Ходит по земле многострадальней, грехи міра несущей, Матерь Божия, и рай первозданный окрест Ея дышит, а перед Нею на коне белом едет святый Георгий.

3 <1.> (*ЧА-5*, *л. 21об. — 22*; *зачеркнутый вариант*; *стих 4*)
[Бе Иоанн в горах мрачных скитаяся и сетуя о слепоте / о слепоте сетуя рода человеческого, о спасении своем [и о Спасителе] не ведущи, и прииде к нему {Благодатная} [Матерь Божия и рече, на Георгия] с Георгием и рече:]

<2.> *Там же. Л. 22об.*; *стих 4*
«Бе Иоанн в горах мрачных скитаяся и горько сетуя о слепоте рода человеческого, спасения и Спасителя своего не ведуща, и прииде утешити его Благодатная со служителем своим Георгием и рече:

4 <1.> (*ЧА-5*, *л. 22*; *зачеркнутый вариант*)
[Сей юный царство тебе на земле, щедро Мною облагодатствованное [уставляет <?>] устроит.]

<2.> *Там же. Л. 22об.*; *стих 5*
«Сей юный на земле многострадальной, [грех] / {оцет} міра пиющей, устроит тебе обитель мирную, царство освященное, еже щедро облагодарствовати хощу.

5–7 <1.> *ЧА-5*, *л. 22*; *зачеркнутый вариант*; *стих 5*
[И возрадовался Иоанн, и нача Георгий стрелы метати на восток и запад, и север и юг, и где [легли] те стрелы {легли}, оплоты невидимые воздвижены, их же [на долгие веки] изрыти [злая] / {никая} сила не возможет и [окрай оплот / непреступные] / {положены были} царства пределы, {непреступные на долгие веки}.]

<2.> *Там же. Л. 22об. — 23*; *стихи 6–7*
6 (*с абзаца*) И возрадовался Иоанн, а посол Божий, Архистратигу ангельских сил подобный, зача метати стрелы свои пламенные на восток и запад, и юг и север.
7 (*с абзаца*) И где те стрелы легли, оплоты незримые воздвиглися, ихже никая сила изрыти не возможет, и положены быша пределы царства не преступные внешним на долгие веки.
м/п копия, *было*: не преступити; *исправлено карандашом на*: не преступно.

8 <1.> *ЧА-5*, *л. 22*; *зачеркнутый вариант*; *стих 6*
[И рече Матерь Божия: «Ныне огради нами в земле сей область внутреннюю, в ней же токмо [из сердце<м>] / {воистину} добрые обитати будут и каждый зверь дивий, и каждое произрастание сельное добры будут».]

<2.> *Там же. Л. 23*
в {новозданной} стране ~ в ней-же токмо {кроткии и} чисти сердцем ~ прохождением Духа {бурна}

9 *ЧА-5, л. 23*
ведя {по земле} глубокую, и превеликую округу [по земле] обвел

10–12 *ЧА-5* (*л. 23–23об.*) *совпадает с основным текстом.*

13 *ЧА-5, л. 23об.*:
На сей же земле богострадной едина ли обретена святым обитель?

14 *ЧА-5, л. 23об.*
егда исполнят<ся> сроки и [в иную область отыдем] обитель нашу инде сотворим ~ в покой Господень.
В м/п копии стихи 13 и 14 перечеркнуты карандашом; карандашная правка:
А сей земле богострадной едину ли обратим в святых обитель? / *над зачеркнутым* поспеют *вписано*: исполнятся / сия же земля отыдет в покой; *далее вписано*: Господа. *исправлено на*: Господень <?>

16 *ЧА-5, л. 23об.*
Иди и [окрести] / {сам просвети} их ~ но и волков [под] Слову Божию научи.
м/п копия, было
Иди и сих благодати святого крещения, и всю землю ту и все в ней живущее и дубровие то окрести. Естество не премени, но и волков Слову Божию научи.
После правки
Иди и [сих] [сам] просвети их [благодатию святого крещения] и с ними всю землю ту ~ но и волков научи Слову Божию.

17 *ЧА-5* (*л. 24*); *номер стиха исправлен; ранее был стих 16*
обретет ее некогда избранный, и ею места те и народ свой всем племенам на спасение, (*далее вместо слова — короткая волнистая линия*)
Ниже зачеркнуто
[18 (*с абзаца*) И отпустил меня старец, сугубо возрадован<ного>, понеже обыкл есть и в битвах призывать память Георгиеву, и яко покровителя и вождя моего [образ его] {молил} и образ его прекрасный {в битвах} воображал.]

XII

В ЧА-5 приводятся пять зачеркнутых вариантов начала этой главы. В <4.> и <5.> эта глава названа четырнадцатой. Источник основного текста: л. 27–28.

1 <1.> (*ЧА-5, л. 24; зачеркнутый вариант*)
[Последи же нападе на мя ужас смертный и таковое о гресе моем сокрушение, яко да ближитися мне ко греху тягчайшему, еже есть уныние.]

<2.> *Там же. Л. 25; зачеркнутый вариант*
[Последе же нападе на мя ужас смерти духовныя и таковое о гресех содеянных сокрушение, якоже мало не впасти в тяж<к>ий грех, еже есть уныние.]

<3.> *Там же; второй зачеркнутый вариант*
[Посем нападе на мя ужас греха, и скверна [моя / души моея] души моя тяжка [ми] обличися, якоже мало не впасти ми во грех, горший, еже есть уныние.]

<4.> *Там же. Л. 25об.; зачеркнутый вариант*
[По сем {внезапу} нападе на мя ужас смерти духовныя, и скверна моя тайная предо мною такова обличися, якоже мало не впасти ми в горший грех, еже есть уныние.]

<5.> *Там же. Л. 26; зачеркнутый вариант*
[По сем внезапу нападе на мя ужас греховного корене моего и внутренняя *скверна моя* [*предо мною тайная яве*] / {*помыслу испытующу сицева*} обличися, якоже мало не впасти ми в горший грех, еже есть уныние.]

<6.> *Итоговая черновая редакция, л. 27*
По сем {внезапу} нападе на мя ~ уныние.

2 <1.> *ЧА-5, л. 24; зачеркнутый вариант*
[И блуждах, аки умоисступленный, твердя: како вошел есмь на брачный пир в одежде небрачней? како сицевой святыне [прикоснутися] / {приступити} ты окаянный дерзнул? Во тму кромешную ввергнут буду.]

<2.> *Там же. Л. 25; зачеркнутый вариант*
[И блуждах, аки умоповрежденный, бия [себе] в перси {своя} и воздыхая, како вошел есмь [на брачный пир в небрачной одежде] / {в чертог} брачный {в одеянии} небрачне, како сицевому собору святых приближися окаянный.]

<3.> *Там же. Л. 25; второй зачеркнутый вариант*
[И блуждах, аки ума лишенный, бия перси своя и повторяя: како дерзнул есмь сицевым святым приближитися окаянный, како в чертог брачный внити в одеянии небрачне?]

<4.> *Там же. Л. 25об.*
И хождах <*далее три строки стерты и почти не читаются; в третьей строке видно*:> [и плачася], како в чертог брачный внити дерзнух {есмь} в одеянии небрачне; како [собору] / {облаку} святых {ныне} приближился, смраден и срамотен сый.

<5.> *Там же. Л. 26*; *зачеркнутый вариант*
[И хождах, аки безумен, бия перси своя и [вопрошая со стенанием совесть свою] / {совесть} со стенанием {вопрошая}, како от слов старцевых, абие трепетен не убежал {ниже сокрыхся,} [како] / {обаче} в чертог брачный внити дерзнул {есмь} в одеянии небрачне, [како] {и} облаку святых нагл приближился, смраден и сра́мотен сый.]

<6.> *Там же. Л. 27*; *итоговая черновая редакция*

3–5 <1.> (*ЧА-5, л. 24–24об.*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 3–4*)
[3 (*с абзаца*) И видех себя {грязна и} гнусна и распутна, и ругашеся мне двойник мой, пред очами моими бесстыдство творя, и укорял мя, почто самозванно врозь от него живу, обличие его лжею приях, и повелеваше ми в него внити и едину с ним быти.
4 (*с абзаца*) И призвах на беса силу крестную, и сгинул бес. И постучался в келлию мою старец и, вняв плачу и рыданию моему на духу, прорече: «Не долго тебе еще у меня под началом быти. Священство, сыне, {в міру} приими, но прежде оженитися [изволи] / {должен}. Ныне же тебя ексарх {к себе} зовет».]

<2.> *Там же. Л. 25*; *на этом листе – окончание второго зачеркнутого варианта*; *стих 3*
[И явися мне подобие мое, обманною облечено плотию, и себя аз видех, предо мною стояща в наготе срамной, пияна и гнусна и блудна; и ругашеся ми призрак, остудное творя пред очима моима, и укоряше мя, де двоеобразен из него убежах, и особь живу, и повелеваше ми паки в него внити.]

<3.> *Там же. Л. 25об. – 26*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 3–6*
[3 (*с абзаца*) И [облечеся] бес {то бысть, мню, яже облечеся} в подобие плоти моея, да лицезрю ее нага и пияна и гнусна, [змеями повита, лижущими перси моя и уста моя,] и ругашеся ми бес, во скит заблудшу из блудилища, и укоряше мя, яко двоеобразно [есмь] от него убежав; особь живу [самозванно]; / яко от него убежав, особь живу двоеобразно;
4 (*с абзаца*) И приступив ко мне [бес повелеваше] / {требоваше}, да нове в него вниду, дохну ему в ноздри; я {же} призвах аз силу крестную {с надеждою}, и пропаде призрак.
5 (*с абзаца*) [Тогда отвори] / {И толкну во} дверь келлии моея старец и{, вошед,} рече: «Не ведеши ли, яко днесь троедесятилетие жития твоего [исполнися] / {свершися}, и начаток деяний твоих день сей будет; уже бо приспе время, да самоначально с князем міра единоборствуешь.
6 (*с абзаца*) Но отпуская тебя из-под начала моего, не повеление тебе даю, но совет и благословение сан священничий в міру стяжати, прежде же оженитися. Ныне же на новое дело поспеши, се бо ексарх тебя зовет».]

<4.> *Там же. Л. 26–26об.*; *зачеркнутый вариант*; *стихи 3–5*
[3 (*с абзаца*) И мышлю: бес то бысть, безверием и безнадеждием моим привлеченный, да мучит мя, яже облечеся в подобие плоти моея, да и [сам себе лицезрю] {показа мя} нага и пияна {и развратна,} и гнусна, и ругашеся ми, {аки} во скит заблудша / заблудшу из блудилища, и укоряше мя, почто его отбег особь мню быти.
4 (*с абзаца*) И приступив ко мне требоваше, да паки в него вниду дуновением в ноздри его; аз же гневом распалихся при слове том, и крестную силу призвах с упованием, и исчезе призрак.
5 (*с абзаца*) Толкаше во дверь мою старец и, вошед в келлию, рече:]

<5.> *Там же. Л. 27–27об.*; *стих 4*
И приступив ко мне требоваша, да [паки в него] вниду дыханием ~ Аз {же} возгорехся

6 <1.> *Там же. Л. 24об.*; *зачеркнутый вариант*; *стих 5*
[И глагола ми ексарх: «Облекися яко и прежде военачальником, в доспехи воинские и веди за собою сотню отборных конников, и сироту царевну персидскую, именем Параскеву, святую деву в сонме дев Христу обручившихся, измаильтянами в замке своем осажденную и угрожаемую, мировщиною али честным боем освободи.]

<2.> *Там же. Л. 26*; *зачеркнутый вариант*; *стих 7*
[И вошед аз в палату ексархову, наказ услышах: «Абие возьми под руку {твою} сотники с конною сотнею и проводника незаблудна {и советна}: прискакати настоит к замку уединенну у границы персидской, прежде [неже] / {даже} водворится в нем сила [вражеска] / {адова}.]

<3.> *Там же. Л. 27об.*; *номер стиха здесь первоначально был 5, затем исправлен*
и возми [рече] под руку

7 *ЧА-5, л. 27об.*; *номер стиха первоначально был 6, затем исправлен*
{старица} мудростию и муки крестныя претерпением ~ два брата ее [быша] за имя Христово.

8 *ЧА-5, л. 27об.*
государя {взыскуя, наипаче же} диадимы братней, {святого} крещения [святого отвержися] / {отречеся}, [и] неверных закон [приях] / неверных закону {присягнув} ~ Тем убо, сыне, [абие] исхитити ю {из зева адова} не укосни».

м/п копия:

Гонение же воздвиже брат отчев: сей похищник диадимы братнея, святого крещения отречася, неверных закону присягнул; ктому же некому владыке радетелю, Параскевы прекрасныя вожделеющу, угождая, деву, под рукою родич сущу, отдати обещал.

9 Единовременно рать наша и [неверных спира] / {спира вражия}, злодеем предводима, к острожцу ~ и вскрича чрез поле [, яростью звериною <?> {одержим}] / {гласом зычным} военачальник: «Прочь [от мест сих,] {за рубеж, шайка} разбойничья! [Вем, яко пришли есте царевну украсти и и земли ея пояти] Вем ~ пояти».

10 «Именем Георгия [святого тебе*], {его-же копия знамением} повелеваю {тебе}: отыди ~ и меч обнажи воевода / воевода обнажи ~ и самого [во прах] повержена / {из седла испихнух, и наземь} повержену [щит] / {шлем} на главе [его] мечом разрубих...

м/п копия:

Именем Георгия славного повелеваю тебе

11 (*ЧА-5, л. 28*; *ошибочно стоит номер стиха — 10*)

малодушен {сый} и боязлив: «Гоните коней, [комони <?>], кметы!» возопи

После этого стерта первая строка стиха 11.

XIII

За основной текст принят: *ЧА-5, л. 28об. — 29.*

1 в духе {стоящу} у подножия

2 витязю Господень {из царства Иоаннова} ~ Почто {на} мя дивишися?

3 и Ему {в духе} / {священнотайне} сораспятися».

4 И [вошло] / [{вниде}] [в меня] / {найде на мя} по молитве

5 «Иди за меня, [и Богом клянуся] / {аз же} за отца ~ поелику [в небе] единый мне Жених, {Его же сретаю,} Христос Иисус

6 и обое {нерушимый} обет

XIV

За основной текст принят: *ЧА-5, л. 29об. — 30об.*

2 царевнин поезд / поезд царевнин

5 и рече един, [от них <?>] на царевну указывая

6 с девами {ея} обитель в башне из кости слоновой / слоновыя

* тебе *стерто.*

7 «Взойдем, {труждающеся,}

8 скал неприступных {с остриями и обрывами} громады

9 иссеченный и [изваяния<ми>] изящными украшенный с высоты донизу [листья<ми>] изваяниями [изящне украшенный] листия и цветов и плодов

10 в церкви круглыя {и светлыя}, но абие {сомкнув очи и} на колени {в молитве} упав ~ токмо {яко} перста [легкого, мироблагоухающа, прикосновение,] / {мироточива касание} и руку кропильну [подобную <?> нисхождение] на плечи моя и на главу мою [, и, мнится <?>, сквозь сон тонкий запечатленных гласы] / [{возложение}] / {нисхождение}.

XV

За основной текст принят: *ЧА-5, л. 31*

1 Царицу именуют [и] святою почитают [Параскеву людие, {яже}] / Царицу именуют {Параскеву людие и за} святую почитают, {меня же} не супруга ей быти гадают, но обручника {и блюстителя}; и праве сие рекут, блаженства же, [не ведят] от избытка ея текуща в лоно блюстителево, не ведят.

3 с милыми [сердцу] ~ увидят {скорбящие}

5 по дальним дорогам {боса} ходит и где {на пути} отдыхает

XVI

За основной текст принят: *ЧА-5, л. 31об. — 32*

1 Се великое, брате добролюбивый, [тебе {и тайное}] поведах и тайное*, [его] / {сие} же, [ты, богоразумен сый / {Христа ради молю,}] {под печатию молчания, да} никому [же] не [открываящи] / открыеши,

2 Токмо [душе твоей,] {боголюбивой} царице, Отраде боголюбезней / боголюбезней Отраде, [тебе] от Господа тебе [данной] / {посланной} во спасение, и слепцу ~ родичу твоему Радивою, [Светомиром возлюбленну] иже и Светомира ко мне приведет...

3 и воспитан и [умудрен] / {укреплен} будет

4 Извести хотят в дому твоем [Цар<евича>] слабоумного ~ еже строитель, [освободит и преобразит] / {обличье даст упованию земли}; под [нашим] {Иоанновым} прикровением [спас<ен>] міру [спасен] / {сохранен} будет.

* и тайное *было зачеркнуто, но восстановлено после того, как была зачеркнута соответствующая вставка.*

5 [Дерзайте убо,] / {Размыслите, убо о словесех моих,} друзи любезные и боголюбивые, [волю] {и дерзайте} Вседержителя {волю} исполнити, Ему же {подобает} честь и хвала во веки веков. Аминь.

«ЗОЛОТАЯ МЕДУНИЦА...»

Из стихотворения
«Светомир (*Топчет виноград.*)»
Черновые редакции

Редакция А

Оп. I. К. 1. П. 5. Л. 92

[Чаровница], медуница /
  {Золотая} медуница, /
  {Что поешь ты}, медуница,
Что ты вьешься вкруг чела,
Неотвязная пчела?
Знаю, знаю: ты жилица
Заповедного дупла,
Где лежит моя стрела,
Где [таимая] / {волшебная} хранится
Золота моя стрела.

Ты поешь мне самогудно:
Что лежит стрела подспудна
Ей бы с ветром просвистать
Ей бы в небе проблистать
Ей бы жало окровавить,
[Ей бы медный лук ру<*слово не дописано*>]
Богатырский лук прославить

Ты стрела ль моя стрела
Самолетна и светла
[[Как меня] ты принесла /
  В [рай] /
  {скит} ме<ня> ты принесла]
Не нужна твоя мне сила:
Ты мне службу [сослужила] / отслужила
В скит ме<ня> ты принесла,

Где поют колокола
[[Той что мне одна мила] / [И <*1 нрзб.*>]
В скит ме<ня> ты принесла /
[Принесла ты м<не>]]
Мне открыла это место
Неневестная Невеста
Вот за что ты мн<е мила>
Ты не даром мне досталась,
Только даром мне осталась.

Редакция В

Там же. Л. 93

Золотая медуница,
Что ты вьешься вкруг чела,
Неотвязная пчела?
Знаю, знаю: ты жилица
Заповедного дупла,
Где лежит моя стрела, —
Где таимая хранится
[Светлокрылая] / Солнцекрылая Стрела.

Ты поешь мне самогудно
Что [почиет] же дремлет непробудно
Золота твоя стрела?
Что лежит она подспудно

Что ж ты светлую не [ждешь <?>]

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

Сказание старца-инока

«Повесть о Светомире царевиче» представляет собой сложно организованный текст, в котором за событийной линией скрываются эзотерическая тайнопись и биографические признания автора. Основная задача комментариев — приблизить текст произведения к современному читателю. С этой целью в них поясняются устаревшие слова и выражения, выявляются цитаты, раскрывается смысл отдельных эпизодов и символов.

Повесть делится на книги, книги – на главы, а главы – на стихи. Последнее обозначение имеет условный характер и дано по аналогии со «стихами» Священного Писания. В комментариях отсылки к тексту Повести даются сокращенно: первая римская цифра обозначает книгу, вторая арабская – главу, третья и последующие арабские – номер стиха. Нумерация примечаний к Повести дана в виде индексов, сответствующих индексам в основном тексте. При этом имеется в виду текст Повести, подготовленный О.Л. Фетисенко по рукописям Римского архива Вяч. Иванова и опубликованный в настоящем издании. Обращаем внимание читателя на то, что этот текст несколько отличается от подготовленного О.А. Шор и включенного в брюссельское собрание сочинений.

Важная задача примечаний – выявить интертекстуальный слой Повести: многочисленные цитаты из различных произведений литературы и фольклора.

Главным источником сочинения, а отчасти и образцом для ее автора была Библия (см.: Топорков 2012: 95–200). В конце 1920-х – начале 1930-х годов параллельно с работой над Повестью Вяч. Иванов читает Библию на церковнославянском, итальянском и немецком языках. В 1927 году поэт знакомится с немецкой Библией, переведенной с древнееврейского Мартином Бубером. В письме к дочери Л.В. Ивановой от 7 декабря 1928 года он просит купить для него славянскую Псалтирь (см.: Избранная переписка 2008: 589). В письме к Д.В. Иванову от 23 марта 1930 года поэт рассказывает о чтении итальянского перевода Нового Завета (см.: Избранная переписка 2008: 599). В сентябре 1932 года Вяч. Иванову по его просьбе присылают Библию в переводе Мартина Лютера (см.: Wachtel 1995: 134–135). С весны/лета 1941 года по середину октября 1942-го он готовит комментарии к изданию: Деяния св. Апостолов. Послания св. Апостолов. Откровение св. Иоанна. Рим: Ватиканская типография, 1946. В 1948 году Вяч. Иванов начинает работу над введением и комментариями к изд. Псалтири на церковнославянском и русском языках; книга увидела свет в 1950 году, уже после кончины поэта.

В Повести цитируются Книга Бытия (особенно главы 1–3), Книги Царств (прежде всего жизнеописание царя Давида), Книга Иова, Псалтирь, Притчи Соломона, Песнь Песней, Книга Премудрости Соломона, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Книги пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Захарии и Малахии, Четвероевангелие (особенно Евангелия от Луки и от Иоанна), Деяния апостолов, Послания апостолов (в первую очередь Иоанна и Павла) и Апокалипсис.

В примечаниях к настоящему изданию использован церковнославянский текст Елизаветинской Библии в стандартной версии начала XX века и русский синодальный перевод Библии. Учитывались также издания новозаветных текстов и Псалтири, подготовленные и прокомментированные самим Вяч. Ивановым.

Как известно, в канонических книгах Нового Завета мало сведений о Матери Иисуса и Его детстве. Бóльшая их часть извлечена из неканонических книг: «Первоевангелие Иакова», «Книга о рождестве блаженнейшей Марии и детстве Спасителя», «Евангелие младенчества» и др. В обобщенном виде сведения о Марии представлены в книге «Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы» (см.: Сказания 1904), которая использовалась при составлении комментариев. Учитывались и другие апокрифические тексты: «Деяния Иуды Фомы апостола», «История о кончине святого Иоханнана, апостола и евангелиста», «Откровение Мефодия Патарского» и др.

Вяч. Иванов с детства знал и любил богослужение Православной Церкви. В Повести представлены цитаты из литургической поэзии, причем слова Священного Писания подчас включены в текст в оформлении, характерном для богослужебного контекста. Есть в произведении и аллюзии на песнопение «Свете тихий», «Акафист Пресвятой Богородице», «Канон молебный ко Пресвятой Богородице», Пасхальный канон, песнопения Цветной триоди. В ряде случаев автор сочиняет фрагменты песнопений, ориентируясь на канонические образцы. Важная для Повести служба Рождеству Пресвятой Богородицы в примечаниях цитируется по изданию: Скабаллановича 2004а. Используется литература, посвященная православному богослужению (см.: Вениамин 1999; Дебольский 2008). Для осмысления ряда религиозных символов произведения много дает сочинение П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (1914); экземпляр этой книги со своими пометами Вяч. Иванов привез в Рим (см.: Переписка 1999: 94).

В Повести имеются явные и скрытые отсылки к древнегреческим мифам, «Илиаде» Гомера, «Истории» Геродота, «Анабасису» Ксенофонта, трагедии Еврипида «Елена», диалогам Платона «Государство», «Федон», «Тимей», «Критий», «Полиид», «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха и его трактату «Об Исиде и Осирисе», «Энеиде» Вергилия, стихотворениям Катулла. В примечаниях привлекаются научные сочинения Вяч. Иванова, посвященные античной мифологии, прежде всего его книга «Дионис и прадионисийство» (см.: Иванов 1994а; 1-е изд. – 1923).

Эзотерический гностико-каббалистический пласт произведения, связанный с образом Симона Хорса, разрабатывается в Повести с опорой на сведения христианских апологетов о гностиках, в том числе трактат Иринея Лионского «Пять книг против ересей» (см.: Ириней Лионский 1900).

В Повести также переосмысляются идеи «Исповеди» Блаженного Августина, «Божественной комедии», «Новой жизни» и «Монархии» Данте (см.: Топорков 2014). Сказочная и легендарная топика сочинения отчасти связана с эпосом и рыцарскими романами европейского Средневековья: автор использует образы, восходящие к легендам о короле Артуре и Граале, «Саге о Вёльсунгах», «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде».

В произведении Вяч. Иванова, знатока и переводчика немецкой литературы, присутствуют отклики на сочинения немецких писателей и мыслителей: «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», опубл. 1802) Новалиса, «Золотой

горшок» («Der goldne Topf», 1814) Э.-Т.-А. Гофмана, «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885) Ф. Ницше.

Автор Повести во многом опирался на памятники древнерусской книжности. В частности, образы произведения и его сюжетные ходы проецируются на «Слово о полку Игореве» (см.: Bird 2006: 119–121; Топорков 2012: 201–268), которому Вяч. Иванов посвятил специальную статью (см.: Ivanow 1937). В примечаниях к настоящему изданию «Слово о полку Игореве» цитируется по изданию 1800 года, воспроизведенному в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (см.: ЭСПИ 1995/1: 9–14).

Литературный фон сочинения Вяч. Иванова составляют также летописи и воинские повести Древней Руси: «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского», «Слово о погибели Русской земли».

К «Сказанию о Мамаевом побоище» восходят образ святого старца, благословляющего князя на освободительный поход против иноверных захватчиков; образы монахов-воинов, надевших схиму поверх шлема, и др. (см.: Топорков 2012: 268–278). «Сказание» цитируется в примечаниях по изданию: Шамбинаго 1906.

Рассказ о возвышении славянского государства и его отношениях с Византией излагается в Повести с опорой на русские сочинения XV–XVI вв.: «Повесть о белом клобуке», «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.», «Сказание о Вавилонском царстве», послания старца Филофея. В произведении Вяч. Иванова реконструируются также цитаты из «Повести о Варлааме и Иоасафе», повестей об Александре Македонском, «Повести о Савонароле» Максима Грека, посланий Ивана Грозного Курбскому, челобитных Ивана Пересветова. Оригинальные и переводные древнерусские сочинения цитируются по их современным научным изданиям и переводам.

Глава пятая Повести является стилизацией средневекового «Послания пресвитера Иоанна» (в русской версии – «Сказание об Индийском царстве»). Вяч. Иванов мог пользоваться как самим «Посланием пресвитера Иоанна», так и другими сочинениями, в которых оно дополнялось и перерабатывалось: «Послание из папской курии», «История клирика Елисея», «Итинерарий Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихского диоцеза», «Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов». В примечаниях данные тексты цитируются в русском переводе Н. Горелова (см.: Послания 2004).

Произведение Вяч. Иванова отчасти стилизовано под княжеское житие. Автор использует свое знание агиографического канона и опирается на жития св. Вацлава (Вячеслава), князя Чешского, и святителя Саввы, первого архиепископа Сербского (в миру Растко Неманич), «страдания» св. великомученицы Параскевы, а также жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского, составленные Епифанием Премудрым.

К ряду агиографических сочинений о чешских, сербских и древнерусских святых примыкают жизнеописания Серафима Саровского, составленные его современниками (см.: Доценко 1996; Титаренко 2010: 379–380). В римской квартире Вяч. Иванова хранились две книги о русском святом: «Беседа преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым, о цели христианской жизни» (1929) и «Святой Серафим» М.В. Сабашниковой (1913). В комментариях используется, в частности, «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожденной А.С. Мельгуновой», составленная архимандритом Серафимом (Чичаговым) (см.: Чичагов 2009; воспроизведение изд. 1903 г.).

Своеобразная параллель к агиографическим и иным сочинениям о православных святых – жизнеописания Франциска Ассизского, аллюзии на которые имеются в Повести. «Цветочки Франциска Ассизского» в примечаниях цитируются в переводе А.П. Печковского по изданию 1913 года (см.: Цветочки 1913); сочинения самого Франциска Ассизского – «Первое житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским» и «Большая Легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо» – по современному русскому переводу (см.: Истоки 1996).

В Повести используются русские духовные стихи о Егории Храбром, «Плач Адама», «Стих о царевиче Иоасафе и Пустыне», былины об Илье Муромце, о Волхе Всеславьевиче и о Михайле Потыке, «Сорок калик со каликою», сказка про Ивана-царевича и серого волка и др. Основными источниками по русскому фольклору для Вяч. Иванова послужили сборники сказок и легенд А.Н. Афанасьева, хрестоматии Ф.И. Буслаева и В.В. Сиповского, сборник «Стихи духовныя. Словеса золотыя», составленный Е.А. Ляцким, и др. Можно также предполагать, что поэт был знаком со сборником Кирши Данилова и «Онежскими былинами» А.Ф. Гильфердинга, изданием старообрядческой и сектантской поэзии Т.С. Рождественского (1910). Произведения русского фольклора в примечаниях цитируются по книгам, которые были в московской и римской библиотеках писателя, а также по современным научным изданиям.

Перипетии сочинения Вяч. Иванова имеют ряд параллелей в сербском эпосе: легендарная история рождения Марка Кралевича, его паломничество на Святую Гору, смертный сон, который в будущем должен закончиться пробуждением героя (см.: Тахо-Годи 2015: 40–41). Вероятно, поэт пользовался изданием «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей» под редакцией Н.В. Гербеля (см.: Поэзия славян 1871) и включенной в него статьей О.Ф. Миллера «О славянских народных песнях» (1871).

Сведения о славянской мифологии, в частности об образе Егория Храброго, Вяч. Иванов мог извлечь из труда А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения

славян на природу» (1865–1869. Т. 1–3), книг Е.В. Аничкова «Весенняя песня на Западе и у славян» (1903–1905. Ч. 1–2) и «Язычество и Древняя Русь» (1914), работ А.Н. Веселовского, А.И. Кирпичникова, А.С. Фаминцына и др. Как историк и филолог он имел возможность критически оценить разные подходы к славянской мифологии и рассматривать ее в сравнении с мифологией древних греков и средневековых германских народов.

Замысел Повести, ее образы и коллизии связаны с «Борисом Годуновым» (1825) А.С. Пушкина. Имеются также аллюзии на другие произведения поэта: «Евгений Онегин» (1823–1831), «Песнь о вещем Олеге» (1822), «Подражания Корану» (1824), «Пророк» (1826), «Поэт» («Пока не требует поэта...») (1827), «Кавказ» (1829), «Медный всадник» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Осень» (1833), набросок «Напрасно я бегу к сионским высотам...» (1836). Для комментирования перекличек с пушкинскими текстами используются статьи Вяч. Иванова «О “Цыганах” Пушкина» (1908) и «Два маяка» (1937).

Особое значение для понимания произведения имеют многочисленные параллели с романами Ф.М. Достоевского «Идиот» (1867–1869), «Преступление и наказание» (1865–1866) и «Братья Карамазовы» (1879–1880). Вяч. Иванов посвятил Ф.М. Достоевскому статьи «Достоевский и роман-трагедия» (1911), «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского» (1916) и книгу «Достоевский. Трагедия – миф – мистика», опубликованную в 1932 году на немецком языке. Как отмечает Т. Венцлова,

> «Повесть о Светомире царевиче» – любопытный пример «обратной связи» между философско-антропологическими и литературоведческими занятиями Иванова и его художественным творчеством. Мотивы, вскрытые у Достоевского, подхватываются Ивановым и располагаются им заново, порою в более элементарном и прозрачном виде.
>
> Венцлова 1988: 39

Комментирование аллюзий на произведения Ф.М. Достоевского в примечаниях, как правило, сопровождается указаниями на исследования Вяч. Иванова о русском писателе.

В Повести есть отсылки к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», трактату Вл. Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» (опубл. 1889) (см.: Шишкин 2003: 168–169), его сочинению «Три разговора» (1900), поэме «Три свидания» (опубл. 1898), статье «Поэзия Я.П. Полонского» (1896) и ряду стихотворений: «У царицы моей есть высокий дворец...» (1875–1876), «Близко, далёко, не здесь и не там...» (1875–1876), «Песня офитов» (1876), «Ex oriente lux» (1890), «Панмонголизм» (1894). Привлекается также статья Вяч. Иванова «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1911).

В примечаниях отмечаются аллюзии на поэтический цикл А.А. Блока «На поле Куликовом» (1908), стихотворение «Россия» (1908), драму «Роза и Крест» (1913). Образ Белой Индии встречается в поэзии Н.А. Клюева. Описание одного из видений Лазаря напоминает стихотворение Вл. Ходасевича «Эпизод» (1918).

В своем произведении, насыщенном музыкальными темами, Вяч. Иванов неоднократно обращается к операм Р. Вагнера, особенно к его тетралогии «Кольцо нибелунга» (см. статью Д.М. Магомедовой, с. 233–254 наст. изд.). Образ Отрады напоминает Февронию и связанные с ней эпизоды из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (либретто В.И. Бельского).

Особую роль в художественном мире Повести занимают образы русской иконописи. В ходе комментирования текста привлекались различные иконографические типы: св. Георгия Победоносца, Сретения Господня, Софии Премудрости Божией (в частности, «Премудрость построила себе дом»), Распятия Христа. Наиболее востребована в Повести иконография Богоматери (см.: Dudek 1993; Игошева 2010; Титаренко 2010): Благовещение, Неопалимая Купина, Покров Богородицы, «Умягчение злых сердец», «Семистрельная», «Вертоград заключенный», «О тебе радуется всякая тварь», «Неувядаемый цвет». При составлении примечаний были использованы как общая литература о древнерусской иконописи (см.: Традиго 2010), так и исследования отдельных иконографических типов (см.: Брюсова 2006).

Произведение насыщено автобиографическим материалом (см.: Венцлова 1988: 30–31). Например, взаимоотношения между Владарем, Гориславой и Отрадой отчасти воспроизводят коллизию личной жизни поэта и его взаимоотношения с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и ее дочерью В.К. Шварсалон, которая после смерти матери стала женой поэта. Не случайно реплики Гориславы иногда напоминают фрагменты из писем Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см.: Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/1–2). Опубликованная недавно переписка Вяч. Иванова с Лидией Димитриевной позволяет проследить творческую предысторию некоторых мотивов и эпизодов Повести (см.: Топорков 2011б: 403–407).

История многолетней болезни Лазаря, его мистические сны, общение с умершей подругой, пребывание на грани яви и сна, а потом и за порогом смерти, переживания полета, отделения от своего тела, посмертного омовения, возвращения в детство, воскресения – все это находит основания в личном опыте Вяч. Иванова в период его оккультных увлечений 1906–1911 годов. Ценный материал для осмысления этого пласта Повести дает переписка Вяч. Иванова с А.Р. Минцловой и другие источники, опубликованные Н.А. Богомоловым и Г.В. Обатниным (см.: Богомолов 1999; Обатнин 2000).

Ценные автобиографические признания Вяч. Иванова, его комментарии к собственным произведениям и к евангельским текстам сохранились в записях разговоров поэта с М.С. Альтманом (см.: Альтман 1995). Они приводятся в при-

мечаниях к настоящему изданию наряду с другими источниками мемуарного и эпистолярного характера.

Поэт активно использует в Повести образы своих стихов. В комментариях отмечаются автоцитаты из поэмы «Младенчество» (1913), циклов сонетов «Золотые завесы» (1907), «Голубой покров» (1908) и «Зимние сонеты» (1920), циклов стихотворений «Ее дочери» (1914), «Песни Смутного времени» (1918) и «Серебряный бор» (1919), стихотворений «Змея» (1907), «Криница» (1908), «Покров» (1908), «Неотлучные» (1906), «Целящая» (1907), «Канцона I» (1908), «Сон Матери-Пустыни. Духовный стих» (1911), «Феофил и Мария. Повесть в терцинах» (1911), «Иов» (1912), «Gratiae Plena» (1912), «Уход царя» (1912), «Примитив» (1912), «Конь Арион» (1912), «Лира и ось» (1914), «Недугующим» (1914), «Убеленные нивы» (1914), «Мемнон» (1915), «Туча» (1915), «Певец в лабиринте» (1915), «Суд» (1915), «Бу́ди, бу́ди!» (1916), «Замышленье Баяна» (1916), «Моление св. Вячеславу» (1917), «Земля» (1928), «Пальма» (1914). Образы Повести присутствуют и в стихах «Римского дневника 1944 года»: «Как древний рай покрыла схима...», «Милы сретенские свечи...», «Велисарий-слепец», «В розах Май Тебе, Мария...», «Зачем, о дали, голубея...», «Нисходят в душу лики чуждых сил...», «И правоверный Кальдерон...», «Глубь воды во сне меня манила...», «Четыредесять и четыре...», «В ночь звездопад; днем солнце парит...», «Едва медовый справлен Спас...», «С тех пор как путник у креста...», «У темной Знаменья иконы, в ночь, елей...», «Ликуя, топчет спелый грозд...», «Ты на пути к вратам Дамаска», «Три брата есть: Благоговенье...», «Не боги ль в гости к ним, феакам...», «Порывистый, простосердечный...».

История изучения Повести, опубликованной в 1971 году, может отсчитываться с 1955 года, когда С.К. Маковский издал очерк о своем посещении Рима и знакомстве с рукописью произведения. Важную роль для понимания Повести как неомифологического текста сыграла статья Томаса Венцловы «О мифотворчестве Вячеслава Иванова: “Повесть о Светомире царевиче”» (1988). Создавались статьи о жанровом своеобразии и стилистике сочинения Вяч. Иванова (см.: Banerjee 1978; Стойнич 1988; Terras 1988; Łužny 1989; Стояновский 2000), системе ее персонажей и их именах (см.: Гей 1996; Кораблев 1998; Соколов 1999; Гей 2003). С.С. Аверинцев писал об историческом фоне Повести, отражении в ней реальной биографии поэта и т. д. (см.: Аверинцев 1995: 21, 24; Аверинцев 2002б: 114–120; Аверинцев 2002в: 37–38; Аверинцев 2002г: 16–17; Аверинцев 2008а: 18–19). Ученый включил данное произведение в составленный им сборник сочинений Вяч. Иванова и сопроводил его комментарием (см.: Иванов 1995а: 662–663). Михаил Вахтель опубликовал фрагменты Книги первой Повести, переведенные Вяч. Ивановым на немецкий язык (см.: Wachtel 1995: 283–300).

С.Д. Титаренко исследовала художественный мир Повести и, в частности, ее иконологию (см.: Титаренко 2006; Титаренко 2010; Титаренко 2012). Внимание В.Б. Микушевича и М.Н. Громова привлекли софийные мотивы произведения (см.: Микушевич 2002: 19–24; Громов 2002: 25–30). С.Д. Титаренко и А.Б. Шишкин рассмотрели сочинение поэта в контексте творчества Вяч. Иванова эмигрантского периода (см.: Титаренко–Шишкин 2013).

А.Г. Грек проанализировала архаичную поэтику «Послания Иоанна Пресвитера» — Книги пятой Повести (см.: Грек 2001; Грек 2004). Е.М. Верещагин установил, что произведение Вяч. Иванова может быть прочитано так называемой «рассказной погласицей» (см.: Верещагин 2006).

Исследовались учеными и включенные в Повесть стихотворения, стилизованные под русские духовные стихи (см.: Доценко 1986; Иваск 1988; Доценко 1988; Орлицкий 1992; Лепахин 1996; Шишкин 1996: 344–345; Орлицкий 1997; Доценко 2006; Łužny 1988; Woźniak 1988; Łužny 1997).

Статьи А.Л. Топоркова были посвящены фольклорным источникам Повести, использованию в ней образов Библии и «Послания пресвитера Иоанна» (см.: Топорков 2002; Топорков 2004; Топорков 2011а). В переработанном и исправленном виде они включены в издание: Топорков 2012. В нем рассмотрены главным образом три группы источников: во-первых, Священное Писание и литургические песнопения; во-вторых, цикл средневековых сочинений: «Слово о полку Игореве», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Послание пресвитера Иоанна»; в-третьих, русские духовные стихи: «большой» стих о Егории Храбром, «Плач Адама» и «Царевич Иоасаф и Пустыня». Впоследствии исследованы также цитатный слой Повести, связанный с сочинениями Данте, образ Егория-волчьего пастыря и стилизации духовных стихов в русской литературе первой трети XX века (см.: Топорков 2013; Топорков 2014; Топорков 2015).

В 2013–2014 годах в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва) были проведены две конференции, посвященные Повести и проблемам ее издания. На первой конференции «“Повесть о Светомире царевиче” Вяч. Иванова: проблемы издания и интерпретации» (12 сентября 2013 г.) выступили с докладами: А.Л. Топорков «Проблемы издания и комментирования “Повести о Светомире царевиче”», А.Б. Шишкин «Путь Вяч. Иванова к “Светомиру”», Ю.Б. Орлицкий «О ритмике “Повести о Светомире царевиче” Вяч. Иванова», Д.М. Магомедова «Вагнеровский слой в “Повести о Светомире царевиче” Вячеслава Иванова», С.Д. Титаренко «К проблеме контаминации традиций в “Повести о Светомире царевиче” Вячеслава Иванова: агиография и легенды о Св. Граале», Е.В. Глухова «Гностические темы в “Повести о Светомире царевиче” Вяч. Иванова».

На второй конференции «Вячеслав Иванов и его время. Поэтика “Повести о Светомире царевиче”» (11 февраля 2014 г.) были заслушаны выступления: Ю.Б. Орлицкий «Стиховые элементы в прозе Повести», Г.В. Векшин «Теневая рифма в звуковой фактуре Повести», Т.В. Скулачева «Сочинение и подчинение в Повести», С.В. Федотова «Проблема автобиографизма в Повести», А.Л. Топор-

ков «Символика цветообозначений в Повести», Е.А. Тахо-Годи «Некоторые размышления в связи с Повестью» и др.

Доклады Д.М. Магомедовой, Ю.Б. Орлицкого, А.Л. Топоркова и А.Б. Шишкина в переработанном виде включены в настоящее издание, статья Е.А. Тахо-Годи (см.: Тахо-Годи 2015) цитируется в примечаниях к настоящему изданию.

При составлении комментариев учитывалась научная литература о Повести, статьи, включенные в настоящее издание, а также материалы докладов вышеупомянутых конференций.

Курсив в цитатах за исключением специально оговоренных случаев наш. — *А.Т.*

Благодарим Н.А. Богомолова, Е.В. Глухову, Н.В. Котрелева, Д.М. Магомедову, В.В. Полонского, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина за помощь при составлении примечаний.

Книга ПЕРВАЯ

[1] *Повесть...* — Заглавие «Повесть о Светомире царевиче» выдержано в духе названий русских переводных произведений XVII в.: «Повесть о царе Аггее», «Повесть о царевне Персике», «Повесть о Валтасаре королевиче». При работе над Повестью Вяч. Иванов обращается и к другим сочинениям, содержащим в заглавии данное жанровое обозначение: «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского», «Повесть о Куликовской битве», переводная «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Указание на жанровую принадлежность к повести содержится также в «Слове о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, *начяти* старыми словесы трудныхъ *повѣстій* о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? <...> *Почнемъ* же, братіе, *повѣсть* сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря...» (Историческая песнь 1995: 9).

Слово «повесть» несколько раз фигурирует в тексте: напр., Лазарь читает своей матери Василисе «про Давыда-царя *повесть* свою излюбленную» (I.20.5). В другой раз Лазарь с Отрадой читают вместе «об изгнании праотцев из вертограда едемского *повесть*» (II.6.1). По мнению М.Ю. Стояновского, термин «повесть» в заглавии произведения «отсылает скорее к “Повести временных лет”, тексту, который выходит за рамки летописного свода и вбирает в себя дописьменную историю: предание, сказания <...>» (Стояновский 2000: 46).

Первоначальный набросок Повести (1894 г.) имел заглавия: «Комедия о славных мужех Владаре и Боривое и Владареве сыне Светомире» и «Комедия о великих мужах Владаре и Боривое и о сыне Володаревом Светомире» (с. 157 наст. изд.). Эти заглавия ориентированы на черновые варианты названия пушкинского «Бориса Годунова»: «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» и «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» (см.: Пушкин 2009/7: 704, 714). См. подробнее об этом с. 185–186 наст. изд.

[2] *...о Светомире царевиче.* — Светомир — реальное имя современных южнославянских языков (болгарский, сербский, хорватский, словенский). Впервые у Вяч. Иванова встречается в черновом варианте стихотворения «Озимь» (опубл. в 1906 г.): «И в мире встанет Светомир» (Обатнин 1994: 34), где «Светомир», вероятно, обозначает солнце. Слово встречается в «Бове» А.С. Пушкина как название города: «Не запомню, сколько лет спустя | После рождества Спасителя, | Царь Дадон со славой царствовал | *В Светомире*, сильном городе» (Пушкин 1977–1979/1: 57; см.: Кошемчук 2006: 631).

Современное слово «мир» соединяет в себе два разных слова, которые различались в старой орфографии: *миръ* — «отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствие» (Даль 1881/2: 328) и *міръ* — «вселенная <...> || Одна из земель вселенной; особ. || наша земля, земной шар, свет; || все люди, весь свет, род человеческий; || община, общество крестьян; || сходка» (Даль 1881/2: 330). В оригинале Повести, написанной в старой орфографии, имя *Свѣтомиръ* пишется через «и», а не через «і».

В тексте произведения неоднократно фигурирует слово «миръ» в значении ‘покой, счастье, благополучие’, напр., в различных предсказаниях о рождении Светомира: «<...> благословенно будет дитя твое: *мир* оно в душу твою и многих прольет <...>» (I.18.14), «<...> *мир* Господень с тобою пребудет до его рождения» (II.19.4). Несколько раз на протяжении Повести звучит пожелание «иди с миром» (I.4.4; II.17.7; V.10.17). Евангельское понятие «мир» привлекало особое внимание Вяч. Иванова. В 1902 г. поэт записал в своем дневнике: «“Мир” в Новом Завете — в Евангелиях — имеет особое таинственное и конкретное значение, и это должно и филологически исследовать» (Иванов 1971–1987/2: 771; см. комментарий С.С. Аверинцева к этой записи: Аверинцев 2008б: 789–790).

Для человека, пользующегося современной орфографией, в которой слова «миръ» и «міръ» не различаются, естественно желание видеть в имени Светомира результат стяжения высказываний Христа типа «<...> азъ есмь свѣтъ міру <...>» (Ин. 8: 12). Хотя такое сближение, по-видимому, является вторичным, имя Светомира действительно сопрягается в Повести не только с лексемой «миръ», но и с лексемой «міръ», обозначающей вселенную или мирян как противоположность служителям церкви: «Сей родитися имать на духовное некое *міру* откровение и целение; Лазарю бо *мірская* держава уготована, ему же духовная» (II.25.10); «<...> в *міру* же благословил старец Парфений именовать царевича Светомиром» (II.25.16). В речи старца Парфения встречается словосочетание «в свете міра»: «И первее из лона своего темного, земле подобно, плод изводит, и

отторгается от естества ее плод ее на свет солнечный и *в свете міра* сего лик свой <...>» (IV.12.12).

В докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909) Вяч. Иванов осмыслил цитаты из Евангелия от Иоанна и других новозаветных текстов, которые дают ключ к пониманию имени Светомира и концепции Повести в целом (см.: Символ 2008: 77). Свои наблюдения о конфликте между светом и миром Вяч. Иванов развил позднее в статье «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского» (1916) (Иванов 1917: 134).

[3] *Сказание*... — Слово «сказание» встречается в названиях древнерусских произведений, которые мог учитывать Вяч. Иванов при работе над Повестью: «Сказание о Вавилонском царстве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Сказания о Максиме Греке». См. также слова Пимена из пушкинского «Бориса Годунова»: «Еще одно, последнее *сказанье* — | И *летопись* окончена моя <...>» (Пушкин 2009: 19).

[4] ...*старца-инока*. — Словосочетание «старец-инок» вызывает ассоциации с образом пушкинского Пимена, о котором Вяч. Иванов писал в статье «Два маяка» (1937):

> В работе над «Борисом Годуновым» найден идеал Пимена. Заметка на полях в черновой рукописи сцены между летописцем и Григорием: «приближаюсь к тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательным» — согласуется, как бы мы ее ни толковали, с тогдашним умонастроением поэта, впервые познающего — и именно через создание Пимена — красоту духовного трезвения и смиренномудрой отрешенности.
>
> Иванов 1971–1987/4: 338

Образа Пимена Вяч. Иванов касается также в статье «О “Цыганах” Пушкина» (1908) (см.: Иванов 1971–1987/4: 304–305). Возможна и автобиографическая интерпретация «старца-инока» как ипостаси самого Вяч. Иванова (см.: Громов 2008: 277).

I

Первая глава Книги первой Повести (как и первая глава Книги третьей) представляет собой риторический exordium (вступление, введение к сочинению) и отличается высокой концентрацией славянизмов.

[1] *Зачинается повесть о Светомире царевиче*... — Аллюзия на «Слово о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, *начяти* старыми словесы трудныхъ

повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? <...> *Почнемъ* же, братіе, *повѣсть* сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря <...>» (Историческая песнь 1995: 9). В статье о «Слове о полку Игореве» Вяч. Иванов писал: «Автор начинает с обращения, напоминающего проповедь: “Не пристало ли нам, братья <...>”, с самого начала отказываясь от устаревшего обычая восхвалять военные подвиги в песнях, а не в хвалебных речах» (Ivanow 1937: 662. *Пер. с нем. А. Мазуровой*).

Словосочетание «зачинается (сказка, рассказ и т.п.)» характерны для литературных произведений, ориентированных на фольклор. См. начало «Потока-богатыря» А.К. Толстого: «*Зачинается песня* от древних затей <...>» (Толстой 1969/1: 294), первые стихи второй части «Конька-Горбунка» П.П. Ершова: «*Зачинается рассказ* | От Ивановых проказ, | И от сивка, и от бурка, | И от вещего коурка» (Ершов 1986: 47).

[2] ...*сыне Вла́даря-царя*. — Имя Владаря (Володаря) встречается в древнерусских источниках, напр., «Повесть временных лет» сообщает сведения о князе перемышльском Володаре (Владимире) Ростиславиче (ум. 1124). Слово «владарь» появляется впервые в стихотворении Вяч. Иванова «Август» из сборника «Нежная тайна» (1912) как метафорическое обозначение солнца: «Но пока звала Колдунья стужи, | Стал ленивей лучезарный *владарь* <...>» (Иванов 1971–1987/3: 34). В стихотворении из «Римского дневника 1944 года» («Ликуя, топчет спелый грозд...», 8 сентября 1944 г.) Владарем назван св. Вячеслав:

> Ликуя, топчет спелый грозд
> Багряный Вресень, виноградарь,
> Мой запевало Кормчих Звезд
> И старины про то, как *Владарь*
>
> Землей *владал*. <...>
>
> Стоит над ними, в небе слав,
> Заклан, земли славянской *владарь*,
> Мой ангел, юный Вячеслав,
> Причастной Чаши виноградарь.
>
> Иванов 1995/2: 191

См. примеч. 4 к I.3.5.

[3] *В белом царстве, христианском государстве*... — Вяч. Иванов использует традиционный сказочный зачин «В некотором царстве, в некотором государстве», заменяя «некоторое» на «белое». Эпитет «белый» может обозначать ‘священный, богоугодный’, а «белое царство» — ‘священное царство’, ср. у В.И. Даля: «Народ называет *белым*: веру свою, царя и отечество» с примером: «На белой Руси не без

добрых людей» (Даль 1880/1: 153). Кроме этого, словосочетание «белое царство» отсылает к обозначению «Белая Русь», с которым связано происхождение названия Белоруссии.

[4] *В его руке утвердилось державство...* — Ср. слова Саула Давиду: «<...> царство Израилево будет твердо в руке твоей» (1 Цар. 24: 21).

[5] *...имя его наполнило вселенную...* — Перефраз Псалтири: «<...> Моя вселенная и все, что наполняет ее» (Пс. 49: 12); см. также: «Дух Господа наполняет вселенную <...>» (Прем. 1: 7); «И пронеслось имя Давидово по всем землям <...>» (1 Пар. 14: 17).

[6] *...несла земля тяготы царства.* — О противопоставлении понятий «царство» и «земля» Вяч. Иванов писал в статье «Русская идея» (1930):

> Слово «земля» обозначает в первую очередь территорию, на которой расселился русский народ. <...> «Земля» означает далее собственно русскую народность, Русь, понимаемую как некий общественный организм, как носитель своеобычной, по большей части земледельческой культуры. <...> «Царство», именуемое позднее «империя» (имеющее то же значение, что и «*imperium*», βασιλε...α), представляет Россию как политическую силу, на укрепление мощи которой нация, порою вопреки собственной воле, положила свои лучшие силы. <...> Именно «земля», а не «царство», подлинная духовная родина нашего народа. Именно здесь корни его неповторимого творчества, воплощающегося в искусстве, в мифе и песне, именно здесь надобно искать сокровенное святилище его чистой души.
>
> Символ 2008: 103–106.
> *Пер. с нем. М. Кореневой*

[7] *...при явлéнных от Святого Егорья знамениях...* — Св. Егорий или Егорий Храбрый — традиционное прозвание св. Георгия Победоносца в русском фольклоре. Согласно церковному преданию, Георгий Победоносец жил во времена императора Диоклетиана и был обезглавлен после жестоких восьмидневных мучений в Никомидии около 303 г. Хотя о его личности не известно ничего достоверного, св. Георгий почитается и православными, и католиками, а под именем Джирджис — и мусульманами. В таких странах, как Россия, Англия и Грузия, этот святой считается небесным покровителем государства. Образ св. Георгия Победоносца, сокрушающего дракона, присутствует на гербах Москвы, царской и современной России. Особую роль в распространении культа св. Георгия сыграло то, что святому был приписан драконоборческий эпизод, который поставил его в один ряд с Гором, Персеем, архангелом Михаилом, Сигурдом, Дигенисом Акридом, Феодором Тироном, Добрыней Никитичем и другими мифологическими и фольклорными персонажами — победителями змеев и драконов.

[8] *...от кореня прозябший Господня Воина...* — «Прозябший» образовано от *ст.-слав.* «прозябати» ‘прорастать, всходить’, ср. в Службе Рождеству Пресвятой Богородицы: «<...> се бо Царица и непорочная Невеста Отча *от корене Иессеева прозябе*» (Вечерня, стихиры на стиховне, самогласны, глас 4; Скабалланович 2004а: 78).

[9] *...и не постыдило земли упование.* — Словосочетание «земли упование» восходит к Псалтири: «Дивенъ въ правдѣ, услыши ны, Боже, спасителю нашъ, *упованіе всѣхъ концей земли* и сущихъ въ мори далече <...>» (Пс. 64: 6; «Страшный в правосудии, услышь нас, Боже, Спаситель наш, *упование всех концов земли* и находящихся в море далеко <...>»). В изд. Псалтири, подготовленном Вяч. Ивановым, к словам «упование всех концев земли» сделано пояснение: «<...> указывает на всеобщее участие всех людей в спасении <...>» (Псалтирь 1950: 191). См. также: «<...> и воспрянуло *земли упование*» (III.14.13).

II

[1] *...шесть лесных сестер...* — Упоминание о «шести лесных сестрах» отсылает к так называемому большому духовному стиху о Егории Храбром, хотя в стихе у Егория было три сестры (в некоторых вариантах — две). После того как город, в котором жили Егорий, его родители и сестры, был захвачен басурманским царем, сестры отступили от христианской веры. Во время своей поездки по Руси Егорий встречает их, пасущих змеиное или волчье стадо и обросших древесной корой. Егорий побивает «стадо змеиное», а сестер посылает искупаться в Иордане-реке (см.: Афанасьев 1922/2: 496). См.: Топорков 2012: 380–386.

[2] *...их же, во тьме неведения сидящих, брат по естеству светом Христовым просветил.* — Плеоназм «светом просветил» восходит к русскому переводу Библии: «Вот, все это делает Бог два-три раза с человеком, чтобы отвести душу его от могилы и *просветить* его *светом* живых» (Иов. 33: 29–30); см. также в вечерней службе в среду 4-й недели после Пасхи: «Страстию Твоею Христе, омрачивый солнце, и *свѣтомъ* Твоего Воскресения *просвѣтивый* всяческая, приими нашу вечернюю пѣснь Человѣколюбче» (Триодь 2002: 122). См. также примеч. 4 к II.20.5, примеч. 14 к III.10.13.

[3] *Сих водáми крещения убеленных жен непорочных...* — Убеленный — от глагола «убѣлити» ‘побелить, выбелить’ (Благова — Цейтлин 1999: 724), в переносном смысле ‘очистить, спасти’, напр.: «<...> избрáнни бýдутъ и *убѣлятся*, и áки огнéмъ искусятся и освятятся мнóзи <...>» (Дан. 12: 10; рус. пер.: «Многие очистятся, *убелятся* и переплавлены будут в искушении <...>»). См. также: Пс. 50: 9; Ис. 1: 18; Откр. 7: 14. Ср. стихотворение Вяч. Иванова «Убеленные нивы» (см.: Иванов 1971–1987/4: 26) с эпиграфом из Евангелия от Иоанна: «Посмотрите на нивы, как они побелели» (полный текст: «А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотри-

те на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (Ин. 4: 35)). В «Канцоне II»: «Нас таинство венчало | Заветных Врат, чтоб нам в любви созреть | И всю победной славу лицезреть | В бессмертном *убеленье*!» (Иванов 1971–1987/2: 422). То, что сестры Егория называются «непорочными женами», контрастирует с «лесными сестрами», сидящими «во тьме неведения», как они именуются в Повести выше (см.: I.2.1).

[4] *...опричь единого Христова исповедника, и того в юные лета замýчена...* — Указание на то, что «Христов исповедник» был замучен «в юные лета», является аллюзией на жизнеописание Георгия Победоносца, который, согласно церковному преданию, поступил на воинскую службу в юном возрасте. Первое свидетельство о Георгии можно встретить в сообщении Евсевия Кесарийского о безымянном молодом человеке знатного происхождения, который в Никомедии (современный Измир в Турции) в 303 г. разорвал декрет Диоклетиана против христиан и принял мученический конец (см.: Сендерович 2002: 44). Хотя имя Георгия здесь не названо, сообщение традиционно относится именно к нему (см.: Кирпичников 1879: 65). В Повести речь может также идти о безымянном герое, который позднее в народном предании приобрел черты св. Георгия. Подобные культы безымянных героев Вяч. Иванов исследовал в книге «Дионис и прадионисийство» (см.: Иванов 1994а: 73–75).

[5] *...братогубительным одержимы неистовством, в междоусобной распре друг друга мало не искоренили.* — Перефраз слов из Книги Премудрости Соломона: «Отступи́въ же от нея́ непра́ведный во гнѣ́вѣ свое́мъ *со братоубі́йственными* поги́бе *я́ростьми* <...>» (Прем. 10: 3; рус. пер.: «А отступивший от нее (от Премудрости. — *Ред.*) неправедный во гневе своем погиб *от братоубийственной ярости*»).

[6] *...внучатый племянник Егорьев Горыня-богатырь с двумя сынами, от них же и Горынские князья пошли.* — Имя «Горыня» восходит к русским волшебным сказкам, напр., исполин Горыня фигурирует вместе с Дубыней и Усыней в сюжете «Три подземных царства» (см.: СУС 1979: 301). Имя «Горыня» соотносится с «горой», напр., в сказке «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри» из сборника А.Н. Афанасьева: «Пошли двое и увидали богатыря — захватил тот богатырь целую *гору*, понес в лог и верстает дорогу. Ивашко удивился: “Вот чудо так чудо! Уж больно силен ты, *Горынюшка*!”» (Афанасьев 1984/1: 245, № 141). Кроме того, «Горыня» ассоциируется с отчеством Змея *Горыныча*. См. у Даля: «*Горыня* м. сказочный богатырь и великаница, который горами качает. *Горынич* м. сказочное отчество, придаваемое богатырям, иногда змею, или жителям гор, вертепов, пещер» (Даль 1880/1: 376).

[7] *И прослыли те неключимые богатыри в молве Змиевым Семенем...* — Словосочетание «Змиево Семя» восходит к словам, которыми Господь проклял змея: «<...> и вражду положу между тобою и между женою, и между *семенем твоим* и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3: 15).

Неключимыи (*ст.-слав.*) — бесполезный, непригодный (см.: Благова — Цейтлин 1999: 366), непотребный, ср.: «Вси́ уклони́шася, вку́пѣ *неключи́ми* бы́ша: нѣ́сть творя́й благосты́ню, нѣ́сть до еди́наго» (Пс.13: 3; рус. пер.: «Все уклонились, сделались равно *непотребными*; нет делающего добро, нет ни одного»).

[8] *...зачались, мол, — толковали простецы, — от потопа кровавого, как хлынула наземь полыньею кровь из утробы Дракона лютого...* — Описываемая сцена восходит к эпизоду, который встречается в некоторых вариантах «большого» духовного стиха о Егории Храбром: после того как Егорий поразил палицей вражеского царя или посек змеиное стадо, он оказался по грудь в крови:

Потопила Егория кровь жидовская,
Кровь жидовская, босурманская:
По колена во крови стоит —
Святой Егорий глаголует:
«Ох ты гой еси, матушка сыра земля!
Приими в себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую».
Расступилася матушка сыра земля
На две стороны, на две четверти,
Пожрала в себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.

Афанасьев 1922/2: 497–498*

Аналогичный эпизод встречается и в других духовных стихах, а также в былинах, напр., в былине про Добрыню Никитича (см.: Гильфердинг 1949–1951/1: 138–139, № 5). Вяч. Иванов помнил о сходной ситуации в Откровении Иоанна: «И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей» (Откр. 12: 15–16). В изд. 1946 г. поэт прокомментировал данный фрагмент: «Земля, с надеждою ожидающая откровения сынов Божиих (Рим. 8: 19 сл.), помогает жене» (Деяния 1946: 484). См. также примеч. 4 к III.14.12.

[9] *...которого Божий посол Егорий благословенною стрелою пронзил.* — Победа над драконом описывается в чуде св. Георгия, имеющем широкое международное распространение, а также в русском «малом» духовном стихе о Егории Храбром. Изображение победы св. Георгия над драконом богато представлено в иконографии и скульптуре восточного и западного христианства. В символическом плане

* Здесь и далее фольклорные тексты цитируются по источникам, которые предположительно были известны Вяч. Иванову.

дракон обозначает дьявола и язычество, а победа св. Георгия над ним — установление христианства.

[10] *И сии невегласы толико пустобредили...* — Невеглас — невежда, неученый, несведущий (см.: Даль 1881/2: 508). Напр., в «Истории о начале Русской земли и о создании Новгорода»: «И баснословят о сем Волхве *невегласи* <...>» (Попов 1869: 443—444).

[11] *...иные же иное измыслили нечестие: будто Егорьевы сестры, как в дубравах жили, змеиные стада пасли...* — Имеется в виду эпизод из русского большого духовного стиха о Егории Храбром:

И еще Егорий наезжаючи
На то стадо на змеиное,
На змеиное, на звериное, —
Пасут то стадо три пастыря,
Три милые сестры.

Афанасьев 1922/2: 496

[12] *...и с демонами Змеевиками совокупились.* — Рождение от змея приписывается многим мифологическим героям. В былине из сборника Кирши Данилова от змея был зачат князь-оборотень Волх Всеславьевич:

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.

Кирша 1977: 32

В легендах о рождении Александра Македонского его мать Олимпиада зачала его от змея либо от мага или бога, явившегося к ней в образе змея (см.: Плутарх 1994/2: 116—117).

[13] *Оное же о Змиевом Семени слово в притчу... старые люди молвили, охуждаючи окаянство племени; молодые из присловья да порѐкла не́быль о пращуре Змие сплели.* — Люди старого времени прозвали Горынских «Змиево Семя», а их потомки поняли это прозвище буквально, так появился миф о происхождении Горынских от змея. Это соответствует взгляду на мифологию как «болезнь языка» у Макса

Мюллера и А.Н. Афанасьева. Еще Плутарх высказывал предположение, согласно которому миф о волчице, вскормившей Ромула и Рема, возник из-за имени их кормилицы «lupa», что означает по-латыни «и самка волка, и женщина, занимающаяся ремеслом блудницы» (Плутарх 1994/1: 24—25. *Пер. С.П. Маркиша*).

[14] *Инд̀о Горынских прозвание надоумило, от силы-де расплодились Змея Горыныча...* — Мнение «простецов» о том, что предком князей Горынских был Змей Горыныч, основано на прозвище «Горынские», хотя на самом деле оно восходит к имени Горыни (см. примеч. 6 к I.2.3).

[15] *Сим убо Кадмовым волотам подобно, своею же и те истребились яростью, брат брата боря́.* — Волот — гигант, великан (см.: Даль 1880/1: 236). В греческой мифологии Кадм считался основателем Фив. С упоминанием Кадма, по наблюдению Е.А. Тахо-Годи, связана одна из сюжетных загадок Повести:

> Казалось бы, проблем с комментированием тут не должно быть: Вяч. Иванов сам раскрывает свои карты, причем вроде бы отрицает все языческие «баснословия» в пользу христианской версии, что Горынские пошли от «внучатого племянника Егорьева Горыни-богатыря с двумя сынами» (I.2.3). Однако есть основание подозревать, что Вяч. Иванов на самом деле не отказывается от «еллинских баснословий» и упоминание о Кадме — легендарном первом царе Греции — на первых же страницах «Повести о Светомире царевиче» для него имеет особый смысл.
>
> Как известно, Кадм по совету богини Афины убивает дракона, сеет в поле его зубы, из них тут же вырастают богатыри, от которых остается в живых пятеро. Это так называемые «спарты», от которых вели свою родословную знатнейшие обитатели Фив — города, возникшего вокруг Кадмеи, заложенной Кадмом и спартами. Казалось бы, для интерпретации ивановской «Повести о Светомире царевиче» миф этот никак не работает. Но если мы так решим, то, боюсь, окажемся как раз теми «простецами», над которыми иронизирует автор. Чтобы этого избежать, надо обратить внимание на другой эпизод, весьма далеко отстоящий от начала. В 4-й книге, в главе XI, изображая беседу двух родичей, двух князей Горынских — Владаря и «Радивоя, князя Горынского, Констанина града кесаря нареченного» (IV.3.12), — о судьбе Светомира, Вяч. Иванов пишет: «Не ведал о Жихоревом сыске Радивой; но аки вещий слепец Тиресий, прорицатель еллинский, стал пред владыкою и провещал: “О спасении Светомировом промыслить настает нужда”» (IV.11.1). Случайно ли сравнение слепого Радивоя со слепым Тиресием? — думаю, что нет. Кто такой Тиресий? — он не только сын одного из пятерых «спартов» Удея и нимфы Харикло, не только слепец, обладающий, благодаря Афине, даром провидения, но один из первых, судя по трагедии Еврипида «Вакханки», кто стал проповедо-

вать в Фивах нового бога Вакха-Диониса — рожденного Зевсом от дочери Кадма Семелы. Если бы создателем «Повести о Светомире царевиче» не был автор «Диониса и прадионисийства», то сравнение Радивоя с Тиресием было бы лишь сравнением. Но в ивановском тексте оно дает основание предположить, что излюбленный «дионисийский» пласт, хотя и не явно, все-таки присутствует и в этом ивановском произведении и что дальнейшая судьба Светомира — его смерть и пробуждение — связана в сознании Вяч. Иванова и с древним культом «страждущего, гибнущего, воскресающего Диониса» (Иванов 1989: 309). Тогда новый смысл приобретает задуманная Вяч. Ивановым (и известная нам по изложению С.К. Маковского) отправка Светомира на Восток, в Индию, «на обучение к мудрейшему Иоанну, в далекой Индии пресвитеру» (текст С.К. Маковского цит. по: Топорков 2012: 62) и его последующие странствия. Ведь и Дионис, отданный Зевсом через Гермеса на воспитание нисейским нимфам (Eur. Bacch. 556–559) или сестре Семелы Ино (Apollod. III 4, 3), скитался по Египту, Сирии, Фригии и оттуда, получив исцеление, через Фракию отправился в Индию (Apollod. III 5, 1), и лишь потом из восточных земель (из Индии или из Лидии и Фригии) возвратился в Грецию, в Фивы, а вместе с тем занял место среди олимпийских богов»

Тахо-Годи 2015: 36

См. также примеч. 1 к IV.11.1.

[16] *...и кто... ту стрелу добудет, всю землю себе под нóги покорит.* — Образ золотой стрелы, которая сулит нашедшему ее сверхъестественную власть и могущество, аналогичен золотому кольцу нибелунга из тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» («Der Ring des Nibelungen», 1848–1874), а также образу Грааля. См. также примеч. 6 к I.9.8.

III

[1] *Миновали века стародавние...* — Противопоставление старых мифических времен и Нового времени встречается в «Слове о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти *старыми* словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? <...> *Почнемъ* же, братіе, повѣсть сію отъ *стараго* Владимера до нынѣшняго Игоря... О Бояне, соловію *стараго* времени!» (Историческая песнь 1995: 9). Эпитет «стародавняя» встречается в сборнике Кирши Данилова: «Благословите, братцы, старину сказать, | Как бы старину *стародавнюю*» (Кирша 1977: 167; см. также: Там же: 211).

[2] *...оставалось от рода Горынских всего двое мужей — князь Давыд, веком из двоих старший, и князь Боривой...* — В символической системе Повести имя Давида играет важную роль: внук Давыда Светомир происходит «из колена Давидова», что входит в густую сеть соответствий, связывающих его с образом Христа.

«...князь Боривой...» — Такое имя носили два древнечешских князя: Боривой I царствовал между 870 и 890 гг.; Боривой II, сын короля Вратислава, наследовал в 1100 г. великокняжеский престол после брата Бретислава. См. также поэму А.К. Толстого «Боривой» (1870).

[3] *...и княгине его Василисе Никитишне, из рода Микулиных, что вели себя от древлего богатыря Микулы Селяниновича...* — В русском былинном эпосе Микула Селянинович занимает особое место как богатырь-пахарь. Былины знают и дочь Микулы Селяниновича Василису Микуличну (или Никулишну): обычно это верная жена богатыря Ставра Годиновича или Данилы Ловчанина. От своего отца Василиса Микулична унаследовала необычайную силу и мудрость. Ср. использование имени Микула в качестве нарицательного в стихотворении Вяч. Иванова «Земля»: «И по-иному луг мне зелен, | Журчит иначе студенец | Под сенницей лесных молелен, | Чем жнице ль, пастушку ль овец, — | *Микулам, сельским уроженцам*, | Поднявшим ралами поля <...>» (Иванов 1971–1987/3: 508).

[4] *...зане тому суждено в совете Господнем было землей володать, откуда и Володарѝ прозвище ему в годах приложилось.* — Лазарь получил имя Владаря после того, как стал великим государем: «И выбрал собор Лазаря великим государем, и молил его величаться Владарем; народ же его Володарём прозвал» (II.23.8). Имена Лазарь и Владарь противопоставлены в словах Лазаря Василисе: «Думала, сын твой Влáдарь; а он, как наречен Лазарем, таков и вышел: сиречь не Влáдарь, а убогий Лазарь» (I.16.6). При этом и после получения нового имени Лазарь незримо для окружающих существует в теле Владаря. Напр., во сне Владаря Отрада по-прежнему называет его Лазарем, и он радостно откликается на ее призыв: «И будто позвал Владаря голос Отрадин издалеча: “Лазарю, Лазарю!” И возрадовался Владарь, как отрок малый, в лесу заблудший, оклик заслышав родимый» (III.3.23). См. также: «Умолк Радивой; и воздохнул из уст Владаревых Лазарь Отрадин: “Аминь”» (IV.12.16). См.: примеч. 2 к I.1.1 и примеч. 4, 5 к III.23.8.

[5] *...навстречу ей... плывет на воздусех, ровно челн по озеру, облак червлéный...* — Явление Егория на облаке перекликается со сценами Нового Завета: «*И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому*; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп» (Откр. 14: 14; см. также: Дан. 7: 13; Мф. 24: 29–30; Мк. 14: 62; Лк. 21: 27; Откр. 1: 7; Откр. 10: 1). Образ «червленого облака» напоминает распростертое над миром огненное облако, которое видел апостол Павел в апокрифическом тексте: «И возрѣ видихъ *облакъ огнънъ* распростеръ над миръ весь» (Слово о видении св. ап. Павла [ркп. XV в.] // Тихонравов 1863: 43). Ангел объяснил ап. Павлу, что это облако — беззаконие, смешанное с молитвой.

[6] *...и на том облаке, диво дивное...* — Словосочетание «диво дивное» (см. также: III.16.9) имеет богатую традицию употребления в фольклоре: см., напр., сказку «Диво дивное, чудо чудное» (СУС 1979: 571). Общий контекст напоминает стихи А.А. Блока из цикла «На поле Куликовом»: «“Явись, мое *дивное диво*! | *Быть светлым* меня научи!» («Опять с вековою тоскою...» // Блок 1997—/3: 172).

[7] *...сам Свет-Егорий стоит, юноша красный в доспехах пресветлых, и копье лучевидное в руке держит.* — Внешность св. Егория описывается в соответствии с иконографическим типом, восходящим к византийской традиции; напр., в сводном иконописном подлиннике:

> Св. Георгий *подобием млад, лицем прекрасен*, власы рус изчерна и кудреват, и аки подстрижены, *риза воинская в бронех*, доспех пернатый, приволока киноварная, исподняя риза лазоревая, у сердца зерцало круглое, *в правой руке копье*, а в левой меч в ножнах, за правым плечом шлем, а на нем крест <...>.
>
> Малицкий 1915: 147—148

См. описание известной иконы из Успенского собора Московского Кремля (около 1170 г.):

> Святой представлен в полном воинском облачении. Сияет золотом пластинчатый доспех, на плече — алый, тоже с золотым орнаментом плащ, правая рука сжимает копье, левая словно протягивает молящимся меч с крестообразной рукоятью.
>
> Вилинбахов — Вилинбахова 1995: 11—12

«Свет-Егорий» или «Егорий-свет» — обычное именование Егория в духовных стихах и заговорах, напр.: «Оставалося да чадо милое | Чадо милое, дитё единое — | *Егорий-свет* храбрый» (О Егории Светохрабром // Ляцкий 1912: 98); «И, *свет ты Егорий*, *свет* милостивой!» (Майков 1992: 123, № 290). «Световая» семантика приложения актуализируется благодаря описанию Егория как лучезарного небесного воина.

[8] *...водрузил ей копье-луч прямо в темя, и проник в нее луч сквозь все тело...* — Данный фрагмент можно рассматривать как автоцитату. В автобиографической поэме «Младенчество» Вяч. Иванов рассказывает о сне, который привиделся его матери и предвещал рождение поэта: «Заране храм ей снился, — тот, | Где столько лет ее приход: | *В нем луч в нее метнул Георгий*; | *Под жалом Божьего посла* | *Она в земную глубь вросла*» (Иванов 1995/2: 11). Скорее всего Вяч. Иванов включил в «Младенчество» поэтическую запись реального сна своей матери. Визуальный образ золотого луча с неба здесь восходит к иконографии Благовещения. Об

образе «оружие пронзает тело» см.: примеч. 3 к IV.12.9; примеч. 3 к V.14.9., а также в изд.: Топорков 2012: 402—407.

[9] *...и под тем она копьем под Егорьевым до самых грудей в землю вошла.* — Ср. духовный стих «Сорок калик со каликою»: «И положили они [калики] заповедь великую: | Кто обворует али в блуд войдет <...> | И копать *во сыру землю по белым грудям* <...>» (Ляцкий 1912: 137).

[10] *...«через ее-де материнское чрево, оно же и есть Мать-Земля сама...* — Ср. в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (слова Марьи Тимофеевны Лебедкиной):

> А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица, что есть, как мнишь?» — «Великая Мать, отвечаю, упование рода человеческого». — «Так, говорит, *Богородица — великая мать сыра земля есть*, и великая в том для человека заключается радость».
>
> Достоевский 1972—1990/10: 116

Данную цитату Вяч. Иванов рассматривает в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) (см.: Иванов 1971—1987/4: 512—513). Образ матери-земли — один из ключевых в поэзии и эссеистике Вяч. Иванова: напр., в статье «Русская идея» (1930) он отмечает:

> Представление античных трагиков о том, что грех погружается в лоно матери-земли, живет по сей день в нашем народе. В нашем современном русском фольклоре можно даже обнаружить обычай каяться перед матерью-землей, почитание которой отчасти связано с поклонением Богородице.
>
> Символ 2008: 125, примеч. е (*так!*).
> *Пер. с нем. М. Кореневой*

[11] *...целых двадцать лет прошло и два года, а чета пребывала бесчадною.* — Мотив многолетнего бесплодия и последующего зачатия в результате божественного вмешательства восходит к Библии, в которой

> <...> бесчадие почитаемо было тяжким несчастием и наказанием Божиим. Так, Авраам жаловался Богу на свое бесчадие; Рахиль хотела лучше умереть, чем оставаться бездетною; Анна, впоследствии мать Самуила, неутешно сетовала на неимение детей и в слезной молитве просила Господа о даровании ей сына; Елисавета, мать св. Иоанна Предтечи, прямо называла свое неплодство стыдом, «поношением между людьми». <...> У Авраама родился сын Исаак, один из главных Израильских родоначальников; у Анны — Самуил, достославный правитель народа;

> у Елисаветы — Иоанн, великий Пророк и Предтеча Господень. Это же самое случилось и с родителями Пресвятой Девы.
>
> Сказания 1904: 37

См.: примеч. 10, 11 к I.4.9.

IV

[1] *Видит дуб старый, грозою опаленный, и родник под ним из земли бьет...* — В древнегреческой, римской и славянской мифологиях дуб осмыслялся как дерево громовержца. По народным поверьям, родник мог пробиться из-под земли от удара молнии: ср. у В.И. Даля: «*Громовóй колодезь, ряз.* ключ из-под камня, по народному поверью от удара грозы, на который ставят часовенку» (Даль 1880/1: 397). Зарисовку дуба во время грозы см. в стихотворении Вяч. Иванова «Конь Арион»: «И вот — на крутизне стою, | Пустынный дуб, широкошумный; | Полусожжен, дремлю, пою, | Целуюсь с молнией безумной» (Иванов 1995/1: 452, № 397).

[2] *...залюбовалась Василиса на журчливый родник и востужила о своем бесплодии.* — Сходный эпизод встречается в Первоевангелии Иакова. Приведем его в пересказе из популярного изд. 1904 г. Анна, жена Иоакима, долгие годы не могла иметь детей. Однажды она

> <...> вышла в сад и в молитвенных думах, возводя глаза к небу, увидела среди ветвей лаврового дерева гнездо едва оперившихся птичек. Вид этих юных птенцов еще более поразил ее скорбящее о бесчадии сердце. «Горе мне, — говорила она, — одинокой, отвергнутой от храма Господа Бога моего и пред всеми униженной дщери Израилевой! На кого я похожа? Все в природе рождает и воспитывает, все утешаются детьми; лишь я одна не знаю этого наслаждения. Не могу сравнить себя ни с птицами небесными, ни с зверями земными: те и другие приносят плод свой Тебе, Господи; лишь я одна остаюсь бесплодною! *Ни с водами: они, в быстрых струях своих, родят на славу Твою живые творения*; лишь я одна мертва и безжизненна!
>
> Сказания 1904: 42

[3] *Окликнула ее старица прохожая...* — Старица — «монахиня, черница, черничка, инокиня, отшельница, скитница, принявшая ангельский чин, постриженная или келейница» (Даль 1882/4: 317). «Старица» может быть и молодой, напр., в сборнике Кирши Данилова: «<...> А и старицы-черницы, души красныя девицы!» (Кирша 1977: 200); см. далее в Повести слова о Параскеве: «<...> сама возрастом юная, старица мудростию <...>» (V.12.7).

[4] *...и родник сей Егорьев ключ.* — Название «Егорьев ключ» соотносится с поверьями о том, что весной св. Егорий отмыкает своим ключом землю и выпускает росу (см.: Фаминцын 1995: 324–329). По другим преданиям, родник появляется там, где конь св. Георгия ударил землю своим копытом: ср. в сонете Вяч. Иванова «Над глетчером, лохматым и изрытым...»:

> Над глетчером, лохматым и изрытым,
> Мы набрели в скалах на водоем.
> *Георгий ли святой прошиб копьем*
> *Кору ключей*? Но некий конь копытом
>
> Ударил тут; и след все зрим... <...>
>
> Иванов 1971–1987/2: 426

Слово «ключ» подсказывает, что этот родник отопрет неплодную утробу Василисы, см. далее в Повести: «Испила Василиса с молитвою воды *ключевой* студёной <...>» (I.4.6).

[5] *Испей, по молитве, воды от источника...* — См. характерный совет Серафима Саровского больной женщине: «Поди умойся в ключе и напейся — и будешь здорова» (Чичагов 2009: 341).

[6] *...и ступай до грозы домой с миром.* — Сцена перекликается с эпизодом Первой Книги Царств: бесплодная Анна молилась перед Господом, чтобы он дал ей дитя, а священник Илий сказал ей: «*Иди с миром*, и Бог Израилев исполнит прошение твое, чего ты просила у Него» (1 Цар. 1: 17). После этого Анна зачала и родила сына, который стал пророком Самуилом. Ср. также слова Христа исцеленной им женщине: «Он сказал ей: дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя; *иди с миром*» (Лк. 8: 48; см. также: Мк. 5: 34).

[7] *...родился младенец на Егорья вешнего...* — Егорий вешний (весенний) — 23 апреля по старому стилю.

[8] *...и наречен был... Лазарем...* — Имя Лазарь восходит к *греч.* Λάζαρος, а то в свою очередь — к *евр.* ʼelʽāzār, что означает ‘Бог помогает’ или ‘Бог помог’. В Новом Завете фигурируют два Лазаря. В Евангелии от Иоанна рассказывается про воскрешение Лазаря Четверодневного (см.: Ин. 11: 1–46), а в Евангелии от Луки приводится притча о нищем Лазаре, который был взят после смерти на лоно Авраамово (см.: Лк. 16: 19–31). Оба евангельских эпизода важны для понимания Повести (см.: Топорков 2012: 163–164). Выбирая, как назвать своего героя, автор мог также учитывать имя сербского святого князя Лазаря Хребеляновича, попавшего в плен к туркам в битве на Косовом поле и позднее казненного ими (1389 г.). См. примеч. 11 к I.3.12.

[9] *...поставить крест и сень над криницею.* — Криница — «ключ, родник, мелкая копань, колодец на водяной жиле, куда вставляется бочка, чан» (Даль 1881/2: 194).

[10] *И хвалили Бога родители обрадованные…* — Радость супругов была вызвана прежде всего тем, что Бог отметил их благодатью дарования им ребенка. В Священном Писании подобные примеры харатерны, напр., для родителей будущих праведников: Екатерина и Захария — родители Иоанна Предтечи, Анна и Иоаким — родители Марии. Ср. описание ангельского благовестия Захарии:

> Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; *и будет тебе радость и веселие*, *и многие о рождении его возрадуются*, ибо он будет велик пред Господом <…>.
>
> Лк. 1: 13–15

[11] *…и обновилась жизнь их, и ключом взыграла, словно давняя им вернулась младость.* — Образ возвращенной молодости и глагол «обновилась» намекают на текст Псалтири: «<…> обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102: 5). В своем изд. Псалтири Вяч. Иванов пояснил этот стих: «Св. Иероним говорит (толк<ование> на Ис. 40: 31), что со сменой перьев возвращается старому орлу сила молодости <…>» (Псалтирь 1950: 327). См. примеч. 8, 9, 10 к III.6.12.

V

[1] *…в играх, охотах и ристаниях борз и смел*; *к учению книжному весьма горазд*; *в ответах сметлив и быстр…* — Фрагмент напоминает описание чудесного детства былинного богатыря, напр., в былине о Волхе Всеславьевиче:

> А и будет Вольх семи годов,
> Отдавала ево матушка грамоте учиться,
> А грамота Вол(ь)ху в наук пошла;
> Посадила ево уж пером писать,
> Письмо ему в наук пошла.
>
> Кирша 1977: 33

См. также рассказ Епифания Премудрого о детских годах Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 56).

[2] *Приключилось же ему в игре от сверстников, княжьих и боярских детей, в цари выбрану быть…* — Эпизод восходит к «Истории» Геродота. Будущего царя Кира в детстве воспитывала жена пастуха:

> Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. <…> мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. <…> Один из ребят — участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью.
>
> Геродот 2007: 53

Эпизод имеет также параллели в апокрифическом «Евангелии Младенчества»: однажды ребенок Иисус «собрал детей и поставил их, как бы перед царем». Если кто-нибудь проходил мимо, дети останавливали его и заставляли поклониться царю (см.: Новозаветные апокрифы 2001: 99).

[3] *…и повел он потешную рать в леса походом.* — Намек на «потешные войска», которые возникли из так называемого Петрова полка, сформированного Алексеем Михайловичем из «малых робяток» для забав царевича Петра. С конца 1683 г. в число «потешных» стали записываться и взрослые. В 1691 г. потешные войска разделились на два полка, Преображенский и Семёновский.

[4] *А родня его… Васька Жихорь…* — Жихарь (*диал.*) — житель, обыватель (псков., смолен.); домохозяин, зажиточный хозяин (новгород.); лихой малый, удалой, плясун, разбитной парень; насмешник и обидчик (рязан.) (см.: Даль 1880/1: 545). По историческим источникам известен Жихарь Василий Долматович, великокняжеский дьяк (1475 г.). Прозвище «жихарь» встречается в сказках: Баба-Яга похищает жихаря, который отправляет в печь ее дочерей, а потом и ее саму (см.: Афанасьев 1984/1: 135–136, № 106). В автографах Повести Жихорь первоначально звался Жирятой, по имени св. Луки Жидяты (или Жиряты), новгородского епископа XI в.

По наблюдениям Т. Венцловы, в Повести «самодержцу-Владарю придаются некоторые черты Петра <…> и даже Ивана Грозного, при котором состоит своего рода Малюта Скуратов — Васька Жихорь <…>» (Венцлова 1988: 41).

[5] *Вяжи-ка его, дружина хоробрая!*» — Словосочетание «дружина хоробрая» восходит к былинам, напр.:

> Обвернется Вольх ясным соколом,
> [В]звился он высоко по поднебесью,
> Полетел он далече во чисто поле,
> Полетел ко своей *ко дружине хоро́брыя*.
>
> Кирша 1977: 35

[6] *…оскалилась на отрока волчица лютая, и шерсть на ней от ярости вздыбилась…* — Эпизод с волчицей находит аналогии в «Саге о Вёлсунгах» и в «Божественной комедии» Данте (см.: Топорков 2012: 217–218). В пятой главе «Саги о Вёлсунгах» рассказывается, что конунг Сиггейр, взяв в плен девять братьев своей жены, приказал набить им на ноги колоду и оставить их в лесу:

> А как сидели они в колоде той о полуночи, вот выходит к ним из лесу старая волчиха; была она и велика и собой безобразна. Удалось ей загрызть одного из них насмерть; затем съела она его без остатка и пошла прочь. <...> Коротко сказать, девять ночей кряду приходила эта самая волчиха в полночь и заедала одного из них до смерти, пока все погибли и Сигмунд один остался. <...> И сказывают иные так, будто эта самая волчиха была матерью Сиггейра-конунга, а приняла она такое обличие через свое волшебство и чародейство.
>
> Сага о вольсунгах 1934: 107–108

Данная параллель наводит на мысль о том, что волчица, угрожавшая Ваське Жихорю, могла быть оборотнем или воплощением дубравного беса.

[7] *...и, видючи Лазаря, бегущего на нее и возбраняющего ей, голову на выю вскинула и, взвывши, в чащу ушла.* — В данном эпизоде Лазарь впервые сталкивается с волками (см. также: I.12.9–10). Он наделен чудесной властью над ними как потомок св. Егория, который, по славянским поверьям, является хозяином и повелителем волков. Ситуация повторится, когда Лазарь прогонит волка от спящего Симеона (см.: I.13.1–4).

[8] *...забился в судороге, с пеною ỳ рта...* — Припадок эпилепсии указывает на высокое предназначение Лазаря. Об эпилепсии как «священной болезни» Вяч. Иванов писал в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) (см.: Иванов 1971–1987/4: 509, 540–541, 555–558).

VI

[1]*...и засылал в Боривоев дальний удел присных своих и искренних сватами...* — Присные — в знач. сущ. (нет ед. ч.) ‘приспешники, близкие люди, единомышленники’ (*разг. презрит.*) (см.: Ушаков 2000/3: 850). «Искренний» в знач. сущ. употребляется со значением ‘ближний, всякий человек’ (см.: Даль 1881/2: 51).

[2] *...сýлена, да не сýжена, — сýлена, да не сýжена.* — Ср. в былине «О женитьбе князя Владимира»: «А и ряженой кус, да не суженому есть!» (Кирша 1977: 58).

[3] *...а промеж ними булатный меч».* — Сцена, в которой герой и героиня спят, разделенные мечом, встречается во многих произведениях мировой литературы и искусства, в том числе в опере Р. Вагнера «Сумерки богов» («Götterdämmerung», либретто — 1849–1852; музыка — 1871–1874) и в соответствующих эпизодах «Старшей Эдды» (Отрывок песни о Сигурде. 19; Краткая песнь о Сигурде. 4), а также в легенде о Тристане и Изольде. В опере Р. Вагнера «Сумерки богов» Зигфрид и Гунтер клянутся друг другу в вечной дружбе и совершают обряд братания, Зигфрид принимает обличие Гунтера и привозит ему Брингильду. Ночью Зигфрид кладет между собой и Брингильдой свой меч Нотунг. Лазарь и

Управда, подобно Зигфриду и Гунтеру, также являются побратимами, что еще больше сближает сцены Повести и оперы. См.: примеч. 16 к I.9.14.

[4] *...каленѝ стрелы в тулах звенят.* — «Каленые стрелы» — стрелы с закаленными на огне железными наконечниками; «тул» — колчан (см.: ЭСПИ 1995/5: 66, 140). Ср., напр., в «Слове о полку Игореве»: «А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени; пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у них напряжени, *тули* отворени, сабли изъострени» (Историческая песнь 1995: 9); «Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ *стрѣлы каленыя* <...>» (Там же: 17).

[5] *...я князя Давыда люблю, что горд и, как орел, в уединенном гнезде сидит...* — Боривой иронически переиначил слова пророка Аввакума: «Горе тому, кто жаждет неправедных приобретений для дома своего, чтобы *устроить гнездо свое на высоте* и тем обезопасить себя от руки несчастья!» (Авв. 2: 9). См. также: Иов. 39: 27–29; Иер. 49: 16.

VII

[1] *...и крестами витязи поменялись.* — Ср. отношения между персонажами романа Ф.М. Достоевского «Идиот» П. Рогожиным и Л.Н. Мышкиным, о которых Вяч. Иванов писал в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932): «Не удивительно, что *они побратимы, что обменялись крестами* и, хоть соперники, любят друг друга, как кровные братья. Оба влекомы к той же любимой женщине, которой предназначены судьбой» (Иванов 1971–1987/4: 549).

[2] *...поленúцею ласково величал.* — Поленúца — былинный герой, богатырь — мужчина или женщина.

[3] *Подруг у Гориславы не бывало...* — Согласно Лаврентьевской летописи (запись под 1128 г. о событиях 980 г.), прозвище «Горислава» получила полоцкая княжна Рогнеда после того, как князь Владимир Святославич взял штурмом Полоцк, изнасиловал Рогнеду и убил ее родителей (см.: Повесть 1996: 448). В «Слове о полку Игореве» князь Олег Святославич один раз назван Гориславличем (см.: ЭСПИ 1995/1: 10). В опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила» Гориславой зовут пленницу Ратмира. В Повести имя Гориславы сближается со словами «горе», «горестный» и напоминает о печальной участи героини (см.: Топорков 2012: 204–205).

[4] *...одиночество ей не докучало...* — Аллюзия на характеристику Татьяны Лариной в «Евгении Онегине» (гл. 2, строфы XXV–XXVI).

[5] *...да песни петь незнаемые, наговорные...* — Любовь к пению — одна из характеристик Гориславы, сближающих ее с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, черты которой отчасти воплотились в образе героини (см.: Топорков 2011а: 403–407). О занятиях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал пением см.: Богомолов 2009: 38–39).

VIII

[1] *Как волк в стае гончих дрался Лазарь...* — Сравнение воина с волком характерно для древнерусской воинской повести.

IX

[1] *...звонко и протяжно запела Горислава жуткую песню, и́грищную, не по отце плач, не по женихе жаль...* — Речь идет о некой заклинательной песне, имеющей жуткий (колдовской, зазывный) характер и исполняемой на игрище «звонко и протяжно». Ср. в статье Вяч. Иванова о поэзии А.К. Герцык (1910):

> Заплачка и причитанье, нашепты и наговоры, приворотные напевы и колыбельные — вся магическая символика исконной песни оказывается снова возможною в наши дни, на диво самим предсказавшим (в совпадении с выводами покойного Веселовского) возврат к стихии мифа и новое переживание стародавнего народного наследия в лирике искусственной.
>
> Иванов 2004: 508

Существительное «жаль» в русском языке употребляется со значениями: ‘состраданье, соболезнованье, сочувствие при чужой беде; печаль, грусть, скорбь, сокрушение’, ‘траур’, северн. ‘могила, кладбище’ (Даль 1880/1: 525).

[2] *Из-под бе́ла камня из-под ала́тыря...* — В песне Гориславы, возможно, использован фрагмент из былины о Сауре Ванидовиче (Сауле Леванидовиче):

> Входила она [жена Саура Ванидовича]
> на вышку на высокую,
> Становилась на бел-горюч камень,
> <...>
> *Из того ли из-под белого камешку*
> *Выползала змея лютая*,
> Кидалась она княгине на белую грудь,
> Бьет хоботом по белу лицу.
> Молодая княгиня испужалася,
> Во чреве дитя встрепенулося.
>
> Песни 1878: 113–114

Текст частично процитировал И.Н. Жданов (см.: Жданов 1895: 416).

Образ «бела камня алатыря» известен в русских заговорах, духовных стихах и былинах. Слово «алатырь» фигурирует в сонете Вяч. Иванова «Эли Мойше, ты с эллином был эллин...» (1923), посвященном М.С. Альтману: «Мертвел утес, но жезл его рассек: | *Алатырь* бьет струею среброзмийной. | Найди себя: кто весь, — всечеловек» (Альтман 1995: 10; см. также комментарий К.Ю. Лаппо-Данилевского. Там же: 123).

[3] *...Из-под люта каменя горючего...* — Эпитет «горючий» (способный к горению) употребляется в фольклорной формуле «бел горюч камень» или «бел горюч камень Алатырь». Ср. в цикле А.А. Блока «На поле Куликовом» (1908): «На пути — горючий белый камень» (Блок 1997–/3: 171).

[4] *...Выползала змея свадьбу правити, | Завивалася в кольца при месяце, | Зазывала на игры любовные*». — Мотив змеиной свадьбы восходит к стихотворению «Змея», посвященному Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (сб. «Эрос», 1907):

> Виясь, ползешь ко мне на грудь —
> Из уст в уста передохнуть
> Свой яд бесовств и порч:
> Четою скользких медяниц
> Сплелись мы в купине зарниц,
> Склубились в кольцах корч.
>
> Иванов 1971–1987/2: 363

[5] *Наколдовала бы я тебе царство, да ты и без моих чар некогда царем будешь*». — Подобным образом Саул предсказал Давиду его будущее: «И теперь я знаю, что *ты непременно будешь царствовать*, и царство Израилево будет твердо в руке твоей» (1 Цар. 24: 21); ср: примеч. 4 к I.1.3.

[6] ...«*Вижу за тобой золоту стрелу*». — Обладание «золотой стрелой» символизирует власть и избранность. Этой чудотворной и благословенной стрелой св. Георгий поразил дракона, а перед смертью вогнал ее в землю (см.: I.2.4, 9). По замыслу Вяч. Иванова, который был частично реализован в «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор, золотую стрелу в будущем предстояло обрести Светомиру. «Злаченые стрелы» упоминаются в «Слове о полку Игореве» (см.: Историческая песнь 1995: 14). См. также: примеч. 16 к I.2.9.

[7] *Не востри ты, разлучник, кривых когтей | Умыкну́ти змею во подне́бесье*! — Мотив «Хищная птица (орел, коршун, сокол) несет змею в поднебесье», широко известный в мифологии разных народов, встречается в стихотворениях Вяч. Иванова «Рокоборец» (см.: Иванов 1971–1987/1: 543) и «Орлу» (см.: Иванов 1971–1987/2: 378).

[8] *Как ужа́лит во́ра в пернату грудь, | Ужд мертв падешь на сыру́ землю*». — Перифраз строки из стихотворения Вяч. Иванова «Орлу»: «Орел, не верь: змея

ужалить | Не хочет в облаке орла» (Иванов 1971–1987/2: 377). См.: примеч. 10 к I.9.11.

[9] *Неладные ты, красна дéвица, загадки, сдается, загадываешь...* – Песня Гориславы действительно похожа на загадку. Отношения между двумя змеями и коршуном проецируются на отношения между Гориславой, Лазарем и Симеоном. Две змеи из первой строфы песни – это очевидно Горислава и Лазарь, которые принадлежат к роду Горынских и, может быть, даже являются потомками Змея Горыныча. Во второй строфе змея также обозначает Гориславу, однако образ коршуна допускает двоякую интерпретацию: либо коршун – это Лазарь (в этом случае Лазарь из змея первой строфы во второй превращается в коршуна и продолжает ту же любовную игру с Гориславой, хотя и в новом облике), либо коршун – это Симеон, который намерен похитить Гориславу у Лазаря. Сплетение коршуна и змеи на первый взгляд можно понять как их смертельную борьбу, однако не исключена его трактовка и как состояния любовного экстаза.

[10] ...«*Ужалить ужалю ненароком, на то я и змея Горынская...* – Угроза Гориславы «ужалить» Лазаря может быть понята и как угроза погубить его, и как угроза влюбить его в себя. Можно увидеть здесь отголосок слов, сказанных Создателем змею-искусителю: «<...> вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а *ты будешь жалить его в пяту*» (Быт. 3: 15); см. примеч. 13 к I.2.6. В докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909) Вяч. Иванов отмечал: «*Чрез пол соблазняет Змий*, жалящий человека в пяту» (Символ 2008: 79). Связь между укусом змеи и сексуальным желанием отмечена в Книге Притчей Соломона: «Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, *оно укусит, и ужалит, как аспид*; глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное <...>» (Притч. 23: 31–33).

[11] ...*а лукавства женского во мне нет*. – Выражение «(в нем) нет лукавства» восходит к Евангелию от Иоанна: «Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором *нет лукавства*» (Ин. 1: 47). Эти слова Христа Вяч. Иванов процитировал в письме к детям от 26 марта 1927 г., говоря о Мартине Бубере: «Бубер оставляет сильное впечатление: это еврейский праведник с глазами, глубоко входящими в душу, – “истинный израильтянин, в котором *нет лукавства*”, как сказал И[исус] Христос про Нафанаила» (Символ 2008: 544). См. также: Пс. 31: 2; Притч. 8: 8; 1 Фес. 2: 3; Откр. 14: 5.

[12] ...*люб ты мне, змееныш! Один на всем свете люб*. – Ср. в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову от 4/16 июня 1895 г.: «Быть может, встретится на моем пути человек, который не скажет мне: “Я люблю тебя больше другой”, а скажет мне: “Я твой, и пока горит любовь к тебе, *ты одна для меня, как я один для тебя*”» (Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/1: 242).

[13] *Кровь кровь кличет...* – Выражение напоминает магические формулы русских заговоров: «Ты конь рыж, ты, кровь, не брыжь; ты конь карь, а ты, кровь, не кань» (Майков 1992: 63, № 151); «<...> седит золотая швейка <...> и сшивает у сег(о) раба Б(о)жия имярек тело с телом, *кров(ь) с кров(ь)ю* <...>» (Русские заговоры 2010: 129, № 99). Ср. в стихотворении Вяч. Иванова «Кратэр»: «*Ярь двух кровей*, двух душ избыток, | И власть двух воль, и весть двух вер, | Судьбы и дней тяжелый слиток | Вместил смесительный кратэр» (Иванов 1971–1987/2: 381).

[14] *И возмутился духом от слов тех Лазарь, будто дремучие в нем колыхнулись омуты...* – Образ встречается в Книге Притчей Соломона: «Помыслы в сердце человека – глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их» (Притч. 20: 5). Ср. в сонете Вяч. Иванова «Струи»: «Мой змий, увенчанный державно меж змеями, | Заветных омутов во мгле моей искал <...>» (Иванов 1971–1987/2: 436).

[15] ...*и сладкое к ней потянуло желание; но тут же и злая в душе змеей шевельнулась ярость*. – Ср. в «Божественной комедии» при описании переживаний Данте во время встречи с Беатриче: «Крапива скорби так меня сжигала, | Что, чем сильней я что-либо любил, | Тем ненавистней это мне предстало» (Чистилище. XXXI.85–87. *Пер. М.К. Лозинского*). См. также в Библии: «Нѣсть главы паче главы змiины, и нѣсть ярости паче ярости вражiя» (Сир. 25: 17; рус. пер.: «<...> нет головы ядовитее головы змеиной, и нет ярости сильнее ярости врага»).

[16] ...«*Бога ты не боишься; я же крест целовал брату моему крестовому тебя соблюсти*». – Ср. в опере Р. Вагнера «Сумерки богов»: Зигфрид и Гунтер клянутся друг другу в вечной дружбе и совершают обряд братания, Зигфрид принимает обличие Гунтера и привозит ему Брингильду. Ночью Зигфрид кладет между собой и Брингильдой свой меч Нотунг. См. также: примеч. 3 к I.6.7.

Описывая «бесстыдное поведение» Гориславы и ее попытку соблазнить Лазаря, Вяч. Иванов мог опереться на личный опыт общения с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: ср. ее письмо поэту от 15/27 февраля 1895 г.: «Ты скоро будешь презирать меня, ибо я стала низким существом. Эта любовь сломила меня. У меня нет более воли, чтобы бороться, и нет совести, чтобы направлять борьбу. <...> Это подло – искушать тебя, но моя совесть молчит» (Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/2: 142–143).

[17] *И стала Горислава об-он-пол ручья и говорила*: «*Целованием ли двоих предать хочешь*? – Намек на поцелуй Иуды, которым он предал Христа (см.: Мф. 26: 48–49; Мк. 14: 44–45; Лк. 22: 47–48). Об-он-пол ручья – по ту сторону ручья.

[18] ...*мне будешь за Егория, и земле Егорьем себя покажешь*. – Горислава примеривает на себя роль царевны, спасенной св. Георгием от змея. Олицетворение земли (страны) в образе девицы, ждущей своего жениха, – общее место древнерусской и новой русской литературы. Вяч. Иванов писал о нем в главе «Зачарованная невеста» из книги «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» (1932) (Иванов 1971–1987/4: 381).

[19] ...*да и сам ужд змием станешь ползучим, как резвые ноги тебя не понесут*». – Аллюзия на Книгу Бытия: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это,

проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; *ты будешь ходить на чреве твоем*, и будешь есть прах во все дни жизни твоей <...>» (Быт. 3: 14). Предсказание Гориславы сбылось, когда у Лазаря отнялись ноги. См. примеч. 12 к I.14.7.

[20] *И воспалился в груди на нее Лазарь гневом лютым, но в меру гнева распалялось в нем и вожделение*. — Описывая «преступную» любовь Лазаря к Гориславе, Вяч. Иванов использует свой собственный опыт любовных переживаний. Ср. в письме поэта к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 29–30 января / 10–11 февраля 1895 г.: «Никогда раньше мои обе воли не вступали между собою в такую неукротимую, пламенную распрю. <...> Только когда все было кончено, сильнее и сильнее стал разгораться во мне невыносимый пожар внутреннего мученичества» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 124).

X

[1] *...вещий мне ворон граял...* — Словосочетание «ворон граял» восходит к «Слову о полку Игореве», ср.: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто *врани граяхуть*, трупiа себѣ дѣляче <...>» (Историческая песнь 1995: 10); «Всю нощь съ вечера босуви *врани възграяху* у Плѣсньска на болони <...>» (Там же: 11), «Тогда *врани не граахуть* <...>» (Там же: 14).

[2] *И любовь ли к ней эта лютость моя али ненависть, сам не ведаю*». — Лазарь пересказывает стихотворение [85] Катулла: «Ненависть — и любовь. Как можно их чувствовать вместе? | Как — не знаю, а сам крестную муку терплю» (*Пер. С.В. Шервинского*). Ср. в статье Вяч. Иванова «Lermontov — Лермонтов» (1947): «Ему (Лермонтову. — *Ред.*) свойственно различать в основе каждой душевной привязанности Катулловскую дихотомию: odi et amo (ненавижу и люблю)» (Иванов 1971–1987/4: 369). Слова Катулла «odi et amo» Вяч. Иванов цитирует также в письме к Д.В. и Л.В. Ивановым от 9 мая 1927 г. (см.: Символ 2008: 552). Любовь как наваждение и безумие — характерная тема писем поэта к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, ср. в письме от 5/17 марта 1895 г.: «Знай, что я люблю тебя безмерно, что я мучусь безумием любви страстной, неудержимой, пламенной — и счастлив этим безумием. Наш трехдневный брак не утишил, не успокоил мою страсть: она разгорается и пожирает меня» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 163). См. также в стихотворении Вяч. Иванова «Целящая»: «И, тусклый, я не вижу, — | Дремлю и не томлю я, — | *Кого так ненавижу* — | *За то, что так люблю я*» (Иванов 1971–1987/2: 373).

[3] *Как Воин Христов рассудит и во сне покажет, с кем из нас Гориславе под венец идти, так тому и быть*». — Лазарь и Симеон прибегают к архаической практике гадания во сне, «как древние паломники подземных оракулов, которые ожидали божественного наития во сне» (О Новалисе // Иванов 1971–1987/4: 272). Словосочетание «Воин Христов» восходит к посланиям апостола Павла: «Ты убо злопостражди яко добръ *воинъ Иисусъ Христовъ*» (2 Тим. 2: 3; рус. пер.: «Итак переноси страдания, как добрый *воин Иисуса Христа*»). Данное словосочетание использует Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 76).

XI

[1] *...навзничь лег под крестом, руки на груди сложив, как мертвец, и тихим вскоре сном забылся*. — Крестообразное сложение рук на груди знаменует, «что усопший верует во Христа распятого, воскресшего и вознесшегося на небеса и умеющего воскресить и умершего» (Дебольский 2008: 516). Подобным образом во время гадания складывает на груди руки и Владарь (см.: IV.15.1).

[2] *...лицом светел и благообразен, и румянец на щеках похудалых заиграл, словно взошло перед ним во сне солнце утреннее*. — Аллюзия на слова Христа: «Если же тело твое всё светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло всё та́к, *как бы светильник освещал тебя сиянием*» (Лк. 11: 36). Подобные эпизоды Повести не следует воспринимать только как метафору: см., напр., свидетельства о внешности Серафима Саровского: «<...> старец <...> вдруг сделался так *радостен и светел*, *что от лица его как бы исходили лучи солнечные*, и Иван должен был закрыться от о. Серафима, не будучи в состоянии смотреть на него» (Чичагов 2009: 241). Лазарь видит просветленную плоть Симеона такой, какой она воскреснет для Страшного суда. См. описание тела Франциска Ассизского после его смерти: «<...> кожа его тела, до тех пор бывшая смуглой, *просияла необычайным блеском*, *и эта наружная красота предвещала облик*, *в котором он воскреснет*» (Первое житие святого Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским // Истоки 1996: 295). См. также: II.20.5; III.17.7.

[3] *Отступил тогда ангел от Лазаря, дабы предать его искусителю, и приступил к нему бес...* — Эпизод восходит к Первой книге Царств: «А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа» (1 Цар. 16: 14). См. в стихотворении Вяч. Иванова «Иов»: «Кто, мирных пристаней беглец, | В широких океанах плавал, | Тот знал, отчаянный пловец, | *Как душу делят Бог и дьявол* <...>» (Иванов 1995/1: 434, № 37), а также в поэме «Младенчество» (1913): «Видит у подножья | Высокой лестницы — во сне — | Мать духа тьмы и духа Божья | В бореньи трудном обо мне <...>» (Иванов 1995/2: 27).

[4] *И змееныша подколодного, глядикась, припомнит, как тот его богатырской стопой в дорожный прах мимоходом втоптал, — припомнит да усмехнется*». — В данной ситуации воображаемый муж Гориславы выступает в роли св. Егория, а Лазарь — поверженного змея. Ср. в былине о Добрыне Никитиче: « <...> *Притоптал* же всех он [Добрыня] маленьких *змиеньшиков* <...>» (Гильфердинг 1949/1: 137).

Фраза «в дорожный прах мимоходом втоптал» содержит аллюзию на божественное проклятие человека: «<...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо *прах ты и в прах возвратишься*» (Быт. 3: 19). См. также: «Я рассеваю их, *как прах земной, как грязь уличную мну их и топчу их*» (2 Цар. 22: 43); «<...> и вы выйдете и взыграете, как тельцы упитанные; и *будете попирать нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших*» (Мал. 4: 3).

[5] *...и подстрекал его бес: «убей» да «убей!»* — Бес подстрекает Лазаря нарушить шестую заповедь «Не убий» (см.: Исх. 20: 13).

[6] *Тогда подошел ангел Лазарев к юноше и повернул его за̀ плечи лицом в другую сторону, дабы не видели очи его Симеона.* — Эпизод содержит аллюзию на сцену искушения Христа в пустыне: «Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4: 11); «И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк. 1: 13).

XII

[1] *...и в очи ему зазывно глядела очами ласковыми и волшебными, и теми волшебными очами потаенные замыслы в сердце его читала...* — См. в стихотворении Вяч. Иванова «Eritis sicut dei»: «Волчцами шелестит, сверкая, чешуя... | Взор, схвачен, узнаёт два зрящих острия... | Обеты бледные, в устах заклятья тают, — | *Глаза ж — глаза змеи — в душе моей читают...*» (Иванов 1971–1987/1: 574). См.: примеч. 2 к III.6.9; примеч. 1 к IV.12.2.

[2] *...мнится, дана ему на земле всякая власть...* — Цитируются слова воскресшего Христа: «И приблизившись Иисус сказал им: *дана Мне всякая власть* на небе и *на земле*» (Мф. 28: 18). См. также: Дан. 1: 14. К этому высказыванию Спасителя относится замечание Вл. Соловьева: «Что же касается слов: “дана мне всякая власть на небесах и на земле”, — то их не приводили. Христа принимали как совершителя жертвы и искупительную жертву, но не желали иметь дело с Христом-Царем» (Соловьев 1911: 7).

[3] *...как наречешь, так и обречешь...* — В этих словах выражена мысль о связи имени и судьбы человека — мысль, на которой основан выбор имен для таких персонажей Повести, как Светомир, Лазарь / Владарь, Горислава и Отрада. Ср. в Книге Бытия: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, *как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей*» (Быт. 2: 19).

[4] *...на что поглядел, тем и завладел; чего изволил, то и вымолил.* — Эти речения повторяются в Повести несколько раз, играя в ней роль лейтмотивов (см.: IV.14.18–19; IV.15.22). Они напоминают евангельские высказывания, напр.: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам <...>» (Мф. 7: 7); «<...> и всё, чего ни попросите в молитве с верою, полу́чите» (Мф. 21: 22). См. также: Мк. 11: 2; Ин. 11: 22; 14: 14; 15: 16; 16: 24. См. также подборку новозаветных текстов о силе веры в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 154).

[5] *...потянуло его к ней... желание неистовое, что̀ грехом насытиться алчет, как лев снедью кровавой.* — Парафраз неоконченного наброска А.С. Пушкина: «Напрасно я бегу к сионским высотам, | *Грех алчный* гонится за мною по пятам... | Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, | Голодный *лев* следит оленя бег пахучий» (Пушкин 1977–1979/3: 335). Образы восходят к Библии: «Как *лев подстерегает добычу, так и грехи* — делающих неправду» (Сир. 27: 10); «Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, *как лев, алчущий* добычи и рыкающий» (Пс. 21: 13–14). См. также: Числ. 23: 24; Пс. 9: 30; 1 Петр. 5: 8.

[6] *...ведь единой мысли твоей и волки хищные повинуются».* — Сверхъестественная власть Лазаря над волками объясняется тем, что он является потомком волчьего пастыря Егория. В то же время она напоминает способности Дракулы из романа Брэма Стокера, напр.: «Он (Дракула. — *Ред.*) протянул свои длинные руки, как бы отстраняя неосязаемое препятствие, и волки начали медленно отступать <...>» (Стокер 2007: 20); «<...> что же означает его способность усмирять волков одним движением руки <...>» (Там же: 34).

XIII

[1] *...слышал, будто кует кузнец глубоко под землей тяжким молотом, кует да приговаривает...* — Образ подземного кузнеца встречается в трагедии Вяч. Иванова «Прометей»: «Пандору кто царицей выбирает | И вяжет Прометея, тот стрелу | Меть в землю, где *кует ковач подземный!*» (Иванов 1995/2: 83). См. также эпизод из оперы Р. Вагнера «Зигфрид» («Siegfried», 1857), в котором герой выковывает себе в подземной пещере меч Нотунг.

[2] ...«*Три венца кую...* — Начало пророческого стиха, который слышит Симеон во время гадания, восходит к известной подблюдной песне (т. е. к обрядовой народной песне, исполняемой на Святках при гадании): «Молодой кузнец, | Скуй мне венец — | Ехать под венец» и т. д. (ПКП 1970: 187). Мотив трех венцов встречается в духовном стихе, в котором Варлаамий говорит Иоасафу:

Я скажу тебе, Иасаф Царевич, —
Три венца есть приготовлено,
Купил ты себе царство небесноё:
Тебе венец есть приготовлен,
У святых в руках есть ангелов;

Да ишше венец приготовлен
Што любимому дядьки;
Да ишше венец приготовлен
Што родимому твоёму папы,
Што царю-то всё премудрому.

Кадлубовский 1915: 247

[3] *...А и первый венец — жениха молодого, | А другой с ним — мученика Христова, | А третий, один, — царя земного».* — Смысл стиха проясняется по мере развертывания сюжета Повести: первые два венца — жениха и мученика — суждены вскоре Управде, а третий — царя земного — Лазарю, однако последний получит свой венец после тяжких и долгих испытаний. О брачном венце говорится далее в связи со свадьбой Симеона и Гориславы (см.: I.17.1–2), о венце мученическом — в описании видения Гориславы: «<...> вижу, матушка, на челе его светлый венец и будто кровь из-под венца на чело сочится» (I.18.10).

[4] *А и лих ты, Лазарь-пролаза!* — Имя Лазаря сближается с существительным «пролаза», см. ниже: «Ай да Лазарь-*лазун*!» (I.13.11). Сходным образом в «лазарских» песнях южных славян «Лазарь» ассоциируется с глаголом «лазить», напр.: «Лази, лази, Лазаре, долази до мене» (МНМ 1982/2: 35).

[5] *Хитро домекнул, как и волчью утробу насытить, и овечьей шкуры с хребта не спустить.* — Бес иронически переосмысляет образ, восходящий к евангельской фразе: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7: 15), и намекает на то, что Лазарь прикинулся овцой, чтобы набить свою волчью утробу: он все равно получит Гориславу и царский венец, однако из-за его поступка Горислава убьет мужа и погубит свою душу.

[6] *Самого Егорья объегорить изловчился...* — Объегорить — плутовски обмануть, обобрать (см.: Даль 1881/2: 635).

XIV

[1] *...стоит он в седой степи на белом камне отлогом...* — Стоять на камне в библейской поэзии обозначает утвердиться в своей вере и вознести хвалу к небесам: «<...> и возведе мя от рова страстей и от бренія тины, и *постави на камени нозѣ мои* и исправи стопы моя: и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему» (Пс. 39: 3–4); «<...> от конецъ земли къ тебѣ воззвахъ, внегда уны сердце мое: *на камень вознеслъ мя еси*, наставилъ мя еси, яко былъ еси упованіе мое, столпъ крѣпости от лица вражія» (Пс. 60: 3–4)

Образ белого камня встречается в Откровении Иоанна Богослова: «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам

вкушать сокровенную манну, и дам ему *белый камень* и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2: 17). По этому поводу в комментариях Вяч. Иванова к изд. 1946 г. говорилось: «Белый камень с начертанным на нем новым именем означает завершение божественного усыновления в жизни вечной» (Деяния 1946: 461). В контексте Повести эпитет «белый» придает камню сакральный характер и ставит его в один ряд с такими образами произведения, как «белый царь», «белая Царь-девица», белый волк и т. д.

[2] *...и пасет...* — Глагол «пасти» в переводах Библии употребляется как в прямом смысле (по отношению к пастуху и его стаду), так и в переносном (по отношению к царю и его подданным), ср. слова Господа Давиду: «<...> ты *упасеши* люди моя Израиля и ты будеши вождь людемъ моимъ Израилю» (2 Цар. 5: 2; рус. пер.: «<...> ты будешь *пасти* народ Мой, Израиля, и ты будешь вождем Израиля»). Образ пастуха отсылает к ряду эпизодов Библии: царь Давид пас овец до своего призвания (см.: 1 Цар. 16: 11; 17: 15, 34; 2 Цар. 7: 8), мессианский царь изображается как пастух народов в пророческих книгах, Христос называл себя Добрым Пастырем и завещал св. Петру: «паси овец моих» (Ин. 21: 16). См. также примеч. 8 к IV.14.19; примеч. 4 к IV.15.8.

[3] *...с того высокого камня лобного...* — Название высокого камня «лобным» отсылает к образу Голгофы (см.: Мф. 27: 33; Мк. 15: 22; Лк. 23: 33; Ин. 19: 17). «Лобная гора» упоминается в цикле Вяч. Иванова «Материнство»:

Не Тайна ль нежная твоя,
Земля, взростила воле злобной
Распятья крест? *Горою Лобной*
Свернулась не твоя ль змея?...

Иванов 1971–1987/3: 25

[4] *И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьем Свет-Егорий.* — Источником данного описания могла быть легенда о св. Егории, пастухе и волке из собрания легенд А.Н. Афанасьева:

> Пасли два пастуха овечье стадо; захотелось одному водицы испить, и пошел он через лес к колодцу. Шел, шел и увидел большой, ветвистый дуб, а под ним трава вся примята и выбита. «Дай посмотрю, что тут делается», — сказал пастух и влез на самую верхушку дерева. *Глядь — едет св. Георгий, а вслед за ним бежит многое многожество волков. Остановился Георгий у самого дуба: начал рассылать волков в разные стороны и наказывает всякому, чем и где пропитаться.*
>
> Афанасьев 1914: 196; об этом тексте см. также: Афанасьев 1865/1: 450–451)

См. также украинское поверье о том, что «у волков есть свой пастырь Полисун, или Лисовик», который «*словно овечье стадо, гонит* <...> *голодных волков* на прокорм туда, где враждующие народы губят друг друга в ожесточенной войне, и *погоняет их пугою* (*плетью*) <...>» (Афанасьев 1865/1: 710). Подробнее см.: Топорков 2012: 228–234; Топорков 2013.

[5] *И запрещает волкам Егорий овец резать, иным же повелевает, назначая овцу или агнца или овна, и тогда хватает волк ловитву указанную и несет в стаю.* — В народной традиции Егорий признается «вождем и владыкою волков: он собирает их вокруг себя и каждому определяет, где и чем кормиться. Между поселянами существует поверье, что волк ни одной твари не задавит без божьего соизволения, что на Юрьев день Егорий Храбрый разъезжает по лесам на белом коне и раздает волкам наказы; по пословице: “что у волка в зубах, то Егорий дал” <...>» (Афанасьев 1865/1: 709).

[6] *...машет Лазарь жезлом Егорию, и возбраняет ему, и сам дань отобрать сулит.* — Лазарь как заботливый пастырь заступается за своих овец, однако тем самым он проявляет непослушание перед Егорием. Между тем, согласно ветхозаветному изречению, «Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов; ибо непокорность есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство <...>» (1 Цар. 15: 22–23). Жезл представляет собой символ власти, см. в Книге пророка Исаии: «Сокрушил Господь *жезл* нечестивых, скипетр владык <...>» (Ис. 14: 5). См. примеч. 2 к IV.13.6.

[7] *...ныне за двоих выкуп...* — Под «двумя», по-видимому, понимаются Горислава и Лазарь.

[8] *...по долгом времени за всю землю оброк».* — Намек на то, что в будущем Лазарь возьмет на себя ответственность за всю землю (страну) и тем самым примет на себя грехи всех ее жителей. См. примеч. 9 к IV.1.12; примеч. 5 к IV.14.15.

[9] *И метнул Егорий копьем в Лазаря...* — Аллюзия на предсказание пророка Захарии о «пронзенном» пастыре (см.: Зах. 12: 10; 13: 7), которое позднее было применено к Христу (см.: Мф. 26: 31; Мк. 14: 27; Ин. 19: 34). Ср. мотив поражения небесной стрелой в Библии: «<...> ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя тяготеет на мне» (Пс. 37: 3); «<...> натянул лук Свой и поставил меня как бы целью для стрел, послал в почки мои стрелы из колчана Своего» (Плач. 3: 12–13). Мотив поражения стрелой вводится в Житие Стефана Пермского цитатой из Псалтири (см.: Пс. 37: 3; см. также: Епифаний Премудрый 1995: 126).

[10] *...и прошло копье сквозь чресла Лазаревы...* — Чрѣсла (*ст.-слав.*, мн.) — поясница, чресла (см.: Благова — Цейтлин 1999: 784); рус. чересла, чресла (мн.) — поясница, крестец или окружность тела над тазом (см.: Даль 1882/4: 593). В русском переводе Библии встречается выражение «произойти / выйти из чьих-либо чресл», напр., Господь говорит Аврааму: «<...> тот, *кто произойдет из чресл твоих*, будет твоим наследником» (Быт. 15: 4), Иакову: «Я Бог Всемогущий; плодись и умножайся; народ и множество народов будет от тебя, и *цари произойдут из чресл*

твоих <...>» (Быт. 35: 11; см. также: Быт. 46: 26; 49: 10; 2 Цар. 7: 12; 16: 11; Иерем. 30: 8). «Чресла» мужчины соответствуют женскому «лону», см. у В.И. Даля: «Чресла мужу даны, а лоно жене» (Даль 1882/4: 593). Таким образом, ранение в «чресла», помимо своего основного значения ‘ранение в поясницу’, несет в себе и дополнительный смысл: уничтожение мужской производящей силы.

[11] *...и врос он в камень до чресл.* — См. гибель Навала, отказавшего в помощи царю Давиду: «Утром же, когда Навал отрезвился, жена его рассказала ему об этом, и замерло в нем сердце его, *и стал он, как камень.* Дней через десять поразил Господь Навала, и он умер» (1 Цар. 15: 37–38). Мотивы превращения человека в камень и частичного погружения в землю известны в былинах: Марья Лебедь Белая обернула камнем Михайла Потыка, Добрыня Микитинич подскочил «Ко этому ко белому ко каменю, | Здынул камень в пояс, да *в пояс и в землю загрязя*»; только со второй попытки Добрыне удалось перебросить камень через плечо, и Михайло Потык снова обрел человеческий образ (см.: Гильфердинг 1949/1: 379, № 40).

[12] *Пробудился спящий от сна и ощутил, что отнялись ноги его.* — В мифологическом плане Лазарь, у которого отнялись ноги, превратился в змея, как это предсказала ему ранее Горислава: «<...> да и сам ужò змием станешь ползучим, как резвые ноги тебя не понесут» (I.9.20). Комментируя античный сюжет о Мелампе, Вяч. Иванов писал:

> Пилосский прорицатель Меламп, «черноногий» сын фессалийского Амифаона, обязанный дружбе змей своим могуществом ведуна, знахаря и очистителя, вещий свой дар получил <...> из недр земли и принадлежит, по особенностям своего мифа и своей генеалогии, к ликам сферы хтонической. Другом змей стал он потому, что первоначально сам был змием: чернота ног, означенная в его имени, говорит на символическом языке древнейшего мифа о том, что нижняя половина его тела оставалась как бы погруженною в подземное царство, что его человеческое туловище кончалось, как у Эрихтония, змеиным хвостом.
>
> Иванов 1994а: 28

В разговорах с М.С. Альтманом поэт отмечал, что «опухшие ноги Эдипа — знак его хтонического происхождения, пухлые конечности означают змеевидность Эдипа, ведь культ Змея в Фивах был весьма силен (Кадм, например, свидетельствует об этом же)» (Альтман 1995: 58–59; зап. от 9 марта 1921 г.). См. примеч. 19 к I.9.20.

[13] *И с той поры сиднем сел, жив и млад телом с головы до чресл, а ниже мертв.* — Эпизод имеет ряд параллелей в жизнеописании Серафима Саровского. Когда он стал иеромонахом, «от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах <...> о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги и на

них открылись раны <...>» (Чичагов 2009: 65). Позднее Серафим Саровский по обету тысячу дней молился, стоя на камне:

> В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх <...> руками <...> Чтобы уравнять ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келье имел камень. <...> От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его.
>
> Чичагов 2009: 84

Чувствуя приближение смерти, старец говорил: «Жизнь моя сокращается, духом я как бы сейчас родился, а *телом по всему мертв*» (Чичагов 2009: 387).

XV

[1] *Ибо верила слову Псалмопевца, что «не до конца прогневается Господь, ниже ввек враждует»*. — Цитата из Псалтири: «Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. *Не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ* <...>» (Пс. 102: 9; рус. пер.: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: *не до конца гневается, и не вовек негодует*»). Данная цитата приводится в «Повести о Мамаевом побоище» (см.: Шамбинаго 1906: 4, 39, 75 (2-я паг.)).

XVI

[1] *Ушел Управда на ратную справу...* — Характерный для Повести фрагмент, основанный на звуковых повторах: «*У*шел *Управ*да на *рат*ную *справ*у...» Справа — расправа, тяжба, суд (см.: Даль 1882/4: 298); здесь «ратная справа» имеет значение ‘воинский поход, битвы, сражения’.

См. примеч. 9 к IV.2.12.

[2] *...в Книге Царств читаю, что убил Давид-царь Урию, военачальника своего, мужа доброго, и жену его, Вирсавию, себе взял...* — Лазарь дважды читает рассказ Второй книги Царств про Давида и Вирсавию (гл. 11) и сокрушается, что сам он не смог переступить через свою совесть и овладеть Гориславой (см.: I.16.3—4; I.20.5, 18). Таким образом, герой проецирует свои взаимоотношения с Гориславой и Управдой на любовный треугольник: царь Давид — Вирсавия — Урия Хеттеянин.

Эпизод входит также в сеть соответствий между Повестью и средневековыми рыцарскими романами о короле Артуре. По наблюдениям Е.А. Тахо-Годи,

> <...> в «Повести о Светомире царевиче» мы находим действительно схожие ситуации с артуровским эпосом: любовь Владаря к жене Симеона Управды Гориславе сопоставима не только со страстью библейского царя Давида к жене Урии, Вирсавии, но и со страстью отца Артура, короля Утера Пендрагона, к Игрэйн, супруге герцога Горлойса; отправка Светомира в чудесную страну на воспитание пресвитеру Иоанну напоминает о передаче младенца Артура на воспитание волшебнику Мерлину; чудесное обретение стрелы Светомиром заставляет вспомнить историю о том, как Артур смог извлечь из камня воткнутый в него меч, что дало ему право на королевский трон, или как благодаря Мерлину он получил от Владычицы Озер новый волшебный меч Экскалибур и возвратил его обратно перед смертью; сон Светомира в хрустальном гробу в ожидании пробуждения — мнимую смерть Артура, которая (как и в легенде о Фридрихе Барбароссе) на самом деле не смерть, но лишь сон: Артур спит на острове блаженных, на Авалоне, ожидая дня, когда придет пора «совершить великие подвиги на благо своего народа» (Теннисон 1903: VI).
>
> Тахо-Годи 2015: 37

[3] *...и утвердил Бог царство его, и рог его возвысил*. — Использовано библейское выражение «возвысить рог (царя)», см. в Псалтири: «<...> а мой рог Ты возносишь, как рог единорога» (Пс. 91: 11), «Он возвысил рог народа Своего <...>» (Пс. 148: 14). См. также: 1 Цар. 2: 1; 2: 10; Пс. 88: 18; 111: 9. В своих примечаниях к Псалтири Вяч. Иванов отмечал: «— *рог* — символ могущества» (Псалтирь 1950: 285).

[4] *Царям, видно, совеститься не велено: им то не под стать*. — Библейский Давид действительно совершал тяжкие грехи, однако после этого он испытывал угрызения совести (см.: 1 Цар. 24: 6; 25: 31; 2 Цар. 24: 10).

[5] *Тело Бог и умертвить и оживить волен...* — Парафраз библейского речения: «Господь *мертвитъ и живитъ*, низводитъ во адъ и возводитъ, Господь убожитъ и богати́тъ, смиряетъ и выситъ <...>» (1 Цар. 2: 6—7). См. обыгрывание той же цитаты в «Переписке из двух углов» (письмо Вяч. Иванова от 15 июля 1920 г.): «Вам кажется, что забвение освобождает и *живит*, культурная же память порабощает и *мертвит*; я утверждаю, что освобождает память, порабощает и умерщвляет забвение» (Иванов — Гершензон 2006: 74). См. также примеч. 12 к I.16.15.

[6] *Лазаря, и четверодневна во гробе, к жизни Христос воздвиг...* — Имеется в виду евангельский рассказ о воскрешении Лазаря: «Глагола Иисусъ: возмите камень. Глагола ему сестра умершаго Марфа: Господи, уже смердитъ: *четверодневенъ* бо есть» (Ин. 11: 39). Этот стих Евангелия от Иоанна Вяч. Иванов использовал как эпиграф к сонету «Лазарь» (1918): «Глагола Ему сестра умершаго Марфа: Господи, уже смердит, четыредневен бо есть. Иоанн. XI, 39» (Иванов 1971–1987/4: 77).

[7] *Что земля тучная колосу наливному, то надежда неослабная молитве доходчивой.* — Использован образ из послания апостола Павла евреям: «*Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак*, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога <...>» (Евр. 6: 7).

[8] *Великою радостью сии слезы твои обернутся.* — Слова Гориславы напоминают изречения Священного Писания: «Обратилъ еси плачь мой въ радость мнѣ <...>» (Пс. 29: 12); «Сѣющiи слезами, радостiю пожнутъ» (Пс. 125: 5); «Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а мiръ возрадуется: вы же печальни будете, но печаль ваша въ радость будетъ» (Ин. 16: 20). Ср. в «Исповеди» Блаженного Августина: «<...> всегда большей радости предшествует еще бóльшая скорбь» (Августин 1991: 195. *Пер. М.Е. Сергеенко*). См. также примеч. 3 к I.19.4; примеч. 5 к II.5.7–8; примеч. 12, 13 к II.25.13; примеч. 9 к IV.11.19.

[9] *...не в кару и проклятие недуг сей на Лазаря наслан, но к силе и славе поздней.* — Аллюзия на эпизод воскрешения Лазаря в Евангелии от Иоанна. Когда Христу сообщили, что Лазарь болен, он сказал: «<...> эта болезнь *не к смерти, но к славе Божией*, да прославится через нее Сын Божий» (Ин. 11: 4). Эти слова Христа Вяч. Иванов процитировал в сонете «Лазарь» (1918): «Не к смерти, к славе Божьей сей недуг...» (Иванов 1971–1987/4: 77). Как болезнь и смерть Лазаря в Евангелии, так и недуг Лазаря / Владаря в Повести входит в некий божественный замысел: «Иисус, как это часто бывает в Евангелии Иоанна, играет словами: Прославление Сына Божия — это Крестная Жертва; и действительно, в конце эпизода синедрион решает предать Его смерти именно из-за воскрешения Лазаря» (Дюмулен 2006: 114).

[10] *Жертву Лазарь принес...* — Аллюзия на слова апостола Павла: «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды *принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих*, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение» (Евр. 9: 27–28); «Он же, *принеся одну жертву за грехи*, навсегда воссел одесную Бога <...>» (Евр. 10: 12). Соединение в одном лице жреца и жертвы — тема стихотворений Вяч. Иванова, напр.: «“Жрец” нарекись и знаменуйся: “Жертва”» (Слоки [из кн. «Прозрачность» (1904)] // Иванов 1971–1987/1: 743); «“Я — жертва — жертвенник творила: | Достойны жертв дары мои!”» (Аскет (1885–1891) // Иванов 1971–1987/1: 540). Ср. в стихотворении Вл. Соловьева «Близко, далёко, не здесь и не там...» (1875–1876): «Я и алтарь, я и жертва, и жрец» (отмечено Р.Е. Помирчим, см.: Иванов 1995/2: 286). См. также в «Исповеди» Блаженного Августина: «Он за нас пред Тобой победитель и жертва; и победитель потому, что жертва; Он за нас пред Тобой первосвященник и приношение, и первосвященник потому, что приношение <...>» (Августин 1991: 281. *Пер. М.Е. Сергеенко*).

[11] *...и тою жертвою стяжал мощь.* — Перифраз слов апостола Павла: «Но *Господь* сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо *сила Моя совершается в немощи*”. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, *когда я немощен, тогда силен*» (2 Кор. 12: 9–10).

[12] *И ранит стрела сия, и целит...* — Горислава перефразирует слова пророка Осии: «Въ скорби своей утреневати будутъ ко мнѣ, глаголюще: идемъ и обратимся ко Господу Богу нашему, *яко той поби ны, и изцѣлитъ ны: уязвитъ, и уврачуетъ ны* <...>» (Ос. 6: 1–2; рус. пер.: «В скорби своей они с раннего утра будут искать Меня и говорить: “пойдем и возвратимся к Господу! ибо *Он уязвил — и Он исцелит нас, поразил — и перевяжет наши раны*”»). См. также: «<...> той бо болѣти творитъ и паки возставляетъ: *порази, и руцѣ его изцѣлятъ* <...>» (Иов. 5: 18; рус. пер.: «<...> Он *причиняет раны* и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют»); «Видите, видите, яко азъ есмь, и нѣсть Богъ развѣ мене: азъ *убiю и жити сотворю: поражу и азъ исцѣлю*, и нѣсть иже изметъ от рукý моею» (Втор. 32: 39; рус. пер.: «Видите ныне, [видите,] что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня: *Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю*; и никто не избавит от руки Моей»). Цитату из Второзакония (см.: Втор. 32: 39) приводит Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 136). См. также в «Исповеди» Блаженного Августина: «Ты всегда около, милосердный в жестокости <...> Только в Тебе и мог бы я найти ее (радость. — *Ред.*), только в Тебе, Господи, Который создаешь печаль в поучение, *поражаешь, чтобы излечить*, убиваешь, чтобы не умерли без Тебя» (Августин 1991: 75. *Пер. М.Е. Сергеенко*). В опере Р. Вагнера «Парсифаль» («Parsifal», 1882) копье Страстей Господних обладает способностью наносить раны и исцелять. Парсифаль, прикоснувшись к ранам короля Амфортаса, торжественно произносит: «В одно оружие верь! *Ты ранен им, оно лишь и спасет*!», чем исцеляет короля (Оперные либретто 2009: 241. *Пер. В. Чешихина*). См. также примеч. 5 к I.16.8.

[13] *Ему наш род поднять дано; быть ему всея земли владыкою».* — Подобным образом Иван Пересветов предсказывал будущее царю Ивану IV: «...быти тебѣ, государю, великому царю по небесному знамению» (Иван Пересветов 1984: 598). См. также: Там же: 622. См.: II.11–12.16.

[14] *Лучше бы сын мой умер, чем быть ему заживо мертвецом.* — Схожая формулировка встречается в жизнеописании Серафима Саровского. Когда посетитель спросил старца, не хочет ли он передать привет брату и другим родственникам, тот указал на лики Спасителя и Богоматери и ответил: «Вот мои родные, а для живых родных я уже *живой мертвец*» (Чичагов 2009: 356). См. также в письме

Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову от 14/26 марта 1895 г.: «Не знаю, друг мой, *снесу ли я живою жизнь в гробу*» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 179).

[15] *В темную тучу солнце рода нашего закатилось*». — Сравнение умершего князя с зашедшим солнцем — общее место древнерусской литературы. Ср., напр., в Повести о житии Александра Невского: «Митрополит же Кирилъ глаголаше: “Чада моя, разумѣйте, яко уже *заиде солнце земли Суздальской*!”» (БЛДР 1997/5: 368). См. в статье Вяч. Иванова «Взгляд Скрябина на искусство» (1916): «Солнце этого гения скрылось внезапно за облачною завесой непроницаемой тайны <...>» (Мыльникова 1985: 113). См. также примеч. 1 к IV.1.1.

XVII

[1] *Через год осенью, уж и до Филиповок незáдолго*... — Филипповки — просторечное название Рождественского (Филипповского) поста.

[2] ...*и не токмо что к Святкам, а и до Светлой недели домой не жди*». — Святки — период от Рождества до Крещения (то есть с 25 декабря по 7 января по старому стилю). Светлая неделя — неделя перед Пасхой. В контексте Повести значимо соотнесение Святок как периода, связанного с Рождеством и Крещением Христа, и Светлой недели как времени, предшествующего его Воскресению.

[3] ...*злобились на него íздавна в орде за грозу Боривоеву*... — Слово «гроза» употреблено здесь в значении ‘угроза, угрожающая сила’, широко известном в древнерусском языке, в том числе в «Слове о полку Игореве» (см.: ЭСПИ 1995/2: 62–63).

XVIII

[1] *Всю руку я себе в те ночи зубами искусала, волчица бешеная*. — Горислава называет себя волчицей, что сближает ее с Лазарем, который тоже неоднократно сравнивается с волком. См. также в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову от 3/15 июня 1895 г.: «Ты будешь тосковать по своей “бешеной подруге”, да, именно бешеной» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 238).

[2] ...*вижу, матушка, на челе его светлый венец и будто кровь из-под венца на чело сочúтся. И ужаснулось сердце мое, и умилилось*. — Мученическая смерть Управды (см.: I.17.12–14) призвана снискать ему венец жизни в соответствии со словами Откровения от Иоанна: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2: 10). Этим объясняется двойственная реакция Гориславы на ее видение.

[3] ...«*Отпускаю тебе властию, мне данною, грех пожелания и умышления твоего и обуреваемого естества твоего, по сердечному сокрушению твоему*. — См. разрешительную молитву Таинства Покаяния: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо (имярек), вся

согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, *властию Его мне данною*, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь» (URL: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/vorobiov_20.shtml; дата обращения: 21.04.2015).

[4] ...*и благословенно будет дитя твое*: *мир оно в душу твою и многих прольет*... — Словосочетание «пролить мир» перекликается со словами пророка Исаии: «Яко сія глаголетъ Господь: се, *азъ укланяю на ня аки рѣку мира, и аки потокъ наводняемый славу языковъ* <...>» (Ис. 66: 12; рус. пер.: «Ибо так говорит Господь: вот, Я *направляю к нему мир как реку*, и богатство народов — как разливающийся поток для наслаждения вашего <...>»). См. примеч. 10 к V.13.8.

[5] ...*помолись*... *чтобы дал тебе Святой благое от бремени разрешение, на мир и отраду и прощение всем нам*. — Словосочетание «мир и отрада» намекает на имена Светомира и Отрады. См. также в Посланиях апостола Павла: «Бог же надежды да исполнит вас всякой *радости и мира* в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою» (Рим. 15: 13); «Тимофею, истинному сыну в вере: *благодать, милость, мир* от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего» (1 Тим. 1: 2). См. далее в Повести о царице Параскеве: «<...> прикоснутися желают покрывалу ее, да укрепятся и утешатся и в домы своя принесут *отраду и мир*» (V.15.2).

[6] *Ибо тяжко почила на роде нашем десница Господня*». — Словосочетание «десница (рука) Господня» восходит к Библии, напр.: «<...> яко стрѣлы твоя унзоша во мнѣ, и *утвердилъ еси на мнѣ руку твою*» (Пс. 37: 3; рус. пер.: «<...> ибо стрелы Твои вонзились в меня, и *рука Твоя тяготеет на мне*»). См. также: Втор. 2: 15; 1 Цар. 5: 6; 7: 13; 3 Цар. 18: 46; Деян. 13: 11; Откр. 1: 17.

XIX

[1] ...*встала от креста через великую силу, и омыла младенца водою из кладязя*... — Омовение водой представляет собой аналог крещения, см. в послании апостола Павла к евреям: «<...> да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистивши сердца от порочной совести, и *омывши тело водою чистою* <...>» (Евр. 10: 22).

Горислава родила и омыла ребенка, не пользуясь ничьей помощью, что сближает ее с Богородицей: «Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли <...>» (Лк. 2: 6–7). Это изречение апостола Луки развивает св. Афанасий Александрийский:

> Смотри, сколь таинственно рождает Дева: Сама рождает — Сама и пеленает! У обыкновенных жен это делается иначе: они рождают с

помощью других и младенцев их пеленают другие; не так у Пресвятой Девы: Она Мать — без труда и без мук; Она и бабка Сама Себе, никем не наученная; Она не допустила никого коснуться нечистыми руками до рожденного Ею Пречистого Младенца, а Сама служит родившемуся от Нея и превысшему Ея; Сама пеленает и кладет Его в ясли.

Сказания 1904: 114–115

[2] *...новорожденное дитя к Василисе донесла и нá руки ей положила...* — Жест имеет символический характер, напоминая о том, как блаженный Симеон взял на руки новорожденного Христа (см.: Лк. 2: 28). См. в описании обряда крещения: «Нареченного приемлет священник, подобно Симеону Богоприимцу, на руки и возносит его, как жертву Богу, пред святою иконою, начертывая младенцем образ креста и вверяя его невидимому покрову Матери Божией» (Дебольский 2008: 80).

[3] *И, светло возрадованная, говорила, плоти изнеможение перемогаючи, о младенце*: «*Родилась отрада моя*». — Парафраз слов Христа: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин. 16: 21). Эти слова Спасителя ниже пересказывает Отрада (см.: II.5.7–8). О формуле «радость из страдания» см. примеч. 5 к II.5.7–8; примеч. 13 к II.25.13; примеч. 9 к IV.11.19.

[4] *И нарекли... во святом крещении Евфросинией, что̀ значит: отрада; прозывать же обыкли завсегда Отрадою.* — Греческое имя Евфросиния обозначает радость, веселье. Рус. «отрада» близко по значению существительному «радость», однако не является его синонимом: напр., у В.И. Даля этому слову дается такое определение: отрада — «утеха, услада, утешенье, успокоенье, наслажденье; на чем или чем душу отводят, что покоит, услаждает, облегчает бремя, скорбь» (Даль 1881/2: 749). Отрада предполагает состояние блаженства, но исключает бурные проявления чувства. По-русски, напр., можно сказать: «бурная радость», но нельзя «*бурная отрада*». См. в стихотворении Вяч. Иванова «Покров» (1908): «Твоя ль голубая завеса, | Жена, чье дыханье — *Отрада* <...>» (Иванов 1995/1: 262).

Отрада представляет собой параллель к имени Беатриче, означающему ‘дарующая блаженство’. При первом упоминании о Беатриче Данте пишет, что ее «многие, — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче» (Данте 1968: 8. *Пер. И.Н. Голенищева-Кутузова*). Согласно комментарию И.Н. Голенищева-Кутузова, «Беатриче означает — дарующая блаженство. Смысл: люди, еще до того как узнавали ее имя, при первом же взгляде на нее говорили: “Это беатриче”, т. е. вот дарующая блаженство» (Там же: 475). Аналогичным образом Горислава после рождения девочки говорит: «Родилась отрада моя» (I.19.4). Несомненно, что Вяч. Иванов, который перевел на русский язык канцоны «Новой жизни» и ее третью главу, осознанно выбрал для своей героини имя, отсылающее к Данте.

[5] *...ангел мирный... душу ее из уст вынул.* — Описание смерти Гориславы выдержано в образах русского духовного стиха о двух Лазарях:

Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихиих ангелов, все милостивыих,
По его душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально *в сахарны уста*.

Ляцкий 1912: 46; см. также:
Афанасьев 1914: 156

[6] *Родилась Отрада под Яблочный Спас, а под Успеньев день хоронили Гориславу...* — Яблочный Спас — народное название праздника Преображения Господня (6/19 августа); связано с тем, что до этого дня не разрешалось есть яблоки. Успеньев день — праздник Успения Пресвятой Богородицы. Русская Православная Церковь отмечает его 15 августа по юлианскому календарю (28 августа по н. ст.), Католическая Церковь — 15 августа по н. ст.

[7] *...и положили ее, по ее умолению, в заповедной дубраве Егорьевой.* — Практика захоронения среди деревьев была известна в ветхозаветные времена. Напр., в Книге Бытия сообщается: «И умерла Девора, кормилица Ревеккина, и погребена ниже Вефиля *под дубом*, который и назвал Иаков дубом плача» (Быт. 19: 7; см. также: 1 Цар. 31: 13; 1 Пар. 10: 12). В русской традиции в лесу могли похоронить самоубийцу или другого человека, умершего без покаяния. Горислава отходит праведно в иной мир, однако способ погребения сближает ее с «нечистыми» покойниками. Души этих умерших не находят покоя после смерти и продолжают скитаться возле места захоронения.

XX

[1] *Думу ли про себя неотвязную думал, та̀к ли дремал душой: но Богу вовсе, почитай, не молился...* — Болезнь героя содержит аллюзии на евангельский эпизод смерти и воскрешения Лазаря (см.: I.16.9). Согласно Евангелию от Иоанна, вера в Христа является залогом воскресения и бессмертия:

Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что *чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог*. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.

Ин. 11: 21–27

В соответствии с этим в Повести болезнь Лазаря сопровождается утратой духовной силы и невозможностью молиться, а исцеление сопряжено с духовным пробуждением (см.: II.20.5–6).

[2] *Читал он... про Давыда-царя повесть свою излюбленную...* — Имеется в виду библейское повествование о Давиде и Вирсавии (см.: 2 Цар. 11: 2–27). См. примеч. 2 к I.16.3.

[3] *Живой о живых жалеет, по мертвым плачет...* — Фрагмент носит автобиографический характер. В разговоре с М.С. Альтманом Вяч. Иванов признавался, что чувствует себя умершим и поэтому не может плакать:

> Да и вообще могу ли я судить? Я так далек от всего этого, словно я совершенно переменился, точно я умер. Мой суд — из могилы: оттого он такой суровый. Да, может быть, я и действительно умер. Во всяком случае, кого я ни читаю из современников, все не то. Только когда я читаю Зиновьеву-Аннибал, я вновь живу, у меня вновь здоровое отношение к жизни, я снова плачу, как живой.
>
> Альтман 1995: 28;
> зап. от 17 января 1921 г.

[4] *Ровно в омут дремучий с головой затонул...* — Образ восходит к Книге пророка Ионы: «Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною» (Ион. 2: 4). См. также: 2 Цар. 22: 5; Пс. 31: 6; Плач. 3: 54; Ион. 2: 6; Иов. 38: 16. Ср. ниже отсылку к Книге Ионы (см.: I.21.9). В романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», опубл. 1802) герой видит себя во сне на дне реки: «Он поднял глаза: голубой поток медленно плыл над их головами» (Новалис 2003: 65. *Пер. В.Б. Микушевича*). Мотив встречается в поэзии Вяч. Иванова, напр.: «Глубь воды меня во сне манила; | Спорить с ней не стало в теле сил: | К омуту я с берега скользил... | Морок сна дневная явь сменила | Сном своим...» (Римский дневник 1944 года // Иванов 1971–1987/3: 620).

[5] *...и, мнится, мертвых нáшепты ближе слышу, чем ваши речи живые.* — Ср. в библейской поэзии: «Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме, как давно умерших <...>» (Пс. 142: 3); «<...> спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые» (Ис. 59: 10); «Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет. <...> посадил меня в темное место, как давно умерших <...>» (Плач. 3: 2, 6).

[6] *Потускнел, потемнел в очах моих свет солнечный, не радует сердца моего...* — Образы отчаяния восходят к Псалтири: «Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и *свет очей моих, — и того нет у меня*» (Пс. 37: 11). См. также слова Христа: «<...> если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6: 23).

[7] *Будто — знаешь, как нищие странники поют, — посадили меня в погреба глубокие, защитили щитами дубовыми, задвигáли доскáми чугунными, засыпали песками рудожелтыми».* — Лазарь цитирует так называемый большой духовный стих о Егории Храбром (см.: Топорков 2012: 365–366). Фрагменты этого духовного стиха приводятся также в «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор (см.: Иванов 1971–1987/1: 372–373, 495).

[8] *Сокрушил меня сильнейший меня...* — Использованы слова Иоанна Предтечи о Христе: «<...> идет за мною *Сильнейший меня*, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его <...>» (Мк. 1: 7). См. также: Лк. 3: 16; 11: 22.

[9] *Ушла из души моей силушка, как вода из пригоршни утекла. Не ноги у меня отнялись, а сила душевная. И при жизни душа моя в сень смертную низошла».* — Парафраз Псалтири: «Я пролился, как вода <...> Сила моя иссохла, как черепок <...> и Ты свел меня к персти смертной» (Пс. 21: 15–16). Сень смертная — словосочетание употребляется в церковнославянском переводе Библии со значением ‘мрак смерти’, напр.: «Аще бо и пойду посредѣ *сѣни смертныя*, не убоюся зла, яко ты со мною еси <...>» (Пс. 22: 4; рус. пер.: «Если я пойду и *долиною смертной тени*, не убоюсь зла, потому что Ты со мною <...>»).

Описанное Лазарем состояние имело автобиографический характер для Вяч. Иванова. В стихах, посвященных Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, ее смерть рисуется как новое рождение, а жизнь поэта после кончины его возлюбленной — как пребывание за гранью смерти:

> Ты — родилась; а я в ночи, согретой
> Зачатьем недр глухих, —
> Я умер, семя нивы колыбельной,
> Душой в себе раздельной,
> С собой влачащей гроб того же тела,
> Откуда отлетела
> Желаний мощь. И ты скорбишь вдовой
> Над озимью могилы роковой.
>
> Канцона I (1908) //
> Иванов 1971–1987/2: 396

[10] *Егорий дал, Егорий взял...* — Паремия восходит к словам Иова: «Господь дал, Господь и взял <...>» (Иов. 1: 21). Вместо «Господь» подставлено имя Егория как главного небесного покровителя православных славян.

[11] *И я... с тобою начетчицей стану.* — Начетчица — церковная чтица, из прихожан (см.: Даль 1881/2: 497); здесь — опытная толковательница книг и церковного предания.

[12] *А как он к Саулу в шатер ночью вошел и спящего погубить не восхотел...* — См.: 1 Цар. 26: 5–12.

[13] *Не манит мáна из сна-дремы. Отошла моя душенька в дальние места, незнáмые*. — Болезнь Лазаря сопровождается утратой жизненной силы и воспринимается как нисхождение в могилу, что напоминает слова Псалтири:

> <...> душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней. Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы, между мертвыми брошенный, — как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты. Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну.
>
> Пс. 87: 3–7;

см. также: Иов. 33: 22.

[14] *...он же, царь Давид, траве усохшей человека уподобляет: что злак сельный... отцветет человек...* — Имеются в виду слова 102 псалма: «Человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ селный, тако оцвѣтетъ <...>» (Пс. 102: 15). Сравнение человека с увядшей травой встречается в Библии неоднократно (см.: Пс. 101: 5, 12; Ис. 40: 6–7; Иов. 14: 2; Иак. 1: 10; 1 Петр. 1: 24).

[15] ...«*яко дух пройдет в нем, и не будет, и не познает ктому места своего*». — Неточная (добавлена буква) цитата из Псалтири: «<...> яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего» (Пс. 102: 16; рус. пер.: «Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его»).

[16] *Прошла через меня сила насквозь, и нет ее: остался злак сохлый да никлый*». — Парафраз слов апостола Петра: «Зане всяка плоть яко трава, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный: *изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде* <...>» (1 Петр. 1: 24; рус. пер.: «Ибо всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: *засохла трава, и цвет ее опал* <...>»). Данную цитату приводит Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 56).

XXI

[1] *...все сны мне снятся смутные*. — Словосочетание «смутный сон» восходит к А.С. Пушкину: «Промчалось много, много дней | С тех пор, как юная Татьяна | И с ней Онегин *в смутном сне* | Явилися впервые мне <...>» («Евгений Онегин», глава восьмая, строфа 50). См. запись в дневнике Вяч. Иванова от 15 августа 1909 г.: «Я видел волнующие сны, которые стараюсь запомнить в точности, но помню смутно» (Иванов 1971–1987/2: 790), а также в стихотворении «Голоса»: «Душу память смутная тревожит, | *В смутном сне* надеется она; | И забыть богов своих не может, — | И воззвать их не сильна!» (Иванов 1971–1987/1: 571).

[2] *А вскоре тебя и совсем к себе уведу, в обитель мою таимую, на гостины долгие...* — См. в письме Вяч. Иванова к А.Р. Минцловой от 21 января 1907 г. рассказ о явлении ему покойной Л.Д. Зиновьевой-Аннибал:

> Во время молитвы нашей втроем и курений, она встретила меня нежно и радостно, но с глазами, полными слез. На голове было у нее белое покрывало. *Она сказала, что не долго быть нам разлученными, что она возъмет меня за руку* <...>.
>
> Обатнин 2000: 41–42

При проекции на оккультную литературу обмирание Лазаря предстает как своеобразное мистическое посвящение, отсылающее к странствию Орфея в Аид за Евридикой и пути Данте в ад, чистилище и рай. По наблюдениям Г.В. Обатнина,

> <...> «Лидия» видений и медиумических текстов уже не просто ушедшая в мир иной жена поэта, а путеводительница посвящаемого в его становлении в качестве Учителя. Ср.: «Виденьями и знаками меня | Ты, окружив, ведешь и возрощаешь» (*Ладья любви*; Иванов II: 443). Совершенно так же Данте воспринимал Беатриче, которая на пороге Рая заменила св. Бернарда (заменившего в свою очередь Вергилия), — и объяснила поэту, что все его путешествие было задумано ею.
>
> Обатнин 2000: 189, примеч. 22

[3] *...и не прежде отпущу, как цвет обрадования моего на земле прозябнет*». — Вяч. Иванов использует лексику и образность церковной службы Рождеству Пресвятой Богородицы: «<...> протонареченная от родов древних Мати и Дева и приятелище Божие от неплодове родитеся происходит, *цвет* от Иессеа и от корене его жезл *прозябе*» (рус. пер.: «<...> предназначенная от древних родов (быть) Матерью, Девою и обителью Божества появляется для рождения от неплодной. Вырос цвет от Иессея и стебель от корня его» (Стихиры на литии. Самогласны. глас I; Скабалланович 2004а: 72–73)). Слова литургического песнопения восходят к пророчеству Исаии: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его <...>» (Ис. 11: 1). Это предречение Исаии

> <...> говорит о рождении Мессии из рода Давидова в то время, когда этот род лишится своего прежнего величия и от него останется только корень, не видный из-под земли и не позволяющий ожидать ростка. Это пророчество с особенной точностью исполнилось благодаря тому обстоятельству, что Мать Мессии родилась от неплодных. Потому-то в службе Рожд<еству> Богородицы так часто упоминается это пророчество.
>
> Скабалланович 2004а: 72, примеч. 52

[4] *...и во сне будто все разумею; а проснешься, — коль и воспомнится что урывкою, не поймешь и сей же час запамятуешь. А вот эти слова ее, хотя и не вразумительны они, и глухи слуху моему, а запомнились».* — Слова Лазаря напоминают наблюдения З. Фрейда о парадоксальном характере запоминания увиденного во сне: «<...> быстро забываются нередко сновидения, о которых в первый момент помнишь, что они были чрезвычайно живы и рельефны, между тем как среди сохранившихся в памяти можно найти очень много призрачных, слабых и совершенно неотчетливых образов» (Фрейд 1913: 39). Подобные параллели объясняются вероятным знакомством Вяч. Иванова с работами З. Фрейда, однако в своих статьях поэт никогда не упоминал классика психоанализа (см.: *Эткинд А.* Вячеслав Иванов и психоанализ // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1994, janvier — juin. Vol. 35, № 1–2: Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 225–234).

[5] *Ты же, если бы и воистину в сень смертную низошел, в оной не останешься...* — Парафраз слов Христа: «<...> вѣруяй въ мя, аще и у́мретъ, оживетъ <...>» (Ин 11: 25; рус. пер.: «<...> верующий в Меня, если и умрет, оживет»). См. предсказание о судьбе Светомира: «Аще же и погребен, из гроба жив восстанет <...>» (III.2.9).

[6] *...исхищен будешь чудом на вольный свет, как Иона изведен был из чрева ки́това, токмо ко Господу из преисподней воззови».* — Яхве повелел Ионе идти в Ниневию и проповедовать там о наказании, которое ждет ее жителей. Вместо этого Иона отправился на корабле в Иоппию (Яффу). Поднялась буря, и корабельщики решили бросить Иону в море: «И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи и сказал: к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; *из чрева преисподней я возопил*, и Ты услышал голос мой» (Ион. 2: 1–3). В Новом Завете Христос предсказывает свое воскресение на третий день после смерти, уподобляя это трехдневному пребыванию Ионы во чреве кита (см.: Мф. 12: 40). Молитва пророка Ионы во чреве китове (см.: Ион 2: 3–10) составляет шестую песню канона (см.: Дебольский 2008: 209). См. также в пасхальном каноне (песнь шестая): «Снизшелъ еси *в преисподняя* земли <...> Христе, и тридневенъ *яко отъ кита Иона*, воскреслъ еси отъ гроба» (Триодь 2002: 3об.). Ср. в стихотворении Вяч. Иванова «Разрушил в бегстве Гот злорадный...»: «Живым я замкнут в темный гроб, | Как в чрево китово Иона <...>» (Римский дневник 1944 года. Июль, № 5 // Иванов 1995/2: 181), а также в стихотворении «De profundis»: «Вожатый озарит блужданий темный лес: | К нему *я звал из преисподней*» (Иванов 1971–1987/2: 237). См. примеч. 4 к I.20.8.

[7] *...почали находить на Лазаря забытье глубокое и обмор непробудный...* — У В.И. Даля поясняется: «*Обмо́р* (нем. Scheintod), продолжительное состоянье обмершего, во всем похожее на смерть <...>» (Даль 1881/2: 602). А.Н. Афанасьев отмечал, что обычно такой сон называется «обмиранием»:

> Поселяне рассказывают, что во время *обмирания* (летаргического сна) душа человека, руководимая Николаем Угодником, странствует на том свете по аду и раю, видит там своих родных и знакомых, обреченных на муку и страдание или блаженствующих в райских садах. Обмиравшая душа может передавать повесть своего странствия в назидание живущим; запрещается ей сказывать только три какие-то таинственные слова.
>
> Афанасьев 1990: 63

В своем очерке о Вяч. Иванове О.А. Шор пишет: «По внутреннему опыту своему В.И. знал *обмиранье* как “перерождение личности”. В течение всей жизни он искал высказать, сообщить это свое постижение; он говорил о нем и в стихах, и в прозе» (Дешарт 1971: 56. Курсив О.А. Шор).

[8] *...месяцами бездыханен обмерший лежал, нетленному мертвецу подобен.* — См. в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» (1826): «Как труп в пустыне я лежал <...>» (Пушкин 1977–1979/2: 304), а также у Данте: «E caddi come corpo morto cade» («И я упал, как падает мертвец» (Ад. V.142. *Пер. М. Лозинского*)). Об этой параллели у Данте и А.С. Пушкина см. в изд.: Асоян 1990: 65–66. Оборот «нетленному мертвецу подобен» — отсылка к Псалтири: «<...> Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление <...>» (Пс. 15: 10).

[9] *И так, в смерти жив и в жизни мертв, долгие годы цепенел.* — Тема единства жизни и смерти является лейтмотивом Повести: «И с той поры сиднем сел, жив и млад телом с головы до чресл, а ниже мертв» (I.14.8); «Лучше бы сын мой умер, чем быть ему заживо мертвецом» (I.16.18); «И при сих словах умер во сне Лазарь, и к яви пробудился <...>» (II.18.11). В книге «Дионис и прадионисийство» (1923) Вяч. Иванов приводит стихи из утерянной трагедии Еврипида «Полиид», процитированные Платоном:

> Я не удивился бы, — говорит Сократ у Платона, в диалоге «Горгий» (p. 492 E), — если бы оказалось, что Еврипид сказал правду в этих стихах:
>
> Кто знает? *Жизнь* не значит ли у мертвых *смерть*?
> И *умереть*, на языке теней, — *ожить*?
>
> И от мудрецов слыхал я, что мы мертвы и что тело наше — гроб.
>
> Иванов 1994а: 170–171.
> Курсив Вяч. Иванова

Далее поэт отмечает: «Мысль орфиков, пифагорейцев и Гераклита о полярности жизни и смерти, как двух противоположных состояний и видов одного

бытия, была достоянием едва ли не большинства образованных людей» (Там же: 171). См. также в «Исповеди» Блаженного Августина: «<...> я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту сказать ли — мертвую жизнь или живую смерть?» (Августин 1991: 56. *Пер. М.Е. Сергеенко*).

Книга ВТОРАЯ

I

[1] *В девятый раз чередой с похорон Гориславиных...* — Число «9» в данном контексте носит символический характер и соотносится со сроком женской беременности. Ср. в стихотворении Вяч. Иванова «Рождество» (1914): «Земля несет под сердцем бремя | Девятый месяц — днесь, как встарь, — | Пещерою зияет время... | Поют рождественский тропарь» (Рождество // Иванов 1971—1987/3: 556). О символике числа «9» поэт также пишет в книге «Дионис и прадионисийство» (см.: Иванов 1994а: 35, 178).

Лазарь увидит впервые Отраду спустя девять лет после смерти Гориславы. Данте также встретил Беатриче и полюбил ее, когда ей шел только девятый год (см.: Данте 1968: 7). Это совпадение, конечно, не является случайным, особенно если учесть, что в «Новой жизни» число «9» является устойчивым символическим атрибутом Беатриче (см.: Данте 1968: 475, примеч. И.Н. Голенищева-Кутузова). См. примеч. 4 к I.19.5.

[2] *...проехал по лесам Егорий на белом коне; ласточек прикликал, росу спустил, скот в поле выгнал.* — Наступление весны описано в соответствии с народными поверьями: «23 апреля прилетают ласточки — вестницы возвратившейся весны <...>» (Афанасьев 1865/1: 705, примеч. 1); «По мнению поселян, весна начинается с Юрьева дня; тогда же приступают и к земледельческим работам. Св. Юрий, как выражаются о нем поговорки и обрядовые причитанья, отмыкает землю, низводит росу и дает рост травам <...>» (Афанасьев 1865/1: 704—705). В день св. Егория (23 апреля по ст. ст.) впервые выгоняли скот на пастбище, обращаясь к святому с просьбой о заступничестве и сохранении домашних животных от волков и других хищников. Юрьевской росе приписывали целебные свойства: ее специально собирали и использовали в народной медицине.

[3] *Земля озимое грела, цветами убиралась, щетился хлеб... в окно косящатое распахнутое луга утренние, пахучие, весенним духом дышали. И запел под окном звонкий голосок детский...* — Описание навеяно Песнью Песней: «Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно» (Песн. 2: 11—14).

[4] ...«*Во темно̀м сыром бору...* — Стихотворение было написано в ночь на 10 января 1915 г. и опубликовано под названием «Владычица Дебренская» в газете «Раннее утро» (см.: Раннее утро. 1918. 10/23 мая). Сначала оно включало только четыре строфы (без стихов 7—24, 43—54). В ходе работы над Повестью Вяч. Иванов расширил текст стихотворения (см. коммент. в изд.: Иванов 1971—1987/4: 715; Иванов 1995/2: 360). Данная песня будет продолжена в Повести (см.: II.18.14—17).

Первый стих воспроизводит слова народной песни, процитированные в хрестоматийном стихотворении А.Н. Майкова «Мать» (1861):

Бедный мальчик! Весь в огне,
Всё ему неловко!
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. Сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! Засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...

Майков 1977: 164.
Курсив А.Н. Майкова

[5] *...Семь ключей повыбило.* — Количество ключей символично и неоднократно обыгрывается в Повести (см.: II.18.10; II.25.9). Ср. возможный источник в Книге пророка Исаии: «И иссушит Господь залив моря Египетского, и прострет руку Свою на реку в сильном ветре Своем, и *разобьет ее на семь ручьев*, так что в сандалиях могут переходить ее» (Ис. 11: 17). См. в стихотворении Вяч. Иванова

«Роза царского сына»: «<...> И поят, дробясь, как жемчуг скатный, | *Семь ключей* с крутой стремнины розу» (Иванов 1971–1987/2: 461).

[6] *...Студенец серебряный | Владычицы Дебренской».* — Владычица — частое именование Богоматери (см. также: II.24.4, 9). Дебренск (Дебрянск, Добрянск) — древнерусское название г. Брянска (см. коммент. Р.Е. Помирчего в изд.: Иванов 1995/2: 360). Ср. рус. «дебри» (обычно во мн. ч.) — места, заросшие густым, непроходимым лесом. В Повести слово «дебрь» (в ед. ч.) фигурирует при описании дубравы, в которой находится Егорьево урочище (см.: I.4.5).

[7] *...В кладезь Богородичен | Владычицы Дебренской».* — Колодец — один из символов Богородицы, восходящий к Песни Песней: «Запертый сад — сестра моя, невеста, *заключенный колодезь, запечатанный источник* <...>» (Песн. 4: 12). Ср. в «Сказаниях о земной жизни Пресвятой Богородицы»: «Вода в Св. Писании означает благодать Святаго Духа (см.: Ин. 7: 37), утоляющую жажду человеческой души. Богоматерь есть “источник живый и независтный” (неоскудевающий) этой таинственной воды» (Сказания 1904: 12).

[8] *Собирались семь ключей, | Сотекались семь живых...* — Образы «живой воды» и «живых ключей» играют в Повести важную роль (см. примеч. 5 к II.7.14). Эти словосочетания могут быть поняты терминологически: «*Живой родник*, сам собою пробившийся на поверхность земли»; «*Живая вода*, ключевая, проточная» (Даль 1880/1: 538). Кроме того, они вызывают ассоциации с «живой водой» русских сказок, способной оживить умершего, и с «живой водой» как символом Священного Писания.

[9] *И возжелал Лазарь из того студенца... влаги напиться студеной, что из семи живых ключей стекается...* — Пробуждение Лазаря ото сна сопровождается чувством жажды. См. в Книге пророка Исаии: «<...> как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет <...>» (Ис. 29: 8). В плане символическом речь идет не только о физической жажде, но и о жажде «воды живой», то есть приобщения к Богу. Ср. в Псалтири: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому <...>» (Пс. 41: 2–3). См. также в «Исповеди» Блаженного Августина: «<...> устами сердца жаждали мы приникнуть к струям Твоего Небесного источника, “Источника жизни, который у Тебя” [Пс. 35: 10]» (Августин 1991: 227. *Пер. М.Е. Сергеенко*); «И теперь вот, в поту, задыхаясь, возвращаюсь к источнику Твоему. Пусть никто не отгоняет меня: из него буду пить, им буду жить» (Там же: 315).

В книге «Дионис и прадионисийство» Вяч. Иванов привел в своем переводе фрагмент из кн. 6 «Энеиды», посвященный «озеру Памяти»:

> Странствуя в долах Аида, по левую сторону встретишь
> *Быстрый родник и стоящий над ним кипарис белолистный*:
> Мимо держи ты свой путь, и к ручью берегись приближаться.

> Ключ обрящешь иной: *из озера Памяти плещут*
> *Влаги студеной струи*. Пред источником — грозные стражи.
> Им ты скажи: «Вы — чада Земли и звездного Неба;
> Я же — небесное семя, и вéдом род мой самим вам.
> Но иссыхаю от жажды и гибну. *Дайте ж испить мне*
> *Вод прохладных, текущих из озера Памяти*!» Стражи,
> Слову послушны, допустят тебя до холодной криницы:
> *Струй напьешься живых* и воцарствуешь в сонме героев.
>
> Иванов 1923: 160

Там же поэт прокомментировал данную цитату:

> <...> этот напутственный завет, имевший, несомненно, магическое значение загробного пропуска, начертан полностью или частично, и с многими разночтениями, на золотых пластинках, которые клались с покойником в гроб в орфических общинах Петелии и других мест южной Италии, а также Крита. <...> Из двух источников — Забвения и Памяти — пьет и «нисходящий» в пещеру Трофония за оракулом дионисийского героя, прорицающего паломнику, погруженному в сон, в подземном склепе. Представление о прохладных водах Памяти опять противополагает миру земного разделения потусторонний мир божественного единства: разделение — забвение, воссоединение — воспоминание.
>
> Там же: 160

Образы источников Забвения и Памяти Вяч. Иванов обсуждает в письме к И.Н. Голенищеву-Кутузову от 17 июля 1931 г. и, в частности, указывает: «У Виргилия *души, возвращающиеся на землю, пьют из Леты, чтобы забыть Элисий и захотеть снова облечься в земные тела*; но об источниках Памяти он не упоминает: это представление исключительно орфическое» (Иванов — Голенищев-Кутузов 1989: 507).

[10] *...и сладко было ему о тех чистых водах и тенистых древесах думать.* — Описание многолетнего сна Лазаря и пробуждения после него напоминает девятое стихотворение из «Подражаний Корану» А.С. Пушкина: «И чудо в пустыне тогда совершилось: | Минувшее в новой красе оживилось; | Вновь зыблется пальма *тенистой* главой; | Вновь *кладез* наполнен *прохладой* и мглой» (Пушкин 1977–1979/2: 193). Чтобы вернуться из мира теней, в котором он пребывает, и обрести память, Лазарь должен напиться от ключей Памяти. См. в статье Вяч. Иванова «Древний ужас (по поводу картины Л. Бакста “Terror Antiquus”)» (1909):

> Когда отсечен ребенок от матери, как плод от дерева, — обособленный человек подобится новой тени, легкой гостье Аида, только что испив-

шей от летейских струй, от вод Забвенья. Как душа, по древнему тайному верованию, должна, чтобы восходить к свету, опять найти ключи Памяти и утолить палящую жажду у озера подземной Мнемосины, — так Памятью воссоединяемся мы с Началом и Словом, которое «в Начале было».

Иванов 1971—1987/3: 91—92

[11] *А песня протяжная лилась да лилась, переливчатая…* — Актуализируется внутренняя форма глагола «литься»: песня «льется», как те «живые ключи», о которых в ней говорится.

[12] …«*Лазарь ты, Лазарь,* | *Убогий мой братец*! — Новая песенка Отрады начинается с несколько переиначенных слов из духовного стиха о двух Лазарях: «Братец мой, братец, убогий Лазарь!» (Ляцкий 1912: 48). Обращение Отрады к Лазарю как к «братцу» не случайно: Отрада воспитывается Василисой, матерью героя, и поэтому может считаться его сводной сестрой. В Повести несколько раз встречаются намеки на возможные родственные отношения между Отрадой и Лазарем: «Так оба тихо и ладно, ровно *брат и сестрица*-разумница, за книгами сиживали <…>» (II.8.5); «А Лазарь ей: “Была ты мне, Отрада, за дитя малое, за *сестрицу* желанную <…>”» (II.14.9). Впрочем, сама Отрада считает себя «названой внучкой» Василисы (см.: II.2.9), то есть племянницей Лазаря.

[13] …*Набрала я Лазарю,* | *Набрала убогому* | *На лужайке цветиков,* | *Лазарю лазо́ревых*». — Словосочетание «цветики лазоревые» восходит к русскому фольклору, напр.: «Перед нашими широкими воротами | А утоптана трава, утолочена мурава, | А(щ)ипаны *цветочки лазоревые*» (Кирша 1977: 162). В христианской символике лазоревый (голубой) цвет связан с Богородицей и небесами. Вяч. Иванов часто использовал эту цветовую палитру, напр., в цикле «Голубой покров» (1908). «Лазоревые цветочки» вызывают ассоциацию и с Голубым цветком из романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген». См. также в поэме Вл. Соловьева «Три свидания» (1898): «Пронизана *лазурью золотистой,* | *В руке держа цветок нездешних стран,* | Стояла ты с улыбкою лучистой, | Кивнула мне и скрылася в туман» (Соловьев 1974: 126).

II

[1] *И вошла в покой отроковица светлая и пригожая, и глянули на Лазаря из ее очей светоносных, словно из далины̀ далекой, из глубины глубокой, темные Гориславины очи.* — Вяч. Иванов в данном случае опирался на собственный отцовский опыт. В письме к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 12/24 июля 1896 г. он делился своими мыслями об их дочери Лидии:

Пишу эти строки, только что вернувшись из Булони, где любовался на нашу девочку, сладко спавшую под своим кисейным пологом. Как она теперь выразительно смотрит большими, *твоими* глазами, и восхитительно улыбается, и укает от радости, и подымается всем крепким тельцем! <…> Как хорошо там, в уютной, ярко освещенной солнцем комнате, где я хожу взад и вперед от большой постели, на которой величественно покоится Пантерка, к твоему портрету, стоящему на комоде, как почитаемый божок, — и от портрета к постели, и там и здесь вглядываюсь в глубь *твоих* глаз, здесь — прозрачных и светлых, как голубой и чистый ручеек истока, там — бездонных и манящих, как омут горного озера <…>.

Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 460—461.
Курсив Вяч. Иванова. См. также: Там же: 141

Ситуация «узнавания» матери в чертах ее дочери характерна для поэзии Вяч. Иванова. См. примеч. 4 к II.3.17; а также II.6.14.

[2] …*подошла гостья нечаянная к одру болящего и нежною рукою рассыпала на грудь ему лесные цветы лазоревые…* — Эпизод напоминает явление Беатриче в Земном Раю (Чистилище. XXX.16—21):

Так над небесной колесницей вдруг
Возникло сто, ad vocem tanti senis,
Всевечной жизни вестников и слуг.

И каждый пел: «Benedictus qui venis!»
И, рассыпая вверх и вкруг цветы,
Звал: «Manibus o date lilia plenis!»

Чистилище. XXX.16—21.
Пер. М. Лозинского

Фраза «Manibus o date lilia plenis!» (*лат.*) — «Дайте лилий полными горстями!» — цитата из «Энеиды» Вергилия (Данте 2009: 804, примеч. Т. Шеховцовой).

[3] …*лицо убрусцем прикрыла.* — Убрус — платок.

[4] *Он же на те ответы ее, как в сновидении доводится спящему, и дивился в душе своей, и не дивился, будто иных и не ждал.* — Наблюдение о том, что во сне отсутствует чувство удивления, сделал З. Фрейд в «Толковании сновидений» (см.: Фрейд 1913: 76).

[5] *Красавица и есть: ростом высокая, станом становитая, лебедушка величавая.* — Описание ориентировано на фольклорные образцы, напр.: «<…> Как бы та была девица *станом статна́*» (Кирша 1977: 54—55); «<…> Та ведь девица *как лебедь* белая <…>» (Кирша 1977: 83); «У премудрого царя у Сала́мана | Есть пре-

красная царица Салама́ния: | Она *станом станешенька*, | И *ростом она высокошенька*, | И на лицо она *красовитая*, | У ней очи ясного сокола, | Походка павлиная, рысь *лебединая*» (Песни 1989: 451, № 95).

[6] *И сама вся будто солнцем насквозь светится под алым платкòм, инò и зеленым*». — Внимание привлекают цветовые эпитеты: Горислава является Отраде под платком, который кажется то красным, то зеленым, хотя не исключено, что платок двухцветный или их два — один красный, другой — зеленый. В этой детали можно увидеть аллюзию на «Божественную комедию» и «Новую жизнь» Данте. В «Новой жизни» поэт рассказывает, что в первый раз он увидел Беатриче в девятилетнем возрасте, одетой в платье кроваво-красного цвета, цвета Амора (см.: Данте 1968: 8 и примеч. И.Н. Голенищева-Кутузова: Там же: 478). В «Чистилище» (XXX.31—33) она снова явилась ему в одежде цвета пламени:

В венке олив, *под белым покрывалом*,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

Чистилище. XXX.31—33.
Пер. М. Лозинского

Зеленая мантия, алое платье и белая вуаль символизируют надежду, веру и любовь (см.: Данте 2009: 804, примеч. Т. Шеховцовой). В «Чистилище» Данте видит трех танцующих женщин:

<...> одна — *совсем ала*;
Ее в огне с трудом бы распознали;

Другая словно создана была
Из плоти, даже кости, *изумрудной*;
И третья — *как недавний снег бела*.

Чистилище. XXIX.121—129.
Пер. М. Лозинского

Эти женщины олицетворяют собой «три богословские добродетели: алая — Любовь, зеленая — Надежда, белая — Вера» (Данте 2009: 803, примеч. Т. Шеховцовой). Вяч. Иванов использует образы данной сцены «Чистилища» в статье «О Новалисе»:

> Новалис, поистине, замыслил в сфере духа то же самое [, что и Наполеон]: впрячь новый индивидуализм в колесницу новой христианской соборности, как Дантова грифа, что влечет райскую колесницу, окруженный *Верою в ризах белых*, *Надеждою в зеленых и Любовью в алых*.
>
> Иванов 1971—1987/4: 260

П.А. Флоренский приводит данные о католической символике цвета, согласно которой красный цвет «провозглашает любовь, страдание, могущество, справедливость», «зеленый говорит о надежде, или о нетленной юности, или о созерцательной жизни» (Флоренский 1914: 798). В триптихе «Семь таинств» Рогира ван дер Вейдена ангелы изображены в одеждах символических цветов: ангел в Таинстве Миропомазания — в зеленой одежде, обозначающей надежду, а ангел Покаяния — в огненно-красной, говорящей о покаянии (см.: Флоренский 1914: 798). Таким образом, сочетание зеленого и красного в Повести имеет глубокий символический смысл и восходит к средневековой книжной и иконографической традиции.

[7] ...*Духов день*». — Духов день, или День Святого Духа — христианский праздник, который отмечается на следующий день после Дня Святой Троицы в воспоминание о сошествии Святого Духа на апостолов (см.: Деян. 2: 1—4). В Духов день чествовали умерших, украшали зеленью церкви, дома и хозяйственные постройки: см. стихотворение Вяч. Иванова «Духов день» (1906) (см.: Иванов 1971—1987/2: 316—317). См. также в стихотворении «Сверстнику» (1928): «Старина, еще мы дюжи мыкать | По свету скитальцев русских долю, | В рубище всечеловеков кликать | *Духов День*, Финиста-птицу, Волю» (Иванов 1971—1987/3: 531).

[8] ...*пусть отныне о живых печалуется... их ему упасать придется*. — Глагол «упасти» здесь имеет значение ‘уберечь, сохранить, соблюсти’ (см.: Благова — Цейтлин 1999: 741). Ср. в Евангелии от Матфея: «<...> и ты, Виѳлееме, земле Иудова, ни чимже менши еси во владыкахъ Иудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже *упасетъ* люди моя Израиля» (Мф. 2: 6; рус. пер.: «<...> и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который *упасет* народ Мой, Израиля»). См. также: Мих. 5: 2.

[9] ...*и ручьями из глаз его полились легкие слезы, усладные*... — Один из примеров богатой аллитерации на [л]/[л’]. Ср. описания слезных излияний в Библии: «Сердце их вопиет к Господу: стена дщери Сиона! *лей ручьем слезы* день и ночь <...>» (Плач. 2: 18), а также см: Пс. 6: 7; Иер. 14: 17.

III

[1] *Как вернешься, на́перво Отраду позови*: *тебе она за меня воистину отрадою будет*». — Сцена носит автобиографический характер: через несколько лет после смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Вяч. Иванов женился на своей падчерице В.К. Шварсалон. В изложении Д.В. Иванова, сына поэта от В.К. Шварсалон, эта ситуация предстает следующим образом:

> Лидия Дмитриевна питала совершенно особую, чрезвычайно сильную привязанность к Вере, дочери от ее первого брака с Константином

Шварсалоном. И вот, по мере того, как проходят годы, Вячеславу начинает казаться — потом это перейдет в уверенность, — что Лидия ему каким-то образом вручает Веру, просит, чтобы он женился на ней и продолжал с ее дочерью тот любовный диалог, который начал с ней самой. Лидия, как новая Деметра, — если говорить языком, обычным для Вячеслава, — посылает на землю свою дочь Персефону. Он испуган, взволнован. Лидия, являясь ему во сне, настаивает; Вячеслав и Вера решают соединить свои жизни.

Обер — Гфеллер 1999: 44

[2] *...Матушка твоя... в сновидении мне тебя издалече показывала, как ты у криницы лазоревы цветы собирала.* — Сходная ситуация встречается в «Божественной комедии» Данте. В 27-й главе «Чистилища» поэт видит вещий сон о Лие, которая собирает цветы на лугу. В следующей главе Данте встречает Матильду, которая «станет руководительницей поэта в Земном Раю и воплощением приснившейся ему Лии — символа жизни деятельной» (Данте 2009: 801, примеч. Т. Шеховцовой). Матильда также собирает цветы: «<...> Явилась женщина, и шла одна, | И пела, отбирая цвет от цвета, | Которых там пестрела пелена» (Чистилище. XXVIII.40–42. *Пер. М. Лозинского*).

[3] *...песню ты пела такову заветную, словно ѝздавна ее знавал, да забыл. И ныне хочет вспомнить душа, какую ты... песню пела...* — Лазарь переживает явление анамнезиса, описанное Платоном. См. в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932):

С первого же взгляда на портрет Настасьи Филипповны что-то пронзает Мышкина и пробуждает в нем какое-то воспоминание. Ему кажется, что он уже видел глаза Настасьи Филипповны во сне; да, когда-то он уже видел ее. Настасья Филипповна также помнит, что они когда-то встречались.

Иванов 1995: 413

[4] ...«*И ничего... нет в обличье твоем... от матери; а как на тебя гляжу, кажется мне, будто она тут вот около меня стоит*». — Узнавание в чертах дочери образа ее покойной матери — характерный мотив жизни и творчества Вяч. Иванова: см., напр., стихотворение «Сомнение» (1914) (см.: Иванов 1971–1987/3: 520) и авторский комментарий к нему в разговоре с М.С. Альтманом (см.: Альтман 1995: 48; зап. от 9 февраля 1921 г.). См. также очерк О.А. Шор о Вяч. Иванове (см.: Иванов 1971–1987/1: 133–134).

IV

[1] *...в гусек, в чет-и-нечет, в шашки, в зернь.* — Гусек — «род игры, шашками по клеткам, с кидкою костей: шашки идут *гуськом* одна за другою» (Даль 1880/1: 411).

[2]*...сиднем-лёжнем обзывала, байбаком ленивым, лесным бояриным-лежебоком, что̀ жиру за́ лето нажил да лапу себе в берлоге и сосет, за всю зиму раз с боку на бок повернется, и то на солнцеворот.* — Согласно поверью, на Спиридона-солнцеворота (12 декабря по ст. ст.) медведь в берлоге поворачивается на другой бок. Байбак — здесь «неповоротливый, мешкотный человек, лентяй и соня» (Даль 1880/1: 38). Интересно, что в речи Отрады само слово «медведь» не употребляется. См. примеч. 2 к II.17.2.

V

[1]*...по малом времени уже и Псалтирь разбирала, а минул год — и из других книг довольно прочла.* — Любовь к чтению сближает Отраду с Пресвятой Девой, которая, согласно преданию, «имела острый ум, любила учиться, часто читала Св. Писание и размышляла о нем. Благоразумие Ея удивляло всех» (Сказания 1904: 58).

[2] *И дивились иною порой Лазарь и Василиса на речи ее замысловатые, будто и не детские.* — Эпизод напоминает историю, описанную в Евангелии от Луки. Когда Иисусу было двенадцать лет, родители отправились с ним в Иерусалим на праздник Пасхи. После окончания празднества Иисус не вернулся домой. Тогда родители снова пошли в Иерусалим: «Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его *дивились* разуму и ответам Его» (Лк. 2: 46–47). См. также о Параскеве: «<...> сама возрастом юная, старица мудростию <...>» (V.12.7).

[3] *Читали они... как Господь Бог прародителей наших за первый грех древлего ослушания покарал, Адаму смертию умереть назначал, Еве же и чад родить в муках.* — При упоминании данного фрагмента Книги Бытия (см.: Быт. 3: 16–19) акцентируется параллелизм между смертью человека и его рождением. См. ниже примеч. 5 к II.5.7–8. Об этом эпизоде Повести см.: Топорков 2012: 135–140.

[4] *Не убыль человеку смерть, а силы прибыль.* — Мысль о благодатности смерти со Христом характерна для апостола Павла (см.: Флп. 3: 8–11; Рим. 6: 1–11). Ср. слова Стефана Пермского, приведенные Епифанием Премудрым: «Мне бо, — рече, — еже жити — Христос, *а еже умрети прибыток есть*» (рус. пер.: «Ибо для меня, — сказал он, — жизнь это Христос, а смерть — Его приобретение» (Епифаний Премудрый 1995: 146, 147)).

[5] *А что в болезнях матери детей рожать определено, то радости ее не отъемает. Так и с этою жизнью расставанье боль человеку и скорбь; но из этой скорби радость*

процвести должна... — В первом предложении перифразировано проклятие, обращенное к Еве: «<...> въ болѣзнехъ родиши чада <...>» (Быт. 3: 16; рус. пер.: «<...> в болезни будешь рождать детей <...>»). Далее пересказываются слова Христа: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин. 16: 21). Этот фрагмент Евангелия от Иоанна цитировался ранее в Повести в связи с рассказом о рождении Отрады (см.: I.19.4). Ср. противопоставление ветхозаветного и новозаветного взгляда на рождение ребенка в синаксарном чтении в Пасхальное воскресенье: «Подобаше бо первѣе слышавшему роду: въ печалехъ родиши чада, тому прежде и радость внушити» (Триодь 2002: 4об.).

Оборот «радость процвести должна» восходит к литургическим песнопениям службы Рождеству Пресвятой Богородицы: «Ктому жены в печалех не родят чад: *радость бо процвете*, и живот всем человеком в мире жительствует» (рус. пер.: «Уже не будут жены в печали рождать детей, ибо *радость процвела* и жизнь людей обитает в мире») (Стихиры на стиховне // Скабалланович 2004а: 78). См. в стихотворении «Строй лиры пленной приневоль...» из цикла Вяч. Иванова «Материнство»:

> Что̀ значат в Боге Смерть и Боль?..
>
> Как двойственна душа магнита,
> Так Плоти Страсть с Могилой слита,
> С Рожденьем — Скорбь. Ее святя,
>
> Постигнешь, чем страданье будет.
> Иль муки всей, родив дитя,
> От счастья мать не позабудет?
>
> Иванов 1971–1987/3: 25 (№ V)

[6] *Первый-то у Евы сын кто был? Каин*! — Аллюзия на: Быт. 4: 1.

VI

[1] *...и читали они опять ту же об изгнании праотцев из вертограда едемского повесть*... — Праотцы — здесь имеются в виду Адам и Ева как предки всего человечества. Вертоград едемский — райский сад. См.: примеч. 3 к II.5.5.

[2] ...«*Внимай, убогий, да вникай*: *я тебе о земном рае стих спою*... — В стихотворении использованы мотивы двух русских духовных стихов: «Плач Адама» и «Иоасаф-царевич и Пустыня». Первый из них исполняется от лица Адама, который после изгнания из рая остановился перед его дверями и изливает свое горе. В основе духовного стиха лежит покаянный стих, известный в рукописях с XV в.: «Он восходит к Постной Триоди и Синаксарю, к богослужениям “прощеного воскресенья”, когда накануне Великого поста вспоминается грехопадение первого человека» (*Панченко А.М.* Стихи покаянные // СКК 1989: 421). Сравнение стихотворения Вяч. Иванова с духовными стихами см. в изд.: Топорков 2012: 326–331.

[3] *...что̀ мне пустынька дубравная нашумела, поведаю*». — В русском языке различаются слова «пусты́ня» и «пу́стыня»: «П у с т ы́ н я ж. необитаемое, обширное место, простор, степи. П у́ с т ы н я, п у́ с т ы н ь ж. уединенная обитель, одинокое жилье, келья, лачуга отшельника, одинокого богомольца, уклонившегося от сует» (Даль 1882/3: 542). В духовном стихе об Иоасафе-царевиче Пустыня (во втором словоупотреблении) персонифицируется и вступает с ним в диалог: Иоасаф уговаривает Пустыню впустить его, а та его отговаривает. Она объясняет, что, когда придет весна, он услышит, как чудесно поют птицы, и покинет Пустыню; Иоасаф настаивает, и в конечном счете Пустыня соглашается его впустить. Текст духовного стиха соотносится с древнерусской переводной Повестью о Варлааме и Иоасафе, которая послужила одним из источников Повести Вяч. Иванова. Действие стиха приурочено к тому эпизоду древнерусской повести, в котором Иоасаф решает стать отшельником и уходит в «пустыню», однако в остальном стих представляет собой самостоятельное произведение. Установлено, что он сложился не позднее середины XVI в. на основе стиха покаянного восьмого гласа «Приими мя пустыня...» и первоначально не был связан с Повестью о Варлааме и Иоасафе (см.: Петрова 1987: 39–51).

Олицетворение пустыни восходит к Библии: «Возвеселися, пустыне, и веси ея, придворія, и живущіи въ Кидарѣ <...>» (Ис. 42: 11; рус. пер.: «Да возвысит голос пустыня и города ее, селения, где обитает Кидар <...>»).

[4] ...«*Уж ты, Раю мой, Раю пресветлый*... — Фрагмент почти без изменений перенесен из духовного стиха «Плач Адама»: «<...> Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!» (Ляцкий 1912: 3).

[5] *Ты почто́ еси мне заповедан*? — Ср. в неоконченной поэме Вяч. Иванова «Деревья» (1917–1918): «Кто скажет, где тот заповедный рай?» (Иванов 1971–1987/3: 534).

[6] *И куда ж от меня затворился*, | *Невиди́мою схимой покрылся*? — См. сходные образы в стихотворениях из «Римского дневника 1944 г.»: «Как древний рай покрыла схима...» и «И правоверный Кальдерон...» (см.: Иванов 1995/2: 147, 178). Тема невидимого райского сада известна в хлыстовских распевцах: «Садик Богом насажен, | Оградушкой огражен, | *Оградушка невидима*, | *Никому не споведима*, | Кроме матушки родимой» (Песни 1912: 281, № 200).

[7] *Али в горняя, Раю, восхищен* | *И цветешь в небеси на возду́сех*, | *А сыру́ землю си́ру покинул*? — Ср. в стихе о Голубиной книге: «<...> Нонечь Кривда Правду при-

обидела: | Пошла Правда она на вышния нéбеса, | А Кривда оставалась на сырой земли <...>» (Ляцкий 1912: 15).

[8] *То не крины душистые пахнут...* — Кринъ (*ст.-слав.*) — лилия. Символика лилии восходит к Песни Песней: «Азъ цвѣтъ польный и кринъ удольный. Якоже кринъ въ терніи, тако искренняя моя посредѣ дщерей» (Песн. 2: 1–2; рус. пер.: «Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами». См. также: Песн. 2: 16; 4: 5). См. также слова Ездры Всевышнему: «<...> и от всѣхъ цвѣтовъ вселенныя избралъ еси себѣ кринъ единъ <...>» (3 Езд. 5: 24; рус. пер.: «<...> из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию <...>»). В христианстве

> <...> лилия стала символом чистой, девственной любви. Гавриил, ангел Благовещения, чаще всего изображается с лилией в руках, точно так же приемный отец Иисуса Иосиф и родители Марии Иоаким и Анна. «Полевые лилии», которые не трудятся, но восхваляются в Нагорной проповеди Иисуса благодаря тому, что они являют собою не вызывающее никаких сомнений доверие к Богу, сделали этот цветок атрибутом многих святых.
>
> Бидерманн 1996: 149

См. также примеч. 9 к IV.11.19.

[9] *А цвету я от вас недалече, | За лазоревой тонкой завéсой: | Ту завéсу лазореву знает, | Кто насытил сердце слезами.* — Образ «лазоревой завесы» или «лазоревого покрывала» в Повести фигурирует еще дважды (см.: II.6.10; II.18.15). Он встречается во многих стихотворениях Вяч. Иванова, особенно в цикле сонетов «Голубой покров» (см.: Иванов 1971–1987/2: 279–280, 428–429; Иванов 1971–1987/3: 610). Согласно христианской символике голубой покров является атрибутом Богородицы (см.: Флоренский 1914: 573–574).

[10] *...Посреди же меня Древо Жизни...* — Описание рая с чистыми водами, прекрасными деревьями и Древом Жизни восходит к Священному Писанию:

> И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и *дерево жизни посреди рая*, и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила *река для орошения рая*; и потом разделялась на четыре реки (Быт. 2: 9–10).
>
> У потока по берегам его, с той и другой стороны, *будут расти всякие дерева, доставляющие пищу*: листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что *вода для них течет из святилища*; плоды их будут употребляемы в пищу, а листья на врачевание (Иез. 47: 12).

> <...> побеждающему дам вкушать *от древа жизни, которое посреди рая Божия* (Откр. 2: 7).
>
> И показал мне *чистую реку воды жизни*, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, *древо жизни*, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов.
>
> Откр. 22: 1–2

См. также: Откр. 22: 14. В комментарии к Откр. 11: 1–5 Вяч. Иванов отмечал сходство описаний рая у апостола Иоанна, Иезекииля и в Книге Бытия: «Это описание являет многие черты сходства с Иезекиилевым (47: 1–12); в обоих светится первообраз земного рая (Быт. 2: 6–10)» (Деяния 1946: 506–507). Древо Жизни фигурирует в стихотворениях Вяч. Иванова «Дриады» (1904) и «Лето Господне» (1904).

[11] *...Древо Жизни — Пречистая Дева».* — Называние Богородицы «древом» восходит к Акафисту Богородице: «Радуйся, *древо* светлоплодовитое, от негоже питаются вернии; радуйся, *древо* благосеннолиственное, имже покрываются мнози» (икос 7). См. также в Каноне Пресвятой Богородице: «<...> радуйся, Владычице, *одушевленный раю, древо посреде имея жизни* <...>» (Песнь 5, ирмос). Сближение Богородицы с райским древом жизни характерно для богослужения западносирийской Церкви: напр., в молитве «седро» из Утрени говорится: «О Дева, Ты — древо благословений. В этот день Ты была вырвана из земли териний и пересажена в рай рядом с Древом жизни, возросшим в лоне твоем <...>» (Бартосик 2003: 30). Сближение образов Марии и райского сада лежит в основе иконографических типов «Вертоград заключенный», «О тебе радуется всякая тварь», «Неувядаемый цвет». Богоматерь, сидящая на престоле в райском саду, изображается в левой нижней части икон и фресок Страшного суда.

[12] *...мне в тот рай Богородичен не вступить...* — Аллюзия на слова Иоанна Богослова: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы *иметь им право на древо жизни и войти в город воротами*» (Откр. 22: 14). Лазарь не сможет войти в Богородичный рай в отличие от Светомира, который «изначала возлюбил» Пречистую Владычицу, «оттого и рай на земле видит» (см.: IV.9.19).

[13] *...а послушать тебя сердцу... некое о Земле-Матери упование.* — Ср. слова Марьи Тимофеевны Лебядкиной из «Бесов» Ф.М. Достоевского: «А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: — “Богородица чтó есть, как мнишь?” — “Великая мать, отвечаю, *упование рода человеческого*”. — “Так, говорит, Богородица — великая *мать сыра земля* есть, и великая в том заключается радость”» (Достоевский 1972–1990/10: 116). См. примеч. 10 к I.3.11.

[14]*А Егорья Божия Матерь любит. Он перед Нею по земле на белом коне едет, а Пречистая за ним идет.* — Вяч. Иванов создает своеобразную словесную икону, на которой св. Георгий изображен не в момент битвы со змеем, а в конной поездке. Фигуры Божьей Матери и св. Георгия объединены общим действием: св. Георгий едет впереди, как бы прокладывая Ей путь и охраняя Ее. Одним из источников этой «иконы» могла быть знаменитая фреска «Чудо Георгия о змие» из церкви Св. Георгия в Старой Ладоге (последняя четверть XII в.): св. Георгий, в образе юного воина без копья в руках, едет на белом коне. Перед ним идет спасенная им царевна, которая также одета в белое и ведет на поясе змея.

Богородица и св. Георгий нередко изображаются в одной композиции. Напр., на иконе VI в. из монастыря Св. Екатерины на Синае в центре помещена Богородица с младенцем на коленях, а по сторонам от нее, как принято считать, св. Георгий и св. Федор. На двусторонней иконе из Успенского собора Московского Кремля с одной стороны изображен св. Георгий, а с другой — Богоматерь Одигитрия (ок. 1170 г.). В иконографическом типе «О тебе радуется» Георгий вместе с Димитрием представлены в правой группе святых. В «Покрове Пресвятой Богородицы» они изображаются среди свидетелей чуда как мученики или воины (см.: Православная энциклопедия 2005: 689). В римской базилике Сан-Джорджио-ин-Велабро апсида украшена фреской, которая приписывается Пьетро Каваллини или Джотто: на темно-синем фоне изображен Христос, справа от Него — Богородица и св. Георгий со знаменем в руке, а слева — ап. Петр и св. Себастьян.

Белый конь св. Георгия — устойчивая деталь его иконографии. См. также представление Слова Божия как всадника на белом коне (см.: Откр. 19: 11—15). См. примеч. 1 к V.11.2.

[15] *...отрадою ты мне из голубой той скинии, слезным покрывалом завéшенной, посланá.* — «Голубая скиния» вызывает ассоциации с библейской скинией Завета, которая имела завесу «из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона» (Исх. 27: 16). См. также: Исх. 27: 16. По мнению Иосифа Флавия, четыре завесы скинии соотносятся с четырьмя стихиями, в частности, голубая (фиолетовая) завеса — с воздухом:

> Завесы, сотканные из четырех сортов материала, служат эмблемой стихий, причем виссон, очевидно, напоминает землю, которая родит лен, пурпур — море, окрашивающееся в пурпурный цвет кровью рыб, *фиолетовый гиакинф — лазоревый воздух*, а багряный цвет служит символом огня.
>
> *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. III.VII.7

Подробно об этой символике писал П.А. Флоренский (см.: Флоренский 1914: 552—553).

По церковному преданию, во время Введения в храм Богородица сразу прошла в Святая святых,

> <...> куда не дозволялось входить не только никому из женского пола, но и самим священникам, и куда лишь однажды в год, в день очищения, имел право входить только один первосвященник с жертвенной кровью. <...> Захария, введя Марию во Святая святых, назначил это место для постоянных молитв Ея.
>
> Сказания 1904: 55—56

В христианской традиции

> <...> Святое святых служило образом Божией Матери, вместившей воплощенное Слово Божие. <...> Во внутреннем отделении скинии и храма — «Святое святых», стоял ковчег завета — ящик, покрытый золотом внутри и снаружи, вмещавший в себе священные предметы. Этот кивот уподобляется Божией Матери, вместившей не скрижали закона, а самого Законодателя.
>
> Сказания 1904: 27—29

См. в шестом сонете из цикла «Голубой покров»: «Есть нежный лимб в глубоком лоне рая, | *Марииной одеян пеленой*» (Иванов 1971—1987/2: 426).

[16] *...ясно воспомнилось: не во сне я тебя тогда с лазоревыми цветами видел.* — См. в стихотворении Вл. Соловьева «Близко, далёко, не здесь и не там...» (1875—1876): «Ныне опять ты являешься мне | С лаской нежданной любви, | *Вижу тебя я уже не во сне*, | Ясны мне речи твои» (Соловьев 1974: 63).

VII

[1] *Прокудить* — шалить, проказничать (см.: Даль 1882/3: 491).

[2] *...а улыбнется ласково, — и она вся тихим светом засветится.* — Намек на песнопение «Свете тихий». См. также в колыбельной Отрады: «Светомире мой, дитятко светлое, | *свете мирный*, *тихо* дремли!» (III.4.2).

[3] *И читают они в Евангелии, что Христос из Марии Магдалины семь бесов изгнал...* — См.: Лк. 8: 2.

[4] *...укрепишься ты мыслями, и мышцами, и жилами, и жизнию, и всем составом своим душевным и телесным...* — Фрагмент близок русским заговорам, напр.: «<...> зажги ты красну девицу (имярек), *в семьдесят семь составов*, *в семьдесят семь жил и в единую жилу становую* <...>» (Майков 1992: 11, № 7).

[5] *...мертвою водою тебя Егорий обрызнул, вскоре и живою окропит.* — «В сказках мертвого опрыскивают сперва *мертвою*, потом *живою* водою, и он оживает <...>» (Даль 1880/1: 538). См. описание действия мертвой и живой воды в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» из сборника А.Н. Афанасьева:

> На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, *спрыснул его мертвою водою* — и тот вороненок сросся, *спрыснул живою водою* — вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк *спрыснул Иван-царевича мертвою водою* — его тело срослося, *спрыснул живою водою* — Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!».
>
> Афанасьев 1984/1: 343, № 168

См. примеч. 8 к II.1.8.

[6] *С постели воспрянешь, богатырем могутным обернешься, как Илья Муромец, что́ тоже не мало годков за печкою сиднем сидел...* — В некоторых былинах и сказках об Илье Муромце рассказывается, что он до 30 лет «не владел» ногами, напр.: «Да старо́й казак да Илья Муромец, | Илья Муромец да сын Иванович, | Он сидел ли тридцать лет на седалищи, | Он не имел-то да ни рук, ни ног» (Гильфердинг 1950/2: 313). Илья исцелился, выпив пива из рук калик перехожих, и при этом ощутил в себе непомерную силу.

В следующей главке Повести Отрада советует Лазарю послушать рассказы странников об их хождениях в Святую Землю. Здесь намечается ложный сюжетный ход: как и Илье Муромцу, Лазарю суждено исцеление, но он получит его не от «калик перехожих». В письме к Вяч. Иванову от 30 июня/12 июля 1896 г. Л.Д. Зиновьева-Аннибал сравнивала поэта с Ильей Муромцем: «Видишь, всякий мозгляк опередит тебя и понемногу разные улитки доползут до тебя, *пока ты лежишь, как Илья Муромец*» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 430).

[7] *Только грешница я великая...* — Аллюзия на диалог между Сонечкой Мармеладовой и Родионом Раскольниковым:

> — Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали! — Не за бесчестие и грех я сказал это про тебя, а за великое страдание твое. А что ты великая грешница, то это так, — прибавил он почти восторженно, — а пуще всего, тем ты грешница, что *понапрасну* умертвила и предала себя.
>
> Достоевский 1972–1990/6: 246–247.
> Курсив Ф.М. Достоевского

Ср. в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932):

> Спасающая убийцу, научившая его покаянию, кроткая сердцем Соня, ставшая проституткой, чтобы спасти родителей, братьев и сестер от голодной смерти, — тоже жертва за чужой грех; в отличие от Елизаветы, она, однако, сама — *великая грешница*, хоть и для спасения других, она сознательно и самонадеянно принимает не только страдания, но и проклятие чужого злодеяния, беря его на себя. В грешнике, который искупляет грех страданием, — антиномичное скрещение проклятия и освящения — если не погасла в нем любовь <...>.
>
> Иванов 1971–1987/4: 535–536

[8] *...вся в белом она была и еле видна сквозь туман утренний, солнышком просвеченный, и не распознать было, на нее глядючи, близко ли она тут стоит, далече ли.* — Горислава одета в белое платье и окружена туманом, просвеченным солнечными лучами. Ее тело слабо различимо и сливается с фоном: в результате взгляд не может сфокусироваться на фигуре и наблюдателю трудно определить расстояние до нее. См. в Книге Премудрости Соломона: «<...> жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, *как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его*» (Прем. 2: 4). См. также стихотворение Вл. Соловьева «Близко, далёко, не здесь и не там...» (1875–1876) (см.: Соловьев 1974: 63).

[9] *...да попляши, да тою кровью его и сбрызни...* — Ср. в сказке о Царевне-Лягушке: «Начали закусывать: царевна огложет коску (кость. — *Ред.*), да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат (так в тексте! — *А. Т.*), и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает бо́льших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она *плясала-плясала*, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава *вода разбрызжет* — тоже в людей» (Афанасьев 1985/2: 262, № 267).

[10] *А чаще убиться велит: ты, говорит, проклятая... одно тебе осталось — руки на себя наложить.* — Бес наущает Отраду околдовать Лазаря или покончить с собой. При создании данного эпизода Вяч. Иванов мог опереться на личный опыт общения с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, в письмах которой неоднократно возникают темы собственной греховности и возможного самоубийства. См. ее письмо поэту от 15/27 февраля 1895 г.:

> Или ты меньше любишь меня, или ты сильнее, духовнее, лучше во сто раз меня, я знаю лишь одно: *если не уничтожу в себе физическую жизнь самоубийством, я буду твоею во что бы то ни стало*, если ты возьмешь меня, конечно. Среднего исхода нет. <...> А твое присутствие для меня больше мука, чем счастие, потому что меня бросает к тебе, я мучаюсь вечною idée fixe — жаждою иметь тебя одного, вдали от всех, и хоть один короткий миг отдаться любви вполне, т.к. она требует. И когда я думаю об этом, ощущаю это, *ничто в совести моей не шевелится, и всё*

умирает, кроме одной неудержимой жажды страсти, твоих объятий, твоих поцелуев. <...> Эта любовь жжет и истощает меня.

Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 142–143

[11] *Лучше согрешить хочу, нежели тебя лишиться.* — См. в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову от 17/29 марта 1895 г.: «Вся жизнь моя была чиста. Я ошибалась разумом, но не грешила чувством. Теперь, теперь страсть погубила меня. Я согрешила. <...> Да, Вячеслав, я Магдалина, но я несчастнее Магдалины. У меня нет Христа и *нет пути помимо грешного, т. к. я создана не для святости, а для греха*, и лишь любя я живу и расцветаю» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 184–185).

VIII

[1] *Читали же они с Лазарем... и цветники...* — Цветники — рукописные сборники, включающие фрагменты различных сочинений, изречения, нравоучительные примеры. Название связано с тем, что составитель уподоблялся пчеле, собирающей с цветов сладкий нектар.

[2] *...на списки харатейные Лазарь казны не жалел.* — Списки харатейные — пергаментые рукописи.

[3] *...какие диковины видовали, какие небывальщины слыхивали, басни жидовские и кощуны эллинские...* — В древнерусских текстах словосочетание «басни жидовские» обозначало апокрифы, а «кощуны еллинские» — древнегреческие мифы (см.: Аничков 1914: 298). Церкви приходилось следить за книгами, в которые проникали «кощуны еллинские и басни жидовския» (Там же: 304).

[4] *...царства православного конечной погибели...* — Намек на литературное произведение о событиях Смутного времени «Плач о пленении и о *конечном разорении Московского государства*». Текст был написан летом или осенью 1616 г., опубликован в 1891 г. и исследован в книге С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник. 2-е изд.» (1913) (см.: СКК 1998: 40).

[5] *И отпускал их Лазарь с досадою в сердце... на царства* (*как про себя думал*) *разорителей, пастырей-волков хищных.* — Аллюзия на слова апостола Павла: «Ибо я знаю, что, по отшествии моем, *войдут к вам лютые волки, не щадящие стада* <...>» (Деян. 20: 29). Сетования на злых пастырей, которые не пекутся о вверенном им стаде, неоднократно встречаются в Библии (см.: Иер. 23: 1–2; Иез. 34: 2, 10) и в древнерусской литературе, напр., в «Слове св. отца нашего Василия, архиепископа Кесарийского, о судиях и властелех»:

> Сего ради поставил есть вас пастухи и стражи людем своим, да соблюдете стадо его от волк не вредно и от татий не крадено. Вы же, *в пастух место, волци бысте* и стадо Христово погубисте, яко распудисте и разгнали есте стадо Христово, и вдали есте татем и разбойником на разграбление, и заклаша, кровь их испиша, и мяса их изъедоша и овчинами их одеяшася сами. Сие же вам глаголю, цари и князи, не от себе, но от бога приим разум, *да не будете волкы в пастух место стаду Христову* <...>.
>
> Памятники 1897: 116

Образ волков-пастырей встречается также у Данте, напр.:

> В одежде пастырей — волков грызливых
> На всех лугах мы видим средь ягнят.
> О божий суд, восстань на нечестивых!
>
> Рай. XXVII.55–57. *Пер. М. Лозинского*

См. также: Рай. IX.130–132. См. также, как обыгрывается в Повести евангельский образ волка в овечьей шкуре (см.: I.13.10), и примеч. 24 к III.10.18.

IX

[1] *...лебедей рушил, романеей запивал.* — Рушать — кроить, резать (о пище); романея — сладкая настойка на фряжском вине (см.: Даль 1882/4: 103, 115).

[2] *Коль не принудят нас гости незваные за ум взяться... никаковó нам не сдобровать: сами себя разладом да неурядицею погубим.* — Слова Лазаря перекликаются с суждениями автора «Слова о полку Игореве»; см. в статье Вяч. Иванова о «Слове»: «<...> форма произведения также определялась и политическими целями. Нужно было должным образом указать князьям на гибельные последствия их враждебных сепаратистских настроений и на срочную необходимость создать прочный союз под началом Киева против азиатских кочевых племен, живших у южного морского побережья» (Ivanow 1937: 665. *Пер. с нем. А.А. Мазуровой*).

[3] *Крепкое нам потребно самодержавие, а князьям тому самодержцу холопам быть*». — Ср. в Первом послании Ивана Грозного Курбскому: «<...> Русская земля правится Божиимъ милосердиемъ, и пречистые Богородицы милостию, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословениемъ, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже ипаты и стратиги. <...> *А жаловати есмя своихъ холопей волны*, а и казнити волны же есми были» (Переписка 1993: 26).

[4] *...змею многоглавую, Идрою именуему...* — В речи Владаря используются древнерусские формы слов, которые более близки древнегреческим формам, чем современные: «Идра» вместо «Гидра», «Омир» вместо «Гомер».

[5] *Се, и Омир оный еллинский изрек*: *«не добро многоглавие, един глава да будет»*. — Цитата из Илиады: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель...» (*Гомер*. Илиада. II. 204). См. сходные рассуждения в «Пире» Данте (см.: Данте 1968: 311, 318–319, 320).

[6] *...а сей кто таков есть? — сам ли Вельзевул али какой шу́тов прихвостень?* — Шут — здесь: обозначение беса.

X

[1] *Жил в недальней лавре священномонах Мелетий, родом грек, и книги церковные правил*. — «Видным носителем эллинской мудрости предстаёт инок Мелетий Грек, в котором без труда угадывается преподобный Максим Грек, принесший на Русь византийские традиции с Афона и возрожденческие из Италии» (Громов 2002: 278).

«Максим Грек (в миру Михаил Триволис) (ок. 1470 — 12.XII.1555) — писатель, публицист, переводчик. <...> М<аксим> Г<рек> родился в Арте в аристократической греческой семье Триволисов <...> В 1490–1491 гг. М<аксим> Г<рек> баллотировался (неудачно) в состав совета острова Корфу, а через год направился, подобно многим соотечественникам-эмигрантам, в Италию. Поначалу он обосновался во Флоренции, где познакомился с Анджело Полициано, Марсилио Фичино и другими знаменитостями, которыми была богата Италия эпохи Возрождения. <...> Побывал он также в Болонье, Падуе, Милане; в Венеции, где любознательный юноша жил с 1496 г., он "часто хаживал книжным делом" к известному типографу Альцу Мануцию. В 1498 г. М<аксим> Г<рек> поселился в Мирандоле, состоя на службе у Джованни Франческо Пико делла Мирандола, племянника знаменитого автора "Речи о достоинстве человека". Но из всех впечатлений, вынесенных из Италии, наиболее сильным оказалось то, что произвели проповеди Джироламо Савонаролы, гибель которого М<аксим> Г<рек> подробно описал, уже находясь в Московии ("Повесть страшна и достопаметна и о совершенном иноческом жительстве"). <...> Он навсегда покидает Италию, с тем чтобы обосноваться на Афоне, где выученик итальянских гуманистов постригся в Ватопедском монастыре под именем Максима. Этот момент стал переломным в жизни М<аксима> Г<река>: отныне он отрекается от своих прежних увлечений, чтобы целиком предаться изучению богословия, хотя отзвуки культуры Ренессанса дают о себе знать во многих его позднейших сочинениях.

Покойная жизнь М<аксима> Г<река> продолжалась недолго: в 1516 г. по запросу великого князя Василия III он выехал в Москву для перевода Толковой Псалтири. Когда работа была завершена (по-видимому, в 1522 г.), М<аксим> Г<рек> обратился к великому князю со специальным посланием, в котором просил отпустить его обратно на Святую Гору. Просьба ученого старца не была

уважена: московские власти предпочли оставить его при себе, используя для перевода и *исправлений других книг*. <...> В Москве М<аксим> Г<рек> собрал вокруг себя целый кружок образованных людей, которые приходили в его келью в Чудов монастырь "говаривать с ним книгами"<...>

Настоящий византийский книжник-энциклопедист, М<аксим> Г<рек> оказал огромное влияние на культуру Древней Руси, на русских книжников, как на своих современников, общавшихся с ученым старцем, так и на последующие поколения, читавшие его творения. В разные годы он обучал греческому языку русских людей — инока Силуана, В.М. Тучкова-Морозова, Нила Курлятева» (*Буланин Д.М.* Максим Грек // СКК 1989: 89–90, 93).

[2] *...в Италии и в Галлии... с первыми земель тех совопросниками обращался...* — Слово «совопросник» отсылает к апостолу Павлу: «Где мудрец? где книжник? где *совопросник* века сего?» (1 Кор. 1: 20).

[3] *...своего ученика излюбленного учителем ему приставил, по имени Епифания...* — Аллюзия на Епифания Премудрого (2-я пол. XIV в. — 1-я четв. XV в.) — инока Троице-Сергиева монастыря, автора житий Сергия Радонежского, Стефана Пермского и других произведений. Для сочинений Епифания Премудрого характерен изысканный стиль «плетения словес», которому во многом следовал Вяч. Иванов при работе над Повестью.

[4] *...его же на Святой Горе из младых иноков словенских изыскал...* — Святая Гора — традиционное название Афона. Связь Мелетия и Епифания со Святой Горой соответствует фактам биографии Максима Грека и Епифания Премудрого. Максим Грек был монахом Ватопедского монастыря. Епифаний Премудрый «много путешествовал и побывал в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме» (СКК 1988: 211). В то же время «святая гора» — сакральный топос Библии, ср.: «Не будут делать зла и вреда *на всей святой горе Моей*, ибо земля будет наполнена ве́дением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11: 9); «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: впредь, когда Я возвращу плен их, будут говорить на земле Иуды и в городах его сие слово: "да благословит тебя Господь, жилище правды, *гора святая*!"» (Иер. 31: 23).

[5] *Поучал он Лазаря грамоте еллинской...* — Ср. в рассказе Епифания Премудрого о Стефане Пермском: «Желая же болшаго разума, яко образом любомудриа изучеся и греческой грамоте, и книги греческия извыче, и добре почиташе я, и присно имеаше я у себе» (рус. пер.: «Желая же обрести больший разум, он овладел как образом философии греческой грамотой и освоил греческие книги, и хорошо читал их, и всегда имел их у себя» (Епифаний Премудрый 1995: 62–65)).

[6] *...упражнял его спервоначала в баснях Есоповых, по сем и в книгах церковных, и в творениях святоотеческих, и в предложениях Евклидовых, и в Аристотелевых суждениях*. — Круг совместного чтения Епифания и Лазаря включает басни Эзопа, творения Отцов Церкви, «Начала» Эвклида, «Логику» Аристотеля.

[7] *А пил Лазарь учение, как земля сухая росу*. — Сравнение разума человека с землей, а книжного учения — с дождем, оживляющим высохшую землю, восходит к Библии, напр.: «<...> слушай, *земля*, слова уст моих. *Польется как дождь учение мое*, *как роса речь моя*, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву» (Втор. 32: 1–2); «Простираю к Тебе руки мои; *душа моя — к Тебе, как жаждущая земля*» (Пс. 142: 6). В своем комментарии к Пс. 62: 1 Вяч. Иванов отмечал: «Как высохшая земля требует дождя, так и душа жаждет Бога <...>» (Псалтирь 1950: 186). См. также в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона: «Пустѣ бо и прѣсъхлѣ земли нашей сущи, идольскому зною исушивъши ю, вънезаапу потече источникъ евангельскыи, напаая всю землю нашу» (рус. пер.: «Тогда как пуста и иссохша была земля наша, ибо идольский зной иссушил ее, внезапно разлился источник Евангельский, напояя всю землю нашу» (Памятники 1994: 590, 607)). См. примеч. 9 к II.1.9.

[8] *...плавая по морям премудрости...* — См. восхваление Премудрости в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «<...> *мысли ее полнее моря*, и намерения ее глубже великой бездны. <...> Я сказала: полью мой сад и напою мои гряды. И вот канал мой сделался рекою, и *река моя сделалась морем*» (Сир. 24: 31, 34–35).

[9] *Укорял Мелетий латынян*, *что правого обычая не держат...* — Вяч. Иванов различал «латинство» и «католичество»; напр., в письме к С.Л. Франку от 18 мая 1947 г.: «Сознает ли *католичество* свою «ущербность» в сравнении с Востоком? *Латинство*, разумеется, знает, что оно только часть, а не целое; *католичество* же не имеет ни основания, ни права признавать себя ущербным, ибо оно говорит свое Да всему положительному на Востоке и включает в свою полноту весь Восток» (Символ 2008: 444); и далее: «<...> в старину латинство обезличило бы Россию, как оно исказило душу Польши, но теперь католичество не значит латинство» (Там же: 444).

[10] *...причину же сего шатания в том полагал, что, осуетившись мыслию, от Платонова богомудрия отступили и прилепились к Аристотелю*. — «Мотив антикатолической полемики, не вовсе чуждый русским книжникам еще допетровской поры, однако приобретший полную силу у ранних славянофилов» (Иванов 1995а: 662, примеч. С.С. Аверинцева). В споре Мелетия и Лазаря об идеях Платона и Аристотеля Вяч. Иванову ближе точка зрения Мелетия. Ср. высказывания поэта в записи М.С. Альтмана:

> — Не удовлетворяет меня Аристотель, — сказал В<ячелав>, — конечно, это ум огромный, но не безграничный, и Платон куда глубже его. <...> Так, как Платон понимает Идеи, не понимает их Аристотель. И хотя современная наука преимущественно держится аристотелевских воззрений на Идеи, тем не менее я примыкаю к Платону.
>
> Альтман 1995: 45;
> зап. от 4 февраля 1921 г.

[11] *В премiрное Платон простирается...* — Имеется в виду учение Платона о предсуществовании и анамнезисе, которое, по мнению Вяч. Иванова, лежит в основе мистики восточной христианской Церкви. В русской православной традиции оно нашло наиболее последовательное выражение в иконографических образах Софии Премудрости Божией (см.: Lermontov — Лермонтов [1947] // Иванов 1971–1987/4: 380–383; см. также: Флоренский 1914: 336–339). В Повести даром видеть «первозданную тварь» (IV.9.15–17) наделен ребенок Светомир, который «умудрен снов памятию предмiрною» (V.16.4).

[12] *...посему и смерти предварением любомудрие именует...* — Имеются в виду рассуждения Сократа из диалога Платона «Федон» (82d–83c). Эти идеи Платона Вяч. Иванов упоминает в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) в связи с обсуждением жизненной драмы Ф.М. Достоевского: «Правда, сохраненная жизнь стала жизнью своеобразной, подобной *прославленному Платоном философскому умиранию* <...>» (Иванов 1995: 376).

[13] *...и песни лебединой уподобляет*. — Имеются в виду слова Сократа:

> Вам, верно, кажется, что даром прорицания я уступаю лебедям, которые, как почуют близкую смерть, заводят песнь такую громкую и прекрасную, какой никогда еще не певали: они ликуют оттого, что скоро отойдут к богу, которому служат. А люди из-за собственного страха перед смертью возводят напраслину и на лебедей, утверждая, что они якобы оплакивают свою смерть и что скорбь вдохновляет их на предсмертную песнь. Им и невдомек, этим людям, что ни одна птица не поет, когда страдает от голода, или холода, или иной какой нужды, — даже соловей, даже ласточка или удод, хотя про них и рассказывают, будто они поют, оплакивая свое горе. Но, по-моему, это выдумка — и про них, и про лебедей. Лебеди принадлежат Аполлону, и потому — вещие птицы — они провидят блага, ожидающие их в Аиде, и поют, и радуются в этот последний свой день, как никогда прежде. Но я и себя, вместе с лебедями, считаю рабом того же господина и служителем того же бога, я верю, что и меня мой владыка наделил даром пророчества не хуже, чем лебедей, и не сильнее, чем они, горюю, расставаясь с жизнью.
>
> *Платон*. Федон. 84e–85a.
> *Пер. С.П. Маркиша*

Выражение «лебединая песнь» восходит к античности (см., в частности, трагедию Эсхила «Агамемнон» (ст. 1445) в переводе Вяч. Иванова) и отражает представление о том, что лебедь перед смертью взмывает навстречу небу и солнцу и издает свой последний крик (см.: МНМ 1982/2: 41).

[14] *Таковым ли лебедям*, *незримого*, *что*, *мнят*, *на небе видели*, *взыскующим*, *долу*

же горнее низвести не могущим, государствовать? — См. в триптихе Вяч. Иванова «Подражания Платону» (сонет первый):

Сереброкрылые, пред скорою кончиной
Подъемлют лебеди дотоль им чуждый глас
И сладостно поют над влажною равниной,
Поют, блаженные, что близок воли час,

Что бога своего узрят чрез миг единый,
Едва земного дня последний луч угас...
Пророкам Феба верь! верь песни лебединой:
Удел отрадный ждет за гранью жизни нас!

Иванов 1971—1987/1: 108

Об образе лебедя в поэзии Вяч. Иванова см. в изд.: Павлова 2004: 17—18.

[15] *Стагирит же по земле ходить учит, как и ученики его ходунами нареклись.* — Стагирит — прозвище Аристотеля, образованное от названия города Стагир, в котором родился философ. Ходуны — «не лишенный юмора буквальный перевод этимологического смысла термина “перипатетики”» (Иванов 1995а: 662; примеч. С.С. Аверинцева). См. также о термине «перипатетик»:

Как широко известно, термин «перипатетик» как обозначение принадлежности к школе Аристотеля восходит к греческому глаголу περιπατέω ‘ходить по кругу, гулять’ и традиционно объясняется из обыкновения Аристотеля разговаривать с учениками Ликея на ходу.

Аверинцев 2002в: 42, примеч. 16

Ср. в «Пире» Данте: «А так как Аристотель имел обыкновение спорить, прохаживаясь взад и вперед, они — я говорю о нем и о его товарищах, — были названы Перипатетиками, что означает просто-напросто “прогуливающиеся” (Данте 1968: 215. *Пер. А.Г. Габричевского*). См. также замечание Ф.А. Степуна о русских мыслителях начала XX в.: «По всем редакциям, аудиториям и гостиным *ходили* одни и те же люди, подлинные *перипатетики*, члены единой безуставной, вольно-философской академии» (Степун 1962: 141—142).

[16] *...яко мле́ком духовным, младенческую в нас память питает...* — Образ «духовного молока» восходит к посланиям апостолов Петра и Павла: «<...> как новорожденные младенцы, возлюби́те *чистое словесное молоко*, дабы от него возрасти вам во спасение <...>» (1 Петр. 2: 2); «Всякий, питаемый *молоком*, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5: 13—14). Обе цитаты приведены Епифанием Премудрым в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 190, 198). См. также «млеко благодати и крещения» в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (см.: Памятники 1994: 584, 600).

[17] *...Аристотель же великого воспитал вселенной владыку*». — Аристотель был воспитателем Александра Македонского.

[18] ...«*Долга твоя рацея...* — Рацея (от *лат.* oratio — речь) — «проповедь, назидательная речь, длинное наставление, поученье» (Даль 1882/4: 86).

XI—XII

[1] *Высокомудрствуют греки и надмеваются мыслию, а веры живой не имут. Видел я своими очами их распрю и братоненавистничество, и лютость, и лукавство, и хлад сердечный*. — Сходным образом греков (византийцев) осуждал Иван Пересветов в «Большой челобитной»:

И стало так по грехам нашим, что попали мы в рабство иноплеменнику за великое беззаконие греков, потому что оставили греки свет ради тьмы, впали в ересь во всем и прогневили Бога гневом неутолимым. <...> А греки читали Евангелие, иные же слушали, но Божьей воли не исполняли, возвели хулу на Бога и впали в ересь. Соблазнил дьявол вельмож Константина, исполнили они целиком дьявольскую волю, а Бога прогневили. Сами соблазнились и царство Константина на соблазн навели, а *веру христианскую потеряли*.

Памятники 1984: 618—619

[2] *А кто по ним наследие правой веры приимет и царство православное, яко некий третий Рим, в міре обновит?* — Несколько раз в Повести державе Владаря предрекается судьба Третьего Рима (см.: III.10.20; IV.2.18; IV.3.11; IV.3.13). Историософская концепция «Москва — Третий Рим» восходит к посланиям старца Филофея (1-я пол. XVI в.). См. в «Послании старца Филофея великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде»:

<...> стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтится, — и да вѣсть твоа держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианьския вѣры снидошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь (Памятники 1984: 436).

Да аще добро устроиши свое царство — будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царьства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти.

Там же: 440

См. также в «Послании старца Филофея о неблагоприятных днях и часах» (см.: Там же: 452).

В статье «Русская идея» (1930) Вяч. Иванов писал о концепции «Москва — Третий Рим» как о «важнейшем национальном мифе»:

Сей миф отводит Москве роль «третьего» и «последнего» Рима в истории христианского мира; вторым Римом, как известно, была Византия. Эту историко-философскую идею внушили в свое время Ивану Грозному монахи. После падения Константинополя сокровища истинной веры оказались вверены Востоку, то есть «святой Руси», и вот теперь монахи решили укрепить в душе русского царя чувство ответственности за это сокровище. Монархическая власть не замедлила сделать из этого государственно-правовые и политические выводы. Но этот чаемый образ «Третьего Рима» глубоко запечатлелся в умах тех, кто свято верил в особое духовное предназначение России, и продолжает жить, принимая разнообразнейшие обличия, и поныне. В глазах славянофилов идея «Третьего Рима» освящала собою как империю, так и народ: империя превращалась в оплот истинного христианства, народ же становился носителем этой истинной веры; грядущий триумф империи неизбежно сопровождался победой чистой религии. <...> Правда, и сам народ считает свою родину землей обетованной, богоизбранной страной, или, если воспользоваться тем ученым выражением, которое любят употреблять те, кто начитался книг, — «третьим» и «последним Римом» в том смысле, что это и есть то самое святилище истинной веры, что пребывает в чистоте, ожидая дня, когда свершится то, чему предназначено свершиться.

Символ 2008: 107–108.
Пер. с нем. М. Кореневой

Концепция «нового Рима» (или «нового Константинополя») неоднократно используется в разные периоды европейской истории. Например, на роль нового Константинополя в XIV в. претендовало Тырново, столица болгарского государства. Во время объединения Италии идею республиканского Третьего Рима пропагандировал Джузеппе Мадзини. Выражение «Третий Рим» использовал также Муссолини, подразумевая фашистскую Италию. См. также стихотворение Вяч. Иванова «Слепа надмения марой...» (1944) (см.: ВИАМИ 1999: 9).

[3] *...от латынской ереси и от фряжей и немцев стена непроходимая.* — Фряги (или фрязи) — древнерусское название итальянцев, в частности купцов из Венеции и Генуи.

[4] *...подобно как евреи в сорокалетнем по пустыне странствии в землю обетованную соглядатаев засылали...* — См.: Числ. 13: 2–30.

[5] *...варвары-то их велелепие мало не перещапили. Как первый Рим сии разорили, так и второй ужо погромят, да и сокровище его зарытое в лихву пустят».* — Намек на евангельскую притчу о талантах (см.: Мф. 25: 13–30; Лк. 19: 11–28), с которой связано происхождение крылатого выражения «зарыть талант в землю» со значением ‘оставить без пользы какие-либо знания, опыт или духовные качества, пренебречь ими’. Перещапить — от глагола «щапить» ‘щеголять напоказ, франтить’ (Даль 1882/4: 651). Слово встречается в былинах о «щапах» (щеголях, франтах) Дюке Степановиче и Чуриле Плёнковиче, напр.: «*Перещапил* ты Чурила сына Плёнковича» (Гильфердинг 1951/3: 197; № 225, стих 393).

[6] ...«*Знаешь ли ты, князь, что̀ есть ороскопия?*» — Ороскопия — искусство составления гороскопов. Слово образовано в результате сложения *греч.* ὡρα ‘срок, временной отрезок, час’ и *греч.* σκοπός ‘стражник, соглядатай’; букв.: ‘стражник своего часа (срока)’.

[7] *...что за дело... живой ризе Божией до дел человеческих...* — Образ ризы Божией восходит к Псалтири: «Одѣяйся свѣтомъ *яко ризою*, простираяй небо яко кожу <...>» (Пс. 103: 2; рус. пер.: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер <...>»). См. также: III.10.17.

[8] *А вместны ли календы сану иноческому...* — «Календы (Kalendae, от *лат.* calare, т. е. звать) — в Риме название первого дня каждого месяца. Когда помощник понтифекса (жрец (*лат.*). — *Ред.*), обязанный наблюдать за лунными фазами, в первый раз видел серп луны, он созывал народ в Капитолий, чтобы торжественно возвестить наступление нового месяца <...>» (ЭСБЕ 1890–1907/27 [14]: 21).

[9] *...на роду тебе писана великих деяний слава; быть тебе всея земли нашея государем».* — Ранее подобное будущее Лазарю предсказала Горислава (см.: I.16.15).

[10] *Твоими бы устами мед пить. А и есть медок, да засечен в ледок.* — Обе пословицы приведены у В.И. Даля под словом «Мёд» (см.: Даль 1881/2: 313).

XIII

[1] *Налюбоваться вдоволь не могла княгиня на косы ее червонно-русые, тяжелые, на головы наклон царственный, будто под ношею невидимой золотого венца с тóроками, на повадку ее своеобычную, и горделивую, и покорную, на взор прямой, как вежды стыдливые вскинет, глаз правосудных, светоносных...* — Портрет Отрады напомина-

ет внешность В.К. Шварсалон, падчерицы и третьей жены Вяч. Иванова. См. о ней в воспоминаниях Д.В. Иванова, сына поэта и Веры Константиновны: «Правильные черты лица, длинная коса, короной уложенная вокруг головы, прямой профиль, узкая и крепкая фигура, — все это делало ее похожей на Кору» (Обер — Гфеллер 1999: 45). Подобным образом о В.К. Шварсалон писала и О.А. Шор (вероятно, со слов Вяч. Иванова):

> Вера была тоненькой девушкой со строгими, большими, потерянно вдаль смотревшими глазами; гладкие, на пробор расчесанные волосы, тяжелая, золотая коса, положенная на голову точно диадема; античный наклон длинной шеи; правильный выточенный профиль — голова Мадонны на спортивно упругом, мальчишески прямом теле.
>
> Дешарт 1971: 134

См. также примеч. 4 к II.3.17.

Венец с тóроками — вероятно, намек на иконографический тип Софии Премудрости Божией. См. его описание у П.А. Флоренского:

> Венец в виде городской стены — обычный признак Земли-Матери <...> Тóроки или «слухи» за ушами, т. е. лента, поддерживающая волосы и освобождающая уши для лучшего слушания — указание на чуткость восприятий, на открытость для внушений свыше: тороки — иконографический символ для обозначения óргана Божественного слуха.
>
> Флоренский 1914: 375

См. также: IV.9.19.

XIV

[1] *...Господь мне, расслабленному, грехи отпустит и велит взять одр мой и ходить...* — Отсылка к евангельскому эпизоду исцеления расслабленного (см.: Мф. 9: 6–7).

XV

[1] *Гонец за гонцом прилетали с вестями недобрыми: подымалася туча грозовáя...* — Сравнение вражеского войска с грозовой тучей восходит к «Слову о полку Игореве»: «<...> *чръныя тучя* съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца <...>» (Историческая песнь 1995: 10). Сходные образы встречаются в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» (см.: Шамбинаго 1906: 61 (2-я паг.)). Характерный для древнерусских повестей образ использовал А. Блок в цикле «На поле Куликовом» (1908): «С полуночи тучей возносилась | Княжеская рать <...>» (Блок 1997–/3: 171).

[2] *...двинулась на православную землю агарянская сила неуклонимая...* — В соответствии с Библией, агаряне — потомки Агари, рабыни Авраама, от ее сына Измаила (см.: Быт. 16), то же, что измаильтяне. См. слова великого князя Ингваря Игоревича в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «О братие моа и господие! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — *на агаряне и внуци измаительска рода*!» (БЛДР 1997/5: 152).

[3] *...не сдобровать и княжьим землям, кровавой бани не избыть.* — Выражение «кровавая баня» — калька с *англ.* «blood bath» (букв.: 'кровавая баня, смертоубийство'). По одной из версий, возникло вследствие того, что банщики занимались кровопусканиями.

[4] *...гостинцы Лазарю от хана привез: камки китайской...* — Камкá — шелковая китайская ткань с разводами (см.: Даль 1881/2: 82).

XVI

[1] *Им же образом желает елень на источники водные...* — Цитата из Псалтири: «Имже образомъ желаетъ Елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже» (Пс. 41: 2; рус. пер.: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!»).

[2] *...измлада взыскует душа моя уединения иноческого и мира келлии молчаливой.* — Желание великого государя уйти от мира получает объяснение в статье Вяч. Иванова «Русская идея» (1930):

> Нераскрытая до сих пор история загадочного святого странника Федора Кузьмича, который был якобы никем иным, как императором Александром I, оставившим трон, показывает во всяком случае со всею отчетливостью особенности истинно народного образа мыслей: монарший сан воспринимается как бремя, которое надлежит нести с внутренним смирением на благо христианства, но которое для человека духовного становится слишком тяжкой ношей. С этим взглядом связан и бытовавший вплоть до XVIII века обычай русских царей принимать незадолго до смерти постриг и уходить из мира.
>
> Символ 2008: 112, примеч. «а».
> *Пер. М. Кореневой*

[3] *...плечи мои под бáрмами царскими согнулись.* — Бармы — «оплечья, ожерелье на торжественной одежде со священными изображениями; их носили духовные сановники и наши государи» (Даль 1880/1: 50).

[4] «*Озлоблен бых и смирихся до зела, весь день сетуя хождах*». — Контаминация двух фрагментов 37-го псалма: «Озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла <...>» (Пс. 37: 7; рус. пер.: «Я изнемог и сокрушен чрезмерно <...>») и «<...> весь день сѣтуя хождахъ <...>» (Пс. 37: 7; рус. пер.: «<...> весь день сетуя хожу <...>»).

[5] *...позвал тебя, яко мытаря̀, Господь — за Ним, покинув мы́тницу, и последуй*». — Имеется в виду эпизод призвания Матфея, который до того был сборщиком налогов (см.: Мф. 9: 9; Мк. 2: 14; Лк. 5: 27).

[6] *Сказано*: «*Не спасается царь многою силою*». — См.: Пс. 32: 16 (рус. пер.: «Не спасется царь множеством воинства <...>»).

[7] *Не земной царь на земле державствует, а Небесный*. — Парафраз библейских речений: «<...> Господь Всевышний страшен, — великий Царь над всею землею; <...> Бог — Царь всей земли <...> Бог воцарился над народами, Бог воссел на святом престоле Своем <...>» (Пс. 46: 3, 8–9); «И Господь будет Царем над всею землею <...>» (Зах. 14: 9).

[8] *Откажись от міра, проти́ву рожна̀ не при́...* — Согласно Деяниям апостолов, Христос произнес, обращаясь к Савлу: «<...> азъ есмь Иисусъ, егоже ты гониши: же́стоко ти есть *проти́ву рожну́ пра́ти*» (Деян. 9: 5; рус. пер.: «Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна»). Вяч. Иванов прокомментировал данный фрагмент: «Пастухи степных быков садились на коней и вооружались рожнами, снабженными железным острием. Савл уподобляется яростному быку, укрощаемому пастырем» (Деяния 1946: 40). Второй раз Павел употребил выражение «проти́ву рожну́ пра́ти», рассказывая об истории своего обращения (см.: Деян. 26: 14). Вяч. Иванов разъяснил и данный эпизод: «Как быку трудно переть против рожна погонщика, так напрасно было бы противление Савла Христу (см. прим. к 9.5)» (Деяния 1946: 101). См. также в стихотворении поэта «Ты на пути к вратам Дамаска...»: «В твоем Он сердце водворился; | Душа несла Его, нежна: | Ты, Савл, свирепый бык, ярился | Противу Павлова рожна» (Римский дневник 1944 года (Сентябрь, №5) // Иванов 1971–1987/3: 631). В книге «Дионис и прадионисийство» Вяч. Иванов посвятил истории этого выражения отдельный фрагмент:

> «Рожны» или бодила (kentra), под коими разумеются пастушеския копья, составляют священную утварь буколических мистерий. — Заметим мимоходом, что наше «противу рожна прати», заимствованное из рассказа об обращении Савла в Деяниях апостолов, есть, в конечном счете, цитата из Пиндара или трагиков, которые, в свою очередь, заимствовали образ противящегося священнослужителям быка из обрядовой практики и фразеологии буколов; ибо если даже это уподобление было поговоркой уже в VI веке, тем не менее его отношение к сценам жертвоприношений и священного боя быков было тогда совершенно прозрачно. По распространенности подобных речений, почерпнутых из буколической литургики, можно судить о распространении и влиянии этого культа.
>
> Иванов 1994а: 151–152

[9] *...довольно тебе сидеть на седалище губителей*. — Цитата из русского перевода Псалтири: «Станет ли близ Тебя *седалище губителей*, умышляющих насилие вопреки закону?» (Пс. 93: 20). В церковнославянском тексте этот стих переведен: «Да не пребудетъ тебѣ престолъ беззаконія, созидаяй трудъ на повелѣніе».

[10] *...злая будет по всей земле смута...* — Смута, Смутное время — устойчивое обозначение исторических событий начала XVII в. (борьба за престол и воцарение Лжедмитрия, польская и шведская интервенция и др.). Выражения актуализировались в период революции. См. цикл стихотворений Вяч. Иванова «Песни смутного времени» (см.: Иванов 1995/2: 232–235, № 649–655). См. также примеч. 4 к II.8.12.

[11] *Святой Церкви, подобно древлему Самуилу-пророку, надлежит избранника Божия обресть...* — В Первой книге Царств рассказывается, что пророк Самуил по велению Яхве еще при жизни царя Саула помазал на царство пастуха Давида (1 Цар. 16: 1–14).

[12] *Пойдем... к великому пустыннику Парфению...* — Образ Парфения в Повести впитал в себя некоторые черты преподобных Сергия Радонежского (1314–1392) и Серафима Саровского (1754 или 1759–1833), которых высоко чтил Вяч. Иванов. Имя Парфения (от *др.-греч.* Παρθένιος, букв.: ‘целомудренный, девственный, чистый’), возможно, восходит к имени старца Киево-Печерской лавры, иеросхимонаха Парфения (1790–1855), «который от самого детства вовсе не знал нечистых страстей и плотских борений, — не знал даже искушений от них» (Флоренский 1914: 357). Парфений хотел узнать, в чем сущность схимы. Однажды во время молитвы перед образом Богородицы он услышал глас от иконы: «Схимничество есть — посвятить себя на молитву за весь мир» (Сказание 1898: 24; Флоренский 1914: 743, примеч. 531).

XVII

[1] *...в стрету ей из чащобы бурый медведь.* — Общение с медведем традиционно приписывается русским святым Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому. В «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым, рассказывается, что святой подкармливал зверя и иногда даже отдавал ему свою пищу, а сам оставался голодным. Сохранились красочные рассказы современников Серафима Саровского о его дружбе с медведем, что нашло свое отражение в живописи и литографиях на сюжет «Преподобный Серафим Саровский, кормящий медведя», получивших широкое распространение.

[2] *Остановилась и крестным знамением себя осенила; и слышит из чащи голос старческий*: «*Не бойся, красная де́вица! Добрый он у меня, хозяин-то, и тебя не тронет*». — В соответствии с народными обычаями старец Парфений не произносит слова «медведь» и называет его «хозяином». См. также: II.4.9; II.17.10. Эпизод напоминает рассказ старицы Дивеевской обители Матроны Плещеевой:

> Подходя к дальней пустынке, вдруг увидела, что о. Серафим сидит близ своей кельи на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: «Батюшка, смерть моя!» — и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукой. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему о. Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса, и даже когда подошел ко мне отец Серафим со словами: «Не ужасайся и не пугайся», я продолжала попрежнему кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал мне: «Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость».
>
> Чичагов 2009: 226

[3] *И вышел из-за дерев старичок в скуфейке и в епитрахили; а лицо у него кроткое и свежее, округлое, и бородка малая, седенькая*. — Внешность старца Парфения напоминает портреты Серафима Саровского. См. также в поэме «Младенчество» описание старца, который приснился Вяч. Иванову в детстве:

> Кто был ты, странный? Русский инок?
> Иль брат иных обетных клятв?
> *В скуфье, с бородкой, в рясе черной*,
> В меня вперяя взгляд упорный,
> О чем пророчески грустил?
>
> Иванов 1995/2: 23

По мнению О.А. Шор, именно этот старец являлся Вяч. Иванову в течение десятилетий и в конечном счете побудил его к написанию Повести (см.: Дешарт 1971: 219–220).

[4] *Иди в дом твой с миром*». — См. примеч. 6 к I.4.4.

[5] *С утра в день тот выйдем церковным чином на криницу кресто́вую, что́ отселе недалече... чудотворною всенародно почитается и святы́ню некую таит несомненно*. — Имеется в виду известный у разных славянских народов «обычай служить на Юрьев день молебны у колодцев <...>» (Афанасьев 1865/1: 708).

[6] *Дерзай, малое стадо...* — Глагол «дерзай» неоднократно встречается в словах Христа, напр.: «И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: *дерзай*, чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мф. 9: 2). См. также: Мф. 9: 22; Лк. 8: 48; Деян. 23: 11. Словосочетание «малое стадо» употребляется Христом по отношению к апостолам: «Не бойся, *малое стадо* <...>» (Лк. 12: 32). См. в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона: «Пастырю добрый, положивыи душю за овцѣ, не остави насъ, аще и еще блудимъ, <...>; не възгнушаися, аще и *мало стадо*, нъ рци къ намъ: “Не боися, *малое стадо*, яко благоизволи Отець вашь небесныи дати вамъ Царьствие!”» (Памятники 1994: 596). См. примеч. 11 к V.10.16.

XVIII

[1] *...и воспомнилось ему, что Егорьев день, почитай, на дворе, то ли уже минул, и что жил он на свете целых сорок лет*. — Возраст Лазаря символичен. В Библии «40» условно обозначает годы одного поколения: сорок лет евреи странствовали по пустыне (см.: Числ. 14: 34), сорок лет царствовал Давид (см.: 2 Цар 5: 4) и т. д. (см.: Леон-Дюфур 1990: 1256). Сорок лет или дней понимается также в Писании как «время очищения от греха и умилостивления Бога <...>» (Дебольский 2008: 526). См. также эпизод чудесного исцеления хромого апостолами Петром и Иоанном (см.: Деян. 3: 1–8): «*<...> лет более сорока* было тому человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления» (Деян. 4: 22).

[2] *И забылся на том дремо́ю, и мнил себя сызнова младенцем малым и слабым, и не было в душе его ни тревоги, ни желания, но доверчивость и покорливость детская, и надежной защиты сладость*. — См. в стихотворении Вл. Ходасевича «Эпизод» (1918):

> *Самого себя*
> *Увидел я в тот миг, как этот берег*;
> *Увидел вдруг со стороны*, как если б
> Смотреть немного сверху, слева. Я сидел,
> Закинув ногу на ногу, глубоко
> Уйдя в диван, с потухшей папиросой
> Меж пальцами, совсем худой и бледный.
> Глаза открыты были, но какое
> В них было выраженье — я не видел.
> Того меня, который предо мною
> Сидел,— не ощущал я вовсе. Но другому,
> Смотревшему как бы бесплотным взором,
> *Так было хорошо, легко, спокойно*.
> И человек, сидящий на диване,
> Казался мне простым, давнишним другом,
> Измученным годами путешествий.
> Как будто бы ко мне зашел он в гости,

И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.

Ходасевич 1989: 107–108

Известно, что Вяч. Иванов слушал это стихотворение в исполнении автора и был восхищен (см.: Богомолов 1999: 270).

Благодарим Н.А. Богомолова за указание на эту параллель.

[3] *И грезилось Лазарю, будто держит его в ласковых лапах сизый орел мощный...* — Отсылка к древнегреческому мифу о Ганимеде, сыне троянского царя Троса и нимфы Каллирои:

> Из-за своей необычайной красоты Ганимед, когда пас отцовские стада на склонах Иды, был похищен Зевсом, превратившимся в орла (или пославшим орла), и унесен на Олимп; там он исполнял обязанности виночерпия, разливая на пирах богам нектар (Apollod. III 12, 2).
>
> *Тахо-Годи А.А.* Ганимед // МНМ 1980/1: 265

См. стихотворения Вяч. Иванова «Ганимед» (см.: Иванов 1971–1987/1: 791–793), «Послание с берегов Колхиды» (см.: Иванов 1995/2: 228–229). Об образе Ганимеда в поэзии Вяч. Иванова см.: Павлова 2004: 40–45. Анализ данного эпизода Повести см. в изд.: Топорков 2012: 265–268.

[4] *...и носит его над землею, как буря...* — Буря — один из библейских образов теофании: «И отвечал Господь Иову *из бури* <...>» (Иов. 40: 1); «С Сиона, который есть верх красоты, является Бог, грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его *сильная буря*» (Пс. 49: 2–3); «Вот, идет *буря Господня с яростью, буря грозная*, и падет на главу нечестивых» (Иер. 23: 19); «И поднимешься, *как буря*, пойдешь, как туча, чтобы покрыть землю, ты и все полчища твои и многие народы с тобою» (Иез. 38: 9). См. обращение к орлу в стихотворении Вяч. Иванова «Ганимед»: «Ты кто, незримый, | За мной шумящий | *Бурей крыльев*?» (Иванов 1971–1987/1: 791).

[5] *...то высокó взмóет в поднéбесье, так что сердце в груди захолонёт...* — Использована лексика из былины о Волхе Всеславьевиче: «Обвернется Вольх ясным соколом, | *[В]звился он высоко по поднебесью* <...>» (Кирша 1977: 35).

[6] *...то над лугом низко кружѝт, вот-вот на мураву мягкую младенца сложит...* — Полет птицы, то вверх, то вниз, соответствует теории творчества, которую разрабатывал Вяч. Иванов: «Взлетающие в небеса птицы возвращаются в родное гнездо, так и в поэтическом творчестве, по мнению Вяч. Иванова, чередуются фазы восхождения (фаза видения иных миров, вдохновение) и нисхождения (фаза оформления увиденного в слове)» (Павлова 2004: 19).

[7] *...то вдруг опять взовьется за óблаки...* — Один из источников данного описания — «Слово о полку Игореве»: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, *шизымъ орломъ подъ облакы* <...>» (Историческая песнь 1995: 9); «Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, *летая умомъ подъ облакы* <...>» (Там же: 9).

[8] *...и себя, мужа, видит, под крестом лежащего, чистого и белого...* — В данной сцене Лазарь предстает одновременно как умерший и как младенец, которого крестят. Соответственно белая одежда обозначает и саван, и крестильную рубашку. Тот факт, что Лазарь видит свое тело сверху, сопоставим с одной из стадий на пути мистического посвящения по Р. Штейнеру: это «первая стадия ясновидения, когда человек впервые видит свое тело как чужое, со всеми его планами: астральным, эфирным и т. д. (из лекции «русского» парижского курса Девахан; Штейнер 1997: 207)» (Обатнин 2000: 186, примеч. 44).

[9] *...белою плащаницей покрыта, мертву подобна...* — Аллюзия на евангельский рассказ о том, как Иосиф Аримафейский обвил тело Христа плащаницей:

> Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело; и, взяв тело, Иосиф обвил его *чистою плащаницею* и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился.
>
> Мф. 27: 57–60. См. также: Мк. 15: 46; Лк. 23: 50–53; Ин. 19: 38–40

[10] *...и сидит над ним Отрада и говорит...* — Эпизод напоминает изображения «Оплакивания Христа» в скульптуре и живописи, напр., знаменитую статую Микеланджело «Пьета». Как известно, скульптор изобразил юную Мадонну, которая не старше своего сына. Считается, что таким образом он проиллюстрировал молитву св. Бернарда, приведенную Данте в последней канцоне «Божественной комедии»: «Vergine Madre, figlia del tuo figlio» («Богоматерь, дочь своего Сына»). Подобным образом Отрада по возрасту годится в дочери Лазарю; в то же время она его жена, а метафорически также его сестра и мать. Соответственно Лазарь соединяет в своем лице мужа Отрады, ее брата, отца и сына. См. подобную ситуацию в стихотворении Вяч. Иванова «Целящая»: женщина, которая «миром омывала | И льнами облекала | Коснеющие члены», именуется женой и матерью героя (Иванов 1971–1987/2: 371–372).

[11] ...«*Ныне водою из семи ключей омыт сей...* — Отсылка к семи ключам из песни Отрады (см.: II.1.5, 6, 8; II.18.14). Омовение Лазаря представляет собой аллюзию и на омовение тела умершего, и на обряд крещения, так что новое рождение героя Повести символически сближается с его смертью. См. у апостола Павла: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в

смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6: 4–5).

[12] *...и чист весь...* – Оборот «чист весь» повторяется в Повести еще раз: «Непорочен жених твой, светел и *чист весь* <...>» (II.25.9). Это словосочетание восходит к Евангелию от Иоанна. Речь идет о сцене, в которой Христос моет ученикам ноги перед Тайной вечерей. Петр сначала противится этому, а потом просит Христа вымыть ему не только ноги, но и руки и голову: «Иисус говорит ему (Петру. – *А.Т.*): омытому нужно только ноги умыть, потому что *чист весь*; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты» (Ин. 13: 10–11). Ориген и Августин связывали слова «омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь» с обращением и покаянием: «Полное омовение в этом случае ассоциируется с Крещением, а омовение ног – с более поздним очищением от грехов того, кто уже был очищен (т. е. омыт полностью)» (Гондецкий 2005: 55).

[13] *И при сих словах умер во сне Лазарь, и к яви пробудился...* – В евангельском рассказе пробуждение ото сна осмыслено как метафора воскресения:

> <...> говорит [Иисус] им (ученикам. – *Ред.*) потом: Лазарь, друг наш, уснул; но *Я иду разбудить его*. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. *Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном*. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер <...>.
>
> Ин. 11: 11–14

Этот фрагмент Евангелия от Иоанна Вяч. Иванов пересказал в сонете «Лазарь» (1918):

> – «Кого Ты любишь, Господи, недужен».
> – «Не к смерти, к славе Божьей сей недуг...»
> Но Лазарь – умер. Медлил дальний Друг,
> И поздний Врач обманутым не нужен.
>
> «Больной уснул, но должен быть разбужен.
> Пойдем к нему!..» <...>
>
> Иванов 1971–1987/4: 77

См. также слова апостола Павла: «Так поступайте, зная время, что *наступил уже час пробудиться нам от сна*. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13: 11–12); «Посему сказано: “*встань, спящий, и воскресни из мертвых*, и осветит тебя Христос”» (Еф. 5: 14).

См. также описание смерти Андрея Болконского в «Войне и мире»:

> И князь Андрей умер. Но в то же мгновение как он умер, он, сделав над собой усилие, проснулся. «Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение», – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором.
>
> Толстой 1940: 64

Ср. также афоризм Новалиса в переводе Вяч. Иванова: «Наверно, и на том свете есть смерть: тогда результат ее – земная жизнь» (О Новалисе // Иванов 1971–1987/4: 272).

[14] ...«*Во темно̀м сыром бору*... – См. ранее в Повести первую часть песни Отрады (см.: II.1.5). Четыре первых строки повторяются без изменений, однако дальше текст развивается по-новому. Аналогии к данному стихотворению находим в старообрядческих духовных стихах, напр.: «Кто бы, кто бы мне построил | *Во темных лесах келию*?» (Рождественский 1910: 11, №11).

[15] *По-над яром хижинка*, | *Поодаль лачужинка*. – Описание напоминает обстановку, в которой жил Серафим Саровский:

> Келья, или так называемая пустынька о. Серафима, в которой он спасался, находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки <...> Она состояла из одной хаты с печкой и имела крылечко с сенями. <...> Сведения о жизни великого Серафима в дальней пустынке получены значительно позже, частью <...> из свидетельств самой местности его уединения и обстановки убогой *хижины*.
>
> Чичагов 2009: 66, 68

[16] *Не святой затворничек* | *В келье затворяется*... – По своей стилистике текст напоминает песенку Марии Тимофеевны Лебедкиной из «Бесов» Ф.М. Достоевского:

> Мне не надобен нов-высок терем,
> Я останусь в этой *келейке*,
> Уж я стану жить-спасатися,
> За тебя Богу молитися.
>
> Достоевский 1972–1990/10: 118

См. в статье Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (1911): «Эти песенные слова, быть может, самое нежное, что сказал Достоевский о глубинном ожидании твари, о сокровеннейших тайниках Матери-Земли, о ее смиренном

чаянье» (Иванов 1916: 59). См. соответствующее место в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) (см.: Иванов 1971—1987/4: 514).

[17] ...*Затворилась Схимница* | *Под схúмой лазоревой*. — Перекличка со стихом о земном рае: «А цвету я от вас недалече, | *За лазоревой тонкой завесой*: | *Ту завесу лазореву знает*, | Кто насытил сердце слезами» (II.6.4).

[18] *Выглянет — повызвездит* | *Пò синю поднéбесью*. — Ср. со словами царя Соломона о Премудрости: «Она воздала святым награду за труды их, вела их путем дивным; и днем была им покровом, а *ночью — звездным светом*» (Прем. 10: 17). См. в Повести описание внешности Светомира: «<...> отроча тихорадный сидит в темно-лазоревом кафтанчике, серебряными звездочками усеянном» (III.16.5).

[19] *Хижинка безвестная* — | *Царицы Небесныя*... — В песне Отрады подчеркивается контраст между невзрачностью «хижинки безвестной» и величием Небесной Царицы. Очевидно, что здесь имеется в виду не сама Богородица, а ее иконописный образ, которому молится старец. См. замечание Г.П. Федотова: «Богоматерь живет в своей иконе “за престолом”, и это самое устойчивое представление народных стихов» (Федотов 1991: 49, 53).

Ср. в жизнеописании Серафима Саровского: в своей келье он хранил образ «Богоматери Умиление», который позднее был передан в трапезную Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Из рассказа старицы Домны Фоминичны:

> <...> приказал нам батюшка <...> выстроить большую келью, сказав: «В ней госпожа будет жить!» Мы все так и думали, что в нее приедет к нам жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нет да нет никого. Так, наконец, и скончался наш батюшка, и по кончине его принесли к нам по завету батюшки и прямо в эту келью и поставили чудотворную икону его — «Умиления» Божией Матери, «Всех радостей радость», как он ее всегда называл, пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер. Стал этот корпус наш трапезою, и тут только поняли мы все, о какой Высокой Госпоже предрекал наш батюшка! <...> по кончине-то его пришла Сама Матерь Божия и поселилась жить у нас!
>
> Чичагов 2009: 196

[20] ...*Девы неневестныя*... — Эпитет «неневестная» восходит к Акафисту Пресвятой Богородице: «Радуйся, Невесто Неневестная» (кондак 1, икос 1 и сл.). Эпитет имеет следующее толкование:

> По учению Св. Церкви, Богоматерь есть «Дева Богоневеста», «Невеста Божия», «невеста неневестная» и неискусобрачная. *Невестою* Она называется по отношению к Св. Духу, а *неневестною* обозначается Она по отношению к людям, как несочетанная браком, небрачная.
>
> Сказания 1904: 11

Соответствующая цитата из Акафиста Богородицы включена Вяч. Ивановым в стихотворение «Виноградарь» (1916): «“Радуйся”, — поет Гора | Звоном чиста серебра, — | “*Неневестная Невеста*!”» (с. 153 наст. изд.; подготовители брюссельского собрания сочинений Вяч. Иванова исправили последнюю словоформу по норме звательного падежа, ср.: Иванов 1971—1987/4: 48). См. также стихотворение «Аттика и Галилея» (см.: Иванов 1971—1987/2: 289). В статье «Древний ужас (по поводу картины Л. Бакста “Terror Antiquus”)» (1908) поэт писал:

> Майю любили они (мужья. — *Ред.*) как жену и матерь, но девственною и недостижимою для мужеского бессильного насильничества пребыла *неневестная Невеста*, глубочайшая, сокровенная сущность Души Мира, недосягаемая реальность девственности за женскою видимостью той, что казалась матерью любви и плоти, желания и размножения <...>.
>
> Иванов 1971—1987/3: 103

[21] *Живет Матерь Дéбренска* | *За старцем-обручником*. — Намек на то, что Мария целомудренно жила с Иосифом-обручником. Согласно церковному преданию, Иосиф принял Марию

> <...> из рук архиерея и священников не на обычное супружество, но на соблюдение ее чистоты, и под именем мужа сделался лишь хранителем и служителем девства и высокой святости ее. <...> С знатностию рода Иосиф не соединял в себе земного величия и богатства своих предков, из которых многие были царями и пророками и славились земным величием. Вместо всего этого, он наследовал от лучших из них сокровище добродетелей, правоты и святости, так что сам Дух Святый нарек его «праведным» и сделал обручником чистейшей Девы.
>
> Сказания 1904: 65—66

В Повести пресвитер Иоанн также выступает в качестве обручника по отношению к царице Параскеве (см.: V.13.5—7).

XIX

[1] ...*не его те грехи, но другого, ему порученного и им небрегомого, но омытого от них чьею-то сильною молитвою*. — Имеется в виду молитва Отрады за Лазаря. См.

слова старца Парфения Отраде: «Непорочен жених твой, светел и чист весь; из семи ключей *водою живою ты его омыла*» (II.25.9). См. также слова псалма: «Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня» (Пс. 50: 4). По мнению Вяч. Иванова, этот псалом потрясает «силою изображенного в нем состояния души кающегося грешника» (Псалтирь 1950: 153).

[2] *...и мир Господень с тобою пребудет до его рождения».* — Ср. слова, которые Господь сказал Моисею, чтобы он и Аарон благословляли ими сынов Израилевых: «Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!» (Числ. 6: 26). Эти слова Франциск Ассизский включил в «благословение брату Льву» (см.: Истоки 1996: 138).

[3] *...но, как дым кадильный, наполнила покой с благоуханием тонким голубизна очам сладостная...* — Подобные образы характерны для поэтических текстов Вяч. Иванова, посвященных Богородице, см., напр., сонет 9 из цикла «Голубой покров»: «Твой голубой, Мария, фимиам | Хранительно овеял взор мой бедный...» («И вновь Конь Бледный зрим и Всадник Бледный...» // Иванов 1971–1987/2: 428).

[4] *...выступила из той голубизны на мгновение ока Отрада, и младенец был на руках у нее.* — Видение напоминает изображения Богородицы с ребенком на фоне синего неба (напр., «Сикстинскую мадонну» Рафаэля). Позднее Богородица с младенцем предстанет перед самой Отрадой (см.: II.25.4). Литературная параллель прослеживается в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген». Отец Генриха рассказывает сыну, как еще до женитьбы ему приснилась будущая жена с ребенком на руках: «<...> я увидел перед собой твою мать с кротким, стыдливым взором. Она держала в руках сияющего младенца и протянула его мне <...>» (Новалис 2003: 13. *Пер. В.Б. Микушевича*).

[5] *И воззрел младенец на Лазаря очами темными, далекими; но все покрыла волна голубая.* — См. ранний недатированный прозаический набросок Вяч. Иванова, начинающийся словами «Появляется тень Николая Чудотворца». Обращаясь к св. Николаю, лирический герой говорит: «Приблизься же и ко мне. Положи ко мне на голову твою епитрахиль. Она кажется мне прозрачною; под нею радостно и страшно и как он <бы?> *плаваешь в голубом сиянии*, а шитье твоих риз точно звезды. Не правда ли?» (Топорков 2002: 257). См. также примеч. 1 к III.16.5.

XX

[1] *И положили иноки Лазаря взнак под крест, и руки его крестообразно по земле разопнули.* — Отождествление Лазаря с крестом — один из лейтмотивов Повести (см.: III.13.8; IV.1.11–12).

[2] *И по окроплении его святою водою вынули крест дубовый из гнезда в срубе и приложили к недужному и поверх тела держали, доколе священнослужители молебный чин правили.* — Аллюзия на ритуал, посредством которого царица Елена определила, на каком из трех найденных ею близ Лобного места крестов был распят Христос:

> <...> была принесена на место обретения крестов одна находившаяся при смерти женщина; присутствовавшие, с Макарием во главе, вознесли молитвы, чтобы Крест Христов был указан через исцеление этой женщины, — и после этого сначала два креста без успеха были приложены к болящей, а при прикосновении третьего совершилось исцеление больной.
>
> Скабаллапович 2004б: 14

[3] *И по снятии креста содеялось чудо великое: глубоко воздохнул спящий и потянулся и члены расправил...* — Эпизод напоминает сцены Нового Завета: Христос исцелил расслабленного, который не мог ходить 38 лет (см.: Ин. 5: 1–14), апостол Петр — хромого (см.: Деян. 3: 1–10), а апостол Павел — мужа, который не владел своими ногами (см.: Деян. 14: 8–10). В комментариях Вяч. Иванова к Деяниям (Деян. 14: 9) отмечалось: «Вера для исцеления: не сама по себе вера исцеляет, а Бог иногда награждает исцелением искренне верующих» (Деяния 1946: 58–59). См. также рассказ об исцелении Серафимом Саровским помещика Николая Александровича Мотовилова (сентябрь 1831 г.), который до этого тяжело болел и не мог ходить три года (см.: Чичагов 2009: 291–294).

В брюссельском издании Повести 1971 г. этот стих напечатан по-другому: «Когда же приподняли древо над головою спящего, и сей за ним приподнялся, охватив ствол руками; и когда воздвигнут был крест, и Лазарь стоял под ним на ногах прям» (Иванов 1971–1987/1: 301). На вопрос составителя наст. примечаний о причинах данных разночтений О.Л. Фетисенко, подготовившая текст Повести для наст. изд., сообщила следующее: «Различия между текстами нашего издания и издания 1971 г. обусловлены тем, что за основу текста мы брали беловой автограф, а О.А. Шор — машинопись. Никакого автографа, подтверждающего происхождение этого (последнего. — *Ред.*) текста нет. Напечатан ли он О.А. Шор под диктовку Вяч. Иванова, перепечатан ли откуда-то, сочинен ли ею самой — неизвестно» (из электронного письма от 2014 г. О.Л. Фетисенко к составителю наст. примечаний).

[4] *...и просветилось лицо его светом духовным.* — Описание восходит к библейским образцам, напр.: «Вот, все это делает Бог два-три раза с человеком, чтобы отвести душу его от могилы *и просветить его светом живых*» (Иов. 33: 29–30); «Мудрость человека *просветляет лице его* <...>» (Екк. 8: 1). См. примеч. 2 к I.2.1.

[5] *После же колени преклонил... и на время немалое долу челом в молитве безгласной приник.* — Во время болезни Лазарь не мог молиться, а его выздоровление ознаменовано возвращением к молитвенной практике. Ср. слова апостола Иакова: «Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. <...> И молитва веры исцелит

болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5: 13, 15).

[6] *Окрест же чуда свидетели... в трепете и ужасе безмолвствовали и очам своим, дивучи́ся, не верили.* — Аллюзия на рассказ евангелиста Матфея о том, что некоторые из учеников Христа не могли поверить в Его воскресение даже тогда, когда увидели Его ожившего: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28: 16–17). Словосочетание «трепет и ужас» восходит к Новому Завету: «И, выйдя, побежали <Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия> от гроба; их объял *трепет и ужас*, и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16: 8). См. примеч. 9 к V.7.12.

[7] *...огляделся Лазарь и, приметив поодаль меж деревьев Отраду, руки к ней простер...* — Ср. в Псалтири: «*Простираю к Тебе руки мои*; душа моя — к Тебе, как жаждущая земля» (Пс. 142: 6).

[8] *...и окрай раменья слуг с носилками отпустил...* — Раменье — здесь, по-видимому, то же, что дубрава — «густой, дремучий, темный лес» (Даль 1882/3: 58). См. также примеч. 3 к III.3.3.

[9] *...повели святой крест от криницы Егорьевой перед полком нести...* — Легендарный пресвитер Иоанн также велел носить перед собой деревянный крест. В древнерусском «Сказании об Индийском царстве» пресвитер говорит: «А коли поидем к нарочиту мѣсту на бой, ини *несут пред мною единъ крестъ древянъ, на немже изображено Господне распятие*, того ради да быхом поминали Господню страсть и распятие» (БЛДР 1997/5: 398). То же в западных сочинениях о пресвитере Иоанне (см.: Послания 2004: 29, 85, 112). См. также примеч. 10 к II.20.12; примеч. 1 к II.23.1.

[10] *...и воинство их, чудодейственного креста победною силою вспомоществуемый, прогони.* — Прослеживается параллель со «Сказанием о Мамаевом побоище». Перед битвой князь Дмитрий Иванович обратился к своему нательному кресту и вспомнил о видении Константина: «На тебе убо надѣемъся, жывоносный Господень кресте, иже сим образом явивыйся греческому царю Констянтіну, егда ему на брани сущу с нечестивыми, и *чюдным твоим образомъ победи их*» (Шамбинаго 1906: 63 (2-я паг.)).

[11] *И исправит Господь пути твои».* — Парафраз слов Библии: «<...> да обратится убо кійждо от пути своего лукаваго, и *исправите пути вашя* и умышленія ваша» (Иер. 18: 11; рус. пер.: «<...> итак обратитесь каждый от злого пути своего и *исправьте пути ваши* и поступки ваши»). См. также: Пс. 24: 4.

XXI

[1] *А с вечера и по́роки к раскатам прикатили поганые, и токмачѐй и лестниц наволокли.* — Описание осады города восходит к «Повести о разорении Рязани Батыем»: «А в шестый день рано приидоша погании ко граду, овии с огни, *а ини с пороки, а инѣи со тмочисленьми лествицами* <...>» (БЛДР 1997/5: 144). По́рок — стенобитное орудие, таран (см.: Даль 1882/3: 320). Раскаты — весь вал или укрепления города (см.: Даль 1882/4: 60). Токмач — «кий, пест; деревянная ручная баба, трамбовка, для убою земли, глины, мостовой» (Даль 1882/4: 410).

[2] *Каждый наутрие общую чашу пить готовился...* — Используется общее место древнерусской литературы:

> В славянской книжности чаша олицетворяет собой судьбу, участь, долю человека. «Испить чашу» — значит до конца исполнить то, что предназначено. Причем «общей чашей» в древнерусской агиографии нередко названа смерть как неизбежный удел каждого человека. Однако зачастую под «смертной чашей» подразумевается мученическая кончина или возможность пострадать за Христа. В этом значении топос неоднократно появляется в сочинениях Отцов Церкви и житийной литературе.
>
> Каравашкин 2011: 279

В воинских повестях и исторических песнях образ смерти в бою как питья общей чаши сближается с образом битвы как пира, напр., в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Уже бо гости наши приближаются, стоять на реце Непрядве, у поля Куликова оплъчишася. Утре бо нам с ними *пити общую чашу* <...>» (Шамбинаго 1906: 60 (2-я паг.)); «<...> во утрии ж день имам вси пити *общую чашу* смертную поведеную <...>» (Там же: 24 (2-я паг.)). См. примеч. 4 к II.25.7; примеч. 5 к III.15.13.

[3] *Бодрствовал город, кровавого рассвета дожидаючи...* — Образ «кровавого рассвета» восходит к «Слову о полку Игореве»: «Другаго дни велми рано *кровавыя зори* свѣтъ повѣдаютъ <...>» (Историческая песнь 1995: 10). В «Сказании о Мамаевом побоище» он присутствует в описании битвы: «На том бо полѣ силніи плъці съступишася, из них ж выступали *кровавыа зари*, а в них трепеталися силніи млъніа от облістаніа мечнаго» (Шамбинаго 1906: 65 (2-я паг.)). Позднее образ «кровавого рассвета» древнерусских воинских повестей отозвался в цикле А. Блока «На поле Куликовом» (1908): «Закат в крови! Из сердца кровь струится!» (Блок 1997–/3: 502; см.: Там же: 920, коммент. А.В. Лаврова).

[4] *...в стане же дрогнувшем гул смутный и вой.* — Ср. описание вражеского стана в «Сказании о Мамаевом побоище»: «<...> и обратився [Дмитрей Волынец] на плъкъ татарскый, слышить *стукъ великъ и кличь, и вопль* <...> Създади же плъку татарьскаго *вольци выють* грозно велми <...>» (Шамбинаго 1906: 60 (2-й паг.)). В Повести вой раздается из вражеского лагеря, что можно толковать двояко: то ли враги воют от ужаса, то ли они превратились в волков и оттого завыли.

[5] *...точию по кликам победным: «С нами честной крест и сила Егорьева».* — По-

добные призывы св. Георгия широко известны в Европе: «Устремляясь в битву, многие западноевропейские армии коллективными криками призывали св. Георгия. <..> “St. George and England!” — был боевой клич английских армий» (Сендерович 2002: 56). У Шекспира Генрих V («Henry V», 1599. Acte III. Scene I.) обращается к своей армии перед решающей битвой: «Пусть вас ведет воодушевление, и пусть в атаке будет | Ваш клич: “Бог с Гарри! Англия и св. Георгий!”» (Там же: 63).

XXII

[1] *...прискакали к Лазарю в стан два латника-исполина в забралах железных под схимами...* — Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Сергий Радонежский послал с войском Дмитрия Донского иноков Пересвета и Ослябю: «Он же скоро дасть им в тлѣнных мѣсто нетлѣнное оружие — крест Христовъ на скимах, и повелѣ им вмѣсто шеломовъ воздевати на себя <...>» (Шамбинаго 1906: 12 (2-я паг.)); «Бѣ же на главѣ его (Александра Пересвета. — *Ред.*) шелом архангельскаго образа въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергіа <...> (Там же: 65 (2-я паг.)).

Схима — особое одеяние монахов, принявших малую или великую схиму — две последних монашеских степени. Здесь собственно имеется в виду кукуль (от *лат.* cucullus — капюшон, наглавник) великой схимы:

> Этот кукуль не только обнимает голову и плечи со всех сторон, но имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета; кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине.
>
> Вениамин 1999: 248

[2] *Богу во Святой Троице слава*! — См. примеч. 1 к V.1.1.

[3] *И соступились вои, и была сеча великая и лом копейный...* — Картина битвы ориентирована на древнерусские тексты; см., напр., в «Повести о житии Александра Невского»: «Бѣ же тогда субота, *въсходящю солнцю, и съступишяся обои. И бысть сѣча зла, и трусь от копий ломления*, и звукъ от сечения мечнаго <...> и не бѣ видѣти леду, *покры бо ся кровию*» (БЛДР 1997/5: 364).

[4] *...и крови ручьи потекли.* — Образ «кровавых рек» характерен для древнерусских воинских повестей (см.: Орлов 1902: 7—9, 21). См. в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Грозно, братіе, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и гръко посмотріти человечѣскаго кровопролитіа, аки морскаа вода, а трупу человѣчьа, аки сѣнныа громады: борзъ конь не можеть скочиті, а *в крови по колѣни бродяху*, а *рѣки по три днi кровiю течаху*» (Шамбинаго 1906: 68 (2-й паг.)).

[5] *...вздыбился под вождем конь устрашенный и вбок шарахнулся, и всадника с седла скинул, и копытом убил.* — Смерть «агарянского вождя» от его собственного коня, возможно, является аллюзией на легенду о смерти вещего князя Олега, изложенную в «Повести временных лет» под 912 г. и использованную А.С. Пушкиным: согласно «Песне о вещем Олеге», кудесник предсказал Олегу: «Но примешь ты смерть от коня своего», что и сбылось.

[6] *На Лазаря же первых наездников басурманских, телом огромных и видом страховитых, наскочила ватага.* — Подобный эпизод есть в некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»: князь Стефан Новосильский спасает Дмитрия Ивановича от четырех татар (см.: Шамбинаго 1906: 272 (2-я паг.)).

XXIII

[1] *После сея победы двинулся с полком своим Лазарь, чудотворным крестом предшествуемый, в государев стольный град.* — См. примеч. 9, 10 к II.20.12.

[2] *И повелел земле великий государь на собор собираться...* — Слово «земля» употреблено здесь со значением ‘народ, представители разных сословий’.

[3] *...собрались князья, и бояре, и лучшие земские люди посадские и городские...* — По имущественному признаку посадское население Московской Руси делилось на людей лучших, «середних» и «молодших». Интересно, что среди выборщиков отсутствуют представители духовенства.

[4] *И выбрал собор Лазаря великим государем...* — Подобным образом был выбран на царство Михаил Федорович Романов в 1613 г., что положило конец Смутному времени и дало начало новой царствующей династии. Интересна сама форма избрания нового великого государя, которая рисуется Вяч. Ивановым в Повести: предыдущий великий государь назначил Владаря своим преемником, а потом последний был избран собором, в котором участвовали представители разных сословий. Таким образом, всенародные представительные выборы только подтвердили решение государя, уходящего на покой. В рассказе Симона Хорса отмечается, что назначение правопреемников было известно и в Риме, и в Византии (см.: IV.2.12), где, однако, отсутствовала легитимация власти со стороны представительного органа.

[5] *...и молил его величаться Вла́дарем; народ же его Володарём прозвал.* — Принцип смены имени восходит к Библии, см. в Книге пророка Исаии: «И увидят народы правду твою и все цари — славу твою, и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа» (Ис. 62: 2). Новое имя указывает на то служение, что предназначено Богом, и новую личность, которую Он сотворил в человеке: так, напр., Иаков получает имя Израиль, а Симон — имя Петр (камень) (см.: СББ 1990: 453). См. примеч. 2 к I.1.1; примеч. 4 к I.3.5, а также в изд.: Топорков 2012: 192—194.

XXIV

[1] *Но дабы радость моя была совершенна, вопрошаю Ангела моего...* — Перифразируются слова Христа: «Доныне вы ничего не просили во имя Мое; проси́те, и полу́чите, *чтобы радость ваша была совершенна*» (Ин. 16: 24).

[2] *Благослови, отче, Царице моей и Владычице единой служить и Христовою невестою благообразное девство блюсти.* — Отрада хочет подражать Богородице:

> Пречистая Дева, как бы предчувствуя Свое высшее назначение, пожелала проводить Свою жизнь в чистоте ангельской и пребыть навсегда девою, а потому и дала необыкновенный в то время обет Богу — сохранить девство Свое до смерти. Она была первою из дев Иудейских, обручивших девство свое Богу и возлюбивших девство паче супружества.
>
> Сказания 1904: 62

Далее в Повести желание стать «Христовой невестой» высказывает также Параскева: «<...> единый мне Жених, Его же сретаю, Христос Иисус есть» (V.13.5).

XXV

[1] *И предстала ей в видении Царица Небесная с Христом Младенцем, и будто говорит ей: «И ты своего младенца принеси с Моим поиграть».* — Вероятно, аллюзия на изображения Марии (Марии и Елисаветы, Марии и ангела) с детьми Иисусом и Иоанном Предтечей в живописи, см., напр.: «Мадонна в скалах» Леонардо да Винчи, «Мадонна с младенцем Христом и Иоанном Крестителем», «Мадонна с Младенцем и Святым Иоанном Крестителем» («Прекрасная садовница») и «Мария с младенцем, Иоанном Крестителем и младенцем Иисусом Христом» («Мадонна Терранова») Рафаэля, «Мария и Елизавета с младенцами Иисусом и Иоанном» Фр. Овербека и др.

[2] *...и устремилась к нему, и край рясы его со слезами и трепетом лобызала. И сел старец на траву и прослезился, она же у ног его лежала простертая; и плакали оба долго.* — Сцена напоминает эпизод, описанный в Евангелии от Луки:

> И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, *став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.*
>
> Лк. 7: 37–38. См. также: Лк. 10: 39

Католическая традиция видит в этой женщине св. Марию Магдалину, из которой Христос изгнал семь бесов (см.: Лк. 8: 2). Ср. в докладе Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» (1909): «Он (мир. — *Ред.*) — преходящий владыка ее (земли. — *Ред.*), как пребывающей сущности; он будет изгнан вон, *и она сядет у ног Христа, как женщина, из которой были изгнаны семь бесов*» (Символ 2008: 76).

[3] *И молвил старец...* — Последующая сцена ориентирована на описание Благовещения в Евангелии от Луки: старец Парфений выступает в роли архангела Гавриила, а Отрада — в роли Марии. См.: Топорков 2012: 128–134.

[4] *...не угодно Промыслу Господню, дабы чаша сия тебя миновала.* — Имеется в виду чаша, из которой причащаются молодые во время церковного венчания; см. далее в Повести: «Сам, освятивший брак оный в Кане Галилейской, *брачную чашу супружества вашего* да освятит» (II.25.14). В то же время присутствует ассоциация с образом «смертной чаши»; см. молитву Христа в Гефсиманском саду: «Отче Мой! если не может *чаша сия миновать Меня*, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26: 42; см. также: Мф. 20: 22–23; 26: 39; Мк. 14: 36; Лк. 22: 42). См. примеч. 2 к II.21.3.

[5] *...яко Рахиль на ложе Иаковле...* — См.: Быт. 29: 30.

[6] *Непорочен жених твой, светел и чист весь...* — Начало предложения напоминает слова апостола Павла: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно <...>» (Евр. 13: 4). Далее приводится оборот из Евангелия от Иоанна: «Иисус говорит ему (Петру. — *А.Т.*): омытому нужно только ноги умыть, потому что *чист весь*; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты» (Ин. 13: 10–11). См. примеч. 12 к II.18.10.

[7] *...из семи ключей водою живою ты его омыла.* — Ср. ранее в Повести слова Отрады: «Ныне водою из семи ключей омыт сей <...>» (II.18.10).

[8] *...и сын ваш наречется Серафимом.* — «Серафимы (*евр.* śerāphīm, ‘огненные, пламенеющие’, от корня śrp со значением ‘гореть, сжигать, обжигать’), в иудаистической и христианской мифологиях ангелы, особо приближённые к престолу Бога и его прославляющие. Их описание содержится в ветхозаветной Книге пророка Исаии (Ис. 6: 2–3) <...> В русской литературе сюжет использован в стихотворении А.С. Пушкина “Пророк”. <...> Этимологическая связь серафимов (в их близости Богу) с огнем, пыланием осложняется их ассоциацией со змеями, также, в свою очередь, многообразно связываемыми с огнем и обозначаемыми (Числ. 21) тем же словом <...>, более того — с крылатыми драконами (Ис. 14: 29; 30: 6)» (*Мейлах М.Б.* Серафимы // МНМ 1982/2: 427).

С.С. Аверинцев установил связь между именем царевича и Серафима Саровского:

> Это «ангельское», или, как сказано чуть позже, «райское» имя царевича вызывает мысль не только о высшем среди семи ангельских чинов,

но и о преп. Серафиме, причисленном к лику святых на памяти поэта, в котором часто видели предвосхищение некоего грядущего преображения России, а может быть, и вселенского христианства.

Иванов 1995а: 663

Образ Серафима важен и для легенды о Франциске Ассизском, которому явился Серафим-Христос на Вернийской горе:

> И когда настало утро Воздвижения святого Креста, а Франциск попрежнему молился на горе, он увидел Серафима с шестью крылами, опускавшегося с высоты небес, и крылья его переливались блеском огненным. В быстрейшем полете достиг он по воздуху того места, где молился человек Божий, и тут среди крыльев его явился образ человека распятого, руки и ноги которого были раскинуты наподобие креста и к кресту прибиты. Два крыла серафима простерлись над головой, двумя он поддерживал свое тело в полете, нижними двумя прикрывал тело.
>
> Большая Легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо // Истоки 1996: 639

Считалось, что и сам Франциск Ассизский принял «образ и лик Серафический и, пострадав на кресте, удостоился возлететь на этих крыльях в разряд высших духов» (Житие первое Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским // Истоки 1996: 298). С этим связаны такие именования св. Франциска, как «ассизский серафим» и «серафический отец» (см.: Истоки 1996: 173).

[9] *...Лазарю бо мiрская держава уготована, ему же духовная.* — Эпизод восходит к древнерусской «Повести о Варлааме и Иоасафе». Когда у царя Авенира родился сын, многие предсказывали ему богатство и власть: «Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: “Яко научаютъ мя звѣзднаа течениа, о царю, *поспѣшение и възрасть нынѣ родившюся отрочяте твоему не въ твое царство будеть, нъ въ ино въ лучше и неизреченно вышии тебе*”» (Повесть 1999: 360). См. также: III.3.20.

[10] *Дерзай убо, дщи, понеже и сим послушанием твоим Господу и Пречистой Матери Его послужишь.* — Аллюзия на слова Христа женщине, исцелившейся от кровотечения: «И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его, ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: *дерзай, дщерь*! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова» (Мф. 9: 22).

[11] *И как некогда дух твой цветом благоуханным на небеси, тако на земле ныне дольнею радостию преизбыточною жизнь твоя процветет.* — Слова старца Парфения можно интерпретировать следующим образом: Вечная Женственность некогда процвела на небесах в образе Богородицы, а ныне процветет на земле в образе Отрады. Парфений использует формулировки литургических песнопений: «Ктому жены в печалех не родят чад: *радость бо процвете*, и живот всем человеком в мире жительствует» (рус. пер.: «Уже не будут жены в печали рождать детей, ибо радость процвела и жизнь людей обитает в мире» (Служба Рождеству Пресвятой Богородицы, стихиры на стиховне // Скабалланович 2004а: 78). Словосочетание «цвет благоуханный» является аллюзией на иконы Божией Матери «Благоуханный Цвет» (празднование 15/28 ноября) и «Неувядаемый Цвет» (празднование 3/16 апреля). Данные иконографические типы сформировались в XVII в. на Афоне или в Константинополе на основе акафистов, в которых Мария сравнивается с цветами. В этих изображениях обязательно присутствуют цветы: напр., Богоматерь держит левой рукой младенца, а правой — белые лилии, розы или процветший жезл. На иконе «Неувядаемый Цвет» младенец традиционно восседал на правой руке Богородицы, а на иконе «Благоуханный Цвет» — на левой. Название икон восходит к именованиям Богородицы в богослужебной поэзии, напр.: «<...> цвет неувядаемый процветший <...>» (Канон Пресвятой Богородице, песнь 7, ирмос). См. у П.А. Флоренского: «Богородица — прекраснейший цветок земли, “*Неувядаемый*” и “*Благоуханный Цвет*”» (Флоренский 1914: 356).

[12] *После же и скорбь иметь будешь...* — Цитата из Евангелия от Иоанна: «В мире *будете иметь скорбь*; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16: 33). Вяч. Иванов приводит эту цитату в докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909) (см.: Символ 2008: 75).

[13] *...но и скорбь сия сына твоего благословением обратится в радость.* — Парафраз слов апостола Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но *печаль ваша в радость будет*» (Ин. 16: 20).

[14] *Сам, освятивший брак оный в Кане Галилейской...* — См.: Ин. 2: 1–11.

[15] *И прошептала Отрада*: «*Се, раба Господня*»... — Отрада повторяет слова, сказанные Марией архангелу Гавриилу (см.: Лк. 1: 38). Их же далее перифразирует Параскева: «И отпусти мя рекущи: “*Господня раба есмь*, и якоже указано ми свыше будет, тако сотворю”» (V.13.7).

Книга ТРЕТЬЯ

I

[1] *Деписателям царства державных дел память беречь и гласить славу...* — Данная глава имеет характер вступления и соотносится с аналогичным вступлением к Книге первой Повести. Деписатель — бытописец, историк (см.: Даль 1880/1: 511).

[2] *...им Вла́даря на войне и в мире пот поведать...* — Существительное «пот» в данном случае обозначает ‘труд’ (в смысле «пот от трудов») (см.: Орлов 1902: 4).

[3] *...и градостроительство, и кораблестроительство многое*; *Законов и нравов преложение, наук и художеств изощрение...* — Намек на преобразования эпохи Петра I и Екатерины II (см.: Венцлова 1988: 41).

II

[1] *Родился Светомир... по тридневном окрай земли великом побоище, в утро победы пресветлой...* — Намек на Куликовскую битву, дата которой совпала с праздником Рождества Богородицы (8 сентября по ст. ст.). На это событие указывают также место сражения («окрай земли») и словосочетание «великое побоище», как именуется этот бой в русских летописях (см.: Кириллин 2007: 12).

[2] ...«*Днесь сокрушил еси злобы агарянской столп, и свет Лица Твоего знаменовася на нас*». — Первая часть фрагмента напоминает тропарь в честь какого-нибудь праздника. Напр., восклицание, начинающееся с наречия «днесь», присутствует в тропаре на перенесение мощей Димитрия Угличского: «*Днесь* вельми хвалится царствующий град Москва <...>» (глас 8), а словосочетание «столп злобы» встречается в Акафисте Рождеству Христову: «Стена *и столп злобы* богопротивныя и род пребеззаконный показася, жизнь всем подающаго убити богоборец тщашеся <...>» (икос 10). Вторая часть: «<...> свет Лица Твоего знаменовася на нас» — отсылает к молитве последования часов, которая читается священником в заключение первого часа: «Христе, Свете истинный, просвещаяй и освящаяй всякаго человека, грядущаго в мир, *да знаменуется на нас свет Лица Твоего*, да в нем узрим Свет Неприступныи, и исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих молитвами Пречистыя Твоей Матере и всех Твоих святых, аминь». Вероятно, Вяч. Иванов сам сочинил текст, напоминающий богослужебное песнопение.

[3] *И сказал Владарь*: «*Победоносен сын мой земле явися*»... — Аллюзия на обстоятельства рождения Александра Великого:

> Филипп, который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье — о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость, объявив, что *сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим*.
>
> Плутарх 1994/2: 117.
> *Пер. М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера*

[4] *...и восхотел чадо Егорием нарещи, во имя Егория Победоносца*. — Имя Георгия, или Юрия, было в Древней Руси одним из наиболее популярных среди князей. Так, Ярослав Мудрый получил при крещении имя Георгия, а, напр., «Юрий Долгорукий считается <...> основоположником города Москвы, что, по-видимому, и послужило началом особой связи Москвы с культом Георгия, которая дожила до наших дней» (Сендерович 2002: 79).

[5] ...«*Мниху подобает Серафиму именоватися, сыну же моему по мне царевать указано, а не грехи мои замаливать*; *ин воля Божия о нем да исполнится*». — Владарь был недоволен тем, что Отрада дала сыну имя Серафима, однако быстро смирился с этим. Здесь можно увидеть автобиографический мотив: Вяч. Иванов рассказывал М.С. Альтману: «Вот мать моя, вопреки воле отца моего, дала мне имя Вячеслав (была она славянофилка) — и вот это определило в значительной степени всю мою жизнь» (Альтман 1995: 76; зап. от 27 августа 1921 г.).

По наблюдениям Е.А. Тахо-Годи, взаимоотношения между Владарем и его сыном в той части Повести, которую поэт не успел написать, имеют определенный исторический прототип:

> <...> житие знаменитого сербского святого — святителя Саввы и его отца великого жупана Сербии Стефана Не́маня: совсем юным Растко (Ростислав) покидает отцовский дом, увлеченный рассказом русского монаха, выходца с Афона, отправляется на Святую гору и становится там послушником.
>
> Тахо-Годи 2015: 38

Далее, согласно житию св. Саввы, события развивались следующим образом:

> Напрасно пытается отец, король Стефан, вернуть сына в мир — легче было создать из разрозненных земель сильное сербское государство. Вопреки отцовской воле сын становится монахом Саввой, а через годы его примеру последует и сам Стефан. Приняв монашеский постриг и имя Симеона, он вместе с сыном создаст один из древнейших афонских монастырей — Хиландар. Лишь после смерти Симеона святой Савва возвратится на родину, чтобы спасти ее от междоусобицы, а потом отправляется в паломничество на Восток, в Святую землю, дойдет до Персии и Царьграда и умрет на обратном пути.
>
> Тахо-Годи 2015: 38–39

Мънихъ (*ст.-слав.*) — монах.

[6] *Аще же и погребен, из гроба жив восстанет...* — Парафраз слов Христа: «<...> Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, *если и умрет, оживет*. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11: 25–26). См. также у апо-

стола Павла: «Предахъ бо вамъ испе́рва, еже и пріяхъ, яко Христосъ у́мре грѣхъ нашихъ ради, по писаниемъ, и *яко погребенъ бысть, и яко воста* въ третій день, по писаниемъ <...>» (1 Кор. 15: 3—4; рус. пер.: «Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и *что Он погребен был, и что воскрес в третий день*, по Писанию <...>»). См. также слова Василисы о Лазаре (см.: I.21.9) и другие предсказания о судьбе Светомира (см.: III.3.21; III.4.6—7, 9; III.10.16).

[7] *...силодейственна стрела Егорьева в деснице его*». — Егорьева стрела неоднократно фигурирует в предсказаниях о будущем Светомира: «И стрела Егорьева в руке его не ранит...» (III.3.15); «А наследник твой еще и во гроб спрячется от стрелы Егорьевой, ему в удел назначенной, она и в гробу его настигнет и из гроба воздвигнет <...>» (III.10.16).

III

[1] *На крестопоклонной седмице вступил Владарь, крестом победомощным предшествуем, с полком единым в престольный град...* — Крестопоклонная неделя — третья неделя Великого поста, когда крест прославляется в службах и устанавливается посередине храма.

[2] *...и тамо суды судил и расправу чинил недолгое время с кротостию...* — Владарь выступает не только как великий государь и военачальник, но и как справедливый судья, что сближает его с царем Давидом: «И царствовал Давид над всем Израилем, и *творил Давид суд и правду* над всем народом своим» (2 Цар. 8: 15). См. также о судах пресвитера Иоанна (см.: V.5.1).

[3] *...прискакал со двумя гриднями к рамени дубравной рано; и оставив гридней с конями у рамени, один пошел на криницу.* — Гридни — княжеские телохранители, воины отборной дружины (см.: Даль 1880/1: 395). Слово «рамень» здесь, повидимому, употреблено со значением ‘межа, граница участка земли, который упирается в лес’ (см.: Даль 1882/3: 58). См. также примеч. 8 к II.20.10.

[4] *И напала на него грусть-тоска в дебри зимней, промеж сугробов снежных и черных нор...* — Эпизод выдержан в контрастной черно-белой гамме с резкими переходами от ярко-белого цвета снега к черному цвету, тьме и сумраку. Многочисленные параллели к этой сцене встречаются в произведениях русских символистов, в том числе самого Вяч. Иванова и А. Блока (см.: Ханзен-Лёве 2003: 463—470). Трагический образ зимнего пейзажа, характерный для поэзии Вяч. Иванова, связан с его воспоминаниями о смерти и похоронах Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. См., напр., в «Зимних сонетах» (декабрь 1919 — февраль 1920): «Но *кладбище сугробов, облак тьмы* | И реквием метели ледовитой | Со мной сроднил наставник мой сердитый» (Иванов 1995/2: 134, 485). См. также: «Канцона I» из книги «Любовь и смерть» (см.: Иванов 1971—1987/2: 398), цикл «Снега» (см.: Иванов 1971—1987/2: 440), стихотворение «Мертвая царевна» (см.: Иванов 1971—1987/2: 321).

[5] *...мнил видеть округ себя гробы разверстые и тьмы могильной зевы.* — Описание подавленного состояния Владаря имеет аналоги в Ветхом Завете, напр.:

> <...> душа моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней. Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы, между мертвыми брошенный, — как убитые, лежащие во гробе <...> Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну.
>
> Пс. 87: 4—7

См. также: «Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился, прежде нежели отойду, — и уже не возвращусь, — в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов. 10: 20—22); «Дыхание мое ослабело; дни мои угасают; *гробы предо мною*» (Иов. 17: 1).

Словосочетание «гробы разверстые» восходит к словам псалмопевца о его врагах: «<...> гробъ отверстъ гортань ихъ <...>» (Пс. 5: 10). «Гробы разверстые» могут также указывать на начало Страшного суда и воскрешение умерших, см.: «<...> и *гробы отверзлись*; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим» (Мф. 27: 52—53). См. также: Лк. 1: 79; Ин. 5: 25, 28—29.

[6] *Ибо не было креста сильного на месте его над криницею застылою, и не было силы в сердце Владаря...* — Ср. в Псалтири: «Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как *человек без силы* <...>» (Пс. 87: 5). См. примеч. 5 к III.3.4.

[7] *...и молитва на устах его как желчь и полынь.* — Выражение «желчь и полынь» используется в Библии для обозначения горечи наказания, напр.: «Помысли о моем страдании и бедствии моем, о *полыни и желчи*» (Плач. 3: 19). См. также: Иер. 23: 15; Плач. 3: 15.

[8] *...и предстала ему Горислава, в одеянии черном, и власы ее были белы. И подумал Владарь: «порошею звездною власы ей запорошило»...* — Можно предположить, что Горислава явилась Владарю в мистическом образе Царицы Небесной (Урании, Софии, Богородицы), однако Лазарь не понял этого: ее темно-лазоревое одеяние он принял за черное, а звездный венец — за «звездную порошу». Подобным образом, по мнению поэта, М.Ю. Лермонтов не сумел понять, что ему являлась Вечная Женственность. Напр., Вяч. Иванов писал в статье «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916):

> <...> в то время, как одна, страстная и демоническая, половина его (Лермонтова. — *Ред.*) существа переживала байроновский мятеж и муку отчужденности гордого человека с невыразимой остротой трагизма и

> с еще горшим, быть может, чем у самого Байрона, отчаянием, другое я Лермонтова внезапно затихало *в лазури неведомого Байрону созерцания и умиления перед тенью Вечно-Женственного, перед ликом Богоматери, склоняющейся к «изгнаннику рая» из неизреченной голубизны*. Это был символ последнего решения загадки о человеческой, сверхчеловеческой личности, — решения, заключенного в таинственном имени «София»; но Лермонтов не знал, о чем говорят его *вещие, лазурные сны*, и разгадать загадки не умел.
>
> Иванов 1971–1987/4: 294

См. также в статье «Lermontov — Лермонтов» (1947) (см.: Иванов 1971–1987/4: 379–382). См. подробнее: Топорков 2012: 367–374.

[9] *...она же простерла ему рукописание и молвит*: «*читай свиток звездный*». — Образ «звездного свитка» восходит к Апокалипсису: «И *звезды небесные* пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И *небо скрылось, свившись как свиток* <...>» (Откр. 6: 13–14). См. также в Книге пророка Исаии: «И истлеет все небесное воинство; *и небеса свернутся, как свиток книжный*; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист — со смоковницы» (Ис. 34: 4). См. также примеч. 10 к IV.13.22.

[10] *Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим*. — Слова псалма 118 «Благословенъ еси, Господи: научи мя оправданиемъ твоимъ» (Пс. 118: 12; рус. пер.: «Благословен Ты, Господи! научи меня уставам Твоим») используются в качестве запева в последовании панихиды:

> Псалом CXVIII, называемый «непорочны», особенно приличен для возношения при погребении умерших. Этот псалом прославляет и умилостивляет Господа, ясно изображая блаженство умерших, ходивших «в законе Господни». По пропетии псалма, Церковь со стихами, избранными из него: «благословен еси, Господи, научи мя оправданием твоим», произносит стихиры Иоанна Дамаскина <...>.
>
> Дебольский 2008: 521

[11] *...земле судити и правдовати право*. — Правдова́ть — «начальствовать, управлять, судить и рядить» (Даль 1882/3: 380). См. также: III.10.17; IV.1.10.

[12] *О Серафиме же не рыдай, яко болий тебя...* — Оборот «не рыдай» восходит к канону Великой Субботы Космы Маюмского: «*Не рыдай* Мене, Мати, зрящи во гробе Егоже во чреве без семене зачала еси, Сына» (канон, ирмос девятой песни). Далее использован оборот из Евангелия от Иоанна: «Аще бысте любили мя, возрадовалися бысте [убо], яко рѣхъ: иду ко Отцу: яко *Отецъ мой болій мене есть*» (Ин. 14: 28; рус. пер.: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что я сказал: “иду к отцу”; ибо *Отец Мой более Меня*»). См. также: III.3.19.

[13] *...на престоле славы сидяща*. — аллюзия на слова Христа: «<...> сядетъ Сынъ человѣческій *на престолѣ славы* своея <...>» (Мф. 19: 28). См. также: Мф. 25: 31; Откр. 3: 21.

[14] *И стрела Егорьева в руке его не ранит...*» — Намек на эпизод, описанный в «продолжении» Повести: Светомир получит Егорьеву стрелу, но не захочет воспользоваться ею из-за опасения причинить кому-нибудь страдания. См. также: IV.1.17.

[15] *И при том слове молоньей белой снега убелило*. — Внезапная вспышка молнии, по наблюдениям Вяч. Иванова, истолковывалась как знак благоволения богов; см. в письме поэта к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 4/16 января 1895 г.:

> <...> вдруг, среди ясного неба, надо мною пронеслась гроза, и раздался гром, и сверкнула молния <...> Опомнившись, я, по обычаю древних <...>, спешу промолвить: «принимаю доброе знамение», и — снова благословляю своих богов за этот новый знак их благоволения: ибо внезапный удар грома и блеск молнии при ясном небе истолковывались древними именно в таком смысле.
>
> Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 117

См. также примеч. 14 к IV.1.16.

[16] *И воспрянул Владарь от света внезапного и озрелся; но по той молонье сумрак омглил дубраву*. — Здесь описан зрительный эффект от ослепления яркой вспышкой света.

[17] *...но вышел из мрака волк и прегради ему путь*. — Эпизод с говорящим волком, возможно, восходит к «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» из сборника А.Н. Афанасьева: «Он (Иван-царевич. — *Ред*.) ехал, день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: “Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич!”» (Афанасьев 1984/1: 332).

[18] ...«*Сын твой болий тебя...* — См. примеч. 12 к III.3.14.

[19] ...«*Ты міра сего державу зиждешь, а он ту державу упразднит*. — Ср. слова апостола Павла: «<...> Он предаст Царство Богу и Отцу, когда *упразднит всякое начальство и всякую власть и силу*» (1 Кор. 15: 24). См. также примеч. 9 к II.25.10.

[20] *И узнал Володарь беса дубравного, и воздвиг на него крест свой наперсный; и пропал бес*. — Бес появляется из темноты в волчьем образе согласно мифологическим представлениям, о которых писал А.Н. Афанасьев: «Волк, по своему хищному, разбойничьему нраву, получил в народных преданиях значение враждебного демона. В его образе фантазия олицетворила нечистую силу ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов» (Афанасьев 1865/1: 735).

IV

[1] *...тихо пела Отрада, дитя баюкала...* — Приводимое далее стихотворение стилизовано в духе колыбельных песен. Оно включает такие характерные для подобных песен мотивы, как призывание сна, описание богатой колыбели, обращение к Богородице, наконец, пожелание ребенку смерти. Воспользовавшись узнаваемой формой колыбельной, Вяч. Иванов включил в нее дополнительно образы плывущей в ладье Богородицы, а также стрелы, горы, храма, моря и сада. Все эти символы связаны с содержанием Повести, причем их смысл, судя по «продолжению», написанному О.А. Шор, должен был проясниться только постепенно, по мере развития сюжета. «Продолжение» Повести заканчивается тем, что Светомир лежит в хрустальном гробу, его посещает некая дева, посланная Девой Пресветлой, и он встает «из домовины хрустальной» (см.: Иванов 1971—1987/1: 511). Таким образом, сбывается то, что предвещала колыбельная Отрады. В самом конце «продолжения» хор голосов поет песню, которая представляет собой переделку последней строфы колыбельной:

Вот идет за тобой Девья Странница,
Освещает твой путь впереди.
Встал ты витязем в силе Егорьевой
На обрадованье земли.

Иванов 1971—1987/1: 512

[2] *Промеж моря и моря остра гора, | на полу́горе Божий храм.* — Образ «острой горы» связан с древнерусской иконографией, в которой горы изображались в виде уступов с плоскими площадками — лещадками. По сообщению О.А. Шор, иконописные горки привлекли внимание Вяч. Иванова во время посещения киевского Софийского собора в 1900 г.:

На стене Киевского собора, в то памятное посещение его во время смерти Вл. Соловьева, В.И. вдруг заметил изображение Земли в виде Голгофы, *горы остроконечной*, и это видение его пронзило. Он и раньше много раз видел это обычное иконное начертание, но: вещи и большие и малые говорят с нашей душой лишь тогда, когда она готова их услышать.

Иванов 1971—1987/1: 50

«Острая гора» также фигурирует в рассказе Марии Тимофеевны Ивану Павловичу Шатову из «Бесов» Ф.М. Достоевского:

Уйду я, бывало, на берег к озеру: с одной стороны наш монастырь, а с другой — наша *Острая гора, так и зовут ее горой Острою*. Взойду я на эту гору, обращусь лицом к востоку, припаду к земле, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу, и не помню я тогда, и не знаю я тогда ничего. Встану потом, обращусь назад, а солнце заходит, да такое большое, да пышное, да славное, — любишь ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо, да грустно. Повернусь я опять назад к востоку, а тень-то, тень-то от нашей горы далеко по озеру, как стрела, бежит, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самого на озере острова, и тот каменный остров совсем как есть пополам его перережет; и как перережет пополам, тут и солнце совсем зайдет, и всё вдруг погаснет. Тут и я начну совсем тосковать, тут вдруг и память придет; боюсь сумрака, Шатушка. И всё больше о своем ребеночке плачу...

Достоевский 1972—1990/10: 116—117

Вяч. Иванов цитирует данный фрагмент в статье «Достоевский и роман-трагедия» (1911) (см.: Иванов 1916: 58) и в книге «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» (1932) (см.: Иванов 1971—1987/4: 513) и интерпретирует его в духе мистического ожидания грядущего Жениха:

<...> Острая гора с ее тенью, перерезывающей каменный остров и напечатлевающей знак креста, подобна Голгофе; солнце подобно Агнцу Божию. Ребеночек-то, ею оплакиваемый, только воображаемый; но без грезы и скорби о ребеночке не был бы совершен образ этой женской души, изнемогающей в ожидании далекого Жениха, любимого Спасителя.

Иванов 1971—1987/4: 513

Сравнение со «Стихом о Святой Горе» (1900) позволяет предположить, что гора расположена между Студеным и Теплым морями:

Ты святися, наша мати —
Земля Святорусская!
На твоем ли просторе великом,
На твоем ли раздольи широком,
Что *промеж Студеного моря и Теплого*,
За теми лесами высокими,
За теми озерами глубокими,
Стоит гора до поднебесья.

Иванов 1971—1987/1: 557

[3] *Ты, светла сестра, ты, бела гора...* — Эти слова могут быть обращены и к горе, и к Богородице, одним из символов которой является гора:

В псалме 67, между прочим, читается: «гора Божия, гора тучная; гора усыренная, гора тучная; вскую непщуете (что вы завистливо смотрите) горы усыренныя! гора, юже благоволи Бог жити в ней». Пресвятая Дева, по толкованию св. Церкви, есть «тучная гора и усыренная Духом» (т. е. орошенная благодатию Святого Духа).

Сказания 1904: 10

См. в стихотворении Вяч. Иванова «Виноградарь» (1916; дописано в 1929): «*Ты Гора ль моя*, *Гора*, | *Белолицая сестра*, | Подымалась ты, *остра* <...>, | В *белы* схимилась снега» (с. 152–153 наст. изд.).

[4] *Ты, свята пчела, золота стрела...* — Сближение пчелы и стрелы обусловлено тем, что пчела жалит как стрела и живет в дупле, в котором лежит стрела: см. в стихотворении Вяч. Иванова «Виноградарь» (1916; дописано в 1929):

Золотая медуница,
Что ты вьешься вкруг чела,
Неотвязная *пчела*?
Знаю, знаю: ты жилица
Заповедного дупла,
Где лежит моя стрела,
Где волшебная хранится
Золота моя стрела.
Все поешь мне самогудно,
Что лежит стрела подспудно
<...>
Жалит грешника пчела:
Ты молчишь, моя стрела!

с. 153–154 наст. изд.

[5] *Из ладьи выходит Пречистая...* — См. в стихотворении Вяч. Иванова «Виноградарь» (1916; дописано в 1929): «<...> В несказанной тишине: | *Богородица в челне* | Светозарном выплывает, | Мимо понт переплывает» (с. 153 наст. изд.). Мотив ‘Богородица плывет на корабле’ характерен для песнопений хлыстов и скопцов, напр.: «<...> Полный *Дух Святой кораблем плывет*, | Разодет он в ризу белую; | Кораблем правит | Второй сын Его; | Знамя держит *Матерь Божия*, | *Пресвятая Свет-Богородица* <...>» (Крыжин 1869: 515).

По церковному преданию Богородица с Иоанном-апостолом и другими спутниками плыли на корабле на Кипр, чтобы навестить воскресшего Лазаря, который был там епископом. Внезапно налетел сильный ветер и унес корабль к Афонской горе:

Святая Проповедница сотворила здесь много чудес, которыми укрепила веру новопросвещенных. Оставив для назидания новообращенных одного из сопутствовавших Ей мужей Апостольских, Она пред отбытием Своим с Афона, благословляя народ, сказала: «*это место да будет Моим жребием, данным Мне от Сына и Бога Моего*! Да почиет благодать Его на этом месте и на живущих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего! Все нужное для земной жизни они будут иметь в изобилии и с малым трудом, и будет уготована им небесная жизнь, и не оскудеет к ним милость Сына Моего до скончания века. Я буду заступница этому месту и теплая о нем ходатаица пред Богом!» После этого Пресвятая Дева села на корабль с Иоанном и прочими спутниками и отплыла к Кипру.

Сказания 1904: 176–177

[6] *...навещает свой вертоград.* — Вертоград — «сад, особенно плодовый, виноградник» (Даль 1880/1: 182). Возможно, имеется в виду еще одно предание, связанное с Афоном:

Явясь во сне первому отшельнику Афонскому (IX века) преп. Петру, Царица Небесная благоволила сказать о св. горе следующее: «Для свободного служения Богу нет другого более удобного места, как гора Афонская, которую Я прияла от Сына Моего и Бога в наследие Себе, дабы те, которые хотят удалиться от мирских забот и смущений, приходили и служили там Богу беспрепятственно и спокойно. *Отныне гора эта будет называться Моим вертоградом*. Много люблю Я место сие, — и придет время, когда оно, от края и до края, на север и юг, наполнится иноками».

Сказания 1904: 356

[7] *Вынет душеньку, белу горлицу*, | *унесет в невиди́мый край*. — Характерное для фольклора представление души в виде птицы. Ср. слова Серафима Саровского о смерти дивеевской послушницы Елены Васильевны Мантуровой (1832 г.): «Мы должны радоваться; ее душа *вспорхнула, как голубица*, вознеслась ко Св. Троице. <...> Она прислужница Матери Божией <...>» (Чичагов 2009: 369).

Пожелание ребенку умереть и/или попасть в рай — общее место колыбельных песен, напр.: «Летя ангелы с небес, | Вынуть душеньку с телес»; «Нет ли местечка в раю, | Хоть on самом на краю?» и т. п. (ДПФ 1997: 104, № 301; 103, № 297).

[8] *...и увидел Отраду сидящую и двух младенцев, спящих на лоне ея — одного полного и румяного, другого бездыханну подобна...* — В этом эпизоде Вяч. Иванов, повидимому, использует образы иконы «Неопалимая Купина», в центральной части которой помещается изображение Богоматери с рядом символических атрибутов

(лестница, гора и др.), вписанное в восьмиконечную звезду. На груди у Богородицы Христос представлен дважды: как спеленутый младенец и как сидящий царь и архиерей (см.: Титаренко 2012: 636–637).

[9] *И в тот же час узрел над ним на мгновение ока его же, младенца малого, прямо стоящего в хитоне пресветлом и в диадиме ясной, и луч стреловидный в руке его, лицо же его смугло…* — Вероятно, Владарь увидел не самого Светомира, а его ангела, но не догадался об этом. См. предсказание старца Парфения: «И непорочен будет союз ваш пред Лицом Господним, и ангел Его меж вами стоять будет всечасно <…>» (II.25.9).

Хитóн (от *греч.* χιτών ‘одежда’) — мужская и женская одежда у древних греков; подобие рубашки (льняной или шерстяной), обычно без рукавов.

[10] *…и очи как зеницы орла, разбужена молнией.* — Образ орла в творчестве Вяч. Иванова имеет пушкинские истоки (см.: Павлова 2004: 18–19). В статье «О границах искусства» (1913) поэт цитирует стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» (1826): «<…> само то мгновение, когда разверзаются “вещие зеницы, как у испуганной орлицы”, есть момент внезапного воспарения <…>» (Иванов 1971–1987/2: 635). См. также в стихотворении А.С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта…») (1827): «Но лишь божественный глагол | До слуха чуткого коснется, | Душа поэта встрепенется, | *Как пробудившийся орел*» (Пушкин 1977–1979/3: 23).

[11] *…младенец же пробудился радошен и потянулся за крестом золотым государевым…* — Жест символизирует, что Светомир выберет для себя путь жертвенного служения Христу. Данная сцена, вероятно, имеет иконографический источник. Известны многочисленные изображения младенца Иисуса, который держит в руках крест или тянется к нему. Так, напр., на картине Леонардо «Мадонна с веретеном» (1501) младенец, сидящий на коленях Матери, держит в руках веретено, имеющее две горизонтальные перекладины, которые превращают его в орудие страстей Господних. Во второй версии «Мадонны в скалах» (ок. 1493–1495 и 1506–1508) Леонардо изобразил Марию с Христом, младенцем Иоанном Крестителем и ангелом; младенец Иоанн держит трость с перекладиной в виде креста, а Иисус указывает на этот крест пальцами.

[12] *…«Ненароком нагрянул на нас ясен сокол; двоих стерег, троих накрыл, тайные дела наши все проведал».* — Смысл сказанного: Владарь ожидал найти двоих (Отраду и Светомира), а нашел троих (Отраду, Светомира и Глеба). Слова Отрады напоминают загадку из «Беседы трех святителей», хотя отгадка в Повести иная: «Въпрос: *Единаго искаху, три обретаху.* Ответ: Егда искаху Константин и Елена креста Христова, и нашли с ним два разбойнича» (Франко 1906: 10).

V

[1] *…стали перед иконами и заглянули друг дружке в очи.* — Подобные ситуации фигурируют в переписке Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и Вяч. Иванова: напр., Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала поэту 12/24 марта 1895 г.: «Ну, сцена кончилась, мой гнев выдохся, и я *любовно беру тебя за обе руки и гляжу тебе в глаза, мой возлюбленный*» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 174). См. также в «повести в терцинах» Вяч. Иванова: «Глубоко в очи глянули друг другу, | И новое прочел во взоре взор…» (Феофил и Мария // Иванов 1971–1987/2: 518). Вяч. Иванов придавал подобной ситуации, когда люди смотрят в глаза друг другу, символический смысл. В мелопее «Человек» поэт писал: «Свершается Церковь, когда | Друг другу в глаза мы глядим <…>» (Иванов 2006: 46), что отсылает к словам Христа: «<…> где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20). См. в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1911): «Истина оправдывается только будучи созерцаемою в другом. Где двое или трое вместе во имя Христово, там среди них Сам Христос» (Иванов 1971–1987/3: 302).

[2] *…все ей поведал, чтó о сыне их ненаглядном давно страхом и трепетом и недоумением дух его смущало…* — Выражение «страх и трепет» восходит к Библии: «<…> страхъ и трепетъ пріиде на мя, и покры мя тма» (Пс. 54: 6; рус. пер.: «<…> страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня»). См. также: Втор. 11: 25; 2 Макк. 15: 23; 3 Езд. 15: 29, 33, 36; Иуд. 15: 2; Флп. 2: 12. Оно встречается также в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 132, 134). Ср. название трактата С. Кьеркегора «Страх и трепет» (1843). См. также: V.7.12.

[3] *И отверз уста свои, и явственно слышала я из уст его слово: «Радуйся, мати Светомирова».* — Парафраз слов архангела Гавриила, обращенных к Богородице: «В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: *радуйся, Благодатная*! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк. 1: 26–28).

[4] *…идущим во сретенье креста чудотворного…* — Во сретенье — навстречу.

VI

[1] *И вручил ей старец Парфений сосудец каменный со святою водою из криницы Егорьевой, и заповедывал нáстрого…* — Схожий образ в Библии — вода испытания, с помощью которой проверяли, не изменяла ли жена своему мужу (см.: Числ. 5: 11–31). См., в частности: «<…> и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд <…>» (Числ. 5: 17). В Повести также фигурирует сосуд со святой водой, однако в целом ситуация осмысляется не как способ испытания верности, а как проверка чистоты и свежести супружеских отношений.

[2] *Читаешь ты в душе моей, как в книге отверстой, отче, и ничего мне от тебя не утаить…* — Метафора «душа как открытая книга» встречается в одном из писем Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову 1895 г.: «*Я читала тебя, как книгу*, переворачивая страницу за страницей с жадною любовью, и вдруг остано-

вилась. Для меня открылась последняя страница. Книга выпала из рук, дальше читать уже нечего» (Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 241). См. примеч. 1 к I.12.2; примеч. 1 к IV.12.2.

[3] *Снилось мне, будто росток растет лавровый из чрева моего...* — Сходный образ цветка, вырастающего из тела, встречается в стихотворении Вяч. Иванова «Сон Матери-Пустыни» (1911):

> В оны веки, пред тем как родиться
> От Пречистой Господу Исусу,
> Сон приснился Матери-Пустыне.
> Спит Пустыня в раздолье широком
> <...>
> *И снится Пустыне, будто вырос*
> *Розов цветик у нее из сердца*;
> А с поднебесья рука простерлась,
> Будто с кореньем цвет вырывает.
>
> Иванов 1971—1987/2: 354

См. также: Топорков 2012: 250—264.

[4] *...Финисту подобна...* — Отрада называет птицу именем, заимствованным из сказки о Финисте-ясном соколе (см.: Афанасьев 1985/2: 190—198, № 234, 235). См. в стихотворении Вяч. Иванова «Сверстнику» (1928): «Старина, еще мы дюжи мыкать | По свету скитальцев русских долю, | В рубище всечеловеков кликать | Духов день, *Финиста-птицу*, Волю» (Иванов 1995/2: 119, № 464).

В то же время описание птицы соответствует не сказочному персонажу (чудесный царевич, который оборачивается соколом), а греческому мифу о волшебной птице Фениксе, имеющей вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Живет Феникс 500 лет, а предвидя свой конец, сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, и там же из пепла рождается заново (см.: МНМ 1982/2: 560). В средневековой книжности Феникс символизировал собой Христа и Воскресение из мертвых (см.: Белова 2000: 257). См. запись в дневнике Вяч. Иванова от 14 апреля 1910 г.: «Подобно тому как огню предают трупы, все тленное и тлеющее мира в очистительное бросай пламя. Феникс вьется над тобой, ища свить в душе твоей свое пламенеющее гнездо» (Иванов 1971—1987/2: 806). Поэт неоднократно обращался в своем творчестве к образу Феникса (см.: «Светоч», «Обновление», «De Profundis», «Огненосцы», «Пальма», «Цусима», «Жарбог»). См. подробнее об этом в изд.: Павлова 2004: 46—48.

[5] *И будто прыснул из того же корня, что̀ во чреве моем, другой побег, и быстро возрос, и осенил первый...* — Чудесный рост растения и его последующая мгновенная гибель напоминают эпизод из Книги пророка Ионы:

> И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от огорчения его; Иона весьма обрадовался этому растению. И устроил Бог так, что на другой день при появлении зари червь подточил растение, и оно засохло.
>
> Ион. 4: 6—7

См. схожие образы в книге Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932):

> <...> Достоевский, в эпилоге «Преступления и наказания», показывает духовное перерождение человека внутренне доброго, но заблудившегося в темном пути; и это *новое рождение человека похоже на крепкий, пробуждающийся из здоровых корней новый росток, вырастающий в мощный ствол на месте старого, испепеленного молнией возмездия* <...>.
>
> Иванов 1971—1987/4: 494

[6] *...о́сокорь белая, сребролистная...* — «Осокорь ж. дерево тополь м., тополя ж. Populus; P. nivea, серебролистый тополь <...>» (Даль 1881/2: 701).

[7] *...и села в гнездо, и воспалил его луч незапный, и дотла спалило польмя состав ея прежний...* — Ср. сходные описания в стихотворениях Вяч. Иванова: «Но, Феникс, слыша шорох | Воздушного шатра, | На древо сложит ворох | *Горючего костра*» (Пальма (1914) // Иванов 1971—1987/3: 544); «Юность — новь; и кто изменчив — молод. | Знайте мед и горечь — умирать! | Вечно жив, в ком вечен жизни голод. | Зверь и змей линяют в жар и холод: | *О, учитесь Фениксом сгорать*!» (Обновление // Иванов 1971—1987/1: 544). См. также изложение идей поэта в очерке О.А. Шор: «Огненная смерть бабочки-души отнюдь не гибельна; сгорая, душа, фениксу подобно, обновляется. Свято безумие, влекущее к огненной смерти» (Дешарт 1971: 56).

[8] *...и обновилась юность ея...* — Здесь перифразированы слова псалма: «<...> обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102: 5; рус. пер.: «<...> обновляется, подобно орлу, юность твоя»). Вяч. Иванов цитирует этот фрагмент псалма в письме к Л.И. Шестову от 10 февраля 1936 г. (см.: Символ 2008: 431). См. примеч. 11 к I.4.9.

[9] *...и прочь упорхнула Финист-птица.* — См. в стихотворении Вяч. Иванова «Три гроба» (1911): «Где Мария почивает, | Алый розан расцветает, | Лепесточки распускает, | Голубочка выпускает. | *Голубь-Птица воспорхнула*, | Матерь Божья воздохнула. | “Выйди, Отче Вседержитель! | Солетай, Иван-Креститель! | Родился земле Спаситель”» (Иванов 1971—1987/2: 465).

[10] *...росточек мой лавровый через пепел пробился, окреп, зазеленел, разветвился...* — Ср. в стихотворении Вяч. Иванова «Суд огня»: «Царь изрыл тайник и нед-

рам | Предал матерним ковчег. | А из них, в цветеньи щедром, — | Глядь — смоковничный побег | *Прыснул, сочный, — распускает* | *Крупнолистные ростки*, — | Пышным ветвием ласкает | Эврипиловы виски» (Иванов 1971—1987/2: 245).

[11] *...маковицею щегловитою с облаками-парусами плывет...* — Образ древа, вершина которого плывет среди облаков, восходит к Книге Иезекииля: «Се, Ассуръ кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отрасльми и высокъ величествомъ и часть покровомъ, и *средѣ облакъ* бысть власть его <...>» (Иез. 31: 3; рус. пер.: «Вот, Ассур был кедр на Ливане, с красивыми ветвями и тенистою листвою, и высокий ростом; вершина его находилась *среди толстых сучьев*»). Расхождение между церковнославянским и русским переводами разъясняется в «Толковой Библии» под ред. А.П. Лопухина: «Евр. *авотим*, сучья, LXX прочли *авот*, облака: и "*среде облак бысть власть его*" — чтение более сильное, красивое и считаемое новыми толкователями вероятнейшим» (ТБ 2009/4: 970).

[12] *...и звезды небесные сквозь ветви его как жолди золотые мерцают».* — Подобные описания мирового древа встречаются в поэзии Вяч. Иванова, напр.: «О полудни на холме на рыхлом | Вырастал росточек кипарисный, | Потянулся к небу ветвьем темным; | Древом червленеет на закате, | К ночи сень в поднéбесье возносит, — | *В сенях темных просветились звезды*» (Гость (1902) // Иванов 1995/1: 152, № 97); «А дубовые ветви дремучи, | Распластались в них сизые тучи, | И разросся зыбучий навес | *Звездоцветом верховных небес.* | А дубовые корни могучи, | Их подземные ветви дремучи, | Вниз растут до глубинных небес | *И звездами олиствен их лес*» (Замышленье Баяна (1916) // Иванов 1995/2: 228, № 643).

Жолдь — то же, что жолудь, жёлудь.

[13] *...Господь отзовет тебя на делание умное.* — «Умное делание» — особые, сакральные приёмы произнесения молитв в православной аскетике, в частности, так называемая «умная молитва», то есть непрестанное произнесение молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

[14] *...и нарекли ее родители по грецким святцам Фотинией, а по нашему говору Зареславою.* — Фотиния (*греч.*) — светлая, лучезарная.

VII

[1] *...в епископы хиротонисáн...* — Хиротонисать (от *греч.* χειροτον...α) — совершать рукоположение.

[2] *Сказал Владарь*: «*Лукавый плевелы сеет. А коль и глушат плевелы поле, полоть их до жатвы не велено*». *Потупился Епифаний*. «*Прости, — говорит, — милостивец ласковый рачителя неблаговременна, коню ретиву подобна. Видит хозяйское око, когда дергать, когда и жечь на потребу*. — Владарь и Епифаний, полемизируя друг с другом, заимствуют аргументы из евангельской притчи о пшенице и плевелах (см.: Мф. 13: 24—30, 36—43). Лукавый — здесь: 'диавол, враг человека' (см.: Мф 13: 28, 38—39).

[3] *...были бы тенета понаставлены, а на ловца зверь и сам бежит».* — Епифаний приводит пословицу: «На ловца и зверь бежит» (Даль 1881/2: 261). Тенéта — охотничьи сети: «*Тенéта* развешиваются по сучкам, сошкам и кольям, охватывая место полукругом; загонщики (облавщики) заходят с противной стороны и, пугая зверя криком, идут цепью и гонят его в *тенéта*, где притаившиеся *тенéтчики* принимают его дубинками, а иногда вяжут и струнят живьем» (Даль 1882/3: 398). См. примеч. 20 к III.10.17.

[4] *...Ксенофонт древний... с воинством еллинским у Кира-варвара наемником был...* — Ксенофонт (ок. 430 — 355 или 354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк. В своем сочинении «Анабасис, или Отступление десяти тысяч» описал отступление десяти тысяч греческих наёмников из Месопотамии после гибели Кира Младшего.

[5] *...Еленой прекрасной прозвали царицу...* — Образ Елены Прекрасной, широко представленный в русских сказках, полон мифологических и историко-культурных ассоциаций (см.: Зелинский 1996: 132—158). Вяч. Иванов упоминает Елену в своей поэме «Ars mystica» (1889): «<...> из призрачного плена | В палаты Фауста вселилася Елена; | Пахнуло сладостно дыханием богов <...>» (Символ 2008: 44). См. также: Символ 2008: 55—56, коммент. 13. В статье «Гёте на рубеже двух столетий» (1912) Вяч. Иванов писал, что Фауст

> <...> был, по-видимому, действительным историческим лицом, жившим в конце пятнадцатого века; предания о нем украсились чертами, заимствованными из очень древних по происхождению легенд, на него была перенесена и смутная память о Симоне Волхве, путешествовавшем с блудницей, которую он выдавал за воскресшую Елену.
>
> Иванов 1971—1987/4: 150—151

В статье «Две стихии в современном символизме» (1908) поэт истолковал образ Елены как идеал античности и эпохи Возрождения (см.: Иванов 1971—1987/2: 543). См. также о Елене в статьях Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (Иванов 1971—1987/3: 69—70) и «Древний ужас (по поводу картины Л. Бакста "Terror Antiquus")» (см.: Иванов 1971—1987/3: 103).

В «Клементинах» (II в.), древнейшем христианском романе, рассказывается, что Симон-маг похитил Елену и присвоил себе статус пророка и даже бога: «Отныне Симон-маг и Елена — одна чета; они вместе разъезжают, вместе волхвуют, вместе вводят людей в соблазн и гибель» (Зелинский 1996: 155). В «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор, Светомир встречает Симона Мага, с которым беседует о Елене (см.: Иванов 1971—1987/1: 459—463). В частности, Светомир спрашивает его:

— <...> а вот ты сам скажи мне, волхв, правда ли али неправда, что ты блудницу Тирскую за собою завсегда водил и ей яко существу высшему и мудрейшему поклонялся?

Ответил Симон Маг: «Ничем ты, Светомире скудоумный, до сей поры не вразумился. Ведь трагедия мира, самая большая трагедия света, в сей блуднице Тирской и является. Елена, которую я спас, вырвал из плена злых духов, восставших ангелов, она-то и есть сама верховная Мысль, женская часть Единого Сущего. Сей Единый Сущий есть начало, сила, себя творящая и находящая; он есть вечная разлука и встреча самого с собою; он себе самому отец, мать, сын и дочь.

<...> Сущий раскололся на Ум и Мысль. Вот сия-то Мысль его предвечная все доброе в мире и создала. Но ангелы и архангелы, коих она сотворила, духа злого исполнились. Восстали они против своей Творительницы и ее полонили. И стала она их пленницею. Они оторвали ее от небесного спутника, и она, страдалица, в поисках его, бросаясь жертвенно и самозабвенно в проклятую материю, падала все ниже да ниже.

Одно из ее появлений, воплощений земных тебе ведомо, Светомире; то была Елена Троянская, признавшая в Парисе-соблазнителе суженого Жениха и ставшая виновницею всех ужасов войны, разрушений, смертей. А вот моя Елена в поисках небесного своего Жениха, сиречь меня, тоскою любовною язвима, но плененная материей, попалася в блудный дом развратного Тира. И в то самое время как земная плоть ее терпела мнимые услады, небесная плоть ее испытывала невыносимые истязания. Все сносила она, многострадальная, терпеливо, меня ожидая. И вот я, обманув бдительность ангелов, ее стерегущих, неузнанно сошел на землю в образе смиренного странника и вывел ее и плена. С той поры стала она на земле моею верною спутницею.

Она была отражением Премудрости в темных водах, и, отвернувшись от ангелов, ею созданных и на нее восставших, она вернулася в Премудрость. Она и есть сама Премудрость — моя предвечная подруга, моя неземная Мысль».

— Помедли, помедли, Симон, — вскричал Светомир. — Ну как же так, сразу, прямо из блудилища да в Премудрость?

А маг и не слушает: «Елена-то моя, — говорит, — блудница Тирская, поважнее будет ваших святых блудниц Марий Египетских да Магдалин».

Иванов 1971—1987/1: 460—461

См. примеч. 5 к III.8.6.

VIII

[1] *...все в парчах и оксамитах...* — Оксамит, аксамит (от *греч.* εξα ‘шесть’ и μιτος ‘нить’) — плотная, ворсистая, часто узорчатая ткань из шелка и золотой или серебряной нити, напоминающая бархат. Название объясняется тем, что ткань формировали из шести нитей — двух основных и четырех уточных.

[2] *...Протоспатарии, и протопресвитеры, и логофеты, и патрикии, и протосикриты, и протонотарии...* — Перечисляются должности при дворе византийского императора. Усилительная приставка «прото-» (*греч.* πρωτο- от *греч.* πρωτος — ‘первый’) характерна для греческих заимствований и слов, образованных по их образцу, напр.: *протопоп*, *протоиерей*, *протодиакон* и т. д. (см.: Фасмер 1996/3: 383).

Логофет — «хранитель патриаршей печати, заведовавший патриаршей канцелярией и ее архивом; на нем же лежала денежная отчетность по патриархии; наконец, он часто состоял членом патриаршего суда» (ЭСБЕ 1890—1907/34 [17А]: 902).

Протонотарий — «первый или главный секретарь высшей судебной инстанции; в Константинопольском патриархате второе после патриарха лицо» (ЭСБЕ 1890—1907/50 [25А]: 547).

[3] *...бармы освященные чекана древнего, раменам во укрепление, власти труд Атлантов подъявшим.* — Бармы — широкая часть торжественной одежды московских государей, составляющая ее оплечье; богато украшались драгоценными камнями и жемчугом.

Рамена́ — плечи, в переносном значении ‘мощь, сила, власть’ (см.: Даль 1882/4: 57).

Атлант — в греческой мифологии древнее доолимпийское божество, отличающееся необычайной силой. После поражения титанов Атлант был осужден поддерживать небесный свод на крайнем западе вблизи сада Гесперид.

[4] *И доспех тот, по оглашении хирографа кесарского...* — Хирограф (*греч.*) — рукопись.

[5] *...муж исполин, вельможа знатный, главный постельничий кесарев, звездочет и евнух, по имени Симон Хорс...* — В этом двойном имени первая часть отсылает к имени Симона Мага, или Симона Волхва (см.: Деян. 8: 9—24). Связь между Симоном Хорсом и Симоном Магом устанавливается в «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор. Встретившись со Светомиром, Симон Маг говорит ему: «К тому же в разных образах я и по сей день иным являюсь. Вот я и к отцу твоему, царю Владарю, и к тебе приходил. Оба вы не приняли меня; во благо ли себе — это еще вопрос» (Иванов 1971—1987/1: 462). И далее: «Да, Хорс есть один из сих малых моих; в веках — ученик мой верный» (Там же: 462).

В каноническом тексте Нового Завета Симон упоминается только один раз в связи с попыткой за деньги получить у апостолов дар передавать Святой Дух возложением рук (см.: Деян. 8: 18—24). Вяч. Иванов комментирует данный эпи-

зод: «Покушение на приобретение или передачу благодатных даров путем купли и продажи клеймится доныне, по имени Симона, наименованием симонии» (Деяния 1946: 38). Известны многочисленные апокрифы о соперничестве Симона Мага и апостола Петра в Риме.

По сообщению Юстина, Симон происходил из селения Гитта в Самарии и жил во времена императора Клавдия (41—54 гг.) (см.: Афонасин 2002: 254). Св. Ириней Лионский писал:

> Этот Симон самарянин, от которого произошли все ереси, образовал свою секту следующего содержания. Он, выкупив в Тире, финикийском городе, некоторую женщину, по имени Елену, водил ее всюду с собою и выдавал за первую Мысль (Ennoia), мать всех вещей, чрез которую он в начале замыслил создать ангелов и архангелов. Ибо эта Мысль, выходя из него и зная волю своего Отца, низошла в нижние области (пространства) и породила ангелов и власти, которыми, по его словам, и сотворен этот мир. После того как она их произвела, была она задержана ими из зависти, так как они не хотели считаться порождением какого-либо другого существа. Его самого они вовсе не знали; а его Мысль была удержана порожденными ею властями и ангелами и терпела от них всякое бесчестие, так что она не возвратилась к своему отцу и даже была заключена в человеческое тело, и по временам, как бы из сосуда в сосуд, переходит из одного женского тела в другое. Она была в той Елене, из-за которой произошла Троянская война: поэтому также был ослеплен Стезифор, который поносил ее в своих стихах, но после, когда он раскаялся и написал так называемые палинодии, в которых он ее восхвалил, опять получил зрение. Странствуя из тела в тело, терпя от сего всегда бесчестие, она наконец отдалась в развратный дом; она-то и есть погибшая овца.
>
> Ириней Лионский 1900: 87. *Пер. П. Преображенского*

В «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор, Симон Маг излагает свое учение Светомиру (см.: Иванов 1971—1987/1: 460—461): текст представляет собой близкий пересказ сообщений Иринея.

Имя Хорса отсылает к имени языческого божества Древней Руси, включенному в так называемый Владимиров пантеон и фигурирующему также в «Слове о полку Игореве», «Хождении Богородицы по мукам» и поучениях против язычества. Большинство исследователей считают Хорса богом солнца. В.Б. Микушевич высказал предположение, что одним из прообразов Симона Хорса мог быть Ориген (см.: Микушевич 2002: 21).

[6] *И вручил Владарю Хорс от присного своего... епистолию... и зáстег хламидный в дар из камней самоцветных, вид имущий змия, стрелу в пасти держаща: таковаго-де змия на щитах прадедовских видывал Радивой*. — Изображение змея в данном случае является эмблемой Горынского змея, хранящего клад в земных недрах (см.: III.10.3), а стрела в его пасти — Егорьева стрела, которая притягивает к себе как магнит (см.: III.10.3) и может поразить как молния (см.: IV.15.6—7).

Епистолия — то же, что эпистола (от *греч.* Epistole) — письмо, послание.

[7] ...«*Гадал Радивой*, *что смоет пучина удел его окрайний*, *и не прогадал*... — В данном контексте слово «пучина» имеет метафорическое значение ‘народы’ или ‘вражеское нашествие’, см. в Священном Писании: «Увы! шум народов многих! шумят они, как шумит море. Рев племен! они ревут, как ревут сильные воды» (Ис. 17: 12); «И говорит мне: вóды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки» (Откр. 17: 15). См. также примеч. 2 к IV.9.8.

[8] ...*а нашей Атлантиды скорого конца не чает*». — Атлантида — по древнегреческому преданию, сообщенному в диалогах Платона «Тимей» и «Критий», огромный остров в Атлантическом океане к западу от Гибралтарского пролива, заселенный могущественным племенем атлантов. Вследствие страшного землетрясения Атлантида опустилась на дно океана. Миф об Атлантиде упоминается в Повести еще дважды (см.: IV.2.10; V.4.2—3). Вяч. Иванов писал об Атлантиде в статьях «Древний ужас (по поводу картины Л. Бакста “Terror Antiquus”)» (см.: Иванов 1971—1987/3: 104—105), «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (см.: Иванов 1971—1987/3: 157—158) и в «Переписке из двух углов» (см.: Иванов 1971—1987/3: 392). См. также стихотворение «Атлантида» (см.: Иванов 1971—1987/3: 470—471). Атлантида была предметом постоянного интереса разного рода оккультистов и мистиков.

[9] *Сказано*: *с еллином еллин*, *со скифом скиф*. — Перифраз слов апостола Павла: «<...> идѣже нѣсть *еллинъ*, ни Иудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и *скиѳъ*, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ» (Кол. 3: 11; рус. пер.: «<...> где нет ни *Еллина*, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, *Скифа*, раба, свободного, но все и во всем Христос»). См. также: Рим. 10: 12; Гал. 3: 28. Слова апостола Павла обыгрываются в письме Вяч. Иванова к Д.В. и Л.В. Ивановым от 26 декабря 1926 г.:

> Хороший отец Майокки, очень хороший! Подарил мне молитвенник. Очень правильно присоединился я к католической Церкви. Никакой духоты нет, — *ни эллина*, *ни иудея*, — в национальной церкви как-то человека в религиозном смысле не чувствуешь, нет простора, в котором говорят друг с другом Бог и Человек. И какие молитвы у них, в обиходном молитвеннике: о евреях, о мусульманах, о язычниках.
>
> Символ 2008: 507—508

В приложении к письму Е.Д. Шору от 20 августа 1933 г. поэт отмечает: «Я хотел, говоря “с эллинами по-эллински”, базироваться на свойственном времени пред-

расположении к мистически окрашенному умозрению <...>» (Символ 2008: 400). Превращение «<...> нет *ни Еллина*, ни Иудея, ни <...> *Скифа* <...>» в «<...> *с еллином еллин, со скифом скиф* <...>» имеет свою традицию в русской литературе: см. коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского в изд.: Альтман 1995: 143.

В своих стихах Вяч. Иванов называл Скифией Россию и скифами — русских (см. стихи «Странник и статуи» и «Скиф пляшет» из «Парижских эпиграмм»). Отождествление русских со скифами актуализировалось в период революции 1917 г., см., напр., «Скифов» А. Блока, литературный сборник «Скифы» (два выпуска в 1917–1918 гг.), идеологию так называемого «скифства» и т.д.

[10] ...*земли Богумиловой*... — Богомил, или Богумил, — легендарный основатель богомильства, еретического движения на Балканах (X–XIV вв.). По сообщению Пресвитера Козьмы (X в.), Богомил жил в Болгарии при царе Петре (927–969 гг.). Имя Богомила «говорящее» и в этом отношении стоит в одном ряду с другими именами Повести, такими как Светомир или Горислава. См. в «Беседе о новоявленной ереси Богомила» пресвитера Козьмы: «Был один священник по имени *Богомил, а по правде сказать, Богу-не-мил*, первым начавший учить ереси в Болгарской земле» (Родник 1990: 247). В словах Симона Хорса можно увидеть намек на связь его самого и Епифания с богомильством.

IX

[1] *Огляделся Владарь во храмине круглой, пещерке подобной, шелками по притолоку завешенной, верху зографом предивно расписанной по круглому своду.* — Ср. в средневековом сочинении «Итинерарий Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза», входящем в цикл произведений о пресвитере Иоанне:

> <...> там расположен особый дворец пресвитера Иоанна и его ученых, двигающийся по кругу словно колесо, и он увенчан сводом наподобие неба, на котором множество драгоценных камней сияют ночью, как в ясный день. <...> капеллу венчает свод удивительной вышины, и она круглая, наподобие звездного неба, и вращается, как земная твердь. <...> Рядом с ней расположена опочивальня пресвитера Иоанна, увенчанная драгоценным, сияющим звездами сводом, подобным небу.
>
> Послания 2004: 99. *Пер. Н. Горелова*

В Италии XIII–XV вв. известны постройки с росписью свода, имитирующей звездное небо: верхняя церковь Сан Франческо в Ассизи (росписи до 1300 г.), капелла дельи Скровеньи в Падуе (росписи Джотто 1302–1305 гг.). При росписи палаццо делла Раджоне (Падуя, 1218–1219 гг.) Джотто нарисовал звездное небо, двенадцать знаков Зодиака и семь планет с их символами, однако почти все это

погибло в огне в 1420 г. После пожара стены большого зала были расписаны венецианскими художниками Николо Мирето и Стефано да Феррара в период с 1425 по 1440 г. Роспись стен делится на три горизонтальных ряда. Верхний ряд состоит из 333 фресок по астрологии (знаки Зодиака и двенадцать месяцев) и астрономии (созвездия и планеты). Считается, что программу фресок разработал медик и философ Пьетро д'Абано (1237–1315). В Зале Месяцев в Палаццо Скифанойя (Феррара, ок. 1460 г.) фрески располагаются на стенах интерьера в три регистра, один под другим: в верхнем обычно изображается триумф бога или богини, в центральном на темном фоне представлен зодиакальный знак месяца и другие астрологические и аллегорические фигуры. Поскольку роспись в Повести сделана «по круглому своду», это напоминает изображения звездного неба в сводах Старой Сакристии в церкви Сан-Лоренцо (1420–1428) и в капелле Пацци во дворе францисканской церкви Санта-Кроче (1429–1443) — знаменитых флорентийских строениях Брунеллески.

Зогрáф, изогрáф (от *греч.* ζωγράφος) — иконописец.

[2] *Зрелась в небе свода Дева светозарная на престоле выспреннем*... — Светозарная Дева, изображенная на потолке в горнице Симона Хорса, — главный женский архетип Повести, в котором соединяются представления о Богоматери, апокалиптической жене, облеченной в солнце, Софии Премудрости Божией христианского предания, гностической Софии и Вечной Женственности Вл. Соловьева. Эпитет «светозарная» напоминает обращение «лучезарная» в поэме Вл. Соловьева «Три свидания» (1898): «О *лучезарная*! тобой я не обманут: | Я всю тебя в пустыне увидал...» (Соловьев 1974: 130). См. также в стихотворении Вл. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...» (1875–1876): «И над мрачной зимой молодая весна — | Вся сияя, склонилась над ним | И покрыла его, тихой ласки полна, | *Лучезарным* покровом своим» (Соловьев 1974: 62).

По мнению С.Д. Титаренко, образ «светозарной Девы» близок иконописному образу Софии Премудрости Божией (см.: Титаренко 2010: 360). В иконографическом типе новгородского происхождения София Премудрость Божия изображается с огненным ликом и крыльями, она сидит на престоле, на главе у нее царский венец, в руках скипетр, а ее престол вписан в один или несколько разноцветных кругов (см.: Брюсова 2006: 106). Многие детали здесь действительно соответствуют описанию Вяч. Иванова, хотя у его «светозарной Девы» нет крыльев и ее не окружают персонажи, которых мы видим на иконе (Богоматерь, Иоанн Креститель и др.). В «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор, целая глава посвящена обсуждению иконописных изображений Софии Премудрости Божией (см.: Иванов 1971–1987/1: 478–480). Игумен Анастасий, в частности, сообщает Светомиру: «Венец Софии в образе стены градозащитной знаменует Матерь-Землю. Она — на голове Премудрости — есть небесная Земля, сиречь тварь горняя, вечный прообраз и утешение, и надежда дольной твари» (Иванов 1971–1987/1: 479).

В иконописной традиции София Премудрость Божия, изображенная в виде огненного ангела, обычно отождествляется с Христом, однако в отдельных случаях осмысляется и как воплощение Пречистой Девы (см.: Брюсова 2006: 23–24, 46). В «продолжении» Повести Светомир посещает храмину Симона Хорса в царстве пресвитера Иоанна и видит то же изображение на своде, которое ранее предстало пред Владарем. В диалоге со Светомиром Хорс называет Деву «Пресветлой», однако Светомир отказывается отождествить ее с Богоматерью:

> Всполошился Хорс: «Полно, царевич, почудилось нескладное тебе. Какой тут Сатана? То *венец самой Девы Пресветлой*: Она над планетами сидит и звездами правит. И возрадуется она, когда свет ее, мшелью плененный, в венец единый соберется, имя которому есть Кефер-Малхут. И тот, у кого душа царственная — базилики психи — венцом сияющим увенчан будет, дабы всех достойных светом тем обнять и озарить». Сказал Светомир: «*Дева Пресветлая, сиречь Матерь Божия*, на небе живет завсегда, а по земле ходить изволит. Куда ступит, там и Рай».
>
> Иванов 1971–1987/1: 406

В другой сцене Светомир говорит Симону Магу: «Стрела моя тянется не к печальному венцу, *упавшему к ногам твоей унылой царицы*, а к венцу на голове Премудрости» (Иванов 1971–1987/1: 463). Таким образом, и в «продолжении» Повести образ «светозарной Девы» не получает однозначной трактовки.

[3] *...долу главу преклонила и венец к ногам уронила в созвездие Скорпия...* — Ср. в стихотворении Вл. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...» (1875–1876): «И *бросает она свой алмазный венец*, | Оставляет чертог золотой | И к неверному другу,— нежданный пришлец, | Благодатной стучится рукой» (Соловьев 1974: 62).

[4] *...окрест зодии горние по окаему выведены, со Скорпием купно двенадесять, и над главою Девы Телец.* — Зодии горние — букв.: ‘небесные звезды’, здесь — созвездия, знаки Зодиака. «Светозарная Дева», окруженная двенадцатью знаками Зодиака, напоминает образ апокалиптической жены, облеченной в солнце и имеющей на главе «венец из двенадцати звезд» (см.: Откр. 12: 1), хотя в Откровении Иоанна небесная жена стоит на луне, а «светозарная Дева» сидит на престоле.

[5] *А на скате свода... седми властелей синклит, и над каждым звезда в диадиме его, и на подножиях престолов имена седми планит.* — Семь планет: Солнце, Луна, Меркурий, Марс, Венера, Юпитер, Сатурн.

Синклит (от *греч.* σύγκλητος, букв.: ‘созванный’) — в Древней Греции ареопаг, собрание высших сановников; в Византии — константинопольский сенат.

Фигуры семи властителей соответствуют семи столпам, изображаемым часто на иконах Софии Премудрости Божией в соответствии с текстом Книги Притчей Соломоновых: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь <...>» (Притч. 9: 1).

[6] *...в другой руке батожок золотой держал...* — Батожок — палка.

[7] *Сам же поодаль стал супротив сидящего, прям, и прикоснулся жезлом к одной из курильниц благовонных, округ расставленных, и дыма тонкого облак между ним и гостем повис.* — Сцена напоминает описание языческого моления в Книге Иезекииля: «И вошел я, и вижу, и вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и *всякие идолы дома Израилева, написанные по стенам кругом*. И семьдесят мужей из старейшин дома Израилева стоят перед ними, и Иезания, сын Сафанов, среди них; *и у каждого в руке свое кадило, и густое облако курений возносится кверху*» (Иез. 8: 10–11).

[8] *...будто воочию растет волхв превыше роста человеческого...* — Существительное «волхв» в русском языке имеет две группы значений: ‘мудрец, звездочет, астролог’ и ‘чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник’ (см.: Даль 1880/1: 237). В церковнославянском и русском переводах Евангелия от Матфея (см.: Мф. 2: 1–12) оно встречается в рассказе о трех волхвах, которые пришли поклониться младенцу Иисусу.

[9] *...и ноги его не касаются плит...* — Аллюзия на апокрифы о Симоне Маге, которому приписывалась способность летать по воздуху. По одной из версий, во время спора Симона с ап. Петром в присутствии Нерона маг обратился к императору с просьбой построить высокую деревянную башню, с которой он вознесется на небо. Когда башню воздвигли на Марсовом поле, Симон поднялся на нее и полетел, подхваченный демонами. Однако ап. Петр заклял демонов оставить Симона, после чего маг упал на Священную дорогу (*лат.* Via sacra) и разбился о камни (см.: Жданов 1895: 410–411). Древнерусские апокрифы «Деяния апостолов Петра и Павла» и «Прения Петра апостола с Симоном волхвом» могли привлечь внимание Вяч. Иванова тем, что их события разворачиваются в Риме.

X

[1] *Кефер-Малхут* — «проведенное через адаптацию к церковному греческому произношению наименование двух понятий еврейской мистики: “кетер” — “венец”, “малхут” — “царствие”. В каббалистической системе имена высшей и низшей из десяти “сефирот”. “Кетер малхут” (“Венец царствия”) — заглавие гимна, составленного знаменитым еврейским философом и поэтом Ибн-Гебиролем во II в. и вошедшего в синагогальный обиход. Вячеслав Иванов мог иметь в виду период правления Иоанна III, когда к нему были близки представители так называемой ереси жидовствующих, в которых часто видят локально-русское отражение всеевропейской интеллектуальной моды — христианского каббализма

XV–XVI вв. В дальнейшем Хорс излагает важнейшие инварианты гностической традиции: его образ совмещает в себе многое – от русского фольклорного криптоманихейства, связываемого с богомильскими влияниями, до наиболее “ведовских” аспектов символистского умонастроения» (*Аверинцев С.С.* [Из примечаний к «Повести о Светомире царевиче»] // Иванов 1995а: 663, примеч. 10). О Симоне Хорсе и словосочетании «Кефер-Малхут» см. также: Аверинцев 2002а: 16–17.

Кефер (Кетер) и Малхут вписаны в систему десяти сефирот (ед. ч. сефира), положенную в основание каббалистической теософии. Названия сефирот: Кетер (венец, корона), Хокма (мудрость), Бина (понимание), Хесед (милость), Гебура (могущество), Тиферет (красота), Нецах (вечность или победа), Ход (слава), Иесод (основа), Малхут (царство). В системе каббалистических символов Кетер является высшей из десяти сефирот и символизирует достижение цели. Малхут (царство) же является низшей из сефирот, началом пути. Жизнь человека понимается как дорога от начала (Малхут) к цели (Кефер). Таких дорог в соответствии с каббалой существует две. Первая – путь обычного человека, мирянина, носит название «Путь змеи» (так как если изобразить его схематически на Древе Жизни, то он будет выглядеть извилистым и подобным змее). Простому человеку необходимо пройти через все десять сефирот, чтобы дойти до «венца». Вторая дорога носит название «Путь стрелы». Это кратчайший путь от Малхут к Кефер, и он достижим лишь через полное отречение от себя. Центральные символы Повести (стрела, змея, Древо Жизни) вписаны в систему каббалистических символов.

[2] *Обвел Хорс жезл свой, очи сомкнув, округ головы трижды, словно бы струи, свыше текущие в чаше невиди́мой мешал...* – См. образ чаш, наполненных молитвами, в Апокалипсисе: «И когда он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и *золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых*» (Откр. 5: 8).

[3] ...*Знаменует слово, тебе доверенное, света и силы от всех иерархий и архонтов небесных стечение в единый венец славы и державы земной*. – См. в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Есть речи – значенье...» (1840): «Не встретит ответа | Средь шума мирского | *Из пламя и света* | *Рожденное слово*» (Лермонтов 1954: 144).

Архонты (от *греч.* ’άρχοντες ‘начальники, правители’) – в христианских представлениях духи-миироправители. Гностики рассматривали архонтов как творцов материального мира и установителей нравственного закона.

Словосочетание «венец славы» восходит к Новому Завету: «<...> и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий *венец славы*» (1 Петр. 5: 4).

[4] *Низведен свет Девы Пресветлой долу и по земле рассеялся, и тьма объяла его.* – Перифраз слов из пролога Евангелия от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1: 5). Ср. в статье «Русская идея» (1930): «Божественное ниспосылает свет свой в темное вещество, дабы и оно было проникнуто светом, Логос нисходит, и “свет во тьме светит, и тьма его не объемлет”» (Символ 2008: 122–123. *Пер. с нем. М. Кореневой*). Поскольку Симон Хорс использует пролог Иоаннова Евангелия для изложения гностического мифа о низведении Света в темную материю, слова «тьма не объяла его» заменяются на «тьма объяла его». См. также: Там же: 125. См. также примеч. 5 к V.7.9.

[5] ...*мшелом, сиречь тленным естеством полоненный...* – Мшелом – существительное «мшел» (*церк.*) ‘мзда, корысть’ в творительном падеже (см.: Даль 1881/2: 364). Мшело́имство как греховная страсть к собиранию ненужных вещей фигурирует в «Исповедании грехов повседневных» (вечернее молитвенное правило).

[6] *Собрать желает душа царственная свет рассеянный во единое средоточие и сосуд славы...* – Сближение славы и света характерно для Св. Писания, напр., в описании Небесного Иерусалима: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо *слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец*. Спасенные народы будут ходить *во свете его*, и цари земные принесут в него *славу* и честь свою» (Откр. 21: 23–24).

[7] ...*и землю прозрачну соделает, яко смарагд и сапфир и кристалл непорочный; перстное же и темное да в ничтожество возвратится, к царю тьмы.* – Описание прозрачной земли и драгоценных камней восходит к видению Небесного Иерусалима в Апокалипсисе:

> Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, *подобен чистому стеклу*. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе *сапфир*, третье халкидон, четвертое *смарагд*, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. <...> Улица города – чистое золото, *как прозрачное стекло*.
>
> Откр. 21: 18–21

См. также: Исх. 24: 10; Иез. 1: 26.

Смарагд – изумруд.

[8] *Кефер – земли венец, из премірных лучей созданный; и кто его на главу возложит, над землею воцарится, яко бог*». – Прѣмірный (*ц.-слав.*) – находящийся выше этого мира, горний, небесный. О Кефере см. примеч. 1 к III.10.3; примеч. 2 к IV.15.6.

[9] *Змия ли древнего лестию меня обольщаешь?* – Аллюзия на змея, соблазнившего Еву отведать от Древа познания добра и зла: «Жена сказала: *змей обольстил меня*, и я ела» (Быт. 3: 13. См. также: Быт. 1: 1–5, 13 слл.; 2 Кор. 11: 3). Змий древний – в Апокалипсисе обозначение дракона, в котором воплотился сатана:

> И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, *змия древнего*, который

есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы *не прельщал* уже народы, доколе не окончится тысяча лет <...>.

Откр. 20: 1–3

Лесть — здесь «похвала с корыстною целью; лукавая угодливость», «соблазн» (Даль 1881/2: 249). Обольстить — «обмануть лестью» (Там же: 249).

[10] *Языки неверные кесаря за бога чтили.* — См. в книге Вл. Соловьева «Россия и Вселенская Церковь»: «Бог вочеловечился в лице еврейского Мессии в тот самый момент, когда человек стал богом в лице римского Кесаря. Иисус Христос не нападал на Кесаря и не оспаривал его власти; но он возвестил истину о нем. Он сказал, что Кесарь не Бог и что власть Кесаря вне Царства Божия» (Соловьев 1911: 159–160).

[11] *Верным же заповедано кесарево кесареви воздаяти, Божие Богови.* — Ср.: Мф. 22: 21; Мк. 12: 17.

[12] *Речено сие бысть, егда бе кесарь князь міра сего, во зле лежаща, и царя тьмы образ.* — «Князем міра сего» в Новом Завете именуется диавол (см.: Ин. 12: 31; 14: 30; 16: 11; Еф. 2: 2). Подборку новозаветных цитат о «князе міра сего» Вяч. Иванов дает в докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909) (см.: Символ 2008: 75–76). См. также: V.12.5.

[13] *Светоносный кесарь грядет; и будет: елико кесарева Божия суть, и елико Божия, кесарева.* — Симон Хорс перефразирует евангельское речение, процитированное ранее в Повести Владарем (см.: III.10.11). Если Христос велел: «<...> отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22: 21), то в версии Симона Хорса: «<...> елико кесарева Божия суть, и елико Божия, кесарева» (III.10.12), то есть «то, что кесарево, есть Божие, а то, что Божие, кесарево». См. в книге Вл. Соловьева «Россия и Вселенская Церковь»:

Отдельные евангельские тексты были так обработаны, что из них можно было извлечь все что угодно... Беспрестанно повторяли заповедь: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу», чтобы освятить тем порядок вещей, при котором Кесарю отдавалось все, а Богу — ничего.

Соловьев 1911: 6–7

См. также примеч. 4 к IV.1.6.

[14] *Свет Христов просвещает всех.* — Данная формула, представляющая собой перифраз слов Иоанна Богослова: «Был свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1: 9), произносится во время литургии преждеосвященных даров:

После первой паремии отверзаются царские врата и священнослужащий, обратясь к предстоящим, крестообразно благословляет их светом светильника и благоухающим кадилом, бывшими при уготовлении преждеосвященных даров и изображающими свойства истинной премудрости, произнося: «свет Христов просвещает всех». <...> При свете светильника и курении фимиама — сих знаков жизни святой и блаженной, предстоящии повергаются на землю: ибо сей свет и фимиам истекают от святых страшных таин тела и крови Христовых и представляют Самого Христа.

Дебольский 2008: 302–303

[15] *Идет по нем наследник его и собранное расточит. Коли блуден, любодейцам да пьяницам раздарит...* — Аллюзия на евангельскую притчу о блудном сыне, ср. слова старшего сына своему отцу: «<...> когда этот сын твой, *расточивший имение свое с блудницами*, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лк. 15: 30. См. также: Лк. 15: 13). См. также примеч. 4 к V.10.5.

[16] *...коли свят, нищим раздаст. Нетленное сокровище на земле собирать человеку достоит.* — Владарь перифразирует слова Христа юноше: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, *продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи* и следуй за Мною» (Мф. 19: 21. См. также: Мк. 10: 21; Лк. 18: 22). Слова о «нетленном сокровище», которое следует собирать на земле, можно понять в духе известной притчи о царе на один год из «Повести о Варлааме и Иоасафе»: человек собирает сокровища на земле, чтобы плодами их воспользоваться в Царстве Небесном (см.: Повесть 1999: 370–373).

[17] *...сама Дева Света венец свой на себя наденет и в него вселится...* — По замыслу Вяч. Иванова, известному в изложении С.К. Маковского, который в свою очередь опирался на сообщения О.А. Шор, в конце Повести Светомир должен был перевоплотиться в Царь-Девицу: «Воскрес Серафим-Светомир — в преображенном виде, в образе Царь-Девицы, владыки праведного, умудренного ведением потустороннего мира, и просияло его государствование на очищенной от зла земле...» (Маковский 1955: 307).

Подобный сюжетный ход, задуманный Вяч. Ивановым, вероятно, восходит к учению офитов, известному в изложении св. Иринея Лионского:

<...> Христос, сошедши в этот мир, *сокрылся прежде всего в своей сестре Премудрости*, и оба радовались друг о друге; и это, утверждают они, представляет жениха и невесту. Иисус же, так как был рожден чрез действие Божие от девы, был мудрее, чище и праведнее всех людей; Христос, соединенный с Премудростью, сошел в него и таким образом произошел Иисус Христос.

Ириней Лионский 1900: 106–107.
Пер. П. Преображенского

[18] *...и во образе Белого Царя....* — «Белым царем» в Повести называется государь, который надел «белую схиму», то есть принял монашество (см.: III.13.9, 15).

Выражение «белый царь» появляется в русских текстах в первой редакции «Повести о осьмом соборе» Симеона Суздальского (нач. 1440-х годов), в рассказе о заключении унии между католиками и православными на Соборе во Флоренции и Ферраре в 1439 г. (см.: Трепалов 2007: 32). Симеон пишет о том, что митрополит Исидор вернулся в Москву «к благоверному и христолюбивому и благочестивому, истинно православному великому князю Василию Васильевичю, *белому царю* всея Руси, с великою гордостию и неправдою и буйством латынским <...>» (Павлов 1878: 207). По мнению А.В. Карташова, в «Повести о осьмом соборе» заложена идея о переходе вселенского православного царства из Византии на Русь (см.: Карташев 1928: 147). Называние московского государя «белым царем» наиболее характерно для XVI–XVII вв. Позднее оно стало восприниматься как оценочное, утверждая глубокую религиозность правителя и его готовность постоять за веру христианскую.

В духовном стихе о Голубиной книге Белый царь вознесен «в центр мироздания, Богом установленного порядка», он «стоит выше всех царей в силу своей приверженности истинной вере, являясь ее хранителем и защитником» (Трепалов 2007: 37). Подобная метафизика власти разрабатывалась в начале XX в. С.Н. Булгаковым, одним из наиболее близких Вяч. Иванову мыслителей:

> Именно он (Булгаков. — *Ред.*) рассмотрел фигуру *белого царя* как православную утопию, связав ее с ветхозаветными пророчествами о «кротком царе», входящем в «царственный град», апокалиптическими обетованиями «царствования святых со Христом» и «первого воскресения». *Белый царь* в русском православном сознании — это святой правитель, посредством которого призвано осуществиться Царство Божие на земле — Белое Царство как торжество божественной Софии в конце истории <...> Таким образом, по мнению мыслителя, *Белое царство* и *белый царь* — это феномены грядущей действительности; до тех пор они живут только в представлениях и мечтаниях людей, в умозрительных конструкциях.
>
> Там же: 46

[19] *...Царь-Девица воцарствует над всею землею.* — Царь-Девица — персонаж русских сказок (см.: Афанасьев 1985/2: 182–189, № 232–233). Благодаря стихотворению Я.П. Полонского «Царь-Девица» (1876) образ вошел в литературную традицию. В статье «Поэзия Я.П. Полонского» (1896) Вл. Соловьев оценил образ Царь-Девицы как «женственную Тень Божества» и «личный источник чистой поэзии» (см.: Соловьев 1991: 519, 521). См.: Топорков 2012: 370–374.

[20] *Паучьи тенета плетешь, звездочет...* — В речи Лазаря используется метафора из Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым: «Мнѣ же обаче полезнѣе еже умлъкнути, нежели паучноточная простирати прядениа, аки нити мѣзгиревыхъ тенет пнутати» (рус. пер.: «Мне, однако же, полезнее замолчать, нежели подобно пауку распространять пряжу, сплетать словно нити паутинных тенет» (Епифаний Премудрый 1995: 260–261)). См. в Библии: «Тако убо будутъ послѣдняя всѣхъ забывающихъ Господа: надежда бо нечестиваго погибнетъ: не населенъ бо будетъ домъ его, паучина же сбудется селеніе его» (Иов. 8: 13–14; рус. пер.: «Таковы пути всех забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет; упование его подсечено, и уверенность его — дом паука»); «Яица аспидска разбиша и поставъ паучинный ткутъ <...>» (Ис. 59: 5; рус. пер.: «<...> высиживают змеиные яйца и ткут паутину <...>»). О сравнении земной жизни с паутиной см.: Пиккио 2003: 447–448. См. примеч. 3 к III.7.9.

[21] *...из лучей ризы Божьей...* — См. примеч. 7 к II.11–12.13.

[22] *...мне же не заумное умствовати надлежит, но земле правдовати право.* — См. примеч. 11 к III.3.13.

[23] *В мiр ты послан, о мiрском и пещись.* — Перифразированы слова Нового Завета: «Ибо не *послал Бог Сына Своего в мир*, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3: 17). См. также: Ин. 10: 36; 17: 21, 23; 20: 21; 1 Ин. 4: 9.

[24] *Пастыре же духовные твоего стада пастухи да будут.* — Использовано широко представленное в Библии сравнение царей и судей с пастухами, а их паствы — со стадом овец. Судя по тому, что подданные именуются стадом Владаря, он также является их пастырем, однако это не духовный пастырь, а «пастырь народов» в духе античного понимания образа царя (см.: *Гомер.* Илиада. II.100; XI.187; и др.). Слова «пастух» и «пастырь» Вяч. Иванов соотнесет друг с другом в своих комментариях к Псалтири: «Давид, из *пастуха* овец, стал *пастырем* народа» (Псалтирь 1950: 253, примеч. к псалму 77, стих 71). См. также примеч. 4 к IV.13.9.

[25] *В Царьград Девы венец из Вавилонского древлего царства принесен...* — В древнерусском «Сказании о Вавилонском царстве» рассказывается, что венцы Навуходоносора и его царицы были вынесены из Вавилона и возложены на византийского императора Василия и его жену Александрию (см.: СКК 1989/2/2: 351–352).

[26] *На тебе венец оный воссияет, и имя кефера будет: Третий Рим.* — В Повести упоминаются три Рима: (*1*) «Рим первый» (см.: II.11–12.2, 11; V.1.14), или «Рим языческий» (см.: IV.2.12); (*2*) «Новый Рим» (см.: III.7.11; IV.3.11; IV.8.5), или «второй Рим», — Царьград; (*3*) «Новый Рим» (см.: IV.2.18; IV.3.11), или «Третий Рим» (см.: II.11–12.3; III.10.20), — будущее царство Владаря. При этом первый и второй Рим имеют исторически реальный характер, а «третий Рим» существует только в эсхатологической перспективе. Передача власти от Рима языческого второму Риму христианскому, а от того в свою очередь — Третьему Риму лежит в основе историософской концепции Повести. См.: примеч. 2 к II.11–12.2–3.

[27] ...«*Не ересь учение его, но тайное знание, Церковию сокровенное от внестоящих, яко да не соблазнятся*». — О том, что Церковь скрывает тайное знание от непосвященных, Вяч. Иванов говорил в докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909):

> Судьбы современн<ого> религ<иозного> сознан<ия> тесно связаны с более глубоким постижением доселе открытой церковной истины. Церковь не открыла людям *всей* истины; ее догматика минимальна. Она следовала принци<пу> минимального научения, ибо имела разрешить задачу воспитания человечества. Быть может, доселе открытое уже во многом недостаточно. Не должно, чтобы эквивалент полноты миропостижен<ия> восстановлялся только мыслью языческой. Церковь не должна заграждаться от попыток мистического проникновения в то, что ею же самой некогда был<о> сокрыто.
>
> Символ 2008: 71. Курсив Вяч. Иванова

Уязвимость данного подхода в том, что он может послужить оправданием для различных еретических учений.

[28] *Ладаном сладким капище свое закурил, а дух Христов из молельни выкурил*». — В брюссельском изд. Повести эта фраза звучала: «*Ладаном сладким затвор свой закурил, а дух Христов из него выкурил*». Затвор — здесь: «одинокое жилище отшельника, келья затворника» (Даль 1880/1: 647). Фраза напоминает пословицу и построена по принципу синтаксического параллелизма в сочетании со звуковыми повторами («*ладаном сладким*», «*затвор закурил*») и игрой с однокоренными словами «закурил» и «выкурил».

XI

[1] *Не хляби водные хлынули потопом из бездны разверстой, — собрались орды басурманские во едину орду под началом воителя лютого*... — Ср. библейский рассказ о Всемирном потопе: «<...> въ день той *разверзошася вси источницы бездны, и хляби небесныя отверзошася*: и бысть дождь на землю четыредесять днiй и четыредесять нощей» (Быт. 7: 11—12; рус. пер.: «<...> в сей день *разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились*, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей»). Предложение организовано по принципу отрицательного параллелизма, характерного для фольклора.

[2] ...*отовсюду собираться полкам на Верховое Располье*... — Верховое Располье. — Здесь Вяч. Ивановым имитируется географическое название, не существующее в действительности.

[3] «*Уповаю... на Пресвятую Богородицу, яко стену нерушимую*... — Нерушимая стена — именование Богородицы в литургических текстах, напр.: «<...> Радуйся, Царствия *нерушимая стено*» (Акафист Пресвятой Богородице, икос 12); «Пристанище и предстательство к Тебе прибегающих буди, Дево и *стена нерушимая*, прибежище же и покров и веселие» (Канон молебный к Богородице, песнь 9). Название «Нерушимая стена» утвердилось за мозаичным изображением Богоматери Оранты в киевском Софийском соборе: Богоматерь стоит в полный рост с воздетыми руками на золотом четырехугольном камне. В образе Оранты как хранительницы Киева отмечается преемственность по отношению к античной Афине Палладе, хранительнице города Афины (см.: Аверинцев 2001: 221—250).

XII

[1] ...*благо на восточном краю за степью еще не чернелась саранча адова*. — Вражеское войско характеризуется с помощью образа Апокалипсиса:

> И из дыма *вышла саранча на землю*, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. <...> *По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну*; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион.
>
> Откр. 9: 3, 7—11

К этому фрагменту Вяч. Иванов дает комментарий:

> При звуке пятой трубы некий дух, упавший звездою на землю, отмыкает кладезь ада, и из него воздымается, помрачая небо, туча саранчи, но не такой, какая некогда опустошила поля Египта (Исх. 10: 14): этой дано не злаки губить, но язвить как бы скорпионьими укусами людей, не имеющих на челе печати Божией, и, не убивая, доводить их до пределов отчаяния. Эта саранча — демонское полчище мучителей, напоминающих по виду одновременно вооруженных воинов и баснословных гарпий, а ведет полки ангел тьмы, чье имя Бездна и Губитель. Не таково ли будет по всей земле состояние умов, окончательно отступивших от Бога и отчаявшихся.
>
> Деяния 1946: 476

Сравнение татарского войска с нашествием саранчи («аки прузи») встречается в Новгородской первой летописи (см.: ПСРЛ 2000: 288–289). См. также в стихотворении Вл. Соловьева «Панмонголизм» (1894): «Как саранча, неисчислимы | И ненасытны, как она, | Нездешней силою хранимы, | Идут на север племена» (Соловьев 1974: 104).

XIII

[1] *...ехал Владаръ один об-он-пол реки, по степному плоскому берегу, а за нашим, крутым, заря догорала.* – Описание реки и перехода через нее играют важную роль в цикле повестей о Куликовской битве. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», дойдя до Дона, князь Дмитрий Иванович решил посоветоваться, стоит ли войску остаться на этом берегу реки или перейти на другой. Братья Ольгердовичи настаивали на том, чтобы перейти на другую сторону, так как в этом случае у войска не будет возможности отступления, и оно станет биться насмерть. Князь Дмитрий Иванович последовал их совету (см.: Шамбинаго 1906: 57 (2-я паг.)).

[2] *И видит на вечернем зареве двух всадников богатырских в забралах под схимами; и спустились всадники с кручи до самой воды.* – Аллюзия на Книгу пророка Даниила:

> Тогда я, Даниил, посмотрел, и вот, *стоят двое других, один на этом берегу реки, другой на том берегу реки.* И один сказал мужу в льняной одежде, который стоял над водами реки: «когда будет конец этих чудных происшествий?» И слышал я, как муж в льняной одежде, находившийся над водами реки, подняв правую и левую руку к небу, клялся Живущим вовеки, что к концу времени и времен и полувремени, и по совершенном низложении силы народа святого, все это совершится.
>
> Дан. 12: 5–7

[3] *И возгласил схимник старшой: «Единому Богу во Святей Троице слава!»* – См. примеч. 1 к V.1.1.

[4] *...аще сам станеши во крест жив.* – Символическое сближение Владаря с крестом; см. также: примеч. 3 к II.20.3; примеч. 7 к IV.1.12.

[5] *Сия бо есть Белого Царя тайна: белая поверх венца схима. Такого венца взыщи.* – Речь идет об упразднении «царства» и подчинении его «Церкви». О несовершенстве и даже опасности такого подхода Вяч. Иванов писал в статье «Русская идея» (1930):

> Достоевский, надо сказать, страшился этого слишком уж тесного союза духовного и мирского, который легко мог выродиться в «цезарепапизм»; он видел здесь опасность соблазна папоцезаризма, в который, как ему казалось, впал Рим, и он учил, что Россия призвана добиться всемерного и всестороннего расширения своей политической власти, дабы затем всю свою мощь употребить на свершение предначертанного ей духовного подвига, каковой возложит она на чашу весов мировой истории, чтобы потом уже навсегда отказаться от любых государственных форм и уступить место церкви, которая изначально не подвластна никакому внешнему принуждению.
>
> Символ 2008: 107.
> *Пер. с нем. М. Кореневой*

[6] *Сие же и силы Егорьевой исполнение, и Христова на земле царства зачало.* – Аллюзия на слова Апокалипсиса: «И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: *царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков*» (Откр. 11: 15). Эту цитату Вяч. Иванов приводит в своем докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909) (см.: Символ 2008: 76).

[7] *...лицо епанчою покрыл...* – Епанча – широкий безрукавный плащ, бурка (см.: Даль 1880/1: 520).

[8] *...«Вем, отцы, яко Христос с нищею братиею по міру скитается...* – В Новом Завете Христос выступает как мессия бедняков и сам не имеет имущества. Он говорит, что тот, кто поит жаждущего и голодного странника, одевает нагого и посещает в темнице больного, оказывает услугу Ему Самому (см.: Мф. 25: 31–46). По словам апостола Павла, «Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор. 8: 9). См. также: Флп 2: 7.

[9] *...и мір его не прият.* – Парафраз слов апостола Иоанна: «<...> въ мірѣ бѣ, и міръ тѣмъ бысть, и *міръ его не позна*: во своя пріиде, и *свои его не пріяша*» (Ин. 1: 10–11; рус. пер.: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и *мир Его не познал*. Пришел к своим, и *свои Его не приняли*»). См. в докладе Вяч. Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» (1909): «Пришел в мір, и мір Его не узнал» (Символ 2008: 75).

[10] *Но не довлеет к тому дыхание жизни моея и воскриление духа моего...* – Словосочетание «дыхание жизни» восходит к русскому переводу Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его *дыхание жизни*, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7); «*Дыхание жизни* нашей, помазанник Господень пойман в ямы их <...>» (Плач. 4: 20).

[11] *...во еже царство преложити в Церковь...* – Фраза «царство преложити в Церковь» восходит к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». См., напр., слова отца Паисия: «По русскому же пониманию и упованию, надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, *государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь*

церковью и ничем иным более. Сие и бу́ди, бу́ди!» (Достоевский 1972–1990/14: 58). См. также реплику Ивана Карамазова:

> Христова же церковь, вступив в государство, без сомнения, не могла уступить ничего из своих основ, от того камня, на котором стояла она, и могла лишь преследовать не иначе как свои цели, раз твердо поставленные и указанные ей самим Господом, между прочим: *обратить весь мир, а стало быть и все древнее языческое государство, в церковь.*
>
> Там же: 57–58

Вяч. Иванов комментирует приведенные фрагменты в книге «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» (1932):

> Итак, по мнению монахов из окружения Зосимы, русское государство всецело должно само «сподобиться» стать Церковью, ей же одной дано «владычествовать» на земле. <...> Монахи <...> «компромиссы» и «сделки» начисто отвергают, наличным при переходе государства в Церковь властителям не обещают ровно ничего и о формах грядущей теократии безмолвствуют столь же упорно, сколь твердо и ясно высказываются о ее духе.
>
> Иванов 1971–1987/4: 581

[12] *...и расщеплено древо составити цело.* – Ср. в «Чистилище» Данте: «Рим, давший миру наилучший строй, | Имел два солнца, так что видно было, | Где божий путь лежит и где мирской. | Потом одно другое погасило; | *Меч слился с посохом*, и вышло так, | Что это их, конечно, развратило <...>» (Чистилище. XVI. 106–111. *Пер. М. Лозинского*).

[13] *Недоразумеваю тайны сея, юже глаголеши Белого Царя тайну быти*: *како от міра отрекшийся міръ управити может?* – Имеются в виду слова, сказанные Иисусом Пилату: «Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18: 36). См. также у Вл. Соловьева:

> Словами «Царство мое не от мира сего» пытались оправдать и поддержать языческий характер нашей общественной и политической жизни, словно христианское общество роковым образом должно было входить в состав этого мира, а не царства Христа.
>
> Соловьев 1911: 7

[14] *...унее ми невегласу быти, нежели вождю ведому.* – Унее (*церк.*) 'лучше'.

[15] *Аще бых вас послушал, путьми безвестными блуждал бых слепо, сноброду подобен; не след мне таковое пытати.* – Ср. Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому: «Како же сего не моглъ еси разсудити, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безсловесно смирятися? <...> Нигдѣ же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от поповъ владому» (рус. пер.: «Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? <...> Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами» (Переписка 1993: 18, 20, 128, 130)).

[16] *...аз же Егорьева стада волк есмь...* – Фраза перекликается с эпизодом из оперы Р. Вагнера «Валькирия» («Die Walküre», музыка – 1856). Зигфрид отвечает на расспросы Хундинга: «Ein Wölfing kündet dir das, | den als "Wölfling" mancher wohl kennt» («Волчонка видишь ты здесь, | а Волчонка знают враги!» – Валькирия. Акт 1, сцена 2. *Пер. В.П. Коломийцова*). Вагнер, в свою очередь, опирался на «Сагу о Вёльсунгах» и «Речи Фафнира» из «Старшей Эдды». В «Саге о Вёльсунгах» сын Сигмунда Сигурд в ответ на вопрос смертельно раненного им дракона Фафни о том, кто он и какого он рода, отвечает: «Bregðr þú mér <...> En þótt ek *væra hernuminn*, þá var ek þó eigiheptr, ok þat fanntu, at ek var lauss» (Völsunga saga ok Ragnars saga lóðbókar / Udg. M. Olsen. Kobenhavn, 1906–1908. S. 42; пер.: «Род мой никому неведом <...> зовут меня *дерзким зверем*, нет у меня ни отца, ни матери, и пришел я сюда один» (Петерсон – Балобанова 1896: 94)). Перевод дан по изд. «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов» (см.: Петерсон – Балобанова 1896), которое имелось в московской библиотеке Вяч. Иванова (см.: Обатнин 2002: 304, № 887). Подробнее см.: Топорков 2012: 227–228.

[17] *...и со мною вождь волчий».* – Автоцитата из «Зимних сонетов» (1920): «Близ мест, где челн души с безвестных взморий | Причалил и судьбам я вверен был, | *Стоит на страже волчий вождь, Егорий*» (Иванов 1995/2: 136). См. также изложение поверий о св. Георгии у А.Н. Афанасьева: «Предания о мифических, облачных волках, сопутствующих бога-громовника во время его грозного шествия по небу, заставили *признать св. Юрия вождем и владыкою волков* <...>» (Афанасьев 1865/1: 709).

Образ Егория-волчьего пастыря разрабатывался в произведениях многих писателей первой трети XX в., в частности, в апокрифе А.М. Ремизова «Отчего нечистый без пят и о сотворении волка. Слово Егория волчьего пастыря Николе Угоднику» (1906) и его сказке «Пес-богатырь» (1923), в стихотворении А.Н. Толстого «Егорий – волчий пастырь» (1908) и его рассказе под тем же названием (1912), в стихотворении С.А. Есенина «Егорий» (1914), поэме М.И. Цветаевой «Егорушка» (1921–1928). См.: Топорков 2013.

XIV

[1] *...своя-де каждому воля, своя и доля.* — Слова «воля» и «доля» часто рифмуются в русских пословицах: «Там своя воля, а тут своя доля», «Ваша воля, наша доля!», «Ваша воля, а и нам есть доля» (Даль 1880/1: 464).

[2] *...и где жилья были, дымились пожарища смрадные да тел груды тлели; и валялась по придорожью волчья сыть.* — Сыть — пища, еда: напр., в былине об Илье Муромце и Соловье Разбойнике богатырь говорит своему коню, испугавшемуся свиста Соловья Разбойника: «А ты, *волчья сыть*, травеной мешок!» (Кирша 1977: 186).

Описание неубранных трупов, достающихся птицам и зверям, — характерный топос древнерусской воинской повести (см.: Орлов 1902: 5). См. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, никим брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разътерзаемо» (БЛДР 1997/5: 150). Древнерусские авторы видели в данных сценах сбывшееся «пророческое слово»: «И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их» (Втор. 28: 26).

[3] *...сколько их тягунами в степные приволья утекло!* — Утекать — здесь: «убегать, скрываться»; утечь тягунами, вероятно, то же, что задать тягуна — «бежать, дать тягу» (Даль 1882/4: 454, 519).

[4] *И напилось то поле крови басурманской...* — Образ восходит к Библии: напр., Господь говорит Каину: «<...> ныне проклят ты от земли, *которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего* от руки твоей <...>» (Быт. 4: 11). См. в Книге пророка Исаии: «И буйволы падут с ними и тельцы вместе с волами, и *упьется земля их кровью*, и прах их утучнеет от тука» (Ис. 34: 7). См. также в «Задонщине»: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а *кровью их земля пролита бысть*» (Памятники 1981: 102). См. также примеч. 8 к I.2.4.

[5] *И прослыло то поле после битвы оной... Волчьим Полем.* — Словосочетание «Волчье Поле» перекликается с эпизодом легенды «Гордый богач» из сборника А.Н. Афанасьева. Разбойники поймали пана, раздели и избили его. После этого атаман приказал грабителям: «<...> отведите его в *Волчью долину* и привяжите там к дереву; нам он больше не нужен, а *волкам пригодится*: лакомой будет кусок на завтрак» (Афанасьев 1922/2: 548).

XV

[1] *...врага дразнить не хотел бранным на юру скопищем...* — На юру — на открытом месте.

[2] *...за ратным новиков обучением у хорунжих опытных...* — Хорунжий — в XIX в. «прапорщик, корнет казачьих войск»; стар. «кто носит военную хоругвь, знаменщик» (Даль 1882/4: 562). Здесь слово употреблено скорее со значением, характерным для XIX в.

[3] *...под чужой кров входил ночевать оглядаючись...* — Аллюзия на слова Христа (см.: Мф. 20: 8) и их переложение в стихотворении И.А. Бунина «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» (1922):

> У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
> Как бьется сердце, горестно и громко,
> Когда *вхожу*, крестясь, в *чужой*, *наемный дом*
> С своей уж ветхою котомкой!
>
> Бунин 1967: 12

[4] *...озрелся Владарь во все концы, как орел с поднебесья...* — Ср. в стихотворении А.С. Пушкина «Кавказ» (1829):

> Кавказ подо мною. Один в вышине
> Стою над снегами у края стремнины;
> *Орел, с отдаленной поднявшись вершины,*
> *Парит неподвижно со мной наравне.*
> Отселе *я вижу* потоков рожденье
> И первое грозных обвалов движенье.
>
> Пушкин 1977–1979/3: 131

[5] *...стал в поле поджидать хмельных гостей с чужого пира веселого.* — Образ пира-битвы характерен для древнерусских воинских повестей. Напр., в «Сказании о Мамаевом побоище» князь Дмитрий Иванович, наблюдая ход сражения, произносит: «Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, предніи уже испиша и весели быша и уснуша» (Шамбинаго 1906: 65 (2-я паг.)). См. примеч. 2 к II.21.3.

Стратегия Владаря в его войне «повторяет стратегию Кутузова» (см.: Венцлова 1988: 41).

[6] *...и целых два царства ордынских в трехлетие завоевал.* — Если соотнести это с исторической реальностью, то речь может идти о падении Казанского и Астраханского ханств (в 1552 и 1556 гг. соответственно).

XVI

[1] *...отроча тихорадный сидит в темно-лазоревом кафтанчике, серебряными звездочками усеянном.* — Ср. описания Егория в духовном стихе, напр.:

Оставалося чадо милое
Молодой Егорей-свет храбрый:
По локоть у него руки в красном золоте,
По колени ноги в чистом сéребре,
И во лбу-то солнце, в тылу-то месяц,
По косицам звезды перехожия.

Варенцов 1860: 95

Подробнее см.: Топорков 2012: 367–374.

[2] ...«*А и зелен дуб, уж кàк зелен да густ, ветру насквозь не пролезть. А в дубу том солнышко спрятано*». – Слова Светомира можно рассматривать как своеобразную загадку: солнышко, спрятанное в дубе, означает золотую стрелу Егория, хранящуюся в кресте, который вырезан из дуба.

[3] *Вынул из-за ворота Владарь на солнце червонный наперсный крест и говорит*: «*Глянь, какой блеск ясный*!» – Аллюзия на именование Христа солнцем или солнцем праведным: ср. в утренней службе в среду четвертой седмицы по Пасхе (песнь четвертая, ирмос): «Вознесена тя видевши церковь на кресте, солнце праведное <...>» (Триодь 2002: 114).

[4] *И опять засмеялся*: «*Обернись, тятя, серым волком, вези меня в тридесятое царство*». *Вскочил на мягкие шелка босыми ножонками и на отца полез*; *а тот его на плечи себе посадил, и ну с ним по горнице бегать. Радуется дитятко, кричит*: «*Глебушка, выходи*! *Полно тебе из-за двери высматривать. Подивуйся, как Иван-царевич на сером волке ездит*». – Светомир и Владарь разыгрывают эпизод из сказки об Иване-царевиче и сером волке (см.: СУС 550). В сказке из сборника А.Н. Афанасьева (см.: Афанасьев 1984/1: 331–349, № 168) сцена езды Ивана-царевича на волке повторяется неоднократно, напр.: «Серый волк говорит Ивану-царевичу: “Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?”» (Афанасьев 1984/1: 332); «Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела <...>» (Афанасьев 1984/1: 333). А.Н. Афанасьев отмечал широкую известность этого сказочного сюжета: «Почти у всех индоевропейских народов известна сказка о сером волке, который с быстротою ветра носит царевича в отдаленные страны и помогает ему добыть жар-птицу, золотогривого коня и красавицу невесту <...>» (Афанасьев 1865/1: 738). См. также: IV.15.12.

[5] *А Светомир ему*: «*Давай, Глеб, на дуб полезем*!» *И встать отцу на плечи ножками совсем было изловчился*... – Светомир видит некоторых людей как деревья (см.: III.16.18; IV.1.20). Эта особенность его восприятия находит свое объяснение в Евангелии. В сцене исцеления слепого Христос, плюнув больному в глаза и возложив на него руки, спросил, что он видит. Тот ответил сначала: «*Вижу проходящих людей, как деревья*» (Мк. 8: 24). Тогда Христос снова возложил руки на незрячего, и тот стал видеть ясно. Этот эпизод Вяч. Иванов обыграл в статье «Заветы символизма» (1910): «Символизм еще созерцает символы в раздельности случайно выявленных и как бы вырванных из связи целого соответствий; он еще не прозрел до конца и “*видит проходящих людей как деревья*”» (Иванов 1971–1987/2: 601).

См. также в Песни Песней: «Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда <...>» (Песн. 7: 8–9). В Псалтири праведник уподобляется дереву: «И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет <...>» (Пс. 1: 3. См. также: Иер. 17: 8). В Повести встречается также отождествление Древа Жизни, растущего среди рая, и Пречистой Девы (см.: II.6.5). Таким образом, неожиданное поведение Светомира ориентировано на сакральные образцы.

[6] ...*я тебя в сапожкѝ сафьяновые обую, в малиновые*». – Сапожки красного цвета – атрибут Богородицы: напр., Н.В. Покровский приводит описание миниатюры из латинской Библии 1378–1394 гг.: «Богоматерь в синих одеждах и *красных сапожках* сидит на троне с веретеном в руке; перед ней стоит архангел с жезлом и благословляющим жестом» (Покровский 2001: 123).

XVII

[1] *Стали на молитву все четверо перед большою иконою Покрова Богородицы*; *но не успел Владарь и Трисвятое дочитать, как вскочил Светомир и ко образу подбежал и за плат Царицы Небесной ручонками уцепиться норовил. Обняла ребенка мать и подле него на колени стала, а он под ее покрывало голову спрятал и сестру кличет*: «*Сюда иди, Зорька*!» *И покрыла детей своим убрусом Отрада*. – На иконе «Покров Богородицы» изображена сцена из Жития Андрея Юродивого: последний видит в храме Богородицу, которая простерла над верующими свой омофор, оставаясь невидимой для всех, кроме Андрея.

Возможный литературный источник данной сцены Повести – эпизод из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», относящийся к детству Алеши:

> <...> он запомнил <...> в комнате, в углу, образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую, как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, *протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице* <...>.
>
> Достоевский 1972–1990/14: 18

Вяч. Иванов приводит эту цитату в своей статье «Лик и личины России» (1916) (см.: Иванов 1917: 139) и в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) (см.: Иванов 1971—1987/4: 574).

В католической иконографии православному типу «Покров Богородицы» соответствует тип «Madonna Misericordia» (Милующая): Мадонна держит свой плащ над коленопреклоненными праведниками, защищая их от Божьего гнева. В Повести Светомир пытается войти в православную икону «Покров Богородицы», воспринимая ее как трехмерную реальность, а Отрада укрывает его, тем самым воплощая в жизнь сюжет католической «Madonna Misericordia». Можно предположить, что Вяч. Иванов таким образом хотел подчеркнуть тематическое сходство двух иконографических типов, известных в искусстве православного и католического мира.

[2] *...а в церкви за службою, как отворили царские врата, нашел на Светомира столбняк.* — Из текста ясно, что Светомира посетило видение, но о его содержании читатель должен догадаться самостоятельно. Подсказку находим в жизнеописании Серафима Саровского, который также «удостаивался различных видений. Так, он видел ангелов, сослужащих и поющих во время богослужений. <...> При этом обыкновенно о. Серафим изменялся в лице, которое то светлело, то бледнело, то покрывалось румянцем...» (Чичагов 2009: 63). Сохранилось подробное описание одного из таких видений (см.: Там же: 63—64):

> Весьма важно для нас, что видение это совпало со входом священнослужителей в алтарь, когда он изображает шествие их как бы в самое небо и священник просит Господа: «Сотвори со входом нашим входу св. ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благость». Это видение показало, что мы не напрасно веруем, что силы небесные с нами невидимо служат во время литургии.
>
> Чичагов 2009: 64

[3] *...но окоснелым его увидел и бесчувственным; омертвел лик его, будто восковым стал, и очи, широко раскрытые, остеклели.* — В Повести не сообщается, что именно увидел Светомир, когда во время службы в церкви открылись царские врата. По мнению Е.А. Тахо-Годи, эпизод перекликается с поэмой Вл. Соловьева «Три свидания». Имеется в виду

> <...> описание «первого свидания», когда во время церковной службы в праздник Вознесения открывается алтарь, распахиваются Царские врата и девятилетний отрок перестает слышать и видеть все вокруг: священника, дьякона, молящихся людей. Он потрясен видением Софии, а окружающие мнят его странным — если не юродом, так глупцом:
>
> Алтарь открыт... Но где ж священник, дьякон?
> И где толпа молящихся людей?
> Страстей поток, — бесследно вдруг иссяк он.
> Лазурь кругом, лазурь в душе моей.
> Пронизана лазурью золотистой,
> В руке держа цветок нездешних стран,
> Стояла ты с улыбкою лучистой,
> Кивнула мне и скрылася в туман.
>
> Тахо-Годи 2015: 42

Другую интепретацию подсказывает сопоставление с духовным стихом: накануне Дмитровской субботы, установленной в память о погибших на Куликовом поле, князь Дмитрий Иванович стоит за обедней в Успенском соборе; его посещает видение, в котором сама Богородица служит панихиду по убиенным в сражении:

> Перед самой то было достойной,
> Перестал Димитрей князь молиться;
> Ко столбу князь прислонился,
> *Умом князь Димитрей изумился;*
> *Открылись душевныя его очи,*
> *Видит он дивное виденье*:
> Не горят свечи перед иконами,
> Не слышит он пения святого,
> А видит он чистое поле,
> То ли чистое поле Куликово.
> Изустлано поле мертвыми телами,
> Христианами да татарами:
> Христиане-то, как свечки, теплятся,
> А татары-то, как смола черна.
> По тому ли полю Куликову
> Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,
> А за ней апостоли Господни,
> Архангели-ангели святыи
> Со светлыми со свещами,
> Отпевают они мощи православных,
> Кадит на них сама мать Пресвятая Богородица,
> И венцы с небес на них сходят.
>
> Ляцкий 1912: 12

Ср. упоминание панихиды «<...> по воинам, на Волчьем Поле живот свой положившим <...>» (III.17.7). См. также: примеч. 4 к III.17.7; примеч. 5 к III.17.8.

[4] *...и спина, как у всех молящихся, вперед принагнулась, как бы в благоговейном неком послушании, будто за свечой потянулась и уж не рука свечку держит, а сия ведет за руку человека к престолу Божию.* — Вяч. Иванов неоднократно высказывался об особой благодатности православного богослужения и роли в нем свечей. См. в его письме к сыну Димитрию от 12 марта 1927 г.:

> <...> быть может, это тяжелое чувство покажется совершенно легким в сравнении с будущим чувством отделенности, когда ты, Дима, в России, верующий среди верующих, окажешься одиноким и не будешь знать, куда тебе пойти, *когда во всех церквах будут гореть свечи в руках молящихся, и лица людей будут светиться светлее свеч от присутствия в них Божьей благодати.* Ибо она изобилует в православии (несмотря на схизму, что бы ни говорили враги православия и не знающие его), и восточная служба не только внешне (как ты пишешь) прекраснее западной, но и духовно светозарнее.
>
> Символ 2008: 540

См. также в статье «Русская идея» (1930):

> <...> русская же душа испытывает гораздо более глубокое волнение в тот момент, когда отступает суровая зима и под колокольный звон, что неожиданно разрывает полуночную тишину, словно пробивается из кромешной тьмы белый луч, и *тысячи свечей в руках тех, что славят победу над смертью, возвещают Новый Иерусалим, дарующий свет земле,* пребывающей во мраке.
>
> Символ 2008: 123.
> *Пер. с нем. М. Кореневой*

Данный фрагмент является парафразой стихотворения Вяч. Иванова «Пасхальные свечи» из сборника «Cor Ardens» (см.: Иванов 1971—1987/2: 565—566). См. также в стихотворении «Милы сретенские свечи...» из «Римского дневника 1944 года»: «Здесь креста поднять на плечи | Так покорно не умеют, | Как пред Богом наши свечи | На востоке пламенеют» (Иванов 1995/2: 152).

[5] *А Светомирова свеча будто всех ведет.* — Ср. слова Христа: «Вы — свет мира. <...> Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 14, 16).

[6] *Явно, что на Светомировом челне ангел Господень у кормила стоит. А куда кораблику плыть, как ни гадай, не догадаешься.* — Ср. в Книге Премудрости Соломона: «<...> промысл Твой, Отец, управляет кораблем, ибо Ты дал и путь в море и безопасную стезю в волнах <...>» (Прем. 14: 3). Метафорическое использование образа корабля встречается в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (см.: Памятники 1994: 596, 614), а также в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым (см.: Епифаний Премудрый 1995: 242, 243).

[7] *А жизнь, наша ли, его ли, путей извилинами Лавиринфу по<до>бна.* — На протяжении всего творческого пути образ лабиринта был для Вяч. Иванова одной из главных метафор человеческого сознания (см.: Обатнин 2000: 7—8).

Книга ЧЕТВЕРТАЯ

I

[1] *Царевал Владарь в силе и славе, как солнце на небе, к притину текущее над отребьем черных туч.* — Сравнение князя с солнцем — общее место древнерусской литературы; ср., напр., в «Слове о полку Игореве»: «Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли» (Историческая песнь 1995: 45). В былинах солнцем именуется князь Владимир, напр.: «<...> А и ласково со<л>нцо, ты Владимер-князь!» (Кирша 1977: 56. См. также: Там же: 61, 106). См. также примеч. 15 к I.16.18.

Притин — предел движения или точка стояния чего-нибудь; здесь: ‘высшая полуденная точка стояния солнца’ (см.: Даль 1882/3: 452). Текущее — здесь: причастие со значением ‘стремящееся, плывущее’. Отребье — здесь обозначает ‘негодные остатки’ (см.: Даль 1881/2: 750); в современном русском языке слово имеет другое значение: ‘сволочь, подонок (о человеке)’.

[2] *Я ли тебе не советчица уветливая?*» — Аллюзия на Книгу Премудрости Соломона. Соломон называл советницей Мудрость, которую он выбрал себе в невесты еще в юности: «Посему я рассудил принять ее в сожитие с собою, зная, что она будет мне *советницею* на доброе и утешеньем в заботах и печали» (Прем. 8: 9). Увѣтливый — тот, «кто умеет убеждать, склоняя к добру» (Даль 1882/4: 464); от существительного увѣтъ (*ст.-слав.*) — ‘утешение’ (см.: Благова — Цейтлин 1999: 724).

[3] ...«*Какая ты мне советчица? Разве совесть советчицей бывает?* — Аллюзия на пословицу: «Совесть верный советник» (Даль 1882/4: 258). См. в жизнеописании Серафима Саровского слова о том, что старец «старался возбудить голос *совести советами* <...>» (Чичагов 2009: 182).

[4] *...как сподручнее кесарю у Бога оттягать добро Божие: мое, дескать, добро сие, сиречь кесарево, а Тебе и Своего богачества довольно.* — Парафраз слов Христа: «<...> воздадите убо кесарева кесареви, и Божія богови» (Мф. 22: 21). См. примеч. 10, 11 к III.10.11 и примеч. 12, 13 к III.10.12.

[5] ...«*Учися, рабе, оправданием Господним, во еже земли судити и правдовати пра-*

во». — Парафраз слов Псалтири: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим» (Пс. 118: 12; рус. пер.: «Благословен Ты, Господи! научи меня уставам Твоим»). Отрада повторяет с некоторым изменением слова из «рукописания» Гориславы (см.: III.3.10–13).

[6] ...«*Легко слово молвится*: *исполни*; *да не так дело делается*. — Парафраз сказочной формулы: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» (см.: Даль 1904).

[7] ...*сам стань во крест жив*. — См. примеч. 4 к III.13.8.

[8] ...*зато я власти крест на могутные плечи взвалил, да невмоготу иным часом бере́мя*. — Парафраз слов Христа: «<...> если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и *возьми крест свой*, и следуй за Мною <...>» (Мф. 16: 24). См. также: Мф. 10: 38; Мк. 8: 34; 10: 21; Лк. 9: 23; Ин. 19: 17.

Для поэзии Вяч. Иванова характерен мотив самоотождествления с Христом, несущим свой крест на Голгофу, напр.:

О, крест земли! О, крест небес!
И каждый миг — «прости»!
И вздохи гор, и долго — лес,
И долго — крест нести!

La selva oscura //
Иванов 1971–1987/1: 520–521

Незримый крест
Воспоминаний злых и поздних сожалений,
Надменной юности беспечных преступлений,
Мой тяжкий крест влача, —
то был мой горький сон, —
Язвим раскаяньем и сердцем сокрушен,
Тропой обрывистой наверх Голгофы новой
Я шел. <...>

Eritis sicut dei //
Иванов 1971–1987/1: 571

Бере́мя — «бремя, тяжесть, ноша» (Даль 1880/1: 83).

[9] *Власть бо воистину крест есть, за все, что ни деется на свете зла, несомый*». — В этих словах обобщены размышления Вяч. Иванова о противоречивом восприятии верховной власти в России. См. в статье «Русская идея» (1930):

Что означает сей мистический союз, в котором сочетаются нищета и державное величие? Не просвечивает ли нечто третье сквозь эту бедность, обряженную во власяницу, — некий «тайный светоч», который пробивается и сквозь пурпурную мантию? Именно так считали славянофилы, но и «земля», время от времени заявлявшая о себе в торжественных декларациях, придерживалась мнения, что бремя правления *должно быть возложено народом и Церковью на царя, дабы он один ответствовал перед Богом за то, что подымал меч*: *так переносит община свою политическую волю на помазанника, владыку Империи, а мир и смирение оставляет себе*.

Символ 2008: 112–113.
Пер. с нем. М. Кореневой

Владарь осмысляет власть как тяжкий крест, вместе с которым он взял на себя ответственность за грехи своих подданных. Ср. слова Иоанна Крестителя: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот *Агнец Божий*, *Который берет на Себя грех мира*» (Ин. 1: 29); высказывание апостола Павла: «*Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо*, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Петр. 2: 24); см. также: Ис. 53: 6. См. также примеч. 8 к I.14.5; примеч. 5 к IV.14.15.

[10] *Не уразумевал дух твой*, *что легкое иго венец посхимненный*... — Имеются в виду слова Христа: «Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы: возмите иго мое на себе и научитеся от мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душа́мъ вашымъ: *иго бо мое благо*, *и бремя мое легко есть*» (Мф. 11: 28–30; рус. пер.: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо *иго Мое благо, и бремя Мое легко*»). Данный евангельский текст читается настоятелем в последованиях малой схимы и великого ангельского образа (см.: Требник 2003: 57, 130). Фрагмент цитируется в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым (см.: Епифаний Премудрый 1995: 72). См. в «Автобиографическом письме» (1917) Вяч. Иванова:

Мне было семь лет, когда мать велела мне читать по утрам акафисты; ежедневно прочитывали мы вместе по главе из Евангелия. Толковать евангельские слова мать считала безвкусным, но подчас мы спорили о том, какое место красивее. Так, мать особенно любила 12-ую главу от Матфея с приведенным в ней пророчеством Исаии («трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит»), а меня еще властительнее пленял конец 11-ой главы, *где говорится о «легком иге»*. С той поры я полюбил Христа на всю жизнь.

Иванов 1971–1987/2: 12

См. также в стихотворении Вяч. Иванова «Милость мира» (опубл. 1903): «Нет, Ты народа моего, | О, Сеятель, уж не покинешь! | Ты богоносца не отринешь: | Он *хочет ига Твоего*!» (Иванов 1995/1: 93, № 22).

[11] ...*понеже не ты под схимою правиши корабль царства, но за тобою стоящий сильный ангел Божий*... — Образы царства-корабля и царя-кормчего встречаются в «Пире» Данте:

> На корабле каждый исполнитель занят собственным делом в пределах поставленной ему цели, но там существует одно лицо, которое учитывает все отдельные цели и распоряжается ими, имея в виду конечную цель; это и есть кормчий, голосу которого все должны повиноваться. <...> Из чего явствует, что для совершенства вселенского союза человеческого рода должен быть как бы единый кормчий <...> Такой высокий долг называется не иначе как Империей <...> Тот же, кто поставлен выполнять эту обязанность, именуется Императором <...>.
>
> Данте 1968: 209. *Пер. А.Г. Габричевского*

См. также: Там же: 211. Метафора корабля характерна для поэзии Данте и восходит к латинской поэзии (см.: Там же: 527—528).

[12] ...«*Посылает Бог в мiр делателей на подвиг свободный, и, дабы в свободе послушествовал Пославшему его, на распутье приводит*. — Имеется в виду учение о «двух путях», которое определяло нравственное поведение людей в эпоху иудаизма (см.: Словарь 1990: 957). См. в Псалтири: «Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» (Пс. 1: 6). В своем комментарии к первому псалму Вяч. Иванов отмечал: «Псалом изображает два пути и исход обоих: путь добрых (1—3); путь нечестивых (4—6)» (Псалтирь 1950: 2, примеч. 1); «<...> *путь грешных*: слово “путь” в библейском языке часто значит образ жизни, “поведение”» (Там же: 3, примеч. 1). Можно также увидеть здесь аллюзию на картину В.М. Васнецова «Витязь на распутье» (1882) и на соответствующие ситуации в былинах и сказках.

[13] *Верховое Располье тебе распутьем было*... — Противопоставление двух путей, возможно, восходит к словам Христа: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен *путь, ведущие в погибель*, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок *путь, ведущие в жизнь*, и немногие находят их» (Мф. 7: 13). Ср. также слова ангела Уриила, явившегося пророку Ездре: «<...> три пути послан я показать тебе <...>» (3 Езд. 4: 3).

[14] ...*там ангел молнией озарил пред тобою путь и путь*. — См. образ ангела в Евангелии от Матфея: «<...> *вид его был, как молния*, и одежда его бела, как снег <...>» (Мф. 28: 3). См. также примеч. 15 к III.3.15.

[15] *Аще ли нѝ, железною схимою схимил: трудом велиим труждатися должен и искушатися даже до зева адова, и неустанно ся бороти и, препобеждая, спасатися, якоже и ныне страждеши*. — В словах Отрады сформулированы основные коллизии жизненного пути Владаря, делающие его подлинным наследником библейского царя Давида.

«...до зева адова...» — В церковнославянском и русском переводах Библии встречается выражение «чрево адово», напр.: «<...> Ты был мне покровителем и помощником, и избавил тело мое <...> из глубины *чрева адова* <...>» (Сир. 51: 2—3, 7). В Повести «чреву» соответствует «зев» — ‘рот, пасть, жерло’ (см.: Даль 1880/1: 698). В иконографии Страшного суда ад представляется живым существом, заглатывающим грешников.

[16] ...«*А как почивать ложится, постельку белую гладить почнет, — и с нами как перед путем дальним прощается*... — Здесь обыгрываются такие выражения, как «полотно дороги» или «скатертью дорога». Наглядная иллюстрация мысли З. Фрейда о том, что в основе некоторых символов сновидений «лежат общеизвестные обороты речи» (Фрейд 1913: 283).

[17] ...*сейчас... от вас на единороге белом в тридесятое царство ускачу*». — Под «единорогом» подразумеваются мифические животные с телом быка или лошади и длинным прямым рогом на лбу:

> Греческая (Ктесиас, Аристотель) и Римская (Плиний Старший) традиции рассматривали единорога как реально существующего зверя и связывали его происхождение с Индией (или Африкой). <...> Символика единорога играет существенную роль в средневековых христианских сочинениях, восходящих к греческому тексту «Физиолога» (2—3 вв. н. э.); единорог рассматривается как символ чистоты и девственности. Согласно «Физиологу», единорога может приручить только чистая дева; отсюда — более поздняя христианская традиция, связывающая единорога с Девой Марией и с Иисусом Христом.
>
> *Иванов В.В.* Единорог // МНМ 1980/1: 429

В описании царства пресвитера Иоанна фигурирует белый единорог, «целомудрия страж» (см.: V.2.9), наряду с белым волком, белым грифом и белым слоном. Можно предположить, что Светомир в своих снах путешествует на единороге в Белую Индию пресвитера Иоанна, которую по сюжету Повести ему впоследствии суждено посетить наяву.

[18] ...«*Знахарством бы каким его от мечтательной прелести отвадить*». — Словосочетание «мечтательная прелесть» обозначает здесь ‘лживое наваждение’. Обыгрывается несовпадение архаических значений слов «мечта» и «прелесть», сохранившихся в церковном употреблении, с современными; см. в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»: «Мать Александра просила <...> разобрать, рассудить и решить, что за видения удостоилась она, и не есть ли это *мечта*, игра воображения и *прелесть*?» (Чичагов 2009: 21).

[19] ...«*Помнишь о младенцах реченное, яко ангелы их на небесах выну видят лице Отца их Небесного.* — Имеются в виду слова Христа: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18: 10).

Выну (*ст.-слав.*), нареч. — 'постоянно, всегда'.

[20] *А у меня свой сосудец есть, твоему подобный: совесть моя. И вода в нем давно замутилась*». — Водная метафорика совести восходит к наставлению Серафима Саровского «О покаянии»: «Страх Господень пробуждает спящую *совесть*, которая делает то, что *душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной*, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния» (Чичагов 2009: 122).

II

[1] *Предстал пред государевы очи Епифаний в клобуке белом с алмазным крестом...* — Происхождению белого клобука посвящено легендарно-публицистическое сочинение, известное в рукописях начиная со второй половины XVI в. В «Повести о белом клобуке»

> <...> рассказывается о священническом облачении — белом клобуке, подаренном первым христианским царем Константином Папе Сильвестру. После того как церковь в Риме впала в ересь, Папа по приказу ангела, явившегося ему во сне, переслал клобук константинопольскому патриарху. Но патриарху тоже явился ангел и приказал ему переслать клобук в Новгород, где он становится частью облачения новгородских архиепископов.
>
> *Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке // СКК 1989: 214

В 1564 г. Московский поместный собор принял уложение о праве московского митрополита носить белый клобук. После установления в России патриаршества в 1589 г. белый клобук стали носить патриархи московские.

[2] ...*и в панагии многоценной...* — Панагия — небольшая икона с изображением Богоматери, которая носится на груди и является знаком архиерейского достоинства.

[3] ...«*Како преходит слава века сего...* — Ср. афоризм «Sic transit gloria mundi» — «так проходит мирская слава» (*лат.*). Выражение заимствовано из богословского трактата «О подражании Христу» немецкого мистика Фомы Кемпийского (XV в.). С этими словами обращаются к Папе Римскому во время возведения его в сан и при этом сжигают перед ним кусок ткани в знак призрачности земного могущества.

[4] ...*Велисарий новый...* — Велисарий (Belisarius) (ок. 504—565) — выдающийся византийский полководец, который одержал ряд блистательных побед: разрушил государство вандалов в Северной Африке (534 г.), отвоевал у остготов Неаполь и Рим (536 г.). В 562 г. был несправедливо обвинен в заговоре против императора и подвергнут опале. Это привело к возникновению легенды о том, что Велисария ослепили. См. стихотворение Вяч. Иванова «Велисарий-слепец» из «Римского дневника 1944 года» (см.: Иванов 1995/2: 155).

[5] *Вошел в палату огромный Хорс...* — См. в «Деяниях апостолов»: «Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, *выдавая себя за кого-то великого*. Ему внимали все, от малого до большого, говоря: *сей есть великая сила Божия*» (Деян. 8: 9—10). См. также: III.8.6.

[6]...*поступью льва ленивого...* — Литературным источником сравнения со львом может быть описание Александра Македонского в так называемой «Хронографической Александрии»: «Образъ убо имяше человѣческыи, *гриву же лвову* <...> *Подобье же имяше лвово*, скоръ, яснъ же бяше» (Истрин 1893: 15—16 (2-я паг.)).

[7] *Мiрского не вожделею, и мiр не ищет души моей*. — См.: «Не любите мира, ни того, что в мире <...>» (1 Ин. 2: 15). См. также: IV.4.5.

[8] *Странником и пришельцем везде пребуду*. — Словосочетание «странник и пришелец» восходит к Священному Писанию: «Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо *странник я у Тебя и пришлец*, как и все отцы мои» (Пс. 38: 13); «<...> *странники мы пред Тобою и пришельцы*, как и все отцы наши <...>» (1 Пар. 29: 15); «Возлюбленные! прошу вас, как *пришельцев и странников*, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу <...>» (1 Петр. 2: 11). См. также: Пс. 118: 19; Исх. 18: 3. Согласно апостолу Павлу, ветхозаветные праведники «говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества» (Евр. 11: 13—14). См. в «Правиле, утвержденном буллой» (1223) Франциска Ассизского: «Ничто братья не должны называть своим: ни дом, ни какое-либо место, ни имущество, но должны оставаться *странниками и пришельцами* в веке сем, в бедности и смирении служа Господу и уповая на подаяние» (Истоки 1996: 74. См. также: Там же: 81).

[9] ...«*Кесарь, поздно преставившийся, когда в бессилии и любострастии старческом истлевал, Радивоя зятя, что долгие годы за него кесарствовал, к державству приобщил и престола наследником объявил, Рима языческого подражая владыкам, и кесарев венец древлечтимый ему передал.* — Версия о том, что императором Византии какое-то время был славянин, имеет некоторые исторические основания. Существует предположение, что Юстиниан I Великий (527—565 гг.) был славянского происхождения:

> Юстиниан был редкой, в своем роде единственной, фигурой в линии «ромейских», т. е. греко-римских, императоров послеконстантиновской

> эпохи. Он был племянником императора Юстина — безграмотного солдата. <...> Перед самой смертью (1 августа 527 г.) Юстин формально приобщил Юстиниана к власти, обеспечив тем ее преемство. Одним из учителей Юстиниана был игумен Феофил, оставивший не сохранившуюся для нас биографию своего великого ученика. Из позднейшей ее редакции XVII в. извлекаются интересные известия, что родиной Юстина и Юстиниана было местечко Таврисион возле нынешнего Скопле (по-турецки Ускюб) в Македонии. А так как *местное имя Юстиниана было «Управда»* и имена других родственников его звучат так же по-славянски, то многие славяноведы и племенное происхождение родства Юстинианова ведут от славян. Эти иллирийцы были, может быть, по племени и албанцы, говорившие и по-славянски. Школьный и литературный язык их был латинский. Сознавали они себя политически и культурно «римлянами». Как римляне, живущие на Востоке, они считали нужным знать и греческий разговорный язык.
>
> Карташев 1994: 320

Славянский аналог имени Юстиниана — Управда — также фигурирует в Повести: так зовут мужа Гориславы (см.: Микушевич 2002: 20).

См. примеч. 1 к I.16.1.

[10] *...присельника-деспота с его спирою варварской...* — Спира (*ст.-слав.*) — военный отряд (см.: Благова — Цейтлин 1999: 619).

[11] *...ты, с цареградским венцом в сокровищнице твоей, и дома сидючи нового Рима автократор будешь*». — Автократор (*греч.*) — самодержец.

III

[1] *...пряди на лбу схвачены золотым начельником диадимы узкой.* — Диадима (*греч.*) — «головное украшение, в роде повязки, короны, венца, половинчатого начельника» (Даль 1880/1: 439); начельник — головная повязка, лента с поднизями.

[2] *Одет он был в далматику пурпура темного и посох высокий в левой руке держал, черного дерева, златоконечный.* — Далматика (от названия римской провинции Далмация) — старинная верхняя одежда типа античной туники, накидка с короткими рукавами, надеваемая через голову; в Византии — парадное облачение императоров; у католических священников — риза, шитая серебром и золотом, одевается во время службы на подризник; в православной традиции — саккос. Пурпурный цвет далматики в Повести указывает на то, что здесь имеется в виду одежда византийских императоров.

[3] *...и два иеродиакона со скрынею...* — Скрыня — сундук, ларец.

[4] *Ныне же аз, Радивой, князь Горынский, Константина града кесарь нареченный, тебе, родичу моему Владарю, князю Горынскому... отдаю венец сей в дар и в родовое наследие, кесарского в веках преемства залог.* — Вяч. Иванов использует легенду о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха, включенную в древнерусское «Сказание о князьях Владимирских» (XVI в.):

> Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый царь Константинъ Манамах, и в то врѣмя брань имѣя с персы и с латыною. И съставляетъ совѣтъ мудрѣ и царьски, отряжает послы к великому князю Владимиру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесьскаго и с нимъ два епископа, милитиньска и митилиньска, и стратига Антипа антиохийскаго, игемона иерусалимъскаго Еустафия, и иных своих благородных. <...> Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюдѣ злате. <...> И предаде их митрополиту Неофиту сь епископы и своимъ благороднымъ посланникомъ, и посла их к великому князю Владимиру Всеволодичю, моля его и глаголя: «Прийми от насъ, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начатка вѣчных лѣтъ твоего родьства и поколѣнья царьский жребий, на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа. И о немже начнут тя молити наши посланницы, что мы от твоего благородиа просим мира и любвѣ, яко церкви Божьа безмятежна будет, и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа, яко да нарицаешися отселе боговенчаньный царь, вѣнчанъ симъ царьскимъ венцѣмъ рукою святейшаго митрополита киръ Неофита съ епископы». И от того врѣмени княз великий Владимир Всеволодичь наречеся Манамах, царь великиа Русия. И пребысть потомъ прочаа врѣмена съ царемъ с Констянтином в смирении и любве. И оттоле и донынѣ тѣмъ вѣнцемъ венчаются царскимъ велиции князи володимерьстии, егоже прислал греческий царь Коньстянтинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское.
>
> Памятники 1984: 428, 430

[5] *...и ту харатею в сокровищнице престольной опечатану берегите...* — Харатья — рукопись на пергаменте, то же, что хартия.

IV

[1] *Ныне же, когда в руки взял его и вознес, мнилось мне, что солнце угасшее возношу, мертвое бремя.* — Автоцитата: в последней сцене трагедии Вяч. Иванова

«Тантал» (опубл. 1905) герой висит в воздухе и обеими руками поддерживает нижний край огромной потухшей солнечной сферы (см.: Иванов 1971–1987/2: 73).

[2] *И благословенны ослепившие меня: они покой пролили на очи мои и похоть очей моих убили.* — Мотив физического ослепления как условия духовного прозрения восходит к древнегреческому мифу об Эдипе. См. также примеч. 3 к IV.4.5.

[3] *Не вожделею более міра, ни того, что в міре.* — Перифраз слов апостола Иоанна: «*Не любите мира, ни того, что в мире*: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, *похоть очей* и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2: 15–16). См. ранее в Повести слова Симона Хорса: «*Мірского не вожделею*, и мір не ищет души моей» (IV.2.9). Вяч. Иванов неоднократно обращается к подобным формулировкам, напр.:

> Христос раскрыл идею неприятия мира во всей антиномической полноте ее глубочайшего содержания. *Он велит «не любить мир, ни всего, что в мире»*, — и сам любит мир в его конкретности, мир «ближних», мир окружающий и непосредственно близкий, с его лилиями полевыми и птицами небесными, веселиями и благовониями, и прекрасными лицами людей, как в солнечной разоблаченности прозрачного мгновения, так и под дымною мглой личин греха и недуга. Он говорит, что царство Его не от мира сего, — и вместе благовествует, что оно «здесь, среди нас» (Идея неприятия мира (1906) // Иванов 1971–1987/3: 81–82).
>
> На самом деле христианство всецело воздерживается от установления прикладных норм поведения, а тем более норм общезначащих. <...> *Не нужно любить мира и всего, что в мире*; но хороши цветы и дети, и благовония, и пиршественные чаши.
>
> Евангельский смысл слова «земля» (1909) //
> Символ 2008: 73

[4] *Солнца ночного предо мной заря занимается.* — Образ ночного (полунощного) солнца — один из любимых в творчестве Вяч. Иванова: «Нисходит ночь. Не в звездных письменах | Ищи звезды. Склонися над могилой: | Сквозит *полнощным Солнцем* облик милой» («Мощь новую приемлют надо мной...» // Иванов 1995/1: 376, № 347); «За морем светает, за горами: | Схимники встают из недр пещерных | *Солнцем ночи* в дебрях Киммерии, | Крестоносных ратей воеводы» (Чаша Святой Софии // Иванов 1971–1987/4: 26). См. также стихотворение «Ночное солнце» с призывом не верить дневной правде и только в полночь звать «незакатный свет» (см.: Иванов 1971–1987/4: 53). Об образе ночного солнца Вяч. Иванов пишет в книге «Дионис и прадионисийство»: «В качестве бога страдающего и умирающего, Дионис преимущественно отожествляется с солнцем запавшим и невидимым, светилом темного царства и сени смертной. <...> Аполлон — дневное, *Дионис — ночное солнце, светящее в нижней полусфере* <...>» (Иванов 1994а: 175. См. также: Там же: 177, 189).

[5] *...мятежится и колдует сила ночная и змеиная, поколе внезапу не пронзится лучом Христовым; и тогда голубицею обернется змея».* — Слова «голубицею обернется змея» — аллюзия на увещание Христа: «<...> итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10: 16). Вяч. Иванов неоднократно вспоминал данное наставление Спасителя, напр., в одном из разговоров, записанных М.С. Альтманом: «Христос, человек странных изречений, сказал: “Будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи”» (Альтман 1995: 65; зап. от 10 апреля 1921 г.). См. также в статье Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (1911):

> *Будь мудр, как змея*, мудрость которой есть ее жизнь; будь сложным до единства в сложности и до тесноты в ней. Такая мудрость сделает тебя *простым душой, как голуби*, и ты будешь *одно с простыми душой, которые этою голубиною простотой мудры, как змеи.*
>
> Иванов 1916: 55

См. также в «Песне офитов» (1876) Вл. Соловьева:

> Вещее слово скажите!
> Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
> Нашу голубку свяжите
> *Новыми кольцами древнего змея.*
>
> Вольному сердцу не больно...
> Ей ли бояться огня Прометея?
> Чистой голубке привольно
> *В пламенных кольцах могучего змея.*
>
> Соловьев 1974: 64, № 10

[6] ...«*Никто как Бог.* — Буквальный перевод имени архангела Михаила.

[7] *В Индею, глаголемую Белую...* — Название «Белая Индия» в Повести встает в один ряд с такими словосочетаниями, как «белое царство», «Белый царь», «Белая Лавра», в которых «белый» имеет переносное значение ‘священный, богоугодный’. «Белая Индия» представляет собой также фигуру умолчания по отношению к отсутствующей в тексте Повести, но подразумеваемой Белой Руси; см. у В.И. Даля: «Народ называет *белым*: веру свою, царя и отечество» с примером: «На белой Руси не без добрых людей» (см.: Даль 1880/1: 153).

Индия упоминается в поэзии Вяч. Иванова, напр., в стихотворении «Серебряный бор» (1919): «Край исконный мой и кровный, | Серединный, подмосковный, | Мне причудливо ты нов, | Словно отзвук детских снов | *Об Индее басно-*

словной» (Иванов 1995/2: 104, № 434); «То — *Индия души*, таинственно разверстой | Наитиям Души Одной <...>» (Eden // Иванов 1995/2: 421, № 364). См. в статье Вяч. Иванова «Национальное и вселенское в творчестве Скрябина (Скрябин как национальный композитор)» (1916): «Кажется мне, что сокровенно устремлена к некоей грядущей духовной встрече с Индией и наша национальная душа...» (Мыльникова 1985: 102). Об интересе поэта к Индии см. в статьях: Бонгард-Левин 2008: 201–218; Титаренко 2012: 33–43.

См. также примеч. 1 к V.2.1.

[8] *...к Попу Ивану...* — Имеется в виду Иоанн Пресвитер — легендарный царь могущественного христианского государства в Индии. Подробнее см. примеч. 1 к Книге пятой.

[9] *...дабы на том свете не вовсе невегласом предстать мудрецам оньм, обузу плоти снявшим, о коих Сократ беседует в сладкоречивом Федоне Платоновом.* — См. примеч. 12 к II.10.14.

V

[1] *Да и за то еще люди пожилые, старозаветные, чужеземку обессудили, что волосы свои червонные из-под диадимы на плечи распустила; и держала те легкие кудри змеистые поднизь жемчужная, сиречь сетка золотая тончайшая, по частым узлам скрепленная бурмитскими зернами.* — По древнерусским представлениям, женщины — особенно вдовы — не должны были держать волосы непокрытыми и тем более распущенными.

Бурмитские зерна — зерна крупного жемчуга, привозимые с Востока. Прилагательное «бурмитские» образовано от «ормусские» (от названия острова Ормус в Персидском заливе) (см.: Фасмер 1996/1: 247).

[2] *По-ихнему с нею лотошит...* — Лотоши́ть — болтать, лепетать, молоть языком (см.: Даль 1881/2: 269).

[3] ...«*Премудра и преславна была царица Савская, когда Соломонову мудрость испытать пришла.* — Имеется в виду библейский рассказ о Соломоне и царице Савской (2 Пар. 9: 1–6). См. также: 3 Цар. 10: 1–14; Мф. 12: 42; Лк. 11: 31. В иудаизме, христианстве и исламе существовало большое число апокрифов о царице Савской. Во многих из них Соломон вступает с ней в любовную связь, и у них рождаются дети. В других царица наделяется демоническими чертами. Тексты загадок, которые царица Савская предлагала Соломону, в Библии не приведены, однако они есть в апокрифах. Две загадки царицы Зои Владарю связаны с содержанием Повести и скорее всего сочинены самим Вяч. Ивановым.

[4] *...на востоке солнце встало...* — В загадке обыгрывается латинский афоризм «Ex oriente lux» («С востока свет»), восходящий к евангельскому повествованию о рождении Христа: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни

царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо *мы видели звезду Его на востоке* и пришли поклониться Ему» (Мф. 2: 1–2). См. стихотворение Вл. Соловьева «Ex oriente lux» (1890). См. также в стихотворении Вяч. Иванова «Лира и ось» (1914): «Удары слышу молота | По на́ковальне Рока; | Но славит *свет с востока* | Верховные снега» (Иванов 1995/2: 95, № 419); в его же стихотворении «Взыскующие града»: «Встала ль вестница Свободы, | *Свет с Востока*, вождь водимых?» (Иванов 1971–1987/2: 509).

[5] *...а на север потекло?*» — Движение солнца с востока на север воспринимается как парадокс, если исходить из дневного цикла движения светила, однако получает объяснение при обращении к годовому циклу. В странах, расположенных к северу от экватора, солнце всегда находится в южной части неба. Соответственно, после дня зимнего солнцестояния оно начинает путь к зениту, с каждым днем поднимаясь все выше и выше. Если представить это в виде рисунка, получится, что солнце движется на север вплоть до дня летнего солнцестояния, после которого направление изменяется — светило начинает опускаться к горизонту, двигаясь как бы в сторону юга. М. Коллинз в книге «Когда солнце движется на север» отмечала, что ни у одной из существующих религий нет обрядов и празднеств, приуроченных к летним и осенним месяцам:

> Это несомненно согласуется с поверием древних, что ни одна великая жертва не может быть предпринята во время прохождения солнцем юга. Юг принадлежит Яме, Богу Мертвых. Священные месяцы — это те, когда солнце движется на север.
>
> Коллинз 1914: 24

Русский перевод книги М. Коллинз имелся в библиотеке Вяч. Иванова (см.: Обатнин 2000: 183, примеч. 22).

[6] ...«*Догадался ты, вижу, что на тебя я загадала, на твое царство северное*». — Смысл загадки в том, что учение Христа, родившегося на востоке, пришло на север, в страну Владаря; тем самым Христос как праведное солнце осветил своим присутствием северное царство Владаря.

[7] ...«*Коли пифиею еллинскою...* — Пи́фия (*др.-греч.* Πῦθ...α, *лат.* Pythia) — жрица-прорицательница Дельфийского оракула в храме Аполлона в Дельфах.

[8] *Ныне же мою енигму разреши...* — Энигма (от *др.-греч.* αἴνιγμα ‘загадка’) — загадка.

[9] *Елены призрак отдан был Парису Приамиду, ее ж Египта царь укрыл, коли верить Еврипиду.* — По версии древнегреческого мифа, разработанной в VI в. до н. э. Стесихором, Зевс или Гера подменили Елену призраком, за который и шла Троянская война. Сама же царица была перенесена в Египет, где жила под защитой старца Протея, дожидаясь возвращения Менелая. Этот сюжет был обработан Еврипидом в трагедии «Елена» (см.: МНМ 1980/1: 431).

[10] ...*Еленою меня, бедную, в Царь-Граде люди ославили.* — О Елене Прекрасной см. примеч. 5 к III.7.18.

[11] ...«*Переклюкала ты меня, царица.* — Ср. фразу, которую якобы сказал княгине Ольге византийский император Константин VII Порфирородный: «Переклюкала мя еси, Ольга», то есть «перехитрила ты меня, Ольга» (Повесть 1996: 30, 166). Согласно «Повести временных лет», в 955 г. княгиня Ольга отправилась в Византию. Она так понравилась императору, что тот решил на ней жениться. Ольга поставила условие, чтобы сначала Константин крестил ее. При крещении ей было наречено имя Елена в честь матери Константина Великого. После этого император напомнил княгине об обещании выйти за него замуж, однако Ольга объяснила, что после обряда правитель стал ее крестным отцом, и брак между ними теперь невозможен. Тогда Константин и произнес процитированную выше фразу. См. также слова пермского жреца Пама, сказанные им по поводу его единоборства со Стефаном Пермским: «<...> надѣяхся своими клюками переклюкати его <...>» (рус. пер.: «<...> я надеялся своей хитростью перехитрить его <...>» (Епифаний Премудрый 1995: 152)).

VI

[1] ...*одарившей паволоками и узорочьем...* — Паволока — дорогая шелковая ткань. См. запись из «Повести временных лет» под 907 г.: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и *паволоки*, и овощи, и вина, и всякое *узорочье*» (ПВЛ 1996: 17).

VII

[1] *Метался в жару Светомир и вслух бредил о пла́менях алых, да о змейке красавке, что в огне живет; Зойкою ее прозвал, и догадалась мать, что царица Зоя в пурпуре ярком саламандрою ему примерещилась.* — Аллюзия на повесть-сказку Э.-Т.-А. Гофмана «Золотой горшок» (1814). Студент Ансельм видит в ветвях бузины трех прекрасных золотисто-зеленых змеек; одна из них с нежностью смотрит на него большими синими глазами. Позднее архивариус Линдгорст открывает герою, что эти змейки — его дочери, а сам он дух Саламандр, низвергнутый за непослушание князем Атлантиды Фосфором.

В данном эпизоде Повести синкретизм визуальных образов соответствует синкретизму лексических единиц: «краснуха» сближается с «красавкой», «огонь» с «огневицей», а «змейка» с «Зойкой», в результате чего создается образ болезни — змеи — огня — саламандры — царицы Зои в пурпурном одеянии.

[2] *Но притухла через мало дней огневица...* — Огневица — горячка.

[3] *И явно было всем, к Светомиру приближающимся, что тем среди дня сновидчеством здравое в нем разумение затмилось непробудно.* — «Сновидчество» сближает Светомира с князем Мышкиным, о котором Вяч. Иванов писал в своей книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932): «Жизнь его протекает сомнамбулически и сам он как бы пребывает в дреме (вспомним сцену встречи Аглаи с Мышкиным, где Аглая находит своего возлюбленного заснувшим на садовой скамье) <...>» (Иванов 1971—1987/4: 540).

VIII

[1] ...*пронеслась весть: пал Царьград.* — Единственное событие Повести, которое имеет точную хронологическую привязку: Константинополь был захвачен турками-османами в 1453 г. См. в Апокалипсисе: «И другой Ангел следовал за ним, говоря: *пал, пал Вавилон*, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы» (Откр. 14: 8). См. также: Откр. 18: 2.

[2] *Воцарился нехристь на месте святе, и прекратилися службы церковные, и лики священные на древних сводах мелом забелены.* — См. в Большой челобитной Ивана Пересветова (XVI в.) о падении Царьграда:

> <...> за грехи наши султан Магомет, царь турецкий, разбойничьего рода, накопил силы и занял Царьград, благоверного царя Константина погубил и красоту церквей обесчестил: *истребил церковный звон, снял кресты с церквей, и с позором вынес он из церквей чудотворные иконы, а в церквах устроил мечети для своих скверных молитв.*
>
> Памятники 1984: 614—615

Оборот «на месте святе» восходит к Евангелию от Матфея: «Егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу *на мѣстѣ святѣ*: иже чтетъ, да разумѣетъ <...>» (Мф. 24: 15—16; рус. пер.: «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую *на святом месте*, — читающий да разумеет <...>»). См. также: Дан. 9: 27; 11: 31; Мк. 24: 15.

[3] ...«*Понеже христианский в новом Риме престол упразднися, аз, Владарь, православный царь, Константинова сана приемлю наследие и священным венцом кесарским, в мои руки милостию Божиею спасенным, во время благопотребное венчаться имам*». — Идея преемственности между Русским царством и Константинополем сформулирована в ряде древнерусских сочинений, напр., в «Повести о белом клобуке»:

> Ветхий бо Римъ отпаде от вѣры Христовы гордостию и своею волею, в новем же Риме, еже есть в Коньстянтинеграде, насилиемъ агарянскимъ такоже христианьская вѣра погибнеть. На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать Святаго духа восия.
>
> Памятники 1984: 224

См. примеч. 26 к III.10.20.

[4] *Когда же утвердил мир и пределы царства до поморья раздвинул...* — Вероятно, Владарь, как позднее Петр I, отвоевал для своей страны выход к Балтийскому или какому-то другому морю. *Поморье* как историко-географическое понятие имеет три основных значения: (1) в узком смысле (Поморский берег) — южный берег Белого моря от Онеги до Кеми; (2) в более широком — все беломорское побережье с прилегающими районами; (3) в самом широком — весь Русский Север от Карелии до Урала.

IX

[1] ...«*Прячет от людей сына-юрода государыня, а всем явно, что несмыслен растет...* — Юрод — дурак, малоумный; напустивший на себя дурь (см.: Даль 1882/4: 669). Позднее Радислава назовет Светомира «юродивеньким» (см.: IV.9.13). Если в профанном восприятии юродство представляется безумием, то с религиозной точки зрения в нем воплощается богоугодный тип поведения. Двойственное отношение к юродивым отмечено у В.И. Даля: «*Юродивый*, безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает *юрóдивых* Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье; церковь же признает и *юродивых Христа ради*, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении *юродивый* иногда глупый, неразумный, безрассудный <...>» (Даль 1882/4: 669).

Религиозное обоснование юродства как особого типа поведения, унаследованного Русью от Византии, можно увидеть в словах апостола Павла:

> Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу *юродством* проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.
>
> 1 Кор. 1: 19–25

[2] *Не доходил рокот пучины людской в ограду терема...* — Ср. метафорическое уподобление народов морю в Библии: «<...> они жестоки и немилосерды, *голос их шумит, как море* <...>» (Иер. 6: 23); «И слышал я как бы голос многочисленного народа, *как бы шум вод многих* <...>» (Откр. 19: 6). См. также: Ис. 57: 20; Откр. 17: 15 и выражения «житейское море», «житейские бури». См. примеч. 7 к III.8.9.

[3] ...*пелены церковные та на пяльцах по ризничным образцам расшивала...* — Вышивание — одна из деталей, сближающих Отраду с Богородицей. Согласно церковному преданию, Мария, проживая в храме, «занималась пряжею льна и шерсти; любила вышивать шелками, особенно одежды, принадлежащие к священническому служебному облачению, и во всем этом была очень искусна» (Сказания 1904: 58).

[4] *Ведь всякая, что̀ ему видится, диковина... все сие воистину аль и поныне на свете есть, али по сказаниям памятным в оны веки было.* — Светомир наделен «премирной памятью» и в этом смысле напоминает князя Мышкина, о котором Вяч. Иванов писал в книге «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932):

> Это преобладание Платонова анамнезиса над чувством действительности делает его (Мышкина. — *Ред.*) среди людей и глупцом и мудрым провидцем. <...> Мышкин — не идеалист, как Раскольников. Он весь — память о созерцаемом, он весь — солнечный, Богом просветленный взгляд на все видимое.
>
> Иванов 1971–1987/4: 540

[5] *Тороками ангельскими уши его завешены от словесе лукава*». — См. примеч. 1 к II.13.2.

X

[1] *Жемки́* — «прянички, скатанные в руках и расплюснутые нажимом в обе ладони» (Даль 1880/1: 527).

[2] *И где вы столько поналовили зверья ползучего, гадов диковинных, жаб толстобрюхих, бородавчатых, пауков мохнатых-крещатиков, и клещей, и слизней, и червия кольчатого, извилистого?* — Эпизод, демонстрирующий сверхъестественную проницательность Светомира, может быть соотнесен с видением апостола Петра:

> На другой день, когда они шли и приближались к городу, Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться. И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготовляли, он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились *всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные*. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечис-

того. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо.

Деян. 10: 9–16

В комментарии к этому эпизоду Вяч. Иванов отмечал:

> Сим видением Господь внушает апостолу Петру, что, как отменено ныне, предписанное ветхим законом, различие между пищею чистою и нечистою, так отменено и различие между человеками чистыми (Иудеями) и нечистыми (язычниками), ибо тем и другим равно открыт путь спасения.
>
> Деяния 1946: 45

[3]*...отай лютою смертию казнил.* – Отай – тайно, скрытно, секретно (см.: Даль 1881/2: 709).

XI

[1] *...вещий слепец Тиресий, прорицатель еллинский...* – Тиресий – в древнегреческой мифологии слепой старец из г. Фивы; играет важную роль в рассказах о несчастьях Эдипа и фиванских войнах. Согласно Гомеру, после смерти Тиресий пребывал в подземном царстве: Одиссей отправлялся в Аид, чтобы расспросить его о своей семье и о том, удастся ли ему вернуться на родину. См. примеч. 15 к I.2.7.

[2] *...«Аль и ты мне о Локустах домашних бреднями докучать пришел».* – Локуста (казнена в 68 г. н. э.) – знаменитая римская отравительница, услугами которой якобы пользовались Калигула, мать Нерона Агриппина и сам Нерон. Здесь слово использовано со значением ‘отравительница’.

[3] *Притчею во языцех царевич содеялся.* – Фразеологизм «притча во языцех» восходит к старославянскому переводу Библии (см.: Втор. 28: 37). Слово «притча» обозначает краткий рассказ с нравоучительным смыслом, «языци» – языки, наречия; народы, племена; выражение «притча во языцех» буквально обозначает ‘история, известная разным народам’, ‘то, о чем говорят на многих языках’; в переносном смысле – «то, что получило широкую известность, <...> сделалось предметом общих разговоров, вызывая неодобрение и насмешки» (Притча во языцех // Словарь крылатых слов. Plutex, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2261/Притча; дата обращения: 12.03.2015)).

[4] *Довольно ему по райской околице шататься, благо что ангел с мечом двупламенным невинное дитя ба́лует.* – См. в рассказе об изгнании первых людей из рая: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и *пламенный меч* обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3: 24). «Толковая Библия» поясняет:

> Чтобы окончательно преградить людям доступ в рай, Бог поставляет одного из небожителей – «херувимов», в качестве стражи при входе в рай, и кроме того – посылает *особый небесный огонь, выходивший из недр земли и сверкавший наподобие блестящего клинка у вращаемого меча.*
>
> ТБ 2009/1: 70

Вяч. Иванов упоминает «меч херувимский у дверей запретного рая» в статье «Роман в стихах: Два маяка» (1937) (см.: Иванов 1995а: 228). См. также: V.4.8; V.11.9.

[5] *...рубаха Нессова...* – В греческой мифологии Несс – один из кентавров, известный своим коварством. После битвы Геракла с кентаврами Несс жил у реки Эвен и перевозил путников за плату. Когда через реку переправлялись Геракл с его молодой женой Деянирой, Несс покусился на ее честь. Деянира закричала, и Геракл поразил кентавра стрелой. Умирая, тот посоветовал Деянире собрать его кровь, так как она будто бы поможет ей сохранить привязанность Геракла. Когда девушка узнала, что Геракл собирается жениться на другой, она пропитала кровью Несса хитон и послала его Гераклу. Однако кровь кентавра, который погиб от стрелы Геракла, смазанной желчью лернейской гидры, сама превратилась в яд. Надетый хитон сразу прирос к телу героя, и яд стал проникать через кожу, причиняя невыносимые страдания. Тогда Геракл отправился на гору Эту, разложил костер, взошел на него и попросил спутников зажечь огонь (см.: МНМ 1980/1: 281).

[6] *Такожде и Светомирова одежда белая навек его облекла.* – Аллюзия на описание ангела в Евангелии от Марка: «И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, *облеченного в белую одежду*; и ужаснулись» (Мк. 16: 5). Образ белой одежды как символ праведности восходит к Апокалипсису:

> И дано было ей (жене Агнца. – *Ред.*) облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых (Откр. 19: 8);
>
> Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною *в белых одеждах*, ибо они достойны. Побеждающий облечется *в белые одежды*; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его.
>
> Откр. 3: 4–5

В комментарии Вяч. Иванова к данному фрагменту отмечается: «<...> белые одежды – знак соединения с Христом навек» (Деяния 1946: 463).

[7] *...дано ему ведение, что сильнее тьмы свет...* — Аллюзия на слова Евангелия от Иоанна: «<...> И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5). См. примеч. 4 к III.10.8.

[8] *Прозвенят о том слова мои в ушах ее, как удар топора по древу.* — См. слова Иоанна Предтечи: «<...> уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ <...>» (Мф. 3: 10).

[9] *Ведь нам-то она Отрада; но из страдания отрада ее благоуханным крином расцветает.* — Сравнение с лилией восходит к Канону Пресвятой Богородице: «Радуйся, *сладкоуханный крине*, Владычице, верных *благоухаяй* <...>» (Песнь 1: «И ныне...»). См. примеч. 11 к II.25.12. О лилии как символе Богоматери см. примеч. 8 к II.6.4.

Сближение слов «отрада» и «страдание» встречается и в драме А. Блока «Роза и Крест» (1912): «Сердцу закон непреложный — | *Радость — Страданье* одно» (Блок 1981: 204). В статье «Два лада русской души» (1916) Вяч. Иванов отмечал:

> Слова Александра Блока: «радость, страданье — одно», — этот главенствующий мотив в гениальной, глубинной напевности его лирической драмы «Роза и Крест», — написаны в сердце высокого трагического человека: этот иероглиф — узор пламенных роз, страдальчески вырастающих из живой плоти его душевного креста.
>
> Иванов 1971—1987/3: 349

О формуле «радость из страдания» см. примеч. 5 к II.5.7—8; примеч. 13 к II.25.13; примеч. 8 к IV.12.13.

XII

[1] *...сквозь облак слепоты моей взор тот мне в душу проник, будто читает она в душе моей...* — Судя по дневнику Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, они с Вяч. Ивановым также умели читать мысли друг друга, напр.:

> Мы шли одни, под руку, и опять мы «слышали» мысли друг друга. Это так странно, так необычайно, что меня начинает охватывать чувство чего-то мистического.
>
> Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 97;
> зап. от 6/18 октября 1894 г.

См. также примеч. 1 к I.12.2; примеч. 2 к III.6.9.

[2] *...Возьми отроча и беги в страну чужую, и пребудь с ним в стране той, доколе не умрут ищущие души младенца».* — См. в Евангелии от Матфея:

> Когда же они (волхвы. — *Ред.*) отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, *возьми Младенца* и Матерь Его и *беги* в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. <...> По смерти же Ирода, се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо *умерли искавшие души Младенца.*
>
> Мф. 2: 13, 19—20

[3] *Восстенала я, услышавши слово сие, что как оружие острое грудь мою пронзило... Ответствовал старец, и словно оружие то в груди моей повернул...* — Ср. предсказание праведного Симеона Марии: «<...> и Тебе Самой оружие пройдет душу <...>» (Лк. 2: 35). Об образе «оружие пронзает тело» см. примеч. 3 к V.14.9, а также в изд.: Топорков 2012: 402—407.

[4] *Дважды родится человек по таинственному глаголу Христову.* — Имеется в виду фрагмент из Евангелия от Иоанна:

> Иисус сказал ему (Никодиму. — *Ред.*) в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше.
>
> Ин. 3: 3—7

[5] *А жене и другое наказано: дважды в муках родить человека, грядущего в міръ.* — См. в Евангелии от Иоанна: «Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго *человѣка грядущаго въ міръ* <...>» (Ин. 1: 9). Эти слова включены в молитву первого часа, которая читается священником перед Царскими Вратами:

> Христе, Свете истинный, *просвещаяй и освящаяй всякаго человека, грядущаго в мир*, да знаменуется на нас свет Лица Твоего, да в нем узрим Свет Неприступныи, и исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих молитвами Пречистыя Твоей Матере и всех Твоих святых, аминь.
>
> URL: http://azbyka.ru/bogosluzhenie/chasoslov/chas06.shtml;
> дата обращения: 23.04.2015

По мнению П.А. Флоренского, данная молитва свидетельствует о том, что Церкви не чужда идея предсуществования: «Эта трогательная молитва не содержит

разве указания на тех, кто имеет родиться в сем мире, кто “идет” в этот мир, но еще и не придя сюда, уже просвещен и освящен благодатным светом?» (Флоренский 1914: 339).

[6] *И первее из лона своего темного, земле подобно, плод изводит, и отторгается от естества ее плод ее на свет солнечный и в свете міра сего лик свой являет; но еще держит мать сына в лоне своем душевном, после же и от душевного лона ее отлучается странник, грядущий в міp*. — См. слова Блаженного Августина о его матери: «Я не могу достаточно выразить, как она любила меня: *она вынашивала меня в душе своей с гораздо большей тревогой, чем когда-то носила в теле своем*» (Августин 1991: 135. *Пер. М.Е. Сергеенко*); «Но я не пройду мимо того, что родилось в душе моей к этой слуге Твоей, которая *родила меня телом для этого преходящего света и сердцем — для вечного*» (Там же: 223).

Мистическое второе рождение человека описано в статье Вяч. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (1911):

> В человеке, не возрожденном так, как возрожден был Достоевский, его истинное *я* кажется спящим в каком-то лимбе, в оболочках и тканях, облекающих плод, носимый матерью во чреве. Смерть, как повивальная бабка, высвободила младенца из этих слепых вместилищ, из чревных глубин воплощения, но оставила его, в земной жизни, как бы соединенным пуповиною с материнским лоном, пока последний час жизни не рассек и этой связи. <...> Обычно у мистиков этот процесс сопровождается если не истощением, то глубоким пересозданием, очищением, преображением внешнего человека. Но это дело святости не было провиденциальною задачей пророка-художника.
>
> Иванов 1916: 38–39. Курсив Вяч. Иванова

[7] *...очей свидетельство обличить в обмане...* — Аллюзия на слова апостола Павла: «Есть же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей *обличеніе* невидимыхъ» (Евр. 11: 1; рус. пер.: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»).

[8] *...надгробное рыдание претворити в песнь*. — Цитата из последования панихиды: «<...> яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем, *надгробное рыдание творяще песнь*: аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» (икос, следующий за кондаком, глас 8). См. также: II.5.8; II.25.13; IV.11.19.

[9] *Претерпевый же до конца, той спасен будет*». — Цитируются слова Христа: «<...> и будете ненавидими всѣми имене моего ради: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ*» (Мф. 10: 22; рус. пер.: «<...> и будете ненавидимы всеми за имя Мое; *претерпевший же до конца спасется*»). См. также: Мф. 24: 13; Мк. 13: 13.

[10] ...«*Положися на Господа, Он и сына твоего, и мужа плещма Своими осенит, и под крыле Его надеешися*. — Цитата из Псалтири: «<...> плещма своима осѣнитъ тя, и подъ крилѣ его надѣешися <...>» (Пс. 90: 4; рус. пер.: «<...> перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен <...>»).

Плеще (*ст.-слав.*) — плечо, спина, *перенос*. крылья (см.: Благова — Цейтлин 1999: 449).

[11] *Тако бо подобает нам исполнити всякую правду*». — Цитируются слова Христа Иоанну Крестителю: «<...> остави нынѣ: тако бо подобаетъ намъ *исполнити всяку правду*» (Мф. 3: 15; рус. пер.: «<...> оставь теперь, ибо так надлежит нам *исполнить всякую правду*»). См. в статье Вяч. Иванова «Религиозное дело Владимира Соловьева» (1911):

> <...> только попечение о правых путях соборной народной жизни, таинственный призыв «*исполнить всякую правду*», а вовсе не потребность выйти из личных душевных противоречий, толкали автора «Теократии» и книги «о России и Всемирной Церкви» к действию в пользу формального воссоединения Церквей.
>
> Иванов 1971–1987/3: 301

XIII

[1] *И не имея духа новую в книге судеб повернуть страницу, внезапно, как в день оный рождения Светомирова, воспомнил о звездогадании*. — Выражение «книга судеб» встречается в древнерусском «Видении хутынского пономаря Тарасия» (см.: Памятники 1984: 418–419). В жизнеописании Серафима Саровского говорится, что предсказанные им события «все исполнились и выполняются с величайшей точностью, как будто бы о. Серафим читал в *книге судеб* Божиих будущие определения людей» (Чичагов 2009: 334).

[2] *...воздвигаю под сению престола моего престол патриарший и тебя, верного о церкви и царства рачителя, жезлом власти сея священныя жалую, о чем и указ подписан*». — Патриаршество было введено на Руси в 1589 г. Первым патриархом Московским и всея Руси был Иов (1525–1607), смещенный с кафедры в 1605 г. и заточенный в монастырь за отказ признать Лжедмитрия сыном Ивана Грозного. Процедура учреждения патриаршества в Повести не соответствует историческим реалиям: Иов был поставлен в патриархи находившимся в Москве константинопольским патриархом Иеремией II, а не назначен царским указом.

[3] *Благословил хирографом цареградский изгой церкви нашей самостояние и своеземным патриархом возглавление...* — Хирограф (от *греч*. χειρόγραφον) — что-либо рукописное; расписка, вексель, письменное обязательство (см.: СИС 1908). Благословил хирографом — то есть подписал соответствующий документ. Цареградский изгой — при всей условности исторического фона Повести можно отождествить эту фигуру с константинопольским патриархом Иеремией II Траносом (1530–1595):

<...> здесь речь идет уже об установлении Московского патриархата в 1589 г.; Борис Годунов, в то время фактический властитель на Москве (и как бы один из прототипов ивановского Владаря), добился санкционирования на это дело от Константинопольского патриарха Иеремии II, «*цареградского изгоя*». Разумеется, проза Вяч. Иванова сливает это событие с более ранним на полтора века обретением Московской митрополией автокефального статуса.

Аверинцев 2002а: 115, примеч. 96

[4] *Под твоим началом стадо словесное, под моим пажить.* — Стадо словесное — паства, прихожане (см.: Даль 1882/3: 23). См. в стихотворении Вяч. Иванова «Икона»: «<...> Прими меня, Вера, в святую ограду, | Ягненком причисли *к словесному стаду* <...>» (Иванов 1971—1987/3: 555), — с цитатой из последования великого ангельского образа: «причьти и въ словесьное твое стадо» (Благова — Цейтлин 1999: 611). Возможна ассоциация с этнонимом *славяне / словене*, см. в Повести: «<...> [Мелетий] его [Епифания] же на Святой Горе из младых иноков *словенских* изыскал и неотлучно при себе держал <...>» (II.10.5).

Пажить — луг или поле, где пасется скот, пастбище (см.: Даль 1882/3: 3). См. также библеизм «злачная пажить» ‘плодородная почва в поймах рек’ как метафора для выражения попечения Бога о человеке (см.: Пс. 22: 1—2).

[5] *И на сем исполать возглашаю первый твоему святейшеству*». — Исполать (от *греч.* εἰς πολλὰ ἔτη — на многие лета) употребляется в церковной службе для приветствования архиерея.

[6] *Как птица со стрехи кидается...* — Стреха — крыша, кровля.

[7] *Не в помощи ли Вышнего сын твой живет? И не сказано ли о таковом, что ежели и с высоты низринется, ангелы Божии на руки его подхватят?*» — Цитата из Псалтири: «<...> *Ангелам* своим заповедает о Тебе — охранять Тебя на всех путях твоих: *на руках понесут Тебя*, да не преткнешься о камень ногою Твоею <...>» (Пс. 90: 11—12). См. также: Мф. 4: 6; Лк. 4: 10—11. См. также: IV.14.8.

[8] *...как лик единого от сонма святых отцов, какие в облаке пишутся на изображениях Никейского собора.* — Собор состоялся в июне 325 г. в городе Никея (ныне Изник, Турция) и стал первым Вселенским Собором в истории христианства. Всего в нем участвовало 318 епископов. Существительное «облако» здесь обозначает ‘множество’, см., напр.: «облако народа» и т. п. (см.: Даль 1881/2: 594). См. примеч. 3 к V.12.2.

[9] *...елуру ли, сиречь коту домашнему, передо львом коготки казать?* — «Позднегреческое, употребительное в Египте словечко αἰλουρος, означавшее кота и ставшее (в результате созвучия с этнонимом “герул”, которое спровоцировало то ли языковую ошибку, то ли злорадную языковую игру) прозвищем монофиситского патриарха Александрии V в. Тимофея I, войдя таким образом в церковную историю, закономерно передавалось в церковнославянском и русском контек-

стах как елуръ. Можно представить себе, с каким удовольствием великий *елурофил* Вяч. Иванов вставил именно этот греко-славянизм в свой текст» (Аверинцев 2002в: 42, примеч. 17).

[10] *Мне ли толковать письмена звездные пред лицом великого моего в том искусстве учителя, он же еженощно светила о тебе вопрошает?*» — Словосочетание «звездные письмена» встречается в сонете Вяч. Иванова из триптиха «Снега»: «Нисходит ночь. Не *в звездных письменах* | Ищи звезды. Склонися над могилой: | Сквозит полнощным | Солнцем облик милой» (Иванов 1971—1987/2: 440). Ср. также завершающие строки стихотворения 7 из «Подражаний Корану» А.С. Пушкина (1824): «До утра молитву | Смиренно твори; | *Небесную книгу* | *До утра читай*!» (Пушкин 1977—1979/2: 191—192). См. также: примеч. 9 к III.3.10.

XIV

[1] ...«*Куда же ты, волсве, по звездам путь держащий, сына моего завести умыслил?*» — Намек на волхвов, которые шли поклониться новорожденному Царю Иудейскому, держа путь по звезде на востоке (см.: Мф. 2: 1—12).

[2] *...и вдруг увидел в глубине кристалла, перед ним положена, гроб хрустальный и сына своего, не отрока, а юношу, в гробу лежащего со стрелою светлою в десной руке.* — Ср. в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833) А.С. Пушкина:

Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Пушкин 1977—1979/4: 356

См. также примеч. 4 к III.4.4; примеч. 1 к IV.15.2.

[3] *И увидел себя Владарь в кристалле, как в сновидении дальнем, стояща в седой степи на белом камне отлогом и пасуща с высокого камня лобного несметное овец стадо.* — Здесь частично пересказывается сон Владаря о св. Егории, овцах и волках (см.: I.14.1—6). См. также: IV.14.19.

[4] *И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьем солнцезарным Свет-Егорий; а он своим железным жезлом Егорию машет и возбраняет ему волков в стадо пускать, и сам дань отобрать обещается.* — Образ царя или Господа, который пасет народы «жезлом железным», восходит к Библии (см.: Пс. 2: 9; Откр. 19: 15). См. также в стихотворении Вяч. Иванова «Хваление духов-исправителей» (1903): «Вы, пастыря *железный жезл*! | Овчарки божиих овец!» (Иванов

1995/1: 211, № 166). Жезл как символ власти фигурирует в ряде эпизодов Повести (см.: I.14.4; III.3.18; IV.13.6).

[5] *И сказал в сердце своем*: «*Ныне я за всю землю оброк*». — Смысл высказывания можно понять следующим образом: государь берет на себя бремя власти и единолично отвечает перед Богом за грехи своих подданных. См. примеч. 8 к I.14.5; примеч. 9 к IV.1.12.

[6] *Слово было тебе дано*; *от тебя мір ожидает слова*. — Существительное «слово» здесь обозначает 'истина, откровение, которые даются или доверяются человеку свыше'. См. в Послании к Ефесянам апостола Павла:

> Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, *дабы мне дано было слово* — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедывал, как мне должно.
>
> Еф. 6: 18–20

См. также: Ин. 17: 6–8, 14, 17.

Подобное словоупотребление встречается в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Вяч. Иванову от 14/28 июля 1894 г.:

> Мне иногда становится так невыносимо страшно жить, именно страшно до ужаса, и тогда мне страстно хочется броситься к другому человеку и молить его: скажи мне слово, такое слово, которое удержало бы меня от отчаяния, которое вернуло бы мне мою светлую веру в жизнь и людей. Скажи слово. Но так малые знают это слово (так в тексте! — *А.Т.*). Кто может спасти меня в такую минуту? Друзей у меня много, и всё-таки того слова никто не знает. <...> Сначала Вы говорили о моей вере, и я почуяла, что у Вас есть «слово», затем Вы говорили о сцене, и мне казалось, что Вы говорите моими словами, то, что давно хотела и мечтала сказать я.
>
> Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 74–75

В ответном письме от 2/14 сентября 1894 г. Вяч. Иванов сообщал:

> Я рад делиться с Вами результатами своих внутренних переживаний, но кажется, что Вы ошиблись, надеясь услышать от меня «слово», если только Вы понимаете его как законченную формулу, в которую отлилось вполне выработавшееся убеждение, как трофей завершенной борьбы и одержанной победы.
>
> Там же: 82–83

[7] *Как наречешь, так и обречешь*; *на что поглядел, тем и завладел*; *чего изволил, то и вынудил*. — См. примеч. 4 к I.12.6.

[8] *Пустынно самодержавца одиночество*. — Учитывая контекст, можно предположить, что слово «пустынно» навеяно вступлением к «Медному всаднику» (1833) А.С. Пушкина: «На берегу *пустынных* волн | Стоял *он*, дум великих полн, | И вдаль глядел» (Пушкин 1977–1979/4: 274). См. примеч. 4 к IV.15.8.

[9] *Покинут тебя милые твои*... — Парафраз слов Иова: «*Покинули меня близкие мои*, и знакомые мои забыли меня» (Иов. 19: 14).

[10] *Чего молил, то и вымолил*. — См. примеч. 4 к I.12.6.

[11] ...*от архонтов звездных*... — Архонт — см. примеч. 3 к III.10.7.

XV

[1]...*жмурясь на сверканье текущих струй*... *мнил он видеть, как в кристалле оном, прозрачный гроб и юношу со стрелою светлою в гробу хрустальном*. — Сочетание мотивов хрустального гроба и блеска воды напоминает стихотворение Вяч. Иванова «Полдень» (1918):

> В гробу хрустальном дева спит,
> Над нею латник держит щит:
> Светилу дня так снятся воды,
> Водам полуденные своды, —
> И дважды солнца лик слепит.
>
> Иванов 1995/2: 99–100, № 426

См. также примеч. 2 к IV.14.9.

[2] *Собралась она клубом округ венца твоего, ровно гроза в ясном небе*... — Слова Гориславы перекликаются с пророчеством Симона Хорса: «Кефер — земли *венец, из премірных лучей созданный*; и кто его на голову возложит, над землею воцарится, яко бог» (III.10.10). См. описание миропомазания Давида Самуилом: «И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его, и *почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после* <...>» (1 Цар. 16: 13).

[3] ...*пронижет тебя змеею молнийною из недр земных насквозь до темени*. — Парадоксальный образ молнии, которая бьет снизу вверх, возникает в результате соединения мотивов змеевидной молнии и змеи, жалящей человека в пяту (см.: Быт. 3: 15). См. в стихотворении Вяч. Иванова «Пред грозой»: «И ужас высей снеговых | Внезапной бледностью бледнеет, | И дол, приникнув, цепенеет | При вспышках *молний змеевых*» (Иванов 1995/1: 124, № 48).

[4] *Одинокого меня люди бо́жить будут, как истукан огромный на камне голом*». — «В словах <...> Владаря <...> отчетливо просвечивает столь важная для русской

литературы и истории символика Медного всадника <...>» (Венцлова 1988: 36). См. описание памятника Петру Великому в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» (1933): «Он (Евгений. — *Ред.*) мрачен стал | Пред горделивым *истуканом* <...>» (Пушкин 1977—1979/4: 286). В русском переводе Ветхого Завета слово «истукан» используется для обозначения резных изображений языческих богов (см.: Иер. 50: 2; 51: 17, 19). См. словосочетание «огромный истукан» в Книге пророка Даниила: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то *большой истукан*; *огромный* был этот *истукан*, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его» (Дан. 2: 31). В словах Владаря «как истукан огромный на камне голом» скрыта анаграмма названия камня, на котором установлен памятник Петру Великому, — «Гром-камень». О своем отношении к Петру I Вяч. Иванов писал в статье «Русская идея» (1930), где упоминается и петербургский памятник (см.: Символ 2008: 106). См. также стихотворение Вяч. Иванова «Медный всадник» (1906) (см.: Иванов 1995/1: 247—249, № 194).

[5]...*а перед нею Светомир, смеючись, верхом ехал на сером волке*. — Аллюзия на сказку «Иван-царевич и серый волк» (см.: СУС 1979: 550). См. примеч. 4 к III.16.13—14.

[6] ...«*Волк нам тропку загородил, а Светомир к нему потянулся. А зверь добрый ну ему руки лизать. И сел на него Светомир наездником*». — Намек на слова пророка Исаии: «Тогда *волк* будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и *малое дитя будет водить их*» (Ис. 11: 6). См. также у А.Н. Афанасьева (со ссылкой на статью Жорж Санд): «У французов ходят рассказы о волчьих вожатых — вещих людях, обладающих тайною силою покорять *волков, которые ласкаются к ним как смирные собаки*» (Афанасьев 1869/3: 530).

[7] ...«*Вон тот, что на страже стоит у креста под сенницей, копье свое мне даст золотое. Да не скоро то будет*. — Светомир со свойственным ему даром ясновидения видит на Егорьевой кринице самого св. Егория, охраняющего крест со спрятанной в нем золотой стрелой.

XVI

[1] ...*в куколях монашеских на колпаках железных*... — Куколь — то же, что кукуль; см. примеч. 1 к II.22.1.

[2] ...*изделия изящные из меди, и серебра, и злата, и електра, и ебена, и ивория*... — Електр (от *греч.* ἤλεκτρον ‘янтарь’) — сплав золота и серебра. Ебен — то же, что эбен, эбеновое дерево; ценная черная древесина деревьев рода Diospyros. Иворий — слоновая кость (*англ.* ivory).

[3] *Держимся символа веры апостольского и святых общение исповедуем, оно же не токмо между міром дольним и оным, но и в сем круге земель ежечасно невидимо свершается*». — Имеется в виду учение, основанное на Первом Послании к Коринфянам (см.: 1 Кор. 12: 26—27), о спасительной солидарности членов Церкви всех времен и обмене духовными благами, которое выходит за пределы времени и пространства. Это учение сформулировано католическим богословием (см.: Общение святых 2007), но не чуждо и православию. В письме к С.Л. Франку от 18 мая/3 июня 1947 г. Вяч. Иванов отмечал: «В заключение беседы о католичестве замечу, что западное созерцание Церкви во всей полноте и славе раскрывает содержание слов апостольского символа: Communio Sanctorum» (Символ 2008: 445). Об общении святых говорится в стихотворении «Усопших дней, всех душ поминки» (1944) (см.: Иванов 1971—1987/3: 635—636) и в «Стихе о Святой Горе» (впервые опубл. в сб. «Кормчие звезды», включен в «продолжение», написанное О.А. Шор. См.: Иванов 1971—1987/1: 490—491) (*Примеч. А.Б. Шишкина*).

[4] ...*святого апостола Фомы, просветителя Индии*. — Предание об индийской миссии апостола Фомы зафиксировано в «Деяниях святого апостола Фомы», «Повести о Варлааме и Иоасафе», «Сказании об Индейском царстве» и других сочинениях.

[5] ...*за семью печатями послание, писанное рукою Иоанна Пресвитера*. — Книга за семью печатями — образ из Апокалипсиса (см.: Откр. 5: 1, 5; 6: 1—12; 8: 1).

Книга ПЯТАЯ
Послание Иоанна Пресвитера

[Послания часть первая]

[1] *Послание Иоанна Пресвитера*. — Иоанн Пресвитер — мифический автор «Послания», появившегося в Европе в середине XII в. и адресованного византийскому императору Мануилу Комнину (1143—1180 гг.). Первоначально «Послание пресвитера Иоанна» имело небольшой объем, но впоследствии к нему стали делать дополнения, заимствованные из «Послания Александра Македонского Аристотелю о чудесах Индии», повестей об Александре Македонском, различных естественнонаучных энциклопедий и других источников. «Послание пресвитера Иоанна» было чрезвычайно популярным и породило множество подражаний: наиболее раннее из них, «Послание клирика Елисея», существовало уже в 1196 г. В настоящее время известно около 160 списков латинской версии «Послания», а также многочисленные переводы на старофранцузский и аквитанский языки (см.: Горелов 2004: 8—11).

Наиболее авторитетное изд. латинских текстов «Послания пресвитера Иоанна» было подготовлено Фридрихом Царнке на основе сравнительного рассмотре-

ния девяноста семи рукописей памятника (см.: Zarncke 1879–1883). Кроме того, Фр. Царнке опубликовал ряд средневековых сочинений, в которых развивалось, дополнялось и перерабатывалось «Послание пресвитера Иоанна»: «Послание из папской курии», «История клирика Елисея», «Итинерарий Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза», «Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов».

Считается, что «Послание пресвитера Иоанна» возникло на греческой почве, однако сохранилось оно только в западноевропейских и славянских списках. Славянский перевод выполнен ориентировочно в XIII или XIV в. и основан на латинской версии, причем сделан не с первоначальной, а со вторичной, интерполированной редакции (см.: Бобров 2008: 264).

Славянский перевод, известный как «Сказание об Индийском (Индейском) царстве», имеет две редакции. Первая сохранилась во фрагментах в составе так называемой Хронографической Александрии второй редакции, в одном сербском списке «Сказания» и в Погодинском списке начала XVII в. (см.: Сперанский 1930: 457–464). Большинство имеющихся списков относятся ко второй редакции, наиболее ранние – ко второй половине XV в. (см.: Бобров 2008: 264–266).

Древнерусские списки «Сказания об Индийском царстве» издавали Н.И. Баталин (1878), А.Н. Веселовский (1884), В.М. Истрин (1893), М.Н. Сперанский (1930) и др. В частности, Н.И. Баталин опубликовал список «Сказания» XVII в. (см.: Баталин 1876: 120–124), А.Н. Веселовский – список из сборника монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (1470–1490-е годы) (см.: Веселовский 1884: 251–254), В.М. Истрин – список конца XV – начала XVI в. (см.: Истрин 1893: 71–73), М.Н. Сперанский – список начала XVII в. (см.: Сперанский 1930: 457–464).

Количество известных списков «Сказания» возрастало с течением времени: если В.М. Истрин в 1893 г. использовал девять списков, то М.Н. Сперанский в 1930-м учитывал их уже более сорока (см.: Сперанский 1930: 369–370). Этими двумя учеными и были выполнены наиболее авторитетные исследования памятника, в процессе которых систематически сопоставлялись древнерусские тексты с латинскими. Издание же Фр. Царнке также постоянно находилось в поле их зрения.

Вяч. Иванов мог пользоваться как латинскими текстами «Послания пресвитера Иоанна», опубликованными Фр. Царнке, так и древнерусскими списками «Сказания об Индийском царстве», изданными А.Н. Веселовским, В.М. Истриным и М.Н. Сперанским. Впрочем, у поэта могли быть и иные источники, причем не только латинские и древнерусские, но и на других языках. Сказать что-нибудь более определенное пока затруднительно по ряду причин. Во-первых, тексты «Послания пресвитера Иоанна» и «Сказания об Индийском царстве» имеют мозаичный характер, что препятствует их систематическому сопоставлению с Повестью Вяч. Иванова. Во-вторых, большинство конкретных деталей, характеризующих Индию пресвитера Иоанна, в древнерусских и в латинских версиях совпадают, и, в-третьих, Индия в данных сочинениях описывается во многом так же, как в других средневековых текстах (в частности, в цикле сочинений об Александре Македонском). Таким образом, трудно с уверенностью говорить о том, что та или иная деталь Повести восходит именно к «Посланию пресвитера Иоанна» или «Сказанию об Индийском царстве», а не к какому-либо другому сочинению поздней античности или Средневековья.

Систематическое сравнение Книги пятой Повести с «Посланием пресвитера Иоанна» и «Сказанием об Индийском царстве» см. в изд.: Топорков 2012: 279–310.

I

[1] *Богу во святей, единосущней, светоначальней и животворящей Троице слава.* – Первый стих «Послания...» отсылает к начальному возгласу Всенощного бдения: «Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздельнѣй Троицѣ» (Символ 2008: 305). См. также: II.22.2; III.13.6.

[2] *Иоанн Пресвитер державному Владарю – радоватися.* – Форма обращения характерна для новозаветных писаний, напр.: «Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, – радоваться» (Иак. 1: 1); «Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться» (Деян. 23: 26). См. также начало письма князя Олега Рязанского к Мамаю в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Въсточному великому и полному царемъ царю Мамаю радоватися» (Шамбинаго 1906: 40).

[3] *Послушествуют мне христолюбивых царей двоенадесять, и трие от них при мне живут в митрополии державы нашея, споспешествующе ми советом и смотрением, прочии же над треми другими частями царства поставлены, по три царя в каждой части.* – Структура идеального государства пресвитера Иоанна представляет собой образец гармонии, основанной на соотношении чисел «1», «3», «4», «9» и «12». Держава включает метрополию и три другие части. Трое царей помогают пресвитеру Иоанну управлять всей страной в целом, а остальные девять находятся в трех частях государства, по трое в каждой. Образ двенадцати царей встречается в Библии: «Вот, приходят дни, когда восстанет на земле царство более страшное, нежели все царства, бывшие прежде него. В нем будут царствовать, один после другого, двенадцать царей» (3 Езд. 12: 13–14). Число «12» может также обозначать незримое присутствие Христа; ср. слова Вяч. Иванова в разговоре с М.С. Альтманом: «Христос есть тот, кто во 12. И на Св. Вечери всего 12, а не 13, ибо Иуда уходит, Христос – остается. Он всегда есть таинственный во 12» (Альтман 1995: 75; зап. от 13 августа 1921 г.).

Вяч. Иванов исследовал сакральный принцип триады в книге «Дионис и прадионисийство» (см.: Иванов 1994а: 60–61, 64, 66–67, 86, 98, 113, 120, 178).

[4] *Причти к сим и господарей язычествующих, под нашу руку волею приставших и окраинныя области держащих, их-же к водам крещения не хощем нудити*. — Среди подданных легендарного Иоанна Пресвитера, помимо христиан, также были язычники, которых он не принуждал креститься (см.: Послания 2004: 18. См. также: Там же: 116). Согласно «Итинерарию Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза», в землях Пресвитера Иоанна «правят восемнадцать королей, из них одиннадцать — христиане, а прочие семь — нехристиане» (Послания 2004: 100).

[5] *...от правого исповедания единыя святыя, соборныя и апостольския Церкве...* — Приведен девятый член Никео-Цареградского Символа веры (см.: Символ 2008: 305).

[6] *Отсельницы есмы новыя Трои, еже Византии имя тайное есть по сказанию древлему*. — Миф о происхождении римлян от троянцев исследуется Вяч. Ивановым в статье «Историософия Вергилия» (1931) (см.: Символ 2008: 156–157). См. также статью Ф. Вестбрёка «Историософия Вергилия в концепции Вячеслава Иванова» (см.: Символ 2008: 145–152).

[7] *Отрасль хвалимся быти царственного Константиня града, далече процветшая прежде распри с Римом первым...* — Окончательное разделение Восточной и Западной Церквей произошло в 1054 г. О соотношении двух ветвей христианства Вяч. Иванов писал сыну Д.В. Иванову 10 марта 1927 г.:

> Только в 1054 г. греки окончательно взбунтовались и отделились от Рима. Русских всему научили греки, и они вооружили наших предков против Рима. Впрочем, русские мало об этом думали, потому что Россия вскоре, вследствие исторических причин (татарского нашествия), совсем отделилась от Европы и не имела никакого понятия о том, что делается на Западе. Россия никогда не была отлучена Римом от Церкви. Она просто замкнулась в себе и находилась в фактическом отделении. Это отделение (схизма) — несомненно *вина* русской местной церкви, и вина эта должна быть всею Россией рано или поздно заглажена; православная церковь молится о соединении церквей, но на деле понимает это соединение как отречение римского первосвященника от принадлежащей ему в силу священного предания власти (чего он, разумеется, не может сделать без нарушения заповеди Христовой Петру: «паси овец моих»... «утверди братьев своих»).
>
> Символ 2008: 530–531. Курсив Вяч. Иванова

См. также статью поэта «Славянская мировщина» (см.: Иванов 1971–1987/4: 658). См. примеч. 2 к II.11–12.3–4.

[8] *...яко хитона Спасителева, не швена, свыше исткана цела* (*Ев<ангелие> от Иоанна 19, 23*), *не предерохом ниже разделихом*. — Рассказ о ризе Христа присутствует только в Евангелии от Иоанна:

> Воини же, егда пропяша Иисуса, пріяша ризы его, и сотвориша четыри части, коемуждо воину часть, и хитонъ: бѣ же *хитонъ нешвенъ, свыше исткaнъ весь*. Рѣша же къ себѣ: *не предеремъ его*, но метнемъ жребія о немъ, кому будетъ: да сбудется писаніе, глаголющее: *раздѣлиша* ризы моя себѣ и о иматисмѣ моéй меташа жребія.
>
> Русский перевод:
> Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий.
>
> Ин. 19: 23–24

См. также: Пс. 21: 19; Мк. 15: 24.

«Толковая Библия» сообщает, что

> <...> воинов, которым было поручено распять Христа, было четверо, и потому верхние одежды Христа были разделены на четыре части, но как именно — неизвестно. Нижняя же одежда, хитон, как тканая не могла быть разрезана на части, потому что тогда распустилась бы вся ткань. Поэтому воины и решили бросить о хитоне жребий. Может быть, Иоанн, сообщая об этом сохранении в целости хитона Христова, хотел этим указать на необходимость единения Церкви Христовой (*Киприан Карфагенский*, «О единстве кафолической Церкви», 7).
>
> ТБ 2009/6: 1205

Согласно преданию, Богоматерь «среди других занятий успела соткать для Иисуса замечательный по работе красный полотняный хитон, без швов, который и был впоследствии постоянною Его одеждою до самой смерти Его» (Сказания 1904: 150). Существуют армянские, грузинские, сирийские предания о ризе Христа, которую иногда отождествляют с его хитоном, и обстоятельствах ее перенесения из Иерусалима в Иверию (Грузию). В 1625 г. персидский шах Аббас I прислал ризу царю Михаилу Феодоровичу, сообщив, что обнаружил ее в ризнице митрополита при завоевании Грузии. Реликвия была торжественно положена в специальном ковчеге в московском Успенском соборе, и 10 июля по ст. ст. был установлен праздник Положения Ризы Господней (см.: Дебольский 2002: 88–89).

Хитон Спасителя фигурирует в статье Вяч. Иванова «Наш язык» (1918) как символ религиозного единства и целостности (см.: Троицкий 2002: 204). Сохранился набросок поэта под заглавием «Раздранная риза» (см.: ВИАМИ 1999: 7–8). В 1918 г. планировалось издание серии небольших книг или брошюр под названием «Духовная Русь», причем в перечне изданий значилась книга Вяч. Иванова под заглавием «Раздранная риза» (см.: Троицкий 2002: 210). Данный образ также неоднократно использовал С.Н. Булгаков, напр., в реплике Писателя из диалога «На пиру богов» (1918): «Растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон» (Вехи 1991: 319).

В «Монархии» Данте «цельная риза» обозначает единую империю:

> <...> рассекать империю императору не дозволено. Если, следовательно, отдельные права и прерогативы были (как говорят) отчуждены Константином от империи и переданы в ведение церкви, то *был бы разодран хитон несшитый*, разодрать который не осмелились даже те, кто пронзили копьем истинного Бога, Христа».
>
> Данте 1968: 354. *Пер. В.П. Зубова*

См. также: Там же: 597–598, примеч. 4. В другом месте того же трактата Данте противопоставляет эпоху императора Августа, когда существовала совершенная монархия, и время, «когда цельная эта риза впервые была разодрана когтями алчности» (Данте 1968: 320. *Пер. В.П. Зубова*). См. подробнее: Троицкий 2002: 202–209; Топорков 2012: 147–149.

II

[1] *Лежит земля наша, именуемая Белая Индия...* — См. примеч. 7 к IV.4.19. Параллель к образу Белой Индии в Повести встречается в стихотворении Н.А. Клюева «Белая Индия» (между 1916 и 1918). См. также в его стихотворении «Оттого в глазах моих просинь...» (1916) из цикла «Поэту Сергею Есенину»: «Певчим цветом алмазно зай́ндевел | Надо мной древословный навес, | *И страна моя, Белая Индия*, | Преисполнена тайн и чудес!» (Клюев 1999: 298). В целом, «индийская тема» у Н.А. Клюева, впитавшая в себя мотивы былин и древнерусских сочинений об Индии, обнаруживает многочисленные параллели с Повестью (см.: Венцлова 1988: 36). Вяч. Иванов высоко оценивал его поэзию, о чем говорил Рюрику Ивневу: «Есенин близок к мифотворчеству, он несомненно талантлив, хотя учителя его, Клюева, я считаю выше» (Альтман 1995: 79; зап. от 27 августа 1921 г.).

[2] *...отпора нашего Чингисхану непобедимому и равночестныя с Великим Моголом мировщины.* — Чингисхан (1155 или 1162–1227) — титул монгольского хана, основателя Монгольской империи. Согласно версии Марко Поло, в 1200 г. Чингисхан напал на страну пресвитера Иоанна, и между ними произошла битва, в которой пресвитер Иоанн потерпел поражение и был убит (см.: Послания 2004: 179–182).

Великие Моголы — династия правителей в Индии (1526–1858 гг.). Ее основатель Бабур Тимурид происходил из Моголистана (территория Средней и Центральной Азии). Великими Моголами назвали эту династию европейские путешественники XVII в.

[3] *В нарочитых походах и сам военачальствую, из башни скородвижныя, слоном белым носимыя...* — Сведения заимствованы из средневековых сочинений о пресвитере Иоанне:

> В Индии есть провинция Мачин, где водится бесчисленное множество слонов, говорят, что царь выращивает их для красоты, ибо их удивительным образом ловят и, заставляя премного голодать, приручают. Царь этой провинции всегда ездит верхом на белом слоне.
>
> Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии... // Послания 2004: 119. *Пер. Н. Горелова*

Белый слон — важный буддистский символ: он «возвестил рождение Будды Гаутамы и соответственно является символом бодисатвы (бодхисаттвы), освободителя людей от оков земного бытия» (Бидерманн 1996: 248).

[4] *Перелазит заставу горную и к нам приблудитися ищет исчадие неприязненное: гимнософисты, сиречь нагомудрецы, рекомые, безстыдства и безначалия и безнадеждия учители...* — Гимнософисты (*греч.* γυμνοσοφιστα..., букв.: ‘нагие философы’) — греческие мудрецы-аскеты, с которыми встретился Александр Македонский в Индии. Свое название получили от того, что ходили без одежды, считая, что она препятствует духовному совершенствованию. По мнению В.К. Шохина, нагомудрецы больше всего напоминают адживиков, однако в некоторых отношениях близки также джайнам и ортодоксальным брахманам (см.: Шохин 1988: 219–220). Негативная характеристика гимнософистов в Повести не соответствует их оценкам в античной и древнерусской традициях, где они изображались вполне позитивно.

[5] *...и чародеи, очей обаятели, и чаротравницы, и блудодеи...* — Ср. в Апокалипсисе: «А вне — псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Откр. 22: 15). См. также: Откр. 21: 8.

[6] *Ловит народ душегубителей и заводит в дебри и пропасти земли, белу волку (молвят людие), лжам судии, во снедь...* — Белый волк в фольклоре играет роль главного волка в стае, «князя» или «царя» волков. В белорусской сказке охотник встречает в лесу «сивого старичка», который распоряжается волками. Среди волков есть «белый царик»: «Тэй белый царик, кали тронить чилавека, то и уси на

яго: а не тронить, то водин ня тронить» (Добровольский 1891: 137–138). В сказке «Напуганные медведи и волки» из сборника А.Н. Афанасьева описывается, как «идут семь волков серых, восьмой белый» (Афанасьев 1984/1: 58, № 45). К последнему обращается кот «мурлышко»: «Ахти, белый волк, над волками князь!» (Там же: 58, № 45). Белый волк-оборотень изображен в балладе А.К. Толстого «Волки» (1856): «Семь волков идут смело. | Впереди их идет | Волк осьмой, шерсти белой <...>» (Толстой 1984: 111). После того, как его убили, он снова принял человеческий образ и оказался седой старухой (Там же: 112). О белом волке см. также: V.7.13.

[7] *...и единорогом белым, целомудрия стражем, на прободение, и грифом белым, огня ревнителем, на поклевание.* — В царстве легендарного пресвитера Иоанна были животные белого цвета, напр., «львы *белые* и червонные, *белые* медведи, *белые* дрозды <...>» (Послания 2004: 18. *Пер. Н. Горелова*). О белом единороге см. примеч. 17 к IV.1.21.

[8] *Сицева докука соседская; в пустынях же помяну сухое море...* — Красочное описание сухого моря встречается в средневековом «Послании пресвитера Иоанна»: «Среди прочих чудес, которые есть во владениях наших, стоит упомянуть и песчаное море, в котором нет воды. Песок же течет и приходит в волнение наподобие целого моря, и никогда не наступает тишь» (Послания 2004: 25. *Пер. Н. Горелова*. См. также: Там же: 94, 119).

[9] *...на месте столпа Вавилонского...* — Имеется в виду библейский рассказ о строительстве Вавилонской башни (см.: Быт. 11: 3–9). В средневековом «Послании пресвитера Иоанна» также сообщается, что Вавилонская башня находится на границе его царства:

> В трех Индиях властвуем мы, и простираются наши владения от внутренней Индии, где покоится тело святого апостола Фомы, по пустыне и на восход солнца и возвращается по Великому Спуску в Вавилонской пустыне до самой Вавилонской башни.
>
> Послания 2004: 18.
> *Пер. Н. Горелова*

[10] *...и реку, в то море текущую и не иссякающую, песка сыпучего, ветром волнуему и стремиму в русле безводнем.* — См. в «Истории клирика Елисея» (XII в.): «Есть там и еще одна речушка, которая показывается лишь один раз в году, и этот поток песчаный, приносящий драгоценные камни» (Послания 2004: 82. *Пер. Н. Горелова*).

[11] *Елика же странничествующии бают о негде за пустынями обитающих наездницах ли мужеубийцах...* — Имеются в виду амазонки. См. в средневековом «Послании пресвитера Иоанна»:

> Амазонки — это женщины, у которых своя царица, а обитают они на острове, простирающемся во все стороны на тысячу миль и окруженном со всех сторон некой рекой без начала и конца, подобно кольцу без камня. <...> Мужи упомянутых женщин не живут с ними и не смеют приходить к ним — если только не хотят умереть на месте, — но обитают они на внешнем берегу упомянутой реки. Ибо если какой-либо мужчина ступает на этот остров, то умирает в тот же день. Женщины же приходят к ним и остаются с ними на неделю или пятнадцать дней или более и затем покидают их и возвращаются на другой берег. <...> Есть у них обычные кони — сильные и быстрые, верхом на которых они сражаются <...>.
>
> Послания 2004: 30–31.
> *Пер. Н. Горелова*

[12] *...о исполинех ли, един глаз во лбу имущих, другий же в темени...* — В описании циклопов Вяч. Иванов в основном следует за средневековым «Посланием пресвитера Иоанна», в котором сообщалось, что в индийском царстве живут «<...> одноглазые, люди, у которых глаза сзади и спереди <...>»; «<...> гиганты высотой в четыреста локтей, одноглазые, циклопы <...>» (Послания 2004: 19. *Пер. Н. Горелова*).

[13] *...о Пигмеях ли меньших телом, неже детца малая, земледелех кротцых, птицами исклюваемых.* — Сведения о пигмеях сообщаются в «Итинерарии Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза»:

> Отправившись дальше, мы попали в страну пигмеев. Это уродливые маленькие люди, длиной в один локоть, домов они не строят, а живут в горных пещерах, гротах и раковинах. А также не едят хлеба, а только разные травы и пьют молоко, словно неразумные животные. Говорят, что пигмеи часто сражаются с журавлями и что журавли иногда убивают их детей. Известно, что эти люди живут от силы двенадцать лет, не больше.
>
> Послания 2004: 93.
> *Пер. Н. Горелова*

[14] *И елика иная сего рода неподобная расписывают, сами ни Псоглава...* — Имеются в виду легендарные кинокефалы — люди с головой пса (собаки). См. в средневековом сочинении «Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии...»: «Среди индийцев обитают кинокефалы, у них собачьи головы, и они лают» (Послания 2004: 116. *Пер. Н. Горелова*. См. также: Там же: 202).

[15] *...ни Полкана — конечеловека трезве не видевше...* — Полкан — персонаж «Повести о Бове Королевиче», кентавр, обладающий громадной силой и скоростью.

В источнике «Повести о Бове Королевиче», итальянском рыцарском романе «Reali di Francia», Пуликане — полупес, получеловек, сын знатной сеньоры, совокупившейся с псом.

[16] *Отвращает бо ся от суеверия муж, истинная и явная по вся дни зряй чудеса.* — Суеверия как греховные заблуждения противопоставлены подлинным чудесам, являемым Господом и призванным прославить Его имя, см.: «Покрываемые Твоею рукою, они прошли по ней всем народом, видя дивные чудеса» (Прем. 19: 8); «И всякий, кто избавится от прежде исчисленных зол, сам увидит чудеса Мои» (3 Езд. 7: 27). См. также: 3 Езд. 13: 14; Деян. 8: 6.

III

[1] *Гог и Магог* — мифические народы; пророчество о них включено в Апокалипсис (см.: Откр. 20: 7–9), продолжающий в этом отношении ветхозаветную традицию (см.: Иез. 38, 39). В апокрифическом «Откровении Мефодия Патарского» сообщается, что Александр Македонский обнаружил на Востоке народы Гог и Магог и заточил их в горы у Солнечного града, близ Индии. По его молитве горы вокруг них сомкнулись, а в оставшемся проходе воздвиглись медные врата. В «последние времена» Гог и Магог выйдут из заключения и обрушатся на человечество. Это «Откровение» приписывается епископу Мефодию Патарскому, который жил в III–IV вв., а на самом деле, по-видимому, сложилось к VII в. (см.: Шохин 1988: 185). Рассказ о Гоге и Магоге из «Откровения Мефодия Патарского» приводится в Поучении Владимира Мономаха, включенном в «Повесть временных лет» (см.: Повесть 1996: 532). Аналогичная история фигурирует в средневековом «Послании пресвитера Иоанна» (см.: Послания 2004: 20–21). При написании своего текста Вяч. Иванов скорее всего использовал всю совокупность перечисленных источников, включая Книгу Иезекииля и Апокалипсис, «Послание пресвитера Иоанна», «Откровение Мефодия Патарского» и «Повесть временных лет».

[2] *...блюдет их, толкуют старцы, сила небесная на день судный, егда изыдут из затвора своего, по пророчеству, Гог и Магог примучити вселенную.* — Ср. в Апокалипсисе:

> Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный. И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков.
>
> Откр. 20: 7–10

Вяч. Иванов прокомментировал данный фрагмент:

> По истечении тысячи лет сатана выпущен на волю и возмущает против Бога отдаленнейшие народы земли. Несметные полчища ведет он на брань — Гога и Магога, как зовет их Апостол именами, заимствованными из пророчества Иезекиилева ([гл.] 38). Они осадили город святых, но огонь упал с неба и попалил их, а сатана низвержен в преисподнюю навеки.
>
> Деяния 1946: 501

[3] *...своих отбегает, забеглым волком пристает, огрызаяся, к рыскучей новых свояков стае и с нею звериным обычаем живет, сырым мясом питаяся, ино и людоедствуя.* — Из данного фрагмента неясно, то ли изгой превращается в волка, то ли он просто уподобляется зверю. Источником скорее всего послужил текст Павсания:

> <...> рассказывают, что со времени Ликаона при жертвоприношении в честь Зевса Ликейского всегда кто-нибудь из человека превращался в волка, но не на всю жизнь: если, став волком, он воздерживается от человеческого мяса, то спустя девять лет, говорят, он снова обращался в человека; если же он отведал человеческого мяса, он навсегда остается зверем.
>
> Павсаний. VIII.2. *Пер. С.П. Кондратьева*

Древнегреческие мифологические тексты о ликантропии (от *др.-греч.* λύκος — волк и ἄνθρωπος — человек; болезнь, которая заключается в том, что человек якобы превращается в волка) Вяч. Иванов рассмотрел в своей книге «Дионис и прадионисийство» (см.: Иванов 1994а: 24–25). Эти же материалы еще ранее изложил В. Клингер (см.: Клингер 1911: 218–219).

[4] *...с нашею кустодиею против рода окаянного ратоборствует...* — Кустодия (от *лат.* custōdia через *греч.* κουστωδία) — стража.

IV

[1] *И, озирая мысленно простор, нам в обитание данный, воспоминаю великий оный остров, волною морскою покрытый древле.* — Имеется в виду Атлантида. См. примеч. 8 к III.8.9.

[2] *Также и к нам пришедый путник, дивяся, речет: «Нигде, ниже в чертозех и цветницех царевых, обонял есмь благоухания, яже зде веют...* — Чудесное благоухание является знаком того, что где-то неподалеку располагается земной рай: см. в «Истории клирика Елисея» (XII в.):

> В тех горах бьет источник, и из этого источника берут начало четыре реки, а именно Тигр, Геон, Фисон и Евфрат. Эти четыре реки орошают земли двух Индий и приносят золото и драгоценные камни, а также *плоды, источающие божественный аромат, по этому благоуханию люди и узнали, что там находится рай. Если вдыхать их аромат на протяжении четырех дней, то пропадет желание есть и пить, а также ими причащают больных, и оные от этого излечиваются.*
>
> Послания 2004: 79. *Пер. Н. Горелова*

[3] *...ни громных гласов рокота мусикийска».* — Мусикийский — музыкальный; от существительного «мусикия» (*греч.* μουσική) 'музыка'.

[4] *Но дабы памятовал человек о мече пламеннем, Едема врата стерегущем...* — Имеется в виду ангел с пламенным мечом (см.: Быт 3: 24). См. примеч. 4 к IV.11.8.

[5] *...и вихремощных воздушных хищников.* — Представление о том, что в воздухе господствуют «князь мира сего» и его демоны, восходит к словам апостола Павла: «<...> по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынхѣъ противленія <...>» (Еф. 2: 2; рус. пер.: «<...> по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления <...>»). В комментарии к этому фрагменту Вяч. Иванов отмечает:

> После грехопадения люди стали рабами низшей природы и не могли преодолеть уз вещества; они были живы плотию, но духовно мертвы; ими владели демоны, духи непослушания, пребывающие, по мнению Иудеев, в воздушных пространствах, недалеко от людей, для борьбы с ними.
>
> Деяния 1946: 322

[6] *Не терние зде, не волчцы изращает земля чадом Адамовым, ин расточает благостыню...* — Перифраз слов апостола Павла:

> Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, *получает благословение от Бога*; *а производящая терния и волчцы* негодна и близка к проклятию, которого конец — сожжение.
>
> Евр. 6: 7–8

См. также: Быт. 3: 18–19; Ис. 5: 6. См. в статье «Русская идея» (1930):

> Органическая эпоха аналогична эдемскому состоянию детского бытия в лоне Творца, — не потому, что она рай и золотой век утраченного

> счастия, но потому что центр сознания там — не в личности, а вне ее. Критическая эпоха — эпоха люциферского мятежа индивидуумов, пожелавших «esse sicut Deus, scientes bonum et malum»*. *В ней терния и волчцы произрастают на земле, что была человеку прежде радостно-щедрой матерью, ныне же стала скупой и враждебной мачехой*, и не потому, что изменились к худшему внешние условия существования, но потому, что личность научилась дерзать и страдать и открылись неслыханные лабиринты Духа и Голгофы сердца.
>
> Символ 2008: 118–119. *Пер. с нем. М. Кореневой*

См. также в трагедии Вяч. Иванова «Прометей»:

> Да не щедра и мать [Земля]. Как Зевс, она
> Свое лицо таит: он — за лазурной
> И радостной завесою; она ж —
> *За диким и печальным покрывалом*
> *Волчцов и терний*, иль за бором темным.
>
> Иванов 1995/2: 63

[7] *...и самим преизбытком силы раждающия задушила бысть человека самостояние, аще бы в поте лица своего не борол ю.* — Слова Господа: «<...> в поте лица твоего будешь есть хлеб <...>» (Быт. 3: 19) осмыслены здесь не как проклятие, а как заповедь человеку. См. в «Большой челобитной» (XVI в.) Ивана Пересветова: «<...> отцу нашему первому приказал Богъ Адаму, создав его и дав ему всю землю в мочь, и велѣлъ дѣлати землю и в поте лица ясти хлѣбъ, и Адам заповедь Божию исполнил <...>» (рус. пер.: «<...> наказал Бог нашему праотцу Адаму, когда создал его и дал ему во власть всю землю и велел обрабатывать землю и в поте лица своего есть хлеб, а Адам заповедь Божью исполнил <...>» (Памятники 1984: 618–619)).

V

[1] *Всяко лето путешествую, не ближния токмо, но отдаленнейшия местодержания посещая, грады же и веси, да повсюду глас народный услышу, во еже суд и ряд сотворити во благовремении.* — См. в средневековом «Итинерарии Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза»: «После трапезы он (пресвитер Иоанн. —

* «Быть подобно богам, ведающим добро и зло» (*лат.*; ср.: Быт. 3: 5). (*Примеч. Вяч. Иванова.*)

Ред.) объезжает свою землю верхом на лошади и вершит суд» (Послания 2004: 100. *Пер. Н. Горелова*).

[2] *Свободь бо есть всяк, во Христа крестивыйся, и на Христов Лик взирая, свободныма ногама, камо-же хощет, шествует, якоже и речено есть о Христу верном: «и внидет, и изыдет, и пажить обрящет».* — Цитата из Евангелия от Иоанна: «Азъ есмь дверь: мною аще кто внидетъ, спасется: *и внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ*» (Ин. 10: 9; рус. пер.: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет»). Слова Спасителя можно интерпретировать следующим образом: Он есть дверь в Царство Божие, и благодаря крещению человек получает возможность войти в эту дверь.

Христос в свою очередь процитировал Книгу Иезекииля:

> И рече Господь ко мнѣ: сія врата заключенна будутъ и не отверзутся, и никтоже прόйдетъ ими: яко Господь Богъ Израилевъ внидетъ ими, и будутъ заключенна. Зане старѣйшина сей сядетъ въ нихъ ясти хлѣбъ предъ Господемъ: *по пути Елама вратъ внидетъ и по пути его изыдетъ.*
>
> Р у с с к и й п е р е в о д:
> И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред Господом; *войдет путем притвора этих ворот, и тем же путем выйдет.*
>
> Иез. 44: 2–3

Согласно объяснению М. Скабаллановича,

> <...> эти ворота были закрыты навсегда и для всех людей; закрыты потому, что, как открыл пророку Сам Господь, через эти ворота «вошел» (слав. «внидет») Господь Бог; это-то вхождение таинственными воротами Самого Бога сделает их неприступными и священными. <...> По мысли Отцов Церкви и церковных песнопений, таинственные врата, закрытые для всех людей и навсегда по прохождении ими Самого Господа, указывали на таинство воплощения Сына Божия от Приснодевы Марии. «В этом образе, — говорит бл. Феодорит, — пророк дает нам проразуметь девственную утробу, в которую никто не входит и не исходит, кроме Самого только Владыки».
>
> Скабалланович 2004а: 68–69

Данный фрагмент Книги Иезекииля входит в состав паремийных чтений в праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

[3] *...в угождение мне игрища устрояют и кола...* — Кола — хороводы.

[4] *Наипаче же поощряю юных состязания в беге, и прядании, и копьеметании, и борьбе, и стрельбе, и пении, и стихословии.* — Пресвитер Иоанн стремится воплотить античный идеал разностороннего развития человека. Прядание — прыгание, скакание (от глаг. «прядать» ‘прыгать, скакать’) (см.: Даль 1882/3: 531).

[5] *...с собою увожу в землю срединную, о ней же абие имамь глаголати.* — «Срединная земля» Белой Индии соотносится с «внутренней Индией» древних и средневековых источников. Напр., «в “Хронике” Амартола четко различаются три части Индии: области рахманов, индийцев и обитателей внутренней Индии» (Шохин 1988: 199). С точки зрения географии «внутренняя Индия» представляет собой загадочный феномен: «Этот регион упоминается только в связи с сообщением о бассейне Эдемской реки и потому трудно локализуем; о нем, по существу, известно лишь то, что через него проходит р. Ганг (Индос)» (Шохин 1988: 199). О «срединной земле» в Белой Индии см. также: V.6.1; V.10.6; V.11.9. Своя «серединная земля» есть и в славянском государстве (см.: I.3.2).

Абие (*ст.-сл.*, *др.-рус.*) — тотчас.

VI

[1] *Ущедрена есть свыше земля, юже срединную именуем, пред всеми частями царства.* — Ущедрена — от глагола «ущедрять, ущедрить» ‘щедро наделять, богато одарить’ (см.: Даль 1882/4: 529). Глагол «ущедрить» употребляется в Псалтири, в частности, в псалме 66: «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице твое на ны и помилуй ны <...>» (Пс. 66: 2; рус. пер.: «Боже! будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицем Твоим <...>»). См. также: Пс. 4: 2; 102: 13. По наблюдениям А. Грек,

> <...> центральная часть царства Иоаннова именуется «срединною землею». Ее наиглавнейший признак — у щ е д р е н н о с т ь с в ы ш е — отсылает к целому корпусу богослужебных текстов, включая псалмы, молитвы, каноны, акафисты и др. См. соответствующий ряд примеров: «да будет *ущедряй* сироты его», «Ты воскрес *ущедрииши* Сиона, яко время *ущедрити* его <...> и персть его *ущедрят*», «спаси, *ущедри*, о Иисусе Благодетелю», «Иисусе, Творче мой, *ущедри* мя», «поюща мя *ущедри*».
>
> Грек 2004: 110. *Разрядка А.Г. Грек*

При описании «срединной земли» Вяч. Иванов мог опираться на «Историю клирика Елисея» (XII в.):

> Средняя Индия простирается от горы Олимп до моря Океана, и там постоянно пребывает пресвитер Иоанн, ибо земля там красива, плодо-

родна и изобильна, одарена всеми богатствами, какие только существуют под небом, золотом, и драгоценными камнями, и самоцветами, и пряностями, и шелками.

Послания 2004: 81. *Пер. Н. Горелова*

[2] *Свидетельство же тому: не лютуют в ней звери дивии, не жалят гады ядовитые, ни лихо зелие не растет.* — Подобное описание «срединной земли» соответствует изображению страны пресвитера Иоанна в средневековом послании:

> В стране нашей мед течет и молоко изобилует. В одной из областей наших никакая отрава не причиняет вреда и не квачет крикливая лягушка, не водятся там скорпионы и не ползают по траве змеи. Ядовитые животные не могут обитать в этом месте и причинять вред.
>
> Послания 2004: 21. *Пер. Н. Горелова*

См. также: Там же: 79, 81, 94, 115.

[3] *Но тучнеет по крутодолам дальним древо масличное и веселит холмогория добре возделана Вакх ли, у еллинов славимый, мест сиих древний гость, Ной ли, из ковчега исшедый, первовиноградарь.* — Характерное для творчества Вяч. Иванова сочетание персонажей античной мифологии и Ветхого Завета. О Ное-винограде см.: Быт. 9: 20.

[4] *...бе же Фисон река, из сада Едемска текущи в страну, златом и бдолахом и ониксом изобильну.* — Близкий пересказ Книги Бытия: «*Из Едема выходила река* для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной *Фисон*: она обтекает всю землю Хавила, ту, где *золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс*» (Быт. 2: 10–12). В последующей традиции реку Фисон начали отождествлять с Гангом (Гангия, Гангыс и т. д.), напр., в «Наставлении Палладия» (III в.) сообщается: «Река, называемая Гангом, и есть та самая, которую Святое Писание именует Фисон, и она одна из четырех рек, текущих из Рая» (Послания 2004: 70. *Пер. Н. Горелова*). По сведениям Косьмы Индикоплова, Фисон — это индийская река, которую называют то Индом, то Гангом (см.: Шохин 1988: 195). Красочные описания рек, текущих из рая, и драгоценных камней, что в них находили, имеются в «Послании пресвитера Иоанна» и других средневековых текстах об Иоанне Пресвитере (см.: Послания 2004: 21, 26, 52, 53, 58, 70, 79, 80, 81, 100, 201).

Бдолах — обобщенное название блестящих драгоценных камней; ароматическая смола кустарника под тем же названием; ср.: «Манна же была подобна кориандровому семени, видом, как *бдолах* <...>» (Числ. 11: 7).

[5] *Мнят убо: и доднесь струи едемстия, под землю ушедшия по изгнании Адамове, сквозь расселины коры каменныя в онем русле дышут. И в подкрепление приводят тако мнящии злата и камения самоцветна добычу, в песце русла сребрезарнем ископаему.* — Описание восходит к средневековому «Посланию пресвитера Иоанна»:

> Рядом с пустыней среди необитаемых гор течет под землею некий поток, доступ к нему открывается не иначе как совсем неожиданно. Так, он внезапно появляется в каком-либо месте на поверхности, и если кто-нибудь окажется там в это время и сможет в него войти и спешно выйти, дабы не сомкнулась земля, то почерпнет им из источника драгоценные камни и самоцветы, ибо песок и гравий в такой реке — драгоценные камни и самоцветы.
>
> Послания 2004: 26. *Пер. Н. Горелова*

[6] *Но и вброд преити поток ветреный не все могут...* — Одним из источников данного эпизода может быть духовный стих «Про Михаила архангела», который перевозит праведные души «через огненну реку ко пресветлому раю» (см.: Ляцкий 1912: 36); грешные души расплакались и спрашивают, почему он их не берет с собой. Архангел объясняет: они наказаны за то, что не посещали церквей, не кормили убогих и т. д., поэтому должны сами брести через огненную реку: «Побрели как души грешны через огненну реку, — | Тела-те у их да опаляются, | А власы-те на главах да загораются» (Ляцкий 1912: 37). Сходная ситуация описана в главе «О видении, бывшем брату Льву, и как растолковал его святой Франциск» из «Цветочков Франциска Ассизского» (см.: Цветочки 1913: 112–113). См. также в трагедии Вяч. Иванова «Тантал» (1905) описание реки, в которой обречен мучиться герой (см.: Иванов 1971–1987/2: 30).

[7] *И стекается множество к лествицам широким, из каменя асвеста, рекше вапна, созижденным, низводящим ко броду...* — Вапна (стар.) — известь, известка (см.: Даль 1880/1: 164).

[8] *...и видят овии, идеже броду быти, синину прозрачну, овии облак багрян, овии нить яропламенну.* — Виде́ние цветовых пятен в световом потоке напоминает беспредметную живопись; сходным образом вполне можно описать какую-нибудь абстрактную композицию в духе В.В. Кандинского.

[9] *Обаче сон и мара суть, елика видят, не имать бо зрака поток воздушный.* — Мара — «мана́, блазн, мо́рок, морока, наваждение, обаяние; греза, мечта; призрак, привидение, обман чувств и самый призрак» (Даль 1881/2: 298). Возможна также ассоциация с māra (*санскрит.*)‘смерть, разрушение’. В буддизме Мара — полубог, искушавший Будду Гаутаму видениями красивых женщин. См. употребления слова «мара» в поэзии Вяч. Иванова, напр., в сонете 9 из цикла «Золотые завесы» (1907): «Есть мощный звук: немолчною волной | В нем море Воли мается, вздымая | Из мутной мглы всё, что — *Мара* и Майя | И в *маревах* мерцает нам — Женой» (Иванов 1995/1: 332); «И нежный рай, земле присущий, | *Марой* покрылся, в смерть бегущей» («И правоверный Кальдерон...» // Иванов 1995/2: 178). В сти-

хотворении М. Волошина «Гностический гимн Деве Марии» (1907), посвященном Вяч. Иванову: «*Марево-Мара*, | Море безмерное, | Amor-Maria — | Звезда над морями!» (Волошин 2003: 6).

Зрак — здесь: ‘вид, образ’.

[10] *И простии сердцем... веселыми ногами на он пол пребродят.* — Перифраз Псалтири: «Он превратил море в сушу; *через реку перешли стопами, там веселились мы о Нем*» (Пс. 65: 6). Словосочетание «веселыми ногами» восходит к пасхальному канону (песнь 5): «<...> к свѣту идяху Христе, *веселыми ногами*, Пасху хваляще вѣчную» (Триодь 2002: 3об.).

[11] *Инии же, грехи воспомянувше многия, не дерзают, и смиренне прочь отходят говения ради и покаяния; по мале же времени, устроивши душу, с миром возвращаются и, бодро ступающи, на брег радощами восходят.* — См. в средневековом «Итинерарии Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза»:

> Совершил паломничество к гробнице святого Фомы апостола, чье тело находится в городе под названием Ульна, в четырех днях пути от Эдессы; Ульна расположена в море на расстоянии двух миль от берега, на высокой горе, и, отправляясь в этот город, человеку следует подготовиться, поститься в течение пятнадцати дней, воздерживаясь от мяса и рыбы. <...> И в течение этих пятнадцати дней море, омывающее город Ульну, расступается на две мили, так что верующие во Христа добираются до города с сухими ногами. Воды возвышаются с обеих сторон, словно две стены, однако язычники между ними пройти не могут.
>
> Послания 2004: 101. *Пер. Н. Горелова*

VII

[1] *Приветствoм и ласкою сретают пришельцев жители; всем постлано ложе и трапеза уготована, по градам в богатых странноприимницах, на селе в общежитиих земстих.* — Описание гостеприимства и социального равенства восходит к средневековому «Посланию пресвитера Иоанна»: «Всех иноземных гостей и пилигримов потчует наше гостеприимство. <...> Нет между нами никакого разделения. У людей наших изобилие во всяком богатстве» (Послания 2004: 27. *Пер. Н. Горелова*).

[2] ...«*Новщина есть и безмерие...* — Новщина — то же, что «новизна» ‘нововведенье, новый обычай’; см. также новщик, новщица ‘вводящий новину, перемены, новые порядки, обычаи; кто не держится старины, обыка отцов и дедов’ (см.: Даль 1881/2: 549–550).

[3]...*яруги...* — Яруг — овраг, буерак; ручей в овраге, ключ, родник (см.: Даль 1882/4: 680).

[4] *Зане любы народу нашему клиров гласы, к Солнцу Правды возносимыя...* — Христос именуется «Солнцем Правды» в литургических песнопениях: «Тебе кланятися *Солнцу Правды* и Тебе ведети с высоты востока <...>» (тропарь Рождеству Христову); «<...> и паки из гроба красное, *правды* нам возсия *Солнце*» (пасхальный канон, песнь 4); «<...> и Христа узрим *правды Солнце* <...>» (пасхальный канон, песнь 5, ирмос); «Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенней; из Тебе бо возсия *Солнце правды* Христос Бог наш <...>» (Тропарь праздника Рождества Пресвятой Богородицы). Словосочетание «Солнце правды» восходит к Книге пророка Малахии: «И возсіяетъ вамъ боящымся имене моего *солнце правды* и изцѣленіе въ крилѣхъ его <...>» (Мал. 4: 2; рус. пер.: «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет *Солнце правды* и исцеление в лучах Его <...>»).

[5] ...*Иоанново слово о Боге Слове, яко Свет есть, во тьме светящься, и тьма Его не объят.* — Перифраз первых стихов Евангелия от Иоанна (см.: Ин. 1: 1, 5). Пролог Иоаннова Евангелия читается в церкви в Пасхальное воскресенье (стихи 1–17; так называемое «первое зачало»). Об осмыслении Пролога в творчестве Вяч. Иванова см. примеч. 4 к III.10.8, а также в изд.: : Топорков 2012: 160.

[6] *Днесветлым же церквам на земли нашей несть числа...* — См. начало древнерусского «Слова о погибели Русской земли» (XIII в.): «О, *свѣтло свѣтлая* и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси <...> винограды обителными, *домы церковьными* <...>» (Слово 1997: 90).

[7] ...*красуются на солнце и маковицы пестроцветныя, крестовоздвижницы златозарныя, аки плодове небытнии посредь зелена вертограда.* — Описаны русские православные храмы с пестрыми или золотыми маковками, увенчанными крестами.

[8] *Обаче суров на поле кремнистем, прозванием Львине, стоит Данилов скит...* — Согласно средневековому «Посланию пресвитера Иоанна», пресвитер со своим войском ежегодно посещает могилу пророка Даниила, однако она находится в Вавилонской пустыне, а не в срединном царстве (см.: Послания 2004: 30). Название «Львиное поле» намекает на рассказ о пребывании пророка Даниила во рву со львами (см.: Дан 6: 16–24; 14: 31–42).

[9] *И со страхом и трепетом вступают людие в Лавру Белую...* — О выражении «страх и трепет» см. примеч. 2 к III.5.2.

[10] ...*идеже мощи почивают апостола Фомы, просветителя Индии.* — См. примеч. 4 к IV.16.15.

[11] *Есть бо поведь, яко лихою лжею согрешивый сретити имать округ сея Лавры Волка Белого, лжам судию, и смертию умрети.* — В «Послании пресвитера Иоанна» говорится, что в его царстве лжецы наказываются смертью: «Среди нас никто не лжет и лгать не может, ибо, как только начинает лгать, тут же умирает, поскольку почитается за умершего, и не вспоминают о нем, и не получает он последних почестей» (Послания 2004: 13. *Пер. Н. Горелова*). Согласно «Истории клирика

Елисея», в стране пресвитера Иоанна грешники «отдаются зверям, то есть медведям, львам и леопардам, на съедение. И там не проливается человеческая кровь, ибо это чуждо христианам» (Послания 2004: 78. *Пер. Н. Горелова*). О белом волке см. примеч. 6 к V.2.9.

VIII

[1] *Рдеется воссиявшу солнцу, превыше столпостен моих и теремных царских промежду обема вознесенна, скала велия, единокаменна, руды черминыя...* — Сходное описание имеется в средневековом «Послании из папской курии»: «Неподалеку от городских стен возвышается одинокая гора, окруженная со всех сторон глубокими водами, и она прямо из воды устремляется ввысь, а на ее вершине стоит мать церквей блаженного апостола Фомы» (Послания 2004: 52. *Пер. Н. Горелова*).

[2] *Вышеград, гречески Акрополь, именуем темя сие, кремль бо есть державного града нашего самозданный*. — Характерное для Повести параллельное употребление славянских и греческих именований. Вышеград — древняя крепость и исторический район Праги.

[3] *И лествицы нань ведут от стогн градских двема восходома широкия, в той-же скале темно-багряней истесаны и стобориeм мраморным окрай лепо остолплены*. — Ср. в описании дворца пресвитера Иоанна:

> Дворец пресвитера Иоанна стоит в центре города, в длину он почти две немецкие мили и столько же в ширину. Говорят, что его поддерживают *девятьсот колонн, самая большая из которых центральная, и она украшена четырьмя фигурами гигантов*, сделанных из драгоценных камней и оправленных в золото. Они стоят наклонив головы, будто поддерживают весь дворец.
>
> Итинерарий Иоанна де Хесе,
> пресвитера Маастрихтского диоцеза //
> Послания 2004: 96. *Пер. Н. Горелова*

[4] *И никтоже в народе сказати умеет, чии еста подобия сии, искони именуема Два Свидетеля*. — Имеются в виду два свидетеля, о которых рассказывается в Апокалипсисе:

> И дам *двум свидетелям* Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. <...> И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят. И многие из народов и колен, и языков и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиною, и не позволят положить трупы их во гробы. И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле. Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, которые смотрели на них. И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите сюда. И они взошли на небо на облаке; и смотрели на них враги их.
>
> Откр. 11: 3, 7–12

В своем комментарии к Апокалипсису Вяч. Иванов отмечает: «Двое Свидетелей являют некоторые черты сходства с Енохом и Илиею, также взятыми на небо <...>» (Деяния 1946: 480–481). См. примеч. 1 к II.22.1.

IX

[1] *По холмам прибрежным в рощах храмины и обиталища изящне созиждены всяческой мудрости хитрецем и уметелем со ученики и любопослушники, домы студитские, и училища, и книгохранилища*. — См. в описании легендарной страны пресвитера Иоанна:

> Говорят, что в одной из комнат дворца находится большая библиотека и туда ходят ученые (Итинерарий Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза // Послания 2004: 97. *Пер. Н. Горелова*);
>
> При дворе этого самого Индийского патриарха живет множество брагиоров, или брахманов, астрологов и философов, они мужи благочестивые, некоторые из них жили более трехсот лет, и к ним стекаются люди, чтобы увидеть чудеса. Они странствуют по всей Индии и с помощью своих знаний в астрономии предсказывают будущее. У пресвитера Иоанна они в великом почете.
>
> Великолепный трактат о расположении царств
> и островов в Индии... // Там же: 113.
> *Пер. Н. Горелова*

[2] *...и мусикиям; а борцам юным поприща, глаголемыя палестры, а конникам — ристалища*. — Мусикия — см. примеч. 3 к V.4.7. Палестра (*греч*. Παλα...στρα) — гимнастическая школа для мальчиков в Древней Греции. Ристалище (от *др.-рус*. «ристать» ‘двигаться, бегать, ездить’) — место для конных соревнований (ристанья).

[3] *Отдан тот остров богомудрия наставникам, священномонахам и ученикам, послушникам, без пострига блюдущим устав иноческий. У каждого ученика, богомудрию прилежаща, келлия светлица приятная и книжна хранильница; и пред нею вер-*

тоградец малый, обоюду остененный, на устоях каменных висит над озером. — Сходное описание встречается в «Повести о Савонароле» Максима Грека: речь идет о жизни парижских студентов, которые удалились в монастырь и живут в нем без принятия сана:

> Оттолѣ убо ученици его <...> отрекошася единомыслиемъ всѣх житейскых печалей, и, своя стяжания и имѣния убогым и нужным раздавше по евангельской заповѣди, устремишася единодушно на мѣсто далече, идѣже манастырь съоруживше себѣ, и мала стяжаница монастырю отдѣливше на прокръмление себѣ, *иночьское житие възлюбиша* <...> *За кождую кѣлиею их садець малъ* на мало имъ прохлажение, и кладезець малъ под самымъ окном, и черпало мѣдяно есть, в келиях же ихъ ничто же ино обрящеши, развѣ *мало книгъ* и яже носит рубища.
>
> Инока Максима Грека повесть страшная
> и достопамятная и о совершенной иноческой жизни //
> Памятники 1984: 470

[4] *И в том вертоградце возращает и хранит ученик свой цвет излюбленный, его же светом и дыханием помалу приводится к вящему воображению в уме духоносном тайны творения и к соприкосновению с силами ангельскими.* — Подобные действия описывает А.Р. Минцлова в письме к Вяч. Иванову от 20 января 1907 г.:

> Путем известных, строго выработанных приемов и упражнений ученик начинает *видеть*, что тайна в глубинах каждой вещи, каждого творения. В цветке он видит тайну его — потому что везде, во всем есть душа — только не все мы и не всегда умеем находить ее и увидеть ее — в растении, в звере, в камне.
>
> Богомолов 1999: 41.
> Курсив (в оригинале — подчеркивание) А.Р. Минцловой

[5] *Есть на том острове и неверных общежитие, где обитают и язычники, и еретики, алкание Бога истинного не до конца угасившие в томлении и воздыхании духа неизреченном, так что и перейти могли через поток Фисон в серединную нашу землю...* — Веротерпимость — характерная черта легендарного царства пресвитера Иоанна, в котором жили не только христиане, но и язычники (см.: Послания 2004: 116).

[6] *Сакиамуния и Конфуция последователи, и Корана начетчики, и манданы, и манихеи, и гностики, и офиты...* — Перечень включает представителей различных нехристианских религий и сект.

Сакьямуни (Шакьямуни) — имя основателя буддизма Будды Гаутамы (букв.: «аскет из рода Шакья»).

Корана начетчики. — Судя по всему, имеются в виду не хафи́зы (мастера рецитации оригинального текста Корана), а муфа́ссиры — знатоки смыслов Корана, разъясняющихся обычно в тафсирах (сборниках толкований Священного Писания мусульман).

Манданы — индейский народ из группы сиу, который вел полукочевой образ жизни на реке Миссури и ее притоках. Здесь, очевидно, должно быть «мандеи» (от *арам.* manda — ‘знание’) — гностическая секта, последователи которой проживают до наших дней на территории Ирака.

Манихеи — последователи синкретического религиозного учения перса Мани (III в.).

Офиты (от *греч.* ὄφις ‘змея’) — гностическая секта или группа сект, почитавших в змее образ, который приняла верховная Премудрость, или небесный эон София, чтобы сообщить истинное знание первым людям (см.: *Соловьев Вл.* Офиты // ЭСБЕ 1890–1907/44 [22А]: 485).

[7] *...и свои капища невозбранно строят.* — Капище — языческий храм.

[8] *А двор тот, в окружении столпов ониксовых, прилежит дворцу моему, созижденному из камня оникса; и сила камня того укрепляет мышцы и бодрит дух состязающихся.* — Данная деталь восходит к средневековому «Посланию пресвитера Иоанна»: «Перед дворцом нашим расположена некая площадь, где вершится справедливый суд и проходят поединки. Настил там из оникса, и стены также отделаны ониксом, дабы от твердости камня укреплялся дух сражающихся» (Послания 2004: 32–33. *Пер. Н. Горелова*).

[9] *Неподалеку, среди садов моих, на скале башня высотою ступеней ста сорока семи высеч<енная> из камней разных многоценных, и как маяк сияет верным издалеча.* — См. описания башен, которые используются как маяки, в стране пресвитера Иоанна:

> В том же самом городе рядом с берегом моря стоит красивейшая башня удивительной высоты, на которую ночью поднимаются астрономы и ученые, чтобы узнавать будущее, а днем владыка города и знатные мужи держат там совет. *И на вершине этой башни построены пять башенок из драгоценных камней и золота, и средняя возвышается над четырьмя остальными, и на ней горит свеча и пылающие камни, так что корабли, издалека заметив этот свет, направляются к городу.* <...>
>
> Над часовней расположены пять башен невероятной высоты, в которых горят драгоценные лампады. *С моря их видно на расстоянии девяти дней пути, и, ориентируясь по ним, корабли направляют свой путь к церкви Святого Фомы.*
>
> Итинерарий Иоанна де Хесе,
> пресвитера Маастрихтского диоцеза //
> Послания 2004: 94–95, 103. *Пер. Н. Горелова*

См. также примеч. 1 к V.14.6.

Число «147» можно истолковать как произведение сакральных чисел: 3 × 7 × 7.

[10] *Встроены во храм, на скале выспрь возведенный, семь церквей...* — Визуальная параллель к образу семи храмов имеется в иконографическом типе «Премудрость построила себе дом», где в верхней части изображены семь ангелов и семь храмов, символизирующие семь Вселенских Соборов (см.: Традиго 2010: 45). Образы семи церквей могут также восходить к Апокалипсису: «Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников *есть сия*: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей» (Откр. 1: 20). В комментарии Вяч. Иванова к данному фрагменту говорилось:

> В духовном истолковании (2: 7; 3: 6, 13: 22: «имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам») семь исторически и географически ограниченных христианских общин римской провинции Азии (нынешней Малой Азии, или Анатолии), знаменуют, по-видимому, своеобразие отдельных частей Вселенской Церкви, отличия и особенности их призвания, судеб и опасностей в веках.
>
> Деяния 1946: 458

[11] *...три церкви подземныя и четыре надземныя; и в преисподнюю церковь, Воскресенскую, и в верховую, Успенскую...* — Сложная структура храма с большим числом отдельных церквей, расположенных на разных уровнях, отсылает к Иерусалимскому храму Воскресения Христова и его русскому аналогу — Воскресенскому собору Новоиерусалимского монастыря. Это согласуется и с тем, что нижняя церковь посвящена Воскресению Христову.

[12] *...токмо Запечатленным доступ, о них же особьне скажу.* — В Апокалипсисе «запечатленными» именуются люди, на которых ангел поставил божественную печать:

> И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего *печать Бога живаго.* И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не *положим печати на челах рабов Бога нашего.* И я слышал число *запечатленных*: *запечатленных* было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых.
>
> Откр. 7: 2–4

В комментарии к данному фрагменту Вяч. Иванов отмечал:

> Внезапно наступает затишье ветров, обычно знаменующих в книгах пророческих дыхание справедливого гнева Божия (ср.: Иерем. 49: 36; Дан. 7: 2; Зах. 6: 5), и в этот промежуток тишины напечатлевается на челе верных знак избрания, долженствующий отличать их от скопища противников Агнца.
>
> Деяния 1946: 472

О символике печати у Вяч. Иванова см.: Бёрд 2009: 231–244.

Послания часть вторая

[1] *...аще в твоем житии не бых исповедания.* — Примерный перевод: «...Если [ты] не исповедался о твоей жизни». Вместо «быхъ» должно быть «бысть». Эпиграф указывает на то, что вторая часть послания представляет собой своеобразную исповедь Иоанна Пресвитера.

X

[1] *Родихся аз в сословии воинстем, в роду кшатриев...* — Кшатрии (*санскрит.*) — в Древней Индии представители второго по значимости (после брахманов) сословия воинов.

[2] *...воеводе неустрашу, старцу мниху, иже бе страны нашея правитель, рекомый ексарх...* — Ексарх, экзарх (*греч.* ἔξαρχος ‘глава, наместник’) — «местоблюститель престола патриарха и митрополита, архиерей высшего сана, правящий делами целой области, края» (Даль 1880/1: 517).

[3] *Рече старец*: «*Еда возлюбил еси Господа Бога твоего всем сердцем твоим, мыслию* <*твоею*> (*Матф. 22, 37*), *и всею душею твоею, и всею крепостию твоею* (*умом, Марк 12, 30*)?» — Перифраз слов Христа (см.: Мф. 22: 37; Мк. 12: 30; Лк. 10: 27), повторяющих в свою очередь основную еврейскую молитву «Шма, Исраэль», которой Ягве научил Моисея на горе Синае: «<...> и люби Господа, Бога Твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6: 5). См. также в Молитве о даровании молитвы: «<...> Тебя Единаго любить всем сердцем, всею душею и мыслию и крепостию <...>».

[4]...«*Отца взыскую, якоже сын блудный*». — Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне (см.: Лк. 15: 11–32). В последовании малой схимы вступающий в монахи уподобляется блудному сыну, который возвращается к своему отцу: напр., он

> <...> поставляется в притворе оглашенных, в одной срачице, не опоясанный и не обувенный, главопокровенный, имея руки согбенны, как

> бы связаны, с видом покаяния и смирения, подобно блудному сыну, расточившему имение свое и с раскаянием обращающемуся к отцу.
>
> Дебольский 2008: 428

См. также примеч. 15 к III.10.14.

[5] *Отвеща старец*: «*Писано есть*: *Петр виде ученика*, *его-же любляше Иисус*, *вослед идуща*, *иже и возлеже на вечери на перси Его*. — Здесь начинается обширная цитата из Евангелия от Иоанна (см.: Ин. 21: 20–23).

[6] ...«*Аще хощу*, *да той пребывает*, *дондеже прииду*, *что в тебе?*» — Слова Христа об Иоанне Богослове «<...> Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду <...>» (Ин. 21: 22) допускают предположение, что Иоанн был избавлен от смерти.

[7] *Памятуя же*, *яко о себе повествует*, *приписа пишущий*, *да не мнят его бессмертна быти*: «*Не рече Иисус*, *яко не умрет*, *но*: *аще хощу тому пребывати*, *дондеже прииду*, *что в тебе?*» — В одном из разговоров с М.С. Альтманом Вяч. Иванов излагает свой взгляд на данную сцену Евангелия от Иоанна и в связи с этим говорит о различном отношении Христа к Петру и Иоанну (см.: Альтман 1995: 106; зап. от 2 февраля 1922 г.). В комментарии к данной записи М.С. Альтмана К.Ю. Лаппо-Данилевский отмечает, что, по существу, речь идет не собственно о евангельском тексте, а о той его интерпретации, которую предложил Д.С. Мережковский в книге о Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском:

> Два пути указаны Господом церкви. Первый — путь Петра. «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Петр говорит Ему: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус говорит ему: «Паси овец Моих» (Иоанна, XXI). «*Pasce oves meos*» — недаром слова эти начертаны на куполе римского Петра. «Един пастырь, едино стадо». Начало всемирного единства, объединения и есть то начало, которое осуществляет в веках и народах церковь Римская, церковь Петра. <...> В судьбе Иоанна не предречены ли судьбы Церкви, «пребывающей» до Второго Пришествия? Как Петр постиг тайну воплощения — Плоти рождающейся, так Иоанн постиг тайну воскресения — плоти воскрешающей.<...> Церковь Петра есть церковь «вмещенной», церковь Иоанна — «невмещенной» истины. В церкви Петра — тайна Плоти Святой; в церкви Иоанна — откровение Духа Святого; в церкви Петра — водное; в церкви Иоанна — огненное крещение. В церкви Петра — начало единого Пастыря; в церкви Иоанна — начало с о б о р н о е: «Где двое или трое с о б р а н ы во имя Мое, там Я посреди их». Наместник Христа, видимый глава, Папа не нужен ей, ибо Сам Христос — ее Глава невидимый, пребывающий в ней до окончания века. «*И се Я с вами во все дни до скончания века аминь*» (Матфей XXVIII).
>
> Мережковский 1914: 27–28, 29, 30.
> Курсив и разрядка Д.С. Мережковского

См. коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского в изд.: Альтман 1995: 209.

[8] *Аще убо и у́мрет*, *но жив на земли пребудет*, *и дано бысть исполнение слову сему*. — Перифраз слов Христа: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, *если и умрет*, *оживет*. *И всякий*, *живущий и верующий в Меня*, *не умрет вовек*» (Ин. 11: 25–26).

[9] *В теле бо прославленнем общее всех воскресение упреди̇*... — Аллюзия на слова апостола Павла: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и *при воскресении* мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, *восстает в славе* <...>» (1 Кор. 15: 41–43). См. примеч. 4 к II.20.5.

[10] ...*ученик оный*, *Кресту предстояй*, *по завещанию Спасителеву с Материю Божиею пребысть*. — Событие описано в Евангелии от Иоанна: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19: 25–27).

[11] *Той же воздвиже мя и облобыза мя*, *глаголя*: «*Дерзай*, *чадо*! — Цитируются слова Христа расслабленному: «И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: *дерзай*, *чадо*! прощаются тебе грехи твои» (Мф. 9: 2). См. примеч. 6 к II.17.16.

[12] *Не у̇ явися*, *что̀ будем*». — Старец процитировал слова апостола Иоанна: «Возлюбленнiи, нынѣ чада Божiя есмы, и *не у явися*, *что будемъ*: вѣмы же, яко, егда явится, подобни ему будемъ, ибо у́зримъ его, якоже есть» (1 Ин. 3: 2; рус. пер.: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но *еще не открылось*, *что будем*. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть»). Вяч. Иванов прокомментировал этот стих: «Говоря о грядущей славе чад Божиих: “еще не открылось, что будет”, Апостол знает и учит, однако, что спасенные увидят Христа, как он есть, и что это зрение сделает их Ему подобными» (Деяния 1946: 155).

[13] *И исшед из церкве*, *воззрел на звезды небесныя и умилихся*, *и найде на мя тишина благая*. — Аллюзия на эпизод романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

> Он (Алеша. — *Ред.*) не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся *небесный купол*, *полный тихих сияющих звезд*. *С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь*. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. <...> *Тишина земная как бы сливалась с небесною*, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю.
>
> Достоевский 1972–1990/14: 328

В статье «Лик и личины России» (1916) Вяч. Иванов оценивает данный эпизод как мистическое посвящение Алеши:

> Помимо всего, им (Алешей. — *Ред.*) душевно пережитого в отношениях с братьями и с его суженою невестою — Лизой, сделал его в духовном смысле мужем и мудрецом некий внутренний опыт, которого нельзя определить иным словом, как «мистическое посвящение». Я разумею то, что случилось с ним в монастыре по смерти старца, когда, после недолгого, но страшного люциферического «бунта» в глубинах души своей, он испытал неизведанный дотоле восторг и ощутил «явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его», когда «пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь борцом, и сознал, и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга», когда «кто-то посетил» душу его, после чего, через три дня, он и вышел из монастыря, чтобы, по старцеву повелению, «пребывать в миру».
>
> Иванов 1917: 142

В статье «Достоевский и роман-трагедия» (1911), касаясь ощущения природы у Ф.М. Достоевского, Вяч. Иванов отмечает: «Так, в одно огромное, по своему содержанию, и священное мгновение в жизни Алеши поэт заставляет нас, вместе с ним, созерцать звездное небо» (Иванов 1916: 57).

XI

[1] *Ходит по всей земли Мати Божия, и рай первый окрест Ея цветет; переди же едет всадник светлый: Георгий имя ему.* — См. наблюдения О.А. Шор:

> Богородица ходит по Земле, и с Нею, вокруг Нее, в Ней первобытный Рай. Он для всех открыт; блажен, кто его видит и волит. «Бог создал мир, чтобы создать Божию Матерь», говорил В.И., «через Нее Земля дала свое свободное согласие на великое приятие и страдание». Пещера Вифлеема и вершина Голгофы — Земля участвует в мистерии богочеловеческого искупления; человек, сын ее и наследник, может ее спасти, может и загубить. «Тварь с надеждою ожидает откровение сынов Божиих», знает ап. Павел (Рим. 8: 19).
>
> Дешарт 1971: 49–50

См. примеч. 14 к II.6.7.

[2] ...«*И в тех вселишися, и и́но царство ти будет, егда сие в горняя прейдет*». — Аллюзия на предсказание Серафима Саровского о том, что к концу XIX в.

в Дивееве будет собор, который при пришествии Антихриста поднимется в воздух:

> Подойдет Антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется, и не сможет он взять его. <...> Так и не сможет достать вас Антихрист-то, все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух, достать-то ее не могли. Так вот и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас и не сможет ничего вам сделать Антихрист!
>
> Чичагов 2009: 393

[3] *И утешися Иоанн и рече Георгию*: «*Архистратиг воинств небесных десницу твою да укрепит*». — Архистратиг воинств небесных — архангел Михаил как предводитель небесного воинства в последней битве с силами зла (см.: Дан. 12: 1; Откр. 12: 7). См. также описание Христа в Апокалипсисе: «И *воинства небесные* следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый» (Откр. 19: 14). Соотнесение св. Георгия с архангелом Михаилом характерно для иконографии: «Объясняется оно тем, что архангел Михаил выступает как победитель апокалипсического змия, и Георгий, таким образом, следует его примеру» (Вилинхабов — Вилинхабова 1995: ил. № 13, подпись).

[4] *И зача той стрелы метати на восток солнца и запад, и полдень, и полнощь далече.* — Параллель к этому эпизоду встречается в сказке о царевне-лягушке: три брата пускают стрелы в разные стороны (см.: Афанасьев 1985/2: 260, 263, 264–265, № 267–269).

[5] *...и положены быша пределы царства...* — См. в Псалтири: «Полагаяй пределы твоя миръ <...>» (Пс. 147: 3; рус. пер.: «[Господь] утверждает в пределах твоих мир <...>»).

[6] *...и каждое дыхание восхвалит Господа*». — Перифраз псалма: «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа» (Пс. 150: 6; рус. пер.: «Все дышащее да хвалит Господа!»). В комментарии к псалму 150 Вяч. Иванов писал: «Этот соборный гимн всего мироздания торжественно заключает книгу Псалтирь <...> И в этой хвале с ликованием хоров, и созвучием мусикийских орудий храма, сливаются голоса всего живого, благодарный трепет каждого дыхания <...>» (Псалтирь 1950: 486–487).

[7] *...и копие пламенеющее к земле склонил, и помчался на коне, копием бразду ведя по земле глубокую, и превеликую округу обвел, яже есть земля наша срединная.* — Творение «срединной земли» начинается с того, что св. Георгий очерчивает по кругу борозду своим копьем. Космологический смысл данного эпизода проясняется из сопоставления с Книгой Притчей Соломоновых: «Когда Он проводил *круговую черту по лицу бездны*, <...> *когда полагал основания земли*: тогда я была при Нем художницею <...>» (Притч. 8: 27, 29–30). См. также: «...повелѣніе *окружи на лице воды* даже до скончанія свѣта со тмою» (Иов. 26: 10; рус. пер.: «*Черту провел над поверхностью воды*, до границ света со тьмою»). Данный фрагмент Книги

Притчей приведен в «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор (см.: Иванов 1971–1987/1: 479), а также в статье Вяч. Иванова о Лермонтове (см.: Иванов 1971–1987/4: 379–380).

Согласно Плутарху, Ромул основал Рим, прочертив круговую борозду:

> Отсюда, как бы из центра, словно описывая круг, провели границу города. Вложив в плуг медный сошник и запрягши вместе быка и корову, основатель сам пропахал глубокую борозду по намеченной черте, а люди, которые шли за ним, весь поднятый плугом пласт отворачивали внутрь, по направлению к городу, не давая ни одному комку лечь по другую сторону борозды. Этой линией определяют очертания стены <...>.
>
> Плутарх 1994/1: 29. *Пер. С.П. Маркиша*

В творчестве Вяч. Иванова круг осмысляется как архетип Рима (см.: Титаренко 2010: 100, 222–223, 227–230).

Словосочетание «копие пламенеющее» находит параллели в Книге Бытия (см.: Быт. 3: 24). См. также примеч. 4 к IV.11.8.

[8] *Правы сотворих стези Твои...* – Перифраз слов пророка Исаии: «Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, *правы сотворите стези Бога нашего* <...>» (Ис. 40: 3; рус. пер.: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему <...>»). См. также: Мф. 3: 3; Мк. 1: 3; Лк. 3: 4; Ин. 1: 23.

[9] *...и напредь земли Твоея, сохраняя, не оставлю*». – Создание борозды вокруг «срединной земли» и особое покровительство, оказываемое этой земле Богородицей, отсылают к знаменитой «канавке» Серафима Саровского:

> Весной о. Серафим велел опахать эту землю сохою, по одной борозде три раза <...> Когда же земля высохла совершенно, то о. Серафим приказал обрыть ее канавкой в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать внутрь обители, чтобы образовался вал в три аршина.
>
> Чичагов 2009: 230

Про эту канавку о. Серафим говорил много чудного: «Так, что канавка эта – стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим!» (Там же: 230). Современники приводят также слова о. Серафима: «<...> знаете, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени Своего» (Там же: 230). См.: Доценко 1996: 97–109.

[10] ...«*Глагола нам Сын Твой*: “*в дому Отца Моего обители многи суть*”. – Данную цитату из Евангелия от Иоанна (см.: Ин. 14: 2) Вяч. Иванов обыгрывает в одном из разговоров с М.С. Альтманом: «<...> я живу во дворце старинном, где живут и Дант, и Эсхил. *У Отца есть обителей много*, но я полагаю, что футуристы не в обители Отца. И я горжусь, что живу в старинном дворце и даже к нему подстроил еще фасад» (Альтман 1995: 49; зап. от 10 февраля 1921 г.). См. осмысление тех же слов Христа у П.А. Флоренского: «<...> отдельные обители, словно сотовые ячейки, образуют Дом Божий, Святой храм Господень или, в расширенном изображении того же образа, – Великий Город, Иерусалим Небесный, Иерусалим Горний и Святой <...>» (Флоренский 1914: 330).

[11] *И не мнози ли суть кротцы и чисти сердцем иже в места сии прийти не возмогут?*» – Использованы слова из Нагорной проповеди: «Блажени *кротцыи*: яко тіи наслѣдятъ землю» (Мф. 5: 5; рус. пер.: «Блаженны *кроткие*, ибо они наследуют землю»); «Блажени *чистіи сердцемъ*: яко тіи Бога у́зрятъ» (Мф. 5: 8; рус. пер.: «Блаженны *чистые сердцем*, ибо они Бога узрят»).

[12] *Отвеща Матерь Божия...* – Одним из источников данного эпизода могла быть датская баллада, в которой Богородица велит св. Георгию идти в город Tabiam и убить там дракона. Пересказ баллады приводит А.И. Кирпичников в своей книге «Св. Георгий и Егорий Храбрый» (см.: Кирпичников 1879: 55).

[13] ...«*Не тужи, Иоанне. Будет и иная страна святым, егда исполнятся сроки, и обитель нашу инде сотворим...* – В ответе Божией Матери процитированы слова Христа: «<...> кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и *обитель у него сотворим*» (Ин. 14: 23). Эту цитату приводит Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского (см.: Епифаний Премудрый 1995: 250).

[14] *Сыне Георгие, почто сестер твоих в земле полнощной, в дубравах темных оставил еси? Тамо оне, во мраке неведения сидящи, со древами срослися...* – Отсылка к рассказу о сестрах Егория Храброго в начале Повести (см.: I.2.1, 4–5). Согласно духовному стиху о Егории Храбром, его сестры «набрались духа нечистого», пасли змеев в лесу и обросли древесной корой или шерстью (см.: Кирпичников 1879: 161–162). В некоторых вариантах стиха одичавшие сестры Егория описываются как лесные демонические существа: «<...> На них тела, яко еловая кора, | Влас на них, как кавыль-трава <...>» (Афанасьев 1865/1: 702). А.Н. Веселовский объяснял состояние сестер Егория их отступлением от православной веры: «Сестры Георгия, увлеченные в плен нечестивым царем, обасурманились: они сидят по-звериному, сипят, лопят по-змеиному <...> Егорий велит им искупаться в Иордан-реке, омыть веру латинскую, басурманскую <...>» (Веселовский 2009: 97). См. также образы грешников, сросшихся с деревьями, в тринадцатой песне «Ада» Данте. См. примеч. 1, 2 к I.2.1.

[15] *...и волчим млеком младенцев своих питают.* – Образы младенцев, питающихся волчьим молоком, отсылают к истории Ромула и Рема – легендарных основателей Рима, выкормленных волчицей. Аллюзия может быть основана не

только на явном сходстве ситуаций, но и на том, что государство Владаря претендует на звание Третьего Рима, и в этом смысле наследует не только миссию первого Рима, но отчасти и его мифологию. Миф о римской волчице имеет параллели в фольклоре многих народов (см.: МНМ 1980/1: 242). В русской сказке сестра Ивана-царевича просит принести ей волчье молоко: он идет в лес и видит, как волчица кормит детенышей. Иван-царевич хочет застрелить ее, но та просит пощады: «Царевич надоил молока, взял волчонка, идет домой» (Афанасьев 1985/2: 84, № 204. См. также: Там же: 87, № 205).

[16] *Иди и сам просвети их благодатию святого крещения, и всю землю ту и все в ней живуще, и дубравы те окрести.* — Богородица поручает св. Георгию окрестить не только людей, но и всех тварей, живущих в славянской земле, и даже ее леса. Идея подобного наставления восходит к завету Христа апостолам: «<...> идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16: 15), а также словам апостола Павла:

> Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.
>
> Рим. 8: 19–21

В духовном стихе Егорий совершает поездку по Русской земле, обращая в христианство горы, леса и диких зверей, напр.:

> Еще Егорий наезжаючи,
> На те леса, на дремучие,—
> Древо с древом совивалося,
> К сырой земли(е) приклонялося,
> Не добре Егорию льзя проехати,
> Святой Егорий глаголует:
> «Ох вы гой еси, леса темные,
> Леса темные и дремучие!
> Разойдитеся леса по всей земли,
> Вы не веруйте сатане-врагу,
> Сатане-врагу со диаволом;
> А вы веруйте самому Христу,
> Самому Христу, царю небесному».
> Разошлися леса по всей земли.
>
> Афанасьев 1990: 67–68

Об этом эпизоде духовного стиха писал Г.П. Федотов:

> Леса, горы и реки, как и звери, подобны девицам — сестрам Егория, на которых от идолопоклонства выросла еловая кора. И очищение русской земли, ее космиургическое воссоздание Егорием совершается путем утверждения истинной веры. Интересно отметить, что природа и в своем падении мыслится самостоятельной, а не отраженной лишь тенью человека.
>
> Федотов 1991: 71

XII

[1] *По сем внезапу нападе на мя ужас греховного корене моего...* — См. в Книге Иова: «Вам надлежало бы сказать: зачем мы преследуем его? Как будто *корень зла* найден во мне» (Иов. 19: 28).

[2] *... в чертог брачный восшел есмь в одеянии небрачне...* — Имеется в виду притча Христа о приглашенных на брачный пир, в частности, следующий фрагмент: «Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, *одетого не в брачную одежду*, и говорит ему: друг! как ты *вошел сюда не в брачной одежде*? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22: 11–14).

[3] *...облаку святых приближился...* — Существительное «облако» здесь имеет значение ‘множество’; см.: «Посему и мы, имея вокруг себя такое *облако свидетелей*, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще <...>» (Евр. 12: 1). См. примеч. 8 к IV.13.20.

[4] *И мышлю: бес бе, за безмерие и безнадежие мое послан мучити мя, иже, подобие плоти моея приемь, образ мой показа нага и пьяна, и растленна, и гнусна, и ругашеся ми, аки во скит заблудшу из блудилища, и укоряше мя, почто, от него отлучься, особь утвердехся самовольно.* — Бес предстал перед человеком как его двойник, наделенный всеми его грехами, и при этом стал упрекать в том, что тот отделился от него и стал самостоятельным. Данная сцена может представлять собой аллюзию на роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» («The Picture of Dorian Gray», опубл. 1891). См. также рассказ пресвитера Иоанна о «праведном зерцале»: «Есть у мене полата злата, в неиже есть зерцало праведное, стоить на 4-рех столпѣх златых. *Кто зрит в зерцало, той видить своя грѣхи, яже сътворил от юности своея*» (БЛДР 1997/5: 400).

[5] *И приступив ко мне требоваше, да вниду дыханием в ноздри его, и паки едино будема.* — В книге «Дионис и прадионисийство» Вяч. Иванов привел следующий пример «прамифа»: «<...> душа покидает тело человека, вылетая из его ноздрей, во сне, в экстазе и в смерти, и в первых двух случаях опять в него возвращается <...>» (Иванов 1994а: 270). Согласно еврейскому тексту Библии, Бог вдохнул в

человека жизнь через его ноздри (см.: Быт. 2: 7; Прем. 15: 11; см. также: Словарь 1990: 361). См. также: «<...> доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях моих <...>» (Иов. 27: 3).

[6] *...отпуская же тебя на единоборство с князем міра сего, не повеление тебе даю, но благословение...* — См. примеч. 12 к III.10.12.

[7] *...прискакати настоит к некоему кастелю уединенному окрай пустыни персидской...* — Кастель — здесь: 'замок, крепость'.

[8] ...«*Гоните коней, кметы!*» — Кметы — воины, ратники.

XIII

[1] *Возведе на мя представша очи своя царевна...* — Перифраз псалма 44: «<...> предста царица одесну́ю тебе, въ ризахъ позлаще́нныхъ одѣ́яна преиспещрена» (Пс. 44: 10; рус. пер.: «<...> стала царица одесную Тебя в Офирском золоте»). Согласно христианской традиции, в псалме 44 под Царицей понимается Богородица; см. в службе памяти Святой великомученицы Параскевы, нареченной Пятницы на вечерни 28 октября по ст. ст. (Слава, глас 6):

Одесную Спаса, якоже поет Давид, *предста царица*,
и твоя душа, яко ряснами испещрена златыми,
и жертву себе представила еси Господу твоему,
яко кадило благовонно,
принесла еси кровь плоти твоея,
мученице прехвальная Параскево,
молися о нас Владыце Христу Богу,
да спасет души наша.

Минея. Октябрь. М., 2002. С. 715

[2] *...и множество ликов, некогда знаемых...* — Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Осень» (1833): «*И тут ко мне идет незримый рой гостей*, | *Знакомцы давние*, плоды мечты моей» (Пушкин 1977–1979/3: 248). Вяч. Иванов цитирует его в статье «О границах искусства» (см.: Иванов 1971–1987/2: 629).

См. также в эпилоге мелопеи «Человек»:

<...> в преображеньи новом
Не храм предстал, но мириад родных,
Людской собор, как невод, полный ловом.
И в сонме лиц я различал иных,
Что ближними моими были прежде.

Иванов 1939: 97

В незаконченной поэме Вяч. Иванова «Деревья» (1917–1918):

То Памяти река. Склонись у вод —
И двойников живых своих увидишь:
Твой каждый лик, и больше твой, чем тот,
Что ты, стыдясь, несешь и ненавидишь.
И родичей по духу встретишь род;
И никого забвеньем не обидишь,
Но узришь всех, кого ты встарь любил,
Кого в земле и в небе схоронил.

Иванов 1971–1987/3: 534

[3] *...и ее самое узрех в духе, стоящу у подножия креста Христова.* — Царевна Параскева сближается с Богородицей, стоявшей у распятия (см.: Ин. 19: 25). Позднее она отождествляется также со св. Параскевой (см.: V.13.3). В православной традиции каждый день недели посвящен одному из событий Священной Истории или сакральным персонажам: в частности, пятница посвящена Распятию Христа, поэтому появление Параскевы (Пятницы) у креста вполне естественно. По мнению С.Д. Титаренко, в данной сцене царевна «олицетворяет собой Церковь, светящийся град Божий» (Титаренко 2010: 359). Образ распятия и Богородицы около него характерен для поэзии Вяч. Иванова: напр., в девятом сонете из цикла «Голубой покров»: «У алтаря, в лазури неисследной, | С рыданьем Ты, к пронзенным пав ногам: | "Помилуй", — молишь, — "сад, где жил Адам!"» (Иванов 1971–1987/2: 428).

[4] *Почитаю ангела моего, святую Параскеву, и ея ты душу сквозь мою видиши...* — Намек на образ «внутреннего человека», встречающийся в посланиях апостолов, напр.: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но *сокровенный сердца человек* в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Петр. 3: 3–4). См. комментарий Вяч. Иванова в изд.: Деяния 1946: 135–136, а также обсуждение приведенной выше цитаты в изд.: Флоренский 1914: 351.

[5] *...ей-же дано бысть Христовы страсти лицезрети и Ему священнотайне сораспятися».* — Вяч. Иванов сочиняет апокриф о том, что св. Параскева стояла у креста, хотя, согласно Евангелию, при распятии присутствовала Богородица. В православной традиции каждый день недели посвящен определенному событию Священной Истории, в частности, в пятницу вспоминается распятие Христово: «<...> в этот день со времен апостольских Церковь воспоминает страдания и крестную смерть Иисуса Христа, добровольно претерпенные Им, и также поклоняется животворящему кресту» (Дебольский 2008: 263). На иконе, символизирующей собой пятницу как день, когда был распят Христос, изображался крест со стоящей перед ним Богородицей (см.: Традиго 2010: 21). Персонифика-

ция пятницы (дня недели) и сближение образов Пятницы и Богородицы характерны для духовных стихов (см.: Федотов 1991: 57).

Глагол «сораспятися» восходит к Посланию к Галатам апостола Павла: «Христови *сраспяхся*: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. 2: 19–20; рус. пер.: «Я *сораспялся* Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос»). Ср. в пасхальном каноне (песнь 3): «Вчера спогребохся тебѣ Христе, совостаю днесь восресшу тебѣ, *сраспинахся* тебѣ вчера, самъ мя спрослави спасе во царствии твоем» (Триодь 2002: 2об.).

[6] *И вопроси дева*: «*Како сие будет, поелику единый мне Жених, Его же сретаю, Христос Иисус есть*?» — Метафорика данного высказывания восходит к евангельской притче о разумных и неразумных девах, которые дожидались своего жениха (см.: Мф. 25: 1–13). Согласно житию великомученицы Параскевы, римский военачальник предложил ей выйти за него замуж, а та ответила: «Я имею Жениха на небе, Иисуса Христа, и в ином муже не нуждаюсь» (Жития 1904: 586).

[7] ...«*Господня раба есмь, и якоже указано ми свыше будет, тако сотворю*». — Перифраз слов Марии в сцене Благовещения: «<...> се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему» (Лк. 1: 38; рус. пер.: «Се, Раба Господня; да будет мне по слову твоему»). См. примеч. 15 к II.25.15; примеч. 3 к III.5.6.

[8] *И исшед помышлях в себе, в том свете синем душу мою омывая чисту*... — Заключая духовный брак с Параскевой, пресвитер Иоанн как бы соединяется со своей женской ипостасью и обретает новую душу. См. наставление Серафима Саровского:

> Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и *есть невеста Христу*: *Христос есть Жених ей*, *вводящий ю в Свой чертог небесный*. *Всякая человеческая душа есть дева*; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая.
>
> Чичагов 2009: 142

Ср. в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»: «Он (Генрих. — *Ред.*) увидел себя на пороге дали, в которую часто и тщетно вглядывался с близких гор и которую рисовал себе в небывалых красках. *Теперь он окунется в ее синий поток*» (Новалис 2003: 14. *Пер. В.Б. Микушевича*).

[9] ...«*Не мню Жених быти, но друг Женихов*». — Перифраз слов Иоанна Предтечи: «Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха*, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась» (Ин. 3: 28–29). Вяч. Иванов обыгрывает эту цитату в докладе «Евангельский смысл слова “земля”» (1909): «<...> если Иоанну приличествовало поститься и быть в пустыне, то иной был закон не только для самого Жениха, но и для сынов чертога брачного» (Символ 2008: 72).

[10] *И внезапу уведех, яко тоя благостыня в сердце лиющияся рекою небесною николи не избуду*. — Используется образность литургических текстов: «*Изливаеши съ небесе* неистощимо *благодати* воистину едина <...>» (Служба в пятницу Святой недели; канон // Триодь 2002: 26об.); «Святым духомъ точатся благодатныя струи, напаяюще всяку тварь ко оживлению» (Утренняя служба в неделю 5-ю на Пасхе, антифон 2-й, слава // Триодь 2002: 133); «<...> радуйся, яко *многотекущую источаеши реку*» (Акафист Пресвятой Богородице; икос 11). См. также в Библии: «Ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему *мир как реку*, *и богатство народов — как разливающийся поток* для наслаждения вашего <...>» (Ис. 66: 12); «А на дом Давида и на жителей Иерусалима *изолью дух благодати и умиления* <...>» (Зах. 12: 10); «<...> надежда не постыжает, потому что любовь Божия *излилась в сердца* наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5: 5). Ср. у П.А. Флоренского: «Благодать широкими потоками вливается во все очищенные поры сердца» (Флоренский 1914: 352). См. примеч. 4 к I.18.14; примеч. 1 к V.15.1.

XIV

[1] *И дана бысть Параскеве с девами ея обитель в башне из кости слоновыя*... — «Башня из слоновой кости» фигурирует в стихотворении Вяч. Иванова «Turris Eburnea»: «Изваяна не из камений — из слоновой кости Башня. | У зеленых райских раменей — из слоновой кости Башня» (Иванов 1971–1987/2: 457–458). Подробно об образе башни в творчестве Вяч. Иванова см.: Титаренко 2006: 261–262; Титаренко 2012: 494–515. См. также примеч. 9 к V.9.17.

[2] *Воздвигахуся бо окрест, едина на другую налегающе, скал неприступных с остриями и обрывами громады, око ужасающия теснотою дикою*. — Скалы напоминают иконописные горки, которые изображались в виде уступов с плоскими площадками — лещадками. Ср. рассказ Иоанна о том, как ангел вознес его «в духе на великую и высокую гору» (см.: Откр. 21: 10). См. также описание неприступных райских гор в средневековом «Итинерарии Иоанна де Хесе, пресвитера Маастрихтского диоцеза»: «Мы плыли дальше в течение двенадцати дней и достигли горы, которая называется Эдем, она невероятной высоты и подобна башне, так что невозможно взобраться на нее. На вершине этой горы, как говорят, расположен Земной Рай» (Послания 2004: 94–95. *Пер. Н. Горелова*).

[3] ...*слева же сердца, семью мечами пронзенна*... — Изображение сердца, пронзенного семью мечами, восходит к пророчеству Симеона Богородице: «<...> И Тебе Самой оружие пройдет душу <...>» (Лк. 2: 35). В соответствии с этим на иконах «Умягчение злых сердец» и «Семистрельная» грудь Богородицы пронзена семью мечами: «Семь мечей, пронзивших сердце Пресвятой Богородицы, — а число семь в Священном Писании вообще означает полноту чего-либо, — символизируют полноту той скорби, которую она претерпела в земной жизни» (Чудо-

творные иконы 1997: 137–138). Эти образы характерны для поэзии Вяч. Иванова: «<...> Не семь цветиков алых на сердце – | Семь точатся капель алой крови | Из груди, седмижды прободенной» (Под древом кипарисным // Иванов 1971–1987/1: 554); «Ты, Мать, забыла ль острия | Семи мечей, когда загробный | Родился Свет из тьмы утробной | Тридневного небытия?» (Иванов 1971–1987/3: 25 (цикл «Материнство», стихотворение VI)). См. также в стихотворении М. Цветаевой «Семь мечей пронзали сердце» (1918): «Семь мечей пронзали сердце | Богородицы над Сыном. | Семь мечей пронзили сердце, | А мое – семижды семь». Наиболее раннее использование в русской поэзии образа меча, пронзающего сердце, – в стихотворении Симеона Полоцкого «Меч», включенном в его книгу «Вертоград многоцветный» (1680). По разъяснению Л.И. Сазоновой:

> Семь мечей, указывающих на семь скорбей Марии, символизируют семь страстных мук Спасителя: обрезание Христа в восьмой день; истечение его кровью в «ограде» (саду); бичевание Христа; возложение на него тернового венца; совлечение риз с кровоточащего тела Христа; пригвождение его к кресту и прободение ребер <...>.
>
> Сазонова 2012: 443

В данном эпизоде Повести мечами поражено само сердце, изображенное отдельно от тела: подобная иконография для православной традиции нехарактерна. См. также примеч. 8, 9 к I.3.9; примеч. 9, 10, 11 к I.14.6; примеч. 3 к IV.12.9.

[4] *...и одесную свода Агнца изображением с титлом Христовым, слева же сердца, семью мечами пронзенна, а в венце свода орла паряща.* – В Новом Завете Христос именуется Агнцем: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: *вот Агнец Божий*, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1: 29); см. также: Ин. 1: 36; «Они будут вести брань *с Агнцем, и Агнец* победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (Откр. 17: 14); см. также: Откр. 5: 6, 8; 7: 17; 12: 11; 13: 8; 14: 1; 19: 7; 21: 22; 22: 3. В данном фрагменте Повести имеется в виду изображение ягненка, обозначающего Христа, с хоругвью, на которой начертана Его монограмма; ср. в стихотворении «De profundis»: «<...> Иль, агнцу с крестною хоругвию <...>» (Иванов 1971–1987/2: 236).

«...а в венце свода орла паряща». – Орел – символ апостола Иоанна:

> В христианском богословии уже с конца II в., а с IV в. и в христианском искусстве четырем евангелистам были приданы в качестве их атрибутов и символов следующие живые существа: Матфей ассоциируется, как правило, с образом ангела, Марк – льва, Лука – быка (тельца), Иоанн – орла.
>
> Подосинов 2000: 11

См. описание четырех животных вокруг престола Господа в Апокалипсисе: «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное *подобно орлу летящему*» (Откр. 4: 7). Оно восходит к Книге пророка Иезекииля (см.: Иез. 1: 4–26), в которой фигурирует и «свод» над головами животных: «*А над сводом, который над головами их*, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем» (Иез. 1: 26). См. также примеч. 3 к II.18.7.

[5] *И преступихом праг камня белого и внидохом во мрак пещерный...* – Первая часть фразы – аллюзия на образ белого камня в Апокалипсисе: «<...> и дам ему *белый камень* и на камне написанное новое имя <...>» (Откр. 2: 17), далее – на книгу Исход: «Стояху же вси людіе издалече: Моисей же *вниде во мракъ*, идѣже бяше Богъ» (Исх. 20: 21; рус. пер.: «И стоял [весь] народ вдали, а Моисей *вступил во мрак*, где Бог»).

[6] *...но абие сомкнув очи и на колени в молитве упав, восхищен был в духе камо не вем.* – «Камо не вем» – 'не знаю куда'; см.: «Глагола ему Фома: Господи, *не вѣмы, камо и́деши*: и како можемъ путь вѣдѣти?» (Ин. 14: 5; рус. пер.: «Фома сказал Ему: Господи! *не знаем, куда идешь*; и как можем знать путь?).

[7] *Памятую токмо яко перста мироточива касание и руку кропильну на плечи моя и на главу мою нисхождение.* – В средневековых сочинениях о пресвитере Иоанне описывается гробница апостола Фомы, в которой тот пребывает как живой: апостол дает причастие верующим из своих рук, напр., в «Истории клирика Елисея» (XII в.):

> <...> все отправляются к апостолу, погребенному в церкви на этой самой горе, в железной гробнице, а гробница эта парит в воздухе <...> Тело апостола располагается посредине. Его правая рука, которой он дотронулся до бока Христа, пребывает нетленной и вытянута из гробницы, так что к ней подходит весь народ. Правоверный человек вкладывает в руку апостола евхаристию Господню, и все люди, преисполнившись благочестия в сердце своем, подходят к апостолу. И если человек праведен, то получает из рук апостола евхаристию, если же нет, то рука тут же закрывается».
>
> Послания 2004: 80. *Пер. Н. Горелова*

См. подобное описание в «Послании из царской курии» (см.: Послания 2004: 53–54). Вяч. Иванов использовал данные мотивы, однако в Повести они связаны с апостолом Иоанном, а не Фомой.

[8] *И изведоша мя братия за праг до преддверия, и лобызаша мя глаголюще*: «*Днесь имя тебе Иоанн; запечатлен еси Духа Свята печатию, и священник стал Бога Живаго, и поставлен правити землею нашею державно.* – Ритуал, в котором участвовал

пресвитер Иоанн, сочетает в себе черты хиротонии (рукоположения) и венчания на царство. Общее лобызание характерно, напр., для обряда посвящения в епископы, когда рукоположенный творит «священное целование общения и единения» с другими епископами (см.: Дебольский 2008: 366).

Слова «запечатлен еси Духа Свята печатию», вероятно, относятся к ритуалу миропомазания государя и государыни перед Царскими Вратами, при котором произносились слова: «Печать дара Духа Святаго» (Дебольский 2008: 318). Эпизод содержит также аллюзию на сцену Апокалипсиса:

> И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего *печать Бога живаго*. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не *положим печати на челах рабов Бога нашего*.
>
> Откр. 7: 2–3

[9] *Достоин, достоин, достоин».* — Имеется в виду «аксиос» — «торжественное восклицание, произносимое до или после возложения рук на рукополагаемого, <...> часть чинопоследований диаконской, пресвитерской, епископской хиротоний» (Православная энциклопедия 2000: 411). См. также троекратное повторение «достоин» в Апокалипсисе (см.: Откр. 5: 2, 9, 11–12).

[10] *И возвратихомся запечатленных седмь...* — Число «7» имеет сакральное значение: см. о семи столбах в доме Премудрости и семи церквах (см. примеч. 10, 11 к V.9.18). Здесь возможна аналогия с семью мудрецами — посвященными греческого мира, а также с эпизодом избрания семи человек из числа последователей Христа:

> Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя *семь человек изведанных*, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова.
>
> Деян. 6: 2–4

[11] *...последи же и самого любови апостола лицезрети удостоен бых...* — Благодаря тому вниманию, которое Иоанн уделял проблеме любви (см.: Ин. 13: 34; 15: 12; 1 Ин. 3, 4), его называют апостолом любви.

[12] *...в отсиянии некоем славы его.* — Пресвитер Иоанн видит не самого апостола Иоанна, а сияние его славы. См. слова Соломона о Премудрости: «Пара бо есть силы Божія и *изліяніе вседержителя славы* чистое <...> *Сіяніе бо есть свѣта присносущнаго* <...>» (Прем. 7: 25–26; рус. пер.: «Она есть дыхание силы Божией и чистое *излияние славы* Вседержителя <...> Она есть *отблеск вечного света* <...>»); явление ангела пастухам: «И се ангелъ Господень ста въ нихъ, и *слава Господня осія* ихъ <...>» (Лк. 2: 9; рус. пер.: «Вдруг предстал им Ангел Господень, и *слава Господня осияла их* <...>»). По словам апостола Павла, Слава Божия исходит от лица Иисуса Христа: «Иже сый *сіяніе славы* и образъ ипостаси его, нося же всяческая глаголомъ силы своея, собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, сѣде одесную престола величествія на высокихъ <...>» (Евр. 1: 3; рус. пер.: «Сей, будучи *сияние славы* и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте <...>»); см. также: 2 Кор. 4: 6.

В Библии понятие славы заключает в себе идею сияния (см.: Словарь 1990: 1036). Вяч. Иванов говорил М.С. Альтману о том, что для него характерно визуальное восприятие славы:

> Вот Пушкин пишет: «Что есть слава?..» Для меня же слава не есть нечто слышимое, некая молва, слух и разговор. Нет, слава для меня — нечто зримое, некий ореол (aureola), некий нимб вокруг головы, некий свет («Праведник уходит, свет его остается»). Я все вещи вижу в славе.
>
> Альтман 1995: 52–53; зап. от 13 февраля 1921 г.

По наблюдению П.А. Флоренского, «<...> термин *осияние*, <...> равно как и другие, ему подобные, указывают <...> на несозданный Фаворский свет <...>» (Флоренский 1914: 660, примеч. 127). Слава передается тому, кто на нее взирает: «Мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся от славы въ славу, якоже от Господня Духа» (2 Кор. 3: 18; рус. пер.: «Мы же все с открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа»).

XV

[1] *...блаженства же, от избытка ея текуща в лоно блюстителево, не ведят.* — Перифраз слов Христа: «<...> вѣруяй въ мя, якоже рече писаніе, *рѣки от чрева его истекутъ воды́ живы*» (Ин. 15: 1; рус. пер.: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, *из чрева потекут реки воды живой*»). См. в службе во вторник 4-й седмицы по Пасхе: «<...> вѣруяй мой благости, *рѣки потекутъ из чрева его жизни вѣчныя*. О благости и благоутробия твоего Христе Боже наш, слава тебѣ!» (Триодь 2002: 111).

[2] *И тоскующие в разлуке с милыми и об отошедших плачущие, яко Рахиль о чадех...* — Рахиль страдала оттого, что у нее не было детей от Иакова (см.: Быт. 30: 1).

[3] *...приподыме пред ними покрывало свое, и на мгновение ока увидят скорбящие лицо любимое и весть некую в сердце примут.* — Покрывало Параскевы имеет символическое значение; см. также о покрывале Гориславы: I.8.10. Согласно Плутарху, изображение Афины, «которую они (египтяне. — *Ред.*) называют Изидой», имело надпись: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрова» (Плутарх 2006: 17. *Пер. Н.Н. Трухиной*). В статье «Древний ужас (по поводу картины Л. Бакста “Terror Antiquus”)» Вяч. Иванов писал: «На изображениях свадьбы Зевса и Геры владыка небес приподымает покрывало с лица новобрачной: Саисская богиня была безбрачная дева, никто ее не познал» (Иванов 1971—1987/3: 282). См. также стихотворение Ф. Шиллера «Саисское изваяние под покрывалом» («Das verschleierte Bild zu Sais», 1795) и новеллу Новалиса «Ученики в Саисе» («Die Lehrlinge zu Sais», 1799). Ср. также стихотворение А. Блока «Россия» (1908):

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка <...>

Блок 1997—/3: 174

[4] *...яко Раф<а>ил архангел Товии.* — События описаны в неканонической Книге Товита.

Дополнения

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

Сказание старца-инока

Стихотворения. Наброски, планы, подготовительные материалы

СТИХОТВОРЕНИЯ

<I>

«Во темно̀м сыром бору...»

Публикуется по беловому автографу 1915 г. из рабочей тетради: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 10. Л. 1. Написано 10 января 1915 г., впервые опубликовано под названием «Владычица Дебренская», см.: Раннее утро. 1918. 23 (10) мая. С. 4. В состав «Повести о Светомире царевиче» вошло в расширенном виде, с прибавлением строф и разделением текста на две части (см. с. 28, 30, 32, 54 наст. изд.). В расширенном варианте — созданном специально для Повести — выходило в брюссельском собрании сочинений (см.: Иванов 1971—1987/4: 29—31); включение этого варианта в Повесть — волевое решение редактора брюссельского издания, не подкрепленное какими-либо рукописными источниками.

<II>

<Песня Светомира>

Редакции

На сегодняшний день известны следующие автографы: 1) черновой автограф (карандашом), первая редакция (1916?): РАИ. Оп. II. К. 2. П. 17. Л. 1 (*ЧА-1*); 2) перебеленный черновик (с новой правкой, карандашом), вторая редакция (1916): Там же: Л. 2 (*ЧА-2*); 3) беловой автограф (чернилами) второй редакции (октябрь 1916 г.), опубликованной в 1918 г.: Оп. I. К. 5. П. 8. Л. 1—3 (*БА-1*); 4) черновой автограф стихотворения «Что поешь ты, медуница...» (до правки — «Золотая медуница...»), включенного впоследствии (по сообщению О.А. Шор, в 1929 г. см.: Иванов 1971—1987/1: 857) в песню Светомира в качестве одной из строф: РАИ. Оп. I. К. 1. П. 5. Л. 92 (чернилами — до строки «Что лежит стрела подспудно», далее карандашом; правка в первых стихах — карандашом; *редакция А* находится в РАИ среди автографов 1916 г.); 5) беловой, неоконченный автограф стихотворения «Золотая медуница...», карандашом: Там же: 93 (*редакция Б*, 1916 г.); 6) беловой автограф той же строфы «Золотая медуница...», карандашом, 1929 (?) г.: Оп. II. К. 2. П. 19. Л. 1 (вставка стихотворения «Золотая медуница» в качестве новой строфы: в м/п копии, о которой см. ниже; *БА-2*; *редакция В*).

Копия О.А. Шор, сделанная с *БА-1*, чернилами, содержится в: Оп. II. К. 2. П. 18. Л. 1—1об.; м/п копия: Там же: л. 2—3; Там же: П. 19. Л. 1 (окончание копии вынесено в отдельную единицу хранения). На л. 1 присутствует вставка строфы «Золотая медуница...» — автограф карандашом. Оба экземпляра отличаются от автографа пунктуационными разночтениями, причем к *БА* ближе оказывается то одна, то другая копия.

Впервые было опубликовано под названием «Виноградарь» (см.: Раннее утро. 1918. 4 мая/21 апр. № 79. С. 2.).

Публикуется: 1) первая редакция (слой до правки, восстановленный путем ее отмены): по *ЧА-1*; 2) первая редакция после правки: по *ЧА-1*; 3) вторая редакция (черновая): по *ЧА-2*; 4) вторая редакция (беловая): по *БА-1*; 5) редакция 1929 г.: по *БА-1*, строфы стихотворения «Золотая медуница» — по *БА-2*.

Первая редакция и черновой вариант второй редакции публикуются впервые.

Черновой автограф (*ЧА-1*. Л. 1) содержит как минимум два слоя правки. Первые исправления начинаются от строки «Окрест гору обтекает». Возможно, текст до этой строки был перебелен с не известного нам черновика, в этом же месте межстрочный интервал становится заметно у́же, и далее характер автографа меняется. Затем автор, по-видимому, вернулся к началу текста и стал править все стихотворение целиком. Текст первой редакции не закончен: последние строки (от слов «Любезные братья!») могли бы быть отнесены и к прозаическому наброску, который опубликован в другом разделе настоящего тома (см. с. 159 наст. изд.), но все же воспроизводятся здесь, поскольку могут быть прочитаны как раешный стих; к тому же в них присутствует и рифма (дубравы — славы). Восстановление первоначальной редакции песни Светомира (каким был текст на листе автографа до правки) важно, поскольку позволяет увидеть, что первая строфа не отличалась размером от последующих, как это было сделано в итоге.

Вторая редакция (*ЧА-2*) является черновой по отношению к тексту, датированному октябрем 1916 г. и опубликованному в 1918 г. Здесь впервые появляется строфа другого размера, которая впоследствии обратится в танцевальную с повторением ритуального «Виноградье, красно-зеленье...».

Строфа «Золотая медуница...», которая, по нашему предположению, первоначально была отдельным стихотворением, имеет три редакции. *Редакция А* — из 26 стихов, разделенных на три строфы (по 8, 6 и 12 стихов в каждой); незавершенная *редакция Б*, содержащая в себе 12 стихов (8 в первой строфе и 5 в неоконченной второй); последняя редакция (*Редакция В*) — из 22 стихов (8, 6 и 8). Редакции А и В приводятся целиком в конце раздела «Редакции и варианты» (см. с. 474—475 наст. изд.).

<Колыбельная Светомиру
Первая редакция>

Публикуется по автографу из тетради О.А. Шор: РАИ. Оп. VII. К. 2. П. 2. Л. 93об. Датируется январем 1932 г. на основании указания О.А. Шор (см.: Иванов 1971—1987/1: 856). Данная редакция издается впервые. Текст другой редакции, известный только по м/п копии, см. с. 353—354 наст. изд.

Третья строфа совпадает с беловым автографом (о нем см. с. 272 наст. изд.); в пятой строфе изначально было: «Унесет в заповедный край»; в шестой строфе было: «Свете мирный, тихо дремли».

НАБРОСКИ, ПЛАНЫ, ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

План «Комедии...»

Публикуется по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 116—118об. Датируется 17 (29) апреля 1894 г. Материалы имеют обложку с пометой «Faustus» (см.: Там же: 115) и датой: «Пасха 1894 г., Рим» (см.: Там же: 115об.) и впервые были изданы Г.В. Обатниным (см.: Обатнин 1994: 33). Последняя фраза наброска (перед датой) исправлена С.Д. Титаренко (см.: Титаренко 2010: 345); подобное прочтение принято и А.Л. Топорковым (см.: Топорков 2012: 31).

Наброску предшествуют титульные листы с двумя вариантами названия, которые также впервые были опубликованы Г.В. Обатниным (первый — с небольшой неточностью).

<Светомир на Святой горе
Ранние наброски>

Наброски публикуются впервые, по черновому автографу карандашом (см.: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 17. Л. 2—3об.) и датируются не ранее 1916 г. и не позднее 1929 (?) г. Прозаические наброски, сопровожденные рисунками, написаны на таких же листах тонкой бумаги большого формата, что и черновые редакции песни Светомира. Текст относится к последним (не созданным Вяч. Ивановым) книгам Повести (не ранее седьмой или восьмой). В «продолжении» Повести, написанном О.А. Шор, не использовался. Посередине л. 3об. есть выцветшие записи светло-зеленым карандашом, не поддающиеся прочтению.

«Но нельзя угасить льна тлеющего; нельзя и трости надломленной переломить». — Отсылка к христологическому пророчеству (см.: Ис. 42: 3), повторенному в Мф. 12: 20.

Записи слов и выражений, связанных с темой порчи

Материалы публикуются впервые, по автографу: РАИ. Оп. I. К. 1. П. 32. Л. 79об. Датируются на основании сведений о начале работы над Повестью — не ранее сентября 1928 г. Находятся в том же блокноте, где были обнаружены наиболее ранние варианты начала Повести. Автор стал вести новые записи с конца блок-

нота, двигаясь к началу, так что публикуемый текст следует непосредственно за вариантами первых стихов. С первыми главами Повести он связан своей тематикой. Напомним, что болезнь Владаря упоминалась Вяч. Ивановым еще в наброске 1894 г. В Книге первой его недуг «наколдован» Гориславой.

Черновые наброски к Книгам третьей и четвертой

Публикуются впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 27. Л. 2–3, 3об. Датируются не ранее 1929–1930 гг. – не позднее января 1946 г. Записи обнаружены в архивной единице, которая содержит разрозненные материалы, относящиеся к Повести.

К 1929 г. была закончена предыдущая часть произведения (нынешние Книги первая и вторая). Отсюда наиболее ранняя вероятная дата наброска. Наиболее поздняя возможная дата создания черновика (1946) обусловлена временем завершения нынешней Книги четвертой. Вероятнее же всего, фрагмент можно датировать началом 1930-х годов, поскольку здесь имя «Жирята» еще не исправлено на «Жихорь».

Планы Повести

«Повесть о Светомире царевиче»
Черновой план

Запись в тетради с беловым автографом Книги второй (впоследствии – третьей). Публикуется впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 3. Л. 2об. Датируется 1945 г. Книга пятая, согласно этому плану, включает в себя главы, которые в итоге в данную книгу не вошли.

Планы «Повести о Светомире царевиче»

Публикуются впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 4. Л. 2об., 56 (набросок карандашом). Датируются: 1) февралем 1945 г. (по записи на л. 2); 2) не ранее 31 декабря 1945 г. (по записи на л. 56).

Обе записи выявлены в тетради с беловым автографом Книги четвертой (первоначально – четвертой и пятой). Первый план простирается до Книги седьмой, но границы пятой, шестой и седьмой книг несколько отличаются от предыдущего замысла (см. «Повесть о Светомире царевиче». *Черновой план*; с. 162 наст. изд.). Короткая вторая запись представляет собой план продолжения Книги пятой (впоследствии четвертой); находится этот набросок после главы XIII (первоначально – главы I Книги пятой).

Подсчет количества глав

Публикуется впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 4. Л. 1об.; содержится на внутренней стороне обложки тетради с беловым автографом Книги четвертой (первоначально – четвертой и пятой). Датируется не ранее 28 сентября 1945 г. на основании записи на л. 52 (день завершения главы XII, на которой в тот момент оканчивалась Книга четвертая).

Записи слов и выражений

Публикуются впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 41; содержатся в блокноте с черновым автографом Книги четвертой (последние главы относятся к Книге пятой) и датируются августом 1946 г. На л. 42об. начато письмо к М. Харари от 20 августа 1946 г., что и позволяет отнести (конечно, с возможными поправками) соседствующую с ним запись к этому же месяцу.

Строки «Мана манит ~ силой» отчеркнуты слева волнистой линией.

Выписки о свв. Параскеве Пятнице и Евфросинии Полоцкой

Публикуются впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 16. Л. 46; обнаружены в том же блокноте, что и предыдущие записи, и датируются не ранее 1946 г. В это время Вяч. Иванов работает над Книгой пятой, где впервые в Повести упоминается царица Параскева, соименная св. Параскеве Пятнице.

Библиографическая выписка к Книге пятой

Публикуется впервые, по автографу: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 27. Л. 1; синим карандашом на листе, вырванном из блокнота. Датируется 1945–1948 гг. Пресвитер

Иоанн упоминается впервые в Книге четвертой, поэтому наиболее ранней вероятной датировкой этой записи может быть 1945 г. — время, когда была начата работа над этой книгой.

Франц Камперс (1868–1929) — немецкий историк. Упомянута его книга «Александр Великий и идея Всемирной империи в пророчествах и сказаниях» («Alexander der Große und die Idee des Weltimperiums in Prophetie und Sage», 1901).

Запись архитектурной и декоративной терминологии

Публикуется по автографу: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 5. Л. 57, и датируется 1948 г. Впервые была опубликована О.Л. Фетисенко (см.: Символ 2008: 308). Выявлена в тетради с черновым автографом Книги пятой, которая датируется 1948 г.; является подготовительным материалом к описанию дворца Иоанна Пресвитера.

Оглавление и подсчет стихов Книги пятой

Публикуется по автографу: РАИ. Оп. II. К. 1. П. 5. Л. 58; датируется не ранее сентября 1948 г. Впервые было издано О.Л. Фетисенко (см.: Символ 2008: 307). Содержится в той же тетради, что и предыдущая запись. Количество страниц подсчитано по тетрадям с беловыми автографами.

Краткое содержание по главкам Книги первой «Повести о Светомире царевиче» и наброски плана двух актов для сценического произведения

Материалы публикуются по автографу Л.В. Ивановой на листах: РАИ. Оп. II. К. 2. П. 27. Л. 4–6об. (возможно, текст записан под диктовку Вяч. Иванова). Датируются не ранее 1929 г. и не позднее конца 1930-х годов (поскольку нумерация глав соответствует периоду до разделения исходной Книги первой на две — первую и вторую). В левом верхнем углу л. 4 нарисована макушка кошачьей головы с ушками (тотем семьи Ивановых), в правом верхнем углу того же листа — лира (атрибут Л.В. Ивановой как музыканта). В правом верхнем углу л. 4об.

запись рукой Иванова: «II эскимос I Vero <?> Rom <?>». На л. 6 после первых пяти строк рисунки: куб, конус, перекрещенные и параллельные линии, голова пятнистой кошки и карандаш, под которым написано: «атлантик».

С точки зрения А.Б. Шишкина, рукопись можно датировать 1929 г., когда Вяч. Иванов и Л.В. Иванова жили в Давосе и обсуждали план работы над Повестью. Внизу л. 4 четыре строки («1-й акт ~ III. Искушение») подписаны лиловым карандашом: мнения исследователей о том, кем сделана данная заметка, расходятся. Как отмечает А.Б. Шишкин, эти строки вписаны Вяч. Ивановым. О.Л. Фетисенко не разделяет этого суждения, считая, что незначительные отличия в почерке данного фрагмента от основной части рукописи связаны лишь с тем, что строки написаны карандашом, отсюда разница в усилии пишущей руки.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА 1866–1949*

1866

16 февраля Рождение «в собственном домике моих родителей, почти на окраине тогдашней Москвы, в Грузинах, на углу Волкова и Георгиевского переулков, насупротив ограды Зоологического сада. Я с любовью отмечаю эти места, потому что с ними свя-

* Данная хроника не охватывает всего жизненного и творческого пути Вяч. Иванова. Ее задача — показать важнейшие этапы, предшествующие последнему большому произведению поэта — «Повести о Светомире царевиче». В связи с этим мы посчитали возможным сделать особый акцент на отдельные события хроники, знаковые для понимания личности писателя и его произведения, что обуславливает их подробное изложение; другие же вехи отражены нами более схематично.

Основные источники данного раздела: Автобиография 1904; Автобиографическое письмо 1917; Александр Блок 1980; Альтман 1995; Амфитеатров и Иванов 1997: 475–538; АХМ 1999; Бакст 2012; Белый — Блок 2001; Белый — Петровский 2007; Блок 1960–1963/5; Блок 1960–1963/7; Блок 1965; Блок 1997–/7; Богомолов 2011: 64–82; БвНП 1982; Брюсов 1990; Взыскующие града 1997; Дешарт 1971: 7–226; Дневник ВИ 1971–1987/2: 744–754, 771–807; Дневник ВИ 1971–1987/3: 850–853; Дневник Замятниной 2009; Дневник Каблукова 1909: 178–342; ДЗ Шварсалон 2009: 249–274; Дневник Шварсалон 1909: 319–334; Добужинский 1987; Записные книжки 1996: 185–256; Иванов 1997: 186–195; Иванов 1999: 81–92; Иванова 1992; Иванова 2003: 254–267; Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009; Иванов — Шор 2001: 151–455; Из переписки 1990: 121–141; Из писем 1996: 119–144; Избранная переписка 2008: 460–631; История и поэзия 2006; Климов 1972; Котрелев 1968: 326–339; Котрелев 1982: 163–176; Кузмин 2000; Кузмин 2005; ЛН 1982; Маковский 1993; Мережковский — Миллиор 1995; Мыльникова 1985: 88–119; О прозе 2013: 935–988; Обатнин 2000, Переписка 1990; Переписка 2008а: 338–403; Переписка 2008б: 404–420; Переписка 2008в: 438–459; Письма Блока 1927; Поджи 2008: 643–702; Пришвин 2007; РИА 1997; Фидлер 2008; «Хронологическая канва»; Чуковская 1997; Roncalli 2002: 19–60; Sulpasso 2008: 291–316; Wachtel 1995. В тексте летописи события жизни поэта прокомментированы цитатами из Автобиографического письма Вяч. Иванова от 14/27 декабря 1904 г., Автобиографического письма поэта от января — февраля 1917 г., а также фрагментами дневниковых записей и переписки его современников.

заны первые впечатления моей жизни, сохраненные памятью в каком-то волшебном озарении, — как будто тот слон, которого я завидел из наших окон в саду, ведомого по зеленой траве важными людьми в парчовых халатах, и тот носорог, на которого я подолгу глазел сквозь щели ветхого забора, волки, что выли в ближайшем нашем соседстве, и олени у канавы с черною водой, высокая береза нашего садика <...> остались навсегда в душе видениями утраченного рая» (Автобиографическое письмо 1917: 9). Отец — Иван Тихонович Иванов (1816–1871), землемер, в конце жизни чиновник Московской Контрольной палаты, мать — Александра Дмитриевна, урожд. Преображенская (1824–1896).

1 марта Крещение: «<...> крещен в Москве в церкви Св. великомученика Георгия Победоносца на Большой Грузинской улице в честь св. благоверного князя Вячеслава (Вацлава) Чешского» («Хронологическая канва»: 1).

1870

Зима Болезнь отца; за несколько месяцев до его кончины ВИ посещает видѐние старца-инока, описанное позднее поэтом в строфах XXXVI–XXXIX поэмы «Младенчество» (опубл. 1918).

1871

Февраль Смерть отца.

Семилетие 1873–1880 — годы вольнодумства, «начало революционерства и атеизм» («Хронологическая канва»: 1).

1875–1884

В Первой московской гимназии, которую оканчивает с золотой медалью. Увлеченные занятия греческим и латинским языком. Дружба с одноклассником Алексеем Михайловичем Дмитревским, вместе они переводят «Царя Эдипа» Софокла (перевод не сохранился). Для ВИ это было время «смелого до чрезмерной самонадеянности подъема душевных сил» (Автобиографическое письмо 1917: 14).

1883

Духовный кризис. Сам поэт писал об этом периоде: «Примечательно, что моя любовь ко Христу и мечты о Нем не угасли, а даже разгорелись в пору моего безбожия» (Автобиографическое письмо 1917: 14).

1884

Весна — Создание поэмы «Иисус» о драме судьбы и христианской веры (текст не сохранился).

Июнь — Переводит (видимо, с немецкого переложения) фрагмент «Песни Господа», входящей в состав шестой книги древнеиндийского религиозно-философского эпоса «Махабхараты» — «Бхишмапарва, или Книга о Бхишме».

1884–1885

Поступление на филологический факультет Московского университета.

1886

4 июня — Женитьба на Дарье Михайловне Дмитревской (1864–1933) и отъезд за границу, где живет (с редкими наездами в Россию) около 19 лет. Девять семестров изучает историю Древнего Рима в Берлинском университете у Т. Моммзена и О. Гиршфельда. Одновременно ВИ обращается к вопросу об исторической миссии своего отечества: «Как только я очутился за рубежом, забродили во мне искания мистические и пробудилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова» (Автобиографическое письмо 1917: 18).

1886 — Написание стихотворения «Моисей» о религиозном призвании и ответственности призванного перед народом.

1887

Сентябрь—декабрь — Создание автобиографической и философской фрагментарной прозы — «Осенние мысли», «О Толстом», «О благочестии» и др., набросков рассказов новеллистического типа — «Sonate pathétique», «Даниил» (не завершено). Перевод с итальянского стихотворения Дж. Леопарди «Бесконечное» («L'infinito», опубл. 1826).

Декабрь — Работа над стихотворной драмой «Фауст». Название второй сцены — «Фауст. Русские варианты общечеловеческой легенды» (не завершено).

1888

19 февраля — Запись в дневнике впечатлений от исполнения Сонаты № 12 Л. ван Бетховена; это одна из первых формул «родного» и «вселенского» у ВИ: «Мерно и медленно падали важные, победные и вместе печальные аккорды Бетховена (ор. 26), полные легких отзвуков наших церковных песен. Мне чудилось наше победное шествие в час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоящим с серьезными лицами и полным внутреннего умиления, какой-то торжественный завет» (АХМ 1999: 13).

1888–1889 — Формирование литературных замыслов: поэм «Иуда», «Фауст», «Матери» (параллель с «Великими матерями» из «Фауста» И.-В. Гёте), статей «Литература страдания», «Мистическое в произведениях Достоевского», «Прометей Эсхила и Каин Байрона», «Революция в поэзии» (не завершено; см.: АХМ 1999: 37–38).

1889 — Создание поэмы «Ars Mystica» (опубл. 2008).

1891 весна — 1892 весна — Пребывание в Париже с Д.М. Дмитревской и дочерью Сашенькой, знакомство с И.М. Гревсом в Национальной библиотеке. Изучение и глубокое переживание творчества Ф. Ницше: «властителем дум моих все полнее и могущественнее становится Ницше» (Автобиографическое письмо 1917: 19).

1892

Февраль—март — Путешествие в Рим через Лион, Марсель, Геную. Находит следы Римской империи в южной Франции.

Апрель—июнь — Приезд в Рим; знакомство с искусствоведами Д.В. Айналовым и Е.К. Рединым, византологом М.Н. Крашенинниковым, литературоведом А.И. Кирпичниковым, художниками М.В. Нестеровым и Ф.П. Рейманом.

1894 — Первый замысел будущей Повести под названием «Комедия о славных мужех Владаре и Боривое и Владареве сыне Светомире» (см. с. 157 наст. изд.).

Июль — Знакомство с Лидией Димитриевной Зиновьевой (1866–1907, далее — ЛДЗ), будущей второй женой поэта.

Осень — Жизнь во Флоренции.

1895

10 января — Переезжает в Рим, оставив семью во Флоренции.

Январь — Решающее объяснение с ЛДЗ в Колизее: «В душе моей точно растворялся весь мир, и все громадное прошлое человечество

Арка Тита. *Худ. Дж.-Б. Пиранези* (1720–1778)
Гравюра. Вторая половина XVIII в.

точно отражалось во мне, когда мы шли, прижавшись друг ко другу, и ты говорил о своих античных трагедиях. Развалины оживали, сердце расширялось бесконечно, и все существо вырывалось из одиночества, сливаясь в любви другого существа и в ощущении всего мира настоящего и прошлого» ([Письмо ЛДЗ к ВИ от 25 июня/7 июля 1895 г.] // Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/1: 281); «Друг через друга нашли мы – каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» (Автобиографическое письмо 1917: 20).

Осень — Знакомство в Петербурге с Вл.С. Соловьевым: «Мои стихи – опять предупредил он (Соловьев. – *Ред.*) меня сегодня – отчасти не будут поняты; но об их непонятности для моих будущих читателей он говорит как человек, сам их понимающий, и не делает мне из них этого никакого (так! – *А.Ш.*) упрека. Так же мало мешают ему мои так называемые “славянизмы”, за которые я привык выслушивать брань своих зоилов» ([Письмо к ЛДЗ от 21 октября/2 ноября 1895 г.] // Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/1: 327–328); «На мое духовное развитие оказал сильное и во всем, что касается Церкви, решающее влияние Владимир Соловьев» ([Письмо к Е. Шору от 22 сентября 1929 г.] // Переписка 2008а: 350).

1896

28 апреля — Рождение в Париже дочери Лидии, впоследствии композитора, музыканта и мемуариста (ум. в Риме 6 июля 1985 г.).

Апрель — Смерть матери Александры Дмитриевны Ивановой.

Май — Оформление развода с Д.М. Дмитревской с запрещением Церковью вступать в новый брак.

1897

12 января — Слушает симфонию № 5 Л. ван Бетховена в Берлинской филармонии: «Много общего в этой симфонии с 9-ой симфонией по замыслу, и то же разрешение – в идее ликующего, осчастливленного человеческого множества» ([Письмо к ЛДЗ от 1/13 января] // Иванов – Зиновьева-Аннибал 2009/1: 529).

Ноябрь — Посещение Ассизи, главного центра францисканской духовности. В письме к И.М. Гревсу от 17/29 января 1888 г. ЛДЗ отмечала: «Границы души моей раздвинулись от синих холмов родины Св. Франциска <...>» (История и поэзия 2006: 207). «Умбрских гор синеющий кристалл!» – так ВИ начинает сти-

хотворение «Красота» (опубл. 1903) — эстетического и философского манифеста, посвященного Вл. Соловьеву.

1898

Сентябрь — ноябрь По инициативе Вл. Соловьева публикация стихотворений ВИ «Дни недели» и «Тризна Диониса» в журналах «Вестник Европы» и «Космополис» соответственно.

1899

Июль Бракосочетание с ЛДЗ в греческой церкви (т. е. в юрисдикции Константинопольского, независимого от Московского, патриархата) в Ливорно.

Лето — осень Жизнь в южной Италии, затем в Англии. Семью ВИ и ЛДЗ начинает сопровождать Марья Михайловна Замятнина (1862–1919), ставшая верной «домоправительницей» ВИ и адресатом его стихотворений.

1899 август — 1900 весна Пребывание в Англии: «Усердно собирал, в лондонском Reading-Room при Британском музее, материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима» (Автобиографическое письмо 1917: 21).

1900

Апрель Получение в подарок гравюры с картины В.М. Васнецова «Богатыри»: «Гравюра <…> очень артистична. А сами богатыри — просто загляденье. Типы коренные. Хаотические кривизны почв русских с той поры выпрямились, а они все те же. Ведь и Петр от них: вот его могутность и пламенение духовное, а вот и безудержный, дикий славянский огонь его, бес славянский» ([Письмо к Замятниной от 12/25 апреля 1900 г.] // Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 655). К этому письму ВИ прилагает написанный в марте 1900 г. «Стих о Святой Горе».

Июнь Знакомство в Петербурге с С.П. Дягилевым и А.Н. Бенуа.

1901

13/26 марта Пишет жене о событиях в России: «Дела творятся небывалые. Убит несчастный Боголепов, отлучен от церкви Толстой, беспорядки <…> принимают грозный и страшный для России характер. Рабочие в союзе со студентами. Вторжение в собор, безобразное иконоборство… <…> Не думаю, что нравственно позволительно бросать общественное дело и то влияние, которое имеем самою принадлежностью нашею к общественному организму <…> для эпикурейской нирваны за рубежом» ([Письмо к Замятниной от 13/26 марта 1901 г.] // Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009/1: 718–719).

Февраль Путешествие с ЛДЗ через Рим и Бриндизи в Афины.

Конец марта — начало мая Паломничество ВИ и ЛДЗ на Св. Землю в Палестину (на Страстную неделю и Пасху), затем в Египет.

Июль — сентябрь Болен тяжелой формой брюшного тифа.

1902 Пребывание в Греции: «В Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса. Это изучение было подсказано настойчивою внутреннею потребностью: преодолеть Ницше в сфере вопросов религиозного сознания я мог только этим путем» (Автобиографическое письмо 1917: 21).

Весна Обдумывание плана драмы-поэмы о Володаре и Светомире (см.: Дневник Замятниной 2009: 441).

1902 апрель — 1905 март Большую часть времени живет с семьей в Женеве на вилле Жавà (Java).

9 июня/ 27мая Завершение первого поэтического сборника «Кормчие звезды» и чтение его обитателям виллы Жавà.

17/30 июня Запись в дневнике М.М. Замятниной о возможной будущей проблематике Повести: ВИ читает домашним выдержки из Р. Вагнера, «в которых говорится о “grand Art”, о народе-творце и вдохновителе, о трагедии как единственно могутной выразительнице в ясных образах мифов народных. О том, что трагический герой должен освободиться от эгоизма и приобщиться к общему через с необходимостью вытекающую смерть, через смерть, на которую герой сам идет. Отсюда возникновение трагедии из тризны — прославление смерти героя. Вячеслав видит возникновение древней трагедии *из жертвы* и тризны по этой жертве. <…> Вся религия христианства есть тризна жертвенной смерти Спасителя (обедня выражает это). Вагнер говорит, что Шекспир должен сочетаться с Бетховеном. У Бетховена в 5<-й> симфонии выражено приобщение человечества к общему через смерть. Затем Вячеслав говорил о “Володаре”. Ключ к нему — он “всечеловек”, и он должен кончить трагическою смертью» (Дневник Замятниной 2009: 445–446. Курсив М.М. Замятниной).

Осень Занятия санскритом у Ф. де Соссюра в Женевском университете: «Хотя интерес к санскриту и Индии принадлежит к моим старинным умственным вожделениям, все же я бы не обратился к этим новым занятиям, если бы они не имели тесной связи с занимающими меня вопросами религиозно-исторического характера» ([Письмо к И.М. Гревсу от 31 октября 1902 г.] // История и поэзия 2006: 251).

Конец октября Выход в свет первой поэтической книги «Кормчие Звезды. Книга лирики» (на титульном листе — «1903 [год]»; вых. свед.: 1000 экз.).

1903

Март Выход рецензии В.Я. Брюсова на книгу ВИ «Кормчие Звезды» в ж. «Новый путь» (см.: Новый путь. 1903. № 3).

Май — июнь Чтение курса из двенадцати лекций по истории дионисийских культов в парижской Высшей русской школе общественных наук: «Там я познакомился с пришедшим на мою лекцию Валерием Брюсовым, уже рецензировавшим мою книгу стихов. Мережковский писал мне, прося дать лекции о Дионисе в “Новый Путь”» (Автобиографическое письмо 1917: 21). Знакомство с Александрой Чеботаревской.

Середина ноября Получает книгу стихов В.Я. Брюсова «Urbi et orbi» и пишет рецензии на нее.

1904

Март — июль Пребывание в Москве, общение с В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, Андреем Белым, Федором Сологубом, Вл. Эрном и др. В марте в ж. «Весы» публикуется ставшая этапной для литературной культуры того времени статья «Поэт и Чернь» — первое обоснование ВИ «всенародного искусства». С этого номера начинается регулярное сотрудничество с журналом.

Весна Выход сборника стихов «Прозрачность. Вторая книга лирики». Сотрудничество с ж. «Новый путь» и «Весы». В первом начинает публиковаться историко-религиозное исследование ВИ «Эллинская религия страдающего бога»: «В этой работе <...> я, с одной стороны, обосновываю свои взгляды на сущность и корни дионисической мистики и экстаза (их колыбелью были, по моему мнению, первобытные тризны), а с другой — пытаюсь осветить живое значение дионисического круга верований и переживаний, своеобразно окрасившего и христианство, для духовной жизни человечества» (Автобиография 1904: 84).

Апрель Выход рецензии А. Блока на книгу «Прозрачность» в ж. «Новый путь» (см.: Новый путь. 1904. № 6).

1905

Конец марта — начало апреля Пребывание то в Москве, то в Петербурге, с июня — на Башне (ул. Таврическая, 25), откуда открывается вид на Петербург и Таврический дворец, в котором с 1906 г. заседает Государственная дума.

Март— апрель В альманахе IV «Северные цветы ассирийские» появляется драма ВИ «Тантал» (см.: Северные цветы Ассирийские. Альманах IV. М.: Скорпион, 1905).

Апрель А. Блок пишет большое эссе «Творчество Вячеслава Иванова» (1. «Поэт и чернь». 2. От «Кормчих Звезд» к «Прозрачности») (см.: Вопросы жизни. 1905. № 4–5), где отмечает, что Вяч. Иванов — самоценный и своеобразный поэт переходной эпохи, близкой александризму, а также излагает концепцию символа ВИ и его идеи о «большом искусстве»: «Следуя за поэтом далее, к темным ключам народной символики, мы начинаем различать все явственнее его родную стихию» (Блок 1997–/7: 10).

Сентябрь Первый сезон «сред» в Петербурге на Башне. «Башенные» собрания посещают А. Блок, Андрей Белый, Федор Сологуб, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, М.А. Кузмин, С.М. Городецкий, Н.С. Гумилев, Велимир Хлебников, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, Л. Бакст, Константин Сомов, М.В. Добужинский, В.Э. Мейерхольд, Ф.Ф. Зелинский, Е.В. Аничков и др. — писатели, мыслители, ученые, художники, музыканты, люди искусства и театра, практически все творческие силы Серебряного века. Собственно ивановский опыт жизни и творчества периода Башни воплотился в его прозаических книгах — «По Звездам: статьи и афоризмы» (опубл. 1909) — и поэтических сборниках — «Эрос» (опубл. 1907) и «Cor Ardens» (Ч. 1–2; опубл. 1911–1912).

8 октября ВИ формулирует принципы своей архаизирующей поэтики в письме к С.А. Венгерову: «Знающему свои пути и цели художнику не страшно сознавать себя мертвым для современности. <...> *истинному русскому стиху, каким он необходимо станет,*

роднее древняя гиератичность нашего забытого слова или лубочная простота нашей старинной песни и сказки, нежели совершенная общепринятая речь нашего образованного общества...» (Переписка 1990: 90–91. Курсив ВИ).

7 декабря — На Башне диалоги о любви по образцу платоновского симпосиона; стихи читает А. Блок, выступают Андрей Белый, ВИ и др.

28 декабря — На Башне около 30 человек, обсуждение темы «Религия и мистика». В 11 часов вечера полицейский обыск с целью найти антиправительственные материалы; сообщение об этом инциденте в прессе.

1905 — Художник В. Холдсворт создает портреты ВИ и ЛДЗ (хранятся в Литературном музее ИРЛИ РАН). См. ил. 78, 79.

1906

3 января — На Башне В.Э. Мейерхольд, А. Блок, М. Горький, М.В. Добужинский, Константин Сомов, Е. Лансере, Л. Бакст и др.; обсуждение проекта создания театра «Факелы».

18 января — На «среде» более 40 человек, впервые приходит М. Кузмин.

Апрель — Выход эссе «Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего» в ж. «Золотое руно».

Весна — Константин Сомов создает портрет ВИ (хранится в ГТГ). См. ил. 77.

Июль — середина ноября — Утопический проект «размыкания колец» брака через «тройственный союз». Мифопоэтически любовные отношения с С.М. Городецким отражены в книге ВИ «Эрос» (1906).

11 октября — Чтение трагедии ВИ «Тантал» в театральной студии В.Ф. Комиссаржевской. Знакомство с М. Волошиным и Маргаритой Сабашниковой.

18 октября — На Башне диспут о философии Эроса. Выступают Е.В. Аничков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, А.В. Луначарский, присутствуют Л. Бакст, С.М. Городецкий, М.Л. Гофман, ЛДЗ, Константин Сомов, Ан.Н. Чеботаревская, Г.И. Чулков, видимо, также А. Блок, В.Э. Мейерхольд и др.

Ноябрь — Знакомство с А.Р. Минцловой, которая объявила себя посланницей европейских тайных мистических обществ и инициировала ряд оккультных проектов. Начинается трехсторонняя (ВИ, ЛДЗ, А.Р. Минцлова) переписка. Влияние А.Р. Минцловой на творчество ВИ, а также Андрея Белого и А. Блока весьма значительно, однако ее личность до сих пор остается загадкой для исследователей.

Осень — Знакомство с И.Ф. Анненским.

6 декабря — На Башне А.М. Ремизов читает «Гнев Ильи Пророка»: «<...> оркестр слов и такая фантазия: совсем какой-то древнерусский Дант» ([Письмо М. Волошина к Маргарите Сабашниковой от 7 декабря 1906 г.] // *Волошин М.* Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2013. Т. 11. Кн. 1. С. 77).

Конец декабря — Выход сборника стихотворений «Эрос» в «башенном» издательстве «Оры» (вых. свед.: 600 экз.). Это первая книга издательства, существовавшего до конца 1912 г.

1906 — На Башне М.Ф. Гнесин исполняет свои романсы «У моря ночью» и «Всё мне грезится море» на слова К.Д. Бальмонта. В дальнейшем М.Ф. Гнесин будет писать музыку на стихи В.М. Иванова: «вся среда “сред”, в которую я не напрасно влекся, была полезна мне, подталкивая вперед, стимулируя к исканиям» (*Гнесин М.Ф.* Статьи, воспоминания, материалы. М., 1961. С. 142). Музыка и исполнение стихов были важной составляющей жизни Башни.

1907

12 января — ВИ в гостях у А. Блока, который читает цикл «Снежная маска» и драму «Незнакомка»: «Вячеслав признал его (Блока. – *Ред.*) первым лириком по силе и дионисизму» ([Письмо ЛДЗ к В. Шварсалон от 21 января 1907 г.] // БвНП 1982: 269).

17 января — А. Блок оставляет дарственную надпись ВИ и ЛДЗ на своем поэтическом сборнике «Нечаянная радость» (опубл. 1907): «Вячеславу Ивановичу Иванову | и Лидии Дмитриевне | Зиновьевой-Аннибал | любимым, близким и нужным, | открывшим мне путь снежный | и радостный — | Александр Блок» (ЛН 1982: 71; см. ил. на с. 712 наст. изд.).

23–24 января — На одной из «сред» на Башне Н.А. Бердяев читает реферат по главе «Великий инквизитор» из своей будущей книги «Новое религиозное сознание и общественность» (1907); затем чтение стихов.

Начало 1907 — На этаже под Башней поселяются М. Волошин, Маргарита Сабашникова.

7 февраля — Премьера оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о неви-

Вячеславу Ивановичу Иванову
и Лидии Дмитриевне
Зиновьевой-Аннибал
любимым, близким и нужным,
открывшим мне путь снежный
и радостный —

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Александр Блок

17 января 1907 г.
Спб.

Дарственная надпись А. Блока
на кн. «Нечаянная радость». 1907 г.

димом граде Китеже» в петербургском Мариинском театре. На произведение впоследствии негативно откликнутся А. Блок и Андрей Белый. ВИ в статье «Скрябин как национальный композитор» (1916) отметит «визионарную умиленность и тихий экстаз “града Китежа”» (Мыльникова 1985: 98).

Февраль — Упражнения ВИ в медитации: чтение Евангелия от Иоанна по-гречески, сопровождаемое дыханием йоги, в соответствии с рекомендациями А.Р. Минцловой.

Март — Новый проект «тройственного союза», на этот раз с вовлечением Маргариты Сабашниковой.

14 апреля — Лекция «Пути и цели современного искусства» на Высших женских курсах в Петербурге. Печатный вариант (см.: Золотое Руно. 1907. № 5) носит название «О веселом ремесле и умном веселии»: «Мы не верим этим друзьям культуры, как расчищенного сада и вспаханного огорода на упроченной за собственником земле. Мы возлагаем надежды на стихийно-творческую силу народной, варварской души» (Иванов 1971–1987/3: 77).

22 апреля — Из Женевы приезжают и поселяются на Башне М.М. Замятнина, Л.В. Иванова и К.К. Шварсалон.

Май — Выходит альманах «Цветник “Ор”: Кошница первая» (вых. свед.: 1000 экз.). В книгу включены 17 любовных сонетов ВИ «Золотые завесы», посвященные Маргарите Сабашниковой, стихотворения А. Блока, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, М. Волошина, С.М. Городецкого и комедия ЛДЗ «Певучий осел» (первое действие, остальные опубликованы в 1993 г.). В произведении ЛДЗ с помощью прозрачных аллюзий рассказано о реальной драме поисков Эроса на Башне.

17 октября — ЛДЗ умирает от скарлатины в Загорье. Среди последних ее слов были: «Утро настало, Христос родился», «Мы втроем вместе», «Вячеслав веди Веру вверх» или «Вячеслав веди Вера вверх» (см.: ДЗ Шварсалон 2009: 257).

18 октября — Телеграмма А.Р. Минцловой о смерти ЛДЗ: «Обручился с Лидией ее смертью» (*Волошин М.* История моей души. М., 1999. С. 183).

1907 октябрь – 1908 весна — На Башне живет А.Р. Минцлова. Медитации под ее руководством. Она пытается представить себя посредником в общении с покойной ЛДЗ.

Конец ноября 1907 Примирение ВИ и Андрея Белого после долгого перерыва в отношениях.

25 декабря Запись об опыте общения с покойной ЛДЗ: «явление Лидии Дмитриевны, углубление веры, начало мистического периода» («Хронологическая канва»: 1).

1907–1908 Свидетельство дочери поэта о музыкальных интересах на Башне: «Музыкальный критик Каратыгин приходит к отцу и играет ему на рояле вещи Дебюсси и Равеля. <...> Равель отцу нравится, а Дебюсси ему чужд. <...> Композитор, который связан со всей его жизнью, это Бетховен. У меня впечатление, что в ткани души моего отца <...> находится много бетховенских нитей. В первый год после смерти мамы он каждый вечер выслушивал по сонате Бетховена, которая исполнялась Анной Минцловой, прекрасной пианисткой-дилетанткой» (Иванова 1992: 33–34).

1908

31 января М. Кузмин записывает в дневник свое видéние: «Лидия Дмитриевна в уборе и платье византийских императриц, лоб, уши и часть щек и горло закрыты тяжелым золотым шитьем; сидит неподвижно, но с открытыми, живыми глазами и живыми красками лица, хотя известно, что она – ушедшая. <...> Проснулся я, еще долго и ясно слыша запах ладана, все время медитации и потом. Пришла мысль для латинского гимна» (Кузмин 2005: 15–16). В тот же день М. Кузмин начинает сочинять музыку на слова латинского гимна ВИ «Breve aevum separatum» (ноты приложены ко второй части книги ВИ «Cor Ardens» (опубл. 1911; см.: *Иванов Вяч.* Cor Ardens. М., 1911. Ч. 2: Любовь и смерть; Rosarium. С. 211–213).

2 февраля Приезд на Башню А.Р. Минцловой.

11 февраля Лекция «Возрождение мифа в современной поэзии» на литературно-музыкальном вечере в Тенишевском училище, затем чтение стихов.

17 февраля Визит П.А. Флоренского на Башню: «был Флоренский из духовной академии. Говорил хорошо с Вячеславом» (Кузмин 2005: 20); «Сидит студентик, кажется, в потертой форме, неказистый шатен с длинным носом. Он молчит, сидит весь собранный в себя, спустив нос в тарелку; и так и не поднимает его в течение всего ужина. Его зовут Павел Флоренский» (Иванова 1992: 33).

4 марта На Башне в рамках «среды» А.Р. Минцлова читает лекцию Р. Штейнера: «Анна Рудольфовна читала лекцию Штейнера, подвергшуюся критике Вячеслава» (Кузмин 2005: 24).

8 марта Лекция о символизме в петербургском Литературном обществе.

21 марта М. Сабашникова в Риме завершает портрет ЛДЗ (см. ил. 8).

25 марта Лекция «Две стихии в современном символизме» в московском Литературно-художественном кружке.

30 марта Лекция «Символизм и религиозно-философское творчество» в московском РФО (вариант лекции от 25 марта 1908 г.). На обоих выступлениях ВИ оспаривает Андрей Белый, присутствует В.Я. Брюсов, А.Р. Минцлова, Вера Шварсалон и др.

31 марта В. Хлебников посылает ВИ 13 своих поэтических текстов. Приписка к ним содержит отсылку к статье ВИ 1907 г. «О веселом ремесле и умном веселии».

Конец июня – начало октября Пребывание в Судаке в доме сестер А.К. и Е.К. Герцык с Верой Шварсалон и А.Р. Минцловой. Встреча с В. Хлебниковым.

13 августа Рассказывает Е.К. Герцык «о книге <...>, которую напишет, эзотерической, из двадцати трех вечерних латинских откровений – и комментарии к ней» (Записные книжки 1996: 206).

Осень 1908 Участие в деятельности петербургского РФО. С весны 1909 г. до весны 1912 г. – руководство Секцией по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства РФО.

30 октября Первое собрание на Башне после смерти ЛДЗ; присутствуют 15 человек.

Ноябрь Дебют Н.С. Гумилева на Башне.

12 ноября Письмо к А. Блоку с отзывом о его поэтическом цикле «Снежная маска»: «в книге правильно заслышана (хотя и не совсем верно передана) какая-то мелодия глубинной русской Души, какова она ныне в ее соборном подпочвенном трепете... <...> Но я желал бы формального преодоления манеры и soi disant* стиля наших запойных гиков и взвизгов, равно простонародной гармоники, как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов» (Котрелев 1982: 168).

28 ноября Знакомство с М.М. Пришвиным: «Ремизов представил меня Вячеславу Иванову, и первые слова того были: “Какая у вас

* Так сказать (*фр.*).

	платформа — христианская или языческая?"» (Пришвин 2007: 194).
30 декабря	Чтение докладов А. Блока «Стихия и культура» и ВИ «О русской идее» в петербургском РФО (зал Общества польской культуры).

1909

17 января	На лекции Андрея Белого «Настоящее и будущее русской литературы» в Тенишевском училище. Начало идейного сближения ВИ и Андрея Белого, который поселяется на Башне.
27 января	Чтение доклада «О русской идее» в московском Литературно-художественном кружке. Оппонирует Андрей Белый, присутствуют Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон.
Февраль	Знакомство с А.Н. Скрябиным; на встрече присутствуют также А.К. Лядов, Н.А. Римский-Корсаков.
7 февраля	Возвращение в Санкт-Петербург с А.Р. Минцловой.
23 февраля	На Башне поселяется Н.А. Бердяев: «С Вячеславом Ивановым мы ведем бесконечные мистические разговоры» ([Письмо Н.А. Бердяева к жене от 25 февраля 1909 г.] // Из писем 1996: 125).
6 марта	На Башне одно из собраний комиссии по организации христианской секции РФО — Д.В. Философов, В.В. Розанов, С. Аскольдов (Алексеев), ВИ и С.П. Каблуков. После заседания «присутствующие обменялись мнениями о В. Розанове как гениальном противнике христианства» (Дневник Каблукова 1909: 200).
16 марта	Лекция о картине Л. Бакста «Древний ужас» в концертном зале училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла (ул. Б. Конюшенная, 10). Присутствуют М. Волошин, Е.И. Дмитриева, хлыстовская «богородица» Дарья Смирнова* и др.
Март	С 20-х чисел марта 1909 г. раз в неделю читает в «Академии» на Башне лекции о стихе и об истории и каноне поэтических форм. Присутствуют Н.С. Гумилев, О. Мандельштам, А.Н. Толстой, Е.И. Дмитриева и др.

* Дарья Смирнова — глава сектантской общины в Петербурге. С ней были знакомы А. Блок и М.М. Пришвин (см.: *Эткинд А.* Хлыст. М., 1998. С. 468–469).

Древний ужас. *Худ. Л. Бакст* (*1866–1925*)
Фрагмент 1908 г.

23 апреля — Поэтический дебют О. Мандельштама на Башне.

3 мая — Заключительное заседание РФО (сезон 1908/1909 г.) в помещении Географического общества. Доклады В.В. Розанова «О радости прощения» (см.: Весы. 1909. № 12) и ВИ «О евангельском смысле слова “Земля”». В прениях участвуют Д.С. Мережковский, С. Аскольдов и др., всего около 50 человек. Это одно из программных выступлений ВИ, полемическое по отношению ко взглядам В.В. Розанова, где поэт пытается дать собраниям РФО новое направление — богословско-филологическое. В докладе обсуждаются евангельские термины «земля», «камень», «мир» (в значении «вселенная»), «окаменение», которые найдут воплощение в сюжете Повести.

Вечер 9 мая — Участие в первом собрании по организации ж. «Аполлон» в помещении редакции издания (Мойка, 24, кв. 6).

22 мая — Поездка вместе с С.К. Маковским в Царское Село в дом И.Ф. Анненского; обмен идеями о программе ж. «Аполлон», разговор о Елене из «Фауста» И.-В. Гёте, о Дионисе.

Май — Приход В. Хлебникова на Башню.

Первая декада июня — Поэтический диалог ВИ и В. Хлебникова: 3 июня 1909 г. ВИ посвящает В. Хлебникову стихотворение «Подстерегателю» (1909). 10 июня того же года В. Хлебников в письме посылает ВИ свою поэму в прозе «Сад» (в последней редакции — «Зверинец»): среди животных в зверинце, чья значительность и величие стерты, В. Хлебников помещает «Слово о полку Игореве»: в зверях, как и в поэзии, живут древние мифы. О поэме «Сад» ВИ отозвался так: «Велимир — безусловно гениален. Он подобен автору “Слова о полку Игореве”, чудом дожившему до нашего времени» (*Степанов Н*. Творчество В. Хлебникова // Собр. произведений В. Хлебникова.: В 5 т. Л., 1928. Т. 1. С. 33).

29 июня — Отказывает Маргарите Сабашниковой, приехавшей из Германии, в возможности жить на Башне. Вечером записывает разговор с ней. Притязаниям Маргариты и поддерживающей ее А.Р. Минцловой противостоит Вера Шварсалон.

18 июля — На Башне М. Кузмин «играл 7-ю симфонию (Бетховена. — *Ред.*), читали вслух “Серебряного голубя” (Андрея Белого. — *Ред.*)» (Кузмин 2005: 153).

Июль — Выход книги «По Звездам. Статьи и афоризмы» (вых. свед.: 1500 экз.) в издательстве «Оры», обложка работы М. Добужинского.

4 августа — Запись в дневнике ВИ: «День <...> прерванный приездом Гумилева, который остался обедать. Я люблю его и охотно говорил с ним о многом и читал ему стихи. <...> Гумилев просил об издании в “Орах” его рассказов. Он принес “Северные Цветы”, собранные бароном Дельвигом (1825). Они доставили мне много радости. Я читал стихи вслух Марусе и вдруг, дойдя до пушкинских строк, не мог удержаться от слез. Как я люблю его! Значит, это любовь моя ворчит и сердится. Я счастлив этим. Кстати, для меня не стало, как кажется, больше умерших и, быть может, отсутствующих» (Дневник ВИ 1971—1987/2: 782).

10 августа — Письмо к С.М. Городецкому: «Дальнейшие упреки будут относиться к книжке “Русь”. <...> уже негодую. Не думал я, что так легко и небрежно и поверхностно ты отнесешься к великой задаче внушить *народу* несколько лирических намеков. <...> Ни народной музыки, ни народной молитвы, ни народной надежды нет» (БвНП 1982: 352. Курсив ВИ).

21 августа — М. Кузмин «пришел прочесть свой автобиографический очерк. Много говорил сегодня об искусстве, о легендах, о литературных возможностях (драматических житий и т. д.), о Георгии, архангеле Михаиле, об ангелах» (Дневник ВИ 1971—1987/2: 793); «Много говорили с Вячеславом об ангелах, Георгии и т. п.» (Кузмин 2005: 161).

13/26 августа — Отзыв О. Мандельштама на книгу ВИ «По Звездам», в котором он сравнивает ее с «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше: «Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и систем» (см.: Мандельштам 1990: 206). К письму с отзывом приложены три стихотворения О. Мандельштама.

27 августа — С.П. Каблуков делает запись в дневнике о творческих планах ВИ: «Иванов сказал, что собирается написать свою автобиографию, ибо считает свою жизнь интересной. Кроме этого, имеет в виду закончить начатую новую трагедию “Прометей”, написать книгу небольших статей мистического характера, мистерию на сюжет из “Ж<итий> Святых” и драму о каком-то средневековом рыцаре маге» (Дневник Каблукова 1909: 271—272).

6 сентября — Письмо к А.Р. Минцловой в Базель, разрывающее отношения; копирует его в дневник: «Вы в этих словах — и еще больше в изгибе мысли — не от *Христа*, а от Антихриста, от Великого Инквизитора, его предтечи» (Дневник ВИ 1971—1987/2: 802. Курсив ВИ).

В. Хлебников
Ок. 1910 г.

12 сентября Посещение Башни В. Хлебниковым: «Пришел Хлебников <...> в его вещах есть что-то очень яркое и небывалое» (Кузмин 2005: 167).

6 октября М. Кузмин отмечает в дневнике: «за обедом явилась Сабашникова и Блок, потом Чулковы <...> Блок еще почитал стихи о Италии» (Кузмин 2005: 174).

13 октября Доклад И.Ф. Анненского «Поэтические формы современной чувствительности» в ОРХС, где ВИ назван «Паладином Золотой Гармонии»: «Вяч<еслав> И<ванов> очарователен, высокомерен и голубоглаз. Он прозрачен и прост, почти элементарен среди пугающей громоздкости своих славянизмов. Он улыбается простодушно и даже чуть-чуть растерянно среди метафорических бездн или ставя свои трофеи. В нем что-то глубоко наше, русское, необъяснимо, почти волшебно-широкое, не столько больно разорванное, как юмористически наперекор всему слившееся» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. 1906–1909. / сост. и комм. А.И. Червякова. СПб., 2009. С. 409).

Октябрь В качестве учредителя и члена редакции ж. «Аполлон» вместе с И.Ф. Анненским и С.К. Маковским основывает «Общество ревнителей художественного слова» в Петербурге. Это «Общество» было прямым продолжением весенних лекций ВИ на Башне (так называемая «Академия стиха»). Первое собрание ОРХС состоялось 21 октября: «На всех собраниях он (ВИ. – *Ред.*) председательствовал, руководил прениями, говорил вступительное и заключительное слово» (Маковский 1993: 117). ВИ читает отдельный курс о метафоре. На одном из заседаний января/февраля 1910 г. поэт говорит о романе Андрея Белого «Серебряный голубь» (1909): «Ужасно, но <...> гениально!» ([Письмо С.К. Маковского к ВИ от 2 февраля 1910 г.] // НЛО. № 10. 1990. С. 143).

24 октября Выход первого номера ж. «Аполлон»; в нем опубликован сонет ВИ «Apollini» – литературный манифест, личное мифопоэтическое истолкование гимнологического и художественного творчества, соотнесенное с названием и программой издания. В том же выпуске открыт постоянный раздел ВИ под названием «Борозды и межи» (I. О проблеме театра), который, однако, ограничился лишь первым номером журнала.

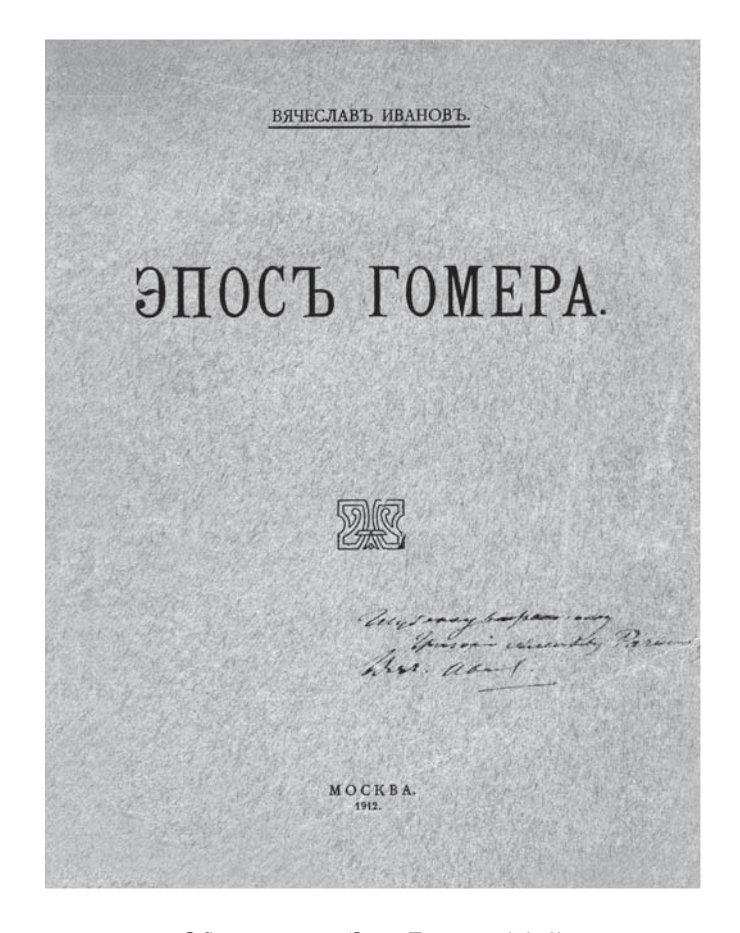
22 ноября Участвует в собеседовании К.М. Аггева «Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни» в Христианской

	секции РФО (ул. Гагаринская, 16): «Столпнер: у Леонтьева нет Диониса, вот чем отличается он от Ницше. В. Иванов: средневековая Церковь, соединяющая людей. Возрождение: возникновение личности и распыление рода. Кооперативное соединение – пошлость. Православие соединяло русских» (Пришвин 2007: 224).
23 ноября	Чтение лекции «Голубой цветок. Новалис. Его творчество и миросозерцание в связи с современными религиозными исканиями» в большой аудитории Соляного городка (бывш. ул. Пантелеймоновская).
24 ноября	ВИ «убедительно, подробно и сильно» (Дневник Каблукова 1909: 293) вместе с Д.С. Мережковским, Н. Рейтлингер и М.В. Ладыженским выступает против доклада председателя Русского теософского общества А. Каменской «Теософия и богостроительство».
Ноябрь	Планирует поездку в Абиссинию и Нубию вместе с Н.С. Гумилевым, но не отправляется в путешествие ввиду плохого самочувствия и отсутствия денег.
Декабрь	Переносит приступ малярии, осложненный бронхитом.
1909	Шарж М.В. Добужинского на ВИ (бумага, карандаш; ГРМ): «нарисовал его <...> “стартующим” к звездам с края Башни, с маленькими крылышками на каблуках» (Добужинский 1987: 272).

1910

3 января	Участие в дискуссии по докладу П.И. Карпова «О религиозной стихии русского народа» в секции РФО.
17 января	Участие в собеседовании С. Алексеева на тему: «О религиозной стихии русского народа» в секции РФО.
21 января	Единогласно избран лектором античной словесности на петербургских Высших женских историко-литературных курсах Н.П. Раева, но получает разрешение приступить к лекциям только осенью.
14 февраля	Критически выступает против теософского доклада Д.В. Страндена «Забытая сторона христианства» в секции РФО.
28 февраля	Участие в обсуждении доклада В.В. Бородаевского «Религиозная правда К.Н. Леонтьева» в секции РФО.
Февраль	Публикация «Венка сонетов» с подзаголовком: «Из книги “Любовь и Смерть”» и посвящением Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Мы – два грозой зажженные ствола...» (см.: Аполлон. 1910. № 5).
Конец второй декады февраля – начало марта	На Башне около двух недель живет Андрей Белый: «Мы с Вячеславом говорили о далеком будущем, когда мы вновь неожиданно встретимся» ([Письмо Андрея Белого к А. Блоку, середина июня 1911 г.] // Белый – Блок 2001: 409); «Он (Андрей Белый. – *Ред.*) живет у Вяч. Иванова и проводит все ночи в разговорах до 11 утра, так что в конце они уже говорить не могут, а только тыкают друг друга перстами и чертят по бумажке» ([Письмо З. Гиппиус к А. Блоку от февраля 1910 г.] // БвНП 1982: 363).
15 марта	Чтение доклада «Красота и христианство в связи с поэзией Новалиса» в доме М.К. Морозовой в Москве.
17 марта	Доклад о символизме в московском «Обществе свободной эстетики» (в переработанном виде под заглавием «Заветы символизма» опубл. в ж. «Аполлон», см.: Аполлон. 1910. № 5). Выступление поддерживают Андрей Белый и Эллис, протестует В.Я. Брюсов: «Взаимное понимание создало из его (ВИ. – *Ред.*) выступления “событие” <...>» ([Письмо Андрея Белого к А. Блоку, середина июня 1911 г.] // Белый – Блок 2001: 377). ВИ, Эллиса, Н.А. Бердяева и Андрея Белого зарисовывает Л.О. Пастернак.
26 марта	Доклад «Заветы символизма» в петербургском ОРХС (вариант доклада от 17 марта 1910 г.); выступление конспектирует А. Блок: «Большой стиль (“Фауст”, например) – уже миф (для Вяч. Иванова)» (Блок 1965: 169).
29 марта	Выступление в РФО (Фонтанка, д. 83) с дополнениями по докладу Н.А. Бердяева «Утонченная Фиваида (религиозная драма Гюисманса)».
30 марта	Визит к Ф.Ф. Фидлеру: «Он (Иванов. – *Ред.*) хотел бы уехать в Италию, примерно на год, чтобы заняться только литературой (хочет дописать две греческие драмы, а также роман) <...>» (Фидлер 2008: 532).
1 апреля	Бурное обсуждение концепции символизма ВИ, изложенной в ОРХС 26 марта: четверо – С.Л. Рафалович, Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, Н.В. Недоброво – из десяти выступавших высказываются против главного тезиса поэта о будущем символизма; ВИ конспектирует их аргументы (см.: РЛ. 1990. № 1. С. 200–207).

Весна	Доклад «Красота и христианство» в московском РФО.
13 июня	На Башне Н.С. Гумилев и М. Кузмин, а также, впервые, А.А. Ахматова. Последняя 8 февраля 1940 г. будет делиться воспоминаниями о Башне: «Это был единственный настоящий салон, который мне довелось видеть. Влияние Вячеслава было огромно, хотя его стихи издатели вовсе не стремились приобретать. <...> Придешь к нему, он уведет в кабинет: “Читайте!” <...> Вячеслав восхищен: со времен Катулла и пр. Потом выведет в гостиную — “Читайте!” Прочтешь то же самое. А Вячеслав обругает» (Чуковская 1997: 77–78). В набросках А.А. Ахматовой 1960-х годов дана зарисовка ее впечатлений о доме ВИ: «“Башня” Вяч. Иванова. — Хромой и учтивый дома. Античность. Оживает пергамский алтарь. Эдип — Антигона. Проклятие. Языческая Русь (Городецкий, Стравинский, Весна священная, Толстой, ранний Хлебников). Они на улице. Таврический сад в снегу, вьюга. Призраки в вьюге (М. б., даже — “Двенадцать” Блока, но вдалеке и не реально)» (*Ахматова А.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 233).
30–31 июля	Отъезд из Петербурга в Италию.
Август	Неожиданное и загадочное исчезновение А.Р. Минцловой.
Август — октябрь	Пребывание во Флоренции и Риме с Верой Шварсалон. Встреча с М.И. и С.М. Ростовцевыми.
Октябрь	Развитие отношений ВИ и В.К. Шварсалон: «углубление связи с Верой Константиновной» («Хронологическая канва»: 1).
1910 ноябрь — 1912 весна	Ведение семинара по «Искусству поэзии» Горация и чтение курса античной литературы (две лекции в неделю) на Высших женских историко-литературных курсах Н.П. Раева (ул. Гороховая, 20). Эти лекции легли в основу очерка «Эпос Гомера» (1912).
22 ноября	Участие в дискуссии по докладу В.Ф. Эрна «Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения» в петербургском РФО (Фонтанка, 83).
Осень	Публикация в Петербурге диссертации ВИ на латинском языке «De societatibus vectigalium publicorum populi Romani» («Общества государственных откупов в римской республике»), в свое время не защищенной поэтом в Германии: «Я сам читал корректурные листы и могу засвидетельствовать, что по содержанию это действительно (с чем согласен и проф. Ростовцев) лучшая в настоящее время работа в этой области и что



Обложка изд. «Эпос Гомера» (1912)
Худ. неизвестен.
С рукописным посвящением Г.А. Рачинскому

	она написана <...> очень хорошей и корректной латынью» ([Письмо Ф.Ф. Зелинского к министру народного просвещения от начала февраля 1910 г.] // РЛ. 2011. № 4. С. 75).
Декабрь	Знакомство с русско-грузинским писателем Григолом Робакидзе.

1911

19 января	Закрытое собрание петербургского РФО; с докладами о Вл. Соловьеве выступают А. Блок, ВИ и др.
10 февраля	Доклад «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания» на заседании московского РФО (актовый зал университета им. А.Л. Шанявского): «Реферат Вячеслава Иванова был обворожительно хорош и доставил истинное наслаждение» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн от 13 февраля] // Взыскующие града 1997: 341). Статья опубликована в издании: О Владимире Соловьеве. Сб. 1. М., 1911.
20 февраля	Обращение со вступительным словом к собеседованию «О Церкви» на секционном заседании петербургского РФО.
14 марта	На Башне чтение стихов Ю.Н. Верховского, Г.И. Чулкова, О. Мандельштама, А.А. Ахматовой и др.: «Сперва говорили о возможности войны, затем — о симфонии Скрябина “Прометей” и наконец началось чтение вполне осмысленных стихов. <...> Гости собрались около двенадцати <...> На стенах — гипсовая маска Бетховена, несколько гравюр Боттичелли и т. д. Сидя в кресле, он (Иванов. — *Ред.*) был очень похож на молодого Моммзена» (Фидлер 2008: 551— 552).
28 марта — начало апреля	На Башне — Ф.А. Степун: «завязывается одна из тех пленительно-витиеватых бесед о древней Элладе, о Ницше и Дионисе, о новом христианстве, о теургическом искусстве, преображающем мир “выкликанием” и высветлением таящегося в нем Божьего замысла, о символе и аллегории, о манере и стиле, на которые старший мэтр символизма такой несравненный мастер <...> Приехав в Петербург дня на два, я прогостил в доме Вячеслава Иванова целую неделю» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. С. 290–291).
28 марта 1911 — 29 октября 1912	ВИ — руководитель Секции по изучению истории философии и мистики христианства РФО («Христианской секции»), товарищ (т. е. заместитель) председателя РФО: «Сам я уже стоял на почве положительного церковного христианства, о чем открыто говорил только в “христианской секции” петербургского Религиозно-философского общества, председателем которой состоял» ([Письмо к Е.Д. Шору от 20 августа 1933 г.] // Переписка 2008а: 400).

13 апреля	Выступление на заседании ОРХС об образцах абиссинской народной поэзии, записанных Н.С. Гумилевым во время его африканского путешествия.
Май	Выход книги «Cor Ardens» (Ч. 1., вых. свед.: 1000 экз.) в издательстве «Скорпион». По отзыву В.Я. Брюсова, этот сборник — «самое значительное явление нашей поэзии за последние месяцы» (Брюсов 1990: 341).
Лето	На даче Михаила Орго в Силламягах (Эстляндская губерния); по соседству живет семья Гершензонов.
17 октября	Запись в дневнике А. Блока о ВИ: «*Вячеслав Иванов*. В первом заседании религиозно-философского общества будет говорить речь о национализме <...> Если хочешь сохранить его, — окончательно подальше от него. <...> Внутри воет Гёте, “классицизм” <...> Язвит, колет, шипит, бьет хвостом, заигрывает — большое, но меньше, чем (могло бы) *должно* быть» (Блок 1960–1963/7: 72. Курсив А. Блока).
29 октября	Председательствует на заседании ОРХС, где В.А. Пяст делает доклад «О каноне» (напечатан в ж. «Труды и Дни», см.: Труды и будни. 1912. № 1): «Мы ругали “психологию” оттого, что переживали “бесхарактерную” эпоху, как сказал вчера в Академии Вяч. Иванов» (Блок 1960–1963/7: 79).
7 ноября	На Башне А. и Л. Блок, С.М. Городецкий, К.А. Сюннерберг, Е.В. Аничков, L. Réau (директор Французского института в Петербурге). Стихи читают М. Кузмин, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, ВИ, А.А. Ахматова: «стихи чем дальше, тем лучше» (Блок 1960–1963/7: 83); «В кабинете висит открытый теперь портрет Лидии Дмитриевны — работы Сабашниковой: не по-женски прекрасно. Все было красиво, хорошо, гармонично» (Блок 1960–1963/7: 83).
3 декабря	Выступление на заседании ОРХС, посвященном памяти И.Ф. Анненского: «Выявив особенности Анненского как “критика отражений”, [ВИ] указал на глубокую связь его с исконными преданиями русской словесности, и особенно с Достоевским. <...> После перерыва Вячеслав Иванов докладом по “Морфологии стиха” ввел присутствующих в совершенно не обследованные области философии формального творчества»

(*Чудовский В.* Литературная жизнь // Русская художественная летопись. 1911. № 20. С. 320–321); «Соображения Вячеслава – морфология стиха – и разговоры и споры до половины третьего» (Блок 1960–1963/7: 99–100).

1911 – начало 1912 А. Блок читает в присутствии ВИ поэму «Возмездие». Согласно не вполне достоверному свидетельству С.М. Городецкого от 1922 г., ВИ «видел разложение, распад, как результат богоотступничества, номинализма» (Александр Блок 1980/1: 340).

1912

21 января – конец февраля На Башне А.А. Тургенева и Андрей Белый, который по инициативе ВИ в течение трех вечеров читал свой новый роман: «мне незабвенны вечера в Петербурге, когда Андрей Белый читал по рукописи свое еще не оконченное произведение, <...> конец которого представлялся ему, помнится, менее примирительным и благостным, чем каким он вылился из-под его пера. Автор колебался тогда и в названии целого; я, с своей стороны, уверял его, что "Петербург" – единственное заглавие, достойное этого произведения» (*Иванов Вяч.* Откровение ужаса. // Иванов 1971–1987: 621); «Белый читал отличные отрывки» ([Запись Кузмина от 23 января 1912 г.] // Кузмин 2005: 330). А.А. Тургенева рисует портрет ВИ (не найден) и делает с него гравюру (см. ил. 81).

3 февраля На Башне Н.С. Гумилев «все спорил с Вячеславом» (Кузмин 2005: 332); начало расхождения ВИ с «Цехом поэтов».

18 февраля Доклады ВИ и Андрея Белого о символизме (опубликованы в № 1 ж. «Труды и Дни» под названиями «Мысли о символизме» и «Символизм» соответственно) на заседании ОРХС в редакции ж. «Аполлон». В оживленных прениях участвуют В.А. Пяст, В.А. Чудовский, Д.В. Кузмин-Караваев, С.М. Городецкий, Н.С. Гумилев; последние два заявляют о своем отрицательном отношении к символизму: «Был скандал в Академии, кого выбирать? Символистов или "Цех"?» (Кузмин 2005: 336).

Февраль–май Разрыв с М. Кузминым.

11 марта На заседании Неофилологического общества при Петербургском университете (Зала петербургской губернской управы), приуроченном к 25-летию творческой деятельности К.Д. Бальмонта, читает посвященный поэту доклад (опубликован в ж. «Аполлон», см.: Аполлон. 1912. № 3–4). Также выступают Ф.Д. Батюшков, Е.В. Аничков, присутствуют Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова.

21 марта Представление антропософских кругов о ВИ зафиксировано М. Сабашниковой: «В России самый лютый враг Штейнера В. Иванов. Будет с нами активно бороться» ([Письмо М. Сабашниковой к А.М. Петровой] // Обатнин 2000: 98).

Март Выход первого номера двухмесячника «Труды и Дни» издательства «Мусагет» в Москве. В официальном объявлении сообщается, что ж. публикуется под редакцией Андрея Белого и Э.К. Метнера при ближайшем участии А. Блока и Вяч. Иванова, а также при сотрудничестве В.Я. Брюсова, Б.Н. Бугаева и др. Программный текст «От редакции» принадлежит ВИ (черновой вариант предисловия см.: РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 166).

1 апреля Вручение А.Н. Скрябину книги «Cor Ardens» с надписью: «<...> на память о мимолетном знакомстве и в надежде на более глубокое» (Мыльникова 1985: 90).

Апрель Выход второй части книги «Cor Ardens» в издательстве «Скорпион» (вых. свед.: 1000 экз.).

Май Конец Башни. Отъезд с семьей во Францию 19 мая 1912 г.

17 июля Рождение сына Димитрия (ум. в Риме 4 июня 2003 г.), впоследствии писателя и журналиста, в г. Невесель (Савойя, Франция).

Первые дни сентября Остановка на три дня в Базеле (Швейцария) у Андрея Белого и А.А. Тургеневой.

10 (23) октября Сообщает А.Д. Скалдину свое впечатление от встречи с Андреем Белым: «Я нашел Андрея Белого поглощенным изучением уроков Штейнера и работами, им указанными. Отрывки все еще не оконченного "Петербурга" по-прежнему блистательны, стихов нет вовсе, но и роман не пишется: все сознание устремлено на другое. <...> Но что будет плодом нескольких лет этого ученичества? Прежде всего, не погибнет ли художник?» (Из переписки 1990: 133).

12 октября Проживание в «Hotel Biensis» (Монтрё, Швейцария); через Андрея Белого ВИ просит у Р. Штейнера разрешения прочитать его курсы, но Белый не нашел случая обратиться к Доктору, чтобы передать тому просьбу ВИ (см.: [Письмо А. Белого к А. Петровскому от 6/19 ноября 1912 г.] // Белый – Петровский 2007: 234). Однако в письме к А.М. Петровой от 12 декабря 1912 г. Маргарита Сабашникова сообщает, что Р. Штейнер не

	захотел давать свои материалы ВИ. Однако некоторые записи лекций ВИ все же получил: в 1920 г. он просит прислать ему из Москвы на Кавказ какие-то три курса машинописных лекций Доктора из своего оставшегося в столице архива (см.: [Письмо ВИ к А.Н. Чеботаревской от 29 августа 1920 г.] // Письма 2002: 266).
20 октября	А. Скалдин подробно пишет о типографских работах по книге «Нежная Тайна» и, в частности, замечает: «Это литургия (“Нежная тайна”), а “Лепта” — послелитургическое служение, молебен о здравии» (НЖ. 1998. № 21. С. 170).
Конец октября	Жизнь с семьей в Риме (пьяцца дель Пополо, 18, кв. 6); сближение с В.Ф. Эрном и споры с ним о правоте католичества и православия. Встречи с В.В. Бородаевским, Е. Герцык, С.М. Соловьевым. Начинает переводить трагедии Эсхила.
5 ноября/ 23 октября	Письмо к А. Скалдину, где рассказывает о своем отношении к доктрине Р. Штейнера (см.: Из переписки 1990: 137—138).

1913

Январь	Выход в издательстве «Оры» последней прижизненной книги стихотворений ВИ «Нежная тайна. Λεπτα» (вых. свед.: 500 экз., помечена 1912 г.).
Конец марта — начало апреля	Встреча в Риме с С.М. Городецким, ссора с ним.
16/29 апреля	Церковный брак с Верой Константиновной Шварсалон в греческой церкви Ливорно.
Август	Возвращение в Россию. В августе и сентябре ВИ с семьей в имении Бородаевских в Курской губернии.
23 сентября	Переезд в Москву на Зубовский бульвар, 25. Тесная дружба с В.Ф. Эрном, П.А. Флоренским, М.О. Гершензоном и А.Н. Скрябиным. Участие в деятельности Московского РФО. Входит в интеллектуальную среду вокруг издательств «Путь» и «Мусагет»: «Мы были окружены друзьями старыми и новыми: Рачинский, Маргарита Кирилловна Морозова, Евгений Трубецкой, Сергей Булгаков, Бердяев, Густав Шпет, Флоренский, Эрн, Скрябин, Гречанинов, Цетлин, Высоцкие, Брюсов, Метнер, Степун» (Иванова 1992: 53). Поддерживает контакты с К.Д. Бальмонтом, В.С. Гриневич, С.А. Поляковым, С.А. Соколовым, А.Н. и С.А. Толстыми.
8 октября	Присутствие на генеральной репетиции оперы М.П. Мусорг-

Профиль В.Ф. Эрна
Худ. неизвестен. 1910-е годы.

ского «Сорочинская ярмарка» в Свободном театре в Москве; здесь также А.Н. Бенуа, Константин Сомов и др.

1 ноября С.Н. Булгаков делится своим впечатлением в письме к А. Глинке: ВИ «<...> почти неизменно пленяет своей исключительной одаренностью, “вещестью” (неологизм от слова «вещий». — *Ред.*), а остальное его Вы знаете. Злоба дня для него, конечно, Штейнер и штейнерианство, об этом всего больше говорится» (Взыскующие града 1997: 556).

Между 9 и *12 ноября* Посещение вместе с А.Н. Скрябиным и Т.Ф. Шлецер закрытого спектакля театра-студии В.Э. Мейерхольда; показываются отрывки из «Антигоны» Софокла и «Финикиянок» Еврипида на музыку М.Ф. Гнесина.

14 ноября Доклад «О границах искусства» в московском РФО.

1914

16 января Лекция «Чурлянис и проблема синтеза искусств» в московском «Художественном салоне» (ул. Б. Дмитровка, 11).

19 и *26 января* Участие в заседании петербургского РФО, посвященном исключению из него В.В. Розанова; настаивает, что «писатель вообще не судим и суду не подлежит»: «Писатель, целиком взятый, столь нежный и целостный организм, что разбивать его на части и вырывать их из контекста нельзя. Тогда пришлось бы исключить и Достоевского, и Сологуба. И, конечно, Мережковского исключили бы 100 раз и т. д. Мы исключили бы и Гоголя, если бы жили в эпоху “Переписки с друзьями” и проч.» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. М., 2009. Т. 2. С. 436, 437.

20 января Чтение завершенного перевода «Агамемнона» Эсхила на заседании петербургского ОРХС. В тот же день — участие в публичном диспуте о современной литературе в зале Калашниковской биржи под председательством Федора Сологуба и вместе с Г.И. Чулковым, Е.В. Аничковым, В.А. Чудовским, Н.В. Недоброво и Н.И. Кульбиным.

22 января Лекция «О границах искусства» в петербургском Тенишевском училище; присутствует А. Блок (см.: Блок 1965: 203).

23 января Доклад «Об Алкее и Сафо» в «Обществе поэтов», чтение переводов и оригинальных стихотворений. На обеде у Н.В. Недоброво, где присутствует А.А. Ахматова; затем ВИ «чествуется» у Федора Сологуба.

2 февраля Выступление на обсуждении доклада С.Н. Булгакова «Русская трагедия» в московском РФО с интерпретацией «Бесов» Ф.М. Достоевского как русского мифа. Под названием «Основной миф в романе “Бесы”» речь опубликована в ж. «Русская мысль» (см.: Русская мысль. 1914. Кн. 4).

26 февраля Защита позиции П.А. Флоренского в прениях по докладу кн. Е. Трубецкого «Свет Фаворский и преображение ума: по поводу книги свящ. П.А. Флоренского “Столп и утверждение Истины”» в московском РФО.

Весна А.С. Голубкина создает скульптурный портрет ВИ: «Бюст Вячеслава — силы Бетховенской — титанический размах. Вячеслав взят не в эмпирии, а в каком-то умопостигаемом пределе» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн от 11 мая] // Взыскующие града 1997: 575; см. ил. на приклейке, л. 1).

Январь — март Знакомство с индийским суфием Инайят-ханом;* его лекцию об индусской музыке в Этнографическом музее переводит Вера Шварсалон.

26 марта Чтение лекции «Новалис, певец и волхв» в московском РФО, в зале Политехнического общества (М. Харитоньевский пер., 4).

1 апреля Прочитав эссе ВИ «О границах искусства», П.А. Флоренский пишет к поэту: «Ктó такой Вяч. Иванов? Писатель? — Нет, писатель — Мережковский, Брюсов и проч., а для В.И. писательство — лишь один из способов выражения себя. Поэт? — И поэт. Вот, Пушкин — поэт, а В.И. — иное. Ученый? — И ученый. Но в основе он что-то совсем иное. Если бы он был в древности — он был бы вроде Пифагора. Если бы он был шарлатаном — он сделался бы Штейнером. Если бы он был святым — он был бы старцем» ([Переписка ВИ с П.А. Флоренским] // АХМ 1999: 100).

9 мая В.Ф. Эрн начинает жить в двух свободных комнатах в квартире ВИ на Зубовском.

10 мая В.Ф. Эрн пишет своей жене: «К Вяч<еславу> ходят много людей и все его любят по-настоящему, не то, что в Петербурге. Очень привязаны к нему Булгаков и Рачинский. Вообще кругом Вячеслава мистически чисто» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 575–576).

---

* Инайят-хан — известный индийский музыкант и мыслитель (1882–1927), успешно познакомил Западную Европу и Россию с философией и практикой суфизма.

19 мая — Присутствие на защите магистерской диссертации П.А. Флоренского в Московской духовной академии.

29 мая — В.Ф. Эрн пишет жене: «Все эти дни гостит у нас о. Павел (Флоренский. — *Ред.*). Мое спасение, что днем они с Вячеславом спят, а ночью я с ними сижу лишь до 1 до 2-х, они же сидят каждый день до 7 — до 8!!» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн от 29 мая] // Взыскующие града 1997: 579).

Лето — В Калужской губернии в усадьбе Петровское на Оке, где прежде жил А.Н. Скрябин. В других флигелях семья Муратовых, семья Балтрушайтисов, а также художник Н.П. Ульянов, который задумывает написать портрет ВИ. Общение с Б.Л. Пастернаком.

Июнь — Выход книги «Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его-же» (вых. свед.: М.: Издание М. и С. Сабашниковых. 2000 экз.; 2-е изд. — апрель 1915 г.).

Конец июля — Б.Л. Пастернак сообщает А.Л. Штиху: «Часто захожу к Ивановым. Он знает, что мы с ним разных толков, но нескрываемо <...> благоволит ко мне» ([Письмо Б.Л. Пастернака к А.Л. Штиху после 23 июля 1914 г.] // *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. 7. С. 191).

1 августа — Вступление России в войну. В семье ВИ с первого дня на фронте пасынок Константин Шварсалон, в апреле 1915 г. он за храбрость представлен к ордену Владимира. Был офицером и воевал и второй пасынок, Сергей (см. ил. 22).

30 сентября — В.Ф. Эрн пишет жене: «Гречанинов подъезжает к Вячеславу с просьбой написать стихотворное либретто для музыкальной картины, может быть, оперы “Куликовская битва”» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 599).

6 октября — Лекции «Русские Думы» С.Н. Булгакова, «От Канта к Круппу» В.Ф. Эрна и «Вселенское дело» ВИ в московском РФО: «Аплодировали всем очень сильно, — всего сильнее Булгакову и Вячеславу. Вячеслав читал неподражаемо хорошо, с таким артистическим умением акцентировал немецкие фразы на берлинский манер и так художественно саркастически провел характеристику немцев, что аудитория совершенно замерла и когда он перешел к лирической части, то аудитория была готова и слушала его с величайшим напряжением. Ко всем нам подходили массы людей, благодарили, жали руки и одобряли. Народу было более тысячи человек» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн от 7 октября 1914 г.] // Взыскующие града 1997: 601).

12 октября — В.Ф. Эрн сообщает жене: «Сегодня пришел к Вячеславу Скрябин <...> Я долго слушал его разговор с Вячеславом, почти молча; но потом, когда он стал развивать свою иллюзионистическую философию с преодолением христианства — атаковал его и, поддержанный Вячеславом, заставил его в некоторых пунктах отступить и скромнее сформулировать свою точку зрения. <...> Он не просто музыкант Божией милостью, “поющий как птицы поют”, а философ, ставящий музыке своей философские задания <...> в конце он очень интересно говорил о своем новом произведении, теперь им приводимом к концу, в котором не будет зрителей, а все будут участники, в котором будет осуществлен частичный синтез между искусствами: музыкой, танцами и световыми эффектами» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 603).

Ноябрь — На вечере в московском РФО, посвященном статье С.Н. Дурылина «Церковь невидимого града. Сказание о граде Китеже» (*Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014. С. 832; комм. А. Резниченко).

18 ноября — Написано историософское стихотворение «Суд» о начале мировой войны и разрушении германцами Реймского собора.

25 ноября — Чтение лекции «Вселенское дело» в Петрограде вместе с В.Ф. Эрном.

Декабрь 1914 — Вечер поэтов у Бердяевых; присутствуют ВИ, А.К. Герцык и др.: «ВИ мне понравился меньше, чем когда-либо. Он ускользает, переливается многими цветами. Он и очень православен, и штейнерианец, и католик. Он как-то слишком стоит перед людьми, а не перед Богом. Вера, я видела ее первый раз, мне понравилась больше, чем я ожидала. <...> Лиле (Л. Бердяевой. — *Ред.*) она (Вера. — *Ред.*) говорила, что чувствует себя хорошо, спокойно, что ее брак — продолжение брака матери» ([Письмо Е. Рапп к В.Ф. Эрну // Взыскующие града 1997: 503–504).

2 декабря — Интервью с ВИ о смысле войны в газ. «Голос Москвы» (см.: Война и писатели: у Вячеслава Иванова // Голос Москвы. 1914. № 277).

1914 — В обзоре «Русская поэзия» В. Ходасевич пишет о книге ВИ: «“Cor ardens” хочется сравнить с венецианским собором

Св. Марка. Не верится, что эта книга — создание одного человека; кажется, будто она, подобно венецианскому собору, слагалась веками, что каждая деталь ее имеет свою собственную историю, совершенно обособленно протекавшую вплоть до того момента, когда воля поэта, объединив все эти детали, заставила их образовать одно целое» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. С. 129).

1915

10 января Создание «Песни Отрады», которая в 1927 г. будет включена в XVIII главку Книги второй Повести.

12 января Написание стихотворения «Замышленье Баяна»: название произведения, эпиграф и ряд его строк непосредственно восходят к тексту «Слова о полку Игореве».

25 января ВИ «каждый день читает новые стихи. Каждую ночь рождает их. У него образуется чудесный цикл эфирных стихов, изумительно нежных и тонких» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 612).

30 января В.Ф. Эрн пишет жене: «Эта неделя вышла очень “музыкальной” у нас. Приехала в Москву певица Девет из Петрограда. Она большая приятельница Гречанинова и Вячеслава. <...> Приходила раза три и все пела, себе аккомпанируя. Последний раз был даже званый вечер с ней. Пришли: Булгаков, Рачинский с женою, семья Чулкова, Маргарита Кирилловна. Кроме того с Ивановыми попал на концерт Скрябина» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 614).

30 января Дружеское и одновременно критическое письмо Н.А. Бердяева к ВИ, знаменующее собой высшую степень их идейного расхождения (см.: Из писем 1996: 138–140).

Январь В.Ф. Эрн пишет жене: «Вчера у нас были Шестов и Шпетт (так в тексте! — *Ред.*), опять был “симпозион”, но не такой интересный, как прошлый раз. Шестов все выспрашивает о православии, все не может никак ни в чем поймать» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 618).

Январь Выход в свет книги «Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты» в переводе М.О. Гершензона и Вяч. Иванова (вых. свед.: М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915). В нее вошли 33 сонета из «Канцоньере». В том же издательстве готовится трактат Данте «Пиршество», прозаическую часть которого переводит В.Ф. Эрн, стихотворную — ВИ (перевод не завершен, опубликовано в 2003 г.).

20 февраля Чтение трагедии «Сыны Прометея», а также стихов, посвященных В.Я. Брюсову, в московском Обществе свободной эстетики.

14 апреля Смерть А.Н. Скрябина: «Все эти дни был болен Скрябин, тревожно и тяжело. Часто приходил Балтрушайтис от него. Вячеславу было очень тяжело. Вчера вечером он у него был и был бесконечно тронут детскостью Скрябина и изумительной твердостью его жены. Сегодня Скрябин скончался» ([Письмо В.Ф. Эрна к Е. Эрн] // Взыскующие града 1997: 637). Утром и вечером вместе с Л.О. Пастернаком, Ю.К. Балтрушайтисом, Н.К. Метнером, А.Б. Гольденвейзером и др. присутствует на первой и второй панихиде по А.Н. Скрябину на его квартире. В тот же день ВИ входит в качестве основателя в общество «Венок Скрябину» и становится членом комитета по публикации «Предварительного Действа».

16 апреля На похоронах А.Н. Скрябина; вместе с ВИ С.И. Танеев, А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзер, И.Э. Грабарь, Л.О. Пастернак, А.Н. Толстой, Ю.К. Балтрушайтис.

26 апреля Сонет «Памяти Скрябина» в газ. «Русское слово» (см.: Русское слово. 1915. № 95).

Май Читает готовящуюся к изданию книгу В.Ф. Эрна «Время славянофильствует».

Июнь — начало июля Создание трех частей поэмы (мелопеи) «Человек» («Денница», «Эрос», «Два града»): «Тон этой последней части (венок сонетов) — апокалиптический. Эти настроения навеяны, конечно, войною» ([Письмо к С.К. Маковскому от 23 июля 1915 г.] // НЛО. 1994. № 10. С. 151); «В 1915 году я пишу поэму *Человек* — уже не реконструкция, но синтетическое изображение всего моего миросозерцания в виде одного космического мифа ([Письмо к Е.Д. Шору от 20 августа 1933 г.] // Переписка 2008а: 398. Курсив ВИ).

1 июля Лекция «Взгляд Скрябина на искусство» в зале Петровского училища в Петрограде.

1 августа Предложение от М.Ф. Гнесина написать либретто музыкальной драмы «Миндальное дерево»; план драмы вчерне разработан.

9 декабря Доклад «Взгляд Скрябина на искусство» на «лекции-концерте»

19 15

МАЛЫЙ ЗАЛЪ КОНСЕРВАТОРІИ.

Въ Среду, 9-го Декабря,

ЛЕКЦІЯ-КОНЦЕРТЪ

посвящ. памяти

А. Н. СКРЯБИНА

при участіи

ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

и проф. Моск. Консерв.

А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА.

Начало въ 8½ час. вечера.

Афиша лекции-концерта Вяч. Иванова
и А.Б. Гольденвейзера

памяти А.Н. Скрябина; четыре прелюдии и сонаты № 4 и № 10 А.Н. Скрябина исполняет А.Б. Гольденвейзер (Малый зал Петроградской консерватории).

1916

18 января Вместе с Федором Сологубом читает лекцию о современном театре (московский Камерный театр).

Январь Публикация венка сонетов «Два града» в ж. «Русская мысль» (см.: Русская мысль. 1916. Кн. I).

6 февраля Лекция о А.Н. Скрябине на собрании Московского Скрябинского общества в доме кн. Гагариной.

Начало февраля Рассказ О. Мандельштама С.П. Каблукову о свидании в Москве с ВИ, «признавшим его “Камень”. Особенно ВИ понравились “Имябожие” (так в тексте! — *Ред.*), “Бессонница. Гомер...”» (Мандельштам 1990: 252).

13 февраля Чтение в Москве эссе «Взгляд Скрябина на искусство» на «лекции-концерте» памяти А.Н. Скрябина; музыку покойного композитора исполняет А.Б. Гольденвейзер.

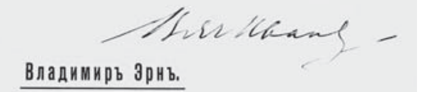
5 марта Выступление с приветственной речью на вечере В.Я. Брюсова в московском Политехническом музее (под названием «О творчестве Валерия Брюсова» опубликовано в газ. «Утро России» от 17 марта 1916 г.).

14 апреля Доклад «Скрябин как национальный композитор» в Московском Скрябинском обществе.

Апрель Выход книги «Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические» (вых. свед.: М.: Мусагет. 2000 экз).

Чтение эссе «Взгляд Скрябина на искусство» на «лекции-концерте» памяти А.Н. Скрябина в Киеве.

26 мая Отъезд из Москвы с семьей, а также с Эрнами, на дачу Ю.А. Кулаковского в Красную Поляну (поселок в горной долине недалеко от Сочи); прибытие на место назначения через неделю. Переводит здесь трагедию «Эвмениды» Эсхила. Общение с монахами-имяславцами, высланными из Афона. В письме к С.Л. Франку от 18 мая 1947 г. вспоминает «догмат о непорочном зачатии, утверждающий, что рай на земле доныне есть для прозревших, <...> как уверяли меня с удивительной силой поэтического слова неграмотные имяславцы, спасающиеся в кавказских дебрях» (Переписка 2008в: 443).



Владимиръ Эрнъ.

ФИЛОСОФІЯ ДЖОБЕРТИ.

МОСКВА.
1916.

Титульный лист кн. В.Ф. Эрна
«Философия Джоберти» (1916)
С автографом Вяч Иванова

Осень	Выход в свет книги «Поэзия Армении с древнейших времен», где наряду с другими переводчиками участвует ВИ.
Середина сентября	Переезд с женой и сыном Димитрием в Сочи в пансион «Светлана»; возвращение Л. Ивановой и Эрнов в Москву.
Октябрь	Создание стихотворения «Виноградарь»; данный текст в 1929 г. будет расширен ВИ и впоследствии включен О.А. Шор в девятую книгу ее «продолжения» Повести (см.: Иванов 1971–1987/1: 497–498)
29 или 30 декабря	Доклад в сочинском литературном кружке о классической культуре в Европе и о культовом происхождении греческой трагедии; затем чтение «Агамемнона» Эсхила.

1917

2 января	Чтение трагедий Эсхила «Плакальщицы» и «Эвмениды» в переводе с древнегреческого в сочинском литературном кружке.
7 января	Встреча ВИ с П.А. Журовым, членом сочинского литературного кружка. ВИ рассказывает свою биографию, читает отрывки из поэмы «Человек», сообщает, что «<...> пишет окталогию, где будет одна часть “Китеж”» («...Мои встречи с вами нетленны...»: Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П.А. Журова / публ. С.И. Субботина // НЛО. 1994. № 10. С. 220).
14 апреля	Первый отклик на Февральскую революцию: ВИ «полон самого широкого оптимизма и фаталистически приветствует всякое свершение, так как, по его вере, все, что теперь происходит, есть дело Архангела, представляющего собою Соборную Душу России, которая, по природе, праведна и, следовательно, хотя и имеет свободу совершить грех, но не может этого пожелать. ВИ кажется, что выдвигаемый ныне лозунг “земли” выдвинут чудесно, и он видит в нем как бы выражение стремления, ныне охватившего Россию, к особливому почитанию Образа Богородицы-матери Земли. Это, мне кажется, кратчайшее и существеннейшее изложение его взглядов <...>» ([Письмо Н.В. Недоброво к А.Д. Скалдину] // *Орлова Е.* Литературная судьба Н.В. Недоброво. М., 2004. С. 224).
29 апреля	Смерть В.Ф. Эрна в Москве.
Май	Возвращение с сыном в Москву.
Конец сентября	Лекция «Революция и народное самоопределение» в московской редакции газ. «Народоправство»: «1. Революция протека-

ет внерелигиозно. 2. Поэтому она не выражает самоопределения народного. 3. Поэтому она вырождается в анархию и полную разруху» (Народоправство. 1917. № 14. 30 октября).

Октябрь Отрицательно воспринимает Октябрьскую революцию в отличие от А. Блока и Андрея Белого. Сотрудничество с газ. «Народоправство», где в декабре 1917 г. и феврале 1918-го публикуется цикл стихотворений, название которого говорит об оценке поэтом происходящих событий: «Песни смутного времени». Готовый тираж книги ВИ «Эллинская религия страдающего бога» сгорел на складе издательства «Сириус» в результате пожара, возникшего во время боев в Москве.

6 ноября Создание стихотворения «Когда кощунственный снаряд упал» (опубликовано в альманахе «Русские — русскому офицеру» (вых. свед.: М., 1918.)) по следам московских событий: обстрела и штурма большевиками укрывшихся в Кремле юнкеров, а также избрания патриарха Тихона.

10 декабря Участие в однодневной газ. «Слову — свобода!», созданной писателями в знак протеста против введения цензуры революционной властью (Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М. Волошин, М.О. Гершензон, Б.К. Зайцев, В.Г. Лидин, И.А. Новиков, М.А. Осоргин, А.Н. Толстой, Л.И. Шестов, И.С. Шмелев. И.Г. Эренбург и др.). Стихотворение ВИ «Ругаясь над старою славой, | Одно сберегли мы — бесславье» помещено на первой странице выпуска.

24 декабря Из письма С.Н. Булгакова к А. Глинке: «Вяч. Ив<анов> без Эрна как-то поблек, да вообще растерялся, что ли, только поблек. Да и живется трудно. Вера К<онстантиновна> болеет» (Взыскующие града 1997: 680).

Декабрь 1917 — февраль 1918 Выход книги «Родное и Вселенское: статьи 1914—1916» (на титульном листе — «1917 [год]») в издательстве Г. Лемана и С. Сахарова.

1918

17 марта Первое собрание «Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии» (присутствуют ВИ, Н.А. Бердяев, К.Д. Бальмонт, кн. Н. Трубецкой, П.Н. Сакулин и др.).

Март — август Дает название «Духовная Русь» серии религиозно-философских книг о русской национальности. Цикл должен был выходить в издательстве М. и С. Сабашниковых тиражом 3000 экз. под общей редакцией А.Ф. Лосева. План первых выпусков: «I. ВИ. Раздранная риза. II. Бердяев. Духи русской революции. <...> V. А. Лосев. О русской национальной музыке. VI. Е. Трубецкой. Россия в ее иконе. VII. С. Булгаков. О духовной Руси. <...> IX. А. Лосев. Рихард Вагнер и Римский-Корсаков (религиозно-национальное творчество)» ([Письмо А. Лосева к М. Сабашникову от 13 августа 1918 г.] // АХМ 1999: 132—133). Предполагалось также участие П.А. Флоренского. Работа ВИ над эссе «Раздранная риза» не была завершена; в связи с установлением большевистской диктатуры выпуск серии не состоялся.

Начало апреля Организация студии стиховедения при Литературной секции Московского союза учащихся искусству. Чтение курса «Историческое введение в поэтику»; другие лекции проводят В.Я. Брюсов, Андрей Белый, М.О. Гершензон и др.

22 апреля Выступление на первом заседании Института итальянской культуры*.

16, 19 и *23 мая* Лекция «Всенародное искусство» в Доме свободного искусства.

Весна Участие в вечере поэтов в Политехническом институте вместе с Ю.К. Балтрушайтисом, К.Д. Бальмонтом, И.А. Буниным, Андреем Белым.

Лето Написание историософской статьи «Наш язык» в сб. «Из глубины», задуманный как ответ большевистской революции. Книга была напечатана, но конфискована властями.

10 июня 1918 (Троицын день) Присутствует при хиротонии С.Н. Булгакова в Даниловом монастыре.

13 июня Из письма И.М. Гревса к ВИ: «убежден, что никто, как Вы, не предназначен талантом и внутренним знанием и видением к тому, чтобы дать “Божественную Комедию” на русском поэтическом языке. Возьмитесь за этот великий труд, он будет национальным, религиозным подвигом» (История и поэзия 2006: 263).

20 (?) сентября Выход поэмы «Младенчество» в петроградском издательстве «Алконост».

21 октября Начало курса «Генетическое развитие форм поэзии» в Школе

* Институт итальянской культуры, или «Lo Studio italiano», существовал в Москве в Мерзляковском переулке с апреля 1918 г. по июнь 1921 г. В его деятельности принимали участие А.Г. Габричевский, Б. Гривцов, О. Кампа, П.П. Муратов, С.В. Шервинский и др.

	стиховедения в помещении гимназии Общества преподавателей (ул. Остоженка).
1918 осень — 1920 август	Служба при ТЕО.
31 декабря	Концерт в клубе-мастерской искусств «Красный петух»: исполняется «Наш Марш» В.В. Маяковского, переложенный на музыку Артуром Лурье, и «Дифирамб» ВИ на музыку Л.В. Ивановой; поет хор И.И. Юхова (анонс мероприятия опубликован в газ. «Известия ЦИК». 1918. 27 декабря).

1919

1919 начало января — 1920 февраль	Создание цикла «Зимние сонеты» (опубл. 1920), впоследствии вошедшего в книгу лирики «Свет вечерний».
13 и *22 января*	Лекция «Эсхил как поэт, гражданин и герой, “Орестово действо”, “Прометей”, “Семь” и др.» в «Красном петухе».
24 января	Доклад «Кризис гуманизма» в помещении Центрального кооперативного клуба в Москве (ул. Петровка, 7).
3 февраля	Лекция «Орест и Гамлет» в клубе «Красный петух».
Не ранее 10 февраля	Выступление ВИ «Зеркало искусств»: «как в стародавние времена земледельцы заговорными обрядами будили весенних духов плодородия, так надлежит и нам звать наружу скрытые энергии народного творчества, чтобы они осознали себя в глубинах души народной и отважились проявить себя в новом празднестве, в новом действе, в новой игре, в новом зрелище и, затевая невиданное, выразили в нем свою новую заветную мысль, свою новорожденную волю» (Вестник театра. 1919. № 4. С. 2).
10 февраля	Лекция «“Прометей” Эсхила и Прометей в новой поэзии» в клубе-мастерской искусств «Красный петух».
17 февраля	Лекция «Происхождение греческой трагедии» в том же клубе.
22 и *25 февраля*	ВИ, Ю.К. Балтрушайтис и П.А. Аренский выступают с речами перед исполнением произведений А.Н. Скрябина А.Б. Гольденвейзером в «Красном петухе».
1919 февраль — 1920 начало лета	Руководство Пушкинским семинаром при Драматической студии А.О. Гунста (Староконюшенный пер., 4). Его посещают студенты, а также М.О. Гершензон, И.Н. Розанов и др. Исследуются «Маленькие трагедии» (1830), «Египетские ночи» (опубл. 1837), «Пророк» (1826), «Полтава» (1828–1829), «Граф Нулин» (1825), лирика 1830-х годов. ВИ выступает с 14 докладами и содокладами.

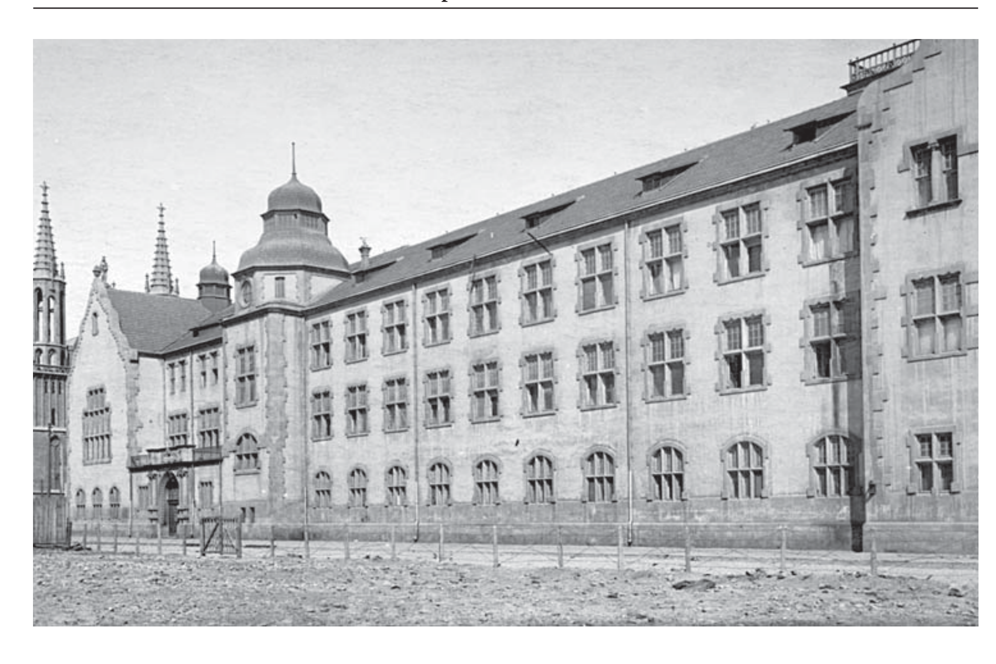
23 апреля	Доклад «О гибели гуманизма» в петроградском издательстве «Всемирная литература».
9 мая	Лекция «К вопросу об организации творческих сил народного коллектива в области художественного действа» на заседании художественного отдела Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию.
17 мая	Вступительное слово «О Вагнере» перед представлением оперы «Валькирия» в Большом театре для Первого Всероссийского съезда работников внешкольного образования.
Весна	На вечерних курсах при Литературном отделе Дворца искусств чтение лекций по истории и теории литературы и художественного творчества; по сообщению газ. «Известия», они пользуются «особенным успехом» (см.: Известия. 1919. 13 июля).
Август	Написание стихотворения «Неотлучная», посвященного ЛДЗ, — поэт чувствует ее присутствие в своей жизни: «Ты нас, путеводная, водишь, | По дебрям, где дремлет печаль, | И кров нам пещерный находишь...» (Иванов 1971–1987/3: 539).
Конец лета — начало осени	В санатории «Габай» в Серебряном Бору под Москвой.
29 октября	В Большой аудитории Политехнического музея первый вечер еврейской поэзии, посвященный творчеству Х.Н. Бялика. Свои переводы читают ВИ, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт и В. Ходасевич.
17 ноября	Открытие в Москве «Съезда по рабоче-крестьянскому театру». В рамках полемики с П.С. Коганом и П.М. Керженцевым, стоящими на позиции пролеткульта, на первой и третьей пленарной сессии ВИ читает доклады «Театр как форма искусства» и «Театр прошедшего и театр будущего».
Начало декабря	ТЕО поручило ВИ написать книгу об Эдипе.
Декабрь	Выход трагедии «Прометей» (вых. свед.: 5500 экз.) в издательстве «Алконост».
1919 — август 1920	Живет на Арбате в трех комнатах на третьем этаже в Большом Афанасьевском переулке, дом 41, в одной квартире с В.Я. Гольдом.

1920

Январь — июль	Н.П. Ульянов создает карандашные наброски (хранятся в частных коллекциях в Москве и Риме) и два живописных варианта «Портрета В.И. Иванова» (холст, масло — ГТГ, Москва, частная коллекция; см. ил. 82, 83).
Начало февраля	Торжественное заседание Пушкинского кружка под руководством ВИ; читает доклад «Об античности Пушкина».
16 февраля	На заседании Центротеатра*, где вступает в полемику с А.В. Луначарским и организатором Еврейской секции РКП(б) С.М. Диманштейном, высказываясь в защиту иврита и еврейского театра «Габима».
29 февраля — 1 августа	При Государственном институте декламации под руководством ВИ действует «Кружок поэзии». В него входят И.А. Кашкин, Ф.И. Коган, О.А. Мочалова и др.
Весна и лето	Попытка выехать из Советской России с семьей в Италию; одна из целей поездки — создание в Италии Института русской литературы и искусства. Особый отдел ВЧК разрешения на отъезд не дает.
25 марта	Участие в дебатах «Следует ли верить в Бога» в Политехническом музее; присутствуют А.В. Луначарский, В.Я. Брюсов, Н.А. Бердяев, Пьер Паскаль.
19 апреля	В зале Московской консерватории с докладами о творческом пути А.Н. Скрябина выступают А. Лурье, ВИ, Л.Л. Сабанеев.
27 апреля	Выступление на диспуте «Будущее поэзии» в Большой аудитории Политехнического музея.
4 мая	Доклад «Душа Италии» в Институте итальянской культуры: «Души народов в древности суть энергии, которые формировали различные типы культуры. Каждая из них является эманацией особенного морфологического принципа <...> Итальянская культура на протяжении веков вплоть до наших дней в высшей степени динамична, универсальна, она осеменительница» (Доклад Вяч. Иванова «Душа Италии» (1920) / публ. А. Аккаттоли // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме. СПб., 2014. С. 225–226; оригинал — на итал. языке).
14 мая	На чтении стихов и поэмы «Возмездие» А. Блока в Политехническом музее; последний разговор ВИ с поэтом.

* Центральный театральный комитет при Народном комиссариате просвещения.

16 мая	Чтение «Зимних сонетов», переводов Эсхила и Новалиса на заседании Общества любителей русской словесности (далее — ОЛРС). Присутствуют К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, П.Д. Коган, И.Н. Розанов, Б.В. Томашевский, М.И. Цветаева, Г.Г. Шпет, а также, вероятно, участники Пушкинского семинара.
19 мая	Визит к М.И. Цветаевой: «Итак, мое наследье Вам: пишите Роман. Обещаете? — Попытаюсь» ([Запись М.И. Цветаевой разговора с Вяч. Ивановым] // *Цветаева М.И.* Письма. 1905–1923. М., 2012. С. 302).
Июнь — июль	Пребывание в московской «Здравнице для работников науки и культуры» в 3-м Неопалимовском переулке, в одной комнате с М.О. Гершензоном. К поэту дважды приходят М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов.
14 июня — начало августа	Пишет цикл сонетов «De profundis amavi» (опубл. 1937).
17 июня — 19 июля	Создание совместно с М.О. Гершензоном «Переписки из двух углов».
31 июля	Выступление оппонентом вместе с Андреем Белым на лекции анархиста-коммуниста А. Тюханова «Что есть Бог?» в московском театре Зон (Триумфальная пл., 4/31, нынешнее здание Концертного зала им. П.И. Чайковского).
7 августа	Диспут по докладу П.С. Когана «Философия русской художественной прозы» во Дворце искусств; оппоненты — ВИ, Андрей Белый, И.С. Рукавишников и др.
8 августа	Смерть жены, Веры Константиновны Шварсалон, после изнурительной болезни.
28 августа	Отъезд ВИ с сыном Димитрием и дочерью Лидией на Кавказ.
29 августа — начало ноября	В Кисловодске.
Начало октября	Публикация 12 «Зимних сонетов» (см.: Художественное слово. Временник литературного отдела НКП. Кн. 1. М., 1920. С. 10–12).
Середина ноября	Приезд в Баку, где переживает глубокий душевный и творческий кризис, вызванный смертью жены Веры.
19 ноября	Единогласно избран профессором Бакинского университета: «Туда тянулись профессора, не желавшие под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасающий марксизм» (Переписка 2008в: 446).



Бакинский университет
Ок. 1924 г.

Ноябрь	Выступление на вечере памяти Л.Н. Толстого в помещении государственного театра Баку. Знакомство с М.С. Альтманом.
1920 ноябрь — 1921 январь	Встречи с В. Хлебниковым; ВИ предлагает ему написать космогоническую поэму.
30 ноября	В тетради, прежде принадлежавшей Вере Шварсалон, В. Хлебников записывает стихотворение «Ты же, чей разум стекал...» и посвящает его ВИ: «Вновь после Петроградских дней встрече в Баку с Вами эти строки» (НЛО. 1996. № 17. С. 159).
Конец ноября	Чтение курсов «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), «Данте и Петрарка» (2 часа в неделю), «Достоевский» (2 часа в неделю), «Эсхил» (2 часа в неделю), «“Ars poetica” Горация» (2 часа в неделю). По воспоминаниям А.О. Маковельского, в аудитории собирались студенты всех факультетов, человек 600–1000 (см.: Котрелев 1968: 327).
2 декабря	Лекция «Коллективное творчество» в помещении столовой РАБИС, затем диспут.

1921

Январь	М.С. Альтман начинает записывать свои «разговоры» с ВИ (полностью опубликовано в 1995 г.).
30 января	Обращение со вступительным словом на вечере, посвященном А. Блоку, в педагогическом кружке.
28 мая	Из письма М.О. Гершензона к В. Ходасевичу: «Вяч. Ив. в Баку, кажется, — замнарком тамошнего просвещения, но сам об этом не пишет. Я получил от него письмо дня 4 назад, пишет только, что ездил в Персию; читает в университете, пьет вино и коньяк, стихов ничего не пишет» (НЖ. 1960. № 60. С. 222–223). Легендарные сведения о том, что ВИ в Азербайджане был замнаркома, а также ректором университета, повторяются в советской Литературной энциклопедии и Краткой литературной энциклопедии (см.: Иванов В.И. // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 4; Иванов Вяч.И. // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1966. Т. 3. С. 38).
Между 15 и *20 июня*	Приезд в Баку О. Мандельштама с женой: «Посетил его (ВИ. — *Ред.*) проездом Мандельштам, читал ему стихи, очень сильные технически <...>» (Альтман 1995: 69).
Июнь	Выход в свет в Петрограде в издательстве «Алконост» книги «Переписка из двух углов» (вых. свед.: 2000 экз.).
22 июля	Защита докторской диссертации «Дионис и прадионисийство» (опубл. 1923); оппонирует А.О. Маковельский и др.
10 августа	Создание двух стихотворений под общим названием «Смерть Блока» (опубл. 1962) на смерть поэта († 7 авг.).
23 августа	Публичная лекция «Об Александре Блоке (по поводу кончины)».
Осенний семестр	Чтение курсов «История греческой литературы» (2 часа в неделю), «“Буколики” Вергилия», «Немецкий романтизм», «Ницше и античность», ведение семинаров по новой русской литературе.
5 декабря	Участие в вечере, посвященном 100-летию рождения Н.А. Некрасова.

1922

Середина января	Председательство на диспуте о неокларизме (ведет Ю. Деген).

Весенний семестр Чтение курсов «История греческой литературы», «Поэтика», «Данте и Петрарка», ведение семинара «Достоевский и Пушкин» в Бакинском университете.

Лето В домике на полуострове Зых, в 12 км от Баку.

31 августа Из письма Федору Сологубу о смерти его жены Ан.Н. Чеботаревской: «<...> Ваше неизбывное горе и мне горем было. Вместе горе горевать — кого не научило это беспощадное время, кого обделило роковою утратой? <...> Не выпускайте из рук Вашей дивной лиры. Моя разбита» (*Иванов Вяч.* Письма к Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской / публ. А. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. СПб., 1976. С. 149).

Лето 1922 (1923?) Университетская ученица ВИ Елена Миллиор вспоминает: «Мы слушали 5-ю симф<онию> Бетховена. Вяч<еслав> воспринимал ее как дионисийскую мистерию. Он объяснял, толковал...» (Миллиор 1995: 11–12).

1923

Январь Читает лекцию «Вагнер-мифотворец и его лебединое действо».

1923 О. Мандельштам в статье «Буря и натиск» отмечает: «Ощущение прошлого как будущего роднит его (ВИ. — *Ред.*) с Хлебниковым» (*Мандельштам О.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 132).

1924

23 апреля Ходатайство ОЛРС в правление Бакинского университета о командировании ВИ в Москву для участия в Пушкинских торжествах.

Май Елена Миллиор «<...> говорила ему (ВИ. — *Ред.*) — о нем, о необычайной храбрости... о силе его мысли, смеющей углубляться в его собственную душу, постигать ее внутренний опыт — не всегда светлый. <...> А его признание: он легко пугается за близких. А теперь за Россию испугался до растроганности и зол на себя за это» (Миллиор 1995: 15).

27 мая Отъезд из Баку вместе с В.А. Мануйловым, прибытие в Москву 30 мая.

6 июня Участие вместе с А.В. Луначарским и П.Н. Сакулиным в организованном ОЛРС Пушкинском вечере в Большом театре, чтение доклада «Пушкин в 1824 г.». По свидетельству

О.А. Шор, ВИ в полемике с А.В. Луначарским говорил о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик (см.: Иванова 1992: 120, примеч. 1). После заседания присутствует на исполнении оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» с Л.В. Собиновым в роли Ленского.

9 июня Лекция «Пушкин и формальный метод» (опубликована в 1930 г. под названием: «К проблеме звукообраза у Пушкина») в ГАХНе.

10 (11?) июня Чествование ВИ на заседании ОЛРС в одной из аудиторий Московского университета; импровизированное выступление В.В. Маяковского, разговор ВИ с ним (по сообщению В.А. Мануйлова; цит. по: Иванова 1992: 356–357).

Июнь Получение разрешения на отъезд с сыном и дочерью в Италию; 4 июля выдан заграничный паспорт.

Июнь — август Последняя встреча с В.Я. Брюсовым. Вместе с А.В. Луначарским и П.Д. Коганом разрабатывает план Русской Академии, или Института археологии, истории и искусствоведения в Риме; т. о. отъезд ВИ в Италию задуман как культурный проект.

16 июля Доклад «Дионис и прадионисийство» на пленарном заседании Философского отделения ГАХНа.

28 августа Отъезд из Москвы: «Осуществлялось, наконец, страстное желание Вячеслава: — “Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть”» (Иванова 1992: 125).

Осень Начало работы над циклом «Римские сонеты».

Начало сентября Приезд в Венецию, затем прибытие в Рим.

С октября Посещает салон Ольги Ресневич-Синьорелли (виа Венти Сеттембре, 68), где знакомится с молодым итальянским славистом и переводчиком Этторе Ло Гатто и другими представителями научного и культурного мира Италии.

1 декабря Первая запись в дневнике: «Итак, мы в Риме. Мы на острове. Друзья в России — rari nantes in gurgite vasto* (редкие пловцы в пучине огромной. — *Ред.*). Чувство спасения, радость свободы не утрачивают своей свежести по сей день» (Дневник ВИ 1971–1987/3: 850–851).

2 декабря Запись в дневнике: «Утром под Римом серая мгла, солнце за

* *Вергилий*. Энеида. I. 118.

пеплом, в пепле Купол; <…> Неустанная дума о нашей революции и распространении пропаганды, о завтрашнем дне Европы» (Там же: 852).

1925

1 марта Избрание почетным членом Всероссийского Союза поэтов.

15 марта Из письма Ф.А. Степуна к ВИ: «Вы, в споре со мной против моей философии, как-то обронили фразу: “Вот оправдайте Вашу философию в романе, напишите роман — тогда я Вам поверю”, с тех пор прошло, вероятно, лет 15; философский роман <…> я написал, и мне было бы очень интересно знать, хорошо ли или скверно исполнил я Ваше задание» (О прозе 2013: 947).

22 марта Рассказ о переживаемом мировоззренческом кризисе в ответном письме к Ф.А. Степуну (см.: О прозе 2013: 949–951); идеи Вл. Соловьева и Ф.М. Достоевского становятся для ВИ в эмиграции еще более актуальными.

27 июля Из письма ВИ к О.А. Шор: «писал бы большую, важную, оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел — если бы я видел в духе Россию и теперь; но это зрение у меня отнято…» (Иванов — Шор 2001: 192).

Август Общение в Риме с В.Э. Мейерхольдом и З. Райх; разговоры о возможной постановке «Ревизора» Н.В. Гоголя.

1925 В римском кафе «Араньо» Э. Ло Гатто читает ВИ свой новый стихотворный перевод «Евгения Онегина»; затем проходят регулярные встречи в доме ВИ. Впоследствии Э. Ло Гатто вспоминает: «Вяч. Иванов, в совершенстве владевший итальянским словом во всей полноте его значений, не раз подсказывал мне не только слова или рифмы, но и целые стихи, которые остались в моем переводе <…>» (*Lo Gatto E.* I miei incontri con la Russia. Milano, 1976. P. 71; оригинал — на итал. языке).

1926

Творческий кризис: «<…> охлаждаюсь к искусству, к игре и экстазам воображения <…> остывает во мне пафос гуманизма…» ([Письмо к В.А. Меркурьевой от 27 января 1927] / публ. Л.Н. Ивановой // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 260).

14 марта Прошение в Конгрегацию Восточных церквей о приобщении к Католической церкви в соборе Св. Петра в Риме и произнесении исповедания веры по соловьевской формуле: «Как член истинной и досточтимой православной восточной Церкви или греко-российской Церкви, говорящей не устами антиканонического синода и не чрез посредство чиновников светской власти, но голосом великих Отцов и Учителей своих, я признаю верховным судьей в деле религии <…> апостола Петра, живущего в своих преемниках <…>» (РИА 1997: 561).

17 марта Акт приобщения к Католической церкви в соборе Св. Петра в Риме, произнесение Символа Веры и соловьевской формулы присоединения.

24 апреля Лекция «Дионис и прадионисийские культы» в римском палаццо Дориа Памфили.

Осень Выход «Переписки из двух углов» в переводе на немецкий в ж. М. Бубера «Ди Креатур». В письме к ВИ от 21 августа 1926 г. М. Бубер назвал эту книгу «одним из важнейших духовных свидетельств нашего времени» (Wachtel 1995: 33; оригинал — на нем. языке). В одном из последующих писем он предлагает ВИ сотрудничество в журнале.

Осень 1926 — лето 1934 Работа лектором (преподавателем) английского, французского и немецкого языков в Колледжо Борромео в Павии; в Павийском университете — чтение курса русского языка и литературы. Сближение с кружком ломбардских интеллектуалов, в который входят П. Тревес, С. Ячини, А. Казати и герцог Т. Галларати-Скотти. В Павию к ВИ приезжают М. Бубер, Ш. Дю Бос, А. Пеллегрини, Ф.Ф. Зелинский.

7–8 ноября Письмо к дочери с подробным описанием плана двухчастной музыкальной композиции на сюжет «Одиссеи»: «Пленяет и светлое царство Фэаков*, — этот своего рода Китеж-град, — запредельное царство людей, перемешанных с богами, живущих мирно и блаженно, бродящих по саду, где все четыре времени года радуют вместе» (Избранная переписка 2008: 493).

1926 В статье «О стиле в проповеди» в парижском эмигрантском журнале Г.П. Федотов отмечает: «<…> нужно подлинное искусство, чтобы найти место славянскому слову в русской речи. Только большие мастера слова — Пушкин, Вячеслав Иванов — обладают им» (ВРХД. 1926. № 11. С. 7).

* Фэаки — мифический народ, встретившийся Одиссею во время его странствий.

1927

14 января — Пишет стихотворение «Палинодия» (букв.: отречение (*греч.*)) о духовном и мировоззренческом кризисе и путях выхода из него.

24, 26, 28, 31 января и 2 февраля — Лекции в Павийском университете: «Русская церковь и религиозная душа народа», «Тезис и антитезис: западники и славянофилы», «Толстой и Достоевский», «Владимир Соловьев и современники» (тексты лекций не сохранились).

20 февраля — Письмо к М. Буберу, где отзывается о его переводе на немецкий язык первых книг Библии.

13 марта — Из письма к сыну и дочери: «Рибольди* рассказывал с восторгом об ирландском (сумасшедшем?) подобии Андрея Белого, Дж. Джойсе, который написал огромный убористый английский том в 1000 страниц под заглавием «Одиссей», содержащий описание одного заурядного дня какого-то заурядного ирландца и где мысли жены ирландца о всякой чепухе занимают 40 страниц, без единой точки и даже запятой, ибо мысли у этой дамы бегут без логического расчленения и остановки, в виде сплошной клейкой массы, подобной желе, и остановиться не могут» (Избранная переписка 2008: 542).

24 марта — Приезд М. Бубера с женой к ВИ в Павию.

29 мая — В Колледжо Борромео «<...> были огромные споры о России со страстным участием итальянцев (и ректора, и подесты**, и студентов), которые интересуются вопросом о “crollo dell’impero”*** (которое утверждает Оттокар4* и отрицаю я), словно дело идет о чем-то для них непосредственно важном. Я в душе очень было отошел от России, но когда Оттокар в своих двух лекциях о России стал говорить о “disfatta”, о “catastrofe”, о “crollo”5* — ничего, кстати сказать, обидного для русских-небольшевиков, я почему-то почувствовал себя патриотом современной России, вроде истинных советских граждан. Не поймешь, что за

* Рибольди Леопольдо (1880–1966) — священник, в 1920–1927 гг. ректор Колледжо Борромео в Павии.

** Подеста́ — глава городской администрации.

*** падении империи (*ит.*).

4* Оттокар Николай Петрович (1884–1957) — профессор истории Средневековья во Флорентийском университете.

5* о крушении, о катастрофе, о падении (*ит.*).

вздор, что за чепуха, что, можно сказать, за дрянь <...> в головах и душах сбитых с колеи русских людей, сынов “задавленной” (России. — *Ред.*) в наши дни» (Избранная переписка 2008: 552).

Июнь — Приезд в Рим О.А. Шор, которая станет сотрудником, биографом и издателем поэта.

26 октября — Спор с Е. Шором о единстве Европы в письме к нему: «Для Вас Россия — “внеевропейская страна”, Европа, — она же и культура, — создание германских племен по преимуществу. <...> Для меня культура — греко-римское растение. Оно дает два ростка: европ<ейский> Восток и европ<ейский> Запад. Исконная (народная) русская культура — подлинная, античная, византийская культура, хотя в состоянии относительной стагнации» (Переписка 2008а: 343).

1928

28 сентября (день св. Вячеслава Чешского) — Начало работы над Книгой первой Повести.

8 декабря — Письмо к Э. Ло Гатто, в котором просит выписать из Праги сборник русских духовных стихов, прежде всего сб. П.А. Бессонова «Калики перехожие» (вых. свед.: М., 1861–1863. Ч. 1–2). В тот же день письмо к дочери Лидии: «<...> ...по газетам, в родной хатке дым идет коромыслом: конфликт Сталина с Ворошиловым и армией, что-то приближающееся к голодовкам, а то и к голоду, погромы и невесть что еще; во всяком случае, тяжелый кризис» (Избранная переписка 2008: 589).

1929

1 января — В местечке Споторно на берегу Тирренского моря создание стихотворения о Владычице Дебренской, которое войдет в шестую главку Книги второй Повести. Произведение завершается строками о Древе Жизни — Марии-Деве (см.: II.6.5).

Март — Готовится к преподаванию сербохорватского языка в Борромео.

31 марта (Пасха) — Внесение белового текста Повести в подаренную О.А. Шор «парадную» тетрадь. В дальнейшем в семейной переписке поэта Повесть шутливо именуется «Ахинеей».

22 мая Просит дочь и сына купить церковнославянский Новый Завет с Псалтирью в русской церкви в Риме.

6 июня Публикация в газ. «Оссерваторе Романо» в преддверии ратификации Латеранских соглашений письма Папы Пия IX, отстаивающего независимость Церкви от государства, к госсекретарю П. Гаспарри. ВИ сообщает, что они с ректором Борромео «штудировали вместе письмо Папы — после которого все возможно (в смысле разрыва). Великолепно. Чисто средневековый тон (в конце), и некто (имеется в виду фашистское правительство. — *Ред.*) больно высечен» (Избранная переписка 2008: 595).

16 июня Завершение Книги первой Повести (впоследствии будет разделена на книги первую и вторую).

18 июля С дочерью Лидией въезжает в Швейцарию и направляется в Давос, где в санатории «Альбула» лечится сын Димитрий.

29 июля Возвращается к мыслям о Повести в письме к О.А. Шор: «Да, я думаю об Ахинее, но попытка проникнуть в ее ущелья и перевалы далеко не так легка и крылата <...>» (Иванов — Шор 2001/3: 380).

Начало августа Встреча в Давосе с Э.К. Метнером. ВИ читает ему Повесть, а 12 августа сообщает О.А. Шор: Метнер «<...> в восторге от Ахинеи (это был с моей стороны опыт)...» (Иванов — Шор 2001/3: 382).

8 ноября Вновь перерыв в работе над Повестью: «Светомир, в самом деле, должно быть, целуется со звездами, ибо пребывает в бессрочной отлучке» (Иванов — Шор 2001/3: 389).

22 ноября Письмо к Э.К. Метнеру, где критикует подаренную тем книгу «Психологические типы» К.-Г. Юнга.

18 декабря Из письма к дочери и О.А. Шор: «<...> читаю св. Фомы "Summa contra Gentiles"* (не смешивать с большою "Summa Theologica"). Маринетти** просто чепуха, а Пиранделло*** ("Лазарь") — элемент злостный. Елка в хатке (т. е. в СССР. — *Ред.*) запрещена под угрозой тюрьмы. Москву чистят, разрушая церкви и монастыри. Все актеры мобилизованы для антирелигиозных представлений на Рождество» (Избранная переписка 2008: 598).

* Имеется в виду Фома Аквинский (1225/1226–1274) — средневековый теолог и философ. «Summa contra gentiles» («Сумма против язычников», 1259–1264) и «Summa Theologiae» («Сумма теологии», 1265–1273) — главные труды Фомы Аквинского.

** Маринетти Филиппо Томазо (1876–1944) — итальянский писатель, основоположник и теоретик футуризма.

*** Пиранделло Луиджи (1867–1936) — итальянский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1934); «Лазарь» — одна из пьес Л. Пиранделло (1929).

1930

23 марта Благодарит сына за присланную книгу: «Альбом старинной росписи церкви св. Георгия в Räzüns — прелесть, и очень замечательная вещь. Я знаю, что ты думал, как полезны эти картины для моей Ахинеи: и ты не ошибся. И не только история св. Георгия, но и все другое — очень вдохновительно и мифологическими деталями изображенных легенд, и стилем» (Избранная переписка 2008: 599; см. ил. 99–101, 102).

28 апреля Узнает о смерти В.В. Маяковского: «Читали ли о самоубийстве Маяковского?» (Избранная переписка 2008: 600).

10 июня Письмо к Бернту фон Гейзелеру, в котором ВИ рассказывает о проекте издать Книгу первую Повести «в достойном немецком переводе в качестве образца как по форме, так и по содержанию абсолютно нового, стилизованного под Средневековье романа-легенды и жития святых» (Wachtel 1995: 230; оригинал — на нем. языке).

25 августа Из письма О.А. Шор к ВИ: «Светомир преследует. Всю биографию свою (неожиданную) рассказал Птице (О.А. Шор. — *Ред.*) до самого момента получения стрелы. Но об этом, пожалуй, лучше не говорить до встречи» (Иванов — Шор 2001/3: 419, примеч. 1).

29 августа Отвечает О.А. Шор: «<...> взволнован Вашим таинственным сообщением, что Вам открылось то, что от меня спрятано за непроницаемыми завесами, — вся история Светомирова отрочества. Я долго колебался просить Вас, чтобы Вы мне рассказали это в письме <...>» (Иванов — Шор 2001/3: 418).

15 октября Завершено «Письмо к Дю Босу» на французском языке, в котором подведены итоги десятилетия, прошедшего со времени создания «Переписки из двух углов». Использованный в «Письме» символический образ «дышать обоими легкими» (означающий недостаточность только одной — римско-латинской или византийско-славянской духовной традиции для вселенского воплощения христианства как на индивидуальном, так и на общецерковном уровне) получил всемирную известность.

14 ноября Дж. Де Лука сообщает о публикации стихотворений ВИ в переложении на итальянский, поправленном Дж. Папини*. Дж. Де Лука собирается перевести статьи ВИ «Кручи. О кризисе гуманизма» и «Русская идея» (см.: Roncalli 2002: 44).

22 декабря Письмо Дж. Де Лука к ВИ о проекте публикации на итальянском книги поэта о Ф.М. Достоевском; издатель отмечает необходимость познать «глубоко христианскую душу России» (Roncalli 2002: 44).

1930 Выход в свет статьи «К проблеме звукообраза у Пушкина» в сб. «Московский пушкинист»: это последнее эссе ВИ, появившееся в СССР при жизни автора.

1930 Начало работы над Книгой третьей Повести.

1931

1 апреля Завершение статьи на немецком языке «Историософия Вергилия» для швейцарско-немецкого ж. «Corona». Эта публикация знаменует начало активного сотрудничества с изданием.

26 апреля 1931 Сообщает дочери Лидии: «сочинил (или, вернее, сочиняет. — *А. Ш.*) <...> Отрадину колыбельную песнь над Светомиром, которую вернувшийся из похода Лазарь за дверью подслушивает» (РАИ. Оп. 4. К. 14. П. 3. Л. 8).

11 декабря Лекция «Лавр в поэзии Петрарки» в Павии.

23 декабря По итальянскому радио передается эссе Р. Кюфферле** «Любовь божественная и любовь земная в поэзии Иванова».

1932

20 января Письмо к А.В. Амфитеатрову, где ВИ отзывается о его фантастическом романе «Жар-цвет» (1910), прочитанном им в 1931 г. в итальянском переводе: «Вы <...> ухитрились обратить все Ваше фантазирование в ученое, психиатрическое и фольклористическое исследование. Вы перегрузили его и анализами, и легендами — и, пожалуй, лишили его художественного единства. Поэт должен *верить* в изображенный им фантастический

* Поэт, писатель, богослов, крупный культурный деятель, священник Дон Джузеппе Де Лука (1898–1962) и его друг писатель Джованни Папини (1881–1956) участвовали в издании флорентийского журнала «Il Frontespizio», где осенью 1930 г. появились четыре стихотворения ВИ.

** Кюфферле Ринальдо (1903–1955) — поэт, переводчик, совместно с ВИ переложил на итальянский язык поэму «Человек» (опубликовано в Милане в 1946 г.).

мир <...> Роман для меня лично еще и тем высокоинтересен, что в нем отведено много места змеиному культу, который меня глубоко занимает — между прочим и по той причине, что я прилежно исследовал греческую религию Диониса, где змея играет важную роль, разумеется — не без экскурсов в область сравнительного изучения религий. Я был бы Вам благодарен за указание, откуда Вы черпали богатый материал о змее в африканских религиях и о распространении этого культа» (Амфитеатров и Иванов 1997: 490. Курсив ВИ).

30 января Запись О.А. Шор разговоров с ВИ; это своего рода синтетическое описание культурных, религиозных и научных исканий поэта: «Есть “племя”, кот<орому> разрешать соединение розы и креста дано в форме соединения Греции с христианством. М<икель> А<нжело> взял мрамор Эллады, потом розу как купол, кот<орый> поместил на “греческом” кресте — Roma quadrata (квадратный Рим. — *А. Ш.*). <...> Тяготение к Риму; квадрат — основа. Купол под крестом. Потом — св. Георгий» (РИА 2001: 138).

Январь Начало работы над четвертой главкой Книги третьей Повести.

14 апреля Письмо М. Бубера к ВИ: «Вашу книгу о Достоевском <...> прочитал с ощущением великой духовной близости к Вам, как что-то непосредственно меня касающееся» (Wachtel 1995: 40; оригинал — на нем. языке).

25 апреля Продолжение переписки с А.В. Амфитеатровым: «С величайшим увлечением и почти непрерывным любованием на художническую (Репинскую, что ли) силу Вашу, — богатырскую, хотя и не высветленную до художественной гармонии силу и фантазию Вашу, — прочел я «Вчерашних Предков» <...> *всей* России у Вас все-таки не видишь; да и было же в ней, однако, что-нибудь живое, какое-то невидимое семя горчичное, — иначе уже нет, в наши-то дни, абсолютно никакой надежды на ее восстание из мертвых. А есть ли в Вас еще эта надежда? Вот это наш самый последний и больной вопрос... Чудно̀ еще: я родился и воспитался в Москве — и не люблю ее, как-то давила она на меня с детства; а между тем старую Никольскую и Ильинку я всегда ощущал фантастически и живописно привлекательными (как любил до страсти и ветхие Ряды), — привлекала меня московская Сити с ее церковками среди магазинов, складов и контор, с ее дорезанными и недорезанными скопцами...» (Амфитеатров и Иванов 1997: 497–498. Курсив ВИ).

Сентябрь	Работа над переводом Повести на немецкий язык.
Осень	Публикация «Переписки из двух углов» в издательстве «Карабба» (пер. на итал. О. Ресневич-Синьорелли; под ред. Вяч. Иванова).
4 декабря	Письмо к Ф. Хентшу*, в котором резко выступает против евразийства: «уже вошедшее сейчас в моду представление о России как о “евразийском”, стало быть азиатском государстве, является достаточно ядовитым: нельзя не распознать в нем большевистскую заразу. <...> Это историко-философская концепция тех, для кого Европа как христианский мир (причем двуединый христианский мир Востока и Запада, в том же смысле, в каком и дохристианская Европа была двуединой) более не существует» (*Вахтель М.* Вяч. Иванов и его «дрезденские друзья» (новые материалы) // РЛ. 2006. № 3. С. 155–156; оригинал – на нем. языке).
1932	Выход в Тюбингене на немецком языке книги «Достоевский. Трагедия–миф–мистика» в переводе А. Креслинга.

1933

Январь	Начало работы над статьей «Гуманизм и религия» (на немецком языке).
Март	У. Занотти Бьянки** читает «Переписку из двух углов» ВИ и М.О. Гершензона и знакомит с ней Марию Хосе, жену наследника итальянского престола.
10 апреля	Лекция «Установки современного духа» на «Литературных понедельниках» в Сан-Ремо.
Весна – лето	Публикация «Переписки из двух углов» на испанском языке в ж. Ортеги-и-Гассета «Revista de Occidente».

1934

1 марта	Встреча в Павии ВИ и Бенедетто Кроче***, принципиальные идеологические и философские разногласия и острый спор между ними. Присутствуют миланские интеллектуалы: герцог Томазо Галларати-Скотти, Чезаре Анжелини и А. Пеллегрини.
Конец марта	Выход в свет специального выпуска миланского ж. «Il Convegno» (№ 8–12), посвященного ВИ. Журнал объединил представителей европейской христианской гуманистической мысли – Г. Марселя, Э.Р. Курциуса, Г. Штейнера – и русских эмигрантов, нашедших применение своим знаниям в западноевропейских странах – Ф.А. Степуна, Ф.Ф. Зелинского, Н.П. Оттокара. Здесь же публикуются автопереводы на итальянский первого и девятого из «Римских сонетов». Получив номер ж., ВИ пишет 19 апреля его составителю А. Пеллегрини: «Радость моя смешивалась с легкой меланхолией – что Вы, без сомнения поймете, представив себе старца-изгнанника – и благодарностью к возлюбленной мною Италии, где ценится мое безвестное творчество, тогда как в моем отечестве оно находится под

* Хентш Фред (1905–1993) – поэт и критик, дрезденский друг Ф.А. Степуна.

** Занотти Бьянки Умберто (1889–1963) – итальянский политик и антифашист, один из организаторов помощи голодающим Поволжья в 1922 г.; с 1952 г. пожизненный сенатор.

*** Бенедетто Кроче (1866–1952) – философ, политик, литературный критик, писатель; наряду с Дж. Джентили, самый влиятельный идеолог в Италии первой половины XX в.

Ф.А. Степун в своем кабинете в дрезденской квартире
1930-е годы

запретом — хотя, даже если б этого запрета и не было, оно звучало бы странно и непонятно поколениям, которые утратили муз и память» (Русско-итальянский архив X. Salerno, 2015: 155).

17 июля М. Кузмин начинает записывать в своем дневнике серию воспоминаний, посвященных Башне: «Одним из высших фокусов моей жизни была Башня, и я думаю, что имя Вячеслава Иванова с окружением ляжет на четверть, если не на добрую треть моего существования» (Кузмин 1998: 66).

29 и *30 октября* Лекция «Установки современного духа» в Обществе христианской культуры в Люцерне и Цюрихе: «И в Люцерне, и в Цюрихе ottima stampa (превосходные газетные отзывы. — *Ред.*). Вчера здесь два длинных фельетона обо мне. Публики собралось столько, что пришлось переменить аудиторию и идти 10 минут <...> в другую, в другом здании» ([Письмо к О.А. Шор от 31 октября] // Иванов — Шор 2001: 444).

1934 Завершение работы над главами XI–XVII Книги третьей Повести.

1935

Январь Итальянская энциклопедия «Треккани» заказывает ВИ статью «Символизм».

24 марта Письмо к герцогу Т. Галларати-Скотти, в котором предлагает прочитать лекцию «Анимус и анима» — «психологический и метафизический анализ экстаза, мистического состояния, и его отношения с религией» (Русско-итальянский архив X. Salerno, 2015: 162; оригинал — на итал. языке).

Не позднее августа Получение гражданства Итальянского королевства.

7 декабря Письмо к молодому русскому эмигранту А.Г. Годяеву о «родном и вселенском»: «Вы сетуете о “разрушении русской культуры”, но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина и одна Красота, так и культура, в существенном и последнем смысле этого слова, — культура, как духовное самоопределение и самораскрытие человека — выражение вселенского единства и дело вселенского единения» (Символ 2008: 437).

14 декабря Банкет в Париже в честь Д.С. Мережковского; зачитывают приветствие ВИ от 10 декабря 1935 г., Д.С. Мережковский на-

зван «ясновидящим художником-всечеловеком, неустанным свидетелем духовной Истины» (Климов 1972: 160).

1936

Февраль Переговоры о праздновании юбилея А.С. Пушкина в Королевской академии с ее вице-президентом по классу словесности санскритологом Карло Формики.

Преподавание церковнославянского языка в папской коллегии (семинарии) «Руссикум» и Папском Восточном институте, чтение лекций по русской литературе, в частности, двухгодичного курса о Ф.М. Достоевском.

13 марта Главный редактор энциклопедии «Треккани» философ Дж. Джентили поздравляет ВИ с его «превосходной» энциклопедической статьей «Символизм» (см.: Sulpasso 2008: 12).

22 марта Слушает доклад профессора Фридриха Муккермана «Восток и Запад у Соловьева» в Папском Восточном институте; присутствие ВИ — «друга и ученика» Вл. Соловьева — отмечает ватиканская газ. «L'Osservatore Romano» (23–24 марта).

Март Заказ статьи «Реализм» от итальянской энциклопедии «Треккани».

1936 март — 1939 осень Живет с семьей в Риме на Капитолийском холме (виа Монте Тарпео, 61), откуда открывается вид на Форум и Колизей: «Что он (Иванов. — *Ред.*) поселился на Тарпейской скале, не удивляло, а скорее радовало — как некий законченный штрих в образе Поэта» (Добужинский 1987: 275).

Март Литературное отделение Королевской итальянской академии (ее члены — Л. Пиранделло, Т. Маринетти и др.) присуждает ВИ премию в 5000 лир «за критические исследования, за деятельность видного мыслителя и писателя» (Sulpasso 2008: 12).

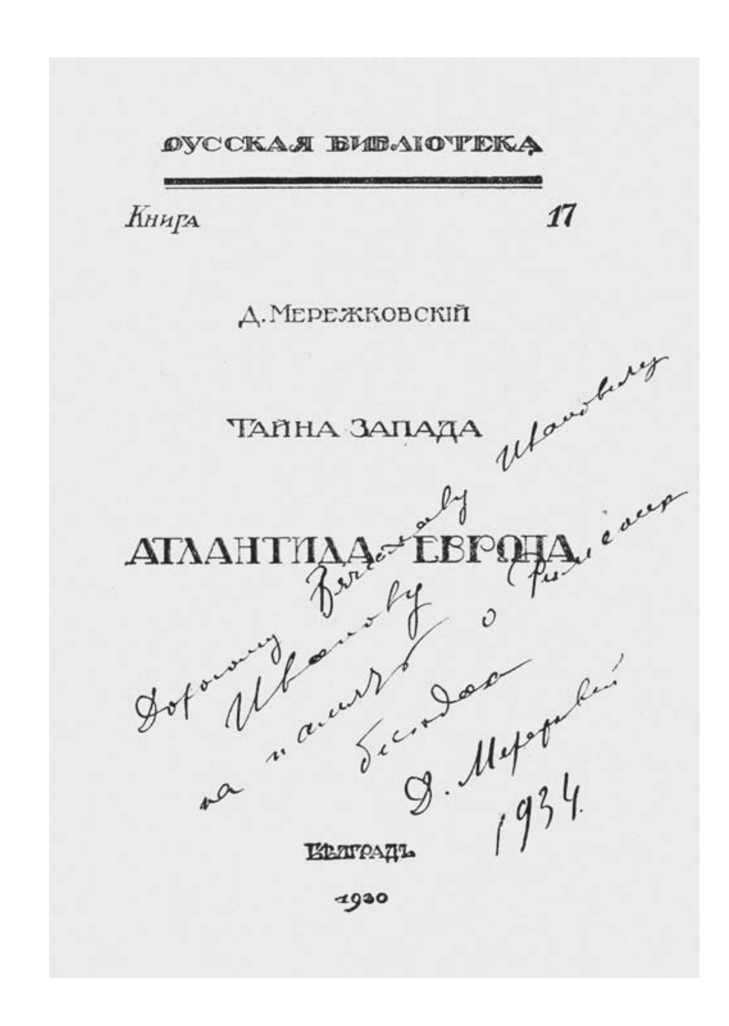
Весна — лето Встречи с Д.С. Мережковским и З. Гиппиус.

Весна — осень Редактирование стихотворного перевода «Евгения Онегина» на итальянский язык, выполненного Э. Ло Гатто.

26 августа В.В. Руднев, редактор парижских «Современных записок», просит ВИ послать стихи для журнала.

Начало сентября Отправка В.В. Рудневу поэмы «Человек» и циклов сонетов «Римские сонеты» и «De profundis amavi».

Между 10 и *16 ноября* Приезд И.А. Бунина к ВИ на Монте Тарпео.



Титульный лист кн. Д.С. Мережковского
«Тайны Запада: Атлантида — Европа» (1931).
С дарственной надписью автора:
«Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову
на память о Римских беседах.
Д. Мережковский 1934»

Ноябрь — Полная публикация цикла стихотворений «Римские сонеты» в «Современных записках» (кн. 62); там же — статья Ф.А. Степуна «Вячеслав Иванов» (издание вышло т. о. к 70-летию поэта). С этого номера произведения ВИ печатаются практически в каждом выпуске самого значительного журнала русской эмиграции.

1937

Январь — Посылает в ж. «Современные записки» (В.В. Рудневу) свой сб. стихотворений. Пятый раздел сб. назван: «Из Повести о Светомире».

1 февраля — Ответ В.В. Руднева: «Подтверждаю получение драгоценного пакета с Вашими стихотворениями. Действительно, столько сокровищ, что глаза разбегаются. Будем печатать в каждой книжке журнала и готовить отдельное издание» (О прозе 2013: 966).

9 февраля — Доклад о романе «Евгений Онегин» на Пушкинском вечере, организованном итальянским Институтом Восточной Европы в Риме; затем Э. Ло Гатто читает свой новый поэтический перевод пушкинского романа в стихах.

14 февраля — Предлагает В.В. Рудневу опубликовать в кн. 63 ж. «Современные записки» ряд стихов, написанных в Италии, под общим заглавием «Senilia» (цикл должен был открываться тремя стихотворениями из Повести), а также этюды об А.С. Пушкине (см.: О прозе 2013: 968).

Март — Рассказ ВИ о своем видении христианского мира на Собрании русских католиков в Риме: «Европа, христианский мир, состоит по воле Провидения из востока и запада, так было еще в классическом греко-римском мире. И греческий, и римский мир в едином античном мире представляли из себя два принципа, друг друга дополняющих. После церковного раскола нет живого общения, и Европа дышит одним легким. Надо, чтобы оба принципа воссоединились, и тогда и статизм и канонизм Византии будет дополнен динамизмом и гуманизмом запада» (Поджи 2008: 701).

Апрель — Отправка в Институт Восточной Европы статьи «Gli aspetti del Bello e del Bene nella poesia di Puškin» («Аспекты красоты и добра в поэзии Пушкина». — *Ред.*); Э. Ло Гатто в письме к ВИ от 29 апреля 1937 г. замечает: «Статья Ваша превосходна и интересна, счастлив, что пушкинский сборник будет открывать

Профессор Этторе Ло Гатто.
1937 г.

Ваше имя» (Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Сб. 1. СПб., 2010. С. 776).

Середина мая Выпуск Институтом Восточной Европы сб. «A. Puškin nel primo centenario della morte» («А. Пушкин в первое столетие со дня смерти». — *Ред.*). В предисловии отмечается: «Здесь в чувстве братского восхищения и любви к великому поэту сотрудничали итальянские ученые и ученые русские, живущие в Италии, для которых Италия стала второй родиной. <...> Особую признательность Институт хочет выразить Вячеславу Иванову, именитому учителю мысли и поэзии» (A. Puškin nel primo centenario della morte. Roma, 1937. С. [7]).

23 декабря Публикация статьи З. Гиппиус «Почти-рай. Встреча с Вяч. Ивановым в Риме (Из итальянских впечатлений)» в газ. «Сегодня» — рассказ о визите Мережковских в дом ВИ в октябре 1937 г. (см.: Сегодня. № 352. 23 декабря 1937 г.). Сокращенный вариант под названием «Поэт и Тарпейская скала (О Вяч. Ив. Иванове)» был опубликован позднее в газ. «Иллюстрированная Россия» (см.: Иллюстрированная Россия. 1938. № 2 (660). С. 1–2).

1938

20 января Ректор папской коллегии «Руссикум» о. Филипп де Режис пишет Папе Пию XI о замысле Повести ВИ: «Он бы хотел опубликовать произведение, в котором в форме повести или романа он раскрыл бы свою концепцию жизни и религии и которое стало бы его духовным завещанием, проистекающим из автобиографии. Труд, замышляемый Ивановым, должен иметь большой отклик в истории русской мысли и был бы связан с книгой Владимира Соловьева *La Russie et l'Église universelle* (Россия и Вселенская Церковь. — *Ред.*) <...> Осмеливаюсь поэтому представить Вашему Святейшеству свой проект, в убеждении, что речь идет о большом апостольском деле» (Символ 2008: 693–694; оригинал — на итал. языке).

27 января Постановление Папы Пия XI о предоставлении ВИ ежемесячного жалованья в размере 750 лир.

19 февраля Письмо Папе Римскому с благодарностью за оказанную поддержку: «Ваше Святейшество удостоили меня ежемесячным пособием, обеспечив мне таким образом возможность посвятить мои последние годы продолжению и заключению работы

над обширным трудом, задуманным мною как духовное завещание поэта и христианского мыслителя с намерением воззвать к замутненной и опустошенной душе русского народа, которая ingemiscit et parturit usque adhuc (“стенает и мучится доныне”: Рим 8, 22), прося ее обрести незапятнанный взгляд на свое истинное положение и судьбу в Церкви Христовой» (Поджи 2008: 695; оригинал — на итал. языке).

Весна — Частная аудиенция у Папы Пия XI: ВИ говорит об отсутствии надежды не только на соединение, но и на примирение Церквей «в ближайшее, наше время, в наш век» (Дешарт 1971: 198).

Весна — лето — Вяч. Иванова в Риме дважды посещает Марк Алданов.

14 июля — Письмо В.В. Рудневу, где сообщает, что работать над воспоминаниями не может, потому что полностью поглощен двумя «огромными трудами» (см.: О прозе 2013: 976) — Повестью и переработкой книги «Дионис и прадионисийство».

18 июля — Визит Григола Робакидзе в дом ВИ.

22 июля — Ответ В.В. Руднева ВИ: «То, что Вы в нескольких словах сами пишете о важности восстановления в подлинности эпохи символизма <...> доказывает совершенную необходимость, чтобы Вы записали свои воспоминания об этом времени: к нему не раз и не раз будет еще возвращаться русская интеллигенция, если России суждено жить» (см.: О прозе 2013: 977).

26 октября — Предложение от редактора ж. «Современные записки» И.И. Фондаминского издать научные труды ВИ в серии «Русская Научная Библиотека» (см.: [Письмо И.И. Фондаминского к Вяч. Иванову] // О прозе 2013: 977).

5 декабря — Письмо И.И. Фондаминского к ВИ, где сообщается, что поэма «Человек» отправлена в типографию и в скором времени выходит отдельным изданием; сб. стихотворений ВИ предполагается выпустить к осени 1939 г. Кроме того, редакционная коллегия серии «Русская Научная Библиотека» рассматривает возможность включить в свои планы книги «Дионис и прадионисийские культы» и «Трагедии Эсхила» с введением и примечаниями ВИ (см.: О прозе 2013: 984).

18 декабря — Вяч. Иванова посещает французский поэт и переводчик Ж. Шузевиль и дарит свою французскую «Антологию русских поэтов» (1914), содержащую переводы поэзии ВИ.

1939

Январь — февраль — Выход поэмы «Человек» в издательстве «Современные записки» (девятый выпуск серии «Русские поэты»).

5 февраля — Торжественное собрание в «Руссикуме» по поводу 950-летия христианства на Руси. В программе: доклад о крещении Руси, чтение стихов А.С. Хомякова и ВИ, исполнение «Триптиха» ВИ («Под древом кипарисным...», «Криница», «Христос воскрес!») на музыку А.Т. Гречанинова.

Июнь — В дом ВИ приходит молодая антропософка Лидия Баратто Джентили и проводит несколько уроков эвритмии — художественного гармонизирующего движения, разработанного Р. Штейнером.

Осень — Посылает статью «Мысли о поэзии» в 70-й «юбилейный» номер ж. «Современные записки».

1939 — Перевод на церковнославянский язык монашеских обетов Общества Иисуса, редактирование переводов литаний и молитв святым.

1940

Апрель — Выход «юбилейного» 70-го номера ж. «Современные записки» со стихотворением ВИ «Ночные зовы»; статья «Мысли о поэзии» в выпуск не вошла. Напечатанный в половинном объеме на личные сбережения В.В. Руднева, он оказался последним: через два месяца Париж оккупируют немецкие войска.

1940 — Один из учеников ВИ в «Руссикуме» свидетельствует: «Особенностью этого года явились т. н. беседы с проф. Вяч. Ив. Ивановым. Их целью было оказать помощь учащимся в их личных занятиях и, в частности, дать им возможность черпать свои знания из хорошего источника. В этих беседах ожил дух старого “мастера живого слова”, и руссикумцы извлекли из них немалую пользу. Кроме того, Вяч. Иванов в течение целого года читал в “Руссикуме” лекции о Достоевском. В своих глубоких и ясных изложениях Вяч. Иванов представил нам личность Достоевского, познакомил нас с различными научными, философскими и социальными течениями 19 века и ввел нас в мир некоторых трудов Достоевского (“Бедные люди”, “Преступление и наказание”)» (Католический Вестник. (Харбин). 1940. № 8. С. 183).

Вяч. Иванов
читает лекцию в «Руссикуме».
Худ. Арманд де Калюве (1911–2002).
Набросок карандашом.
Ок. 1939 г.

ДЕЯНИЯ
СВ. АПОСТОЛОВ
ПОСЛАНИЯ
СВ. АПОСТОЛОВ
ОТКРОВЕНИЕ
СВ. ИОАННА

РИМ
Ватиканская Типография
1946

Титульный лист издания
«Деяния св. апостолов. Послания св. апостолов.
Откровение Св. Иоанна» (1946)

1941

1941 весна — 1942 октябрь Составление введения и примечаний к Деяниям и Посланиям Апостолов, а также Откровению св. Иоанна для издания Конгрегации Восточных церквей; в публикации 1946 г. авторство ВИ не обозначено.

1941–1942 Безуспешные попытки писателя и художника Дж. Кавикьоли опубликовать в итальянской прессе эссе о ВИ, основанное на воспоминаниях о встречах с поэтом на виа Тарпео и на Авентине (изд. 1952).

1942

1 февраля Задумывает написать статью «Достоевский и Вл. Соловьев перед Христом».

1942 Чтение курса по церковнославянскому языку («Morphologia linguae paleoslavicae cum recentiore liturgici sermonis usu comparata et selectorum locorum lectione illustrata») в Папском Восточном институте.

1943

Начало февраля Визит в дом ВИ М.Н. Семенова* со своей гражданской женой Валерией Тейя.

19 июля и *13 августа* Девятьсот тридцать самолетов союзников сбрасывают на Рим более 4000 бомб; одна из них попадает в Аврелианскую стену неподалеку от дома ВИ на Авентине.

9–10 сентября Немецкие войска оккупируют Рим. Разрозненные итальянские отряды безуспешно оказывают сопротивление. Всего при защите города погибло 1167 итальянцев. Рядом с домом ВИ на Авентине убито несколько итальянских солдат.

1944

январь — декабрь Написан поэтический сб. «Римский дневник 1944 г.» (всего 114 стихотворений). Это последняя лирическая книга ВИ.

25–27 апреля Создание Т.Л. Сухотиной-Толстой портрета ВИ в доме поэта на Авентине; в ответ ВИ 27 апреля пишет стихотворение «Гляжу с любовию на Вас...» (см.: Иванов 1971–1987/III: 607–608; см. также ил. 86).

* Семенов Михаил Николаевич (1873–1952) — писатель, издатель, в 1900-е годы играл важную роль в ж. «Весы», с середины 1910-х годов поселился на Амальфитанском побережье в Южной Италии.

4 июня Союзники освобождают Рим от нацистов.

Август Пишет стихотворение, посвященное десятилетней годовщине смерти Андрея Белого.

1945

Январь Переработка главы XIV Книги третьей Повести.

31 января Завершение первых тринадцати глав Книги четвертой Повести.

16 февраля Письмо от секретаря Конгрегации Восточных церквей кардинала Э. Тиссерана с благодарностью за составление комментариев к Деяниям Апостолов, Посланиям Апостолов и Апокалипсису: «читая [их] <...> можно постичь и красоту языка, и глубину веры и мысли, в них выраженные» (Поджи 2008: 664; оригинал — на итал. языке).

Февраль Работа над Книгой четвертой Повести; на обложке новой тетради — картина А. Мантенья «Св. Георгий» из венецианской Академии (см. ил. на с. 90 наст. изд.).

Апрель ВИ в его доме на Авентине посещает артистка еврейского театра «Габима» Хана Ровина. Впоследствии она передает слова ВИ: «<...> Луначарский и я — мы боролись за ваше право говорить на иврите» (*Сегал Д.М.* Вячеслав Иванов и «Габима»: привет через десятилетия // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 749). В конце встречи ВИ «<...> достал Расина по-французски и перевод Брюсова на русский язык <...> и в полной сосредоточенности прослушал ивритский перевод Альтермана, который ему прочла Ровина» (Там же: 750).

1945 декабрь — 1946 февраль Переписка с профессором Оксфордского университета С.А. Коноваловым об издании на английском языке книг ВИ («Достоевский. Трагедия — миф — мистика» и др.), а также его собрания сочинений на русском языке.

1945 М.В. Добужинский начинает публикацию своих воспоминаний с главы «Вячеслав Иванов и Башня» (см.: НЖ 1945. № 11).

1945–1947 Ведение на дому семинаров для студентов «Руссикума» по истории русской литературы и культуры. На одном из них о. А. Веттер, историк философии и в будущем основоположник критики марксизма, исходя из концепций ВИ, говорит об идее Матери-сырой земли в язычестве и о ее преломлении в литургических текстах. После выступления ВИ целует А. Веттера и «благословляет на подвиг» заниматься русской философией.

Беловой автограф. Книга третья, гл. XIV (начало)
Чернила, карандаш. 1945 г.

1946

16 мая — Историк литературы и переводчик русской поэзии Ренато Поджоли заказывает ВИ эссе о русской литературе для издаваемого им во Флоренции ж. «Инвентарио».

Июнь — Начало переписки с профессором Оксфордского университета и поэтом Сесилом Морисом Боура: ВИ посылает ему дистих на латинском языке.

Июль — Подробное письмо к профессору Оксфордского университета С.А. Коновалову о проекте издания своих сочинений: «Что касается правописания, то я нахожу в себе мужество отказаться от старой, единственно красивой и разумной, в пользу уродливой и невразумительной (невозможность различить для глаза «міръ» и «миръ» для меня прямо фатально!) новой орфографии, если эта уступка <...> открывает изданию доступ в пределы России» ([Письмо Вяч. Иванова к С.А. Коновалову] // Memento vivere: сборник памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 276). Прилагает к этому же письму стихотворение «Виноградник Диониса» для передачи в Бирмингем Н.М. Бахтину.

12 августа — Приглашение от С.А. Коновалова прочесть лекцию в Оксфорде; в случае приезда ВИ профессор обещает также поставить вопрос о присуждении поэту степени почетного доктора университета.

18 августа — Р. Поджоли отвечает на письмо ВИ: «Ваша концепция литературы как органического творения из морфологических корней языка заставляет призадуматься» ([Письмо Р. Поджоли к ВИ] // Sulpasso 2008: 307; оригинал – на итал. языке).

1 сентября — Вместе с ответом на письмо ВИ С.-М. Боура посылает ему свое исследование литературного эпоса у Вергилия, Л. де Камоэнса, Т. Тассо и Дж. Мильтона (см.: *Bowra C.M.* From Virgil to Milton. London, 1945).

1 октября — Продолжение переписки с С.-М. Боура: «Ваши исследования представляют для меня сейчас особый интерес, так как я спешу закончить длинную повесть в средневековом стиле, похожую, может быть, по замыслу, на “Артуриаду” Мильтона – *житие* мощного царя и его святого сына, рассказанное благочестивым монахом на языке древних русских хроник и легенд» ([Письмо к С. Боура] // *Davidson P.* Vyacheslav Ivanov and C.M. Bowra: a Correspondence from Two Corners on Humanism. Birmingham, 2006. P. 99. Курсив Вяч. Иванова; оригинал – на англ. языке).

21 декабря — Уничтожающая критика реконструкции текста «Слова о полку Игореве», предпринятой неаполитанским славистом Л. Пачини-Савой в его книге «Detto della campagna di Igor» (1946) (см.: Переписка Вячеслава Иванова с Л. Пачини-Савой / публ. Б. Сульпассо // РЛ. 2011. № 4. С. 126–127).

1947

29 марта — Чувство безнадежности относительно судьбы его сочинений в СССР: «<…> большевики сегодня с большим, чем когда-либо, фанатизмом преследуют поэзию» ([Черновик письма к С.А. Коновалову] (РАИ. Оп. 3. К. 1. П. 19. Л. 16–16об.))

24 августа — Из письма к Н.А. Оцупу: «Роман, дорогой друг, пишите широкий роман в прозе <…> Он (пусть он будет, если того хочет Муза, также автобиографическим) может и должен быть самою правдой и самой жизнью» (РИА 1997: 542).

Между 23 и *30 сентября* — Дом ВИ посещают профессора Оксфордского университета Исайя Берлин и С.-М. Боура: «Рад я был нежданной встрече и простой, непринужденной, увлекательной беседе с гуманистом-поэтом, с которым уже через письма и книги установилось у меня живое и разностороннее общение. <…> Проф. Берлин был очень любезен и рассказывал много любопытного» ([Черновик письма к С.А. Коновалову от 3–8 декабря 1947 г.] (РАИ. Оп. 3. К. 1. П. 19. Л. 17)). Через несколько недель И. Берлин везет в Оксфорд рукопись ВИ «Свет вечерний».

1947 — Ж. Маритэн дарит ВИ свою книгу «Raison et Raisons» с надписью: «Вяч. Иванову, гений которого сочетает в себе Веру, Поэзию и Философию» (*Maritaine J.* Raison et Raisons. P., 1947; оригинал — на фр. языке).

1947 — Написание по заказу Э. Ло Гатто статей на итальянском языке: «Лермонтов» и «Форма зиждущая и форма созижденная» (опубликованы в 1947 г. и 1958 г. соответственно): «Обе статьи касаются осторожно, как бы намеками, темы Софии, которая и центральная тема Светомира» (Иванова 1992: 294).

1948

22 марта — Отсылка с благодарностью инокине Иоанне Рейтлингер ее рукописных воспоминаний «о страстотерпчестве и благодатно просветленной кончине» о. Сергия Булгакова (ВРХД. 2002. № 184. С. 183–184).

29 марта — Письмо к М.Н. Семенову о себе и своих современниках: «Патриарх не выходит больше из дома, но, сидя в кресле, перо в руке держит. <…> Юргис Балтрушайтис скончался 3 января 1944 г. <…> Марина Цветаева покончила с собою в России. — Ник. Алдр. Бердяев умер в Кламаре (под Парижем) в ночь на 24 сего марта» (*Семенов М.Н.* Вакх и сирены / публ. В. Кейдана. М., 2008. С. 513).

Весна или *лето* — Работа над Книгой пятой Повести («Послание Иоанна Пресвитера»); продолжает трудиться над ней до последних дней жизни.

Между 23 и *30 августа* — Визит С.-М. Боура. Разговор о Пиндаре.

28 августа — Создание глав XII–XV Книги пятой Повести.

31 августа — Начало работы над второй частью «Послания Иоанна Пресвитера».

15 сентября — Завершение второй части «Послания Иоанна Пресвитера» (черновая редакция).

22 ноября — Запись стихотворения о философии смерти «Лепечет жизнь...» на обороте последнего листа Книги пятой.

1948–1949 — Работа над введением и комментарием к изданию Псалтири на славянском и русском языках для Конгрегации Восточных церквей (см.: Псалтирь 1950). В 40-е годы ВИ также переводит на церковнославянский и русский язык ряд католических молитв и богослужебных текстов для Общества Иисуса.

1949

Весна — Визит на Авентин Б.К. Зайцева с женой; ВИ рассказывает ему вкратце содержание Повести.

Весна — начало лета — ВИ оспаривает версию поэта Г.В. Иванова о дебюте А.А. Ахматовой на Башне; разговор ВИ с эстонским поэтом А. Раннитом: «На прощанье я спросил поэта, что он думает о будущем европейской мысли. Он ответил мне, улыбаясь, что ничего не знает о судьбах европейской культуры, но одно знает наверно: если ему на том свете не дадут возможности читать, говорить и писать по-гречески, он будет глубоко несчастен» (*Раннит А.* О Вячеславе Иванове и его «Свете вечернем» // НЖ. 1964. № 77. С. 94).

8 июля — Заказ от итальянской «Католической энциклопедии» статей о Ф.М. Достоевском, Н.В. Гоголе и Д.С. Мережковском.

16 июля	Смерть ВИ в своей квартире в Риме на Авентине, ул. Леон Баттиста Альберти, 5. Накануне поэт заново переписал цикл сонетов «De Profundis amavi»; в последней редакции один из них символически завершается строкой: «Рассекла Смерть секирой беспощадной» (Дешарт 1971: 227).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БА	беловой автограф.
ВИ	Вяч. Иванов.
ВРХД	Вестник русского христианского движения (Париж).
газ.	газета.
ГАХН	Гос. Академия художественных наук (Москва).
ГРМ	Гос. Русский музей (Санкт-Петербург).
ГТГ	Гос. Третьяковская галерея (Москва).
ж.	журнал.
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
ит.	итальянский.
л.	лист.
ЛДЗ	Лидия Димитриевна Зиновьева-Аннибал.
НЖ	ж. «Новый Журнал» (Нью-Йорк).
НЛО	ж. «Новое литературное обозрение» (Москва).
ОЛРС	Общество любителей русской словесности.
ОРХС	Общество ревнителей художественного слова.
РАИ	Римский архив Вяч. Иванова.
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
рец.	рецензия.
РЛ	ж. «Русская литература» (Санкт-Петербург).
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы.
РХЛ	ж. «Русская художественная летопись» (Санкт-Петербург).
сб.	сборник.
ТЕО	Театральный отдел Комиссариата народного просвещения.
ЧА	черновой автограф.

Августин 1991 — *Аврелий Августин*. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. с лат. М.Е. Сергиенко; вступ. ст. А.А. Столярова. М., 1991.

Аверинцев 1995 — *Аверинцев С.С.* Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Иванов В. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл., примеч. С.С. Аверинцева. М., 1995. С. 7–24.

Аверинцев 2001 — *Аверинцев С.С.* София-Логос. Киев, 2001.

Аверинцев 2002а — *Аверинцев С.С.* «Скворешниц вольных гражданин...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002.

Аверинцев 2002б — *Аверинцев С.С.* Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. 21. № 1. С. 11–26.

Аверинцев 2002в — *Аверинцев С.С.* «Я же каюсь, гуторя»: О юморе Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 31–42.

Аверинцев 2002г — *Аверинцев С.С.* Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. 21. № 1. С. 11–26.

Аверинцев 2008а — *Аверинцев С.С.* Вячеслав Иванович Иванов // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 9–20.

Аверинцев 2008б — *Аверинцев С.С.* Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 781–790.

Автобиографическое письмо 1917 — Автобиографическое письмо Вяч. Иванова к С.А. Венгерову // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. С.А. Венгерова. М., 1917. Т. 3. Вып. VIII. С. 81–96.

Автобиография 1904 — Автобиографическое письмо от 14/27 декабря 1904 // Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 82–87.

Александр Блок 1980 — Александр Блок в воспоминаниях современников / сост. Вл. Орлов. М., 1980. Т. 1–2.

Альтман 1995 — *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. и подг. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; ст. и комм. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.

Амфитеатров и Иванов 1997 — А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / публ. Дж. Малмстада // Минувшее. СПб., 1997. № 22. С. 475–538.

Асоян 1990 — *Асоян А.А.* «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990.

Аничков 1903–1905 — *Аничков Е.В.* Весенняя песня на Западе и у славян. СПб., 1903–1905. Ч. 1–2.

Аничков 1913 — *Аничков Е.В.* Из прошлого калик перехожих // Живая старина. 1913. № 1/2. С. 185–200.

Аничков 1914 — *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914 (репринт: М., 2003).

Афанасьев 1865–1869 — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865. Т. 1; 1868. Т. 2; 1869. Т. 3 (репринт: М., 1994).

Афанасьев 1914 — Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / под ред. И.П. Кочергина. Казань, 1914.

Афанасьев 1922 — *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки и легенды. Берлин, 1922. Т. 1–2.

Афанасьев 1984–1985 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / изд. подг. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. М., 1984. Т. 1; 1985. Т. 2–3.

Афанасьев 1990 — Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / предисл., сост. и комм. В.С. Кузнецовой. Новосибирск, 1990.

Афанасин 2002 — *Афонасин Е.В.* «В начале было...» Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002. 386 с.

Багно 1991 — *Багно В.Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков. Л., 1991. С. 129–214.

Бакст 2012 — *Бакст Л.* Моя душа открыта. Кн. 1–2 / публ. Е. Теркель и А. Чернухиной. М., 2012.

Балашов 1988 — *Балашов Н.И.* Алоизиюс Бертран и рождение стихотворения в прозе // Бертран А. Гаспар из тьмы. М., 1988. С. 270–294.

Бартосик 2003 — *Бартосик Г.* Богородица в богослужении Востока и Запада / пер. с пол. К. Войцеля. М., 2003.

Баталин 1876 — *Баталин Н.И.* Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876.

Белова 2000 — *Белова О.В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2000.

Белый — Блок 2001 — *Андрей Белый* и *Александр Блок*: Переписка, 1903–1919 / публ. А.В. Лаврова. М., 2001. 608 с.

Белый — Петровский 2007 — *Андрей Белый, Алексей Петровский*. Переписка. 1902–1932 / публ. Дж. Малмстада. М., 2007.

Бёрд 2009 — *Бёрд Р.* Символ и печать у Вяч. Иванова // Memento vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 231–244.

Беседа 1929 — Беседа Преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым, о цели христианской жизни. Белая Церковь (Королевство СХС), 1929.

Бидерманн 1996 — *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / пер. с нем. М., 1996.

Благова — Цейтлин 1999 — *Благова Э., Цейтлин Р.М., Геродес С.* и др. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). 2-е изд., стереотип. М., 1999.

БЛДР 1997–2014 — Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко: В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1; 1999. Т. 2; 1999. Т. 3; 1997. Т. 4; 1997. Т. 5; 1999. Т. 6; 1999. Т. 7; 2003. Т. 8; 2000. Т. 9; 2000. Т. 10; 2001. Т. 11; 2013. Т. 12; 2005. Т. 13; 2006. Т. 14; 2006. Т. 15; 2010. Т. 16; 2013. Т. 17; 2014. Т. 18.

Блок 1960–1963 — *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. Т. 1; 1960. Т. 2; 1960. Т. 3; 1961. Т. 4; 1962. Т. 5; 1962. Т. 6; 1963. Т. 7; 1963. Т. 8.

Блок 1965 — *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / публ. Вл. Орлова. М., 1965.

Блок 1981 — *Блок А.* Театр / вступ. ст., сост. и примеч. П.П. Громова. Л., 1981.

Блок 1997– — *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1997–. На момент сдачи наст. изд. в печать вышли т. 1–3, 4, 6 кн. 1, 7, 8.

БвНП 1982 — Блок в неизданной переписке и дневниках современников. 1898–1921 / публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3 (Александр Блок. Новые материалы и исследования). М., 1982.

Бобров 2008 — *Бобров А.Г.* «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 264–292.

Богомолов 1999 — *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.

Богомолов 2009 — *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1905 годах: Документальные хроники. М., 2009.

Богомолов 2011 — *Богомолов Н.А.* Из башенной жизни 1908–1910 годов // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 64–82.

Бонгард-Левин 2008 — *Бонгард-Левин Г.М.* Индия и индологи в жизни и творчестве Вяч. Иванова // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. 5. С. 201–215.

Брюсов 1990 — *Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М., 1990.

Брюсова 2006 — *Брюсова В.Г.* София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006.

Бунин 1967 — *Бунин И.А.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1967. Т. 8.

Буслаев 1917 — *Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. Для средних учебных заведений. 13-е изд. М., 1917.

Вагнер 1910а — *Вагнер Р.* Золото Рейна. М., 1910.

Вагнер 1910б — *Вагнер Р.* Парсифаль: Драма-мистерия в 3-х актах / пер. В. Коломийцова. М., 1910.

Вагнер 1911 — *Вагнер Р.* Валкирия / пер. В. Коломийцова. М., 1911.

Вагнер 1912 — *Вагнер Р.* Закат богов / пер. В. Коломийцова. М., 1912.

Вагнер 2001 — *Вагнер Р.* Зигфрид // Вагнер Р. Кольцо нибелунга: Избранные работы. М.; СПб., 2001. 797 с.

Варенцов 1860 — *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.

Вахтель 1993 — «Русский Фауст» Вячеслава Иванова / публ. М. Вахтеля // Минувшее. Истор. альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 265–273.

Вениамин 1999 — *Вениамин*, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1999 (репринт издания 1908 г.).

Венцлова 1988 — *Венцлова Т.* О мифотворчестве Вячеслава Иванова: «Повесть о Светомире царевиче» // Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo. Florence, 1988. С. 27–43.

Венцлова 2012 — *Венцлова Т.* О мифотворчестве Вячеслава Иванова в «Повести о Светомире царевиче» // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012. С. 87–105.

Верещагин 2006 — *Верещагин Е.М.* «Повесть о Светомире» Вячеслава Иванова в прочтении рассказной погласицей // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 101–117.

Веселовский 1884 — *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. СПб., 1884. Вып. 2.

Веселовский 2009 — *Веселовский А.Н.* Избранное: Традиционная духовная культура. М., 2009.

Вехи 1991 — Вехи. Из глубины. М., 1991.

Взыскующие града 1997 — Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / публ. В.И. Кейдана. М., 1997.

ВИАМИ 1999 — Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М., 1999.

Вилинбахов — Вилинбахова 1995 — *Вилинбахов Г.В.*, *Вилинбахова Т.Б.* Святой Георгий Победоносец (Образ святого Георгия Победоносца в России). СПб., 1995.

Волошин 2003 — *Волошин М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926.

Гаспаров 1994 — *Гаспаров М.Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в поэтической академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 89–105.

Гей 1996 — *Гей Н.К.* Имя в русском космосе Вячеслава Иванова («Повесть о Светомире царевиче») // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 192–208.

Гей 2003 — *Гей Н.К.* Именное поле «Повести о Светомире» Вячеслава Иванова // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 1. Литературное произведение и художественный процесс. М., 2003. С. 211–260.

Геродот 2007 — *Геродот.* История / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М., 2007.

Гильфердинг 1949–1951 — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1; 1950. Т. 2; 1951. Т. 3.

Гомер 2008 — *Гомер.* Илиада / пер. с древнегреч. Н. Гнедича. 2-е изд. М., 2008. (Литературные памятники).

Гондецкий 2005 — *Гондецкий С.*, архиепископ. Писания Иоанна / пер. с пол. М. Касьяненко. М., 2005.

Горелов 2004 — *Горелов Н.* Обретение неведомого царства // Послания из вымышленного царства. СПб., 2004. С. 7–14.

Грек 2001 — *Грек А.* Об архаичной поэтике текста «Послания Иоанна Пресвитера Владарю царю тайного» из «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 185–197.

Грек 2004 — *Грек А.* Поэтический язык Вячеслава Иванова. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Громов 2002 — *Громов М.Н.* Софийные мотивы в творчестве Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 25–30.

Громов 2008 — *Громов М.* Премудростное дивное сказанье // Символ. Париж; М., 2008. № 53/54. С. 276–283.

Даль 1880–1882 — Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля: В 4 т. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.; М., 1880. Т. 1; 1881. Т. 2; 1882. Т. 3; 1882. Т. 4 (репринт: М., 2002).

Даль 1904 — Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. СПб., 1904. Т. 1–4.

Данте 1898 — *Данте Алигиери.* Божественной комедии часть вторая: Чистилище / пер. М.А. Горбова. М., 1898.

Данте 1968 — *Данте Алигьери.* Малые произведения / изд. подг. И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968.

Данте 2009 — *Данте Алигьери.* Божественная комедия / пер. с итал. Д. Минаева; соврем. поэтич. ред. И. Евсы; примеч. Т. Шеховцовой. М., 2009.

Дебольский 2008 — *Дебольский Г.С.*, протоиерей. Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Киев, 2008 (репринт издания: СПб., 1894).

ДПФ 1997 — Детский поэтический фольклор: Антология / сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997.

Дешарт 1971 — *Дешарт О.А.* Введение // Иванов Вяч.И. Собрание сочинений: под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 7–226.

Деяния 1946 — Деяния св. апостолов. Послания св. апостолов. Откровения св. Иоанна. Рим, 1946.

ДЗ Шварсалон 2009 — Дневниковые записи и воспоминания В.К. Шварсалон о последних днях и смерти матери // Богомолов Н.А. Вячеслав

Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 249–274.

Дневник ВИ 1971–1987 — Дневник Вячеслава Иванова // Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971–1987. Т. 2. С. 744–754, 771–807; Т. 3. С. 850–853.

Дневник Замятниной 2009 — Дневник М.М. Замятниной // Вячеслав Иванов – Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка. 1894–1903. М., 2009. Т. 2. С. 441–448.

Дневник Каблукова 1909 — Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909 / публ. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 178–342.

Дневник Шварсалон 1909 — Дневник В.К. Шварсалон лета 1909 года // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 319–334.

Добровольский 1891 — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1 (Записки Русского географического общества. Т. 20).

Добужинский 1987 — *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987. 477 с.

Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т.1; 1972. Т.2; 1972. Т. 3; 1972. Т. 4; 1973. Т. 5; 1973. Т. 6; 1973. Т. 7; 1973. Т. 8; 1974. Т. 9; 1974. Т. 10; 1974. Т. 11; 1975. Т. 12; 1975. Т. 13; 1976. Т. 14; 1976. Т. 15; 1976. Т. 16; 1976. Т. 17; 1978. Т. 18; 1979. Т. 19; 1980. Т. 20; 1980. Т. 21; 1981. Т. 22; 1981. Т. 23; 1982. Т. 24; 1983. Т. 25; 1984. Т. 26; 1984. Т. 27; 1985. Т. 28.1; 1985. Т. 28.2; 1986. Т. 29.1; 1986. Т. 29.2; 1988. Т. 30.1; 1990. Т. 30.2.

Доценко 1986 — *Доценко С.Н.* Об одной фольклорной традиции в творчестве В. Иванова // Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам СНО. Русская литература. Тарту, 1986. С. 36–39.

Доценко 1988 — *Доценко С.Н.* Сюжет змееборчества у Вяч. Иванова и Городецкого // Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам СНО. Русская литература. Тарту, 1988. С. 36–38.

Доценко 1996 — *Доценко С.Н.* Легенда о Серафиме Саровском в творчестве Вяч. Иванова // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Т. 41. С. 97–109.

Доценко 2006 — *Доценко С.Н.* О фольклорных источниках стихотворения

Вячеслава Иванова «ΡΟΣΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ NIKOLAOY» // Русская литература. 2006. № 3. С. 108–114.

Дурылин 1913 — *Дурылин С.Н.* Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства. М., 1913.

Дюмулен 2006 — *Дюмулен П.* Евангелие от Иоанна. Комментарий. М., 2006.

Епифаний Премудрый 1995 — [*Епифаний Премудрый*]. Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления / ред.-изд. Г.М. Прохоров. СПб., 1995. С. 50–263.

Ершов 1986 — *Ершов П.П.* Конёк-горбунок / послесл. В.П. Аникина. М., 1986. 143 с.

Жданов 1895 — *Жданов И.Н.* Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895 (репринт: М., 2011).

Жития 1904 — Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1904. Кн. 2.

Записные книжки 1996 — Записные книжки // Герцык Е. Воспоминания / публ. Т.Н. Жуковской. М., 1996. С. 185–256.

Зелинский 1996 — *Зелинский Ф.Ф.* Елена Прекрасная // Соперники христианства. М., 1996. С. 132–158.

Иван Пересветов 1984 — *Иван Пересветов.* Малая челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 597–601.

Иванов 1909 — *Иванов Вяч.* По Звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909.

Иванов 1916 — *Иванов Вяч.И.* Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916.

Иванов 1917 — *Иванов Вяч.И.* Родное и вселенское: Статьи (1914–1916). М., 1917.

Иванов 1923 — *Иванов Вяч.И.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

Иванов 1939 — *Иванов В.* Человек. Париж, 1939 (репринт: М., 2006).

Иванов 1971–1987 — *Иванов Вяч.* Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971. Т. 1; 1974. Т. 2; 1979. Т. 3; 1987. Т. 4.

Иванов 1979 — *Иванов Д.* О.А. Шор – О. Дешарт // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 688–693.

Иванов 1987а — *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1987. Т. 4.

Иванов 1987б — *Иванов В.И.* Роман в стихах // Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1987. Т. 4.

Иванов 1989 — *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога. Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве / публ. Н.В. Котрелева // Эсхил. Трагедии: В переводе Вячеслава Иванова / изд. подг. Н.И. Балашов, Д.В. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо. М., 1989. С. 351–450. (Литературные памятники).

Иванов 1994а — *Иванов Вяч.И.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.

Иванов 1994б — *Иванов В.И.* Две стихии в современном символизме // Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994.

Иванов 1994в — *Иванов В.И.* Спорады // Иванов В.И. Родное и вселенское. М. 1994. С. 73–91.

Иванов 1995а — *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирчего; вступ. ст. А.Е. Барзаха. СПб., 1995. (Новая 6-ка поэта).

Иванов 1995б — *Иванов Вяч.* Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл., примеч. С.С. Аверинцева. М., 1995.

Иванов 1997 — *Вячеслав Иванов.* Curriculum vitae. (Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова) / публ. Н.В. Котрелева // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение: Материалы науч.-тематич. конференции в г. Судаке 18–20 сентября 1996 года. М.; Судак, 1997. С. 186–195.

Иванов 2004 — *Иванов Вяч.* Письма о русской поэзии // *Герцык А.* Из круга женского. Стихотворения. Эссе. М., 2004. С. 508–509.

Иванов 2006 — *Иванов В.* Человек. Приложение. Статьи и материалы / сост. А.Б. Шишкин. М., 2006.

Иванов 2008а — *Иванов Вяч.* Несобранное и неизданное // Символ: журнал христианской культуры. Париж; М., 2008. № 53–54.

Иванов 2008б — *Иванов Вяч.* Из последних стихотворений Вяч. Иванова / подгот. текста О. Фетисенко // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 309–314.

Иванов 2008в — *Иванов Вяч.* Послание Иоанна Пресвитера / подгот. текста, коммент. и прил. О. Фетисенко; предисл. М. Громова // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 276–309.

Иванов 2009 — *Иванов Вяч.* ANIMA / пер. С.Л. Франка; подг. текста, предисл., примеч., коммент. и исследование С.Д. Титаренко; посл. К.Г. Исупова. СПб., 2009.

Иванов 2011 — *Иванов Вяч.* Ave Roma / сост., автор статьи А.Б. Шишкин; пер. на англ. яз. Л. Нельсон, на итал. яз. Д. Дж. Муредду. СПб., 2011.

Иванов — Венгеров 1993 — Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / публикация О.А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 90–91.

Иванов — Гершензон 2006 — *Иванов Вяч., Гершензон М.* Переписка из двух углов / подг. текста, примеч., ист.-лит. комм. и исслед. Роберта Бёрда. М., 2006.

Иванов — Голенищев-Кутузов 1989 — Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова / публ. А.Б. Шишкина // Europa Orientalis. 1989. Т. 8.

Иванов — Зиновьева-Аннибал 2009 — *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка: 1894–1903 / подг. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. ст. М. Вахтеля и Н.А. Богомолова; комм. Н.А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д.О. Солодкой. М., 2009. Т. 1–2.

Иванов — Шор 2001 — Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор / предисл. А.А. Кондюриной; публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Archivio italo-russo = Русско-итальянский архив / A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno, 2001. Т. 3. С. 151–455. (Europa orientalis; Т. 3).

Иванова 1992 — *Иванова Л.В.* Воспоминания: Кн. об отце / подг. текста, [предисл.] и комм. Д. Малмстада. М., 1992.

Иванова 2002а — *Иванова Л.Н.* Римский архив Вячеслава Иванова. [Ч. 1] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 296–340.

Иванова 2002б — *Иванова Л.Н.* Вячеслав Иванов. Литературный портрет Т.Л. Сухотиной-Толстой (незавершенные варианты) // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика: Сб. статей и материалов. СПб., 2002. С. 38–46.

Иванова 2003 — *Иванова Л.Н.* Вячеслав Иванов: Неотправленное письмо // Вяч. Иванов – Петербург – Мировая культура: Материалы

	международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003. С. 254–267.
Иваск 1988	*Иваск Ю.* Рай Вячеслава Иванова // Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo. Florence, 1988. P. 53–58.
Игошева 2010	*Игошева Т.В.* Богородичная тема в поэтическом творчестве Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 84–98.
Из переписки 1990	Из переписки В.И. Иванова с А.Д. Скалдиным / публ. М. Вахтеля // Минувшее. Париж, 1990. № 10. С. 121–141.
Избранная переписка 2008	Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) / вступ. ст. Ф. Лесур; подг. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко; комм. С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 460–631.
Из писем 1996	Из писем к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Н.А. и Л.Ю. Бердяевых / публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 119–144.
Из последних 2008	Из последних стихотворений Вяч. Иванова / подг. текста О. Фетисенко // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 309–312.
Из ранней прозы 2011	Из ранней прозы Вячеслава Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888–1890-х гг.) / публ. С.Д. Титаренко // Русская литература. 2011. № 4. С. 38–44.
Ириней Лионский 1900	Сочинения святого Иринея, епископа Лионского / пер. П. Преображенского. СПб., 1900 (репринт: М., 1996).
Искржицкая 2003	*Искржицкая И.Ю.* Концепция славянской культуры в творчестве Вяч. Иванова // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2003. С. 222–229.
Истоки 1996	Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография. Assisi, 1996.
Историческая песнь 1995	Историческая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие // ЭСПИ 1995/1: 9–16 (воспроизведен текст издания этого произведения, вышедший в Москве в 1800 году).
История и поэзия 2006	История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / публ. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М., 2006.
Истрин 1893	*Истрин В.М.* Сказание о Индейском царстве. М., 1893.
Кадлубовский 1915	*Кадлубовский А.П.* К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе // Рус. филол. вестник. 1915. № 2. С. 224–248.
Каравашкин 2011	*Каравашкин А.* Литературный обычай Древней Руси. М., 2011.
Карташев 1928	*Карташев А.В.* Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Париж, 1928. Вып. 1. С. 134–156 (Труды Православного богословского института).
Карташев 1994	*Карташев А.В.* Вселенские соборы. М., 1994.
Кириллин 2007	*Кириллин В.М.* Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007.
Кирпичников 1879	*Кирпичников А.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.
Кирша 1977	Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подг. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. (Литературные памятники).
Климов 1972	*Климов А.* Вяч. Иванов в Италии (1924–1939) // Русская литература в эмиграции: сб. статей / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 151–165.
Клингер 1911	*Клингер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.
Клюев 1999	*Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подг. текста и примеч. В.П. Гаранина. СПб., 1999.
Корш 1897	*Корш Ф.* О русском народном стихосложении. СПб., 1897. Вып. 1.
Корш 1909	*Корш Ф.* Слово о полку Игореве. Исследование и текст. СПб., 1909.
Котрелев 1968	*Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Тарту, 1968 (Ученые зап. Тартуского университета. Вып. 209). С. 326–339.
Котрелев 1982	*Котрелев Н.В.* Из переписки Александра Блока с Вяч.

Ивановым // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1982. Т. 41. № 2. С. 163–176.

Кошемчук 2006 — *Кошемчук Т.А.* Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. 638 с.

Крыжин 1869 — *Крыжин А.П.* Опыт исследования скопческой секты в Симбирской губернии // Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1869. Т. 1.

Кузмин 2000 — *Кузмин М.* Дневник. 1905–1907 / публ. Н. Богомолова и С. Шумихина. СПб., 2000.

Кузмин 2005 — *Кузмин М.* Дневник. 1908–1915 / публ. Н. Богомолова и С. Шумихина. СПб., 2005.

Лаппо-Данилевский 2011 — *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты исследования. СПб., 2011. С. 96–109.

Лермонтов 1954 — *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 2.

Летопись 1897 — Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.

Линдгрен 1990 — *Линдгрен Н.* Символ матери-земли у Вячеслава Иванова и Достоевского // Canadian-American Slavic studies = Rev. canad. d'études slaves. Irvine (Cal.), 1990. Vol. 24. № 3. С. 311–322.

ЛН 1982 — Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3 (Александр Блок. Новые материалы и исследования). М., 1982.

Лосев 1968 — *Лосев А.Ф.* Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем (в связи с анализом его тетралогии «Кольцо нибелунга») // Вопросы эстетики. 1968. Вып. 8.

Ляцкий 1912 — Стихи духовные: Словеса золотыя / вступ. ст. Е.А. Ляцкого; тексты избрал Е.А. Ляцкий при участии Н.С. Платоновой. СПб., 1912.

Магомедова 2005 — *Магомедова Д.М.* Символизм и тоталитаризм: От «всенародного искусства» к тоталитарной модели // Контрапункт: Книга статей памяти Г.А. Белой. М., 2005. С. 285–292.

Магомедова — Тамарченко 1998 — *Магомедова Д.М., Тамарченко Н.Д.* «Сверхтекст» и «сверхдеталь» в русской и западной культуре // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 24–28.

Майков 1977 — *Майков А.Н.* Избранные произведения / сост., подг. текста и примеч. Л.С. Гейро. Л., 1977.

Майков 1992 — Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова / послесл., примеч. и подг. текста А.К. Байбурина. СПб.; Париж, 1992.

Маковский 1955 — *Маковский С.К.* Вячеслав Иванов // Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 269–310.

Маковский 1993 — *Маковский С.К.* Вяч. Иванов в России // Воспоминания о Серебряном веке / сост. В. Крейд. М., 1993.

Малицкий 1915 — *Малицкий Г.* Св. Георгий в облике старца в русской народной легенде и сказке // Беседы. Сборник Общества литературы в Москве. М., 1915. Т. 1. С. 144–179.

Мандельштам 1990 — *Мандельштам О.* Камень. Л., 1990. (Литературные памятники).

Мережковский 1914 — *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 11.

Мережковский — Иванов 1999 — Переписка Д.С. Мережковского с Вяч.И. Ивановым / публ. и коммент. М. Цимборской-Лебоды и Н.А. Богомолова // Studia Rossica VII: W kraju i na obczyźne: Literatura rossyjska XX w. Warzsawa, 1999. S. 81–92.

Микушевич 2002 — *Микушевич В.Б.* Софиократия по Вяч. Иванову // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 19–24.

Миллер 1871 — *Миллер О.Ф.* О славянских народных песнях // Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей / под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1871. С. 23–32.

Миллиор 1995 — *Миллиор Е.А.* Беседы философские и нефилософские // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск. Ижевск, 1995.

МНМ 1980–1982 — Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980–1982. Т. 1–2.

Мыльникова 1985 — *Мыльникова И.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 88–119.

Нидерле 1924 — *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага, 1924.

Никольский 1909 — *Никольский Н.* Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909.

Нильссон 1993 — *Нильссон Н.О.* Русский импрессионизм: стиль «короткой

строки» // Русская новелла. Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 220–234.

Ницше 2007 — *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2007. Т. 4.

Новалис 2003 — *Новалис.* Генрих фон Офтердинген / изд. подг. В.Б. Микушевич. М., 2003. (Литературные памятники).

Новозавет 2001 — Новозавет. Апокрифы. СПб., 2001.

О прозе 2013 — «О прозе для “Современных записок” обещаю серьезно подумать. А покамест все угощаю Вас стихами»: В.И. Иванов / публ. А.Б. Шишкина // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2013. Т. 3. С. 935–988.

Обатнин 1994 — *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29–51.

Обатнин 2000 — *Обатнин Г.В.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000.

Обатнин 2001 — *Обатнин Г.В.* Об одной проблеме подготовки академического собрания Вяч. Иванова // Русский модернизм: Проблемы текстологии. СПб., 2001. С. 201–208.

Обатнин 2002 — *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. 21. № 2. С. 261–343.

Обер – Гфеллер 1999 — *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым: С предисловием Жоржа Нива / пер. с франц. Е. Баевской и М. Яснова. СПб., 1999.

Общение святых 2007 — Общение святых // Католическая энциклопедия. Т. 3. М–П. М., 2007.

Олесницкий 1872 — *Олесницкий А.А.* Ритм и метр ветхозаветной поэзии // Труды Киевской духовной академии. 1872. Т. 3. № 10. С. 242–294; № 11. 403–472; № 12. С. 501–592.

Оперные либретто 2009 — Оперные либретто: Краткое изложение содержания опер. М., 2009.

Орлицкий 1992 — *Орлицкий Ю.Б.* Стихотворение И.А. Бунина «Потерянный рай»: Ритмическая природа, истоки и окружение // И.А. Бунин: Диалог с миром. Воронеж, 1992. С. 101–108.

Орлицкий 1997 — *Орлицкий Ю.Б.* Традиции духовного стиха в русской литературе Серебряного века // Христианское миссионерство как феномен истории культуры. Пермь, 1997. С. 274–283.

Орлицкий 2002 — *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М., 2002.

Орлицкий 2012 — *Орлицкий Ю.Б.* Соотношение стиха и прозы в истории русского художественного перевода // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2012. С. 261–271.

Орлов 1902 — *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.

Павлов 1878 — *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

Павлова 2004 — *Павлова Л.В.* У каждого за плечами звери: Символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск, 2004.

Памятники 1897 — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3.

Памятники 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981.

Памятники 1984 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.

Памятники 1994 — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1994. Кн. 3.

Переписка 1990 — Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.

Переписка 1993 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1993. (Литературные памятники).

Переписка1999 — Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / публ. игумена Андроника (А.С. Трубачева), Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 93–120.

Переписка 2008а — Переписка [Вяч. Иванова] с Е.Д. Шором / публ. Д. Сегал и Н. Сегал (Рудник) // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 338–403.

Переписка 2008б — Переписка [Вяч. Иванова] с Ф.А. Степуном / публ. К. Хуфена и А.Б. Шишкина // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 404–420.

Переписка 2008в — Переписка [Вяч. Иванова] с С.Л. Франком / публ. Дим. Иванова и А.Б. Шишкина // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 438–459.

Песни 1878 — Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 3. Изд. 2-е. М., 1878.

Песни 1912 — Песни русских сектантов-мистиков / сб., сост. Т.С. Рождественский, Т.С. Успенский. СПб., 1912 (Записки РГО по Отд-нию этнографии; Т. 35).

Песни 1989 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1.

Петерсон — Балобанова 1896 — *Петерсон О., Балобанова Е.* Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов. СПб., 1896. Т. 2.

Петрова 1987 — *Петрова Л.А.* К вопросу об истоках рукописной традиции цикла стихов о Варлааме и Иоасафе // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 39–51.

Пиккио 2003 — *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.

Письма Блока 1927 — Письма Александра Блока к родным / предисл. и примеч. М.А. Бекетовой. Л., 1927.

Письма 2002 — Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238–295.

ПКП 1970 — Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970.

Плутарх 1994 — *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1–2.

Плутарх 2006 — *Плутарх.* Исида и Осирис / пер. Н.Н. Трухиной. М., 2006.

Повесть 1996 — Повесть временных лет / подг. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. (Литературные памятники).

Повесть 1999 — Повесть о Варлааме и Иоасафе / подг. текста, пер. и комм. И.Н. Лебедевой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 2. С. 360–387.

Поджи 2008 — *Поджи В.* Иванов в Риме // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 643–702.

Подосинов 2000 — *Подосинов А.В.* Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М., 2000.

Покровский 2001 — *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии. М., 2001.

Полянский 1968 — *Полянский Н.Н.* О структуре стиха Сен-Жон Перса // Филологические науки. 1968. № 1.

Попов 1869 — *Попов А.Н.* Изборник русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869.

Послания 2004 — Послания из вымышленного царства / пер. с др.-греч., ст.-фр.; пер. с лат., сост., вступ. ст. Н. Горелова. СПб., 2004.

Поэзия славян 1871 — Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей / под ред. Н.В. Гербеля. СПб., 1871.

Православная энциклопедия 2000 — Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1; 2005. Т. 10.

Приложение 2011 — Приложение: Иванов Вяч. Прозаические этюды / публ. и коммент. С.Д. Титаренко // Русская литература. 2011. № 4. С. 45–51.

Пришвин 2007 — *Пришвин М.М.* Дневники. Ранний дневник. 1905–1913. СПб., 2007.

Псалтирь 1950 — Псалтирь на славянском и русском языках. Рим, 1950.

ПСРЛ 2000 — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.

Пушкин 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 1; 1977. Т. 2; 1977. Т. 3; 1977. Т. 4; 1978. Т. 5; 1978. Т. 6; 1978. Т. 7; 1978. Т. 8; 1979. Т. 9; 1979. Т. 10.

Пушкин 2009 — *Пушкин А.С.* Драматические произведения // Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7.

РИА 1997 — Русско-итальянский архив / сост. Д. Рицци, А.Б. Шишкин. Trento, 1997. 625 с.

РИА 2001 — Русско-итальянский архив III. Вяч. Иванов. Новые материалы / сост. Д. Рицци, А.Б. Шишкин. Салерно, 2001. 574 с.

Рицци 1993 — *Рицци Д.* Рихард Вагнер в русском символизме // Серебряный век в России. М., 1993. С. 117–136.

Родник 1990 — Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990.

Рождественский 1910 — *Рождественский Т.С.* Памятники старообрядческой поэзии. М., 1910 (Записки Императорского Московского археологического института. 1910. Т. 6).

Русские заговоры 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и комм. А.Л. Топоркова. М., 2010.

Сабашникова 1913 — *Сабашникова М.В.* Святой Серафим. М., 1913.

Сага о вольсунгах 1934 — Сага о вольсунгах / пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л., 1934.

Сазонова 2012 — *Сазонова Л.И.* Память культуры: Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012.

СББ 1990 — Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура, Ж. Люпласи и др.; пер. с 2-го франц. изд. Брюссель, 1990.

Сендерович 2002 — *Сендерович С.* Георгий Победоносец в русской культуре: Страницы истории. 2-е изд., перераб. М., 2002.

Силард 1973 — *Силард Л.* О влиянии ритмики прозы Ф. Ницше на ритмику прозы А. Белого: «Так говорил Заратустра» и «Симфонии» // Studia Slavica. Budapest, 1973. Vol. 18.

Символ 2008 — Символ. Париж; М., 2008. № 53–54.

Сиповский 1908 — *Сиповский В.В.* Историческая хрестоматия по истории русской словесности. Том 1. Вып. 1: Народная словесность. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 1908.

СИС 1908 — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А.Н. Чудинова. Изд. 3-е. СПб., 1908.

Скабалланович 2004а — *Скабалланович М.* Рождество Пресвятой Богородицы. Киев, 2004.

Скабалланович 2004б — *Скабалланович М.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Киев, 2004.

Сказание 1898 — Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской Лавры иеросхимонаха Парфения. Киев, 1898.

Сказания 1904 — Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением пророчеств и прообразований, относящихся к Ней, учения Церкви о Ней, чудес и чудотворных икон Ея, на основании Священного писания, свидетельств Св. Отцев и церковных преданий. 8-е изд., испр. и доп. М., 1904 (репринт: М., 1990).

СКК 1988 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988.

СКК 1989 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989.

СКК 1998 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П–С. СПб., 1998.

Славянская мифология 1995 — Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.

Слово 1920 — Слово о полку Игореве. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: Сенатская типография, 1800: Снимок с 1-го изд. 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина, под ред. А.Ф. Малиновского / с прил. статьи М.Н. Сперанского и факс. рукописи А.Ф. Малиновского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1920.

Слово 1997 — Слово о погибели Русской земли / подг. текста, пер. и комм. Л.А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII в. М., 1997. С. 90–91.

Соловьев 1911 — *Соловьев В.* Россия и Вселенская церковь / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М., 1911.

Соловьев 1974 — *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л., 1974.

Соловьев 1991 — *Соловьев В.* Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Сперанский 1930 — *Сперанский М.Н.* Сказание об Индейском царстве // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 369–464.

Степун 1962 — *Степун Ф.А.* Встречи. Мюнхен, 1962.

Степун 2012 — *Степун Ф.А.* Мистическое мировидение: Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб., 2012.

Стойнич 1988 — *Стойнич М.* «Повесть о Светомире царевиче»: попытка определения жанра // Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. T. 2. Testi in russo. Florence, 1988. P. 155–162.

Стокер 2007 — *Стокер Б.* Граф Дракула, вампир: Романы, рассказы / пер. с англ. СПб., 2007.

Стояновский 2000 — *Стояновский М.Ю.* «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: Жанровое своеобразие // Вестн. Лит. ин-та им. А.М. Горького. М., 2000. № 1. С. 45–52.

СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская

сказка / сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

Тахо-Годи 2015 — *Тахо-Годи Е.А.* Образ царевича Светомира и его мифологические, агиографические, фольклорные и поэтические претексты // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т. 74. № 4. М., 2015. С. 35–46.

ТБ 2009 — Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина: В 7 т. 4-е изд. М., 2009. Т. 1–7.

Теннисон 1903 — *Теннисон А.* Королевские идиллии / пер. О.Н. Чюминой. СПб., 1903.

Титаренко 2006 — *Титаренко С.Д.* От архетипа — к мифу: Башня как символическая форма у Вяч. Иванова и К.Г. Юнга // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 235–277.

Титаренко 2007 — *Титаренко С.Д.* Автоматическое письмо у Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова: архетипы мистического сознания и традиции глоссолалии // Русская антропологическая школа. Труды, 4/1. М., 2007. С. 147–189.

Титаренко 2010 — *Титаренко С.Д.* Иконология «Повести о Светомире царевиче» (О связи мифологии и христианской религии в творчестве Вячеслава Иванова) // Христианство и русская литература: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. Сб. 6-й. СПб., 2010. С. 343–382.

Титаренко 2012 — *Титаренко С.Д.* «Фауст нашего века». Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012.

Титаренко — Шишкин 2013 — *Титаренко С.Д., Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванович Ива́нов (1866–1949) // Литература русского зарубежья (1920–1940). Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. Б.В. Аверин, Н.А. Карпов, С.Д. Титаренко. СПб., 2013. С. 413–453.

Тихонравов 1863 — *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 2.

Толстой 1940 — *Толстой Л.Н.* Война и мир. Том третий // Собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 12.

Толстой 1969 — *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969.

Толстой 1984 — *Толстой А.К.* Полн. собр. стихотворений / сост., подг. текста и примеч. Е.И. Прохорова: В 2 т. Л., 1984. Т. 1.

Топорков 2002 — *Топорков А.Л.* Фольклорные источники в «Повести о Светомире царевиче» В.И. Иванова // Europa Orientalis. 2002. № 2. С. 213–260.

Топорков 2004 — *Топорков А.Л.* Библейские цитаты в «Повести о Светомире царевиче» Вячеслава Иванова // Slavica Gardensia. 2004. T. 31. S. 157–166.

Топорков 2011а — *Топорков А.Л.* «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова и «Сказание о Мамаевом побоище» // Русская литература. 2011. № 4. С. 111–117.

Топорков 2011б — *Топорков А.Л.* Некоторые замечания по поводу переписки Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал // Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М., 2011. С. 397–408.

Топорков 2012 — *Топорков А.Л.* Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М., 2012.

Топорков 2013 — *Топорков А.Л.* Сюжет о Егории Храбром — волчьем пастыре в славянском фольклоре и русской литературе первой трети XX в. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 529–557.

Топорков 2014 — *Топорков А.Л.* Отзвуки Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова // Память литературного творчества. М., 2014. С. 519–536.

Топорков 2015 — *Топорков А.Л.* Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // Русская литература. 2015. № 1. С. 5–29.

Традиго 2010 — *Традиго А.* Иконы православной церкви. Образы. Сюжеты. Символы / пер. с итал. М., 2010.

Требник 2003 — Требник монашеский. М., 2003.

Трепавлов 2007 — *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

Триодь 2002 — Триодь цветная. М., 2002.

Троицкий 2002 — *Троицкий В.П.* «Парерга и паралипомена» (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» — публикация, комментарий и размышления) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 203–226.

Ушаков 2000 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 3.

Фаминцын 1995 — *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. СПб., 1995.

Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 1–4.

Федотов 1991 — *Федотов Г.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

Фетисенко 2008 — *Фетисенко О.Л.* Краткие замечания к публикации «Послания Иоанна Пресвитера» // Символ. Париж; М., 2008. № 53–54. С. 281–283.

Фидлер 2008 — *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов / публ. К.М. Азадовского. М., 2008.

Флоренский 1914 — *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914 (репринт: М., 1990).

Франко 1906 — *Франко І.* Апокріфи і легенди з українських рукописів. Львів, 1906. Т. 4.

Фрейд 1913 — *Фрейд З.* Толкование сновидений / пер. с нем. М., 1913.

Ханзен-Лёве 2003 — *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических образов. Мифопоэтический символизм начала XX века. Космическая символика / пер. с нем. М.Ю. Некрасова. М., 2003.

Ходасевич 1989 — *Ходасевич Вл.* Стихотворения. Л., 1989 («Библиотека поэта. Большая серия»).

«Хронологическая канва» — Краткая хроника событий 1866–1913, составленная Вяч. Ивановым // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 109. Оп. 8. Ед. хр. 17. Л. 1.

Цветочки 1913 — Цветочки святого Франциска Ассизского / пер. А.П. Печковского; вступ. ст. С.Н. Дурылина. М., 1913.

Чичагов 2009 — Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожденной А.С. Мельгуновой / сост. Архимандрит Серафим (Чичагов). Нижний Новгород, 2009.

Чуковская 1997 — *Лидия Чуковская.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1–3. М., 1997.

Шамбинаго 1906 — *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Шейн 1877 — *Шейн П.В.* Русские народные песни. Песни былевые. М., 1877.

Шишкин 1988 — *Шишкин А.Б.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вяч. Иванов – Петербург – мировая культура. Томск; М., 2003. С. 160–178.

Шишкин 1997 — *Шишкин А.Б.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив II. Салерно, 1997. С. 503–528 (Collana di Europa Orientalis a cura di Mario Capaldo e Antonella d'Amelia consulenti scientifici del volume Aleksandr Lavrov e Michael Wachtel).

Шляпкин 1915 — *Шляпкин И.А.* Немецкое зло // «Немецкое зло»: Сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней» Германией. Выпуск первый. М., 1915. С. 5–14.

Шохин 1988 — *Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.). М., 1988.

Штейнер 1905 — *Штейнер Р.* Рихард Вагнер в свете духовной науки. Парсифаль и Лоэнгрин // URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-219064.html?page=2; дата обращения: 10.10.2014.

Штейнер 1997 — *Штейнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии. Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века / сост., ред. и комм. С.В. Казачкова и Т.Л. Стрижак. М., 1997.

ЭСБЕ 1890–1907 — Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона: В 86 т. СПб., 1895. Т. 27; 1896. Т. 34; 1898. Т. 50.

ЭСПИ 1995 — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1–5.

Banerjee 1978 — *Banerjee M.* The Narrator and his Masks in Viacheslav Ivanov's «Tale of Tsarevich Svetomir» // Canadian-American Slavic Studies. 1978. V. 12. № 2 (Summer). P. 274–282.

Bartlett 1995 — *Bartlett R.* Wagner and Russia. Cambrige: Cambridge Univ. press, 1995.

Bird 2006 — *Bird R.* The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov. [Madison:] The University of Wisconsin Press, [2006].

Cymborska-Leboda 1997 — *Cymborska-Leboda M.* Twórczość w kręgu mitu: Myśl estetyczno-filozoficzna I poetyka gatunków dramatycznych symbolistów rosyjskich. Lublin, 1997.

Dudek 1993 — *Dudek A.* Поэтическая мариология Вячеслава Иванова // Studia litteraria polono-slavica. Warszawa, 1993. № 1. С. 41–52.

Glatzer-Rosenthal 1984 — *Glatzer-Rosenthal B.* Wagner and Wagnerian Ideas in Russia // Wagnerism in European Culture and Politics / ed. D. Large and W. Weber. Cornell University Press, 1984. P. 198–245.

Ivanow 1937 — *Ivanow W.* Vom Igorlied // Corona. 1937. № 6. S. 661–669.

Łužny 1988 — *Łužny R.* Wiaczeslawa Iwanowa pieśn o Świetej Rusi // W drodze (Poznan). 1988. № 8 (180). S. 28–31.

Łužny 1989 — *Łužny R.* Wiaczesław Iwanow — jakiego nie znamy // Slavia Orientalis. 1989. T. 38. № 1/2. S. 159–176.

Łužny 1997 — *Łužny R.* Świat chrześcijścijańkiego Wschodu i Zachodu w Wiaczesława Iwanowa Opowieści o carewiczu Światomirze // Sacrum w literaturach słowiańskich. Lublin, 1997. S. 227–244.

NPE 1993 — The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, 1993.

Roncalli 2002 — *Roncalli M.* Giuseppe di Luca e V. Ivanov. L'incontro di due anime e alcune lettere inedite // Europa Orientalis. 2002. № 2. P. 19–60.

Sulpasso 2008 — *Sulpasso B.* Dalla corrispondenza di Vjačeslav Ivanov con gli slavisti italiani // Europa Orientalis. 2008. № 27. P. 291–316.

Terras 1988 — *Terras V.* «Povest' o Svetomire Carevice». Some Stylistic and Structural Observation // Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. T. 2. Testi in italiano, francese, inglesc. Florence, 1988. P. 225–230.

Wachtel 1995 — Ivanov Vjačeslav. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass / Hrsg. von Michael Wachtel. Meinz, 1995.

Woźniak 1988 — *Woźniak A.* Wiaczeslaw Iwanow i jego stylizacje ludowe // Slavia Orientalis. 1988. T. 37. № 1. S. 111–123.

Zarncke 1879–1883 — *Zarncke F.* Der Presbyter Johannes // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1879. Bd. 7. S. 827–1039 (Abhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 17); Ibid. 1883. Bd. 8. S. 1–186 (Abhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 19).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

[]	зачеркнутый текст
<>	конъектуры; слова, вводимые в текст редактором
< >	лакуны
<?>	сопровождает слова, чтение которых предположительно
{ }	вставка; вписано над строкой или между строк
[{ }]	зачеркнутая вставка
/	разграничение вариантов (напр., в случае изменения порядка слов или исправлений окончаний слов, приставок и т. п.)
[] / { }	вписано над зачеркнутым

Помета «*было*» означает: было до авторской правки.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На обороте надпись:

«Вячеславу Ивановичу Иванову. Учителю моему и Крестителю, благородному вожатому в Дельфы и Эммаус, на память о незабвенных мигах и годах, проведенных вместе под знаками Эллады и Вечности. Моисей Альтман. Баку, 7 мая 1922 г.».

Ил. 32. *Слева направо*: Вяч. Иванов, Л.В. Иванова, Д.В. Иванов. Фотография. Рим, середина 1920-х годов. РАИ (Рим).

Ил. 33. *Слева направо*: Ф.Ф. Зелинский, Вяч. Иванов и Д.В. Иванов. Фотография. 1920-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 34. Вяч. Иванов. Фотография. Баку, 1920-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 35. Вяч. Иванов и о. Л. Рибольди. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 36. Вяч. Иванов и о. Р. Нашимбене, ректор колледжио Борромео. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 37. Вяч. Иванов и Ф.Ф. Зелинский в колледжио Борромео. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 38. Вяч. Иванов со студентами колледжио Борромео. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 39. Цистерцианский монастырь, фасад. Фотография. Павия, 1930-е годы. Открытка из личного архива Вяч. Иванова. РАИ (Рим).

Ил. 40. Решетка колледжо Борромео, с девизом «Humilitas» (*лат.* «Смирение») под изображением герба Борромео. Фотография. Павия, 2000–2010-е годы.

Ил. 41. Понте Коперто на реке Тичино. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 42. Вяч. Иванов со студентами колледжио Борромео. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 43. Вяч. Иванов в колледжио Борромео. Фотография. Павия, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 44. Вяч. Иванов (*третий справа в первом ряду*) в Папском восточном институте. Фотография. Рим, вторая половина 1930-х годов. РАИ (Рим).

Ил. 45. Габриэль Марсель. Фотография. 1930-е годы.

Ил. 46. Мартин Бубер. Фотография. 1930-е годы.

Ил. 47. Папа Пий XI. Фотография. 1930-е годы.

Ил. 48. Вяч. Иванов в Сан-Ремо. Фотография. 1933. РАИ (Рим).

Ил. 49. На лекции Вяч. Иванова «Установки современного духа» на «Литературных понедельниках» в Сан-Ремо. Фотография. 1933. РАИ (Рим).

Ил. 50. Вяч. Иванов в Сан-Ремо. Фотография. 1933. РАИ (Рим).

Ил. 51. *Слева направо*: Вяч. Иванов, Ф.Ф. Зелинский и В.Ф. Зелинская на Форуме. Фотография. Рим, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 52. Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Фотография. 1937 (?). РАИ (Рим).

Ил. 53, 54. Вяч. Иванов у М. Бодмера. Фотография. 31 октября 1934. РАИ (Рим).

Ил. 55–59. Вяч. Иванов у М. Бодмера. Фотография. 31 октября 1934. РАИ (Рим).

Ил. 60–62. Вяч. Иванов, Л.В. и Д.В. Ивановы. Фотография. Давос, конец 1920-х годов. РАИ (Рим).

Ил. 63–65. Вяч. Иванов, Л.В. и Д.В. Ивановы. Фотография. Рим, 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 66. *Слева направо*: О.А. Шор, Вяч. Иванов и С.А. Ильницкий. Фотография. 1930-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 67. О.А. Шор. Фотография. 1932. РАИ (Рим).

Ил. 68. Л.В. Иванова. Фотография. 1931. РАИ (Рим).

Ил. 69. Л.В. Иванова. Фотография. Рим, вторая половина 1920-х годов. РАИ (Рим).

Ил. 70. Стол Вяч. Иванова. Фотография Ю. Богатовой. 2015. РАИ (Рим). На столе можно увидеть слепок руки Вяч. Иванова, на шкафу в правом верхнем углу – бюст Вяч. Иванова работы Р. Рёсслера.

Ил. 71. Вяч. Иванов на Авентине. Фотография. Рим, конец 1930-х годов. РАИ (Рим).

Ил. 72. Вяч. Иванов в кабинете на Авентине. Фотография. Рим, 1942. РАИ (Рим).

Ил. 95. Фонтан Диоскуров на Квиринальском холме (Рим). Худ. А.Я. Белобородов (1886–1965). Год неизвестен. РАИ (Рим).

Ил. 96. Светомир. Худ. Эрик Прен (1894–1985). Картон, масло. 1960-е годы. РАИ (Рим).

Ил. 97. Катакомбы Домитиллы. Рим. Фотография, 2010-е годы.

Ил. 98. Папский Восточный институт, в котором Вяч. Иванов работал в 1936–1940-е годы. Фотография. Рим, 2010-е годы.

Ил. 99–101. Фрески церкви Св. Георгия в Rhäzüns, XIV в. (Швейцария). Фотография, 2010-е годы. Альбом с фресками этой церкви Вяч. Иванов получил в апреле 1930 г.

Ил. 102. Фреска церкви Св. Георгия в Rhäzüns, XIV в. (Швейцария). Фотография, 2010-е годы.

Ил. 103. Вяч. Иванов. Худ. Марио Ачерби (1887–1982). Сангина. Первая половина 1930-х годов. РАИ (Рим). Публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

Сказание старца-инока

Подготовка текста О.Л. Фетисенко

ДОПОЛНЕНИЯ

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

Сказание старца-инока

Стихотворения.

Наброски, планы, подготовительные материалы

Подготовка текста О.Л. Фетисенко

СТИХОТВОРЕНИЯ

НАБРОСКИ, ПЛАНЫ, ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Иванов Вяч.

Повесть о Светомире царевиче / Изд. подгот. А.Л. Топорков, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкин. — М.: Ладомир: Наука, 2015. — 824 с., ил. (Литературные памятники).

ISBN 978-5-86218-532-4

«Повесть о Светомире царевиче» — последнее крупное произведение выдающегося поэта-символиста и мыслителя Вяч. Иванова (1866—1949), созданное в период его итальянской эмиграции (1928—1949 гг.). Сочинение стилизовано под средневековую повесть или житие и пронизано сказочными и легендарными мотивами, считается одним из наиболее выдающихся произведений русской литературы XX в.

Повесть печатается на основе рукописей, сохранившихся в Римском архиве Вяч. Иванова. Впервые публикуются ранние наброски и планы, варианты из черновых редакций.

Как и принято в серии «Литературные памятники», том включает обстоятельные статьи, исчерпывающие научные комментарии, «Основные даты жизни и творчества Вяч. Иванова». В статьях восстановлены творческая история повести, ее литературный контекст и художественная природа. В комментариях выявлены сложные подтексты произведения, в частности, пласт эзотерической, каббалистической и гностической символики.

В издании представлены уникальные изобразительные материалы из Римского архива Вяч. Иванова.

Научное издание

Вячеслав Иванов

ПОВЕСТЬ
О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ

Утверждено к печати
Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»

Редактор *П.А. Макарова*

Корректор *О.Г. Наренкова*

Компьютерная верстка и препресс
О.Л. Кудрявцевой, А.П. Зарубина

ИД № 02944 от 03.10.2000 г. Подписано в печать 13.10.2015 г.
Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль».
Печ. л. 51,5. Тираж 1000 экз. Зак. №

Научно-издательский центр «Ладомир»
124681, Москва, ул. Заводская, д. 4
Тел. склада: 8-499-729-96-70
E-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ООО
«Красногорский полиграфический комбинат».
107140, г. Москва, 1-й Красносельский пер., д. 3

ISBN 978-5-86218-532-4